

Министерство образования и науки РФ
Комиссия по славянской фразеологии
Международного комитета славистов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Научно-образовательный центр когнитивной лингвокультурологии

**КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ФРАЗЕОЛОГИИ СО СМЕЖНЫМИ ДИСЦИПЛИНАМИ**

Сборник научных трудов
по итогам 3-й Международной научной конференции
(Белгород, 19-21 марта 2013 года)

Белгород
2013

УДК 811.161.1'276
ББК 81.033
Ф 82

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Е.М. Маркова*
(Московский государственный областной университет);

доктор филологических наук, профессор *А.В. Полонский*
(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ответственный редактор:

Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук,
профессор *Н. Ф. Алефиренко*
(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ф 82 **Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами** : сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 520 с.

ISBN 978-5-9571-0654-8

В сборнике представлены исследования когнитивных факторов фразеологии, обусловленные её взаимодействием со смежными науками в свете лингвокогнитивистики, рассматриваются вопросы фразеологической семантики, проблемы русской паремиологии и афористики в рамках становления и развития концептосферы русской и славянской культуры, проблема соотношения внутренней формы и концептуального содержания фразем различных структурно-семантических типов. Отдельный блок посвящен лингводидактическим аспектам использования фраземики при изучении различных разделов языка.

УДК 811.161.1'276
ББК 81.033

ISBN 978-5-9571-0654-8

© Белгородский государственный
национальный исследовательский университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ СО СМЕЖНЫМИ ДИСЦИПЛИНАМИ.....	8
<i>Мокиенко В. М.</i> КОГНИТИВНОЕ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОЕ В КОГНИТИВНОМ	8
<i>Харри Вальтер</i> НЕМЕЦКОЕ СЕРДЦЕ И РУССКАЯ ДУША: ДВЕ ВЕЩИ СОВМЕСТНЫЕ?	14
<i>Георгиева С. И.</i> ИСТОРИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ	20
<i>Хайруллина Р. Х.</i> ЯВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОМПРЕССИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ	25
Раздел I. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ СУЩНОСТЬ КОГНИТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДЫ	29
<i>Алефиренко Н. Ф., Аглеев И. А.</i> КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА И ФРАЗЕМОСЕМИОЗИС	29
<i>Арсентьева Е. Ф., Семушина Е. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ РАСШИРЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ	32
<i>Арьшева А. Ю., Катъшев П. А.</i> КОЛЛОКАЦИИ ИСТЦА И ОТВЕТЧИКА В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ.....	36
<i>Бабушкин А. П.</i> «ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ» В ДЕНОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	40
<i>Венжинович Н. Ф.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР КОГНИТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	43
<i>Воронкова О. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА	46
<i>Декатова К. И.</i> КОГНИТИВНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ АДЪЕКТИВНЫХ НЕАППЛИЦИРУЕМЫХ ИДИОМ РУССКОГО ЯЗЫКА	50
<i>Дехнич О. В.</i> ИДИОМА, ИДИОМАТИКА И ПРОЗРАЧНОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ..	53
<i>Жаналина Л. К.</i> ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ	57
<i>Жунусова Ж. Н.</i> ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОРПУСЕ КОМПЛЕКСНЫХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ.....	67
<i>Золотых Л. Г.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И СЕМИОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КУЛЬТУРЫ	70
<i>Комарова З. И, Запелова Л. А.</i> КОГНИТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ С ФИЛОСОФИЕЙ, ЛОГИКОЙ, НАУКОВЕДЕНИЕМ И ОБЩИМ ЯЗЫКОЗНАНИЕМ.....	75
<i>Левицкий А. Э.</i> АНГЛИЙСКАЯ ИДИОМАТИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ	81
<i>Малюга Н. Н.</i> УКРАИНСКИЕ ПАРЕМИИ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ДИАХРОНИИ.....	85
<i>Манчев В. С.</i> РУССКИЕ И БОЛГАРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «ПИЩА».....	89
<i>Маркова Е. М.</i> ХЛЕБ ДА КАША – ПИЩА НАША (СМЫСЛОВОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНИХ НАЗВАНИЙ ПИЩИ СЛАВЯН ВО ФРАЗЕОЛОГИИ)	94
<i>Остапович О. Я.</i> ИДИОМАТИКА СЛАВЯНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ. МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ» И «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА»	97
<i>Попова З. Д.</i> ФРАЗЕОЛОГИЯ В КРУГУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН	102
<i>Приходько А. И.</i> ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ	106
<i>Ракитина С. В.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ	109
<i>Ромашина О. Ю.</i> КОНТРАСТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ЛАКУНАРНОСТИ И ПЕРЕВОДИМОСТИ	112
<i>Садькова А. Г., Шангараева Л. Ф.</i> К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ	116
<i>Саппа Н. Н.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОПРАВДАНИИ НАРУШЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ	119
<i>Саяпова Г. З.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАКУНАРНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН	122

Семенов Н. Н. ПРОБЛЕМА ФРАЗЕОПАРЕМИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЖАНРОВОГО И ЯЗЫКОВОГО СТАТУСА РУССКИХ ПОВОРОК	125
Столбовая Л. В. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ.....	129
Федюнина И. Э. КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ	134
Раздел II. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ С ЛЕКСИКОЛОГИЕЙ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕМ	138
Араева Л. А. ЖИВОЙ РОСТОК БЕСКОНЕЧНОЙ ОПРЕДЕЛИМОСТИ	138
Балашова Е. Ю. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЕГМЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «НАДЕЖДА» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	144
Бобровская Г. В. «ВОЛНЫ КРИЗИСА» В ИНФОРМАЦИОННОМ МОРЕ: ФРАЗЕМИКА И ДРУГИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «КРИЗИС»	148
Боднар И. М. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ КОНЦЕПТА СФЕРЫ «ОБРАЗОВАНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	151
Головинова В. В. ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЯ С ФИЗИЧЕСКИМИ ТЕРМИНАМИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА.....	156
Голубева Е. В. ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА В КАЛМЫЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ.....	160
Григорьева Е. А. КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ПАРЕМИЙ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «FAILURE»	163
Задорожная И. П., Евчук А. Н. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ МНОГОЗНАЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	168
Зыбина Н. П. СЕМАНТИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АГНОНИМОВ РЯДОВЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА.....	171
Илюхина Н. А. ИНТЕГРАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ НА БАЗЕ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПТА.....	175
Карпенко Е. И. ПОЧЕМУ БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА: РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ОДНОМ АРХЕТИПИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ.....	180
Касьянова Л. Ю. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В НЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	185
Князь (Сотова) Т. Н. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ	189
Космачева О. Ю. ЗАГОЛОВОК КАК ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ	193
Кошарная С. А., Маслов А. С. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗООНИМНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ	197
Крюкова Н. А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ СО СЛОВАМИ ОКРУЖЕНИЯ	203
Курьева И. А. ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	208
Лаптева М. Л. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ СТИМУЛЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА АМЕРИКИ	212
Лисова Е. Ю. ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	215
Маслова Ю. В. СМЫСЛОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОЛОРАТИВОВ В ИДИОМАТИКЕ РОК-ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	218
Пожидаев Р. А. ВНЕЯЗЫКОВЫЕ ЗНАНИЯ КАК СМЫСЛОВАЯ БАЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМА И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ	223
Продан Ю. П. ТЕРМИНЫ-ФРАЗЕМЫ В СЛОВАРНОМ ОПИСАНИИ	226
Садыхова Г. Р. О ВЗАИМОВЛИЯНИИ РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ИСТОЧНИКОВ НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЯЗЫКА	232
Скаб М. В., Скаб М. С. ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПОТЕНЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	234
Соболева Н. П. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ	239
Соколова Т. С. СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В САКРАЛЬНОМ И ПРОФАННОМ АСПЕКТАХ	243

Степанова Л. И. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ	246
Ткаченко Е. В. ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ УКРАИНЦЕВ В СВЕТЕ УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	250
Фэнин Юй АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ КРУГЛЫЕ ГЛАЗА.....	254
Хабарова Н. А., Зирка В. В. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ	257
Харченко В. К. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ	260
Цветашева Е. Н. ЧТО НАШЕ ВРЕМЯ – ДНИ И ГОДЫ: МИФОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ «ТЕМПОРАЛЬНОЙ» ФРАЗЕОЛОГИИ	264
Шарманова Н. Н. ПАРЕМИОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ: ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КЛИШЕ	268
Шевченко Е. М. КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ПУТЕШЕСТВИЕ»	272
Юрина Е. А. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ	276
Раздел III. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ГРАММАТИКИ	281
Авдеева О. И. СИНТАГМАТИКА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ.....	281
Бурцев В. А. СВЯЗОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ КАК ФРАЗОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ.....	285
Галло Я. ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ	290
Григораш А. М. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ – ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЯХ	293
Дидковская В. Г. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ	298
Лычук М. И. ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ: АНАЛОГИЯ И ПОЛЯРНОСТЬ.....	302
Путьнина Е. В. ФРАЗЕООБРАЗУЮЩАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ ЛОКАТИВОВ.....	305
Ракова К. И. РЕАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.....	310
Рядинская О. П. ФРАЗЕОЛОГИЯ И СИНТАКСИС: ПАРЕМИИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	313
Сафонова А. А. РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В РАЗВИТИИ НАРРАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ.....	316
Сафонова С. С. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОМОДЕЛИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ РЕЛЯЦИОННЫЕ И КАУЗАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	319
Раздел IV ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНЫЕ ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ЛИНГВОПОЭТИКИ.....	324
Абрамец И. В. МЕСТО И ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИКЕ А.БЛОКА.....	324
Батурина Е. Н. ФРАЗЕОЛОГИЗМ НА ПОКОЙ В КОНТЕКСТЕ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	329
Бондарь А. В. РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА.....	331
Габитова У. У. ПРИЕМЫ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	336
Голованева М. А. КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АФОРИЗМА В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ДРАМЫ КОНЦА XX ВЕКА.....	339
Жуманбекова Н. З. ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ.....	342
Коренева Ю. В. ЛИНГВОКОНЦЕПТ «СВЯТОЙ» В АГИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ И СЛОВО СВЯТОЙ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА.....	346
Озерова Е. Г. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СИСТЕМЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ РУССКОГО ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА... ..	349
Осадчая М. Н. ДИСКУРСИВНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ В РЕФЛЕКСИВНЫХ КОНТЕКСТАХ	354

Плотникова Л. И., Киреева Ю. Н. СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕМ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ В. ТОКАРЕВОЙ.....	358
Плужникова Д. М. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ЛИРИКЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ	360
Стручалина Г. В., Чумак-Жунь И. И. КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ	363
Чумак-Жунь И. И., Попкова Д. А. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. С. ВЫСОЦКОГО ...	366
Хриптулова Т. Н. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Н. И. ТРЯПКИНА.....	370
Шевченко Н. М. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ М. ЦВЕТАЕВОЙ.....	373
Ярошук И. А. КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕМ	377
Раздел V КОГНИТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЛИНГВОПРАГМАТИКА	383
Аглева З. Р. КОММУНИКЕМЫ КАК ПРАГМЕМЫ	383
Артеменко Г. С. ЛОГИЧНОЕ / АЛОГИЧНОЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ	386
Артемова О. А. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	390
Бабушкина О. Н. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ ФРАЗЕОЛОГИИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ.....	396
Волошкина И. А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ: КОГНИТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	401
Демидкина Е. А. ОТРАЖЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ЖИЗНИ»	406
Денисенко С. Н., Тараба И. О., Хант Г. О. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ КАК АККУМУЛЯТОР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ.....	410
Дьяченко Т. Д. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КЛЮЧЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ «ДЫХАНИЕ»	413
Евсеева И. В., Ростова М. Л. ЖЕСТОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЭМОЦИЙ ЧЕЛОВЕКА	417
Евсеева И. В., Пономарева Е. А. КОНЦЕПТЫ «HEART» И «СЕРДЦЕ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРИЗНАКОВОГО ПОДХОДА	420
Калёнова Н. А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕМИКИ С ДРУГИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА.....	424
Крысенко Т. В., Суханова Т. Е. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ	428
Лаппо М. А. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СОЦИАЛЬНОГО ВЕСА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	431
Лызлов А. И. ОБ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКЕ КОНЦЕПТОВ «ДРУГ» И «ВРАГ» В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	436
Ничипорчик Е. В. ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В ПАРЕМИКЕ.....	439
Огнева Е. А. КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» КАК АТТРАКТОР ПОЗИТИВА В КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА.....	443
Печеникова Л. Н. УКРАИНСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА	447
Селиверстова Е. И., Цэн Кунь-цзяо РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С ЗООСЕМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ	451
Сизова Ю. О. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Р. Л. СТИВЕНСОНА.....	456
Симоненко Е. И. ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПРАГМАТИКА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	460

Скокова Т. Н. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЛЯТИВНОСТЬ И ИДИОМЫ КАК СРЕДСТВО ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ	463
Стебунова К. К. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	468
Тищенко О. В. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОВЕСТИ В КРУГУ СОЦИО-ОЦЕНОЧНЫХ КОНЦЕПТОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	472
Феттер С. А. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА “LONELINESS” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	476
Чекулай И. В., Прохорова О. Н. ЛЕКСЕМА «ОГОНЬ» В КОГНИТИВНО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ	480
Шипицына Г. М. ЯЗЫКОВЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ	486
Раздел VI ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ В СВЕТЕ КОГНИТИВИСТИКИ	489
Корнейко Е. А., Новикова Т. Ф. ТОПОКОНЦЕПТЫ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРИФРАЗЫ КАК ЕДИНИЦЫ РЕГИОЛЕКТА И ИХ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	489
Озерова Е. Г., Шевелева М. Ю. ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА	493
Самосенкова Т. В. КРУГОВОРОТ «ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЭТНОСОВ	496
Стеванович Р. И. ОТРАЖЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОДИРОВАНИЯ ОПЫТА И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ЭВРИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	499
Шетэля (Szetela) В. М. ПОЛЬСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В КУРСЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА (ПРОФИЛЬ: ПОЛОНИСТИКА) МОСКОВСКОГО ВУЗА	504
Шинделаржова Я. КАРТИНА МИРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ С ЛИНГВОДИДАКТИКОЙ	507
Анна Пеянович. БОГ И ЧЕРТ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	514

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ СО СМЕЖНЫМИ ДИСЦИПЛИНАМИ

Мокиенко В. М.

КОГНИТИВНОЕ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОЕ В КОГНИТИВНОМ
(аспекты взаимодействия)

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет
mokienko40@mail.ru

Тема нашей Международной фразеологической конференции в гостеприимном Белгороде весьма актуальна и знаменательна. Актуальна она, как и две предыдущие конференции когнитивного направления, уже потому, что проводятся представителями известной фразеологической школы, возглавляемой проф. Н. Ф. Алефиренко. Знаменательна потому, что уже само ее название – «Когнитивные основы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами» сигнализирует о новом этапе развития фразеологической когнитологии или когнитологической фразеологии.

Не будем скрывать: на начальном этапе развития когнитологии как самостоятельной лингвистической дисциплины А. Вежбицкая и ее последователи стремились подчеркнуть именно эту самостоятельность, выделить (если не отделить) когнитологию и из традиционной семасиологии, и из традиционной лексикологии и фразеологии. Подчеркивая семантическую компликативность когнитологии и дву- или даже триединство концепта как абсорбатора культурологической информации, национальной и языковой маркированности, когнитологи многоканально отстаивали право на инновативность своей дисциплины.

И действительно: когнитология, которой и мы, фразеологии, интенсивно занимаемся уже более 20 лет, стала достаточно полезным этапом нашей лингвистики. Полезность этого этапа заключается, несомненно, в том, что мы, когнитивисты самого разного толка (в смысле различных толкований термина *концепт*), вновь повернули современную лингвистику к древней, как языковедческий мир, проблеме – проблеме взаимосвязи и взаимодействия языка и окружающей действительности, языка и культуры, *Wörter und Sachen*. Жаль, однако, что при этом многие когнитологи, увлекшись кажущейся инновационной ипостасью своей дисциплины, почти полностью игнорировали то, о чем уже давным-давно писали их предшественники. Да, конечно, – ссылки на А. Гумбольдта у когнитивистов звучат лейтмотивом, переходя из одной штудии в другую как магическое заклинание. Не игнорируются и имена теоретиков общего языкознания или таких знаковых ныне исследователей, как Дж. Лакофф (фамилию которого, кстати, по-русски правильнее воспроизводить как Лейкофф). Но признаемся, положила руку на сердце: где в этих работах упоминание о трудах таких первооткрывателей *языковой картины мира*, как Ян Амос Коменский с его «*Světém v obrazech*»? Где ссылки на мощное и популярное еще столетие назад направление анализа языка под углом взаимодействия «Слова и вещи»? Где хотя бы глухие ссылки на теорию и практику *семантического поля* Й. Трира? или детализированную разработку *тематических групп* и *идеографических рядов* в лексике и фразеологии? Где, наконец, хотя бы аллюзии на весьма близкое – если не сказать тождественное – наше отечественное направление русистики *лингвострановедение*, доминантой которого является именно то, что многие когнитивисты выдают за инновацию – взаимодействие «Язык и культура»? А ведь массовое увлечение лингвострановедением в 70-е – начале 90-х годов, собственно, не во многом отличается по этой доминанте от того, что делают за последние двадцать лет когнитивисты. Понятно, можно возразить: у лингвострановедов взаимодействие языка и культуры было дидактически нацеленным, в то время как когнитивисты его возвели на почти недостижимую теоретическую, общелингвистическую высоту... Может быть, и так. Но любой «перебор» высоты – особенно с места в карьер грозит опасностью падения с нее.

Не случайно уже на самом раннем этапе развития когнитологии некоторые из нас, лингвистов, весьма прямолинейно предупреждали о такой опасности и констатировали, что декларируемая А. Вежбицкой и ее последователями инновативность поисков языковой картины мира не нова. Так, петербургский теоретик общего языкознания профессор

Вадим Борисович Касевич в статье «О когнитивной лингвистике» весьма аргументировано доказывал, что о когнитивной теории как отдельной и особой науке говорить проблематично, ибо изначально языкознание было связано с теорией и практикой познания и без семантики не существовало (Касевич, 1998).

И вот, спустя 20 с лишним лет, мы, когнитологи, покаянно возвращаемся к этой констатации В. Б. Касевича. Важно, что об этом открыто заявляет сейчас один из ведущих когнитологов, глава Волгоградской и Белгородской фразеологических школ, организатор нашей сегодняшней конференции Н. Ф. Алефиренко. Я имел удовольствие совсем недавно, на конференции в октябре 2012 года в Томске, прослушать проблемный и программный доклад Н. Ф. Алефиренко, где ученый (во всяком случае в устном варианте своего пленарного доклада) открыто признал, что когнитология как новое направление лингвистики топчется на месте, переживает глубокий кризис, путаясь в терминологических разночтениях и воспроизводя саму себя. И не случайно заключительным аккордом его доклада стала констатация, что первоочередной задачей настоящего периода развития когнитивизма становится возвращение (пусть и на новом методологическом уровне) к «общепринятым фактам» традиционной лингвистики. «Хотя признание этноязыкового своеобразия фразем в каждом из национальных языков стало общепринятым фактом, – подчеркивает известный белгородский фразеолог, – методы его обнаружения должны стать для когнитивной фразеологии первоочередной задачей» (Алефиренко, 2012: 56). Этот честный, хотя и нелюбимый диагноз, собственно, и вызвал к жизни тему нашей сегодняшней Белгородской конференции.

Quo vadis? Камо грядеши? Куда мы идем? – вот главный вопрос, который мы, фразеологические когнитологи, задаем себе сейчас.

Вот почему тема взаимодействия когнитологии со смежными дисциплинами, вынесенная в название Белгородской конференции, знаменательна и перспективна. Не разрыв и тем более отрыв от других дисциплин, но, наоборот, тесное взаимодействие с ними – путь к выходу из тупика, перспектива потенциально возможной ревитализации когнитологии.

Действительно, когнитология способна преодолеть кризис, лишь открыв – причем широко – объятия другим дисциплинам языкознания. Взаимодействие с самыми разными из них и будет в Белгороде – одном из оплотов когнитологии, многоаспектно обсуждаться в поисках выхода из кризиса.

Присоединяясь к многоголосию коллег-фразеологов, остановлюсь на трех дисциплинах, взаимодействие с которыми, как кажется, может стать для нашей когнитологии целительным: культурология, историческая фразеология и сопоставительная (resp. конфронтативная) лингвистика. Разумеется, данные всех этих дисциплин так или иначе, во всяком случае некоторыми когнитивистами, пускались в оборот при когнитивном анализе фразеологии. Однако, привлечение таких данных, как правило, оказывалось спорадическим, противоречивым и поверхностным, о чем мне приходилось уже не раз писать (Мокиенко, 2008, 2010, 2012 и др.). Обычно факты, добытые культурологами, этимологами и конфронтологами, берутся в когнитологии без аргументации их достоверности, неразборчиво – в угоду того или иного теоретического постулата, выдвинутого конкретным автором. Это – в лучшем случае, в худшем же (и, к сожалению, отнюдь не редком) вся эта междисциплинарная триада просто-напросто игнорируется.

Известно, что пробным камнем достижений лексикологии и фразеологии являются словари. В лексикографическом преломлении наиболее ярко проявляются достоинства и недостатки той или иной отрасли лингвистики. В этом смысле «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телия (БСФРЯ, 2006) и «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых (2008) – достойный полигон, на котором когнитологи и начали недавно испытывать взаимодействие когнитологии с другими, смежными дисциплинами (Мокиенко, 2010а).

Рассмотрим, как в этих словарях представлено взаимодействие интересующей нас междисциплинарной триады. Нельзя отрицать, что составители двух названных словарей достаточно внимательны к диахроническому фону описываемой ими с когнитивистских позиций фразеологии. Такой фон, собственно, и является своеобразным лингвокультурологическим «трамплином» для развертывания различного рода концептуальных информационных, предлагаемых читателю. Но хотя подход к историко-этимологической ипостаси опи-

сываемых ФЕ в обоих словарях в принципе близок, реальное ее воплощение в словарные статьи обнаруживает немалое различие.

1. Бросаются в глаза **разночтения в выборе этимологических версий**: если в словаре под редакцией В. Н. Телия обнаруживается тенденция при двух и нескольких интерпретациях внутренней формы ФЕ излагать их, подчеркивая затем предпочтительность и аргументированность наиболее убедительной из них, то Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых избирают обычно «однолинейную» позицию, стремясь кодифицировать то или иное историко-этимологическое толкование как единственное. Типичный пример – интерпретация фразеологизма *точить лясы*.

Отмечая, что это выражение возникло, видимо, гораздо раньше XVIII в. и потому является древнерусским, авторы словаря принимают нашу историко-этимологическую расшифровку (БМС, 1998: 356-359), в соответствии с которой оно восходит к общеславянскому корню **las-* (resp. **luzg-* / *lyzg-* / *lusk-* / *lysk-*) и его диалектным глагольным лексемам *лясить* и *лясничать* «рассказывать о былом и небылицах», «балагурить», «льстить», «говорить пустяки». Глагол же *точить (точать)* здесь значил «источать какую-л. жидкость», а переносно – «источать слова, говорить». Не обходят стороной составители и традиционного объяснения В. В. Виноградова, возводившего выражение к профессиональной речи в значении «вытачивать узорные фигурные столбики перил» (ср. *балясы* и *лясы* «резные украшения некоторых частей здания, перил» от итал. *balaustrgo* и пол. *balaś* «столбик, точеные перильца»). При этом авторы недвусмысленно подчеркивают, что вторая версия «менее убедительна, т. к. связь фразеологизма с *балясы*, *балясина* «резной или точеный столбик», укр. *баляси* «перила» вторична, она вызвана народно-этимологическими ассоциациями. Таким образом, культурный смысл фразеологизма следует охарактеризовать с опорой на первую этимологию. Образ фразеологизма воспринимается на фоне традиционно отрицательного отношения к болтливости, отчего фразеологизм в целом играет роль стереотипного представления о болтовне, пустословии» (БСФРЯ, 2006: 698).

В словаре Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых о первой, собственно лингвистической версии, ничего не сообщается, зато толкование В. В. Виноградова популярно излагается с яркими культурологическими подробностями: «На Волге издавна славились семеновские балясники. Из осиновых плах выделывали они фигурные балясины для украшения перил, балконных поручней, оконных рам, оград. Работа эта считалась сравнительно легкой и несерьезной: вытачивать столбики, резать из них безделушки, головки зверей, петушков, вазы, кувшинчики – это не дом поставить. Балясники украшали затейливой резьбой, фантастическими змеями и драконами волжские суда. Постепенно этот промысел исчез, но память о балясниках осталась в живой речи. Веселыми были они говорунами: точили балясы (или лясы) и пели, вели бойкий, шутливый разговор. Отсюда и пошло выражение *точить лясы*» (Алефиренко, Золотых, 2008: 219). Благодаря художественности такого описания народно-этимологическое толкование оборота приобретает, по словам составителей, статус «обыденной лингвокультуры».

При таком подходе, как видим, вопрос о лингвистической доказуемости диахронической информации, сокрытой в исходном образе фразеологизма, становится нерелевантным.

2. Нередко и составители фразеологического словаря под ред. В. Н. Телия оставляют вопрос о доказательности историко-этимологической реконструкции ФЕ открытым. Таков, например, комментарий к выражению *гонять лодыря* (БСФРЯ, 2006: 363 – автор статьи М. Л. Ковшова):

«Выражение образовано развертыванием глаг. *гонять* в глагольно-именное сочетание с акцентом на существительное» (Мелерович, Мокиенко, 2001: 346, 347). См., напр., фразеологизм с данным значением в русской диалектной речи: *гонять симулянта*, *гультая гонять*, *слонов гонять*, *знать непутницу*, *беспутного гонять*, *моргу гонять*; в белорусском языке: *панства паганяць*; в украинском языке: *байдаки гонити* и др. По др. версии, происхождение фразеологизма связывают с московским врачом Христианом Ивановичем Лодером, прописывавшим больным оздоровительную ходьбу» (там же: 346.).

Здесь составители, как видим «уравнивают» лингвистическую и народно-этимологическую версию, хотя большая вероятность первой в нашем словаре обеспечивается конкретным языковым материалом. И об этом мы в своем словаре пишем с максимальной однозначностью: «Выражение народное, образованное сочетанием нарицательного сущ. *лодырь* «бездельник» с глаг. *гонять*. Ассоциация же с московским врачом *Лодером* – ти-

пичный историко-этимологический анекдот, не имеющий отношения к первичному образу оборота» (БМС 2005, 397). Но причины, подтолкнувшие составителей «Большого словаря...» под ред. В. Н. Телия к такой «уравниловке» понятны: ведь на когнитологическом уровне и то, и другое толкование может быть признано самодостаточным, поскольку «совокупность компонентов фразеологизма соотносится с антропным, т. е. собственно человеческим, кодом культуры» (БСФРЯ, 2006: 363). Более того – можно предположить, что второе, народно-этимологическое толкование авторам словаря более подходит, поскольку оно ярче и образнее вписывается в когнитологически очерченный «собственно человеческий код культуры». Это недвусмысленно подчеркивают и сами составители: «Образ фразеологизма создается метафорой, уподобляющей внешне активное, энергичное, но безрезультатное, бессмысленное занятие безделью» (там же).

Еще определеннее этот когнитивный код очерчивается в словаре Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых. Отвергая не только прозрачные ассоциации, вытекающие из значения компонентов этого фразеологизма, но и этимологическую привязку к немецкому по происхождению слову *лодырь*, составители заостряют внимание читателя на яркой (как обычно бывает с народно-этимологическими легендами) истории, якобы ставшей сюжетом нашего выражения:

«Выражение на слуху и кажется достаточно прозрачным по своему значению. Его смысловым стержнем является имя существительное *лодырь*. Оно только на первый взгляд кажется исконно русским. А на самом деле – заимствованное из немецкого. Немцы, муштровавшие русских подмастерьев или управлявшие помещичьими имениями (русские помещики очень ценили немецкую дисциплину и порядок). В старых немецких говорах *лоддэр* (современное – *lotter*) значило 'бездельник'. Такое объяснение было бы убедительным, если бы не вопрос: почему такая странная сочетаемость слов, ведь гонять никак не ассоциируется с бездельем. Наоборот, гонять – значит заставлять что-л. делать! Сочетание этого существительного с глаголом *гонять* связывают с деятельностью в начале XIX в. московского врача Христиана Ивановича Лодера, который лечил (гонял!) больных от ожирения прогулками по своему саду быстрым шагом» (Алефиренко, Золотых, 2008: 209-210).

3. Одним из последствий (а может быть, и причин) некоторой неразборчивости при использовании историко-этимологической информации в словарях когнитологического типа является игнорирование сопоставительного материала из других языков либо лишь спорадическое обращение к ним. Стремление «руссифицировать» фразеологические европеизмы вытекает из заданного еще А. Вежбицкой импульса специализировать, отделить русскую картину мира от европейской, придать ей какой-то особый, утрированно национализированный колорит. И эта тенденция находит свое активное отражение в двух интересующих нас словарях.

Вот как Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых интерпретируют в когнитивном ключе оборот *обводить / обвести вокруг (кругом) пальца кого* 'ловко, хитро обманывать':

«Возникновение фраземы связано с жульничеством. Базарные жулики любили устраивать потешный лохотрон. Брали у одного из зрителей какой-нибудь предмет и начинали водить им вокруг пальца. В это время его товарищи очищали сумки ожидающих чуда зевак» (Алефиренко, Золотых 2008: 274).

Уже само жаргонное слово *лохотрон*, употребленное в расшифровке выражения, навеивает ассоциации с современными русскими мошенниками и переносит нашу образную фантазию на широкие просторы «лохотронной» России. Однако, это старое выражение, зафиксированное и охарактеризованное В. И. Далем, далеко от современной индустрии отечественного обмана. Объяснение, предлагаемое составителями когнитологического словаря, – не единственное, а лишь одно из четырех. Причем если три из них исходят из собственно русских мошеннических реалий, то четвертое объяснение, начиная с М. И. Михельсона, уже ориентировано на европейские параллели (БМС, 2005: 510). И действительно, наш оборот зафиксирован в русском языке лишь с XVIII в. Вероятно, он – калька с нем. *um den [kleinen] Finger wickeln können* (букв. смочь обмотать вокруг маленького пальца мизинца) – 'ловко обмануть', *sich um den [kleinen] Finger wickeln lassen* (дать себя обмотать вокруг пальца мизинца) – 'дать себя легко провести, обмануть'. В его основе – образ безвольного человека, которого из-за его податливости и уступчивости можно полностью подчинить – с такой же легкостью, с какой вокруг пальца обматывают («обводят») нитку или травинку (Röhrich, 1991: 447).

Как видим, точный по структуре и семантике параллелизм русского и немецкого выражений, хронология их фиксации и другие чисто языковые детали делают предположения о его исконно русской «лохотронной» сущности вторичными. Бесспорно, и они могут внести определенный вклад в нашу когнитологию, но тем не менее – скорее на уровне «герменевтики по-русски» в духе В. Айрапетяна (2001), т. е. не скованного языковыми закономерностями народно-этимологического потока сознания.

4. Следует признать, что сопоставление с другими языками не всегда приносит бесспорную констатацию об иноязычном происхождении русского выражения. Однако и в таких случаях, как кажется, образный параллелизм русского и иноязычного фразеологизма позволяет элиминировать утверждение об уникальности, национальной специфичности первого. Типичный пример – выражение *ездить зайцем* ‘ездить в общественном транспорте без билета’. Вот так с когнитивистских позиций толкуют его Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых (Алефиренко, Золотых, 2008: 135): «Существует несколько искаженное представление о связи между безбилетным проездом и поведением зайца. Заяц, по общему представлению, – трусишка, постоянно дрожит от страха, и значит, так же, как робкий заяц, дрожит и безбилетный пассажир, опасаясь, что его обнаружат, оштрафуют, а то и высадят. В действительности такая смысловая связь между зайцем и безбилетником – вторичная, то есть более поздняя. В большей мере в основе этого образного сравнения лежали такие свойства зайца, как проворство, прыгучесть, скорость бега.

Появилось выражение в конце XIX в. Поезда в те времена ходили очень медленно, и безбилетнику ничего не стоило вскочить на ходу – при начале отправления поезда или спрыгнуть с подножки вагона – при подходе поезда к станции. Отсюда и появился образ «зайца» – ловкого, «прыгучего» безбилетника. «Зайцами» стали называть не только таких пассажиров, но и зрителей, проникших без билетов в цирк, театр, прошмыгнувших мимо контроля и затерявшихся в толпе зрителей».

Внимательно вчитываясь в эту историко-культурологическую расшифровку оборота, можно обнаружить некоторое противоречие в такой диахронической характеристике. С одной стороны, авторы квалифицируют его пометой *нов.*, с другой – утверждают, что оно «появилось... в конце XIX в.». Вторая констатация вернее, ибо оборот давно зафиксирован в произведениях А. П. Чехова, М. Горького, В. В. Вересаева, С. Н. Сергеева-Ценского и других, публиковавшихся в конце XIX – начале XX в., причем необычное для того времени выражение нередко сопровождалось пояснениями (напр., в рассказе А. П. Чехова «В вагоне»). О том, что оно не ново, как раз и свидетельствует параллель из французского языка, давно отмеченная в нашем словаре: «Выражение – калька с фр. *aller (voyager) en lapin*, где *lapin* – «кролик». Оборот содержит намек на то, что безбилетный пассажир боится быть пойманным и оштрафованным» (БМС, 2005: 240).

Принимая такой параллелизм, этимолог вправе (и даже обязан) углубиться и в историю иноязычного фразеологизма. Приведем такого рода справку из соответствующих источников:

Фр. *poser un lapin à qn.* прост. 1. ‘надуть, подвести кого-л.’, ‘не прийти на свидание’ (букв. положить кролика). «Согласно Л. Сенану, возникновение идиом связано с жаргоном кучеров почтово-пассажирских карет. Словом *lapin* они называли пассажиров, а также товары, которые перевозили тайком от своих хозяев. Вот почему «положить кролика» буквально означало ‘принять безбилетного пассажира или перевезти незаконный товар’. Второе значение идиомы, несомненно, является результатом дальнейшего переосмысления первого. К этому же источнику восходит фразеологизм *aller (voyager) en lapin*. прост. ‘ехать зайцем’. (Назарян, 1968: 157-158. Близкое к этому (Назарян, 1978: 94) выражение известно во французском языке с начала XIX века и употребляется широко в литературе (НБФРФС, 2005: 883), а *poser un lapin à qn.* восходит к аргю, где *un lapin* обозначало ‘неуплату за что-л.’ (напр., отказ вознаградить услуги проститутки). (Rey, Chantreau, 1997: 534-535).

Как видим, французская параллель вносит существенные поправки к культурологическому (resp. когнитологическому) комментарию рус. *ехать зайцем*, предложенному Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых: во-первых, хронологию появления этого оборота можно углубить почти на столетие; во-вторых, вместо русского «поездного» безбилетника в его образе вырисовывается уже более древний почтово-пассажирский «каретный» заяц. Разумеется, стопроцентному отождествлению русского *зайца* и французского «кролика» препятствует именно некоторое различие животных, образ которого запечатлен в соот-

ветствующих фразеологизмах. Но тождество переносной семантики и структуры не позволяет игнорировать такого параллелизма при когнитологическом комментировании рус. *ехать зайцем*.

5. Наконец, апеллируя к историко-этимологическому прочтению фразеологии в поисках объективной когнитивной информации, нельзя не подчеркнуть относительности многих диахронических комментариев. Они вызваны, с одной стороны, недостаточной разработанностью этого направления, с другой – эволюцией результатов историко-этимологического анализа фразеологии, введением новых фактов и расширением сопоставительных горизонтов.

Приведу в этом отношении самокритичный пример. В словаре под редакцией В. Н. Телия внутренняя форма выражений *закатать рукава* и *спустя рукава* (БСФРЯ 2006: 231, 654-655) объясняется с опорой на нашу с А. М. Мелерович расшифровку и связывается «с особым по крою верхней одежды в старину <...> с такими длинными, расширяющимися к концу рукавами, что они доходили до колен, а иногда и до самых пяток <...>. Делать что-л. с опущенными рукавами было невозможно <...>. При работе поэтому рукава засучивали» (Мелерович, Мокиенко, 2001: 623, 624).

Действительно, в нашем справочнике мы самой глоссой «в старину» даем повод для предположения о национальной маркированности выражений, т. е. говорим о собственно русской старине.

Такую «национальную» идентификацию выражения прямолинейно (без апелляции к нашему словарю) эксплицируют Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых (Алефиренко, Золотых, 2008: 333): «Зародилось это выражение в те далекие времена, когда русские носили одежду с очень длинными рукавами: у мужчин они достигали 95 см, а у женщин были еще длиннее – 130-140 см. Со спущенными рукавами работать было неудобно, так как они очень мешали. Отсюда и возникло выражение *спустя* (спустив) *рукава*. И наоборот, чтобы удобно было работать, рукава надо было засучить (завернуть кверху)».

Самокритично признаю, что этим «в старину» мы в какой-то мере усыпили интернациональную бдительность когнитологов, всегда ищущих повода для «национализации» собственно русской языковой картины. Но внимательное прочтение соответствующей словарной статьи в нашем словаре могло бы все-таки показать, что мы, его составители, все-таки осознаем его интернациональный характер. Вот та ее часть, которая была опущена составителями «Большого словаря»: «Выражение – не сугубо русское, хотя все популяризаторы подчеркивают его национальную специфику. Нем. *die Ärmel in die Höhe streifen (aufstreifen, hochkrempeeln)*, например, объясняют старинной модой носить длинные манжеты, мешающие работе (Röhrich 1, 1991, 101-2), причастная форма характерна для русского употребления идиомы, исторически закреплена, хотя в речи активны и формы **засучить рукава** (см.), **засучим рукава**, **засучил рукава** и т. п.» (Мелерович, Мокиенко, 2001: 623-624).

Как видим, здесь, подчеркивая все-таки интернациональную подоплеку русского выражения, мы не упускаем из виду и его национальной, собственно русской грамматической формы. Составители «Большого словаря...» приводят, правда, в ссылочном порядке немецкие параллели, но не акцентируют на них такого внимания, как мы с А. М. Мелерович, а Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых вообще выводят их за пределы когнитологического комментария. Но – повторим: *culpa nostra*, мы своей глоссой «в старину» все-таки «приглушили» европейскую параллель к русскому фразеологизму, в чем и несколько раскаиваемся.

Анализ двух фразеологических словарей когнитивного типа, созданных ведущими специалистами этого лингвистического направления, убедительно демонстрирует необходимость более тесного взаимодействия когнитологии с культурологией, исторической фразеологией и сопоставительной лингвистикой. Чем глубже и более доказуемо мы, диахронисты, будем погружаться во внутреннюю форму исследуемого нами фразеологизма, тем более объективны будут его когнитивные интерпретации и лексикографическое описание. Уже поэтому возможность обсудить актуальные проблемы нашего взаимодействия на III-й Международной фразеологической конференции в Белгороде перспективно своей будущей результативностью.

Литература

Айрапетян, В. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски / В. Айрапетян. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 484 с.

Алефиренко, Н. Ф. Предзнаковые формы мотивации фраземосемииозиса / Н. Ф. Алефиренко // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.: По материалам Международной научной конференции, посвященной 95-летию Томской школы русистики / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 51-56.

Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 472 с.

БМС – Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Под ред. проф. В. М. Мокиенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ – Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

БМС – Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Под ред. проф. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

БСФРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

Касевич, В. Б. О когнитивной лингвистике / В. Б. Касевич // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб, 1998. – С. 14-21.

Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. изд. 2-е / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: «Русские словари, Астрель», 2001. – 855 с.

Мокиенко, В. М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии / В. М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Международной научн. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд. БелГУ, 2008. – С. 13-26.

Мокиенко, В. М. Познание и культура в зеркале когнитивной и исторической фразеологии / В. М. Мокиенко // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Международной научной конференции (Белгород, 7-9 сентября 2010 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 8-20.

Мокиенко, В. М. Культурно значимые смыслы ФЕ как их историко-этимологическая ретроспекция (на материале Большого фразеологического словаря русского языка) под редакцией проф. В. Н. Телия) / В. М. Мокиенко // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук профессора Вероники Николаевны Телия. – Том. 1. Язык. Ментальность. Культура. – М.–Тула, 2010. – С. 224-231.

Мокиенко, В. М. Национально-культурный и когнитивный аспекты фразеологической номинации: общее и различное / В. М. Мокиенко // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 22-24 марта 2012 г.) / Под научн. ред. А. М. Мелерович. – Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 9-13.

Назарян, А. Г. Почему так говорят по-французски / А. Г. Назарян. – М.: Наука, 1968. – 349 с.

Назарян, А. Г. Идиоматические выражения французского языка. Пособие для учителей франц. яз. средн. школы / А. Г. Назарян. – М.: Просвещение, 1978. – 159 с.

Новый большой францужско-русский фразеологический словарь. Более 50 000 выражений / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова и др. / под ред. В. Г. Гака. – М.: Рус. яз. Медиа, 2005. – 1625 с.

Rey, A., Chantreau, Sophie. Dictionnaire des expressions et locutions. Éditées par les Dictionnaires le Robert / A. Rey, S. Dictionnaire. – Paris, 1997. – 1085 p.

Röhrich, L. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1-IV / L. Röhrich. – Feiburg-Basel-Wien, 1991-1993.

Summary. The author believes that phraseological cognitive science has entered a new phase of development. The survey of old and new research facilities, exploration of ways to further interaction of cognitive science, phraseology and related disciplines are given. The author analyzes the latest phraseological dictionaries, in particular, the relation in which the cognitive and lexicographic description is given there. This analysis reveals some questions to discuss.

Харри Вальтер

НЕМЕЦКОЕ СЕРДЦЕ И РУССКАЯ ДУША: ДВЕ ВЕЩИ СОВМЕСТНЫЕ?

(КОГНИТИВНЫЕ ЭТЮДЫ)

Германия, г. Грайфсвальд, Университет им. Эрнста Морица Арндта
walter@uni-greifswald.de

Известно, что концепты «Душа» и «Сердце» являются излюбленным объектом исследования в трудах когнитологов. Неслучайно и организатор Третьей международной конференции по когнитологии, проф. Николай Фёдорович Алефиренко, неоднократно обращался к этой теме. Она поставила свой след и в его фразеологическом словаре когни-

тологического направления, где с особым когнитологическим чувством описаны выражения **душа нараспашку, за душой ничего нет** и **чужая душа – потемки** (Алефиренко, Золотых, 2008: 118-121). Характерно, что именно в Белгородском университете была защищена кандидатская диссертация Ольги Николаевны Кравченко о словообразовательном потенциале соматизмов «сердце» и «голова», где интересующие нас концепты русского языка сопоставлялись с их параллелями в немецком и английском. Белгородская исследовательница предложила детализированную классификацию семантической структуры концепта «Сердце» (Кравченко, 2009: 13-14), отказавшись, к сожалению, от анализа концепта «Душа» на том лишь основании, что «лексемы *душа* и *сердце* – родственные понятия» (Кравченко, 2009: 14). Нет сомнения, что эти понятия тесно взаимосвязаны, однако их «родственность» не означает их тождественности, что мы и попытаемся показать.

Конечно, концепты «Душа» и «Сердце» у народов мира во многом универсальны, поскольку они имеют сущностное значение в человеческой жизни. Неслучайно даже такие далёкие друг от друга языки и культуры, как русская и китайская, имеют во фразеологическом зеркале довольно много общего, универсального. В то же время даже в культурах достаточно близких, таких как русская и немецкая, при сопоставлении таких концептов обнаруживается немало количественных и качественных расхождений. Берлинская исследовательница Елена Новак, проанализировав фразеологизмы с компонентами *сердце* и *душа* в русском, немецком и испанском языках, пришла к любопытному выводу. Оказалось, что испанская фразеология с этими компонентами занимает в этом «треугольнике» позицию «золотой середины». Количественно в испанском языке обороты с компонентом *сердце* почти равны с компонентом *душа*. Русский же язык в сопоставлении с немецким обнаруживает, как уже говорилось, большое количество расхождений. Характерно, что Николай Фёдорович и его соавтор в только что названном мною словаре имплицитно весьма точно такое отличие отразили: в словаре описано три типичных для русской культуры оборота с компонентом *душа*, в то время как компонент *сердце* в том словаре вообще не нашёл отражения.

Я уверен, что когда Николай Фёдорович составит немецкий фразеологический словарь когнитивного типа (а, к сожалению, в Германии такого словаря ещё нет), последовательность концептов «Душа» и «Сердце» будет отражена с точностью до наоборот. Сердце, наверняка, будет поставлено гораздо чаще, чем душа. Двухязычные фразеологические словари убедительно отражают количественную диспропорцию во фразеологической активности концептов «Душа» и «Сердце». Так, в немецко-русском словаре Биновича и Гришина компонент *Herz* (сердце) образует 104 ФЕ, в то время как компонент *Seele* (душа) лишь 30 (Бинович, Гришин, 1975). И наоборот, в русском немецком словаре под редакцией нашего первого председателя Фразеологической комиссии, проф. Матешича, доминирующим оказывается компонент *душа*: он образует 297 ФЕ, в то время как компонент *сердце* лишь 219 (DRPW 1999). За этой количественной диспропорцией кроется немало лингвистических и культурологических фактов. Возможно, например, что активность слова *Herz* в немецком языке восходит даже к этимологическому рефлексу его внутренней формы, которая связана с центральной частью тела – серединой (Pfeifer, 2005: 536; Vasmer, 1979, 2: 613). Активность же русского слова *душа* в отличие от немецкого *Seele* тоже могла быть обусловлена ретроспективно до сих пор ощущаемой русскими этимологической связью со словом *дух*, обозначающем как духовную субстанцию, дух в религиозном понимании – так и дыхание, вдох и выдох (Vasmer, 1979, 1: 383). Но, естественно, другие факторы ещё более влияли и влияют на фразеологическую активность концептов «Сердце» и «Душа» в русском и немецком языках. Культурологически мощным водоразделом здесь являются переводы Библии. В Лютеровском переводе большинство устойчивых словосочетаний концентрируются вокруг компонента *Herz*. В русском же синодальном переводе Библии мы часто в соответствующих фрагментах компонент *душа*. Вот примеры, которые в какой-то мере опровергают это несоответствие и показывают, что в двух языках *сердце* играет ту же фразеологическую роль: *gutes Herz* – доброе сердце; *золотое сердце*; *каменное сердце*; *мягкое сердце*; *сердце сжимается*; *потерять сердце*; *руку на сердце* и др.

В нашем словаре (Walter, Mokienko, 2009: 86-90) это проиллюстрировано на других примерах: *mit reinem Herzen* – с чистым сердцем; *von ganzem Herzen* – от всего сердца и т. п.

В нашем докладе мы попытаемся распределить случаи схождения и расхождений в процессе фразеобразования вокруг интересующих нас концептов. Эти случаи предлагают достаточно широкую палитру переходов от абсолютного сходства к абсолютному различию. В языковом сознании немцев представления о доминантных признаках концепта *сердце* отличаются их достаточно чёткой структурированностью. Кроме того, в немецкой фразеологии выделяется явная связь концепта «Сердце» (как места средоточия чувств, эмоций, нрава) с концептом «Душа». При этом в немецких структурно-семантических моделях особенным предстаёт отношение к сердцу как органу тела, отвечающему за чувство стыда и за вежливое и тактичное поведение человека.

При сопоставлении соответствующей фразеологии немецкого и русского языков мы сталкиваемся с классической типологией эквивалентов, хорошо известной теоретикам и практикам перевода.

1. Эквиваленты тождества: это фразеологизмы с компонентом *сердце* и *душа*, имеющие в немецком и русском языках тождественную структуру, семантику и (желательно) одинаковую стилистическую маркированность. Весьма часто такого рода эквиваленты являются европеизмами, различными путями попавшими в немецкую и русскую фразеологию. Типичный пример – выражение **von ganzem Herzen** – ‘совершенно искренне; с полной откровенностью’ (букв.: от целого сердца); **от всего (от чистого) сердца** (делать что). Выражение восходит к Библии, где оно часто употребляется, напр.: „Und als sie zogen der Straße nach, kamen sie an ein Wasser. Und der Kämmerer sprach: Siehe, da ist Wasser; was hindert's, dass ich mich taufen lasse? Philippus aber sprach: Glaubst du von ganzem Herzen, so mag's wohl sein...“ (Апг 8: 36-37) – «Между тем, продолжая путь, они приехали к воде, и евнух сказал: вот, вода; что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь *от всего сердца*, можно...» (Деян 8: 36–37).

Фразеологизм известен во многих языках, напр.: бел. *ад усяго сэрца*; укр. *від щирого серця*; пол. *z dobrego serca*; чеш. *z celého srdce*; *z plna srdce*; словац. *z celého srdca*; хорв. *iz svega srca*; словен. *iz vsega srca*; англ. *in one's inmost heart*; фр. *de grand cœur* (*faire quelque chose*), лат. *magno corde aliquid facere* (Walter, Mokienko, 2011: 200-201).

Историки русской фразеологии предполагают, что этот библеизм в русский язык проник с конца XVII в. как точная калька с нем. *von ganzem Herzen* или голл. *van ganser harte* либо как неточная калька с фр. *de tout mon cœur* (Опыт, 1987: 100 – во французском обороте слово *cœur* ‘сердце’ имеет определение *mon* ‘мой’). Неслучайны в этом отношении его первые употребления А. А. Виниусом в письмах Петру I: *отъ всего моего сердца* (1694, 1695); *отъ всего сердца* (1697); *отъ всеа глубины моего сердца* (1697); *отъ глубины сердца моего* (1703), имеющие прототип в голл. *uit 't diepst van het hart* (букв.: из самой глубины сердца). Ср. также варианты выражения *отъ основанія сердца моего* (Н. Витсен, бургомистр Амстердама в письме Петру I – 1703); *родити (sic!) отъ всего серца (sic!)* (Петр I, Предложения Боярской Думе – 1696); *отъ сердца радоватися* (Пётр I в письме П. М. Апраксину – 1702); *отъ истинного сердца* (Пётр I в письме А. Д. Меншикову – 1708). Параллельно в XVIII в. употреблялся и вариант *отъ доброго сердца* (у Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, И. Ю. Соколова и др.) (БМС, 2005: 633). Вместе с тем, сам факт, что и в церковнославянском тексте Библии употреблён тот же самый оборот – *отъ всего сердца твоего*, отнюдь не исключает и прямого заимствования из этого текста, а не калькирования. Такое предположение имеет тем большее основание, что наше выражение зафиксировано в русских летописях задолго до Петровского времени – напр., в Псковской летописи под 6835 г. от сотворения мира (т. е. 1327 г. от Р. Х.): «– Прихаше великий князь Юрьи во Псковъ съ Низу, и приаща ѓ Псковичи с честью *отъ всего сердца*» И. И. Срезневский в своих материалах для древнерусского языка (Срезневский 3: 883) определяет этот оборот весьма точно – ‘со всею искренностью’, что полностью соответствует семантике большинства европеизмов и самому духу Священного Писания.

Обилие точных соответствий в славянских и неславянских языках свидетельствует об общекультурологических истоках этого фразеологизма. И действительно, как мы видели, оно пришло во все языки из Книги книг.

Такого же типа и оборот **mit reinem Herzen** (разг.): *Искренне, с полной откровенностью, доверчивостью, с добрыми намерениями, без злого умысла* (букв.: с чистым сердцем); **с чистым сердцем; с открытой душой; с душой нараспашку**. «Сердце» является ключевым словом многих фразеологизмов. Оно обычно воспринимается как средоточие всех человеческих чувств, ощущений, эмоций. В народном мифологическом

представлении сердце является таким же центром жизненной силы, как Солнце, лучи которого так же греют землю, как работа сердца – человеческое тело. Отсюда и сложная метафорическая символика этого центрального органа кровообращения: совокупность душевных свойств человека или человек с теми или иными душевными свойствами; способность чувствовать и понимать (отзывчивость, сердечность); способность любить, любовь; средоточие сильной страсти (особенно гнева); важнейшее, центральное место, имеющее существенное значение для чего-л. и т. п. Практически вся такая символика активно отражена в многочисленных пословицах и поговорках с компонентом «сердце». Причём набор таких символов характерен не только для европейских языков, но и для восточных, – напр., китайского (У Шу-Хуа, 2012: 133).

Фразеологизм же о «чистом сердце» восходит к некоторым местам Библии. Обычно его связывают со словами Иисуса Христа из Нагорной проповеди: „Selig sind, die reines Herzens sind; denn sie werden Gott schauen“ (Mt 5, 8) – «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5, 8). В Псалтири его связывают с «неповинными (т. е. невинными) руками»: „Der unschuldige Hände hat und reines Herzens ist; der nicht Lust hat zu loser Lehre und schwört nicht fälschlich“ (Ps 23, 4) – «Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душею своею напрасно и не божился ложно ближнему своему» (Пс 23, 4). Несмотря на то, что в другом месте перевод М. Лютера и синодальный перевод Библии отличаются, сам фразеологизм сохраняется в обоих переводах, – ср. ещё один фрагмент Псалтири: „Ein Psalm Asaphs. Israel hat dennoch Gott zum Trost, wer nur reines Herzens ist“ (Ps 72, 1) – «Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем!» (Пс 72, 1). При всем сходстве первого и второго примеров и общем библейском источнике следует отметить и различия. Немецкий фразеологизм актуализует лишь одно его значение (Krauss 2007, 92), в то время как русский его эквивалент имеет ещё и второе – ‘с сознанием своей правоты, с чувством выполненного долга; с чистой совестью’. На это различие следовало бы указывать в словарях, чтобы перевод не стал «ложным другом переводчика». Кроме того, русский оборот допускают синонимическую (или вариантную) замену компонента *сердце* на компонент *душа*, в то время как для немецкого языка такая замена невозможна.

2. Фразеологические эквиваленты, в которых присутствует близкая, но не тождественная образность и обнаруживаются различия по степени фразеологизированности. К таким оборотам относится немецкое **auf Herz und Nieren prüfen** (фам. **ausquetschen**): *Очень тщательно проверять/ проверить кого-л., что-л.; подвергать/ подвергнуть кого-л. (что-л.) строгому испытанию* (букв.: проверить кого-л. на сердце и почки). В русском языке этот оборот не претерпел фразеологизации, а в библейском тексте соответствующее место имеет компонентное расхождение – вместо немецкого *Nieren* (почки) используется более общее *утробы*. Такое употребление мы встречаем в Псалмах: „Lass der Gottlosen Bosheit ein Ende werden und fördere die Gerechten; denn du, gerechter Gott, prüfst Herzen und Nieren“ (Ps 7, 10; см. и Jer 11, 20; 17, 10; Off 2, 23) – «Да прекратится злоба нечестивых, а праведника подкрепи, ибо Ты испытываешь сердца и утробы, праведный Боже!» (Пс 7, 10). Фразеологизм зафиксирован в немецком языке примерно с 1500 г. (Kürper 1993, 342). Парная формула *Herz und Nieren* восходит к некоторым местам Библии и стала народной благодаря переводу Библии Мартином Лютером и употреблению им этого оборота. Сердце, почки, лёгкие и печень в народе до сих пор считают центром ощущений, эмоций и мужества (Müller 2005, 252). Проверка на «сердце и почки» символизирует внутренний мир человека, его духовность. Для русского коннотативного пространства такая переносная символика почек нехарактерна, поэтому эквивалентами немецкого оборота следует признать обороты совершенно иной образности и происхождения: **разбирать кого по косточкам; проверить кого до косточек; проверять кого на вшивость** (жрр.); **выворачивать наизнанку кого**.

В русском языке вместо слова *Nieren* (почки) употребляется другое слово – *утроба* – ‘внутренности, особенно живот, брюхо’. Это слово остаётся на периферии употребления в русском языке, хотя – как это ни парадоксально, – с одной стороны, воспринимается как архаизм церковнославянского происхождения, а с другой – как просторечное или народное слово. В библейском контексте оно, в сущности, приближается к смыслу соответствующего фрагмента Священного писания, поскольку в старославянском имеет и такие значения, как ‘сердце, душа’ и вообще ‘всё сокровенное, внутреннее, скрытое’. Возможно, в соответствующем тексте Библии данные соматизмы имели столь широкое значение, что они дали основание и для суженного перевода на немецкий язык, и для расширительного

на русский. Характерно, что переводы соответствующего фрагмента Библии обнаруживают две тенденции: фр. *toi qui sondes les coeurs et les reins*, англ. *for the righteous God trieth the hearts and reins*; лат. *et diriges iustum et scrutans corda et renes Deus* с одной стороны, и нем. *Herzen und Nieren* и голл. *Die harten en nieren beproeft, o rechtvaardige God!* – с другой. На первый взгляд, эти переводы весьма друг от друга отличаются, поскольку англ. *reins*, фр. *reins* носителями языков воспринимаются не в соматическом значении, а в значении ‘узды, которой управляют лошадьми’. Во французском языке, правда, слово сохраняет и устар. ныне значение ‘спина’. И это неслучайно: романские и английские слова восходят к лат. *ren*, которое было и обозначением почек, также, как и в греческом тексте. Тем самым все романские и германские примеры оказываются исходно идентичными, а русский имеет свою специфику.

3. Третья группа эквивалентности учитывает полное расхождение по образности. Типичным примером здесь является выражение **sein Herz auf der Zunge (реже: auf den Lippen) haben (tragen)**: *Спонтанно высказывать своё мнение; говорить то, что думаешь; откровенничать* (букв.: носить своё сердце на языке (на губах)). В русском языке его можно передать фразеологизмами иной структуры и иной образности: **у кого что на уме, то и на языке; без околичностей; без экивоков; называть/ назвать вещи своими именами**. Выражение восходит к апокрифической части Библии: „Die Narren tragen ihr Herz auf der Zunge, die Weisen haben ihren Mund im Herzen“ (Сир 21, 28) – «В устах глупых – сердце их, уста же мудрых – в сердце их» (Сир 21, 29).

Немецкая пословица активно употребляется в современной речи и фиксируется всеми солидными словарями (напр., Krauss, 2007: 92; DZR, 2007: 343; Büchmann, 2007: 167).

При сопоставлении с другими языками обнаруживается любопытное сходство и различие, обусловленное не столько родственностью соответствующих языков сколько их тяготением к конкретному европейскому культурологическому пространству. Так, те славянские языки, которые испытали влияние Римской католической церкви, имеют эквиваленты, тождественные немецкому фразеологизму, напр.: хорв. *imati srce na jeziku*; словен. *imati srce na jeziku*; англ. *What the heart thinks, the mouth speaks*; лат. *Quod clausum in pectore, hoc in lingua promptum habeo*; итал. *avere il cuore sulla lingua* и др. Точного соответствия немецкой пословице они, однако, не представляют. Неслучайно поэтому один из современных сборников европейских пословиц (Świerczyński, 2001: 231) в качестве эквивалента к пол. *Co w serdciu, to i na języku* и рус. *Что на уме, то и на языке* приводит иной «сердечный» библеизм, у которого, однако, отсутствует ироническая окраска как немецкого, так и польского: исп. *De la abundancia del corazón habla la boca*; итал. *Per l'abbondanza del cuor, la bocca parla*; фр. *De l'abondance du cœur la bouche parle*.

Можно ли такие пословицы, как рус. *Что на уме, то и на языке*; пол. *Co w serdciu, to i na języku*; чеш. *Co na srdci, to na jazyku*; словац. *Čo na srdci, to na jazyku* считать библеизмами? Как кажется, – нет, ибо различие структуры этих выражений и факт, что они не выходят за пределы славянского ареала, свидетельствуют в пользу их фольклорного, исконно славянского источника. Неслучайно и в русском, и ряде других славянских языков образовалась и пословица с близкой структурой и явно «небиблейским» содержанием: *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке* – ‘то, что человек скрывает и не показывает в обычном состоянии, прорывается наружу под действием алкоголя’. Ср. бел. *Што ў цвярозага ў галаве, тое ў п'янага на языку*; укр. *Що у тверезого на умі, те в п'яного на язиці*; словац. *Čo triezvyu nepovie, to opitý prezradí*; болг. *Що мисли трезвен, пиян го казва*; серб. *Што трезвен мисли, пијан говори (изговара)*. Эти факты позволяют констатировать, что некоторые славянские параллели, несмотря на близость паремнологической семантики, имеют иную историю, чем нем. *sein Herz auf der Zunge tragen*.

4. Эквиваленты-лакуны. Здесь образ выражения с компонентом с компонентом *Herz* представляет собой определённую фразеологическую загадку, поскольку образ совершенно не ясен и самим носителям языка. Типичным примером является выражение **aus seinem Herzen keine Mördergrube machen**: *Ничего не утаивать (не скрывать); быть откровенным, не скрывать своего истинного мнения; рассказывать о себе не хуже, чем на самом деле* (букв.: не делать из своего сердца могилу убийцы); **говорить со всей откровенностью; говорить без утайки (не таясь), раскрывать всё как перед Богом; рассказывать всё как на духу; иметь душу нараспашку**. Выражение известно с начала XVIII в. (Kürper, 1993: 342). Оно относится к многочисленным фразеологизмам со стержневым словом *Herz* – сердце как средоточие человеческих чувств. В от-

личие от большинства из них, которые прозрачны по исходному образу, это выражение непонятно потому, что слово *Mördergrube* давно уже вышло из употребления и существует только в составе нашего фразеологизма. Архаичность его объясняется библейским происхождением – см., напр: „Haltet ihr denn dieses Haus, das nach meinem Namen genannt ist, für eine Mördergrube“ (Jer 7, 11) – «Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое? Вот, Я видел это, говорит Господь» (Иер 7, 11). Это слово входит в состав известного афоризма Иисуса Христа, который говорит книжникам и фарисеям, находясь в храме: „Mein Haus soll ein Bethaus sein; ihr habt daraus eine Mördergrube gemacht“ (Mt 21, 13). Смысл слова и всей фразы проясняется при сопоставлении немецкого текста с переводами на другие европейские языки. Русский синодальный текст во многом является воспроизведением церковнославянского: «И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? А вы сделали его вертепом разбойников» (Мф 21, 13); («Ýêw õðhiú ìAé õðhiú ìèBòâú ìàðâ÷Nòñý âñ...ú ÷çaewíú; âa æâ ñîðâîðBñòâ ±ã` ââðòNíú ðàçAéíèèwú») (Мф 21, 13). Слово *verten* в сочетании *verten разбойников* также является архаизмом и имеет значение ‘притон, место, дом, где собираются с преступными или другими неблаго видными целями’.

Более конкретно передано значение нем. *Mördergrube* и рус. *verten* в других европейских переводах Библии. Так, в английском и французском её текстах соответствующее слово передаётся обозначениями пещеры: *My house shall be called of all nations the house of prayer? But ye have made it a den of thieves; франц.: Ma maison sera appelée une maison de prière pour toutes les nations? Mais vous, vous en avez fait une caverne de voleurs.* Следовательно, *Mördergrube* в исходном тексте обозначает ‘пещеру, логово, где скрываются разбойники’. Тем самым раскрывается переносное значение немецкого оборота – ‘не делать из сердца логово для преступников, прячущихся от честных людей, т. е. быть абсолютно открытым и искренним’. Эквиваленты выражения в других языках имеют иную образность – ср., напр., бел.: *расказаць як на споведзі; с./х. otvarati svoje serdce.*

Разумеется, рамки доклада не позволяют продемонстрировать все аспекты, связанные с функционированием концептов «Сердце»; «Душа» в немецком и русском языках. Мы постарались лишь подчеркнуть фразеологические доминанты, отличающие эти концепты во фразеологии наших языков. И, конечно, читатель вправе спросить докладчика: каков же мой ответ на вопрос, вынесенный в заглавие этого доклада: совместны ли две такие вещи, как немецкое сердце и русская душа. Конечно, проще всего было бы ответить на этот вопрос простым «да» или не менее простым «нет». Но, как показывает анализ предложенного фразеологического материала, наш ответ лежит между утвердительной и отрицательной частицей: а именно немецкие сердце и душа и совместны и не совместны с русскими. Читатель вправе подать и следующий вопрос: А почему? На этот вопрос ответил Александр Сергеевич Пушкин, который является автором крылатых слов о несовместности. Вот что он пишет о душе, причем не о немецкой или русской, а общечеловеческой: «Душа человека есть недоступное хранилище его помыслов: если сам он таит их, то ни коварный глаз неприязни, ни предупредительный взор дружбы не могут проникнуть в сие хранилище». Эту цитату Пушкина приводит в своём словаре Николай Фёдорович Алефиренко, иллюстрируя ею словарную статью «душа нараспашку» (Алефиренко, Золотых, 2008: 119). И мы надеемся, что с помощью точных когнитивных методов анализа, разработанных главой Белгородской фразеологической школы, мы сможем наконец, проникнуть в столь «недоступное хранилище наших помыслов», как душа Человека. А может быть, и его сердце.

Литература

Алефиренко, Н., Золотых, Л. Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО Изд. ЭЛПИС, 2008. – 472 с.

Бинович, Гришин 1975: Немецко-русский фразеологический словарь. Сост. Л. Э. Бинович и Н. Н. Гришин. Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. второе, испр. и доп. – Москва: Русский язык, 1975.

БМС 2005: Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Астрель. АСТ. Люкс, 2005.

Кравченко, О. Н. Словообразовательный потенциал соматизмов *сердце и голова* (на материале английского, немецкого и русского языков). АКД. – Белгород, 2009.

Опыт 1987: Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1987.

У Шу-Хуа. Русские и китайские фразеологизмы с компонентами-числительными. / Die Phraseologie in Raum und Zeit. Hrsg. v. H. Walter, V. M. Mokienko, A. Savčenko. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2007. – С. 132-136.

Büchmann, Georg, 2007: *Der Neue Büchmann – Geflügelte Worte. Der klassische Zitatenschatz.* – München: Bassermann.

DRPW 1999: Petermann, J., Hansen-Kokoruš, R., Bill, T. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch. Hrsg. v. J. Matešić. – Leipzig, Berlin u.a.: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1999.

DZR 2007: *DUDEN. Das große Buch der Zitate und Redewendungen.* Hrsg. v. d. Dudenredaktion. 2., überarb. und aktualisierte Aufl. – Mannheim. Dudenverlag.

Krauss, H. Kleines Lexikon der Bibelworte. – Hamburg: Nikol, 2007³.

Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. Stuttgart-Dresden: Ernst Klett Verlag, 1993.

Pfeifer 2005: Pfeifer, W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005.

Świerczyński 2001: Świerczyński, D. i A. Słownik przysłów w ośmi językach. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2001.

Vasmer 1979: Vasmer, M. Russisches etymologisches Wörterbuch. 1. Band. A-K. 2. 1976. Band. L-Ssuda. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1999.

Walter, Mokienko 2009: Walter, H., Mokienko, V. Deutsch-Russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. – Greifswald: Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009.

Walter, Mokienko 2011: Walter, H., Mokienko, V. (K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. – Greifswald: Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2011.

Summary. The author raises the question of imbalances in phraseological representation of the concepts “Heart” and “Soul” in German and Russian languages. The different types of phraseological equivalents, built through the components “heart” and “soul” and operating in different European languages, are under analysis based on the Bible texts.

Георгиева С. И.
ИСТОРИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Болгария, г. Пловдив, Пловдивский университет
им. Паисия Хилендарского
stefka3@abv.bg

Время меняет картину мира для человека, который использует язык, его коммуникативные и стилистические возможности. Меняется и лингвистическая картина мира. В языке просвечиваются живые процессы, которые происходят как в жизни конкретных народов, так и в конкретных языках в определенном историческом периоде. Каждое время дает языку много новых слов и выражений, которые появляются благодаря новым потребностям и реальностям жизни. Время просвечивается через них и придает им ту или иную окраску, усиливает или ослабляет их значимость. Эти процессы ярче всего отражаются в лексике и фразеологии языка. Устойчивые выражения использовались и используются во всех периодах развития языка. Они отражают образное восприятие окружающего мира социумами и активно влияют на восприятие мира, делают его живым, убедительным и действующим. «Внешний мир и сознание – вот два фактора, которые порождают языковую картину мира любого национального языка» (Жорнилов, 2011: 144).

1. Древнейшие славянские рукописи содержат сведения как о жизни славян в X-XI в., когда создавались тексты (Зографское четвертоевангелие, Мариинское четвертоевангелие, Ассемантиево евангелие, Саввина книга, Охридские глаголические листки, Листки Ундольского, Боянское евангелие-апракос и др.), так и о состоянии старославянского языка. Они дают возможность «услышать голос средневекового человека, познающего и осваивающего мир, живущего не только в реальном, предметном мире, но и в идеальном, который сам же и создавал в процессе своей языкотворческой деятельности» (Фразеологический словарь, 2011: 8). Эти тексты отражают древнейшее состояние славянского лексико-фразеологического фонда. Коллективом авторов

Магнитогорского государственного университета под руководством проф. С. Г. Шулежковой составлен первый Фразеологический словарь старославянского языка (Москва, 2011). В словарь включены «сверхсловные языковые единицы, обладающие устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры, не исключают варианты; воспроизводимостью в качестве готовых единиц языкового общения; постоянным, закрепленным за данным словесным комплексом значением» (Фразеологический словарь, 2011: 15-16). Составители пришли к выводу, что корни множества идиом, образных выражений современного русского языка кроются в старославянских текстах. Например, **Въскрѣсени, въскрѣшеник мрътвыимъ, (отъ) мрътвыихъ** Δ Оживление, возвращение к жизни; **Геона огньна** Δ Место вечных мук и страданий душ грешников, ад; **Заблѣждьшек овьча** – Оступившийся, согрешивший человек; человек, духовно нестойкий, отбившийся от своих братьев по вере; **Законъ мосеовъ, мосѣовъ** – Основные положения Ветхого Завета, изложенные в первых пяти книгах Библии – в Пятикнижии Моисеевом и др.

В словарной статье Словаря включены сведения о событиях, легших в основу содержания старославянских текстов, о реалиях социально-экономической, политической, юридической, культурной и – прежде всего – религиозной жизни X-XI в., когда создавались эти тексты, а также факты из истории иудаизма и христианской церкви, имеющие прямое отношение к формированию семантики описываемых в словаре устойчивых словесных комплексов. Например,

Заблудшая овца

Оступившийся, согрешивший человек; человек, духовно нестойкий, отбившийся от своих братьев по вере.

► Выражение употреблено в евангельской притче о человеке, у которого было стадо овец. Когда одна овца заблудилась и пропала, хозяин отправился на ее поиски, т. к. ему было дорого каждое животное из его стада. Иисус говорит ученикам: «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся» (Лк 25: 3-5) (Рус. фразеология, 2005: 487). Как справедливо пишет А. П. Лопухин, то, что изображается в притче, постоянно бывает в жизни. Как часто пропавшие животные отыскиваются деревенскими пастухами! Пастух не заботится об оставшемся стаде, потому что уверен в них, знает, что порученные его надзору животные не заблудятся и не пропадут. Но заблудившаяся овца может погибнуть. В этой притче продолжается разговор Христа о ценности в глазах Бога *малых сих* (Лопухин Т. 1, 2007: 379). Бог защищает их, не допускает их гибели: «Так нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Лк 15: 7).

Приими вл (ад)ко • ѣко щедръ • заблѣждьшее ти овьча • къ тебѣ приициже • его же искы погыбѣша • земьнѣ естъствѣ • стран'но сѧ причета Гин ехъ 84а: 8-11, 258-259.

Синоним: «овьца погыбѣша».

Заблудшая овца (иноск.) о человекѣкъ, сошедшемъ съ пути истины (Михельсон, 1994: 310); Заблудшая овца. Радость о нашедшейся заблудившейся овце – евангельский образ (Займовский, 1930: 141); **Заблудшая овца**. Так говорят о человеке беспутном, сбившемся с правильного пути (Ашукины, 1987: 125) **Заблудшая овца (овечка)**. О сбившемся с правильного пути человеке (Рус. Фразеология, 2005: 414); Заблудшая овца, овечка – о человеке, оторвавшемся от людей своего круга, от своей семьи и т. п. (Тихонов, т. 1, 2004: 393); **Заблудшая овца (овечка)** <...> О сбившемся с верного, праведного пути человеке, грешнике (БСКСиВ, т. 1, 2008: 382); **Заблудшая овца [овечка]** (душа). Книжн.; возм., ирон. Безвольный неразумный человек, в силу определенных обстоятельств сбившийся с истинного, праведного пути (Дубровина, 2010: 202-204).

Значение фразеологизмов толкуется применительно к описываемому периоду. Фразеологический материал, описанный в данном Словаре, обнаруживает, что с точки зрения средневекового христианина, мир «организован вокруг человека». Идиоматичные устойчивые словесные комплексы (УСК) дают определенное представление о менталитете средневекового славянина, осваивающего христианскую веру, позволяют судить как о морально-этических ценностях наших предков, так и об их языке. Большинство УСК имеет ветхозаветные корни. Старославянские памятники X-XI вв. отразили один из важней-

ших этапов в жизни библеизмов, когда ветхозаветная образная система начинает вписываться в христианскую картину мира, и «большинство библейских слов и выражений сохраняют уже имеющиеся переносные смыслы и приобретают новые, христианские» (Фразеологический словарь, 2011: 9). Образная основа старославянских УСК связана с христианскими ценностями, в них не встречаются выражения со сниженной коннотативной оценки. Зафиксированная пейоративность касается деяний, связанных с отступлениями от заповедей божьих, различного рода прегрешений, наказаний за блудное поведение и т. д., например, *закон преступить, заповеди не соблюдать, блудный сын, блуд сотворить, впасть в грех, незаконное житие* и т. д. Таких УСК сравнительно меньше, по сравнению с преобладающей пейоративности во фразеологических фондах современных славянских языков.

2. В более поздний период средневековая духовная культура у славян состояла из трех генетически различных компонентов: 1) христианства, связанного с церковной догматикой, привнесенного извне из греческой Византии или латинского Рима, 2) язычества, унаследованного от праславянского периода, исконного для его носителей и 3) «антихристианства» (либо ахристианства), чаще всего опять-таки язычества, но неславянского происхождения, проникшего в славянскую народную среду вместе с христианством или иным путем (Юдин, 1999: 115). Эти факторы сказываются на фразеологических образах устойчивых единиц.

В период Возрождения славянская культура развивается и пополняется новыми реалиями, не отказываясь от старого. Новое вытесняет старое лишь частично, фрагментарно, сосуществует с ним, прибавляется к нему, дополняет его. Фактом является то, что «рядом с новообразованиями и заимствованиями часто продолжает жить незапамятная древность» (Юдин, 1999: 125). Славянские языки развиваются, меняются, в них стали активно входить разговорно-просторечные элементы образной речи. Фразеологические фонды языков стали пополняться экспрессивными выражениями с яркой, самобытной образной основой, на которых знатоки языков обращали специального внимания и собирали их. Так появились словари В. И. Даля, М. И. Михельсона, И. М. Снегирева и др., которые отражают образную русскую речь XIX столетия во всей возможной полноте, а словари П. Славейкова, Л. Каравелова, Н. Герова и др. отражают образную болгарскую речь. В них собрано огромное многообразие иллюстративного материала. Это довольно разнообразные языковые единицы, объединенные по принципу их образности, функционально-стилистической эффективности и устойчивости.

М. И. Михельсон писал: «Существует двойной способ выражения мыслей: мы определяем понятие или облакаем мысль словами в прямом их смысле, или же иносказательно, обиняками, намеками, сравнениями с подходящими по смыслу образными словами или, даже, целыми изречениями, в виде отдельных фраз, пословичных выражений, поговорок, пословиц и общеизвестных цитат» (Михельсон, 1994: 10). Они и составляют фразеологический фонд языка. Тремя признаками обладают эти единицы – образностью, повышенной экспрессивностью и устойчивостью употребления.

Петко Р. Славейков собирал болгарские образные выражения с твердым убеждением, что они раскрывают глубокую и самобытную мудрость народа, его гордый и непоколебимый дух, что они повлияют на формирование и обогащение национального языка (Славейков, 1982: 5). Во многих словарных статьях упомянутых словарей можно найти мифологические, фольклористические, этнографические и т. п. справки. Собранный иллюстративный материал доказывает, что меняется как видение людей на мир, так и сами устойчивые комплексы. В речь входят разговорные элементы, а вместе с тем новые образы с разной стилистической коннотацией. Они не только связаны со всем многообразием жизни человека, но и закодировали культурную информацию своего времени. Довольно много устойчивых выражений связано с бытом людей (р. *гнаться за двумя зайцами – б. нося две дини под една мишица; точить лясы – чеша си езика; в семи водах варен – врял и кипял съм; бить баклуши – ходя на ален фес* и др.); с традициями (*Чем больше бьет, тем больше любит*; р. *бить во все колокола – б. бия барабан*), с фольклором, с Родиной (*Родная сторона – мать, чужая – мачеха; По-добре моятя земя да ми яде кокалите, а не чуждата*) и др.

Многие ФЕ связаны с историческими фактами (р. *язык до Киева доведет – б. с питане до Цариград се стига*; р. *погиб, как швед под Полтавой, сирота казанская, кричать во всю ивановскую*; б. *от хиляда деветстотин и Балканската война, Марко Тотев*;

турска сила, българска неволя; трай душо, черней кожо и др. Это яркая иллюстрация того факта, что «внутренняя форма ФЕ в языковом сознании народа коррелирует с культурным концептом – основной ментальной единицей национальной картины мира» (Алефиренко, 2005: 24). Денотатом данных выражений был конкретный исторический факт.

3. Современный фразеологический фонд отражает процесс глобализации в мире, своеобразный взгляд людей на мир и на ценности в мире. Появились фразеологические неологизмы из разных сфер жизни, которые особенно активно употребляются в средствах массовой информации (СМИ) как в болгарском, так и в русском языках. Чаще всего это семантическая трансформация устойчивых словосочетаний и данный процесс возможен, так как эти словосочетания имеют яркую образную основу, что позволяет образу получить обобщенный метафорический смысл. Обязательным условием метафоризации всего словосочетания и возникновения фразеологического значения должна быть прозрачность образной основы для носителей языка. Например, *р. не ставить телегу /сани/ перед лошадьо – (в. не слагам каруцата пред коня)*.

Социум экспонирует действительность в эмоциональных образах, лингвистически зафиксированных в нем, и таким образом многие свободные словосочетания развили дополнительные значения и превратились во фразеологизмы-неологизмы. Например, *р. высший пилотаж – (в. висш пилотаж, тяжелая артилерия – тежка артилерия; лишать иммунитета кого-л. – свалят имунитета на някого; играть по правилам – играя според правилата)* и др.

Новые фразеологизмы очень разнообразны как по тематике, так и по структуре, они являются знаком языка и реалией культуры.

Сопоставительный анализ иллюстративного материала выявил две ярко выраженные тенденции:

I. ФЕ, которые встречаются только в болгарском языке: *дървена мафия* – знач. ‘группа людей, которые занимаются уничтожением лесов и продажей деревянного сырья с целью финансовой наживы’; *дървена ваканция* – знач. ‘непредусмотренные каникулы из-за морозов и нехватки топлива и финансовых средств отопления’; *на нокти съм* (с някого) – знач. ‘кто-либо готов к нападению’; *на дневен ред (съм)* – знач. ‘теперь моя очередь’; *микрофонът е ваш* – знач. ‘кому-либо предоставляется возможность выступить – говорить, петь, играть и т. п.’; *(нещо е) с таван* – знач. ‘для чего-л. есть ограничения’; *стената на плача* – знач. ‘место, где вешают важные сообщения’; *отмята се като фърнаджийска лопата* – знач. ‘беспринципный человек’; *минавам през брод* – знач. ‘преодолевать препятствия’; *давам рамо на някого* Δ знач. ‘помогать кому-л.’; *пия (студена) вода* – знач. ‘безрезультатность’; *(някой) сменя коня* – знач. ‘кто-л. выбирает новую стратегию действия’; *отрязвам квитанциите на някого* – знач. ‘лишать кого-л. возможности дальнейших действий’; *давам на заден ход* – знач. ‘отступать’; *свивам перките на някого* – знач. ‘ограничивать кого-л. в действиях’; *с масло ще пусна по ролбата (някого)* – знач. ‘довольно легко обмануть кого-л.’; *посягам към чашката* – знач. ‘употреблять алкоголь’ (*Гимназистите по-често посягат към чашката* Стандарт 2012) и др.

Интерес представляет группа ФЕ, которые имеют новый синонимический вариант в языке с актуализированным компонентным составом, например: *пращам за зелен хайвер* и *пращам на кино* (знач. ‘обманывать кого-л.’); *свивам сърмите на някого* и *свивам перките на някого* (знач. ‘ограничивать кого-л. в действиях’) и др., которые иллюстрируют динамику данного языкового уровня (Георгиева, Величкова, 2008: 293).

II. ФЕ, которые имеют соответствия в русском языке. Например, *в. някой играе любимата роля* – *р. любимая роль*; *допирни точки* – *точки соприкосновения*; *черен списък* – *черный список*; *жълт светофар* – *желтый свет*; *синята птица* – *синяя птица*; *осигурителен праг* – *порог обеспечения*; *висш пилотаж* – *высший пилотаж*; *тежка артилерия* – *тяжелая артиллерия*; *мокра поръчка* – *мокрый заказ*; *кървава баня* – *кровавая баня*; *броени дни* – *считанные дни*; *зад кадър* – *за кадром*; *отварям (нова) рана* – *открыть (новую) рану*; *гълтка въздух* – *глоток воздуха*; *(нещо) (не) ми е по джоба* – *что-л. не по карману (кому-л.)*; *(някой е) в бойна готовност* – *боевая готовность*; *(не слагам) каруцата пред коня* – *не ставить телегу (сани) перед лошадьо* и др.

Данные соответствия могут быть объединены в две группы:

1. ФЕ, которые совпадают на лексическом, грамматическом, структурном, семантическом уровне и имеют аналогичную образную основу: в. *втора ръка (коли, дрѣхи и т. п.)* – р. *вторые руки*; (*нещо*) *второ качество* – *второе качество*; *бирено коремче* – *пивной животик*; *звездна двойка* – *звездная пара*; (*някой нещо прави*) *под масата* – (*делать что-л.*) *под столом*; *вижда се не се вижда светлина в тунела* – *виден свет в конце / в середине тоннеля*; *настройвам се на друга вълна* – *настраиваюсь на другую волну* и др.

Анализ иллюстративного материала показывает, что тождественность большой группы новых фразеологических моделей и образцов в данных славянских языках является следствием активного процесса заимствования из английского языка. При этом характерная и специфическая особенность фразеологических заимствований – это то, что они, почти без исключений, представляют собой кальки с английского языка. В этих случаях предпочитается калькирование прямому заимствованию, что является стремлением передачи образа и структуры чужого фразеологического источника славянскими языковыми средствами и таким образом устойчивое словосочетание адаптируется к конкретному языку и постепенно усваивается лексико-фразеологической системой данного славянского языка (Крысин, 2002: 2002). Фраземы, которые имеют соответствия в английском, тематически связаны с процессами глобализации, с идентичными явлениями внеязыковой действительности в славянских странах, прежде всего в экономике и общественной жизни, в спорте и других областях: *an insurance threshold* – /б/ *осигурителен праг* – /р/ *порог обеспечения*; *behind the frame* – *зад кадър*, *за кадром*; *to do something under the table* – *нещо правя под масата*, *делать что-то под столом*; *to be on good forme* – *някой е във форма*, *быть в форм* и др.

Положительную коннотацию имеют семантически переосмысленные фраземы и соответствующие им кальки: *the heavy artillery* – *тежка артилерия*, *тяжелая артиллерия*; *the higt pilotage* – *висш пилотаж*, *высший пилотаж*. И наоборот, подчеркнутую негативную коннотацию имеют кальки: *черен списък* – *the black list* и особенно – *кървава баня*, *кровавая баня* – *a bloody badh*; *мокра поръчка*, *мокрый заказ* – *a “wet” order* и др.

2. ФЕ, которые имеют соответствия в сопоставляемых языках, но их грамматическая форма и образная основа – разные: в. *клати ми се стола / столът на някого се клати* – р. *кресло под ним шатается*; *ням гръб* – *стоять за кем-л.*; *бүшоните в главата запүшват на някого* – *батарейки садятся*, ; (*нещо*) *галн үхото* – *что-л. ласкает слух*; *някой стон в дъното* – *в основе лежит что-л.*; *искам главата на някого* – *требовать крови*; *продава се като топъл хляб* – *расходятся как горячие пирожки* и др. Данные устойчивые словосочетания появились самостоятельно в русском и болгарском языках. Они связаны с общечеловеческой деятельностью, с ценностями людей, с их особенностями, своеобразием видения и отражения мира. Употребление образных выражений мотивировано экспрессивностью оценки, которая характерна для ФЕ и создает эффект экспрессивности в тексте.

Рассмотренный иллюстративный материал позволяет сделать следующие выводы:

1 Каждое историческое время имеет свою фразеологию, характер времени определяет фразеологию языка.

2. Фразеологизмы всегда способствовали развитию и совершенствованию выразительных средств языка.

3. Глобализация общественных процессов, обмен интеллектуальными знаниями приводит к взаимопроникновению общих элементов в языках, что является причиной общих заимствований и употреблений общей фразеологии в болгарском, русском и в других языках.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н. Ф. Алефиренко // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005. – С. 21-27.

Георгиева, С. Фразеологичните неологизми в българския език и техните съответствия в други славянски езици / С. Георгиева, С. Величкова // Славянска филология. Т. 24. – София: АИ «Проф. Марин Дринов», 2008. – 299 с.

Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: (учебное пособие) / О. А. Корнилов. – 3-е изд. испр. – М.: КДУ, 2011.

Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания, 2002, № 6. – С. 27-34.

Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. – М.: Русские словари, 1994.

Славейков, П. Р. Съчинения. Том VI: Български притчи или пословици и характерни думи. Съставител Ц. Македонска / П. Р. Славейков. – София: БАН, 1982.

Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед./ Научно-исследовательская лаборатория МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова, члены редколлегии: М. А. Коро-тенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. – М.: Флинта: Наука, 2011.

Юдин, А. В. Русская народная духовная культура / А. В. Юдина. – М.: Высшая школа, 1999.

Summary. In the paper the question about the connection of stable language complexes with the time of their coming into being is considered. This is coded in the image basis as well as in the semantic characteristics of the units. With time the possibility of people to express their views of the world by means of metaphoric models has also developed.

Хайруллина Р. Х.

ЯВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОМПРЕССИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

г. Уфа, Россия, Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы
rajhan@mail.ru

Фразеологическая картина мира (ФКМ) как система национального миропонимания, как известно, отражает особенности категоризации и концептуализации объективной действительности народом, носителем языка. Наряду с анализом ценностно-смыслового пространства ФКМ (В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова и др.) выявить ее национальное своеобразие можно, на наш взгляд, в ходе исследования синтаксического построения фразеологических оборотов (ФО), что отражает не только сам грамматический строй языка, но и актуализацию той или иной синтаксической конструкции в образной интерпретации объективной действительности средствами фразеологии. Изучению синтаксического построения фразеологизмов посвящены работы Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелева, Л. П. Карпова, А. В. Величко, И. Н. Кайгородовой, В. В. Посиделковой, З. Р. Аглеевой и др.

В рамках когнитивной фразеологии рассматриваются пути и приемы свертывания когнитивных структур мыслительных операций и отражение этих процессов в языке. В этом случае говорят о синтаксической компрессии. «Синтаксическая компрессия, – пишет Н. С. Валгина в работе «Теория текста. Семиотические и коммуникативные способы компрессии текста», – предусматривает сжатие знаковой структуры путем эллиптирования, грамматической неполноты, бессоюзия, синтаксической асимметрии (пропуска логических звеньев высказывания)» (Валгина, 2003: 89). Компрессия информации диктуется, наряду с другими факторами, и жанровыми установками текста, например, в афористике (в широком смысле слова). На диахронический аспект изучения синтаксической фразеологизации указывает И. Н. Кайгородова: «Синтаксическая фразеологизация представляет собой сложный диахронический процесс, сущность которого состоит в ассиметрическом сочетании слов, когда план выражения, образованный по законам синтаксиса, не соответствует семантической целостности плана содержания» (Кайгородова, 1999: 30-31).

Разнообразие синтаксических конструкций как формы ФО, во-первых, обусловлено характером грамматических связей слов в словосочетании и предложении в языке, а во-вторых, отражает логику осмысления и вербализации опыта познания мира, получившую выражение в структуре ФО.

Во многих языках, и в частности в русском языке, структура ФО восходит генетически к следующим синтаксическим конструкциям:

- словоформа (*По горло, С головкой, На черта*);
- сочинительные словосочетания различной структуры (компаративы, сочетания с соединительными, противительными, разделительными отношениями) (*Ни два ни полтора, Как корова языком слизнула, И стар и млад* и др.);
- подчинительные словосочетания с различными видами грамматической связи и семантических отношений между словами (определятельные, обстоятельственные, объ-

ектные) (*С быстротой молнии, На всю катушку, Бить во все колокола, Лить воду на чью-л. мельницу* и др.);

– предложения различных типов и их части (простые, осложненные и сложные) (*Пусти козла в огород, Бабушка надвое сказала, Хрен редьки не слаще, Хоть в прорубь с головой* и др.).

Выбор синтаксической конструкции для выражения мысли отражает онтологические и гносеологические факторы закрепления мировидения народа во фразеологии. Среди фразеологизмов, характеризующихся спецификой грамматической структуры, нам хотелось бы выделить фразеологизмы так называемой свернутой синтаксической структуры, представляющие лишь «верхушку айсберга» – оформленного в языке конечного вывода в цепи рассуждений по поводу осмысления того или иного опыта познания: *Хоть куда* (кто, что). *Кто куда, Из рук вон, Хоть брось, Абы как, Вот тебе на, То-то и оно, Вот еще, Ничего себе, Не указ* (кто кому), *Не пара* (кому кто), *Подметки на ходу рвет* (кто), *Ни бельмеса* (кто в чем) и др.

Среди таких ФО наиболее частотными, по нашим наблюдениям, являются обороты структуры незамкнутого предикативного словосочетания с незамещенными синтаксическими позициями.

Грамматической их особенностью является то, что они обозначают характерологическое качество, действие какого-либо предмета или человека, при описании которых синтаксическая позиция деятеля (лица) или объекта (предмета) реализуется лишь в речевом общении. Например: *пешком под стол ходит* (кто); *дни сочтены* (у кого); *гол как сокол* (кто); *душа нараспашку* (у кого); *семь пятниц на неделе* (у кого); *пальца в рот не клади* (кому); *не бельмеса* (кто, в чем) и др.

Эта незамещенность синтаксической позиции отмечается в толковании ФО в словарях путем подачи в их контексте употребления относительных местоимений (кто, что) в различных падежных формах.

Незамещенными в мотивирующем ФО СК – прототипе (словесном комплексе-прототипе – термин Ю. П. Солодуба) структуры незамкнутого предикативного словосочетания могут быть: а) позиция подлежащего: *поперек лавки лежит* (кто); *себе на уме* (кто); *с царем в голове* (кто); *мухи не обидит* (кто); *легок на подъем* (кто); б) позиция дополнения: *годы выжили* (у кого); *песок сыплется* (из кого); *глаз не оторвать* (от кого – чего); *снега зимой не выпросишь* (у кого); в) редко – определения, выражаемого обычно в речи притяжательным местоимением и употребляемого обычно параллельно с дополнением: *в чем только душа держится* (у кого, чья); *душа/сердце ушло в пятки* (у кого, чье).

В некоторых словосочетаниях могут иметь место две незамещенные синтаксические позиции: подлежащего и дополнения или одновременно двух дополнений: *ни бум-бум* (кто, в чем); *в отцы/матери годится* (кто, кому); *руки не доходят* (у кого, до чего); *раз плюнуть* (кому, что); *не указ* (кто, для кого).

В преимущественном большинстве оборотов незамещенная синтаксическая позиция подлежащего или дополнения требует использования в речи наименования деятеля (лица) и реже – объекта (предмета).

Вызывает интерес грамматическая характеристика предиката в СК-прототипах подобной конструкции. Роль предиката в них могут выполнять, во-первых, глаголы в различных грамматических формах; во-вторых, имена прилагательные (часто с употреблением при них зависимым словом или сравнительным оборотом); в-третьих, что наблюдается реже, местоимения и наречия.

Глаголы выступают в роли предиката наиболее частотно и представлены всевозможными грамматическими формами. Это могут быть:

1) спрягаемые формы глаголов 2 лица ед. ч., 3 лица ед. ч. настоящего или будущего времени, мужского или женского рода ед. ч. прошедшего времени, изъявительного наклонения. 2 лица ед. ч. повелительного наклонения.

Например: *на ходу подметки рвет* (кто); *ни в какие ворота не лезет* (что); *мухи не обидит* (кто); *звезд с неба не хватает* (кто); *пороха не выдумает* (кто); *и глазом не успел моргнуть* (кто); *калачом не заманишь* (кого); *каши не сварить* (с кем); *ни на какой козе не подъедешь* (к кому); *пальца в рот не клади* (кому);

2) безличные глаголы или глаголы, употребленные в безличном значении, в форме среднего рода ед. ч. Прошедшего времени или 3 лица ед. ч. Настоящего времени.

Например: *и не пахнет* (чем): *извилины не хватает* (у кого); *маковой росинки во рту не было* (у кого);

3) краткие формы страдательных причастий в ед. ч. или мн. числе. Например: *шито белыми нитками* (что); *одним миром мазаны* (кто); *одной веревочкой повязаны* (кто); *на воде вилами писаны* (что).

4) инфинитив глагола: *только за смертью посылать* (кого); *глаз не оторвать* (от кого, чего).

Как видно из перечисленных выше примеров, в них часто употребляются глаголы в формах, имеющих обобщенное значение, что приближает их по афористичности к половицам и поговоркам (Ср.: *зимой снега не выпросишь* – у кого – *без труда не выловишь и рыбку из пруда*; *пороха не выдумает, звезд с неба не хватает* (кто) – *ради красного словца не пожалеет и родного отца*).

Примечательно, что глагольные формы 2 лица и 3 лица ед. числа настоящего или будущего времени, а также 2 лица ед. числа повелительного наклонения часто употребляются с отрицательными частицами *не*, *ни*, благодаря чему высказывание носит более категоричный характер, обозначая действие, которое не совершится никогда или которое нецелесообразно производить.

Реже в функции предиката выступают имена прилагательные и местоимения. Имена прилагательные могут быть использованы в полной и краткой форме, в форме сравнительной степени, что делает аналогию более выпуклой: *тяжелый на подъем* (кто); *страшнее атомной войны* (кто); *бледен как полотно* (кто); *гол как сокол* (кто); *нем как рыба* (кто). Краткие формы прилагательных в таких случаях обычно употребляются в прямом значении (нем, бледен, беден), а метафоризируется сравнительный оборот при них. Тогда имеют место унилатеральные единицы.

Местоимение и наречие выполняют функцию предиката крайне редко. Наречие обуславливает семантику состояния, а специфика семантики местоимений обуславливает, во-первых, сему интенсивности в семантике ФО (весь), а во-вторых, указательности на субъект (себе): *ни холодно ни жарко* (кому); *ясно как божий день* (что, кому); *весь из себя* (кто); *себе на уме* (кто).

С точки зрения онтологической сущности ситуаций, обозначенных СК – прототипами структурами незамкнутого предикативного словосочетания, их можно объединить в следующие наиболее типичные группы:

1) Описание действий человека, по аналогии с которыми дается его характеристика: *ни шьет ни порет* (кто); *звезд с неба не хватает* (кто); *на ходу подметки рвет* (кто); *мухи не обидит* (кто).

2) Описание качеств предметов мира, действий, состояния окружающей среды, по аналогии с которыми дается характеристика состояния или отношения человека или объекта: *ни холодно ни жарко* (кому); *бледен как полотно*; *каши не сварить* (с кем); *ни в какие ворота не лезет* (что); *песок сыплется* (из кого); *котелок не варит* (у кого); *гайка слабовата* (у кого); *ветер гуляет в голове/карманах* (у кого).

3) Описание внешнего вида, повадок, поведения животных и птиц, по аналогии с чем дается характеристика ситуации или человека: *черная кошка пробежала* (между кем); *не баран чихнул* (что).

Другим, менее частотным типом ФО с синтаксической компрессией построения являются обороты, представляющие собой свернутые структуры, которые вербально закрепили лишь конечной суждение: *Хоть вой, Хоть бы хны, Ни бум-бум, Кто куда, Куда попало, Куда тут, Кто угодно, Кто надо, То-то же, Как бы не так, То-то и оно, Хоть бы что, Абы как, Вот тебе на!* и др. Их синтаксическое построение отражает еще большую компрессию мысли и соответственно вербального ее наполнения.

Понимание семантики такого рода «свернутых» структур опирается на знания носителями языка их полных по своей структуре, мотивирующих ФО словосочетаний и значение его отдельных компонентов, ключевых для формирования фразеологической обр-ности. Как видно из примеров, в таких фразеологизмах активно используются в качестве компонентов понятийно неполнозначные и служебные слова – местоимения и местоименные наречия (*кто, себе, оно, что, там, куда, где*), частицы (*хоть, бы, еще, вот*), союзы (*а, ни, не*), междометные и звукоподражательные слова (*хны, бум-бум*). Благодаря им формируется обобщенный смысл таких устойчивых единиц и разные коннотативные оттенки, придающие обороту многофункциональность употребления в речи. Такие ФО носят разговорную окраску и активно употребляются в живой разговорной речи. Методом

лингвистической реконструкции можно восстановить предполагаемую полную структуру таких фразеологизмов, причем на нее указывают сами компоненты оборотов.

Например, во ФО *Кто куда* местоименное наречие *куда* требует, согласно своей лексической валентности, использования глаголов движения – пошел, направился, побежал и т. д., а местоимение определенное *кто* указывает на самый широкий ряд лиц, движение которых названо оборотом. В итоге у ФО формируется значение: ‘в разные стороны’ (Фразеологический словарь русского литературного языка, 1997: 337). Данный ФО развил и переносное значение, так как направление движения субъектов в разные стороны ассоциируется с несогласованностью действий («лебедь, рак и щука»). Переносное значение оборота: ‘несогласованно, недружно, вразнобой, нестройно’. Однако воспроизвести полную форму генетически мотивирующего ФО словосочетания или предложения не всегда представляется возможным в силу нарушения синтаксических связей между актуальными компонентами фразеологизма, что говорит, на наш взгляд, об их мотивированности усеченными диалогическими репликами в живой разговорной речи.

Другая группа ФО представляет собой сочетание императива глагола с уступительной частицей *хоть/хотя* (*хоть волком вой, хоть умри, хоть застрелись, хоть вешайся, хоть тресни, хоть кол на голове теши, хоть глаз выколи*) или сочетание уступительной частицы с предложно-именной формой существительного со значением места (*хоть в прорубь с головой, хоть в петлю, хоть пулю в лоб*). Компонентный состав таких оборотов часто включает глаголы тематической группы со значением физической деструкции, которые формируют семантику безвыходного положения говорящего, его отчаяния или других отрицательных эмоций. А в сочетаниях с предложно-именными формами существительных последние обозначают способ самоликвидации. Восстановление полной формы таких единиц не требуется, их образная семантика прозрачна, поскольку их можно рассматривать как самостоятельное употребление уступительного придаточного.

Большой экспрессивностью обладают ФО с оценочной семантикой, выражающие эмоции говорящего, его психическое состояние, отношение к другим участникам диалога и к ситуации в целом. Это ФО *Куда там! Куда нам! Вот тебе на! А то! То-то же! Ничего себе! Вот еще!* и др. Они еще более свернуты по своей структуре, их образная семантика строится на символическом значении местоименных слов, частиц и междометных слов. Так, местоимение *то* имплицитно подтверждает правоту говорящего путем указания на какой-либо факт, междометие *на* – символизирует указание на определенную ситуацию, местоимение *ничего* используется в переносном значении – «удивительно».

Некоторые обороты строят свою образную семантику за счет свертывания полной структуры, которая «стоит» за оборотом: *Хоть куда* (годится кто или что), *Хоть бы что* (почувствовал кто-л.), *Куда ни шло* (дело, занятие, ситуация), *Абы как* (сделал, выполнил кто-л. что-л.) и т. д.

И наконец, последний тип ФО со свернутой структурой – это фразеологизированные синтаксические конструкции, используемые в построении различных типов сложных предложений. Во фразеологии они часто используются в паремиях – поговорах и поговорках: *Сколько ни...все* (Сколько волка не корми, он все в лес смотрит), *Куда ни...всюду* (Куда ни кинь – всюду клин), *Что ни...то* (Что ни слово – то жемчужина) и др.

Как видим, во фразеологии получили выражение разные типы «свертывания» микротекста, отражающего логику познания объективной действительности человеком. Явление синтаксической компрессии во фразеологии представляет собой, с одной стороны, действие закона речевой экономии, а с другой – способ выражения большей информации посредством меньшего языкового материала, расшифровка которого происходит благодаря внеязыковым знаниям в процессе общения.

Литература

Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. Семиотические и коммуникативные способы компрессии текста. – М., «Логос», 2003. – 279 с.

Кайгородова, И. Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка) / И. Н. Кайгородова. – Астрахань: Изд. АГУ, 1999. – 94 с.

Summary. The article describes the types of rolled-up syntax as the linguistic form of Russian phraseological units. Phraseological units are combined in some groups, provided with linguistic analysis.

Раздел I
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ СУЩНОСТЬ КОГНИТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДЫ

Алефиренко Н. Ф., Аглеев И. А.
КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА И ФРАЗЕМОСЕМИОЗИС*

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
alefirenko@bsu.edu.ru

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
z.agleeva@yandex.ru

Традиционно метафоричность рассматривалась как словесное свойство. Однако метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в действенно-практическом мышлении, формирующем фразеопорождающие концепты – базовые элементы обыденного сознания. По определению Дж. Лакоффа и Дж. Джонсона, «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» (Лакофф, Джонсон, 2004: 25). Если словесная метафора отражает лишь акт номинации, то когнитивная метафора позволяет новую мысль представлять через другую, более известную. Иными словами, это способ думать об одной объекте посредством образа другого, уже освоенного человеком. По мнению Х. Ортега-и-Гассета, метафоризация – практически единственный способ опредметить абстрактное представление, сделать отвлеченное зримым (Ортега-и-Гассет, 1991: 243). «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. [...] метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове» (Балли, 1961: 89).

На эвристический потенциал метафорического мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эрикссон и другие исследователи (работы многих из них представлены в сборнике «Теория метафоры» (1990)). Метафоре принадлежит ведущая роль в формировании когнитивной системы человека вообще. Ведь человек даже на уровне подсознания способен проецировать одно явление на другое. Происходит это потому, что наш опыт организуется с помощью некоего стереотипного образа – когнитивной модели, которая в языке объективируется в виде метафоры, метонимии или бленда¹.

Стереотипные образы-бленды возникают в актах фразеомобразующего взаимодействия языковых уровней в результате композитного структурирования концептов в более сложные когнитивные структуры – фреймы. Можно говорить о том, что «сборка» концептов во фреймы всегда предваряет возникновение фраземы. Так, фразема **мурашки бегают по коже (по спине, по телу)** у кого своим возникновением обязана не концепту «Мурашки», а целому комплексу концептных конфигураций, отображающих первопричину столь яркого психического эффекта: «ощущение», «озноб», «волнение», «страх». Ощущение озноба выражается в своеобразной реакции организма, кожей воспринимающего некий страх и волнение, которые передаются синонимической фраземой **мороз по спине дерет (продирает)** у кого. В результате этого возникает фразеомобразующий фрейм, конституентными слотами которого выступают концепты «Озноб», «Волнение» и «Страх». Процессуальный признак данного фрейма выражается синтаксическим концептом, репрезентантом которого выступает фразеомобразующая синтаксическая конструкция N1 + V + N6, предполагающая отнесенность выражаемого ощущения к субъекту и обстоятельство причины (источника данного состояния). Ср.: 1. *И если вам вдруг захочется воскресить те ощущения детства, когда читаешь книгу или смот-*

---

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2013 гг. № 14.А18.21.0993.

¹ Бленды – ирреальные ситуации, когда в его сознании объединяются несколько ментальных пространств, а в языке появляются сложные гибридные образования, называемые *блендами*.

ришь страшный фильм, а **по спине бегут** табуном **мурашки**, и ветки деревьев за окном превращаются в пальцы, которые тянутся к стеклу, в темных углах комнаты оживают зловещие тени, и на свет выбирается тот, кто живет под кроватью – посмотрите со своими детишками пару серий «Мурашек». Дети получают массу острых ощущений, а вы – вдоволь забавных и позитивных эмоций (Анонс фильма). 2. Он точно знал, что запер двери... Но шаги слышались все явственнее и ближе. Авдеева **мороз пробрал по спине**. Ему казалось, что сердце бьется почти в горле, а стук его слышен на весь мир (И. Мангашев. У черной черты). В настоящее время можно считать доказанным, что, поскольку когнитивная метафора (а) носит системный характер, (б) она позволяет осмыслить одни концепты с опорой на другие; (в) что, в свою очередь, открывает путь к сопряжению концептов, отстоящих сколь угодно далеко от исходных. Выделенные свойства когнитивной метафоры делают ее фразеомобразующим средством, поскольку она дает возможность увидеть какой-либо предмет (идею) в свете другого предмета (идеи). Это позволяет применять знание и опыт, приобретенные в одной области, для осмысления явлений другой сферы (Минский, 1988: 291). Иными словами, когнитивная метафора обеспечивает концептуализацию неизученного объекта по аналогии с уже сложившейся в данной этнокультуре системой представлений.

По своей изначальной функции когнитивная метафора отличается от языковой, воплощающей лишь риторические зигзаги вторичной номинации. Когнитивная метафора – это механизм, позволяющий новую мысль (сферу) представлять через другую, известную мысль (сферу), другими словами, это способ думать об одной содержательной области посредством понятий о другой области, уже освоенной человеком. Для характеристики такой единицы лингвисты используют термин «когнитивная метафора» (Н. Д. Арутюнова), «концептуальная метафора» (В. Н. Телия, Е. О. Опарина), «базисная метафора» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), «метафорическая модель» (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. Н. Чудинов, Н. А. Илюхина), «образ-схема» (Дж. Лакофф), «модель регулярной многозначности» (Ю. Д. Апресян), «метафорическое поле» (Г. Н. Скляревская), «образная парадигма» (Н. В. Павлович), «ассоциативно-образное лексико-семантическое поле» (Е. А. Юрина). Когнитивная метафора настолько важна для человека, что Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания вообще со способностью к метафоризации. Дело в том, что абстрактные когнитивные структуры формируются путем конкретных метафорических переносов (Jaunes, 1976: 50). Вот почему сложно переоценить значимость метафорического мышления. Оказывается, без него мы были бы лишены абстрактного, оторванного от конкретной предметности мировосприятия. А без него невозможно фразеомобразование. Разделяя эту точку зрения, Дж. Лакофф заключает: «локус метафоры – в мысли, а не в языке» (Лакофф, 2004: 203). Точнее, в этнокультурном сознании, управляющем (в сопряжении долговременной памяти и лингвокреативного мышления) механизмами косвенной номинации. Исходя из этого, можно утверждать, что метафора – это основной способ построения глобального языкового образа мира, возникающего благодаря более объемному (более широкому и глубокому) пониманию мира на базе взаимодействия *актуальной* (языковой) и *долговременной* (культурно-исторической) памяти. Поскольку культурно-историческую память представляют не только языковые знаки, но и ментальные образования, когнитивная метафора, порождая фраземы, служит языковым воплощением мировосприятия и миропонимания народа. В связи с этим когнитивная метафора является феноменом фразеомобразующего взаимодействия языка, мышления и культуры. Существует несколько когнитивно-метафорических кластеров фраземосемиозиса: архетипичный, ориентационный, сенсорно-перцептивный, антропоцентрический, ситуативно-событийный. Все они обнаруживаются в ранее приводимых примерах.

1. Архетипичный кластер, который формирует смысловой остов фраземопорождающих метафор. Архетипичные когнитивные метафоры формируют многие фразеологические смыслы, которые хранятся на уровне нашего подсознания. Фразеомобразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие когнитивно-семантического и лексического уровней.

2. Ориентационный кластер проецирует (в пространстве и времени) семантическую специфику фразем. В свете концепции акад. Ю. С. Степанова о трехмерном пространстве языка (Степанов, 1995) мы рассматриваем когнитивную метафору в качестве важного фактора фразеологического представления трехмерного пространства мира,

имеющего три однородных измерения – высоту, ширину и длину. Иными словами, трехмерное пространство описывается тремя единичными ортогональными векторами. Пространство является формой существования, упорядочения мира. Понимание трехмерного пространства людьми, как утверждают специалисты, развивается еще в младенчестве, и тесно связано с координацией движений человека. Визуальная способность воспринимать окружающий мир органами чувств в трех измерениях называется глубиной восприятия. Осознаваемый мир – это мир наших представлений и образов памяти. Он также трехмерен, как и видимый мир. Кстати, себя мы тоже воспринимаем как один из объектов, заполняющих этот видимый мир. Это свойство нашего мировосприятия отражается на антропоцентричности фраземики, где исходной точкой измерения трехмерного пространства служит сам человек.

Антропоцентрический характер мировосприятия непосредственно связан с языком, в частности с единицами косвенной номинации. Дело в том, что восприятие мира – это взаимопереход образа восприятия в образ сознания. Уточним: взаимопереход конкретного образа восприятия в абстрагированный образ сознания, что предполагает его непрямую (вторичную и косвенно-производную) вербализацию с помощью словесных метафор и фразем. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены фразеомобразования, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем первичным здесь является предметно-деятельностный опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур, качестве которых выступают даже не образы, а их схемы. В рамках этого кластера находятся фраземы, в которых добро и власть ассоциируются с верхним уровнем пространственной вертикали; явления, воспринимаемые как норма – с надземным существованием; все враждебные и пагубные явления – с подземным пространством. Преимущества фраземосемиозиса в том, что он позволяет фиксировать не только местонахождение, но и процессы, происходящие в трехмерном пространстве. А это предполагает использование четвертого измерения этноязыкового континуума фразеомобразующего дискурса, которым является время. Таким образом, лингвокогнитивный эффект не прямой вербализации состоит в моделировании четырехмерного пространства: трех пространственных периметра (высоты, ширины и длины) и временного. Можно сказать, что ориентационный кластер имеет хронотопную направленность. Фразеомобразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие лексического и синтаксического уровней.

3. Сенсорно-перцептивный кластер (эмоции, увлечение, негатив, равнодушие) имплицитно фразеологическую коннотацию. Что-либо понять, – пишет Джулиан Джейнс, – значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного (Jaynes, 1976). Фразеомобразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие единиц лексического уровня с ментальными структурами.

4. Антропоцентрический кластер когнитивных метафор обуславливает оценочно-прагматический фон фразем. Он объединяет когнитивные метафоры, связанные с приданием окружающим явлениям свойств и признаков человеческого естества, в результате которого возникают фраземы путем олицетворения. Фразеомобразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие единиц лексических единиц на уровне прямой и косвенной номинации. В настоящее время никто уже не рискнет оспаривать идею антропоцентричности идиоматики, которая предлагает в качестве естественной точки отсчета фигуру самого человека, являющегося «наблюдателем» события и пропускающим его через призму собственного восприятия. Наличие центра-человека фиксируется во множестве фразеологических значений.

5. Ситуативно-событийный кластер предопределяет структурно-синтаксическую архитектуру той или иной фраземы. Метафорическая проекция денотативной ситуации фраземы осуществляется не только путем выражения релятивности между отдельными элементами концептов, но и между целыми структурами концептуальных доменов. В рамках ситуативно-событийного кластера формируется импликационный потенциал фразеомобразующих концептов, их способность обретать дискурсивный ореол и коммуникативно-прагматическую энергетiku. Фразеомобразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие единиц лексического и грамматических уровней (морфологии и синтаксиса).

Иными словами, когнитивная метафора обеспечивает концептуализацию неизученного объекта по аналогии с уже сложившимися кластерными системами. Когнитивная метафора позволяет осмыслить фраземосемиозис как взаимодействие одних концептов с другими, служащими эталонами восприятия стереотипной ситуации. Если развить мысль М. Минского, то фраземосемиозис, основанный на когнитивной метафоре, «дает нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенный в одной области, для решения проблемы в другой области» (Минский, 1988: 291-292). При этом в синергетическом эпицентре фразеомобразующего взаимодействия оказываются психологическая энергия образа, смыслопорождающая природа метафоры и функциональный потенциал символа. Фразеологический образ не тождествен чувственно-предметному образу его прототипа: первый можно «увидеть» только внутренним взором, второй – отражением в нашем сознании реальных предметов фразеомобразующего дискурса.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
- Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
- Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – С. 281-309.
- Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 243.
- Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 332 с.
- Теория метафоры / Сост. Н. Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990.
- Jaynes, J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind / J. Jaynes. – Houghton Mifflin Company, 1976.

Summary. The authors emphasize sense-producing nature of cognitive metaphor and its importance in the verbalization of different mental structures. The article deals with cognitive metaphor as the basis for idioms in the complex interaction of thinking, language and culture.

Арсентьева Е. Ф., Семушина Е. Ю.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ РАСШИРЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ

Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет
elenaarsentiewa@mail.ru

Целью данного исследования является рассмотрение основных когнитивных моделей, которые используются носителями русского и английского языка при создании расширенной фразеологической метафоры. Актуальность исследования заключается в том, что именно при создании окказиональных лингвистических единиц особенно ярко проявляются метафоричность мышления, развертывание когнитивной модели представляет особый интерес. Новизна исследования представлена в анализе когнитивных моделей, используемых носителями двух разноразличных языков при поиске соответствий окказиональной расширенной фразеологической метафоры.

Метафоричность мышления в свете когнитивной теории активно исследуется на современном этапе развития языкознания. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний сферы-источника и сферы-мишени. Сфера-мишень, которая и составляет сущность когнитивного потенциала метафоры, формируется на основе опыта взаимодействия индивидуума с окружающим миром (Кубрякова, 1997). Кроме того, метафора является неотъемлемой частью культурного наследия носителей того или иного языка (Лакофф Дж., 2004). Иными словами, ряд фреймов являются врожденными, возникая в процессе познания мира каждым человеком (Рябов, 2009), другие усваиваются в момент приобретения опыта, третьи же основываются на знании конкретного языкового коллектива.

В целом, метафорическая проекция может существовать и между целыми структурами концептуальных доменов, причем сохраняя, согласно теории инвариантности, частично структуру сферы-источника (Лакофф, 2004, 1990, Кубрякова, 1997). Ярким примером такого типа когнитивной метафоры является расширенная фразеологическая метафора.

Расширенная фразеологическая метафора является одним из основных способов контекстуальной трансформации языковых единиц и характеризуется индивидуальной принадлежностью, новизной, непредсказуемостью, зависимостью от контекста, семантической и стилистической связью с базовой формой. Расширенная метафора как вариант когнитивной метафоры является сложным мыслительным процессом, который может базироваться на нескольких концептуальных метафорах. Иными словами, развертывание когнитивной модели подразумевает создание нескольких ассоциативных метафор, связанных с базовым значением фразеологической единицы (Nacicsione, 2001). Расширенная метафора может быть отнесена к типу «конструирование» (blockbuilding metaphor), который организует когнитивную метафору как «конструкцию» из более мелких смыслов (Кубрякова, 1997).

Расширенная фразеологическая метафора распространена в тексте, это поток мотивов, создающих ассоциативные метафоры, которые связаны между собой, охватывая всю область текста, причем каждый из мотивов основан на предыдущем, что поддерживает единство между предложениями (Nacicsione, 2001). Расширенная метафора является комплексным способом контекстуальной реализации ФЕ, что приводит к изменению как сигнификативно-денотативного, так и коннотативного аспекта значения базовой фразеологической единицы.

На современном этапе развития языкознания активно развивается идея, что в основе метафорического переноса – заимствование и взаимодействие идей и смена контекста (Ричардс, 1990). Специфика взаимоотношения ФЕ и фразеологического контекста заключается в том, что фразеологическая единица представляет собой, и особый самостоятельный контекст и, в то же время, является частью фразеологического контекста (Потолдыкова, 2004). Соответственно, изменения ФЕ внутри окказионального фразеологического контекста происходят не произвольно, а подчиняются определенным правилам, на которых базируется функционирование исследуемого контекста. Одним из основных факторов, оказывающих влияние на способ изменения ФЕ в контексте, является внутренняя форма фразеологической единицы, так как «механизмы формирования новой единицы опираются на внушительную когнитивную базу» (Каленова, 2011: 114). Внутренняя форма ФЕ «преломляет и конкретизирует сфокусированные в ней субъективные смыслы, получающие дискурсивную интерпретацию» (Алефиренко, 2002: 278). Иными словами, фразеологический контекст содержит информацию, которая определяет мотивировку использования определенной ФЕ в окказиональной форме (Третьякова, 2011). Метафора функционирует как изменчивый организм, таким образом, подчеркивая необходимость учета дискурсивных факторов при рассмотрении функционирования концептуальной метафоры (Будаев, 2008).

Вопрос о соотношении возникновения образов и понятий в общечеловеческом плане и в отношении мировидения языкового коллектива остается открытым. Существует предположение, что при образовании метафоры актуализируются два фрейма и не последнюю роль играют как «помещение содержания высказывания в уже существующий фрейм», так и «интерпретация с учетом уже имеющегося опыта» (Арутюнова, 1990, Рябов, 2009).

В целях проведения эксперимента нами были отобраны образные фразеологические единицы английского и русского языков, выступающие по отношению друг к другу как фразеологические эквиваленты и аналоги. Эксперимент проводился после прохождения темы «Контекстуальное использование фразеологических единиц» по спецкурсу «Основы английской фразеологии» на третьем курсе отделения романо-германской филологии Казанского федерального университета. Обратимся к ряду примеров.

Английский фразеологизм «a wolf in sheep's clothing» и его русское эквивалентное соответствие «волк в овечьей шкуре» имеет значение 'человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели, лицемер' (ФСРЯ, 1967: 77). Лежащий в основе прототипа фразеологизмов образ является ярким и понятным носителям обоих языков.

В английском языке в приводимом ниже примере развитие подобразов произошло за счет обыгрывания разницы и величины «шкур» овцы и волка и присущих волку острых зубов, не характерных для «невинной» овцы. Мы также наблюдаем добавление компонента «real» к началу фразеологической единицы и фразеологический повтор части ФЕ «sheep's clothing»:

As years passed she began to understand that her husband was a *real wolf in sheep's clothing*. His colleagues were fond of his jokes and cheerful disposition, and only a few of them as well as she herself began to notice that sometimes *his sheep's clothing was too small for him and his teeth were too sharp for an innocent sheep*.

В русском языке студент «расширил» образ фразеологизма путем добавления подобраза «волчьего оскала» при приближении к жертве, с одной стороны, и жалобного блеяния овцы при встрече с хищником, с другой:

Как трудно давалась ему роль **волка в овечьей шкуре!** Как трудно было *блеять и скрывать свой волчий оскал, особенно когда добыча была рядом*.

В следующих двух фразеологических единицах «smb vanished into thin air» и «как /будто, словно, точно/ в воду канул кто» со значением «бесследно исчез, пропал» (Молотков, 1967: 193) появление и развитие подобразов обусловлено особенностями воздуха и воды. Если в английском примере обыгрываются прозрачность и проницаемость воздуха, а также один из компонентов фразеологизма – «thin» – «тонкий», то в русском примере образ, лежащий в основе фразеологической номинации, вызывает развертывание следующих когнитивных связей: если кто-то или что-то падает в воду, слышится всплеск, и по воде расходятся круги. Таким образом, происходит одновременное использование фразеологического каламбура и развернутой метафоры. Фразеологическое насыщение контекста также достигается путем фразеологического повтора двух наиболее значимых компонентов данных фразеологических единиц – «air» и «вода». Интересно также отметить, что и в английском, и в русском языках были использованы сравнительные конструкции «not only... but also» и «не только, но» для усиления экспрессивности высказывания. В русском языке усилению экспрессивности и эмотивности также служит использование прилагательных «тихого» и «слабых», создающих яркий образ отсутствия каких-либо следов бесследно исчезнувшего человека у реципиента:

A lot of people **vanished into thin air** then. Perhaps *the air was not only too thin but also too transparent and penetrable* at that time.

Вскоре дошли слухи, что Андрей **как в воду канул**. Где только не искали его родственники, к кому только не обращались. *Не только тихого всплеска воды никто не услышал, но даже слабых кругов воды никто не заметил*.

Фразеологические единицы «show one's teeth /claws/» и «показывать <свои> когти /коготки, зубы/» и «показывать <свои> когти /коготки, зубы/ со значением «проявлять по отношению к кому-либо враждебность, нетерпимость, обнаруживать готовность дать отпор кому-либо» (Молотков, 1967: 335) также характеризуются ярким и наглядным образом прототипа.

Развитие фразеологических связей и непрерывности метафорической цепи в английском примере происходило по следующей когнитивной модели: если кто-то показывает свои зубы и, таким образом, угрожает, то он может пустить их в ход. Укус, как правило, бывает болезненный, однако в ряде случаев он может быть и ядовитым. В результате подобразы получились яркими, а экспрессивность была также достигнута за счет особого построения предложений: вопросительного отрицательного и сложноподчиненного с одноклассным главным, а также усилительной конструкции «not only but also» и фразеологического повтора компонента фразеологизма «to show»:

Why not **show his teeth again?** *To show that the bite will be not only painful but also poisonous*.

В русском примере мы наблюдаем фразеологическое насыщение контекста за счет использования фразеологического каламбура, фразеологического повтора компонента «зубы» и употребления еще одной фразеологической единицы «со <всеми> потрохами», подвергнутой контекстуальному окказиональному изменению. Развитию подобразов способствует следующее когнитивное развертывание образа: если показывать зубы, так острые – если зубы острые – можно и со всеми потрохами съесть кого-либо – для того, чтобы поймать добычу и использовать острые зубы, надо ее поймать – для того, чтобы обнару-

жить добычу, надо иметь зоркие глаза. В результате возникла непрерывная метафорическая цепь, состоящая из главного образа и подобразов:

– Ты что, не знаешь? Если не **покажешь свои зубы**, *быстро сожрут и потрохов не оставят. Вот и приходится зубы иметь острые, а глаза зоркие.*

В последних двух примерах для создания расширенной метафоры были использованы фразеологические единицы «the ground is slipping from under smb's feet» и «почва /земля/ уходит /ускользает/ из-под ног кого, чьих, у кого. почва /земля ушла из-под ног кого, чьих, у кого» со значением «чье-либо положение становится ненадежным, неуверенным, шатким; кто-либо теряет уверенность в своем положении или успехе какого-либо дела, начинания» (Молотков, 1967: 349).

Появлению подобразов и разворачиванию метафорической цепи «способствовали» следующая когнитивная модель: если земля ускользает из-под чьих-либо ног, человек пытается за что-либо уцепиться, причем обеими руками для того, чтобы сохранить равновесие. Весьма умело в примере использована еще одна фразеологическая единица «keep one's balance» со значением 'сохранять спокойствие, душевное равновесие', буквальное значение «сохранять равновесие» (Кунин, 1984: 61). Ее использование продолжает развитие основного образа одновременно в прямом и переносном смысле. Фразеологическое насыщение контекста достигается также за счет вклинивания слова «gradually», а экспрессивность – за счет повторения слова «nothing» в сложносочиненном предложении:

The ground was gradually slipping from under his feet. There was nothing around him to seize with both hands, nothing which could keep his balance.

В русском примере образу твердой, надежной почвы под ногами противопоставляется образ болотной жижи, которая затягивает человека все глубже и глубже, и из которой нет спасения. Появление подобраза болота «включает» когнитивный механизм разворачивания данного подобраза, ярко характеризующего ужасы гибели в болоте. Таким образом, появляется подобраз смрадных испарений болота:

С каждым днем Костя все больше чувствовал, что **почва уходит у него из-под ног**. *Вместо твердой земли – болотистая жижа, которая затягивает тебя все глубже и глубже, а вокруг поднимаются смрадные испарения.*

Итак, когнитивная расширенная метафора является живым организмом, который функционирует в определенном фразеологическом контексте, который мотивирует изменения базовой ФЕ, происходящие, соответственно, не произвольно, а согласно определенным правилам. В основе процедуры разворачивания когнитивной модели очевидны как образы общечеловеческого плана, так обусловленные мировоззрением языкового коллектива. Сопоставительный анализ когнитивных моделей, используемых при создании расширенной метафоры в двух языках, показывает большее число сходств, чем отличий, однако использование более конкретных, вещественных подобразов наблюдается при разворачивании когнитивной модели в русском языке.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.

Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. 1990. – С. 296-297.

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 248 с.

Каленова, Н. А. Внутренняя форма индивидуально-авторских фразеологических единиц (на материале эпистолярного дискурса) / Н. А. Каленова // Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской. К 70-летию со дня рождения. – Курган: Изд. Курганского ун-та, 2011. – С. 141-144.

Контекстуальное использование фразеологических единиц / под ред. проф. Е. Ф. Арсентьевой. – Казань: Хэтер, 2009. – 168 с.

Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь 4-е изд. /А. В. Кунин. – М.: Рус. язык, 1984. – 944 с.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Лакофф, Дж., Джонсон, М. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Потолдыкова, Е. В. Лингвопрагматический аспект фразеологической вариативности в англоязычном массово-информационном дискурсе / Е. В. Потолдыкова. Дис. ... канд. наук. – Волгоград. 2004. – 167 с.

Ричардс, А. А. Теория метафоры / А. А. Ричардс // Философия риторики. – М., 1990. – С. 44-67.

Рябов, А. Г. Метафора в свете когнитивной теории / А. Г. Рябов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов № 7. 2009. – С. 86-89.

Третьякова, И. Ю. Оказиональные фразеологизмы и контекст / И. Ю. Третьякова // Ярославский педагогический вестник. 2011. №2. Т1. – С. 161-163.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

Nacisone, A. Phraseological units in discourse: Towards applied stylistics / A. Nacisone. Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. – 239 p.

Summary. The peculiarities of creation of extended metaphor in English and Russian are examined in the article. Influence of a phraseological context on the extended metaphor is analyzed within the bounds of the cognitive theory. Cognitive models used by native-speakers of English and Russian when creating the extended metaphor or finding correspondences are under study.

Арышева А. Ю., Катъшев П. А.

КОЛЛОКАЦИИ ИСТЦА И ОТВЕТЧИКА В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Россия, г. Кемерово, Кемеровский государственный университет
frau.arysheva@yandex.ru, katpa@rambler.ru

Любая лингвистическая дисциплина не является замкнутой, а так или иначе взаимодействует с другими разделами языкознания. Фразеология не исключение. Круг ее взаимодействий достаточно широк, но нас интересуют ее отношения с юридической лингвистикой. Связующим звеном этих дисциплин, на наш взгляд, может выступать такая характеристика, как устойчивость. Фразеология занимается изучением устойчивых, то есть сложившихся, мало подверженных изменениям, единиц. Юридическая лингвистика, занимающаяся текстами юрисдикционного подстиля официально-делового стиля, также имеет дело с определенными устойчивыми языковыми единицами, которые функционируют в этих текстах в силу действующих в официально-деловом стиле тенденций стандартизации и унификации. Рассмотрим взаимодействие этих двух дисциплин на конкретных примерах их пересечения.

Судебное решение как речевой жанр имеет свои особенности, обусловленные его принадлежностью к официально-деловому стилю. В судебной коммуникации как разновидности институционального общения преобладают тенденции стандартизации, унификации и повышения конвенциональности. Это жестко ограничивает выбор языковых средств при создании текстов судебных решений и определяет специфику их использования: не расширение за счет выбора новых, ранее не употреблявшихся, а сужение, вытекающее из повторения одних и тех же оборотов и конструкций (в частности, это касается используемых в текстах судебных решений номинаций). Поэтому встает вопрос о возможности существования в текстах судебных решений такого языкового явления, как коллокация.

На протяжении всей истории изучения коллокации рассматривались в тесной взаимосвязи с фразеологизмами: **«коллокации – единицы, имеющие немало общего с фразеологизмами. Особенности коллокаций важны для их изучения в теоретических и практических аспектах»** (Борисова, 1995: 14). Однако лингвистами, занимавшимися изучением коллокаций (В. В. Виноградов, Е. Г. Борисова, Е. В. Кривова, Ф. А. Абдуль-Сад и др.), неоднократно подчеркивались их отличия от фразеологизмов. Обычно под коллокацией понимается словосочетание, выступающее как семантическая и синтаксическая целостная единица, в которой одно слово выбирается по смыслу, а другое зависит от него. Отличительным признаком коллокаций от идиом является то, что компоненты словосочетания (хотя бы одно из них) сохраняют свои лексические значения при устойчивости значения всей единицы. Кроме того, для коллокаций характерно ослабление или отсутствие эмоциональной оценочной нагрузки. Подобные сочетания слов широко представлены в языке и невозможно представить

общение без их употребления (играть роль, оказать помощь, выполнить долг, привести в порядок, подать жалобу и т.д.). Однако коллокации могут состоять не только из имен нарицательных, но и из имен собственных, что делает возможным отнесение к ним наименований географических объектов, объектов культуры и прочих реалий, содержащих в своем названии имя собственное. В связи с этим представляется возможным рассмотрение номинаций, используемых в текстах судебных решений, как разновидности коллокаций. Для рассмотрения этого вопроса необходимо проследить, какие именно номинации будут являться коллокациями, какими факторами обуславливается устойчивость используемых номинаций и какие языковые процессы происходят в тексте при номинировании.

Текст судебного решения имеет жесткую композиционную структуру. Он состоит из четырех частей, каждая из которых характеризуется определенным содержанием. Первая часть – вводная. Согласно пункту 2 статьи 198 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, вводная часть содержит **«указание даты и места принятия решения суда, наименование суда, принявшего решение, состава суда, секретаря судебного заседания, сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, предмета спора или заявленного требования»**. За вводной частью следует описательная часть, отражающая **«указание на требование истца, возражения ответчика и объяснения других лиц, участвующих в деле»** (ГПК РФ, п. 3 ст. 198.). Третьей частью является мотивировочная часть. Её основным содержанием становится **«указание обстоятельств дела, установленных судом, доказательств, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах, доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства, законы, которыми руководствовался суд»** (ГПК РФ, п. 4 ст. 198.). Последняя часть судебного решения носит название резолютивной. В ней представлены **«выводы суда об удовлетворении иска либо об отказе в удовлетворении иска полностью или в части, указание на распределение судебных расходов, срок и порядок обжалования решения суда»** (ГПК РФ, п. 5 ст. 198.).

Жесткая закреплённость определенного содержания за каждой частью не может не отражаться на выборе тех или иных языковых средств, в частности, на выборе номинаций при обозначении в тексте каких-либо участников судебного процесса. Поэтому представляется важным рассмотрение взаимосвязи употребления номинаций и композиционной структуры решения, соотношения первичных и вторичных номинаций в аспекте понимания судебной коммуникации как конвенционального процесса.

Остановимся на номинациях истца и ответчика. Поиск взаимосвязи между особенностями композиционной структуры и употреблением номинаций указанных участников судебного процесса предполагает введение понятия фокусной анафоры.

Понятие «фокусная анафора» (дискурсивная анафора) появляется в 1970-х годах на фоне перехода лингвистики от рассмотрения отдельно взятого предложения к проблемам связного текста и к прагматике дискурса. Оно активно разрабатывается А. А. Кибриком, который определяет сущность фокусной анафоры тем, что есть **«два вида промежуточных объектов, через которые анафорический элемент связывается со своим референтом, – синтаксический antecedent, кореферентный анафорическому элементу, и фокус внимания»** (А. А. Кибрик) адресанта и адресата. Таким образом, понятие фокусной анафоры заключается в том, что в текст может быть введена информация, значительно отдаленная от antecedента, либо сам сегмент текста, содержащий эту информацию, может быть очень велик и нечетко вербализован. Анафорический элемент удерживает эту информацию об antecedенте в фокусе внимания адресата текста. При анафорическом связывании происходит поиск по нахождению референта в эпизодической памяти. Референт может существовать в тексте в виде точки референции, которую можно определить следующим образом, ссылаясь на Р. Лангакера: **«такая концептуализация, которая используется потом для доступа к другим концептуализациям»** (О. В. Федорова). В связи с этим текст можно разделить на два фокуса внимания – глобальный фокус (гипертему) и локальный фокус (топик). В глобальном фокусе текста будет находиться тот референт, который будет существовать в виде точки референции, а в локальном фокусе – относящиеся к точке референции концептуализации. Если связывать это с представленным выше пониманием фокусной анафоры, то точкой референции будет являться antecedent.

Используемые для повторной номинации концептуализации референта будут разделяться на две группы – это полноценные номинации и неполноценные номинации, к которым относятся местоименные номинации. Объектом нашего внимания становятся полноценные номинации. В зависимости от обозначаемого объекта различаются два типа полноценных номинаций: элементная и событийная (ситуативная) (Языковая номинация (общие вопросы), 1977: 78). Элементная номинация обозначает определенный элемент действительности. В основе элементных номинаций лежат признаки, которые присущи объекту номинации постоянно (собственное имя, гендерный признак) или длительное время (признаки родства). Поэтому к группе элементных номинаций из анализируемого материала будут относиться следующие единицы:

1) собственные имена: *Шестакова Светлана Владимировна, Алтайское региональное отделение фонда социального страхования Российской Федерации, Анна Владимировна, Карпов Э. В., Виталий, Высоцкая, Кемеровская областная общественная организация «Правозащита», ООО «Эльт-Кемерово»;*

2) термины родства: *дочь, сын, внук, мать, отец, ребенок;*

3) номинации, основанные на гендерном признаке: *девочка, женщина, мужчина.*

Событийная номинация в качестве номината имеет микроситуацию, то есть событие, факт, объединяющие ряд элементов. В основе ситуативных номинаций лежат признаки, которые объект номинации получает в определенной ситуации – на ограниченный срок времени. Ситуативные номинации включают следующие единицы:

1) номинации, указывающие на роль лица в судебном процессе: *истец, ответчик, ответчица, ответчики, представитель истца, представитель ответчика;*

2) номинации, отсылающие к правовому статусу участников судебного процесса: *несовершеннолетний/ая (ребенок/сын/дочь), малолетняя (дочь), недееспособный, гражданин, собственник, залогодатель;*

3) номинации, выражающие социальный статус участников судебного процесса: *работодатель, покупатель, продавец, работник, кредитор, заемщик.*

Проследим использование того или иного вида полноценных номинаций в тексте судебного решения, опираясь на структуру решения. Точкой референции (антецедентом) будут являться имена собственные (фамилия, имя, отчество для физических лиц, название организации как юридического лица), используемые во вводной части решения (гипертема текста) и определяющие процессуальную позицию субъекта – истец или ответчик. Например, *«Центральный районный суд г. Кемерово в составе судьи _____ при секретаре _____, рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Кемерово «__» ____ 20__ года гражданское дело по иску Федоренко Олеси Леонидовны к Обществу с ограниченной ответственностью «Дебют» о взыскании заработной платы, компенсации морального вреда, УСТАНОВИЛ...», «Центральный районный суд г. Кемерово в составе судьи _____ при секретаре _____, рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Кемерово «__» ____ 20__ года дело по иску Открытого акционерного общества Банк ЗЕНИТ к Деревянчуку Александру Александровичу о взыскании задолженности по кредитному договору, УСТАНОВИЛ...», «Центральный районный суд г. Кемерово в составе председательствующего _____ при секретаре _____, рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Кемерово «__» ____ 20__ года гражданское дело по иску Прокурора Центрального района г. Кемерово к Государственному учреждению здравоохранения «Областной клинический госпиталь ветеранов войн», Департаменту охраны здоровья населения Кемеровской области о понуждении к совершению действий, УСТАНОВИЛ...», «Центральный районный суд г. Кемерово Кемеровской области в составе председательствующего _____ при секретаре _____, рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Кемерово «__» ____ 20__ года гражданское дело по иску Перебоевой Людмилы Ивановны к Администрации г. Кемерово о сохранении жилого помещения в переустроенном и перепланированном состоянии, УСТАНОВИЛ...».*

Описательная часть в виду специфики своего содержания включает множество концептуализаций референтов: *«Ответчик Полянская Я. В. является матерью одиночкой несовершеннолетнего Полянского Д. А., _____ года рождения. Ответчик не занимается воспитанием и содержанием своего несовершеннолетнего сына, не заботится о его здоровье, физическом, психическом, духовном разви-*

ти, ведет аморальный образ жизни, ВИЧ-инфицирована. Воспитанием и содержанием **малолетнего ребенка** занимается бабушка – Архипкина Н. Г., которая его полностью обеспечивает», «**Истец Перебоева Л. И.** в судебном заседании на удовлетворении заявленных требований настаивала. **Представитель ответчика** в судебное заседание не явился, о месте и времени рассмотрения дела извещен надлежащим образом, о причинах своей неявки в судебное заседание суду не сообщил, с заявлением о рассмотрении дела в его отсутствие не обращался», «**Истец Базарнова А. В.** в судебное заседание не явилась, о времени и месте судебного заседания уведомлена надлежащим образом, письменно просила рассмотреть дело в ее отсутствие. **Представитель истца Русаков В. Г.**, действующий на основании доверенности...», «В связи с полученной травмой **Сараев** находился на больничном...», «**Ответчик Рябинкин М. Ю.** в судебное заседание не явился...».

Мотивировочная часть содержит повторные номинации, сведенные к обобщенным категориям законов: «Согласно п. 1 ст. 819 ГК РФ по кредитному договору **банк** или иная **кредитная организация (кредитор)** обязуются предоставить денежные средства (кредит) **заемщику** в размере и на условиях, предусмотренных договором, а **заемщик** обязуется возратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее», «Согласно ст. 134 СК РФ, по просьбе **удочерителя удочеренному ребенку** присваиваются фамилия **удочерителя**, а также указанное им имя. Отчество **удочеренного ребенка** определяется по имени **удочерителя**, если **удочеритель** мужчина, при удочерении **ребенка** женщиной – по имени лица, указанного ею в качестве **отца удочеренного ребенка**. Об изменении фамилии, имени и отчества **удочеренного ребенка** указывается в решении суда о его удочерении».

Резолютивная часть содержит концептуализации, равные антецеденту, используемому во вводной части судебного решения: «**Исковые требования Прокурора Центрального района г. Кемерово к Государственному учреждению здравоохранения «Областной клинический госпиталь ветеранов войн», Департаменту охраны здоровья населения Кемеровской области о понуждении к совершению действий удовлетворить**», «**Требования Открытого акционерного общества Банк ЗЕНИТ удовлетворить. Расторгнуть Соглашение о порядке предоставления кредита в форме овердрафта по СКС Клиента от _____ г., заключенное между ОАО Банком ЗЕНИТ и Деревянчуком Александром Александровичем**», «**Заявление Титовой Лидии Владимировны, Титова Макара Александровича об установлении удочерения удовлетворить**».

Таким образом, некоторые употребляемые в текстах судебных решений повторные номинации истца и ответчика можно считать коллокациями. Их устойчивость определяется многими факторами. Речевой жанр судебного решения, специфика которого (в том числе и используемые номинации) определяется внеязыковой действительностью, а именно ситуацией взаимодействия, диктует правила номинирования. Структура решения жесткая, исключая какие-либо возможности ее видоизменения, как-то: перестановку частей в другой порядок, исключение какой-либо части и т.д., – за ней жестко закреплено определенное содержание, не подлежащее его изменению или замене на другое. Как мы увидели, каждая часть характеризуется использованием тех или иных номинаций. Вводная и резолютивная части совпадают по номинациям и это объясняется экстралингвистической функцией этих частей: четко и однозначно определить участников дела и их отношения к друг другу (кто истец, а кто ответчик) и также четко и однозначно обозначить, к кому из участников процесса санкции применяются или не применяются. Поэтому в этих частях невозможна какая-либо иная номинация, кроме номинации по имени собственному, что позволяет однозначно соотносить антецедент, его концептуализации и референт – объект/субъект внеязыковой действительности. Эти номинации не будут являться коллокациями, так как номинация-антецедент и концептуализация, равная антецеденту обладают повышенной степенью индивидуальности, возможности отнесения только к одному референту, что не могут считать типичной, повторяемой структурой. Мотивировочная часть в силу особенностей своего содержания закрепляет за собой использование обобщенных номинаций, восходящих к обобщенным категориям законов. Эти номинации тоже трудно назвать коллокациями, так как по большей части они однословны. Описательная часть в отношении номинирования самая свободная. Она отображает суть и ход дела и представляет собой своеобразное повествование о том, что произошло.

Поэтому номинации, которые могут в ней использоваться, намного разнообразнее, чем номинации остальных частей. И именно многие из используемых в этой части номинаций будут являться коллокациями. Это перечисленные выше номинации лица по роли в судебном процессе, по правовому или социальному статусу, по родственным отношениям и другие возможные номинации, имеющие устойчивую структуру, а именно: *ответчик Шестакова А. В., ответчик Полянская Я. В., несовершеннолетний ребенок, несовершеннолетний сын, несовершеннолетний Карпов Виталий, несовершеннолетний сын – Карпов Виталий, несовершеннолетний ребенок – Соколова Виктория*. Структура этих номинаций отличается наличием одного повторяющегося компонента (в приведенных выше номинациях – *ответчик, несовершеннолетний*) и одного или нескольких изменяющихся, позволяющих относить используемую концептуализацию к конкретному референту в данном контексте.

Следовательно, появление в тексте коллокаций истца и ответчика предопределено композиционной спецификой судебного решения и указывает на их роль в функционировании текстовой нормы жанров юрисдикционного подстиля официально-делового стиля.

Таким образом, мы увидели частную ситуацию взаимодействия фразеологии и юридической лингвистики. Кроме того, исходя из всего ранее сказанного, можно сделать вывод и о взаимодействии фразеологии со стилистикой текста: мы рассмотрели определенный тип текста и определенные языковые единицы в их взаимодействии, при этом именно эти языковые единицы являются точкой пересечения обозначенных дисциплин.

Литература

Борисова, Е. Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать? / Е. Г. Борисова. – М.: Филология, 1995. – 49 с.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации / URL: <http://www.consultant.ru/popular/gpkrf/>

Валгина, Н. С. Теория текста / URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/>

Воронкова, А. Н. Стратегии когнитивной обработки дискурсивной анафоры пропозитивно-именного типа / URL: <http://31f.ru/dissertation/541-dissertaciya-strategii-kognitivnoj-obrabotki-diskursivnoj-anaforu-propozitivno-imennogo-tipa.html>

Кибрик, А. А. Типология средств оформления анафорических связей: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Кибрик. – Москва, 1988. – 365 с.

Федорова, О. В. Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов (на материале цахурского языка) / О. В. Федорова. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/299.htm>.

Языковая номинация (общие вопросы) / Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1977. – 358 с.

Summary. The article focuses on the features of the repeated use of nominations in the texts of judgments in civil cases and possibility of some of repeat nominations to exist in this texts as collocation. Repeat nominations are treated in the aspect of focus (discourse) anaphora, that is, the conceptualizations of a point of reference. Through a point of reference for the first time introduced into the text information about an item, later re-nominated. Also the authors examine the dependence of the use re-nominations from the composite structure judgment.

Бабушкин А. П.

«ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ» В ДЕНОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет
babushkin@rgph.vsu.ru

По известному определению Е. С. Кубряковой, когнитивная наука – это «зонтиковый» термин, так как она объединяет ряд смежных с ней наук: психологию, философию, логику, кибернетику и некоторые другие отрасли знаний. Лингвистика – одна из главных составляющих когнитологии – пересекается практически со всеми перечисленными выше дисциплинами, в свою очередь претендуя на «зонтиковую» метафору.

Современная наука рассматривает язык в качестве инструмента приобретения, хранения и использования знаний человека об окружающем его мире и о нем самом.

Когнитивное направление развивает и фразеология – дочерняя ветвь языкознания, также решающая свои задачи в рамках новой научной парадигмы.

Одну из таких задач предлагает анализ «стыка» информации, заключенной в прямых и переносных значениях фразеологических оборотов. Представляется интересным рассмотреть соотношение метафорически переосмысленных сочетаний лексем и свободных, переменных – в виде «строительных элементов» ФЕ, с точки зрения их подчинения логике «здорового смысла».

«Здравый смысл» определяется в литературе как естественная способность человека судить об окружающей действительности на основе житейского опыта, как совокупность взглядов, базирующихся на его повседневной практической деятельности, и как сознание, не искаженное какими-либо предвзятыми мнениями, унаследованными от прошлого, ходячими, но ошибочно представляемыми (БЭС, 1972: 164).

«Здравый смысл» воплощает в себе состояние «наивного реализма» с господствующими в данном обществе воззрениями (ФЭ, 1962: 444). Им характеризуются побуждения, мотивы действия людей в тех или иных обстоятельствах.

Интересную мысль высказал Л. Витгенштейн, полагая, что обращение к здоровому смыслу следует понимать как обращение к обыденному языку данного языкового коллектива (язык-носитель здравого смысла) (Honderlich, 150).

Возникает вопрос, все ли прямые значения фразеологических единиц, выступающих в роли прототипов, соответствуют логике «здорового смысла».

Ответ будем искать на примере глагольных фразеосочетаний, воспринимая эти фразеосочетания в виде двух сценариев, один из которых представляется эксплицитно, а другой – имплицитно.

С указанных выше позиций весь исследуемый материал разделим на 3 группы.

I. Денотативные значения фразеологизмов, сводимых в первую группу, вполне соответствуют «правде жизни». Часто бывает объяснима их прототипическая природа.

В книге «Фразеология как когнитивный процесс» Л. В. Ковалева рассматривает становление фразеологизма *смаывать удочки* (Ковалева, 2004: 27). В данной денотативной ситуации усматривается быстрый уход с места рыбной ловли после ее окончания.

На этом конкретном примере автор наблюдает метафорический перенос выделенных здесь мыслительных признаков (завершение ловли рыбы и быстрый уход) на всякое действие, связанное с необходимостью его прерывания и поспешного удаления, причем фраза *смаывать удочки* сама по себе не содержит ничего, что могло бы встретить ее мысленным протестом.

В языке имеется много ФЕ подобного рода: *задирать нос, заварить кашу, понюхать пороху, завести пластинку, городить огород, намылить шею, рассказывать сказки, навешивать ярлыки, вскормить грудью* и т. п. В этих ФЕ фиксируется житейский опыт человека (и человечества), востребованный в иных обстоятельствах, в контексте совершенно другой языковой ситуации, но в своей прежней вербальной «оболочке».

II. Вторую группу, самую интересную для анализа, формируют ФЕ, в прямом значении которых реализуются потенциально возможные, но по своему характеру нелепые действия, свидетельствующие об откровенной чудоковатости их исполнителей.

К таким прототипическим моделям следует приписать выражения, типа: *водить за нос, вешать лапшу на уши, тянуть за язык, держать камень за пазухой, вылить (на кого-то) ушат грязи, стрелять из пушки по воробьям* и т. д.

Подобные сценарии в их вербализованном виде стоят на грани «здорового смысла» и оказывают на реципиента при их буквальном понимании примерно такой же эффект, как, например, анекдоты Д. Хармса, поражающие своей парадоксальностью: *Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камень, так и начинает им кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!*

Читатель осознает всю абсурдность описываемого явления, хотя в нем нет ничего фантастического, это – своего рода правдоподобная «небылица».

Вернемся, однако, к прототипам фразеологических оборотов. И здесь – *лапшу на уши вешать* могут лишь расшалившиеся дети, оставленные за столом без присмотра родителей.

Любопытные «картинки» вызывают в сознании образы, обозначенные словосочетаниями: *водить (кого-то) за нос, тянуть за язык, стрелять из пушки по воробьям*, в принципе возможно, хотя и глупо, а *вылить (на кого-то) ушат грязи* – ситуация, достойная «плохой» комедии.

III. К третьей группе отнесем фразеологические единицы, прямые значения которых необходимо признать абсолютно невозможными; их семантическое содержание не

укладывается в рамки того, что «может быть на самом деле», см.: *выйти из себя, строить воздушные замки, быть на седьмом небе от счастья, ветать в облаках, носить воду решетом, переливать из пустого в порожнее, делить шкуру неубитого медведя.*

Обратимся вновь к высказыванию Л. Витгенштейна о том, что воплощение здравого смысла надо искать в обыденном языке, который разделяют люди, живущие в одном и том же социуме, с той лишь поправкой, что в семантике языка существует не только один мир «здесь и сейчас», а множество других «возможных миров», вплоть до самых несбыточных, практически «невозможных», «ирреальных».

Именно здесь встает вопрос, почему метафорически переосмысленные сочетания слов – некогда имевшие статус свободных словосочетаний, воспринимаются сегодня «как надо», без конфликтов «правды» и «неправды».

По срезу трех выделенных нами групп проиллюстрируем этот факт на примерах, почерпнутых из художественных произведений.

I. В качестве представителя первой группы возьмем ФЕ *заткнуть все дыры*: *Еще хуже было с людьми – как ни хитрили, ни изворачивались, а заткнуть все дыры не могли... У одной ребенок заболел, другой за старухой присмотреть надо, у третьей корову подоить некому (Ф. Абрамов. Братья и сестры).*

Извлеченное из этого текста *заткнуть все дыры* понимается, как *наспех или на время устранить какие-либо недостатки, пробелы, обычно в каком-либо деле.*

II. Вторая группа видится в примере *водить (кого-то) за нос*, употребляемом в переносном смысле: *Лицо старшего рабочего покраснело от свекольного цвета. – Я не хочу, чтобы меня на старости лет водили за нос (Б. Полевой. Современники).*

Водить за нос – значит *обманывать, вводить кого-то в заблуждение.*

III. Третья группа представляется фразеологизмом *лаптем щи хлебать*: *Наш рабочий план старым манером равнялся тысяче-полторы (кирпичей), а они (американцы) по пять, да и по шесть валяли. Ну, секрет ихний мы сразу переняли. Мы тоже не лаптем щи хлебали..., стали по семь класть (Н. Кочин. Пацаны).*

Вполне понятно, что за фразой *лаптем щи хлебать* мыслится «сценарий», разыгрываемый «темными», отсталыми людьми, живущими «по старинке», далекими от всего нового.

Подводя итоги, следует отметить, что во всех трех группах приведенных примеров ФЕ выступают как не разложимые на части мыслительные конструкты, придающие тем или иным высказываниям образный характер, при этом факт присутствия или отсутствия в них «здравого смысла» утрачивает свою значимость.

Ученые давно доказали, что фразеологизмы, как и лексические единицы, являются знаками языка. Но, если они – знаки, то необходимо найти их место в известной типологии знаков.

Основоположник семиотики Ч. С. Пирс подразделил все знаки на иконические (непосредственно отражающие природу вещей), индексальные (с их указательной функцией) и символические (которые не имеют никакой связи с тем, что они замещают).

Исходя из такой классификации, фразеологизмы следует отнести к знакам-символам.

Вместе с тем, Пирс, а за ним Р. Якобсон и перенявшая в этом вопросе эстафету Е. С. Кубрякова учат, что не только информация, невесомая знаком, но и само «тело» знака в равной степени информативно (Бабушкин, 2005: 5-11) (в данном случае «телом» знака является «вербальная материя» идиомы).

Из этого следует и специфика фразеологических оборотов как языковых знаков: «остаточные» представления, свойственные прямому значению фразеосочетаний, придают им признак иконичности, хотя символическая природа ФЕ несомненно преобладает.

Литература

Бабушкин, А. П. Типы языковых знаков в семиотическом аспекте / А. П. Бабушкин // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2005. Т. 2. – С. 5-11.

Большая советская энциклопедия, 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 9. – 622 с.

Ковалева, Л. В. Фразеология как когнитивный процесс / Л. В. Ковалева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 184 с.

Философская энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1962. Т.2. – 575 с.

The Oxford Companion to Philosophy/Ed. by T. Honderlich. – Oxford: Oxford University Press. – 1056 p.

Summary. The article considers Russian phraseological units through “Common sense” notion.

Украина, г. Ужгород Закарпатской обл., Ужгородский национальный университет
vennata@mail.ru

На современном этапе развития лингвистической науки фразеология, одна из самых интересных ветвей образного познания мира, посредством специфических языковых знаков приобретает все новые рубежи исследования. В этом смысле актуальным нам представляется изучение взаимодействия и взаимовлияния лингвокультурологии и когнитивистики в области фразеологии. Это, по сути, является целью нашей работы, в которой мы представим некоторые взгляды российских, белорусских и украинских ученых на исследуемую нами проблему. В. А. Маслова, например, отмечает, что «язык – окно в духовный мир человека, в его интеллект, в тайны мыслительных процессов. Являясь ментальным феноменом, он становится одним из способов кодирования разнообразных форм познания: чувственного (ощущение, восприятие, представления) и рационального (понятия, суждения, умозаключения)» (Маслова, 2008: 79). Как и В. А. Маслова, считаем, что понять и исследовать способы концептуализации мира, в частности, через фразеологию, можно, овладев и используя такие научные категории из новой научной парадигмы, как *концептуализация, категоризация, вербализация, ментальность, концепт, картина мира, концептосфера* и др. Концепт является важнейшим феноменом когнитивной лингвистики, в котором аккумулируется культурный уровень каждой языковой личности; это своеобразное ядро языковой картины мира, запечатлевающее в себе культурно-национальный опыт его восприятия.

По мнению Н. Ф. Алефиренко, «когнитивно-семиологическое осмысление сущности внутренней формы фразем предполагает исследование глубинных механизмов представления познаваемых и номинируемых объектов в языковом и речевом сознании человека. При таком подходе основное внимание сосредотачивается на взаимодействии двух типов семиозиса: двукратной репрезентации знаний языковыми единицами (двукратной референции языковых единиц): первичной (семиологической) и вторичной (семантической). Первичная объективация служит исходной точкой семиозиса фразем, а вторичная – конечным этапом фраземообразования, формирующим на основе первичного семиозиса культурно значимые единицы косвенно-производной номинации» (Алефиренко, 2008а: 52). Полностью разделяем мысль известного российского ученого, который утверждает, что «необходимость рассмотрения фразеологического значения (фраземного знака) в лингвокультурологическом аспекте вызвана двумя факторами: (а) методологическими установками лингвокультурологии как междисциплинарной науки и (б) своеобразием значения фразеологических единиц. В рамках такого понимания когнитивно-семиологическая теория фраземного знака начинает формировать собственную эпистемологию» (Алефиренко, 2008а: 86).

Е. П. Левченко указывает, что задействование культуры в сферу лингвистического анализа привело к появлению понятия «культурная парадигма». Базовыми для лингвокультурологии являются такие понятия, как *текст культуры, тезаурус культуры, код культуры, а также культурно значимый концепт*. Отметим, что делать выводы о тождестве фразеологических единиц или символов в разных языках можно только после анализа определенного концепта или фрейма этого объекта на концептуальном уровне, смоделировав его. Как и Е. П. Левченко, считаем, что специфика когнитивного исследования состоит в том, чтобы не разделять явления собственного языкового и неязыкового уровней. Метаязык, который используют в когнитивных исследованиях, учитывает сферу знаний (неязыковой материал, например, факты культурного развития народа, его традиции, верования, обычаи и др.), иными словами, ментальный, когнитивный фон, на котором разворачиваются языковые процессы. Е. П. Левченко считает, что с определенного этапа ученые, которые занимаются проблематикой контрастивистики, очерчивают свои изыскания как лингвокультурологию. Контрастивная лингвистика становится лингвокультурологией с того момента, когда контрастивисты начали использовать когнитивную парадигму. (*Здесь и далее – перевод наш. Н. В.*). Известный украинский лингвист указывает, что «глобальное задание лингвокультурологии – изучить категоризацию мира и принципы вербализации ментальных единиц – концептов и их функционирование в ме-

гатеckte, сопоставив с аналогичными единицами других языков с целью выявления культурно значимой информации и культурно значимых концептов конкретных языков» (Левченко, 2005: 8).

В одной из своих новаторских работ Н. Ф. Алефиренко подчеркивает, что ныне одной из главных задач современных фразеологических исследований является понимание синергетики когнитивной фразеологии, ее междисциплинарного статуса, определяющегося взаимопроникновением идей и категорий традиционной фразеологии, когнитивной семантики, лингвокультурологии и лингвосинергетики. Сегодня когнитивная фразеология изменила свой «категорийно-понятийный имидж», обрела системный междисциплинарный статус. Можно утверждать, что предметом когнитивной фразеологии является поиск и обработка информации соответствующими средствами естественного языка (Алефиренко, 2008: 10-14). Как и Н. Ф. Алефиренко, считаем когнитивную фразеологию на нынешнем этапе ее развития не новой фразеологической дисциплиной, а упорядоченной программой когнитивно упорядоченных исследований фразеологического состава языка с использованием современного понятийно-категориального аппарата.

Интересными являются взгляды В. Н. Телия, которая исследует роль культурно-языковой компетенции как способа осознания культурных смыслов и манипулирование ими в дискурсивных практиках. В. Н. Телия отмечает, что «сама возможность постановки проблемы о взаимодействии языка и культуры, в частности о коррелятивном взаимоотношении единиц фразеологии и культуры, в какой бы версии лингвокультурологического анализа она не выдвигалась, исходит из допущения о высокой вероятности способности субъектов языка как субъектов культуры воплощать в речемыслительной деятельности знания, принадлежащие этой сфере осознания мира человеком» (Культурные слои, 2004: 19). В. Н. Телия также подчеркивает, что результаты исследования «родословной» культурной семантики фразеологизмов – это то филологическое знание, которое предоставляет лингвокультурологу и/или носителю языка материал для погружения в «прототипические» слои языковых знаков, мотивирующих их и создающих традицию их воспроизводимости (там же: 20). Одна из базовых для лингвокультурологического анализа категория «установки культуры» рассматривается Е. О. Опариной как мотив образной концептуализации мира человека во всех сферах его культурного обсуждения этого мира, в том числе и во фразеологизмах. Культурно-маркированные способы вербализации концептов отображают, как показала А. Левин-Штайманн, не только национально-специфические признаки, но и признаки, восходящие к общему источнику древнейших времен, к калькированию на основе культурно-языковых контактов, а также к универсальному достоянию общечеловеческой культуры – в ее прошлом и настоящем (Культурные слои, 2004: 12).

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский характеризуют параллельное существование двух традиций изучения фразеологии – традиционной и когнитивно-психологической, указывая причину этого сосуществования, которая, по их мнению, кроется не только и не столько в достаточно распространенной в лингвистике ориентации на герметичность научной школы, сколько в принципиально различном понимании предмета исследования. Если традиционная фразеология изучает поведение фразем в речи и их системные особенности, то когнитивно-психологические исследования концентрируют свое внимание на ментальных процедурах, обеспечивающих понимание идиом. Когнитивно-психологические исследования содержат интересный материал, ныне еще не осмысленный с собственно лингвистических позиций (Баранов, Добровольский, 2008: 101).

По мнению И. А. Голубовской, мы можем рассматривать язык как одну из форм хранения культуры и ее орудие. Язык как форма хранения культуры выступает сокровищницей культурных ценностей этноса и средством их трансляции в будущее. С одной стороны, язык отражает бессознательные интуиции народа об окружающем мире, с другой – хранит память о значимых исторических событиях в жизни этноса. Однако, язык выступает не только руслом, по которому культура совершает свое течение: язык – это орудие культуры, ее духовный инструмент, формирующий своего носителя, навязывающий ему запечатленное в языковых формах видение мира. Язык в богатстве своих форм и значений содержит ключи к тайнам мыслительного универсума определенной культуры, к познанию способа мышления народа, особенностей менталитета его носителей (Голубовская, 2002: 44). Сказанное выше целиком и полностью, по нашему мнению, проецируется на изучение роли фразем в познании человеком предметов и явлений окружающей

действительности. А утверждающийся в последнее время в лингвистике новый подход к изучению фразеологизмов как культурного феномена находит все новых и новых последователей.

Мы считаем, что особое внимание необходимо уделить исследованию фразеологических единиц близко- и дальнеродственных языков (например, русского и украинского и, скажем, украинского и английского). Такие научные изыскания в свете новейших парадигм (в частности, взаимодействия и взаимовлияния лингвокультурологии и когнитивистики), по нашему мнению, воссоздадут предпосылки к формированию богатейших фразеологических картин мира разных народов, помогут выявить универсальные явления, а также очертить национально-культурную специфику фразеологизмов.

В этой связи чрезвычайно интересной является работа Л. К. Байрамовой, в которой автор на материале фразеологии русского, татарского и английского языков анализирует фразеологические парадигмы ценностей и антиценностей: *счастье – несчастье, смех – плач*. Исследуются поверхностные и глубинные структуры фразеологизмов, формирующие аксиологический вектор сопоставляемых фразеологизмов. Л. К. Байрамова вводит понятие слотовой структуры фразеологической парадигмы, в которой слоты выполняют роль своеобразного общего семантико-дефиниционного знаменателя входящих в них фразеологизмов, а сама слотовая структура в своей основе универсальна и ее конкретное раскодирование фразеологизмами указывает на универсальность и уникальность фразеологических систем языков (Байрамова, 2011).

Не менее интересной представляется нам работа украинского исследователя М. В. Жуйковой, в которой фразеология рассматривается как открытая динамическая система, в которой действуют определенные закономерности, вследствие чего эволюция фразеологической системы имеет недетерминированный характер. Генезис устойчивых словосочетаний автор рассматривает с позиций когнитивной лингвистики. Особый интерес вызывает та часть монографии, в которой автор раскрывает историю возникновения некоторых восточнославянских фразем с учетом широкого культурного контекста (Жуйкова, 2007). Исследование М. В. Жуйковой, построенное на обширном восточнославянском фразеологическом материале, является яркой иллюстрацией взаимодействия и взаимовлияния лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Разделяем мнение украинского ученого К. И. Мизина, который, исследуя сравнения в русском, украинском, английском и немецком языках, утверждает, что концепты являются строительной базой фразеологических единиц, той когнитивной и лингвокреативной энергией, которая направляет эти «кванты знания» в сторону образа-эталона той или иной устойчивой единицы в процессе ее фразеологизации. А когнитивная семантика образов-эталонов помогает этнокультурному наполнению концептов. Даже при заимствовании одной лингвокультуры в иную фразеологические единицы могут получать этнокультурные смыслы. При этом «чужие» образы-эталоны довольно легко, отмечает исследователь, входят в концептологическую систему определенной лингвообщности (Мизин, 2011: 44).

При изучении фразеологических единиц в когнитивном аспекте большую роль имеет описание тех структур человеческого сознания, которые обеспечивают адекватное восприятие и употребление идиом. Исследуя фразеологию, мы обращаем внимание на отражение в ней национального характера, темперамента, предрассудков, настроений и т. п. Сегодня все глубже осознается тот факт, что основная информация о мире приходит к нам через язык вообще и его неотъемлемый фразеологический состав в частности. В процессе исследования фразеологизмов раскрываются многие сокрытые или давно утраченные знания, материальные и духовные ценности социума.

Следует отметить, что всякое лингвокультурологическое и когнитивное исследование, направленное на изучение концептов сопоставительно. Такое сопоставление имеет интерментальный характер при сопоставлении единиц научного и обыденного сознания в их языковой реализации. Исследование может иметь и интерлингвальный характер, если в нем сопоставляются единицы двух или более языков.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что одной из основных задач лингвистики сегодня является раскрытие особенностей ментальности народа через язык, выявление целых комплексов культурных традиций, закрепленных в языке. Поэтому представляется закономерным поворот фразеологической проблематики в сторону человека как носителя той или иной культуры, что дает возможность ответить на вопрос, какие об-

разы возникли в сознании человека при создании фразеологических единиц. Эти образы приобретают символическое значение в культуре, обобщая результаты собственно человеческого сознания. Все это подтверждает неразрывную связь фразеологии с целым рядом наук.

В частности, проведя обзор важнейших, по нашему мнению, взглядов известных российских, белорусских и украинских ученых, можем утверждать об устойчивом лингвокультурологическом направлении когнитивной фразеологии. Перспективу дальнейших научных изысканий усматриваем в изучении других, не менее интересных векторов этой современной отрасли науки. Как нам представляется, богатый фразеологический материал близко- и дальнеродственных языков (например, русского, украинского и английского) может стать основой для глубоких научных изысканий в области лингвокультурологического и когнитивного исследования устойчивых словосочетаний – неповторимого кладезя народной мудрости, духовного богатства народов – носителей этих языков.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография / Н. Ф. Алефиренко. М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008а. – 271 с.
- Байрамова, Л. К. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме: монография / Л. К. Байрамова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 276 с.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Аспекты теории фразеологии: монография / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
- Голубовская, И. А. Этнические особенности языковых картин мира: монография / И. А. Голубовская. – К.: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 2002. – 293 с.
- Жуйкова, М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов: монографія / М. В. Жуйкова. – Луцьк: РВВ «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. – 416 с.
- Культурные слои, во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 344 с.
- Левченко, О. П. Фразеологічна символіка: лінгвокультурологічний аспект: монографія / О. П. Левченко. – Львів: ЛІДУ НАДУ, 2005. – 352 с.
- Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., перераб и доп. – Минск: «ТетраСистемс», 2008. – 272 с.
- Мізі́н, К. І. Людина в дзеркалі компаративної фразеології: монографія / К. І. Мізі́н. – Кременчук: ПП Щербатих О. В., 2011. – 448 с.

Summary. In the present article the author suggests a review of scholarly opinions, expressed by Russian, Belarusian and Ukrainian phraseologists doing the research work according to the cognitive and linguocultural trends. As a result of this study a conclusion is made about mutual influence and interaction of these trends on the way of figurative cognition and designating by man the objects and phenomena of the world around.

Воронкова О. А.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Россия, г. Старый Оскол,
Старооскольский городской институт усовершенствования учителей
jal01710@rambler.ru

Внутренняя форма слова и внутренняя форма фраземы – категории родственные, но тем не менее неждественные, поскольку лексема и фразема – это единицы разных языковых уровней. В поисках природы и сущности внутренней формы (далее – ВФ) языкового знака (лексемы, фраземы) необходимо исходить из следующих теоретических положений.

1. Ведущей предпосылкой для построения лингвокогнитивного учения о ВФ слова или фраземы служат: (1) мистико-интуитивистская концепция ВФ языка, представленная в трудах В. фон Гумбольдта (Гумбольдт, 1985: 325), В. Вундта и др. и (2) эмпирико-теологическая концепция А. Марти (<http://www.i-u.ru>). Названные концепции крайне

важны для лингвокогнитивного исследования ВФ фраземы. Их значимость предопределяется именно принципом психологизма, попыткой показать роль ВФ в процессах активного отражения и объективирования человеком окружающей реальности, находящей свое выражение в единицах косвенно-производной номинации. Такой подход к ВФ фраземы, по нашему мнению, открывает возможность осмыслить двуединую связь рассматриваемой категории с языком и сознанием, что и обуславливает ее лингвокогнитивный характер.

2. Несмотря на известное «давление» научного авторитета В. фон Гумбольдта, необходимо все же различать смежные категории, им обоснованные: (а) «внутреннюю форму я з ы к а» и (б) «внутреннюю форму языкового з н а к а». Следует обратить внимание, что В. фон Гумбольдт, говоря о ВФ, использовал одноименный термин, прежде всего, применительно к языку как хранителю «народного духа» (Гумбольдт, 1985: 418). Однако из проводимого им конкретного анализа фактического речевого материала явствует, что понятие ВФ может быть применимо и к языковым знакам. Не случайно известный русский философ и психолог Г. Г. Шпет, раскрывая внутренние механизмы вводимого Гумбольдтом понятия, употребляет термин «внутренняя форма» не только применительно к языку, но и к его единицам (Шпет, 1927: 50). По мысли Г. Г. Шпета, ВФ языкового знака и (1) форма абстрактного мышления, и (2) способ модификации мыслимого предметного содержания, или смысла социально-культурной природы. ВФ, с одной стороны, понимается как универсальный инструмент когнитивной деятельности человека вообще, с другой – ВФ способна проявлять особенности менталитета того или иного этноса через язык, а точнее, через единицы языка. Г. Г. Шпет, хотя и имплицитно, выделил такие, казалось бы, противоречивые свойства ВФ как универсальность и идиоэтничность. О. И. Быкова, создавая теорию этноконнотации языковых единиц, отмечает, что ВФ знаков вторичной номинации, являясь неким инвариантным смыслом, выполняет функцию «интенсификатора этнокультурного смысла» единиц непрямого наименования (Быкова, 2005: 50–51).

3. Несмотря на возможную объективацию ВФ означаемым знака, она принадлежит его о з н а ч а е м о м у. В связи с этим мы считаем возможным говорить о ВФ з н а ч е н и я фраземы. Аргументом такого подхода служит тот неоспоримый факт, что ВФ главным образом связана с формированием фразеологического значения, осуществляющегося на базе переосмысления содержания некоторой синтаксической структуры (прототипичного словосочетания или предикативного образования). Н. Ф. Алефиренко отмечает, что «содержание внутренней формы составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики знака-прототипа, которые послужили ее генетическим источником» (Алефиренко, 2006: 206). Прототипичность свободносинтаксического генотипа обуславливается деривационно-историческим ореолом, который удерживается нашим современным языковым сознанием при осмыслении фразеологического значения.

Говоря о специфичности ВФ знаков вторичной номинации, необходимо отметить, что она по сравнению с внутренней формой словесных знаков прямой номинации «значительно информативнее, поскольку, во-первых, проецирует в семантике идиомы не только свойства и признаки элементов денотативной ситуации, но и отношения между ними, а, во-вторых, преломляет и конкретизирует сфокусированные в ней субъективные смыслы» (Алефиренко, 2005: 135).

Вместе с тем, говоря о специфичности ВФ фразем, ее нельзя рассматривать в отрыве от ВФ слова. Да и саму когнитивную специфику ВФ фраземы выявить без сопоставления ее с ВФ слова невозможно, поскольку слово и формально, и содержательно является основным конструктивным компонентом фраземы.

Традиционной семасиологией доказано, что в основе лексической номинации лежит ВФ слова, выделяющая какой-либо признак обозначаемого предмета и представляющая этот предмет целиком в языке. Например, в основе формирования смысловой структуры слова *capóǵ* лежит уже неосознаваемый когнитивный признак – «трубка». Этимологически это слово сближается со словами *copélʹ*, *copétʹ*, которые соответственно имели значение ‘дудка, свирель’ и ‘играть на трубе’. Интересно отметить, что в чешском языке слово *sorouch* означает ‘дымоход, отверстие в печи’. Если признать слова *capóǵ*, *copélʹ* и *copétʹ* родственными, то, как отмечает М. Фасмер, в таком случае развитие значения шло следующим путем: трубка духового инструмента > трубка > голенище

(ЭСРЯ, III: 559). Обратимся к фраземе, одним из компонентов которой является лексема *сапог*. Ср.: фразема *два сапога пара* обозначает 'похожи друг на друга, обычно по своим качествам, свойствам, положению и т. п.; стоят друг друга, один другого не лучше' (ФСРЯ: 407-408). Известно, что обувь всегда изготавливается парой, состоящей из двух одинаковых по размеру, материалу, цвету, отделке предметов обуви, поэтому, когда говорят о чем-то сходном, совершенно одинаковом, используют данную фразему. В ее основе лежит признак «сходный, похожий, одинаковый», исходящий от лексического компонента *пара* – 'два однородных предмета, вместе употребляемые и составляющие целое', то есть два одинаковых сапога всегда составят пару. Наслаиваясь на два предшествующих переосмысленных компонента (*два* – 'в количестве двух' и *сапоги* – 'высокая обувь, охватывающая голени') выделенные признаки составляют ВФ фраземы – 'рядоположенность, словно одно целое'.

Однако, такое понимание ВФ слова нельзя безоговорочно экстраполировать на фразему уже хотя бы потому, что фразема – это знак косвенно-производной номинации. В этом следует, на наш взгляд, искать и семиотическую специфику фраземы, и когнитивное своеобразие ее ВФ.

Рассматривая ВФ фраземы как когнитивную категорию, следует обратиться к исследованиям отечественного семасиолога А. А. Потебни. В одном из своих трудов ученый высказал мысль о том, что ВФ – это своего рода знак (Потебня, 1999: 84). Что понимал под этим мыслитель? Знак как *семиотическую* категорию или как категорию *психическую*? Если принять в качестве самодостаточного семиотический подход, то зачем в таком случае необходимо было ему вводить само понятие ВФ? Она в такой ипостаси неминуемо «растворяется» в понятии «знак». С другой стороны, язык вообще возникает тогда, когда появляется знак. Знак же появляется там, где что-то становится *когнитивно* значимым. Раньше знака нашему сознанию ничего не видно, ни содержания, ни формы. Если же подойти к пониманию ВФ фраземы с психологической установки, то можно с определенной долей уверенности предположить, какой смысл несет следующая фраза: «*внутренняя форма <...> есть отношение содержания мысли к сознанию*» (Потебня, 1999: 83) (выделено нами – О. В.). Как явствует из приведенного выше фрагмента, *отношение* (связь) у А. А. Потебни служит вторым именем знака. Действительно, знак и есть *отношение*, или, что будет точнее, *отсылание*, или *связывание*. Только в таком понимании ВФ на самом деле может быть своего рода знаком, отличающимся, разумеется, от номинативных знаков – слов и фразем. Номинативный знак по сути своей обладает двойственной природой. Прежде чем он применяется в качестве средства именованной вещи, он уже есть ***отношение, связь, знак, отсылание, стрелочка***. Затем, поскольку в распоряжении человека уже имеется такая ***стрелочка***, ее можно использовать в речемыслительной деятельности, поворачивая в какую угодно сторону и обозначая с ее помощью все, кроме ее самой.

Данное положение опирается на следующий анализ значения фраземы *как по маслу*, функционирующей в современном русском языке в значении 'без помех, без затруднений и осложнений (идти, протекать и т. п.)' (ФСРЯ 1994: 235). Как правило, эту фразему употребляют в ситуациях, когда речь идет об успешном характере протекания чего-либо. Ср.: *Днем все прошло как по маслу: безумно влюбленная княжна, совсем потерявшая голову от страсти, пообещала своему платоническому обожателю, что ночью нанесет ему визит* (Акунин, 2002: 90). Анализируемая фразема является номинативным языковым знаком, обладающим, как было сказано выше, двойственной природой. Во-первых, фразема *как по маслу* номинирует целую денотативную ситуацию, когда какие-либо дела или события в жизни того или иного человека проходят без осложнений и затруднений. Эта ситуация в сознании носителя русского языка ассоциируется с образом мягкого сливочного масла, которое легко, гладко и плавно режется ножом или расплавленного на огне масла. Во-вторых, через фразему обнаруживается отношение, отсылание содержания мысли к сознанию: почему в ситуации, когда успешно, без помех протекают дела, носитель языка использует фразему *как по маслу*? Объяснить это можно тем, что для языкового сознания знаком для использования данной фраземы в рамках данной денотативной ситуации является признак «так гладко, как по мягкому маслу», «схваченный» сознанием из первичной денотативной ситуации, послужившей основой для образования фраземы. За этот признак наше сознание как бы «цепляется», закрепляя за ним «нужную» для данной ситуации фразему. Этим признаком, на наш взгляд, и

является ВФ фраземы. Таким образом, ВФ, вслед за А. А. Потебней, можно понимать как знак в знаке, то есть во фраземе.

Определение ВФ фразем связано с рядом сложностей, одной из которых является невозможность ограничиться одной семой-признаком при формулировании исследуемой категории. Так, В. Н. Телия по этому поводу замечает: «...Слово высвечивает при вторичной номинации обычно только один из образно ассоциированных признаков, характерных для него в исходном значении. Идиомы, как общее правило «переносят» из исходного для них сочетания слов более чем один признак, поскольку само исходное для них сочетание полипризнаково... Значение идиом всегда больше насыщено «детальями», чем значение слова» (Телия, 1996: 85).

ВФ фразем «сложнее» по сравнению с ВФ слов. Дело в том, что ВФ фраземы формируются под влиянием двух факторов: (а) единства нескольких признаков, которое образуется наложением или ассоциативным синкретизмом переосмысленных лексических компонентов фраземы и (б) спецификой фраземообразующего денотата – денотатом фраземы является не отдельный предмет, а денотативная ситуация. Так, В. П. Жуков, говоря о различиях между анализируемыми категориями, отмечает, что ВФ (при условии ее эксплицитности) слов так или иначе может входить в значение производного: *змеевик*, *желток*, *желтуха*, *подоконник* и др. Эта точка зрения перекликается с позицией О. И. Блиновой (Блинова, 2007: 57-64). Например, ВФ является частью слов *желток* 'в птичьем яйце: окруженное белком густое желтое вещество', *желтуха* 'болезнь печени, сопровождающаяся пожелтением кожи' (СРЯ: 156). По словам ученого, фразеологическое значение может возникнуть в результате метафорического переосмысления словосочетания, образующего ВФ фраземы. При этом семантическая деактуализация слов происходит не в свободном словосочетании, а в словосочетании, которое формирует найденный образ фраземы. ВФ, резюмирует автор, предсказывая и обуславливая семантическое развитие, сама не способна играть роль различительного признака фразеологического значения, поэтому фразему невозможно объяснить с помощью тех лексем, которые составляют словосочетание, образующее ВФ (Жуков, 1978: 110-111).

Таким образом, можно отметить, что ВФ слов и ВФ фразем – явления, конечно, родственные, но нетождественные. Они различаются как по механизмам формирования ВФ, так и по лингвокогнитивной сущности.

Литература

- Акунин, Б. Любовьница смерти: Роман / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2002. – 246 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
- Блинова, О. И. Мотивология и ее аспекты: Монография / О. И. Блинова. – 2-е изд., стереотипное. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – 394 с.
- Быкова, О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка) / О. И. Быкова. – Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 2005. – 277 с.
- Гумбольдт, В. От антропологии к лингвистике / В. Гумбольдт // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 425 с.
- Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов. Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
- Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под. ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1989. – 750 с. [СРЯ]
- Потебня, А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А. А. Потебня. М.: Лабиринт, 1999. – 270 с.
- Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с. [ЭСРЯ, III]
- Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с. [ФСРЯ]
- Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова – Изд. 5-е стереотип. – СПб.: Вариант, 1994. – 544 с. [ФСРЯ 1994]

Шпет, Г. Внутренняя форма слова. (Этюды и вариации на темы Гумбольдта) / Г. Шпет. – М.: Государственная академия художественных наук, 1927. – 217 с.
[http:// www.i-u.ru](http://www.i-u.ru)

Summary. The article describes the main theoretical principles that underpin the notion of internal form of an idiom. The author proves the specificity of the internal form of idioms compared to the internal form of words.

Декатова К. И.
КОГНИТИВНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ
АДЪЕКТИВНЫХ НЕАППЛИЦИРУЕМЫХ ИДИОМ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
dekatovaki@mail.ru

Повышенный интерес к проблеме взаимодействия когнитивных и семантических структур в момент фразеологической номинации объясняется тем, что смыслообразование фразем является сложным когнитивно-семиологическим процессом. Понять причины и своеобразие данного процесса можно только в комплексном анализе довербальных и вербальных операций. Значительную помощь в научно-исследовательской работе данных операций может оказать моделирование смысловой структуры знаков косвенно-производной номинации (далее – ЗКН).

Важно подчеркнуть, что вопрос о моделируемости ЗКН является одним из сложнейших во фразеологической теории. Семантическое и когнитивное (фреймовое) моделирование фразем (В. М. Мокиенко, М. М. Копыленко, З. Д. Попова, А. Г. Назарян, В. М. Савицкий, Н. Ф. Алефиренко, С. Г. Гаврин, А. М. Мелерович, Д. О. Добровольский и др.) в отечественной лингвистике позволило решить исследовательские задачи, связанные с выявлением закономерностей смыслового структурирования ЗКН на довербальном и вербальном уровнях. Очевидно, что только когнитивного моделирования, равно как и только семантического моделирования фраземообразовательного процесса недостаточно для выявления закономерностей взаимовлияния когнитивных и семантических процессов в ходе косвенно-производной номинации. Для изучения смыслообразования ЗКН необходимо построение модели, отражающей строение и взаимосвязь когнитивного и семантического уровней смысловой структуры ЗКН. В связи с этим, полагаем, что наиболее адекватной продукту реального процесса смыслового структурирования ЗКН может стать модель, созданная в результате когнитивно-семиологического моделирования (Декатова, 2009).

Основным принципом построения когнитивно-семиологической модели смысловой структуры ЗКН стал принцип системности, который предписывает в ходе построения модели рассматривать объект как комплексное образование, как целое, состоящее из взаимосвязанных когнитивных и семантических структур. В связи с этим структурная модель представляет смысловую структуру ЗКН как двухуровневое смысловое образование, состоящее из 1) семантической структуры ЗКН и 2) ее когнитивного основания.

Модель когнитивного уровня смысловой структуры ЗКН отражает результат специфического (синibuлярного) опознания объекта косвенно-производной номинации и его признаков, приводящего к образованию концептуальной структуры метафорического типа. Константами модели когнитивного уровня смысловой структуры ЗКН являются 1) концептуальная структура базового представления об объекте косвенно-производной номинации ($C_{об}$); 2) концептуальная структура представления, избранного для синibuлярного опознания детали объекта косвенно-производной номинации ($C_{д}$); 3) признаки объекта косвенно-производной номинации, профилируемые и выводимые на «экран сознания» в результате метафорической интеграции представлений комплекс-структуры (f). Например, обобщенной моделью когнитивного уровня смысловой структуры адъективных фразем **железные нервы** (у кого-то) – ‘о спокойном человеке с

очень крепкими нервами’, **золотые руки** (у кого-то) – ‘о том, кто умело и искусно все делает, справляется с любой работой’, **железное сердце** (у кого-то) – ‘жестокий, равнодушный, хладнокровный’ и т. п. – является модель:

С_{об} «область знания₁ – человек» (f – качеств. признак) С_д «область знания₂ – неживой объект»

Модель семантического уровня смысловой структуры ЗКН включает такие константы, как 1) семему деривационной базы ЗКН, формирующуюся из смысловых элементов речевых смыслов активированных для косвенно-производной номинации слов (**S**), и 2) семему ЗКН (**S_{зкн}**). Так, в самом общем виде моделью семантического уровня смысловой структуры фразем **железные нервы, золотые руки, железное сердце** является модель:

$$S_n \rightarrow S_{зкн} \leftarrow S_{ад}$$

В формировании семемы ЗКН (**S_{зкн}** ‘человек, характеризующийся определенными личностными качествами’) принимают участие смысловые элементы существительного (**S_n** ‘часть тела человека’) и прилагательного (**S_{ад}** ‘признак неживого объекта – материал, из которого сделан объект’).

В ходе формирования когнитивно-семиологической модели смыслообразования языковой единицы необходимо учитывать результаты психолингвистических и лингвокогнитивных исследований роли внутренней речи в процессе порождения высказывания (Л. С. Выготский, А. Н. Соколов, Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов, И. А. Стернин, З. Д. Попова и др.). Важным выводом данных исследований является мысль о том, что концептуальные образования вступают во взаимодействие с семантическими структурами языковых единиц при помощи такого посредника, как элементы универсального предметного кода. Поэтому когнитивно-семиологическая модель, на наш взгляд, должна включать подуровень когнитивного уровня смысловой структуры ЗКН – уровень внутренней речи. На данном уровне модели отражается код «смыслового узла» УПК, связывающего семантические и концептуальные структуры в ходе косвенно-производной номинации (Декатова, 2009).

Примером описания когнитивно-семиологических моделей смысловой структуры знаков косвенно-производной номинации могут послужить модели неаплицируемых адъективных идиом русского языка. Как показали результаты исследования, в фонде русской фраземики можно выделить две наиболее многочисленные группы рассматриваемых идиом, смысловая структура которых соответствует двум когнитивно-семиологическим моделям.

1. К первой группе относятся такие фраземы, как **железное сердце** (у кого-то) – ‘жестокий, равнодушный, хладнокровный’, **стальные нервы** (у кого-то) – ‘о спокойном человеке с очень крепкими нервами’, **золотое сердце** (у кого-то) – ‘об исполненном доброты, отзывчивом человеке’, **железные нервы** (у кого-то) – ‘о спокойном человеке с очень крепкими нервами’, **золотые руки** (у кого-то) – ‘о том, кто умело и искусно все делает, справляется с любой работой’ и т.п..

Смысловая структура данных фразем соответствует следующей когнитивно-семиологической модели:

Модель №1

С_{об} «область знания₁» (f – qual) С_д «область знания₂»

Ob.₂ → Ob.₁ – Ad._{Ob.1} – (Ad._{Ob.3} – Ob.₃)

объект₂ – часть объекта₁ и признак объекта₁ признак объекта

$$S_n \rightarrow S_{зкн} \leftarrow S_{ад}$$

Характеристика модели:

а) когнитивная структура состоит из активированных в ходе опознания объекта косвенно-производной номинации ($S_{об}$ «**область знания₁**») и его детали представлений (S_d «**область знания₂**»), относящихся к разным областям знания;

б) синibuлярно опознанный признак объекта является качественным признаком (**f – qual**);

в) предметно-схемным кодом когнитивной структуры объекта косвенно-производной номинации является код **Ob.₂ → Ob.₁ – Ad._{об.1}** (денотативный образ объекта₁, находящегося в отношении «целое – часть» с объектом₂, и признака объекта₁); предметно-схемным кодом когнитивной структуры детали объекта косвенно-производной номинации является код **Ad._{об.3} – Ob.₃** (денотативный образ объекта и его признака);

г) вербальному кодированию подверглись частично когнитивная структура детали объекта косвенно-производной номинации – признак объекта – и частично когнитивная структура объекта косвенно-производной номинации – объект₂, находящийся в отношении «часть – целое» с косвенно номинируемым объектом;

д) структура речевого смысла деривационной базы ЗКН является объединением смысловых элементов семем компонентов деривационной базы – семем имени существительного и имени прилагательного;

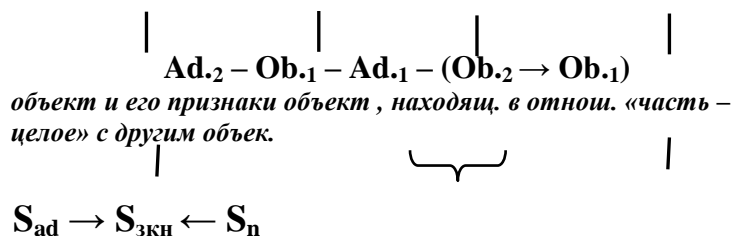
е) речевой смысл ЗКН формируется из смысловых элементов внутреннего и внешнего ресурса: на базе семем (речевого смысла) компонентов деривационной базы и довербальных смыслов знания о косвенно номинируемом признаке объекта.

Ко второй группе относятся такие фраземы, как *доброе сердце* (у кого-то) – ‘об исполненном доброты, отзывчивом человеке’, *щедрая рука* (у кого-то) – ‘о щедром человеке’, *длинный языку* (у кого-то) – ‘о болтливом, говорящем лишнее человеке’, *глаза завидущие* (у кого-то) – ‘об очень завистливом человеке’ и т. п.

Смысловая структура данных фразем соответствует следующей когнитивно-семиологической модели:

МОДЕЛЬ № 2

$S_{об}$ «**область знания₁**» (f–qual) S_d «**область знания₁**»

Характеристика модели:

а) когнитивная структура состоит из активированных в ходе опознания объекта косвенно-производной номинации и его детали представлений, относящихся одной области знания.

б) синibuлярно опознанный признак объекта является качественным признаком;

в) предметно-схемным кодом когнитивной структуры объекта косвенно-производной номинации является код **Ad.₂ – Ob.₁ – Ad.₁** (объект₁ и его признаки); предметно-схемным кодом когнитивной структуры детали объекта косвенно-производной номинации является код **Ob.₂ → Ob.₁** (денотативный образ объекта₂, находящегося в отношении «целое – часть» с объектом₁);

г) вербальному кодированию подверглись частично когнитивная структура детали объекта косвенно-производной номинации – объект₂ – и частично когнитивная структура объекта косвенно-производной номинации – признак объекта₁;

д) структура речевого смысла деривационной базы ЗКН является объединением смысловых элементов семем компонентов деривационной базы – семем имени существительного и имени прилагательного;

е) речевой смысл ЗКН формируется на базе семем (речевого смысла) компонентов деривационной базы и довербальных смыслов знания о косвенно номинируемом признаке объекта₁.

Вышеописанные когнитивно-семиологические модели смысловой структуры ЗКН являются инвариантом частных когнитивно-семиологических моделей, которые не только отражают структуру смысловой организации ЗКН (наличие когнитивных и семантических констант и связей между ними), но и «наполняют» ее конкретным содержанием когнитивных и семантических констант. На базе частных моделей возможно создание схем смысловой структуры конкретных ЗКН. Построение и анализ когнитивно-семиологических моделей разного уровня абстракции, как представляется, позволяет 1) выявить отличия смысловой структуры кажущихся на первый взгляд похожими по когнитивно-семантическому строению фразем (ср. **золотое сердце** и **доброе сердце**), 2) установить закономерности взаимодействия когнитивных и семантических элементов смысловой структуры разных групп ЗКН. Данное знание предоставляет возможность рассматривать смыслообразование ЗКН не как случайный и абсолютно непредсказуемый процесс сопряжения разнообразных смысловых элементов, а как самоорганизующийся процесс, протекающий по синергетическим законам.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
- Гаврин, С. Г. Проблема фразеологического моделирования / С. Г. Гаврин // Проблемы образования фразеологических единиц. – Тула : Изд-во Тульского гос. пед. ун-та, 1976. – С. 58 – 75.
- Декатова, К. И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: когнитивно-семиологический аспект исследования / К. И. Декатова. – Волгоград: Перемена, 2009. – 260 с.
- Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка) / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 192 с.
- Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1986. – 336 с.
- Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
- Назарян, А. Г. Семантическая моделируемость фразеологизмов : реальность или фикция? / А. Г. Назарян // Филологические науки. 1983. – № 6. – С. 34–40.
- Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
- Савицкий, В. М. Английская фразеология : проблемы моделирования / В. М. Савицкий. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1993. – 172 с.
- Телия, В.Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. – М.: Изд-во Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Summary. The article deals with the cognitive and semantic modeling of units of indirectly derived nomination. As an example of cognitive and semiological modeling author offers an analysis of models non-appliated adjectival Russian idioms.

Дехнич О. В.

ИДИОМА, ИДИОМАТИКА И ПРОЗРАЧНОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
dekhnich@bsu.edu.ru

Ах уж эти фразы –
Идиоматизмы –
Фразы, перифразы,
Фразеологизмы.
(Фразеолирическая, В. Мокиенко)

Любое практическое исследование общей или частной проблематики а priori немислимо без теоретического обоснования, описания терминологического инструментария. Как показывает время и практика, даже самые, казалось бы, утвердившиеся постулаты в науке не только являются источником для уточнений и замечаний, но и питают новые направления.

Вопрос о том, что такое идиома (как впрочем, и фразеологизм) до сих пор остается дискуссионным и понимается по-разному не только в рамках отечественного языкозна-

ния, но и в сопоставлении отечественной и западной традиции (имеется в виду английская и американская, а не французская, немецкая и славянская, которые отличаются высокой степенью разработанности данной проблемы).

Что такое «идиома»? Чем «идиома» / «идиоматическое выражение» отличается от «фразеологизма», «фразеологической единицы» (ФЕ), «фразеологического оборота»? Принципиальны ли эти отличия или только дань определенной традиции, вопрос терминологического предпочтения? Это лишь немногочисленный ряд вопросов, который относится к терминологическому месту определению.

В отечественном языкознании существует две позиции в отношении терминологического определения идиомы: 1) термин «идиома» – синоним термину «фразеологизм» (Мокиенко В. М., Ахманова О. С., Алефиренко Н. Ф., Аничков И. Е., Жуков А. В. и др.). «Фразеологизм – такое сочетание слов, которое обладает относительной устойчивостью, экспрессивностью, целостным значением и воспроизводится в готовом виде. Как синонимы этого термина ... употребляются и наименования поговорка, идиома, образное выражение» (Мокиенко, 2005: 4) и 2) идиома есть один из типов фразеологических единиц (Виноградов В. В., Смирницкий А. И., Амосова Н. Н., Яранцев Р. И., Телия В. Н., Баранов А. Н., Добровольский Д. О. и др.). Данная точка зрения восходит к революционной концепции акад. В. В. Виноградова, который выделил три типа фразеологических единиц, к первому из которых относятся «фразеологические сращения, или идиомы – немотивированные единицы, выступающие как эквиваленты слов» (цит. по Кунин, 2005: 26), то же (см. Амосова, 2010; Телия, 1996; Баранов, Добровольский, 2008 и др.). Сфера идиоматики в разных теоретических концепциях понимается по-разному, но общая часть определений идиомы сводится к трем основным идеям: неоднословность, устойчивость и идиоматичность (Баранов, Добровольский, 2008: 28).

По мнению К. Я. Авербуха и О. М. Карповой, «наиболее распространенным и общепринятым термином является «фразеологическая единица», под которым понимается устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложения с полностью или частично переосмысленным значением. В западной традиции доминирует термин «идиома», служащий для обозначения устойчивых выражений с целостным значением, не выводимым из значения конституирующих компонентов» (Авербух, Карпова, 2009: 10-11). Сравним современное определение идиомы в Merriam-Webster Dictionary: ЛСВ₂ “an expression in the usage of a language that is peculiar to itself either grammatically (as *no, it wasn't me*) or in having a meaning that cannot be derived from the conjoined meanings of its elements (as *Monday week* for “the Monday a week after next Monday”)” (Merriam-Webster Dictionary).

Н. Н. Амосова в своей книге «Основы английской фразеологии», отмечая прогрессивный характер разработки фразеологической теории в отечественной лингвистике, писала, что в английском и американском языкознании вообще такая дисциплина [фразеология] полностью отсутствует (Амосова, 2010: 11). Эта же мысль прослеживается и у А. В. Кунина, который замечает, что в «английской и американской лингвистической литературе мало работ, специально посвященных теории фразеологии» (Кунин, 2005: 11). Вопросы фразеологии в английском и американском языкознании рассматриваются преимущественно в работах по семантике и грамматике, а также в предисловиях к фразеологическим словарям (Кунин, 2005: 11) (dictionaries of idioms).

Энтони Кауи (Anthony Cowie), характеризуя состояние современной англосаксонской фразеологии, замечает, что «в начале 80-х годов XX в. фразеология воспринималась как узкая область лингвистических интересов с небольшими шансами на признание в качестве уровня языка или дальнейшими перспективами лингвистического описания» (Cowie A., 1998: 1) за исключением создания словарей, «в настоящее время она [фразеология] стала объектом как теоретических, так и прикладных исследований для западных лингвистов, как это ранее произошло с учеными Восточной Европы» (Cowie A., 1998: 1).

Действительно, в плане интереса к идиоматике в английской и американской лингвистике ситуация кардинальным образом меняется с развитием когнитивной парадигмы в психологии, лингвопсихологии, языкознании и компьютерной лингвистике. Начинается активное изучение психолингвистических аспектов функционирования фразеологизмов и их синтаксической структуры (Баранов, Добровольский, 2008: 19), а также построения ментальных моделей для понимания идиом (Lakoff G., Gibbs R., Nayak N.,

Geeraerts D., Langlotz A., et al.) и дискуссий о прозрачности внутренней формы идиом (idiom transparency) (Keysar B., Bly B., Skoufaki S., Cacciari C., Langlotz A., et al.).

Среди наиболее популярных, привлекающих к себе внимание ученых англо-саксонских теорий можно выделить две основные и несколько гибридных теорий, которые используют и дополняют положения предыдущих двух.

Первые две теории, зародившиеся в рамках когнитивной психолингвистики, представляют собой в некотором роде соперничающие концепции и могут быть названы «концептуально-метафорическая гипотеза» (The Conceptual Metaphor Theory) (Баранов, Добровольский, 2008: 102), а вторая – теория семантических ограничений (the Semantics Constraints Approach) (Keysar, Bly, 1995: 90-91) или «гипотезой интерференции» в терминах А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (Баранов, Добровольский, 2008: 102).

Согласно теории концептуальной метафоры, идиома имеет смысл в той степени, в которой она мотивирована концептуальными проекциями (mappings), т. е. в сознании носителя языка независимо существуют элементы концептуальной системы, которые соотносят идиому и ее значение (Lakoff G., Gibbs R., Nayak N., O'Brien J., Kövecses Z., Coulson S., Van Petten C., et al.). Например, идиома *spill the beans* имеет смысл, потому что в сознании независимо существуют две концептуальные модели: IDEAS ARE ENTITIES и THE MIND IS A CONTAINER (Keysar, Bly, 1995: 91; Баранов, Добровольский, 2008: 102-109).

В отличие от «концептуально-метафорической» гипотезы, теория семантических ограничений предполагает, что значение идиомы сводится к значению компонентов, которые в совокупности и составляют ее целостное значение: «компоненты идиомы, как правило, имеют выводимые значения, соединение которых и приводит к продуцированию целостного значения идиомы» (Wasow et al.) (цит. по Keysar, Bly, 1995: 91). Например, при определенном уровне абстракции *spill* в идиоме *spill the beans* (проболтаться, выдать секрет) схоже по значению с *'reveal'* – раскрывать, открывать, в т.ч. открывать секрет (Keysar, Bly, 1995: 91; Баранов, Добровольский, 2008: 109-111).

Как любая новая разработка проблемы, и первая, и вторая теории не свободны от недостатков (критический анализ см. Баранов, Добровольский, 2008, Keysar, Bly, 1995), однако они способствовали дальнейшему развитию западной фразеологии. В этой связи можно отметить гипотезу Боаза Кейсара и Бриджит Блай (1995) о семантической прозрачности идиом. Значение многих идиом воспринимается как относительно прозрачное, т. е. наблюдается связь между языковым выражением и его значением. Важным источником языковой интуиции является попытка носителя языка осмыслить конвенциональные выражения. Во фразеологии необходимо различать семантическую прозрачность, которая является результатом конвенционального употребления, и семантическую прозрачность, которая выводима из исходной концептуальной структуры (Keysar, Bly, 1995: 89).

Д. Герартс и его призматическая модель семантики идиомы. Для объяснения семантической сложности идиомы автор прибегает к максимально сложной по структуре модели. Она включает все дескриптивные показатели, которые необходимы для описания внутри семантических отношений любой идиомы (Langlotz, 2006: 109).

Р. Джиора и ее гипотеза иерархии превосходства (the graded salience hypothesis), согласно которой адресат понимает значение любого высказывания, в том числе и идиомы, в зависимости от его важности. Важным может быть как прямое, так и скрытое значение (Giorga, 2003) и др.

Объединяет все эти исследования то, что идиома рассматривается прежде всего как ментальное явление, и в этой связи целесообразно говорить о когнитивной фразеологии, о связи фразеологии и познания, что «предполагает выяснение основных и вспомогательных функций косвенно-производных единиц языка в получении и выражения знания» (Алефиренко, 2008: 14). Согласно гипотезе о семантической реальности внутренней формы А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, «фразеологизмы являются не только чисто языковым, но и когнитивным феноменом в том смысле, что образная составляющая фразеологизма, даже если она не влияет непосредственно на актуальное значение, является частью плана содержания (Баранов, Добровольский, 2008: 21). В данной связи особое внимание уделяется понятию внутренней формы идиом, возможности ее описания и отображения в семантической экспликации (Баранов, Добровольский, 2008: 22).

А. В. Жуков определяет внутреннюю форму (фразеологическая образность) фразеологизма как «представление, наглядно-чувственный образ, обусловленный смыслом

исходного словосочетания и являющийся в той или иной степени мотивирующим фоном фразеологического значения» (Жуков, 2007: 7).

По мнению Н. Ф. Алефиренко, «как элемент языкового сознания внутренняя форма фраземного знака – средство косвенно-производного взаимодействия его означающего и означаемого, точнее, средство перевода содержания формы в форму содержания» (Алефиренко, 2008б: 50). «Внутренняя форма своего рода след, отметина в долговременной языковой памяти человека. ... Внутренняя форма – это средство экспликации образа, служащего способом соотнесения предмета мысли и значения фраземы» (Алефиренко, 2008а: 50).

Для большинства западных исследователей прозрачность внутренней формы идиомы определяется в той степени, в какой может быть найдена связь между формой и содержанием. На основании этого критерия выделяют:

- ▶ идиомы с высокой степенью прозрачности (high-transparency idioms);
- ▶ идиомы с низкой степенью прозрачности (low-transparency idioms).

Прозрачность внутренней формы (transparency) есть то, насколько правильно можно вывести значение идиомы из самой идиомы. Однако не все ученые разделяют эту точку зрения. Например, София Скуфаки (Sophia Skoufaki) провела ассоциативный эксперимент, в результате которого выяснилось, что а) показатель ассоциативности между прозрачностью внутренней формы и правильным значением был низким, и б) когда был предъявлен контекст, эксперимент показал незначительное расхождение в правильности определения значения идиомы с высокой степенью прозрачности и с низкой степенью прозрачности (Skoufaki, 2009).

Подводя итог, нельзя не согласиться с А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским в том, что постановка и решение проблемы внутренней формы «зависит от семантической теории, в рамках которой формулируется толкования, от требований, предъявляемых к метаязыку» (Баранов, Добровольский, 2008: 113).

Литература

- Авербух, К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / К. Я. Авербух, О. М. Карпова. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 176 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008а. – 271 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма : моногр. / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008б. – 152 с.
- Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии. Изд. 2-е, доп. / Н. Н. Амосова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 216 с.
- Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
- Жуков, А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка : ок. 1500 фразеологических единиц / А. В. Жуков. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 603 с.
- Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : Учеб. пос. для институтов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., стереотип. / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с.
- Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии. 2-е изд., перераб. / В. М. Мокиенко. – СПб. : «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 256 с.
- Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- Фразеологический семинар В. М. Мокиенко / В. М. Мокиенко. Режим доступа: <http://phraseoseminar.narod.ru>
- Cowie, A. P. Phraseology : Theory, Analysis and Application. Introduction / Anthony P. Cowie (ed.). – Oxford: Clarendon Press, 1998. – P. 1-20.
- Giora, R. On Our Mind: Saliency, Context, and Figurative Language / R. Giora. – Oxford: OUP, 2003. – 259 p.
- Keysar, B., Bly, B. Intuitions of the Transparency of Idioms: Can One Keep a Secret by Spilling the Beans / B. Keysar, B. Bly // Journal of Memory and Language. 34. Elsevir Inc., 1995. – P. 89-109.
- Langoltz, A. Idiom Creativity: A cognitive Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom-Variation in English / A. Langlotz. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Volume 17, 2006. – 325 p.
- Merriam-Webster Dictionary Dictionary and Thesaurus Online. Access Mode: <http://www.merriam-webster.com>

Summary. The article reveals some aspects of contemporary phraseology. The author specially dwells on the evolution of the phraseological thought in western linguistics, proving the fact with the examples of modern theories. It is also viewed the understanding of idiom transparency.

Жаналина Л. К.
ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ

Казахстан, г. Алматы, Казахский национальный педагогический университет
им. Абая
zhanalina@gmail.com

Известно, что наука и ее объект находятся, как правило, в неравноправных отношениях ведомого и ведущего, так как научные достижения – это, в первую очередь, успехи по приближению к изучаемому, по степени точности его отражения. Но при этом адекватное, полное изображение реальности в его целостности остается недостижимой задачей и возникают два парадокса. Первый заключается в том, что ведущий, с одной стороны, не прилагает усилий для сохранения своего влияния, ибо не ведает о наличии своего приближенного отражения, с другой стороны – он подпадает под влияние знаний о нем и может с их помощью меняться. Вторым известным парадоксом является позиция тайны (или тайн) у объекта, оставляющая науку перед закрытой на замок дверью, и, несмотря на уверенность, что ключей к нему нет и не будет, продолжают их осознанные поиски, сохраняющие характер непрерывного и целенаправленного процесса.

Правда, лингвистика в этих отношениях, формируемых с участием человека как субъекта научной деятельности, занимает особое место благодаря своему объекту – языку, способному к «самопознанию», «самоотражению», называемому естественной лингвистикой.

Их вторым парадоксом вытекают характерные для научного знания споры и дискуссии. Их источником является не объект как таковой, а неполное или разное его понимание, которое выступает как одна из главных сил, движущих научное познание.

К числу таких так называемых неразрешимых проблем в лингвистике относится проблема границ фразеологии как области языка, проблема ее объема. Вопрос решается с тех пор, как родилась изучающая ее дисциплина, и связана с тем, как последняя отстаивает свою самостоятельность.

Все точки зрения на эту проблему сводятся к двум основным подходам – широкому и узкому. Эти подходы выдвигают в качестве доминирующего критерия объект фразеологии.

Определение объекта осуществляется путем сравнения фразеологических единиц со словами и сочетаниями на основе выявления отличительных признаков фразеологических единиц и описания их классов.

Попытки демаркации фразеологического фонда связаны с периодами, пройденными фразеологией. Ее история наиболее полно и убедительно представлена в книге В. Н. Телия, что обусловлено: 1) рассмотрением фразеологии в общем контексте науки и в связи со сменой в ней онтологических и эпистемологических программ; 2) представленностью основных фразеологических теорий, определивших пути развития фразеологии; 3) объяснением эволюции теории развитием ее методологических основ; 4) вписанностью в нее авторской концепции, которая была разработана в рамках работы Проблемной группы по общей фразеологии и компьютерной фразеологии Института языкознания РАН и имеет дисциплинарный статус, уровень научного направления (Телия, 1996).

Классический период, идеи которого остаются актуальными и включенными в научный оборот до сих пор, воздвигает доменную стенку, совмещая использование принципа соизмерения фразеологических и свободных сочетаний слов и выведения на этой основе признаков фразеологизмов, которые сводятся к общему понятию идиоматичности.

Количество признаков фразеологизмов, описываемых в литературе, варьируется, но в качестве главного единодушно выдвигается фразеологически связанное значение, введенное В. В. Виноградовым. Его отличает ограниченность употребления строго опре-

деленным окружением, что сужает его сочетаемость до сочетаемости с другим компонентом только одного устойчивого сочетания (Виноградов, 1977; Телия, 1996: 50). Заложенную в понимание данного признака эндогенность наглядно иллюстрирует дефиниция идиоматичности, сформулированная И. А. Мельчуком: «Сочетание является идиоматичным, если и только если в него водит хотя бы одно такое слово, которому при переводе сочетания в целом пришлось бы приписать переводной эквивалент, возможный для данного слова только при появлении данного слова одновременно со всеми остальными элементами сочетания (в определенном порядке), причем данное слово может встречаться и без остальных элементов и имеет тогда другой перевод» (Мельчук, 1960: 75). В развитии понимания данного признака следует отметить переход от эндогенной трактовки к экзогенной. Н. Ф. Алефиренко он представляется как признак целостности, обращаясь вовне к мотивирующему словосочетанию. Он объясняется как целостное обобщенно-переносное значение, являющееся следствием семантической трансформации, семантического слияния компонентов словосочетания-прототипа и поэтому проявляющийся как «семантическая слитность» (Алефиренко, 2009: 27). Далее ученый подчеркивает критериальный статус этого признака: «... фраземами является только часть устойчивых сочетаний, отличающая семантической слитностью, или целостным обобщенно-переносным значением. Последовательное применение критерия семантической слитности позволяет определить объем фразеологии» (Там же). Такая трактовка слитности отличается от понимания слитного семантического единства В. В. Виноградова, которое рассматривается как внутреннее свойство, вытекающее из того, что «лексические значения компонентов вовсе безразличны для понимания целого» (Виноградов, 1977).

Понятие фразеологически связанного значения при переносе акцента на его дистрибутивный аспект порождает критерий «указательного минимума» согласно концепции Н. Н. Амосовой. Выход на окружение как на условие идиоматизации осуществляется на основе использования, наряду с дистрибутивным подходом, классического принципа «в отличие от». При этом маркером фразеологизма становится не само фразеологически связанное значение, а его способность ограничивать свою сочетаемость вплоть до одного конкретного слова, которое и инициирует его появление. Постоянный фразеологический контекст, становящийся критерием идиоматичности, назван «указательным минимумом». Противопоставленные ему переменные контексты выходят за пределы фразеологии как свободные словосочетания, образующие запретную для связанных значений зону (Амосова, 1963: 58-59).

Постклассическому» периоду, который характеризуется «вниманием к динамике языковой системы», сращиванием методов лексикологии и синтаксиса и актуализацией проблем номинации (Телия, 1996: 23–24), присуще усиление экзогенного подхода, который проявляется в рассмотрении места фразеологии в языковой системе. Если виноградовская школа считает признаки основанием для отнесения сочетаний слов к фразеологизмам, основанием для их объединения в этом классе языковых единиц, т. е. для их категоризации (не случайно Н. Ф. Алефиренко эти признаки называет «категориальными свойствами» (Алефиренко, 2009: 25), то в дальнейшем в качестве демаркационного критерия выдвигается стратификационный статус образуемой фразеологизмами категории. Уровневая квалификация имеет два основных варианта. Фразеология выделяется (1) как подуровень лексики (Шмелев, 1977: 5), (2) как особый уровень, выделяемый по наличию эмической единицы (Архангельский, 1964). Таким образом, «обрамление» фразеологии происходит в двух противоположных направлениях от элементных единиц и набора их типов к системе (категории) или от системы (уровня) к единицам. Промежуточное положение между ними занимает внутриуровневая стратификация. Межуровневая систематизация дополняется внутриуровневой, когда корпус фразеологии описывается «как ряд фразеологических подсистем языка, из которых наиболее очерченным оказался корпус фразеологизмов-идиом, который обрел статус ядра фразеологии» (Телия, 1996: 35).

Современный период развития фразеологии знаменуется усилением интереса к динамике, благодаря уточнению функционального подхода как номинативного, которые переключил внимание с исторических процессов на живые номинативные процессы, где фразеология получает новые границы.

Номинативный поворот во фразеологии в концепции В. Н. Телия фразеобразующим компонентом делает не фразеологически связанное значение, а «тот смысл, который «прибавляется» к наименованию опорному и который выражается переосмысливаемым

значением слова, обретающим связанность потому, что он называет признак, присущий данному конкретному опорному наименованию. Иными словами, в номинативную «вершину» фразеологических сочетаний было поставлено опорное наименование» (Телия, 1966: 50). Фразеология с позиций теории номинации, в трактовке ученого, представляет собой развитие идей, сформулированных В. Г. Гаком, а также «во многом базируется на методе описания устойчивых сочетаний слов, разработанном в русле модели «Смысл ↔ Текст» А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком...» (Там же).

Специфику номинативной теории В. Н. Телия представляют понятия лексико-грамматической парадигмы и опорного слова и понимание их соотношения.

1. Лексико-грамматическая парадигма сохраняет традиционно выделяемый признак общности входящих в парадигму элементов. Но если в структурно-семантической интерпретации это системная общность, то с позиций номинативного подхода это общность, возникающая в динамике фразеобразования, запускаемого одним и тем же опорным наименованием, вокруг которого группируются производные фразеологизмы, реализующие его номинативную активность. Номинативная активность опорного слова «исчисляется» в терминах теории «Смысл ↔ Текст», объединяемых обобщающим термином «лексическая функция», с их корректировкой по количеству их реальных актуализаций в соответствии со сложившейся сочетаемостью опорного слова (Телия, 1996: 48).

2. Опорное слово выступает как главный конститутивный компонент, становясь пусковым механизмом фразеобразования, инициируя серии его актов. Серийное участие опорных наименований во фразеономинации протекает последовательно и приводит к накоплению фразеологизмов, которые реализуют его номинативный потенциал и в синхронии объединяются в лексико-грамматической парадигме как системной единице. Динамический же аспект парадигмы представляет «лексическая анкета» опорного слова.

3. Термин «лексико-грамматическая парадигма» передает характер систематизации фразеологизмов, определяемый основными факторами их порождения – «лексическими функциями» опорного компонента, при реализации которых происходит лексическое заполнение синтаксических мест.

4. Объем лексико-грамматической парадигмы определяет номинативная активность опорного слова – (1) присвоенное опорному слову количество «лексических функций», (2) количество распространителей, реализующих «лексические функции».

Рассмотренный подход демонстрирует еще одну трансформацию традиционного критерия идиоматичности – фразеологически связанного значения, проявлениями которого становятся разные классы (типы) фразеологизмов. Переключение внимания с системного аспекта языка на функциональный смещает критерий с признака фразеологизма на условия его производства. Если, по мнению Н. Н. Амосовой, это «указательный контекст», то у В. Н. Телия это опорное слово. Критериальный статус опорного слова заключается в том, что его участие во фразеообразовании определяет объем фразеологии как совокупность лексико-грамматических парадигм (Телия, 1996: 48–49, 51).

Эволюция фразеологической науки и ее основных положений (и это подтверждает анализ фразеологии по периодам, осуществленный В. Н. Телия), происходит при сохранении идей В. В. Виноградова, которые проходят красной нитью через все концепции, лишь подвергаясь некоторым видоизменениям. Наиболее существенные трансформации вносит номинативная версия фразеологии, разработанная В. Н. Телия, но и на нее распространяется шлейф классики. В то же время эта теория демонстрирует возможности дестагнации, расширяя область действия фразеологизмов за счет их номинативного параметра, в котором они выступают как номинативные единицы, несущие следы своего производства.

Еще более масштабно фразеология внедряется в динамику языка как когнитивно-дискурсивную деятельность с включенным в нее субъектом в концепции Н. Ф. Алефиренко, в которой сочетаются необыкновенная эlegantность и поразительная глубина (Алефиренко, 2002, 2009: 163). Объектом теории является «вторичная номинация», предметом – «поэтическая (образная) функция средств вторичного знакообозначения культурно значимых объектов» (Алефиренко, 2002: 6). Вторичный семиозис рождает наделенные внутренней синергетикой, поэтической энергией вторичные, косвенно-производные номинации, к которым относятся фразеологизмы, или фраземы, в терминологии ученого. Поэтическая энергия вторичных знаков требует когнитивно-

дискурсивного осмысления, так она подпитывается различными языковыми и неязыковыми энергопотоками, составляющими сущность дискурса (Алефиренко, 2002: 9).

Дискурс как источник и среда создания вторичных и косвенно-производных номинаций имеет идиомообразующий потенциал, становится при его реализации фразеобразующим (идиомообразующим) и делает человека «центральной фигурой вторичного семиозиса», главным энергоносителем (Там же). Дискурс имеет две фазы, на которых происходит формирование словесного знака, номинации как языкового явления и как культуры, имеющей двойную ментальность, одной стороной обращенной к истории, другой к современности и определяющей специфику косвенно-переносной номинации – фраземы. Разработанная ученым теория представляет собой когнитивно-дискурсивную лингвокультурологию, закладывающую основы новой междисциплинарной субпарадигмы, формирующейся вокруг проблемы взаимоотношения языка и культуры (Алефиренко, 2002: 362). Она намечает границы фразеологической области языка, вводя ее, с одной стороны, в когнитивно-дискурсивную деятельность, где она вычленяется как идиомообразующий дискурс, с другой – в ее результаты, где она выступает в виде косвенно-переносных номинаций и соседствует с другими типами номинаций.

Взгляды Н. Ф. Алефиренко, как и точка зрения В. Н. Телия, отличает внимание к динамическому аспекту, что позволяет выявить порождающие возможности языка, механизмы фразеобразования и их результаты. Анализ их положений обнаруживает зависимость зонирования фразеологии от научного подхода, научного направления. Такая зависимость проистекает из реализуемых в них аспектуализаций объекта.

Современную фразеологию характеризует широкое распространение в ней когнитивно-дискурсивной направленности в рамках антропологической научной парадигмы. Она (1) выводит на реконструируемый исторический культурный пласт фразеологии в ее этнолингвистическом направлении, (2) раскрывает способность фразеологии через дискурсы «отображать современное культурное самосознание народа» в лингвокультурологического направления, (3) выявляет этнически- и национально-культурную специфику фразеологизмов того или иного языка, «скрытые» следы взаимодействия языка и культуры (Телия, 1999: 14-15).

Таким образом, разработка «штрих-кодов» для опознания фразеологии демонстрирует, что происходит хотя и медленное, но осязаемое накопление критериев. При этом выбор критериев определяется тем, что онтологическое отграничение фразеологии по признакам единиц сопровождается ее гносеологическое дисциплинарное ранжирование по особому объекту. Поэтому естественно, что к онтологическим основаниям зонирования фразеологии добавляются гносеологические. Ее очертания намечаются не только по объективным показателям – признакам фразеологических единиц, но и по научным направлениям и по их методологическим доктринам, диктующим понимание способов существования фразеологического фонда языка. Если структурно-семантическая идеология, апеллируя к критериям-признакам («категориальным свойствам»), выстраивает классы фразеологизмов, то когнитивно-дискурсивная программа, используя номинативный или культурологический критерии, выстраивает порождающие модели в виде лексико-грамматических парадигм (В. Н. Телия), структурно-семантические типологии фразем как косвенно-производных номинаций и схемы речемыслительной, дискурсивной деятельности (Н. Ф. Алефиренко), а также описывает культурологические аспекты формирования и функционирования фразеологизмов (Телия, 1999: 12–15).

Плодотворность сохранения в современной фразеологии положений классического периода и сосуществования онтологического и гносеологического подходов демонстрируют их возможности по уточнению оснований для определения границ фразеологии.

Указанная возможность используется в данной статье на основе интегративного подхода, совмещающего традиционный «признаковый» подход с функционально-номинативным, делается еще одна попытка определения границ фразеологии на основе решения вопроса о ее соотношении с синтаксисом путем отграничения фразеологизмов и синтаксических словосочетаний. Интегративный подход требует выделения признаков фразеосочетаний и синтаксических словосочетаний как номинативных единиц по принципу «в отличие от».

Исходной позиций для сравнения служит восходящий к виноградовской классификации набор «категориальных» признаков фразеологизмов, предложенный Н. Ф. Алефиренко (Алефиренко, 2009: 25-30).

Другой участник – словосочетание включается в сравнение с совокупностью признаков, выделенных на основе его понимания как номинативной единицы, являющейся результатом номинативной деятельности (Жаналина, 2011: 120), а не как компонента коммуникативной деятельности, выступающего как «конститутивный» элемент (Золотова, 1998: 49). Таким образом, выстраивается корректная оппозиция с общим основанием «фразеологическое сочетание – номинативное сочетание», в которую они входят как номинативные единицы. К этому сходству добавляется их отнесенность к одному и тому же типу номинаций – к раздельнооформленным, неоднословным номинациям.

Противопоставление фразеологических и номинативных сочетаний требует предварительного разграничения словосочетаний, функционирующих в коммуникативной и номинативной деятельности. Данная гносеологическая категоризация вытекает из понимания номинативной деятельности как одной из двух форм речевой деятельности. Другой формой является коммуникативная деятельность, с которой обычно отождествляется сама речевая деятельность (Жаналина, 2011: 387).

В связи со сказанным возникает необходимость в проведении сравнения в два этапа – предварительный и основной этапы по отношению к рассматриваемой проблеме о границах фразеологии. На обоих этапах используется традиционный принцип категоризации по признакам вместе с принципом соизмерения.

Сложившаяся практика размежевания фразеологии и синтаксиса осуществляется с позиций фразеологии и концентрируется на выделении групп фразеологизмов, сближающихся с синтаксическими конструкциями, благодаря наличию общих с ними признаков. Позицию «от фразеологии», т. е. изнутри фразеологии, представляют классификации периферийных фразеологизмов. Они обозначаются терминами *фразеологическое сочетание*, *фразеологическое выражение*, *фразеологический оборот*, *фразеологическая группа*, *фразеологический ряд*, *устойчивое сочетание*. Традиционное сравнение исходит из системно-структурной доктрины, которая диктует распределение его участников по разным уровням языка, так что из определения словосочетания как синтаксической единицы исключается характеристика ее функционирования в речи. Поэтому сравнение фразеологизмов с синтаксическими словосочетаниями с учетом их функций в двух формах речевой деятельности, оказывается терминологически неподготовленным. Функциональное размежевание словосочетаний в коммуникативной и номинативной деятельности представляют термины – «докоммуникативное словосочетание» (ДКС) и «номинативное сочетание (словосочетание)» (НС).

Первый термин базируется на классификации Г. А. Золотовой, в которой выделяются докоммуникативные и коммуникативные единицы синтаксиса (Золотова, 1998: 518-519). Он отражает предкоммуникативность синтаксического словосочетания, представляющего конститутивную единицу, участвующую в построении коммуникативной единицы – высказывания. Участие в порождении высказывания обеспечивает конструктивно-семантическая функция.

Второй термин эксплицирует результат номинативной деятельности, в которой синтаксическая форма в процессе конструирования приобретает номинативную функцию.

Построение докоммуникативного словосочетания происходит как часть процесса порождения высказываний, т. е. как компонент коммуникативной деятельности. Построение номинативных словосочетаний совпадает с номинативной деятельностью.

Таким образом, (1) синтаксическое словосочетание в коммуникации является докоммуникативной синтаксической единицей и обладает конструктивно-семантической функцией (соотносится с номинативной функцией, понимаемой как функция выбора, а не производства языковой единицы для выражения определенного содержания), (2) синтаксическое словосочетание в номинации является номинативной единицей и обладает номинативной функцией.

Первый предварительный этап сравнения обнаруживает следующие отличительные признаки НС и ДКС.

1. НС конструируется для закрепления нового знания, не имеет референта, включается в языковую картину мира, участвует в представлении миропонимания; (2) ДКС конструируется для обозначения деталей конкретной реальной ситуации, референтно, не меняет языковой картины мира, не воздействует непосредственно на миропонимание. Ср.: (НС) *темная материя* и (ДКС) *темная кожа*.

2. НС обладает эффектом новизны, основанном на его содержании, отражающем новые знания, или эффектом вневременного знания. ДКС служит знаком известных реалий. Ср.: (НС) *пальмовые острова* 'искусственные острова в Дубаи, воздвигнутые в море' и (ДКС) *пальмовое масло*.

3. Состав НС устойчивый, состав ДКС переменный. Ср. (НС) *эпоха застоя, Викторианская эпоха, эпоха Возрождения* и (ДКС) *наша эпоха, эпоха беспредела, эпоха нанотехнологий, современная эпоха*.

4. Произведенное НС воспроизводится, ДКС только производится. Ср.: (НС) 1) *Лютня* – самый распространенный, излюбленный музыкальный инструмент во многих западноевропейских странах *эпохи Возрождения*. 2) *Сегодня я покажу вам 60 самых лучших работ о том, как бы выглядели знаменитости, если бы сейчас была эпоха Возрождения*. (ДКС) *Наша эпоха* – время глобальных перемен. Сейчас мое время, *моя эпоха*.

5. НС разворачивается посредством распространения опорного компонента, являющегося главным словом в словосочетании как номинативной единице, что не обязательно поддерживается его синтаксическим главенством. Опорное слово выражает ключевой концепт, который вычленяется по его значимости для определенной социально-культурной общности и/ или по его глобальной ценности, что отмечается частотой его употребления в коммуникации и продуктивностью в номинации. ДКС создается добавлением зависимого слова к синтаксически главному слову, лексическим заполнением мест в одной из типовых схем словосочетаний. Ср.: (НС) *Евразийский университет, евразийская идея, евразийский континент, евразийская инициатива* и (ДКС) *евразийский соблазн, евразийский искус, евразийские перспективы, евразийские народы*.

6. Конструирование НС при одном и том же опорном компоненте регулируется главным образом неязыковыми факторами. Это новое знание, возникающее в познании. Новое знание, выражаемое рядом НС с одним опорным словом, образует когнитивное поле (ср.: культурологическое поле у В. В. Воробьева), объединенное общим ключевым концептом, становящимся его ядром. Границы, объем когнитивного поля определяют составляющие его когнитивные, под давлением которых валентность опорного слова расширяется, выходя за рамки установившейся нормы (*лунный город, марсовый сфинкс, сексуально-рекламная революция*). ДКС вербализуют информацию, а не знания с позиции языковой картины мира, реализуя валентность своих компонентов. Наличие общего компонента не является условием их категориальной общности, так как они фиксируют фрагменты действительности, находящиеся в состоянии постоянного движения, развития. Ср.: (НС) *квантовый компьютер, квантовый алгоритм, квантовый переход, квантовая механика, квантовая физика, квантовый робот* и (ДКС) *квантовые парадоксы, квантовое явление, квантовый пирог, квантовый портал*.

7. НС относятся в значительной своей части к неологизмам, являющимся единицами речи, но готовым перейти в язык, пройдя этапы принятия носителями языка, употребления и лексикографического описания. ДКС остаются единицами речи, постоянно меняющими свой состав.

8. НС – результат способа номинации – фразообразования. ДКС – результат синтагмообразования, одной из синтагматических операций, из набора которых состоит процесс образования высказывания.

Как неологизм НС сохраняет высокую степень мотивированности, присутствия внутренней формы, оживляющей акты их генерирования. Мотивированность присуща большей части НС, которые активно образуются в современном русском языке, демонстрируя резкое повышение продуктивности фразообразования как способа номинации, вытесняющего словопроизводство.

Скорость и масштабы синтагматического конструирования не меняются столь кардинальным образом. Они диктуются не познавательным процессом, а сложившейся практикой коммуникации, потребностями общения в разных сферах, ситуациях общения, обслуживающих главным образом практическую деятельность человека по подготовке и осуществлению цивилизационного развития, определяются психологическими способностями человека и лишь испытывают опосредованное давление новой информации.

9. НС маркируют динамику производимого обобщенного знания и эволюцию языкового сознания, направление познания, диктуемое ходом развития знания, а также общественно-политическим, экономическим развитием общества. ДКС передают информацию о конкретных фактах, укладывающуюся в устоявшееся языковое сознание, находя-

щесся в состоянии некоторого равновесия. Ср.: (НС) *государственный терроризм, международный терроризм, политический терроризм, исламистский терроризм, компьютерный терроризм* и (ДКС) *транспортный терроризм, ментальный терроризм, терроризм потребления, новый терроризм, уголовный терроризм, революционный терроризм, финансовый терроризм, история терроризма*.

10. Смена распространителя в НС при одном и том же опорном слове является условием образования (1) ряда самостоятельных НС, образующих синтаксическую зону номинативной парадигмы при выражении разных новых когний (Жаналина, 2011: 441), (2) вариантов одного НС, очерчивающих формальные границы одной номинации, при выражении одной новой когнии. См.: (1) *социальные танцы, социальный хлеб, социальная программа, социальный бандитизм, социальное государство* (2) *атипическая/нетипическая пневмония* (ср.: *неспецифическая форма пневмонии*), *полимерные/биологические имплантаты/импланты*.

При замене одного из компонентов ДКС и сохранении другого образуются разные словосочетания, как и в случаях, когда связываются разные слова, независимо от того, выражают ли ДКС (1) одно и то же или (2) разные значения. См.: (1) *шелковый платок – платок из шелка*; (2) *шерстяной платок – шерстяная ткань*.

11. НС может мотивировать образование аббревиатуры, что подчеркивает их сходство как номинативных единиц. ДКС не обладает способностью формально сокращаться до одного слова. Ср.: (НС) *частная управляющая компания (ЧУП)* (ср.: *дочерняя компания/дочернее общество*, не имеющее словной формы) и (ДКС) *известная компания*.

Первый этап соизмерения отделяет ДКС по функции докоммуникативные единицы, по форме синтаксические словосочетания от НС по функции номинативных единиц, по форме синтаксических словосочетаний. Так как ДКС имеют переменный лексический состав и являются синтаксически свободными сочетаниями, то они не воспроизводятся. НС имеют постоянный лексический состав и соответственно устойчивые синтагматические связи, поэтому воспроизводятся. Это обуславливает большее сходство номинативных сочетаний с ФС, по сравнению с докоммуникативными сочетаниями. Следовательно, на второй этап соизмерения выходит НС. На нем осуществляется сличение пучков признаков ФС и НС как номинативных единиц. Интеграция двух подходов при разграничении ФС и НС позволяет усилить основания для выделения фразеологии и определения ее объема.

Оппозиция ФС и НС строится на трех видах соотношения их признаков: 1) общие признаки, совпадающие по проявлениям (полное сходство) – некритериальные признаки; 2) общие признаки, имеющие различия в проявлениях (частичное сходство) – частично критериальные признаки; 3) дифференцирующие признаки – критериальные признаки. Как отмечалось ранее выделение признаков осуществляется на основе интегративного подхода, охватывающего системно-структурный и номинативный аспекты сравниваемых единиц.

I. Некритериальные признаки – общие признаки, имеющие одинаковые проявления, они характеризуют ФС и НС с системной стороны, т. е. представляют системные признаки. К ним относятся:

1. Постоянство, стабильность лексического состава у ФС и НС. Например: (ФС) *узнать всю подноготную* 'проникнуть в тайну, выведать всю правду' (здесь и далее примеры ФС Н. Ф. Алефиренко: Алефиренко, 2009) и (НС) *женский бокс, репертуарный театр, физический театр, космическая кухня, космический мусоропровод, маркетинговая война*.

2. Устойчивость грамматической структуры ФС и НС – соотнесенность с одной частью речи. Например: (ФС) – аналог наречия *с (от) молодых (младых) ногтей* 'с раннего детства, с первых дней (лет) появления на свет' (издавна) и (НС) – аналоги имен существительных: *паралич любви* ('болезнь'), *офисный планктон* ('человек').

II. Частично критериальные признаки – общие признаки ФС и НС, различающиеся по проявлениям. Они делятся на две подгруппы: а) системные; б) функциональные.

A) Системные признаки представляют:

1. Целостность семантики, которая у ФС и НС имеет неодинаковые источники. У ФС – это языковой источник в виде связанных значений компонентов. Он обеспечивает «семантическую слитность», которая сочетается со структурированностью значения ФС.

У НС источник целостности неязыковой. Это единица знания, концепт или конструктор. Так как ментальная единица несет следы аналитической деятельности, то она структурирована. И ее структура переносится в языковое значение, делая это значение когнитивно ориентированным, тогда как в значении ФС доминирует языковая ориентация, выделяются семы, типичные для языка. Ср.: ФС *вправлять мозги* кому 'прибегая к крайним мерам воздействия, заставлять кого-л. одуматься и изменить образ мыслей, поведение', структура значения которого дается в записи Н. Ф. Алефиренко в виде цепочки символов «В2: Д2л + а: Д1л + в1: Д1л + с: К2л + d: К1л + (f)» (Алефиренко, 2009: 157) и НС *профилактическая война, освободительная война*, структура значений которых благодаря общности опорного компонента отчетливо демонстрируют логические отношения «предсказуемое – предсказующее».

2. Раздельнооформленность ФС и НС, которую демонстрируют: а) их многокомпонентность; б) связи между их компонентами; в) реализация валентности компонентов. ФС и НС являются сочетаниями слов. Но эти сочетания имеют разные временные планы. В ФС они возникают в диахронии, а в НС в синхронии. Раздельнооформленность ФС характеризуется меньшей отчетливостью, по сравнению с раздельнооформленностью НС.

Диахронический план отношений между компонентами ФС определяет: а) нейтрализацию уровневого статуса его компонентов, вследствие того, что они или только формально соотносятся со словами, а семантически с ними не совпадают, или же вообще не встречаются вне ФС; б) стирание синтаксических связей между компонентами, которое отражает их деление на объяснимые и необъяснимые; в) необходимость реконструкции исторической сочетаемости.

Благодаря синхронности НС: а) его компоненты сохраняют статус слова, правда, утрачивая номинативную функцию, так как выступают как конститутивные единицы, участвующие в синтезе НС; 2) синтаксические связи между словами эксплицитны и соответствуют типичным, нормативным способам синтаксического синтеза; 3) сочетаемость слова, выступающего в качестве опорного компонента, расширяется, выходит за рамки сложившейся валентности. Ср.: (ФС) *подкладывать / подложить свинью* кому 'подстраивать втихомолку какую-то гадость, неприятность', *один шаг* и (НС) *женский бокс, репертуарный театр, физический театр, космическая кухня, космический мусоропровод, маркетинговая война, гендерная торговля, ледяная бомба 'градина'*.

Нейтрализация синтаксических связей в ФС вызывается аннигиляцией синтаксических отношений в прототипическом словосочетании, которая происходит при их столкновении с образом, возникшим в ФС. При этом прототипы могут структурироваться: 1) подчинительными связями: *дорого заплатить* 'многим пожертвовать', 'многим полатиться' (отношение «действие – интенсивность», прототипа заменяется отношениями «действие – объекты» и «действие – дистрибутивное распределение»), 2) сочинительными отношениями: *денно и ночью* 'все время, постоянно, круглые сутки'. О стирании синтаксических связей в ФС свидетельствует их немотивированная трансформация по сравнению с исходными словосочетаниями (1) или их растворение в значении ФС (2). Отсутствие синтаксических отношений в ФС может быть следствием их мотивации прототипом в виде сочетания знаменательного слова с незнаменательным: *ни бельмеса* «совершенно ничего».

Б) Функциональные признаки, которые характеризуют ФС и НС по их отношению к номинативной деятельности. К ним относятся:

3. Воспроизводимость ФС и НС в коммуникативной деятельности, осуществляемая путем выбора номинативных единиц. При ее проявлении возникают расхождения. У обеих единиц воспроизводимость обеспечивается устойчивостью лексического состава, стабильностью грамматической структуры и целостностью значения. Но, во-первых, различаются источники целостности (см. выше). Во-вторых, не одинаковы дополнительные факторы, обеспечивающие воспроизводство, благодаря которому ФС и НС приобретают свойство воспроизводимости. Если названные выше три фактора – это постоянные признаки сравниваемых единиц независимо от того, находятся ли они в языковой системе или употребляются в речевой деятельности, то другие факторы действуют в живом функционирующем языке.

Воспроизводство ФС вызывается необходимостью реализации их стилистических, прагматических (эмоционально-экспрессивных, образных) функций. Они служат для экспликации культуры и обыденного сознания.

Воспроизводство НС вызывается необходимостью воспроизводства вербализованного им знания (разных его типов, в том числе научных). Частота воспроизводства НС зависит от степени востребованности передаваемого ими знания, его культурной, познавательной, духовной, практической ценности, идеологической ориентированности, от значимости в миропонимании (в рамках универсальной и национально-культурной картин мира) и от широты сфер их распространения, длительности хранения.

Ср.: (ФС) *как небо от земли* 'очень сильно, резко (отличаться, различаться и т. п.)'; *брать быка за рога* 'начинать действовать энергично, решительно, сразу и с самого главного' и (НС) *адронный коллайдер, инвестиционно-технологическое производство, неформальная группа и реактивный репортаж, гуманитарная интервенция, иракская пятилетка, кадровая скамейка*.

4. Фразеобразование ФС и фразеобразование НС, которые являются разными моделями номинативной деятельности и объединяются как способы номинации.

Фразеобразование и фразеобразование отличают: (1) модельность фразеобразования является менее очевидной и стирается связанными значениями компонентов ФС, утратой некоторыми из них самостоятельного употребления и соответственно нивелированием грамматической структуры и выстраивающих ее связей, в то время как модельность фразеобразования поддерживается его полной аналогией с синтагмообразованием, в котором действуют синтаксические законы, а компоненты НС сохраняют прямые лексические значения или приобретенные переносные значения при употреблении в других словосочетаниях; (2) модель фразеобразования требует диахронической реконструкции и тяготеет к уникальности, модель фразеобразования типизирована и повторяется в разных лексических реализациях, количество которых ограничивается лексическим составом языка и валентностью слов, а также нормативными запретами на ее расширение; (3) грамматическая структура ФС воплощает разные способы синтаксической связи, разнообразные комбинации знаменательных и незнаменательных частей речи, грамматическая структура НС обнаруживает доминирование морфологической модели «существительное + прилагательное». Ср.: (ФС) *заморить червячка* 'перекусить; слегка утолить голод', *сломя голову* 'стремительно, опростеть, стремглав', *бить баклуши* — 'бездельничать' и (НС) *советский ренессанс* (ср.: *советское общество, Гарлемский ренессанс*), *финансовая подушка* (*финансовая помощь, подушка безопасности*).

5. Номинативная функция, которую ФС и НС выполняют как вторичные номинации. Но ФС и НС представляют разные типы вторичных номинаций по соотносительности с действительностью: косвенные (косвенно-производные) и прямые. Ср.: (ФС) *с жиру беситься* — 'привередничать, самодурствовать от праздности или безделья' и (НС) *валютный коридор, музейная педагогика*.

III. Критериальные признаки — признаки, дифференцирующие ФС и НС. Они включают главным образом онтологические свойства, как и предыдущие две группы. При этом в третьей группе доминируют функциональные свойства. Кроме них есть семантические, системные признаки, а также один методологический признак (10), который опосредованно представляет различия сравниваемых языковых единиц.

1. Разная сфера распространения ФС и НС: более широкое употребление ФС и менее широкое употребление новых НС. Ограничения в употреблении ФС — функционально-стилистические, их использование очерчивают их стилистические функции. Ограничения в употреблении НС — когнитивные. Разная степень распространенности НС, возможности пространственного, временного ограничения их функционирования определяется мерой ценности и устойчивостью выражаемого ими знания. Ср.: (ФС) *открывать новую страницу в чём-то* 'делать открытия, совершать нечто выдающееся, знаменательное в какой-л. области жизни, науки и т. п.', *набрать в рот воды* 'хранить упорное молчание' и (НС) *компьютерный диверсант, хакерская атака, зона свободной торговли, железный купол* ('система перехвата ракет палестинцев в Израиле').

2. Разные доминирующие функции: у ФС — это экспрессивно-стилистическая и культурологическая функции, у НС — номинативная. ФС усиливают выразительность языка, отражают национально-культурную картину мира. НС закрепляют и сохраняют знания о мире, занимая в основном место в понятийной языковой картине мира.

3. Наличие прототипа — исходного словосочетания у ФС, его отсутствие у НС, а также возможное синхронное сосуществование ФС и НС с производящим словосочетанием. Ср.: (ФС) *окунуться (погрузиться, уходить) с головой во что-то* 'целиком, полно-

стью, безраздельно отдаваться чему-л.' (окунуться с головой в воду 'скрыться в воде, уйдя в нее с головой') и (НС) *фронт здоровых сил* (о США), *империя добра* (о России), *первоначальный материнский капитал* (от первоначальный капитал).

4. Двуслойность значения ФС, порожденная соотносительностью с прототипом, и однослойность значения НС, не имеющего производящего словосочетания. При мотивации производящим словосочетанием НС может приобрести двуслойность (см.: Кубрякова Е. С. о двойной корреляции производных значений с действительностью и с производящим словом). И при этом двуслойные значения в ФС и НС имеют разные источники. В ФС слои создает прототип в виде внутренней формы, которая снимает верхний образный слой и открывает нижний денотативный слой прототипа. В НС это слои исходного и производного значений, равноструктурных по присутствию денотата и сингификата. Такие двуслойные значения чаще возникают, когда фразообразование приобретает характер языковой игры, а НС выступают не в главной своей номинативной функции, коррелирующей с познавательной, а в стилистической функции и становятся формами для привлечения внимания. При этом номинативная функция оказывается избыточной, так что НС возникает как синоним к уже существующей номинации. Ср.: (НС) *французский парадокс* и *страсти по русскому языку* (*страсти по Вагнеру*), *учитель в законе* (*учитель словесности и вор в законе*), *чулочное сердце* = *слабое сердце*, *колбаски популярности* (сленг) = идиограммы.

5. Непереводаемость ФС, обусловленная их отнесенностью к «безэквивалентной лексике» (Верещагин, Костомаров, 1983: 60–65) или к лингвокультурологическим единицам (Маслова, 1997: 12–25), и переводимость НС.

6. ФС – средства выражения национально-культурной информации, НС – средства выражения новых знаний как элементов понятийной (универсальной) картины мира.

7. ФС по образованию относится к диахронии, НС – к синхронии. В синхронии НС несет следы своего образования в мотивации новым знанием, в ономазиологической структуре номинативного значения, фиксирующего как новое, так и сохраненное знание.

8. Диахроническая парадигмизация ФС и синхроническая НС. Парадигма ФЕ – отражение эмоционально-ассоциативного мышления, парадигма НЕ – познавательной деятельности.

9. Устойчивость границ ФС и подвижность границ НС. Устойчивость границ ФС вызывается тем, что их образование происходит длительное время и стимулируется не новым знанием, а ассоциациями, образами, национально-культурным сознанием. Ими в разное время фиксируются факты этнокультуры, относящиеся, как правило, к истории и сохраняемые вместе с ФС в памяти народа.

Количество НС постоянно пополняется, вербализуя растущее знание. Их конструирование происходит «на наших глазах».

10. Разные методы выявления процессов производства ФС и НС. К ФС применима этимологическая реконструкция образования, к НС – семантическая реконструкция.

11. Доминирование коннотации в ФЕ, доминирование денотации в НЕ.

12. Стилистическая окрашенность ФЕ и тяготение к стилистической нейтральности НЕ.

Итак, выделены 19 признаков соизмерения ФС и НС. Они поделены по их способности служить критериальными признаками, очерчивающими границу между фразеологией и синтаксисом. Из них два признака являются общими, некритериальными. Пять признаков отражают различия в проявлении общих признаков. Они квалифицируются как частично критериальные. Двенадцать признаков являются дифференциальными, т. е. критериальными. Подавляющее большинство дифференциальных критериальных признаков (12), дополненных частично критериальными признаками (5) свидетельствуют о том, что синтаксические словосочетания, обладающие устойчивостью и относящиеся к номинативным единицам, можно квалифицировать как НС, не входящие во фразеологию и не образующие в ней отдельный класс фразеологизмов. Таким образом, вопрос о находящейся в постоянной динамике рождения – исчезновения группе устойчивых наименований решается в пользу номинативных ресурсов языка. Они входят в него наряду с другими номинативными единицами, цельнооформленными и раздельнооформленными, сохраняя категориальные (критериальные с позиций методологии) особенности, свидетельствующие о их «федеративном» в рамках номинации сосуществовании с фразеологическими единицами, так что в их лице фразеология получает соседей, не претендующих на ее территорию.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia. 2002. – 394 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
- Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
- Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Опыт теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-на-Дону, 1964.
- Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
- Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140-161.
Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm>
- Жаналина, Л. К. Интегративное словообразование. Монография. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2011. – 492 с.
- Золотова, Г. А., Ониненко, Н. К., Сидорова, М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.
- Маслова, В. А. Ведение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
- Мельчук, И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания, 1960, № 4. – С. 73-80.
- Современный русский язык. Учебное пособие / Под ред. Н. М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1981. – 584 с.
- Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 336 с.
- Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
- Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

Summary. The article attempts to outline the borders of phraseology using integrative approach, which allows to compare phraseological agreement with syntax agreement based on a set of their attributes as systemic elements and on their functions as discourse components.

Жунусова Ж. Н.

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОРПУСЕ КОМПЛЕКСНЫХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Казахстан, г. Астана, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
zhanylo8@mail.ru

Иллюстративный материал словарной продукции стал объектом пристального внимания не одного поколения ученых. В лингвистике он рассматривается с семантической, этимологической, грамматической, стилистической, прагматической, семиотической, когнитивно-дискурсивной сторон и реализуют разные виды деятельности – номинативную, коммуникативную, когнитивную, представляя фрагменты действительности в статике и динамике, фиксировано отражая языковую картину, быт, менталитет, культуру, историю и другие национальные ценности этноса.

Функциональное предназначение иллюстративных словарных материалов состоит в интерпретативной функции, осуществляющее определенное видение мира через призму разных языковых систем, а также языковой личности составителя-лексикографа и вытекающей регулятивной функции, служащей ориентиром в объективной действительности.

Переход от одного языка к другому, который мы наблюдаем в двуязычных словарях, представляет собой сложный, неоднозначный процесс, так как в иллюстративном материале содержатся неисчерпаемые сведения о культуре, весьма значимые в познавательном и эмоциональном отношении и связанные с лингвокогнитивным уровнем восприятия жизни.

Каждый двуязычный словарь – это практика межкультурной коммуникации, за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире (Тер-Минасова, 2000: 76). Такой словарь позволяет сопоставить особенности национального менталитета и национальной культуры, обнаружить стереотипы речевого поведения, позволяет получить более полное и многогранное знание той или иной культуры, так как дает возможность реального выхода на иную культуру, формирует готовность и умение жить в многокультурной полиэтнической среде. Без учета «целого культурологического пласта изучаемость языка как системы ценностных ориентиров данного лингвосоциума, формирование такой полиязычной и поликультурной личности представляется проблематичным» (Кунанбаева, 2008: 11).

Сложное многообразие окружающей действительности в виде наивной, индивидуальной, национальной и концептуальной картин мира и представление этого многообразия в словарных формах способен только человеческий язык. В лексикографических источниках передаваемая языковая информация может быть развернутой и краткой, но она всегда создается, интерпретируется в пространстве языковой культуры личности лексикографа, фиксируется в языке и проявляется в лексикографическом дискурсе.

Следует выделить основные взаимосвязанные характеристики лексикографического дискурса, которые присущи и всем другим типам дискурса: лингвистический: он состоит из языковых средств – структур (слова, высказывания), процессов (метафоризация) и правил (грамматика); межперсональный: он ориентирован на другого, реального или потенциального, в данном случае – адресата, пользователь словаря; культурный: он отражает виды деятельности и способы мышления, принятые в данной культуре. В реальности в большинстве случаев человек имеет дело не с самим миром, а с его репрезентациями, с когнитивными картинками и моделями.

В иллюстративном словарном тексте представлены адекватные формы функционирования языковых единиц в совокупности представляют организованный акт высказывания, объединяющий в своих структурах автора словаря и адресата. Сложное взаимодействие языковой формы и значения вовлечено в коммуникативное действие, где мы наблюдаем «функционирование языка в реальном времени», поэтому оно нами понимается как *лексикографический дискурс*, который должен быть нормативным, объективным, ясным, адекватно выражать востребованное значение, точным в отборе слов, форм, конструкций и т. д. (Жунусова, 2013: 80). Только в этом случае лексикографический дискурс предстает как целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций, помогает познать окружающий мир через его язык.

Словарь представляет собой «диалог культур» (В. Г. Гак), это универсальный принцип, который обеспечивает саморазвитие культуры как продукта взаимодействия, общения. В ходе диалога людей и культур происходит становление языковых форм, развивается творческая мысль.

В лексикографической науке мы наблюдаем процесс создания на основе достижений разных аспектов языковедческой науки антропо-ориентированных словарей. Это связано, прежде всего, с необходимостью дальнейшей разработки когнитивистики, основу которой составляет антропоцентрический принцип.

Переводные словари в полной мере воплощают идеи антропоцентрической лексикографии, позволяют получить объективное представление об организации лексикона современного полилингвального субъекта, интерпретировать лексическую систему, соотносить теоретические изыскания в области изучения словарного состава с конкретными коммуникативными запросами.

Они более адекватно воспроизводят реальную жизнь слова в языке и речи, раскрывают национальную ментальность в том виде, как она еще сложилась в данном обществе. В них язык и культура выступают как единое целое, а составитель словаря – лексикограф – в равной мере должен обладать знаниями о другой культуре, менталитете, обычаях, традициях, реалиях, он должен быть посредником «не только между языками, но и культурами» (Дубичинский, 2009: 100).

Современному человеку необходимы комплексные двуязычные словари, способные целесообразно воздействовать на его языковое сознание, обогащая память квантами необходимой коммуникативно-ориентированной информацией для общения и адекватного восприятия текстов на другом языке, что повышает требования к полноте и точности

фиксации содержащихся в словарных иллюстративных статьях сведений коммуникативной направленности.

Система двух языков в двуязычных словарях представлена в рамках реализации описываемых языков в конкретных контекстах через интерпретацию стандартных ситуаций действительности. Так, наиболее представленным и информативным признается фразеологический состав лексической системы любого языка, потому что фразеологизм, по мнению многих ученых, представляет собой процесс, обладает динамикой, спроецирован на время (Телия В. Н., Корнилов О. А. и др.).

С позиции прагматики фиксация фразеологизмов в заромбовой зоне иллюстративного материала двуязычных словарей необходимо: они обладают богатыми выразительными возможностями, метафоричны, образны, в них проявляются национально-специфические признаки и выявляются мировоззренческие концепции этноса и т. д.

В системе языка и языковой картине мира фразеологические единицы выступают как продукты и репрезентанты национальной культуры, потому что они определяются особенностями той локальной культуры, в среде которой она имеет место быть и функционировать, являются в какой-то степени идентификаторами данного этноса. Фразеологизмы с идиоэтническим компонентом в казахском языке многочисленны и представляют наибольшую трудность при переводе на другой язык. Нередко лексикографы прибегают к буквальному или описательному переводу в двуязычных словарях.

При переводе с одного языка на другой лексикографический текст выступает полем синтеза языка и культуры, а исследование его языкового уровня предполагает передачу национально-культурных особенностей народа.

Фразеологизмы русского и казахского языков очень многообразны как в структурном, семантическом, так и в функциональном плане. Исследование национально-культурной семантики фразеологизмов сопоставляемых языков позволяет углубить и расширить содержательную сторону богатейшего словарного материала, дает информацию о жизни и быте, мировосприятии и миропонимания народа в тот или иной период развития.

Во фразеологизмах наличествует национально-культурная семантика, позволяющая судить о фоновых знаниях, фоновой семантике. Во фразеологизмах, как ни в какой другой единице языка, которыми оперирует индивид в процессе мышления, отражаются его опыт и знание. В них накапливается знание и трансляция знаний о культуре носителя языка и идентифицируют, репрезентируют свое «национальное самосознание» (В. И. Телия).

Без освоения достаточного количества фразеологических оборотов, особенно тех, которые входят во фразеологическое ядро национального языка, невозможны правильное понимание устной и письменной речи, свободное общение на языке.

Лексикографическая деятельность нами рассматривается как особая область межкультурной и межъязыковой коммуникации носителей разных культур. Деятельность лексикографа переводных словарей имеет цель создание дискурса, обладающего двойной прагматической ориентацией и требующего знания культурных стереотипов и традиций, свойственных лингвокультурному сообществу сопоставляемых языков. Лексикограф интерпретирует семантическое содержание переводимого текста, его национально-культурную, функционально-стилистическую специфику.

Современное общество с развитой культурно-образовательной средой актуализирует углубление взаимосвязи и взаимопроникновения народов, культур и языков. Так, обмен духовными ценностями, знакомство с достижениями культуры других народов обогащает личность. Сердцевинной деятельности субъекта культуры, в процессе которой изменяется он сам, развивая при этом состояние и содержание национальной культуры. Взаимодействие культур происходит и на уровне межличностного общения, так как в ощущении реализуются общезначимые ценности культур. Успешное межкультурное общение находится в большой зависимости от понимания не только используемых языковых средств, но и пониманием коммуникативных моделей, речевых формул. Словарные иллюстрации должны быть лаконичными, информативными, не должны содержать пассивной лексики, в словаре они в большей мере способствуют раскрытию семантики слов и фразеологических единиц, служат лучшему усвоению и пониманию их, отражают более частую сочетаемость ее с другими словами (Скрыльников, 1982: 114).

Иллюстративный материал в словарной статье очерчивает реальную среду существования языка, радиус обращения словарных единиц и вносит существенный вклад в поддержание непрерывности языкового развития.

В центре внимания лексикографа должна быть подача максимальной языковедческой информации в концентрированной и наглядной форме, которая будет способствовать лучшему осмыслению истолкования значений, с одной стороны, показывать какие семантические и стилистические возможности лексической единицы труднее отразить в дефиниции, а с другой, - позволит показать закономерности и особенности употребления лексической единицы, ее синтаксическую и лексическую сочетаемость. Лексикографами давно осознана ценность иллюстративного материала как дополнительного средства характеристики лексики в словаре (Жунусова, 2001: 93).

Разработка фразеологических единиц разноструктурных языков на иллюстративном материале двуязычных словарей, выявление собственных методов и способов исследования, формирование собственной терминологии, проникновение в сущность отношений фразеологических единиц с другими единицами языка позволяют вносить существенный вклад в познание системного устройства языка и его функционирования.

Литература

Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка / В. В. Дубичинский. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.

Жунусова, Ж. Н. Категория глагольного времени в грамматикографии. / Ж. Н. Жунусова. – Караганда: КарГУ, 2001. – 226 с.

Жунусова, Ж. Н. Современные аспекты исследования лексикографических источников / Ж. Н. Жунусова // Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. – Кокшетау, 2013. – С. 79-83.

Кунанбаева, С. С. Теоретико-методологические аспекты иноязычного образования в обеспечении реализации национального проекта «триединство языков» в РК / С. С. Кунанбаева. // Материалы международной научно-практической конференции «Полиязычное образование в системе высшей школы: проблемы и перспективы». – Астана-Караганда, 2008. – С. 11-18.

Скрыльников, Ю. С. Иллюстративный материал в учебном фразеологическом словаре русского языка // Ю. С. Скрыльников // Тезисы Всесоюзной конференции «Задачи изучения русской лексики и фразеологии в высшей и средней школе». – Орел, 1982. – С. 112-116.

Тер-Минасова, С. Г. Слова, слова, слова... Язык, культура, межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова // Мир русского слова. – М., 2000. – №2. – С. 76.

Summary. The authors consider phraseologisms not as self-independent object of descriptions but as confirming illustration to headlined word. It is paid less attention to the characteristics of different properties, namely grammatical ones.

Золотых Л. Г.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И СЕМИОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КУЛЬТУРЫ

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
zolotyhlg@yandex.ru

Фразеологическая семантика как целостный лингвоментальный феномен оценивается сейчас с самых различных точек зрения, исследуется самыми разными методами. Когнитивно-дискурсивное осмысления фразеологической семантики значительно расширяет парадигму многоаспектного описания параметров русской фразеологии в когнитивном ключе и позволяет системно представить русскую фраземику как уникальный феномен, репрезентирующий культурно значимые элементы менталитета русского народа.

Предметом когнитивной фразеологии как междисциплинарной науки являются **«закономерности поиска и обработки информации фразеологическими средствами»** (Алефиренко, 2011: 9), что обуславливает в рамках антропоцентрической парадигмы собственно лингвистическое исследование фразеологического материала в аспекте интердисциплинарности в сопряжении с данными когнитивной психологии, этнографии,

антропологии, культурологии и общекультурными фактами, которыми располагает современная наука. При изучении фразеологического фрагмента языковой картины мира не трудно заметить способность фраземики к косвенно-производному кодированию **«основных лингвокультурных парадигм, распределяющих когнитивно-дискурсивный опыт по архетипам культуры, упорядочивая тем самым на подкорковом уровне ценностно-смысловую структуру этноязыкового сознания»** (Алефиренко, 2010: 26). Так, пушкинские строки: *«Долго у моря ждал он ответа, / Не дождался, к старухе воротился – / Глядь: опять перед ним землянка; / На пороге сидит его старуха, / А перед нею **разбитое корыто**»* – обогатили живую речь выражением, которое воспринимается как народное. В аспекте значений слов свободное словосочетание «разбитое корыто» отражает конкретные реалии обыденного мира: *корыто* – ‘продолговатый сосуд из выдолбленного широкого бревна для стирки белья’; *разбитое* – ‘повреждённое’. Логико-предметное содержание языковой картины мира соотносится с понятиями «сосуд» и «повреждённый», а экспрессивно-образное и эмоционально-оценочное содержание ситуации генетически связано с представлением **«о крушении планов, неоправданности надежд»** (Мокиенко, Сидоренко, 1999: 512-513), где проявляется эмоционально-оценочное отношение к конкретным реалиям мира, выражая такие объекты интроспекции, как эмоции и психическое состояние человека.

Диссипация культурной информации в языке, которая осознанно или неосознанно воспроизводится носителями языка, употребляющими фраземы в определенных ситуациях, с определенными интенциями и с определенной мотивной модальностью, посредством одной реплики, стимулирует смысловую реализацию фразеологического значения. К примеру, фразема **показать кузькину мать** к о м у – ‘грубо-прост. Выражение угрозы’ – с легкой руки, а точнее языка Никиты Сергеевича Хрущева после выступления на сессии ООН (23 сентября 1960 г.) стала известна всему миру. Однако переводчик Хрущева интерпретировал выражение на английский язык как «мать Кузьмы», чем озадачил не только американскую прессу: кто такая эта мать, почему она столь страшна, там было неизвестно. Образ Кузькиной матери, действительно вызывает **«широкий круг ассоциаций: “ядовитость”, бедность, неряшливость и неловкость»** (Мокиенко, 1999: 169), вместе с тем народная память хранит и представление **«о реальной Кузькиной матери»** как персонаже веселых народных частушек (Мокиенко, 1999: 168). Фразеографическое толкование данного выражения дает восемь интерпретаций, иллюстрируя различные историко-этимологические методы (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2007: 422-423).

Когнитивно-дискурсивные исследования показывают, что в языке фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет. Категория этнического в сфере идиоматики находится в диалектном единстве с категорией универсального. «Сплетение национального и интернационального, – пишет В. М. Мокиенко, – происходит постоянно: <...> любой оборот, заимствованный из другого языка, вливаясь в новую среду, так или иначе приспосабливается к ней и в итоге “национализируется”. Даже тогда, когда этому препятствует <...> непонятность буквального смысла или иная система письма» (Мокиенко, 1999: 8). К такого рода фразеологическим универсалиям относятся единицы, которые вошли в языки многих народов из исторических (главным образом античных), мифологических, известных литературных источников или же возникали у разных народов независимо одни от других вследствие работы общих механизмов человеческого мышления, близости отдельных условий жизни, трудовой деятельности, развития науки и искусства. Среди них имеется немало фразем, связанных с историческими или мифологическими личностями. В таких случаях русские фраземы имеют эквивалентные единицы в разных языках: 1) рус. **ахиллесова пята**, англ. **Achilles’ heel**, фр. **talon d’Achilles**, нем. **Achilles Ferse**, чеш. **Achilova pata**, болг. **ахилесова пета**; 2) рус. **пиррова победа**, болг. **пирова победа**, англ. **Pyrrhic victory**, фр. **victoire a la Pyrrhus** и др. Такие фраземы в современной лингвокультуре выступают своеобразными семиотическими кодами, которые связаны дискурсивным пространством архетипных мифологем.

Фразеологическая система способна выступать основным средством представления ценностно-смысловых отношений как основы русской лингвокультуры – универсальной системы ценностей с точки зрения межнациональной логики познания и уникальной с точки

зрения дискурсивного пространства русского этноса. Например, в обыденной лингвокультуре фразема **верста коломенская** – ‘человек очень высокого роста; верзила’ – объективирует концепт «Внешность», а точнее субконцепт «Рост», что подтверждается синонимами: **каланча пожарная** (разг., шутл.-ирон.), **дядя Стёпа** (шутл.) и фразеологическими оппозитивами: **метр с кепкой** (шутл.) – ‘о человеке маленького роста’; **мальчик с пальчик** (фольк.) – ‘очень маленький, крохотный мальчик’.

Примеры употребления фраземы **верста коломенская** актуализируют речевые стереотипы и этноязыковое сознание коммуникантов через смысловую деструкцию: автор предлагает читателю найти в своей памяти заявленный концепт, который является частью их общего знания. Ср.: *Кое-как бабка добралась почти до девятого этажа и тут увидела, как из квартиры Клавдии, где живет сейчас наглая девица Лена, выскочила высокая тетка, прямо Останкинская башня, и влетела в лифт. – Погодь минутку, – крикнула старуха, – вместе поедем. Но коломенская верста сделала вид, что не слышит, и отбыла вниз. Бабка даже выругалась от злости, но тут неожиданно заработал грузовой лифт, и она приехала на первый этаж почти одновременно с нахалкой* (Д. Донцова. Прогноз гадостей на завтра). Единство языковых сознаний коммуникантов обеспечивается общностью инвариантного когнитивного пространства – основы любого культурно-языкового сообщества, общностью особым образом организованного фонда знаний и представлений, то есть той когнитивной базой, которая определяет единство алгоритма восприятия окружающего мира, систему норм, оценок и отношений.

Культурно-семантическая маркированность фраземы **верста коломенская** восходит к приказу царя Алексея Михайловича, по которому от Москвы до его загородного дворца в селе Коломенском были установлены высокие столбы на расстоянии в одну версту (1, 06 км) друг от друга. Так впервые в России начали отмечать расстояние. Но за версту стало считаться семьсот саженей (одна сажень – 2, 13 м) вместо прежней тысячи. При Петре I верста стала еще короче – пятьсот саженей. И с тех пор по новым казенным дорогам были установлены пестро окрашенные полосатые верстовые столбы, отмечающие расстояние. Таким образом, коломенская верста была длиннее петровской, а образ высокого верстового столба способствовал активному употреблению выражения в адрес высоких людей. В областных народных выражениях верстой высоких людей называли и ранее, ср.: волог. *как верста*, донск. *вытянуться как верста*, пск. *стоять верстой*, брян. *ростом с версту*, курск. *обоянская верста*, омск. *губернская верста, высока как губерска верста* – ‘о высокой женщине или мужчине’ (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005: 90-91).

Когнитивно-дискурсивный анализ позволяет выявить **«закономерности взаимоотношения фразеологической семантики с элементами культурно-дискурсивного пространства, являющегося, с одной стороны, источником фразеомобразования, а с другой – средой существования фразеологических значений – одного из основных факторов формирования русской ментальности как органического единства выраженных (представленных) во фразеологическом значении элементарных смыслов на уровне языкового сознания и языкового подсознания»** (Золотых, 2008: 9).

Культурная обусловленность формирования фразеологического значения – это вся совокупность взаимодействий культурного сознания с внешним и внутренним миром общественного организма – этнокультурного социума (подробнее см.: Коул, 1997: 166-168). Обращение к информации о тех средствах, которые активизируют языковую память членов данного этнокультурного сообщества позволяют исследовать **дискурсивные стимулы** формирования значения ФЕ, которые выделяются в масштабах дискурсивного пространства как смыслового поля дискурса, мотивирующие реакцию человека, которая закрепляется в структуре фразеологического значения в смысловых элементах. Так, языковая память фраземы **бабушка <ещё> надвое сказала** – ‘неизвестно еще, будет так или нет, удастся ли осуществить то, что намечено’ – поддерживается глаголом *сказать* – ‘высказывать мнение, суждение, обсуждать что-нибудь’ и существительными *бабушка* – ‘вообще о старой женщине (разг.)’, *баба* – ‘вообще о женщине (иногда с пренебр. или шутл. оттенком; прост.)’, а также словами-ассоциатами: *слово, глупость, правда / неправда, говорить, молчать, подумать, чушь, сказка, что-то, что-нибудь, вранье, мнение* и др.

В психологии понятие «стимул» характерно прежде всего для тех направлений, где при анализе принимается схема «стимул – реакция», в социально-психологических исследованиях предполагается различие мотива как внутреннего и стимула как внешнего побуждения к деятельности. Формальная и содержательная структуры фразем, относящихся к описанию эмоциональных состояний человека, показывают, насколько внимательно человек замечает проявления жизнедеятельности, как отражаются психологические наблюдения во фраземике русского языка. Например, преувеличение собственного превосходства, собственной красоты, попытка использовать ее является проявлением нескромности и вызывает у носителя русской лингвокультуры негативную оценку, ведущую к проявлению отрицательной эмоции. Так, в семантике фраземы **распустить павлиний хвост** – ‘разг. презр. Красуясь, стараться произвести впечатление на кого-либо’ – помимо оценочной семы содержатся стилистическая и эмотивная, отраженные словарными пометами «разг.» и «презр.». Павлиний хвост выступает символом украшения птицы, используемого тогда, когда это необходимо его обладателю. Искусственная привлекательность, «красота по случаю» содержит элемент обмана, неискренности. Дискурсивные стимулы, взаимодействуя с вербальными и невербальными средствами выражения эмоций, особым образом аккумулируют эмотивный потенциал фраземы – осуждение и презрение.

Учитывая, что стимулы обладают физической реальностью (например, звуки или запахи), могут стимулировать органы чувств воспринимающего организма, должны вызывать некую реакцию организма, имеют преимущественно внешнее происхождение, но могут, в определенных пределах, возникать в самом организме, считаем возможным рассматривать их активность при формировании фразеологического значения на глубинном, генетическом уровне, то есть в дискурсивном пространстве. Среди стимулов, удовлетворяющих этим критериям, можно назвать события в окружающей среде и телесные ощущения.

Так, русская фраземика свидетельствует о древних ритуальных движениях, которые присутствуют в психике человека как общезначимые жесты, например, в подкрепление правдивости и обещания, человек безотчетно кладет руку на сердце – ср. фразему **положа руку на сердце** – ‘говорить совершенно чистосердечно, откровенно, искренне’. Ритуальный жест или телодвижение сохраняются во многих фраземах, которые дискурсивно связаны с ритуалом рукопожатия (в старину *рукобитье*) в знак достигнутого согласия, договоренности в торговле или при сватовстве (у Даля: *рукобитие* – ‘битье по рукам отцов жениха и невесты, обычно покрыв руки полами кафтанов, в знак конечного согласия’). Ср. фразему **бить [ударить] по рукам** – ‘о заключении сделки, соглашения’, а также отражение этого жеста в мотивированности слов, связанных со значением договора, обещания: *ручаться, порука, обручение*, белорусск. *заручьца, заручыны* ‘помолвка, сговор’ и т. п. Или фразема **смотреть прямо в глаза** – ‘чувствовать себя свободным, независимым в выражении своих мыслей, взглядов и т. п.’, которая непосредственно связана с «прямым взглядом» в глаза собеседнику для подтверждения искренности слов или надежности обещания.

Способность фразеологизирующегося сочетания воспринимать, сохранять и преобразовывать «отпечатки» взаимодействующих компонентов позволяет говорить о содержательной информативности, или отражательных аспектах, фразеомобразующего взаимодействия. К примеру, дискурсивное пространство обрядов и обычаев является речемыслительным ареалом многих русских фразем, которые имеют генетическую связь не только с русской культурой. Например, импликационал значения фраземы **под башмаком (каблуком) кого, чьим, у кого** – ‘в полной зависимости, беспрекословном подчинении (быть, находиться и т. п.)’. Обычно о зависимости мужа от жены – связан с дискурсивным полем восточных обычаев. Интерпретантой этого дискурсивного поля является фразеологическая фасета «обычай», содержащая знания о традиционном поведении восточных деспотов, которые повергали на землю побежденного и наступать на него ногой (башмаком) в знак полной над ним власти. Слово *башмак* татарского происхождения и означает ботинок или полуботинок. Эту обувь на Руси носили женщины. Поэтому в русской обыденной лингвокультуре это выражение относится к мужчинам, находящимся под сильным влиянием своих жен.

Например, документальный фильм «Жизнь **под каблуком**» (Первый канал, 8 декабря 2012 г.) представляет не одного мужчину-подкаблучника, актуализируя внутреннюю форму анализируемой фраземы, ср.: 1. *Сам себе режиссер Алексей Лысенков только на ра-*

боте большой начальник, дома он – тише воды, ниже травы. Там командует парадом жена. Но не потому, что она монстр. Нет, она милейшая женщина, к тому же известная актриса Ирина Чериченко. Просто Лысенкову, по его словам, так удобно. 2. Набутов-старший, по заверениям сына, такой же. Когда он ушел от матери Виктора, нашел отличный каблук своей одноклассницы. И так под ним уже 16 лет и сидит. Прагматическая составляющая фразеологического значения как многослойное образование включает в себя разнообразные отношения и оценки, которые во многом определяются как параметрами коммуникативной ситуации, так и особым взглядом русского человека на окружающий мир.

Открытость фразеологического фрагмента языковой картины мира подтверждается активным использованием фраземики представителями разных социальных групп, о чём свидетельствуют, например, многочисленные сайты Интернет, на каждом из которых можно найти в достаточном количестве примеры контекстуального употребления различных косвенно-производных единиц. Что касается ценностного показателя, то он разный у всех и проявляется в процессе смысловой реализации фразеологического значения. Например, ответ на вопрос: «Почему женщины после свадьбы загоняют мужчин **«под каблук»**?» (bednayaove4ka.ru 18-декабря-2011) иллюстрирует реализацию фразеологического значения в когнитивно-смысловом пространстве речевого жанра развлекательного портала для женщин. Ср.: 1. *Но на самом деле первый кирпичик в будущего «подкаблучника» закладывает его мать, еще с тех самых времен, когда ему мама еще ползунки надевала. Если она использует авторитарный метод воспитания, то вырастет затюканный или агрессивный сыночек, это зависит от маминых усердий. Поэтому такие кавалеры предпочитают выбирать даму сердца властную, мудрую, хитрую и способную указывать, манипулировать и самой принимать решения в сложных ситуациях. Большая часть таких мужчин вырастает **«под каблуком»** с детства, только каблук после Загса меняются.* 2. *Не секрет, что многим женщинам хочется выйти замуж за сильного мужчину, за которым она будет, как за каменной стеной. Но если дамочка по своей природе – женщина властная, то эти отношения быстро потерпят фиаско. Другая же часть девушек специально выбирает себе в мужья парней слабее себя в моральном плане. Таких очень легко **«загнать под каблук»** и руководить по своему желанию. Но через годы супружеской жизни, этот вариант не принесет женщине удовлетворения, так как ей не будет хватать в избраннике **«мужского стержня»**. Таким образом, все социально приобретенные знания рассматриваются членом данной культурной общности как очевидные, т. к. они перешли к ним как бесспорно принятые данной группой. Следовательно, знание превращается в семиотический элемент социальной жизни, и в данном качестве все формы знания, соответствующие социально-культурной структурированности мира, становятся одновременно и общей схемой интерпретации мира, и средствами достижения взаимного согласия и понимания. Посредством вербализованных фраземами когнитивных структур язык активно участвует в познавательной деятельности.*

Когнитивно-дискурсивный подход к фразеологической семантике позволяет не только рассмотреть фразеологическое значение в динамическом аспекте, но и определить его когнитивные, культурные, прагматические и другие особенности.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и культура: поиск категориально-понятийных оснований / Н. Ф. Алефиренко // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7–9 сентября 2010 года). – Белгород, 2010. Т.1. – С. 21-26.

Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

Золотых, Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук / Лидия Глебовна Золотых. – Белгород, 2008. – 45 с.

Коул, М. Культурно-историческая психология: Наука будущего / Майкл Коул; пер. с англ.; авт. пред. Ш.Г. Уайт. – М.: Когнито-центр: Ин-т психологии, 1997. – 431 с.

Мокиенко, В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.

Мокиенко, В. М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В. М. Мокиенко. – СПб.: «Паритет», 1999. – 224 с.

Мокиенко, В. М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В. В. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.

Alefirenko, Nikolaj Fedorovič. Когнитивная фразеология: методология поиска / N. F. Alefirenko // «Wort – Text – Zeit»: Die slawische Phraseologie in onomasiologischer, linguokultureller und phraseographischer Sicht: Materialien der gemeinsamen wissenschaftlichen Konferenz des Instituts für slawische Philologie der Universität Szczecin und des Lehrstuhls für Slawische Sprachwissenschaft des Instituts für fremdsprachliche Philologien der Universität Greifswald (30. 11. – 4. 12. 2011). – Greifswald, 2011. – S. 8-9.

Summary. The determining relationships of phraseological semantics with elements of cultural space as a source of idioms forming and of the area of phraseological meaning functioning are revealed.

Комарова З. И, Запезалова Л. А.

КОГНИТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ С ФИЛОСОФИЕЙ,
ЛОГИКОЙ, НАУКОВЕДЕНИЕМ И ОБЩИМ ЯЗЫКОЗНАНИЕМ
(на материале категории единичности)

Россия, г. Екатеринбург, Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина
ziKomarova@bk.ru
zapevalova.lyudmila@gmail.com

Не раз нам придется констатировать, что грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями; нередко «понятие», стоящее за грамматическим явлением, оказывается таким же неуловимым, как кантовская вещь в себе.

О. Есперсен

Попытки объединить разные уровни языка в лингвистическом исследовании проводились многими лингвистами: F. Brunot, O. Espersen, И. И. Мещаниновым, Л. В. Щербой, положившими начало разработке учения о понятийных категориях. На функциональные аспекты грамматики указывали К. С. Аксаков, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. М. Пешковский, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, Л. П. Якубинский, представители Пражского лингвистического кружка. Концепция И. И. Мещанинова о понятийных категориях получила свое развитие в современной лингвистике в трудах В. В. Акуленко, А. В. Бондарко, Е. И. Букреевой, Г. Г. Кругликовой, В. В. Химики, А. А. Худякова, С. А. Швачко и др.

Интерес к категориям усилился во второй половине XX века в рамках **функционального подхода к языку** (Ch. Bally, Alb. Sechehaye, A. Martinet, M. A. K. Halliday, S. K. Dыck, W. Schmidt, H. Helbig; А. В. Бондарко, Г. А. Золотова, Н. А. Слюсарева и др.), а в настоящее время – с позиций **когнитивного направления в лингвистике** (M. Johnson, P. Johnson-Laird, E. Cassirer, G. Lakoff, P. Ricoeur; Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. З. Демьянков, И. В. Карасик, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, Ю. С. Степанов, Р. М. Фрумкина, А. Д. Шмелев и др.), поскольку «нет ничего более основополагающего для мыслительной и предметно-познавательной деятельности, чем его способность к категоризации, то есть к процессу образования категорий (выделено нами) как отражающих самые общие итоги своеобразной сортировки всей доступной человеку информации и сведения ее разнообразия и многообразия к определенным классам, разрядам и рубрикам» (Кубрякова, 1998: 7). Все это вызвало расширение как списка категорий, так и самого понятия категория.

Задачу, которую ставит перед собой когнитивная лингвистика – раскрытие механизмов человеческой когниции через описание языка как универсального когнитивного инструмента переработки информации – нельзя решить без изучения механизмов концептуализации и категоризации. Поэтому И. А. Стернин называет категоризацию, наряду с концептуализацией и концептосферой, тем, вокруг чего вращается вся проблематика когнитивной лингвистики (Попова, Стернин, 2007).

Категоризация раскрывает общие принципы познавательного процесса и формирования знаний (Болдырев, 2006: 17), а при рассмотрении категоризации как лин-

гвистической проблемы с когнитивной точки зрения она получает новое освещение и новое решение.

В своем исследовании мы обратились к феномену единичности, который, с нашей точки зрения, представляет особый интерес в понятийном и языковом плане как основополагающее начало категории количества, эталон при счете.

На особую роль этого понятия указывают как философы, так и лингвисты: «Единица занимает особое место в ряду чисел, она – первоначально тождества вещей самим себе и их постоянства... заключает в себе ограниченность и безграничность» (Пифагор, 2003: 212); «понятие один... языковое мышление ставит на особое место» (Акуленко, 1990: 21).

В традиционной и символической логике категории изучаются не сами по себе, не с точки зрения содержания, а со стороны их функций, как средство классификации и т. п.

Следует отметить, что на современном этапе исследований с применением полевого подхода было обнаружено, что категория количества в языке представлена равноуровневыми средствами, сложной системой взаимодействующих смыслов; отсюда – сложность определения границ и структуры так называемого функционально-семантического поля (ФСП) количества.

Результатом языковой интерпретации понятийных категорий (ПК) являются языковые семантические функции, в своем единстве образующие функционально-семантическую категорию (ФСК). ПК представляет собой уровень обобщенных языковых значений, а ФСК – единство, имеющее семантическую природу.

Следуя принципам теории понятийных категорий, мы принимаем, что языковые семантические функции реализуются не только на основе значений лексических единиц, потенциала грамматических форм и других параметрах собственно языковой системы, но, в первую очередь, на основе системы категориальных значений.

Как отмечает А. В. Бондарко, категориальные значения – это «источник, откуда говорящий берет определенные значения, соотнесенные с определенными формальными средствами их выражения, и их комбинации и выражает с их помощью различные смыслы» (Бондарко, 1978: 84).

В связи с этим, отправной точкой исследования собственно ФСК единичности мы считаем определение категориально-семантического значения единичности.

Однако важно отметить, что языковая количественность не ограничивается лексико-грамматическим классом имен числительных, грамматической категорией числа существительных и группой квантитативов; средства ее выражения намного богаче, и для получения целостной картины данного языкового явления необходимо рассматривать языковые единицы разных уровней, в частности, фразеологического.

Фразема – это устойчивое выражение, как правило, образного характера, обобщенно-целостное значение которого не сводится к сумме значений составляющих его слов (Алефиренко, Золотых, 2008: 5).

Фразеологизм имеет свои категориальные признаки: если для знаменательных частей речи важны категориальные значения предметности, действия, состояния или признака, что обеспечивает их номинативную функцию, то в случае с фразеологическими единицами (ФЕ) ослабление этой функции происходит за счет усиления эмоциональной и образно-экспрессивной функций.

Итак, выделим группы фразем в русском и английском языках, которые обладают лексико-семантическим значением единичности.

Стержневые компоненты, ФЕ, выражающие единичность, семантически могут быть подразделены на следующие основные группы:

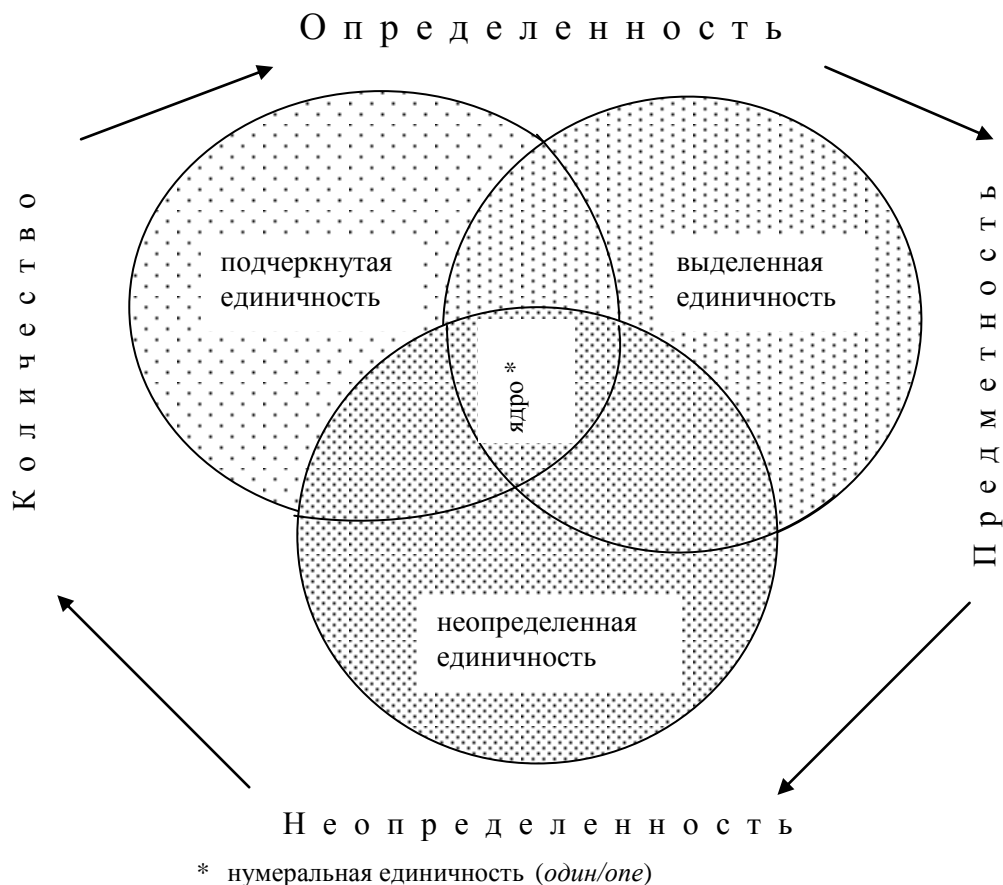
1) части тела человека, которые характеризуются представленностью в единственном экземпляре: *пуп земли, один как перст, the apple of your eye*.

2) представители животного мира, обычно ведущие не стадный, обособленный образ жизни или животное как нетипичный представитель своего вида: *Одинокий волк, как медведь в берлоге, белая ворона, horse of a different color, the black sheep (of the family);*

My father was the black sheep – he ran away at 16 to become an actor and his parents never forgave him; The typical role for Bogart was the Casablanca character, a lone wolf, cynical but heroic.

3) один элемент, составная часть чего-либо: *в чужих руках ломоть велик; a morsel always looks big in other people's hands; a cog in the machine / wheel.*

**Структура ФСП единичности в понятийном аспекте
как система количественных смыслов
в соотношении с категориально-семантическими
признаками единичности**

← п р е д е л ь н о с т ь   б е с п р е д е л ь н о с т ь →

Основным лексическим компонентом данных фразеологических единиц (ФЕ) являются, как правило, предметные имена, выражающие исчисляемые объекты, представленные в единственном экземпляре и выделяемые по какому-либо признаку. При этом эмоционально-экспрессивный компонент фраземы может быть направлен как на выражение единичности как таковой, в противоположность множественности объектов (подчеркнутая единичность), так и на выделение единичного объекта из какого-либо множества объектов того же класса по какому-либо уникальному признаку (выделенная единичность). В ряде случаев эти смысловые компоненты комбинируются, что позволяет отнести ряд фразем к смешанной разновидности подчеркнутая + выделенная единичность.

Выражение смысла подчеркнутой единичности ограничено довольно немногочисленной группой фразем, в состав которых входит наиболее эксплицитное средство выражения единичности в сопоставляемых языках: числительные один и one:

одна ласточка весны не делает
в один голос
в одной лодке
в одной упряжке
все как один (человек)
как одна копейка (копеечка)
на один покрой
на одно лицо
на одну колодку сделаны
один в поле не воин

One-off
One-shot
One-stop
One-track
One-to-one
As one man
One-man band
One-trick pony
One of the kind
One swallow doesn't make summer

один как порох в глазу
один конец
одним махом семерых убивахом
один гусь поля не вытопчет
и одна корова, да жрать здорова
в одну ночь зима становится

One chick keeps a hen busy
Better one-eyed than stone-blind
If one sheep leaps over the ditch,
all the rest will follow

Также ФЕ, выражающие подчеркнутую единичность, строятся вокруг лексем с доминирующей семой 'единичность'. Стержневым компонентом данного типа фразеоло-гизмов являются типизированные единичные представители какого-либо класса объектов без каких-либо особых отличительных характеристик: без **копейки** рубля нет; *ино от комара да в две руки не отмашешься*; **бирюком** жить; **капля** в море; на **шаг**; **a lone sheep is in danger of a wolf**; **a bad bush is better than an open field**; **a small spark makes a great fire**.

Единичность может выражаться эксплицитно с помощью прилагательного *одинокий* и его форм в русском языке и прилагательных *lonely, single* в английском языке, слов-партигиваторов и слов широкой предметной семантики в двух языках: **одинокое** дерево ветер легче валит; **одинокий** не одолеет толпы, **слабый** не одолеет сильного; **a lone seep is in danger of a wolf**; **to plough a lone furrow**; **as lonely as sin**.

Типично противопоставление одного объекта двум объектам того же класса: **один** и дома горюет, а **двое** и в поле воюют; **you cannot kill two birds with one stone**

Один объект противопоставляется множеству объектов того же класса: **один** глаз, да зорек, не надобно **сорок**; **две головы** лучше, чем **одна**; **один** и камень не поднимешь, а **миром** и город передвинешь; **один** улей - улей, а **пять** - паче; **kill one to warn a hundred**; **two heads are better than one**; **one father is more than a hundred schoolmasters**.

В русском языке в сочетании с числительным *один* и его формами во ФЕ со значением единичности могут употребляются существительные с суффиксами уменьшительности, что подчеркивает незначительность единичного объекта: **Один ручеек** моря не замутит; **Одна шелковинка** - не нить, одно дерево - не лес.

Однако подчеркнутая незначительность объекта может реализовывать и противоположное значение важности маленького объекта в составе какого-либо объекта или в осуществлении определенного процесса: **Невеличка капля**, а камень долбит; **Приложу копейку** - так калач купишь; **Just as the twig is bent, the tree is inclined**.

Смысл выделенной единичности репрезентуется ФЕ, стержневым компонентом которых является единичный объект, выделенный из множества по какому-либо признаку. При этом образно-смысловые компоненты фразем и устойчивых выражений могут быть совершенно разнообразными: это может быть выделение по признаку нетипичности, «аномальности» объекта: **белая ворона**; **белый арап**; **black sheep**.

Выделение объекта по признаку его превосходства над другими объектами из множества за счет каких-либо особых характеристик: **большая шишка**; **жемчужное зерно** (в навозной куче); **лакомый кусок** (кусочек); **bigger fish to fry**; **cream of the crop**; **feather in one's cap**; **king of the castle**.

Объект может выделяться по признаку значимости, «знаковости» - в данном смысловом компоненте очень силен культурологический аспект, так как в разных культурах картина мира строится на основе различных символов: **корень зла**; **проходить красной нитью**; **зерно истины**; **звездь программы**; **Saigon moment**; **tipping point**; **cutting edge**; **light bulb moment**.

Выделенная единичность представлена многочисленными ФЕ с разнообразным символизмом, который основывается на этимологических образах: **белая кость**; **камень преткновения**; **краеугольный камень**; **глас вопиющего в пустыне**; **заблудшая овца** (овечка); **звезда первой величины**; **звездный час**; **козел отпущения**; **колосс на глиняных ногах**; **лебединая песня**; **лошадиная сила**; **пальма первенства**; **персона грата**; **персона нон грата**; **пуп земли**; **путеводная звезда**; **синяя птица**; **яблоко раздора**; **августейшая персона**; **аленький цветочек**; **бич божий**; **блудный сын**; **богатенький Буратино**; **болевая точка**; **больное место**; **вечный город**; **великий немой**; **военная косточка**; **вольная птица**; **генератор идей**; **голова дубовая**; **голубая мечта**; **гордые узел**; **жар-птица**; **журавль в небе**; **запретный плод**; **золотая рыбка**; **золотое руно**; **золотой век**; **золотая**

жила; ложка дегтя в бочке меда; луч света в темном царстве; отрезанный ломоть; первая ласточка; первый среди равных; перст божий; последний день Помпеи; последний из мозикан; последний и решительный бой; последний из людей; придать изюминку; пробный шар; проглотить пилюлю; путеводная нить; редкая птица; сизифов камень; травленный волк; столичная штучка; стреляный воробей; тертый калач; теплое (тепленькое) местечко; троянский конь; укромный уголок; фиговый лист; филькина грамота; царское око; черная кость; черная страница; *apple of one's eye*; *fly in the ointment*; *red letter day*; *thorn in your side*; *first out of the gate*; *diamond in the rough*; *arrow in the quiver*; *canary in a coal mine*; *cold fish*; *a lost ball in the high weeds*; *day in the sun*; *elephant in the room*; *nail in the coffin*; *silver bullet*; *nest egg*; *notch on one's belt*; *piece of cake*; *queen bee*; *the penny dropped*; *tip of the iceberg*; *white elephant*; *cuckoo in the nest*; *a cloud on the horizon*.

Выделение достигается такими языковыми средствами как прилагательные, причастия, порядковые числительные.

Смысл подчеркнутой + выделенной единичности создается в том случае, когда из какого-либо множества выделяется единичный объект на основе каких-либо характеристик, присущих данному объекту: **один битый** двух небитых стоит; **лучше всех смеется тот, кто смеется последним**; **один битый** двух небитых стоит; **одна паршивая овца** все стадо портит; **лучше синица в руках, чем журавель в небе**; **одно дитя, как семя цветка, а пятеро** – как семена терновника; **одно нынче** лучше двух завтра; **капля, переполнившая чашу**; **последний день Помпеи**; **первый среди равных**; **последний и решительный бой**; *one bad apple spoils the barrel*; *one, but that one a lion*; *stitch in time saves nine*; **an ounce of prevention is worth a pound of cure**; **an apple a day keeps the doctor away**; **bird in the hand is worth two in the bush**; **one drop of poison infects the whole ton of wine**.

Комбинированный смысл подчеркнутой + выделенной единичности реализуется также в ФЕ, указывающих на уникальность, единственность объекта в какой-либо ситуации: *козырный туз*, *шапка Мономаха*, *козел отпущения*, *священная корова*, *queen bee*, *king of the castle*.

Наряду с ФЕ с эксплицитным выражением единичности, в ряде случаев единичность имплицитируется ситуацией или контекстом:

*Я не считаю, что это было **звездом программы**, там были гораздо более сильные вещи.*

*Однако бывают случаи, когда муж не уместается ни в какие законы и рамки, когда он сам не знает, чего хочет, и всю жизнь – как алхимик философский камень – стремится найти **Женщину своей мечты**, что-то среднее между Джокондой и Брижит Бардо.*

*Чехов дает яркую картину «свадьбы», заставляющей участников и гостей на краткий срок забыть свою тяжелую долю, и рядом изображает местного мирового судью, ощущающего радостное и своеобразное удивление, когда среди переполняющих сахалинскую жизнь побегов, разбоев и убийств ему приходится встретиться, **как с редким оазисом в пустыне**, с делом о простой, «совершенно простой краже».*

*I see **a small cloud on the horizon** of evangelicalism. That cloud is the widespread interest in recovering the Gospel of Jesus Christ.*

*You know, Mandy, I think you could find **a bright spot** in the middle of a black hole one shining summer*

Широко используется исторический контекст: *серый кардинал*, *философский камень*, *the Newton's apple* и контекст, связанный с христианской традицией: *нести свой крест*, *глас вопиющего в пустыне*; **demon weed**, **a fig leaf**.

Рассматриваемые ФЕ имеют различные оценочные характеристики, однако в исследованном материале в обоих языках преобладают фразеологизмы с отрицательной оценкой: единичность объекта рассматривается как количественная недостаточность и неполноценность объекта в силу этого.

ФЕ, выражающие единичность, характеризуются наличием субстантивного компонента, что еще раз обнаруживает предметность как неотъемлемую характеристику феномена единичности. В ФЕ, выражающих единичность, широко используются слова

– партитиваторы: *капля в море, изюминка сезона, a piece of cake, a drop in the bucket, a drop in the ocean*.

Вследствие своей функциональной направленности на выражение экспрессивных, оценочных, эмоциональных значений, главным компонентом фразем являются коннотативные семы. Поэтому смысл чистой нумеральной единичности на лексико-фразеологическом уровне не манифестируется: значение единичности во фраземах и устойчивых словосочетаниях осложнено множественными созначениями.

Образы, лежащие в основе фразем, могут различаться и манифестироваться различными языковыми средствами, однако они вызывают схожие ассоциации благодаря наличию у них общего свойства или явления.

Итак, проанализированный материал свидетельствует, с одной стороны, о возможности и достаточной профилированности манифестации категории единичности средствами фразеологии, но, с другой стороны, об ограниченности этой возможности через сужение квантитативных смыслов единичности, выраженных фраземами: невозможность выражения чистой нумеральной единичности в силу своей специфики.

Требуется дальнейшее уточнение сущности самой понятийной категории единичности не столько через ее взаимоотношение с суперкатегорией количества, сколько через выявление и взаимодействие с языковыми (грамматическими и лексическими) категориями. В понимании И. И. Мещанинова понятийные категории находятся где-то на полпути между грамматическими категориями и категориями сознания, почему и обладают двойственной природой. Они могут пройти полный путь своего синтаксического или морфологического оформления. Но пока они не завершат полностью этого пути, они оказываются скрытыми «категориями сознания», в том или ином виде выражающимися в языке (Мещанинов, 1954: 196). Поднять завесу загадочности того пути, на котором находится в наши дни тот или иной модификационный смысл единичности, – удел дальнейших изысканий «вглубь» категории единичности.

Литература

Акуленко, В. В. Категория количества в европейских языках / В. В. Акуленко, С. А. Швачко, Е. И. Букреева. – Киев: Наукова думка, 1990. – 182 с.

Алефиренко, Н. Ф. Фразеологическое значение / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Эллис, 2008. – С. 444-451.

Болдырев, Н. Н. Языковые категории как форматы знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2 (008). – С. 5-23.

Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – М.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 176 с.

Запевалова, Л. А. Единичность как категория познания: ограниченность и безграничность: (монография) / З. И. Комарова, Л. А. Запевалова. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 296 p.

Комарова, З. И. Категория как формат знания: предпосылочного и выводного (на материале категории единичности) / З. И. Комарова, Л. А. Запевалова // Терминология и знание: материалы III международного симпозиума 21-22 мая 2010г. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – С. 25-38.

Комарова, З. И. Функционально-семантическая категория единичности в русском и английском языках (монография) / З. И. Комарова, Л. А. Запевалова. – Екатеринбург: УрФУ, 2010. – 236 с.

Кубрякова, Е. С. О двоякой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении / Е. С. Кубрякова // Общие процессы строения и организации языковых категорий: материалы научн. конф. (Москва, 23-25 апреля 1998). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1998. – С. 6-18.

Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л., 1954. – 323 с.

Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики / Пифагор. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 448 с.

Попова, З. Д., Стернин И. А. Рекуррентность концепта / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 148-158.

Summary. Cognitive approach to language allows to integrate the data from a number of sciences (philosophy, logic, science studies, cognitive linguistics, phraseology) and observe their interaction in studying the category of singularity in language.

Левицкий А. Э.
АНГЛИЙСКАЯ ИДИОМАТИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ

Украина, г. Киев, Киевский национальный университет имени Тараса
Шевченко
andrelev@list.ru

Под функциональной ориентацией языковой единицы мы понимаем ее использование в дискурсе в прототипической функции, которая является узуально закрепленной и отраженной в значительном количестве различных контекстов. Функциональная ориентация находит свое выражение в словарных данных, где помимо дефиниций представлены ориентационные показатели единиц номинации согласно их лексической и грамматической валентности, а также частеречной классификации. Тем самым, мы можем говорить о том, что словари нормативной лексики и фразеологии современного английского языка представляют данные об узуальных, прототипических функциях - реализациях номинативных единиц (Левицкий, 2001).

Так, для современного английского языка с его ярко выраженным аналитизмом особенно характерны трансформации, связанные с функциональной переориентацией. Они возникают в результате выполнения языковой единицей в дискурсе непрототипической, узуально незакрепленной функции. В подобных случаях происходит реализация функций-потенций, которые весьма разнообразны у языковых единиц из-за особенностей системы современного английского языка. В основном, данные проблемы касаются единиц, в частности фразеологических, обладающих способностью являться средством номинации в рамках дискурса.

Большинство единиц номинации представлено в современном английском языке словами либо словосочетаниями. Каждая отдельная единица языка, к какому бы языковому уровню она ни принадлежала, обладает способностью к воспроизведению в различных синтагматических построениях. Повторяемая в различных актах коммуникации, одна и та же единица языка сохраняет при этом свою индивидуальность, и только весь ряд единиц одного уровня образует обобщенное понятие единицы данного уровня. Отметим также и продолжающуюся активность процессов изменения языкового статуса аналитических образований в современном английском языке вследствие реализации их широких функций-потенций.

Современная ситуация в системе английского языка создает особую проблему в определении лингвистического статуса однозначных номинативных единиц – слов и словосочетаний. Так, в современном английском языке существует довольно значительная, неоднородная промежуточная зона между единицами лексического и синтаксического уровней. Ее конститuentы характеризуются разной степенью идиоматичности и спаянности своих компонентов, что отражено в соответствующей связанности их сигнификативных значений, а следовательно, в функциональном подчинении вспомогательного элемента главному.

Промежуточную зону «слово-словосочетание» в современном английском языке составляют единицы, которые приобрели свои новые функции в результате переориентации. К ним относятся: устойчивые словосочетания с непереосмысленными компонентами (*music centre, affirmative action, acid rain*); устойчивые словосочетания с частично переосмысленными компонентами (*acid rock, air house, dawn raid*); устойчивые словосочетания, относящиеся к рифмованному сленгу (*movers and shakers, nuts and bolts, fudge and mudge*); комплексные имена собственные, употребляющиеся переносно (*Lady Bountiful, Don Juan, Doctor Feelgood*); фразеологические единицы, представляющие собой семантически изолированные образования в виде словесных блоков (*couch potato, as they come, Irish apricot, like hell, like billy-o*); слова, которые возникли из устойчивых словосочетаний (*laid-back, hang-up*); словостяжения, представляющие собой конденсированные словосочетания, единство которых закрепляется как графически, так и интонационно (*a-go-go, rent-a-crowd, oven-to-table, right-to-work*).

Как формально, так и функционально, словосочетания и слова сближает наличие в языке фразеологических единиц (ФЕ). Согласно утверждению В. В. Виноградова, в области лексики понятию словосочетания соответствует понятие о фразеологической единице языка (Виноградов, 1972: 12).

На самом деле ФЕ представляет собой еще один тип словесного комплекса, который в структурном отношении утратил словесную членимость, претерпел дестимологизацию и лишился образной мотивированности. Идеальным случаем структурно-семантической фузии является стяжение элемента ФЕ в собственно сложное слово синтетического характера, приобретшие черты узуального образования. прочно вошедшее в словарь. Таковы, например, в современном английском языке аналогичные образования типа *son-in-law, jack-in-the-box, merry-go-round* и им подобные.

Функциональная переориентация в области возникновения ФЕ, т. е. идиоматизация, выступает частью лексикализации синтаксической единицы. Таким образом, есть основание считать, что отдельные группы ФЕ могут соотноситься с определенными частями речи, соответствовать им в коммуникативной сфере, быть их эквивалентами. У таких устойчивых оборотов наблюдается внутренняя логическая членимость и присутствие парадигматических связей, константность состава и словопорядка, а также стабильность их словесных окружений и синтаксических позиций. Не только номинативные ФЕ, но и коммуникативно-номинативные, коммуникативные и междометные ФЕ функционируют подобно словам, несмотря на то, что по своей форме они могут быть отнесены к словосочетаниям или предложениям. Что же касается последствий идиоматизации компонентов ФЕ, то процитируем А. В. Кунина: «слова, входя в состав полностью переосмысленных ФЕ, утрачивают свою предметную соотношенность» (Кунин, 1972: 8).

Процесс идиообразования чаще всего протекает как метафоризация, когда продуцент высказывания, исходя из некоторого номинативного замысла – обозначить предмет, свойство, процесс, состояние и т. п., еще не имеющих имени, обращается к поискам в чем-то подобной, но уже названной в языке сущности. Поэтому новое обозначаемое воспринимается как подобное по некоторым признакам тому, что уже имеет имя. Такого рода подобие служит мотивом для переноса имени на именуемый объект. Сам процесс создания новой номинации – это интеракция двух систем признаков: признаков объекта, вошедших в номинативный замысел, и признаков, «вычерпываемых» из основания метафоры, т. е. вошедших в подобие. Идиообразование – это особый вид вторичной номинации. При этом значение идиомы выводится на основе логических импликаций, что и обуславливает несовпадение «суммы значений» исходного сочетания слов с метафорически сформированным значением. Слова-компоненты переориентированного сочетания «отрываются» от своей области референции и переключаются на новую референтную отнесенность не за счет суммы значений слов, а отталкиваясь от того значения, которое, включаясь путем выводного знания в новый фрейм, не имеет со своим источником ничего общего, кроме мотивации (Телия, 1996: 142-143).

Идиообразование в его типовом проявлении представляет такой процесс метафоризации, который синтезирует в себе выводное знание о денотате, вытекающее не из значения компонентов ФЕ, а из знаний о свойстве обозначаемого; ценностной квалификации единиц номинации; восприятия образной гештальт-структуры; учета социально значимых условий дискурса для употребления ФЕ (Телия, 1996: 150). Полимотивационность образной гештальт-структуры – скорее норма, чем исключение. Для ее обеспечения действует не только психологическая поддержка, но и поддержка кодовая, апеллирующая к языковой компетенции носителей языка (Телия, 1996: 198). Тем самым, образная гештальт-структура представляет собой, во-первых, редуцированный образ, существующий в языковом сознании параллельно с образом прототипическим; во-вторых, квазиденотат, соотносимый не с обозначаемым идиомы, а с его подобием; в-третьих, воздействие на психоэмоциональную сферу коммуникантов (Телия, 1996: 201-202).

В целом, ФЕ несет в себе семантическую монолитность, т. е. целостность номинаций, которая довлеет над структурной раздельностью составляющих ее элементов (Тер-Минасова, 1981: 28). Семантические категории лексики транспонируются и в область фразеологии. Существует обратная связь между степенью обобщенности и количеством компонентов диффузных ФЕ: чем меньше число «составляющих» ФЕ, тем объемнее его семантика (Василюк, 1990: 16). В крайнем проявлении это фразеологизмы-квалификаторы (*as hell, by small and small, like billy-o, as anything*). Диффузные ФЕ обладают высшим уровнем абстракции – полной идиоматичностью. Именно данные единицы могут быть признаны прошедшими полную функциональную переориентацию, т. е. получившими абсолютно новые функционально-семиотические параметры в результате идиоматизации. Морфологическая «сжатость», т. е. экономность, диффузных ФЕ, осо-

бенно фразеологизмов-квалификаторов, повышает частотность их употребления, обеспечивает динамизм дискурса, его экспрессивность.

Функционально переориентированные единицы номинации в основном несут на себе черты окказиональности, являясь продуктом индивидуального речетворчества и ограничиваясь определенными контекстами, а следовательно, имеют ограниченное конкретным социумом использование, всегда характеризуются воплощением определенной стилистической цели и доминированием определенной прагматической функции. Прагматическая функция данных единиц состоит в выражении соответствующей интенции, основанной на индивидуальности когнитивного процесса «высвечивания» и требованиях ситуации общения.

Последнее утверждение в полной мере касается реплик-идиом, возникших в результате идиоматизации. Роль таких реплик в дискурсе традиционно выполняют междометия (*Oh!, Alas!* и др.). Однако в результате идиоматизации в данном качестве могут выступать и другие языковые единицы: 1) имеющие своими прототипами единицы, которые восходят к лексическому уровню языковой структуры: *Indeed?, Come!, Say!, Fancy!*; 2) генетически связанные с единицами других языковых уровней: а) морфологического (*Super!*); б) синтаксического: словосочетаний (*My foot!, Far from!*) и предложений (*I'm from Missouri!, Queen Ann is dead!*).

Причем идиоматичность в ответных репликах приобретают существительные (*boy!, rabbit!, nuts!*), прилагательные (*honest!, grand!*), наречия (*rather!, полно!*), глаголы (*say!, cut!*), местоимения (*why!, my!*). Они способны обеспечивать логическую упорядоченность, коммуникативную организацию дискурса и функционировать, в частности, для заполнения пауз в акте коммуникации (*well, let me see* и др.). Их использование дает продуценту время для четкой формулировки своих мыслей и интенций. Данные реплики-идиомы также оказывают воздействие на реципиента, позволяя ему, с одной стороны, обдумать услышанное, а с другой, — додумать, спрогнозировать продолжение коммуникативного акта. Кроме того, наличие хезитационных пауз и их заполнение с помощью рассматриваемых языковых единиц характеризует индивидуально-личностную манеру индивида продуцировать высказывание, а в официальной обстановке — придавать весомость всей реплике. В частности, *okay, well then, good, fine, great, You see (know)* и им подобные в начале реплики организуют различные стадии общения, изменяют его направление, позволяют суммировать вышесказанное или содержат некий комментарий.

Рассматриваемые идиомы, таким образом, становятся особыми членами высказывания, не всегда составляя его основу, но передавая общий экспрессивный колорит. Такие вводные / обособленные элементы передают субъективное отношение продуцента высказывания и маркируют его эмоционально-волевое содержание. Они состоят по своему смыслу в непосредственных отношениях с основной мыслью всего высказывания. Однако если сами идиомы конституируют определенную реплику, то приобретают все показатели независимого, полноправного высказывания, например, *It's a real lulu!, That's champion!, A pretty kettle of fish!, For God's sake!, A pretty go!*

Прагматическая функция рассматриваемых идиоматических ресурсов состоит в том, чтобы не только представить коммуникативное намерение говорящего, но и модифицировать иллокутивную силу речевого акта. Среди данных языковых средств выделяются единицы, выступающие как безличный комментарий по поводу вероятности содержания высказывания (*Have it coming!, Hear! Hear!* и т. д.), а также одновременно усиливающие иллокутивную силу речевого акта. Некоторые из них типа (*and*) *what is more* указывают на важность речевого акта либо на роль других коммуникантов. Подобные единицы могут указывать на разные аспекты коммуникативного намерения продуцента высказывания. Неслучайно их называют прагматическими идиомами (прагмемами), или синтаксическими фразеологизмами, поскольку они выступают готовыми формулами речевого этикета, например, *Keep your shirt on, It's so generous of you!* Особо следует отметить важность данных языковых единиц в выражении вежливости, имеющей значительную прагматическую ценность для акта коммуникации: *It's (very) good/kind of you!*

Ряд реплик-идиом обладает полифункциональностью значений, проявляющейся в различных оттенках их значения, например: *Famous last words!* (комментарий по поводу услышанного; сомнение; недоверие; неверие), *Far out!* (выражает одобрение; восторг; изумление), *Hang on!* (минуточку!, будь благоразумным!, стой! – с удивлением). Полифункциональность реплик-идиом и их вариативность находят отражение в синонимии простых и сложных языковых знаков типа *Go fly a kite!* и *Away!; Really? и Is it?*

Особый функционально-лингвистический статус данных языковых единиц объясняется не только их идиоматическим характером, а и широтой их использования в различных ситуациях общения. Стереотипность их использования вместе с тем допускает и некоторую окказиональность в выражении тех или иных эмоций и чувств:

Cliff: She can't think.

Jimmy: Can't think! She hasn't had a thought for years! (J. Osborne).

Особенностью реплик-идиом следует также признать их возможное употребление при отсутствии адресата. Несмотря на то, что их использование не производит прагматического эффекта на слушателя, говорящий все же отражает свое отношение к предметам или явлениям окружающего мира, превращаясь одновременно в адресата. Таким образом, использование идиомы функционально обусловлено, поскольку служит цели снятия напряжения (*Oh, God!, Dear me!, Nuts!* и т. д.). Подобный «выплеск», как правило, негативных эмоций позволяет достичь желаемого эффекта, т. е. облегчить психическое состояние индивида.

Рассматриваемые нами клишированные высказывания, с одной стороны, порождаются ситуацией общения, а, с другой, — выступают реакцией на нее же, оценкой, комментарием и используются для выражения: а) согласия/несогласия (*Put it there!, No deal!*); б) побуждения, команды, призыва (*Stop it!, Come!*); в) различных оценок сказанного собеседником: восхищения (*Good heavens!*), удовольствия (*Boy-oh-boy, Cowabunga!, Diggety damn, Hotcha, Hot-chacha, Love it to death, Man oh man*), удовлетворения (*Everything's cool, OK, Righto, We have lift-off*), одобрения (*All the way!, Attaboy!, Attagirl!, Bless you!, Fair enough!, For sure!, I should be so lucky!, Is that good or is that good!, Keen, keeno, nice one Cyril!, No sweat!, What a boy!, Too Irish stew!*), попытки успокоить собеседника (*Cool it!, Keep your hair on!, Lighten up!, No muss no fuss!, Pull in your horns!, Quit racing your motor!, Simmer down!, Steady the buffs!*), отсутствия интереса (*I don't care!, Big deal!, Break my heart!, I should care!, What's the percentage?, What do I do now, cry?*), скуки (*Here we go again, That finishes me, What a life*), смущения (*I didn't know where to put myself!, Was my face red!*), обеспокоенности (*Buggeration!, Come off it!, Don't get funny!, Don't mind me I only live/work here!, Forget it!*), предостережения (*Fair and softly!*), разочарования (*My stars and garters!, Bless my stars and garters!, Tonight's the night!*), негодования (*This is a nice how-do-you-do!*), неодобрения (*Stuff and nonsense!*), неудовольствия (*Bugger off!, Can you stand for that!, Don't give me that!, Drop dead!, Fiddlesticks!, What's the big idea?, You and who's army, you would!, That's just too bad!*), иронии (*Not a dog's chance!*), насмешки (*Been and gone and done it*), презрения (*Be hanged!, The hell with it!*), хвастовства (*Did I ever!, Your geese are all swans!, Is the bear a Catholic*), унижения (*Come down to earth*).

Рассматриваемые единицы относятся к фоновой лексике, являясь национально-культурными маркерами процесса коммуникации. Культурно релевантными выступают как их значение, так и форма. Мотивация данных идиом основывается на особенностях восприятия мира носителями языка, базируясь на этноспецифических показателях их материальной и духовной культур. Так, в англо-саксонской лингвокультуре широко используются единицы эвфемистического плана для имени Бога (*Christ!, Lord!, Father!, Gosh!, Goodness!, Dear!, My!* и др.). Это же касается употребления единиц с негативным культовым компонентом (*hell, helluva, devil, damn, dammit, damnable, fucking* и т. д.). Свидетельством повышенной частотности употребления данных идиоматических образований является и возможность повторной модификации их структур: *That's a boy!* > *Attaboy!* — ‘молодец!’; *For God's sake!* > *Godssakes!* — ‘ради Бога!’; *For Christ's sake!* > *Chrissakes!* — ‘ради Бога!’; *By Jesus!* > *Bejabbers (Bejabers, Bejesus)!* — ‘Боже мой!’; *By our Lady!* > *Byrlady!* — ‘Матерь Божья!’; *God's wounds!* > *Zounds!* — ‘Боже избави!’ и др.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о распространенности процесса идиоматизации в современном английском языке, а также высокой коммуникативной ценности и специфической роли, которую они играют в дискурсе, в частности, о разнообразии выражаемых с помощью данных языковых единиц эмоций.

Литература

Василюк, И. Н. Слова и фразеологизмы диффузной семантики в современном английском языке / И. Н. Василюк: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Киевск. гос. пед. ин-т иностр. яз. К., 1990. — 20 с.

Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.

Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания / А. В. Кунин. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.

Левицкий, А. Э. Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка / А. Э. Левицкий. – Житомир: Редакционно-издательский отдел ЖГПУ, 2001. – 168 с.

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Тер-Минасова, С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Высшая школа, 1981. – 144 с.

Summary. The article highlights the issues of forming and functioning of English idioms which are functionally reprogrammed linguistic units, made at the junction of lexis and syntax. The author notes that these units are also culturally relevant.

Малюга Н. Н.

УКРАИНСКИЕ ПАРЕМИИ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ДИАХРОНИИ

Украина, г. Кривой Рог, Криворожский национальный университет
maliuga_natalia@ukr.net

Разнообразные паремии, будучи устойчивыми выражениями, зафиксированными в народном сознании многовековой традицией употребления, все же не навек «окамене-ли» и застыли, а паремийный фонд, как и язык в целом, постоянно развивается. Это подтверждается историческим анализом паремий.

Паремии, впитывающие в себя материал других жанров фольклора, художественной литературы, публицистики, продуцируются в живой народной речи. «Все лучшие свойства паремий – простота, лаконичность, содержательность, выразительность, искусная ирония, сатира – всего этого народ достиг вследствие удачного подбора слов и словосочетаний. Пословицам свойственна большая целенаправленность», – суммирует опыт паремиографов и паремиологов М. Пазяк (Пазяк, 1984: 182).

Паремии отражают те мысли, к которым народ пришел в результате своей общественной практики. В процессе их развития происходил непрерывный процесс отмирания одних образцов и возникновение других, непрерывное шлифование, расширение либо сужение значения, что связано с экономическими, политическими, культурными изменениями в социуме.

В паремиях можно найти намеки на период матриархата (*Отець вмер, то півсироти дитина, а мати, то вже цілая сиротина; Батьків багато, а мати одна; Нема у світі цвітійшого над маківочки: нема ж і роду ріднішого над матіночки*), отголо-ски фантастических представлений (*Нема тієї драбини, щоб до неба дістала; Біду і грім не розіб'є*), антропоморфизма (*Кулик на місці соколинім не буде птичим господином; Як пес робить, так пес ходить; Пішов глечик по воду, та й голову там положив*), мифоло-гии, язычества (*Щоб тебе Чорний бог убив!* – по древним поверьям, миром правили Белый и Черный Боги; Черный Бог – черт (Українські приказки, прислів'я і таке інше, 2004: 344); *Щоб на тебе Див прийшов* – в славянской мифологии Див – зловещая сила в образе птицы (Українські приказки, прислів'я і таке інше, 2004: 344); *Коли на Громницю півень не на'ється водиці, то на Юрія віл не на'ється травиці* – в древности праздник встречи зимы с весной именовался Громницей; после принятия христианства начал называться Сретением; *Я б сказав, та піч у хаті* – отображает веру в домовых, которые обитали в печи и могли подслушать чей-либо разговор (Українські приказки, прислів'я і таке інше, 2004: 345) тощо).

Конкретные исторические обстоятельства, судьбоносные события оставили глубокий след в языке, порождая в народном воображении ряд образных выражений. Паремии «законсервировали» народную память о:

– княжеском периоде (*Радимичане бояться Вовчого Хвоста* – см. информацию справочного характера у М. Номиса, согласно которой Волчий Хвост, посланный Ладимиром на радимичей, разбил их в 984 г. (Українські приказки, прислів'я і таке інше, 2004: 34); *Романе, Романе! Нічим живеш – Литвою ореш* – Великий князь Роман Ростиславович, покорил литовцев в 1173 г., запрягал их в плуг и так осваивал новые территории

(Українські приказки, прислів'я і таке інше, 2004: 344); *Князь Борис все плуги ковав та людям давав*);

– монголо-татарском иге (*Свої люди не татари, не дадуть загинути; Щоб не сидячого татари вхопили; Гість не в пору – гірше татарина; Страшний, як монгол; Вмерла та курочка, що несла татарам золоті яйця; Налетіли, як татари; А нам, татарам, все одно; Рано татарам на Русь іти; «Тату, я зловив татарина!» – «То ве-ди го сюди!» – «Не ведеться-бо!» – «То пусти го!» – «Не пускається-бо!»*);

– временах казацкой славы (*За Хмельницького Юрася пуста стала Україна, зве-лася, а за Павла Тетеренка – не поправиться й тепереньки; Од Богдана до Івана не бу-ло гетьмана; Мазепа в Полтаві подавився галушкою; Славний козак Максим Залізник – славніше Запоріжжя; Нам Луг батько, а Січ мати – ось де треба помирати; Хто любить піч, тому ворог Січ; Піду на Низ, щоб ніхто голови не гриз; Козак, як не сало їсть, не турка рубає, так нужи шукає; Показав Богун панам дорогу, ледве вибрались здорові; Хто про що, а він про Наливайка*);

– многовековом освободительном движении украинского народа (*Бідний – Кармалюкові брат рідний; Кармалюк чим може, тим допоможе; Колись Юстим пускав у панів дим; Пана Стася взяла тряся, а панові гроші Юстим дав Явдосі*);

– монархии и монархах Речи Посполитой, Российской и Австро-Венгерской империй (*За старого Саса, як було багато хліба й м'яса (Сас – Август Саксонський); За короля Ольб-рахта загинула в Польщі шляхта; Ой ти мати, Катерино, що ти з нами зробила, що край гарний та веселий та й занастила; Веліла мати й вал брати (Екатерина II)*);

– войнах ХХ столетия (*Хоч круть, хоч верть, а фашистові смерть; Кляне, як ба-ба фашиста; Що фашист, що вовк – один толк; Фашиста вбити – гріх скупити; Ти йому хоч із кулемета стріляй, а він – своє!; Ти йому хоч із орудій бий, а він своє!; Розум-на голова ста орудій стоїть; Що буде, те й буде – аби війни не було*).

За значительным количеством паремий, связанных с фактами истории, народным обиходом, поверьями и обрядами прошедших эпох, с сегодняшних позиций закрепилося значение национально-специфических реалий архаического характера (Зорівчак, 1983: 44). Украинские паремии, фиксирующие исторические события, персоналии разных периодов, как будто запечатлевают национальную историю в именах исторических персонажей.

Паремиевед М. Пазяк пише: «В собирании и систематизации пословиц в украинской дооктябрьской фольклористике, как и фольклорной науке других народов, определились две тенденции: демократическая и патриархально-консервативная. Передовые ученые видели в пословицах прежде всего отображение трудового опыта народа, условий его жизни, социального неравенства, классовых противоречий и протеста, реакционные же – тенденциозно со своих позиций подбирали и истолковывали пословицы, сосредотачиваясь на тех, которые отражали взгляд отсталых слоев общества, проповедовали смирение и покорность, общественную пассивность и т. д.» (Пазяк, 1984: 39).

Тяжело не согласиться, что «пословицы возникают из целого эпизода, из жизненного случая, но пойман только кадр, который включает в себе намеки на подробное содержание завершенного эпизода» (Пазяк, 1984: 182). Например: *Вирвався, як Пилип з конопель* (ср.: *Вискочив, як Пилип з коноплі; Гульк, як Пилип з кукурудзів*). Был шляхтич, бывалый в воинском деле, родом из Конопель (им. пад. Конопли) Сандомирского края, по имени Пилип. На одном из сеймов он, не разобрав, вмешался со своей репликой не к месту. Присутствующие, смеясь, стали друг друга спрашивать о том, кто это. Соседи ответили, что это «Пилип з Конопель» (Українські приказки, прислів'я і таке інше, 2004: 80).

Паремии – не навек застывшие образования, в них при определенных исторических условиях происходят структурные и семантические изменения. Иногда наполнение паремии корректируется в соответствии с изменением традиционного образа жизни и, соответственно, изменениями в общественном сознании, ср., например, фиксированные академическими и популярными изданиями пословицы *Баба з воза – кобилі легше; Та-рах баба з воза (з коліс), кобилі (на колеса, колесам, коням, возові) легше* и реестровые единицы издания «Прислів'я та приказки в говірках Нижньої Наддніпряниці», собранные в течение 1952 – 1992 гг.: *Баба з возу – кобила на м'ясокомбінат; Баба з возу – кобила (кобилу) на ковбаси; Баба з возу – кобила в курсі діла* (Мудре слово, 1992: 5). Конь (кобыла) уступает место в хозяйственной практике машинам, которые «сил» имеют в несколько раз больше. Животные, требующие ухода, кормов, капиталовложений на их содержание, приносят прибыли значительно меньше, чем, скажем, трактора, поэтому хо-

зайства их выводят из своих фондов – отправляют на мясокомбинаты, где их перерабатывают на колбасу. Наличие же компонента в *курсі діла* можно объяснить тенденцией к жаргонизации речи, которая наблюдается еще со времен Октябрьской революции.

Паремии – весьма специфический языковой и когнитивный феномен. По своей природе они отображают фрагмент определенной картины мира. В пословицах и поговорках советского периода вместо мировоззрения народа отражены фрагменты картины мира, которую стремится сформировать у этого же народа тоталитарное государство; и эта картина мира, и концептуализация действительности должны соответствовать принятой в этом государстве идеологии (Трифонов, 2011: 142).

В сборниках пословиц и поговорок послеоктябрьского периода представлены единицы, пропагандирующие коммунистическую идеологию, возвеличивающие «свершения» социалистического строя, формирующие «правильное» отношение к коллективному ведению хозяйства: *Права не дають – права беруть; Колгосп – великий чоловік; На що й клад, як у колгоспі лад; Велика сила – колгоспна машина; Радянський закон найсильніший; Поганий той колектив, де є до пляшки актив; Тесть – інженер, зять – комбайнер, дочка – знатна ланкова – от і сім'я нова; Не в богові спасіння, а колективній праці; У Радянському Союзі всі трудящі – рідні друзі.*

По структуре, использованным стилистическим средствам, особенностям ритмо-мелодики и т. д. такие единицы, бывшие формой языкового влияния в тоталитарном обществе, тяжело отличить от народных. Это объясняется желанием авторов придать новой идеологии традиционные, привычные формы. Паремийный фонд – авторитетный источник в поисках методов воспитания, проверенное временем мерило нравственности; сконструированные же «по заказу сверху» эрзац-пословицы (а по сути лозунги) должны были содействовать укоренению в сознании народа принципов нового образа жизни, помогать осуществлять тоталитарный контроль над мыслью.

Явно искусственными созданиями являются псевдонародные пословицы и поговорки, прагматической целью которых было моделирование желаемого, создание оптимистического видения перспектив социалистического строя, развенчивание антагонистичной капиталистической идеологии, блокирование нежелательных ассоциаций и закрепление нужных: *Наша партія могутня нас веде в ясне майбутнє; Конституція нова дала жінці всі права; Казахстану і Алтаю весь народ допомагає; Соціалістичні сили щохвилини зростають, а капіталісти свої втрачають; Уолл-стріт війну готує – бариші свої рятуює; Сателіт – це значить: сїдай верхи, бий і їдь.* Несмотря на внешнее подобие, такие «образцы народного творчества» выглядят неубедительно, поскольку в них отсутствуют хотя бы поверхностные связи с народной языковой картиной мира.

Псевдопаремии провозглашают, славят, категорически утверждают, а не подмечают философские основы бытия (Алефиренко, 2009: 306), как собственно паремии. Приведем реестровые единицы из сборника пословиц и поговорок под редакцией А. Хвѣли (Прислів'я та приказки, 1936), которые можно расценить как:

– агитацию за новый политический курс: *Коли б не Ленін і Сталін, – були б ми відсталі; Леніна й Сталіна портрети на стіні, хліб і сало на столі, книжки в куточку, а на мені вишита сорочка; Сталін – верховода всього робочого народу; Сонце світить найтепліше, слово Сталіна наймудріше; Вперед ведуть нас комуністи – бережіться, монархісти!; На злість ворогам, на безголов'я панам та куркулям, на здоров'я нашим вождям, що шлях вперед показують нам!; Революція зробила таку резолюцію: панів геть, а царю смерть!; Москву ніхто не сміє зайняти, бо вона є всім пролетарям мати!;*

– пропаганду советского строительства и осуждение его врагов: *Куркуль дметься на колгосп, бо в ньому батрак завгосп; Як реманент ламається і збруя у колгоспі рветься, так і знай, що шкідникові тихо там живеться; Не випити курці глибоку річку, – не зірвати куркулям нашу п'ятирічку!; В колгоспі працювати – як на весіллі танцювати!; Ганьба прогульникам! Ударник до поту робить, а прогульник у холодку ходить!; Комсомолец у клуб ходить, це й дівчину туди водить; У колбуді співи й танці, оркестр виграває, – то Марина-ударниця весілля справляє!;*

– антирелигиозную пропаганду: *Віра, бог, церкви та дзвони – це все старі забобони; Стали попівські дзвони гірше битої макітри!; Ой, дзвони дзвонять, – попа з села гонять!; Радий піп і кошеня охрестити, та не несуть; Думав дяк, що минеться так, аж воно загс настав; Піп любить богомольців, а не любить комсомольців.*

Основное отличие собственно паремий от вымышленных состоит в том, что показанное в них событие не типично для традиционного жизненного уклада, а противопос-

тавляється ему (*І газетою можна людину вбити, якщо загорнути у неї утюг*). В псевдопаремиях речь йде не о закономірностях і стереотипах, а о конкретних подіях і результатах, якими їх бачить автор. Н. Алефіренко і Н. Семененко так пояснюють різницю між пареміями і зразками невдачливої стилізації під них: «Псевдопословиці» відрізняються яскраво вираженою лозунговою природою, якої відсутнє у справжніх народних паремій. Устойливе висловлювання фольклорного походження, незважаючи на весь свій виховний потенціал, ніколи не примушує до зміни точки зору – пословиця радить, переконує, виховує, але не містить вказівок у категоричній формі» (Алефіренко, 2009: 305).

Частина таких псевдопаремій на швидку руку переделана («копіювана») з відомих фольклорних зразків, що пояснюється, з однієї сторони, прагненням створити за моделлю, а з іншої, – художнім бессилем їх творців: *Не святі трактором орять, а такі ж колгоспники!* (ср.: *Не святі горшки ліплять, [а прості люди]*); *Поки сонце зійде – колгосп на роботу вийде* (ср.: *Поки сонце зійде – роса очі вієсть*); *Пильний соціалістичне господарство, як зіницю свого ока!* (ср.: *Бережи як зіницю ока*); *Радий куркуль у колгоспники, та не пускають незаможники!* (ср.: *Рада б душа в рай, та гріхи не пускають*); *З попа колгоспник, як з собачого хвоста сито!* (ср.: *Господар з тебе кепський, як з собачого хвоста сито*); *Бережи трактор зразу, а не поламавши!* (ср.: *Бережи честь змолоду, а здоров'я під старість*); *Дід був панський, батько – царський, а син – радянський* (ср. рос.: *Дед твой был казак, отец – сын казачий, а ты хрен собачий*).

Однак серед відносно нових паремій зустрічаються такі, які дійсно виникли в народній мові і закоренилися. Як приклад наведемо реєстрові одиниці видання «Мудре слово: Прислів'я та приказки в говірках Нижньої Наддніпрянини», складеної В. Чабаненком (період фіксації паремій тривалий: 1952 – 1992 гг.; всі реєстрові одиниці задокументовані): *Серп і молот, і зірка тягнуть курицю з гнізда; На воротах серп і молот, а у хаті смерть та голод; Флаг тобі в руки – і поперед колони!*; *Собака завилала – не стало в магазинах мила; Святі отці-карбованці всі діла вирішать; Мої діла, як у тої картоплі: якщо за зиму не з'їдять, то весною посадять; Сім на стогу, один на лузі – і кричать: «Не завалюй!»; Один із сапогою, а семеро з папкою; На одного раба три прораба; Робота йде, кантора пише: руб заробиш – два запише; Не журися, Хайко, бо ми комуністи: люди будуть хліб робити, а ми будемо їсти; В протоколі густо, а в полі пусто; Чого мені на Урал? Я і тут ще не орав!*; *Не став із себе Козла Івановича!*; *Не всі зави доживуть до слави; Підождемо до тієї суботи, коли знімуть бюрократа з роботи.*

Сравним паремії, оцінюють вимоги, трудові, роботу в колхозі. В лівій колонці розміщені ідеологічно перевірені одиниці, призначені внести зміни в народну картину світу в залежності від того, яка концептуалізація дійсності представляється «правильною». В правій колонці наведено прислів'я, які виражають специфіку народної думки, погляди людини на життя в різних його проявах, ставлення до праці.

<i>Спасибі Іллічу – електрикою свічу</i>	<i>Спасибі Іллічу: ні вчиняю, ні печу!</i> ; <i>Спасибі Сталіну-грузину, що узув нас у резину</i>
<i>Язиката, а на трудовні небагата; Коли б не гульня, не згубив би трудовня</i>	<i>Трудовні – сльози одні; Трудовень, трудовень, трудоодниця – батько ходить без штанів, мати без спідниці!</i>
<i>У колгоспі працювати – горя-лиха не знати</i>	<i>У колгоспі добре жити: одне робити, сім лежить</i>
<i>Де машина походила, там пшениця уродила, а де рала волочили, там бур'яни зародили</i>	<i>Поки орало те, що с...ло, то всі ми їли хліб і сало, а як стало те, що деренчить, так один бур'ян стирчить</i>

Говорючий (адресант) використовує прислів'я як інструмент речевого впливу з метою досягти впливу на поведінку і діяльність співрозмовника (адресата). Вплив на свідомість адресата пов'язаний з усвідомленням соціальних норм, цінностей, стереотипів поведінки певного соціуму, щоб на основі отриманого соціального досвіду індивідуум міг адекватно вирішувати життєві ситуації і моделювати свою поведінку: *Кума кумі казала, щоб нікому не казала, а на другий день і міліція знала; З міліцією не друзі,*

а жінці правди не кажи; Розмахнувся на таксі, а поїхав «бобиком»; Курила для моди, а завдала собі шкоди; Якби не цигарка, була б матір'ю і Варка; В армії – не в теці на іменинах; Спереду піонер, а ззаду пенсіонер. Очевидно, в паремиях нашли свое отражение разные виды классовой психологии и общественного сознания.

Анализ собранного паремиологического материала обеспечивает возможность проследить историю развития паремий, изменения в их семантике, «консервирование» реалий и данных периода их возникновения. В то же время каждая новая эпоха не только находит применение старым пословицам и поговоркам, но и расширяет сферу и объект их действия, развертывая заложенный в них потенциал художественного обобщения и нацеливая его на новые конкретные обстоятельства. Паремии иллюстрируют сложность взглядов человека на окружающий мир, в них находит свое выражение стихийный материализм, свойственный мировоззрению народных масс.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : [учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования] / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 344 с.

Зорівчак, Р. П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія (На матеріалі перекладів творів української літератури англійською мовою) / Роксоляна Петрівна Зорівчак. – Л.: Вища школа, 1983. – 176 с.

Мудре слово: Прислів'я та приказки в говірках Нижньої Наддніпряниці. Серія «Пам'ятки мовної культури Нижньої Наддніпряниці» / Зібрав і впорядкував В. Чабаненко. Вип. II. – Запоріжжя: Друкарня товариства «Комунар», 1992. – 169 с.

Пазяк, М. М. Українські прислів'я та приказки. Проблеми пареміології та пареміографії / М. М. Пазяк. – К.: Наукова думка, 1984. – 204 с.

Прислів'я та приказки / Ред. А. Хвиля. – Х.: Друкарня ім. М. В. Фрунзе, 1936. – 583 с.

Трифонов, Р. А. Идеологізація картини світу в «радянських прислів'ях і приказках» / Р. А. Трифонов // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Т. 24 (63). 2011. №1. Ч. 2. – С. 142-147.

Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклав М. Номис / Упорядкув., прим. та вступна ст. М. М. Пазяка. – К.: Либідь, 2004. – 352 с.

Summary. The article analyzes paremias as specific language and cognitive phenomenon. The dynamics of paremiological fund is motivated by economic, political, cultural changes in society. It is focused on differences in proverbs and pseudoparemias.

Манчев В. С.

РУССКИЕ И БОЛГАРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «ПИЩА» (культурологический вектор)

Болгария, г. София, Софийский университет им. Св. Климента Охридского
v.manchev@abv.bg

Являясь частью национальной языковой картины мира, фразеологические единицы (далее – ФЕ) отражают уникальный опыт работы коллективного сознания каждого конкретного этноса над категоризацией окружающей его объективной действительности. В культуре каждого народа можно обнаружить как универсальные, так и национальные компоненты, фразеология каждого языка содержит общие и национально-специфические черты, присущие той или иной культуре. Именно во фразеологии наиболее ярко отражаются стереотипы, а совпадения с опытом другого народа вызывают к жизни эквивалентные паремии. В качестве примера можно привести слова Ф. Рабле из «Гаргантюа и Патагрюэля»: *L'appétit vient en mangeant* — «аппетит приходит во время еды». Данное выражение, уже давно превратившееся в крылатую фразу, часто употребляется в значении «чем больше имеешь, тем больше хочется» и знакомо носителям не только французского, но и многих других языков.

В этнокультурных стереотипах отражена культурная специфика данного лингвокультурного сообщества, они лежат в основе национального характера и национального самосознания. Причем особый интерес исследователей привлекает антропоцентрическая

фразеология, переживающая в наши дни, по мнению Н. Ф. Алефиренко, «новый стадильный виток» в своем развитии, который можно назвать интерпретирующим. «Именно с интерпретацией связаны теперь надежды на прогресс в теории фразеологии, фразеографической практике и фразеологической дидактике», – отмечает ученый (Алефиренко, 2005: 67). Следует заметить, что на значение интерпретации в языкознании указывал в свое время еще Р. О. Якобсон: «Каждый знак предполагает наличие интерпретации» (Якобсон, 1985: 324). Н. Ф. Алефиренко объясняет то обстоятельство, что антропоцентрическая фразеология прибегает к описанию, следующим образом: «предметная соотнесенность ФЕ с денотатом иносказательными средствами нередко приводит к ее ложному осмыслению. В долговременной памяти остается информация, которая сопровождается дополнительными ассоциативно-эмоциональными элементами, способствующими ее длительному хранению в нашем языковом сознании» (Алефиренко, 2005: 68).

Бесспорно, ФЕ, включающие компонент «пища», имеют самое непосредственное отношение к области антропоцентрической фразеологии, так как продукты питания являются одним из древнейших пластов материальной культуры и быта, без них невозможно физическое существование человека. В языковой картине мира каждого народа можно найти немало ФЕ так или иначе связанных с пищей, их изучение традиционно вызывает интерес у лингвистов, поскольку концептосфера «Пища» относится к числу базовых, универсальных концептосфер, имеющих исключительно важное значение для лингвокультурного сообщества. Обладая способностью аккумулировать и транслировать культурный опыт нации, ФЕ помогает определить приоритетные для данного народа пищевое сырье и продукты, проследить пути их распространения и выяснить их место в системе ценностей носителей языка. Так, например, безусловным символом ценности в русском и болгарском языках является *хлеб*: *хлеб – всему голова – никакой не е по-голям от хляба; зарабатывать на хлеб – изкарвам си хляба; на вольных хлебах; има още много хляб да яде* и др.

Хлеб с глубокой древности является основным продуктом питания всех народов мира, а потому неудивительно, что он занимает почетное место в русской и болгарской культурах.

В Древней Руси хлеб почитался как источник жизни и гарантия благополучия. Поэтому неслучайно наличие большого числа ФЕ с компонентом «хлеб», от евангельского «*Хлеб наш насущный даждь нам днесь*», до: *Не хлебом живы, молитвою; Не отсыпав попу новины, хлеба не продавай; Светит, да не греет, только напрасно у бога хлеб ест* и др. Характерно, что В. И. Даль определял хлеб как мучное изделие из кислого теста, подчеркивая тем самым специфику именно русского хлеба. Существует русская поговорка: «*Только бы мука была ржаная, а хлеб мы и сами испечем*». Широко известна поговорка *Хлеб всему голова* и ее вариант: *Ржаной хлеб всему голова*, подчеркивающие важность, первостепенность хлеба. Как правило, черному, ржаному хлебу противопоставляется белый хлеб, пшеничный, считавшийся символом богатой жизни, об этом свидетельствуют пословицы: *Куда нам есть сметану с калачом: хлебаем и снятое с чернячком (т. е. со ржаным хлебом); Матушка рожь кормит всех сплошь, а пшеничка – по выбору*.

Калач («Пшеничный хлеб, по форме напоминающий замок с дужкой» (Ожегов, 1990: 262)) являлся традиционным и широко распространенным в России хлебным изделием, он упоминается в целом ряде ФЕ: *тертый калач; калачом не заманишь; со свиным рылом в калачный ряд; Хочешь есть калачи, так не лежи (сиди) на печи; Нужда научит калачи есть; Богачи едят калачи, да не спят ни в день, ни в ночи, бедняк чего ни хлебнет, да заснет* и др., что доказывает наличие национально-культурного компонента в его семантике.

Интересно отметить, что как в России, так и в Болгарии в свадебном обряде обязательно присутствует хлеб – каравай (болг. *погача, пита*), круглый, высокий, с различными украшениями. Однако, нам известны только русские ФЕ с компонентом «каравай»: *Сыр каравай примите, золоту гривну положите; Сыр да каравай принимай, а наших молодых не оставляй*. Весьма любопытен следующий лингвокультурный факт: по данным словаря В. И. Даля, в ярославских говорах круглый пирог назывался «хорошуль», а корневая морфема «хоро» коррелирует с «коло» – колесо, круг, окружность. Здесь можно привести также болгарскую лексему «хоро» (болгарский народный танец, разновидности которого существуют и у многих соседних народов: греков (*χορός, хорос*), македонцев (*оро*), сербов (*коло*), при котором танцующие образуют *круг* (курсив наш – В. М.), линию или другие фигуры). Данный вид хлебных изделий связывают также с символикой солн-

ца или луны: *Полна печь пирогов, посреди каравай (звезды и месяца)*. В русских ФЕ, связанных с хлебом, встречается и такая его разновидность, как сухарь: *Сухари, хоть не вари, так можно есть; Доброму и сухарь на пользу, а злomu и мясные щи не впрок*. Упоминаются также составные части хлеба – корка и мякиш: *Корка на корку упала, а мякишу не бывало; Корка на корке, а мякиш на затворке*.

В болгарской фольклорной традиции хлеб выступает в качестве символа, связанного с вечным циклом жизни, бесконечностью, кругом, солнцем, домашним очагом. Неслучайно болгары не садятся за стол без хлеба, а гостей традиционно встречают хлебом и солью.

В большинстве болгарских ФЕ, посвященных хлебу, о нем говорится как о чем-то особенно ценном, важном, имеющим первостепенное значение.

В целом ряде ФЕ выражена идея силы (большой значимости) хлеба. Так, например, в поговорке *В него хляба, в него и ножа* говорится о человеке, обладающем властью, управляющем, способном влиять на судьбы других. Ранее такой фигурой был царь, олицетворявший власть, вершивший правосудие и раздававший награды.

Другая поговорка гласит: *Умният и насън си изкарва хляба* (Умный и во сне на хлеб заработает) и ее вариант: *Умният навсякъде си изкарва хляба*. И в том, и в другом случае хлеб символизирует профессию, занятие, т. е. что-либо, приносящее доход, являющееся опорой в жизни человека.

Интересна и другая болгарская народная мудрость: *Чуждият хляб зъби троши* (Чужой хлеб горек; буквально: Об чужой хлеб зубы сломаешь). Существует также другой вариант, не связанный с хлебом, но имеющий тот же смысл: *Откраднато имане не обогатява* (Украденное добро богатым не сделает).

Поговорка *Давали на циганина царство, а той питал: ами хляб?* (Предложили цыгану царство, а он спросил: а хлеба дадите?) говорит о значении хлеба как чего-то насущного, первостепенного, без чего жизнь лишается смысла, ибо в представлении болгарского народа и в урожайные, и в неурожайные годы на столе обязательно должен быть хлеб, являющийся символом благополучия и успеха в материальном мире.

В поговорке *Глад не вижда нищо освен хляба* (Голод кроме хлеба ничего не видит) речь идет об истинных потребностях и желаниях человека. В данном случае хлеб рассматривается не только как пища, необходимая для укрепления тела человека, но и как пища для его души.

Из следующей поговорки: *Да имаше сирене, щях да надробя попара, ама няма хляб!* (Была бы брынза – тюрю бы сделал, да хлеба нет!) становится ясно, что отсутствие хлеба делает бессмысленным наличие материальных благ в нашей жизни. Материальное (брынза) ничего не стоит без дополняющего его духовного компонента (хлеба). В данной ФЕ отражено стремление болгарина сочетать духовную и материальную стороны жизни в их целостности, не допуская преобладания одного над другим.

Можно привести еще одну интересную болгарскую поговорку: *Харчи се като топъл хляб*. В ней речь идет о вещах, за которые каждый готов заплатить любую цену, чтобы обладать ими, о чем-либо необходимом (подобно теплomu хлебу, который каждый болгарин желал бы иметь у себя дома в любое время). Здесь можно упомянуть о русском аналоге: (что-либо) *расходится, как горячие пирожки*, где образная основа несколько иная, что можно объяснить большой популярностью выпечки в России.

Болгарская народная мудрость *Човек не живее само с хляб* (Не хлебом единым жив человек), отражает духовные искания болгарина, который, пресытившись материальными благами, желает пищи духовной. Это говорит о народном самосознании болгарина, не ограничивающегося стяжательством, приобретением только для себя, желанием спрятать свое богатство в сундуки. Сохранившаяся в устной народной традиции память свидетельствует о том, что благополучие семьи способствует благополучию рода, а оттуда – благополучию села, города, всего народа.

Безусловно, одной из наиболее ярких и выразительных болгарских поговорок о хлебе является *Никой не е по-голям от хляба*. В ней мы можем обнаружить образ Христа, который в 6-ой главе Евангелия от Иоанна говорит о себе, что Он есть истинный Хлеб, сошедший с небес, дабы даровать Жизнь миру. Хлеб в святой литургии является символом тела Христова, а вино – Его крови. Принимая их во время святого причастия, человек становится на путь обновления своей жизни.

В свою очередь, на Руси большой популярностью пользовалась выпечка, приготавливаемая из различных видов теста, причем наиболее распространенным было дрожже-

вое: *Растет, как пшеничное тесто на опаре; Как тесто на опаре киснет*. Одним из наиболее известных и распространенных русских мучных блюд являются блины, без которых невозможно представить себе замечательный весенний праздник – Масленицу, уходящий своими корнями еще в языческую древность и связанный с солярным культом. Согласно данным этнографических источников, блины были обязательной принадлежностью и свадебного пира, и поминальной трапезы. Предки русских верили, что на Масленичную неделю на землю возвращаются души умерших и первый блин по традиции предназначался им: *На Масленице первый блин – за упокой*. Считалось, что блин – это особый вид хлеба, связывающий два измерения – мир реальный и мир загробный. Древние русичи были уверены, что «души умерших» утрачивают способность объемного зрения и видят все плоско. Поэтому блины пекли круглыми и плоскими. Учитывая все сказанное выше, становится понятным наличие в русском языке такого количества ФЕ с компонентом *блин*: *к теще на блины; Где блины, тут и мы; Блины пекла, да со двора стекла; На кисель, на блины, а там, хоть святых менять понеси; Первый блин комом; Блин не клин – брюха не распорет* и др. Еще одним популярным русским мучным блюдом являются оладьи, упоминаемые в письменных источниках с середины XVI в.: *У Маланьи с маслом и оладьи; Дали Маланье оладьи, а она говорит, испечены неладно*.

Говоря о русской кухне, нельзя не упомянуть о самом популярном и любимом блюде русских – пирогах. Они отличаются большим разнообразием видов: дрожжевые и пресные; подовые – выпеченные без масла на поду (днище) печи; пряженые – испеченные в масле на сковороде или противне; курник (пирог с куриным мясом); расстегаи (открытые, «расстегнутые» пироги) и др. О популярности этого кушанья говорит большое число бытующих в русском языке ФЕ с упоминанием пирогов: *Ешь пироги с грибами, а язык держи за зубами; Не красна изба углами, а красна пирогами; Ешь хлеб, коли пирога нет; Не поглядев на пирог, не говори, что съят Пироги до того доведут, что и хлеба не дадут; Ешь пироги, а хлеб вперед береги* и мн. др. Снегирев отмечает: «главная принадлежность именинного пира есть пирог, который разламывается над головой именинника в предзнаменовании благополучия. В старину у русских именинник хаживал с пирогами или с сгибнями к родным и знакомым» (Лутовинова, 2005: 120): *Кто именинник, тому и пирога нет. Я именинник, да мне же и пирога нет; Без пирога именинника под стол сажают*.

Для болгарской кухни, однако, этот род выпечки не характерен, хотя в болгарском языке существует заимствованная из русского языка лексическая единица *пирожка* – почти точно передающая значение лексемы *пирог*, с той разницей, что в болгарском данное слово женского рода, сами же эти хлебные изделия готовятся со сладкой начинкой и имеют форму трубочки.

В болгарской национальной кухне из мучных изделий наиболее популярным и распространенным является *баница* – вид слоеного пирога, приготовляемого из очень тонко раскатанных слоев теста (называемого *кори за баница*), а в качестве начинки используются брынза, болгарское *кислое молоко* и яйца. Впоследствии появляются и другие виды баницы: *тиквеник* (с тыквенной начинкой), *зелник* (с начинкой из капусты), *спаначник* (со шпинатом), *лопушник* (с начинкой из щавеля), *баница-каварма* или *баница-млин* (баница с брынзой, испеченная до красно-коричневого цвета, политая в горячем состоянии охлажденным кипяченым молоком, подсоленным по вкусу). Это национальное блюдо легло в основу большого числа болгарских ФЕ: *търся на работата лекото, на баницата мекото* (рыба ищет где глубже, а человек – где лучше); *иска с баница да го молят* (хочет, чтобы его на коленях упрашивали); *правя на баница (някого)* (устроить кому-л. темную) и др.

Бесспорно, одной из главных отличительных черт русской кухни являются супы, а также большое количество их видов – одних только разновидностей щей имеется более 20, ухи – более 10, борщей, как и щей, – около 20. Как утверждает В. В. Похлебкин, «Супы всегда играли главенствующую роль на русском столе» (Похлебкин, 2004: 19).

Супы на Руси готовили достаточно простые, а те из них, которые включали в себя большое число составляющих, называли «царскими», «боярскими», «княжескими» и варили только по особым случаям. Привычный для нас картофель был в те далекие времена неизвестен, и основой супа служила репа или корень пастернака.

Самый известный и традиционный суп – щи – забеливались сметаной во время варения, а не при подаче на стол. К ним зачастую подавалась гречневая каша. Готовили

этот суп из белокочанной свежей и квашеной капусты, молодой крапивы, щавеля, на мясном бульоне или грибном отваре. Варили щи с мясом, окороком, ветчиной. Кроме того, из квашеной капусты готовили щи с рыбой: сметками, хамсой, тюлькой. В старинных рецептах щи обязательно подправляли обжаренной мукой, часть сметаны рекомендовали вскипятить со щами, а оставшуюся подавать отдельно.

Существует немало ФЕ с компонентом «щи»: *Отпком щи хлебал, да в воеводы попал; Голодному Федоту и щи в охоту; Голо, голо, а луковка во щи есть; лаптем щи хлебать; Где щи, там и нас ищи* и др.

Другим популярным в России первым блюдом является уха. Надо отметить, что ухой вообще называлась похлебка, как рыбная, так и любая другая. Очевидно, этим словом обозначался вообще «суп», что-либо жидкое, приправленное пряностями. Это подтверждается и тем, что черной ухой называлась уха с гвоздикой, с перцем – белой, а без пряностей – голой. Кроме того, этот вид супа весьма охотно использовался в пищу во время праздников, приходящихся на посты, когда запрещалось употребление мясной и молочной пищи: *Рыба худа – не наварна уха, рыба жирна – янтарна уха; Была бы рыба, а хлеб будет (то же)*.

Среди традиционных и любимых до сих пор блюд русской кухни особое место занимает каша. В русских письменных памятниках слово «каша» встречается в документах конца XII в., однако при археологических раскопках находят горшки с остатками каш в слоях IX – X вв. Лексема «каша» происходит, по мнению лингвистов, от санскритского «каш», что означает «дробить, тереть».

Каша присутствует во многих русских обрядах (так, например, свадебный пир на Руси назывался *каша*), без нее трудно представить себе русский стол. Известен обычай, существовавший в некоторых областях России, согласно которому по случаю рождения ребенка варили кашу, называемую «бабкиной». У предков русских бытовал обычай: в знак перемирия вожди враждовавших племен вместе варили кашу. Позже это блюдо стали употреблять при совместных работах, например, во время страды, когда трудились сообща, артелью: *Мы с ним из одной чашки кашу едим; Артельная каша вкуснее; Артелю и кашу есть охотней*. И поэтому совершенно справедливо известный собиратель русских пословиц, беллетрист-этнограф С. В. Максимов пишет о данном столь распространенном в быту русских ястве: «...нет для русского человека вкуснее и слаще этого кушанья... Замечают даже так, что русского мужика без каши и не накормишь... В самом деле, это заветное, можно сказать – даже ежедневное народное кушанье, точно какое «святое», добрый друг и охранитель, обрядовое приношение, как бы осколок старой языческой веры наших предков» (Максимов, 1955: 203). В подтверждение этого можно привести целый ряд ФЕ, связанных с кашей и доказывающих популярность этого блюда среди русского народа: *мало каши ел; каша сама себя хвалит; кашу маслом не испортишь; Сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай; Каша наша, а щи поповы; У нас не по-вашему: пироги с кашею; Где каша, там и наши* и др. Лексема *каша* характеризуется, а также значением «беспорядок» в высказываниях типа: *У него каша в голове*; «проблемы», в выражении *заварить кашу*; в сфере разговорного употребления наблюдается также значение «гарнир»: *А кашу какую Вам?*

По свидетельствам этнографов, в XV в. на Руси появляется гречиха, и гречневая каша становится национальным русским кушаньем. Полезные свойства гречневой крупы уже стали широко известными, а в православном календаре даже есть особая дата – 26 июня – день Святой Акулины, известный в народе как «День каш». Причем существовала традиция варить в этот день кашу из гречневой крупы прошлых лет: *Горе наше – гречневая каша, а поел бы и такой, да нет никакой; Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной*.

И. С. Лутовинова считает, что «каша как основной продукт питания наравне с хлебом как в древности, так и сейчас играет важнейшую роль в материальной жизни русского человека, а слово *каша*, называющее это истинно русское кушанье, является одним из древнейших слов русского языка» (Лутовинова, 2005: 3).

В болгарской кухне также существует подобное блюдо, однако оно имеет иную консистенцию (приготавливается из муки, в виде пюре), не занимает сколько-нибудь значительного места в национальной кухне и фольклоре и слабо отражено во фразеологии: *Каква каша!* (какой беспорядок/бардак!); *забърквам/забъркам каша* (вызывать/вызвать недоразумение (я), запутать что-либо); *забърквам се/забъркам се в каша* (попасть в историю).

Нельзя не упомянуть и о таком традиционном болгарском кушанье, как «попара» (тюря с брынзой, горячей водой и хлебом, а иногда и маслом) – одним из самых легких в приготовлении и доступных блюд, с которым связан ряд устойчивых выражений и поговорок типа: *Каквата попара си надробил, такава ще сърбаш* (рус.: *Сам кашу заварил – сам и расхлебывай*; *Что посеешь, то и пожнешь*); *А аз трябва да му ям попарата* (рус.: *Он виноват, а мне отвечать*) и др.

Весьма примечательным блюдом национальной русской кухни является кисель. Овсяные, ржаные, пшеничные кисели относятся к древнейшим русским кушаньям. Еще летописец Нестор в «Повести временных лет» приводит историю спасения города Белгорода от печенегов с помощью простого овсяного киселя. Первоначально кисель был кислым на вкус (откуда и его название), а сладкие фруктово-ягодные кисели появились позднее, когда в России распространился картофель и картофельный крахмал: *Где кисель, тут и сел, где пирог, тут и лег; То и благо, у кого есть кисель да брага; И то зубы, что кисель едят; Седьмая вода на киселе; Кисель зубов не портит; Киселем брюха не испортишь* и др.

Бобовые культуры также хорошо знакомы носителям как русского, так и болгарского языков. Но если в русской кухне более распространен горох: *не смейся горох – не лучше бобов*, то в болгарской большей популярностью пользуются бобы: *Свикнал поп на варен боб, свършил боб – отвикнал поп; Ще видиш ти, кон боб яде ли!*

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет более подробно остановиться на всех аспектах данной безусловно интересной и важной не только с точки зрения фразеологии и лингвокультурологии темы. Однако даже этот беглый обзор позволяет сделать вывод о том, что сопоставительные исследования фразеологии русского, болгарского и других славянских языков в содержательном, когнитивном, культурологическом и социолингвистическом аспектах, в рамках антропоцентрического и аксиологического подходов способствует определению роли и места фразеологии в лингвистических системах анализируемых языков.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Антропоцентрическая фразеология: парадоксы и реалии / Н. Ф. Алефиренко // Slovo. Tekst. Czas. VIII. Человек во фразеологии и лексике славянских языков. – Szczecin, 2005. – С. 66-71.

Лутовинова, И. С. Слово о пище русской : научное издание / И. С. Лутовинова. 2-е изд., перераб. – СПб.: Авалон : Азбука-Классика, 2005. – 286 с.

Максимов, С. Крылатые слова / С. Максимов. – М., 1955.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., Русский язык, 1990.

Похлебкин, В. В. Национальные кухни наших народов / В. В. Похлебкин. – М.: Центрполиграф, 2004.

Якобсон, Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы / Р. О. Якобсон. – М., 1985. – С. 319-330.

Summary. The article analyzes Russian and Bulgarian idioms, which include the name of the traditional dishes as components, in lingvo-cultural aspect.

Маркова Е. М.

ХЛЕБ ДА КАША – ПИЦА НАША (СМЫСЛОВОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНИХ НАЗВАНИЙ ПИЩИ СЛАВЯН ВО ФРАЗЕОЛОГИИ)

Россия, Москва, Московский государственный областной университет

Словакия, Трнава, Университет св. Кирилла и Мефодия

Elena-m-m@mail.ru

При культурологическом подходе к изучению языковых фактов нас интересует бытование той или иной лексемы в языковом сознании представителей национального лингвокультурного сообщества, вся совокупность ее семантических переосмыслений и культурно-исторических наращений, что вербализуется и в переносных значениях данной единицы, и во фразеологии, в поговорках. «Обыденному» значению слова оказывается противопоставлено его «мифологическое» или «символическое» значение. Таким образом, осуществляется связь между лексикой и фразеологией, «мостиком» между которыми

является ассоциативное переосмысление лексемы, ее метафорическое сближение с другим предметом или явлением действительности, находящим воплощение во фразеологическом обороте.

Даже при сравнении близкородственных языков, какими являются сопоставляемые нами русский и чешский языки, при общности во многом их мировосприятия, обусловленной общим происхождением, наблюдается их культурноконнотативная асимметрия. При вторичном использовании языкового знака в качестве номинанта он нередко наделяется культурологической информацией, объективирующей особенности восприятия окружающего мира тем или иным этносом. В результате вторичные номинации становятся репрезентаторами этнокультурной специфики, которая связана с тем или иным общим для разных культур образом. Рассмотрим это на примере древнейших названий пищи славян – *хлеб* и *каша*.

Еда, пища для славян издавна представлялась как дары, исходящие от Бога. Зерно – основа первой славянской еды – наделено сакральным смыслом: зерно воспринималось как «воскрешающее», которое радуется своим «похоронам», потому что это способ его обновления, обогащения. С зерном, а соответственно и со всеми продуктами, изготовленными из него, связывалось основное представление славян о плодородии, о победе над смертью и о вечном торжестве жизни. Многие из представлений о пище древних славян легли в основу концептуального восприятия основных продуктов питания.

Хлеб – наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия. Осмысливается как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо и даже образ самого божества, поэтому требует к себе особо почтительного отношения (Славянская Мифология, 2002: 476). Недаром и церковная просфора – символ соединения с Богом – представляет собой маленький круглый хлебец. У восточных и западных славян было принято, чтобы буханка хлеба постоянно лежала на столе в красном углу. Недаром русский народ говорит: *хлеб всему голова*. Хлеб на столе символизировал богатство дома, готовность к приему гостя, был знаком божественного покровительства и оберегом от враждебных сил (Славянские древности, 1995: 476-477). Поэтому не принято выбрасывать остатки хлеба, и даже крошки рекомендуется скормить птицам. Огромной символикой обладает и так называемое *хлеб-соль* – обобщенное наименование пищи, символизирующее собой приветствие и выражение гостеприимства, обращенное к гостям. Это отразилось в семантике русского словосложения *хлебосольство*, которым называют радушие и щедрость, с которым встречают гостей у русских, а также в недавно образованном от него глаголе *хлебосолить*. Обычай встречать хлебом и солью есть и у чехов, что отражено в выражении *uvítat chlebem a solí*.

В обоих языках слово *хлеб* воспринимается и как основа жизни, нечто жизненно необходимое, что прослеживается в выражениях *хлеб насыщенный* (чеш. *denní chléb, každodenní chléb, chléb вездеjší*), в чешском фразеологизме *bylo chlebem jejich o životu* ‘было самым насыщенным в его жизни’, а также в современном русском выражении *не хлебом единым* – ‘не только богатством, материальным достатком’. Уже в древности лексема *хлеб* означала не только ‘квасную пищу, приготовленную посредством печения из муки’, ‘хлебные зерна, мука’, ‘зерна в колосе или на корню’, но и ‘все необходимое для безбедного существования’ (Срезневский, 1958). О связи значений ‘еда, пища’ и ‘достаток, имущество’ свидетельствует и семантика чеш. *strava*, которое в древности имело не только значение ‘еда, пища’ (как в современном чешском языке), но и ‘груз’, ‘деньги, затраченные на пропитание’, а также ‘все необходимое для жизни’ (SČS).

В старочешском языке *chleb* также имело значение не только ‘продукт питания’, но и вообще пропитание (например, в выражении *zchleba slúžiti* ‘служить за пропитание’, в современном чешском *pracovat za chleba* ‘работать ради денег, без интереса’, откуда *chlebařina* (SNČ) ‘работа только из-за денег, подработка’, *chlebař* (SNČ) ‘кто работает только из-за денег’, *chlebodárce* ‘работодатель’). О значении ‘достаток’, ‘богатство’ у слова *хлеб* свидетельствует и древнее чешское выражение *jeden chléb*, означающее ‘иметь общее совместное состояние, имущество’ (SČS). Русский фразеологизм *быть на чьих-либо хлебах* ‘жить за чужой счет’ и чешская фраза *ujídat chléb* ‘объедать кого-л.’, чешская пословица *čí chleba jíš, toho píseň zpívej* ‘чей хлеб ешь, того и песни пой’ и русская *чей хлеб кушаю, того и слушаю* вступают в антонимические отношения с русским выражением *на своих хлебах*, с чешским *na svém chlebě* ‘на своем пропитании’, благодаря одинаковому вторичному значению лексемы *хлеб*.

Хлеб означает и 'заработок', 'работа, приносящая хороший доход'. В связи с этим уместно вспомнить русское сочетание *хлебное место* 'выгодная в материальном отношении должность', в чешском языке употребительно близкое в семантическом отношении выражение *dobývátí chléb* 'добиваться хорошей должности'. Значение 'лишиться заработка, средств к существованию' выражают аналогичные фраземы *připravít o chléb* – *лишить кого-л. куска хлеба* 'лишить кого-л. заработка', *přijít o chléb* – *лишиться куска хлеба* 'лишиться работы, заработка', *je bez chleba* – *остаться без куска хлеба* 'остаться без работы, без средств к существованию'. О трудностях зарабатывания денег, пропитания говорит чешская пословица с компонентом *хлеб*: *všude chleba o dvou kůrkách* (букв.: 'хлеб везде с двумя корками', русский эквивалент: *без труда не вытащишь и рыбку из пруда*). Вместе с тем иногда то, чего не хочешь и в чем не нуждаешься, приходит легко и без труда, что вербализуется в чешской пословице с компонентом *хлеб*: *odřikáného chleba nej větší kus/krajič*, означающей буквально 'от отказного хлеба большой кусок, краюха' и соответствующей русскому выражению *чего не хочешь, то и получишь*.

Значимым для русского сознания является и лексема *пирог*, тематически и лингвокультурно связанная с *хлебом*, значение которой в полной мере выражено пословицей: *не красна изба углами, а красна пирогами*. О чем-то сложном и неприятном русские обычно резюмируют: *вот такие пироги* 'вот такие дела, вот что получилось'.

Традиционным является и отношение славян к каше как к основе питания, жизни и силы, что находит выражение в русской фразеологии и паремиологии (например: *щи да каша – пища наша, мало каши ел* «о физически слабом человеке»). Множественность сваренных зерен изначально придавали этому блюду символику богатства, плодovitости, приумножения достатка.

Типичен для многих языков семантический перенос «пища, еда» → «мероприятие, собрание людей с какой-либо целью» (деривационная связь слов *пирог* «мучное изделие» и *пир* «угощение, праздник» представляет собой данную семантическую модель), что демонстрирует и лексема *каша*. Данный перенос носит метонимический характер и основан на том, что еда является необходимым атрибутом разного рода общественных мероприятий, главным образом празднований чего-либо. Уже в древнерусском языке *каша* могла обозначать и «пир» (Срезневский, 1958). Так, *кашей* в русских народных говорах называют «артель» как объединение людей (Даль, 1978-1980), но чаще всего перенос названия связан с обозначением праздника, праздничного застолья: «званный вечер после крестин», а также «праздник по случаю окончания жатвы», известно оно и в старинном значении «обед после свадьбы у молодых» (Даль, 1978-1980). В говорах словацкого языка *каша* является наименованием самого свадебного обряда. Семантика «дело, требующее хлопот» проявляется у слова *каша* и в фразеологизмах *заварить кашу, расхлебывать кашу*. Значение «серьезное дело» свойственно данной лексеме в обороте *с ним каши не сварить*, к близкому значению имеет отношение и сложение *однокашник*, вышедшее из выражения *в одной каше вариться*. Аналогично этому и у чеш. *kaše* развилось значение «дело, ситуация», которое проявляется, например, в устойчивых выражениях *být v pěkné kaši* «быть в неприятной ситуации», *dostat se do kaše* «влипнуть, попасть в неприятную ситуацию», *nechat v kaši* «бросить кого-л. в беде», *tahat koho z kaše* «вызволять, вытаскивать кого-л. из беды».

Наряду с общим, обусловленным исторически, восприятием слова *каша* разными славянскими народами отмечаются и национально специфические коннотативные наращения, вербализуемые фактами вторичной номинации. В отличие от русских, для которых *каша* может являться и символом беспорядка в голове, мешанины, путаницы, нечленораздельной речи (как и другой «кулинарный» образ – *винегрет*): *у него каша / винегрет в голове; во рту каша*, для чехов *каша* символизирует богатство ума, остроумие, что объективировано во фраземе *jídat v tipnou kaši* 'быть остроумным, сообразительным'. Символом беспорядка, мешанины в голове и во рту в чешской лингвокультуре выступает другой образ кулинарного кода – чешская национальная еда *кнедлики*: *má jako knedlík v ústech, v puse, v hubě* букв. 'у него словно кнедлик во рту'; *má jako knedlík v krku* 'у него ком в горле' (от волнения, слез и т. п.). Широко раскрытый зевающий рот чехи также шутливо сравнивают со ртом, раскрытым для кнедлика: *brat míru na knedlíky* (букв. 'брать мерку на кнедлики', ср. рус. *зевать во весь рот*).

Каша выступает в качестве образного компонента и некоторых других чешских фразеологизмов: *chodit jako kočka kolem horké kaše* ('ходить как кошка вокруг горячей каши'),

эквивалентного русскому *ходить вокруг да около*, а также пословицы *žádná kaše se nejí tak horká, jak se uvaří* (букв. 'ни одна каша не такая горячая, как когда ее варят'), аналог русской пословицы *не так страшен черт, как его малюют*. В русском языке национально специфичным является значение наказания, связанное в русском языке с образом *березовой каши*, образно передающей 'розги, прутья, которыми бьют, наказывая кого-л.': *накормить березовой кашей* (в чешском языке передается глаголом *nasekat* 'высечь').

Не свойственна чешскому языку и метафорическая ассоциация рваных ботинок со ртом, просящим каши, реализуемая во фраземе *ботинки/сапоги просят каши* (в чешском языке в данном случае возникает аналогия с акулами: *boty mají žraloky* букв. 'у ботинок есть акулы'). Вместе с тем есть в чешском языке в названии обуви и ассоциация с хлебом, имеющим округлую, большую форму: этот признак послужил основой названия обуви скинхедов – *chleby* (SNČ).

Как видим, современные славянские языки, вышедшие из одного праязыка-основы, сохраняют общие представления о важнейших явлениях бытия, одновременно с этим развивая и этноспецифические ассоциации, что демонстрируют древние наименования пищи. Национальная специфика вербализуется в переосмыслениях лексических единиц, реализуемых фактами вторичной номинации, в том числе фразеологической. В этом прослеживается и связь лексики и фразеологии.

Литература

Гудков, Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 26. – М. 2004. – С. 39-51.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь: Изд-е 2-е. – М., 2002.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – М., 1995.

Словари

Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова // Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд-е, испр. и доп. – М., 2005.

Большой фразеологический словарь русского языка. Под ред. В. Н. Телия. – М., 2006.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1978. – 980 с.

Срезневский, И. В. Материалы для словаря древнерусского языка / И. В. Срезневский. – М., 1958.

Мокиенко, В. М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. – С.-Пб., 2003.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Изд-е 4-е. – М., 2004.

Mokienko V. Česko-ruský frazeologický slovník / V. Mokienko, Wurm A. – Olomouc, 2002.

Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přírovnání // F. Čermák, J. Hronek a kol. – Praha: Leda, 2009.

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. – Praha, 2003.

Velkýčesko-ruský slovník. – Leda, 2005.

Slovník ne spisovné češtiny. 2 vyd. – Praha, 2006.

Summary. The given article touches upon the ancient names of Slavic food – lexemes “bread” and “porridge” (kasha), and of their commonly conceptual and ethnically specific semantic development in two Slavic languages – Russian and Czech. Tracing semantic development of these two lexemes on the facts of secondary nomination, including phraseological level, the author proves the link of lexicology and phraseology, the author states the unity of models of semantic development of ancient words and the national specific character of their modern perception, which is realized in phraseology.

Остапович О. Я.

ИДИОМАТИКА СЛАВЯНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ.
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ»
И «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА»

Украина, г. Ивано-Франковск, Прикарпатский национальный университет
имени Василя Стефаника
olegost@hotmail.com

Проблема национально-культурной семантики фразеологии германских и славянских языков, несмотря на кажущуюся банальность, не потеряет актуальность в обозримом будущем. Ее **актуальность**, на наш взгляд, обусловлена высокой коммуникативной, трансляторной, наконец, эвристической значимостью. **Задачей** нашей работы мы счита-

ем попытку терминологического упорядочения диффузной категории национальной специфики фразеологии и ее культурной соотнесенности, с целью ее дискретного описания в терминах лингвистической науки. Теоретическим основанием этих идей, несомненно, было реабилитированное гумбольдтианство. Само понятие «языкового мировоззрения» по Гумбольдту и Вайсгерберу, трансформированное в категорию «национальной языковой картины мира» стало базовым для дальнейших теоретических конструкторов (Dobrovolskij, Piirainen, 1993). На наш взгляд, само существование явления идиоматичности является весомым аргументом в пользу тезиса о когнитивно-психологической первичности т. н. донаучной, наивной, в широком смысле – языковой картины мира по отношению к строго научной, концептуальной. Более того – аргументом в защиту т. н. «мягкой» версии легендарной гипотезы Сепира-Уорфа, которую, на наш взгляд, незаслуженно забытый армянский философ Г. А. Брутян сформулировал в 60-е гг. XX ст. «эзоповым языком» в виде «гипотезы языковой дополнителности». Но в последнее время, на наш взгляд, дошло до явных перегибов. Все большую популярность приобретает формулировка «фразеологическая картина мира». Она частично употребляется как априорно- аксиоматичная категория, ее встречаем даже в серьезных работах (Денисенко, 2010; Школяренко, 2008), в то же время ее давно и серьезно критикуют на Западе (Eismann, 2002). Очевидно, что более корректна чисто операционная формулировка «фразеологический фрагмент/фразеологическая составляющая национальной языковой картины мира». Ведь как невозможно сформулировать осмысленное языковое сообщение, состоящее из одних фразеологизмов (что является аргументом против существования отдельного фразеологического языкового уровня и фразеологической системы), так же совершенно нереально конструирование хоть сколько-нибудь целостного мировоззрения исключительно фразеологическими языковыми средствами. Очевидным перегибом также является попытка ввести понятие фразеологических концептов. Понятно, что концепт как лингвокультурная и ментальная единица лишь вербализируется языковыми средствами (среди них и фразеологическими). В состав языкового инвентаря концептов могут входить тематико-идеографические массивы-микрконцепты, лексико-семантические поля и группы, тематические и синонимические ряды, парадигмы. Их составляющими, в свою очередь, могут быть как лексемы, так и фразеологические единицы, при этом последние никак не могут быть количественно доминирующими и покрывать информационное поле без остатка. Для мифических «фразеоконцептов» в этой структуре места нет. Также нам непонятно, что может означать термин «фразеологическая модель мировоззрения» (Алефиренко, 2008: 82). Модель мировоззрения может быть концептуальной, понятийно-логической, она может (и должна) вербализоваться языковыми средствами, к таковым, среди других, принадлежат и фразеологизмы, но не более того. Хотя жесткий лингвистический детерминизм (справедливости ради заметим, скорее приписываемый Э. Сепиру и Б. Л. Уорфу недоброжелательными интерпретаторами, особенно советскими) и в самом деле «мистифицирует» реальную связь между языком и сознанием, но упреки в подмене поиска реальных механизмов отражения одного в другом «свободными фантазиями» про особенности национальных менталитетов нельзя считать целиком обоснованными. Подобные недостатки имеют отношение не к научному объекту как таковому, а скорее к уровню владения исследователей, особенно начинающих, методологическим и терминологическим инструментарием. Даже такую, казалось бы, диффузную категорию, как национальная ментальность можно описать в относительно строгих научных координатах. Выводы же о фиксированных языком особенностях национального менталитета можно делать, конечно, некатегоричные и амбивалентные, как в рамках сравнительного, так и интроспективного подходов на основе значительных массивов эмпирического текстового материала, статистически значимого предпочтительного речевого анализа и психолингвистического экспериментирования.

Именно гипертрофированные утверждения об абсолютной языковой специфике национальной картины мира вызвали эмоциональные и часто столь же бездоказательные возражения. К подобным эмоциональным перехлестам очевидно следует, по нашему мнению, отнести новейшую работу А. Т. Кривоносова «Филисофия языка» (Кривоносов, 2012: 610-652). В ней гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Л. Уорфа безосновательно трактуется как попытка отождествления языка и мышления, приписывания языку исключительных отражательных функций и исключительной же национальной специфики языкового мировоззрения вплоть до непереводаемости (ничего

этого в столь категоричной форме в текстах Сепира и Уорфа обнаружить нельзя – О. О.), гипотеза лингвистической дополнительности Г. А. Брутяна пренебрежительно названа несостоятельной. В противовес им снова выдвигается постулат логического абсолютизма – принципиального единства концептуального мышления у всех народов, безотносительно к специфике структуры национальных языков; обслуживающей и зависимой от мышления, инструментальной функции языка – чисто конвенционального набора произвольных знаков. Механизм этой конвенциональности не раскрывается вообще никак (sic!) Очевидный факт различного членения языковыми системами внеязыковой действительности не отрицается, но его влияние на мировоззрение и картину мира уже отрицается напрочь, утверждение же, что мышление всех народов, вне зависимости от языка, всегда останется не просто общечеловеческим, но «европейским», Аристотелевским – субъектно-предикатным, выглядит откровенной спекуляцией. Еще более уничтожительной критике автор подвергает само понятие «языковой картины мира», считая его «неудачной метафорой», попыткой подменить функции языка функциями мышления, «псевдонимом» семантико-грамматического строя языка. Правда, автор тут же противоречит сам себе, справедливо замечая, что знания о мире значительно шире набора семантических значений языковых единиц, но делая из этого нелогичный вывод о том, что не может существовать отдельная от концептуально-логической, языковая картина мира, дополняющая первую. Также, по-видимому, явным перебором является авторский упрек приверженцам теории национальной языковой картины мира в том, что они допускают существование наряду с чувственно-созерцательным и концептуально-логическим еще и третьего типа – чисто языкового знания об окружающем мире. Ничего подобного в теории языковой картины мира, конечно же, нет. Большинство современных концепций исходят как раз из наивно-донаучного и в этом смысле психически первичного характера национальной языковой картины мира (picture of universe по Б. Л. Уорфу) по отношению к строго научному мировоззрению. Именно этим, по нашему мнению, объясняется наличие в разных языках всевозможных *леших, водяных, домовых, русалок*, над которыми так иронизирует автор (равно как и птолемеевского образа восхода/захода солнца). Более правдоподобной мы считаем гипотезу взаимной комплементарности национальной языковой и концептуальной картины мира с их совпадением в логико-семантическом, действительно общечеловеческом инварианте. Вульгарно-примитивной является, конечно, попытка приписать языковой картине мира функцию адекватного зеркального (а значит – пассивного) отражения якобы объективной реальности, то есть полного совпадения языковой и логически-научной, понятийной картины мира. Этому противоречит вся языковая фигуративность, тропеическая метафорика, в широком смысле поэтическая функция языка по Р. Якобсону. Язык соотносится с действительностью в категориях выражения, а не отражения, и даже в значительной степени конструирования языковой реальности выступает поведенческим регулятивом (см. полулегендарный пример Б. Л. Уорфа о полных и пустых баках с бензином). Языковая же картина мира вполне очевидно должна содержать ключевую интерпретационную, экспланаторную составляющую, является «актом миропонимания» и «зависит от призмы, сквозь которую происходит мирозерцание» (см. такой же легендарный пример Л. Вайсгербера об отсутствующих в живой природе, но сформированных в сознании под влиянием разных национальных языковых обозначений образа небесных созвездий).

Понятно, что пассажи как-то «фразеологический концепт является единицей этноязыкового сознания, проэцирующей его этнокультурную специфику на внутреннюю форму, коннотацию, социально значимую оценочность, образный фон и культурно-прагматический потенциал» (Золотых, 2010: 86) – скорее дань моде, так сказать, «для красного словца». И хотя на самом деле можно согласиться с тем, что формирование фразеологического значения может (но не обязательно должно – О. О.) происходить на базе фиксированного сознанием концепта, отражающего ситуативную (далеко не всегда – О. О.) реальность и дискурсивное событие, но все же фразеологический концепт следует считать, по нашему убеждению, скорее фиктивным понятием, условным теоретическим конструктом, слабо коррелирующим с эмпирической реальностью. Также серьезные сомнения у нас вызывает популярное в последнее время в русской славистике априорно-аксиоматичное употребление громких формулировок как-то «Антропоцентричность как когнитивная база фразеологической модели мира» или «Русская фразеология как ментально-оценочная отражательная система и культурный код познания», «Фразеологическая

картина мира как вербально-когнитивная структура» (Буянова, 2010: 142; Золотых, 2010: 82). Ведущий австрийский фразеолог В. Айсманн еще в 2002 году иронизировал по поводу того, что в восточноевропейской лингвистической традиции такие идеи воспринимаются на удивление всерьез (Eismann, 2002). Во-первых, непонятно, является ли при таком подходе фразеология других языков «ментально-оценочной» системой и «когнитивным кодом». Во-вторых, если авторы констатируют, что для русской языковой картины мира ключевые концепты содержатся в словах *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* (будто бы для других лингвокультурных общностей эти концепты мало значимы! – О. О.), то уже полной несурезицей выглядят утверждения, что «для них трудно найти лексические аналоги в других языках» (Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005, цит. по Золотых, 2010: 82-83). Можно лишь частично согласиться, что русской языковой ментальности свойственно представление об индивиде как человеке – равноправном члене общности, но не как личности, которая мыслится как категория интеллигентской прослойки, ведь принято говорить о «правах человека», а не «правах личности» (Степанов, 2001: 696). Но ведь, во-первых, выражения *human rights* и *Menschenrechte* также характерны и для языков-выразителей не коллективистского восточнославянского, а индивидуалистского западного языкового мировоззрения. Подобные фрагментарные языковые примеры не свидетельствуют вообще ни о чем и ничего не доказывают. Если в качестве фразеологического материала для иллюстрации авторских схем приводятся не аутентично народные русские фразеологизмы, а библейские цитаты: *взявшие меч – от меча и погибнут; иди и смотри; время разбрасывать камни, время собирать камни* (первая актуализирована в массовом народном сознании кинофильмом «Александр Невский», вторая – фильмом Э. Климова с аналогичным названием), то это еще можно объяснить большим влиянием православия на русское народное сознание (но непонятно, чем оно отличается от религиозной составляющей ментальности других народов). Если же приводятся калькированные крылатые цитаты из античного и более позднего классического литературного наследия: *зри в корень! (respice finem!); друзья познаются в беде (den wahren Freund erkennt man in der Not; a friend in need is a friend indeed), лучше поздно чем никогда (posero quam nunquam); время – лучший лекарь; время – деньги (time is money)* (Золотых, 2010: 83-86), даже при условии, что первая крылатая фраза в массовом сознании (вполне справедливо – О. О.) скорее ассоциируется с легендарным Козьмой Прутковым, чем с латинской средневековой схоластикой, но это все равно подрывает представление об «уникальности», «неповторимости» или «загадочности» языковой ментальности русских или любого другого народа. И уже анекдотичным выглядит приведение в роли примеров теми же авторами таких «исконно русских» народных фразеологизмов как «*Фигаро здесь, Фигаро там*» и «*увидеть Неаполь* (не Париж – О. О. – sic!) и умереть (*ibidem*). Другим автором (Буянова, 2010: 142-143) без достаточных оснований фразеологической составляющей русской языковой картины мира приписывается якобы специфическая черта – директивные установки на то, как нельзя, плохо, неправильно поступать в противовес многочисленным инструкциям, как следует действовать. На самом деле мы склонны считать как доминирование пейоративной семантики, вербализацию сильных негативных эмоций, так и негативную императивность скорее семантической фразеоуниверсалией, свойственной идиоматическому и паремийному фонду абсолютного большинства языков. Наконец, если среди «исконно русских реалий – специфических «этноруссонов» – автор кроме *аршина, балалайки, версты* и *вожжей* приводит *снег*, а в доказательство исконной животной символики в русской фразеологии – идиомы *брать быка за рога (den Stier an den Hörnern packen – калька с латыни); волк в овечьей шкуре (der Wolf im Schafspelz – цитата из Библии); вот где собака зарыта (da liegt der Hund begraben)* (*ibidem*: 143-145), необоснованность таких категорических выводов становится все более очевидной. Также не выглядят бесспорными авторские выводы о том, что в русской языковой ментальности «новое однозначно хуже старого», а лень и бездеятельность категорически осуждаются (*ibidem*). С одной стороны, консервативные установки, недоверие к изменениям как таковым свойственны патриархальному, традиционалистскому мировоззрению практически всех народов на определенном этапе исторического развития – перед переходом к урбаносциентистскому обществу, и ничего специфически русского тут нет (ср. легендарное китайское проклятие – *чтоб ты жил в эпоху перемен!*). Уважение к старости как мудрости и жизненному опыту – тоже общечеловеческая архетиповая черта. Наконец, как в русской, так и в украинской культуре вполне мирно «сосущест-

вуют» прямо противоположные выражения *хочеш їсти калачі – не сиди на печі; без труда не вытянешь и рыбку из пруда; терпение и труд все перетрут и работа не вовк – у ліс не втече; від роботи коні дохнуть; дурних работа любить*. Также и западноевропейская языковая ментальность фиксирует прямо противоположные установки на труд – *Morgenstunde hat Gold im Munde; Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute*. Кроме того, неоднократно отмечалось традиционное в русском фольклоре сочувственное отношение к бездельникам и недоверие к суетливой активности и предприимчивости (Баранов, Добровольский, 2008: 257). В конечном итоге, трудно понять, какое отношение к научному тексту имеют громкие декларации: «Фразеологизмы образуют в пространстве фразеологической картины мира системно организованную когнитивную суперструктуру, в которой закодированы... закрепленные в вербально-ментальных образованиях кванты обыденного знания... и стереотипы поведения... Результатом фразеологической концептуализации русской картины мира выступает система доминантных, ключевых фразеологических культурных констант, характеризующихся экзистенциальной значимостью, выполняющих функции эксплицирования национальных традиций, жизненного опыта и системы ценностей народа. Являясь особым когнитивно-аксиологическим знаком, русский фразеологизм осуществляет функцию национальной концептуальной доминанты, максимально однозначно и семантически адекватно актуализирующей тот или иной фрагмент фразеологической картины мира...» (Буянова, 2010: 143; 145-146).

Со времени публикации классической работы А. Вержбицкой «Understanding Cultures through their Key-Words» (Wierzbicka, 1996) непереходящий интерес представляет концептуальный анализ таких базовых для каждой культуры понятий как «любовь», «дружба», «Родина», «дом», «благодарность», и т. д. При этом, если анализ проводится на достаточно обширном эмпирическом материале, обязательно контекстуальном (а не только лишь лексикографическом), то он может выявить имплицитные отличия в языковой категоризации действительности (вплоть до атомарности семантических примитивов), эти отличия состоят в едва заметных деталях, подсознательно являются идентифицирующими «изюминками» национальной ментальности. Так давно отмеченный факт употребления лексем *friend* и *Freund* со значительно более широким экстенционалом значения, чем «друг» – с семантикой как «поверхностный знакомый», «приятель», так и «любовник», «сожитель», экстраполированное на фразеологию, позволяет гипотетически допустить несколько большую степень скепсиса и делового прагматизма в отношении к дружбе в англо-саксонском и германском менталитете (ср. *prosperity makes friends, adversity tries them out; sudden friendship, sure repentance; friends are thieves of time etc* (Чекулай, Прохорова, 2010: 401). Но делать такие выводы категоричными не позволяют другие языковые факты, наличие англо-славянских параллелей, тематизирующих такое же осторожное отношение к близким, дружеским отношениям (*to may God defend me from my friends, I can defend myself from my enemies – Боже, защити меня от друзей, с врагами я справлюсь сам; a friend in need is a friend indeed – друг познается в беде; ср. латинские *verum amicum in amore, more, ore, re cognoscitur*), отсутствие прямых германских эквивалентов к весьма распространенной славянской паремийной модели *дружба дружбой, а служба службой; дружба дружбой, а табачок врозь* (литературные переводы вообще передают эти пословицы весьма приблизительным английским эквивалентом *duty first and pleasure afterwards*) (ibidem: 401-402). Но эмпирически доказанным является абсолютное частотное превалирование в русском речевом употреблении пословицы *не имей сто рублей, а имей сто друзей*, в свою очередь, не имеющей прямых аналогов в германских языках. Именно этот критерий мы можем считать относительно валидным для описания определенных характерных черт языкового мировоззрения (подобные же опросы и статистические подсчеты подтвердили интуитивно прогнозированное доминирование в немецкой речи пословиц *Morgenstunde hat Gold im Munde*, а в украинской – *моя хата с краю*, что иллюстрирует живучесть определенных культурных стереотипов).*

Вполне справедливо замечание В. А. Масловой о том, что «большая часть информации о мире приходит к человеку лингвистическим каналом, поэтому человек живет больше в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов, вещей» (Маслова, 2001: 35). Эти феномены можно обоснованно объяснить вслед за Н. Ф. Алефиренко «скрытым желанием каждого народа, войдя в общеевропейское пространство, сохранить глубинные связи с архетипом матери-

нской культуры» и тем, что «...сознание человека всегда этнически обусловлено» (Алефиренко, 2008: 147).

Вполне понятно стремление современного языкознания в духе экспланаторной установки перейти от «как»-лингвистики к «зачем/почему»-лингвистике (Кибрик, 1995: 91). Но строго формализованный эмпирически-научный подход к любому научному объекту требует скорее ограничиться доказательной идентификацией «что?», «как?» и «сколько?», чем гипотетически фантазировать на тему «почему?». В языкознании это особенно сложно в сфере фразеологии.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – М., 2008.

Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак (Studia philologica), 2008. – 656 с.

Буянова, Л. Ю. Русская фразеология как ментально-оценочная отражательная система и культурный код познания / Л. Ю. Буянова // 2. Межд. науч. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 г.) в 2 т.: Фразеология, познание и культура: сб. докл. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. Т.1. Фразеология и познание. – С. 142-146.

Денисенко, С. Н. Концепт мовної картини світу і сучасні дослідження фразеології / С. Н. Денисенко // Наук. вісн. Житомир. держ. унів. ім. І. Франка. Житомир, 2010. – С. 3-6.

Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки слав. культуры, 2005. – 544 с.

Золотых, Л. Г. Антропоцентричность как когнитивная база фразеологической модели мира / Л. Г. Золотых // 2. Межд. науч. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 г.) в 2 т.: Фразеология, познание и культура: сб. докл. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т.1. Фразеология и познание. – 410 с. – С. 82-86.

Кибрик, А. Е. Современная лингвистика: откуда и куда? / А. Е. Кибрик // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 1995. – С. 84-92.

Кривоносов, А. Т. Философия языка / А. Т. Кривоносов. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2012. – 788 с.

Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М., 2001.

Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Чекулай, И. В., Прохорова, О. Н. Лингвокогнитивные особенности пословиц с компонентом *друг / дружба* в славянской и германской языковых культурах / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // 2. Межд. науч. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 г.) в 2 т.: Фразеология, познание и культура: сб. докл. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. Т.1. Фразеология и познание. – С. 400-404.

Школяренко, В. І. Становлення фразеологічної картини світу німецької мови (на матеріалі писемних пам'яток VIII – XII століть) : Монографія.

Dobrovol'skij, Dmitrij, Piirainen, Elisabeth. Sprachliches Weltbild im Spiegel der Phraseologie / D. Dobrovol'skij, E. Piirainen // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch. – Bonn: DAAD, 1993. – S. 63-71

Eismann, Wolfgang. Gibt es phraseologische Weltbilder? Nationales und Universales in der Phraseologie / W. Eismann // Wer A sägt, muss auch B sägen: Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis / hrsg. von D. Hartmann, J. Wirrer. – Baltmannsweiler: Schneider Verlag, 2002. – S. 107-127.

Wierzbicka, Anna. Understanding Cultures through their Key Words. / A. Wierzbicka. – Oxford: Oxford University Press, 1996.

Summary. The article deals with the theoretical problems of definition and categorization of the national and cultural specificity in the phraseological units. The author disputes on the introduction of categories “phraseological concept” and “phraseological world view”, based on the “soft” version of the hypothesis of linguistic relativity, proves the introspective, connotative specificity, including of the inner form, image semantics of idioms into the relevant cultural semiotic systems, mostly symbolic ones.

Попова З. Д.

ФРАЗЕОЛОГИЯ В КРУГУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет
zporova@phil.vsu.ru

Задача, поставленная оргкомитетом перед участниками Белгородской фразеологической конференции, – «на материале взаимодействия фразем с единицами других языковых подсистем показать синергетические механизмы формирования целостной языковой картины мира и этноязыкового сознания».

Языковая картина мира представлена в семантическом пространстве языка, в концептосфере, вербализованной языковыми знаками – словами, фразеосочетаниями, структурными схемами дериватов, простых и элементарных сложных предложений.

Семантические связи между языковыми знаками разных уровней настолько глубоки и в большинстве случаев неразрывны, что именно на них строится поступательное синергетическое развитие системы языка.

Проиллюстрируем это положение на материале семантического развития лексемы **круг**. В описании развития значений и употреблений этой лексемы используем разработанный нами метаязык для символизации типов семем одной лексемы: Д1 – денотативная первая семема или прямое номинативное значение слова по В. В. Виноградову; Д2 – денотативная вторая семема или производно-номинативное значение слова по В. В. Виноградову; К1 – коннотативная мотивированная семема (фразеологически связанная); К2 – коннотативная немотивированная семема (идиоматичная). Подробно этот метаязык описан в книге (Копыленко, Попова, 2010: 31-59).

При описании сочетаний лексем разных типов (от свободных до идиоматических) мы пользуемся термином *фразеосочетание*, поскольку фразеологизмами многие лингвисты называют лишь определенный класс сочетаний лексем, несущих только коннотативные семемы. Обоснование термина *фразеосочетание* мы предложили в книге (Копыленко, Попова, 1972: 15).

Исходные значения слов изучает лексикология, фиксируя их в лексикографических трудах.

Из словаря Даля (Даль) мы узнаем, что семема Д1 лексемы *круг* – это окружность, замкнутая кривая, черта, всюду равно удаленная от сосредоточия, а также площадь внутри этой черты. В позднейших словарях первая часть этого толкования не воспроизводится. Видимо, лексема *окружность* с этой семемой оказалась более точной и вытеснила лексему *круг* из геометрической терминологии.

В словаре Ушакова (СУ) семема Д1 уже определяется как часть плоскости, ограниченная окружностью. Это толкование воспроизводится и в дальнейшем, в Малом академическом словаре (МАС-2) и в словаре 2008 года (ТСРЯ, 2008).

Семема Д1 включает в себе яркие семы: *форма, плоскость, замкнутость, ограничение*. По этим семам происходит перенос наименования на семемы Д2.

Примеры, иллюстрирующие различные значения и употребления лексемы *круг*, извлекались нами из словарей, из газет, из интернет-ресурсов, из устной речи.

Д2-1 – предмет, имеющий форму круга. Резиновый круг, спасательный круг, гончарный круг, поворотный круг на сцене театра, круг сыра, танцплощадка в форме круга. *Под этот вальс в краю родном ходили мы на круг. На кругу играл оркестр. Всячая лампа с железным кругом коптит ровным язычком.*

Д2-2 – замкнутая линия движения, перемещения кого-чего-л. *Бег по кругу, ходьба по кругу, вязание по кругу, сидящие за одним столом стакан передают по кругу. К милому круг не околица.*

Д2-3 – группа людей, стоящих по кругу, чтобы быть лицом друг к другу, обычно для выполнения какого-л. общего дела. *Играющие садятся в круг, игры в кругу, встать в круг.* А отсюда – просто узкий состав людей, собирающихся для обсуждения общих проблем: *казачий круг. В числе приглашенных на казачий круг гостей присутствовал и начальник штаба Всевеликого войска Донского Виктор Могильный (из газет).*

Д2-4 – часть соревнований, в которой каждый участник выступает один раз: *завершился первый круг шахматного турнира.*

И семема Д1, и вошедшие в широкое употребление семемы Д2 мотивируют появление семем К1 семемами *замкнутость и ограниченность*. Сема *форма* в семемах К1 нами не обнаружена. Семема К1 определяется во фразеосочетаниях статуса К1Д1.

К1-1 – ограниченная сфера деятельности человека. *Круг чтения, круг занятий, круг обязанностей. Отец терпеливо вводил сына в круг торговых дел.*

К1-2 – ограниченный список составляющих какого-л. целого. *Круг вопросов, круг тем, друзья постепенно вытягивали его в круг своих интересов.*

К1-3 – последовательность событий, ограниченная временем их начала и конца: *круг жизни, круг эволюции, круг образования. К концу XIX века русский натурализм завершил круг своей эволюции. Пройти весь круг образования.*

К1-4 – замкнутая группа людей, ограниченная общим признаком. *Круг друзей, круг знакомых, круг сослуживцев.*

К1-5 – не имеющая четких границ группа людей, ограниченная общностью их деятельности: *литературные круги, военные круги, правящие круги, широкие круги общественной ответственности.*

На основе таких фразеосочетаний могут возникать составные номинации.

Так от семемы Д1 создан географический термин *полярный круг*. Вначале это была окружность, очерченная на глобусе и на географических картах. Она условно отделяла полярную область планеты Земля на бумаге, а потом стала воображаемой линией на самой планете.

На основе семемы Д2-2 появились фразеосочетания *дать круг* – пойти в обход, не по прямой дороге; *водить круги* – двигаться в совместном танце, стоя в хороводе; *большой и малый круги кровообращения* – замкнутые пути движения крови в организме; *круг в доказательстве* – движение мыслей, постоянно возвращающихся к исходному тезису.

Фразеосочетания, по нашему убеждению, уже являются предметом изучения фразеологии в ее широком понимании, но без их рассмотрения и узкое понимание фразеологии будет проблематичным. (О широком и узком понимании фразеологии (Копыленко, Попова, 2010: 3-30).

Из состава фразеосочетаний с денотативными и коннотативными семемами выделяются собственно фразеологизмы, то есть сочетания только с коннотативными семемами.

От денотативного фразеосочетания *замкнутый круг* развивается фразеологизм в статусе К1К1 – безвыходное положение. С таким же фразеологическим значением, но с более высокой степенью экспрессии используется и фразеологизм *заколдованный круг*.

Фразеологизм *порочный круг* (калька с латинского *circulus vitiosus*) – термин логики, обозначающий логическую ошибку, заключающуюся в том, что какое-л. положение доказывается при посредстве другого, которое само должно быть доказано при посредстве первого. В современном русском языке этот фразеологизм входит в синонимический ряд с другими фразеологизмами, обозначающими безвыходное положение. Может быть, поэтому для однозначности логического термина и создано фразеосочетание *круг в доказательстве*. Идею совершения логической ошибки передает и фразеологизм *ходить по кругу: спорщики ходят по кругу*.

Но фразеологизм *ходить по кругу* может быть образован и от семемы Д2-2. *Жалоба ходит по кругу* – ее передают из кабинета в кабинет и постоянно возвращают туда, куда она была вначале подана.

Лексико-грамматический фразеологизм *на круг* в значении *приблизительно, в среднем*, возможно, также сложился на основе семы *ограниченность: на круг вышло по 200 рублей в месяц*. Семантическая основа появления этого фразеологизма в настоящее время не очевидна, и его семемный статус можно оценивать как К2.

И в наши дни можно слышать фразеологизм *возвратиться на круги своя*, хотя в словарях он имеет помету *устарелое*. *Вот сустав обезболели, лечение заканчивается, и все возвращается на круги своя (из рекламы)*.

В этом фразеологизме действительно есть вышедшая из употребления старая форма местоимения *своя*, так что семемный статус этого фразеологизма Д1К1К2. Однако известно, что в составе фразеологизмов многие старые формы слов переживают свое время.

Даже для узкого понимания предмета фразеологии лексема *круг* дает достаточный материал.

В рассмотренных примерах частеречный статус лексемы *круг* не вызывает сомнений: она является существительным в том или ином его значении. Но когда эта лексема стоит в форме *в+предложный падеж*, определение ее частеречного статуса становится затруднительным. В известной мере это определяется наличием в современном русском языке предложно-падежных форм с производными предлогами *в сфере чего, в области чего, в границах чего, в пределах чего, в рамках чего*. Эти формы, как и лексема *круг*, тоже содержат семы *замкнутость, ограниченность*, отличаясь друг от друга некоторыми семемами.

На фоне таких форм и сочетание *в кругу чего* легко воспринимается как их синоним, также обозначающий тот или иной локус в замкнутой плоскости, не имеющий выхода. Ближе всего к форме *в кругу чего* находится форма *в сфере чего*. Эти формы различаются только семемами *плоскость/объем*.

Но во всех ли случаях употребления формы *в кругу* она становится предлогом? Надо обратиться к данным грамматических учений.

А. А. Потебня считал, что если слово потеряло способность употребляться без следующего за ним падежа, значит, оно потеряло свое вещественное значение и стало чистой связкой объекта, предлогом (Потебня, 1958: 126).

В. В. Виноградов в сложных предложениях (типа *по направлению к, в отношении к, в связи с*) различал фразеологические единства, если у составляющих элементов еще не стерлись лексические значения, и предложные идиоматизмы, если их компоненты слились в неразложимое целое (Виноградов, 1947: 683).

О. А. Сунцова отметила, что при переходе в класс предлогов существительные теряют категории предметности и способность иметь при себе согласованное определение (Сунцова, 2010: 87).

С учетом наработанных лингвистами критериев можно думать, что при наличии определений-прилагательных форма *в кругу* остается существительным, обычно с семейной К1 (ограниченная группа людей).

Забавы в домашнем кругу, переговоры в узком кругу, пасху принято отмечать в семейном теплом кругу, в своем кругу; в кругах, близких к Министерству.

Если фразеосочетание с лексемой *круг* широко употребляется в именительном и других падежах (*круг друзей, круг родных и близких*), то, можно думать, что эта лексема остается существительным и в предложном падеже, потому что ее лексическое значение еще хорошо ощущается. Так есть рубрика *в кругу друзей* в социальных сетях. *Отметили день рождения в кругу самых близких. Легко представить Чехова в кругу литераторов, в кругу актеров, в семейном кругу.*

И все же и в таких фразеосочетаниях форма *в кругу* уже совмещает свое лексическое значение с функцией предлога. Полагаем, что именно такое ее употребление стимулирует расширение ее лексического наполнения в предложном падеже, притом что такие сочетания в других падежах маловероятны.

В кругу завистников, в кругу героев, в кругу ученых, в кругу веселой и шумной компании, в кругу королей и фавориток. Что ищем мы в кругу людей? – Понимания. Президент находится в кругу первых лиц. Дед вращался в кругу будущих декабристов.

И практически полностью теряет свое лексическое значение лексема *круг* в сочетаниях с родительным падежом неодушевленных существительных. В таких сочетаниях, видимо, по семе *окружность*, она употребляется уже бесспорно как предлог.

Родной язык в кругу славянских языков (ср. среди славянских языков), в кругу развалин (ср. среди), в кругу настоящего (ср. в сфере), в кругу моего общения я люблю тебя как друга (ср. в пределах), сосед в кругу внука и телевизора (ср. между).

Примеры такого рода можно умножать, но уже и из тех, которые мы рассмотрели, тенденция к образованию производного предлога *в кругу* (чего), на наш взгляд, обозначилась. Понятно, что для понимания процесса становления существительного предлогом необходимо обращаться к морфологии как к отделу языкознания, занимающемуся частями речи и располагающему критериями для определения статуса предлога.

Но вот встречаем такой пример: *если Вы выйдете за линию всего и всех, в кругу чего Вы вращались в своей жизни, то перед Вами могут открыться новые горизонты.*

В таком высказывании сочетание *в кругу чего* выполняет роль союза, присоединяющего придаточную часть сложноподчиненного предложения к главной. А эта функция лексемы *в кругу* предопределяет обращение исследователя к синтаксису.

Изучение развития полисемии слов традиционно является предметом лексикологии, но, рассматривая появление коннотативных семем в слове, исследователь фактически выходит в область фразеосочетаний, являющихся предметом фразеологии в широком ее понимании. Именно на основе фразеосочетаний рождаются фразеологизмы, которые считаются предметом фразеологии в узком ее понимании.

Употребление фразеосочетаний в разных падежных и предложно-падежных формах активизирует грамматические факторы, семантика которых может оказывать свое влияние на изменение значения стоящей в той или иной падежной форме лексемы. Но чтобы учесть это влияние, надо обратиться к трудам по грамматике, к теории падежных значений, к теории частей речи, в частности – служебных слов. А изучение служебных слов требует знания и морфологии, и синтаксиса. Но и грамматика должна включать в свои концепции явление фразеологизации, происходящее в сочетаниях языковых знаков, чтобы понимать процессы пополнения граммем и их семантику.

Таким образом, фразеология опирается на лексикологию (и соответственно лексикографию), а сама во многих случаях служит опорой для морфологии и синтаксиса.

Литература

- Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. Л.: Учпедгиз, 1947. – 84 с.
- Копыленко, М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко. – Воронеж, ВГУ, 1972. – 124 с.
- Копыленко, М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка. Издание второе / М. М. Копыленко. – М., Книжный дом «Либроком», 2010. – 192 с.
- Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике, т. I-II. / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
- Сунцова, О. А. Предлог как часть речи в русской грамматике / О. А. Сунцова // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. Воронеж, Научная книга, 2010. – С. 85-89.

Словари

- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1978-1980.
- Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., ГИС, 1935-1940.
- Словарь русского языка в 4-х тт. АН СССР, Институт русского языка. / Под редакцией А. П. Евгеньевой. – М., Русский язык, 1981-1984.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Редактор Н. Ю. Шведова. – М., Азбуковник, 2008. – 1166 с.
- Фразеологический словарь русского языка / Под редакцией А. И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

Summary. Phraseology, being based on lexicology, serves to be the basis for grammar as well. This thesis is illustrated by semantic changes of the lexeme CIRCLE.

Приходько А. И.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ

Украина, г. Запорожье, Запорожский национальный университет
prihodko@mail.zp.ua

В XXI век лингвистика вступила методологически обновленной. Она объединила и творчески переработала наследие предыдущих столетий. Обратив внимание на человека – продуцента языка и знания, зафиксированного текстами, языкознание начало плодотворное сотрудничество с другими научными отраслями для всестороннего познания своего объекта исследования. В результате этого произошло глубокое проникновение в природу и сущности языка не только как орудия общения, но и «познания, взаимопонимания, средства сохранения этнической целостности, культуры, исторической памяти народа, ведь язык позволяет преодолеть разрыв между индивидуальным сознанием и сознанием народа, между сознаниями разных поколений» (Селиванова, 2004: 6).

Современный мир характеризуется стремлением народов определить свое лицо, глубже познать национальный дух, менталитет, культуру, язык. В стороне от этих процессов не остается и лингвистическая наука конца XX века. Она характеризуется общепризнанными приоритетными идеями системности, когнитивизма, антропоцентризма, функционализма в изучении языка. В непосредственной связи с ними находится поиск следов человеческой деятельности, что находит свое выражение во всех лингвистических категориях и сферах. Этот факт отражается в разнообразии как исследуемого материала, так и подходов к его рассмотрению, а также в использовании различных методов описания.

Отображение этноязыковым сознанием окружающей действительности имеет характер не зеркальный, а творческий. В этом процессе отражается способ видения мира (специфика его восприятия, познания, членения, интерпретации и т. п.) определенным этноязыковым сообществом, что находит свое отражение в моделях национальной культуры и национального языка. Духовное бытие homo sapiens осуществляется в рамках треугольника «сознание – культура – язык».

Язык определенного этноса – это, с одной стороны, онтологически-коммуникативное отражение личностного стержня бытия, а с другой, – это генеральная линия развития коллективного сознания, которое происходит в результате противопоставления релевантных концептуальных сфер: внутреннего и внешнего миров, субъективного и объективного, духовного и физического, нематериального и материального. Так в результате протекания сложных процессов происходит формирование «я» личностного и «я» этнического: последнее возникает как результат взаимодействия многих «я» индивидуальных, детерминированных таким мощным социотворческим фактором, как общность.

Сквозной связующей нитью, которая пронизывает этот сложный многоуровневый и многоаспектный процесс выступает язык, в «замкнутой продуктивной системе символов накапливает и фиксирует опыт этноса, становясь его «совершенным подобием» (Жайворонок, 2001: 50). Общность языка представляет собой не только лучший, но и верный, единственный маркер, который позволяет распознать народ, и является непременным условием существования последнего.

Язык, выступая одной из форм духовной культуры этноса, непосредственно выражая его ментальность и являясь основным средством общения, появился в результате длительного исторического развития своего носителя. Выступая динамической субстанцией (язык постоянно находится в движении, изменяясь в пространстве и времени), он сохраняет признаки имманентной стабильности, целостности. Этот факт гарантирует выполнение языком коммуникативной роли, а также реализацию функций аккумуляции опыта социума, поколениями связи, сохранения этнической культурной памяти.

В исследовательской парадигме этнолингвистики особое место отводится фразеологии, изучение которой требует активизации, поскольку она является средством отображения в языке национальной специфики, носителем элементов, которые в значительном разнообразии и полноте характеризуют этническую картину мира. Считая язык душой народа, исследователи душой языка справедливо определяют его фразеологию, ведь фразеологический состав является ярким и своеобразным носителем национально-культурных особенностей языковой системы, поскольку фразеология выступает той сферой речевой деятельности, где, с одной стороны, в языковых фактах ярко отражаются этнопсихологические особенности социума, а с другой – четко прослеживается влияние языка на формирование его менталитета.

«Особенность» места фразеологии в процессе выявления в языке этнической историко-культурной памяти определяется ее четко выраженным антропологическим характером, ведь своей специфической номинацией фразеологические единицы в большинстве случаев охватывают те фрагменты действительности, которые непосредственно связаны с психическими процессами, деятельностью человека, ее индивидуально-психологическими особенностями.

Фразеология отображает всю многогранность исторического бытия народа, его жизнь, быт, обычаи, мораль, сила духа, боль и гнев. Изучение этносимволики народных афоризмов возможно путем реконструкции глубинного значения, погружение в их культурный смысл, поэтому вполне естественным является тот факт, что многие ученые разных направлений (этнографы, фольклористы, историки, языковеды) в своих исследованиях апеллируют к историко-этимологическому плану фразеологических единиц, усматривая в нем ценный фактографический источник.

Фразеология также характеризуется высокой степенью национальной маркированности: при изучении разноэтнических языковых картин мира эффективным выступает «анализ национально-специфических фразем и специфики мотивации (внутренней формы) фразеологизмов» (Кочерган, 2004: 19), поскольку они отражают различия между народами как в их духовной, так и материальной культурах. Особенно это касается идиом, поскольку идиоматику исследователи считают «святая святых» каждого национального языка, она неповторимым способом манифестирует дух и своеобразие нации.

Фразеологические единицы, неся в себе реликты разнообразных (родственных, календарных) древних обрядов, вместе с остальными устойчивыми языковыми единицами, отражающими стихию народной духовной культуры (этнофраземы), образуют сакральную народную фразеологию. Этнолингвистическое изучение народной фразеологии должно проводиться комплексно, основываясь на широких историко-культурных рецепциях, путем использования материалов этнографии, мифотворчества, религии, фольклористики в их словесно-содержательном выражении. Этнокультурная интерпретация та-

ких фразеологических единиц связана с многочисленными сложностями, ведь перед исследователем-лингвистом в таком случае возникает необходимость апеллировать не только к собственно языковым, но и к сложным (обычно архаичным) внеязыковым закономерностям, малодоступным сведениям.

Взаимопересечение фразеологии и этнографической науки имеет давнюю исследовательскую традицию. Так, во многих славянских сборниках паремий, составленных в течение XVIII-XIX вв., часто содержатся этнографические комментарии, а в этнографических трудах исследователи используют фразеологический материал для иллюстрации, выразительности того или иного объекта как своеобразную этноязыковую данность. В последнее время наблюдается усиление этого «взаимно-дисциплинарного» тяготения, которое у этнографов обусловлено общей заинтересованностью этнолингвистики и поиском новых, более точных методов описания, а у фразеологов – необходимостью использования экстралингвистического материала для комментирования многих языковых фактов, с одной стороны, и открытием вследствие этого общеметодологических перспектив, с другой.

Рассматривая фразеологизм как «текст в тексте», «микротекст», следует помнить, что в системе языка он выступает репрезентантом «макротекста», того вербального этнокультурного образования, в процессе свертывания которого и возник обрядовый фразеологизм. В этом случае межкатегориальный мотивационный вектор в диалектической диаде «культура ↔ язык» направлен от культуры к языку, указывая на факт вторичной семиотизации, которая констатирует наличие двойного знакового отбора, что в свою очередь делает выше степень аксиологичности отобранных в процессе вторичной семиотизации смыслов (Березович, 2004: 20).

Пытаясь «развернуть» текст фразеологической «свертки», следует помнить, что фразеология – дисциплина, прежде всего историческая и данные исторической фразеологии для общей теории фразеологии имеют более важное значение, чем для других дисциплин (Телия, 1996: 82). Связано это с тем фактом, что история формирования национальной фразеосистемы находится в диалектическом единстве с формированием мировоззренческих основ этнического понимания макрокосма в его онтологическом смысле, поскольку отбор ментальных образов, их вербальное воплощение – это «результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоционально значимое» (Телия, 1996: 82). Справедливо определена исследователями способность фразеологии к «исторической аккумуляции» (т. е. сохранение в своем составе устаревших слов, архаичных форм и синтаксических конструкций), что особенно ярко проявляется в содержательном спектре.

Фразеологизмы, по мнению О. А. Кононовой (Кононова, 2000: 35), – это «универсальный банк данных», который содержит в себе информацию об окружающей действительности определенного этнического хронотопа, об особенностях возникновения в сознании современника этой действительности образов, которые стали основой фразеологической номинации.

Образная основа фразеологизмов отражает характерологические черты народного мировоззрения, входящих как составная часть в понятие «менталитет». На основе этого в языкознании (как и в культурологии и философии) сформировался и стал общепризнанным взгляд на фразеологический состав языка как наиболее прозрачную подсистему языка для репрезентации лингвистическими средствами концептов «языка» этнокультуры. В связи с этим справедливой представляется точка зрения Е. А. Селивановой, которая фразеологизмы любого языка трактует как лингвосемиотические феномены, которые формируют «особый «подъязык», один из концентрических кругов языка, на котором в устоявшейся форме сохраняются и транслируются представления этноса о мире, культурная и историко-мифологическая интериоризация действительности и внутреннего рефлексивного опыта народа» (Селиванова, 2004: 11).

Таким образом, исследование связей этнофразем с контекстом их возникновения непременно выводит вектор поиска на уровень народного дискурса, репрезентация которого происходит в вербальных кодах архаической народной обрядности и праздничности, традиционных обычаев, которые воплощают устойчивую парадигму этнического мировоззрения, основанного на архетипических верованиях, порожденных коллективным сознанием социума.

В целом же архаичная народная культура во всей своей многогранности репрезентаций и язык находятся между собой в отношениях «взаимодиффузии»: дискурс жанров

народного творчества (верования, заговоры, остатки мифологических сказаний, сохранившихся как сказка, анекдот, легенда, вербальное сопровождение (код) обрядов наряду с другими их кодами) является окном, через которое можно попасть в глубины народного языка; наряду с этим исследование языковых реликтов-этнографизмов (этнолексем и этнофразем) открывает простор для новых изысканий в области народной культуры, что представляет значительную научную перспективу.

Литература

Березович, Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3–24.

Жайворонок, В. В. Українська етнолінгвістика: деякі аспекти досліджень // Мовознавство. – 2001. – № 5. – С. 48–63.

Кононова, О. А. Отголоски мифов и суеверий древних германцев в современной немецкой фразеологии // Проблемы идиотэнической фразеологии: Доклады на межвузовском семинаре «Идиотэническая фразеология романских, германских и славянских языков», 10–11 ноября 1999 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – Вып. 3. – С. 33–41.

Кочерган, М. П. Зіставне мовознавство і проблема мовних картин світу // Мовознавство. – 2004. – № 5–6. – С. 12–22.

Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Брама, 2004. – 336 с.

Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти). – К.-Черкаси: Брама, 2004. – 376 с.

Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Ракитина С. В.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ (на материале работ В. И. Вернадского)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
s.rakitina@mail.ru

Язык науки, выступая одним из основных инструментов познания действительности, рассматривается в лингвистике как специальное знаковое образование, отличающееся логической строгостью, точностью формулировок, использованием научных языковых стандартов, отсутствием эмоциональности. В большей мере названные признаки характерны для учебно-научных текстов, которые выступают вторичными по отношению к первоисточнику, предназначены для хранения, накопления, совершенствования первичной информации и дальнейшего неоднократного использования ее в обучении. К первичным научным текстам, или собственно научным, принято относить монографии, научные статьи и т. п. Именно таковы научные произведения известного естествоиспытателя, историка науки В. И. Вернадского, исследование которых обнаруживает, что при изложении им научной концепции, участии в дискуссии, высказывании своей точки зрения, выражении несогласия с оппонентами и т. д., в язык науки включаются элементы живого общения, позволяющие за текстом как продуктом познавательной деятельности увидеть и понять не только содержание передаваемого автором научного знания, но и представить рефлексивный мир личности ученого, приобщиться к движению его мысли.

В значительной мере этому способствует исследование научного текста с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, делающего возможным (а) рассматривать гипертекст ученого (совокупность его текстов, объединенных одной тематикой) как продукт целостной и развивающейся системы его научного познания, (б) определять знания, стимулировавшие основные этапы познания, концептуальные точки зрения, явившиеся двигателями на каждом из основных этапов; (в) обозначать области знаний, нашедшие отражение в текстах автора-ученого; (г) анализировать текст как результат дискурса по осмыслению нового знания и способов его представления с помощью соответствующих текстовых и языковых единиц.

В качестве таких языковых единиц в научных текстах В. И. Вернадского выступают и фразеологизмы, использование которых обусловлено универсальным характером фра-

зеологической номинации, позволяющей глубже понять позицию автора, выявить способы его аргументации, проследить процесс формирования авторской терминологии. Хотя фразеологические единицы не характерны для ядра лексики научного дискурса, в работах В. И. Вернадского они часто служат актуализаторами научного знания или средством объективации терминов. Так, анализ монографии «Биосфера» показал, что определенное место в ней занимают, к примеру, фразеологизмы со словом «шаг», среди которых *на каждом шагу* (Вернадский, 2012: 45, 46, 49, 50, 58, 60, 96, 124, 142), *ни на шаг* (Там же: 49), *сделать шаг* (Там же: 147). Употребление фразеологизма *на каждом шагу* («езде, повсюду, в любое время, во всем») более точно характеризует повсеместность:

– «превращения тепловой лучистой энергии солнца в энергию механическую, молекулярную, ... химическую», конкретизируя, что такие превращения наблюдаются «в жизни организмов, в движении и деятельности ветров или морских течений, в морской волне и в морском прибое, в разрушении скал, деятельности ледников, в движении и образовании рек и в колоссальной работе снежных и дождевых осадков» (Там же: 45);

– проявления роли тепла «на явления погоды и климата и связанные с ними процессы жизни и выветривания» (Вернадский, 2012: 46);

– столкновения в геохимии с явлениями жизни (Там же: 50);

– указания на существование в биосфере механизма восстановления равновесия, выявленного в результате наблюдения за окружающей природой (Там же: 58);

– «движения живых организмов путем размножения» (Там же: 60);

– признания «огромного значения богатых азотом соединений..., создаваемых гетеротрофными и миксотрофными организмами» (Там же: 124) и др.

Фразеологизм *ни на шаг* («даже на небольшое, минимальное расстояние, даже на самое короткое время, ничуть, никак, нисколько»), имеющий разговорный оттенок, придает высказыванию экспрессивный характер в момент, когда ученый пытается донести до адресата свое отношение к виталистическим и механистическим представлениям о жизни, чуждым научно изучаемой реальности, уничтожающим осознание сложности явлений, что, по его мнению, «*ни на шаг* не подвигает понимание жизни» (Там же: 49).

С помощью фразеологизма *сделать шаг* («предпринимать что-либо; прогрессировать, делать успехи в чем-либо») автором выделяется один из этапов «завоевания воздушной среды в геологической истории планеты»: «Но лишь с появлением культурного человечества живое вещество *сделало* крупный *шаг* к завоеванию всей атмосферы» (Там же: 147).

Подчеркивая, что «выделение земных оболочек тесно связано с химией земной коры» и существование их является следствием действия одних и тех же механических законов равновесия, В. И. Вернадский, считая недостаточным употребление глагола *проявляться* для характеристики общих черт земных оболочек, усиливает свою мысль фразеологизмом *бросаться в глаза* («привлекать внимание; быть особенно заметным»): «благодаря этому в чрезвычайной сложности земной коры все же *всюду проявляются* и *бросаются в глаза* общие черты, позволяющие различать в сложных природных явлениях ... основные их состояния...» (Вернадский, 2012: 110). Фразеологизмом *принимать во внимание* («учитывающие что-либо, считающиеся с чем-либо») подчеркиваются исходные позиции ученого в изложении своей концепции: «Обычно *принимать во внимание* независимые переменные неоднородных равновесий, изучаемых в наших химических лабораториях, ... не охватывают всех форм». Фразеологизм *обратить внимание* («указать, сделать акцент, выделить, акцентировать, заострить, особо отметить, заметить») сопровождается в анализируемом фрагменте определением *большое* с целью особого выделения высказываемой мысли: «*большое внимание обратили* на себя в химии явления фотосинтеза...» (Там же: 111).

В монографии «Биосфера» В. И. Вернадским используются и другие книжные и разговорные фразеологизмы. К примеру, употребление фразеологизма *охватить взором* («воспринять целиком что-н. большое») наиболее точно передает не только научное знание, но и эмоциональное состояние автора: «хотя это движение идет кругом нас непрерывно, мы его не замечаем, так как мы нашим *взором охватываем* только общий его результат – ту красоту, разнообразие форм и красок, движений и соотношений, которые нам дает живая природа» (Там же: 61). Рассматривая движение живых организмов в процессе размножения, приводя примеры временного «прекращения жизни высшей растительности на небольших относительно пространствах» («Лесной пожар, степные палы,

взрыхленные, распаханые, запущенные поля, вновь образовавшиеся острова, застывшие потоки лавы, покрытые вулканическим пеплом пространства суши....»), ученый замечает, что «пятна на зеленом покрове суши» появляются лишь на короткое время, и фразеологизмом *входить в свои права* актуализирует мысль о бесконечности жизни: «жизнь быстро *входит в свои права*» («проявляет себя во всей полноте, во всей силе» (Там же: 62). Использованием фразеологизма *в корне изменить* («кардинально, в полном объеме, коренным образом, целиком, совершенно, совсем, до конца») заканчивается изложение условий, позволяющих внести точные научные представления в положения о свойствах земных времени и пространства (Вернадский, 2012: 68-69). Говоря о взаимосвязи явлений жизни и биосферы, о явлениях жизни как части механизма биосферы, с помощью фразеологизма *в конце концов* («в итоге, наконец») автор делает вывод о том, что в наружной оболочке (в биосфере) «значительная масса ее вещества захватывается и собирается в живых организмах, является измененной под влиянием космической энергии Солнца» (Там же: 100).

Особое место в научном творчестве В. И. Вернадского занимают фразеологизмы терминологического характера, или фразеологизированные терминосочетания, которые представляют собой устойчивые словосочетания и обладают признаками фразеологизмов: смысловой целостностью, постоянством лексического состава, устойчивостью структуры, воспроизводимостью, употребительностью. Среди большого количества таких терминосочетаний остановимся на созданных самим ученым с целью более точного представления сути излагаемой концепции. Рассматривая геологические процессы, происходящие в биосфере, ее химическое строение, известный естествоиспытатель вводит термины *космические силы, микроскопическая смесь, космические законы, напор живого вещества, глубинно-планетное состояние, пространство земной реальности, полиморфные разности* и др. (Вернадский, 1965). Подобные терминосочетания часто отличаются наличием метафорических коннотаций, легко обнаруживаемых и в терминах В. И. Вернадского, таких, как, например, *всюдность жизни, напор жизни, биохимические провинции* и др.

Анализ особенностей представления данной терминологии в исследуемых научных текстах показывает, что рождение ее связано с формированием научного знания ученого в процессе познания действительности и определяется пониманием существенных признаков познаваемых объектов, умением логически мыслить, соотносить познаваемый объект с обыденным знанием, делать умозаключения, обобщения. Отсюда можно сделать вывод, что содержание термина, представленное в научном тексте, формируется в процессе дискурсивного мышления ученого, при рождении новой концепции, требующей адекватной терминологизации. Такого рода суждение можно аргументировать, взяв для анализа работы В. И. Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965) и «Живое вещество» (1994), где автором раскрывается понятие «живое вещество» и описывается процесс его терминологизации.

На основе исследования научных произведений В. И. Вернадского можно установить, что появление фразеологизированного терминосочетания *живое вещество* начинается с зарождения научного концепта «Живое вещество». Под научным концептом нами понимается мыслительное образование, актуализирующееся в научном дискурсе ученого на определенном этапе его научного познания, направляющее процессы смыслопорождения в научном поиске, проецирующее недостающее звено в концептуальной картине мира ученого, определяющее в конечном итоге ценность нового знания в формируемых и формулируемых на ее основе научных текстах. Такой концепт, становясь смыслообразующим источником, способен порождать соответствующую научную концепцию, теорию и т. п., реализуемую в научных текстах.

Сам термин *живое вещество* представляет собой словосочетание, элементами которого являются существительное и зависимое от него прилагательное. Хотя составляющие его лексемы 'живое' («такое, которое обладает жизнью, живет») и 'вещество' («то, из чего состоит физическое тело») употреблены в прямом значении, данное словосочетание отличается смысловой неразложимостью, позволяющей рассматривать его как терминологический фразеологизм, идиоматичность которого объясняется следующим:

- анализируемое терминообразование служит для именованья специального денотата;
- в нем в определенной степени утрачены связи с денотатами его составляющих;

– денотат термина «живое вещество» определяется конкретной наукой (биогеохимией), ограничен ее рамками, в соответствии с которыми живое вещество рассматривается ученым как (а) «совокупность живых организмов», (б) связанную «с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки земли – с ее биосферой»; (в) оно существует «не только на одной нашей планете, не только в земной биосфере», но и на всех так называемых «земных планетах»; (г) по весу составляет «ничтожную часть планеты»; (д) сосредоточено «в тонкой, более или менее сплошной, пленке на поверхности суши в тропосфере» и проникает в океан; (ж) исчисляется «долями, не превышающими десятых долей процента биосферы по весу»; (з) закономерно изменяется в ходе геологического времени, что «неизбежно» приводит «к изменению его химического состава» (Вернадский, 1965).

Обоснование концепции живого вещества потребовало от ученого расширить понятийный аппарат за счет фразеологизированных терминоточетаний, связанных с *живым веществом*: *сгущения живого вещества, разрежения живого вещества, элементы живого вещества, однородное живое вещество, видовое однородное живое вещество, разнородные живые вещества, механические смеси однородных живых веществ, биологические разновидности однородного живого вещества* (Вернадский, 1994).

В. И. Вернадский шел своими путями в науке о Земле. В научной дискурсии ученого рождались новые концепты и концепции, объективирующиеся в языковых единицах, среди которых важное место, как видим, занимали фразеологизмы, ставшие одним из способов представления нового знания, отраженного в его научных трудах.

Литература

Вернадский, В. И. Живое вещество / В. И. Вернадский // Живое вещество и биосфера. – М.: Наука, 1994. – С. 19-261.

Вернадский, В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1965. – 374 с.

Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Айрис-Пресс, 2012. – С. 35-182.

Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. – М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 720 с.

Summary. There is a description of features of idioms' action and appearance of steady term combination in the scientific works of famous scientist V. I. Vernadsky in this article. These features depend on his aspiration to report the attitude, to intensify the argumentation, to give an opportunity for tracing the process of forming the author terminology, to actualize a scientific knowledge.

Ромашина О. Ю.

КОНТРАСТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ЛАКУНАРНОСТИ И ПЕРЕВОДИМОСТИ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
romashina@bsu.edu.ru

Возможно ли воссоздать в переводящем языке эмоционально насыщенные обороты речи? Возможно ли передать в чужом языке и чужой культуре все оттенки семантики фразеологических единиц, не потеряв их национального колорита, стилистической и культурно-исторической специфики? Возможна ли передача концептуального содержания фразеологической единицы с полным сохранением ее внутренней образности и внешней активности? Эти и другие вопросы, затрагивающие проблему типологии межъязыковых фразеологических соответствий, касающиеся возможности (либо невозможности) перевода фразеологических единиц, остаются актуальными и по сей день. Ответы на них позволяет дать контрастивная фразеология, которая укрепляет свои позиции в современной лингвистике и получает новое звучание в свете меняющейся научной парадигмы.

Контрастивная фразеология, возникшая как частная лингвистическая теория в рамках контрастивного подхода, достаточно молодого и, на наш взгляд, перспективного

лингвистического направления, в последнее время все чаще заявляет о своей самостоятельности. Действительно, диалектическое единство «национального» и «интернационального», выявляемое при сопоставлении фразеологических единиц в разных языках, приводит к постулированию как собственного объекта, предмета, принципов контрастивной фразеологии, так и ее особого терминологического и методологического инструментария. В «портфолио» контрастивной фразеологии входит ряд специфических для данной дисциплины проблем, одной из которых выступает проблема лакунарности и переводимости фразеологических единиц.

Отсюда, целью настоящей статьи является рассмотрение контрастивной фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины, имеющей характерные особенности и носящей прикладной характер. Объектом исследования выступают фразеологические единицы русского и английского языков, объективирующие эмоционально-чувственные состояния человека. Предметом исследования – типы межъязыковых соответствий, обусловленные особенностями фразеологической объективации изоморфных и алломорфных концептов и обуславливающие возможность (невозможность) подбора адекватной фразеологической единицы в переводящем языке.

Обобщая результаты контрастивных лингвистических теорий последних лет, приведенных в работах Н. Ф. Алефиренко (2008), И. А. Стернина (2007), З. Г. Гергиевой (2009), под контрастивной фразеологией в настоящей работе понимается самостоятельная лингвистическая дисциплина, целью которой является изучение национальной специфики семантики устойчивых единиц при формировании из них контрастивных пар, а также выявление переводных эквивалентов, аналогов, других межъязыковых фразеологических соответствий, безэквивалентных единиц исходного языка, лакун в языке контрастивного сопоставления. Объектом контрастивного сопоставления выступают, как правило, два языка, причем выбор языка сопоставления «во многом зависит от потребностей конкретного социума на определенном этапе его исторического развития» (Григорьева, 2001: 49).

Предмет контрастивной фразеологии также специфичен и отличается от предмета сопоставительных и сопоставительно-типологических дисциплин тем, что представляет собой межъязыковые соответствия, обусловленные сходствами и различиями фразеологической объективации, причем последним, уделяется большее внимание, чем сходствам.

Методы контрастивной фразеологии достаточно разнообразны, тем не менее, их суть сводится к установлению основных различий и сходств между формальной и содержательной (концептуальной) сторонами выбранных для контрастивного сопоставления фразеологических единиц двух языков.

В настоящем исследовании мы проиллюстрируем использование метода концептуально-контрастивного анализа семантики фразеологических единиц русского и английского языков, объективирующих эмоционально-чувственные состояния человека. Последние заложены в семантику фразеологических единиц в виде определенных ступеней смысла, конструкторов, репрезентирующих знания об эмоционально-чувственном отражении действительности человеком.

В современных лингвистических концепциях все чаще утверждается тезис о том, что эмоционально-чувственное отражение мира имеет интернациональный характер. Действительно, справедливо мнение ученых по поводу того, что и страдают, и радуются, и плачут, и смеются одинаково люди разных национальностей. Данный факт подтверждается наличием во фразеологических фондах даже не близкородственных языков целого пласта изоморфных фразем, объективирующих изоморфные эмоционально-чувственные конструкторы, типа:

1) Рус.: *плакать, как ребенок*. Англ.: *to cry like a baby*.

Однако уже на уровне функционирования данных единиц в определенных типах контекста заметны национальные различия в частотности употребления и комбинаторике данных фразеологизмов, например, в сочетаниях с субъектами мужского пола. Данные различия вызваны тем, что в современном английском языке данный фразеологизм объективирует эмоциональное проявление негативного состояния человека с гендерной установкой на то, что «так» плакать позволительно лишь женщинам. В предложении «Он плакал как ребенок» в русском языке нет намека на ироничность или критику, а в английском языке даже в культурологических словарных

пометах фиксируется информация о том, что «в США и Великобритании женщинам «разрешается» плакать таким манером, а мужчины так плакать не должны...Если так плачет молодой человек, то он часто осуждается в обществе [перевод автора статьи]» (Longman, 2000: 312).

Действительно, несмотря на то, что базовые эмоции это феномены универсальные для разных этносов, «их объективация допускает национально-специфичный характер, реализуемый во внутренней форме фразеологизмов и существенно влияющий на выражение эмоциональных переживаний в контекстах конкретной культуры» (Хомякова Н.А., 2008: 7). На самом деле, во фразеологической объективации эмоций и чувств в русском и английском языках случаев контраста заметно больше, чем случаев полного тождества, если о последнем вообще имеет смысл вести речь.

Более того, мы полностью разделяем мнение Н. Ф. Алефиренко о том, что «об универсальности фразеологической семантики можно говорить только на уровне ее когнитивного субстрата. Когнитивные структуры..., лежащие в основе большинства фразем, действительно, имеют интернациональную природу, что и выражается одинаковым набором минимальных смысловых элементов – сем. Однако в каждом из языков они подвергаются неповторимой комбинации. Именно индивидуальность семных комбинаций создает этнокультурное своеобразие фразеологических значений, определяя тем самым специфику глубинных ярусов фразеосемантического пространства разных языков (Алефиренко, 2008: 151).

Данный факт иллюстрирует невозможность возникновения семантически тождественных отношений двух любых контрастивных фразеологических пар. Отсюда, первую группу (**Группа I**) межъязыковых фразеологических соответствий, отражающих отношение: «Изоморфный концепт – Изоморфные фразеологические средства объективации», мы называем «**Условной эквивалентностью**». В отношениях условной эквивалентности одни и те же эмоции (чувства) передаются одними и теми же лексическими единицами, входящими в компонентный состав фраземы и объективирующими один и тот же концепт, например:

2) Рус.: *быть на седьмом небе* (концепт: «счастье»). – Англ.: *to be in the seventh heaven* (изоморфный концепт – изоморфные средства объективации).

3) Рус.: *прыгать от радости; сердце выпрыгивает от радости* (концепт «Радость»). – Англ.: *to jump for joy; heart jumps out (for joy)* (изоморфный концепт – изоморфные средства объективации).

Условные эквиваленты не представляют сложностей при переводе. Даже в случае если единицы одного языка (по причине его типологического устройства) несколько изменяются лексически (генерализуются или конкретизируются) или грамматически (возникает замена грамматической формы, инверсия), отношения условной эквивалентности сохраняются, поскольку за каждой единицей, входящей в состав переводящего фразеологизма, сохраняется изоморфный образный фон:

4) Рус.: *Страх Божий!* (концепт: «Ужас»). – Англ.: *God's fear* (изоморфный концепт – изоморфные средства объективации с элементом инверсии).

В **Группе II** представлены **аналоговые соответствия**, отражающие отношение ««Изоморфный концепт – Алломорфные фразеологические средства объективации». В подобных случаях один и тот же концепт сохранен, но контраст достигается путем изменения образности фразеологической единицы из-за разного концептуального содержания входящих в контрастивную пару фразеологизмов лексем-конституентов:

5) Рус.: *Мурашки по спине бегают* (концепт: «Страх»). – Англ.: *to have goose bumps* (изоморфный концепт – алломорфные средства объективации: «гусиные шишечки»).

В подборе аналогичной фразеологической единицы переводчику следует соблюдать осторожность, так как смена образности часто приводит к замене, а иногда и к потере стилистического использования фразеологизма, например, для выражения иронии или сарказма. Так, английское устойчивое выражение «*to be happy as a flea in a doghouse*» (досл.: «счастлив, как блоха в собачьей будке») имеет русский аналог «Он вне себя от счастья», «У него глаза горят от счастья». Здесь, действительно, сохранен концепт «испытывать большое счастье», однако в русском переводе потеряна нотка сарказма, которая в английских контекстах часто отражает негативное эмоциональное отношение говорящего к объекту, испытывающему данное эмоциональное состояние.

В **Группе III** представлены отношения «Алломорфный концепт – Изоморфные фразеологические средства объективации», отражающие следующую контрастивную ситуацию. В двух языках имеются фразеологические единицы, состоящие из одного и того же набора лексических компонентов, более того, используемых в одной и той же грамматической форме, то есть, по сути, представляющих собой полные эквиваленты. Данные межъязыковые отношения мы называем **«Ложной эквивалентностью или псевдоэквивалентностью»**, так как в них отношения подобия наблюдаются лишь на уровне формы. Контекстное употребление фразеологизмов Группы III показывает их семантические различия, иногда диаметрально противоположные. Подобные фразеологизмы-антиномии представляют достаточные хлопоты начинающим переводчикам, попадая в разряд их, так называемых, «ложных друзей»:

6) Рус.: *ветер в голове* (концепт: глупость). – Англ.: *wind in the head* (концепт «Занайство», «Гордость») (алломорфные концепты – изоморфные фразеологические средства объективации).

7) Рус.: *повесить голову* (концепт: «Печаль», «Горе»). – Англ.: *to hang one's head* (концепт: стыд, вина) (алломорфные концепты – изоморфные фразеологические средства объективации).

Несмотря на то, что количество ложных эквивалентов в двух языках относительно невелико, переводчику нужно проявлять осторожность, выбирая эквивалент или аналог в качестве приема перевода. В ряде случаев уместнее использовать перевод-описание или перевод-комментарий, чтобы избежать нежелательного появления «ложных друзей».

Последние упомянутые нами трансформации используются и в переводе фразеологизмов, не имеющих эквивалентов в переводящем языке. **Группа IV** включает в себя **фразеологические лакуны**, иллюстрирующие отношения «Нет концепта – нет фразеологических средств объективации»:

8) Англ.: *to be in royal spirit* (досл.: быть в королевском настроении). – Рус.: *быть в прекрасном настроении* (описательный перевод, отсутствие концепта «Королевское настроение»).

9) Англ.: *to have channel fever* (досл.: иметь канальную лихорадку). – Рус.: *испытывать тоску по дому* (описательный перевод, отсутствие концепта: «тосковать по дому, вспоминая Ла-Манш, отделяющий Англию от материка»).

Помимо перевода-описания или перевода-комментария переводчик может использовать буквализмы. При этом мы не найдем в переводящем языке эквивалента, поскольку переведенная по калькированию лексика не сформирует фразеологической устойчивой единицы для переводящего языка:

10) Англ.: *to speak with a forked tongue* (концепт «Лицемерие»). – Рус.: *букв.: говорить раздвоенным языком* (концепт «Лицемерие» не объективируется).

Заметим, что буквализм, если это не ошибочное копирование лексем-конституентов, входящих в состав исходного фразеологизма, достаточно часто используется переводчиками в качестве оптимального средства лакунарной субституции. Если в русском языке нет изоморфного концепта, если отсутствует культурема, позволяющая его создать, то как раз буквальный перевод позволяет сохранить национальный колорит языкового устойчивого выражения, которое впоследствии может стать традиционным, устойчивым и для переводящего языка: «*Curiosity killed the cat. – Любопытство кошку убило*», «*A cat may look at a king. – Кошка может смотреть на короля*», «*I'm in shock. – Я – в шоке*» и т. д. С течением времени подобные примеры калькированного перевода становятся случаями заимствования иноязычных фразем в переводящий язык.

Таким образом, контрастивная фразеология, завоевывающая все больше позиций в качестве самостоятельной лингвистической теории межъязыкового соответствия, позволяет дать ответы на поставленные в первом параграфе настоящей статьи вопросы. Возможность воссоздания в переводящем языке эмоционально насыщенных оборотов речи зависит от наличия либо отсутствия в двух лингвокультурах изоморфных концептов. Однако даже концептуальный изоморфизм не свидетельствует об универсальности фразеологических единиц, входящих в контрастивную пару. По очень точному выражению Н. Ф. Алефиренко, это лишь «роковая иллюзия изоморфности смысловой структуры фразем» (Алефиренко, 2008: 156). Отсюда практически невозможно передать в чужом языке и чужой культуре все оттенки семантики фразеологических единиц, не

потеряв их национального колорита, стилистической и культурно-исторической специфики. Фразеологизм всегда будет иметь свои национальные особенности, контрастирующие с любой переводящей единицей языка. Таков же ответ и на вопрос о сохранении внутренней образности и внешней активности фразеологизма: переводчик может приблизиться к пониманию фразеологической семантики, однако передать все оттенки смысла исходного фразеологизма и поместить его в активное функционирование в тех же самых типах контекста – *impossibile negotium*. Данные положения контрастивной фразеологии приводят как к переосмыслению приоритетов в соотношении «язык – культура», так и к обоснованию необходимости разработки методологического инструментария предпереводческого контрастивного анализа семантики фразеологических единиц.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО «Элпис», 2008. – 271 с.
- Гергиева, З.Г. О статусе контрастивной лингвистики / З.Г. Гергиева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Лингвистика. 2009. № 6(2). – С. 203-206.
- Григорьева, Л. Н. Основные положения контрастивной лингвистики и ее внутренняя таксономия / Л. Н. Григорьева // Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете: традиции и современность. – СПб, 2001. – С. 48-67.
- Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 208 с.
- Хомякова, Н. А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках (сопоставительный анализ) / Н. А. Хомякова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во МПГУ, 2008. – 23 с.
- Longman Dictionary of Contemporary English. – England, Harlow, 2000. 1– 680 p.

Summary. The paper deals with the problem of phraseological gaps (lacunas) and transability in terms of contrasting the emotional idioms in Russian and English. It also states the contrastive phraseology as a separate linguistic theory with its own aims, goals, object and methods of contrasting studying of phraseological units. The author focuses on four main groups of interlingual phraseological relations depending on the existence of isomorphic or allomorphic concepts in the Russian and English linguistic cultures.

Садыкова А. Г., Шангараева Л. Ф.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Россия, г. Казань, Казанский федеральный университет
sh-liya@yandex.ru

В современных исследованиях по фразеологии, где затрагиваются проблемы описания культурно-национальной специфики ФЕ и в которых ФЕ понимается как «кладесь премудрости» народа, сохраняющая и воспроизводящая его менталитет, его культуру от поколения к поколению, одно из центральных мест занимает понятие коннотации.

Хотя за последние годы возрос интерес к коннотативному аспекту лексического значения, о чем свидетельствуют многочисленные работы, само понятие коннотации трактуется неоднозначно как по объему признаков, так и по их характеру (Телия, 1986: 5).

В лингвистике под коннотацией понимается:

1) добавочное значение, окраска, окрашенность – дополнительное содержание слова или выражения, его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность и т. д.;

2) значение как инвариант (сигнификация, интенциональное значение и т. п.) в противопоставлении денотации, мыслимой как экстенциональное значение, соотношенное с данным референтом и т. д.

В стилистике в коннотации усматривают «стилистическое значение», связывая его с эмоциональной окраской (Винокур, 1980; Скребнев, 1975); в исследованиях, связанных с проблемой перевода, предпочитают говорить о «прагматическом значении» коннотации

(Бархударов, 1975; Киселева, 1978; Комиссаров, 1980); в лингвострановедении коннотацию связывают с понятием добавочной информации и национальной окраски (Верещагин, Костомаров, 1976; 1980).

Наиболее удачное определение коннотации содержится в работе В. Н. Телия, рассматривающая ее как «пучок или синтез информации, принадлежащих значению номинативных единиц языка, который содержит в себе сведения, создающие экспрессивный эффект высказывания» (Телия, 1986: 4). Коннотации в плане исследования культурно-национальной специфики языка являются объектом изучения для филологии, стремящейся воссоздать духовную культуру и знания языкового коллектива, основанные на осознании ассоциативно-образных мотивировок языковых сущностей и закономерностей их комбинаций.

Эти ассоциации восходят к национальной культуре, вызываемые как «фоновыми», или безэквивалентными компонентами в составе ФЕ, так и целостным образом ситуации.

Понятие коннотации необходимо рассматривать во взаимозависимости различных типов знания – смысловое содержание слова соотносено с культурными представлениями и традициями носителей языка. Таким образом, вырабатывается общий смысл высказывания, которое понимается и интерпретируется в несколько этапов, согласно М. М. Бахтину, и смысл высказывания углубляется «путем расширения далекого контекста» (Бахтин, 1979: 362). «Далекий контекст», по его мнению, присутствует как структурированная система знаний говорящего и слушающего, которая актуализируется в момент общения.

Утвердилось также понимание коннотации как со-значения, т. е. коннотации возникают на фоновом контексте и способствуют интерпретации. Коннотации обусловлены различными употреблениями и зависят от компетенции носителя языка. «Культурная компетенция не совпадает с языковой: переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция, которая усваивается вместе с овладением языком, а через него – текстов культуры, нашедшие свое отражение в сказках, мифах, фольклоре, литературе. Это говорит о релятивизации языковых сущностей к культуре» (Телия, 1996: 227). Например, англ. ФЕ **live off the backs of smb.** (сидеть на шее у кого-то, паразитировать на ком-то), **sit on one's hands** (сидеть сложа руки, расслабиться); рус. **лежать на печи, сидеть как пень, лежит как лежень** коннотируют негативную оценку. Эти идиомы содержат и эмотивную коннотацию, выражающую пренебрежительное отношение к такого рода занятиям, которая появляется в результате культурной интерпретации образа ФЕ: «поза» субъекта вступает в противоречие с установками культуры, бытующими в прескрипциях христианства о том, что трудиться должно в поте лица – «**Earn one's living by the sweat of one's brow**»; «**В поте лица своего будешь есть хлеб свой**».

В этой связи необходимо отметить, что на фоне соотнесенности с такого рода установками, которые стали достоянием менталитета как английского, так и русского народа, и интерпретации образного содержания в смысловом поле этих установок национальной культуры, фразеологизмы сами приобретают роль культурных стереотипов. Так, в приведенных выше примерах обозначение безделья, передаваемого во фразеологизмах через образы пассивного и неплодотворного действия, становится стереотипным антиподом указанной культурной установки.

Культурная коннотация возникает как результат интерпретации компонентов значения ФЕ в категориях культуры. Культурная коннотация наслаивается на коннотацию как лингвистическое понятие. Денотативный макрокомпонент значения ФЕ является своеобразной «темой» фразеологизмов, а компоненты коннотации, играя ведущую роль, придают ей новый смысл. Каждый компонент коннотации ФЕ способен сообщить дополнительную информацию национально-культурного характера. Прежде всего, такими компонентами коннотации являются эмотивный, экспрессивный и оценочный макрокомпоненты семантики ФЕ. Считывание культурной информации с образного основания ФЕ позволяет эксплицировать то миропонимание, мировидение, тот дух народа, который получил фиксацию и сохранился в ФЕ. Так, в английском языке, согласно культурной коннотации некоторых ФЕ, признается, что умный тот, кто богат (**He is wise that is rich**), тогда как в русском – умный человек богат без денег (**Умный без денег богат**). Связь оценки, эмотивности и экспрессивности в структуре коннотации описана в работах

многих ученых (И. В. Арнольд, Е. Ф. Арсентьева, И. А. Стернин и др.). Эмотивность рассматривается нами как способность выражать эмоциональность, свое отношение к окружающему миру, к людям, с которыми общаемся, к предмету сообщения: **be all thumbs** пренебр. – «быть неуклюжим, иметь руки-крюки», **pets of society** презр. – «паразиты, отребье, лодыри»; **Маг и волшебник** шутл. – «человек, все делающий с удивительной легкостью», **и швец и жнец, и в дуду игрец** ирон. – «человек, умеющий делать все», а экспрессивность как способность эмоционально воздействовать на реципиента: **a busy bee** – «очень, трудолюбивый человек», **be worth one's salt** – «быть очень ценным, стоящим работником»; **сидеть на шее** – «быть на содержании, иждивении кого-л.», **хоть из кожи вылезть** – «любой ценой, не жалея сил». Данное эмотивное отношение возникает, на наш взгляд, в результате осмысления образного основания, вызывающего эмоциональность в зеркале культуры: ее установках, концептах, символах, эталонах, стереотипах и т. п. При сообщении своей эмоциональной реакции говорящий и слушающий приобщаются к общим установкам культуры в социуме, устанавливая тем самым идентичность во взгляде на мир. Эмотивность проявляется в речи в виде эмоционально окрашенных языковых единиц. Никакая эмоция не может быть оценочно нейтральной: **twiddle one's thumbs** – «лодырничать, бездельничать», **good for nothing** – «ни на что не годный, никчемный человек»; **сидеть на шее** – «быть на содержании, обременяя кого-л.», **как сонная муха / сонные мухи** – «вяло, неторопливо, без всякого желания делать что-л.».

Н. Л. Шадрин полагает, что все оценочные ФЕ эмоциональны, и почти все эмоциональные ФЕ (кроме междометных) имеют оценочную коннотацию, поэтому разграничение этих двух категорий можно считать иррелевантным, и их следует рассматривать в составе одного общего класса – класса, эмоционально окрашенных единиц (Шадрин, 1992: 107). При изучении оценочности как компонента коннотативного значения в нашей работе мы учитываем субъективные и объективные факторы. Отношение говорящего к обозначаемому опосредовано культурным знанием, которое соотносится с системой ценностей, сложившейся в культуре как области знания, отражающей национальное мировоззрение. Оценка может включать в себя выражение положительного, нейтрального и отрицательного отношения к объекту номинации. Выделяют еще четвертый компонент коннотации ФЕ – функционально-стилистический. Но данный компонент мы рассматриваем как специфический в структуре коннотации, поскольку он в какой-то мере является обособленным от эмотивности и экспрессивности фразеологизмов. Его основной задачей является указание на ситуацию общения, недаром его главным свойством является указание на сферу употребления ФЕ.

Итак, если в фразеологизмах есть культурная информация, то должна быть и категория, соотносящая две разные семиотические системы (язык и культуру) и позволяющая описать их взаимодействие. По мнению В. Н. Телия, такой категорией может являться культурная коннотация; культурная информация – по Т. З. Черданцевой (1996); этнокультурная информация – по В. А. Масловой (1997).

Понятие культурной коннотации, занимающее центральное место в данном исследовании, мы понимаем как осмысление образа ФЕ в семантическом пространстве категорий культуры в ходе культурной интерпретации.

Таким образом, при анализе особенностей культурно-национальной коннотации, мы придерживаемся постулата о том, что система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях.

Литература

- Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 422 с.
 Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия; Отв. редактор А. А. Уфимцева; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
 Шадрин, Н. Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / Н. Л. Шадрин; Под ред. Ю. М. Скребнева, 220, [1] с. 20 см. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991.

Summary. In the scope of Cultural Linguistics we can reveal the way culture is embodied in the content of phraseological units and determine the meaning of their cultural and national connotations. Due to this phraseological units reproduce the traits of mentality.

Савва Н. Н.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОПРАВДАНИИ НАРУШЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ

Украина, г. Харьков, Харьковский национальный университет внутренних дел
sarra@univer.kharkov.ua

Языковая картина мира и этноязыковое сознание личности формируются, в первую очередь, ее социальной и психологической средой. В работе (Саппа, 2010: 276) было высказано суждение, что мыслительные установки и стереотипы (а ими выступают определенные оценки и представления, приобретающие формы понятий), на которых базируется менталитет, абстрагируются от излишних деталей – они фиксируются в сознании, а затем и передают существо событий, явлений зачастую в форме одного слова, словосочетания, фразы или предложения. Фиксация и передача производятся в виде устойчивых выражений, которые, представляя собою как бы «свернутый текст» (например, «не убий», «чти отца своего», «следует полагаться на свои силы» и т. п.), охватывают практически все стороны бытия человека и накапливаются им в процессе социализации в качестве установок и стереотипов поведения.

Безусловно, различным этносам и обширным социальным группам присущи свои отличные ментальности, неотъемлемой характеристикой и частью которых являются соответствующие им фразеологические блоки. В свойственной им языковой форме они выражают соответствующие установки мыслительной и поведенческой деятельности. Бытует мнение, что ментальность крайне инерционна, и многие факты подтверждают это. Но, по-видимому, все-таки какие-то части ее более подвижны и способны к динамическим изменениям. Примером этому может служить особая мыслительная и поведенческая культура, сформировавшаяся в СССР и называемая «совок», с порожденным ею словарем «советизмов», включающим и фразеологические единицы (Мокиенко, 1998). В то время социальные изменения в обществе и новые социальные условия вели к возникновению соответствующих новым реалиям фразеологизмов, которые со временем закреплялись в ментальности людей. При этом существенным является то, что в указанное время самой природой тоталитарного режима исключалось произвольное возникновение фразеологических единиц, отражающих критическую оценку политических и социальных событий в государстве. Одновременно с этим в условиях социальных изменений первых десятилетий советской власти широкомасштабная коррекция ментальности населения как социальная технология проводилась также и путем массированного информационного воздействия, когда людям навязывались соответствующие тоталитарной идеологии ценности, установки, стереотипы мышления и поведения (Чернова, 2003: 194).

Определенную роль в этой коррекции играет и создание соответствующего ей ансамбля фразеологических единиц.

Заметим, что в условиях значительных социальных изменений появлялись устойчивые словосочетания и слоганы, пояснявшие существо этих изменений, политику власти и оправдывающие непривычные новации и трудности, которые сопутствовали социальным изменениям. Например: «*Мир хижинам, война дворцам*», «*Грабь награбленное*», «*Октябрьский переворот*», «*Кто не с нами, тот против нас*», «*Уничтожим кулака как класс*», «*Партия – наш рулевой*», «*8 марта – день восстания работниц против кухонного рабства*», «*Социально близкие*», «*Догоним и перегоним!*», «*Троцкистско-бухаринские агенты*», «*Если завтра война*», «*Гонка вооружений*», «*Строитель коммунизма*», «*Гласность – перестройка – ускорение*» и т. п.

В рамках такого рассмотрения представляет интерес анализ одной из функций фразеологизмов как устойчивых словосочетаний, направленной на социально-психологическое оправдание нарушений социальных установлений, обусловленных социальными изменениями или другими причинами. Это и является целью данной работы.

Под социальными установлениями мы понимаем установленные в связи с социальной необходимостью в обществе нормы и правила, регулирующие общественное поведение его членов. Ряд подобных установлений возник еще в глубокой древности и представлен в культуре в виде запретов (табу) на определенные поступки, действия или на определенное поведение. Целью табу является обеспечение устойчивого социального порядка и регуляция необходимых отношений в сфере общественной жизни. В ряде случаев

это может быть архетип запрета, который возник в древние времена в коллективном бессознательном людей и влияет на их поведение, причем «основная функция которого состоит в блокировании опасных для социума поведенческих актов» (Рущенко, 2007: 5).

Запреты (табу) поддерживаются мифом, который часто придает запретам сакральный характер. Так, например, широко известен в западном мире миф о предоставлении Господом Моисею скрижалей, на которых были записаны десять главных заповедей, регулирующих поведения человека среди людей. Фактически эти заповеди были представлены в виде группы табу – запретов поступков, опасных для существования социальной общности. При использовании в течение длительного времени табу приобретают, даже вне их религиозного или мифического контекста, характер устойчивых психологических установок и превращаются в стереотипы поведения.

Однако архетип запрета, указывает И. Рущенко, может потерять свое профилактическое действие или по исключительно индивидуально-биологическим причинам, или в связи с экстремальными социальными условиями: голод, войны, обстоятельства геноцида, когда люди борются за свою собственную жизнь и поэтому должны убивать других (Рущенко, 2007: 9-10). Однако вместе с этим им делается предположение, что рационализм бытия может бессознательное сделать сознательным, т. е. «силой сознания можно представить и спланировать любое действие без ограничений» (Рущенко, 2007: 12). Не вступая в детальное обсуждение архетипа запрета как предложенной И. Рущенко криминологической гипотезы, согласимся с тем, что в принципе возможна отмена блокировки в сознании человека поведенческих актов, которые могут стать угрозой целостности социума и его нормативной системе.

Исходя из того, что табу (общественные запреты), как и психологические установки, выражаются исключительно в вербальной форме, следует полагать, что одним из возможных социально-психологических механизмов снижения значимости табу может быть создание вербальной конструкции, ведущей к установке на снижение обязательности запрета или отказе от него. Обычно социализированная, т. е. интегрированная в общественную жизнь личность свое нарушение табу (общественного запрета) переживает как определенное психологическое напряжение – диссонанс, т. е. такое психологически дискомфортное побудительное состояние, от которого личность стремится избавиться или снизить его, изменив одну или несколько когниций (Бурлачук, 1989: 116). Когнитивный диссонанс возникает в тех случаях, когда между когнициями (убеждениями, установками или знаниями о своем поведении) имеются противоречия: «согласно теории когнитивного диссонанса, мы чувствуем напряжение (диссонанс), когда две мысли или два убеждения (когниции) психологически не совместимы» (Майерс, 1998: 273). Эта теория имеет отношение, главным образом, к расхождению между поведением и установками.

В тех случаях, когда личность не может изменить свое поведение (например, солдат участвует в военных действиях и вынужден убивать людей), то для уменьшения психологического диссонанса происходит смещение внутреннего эталона – личность изменяет первоначальную установку, адаптируясь к изменявшимся социальным и психологическим условиям среды. Здесь мы не рассматриваем проблему изменения установок с помощью убеждающих сообщений или других специальных методов, применяемых психотерапевтами в работе с пациентами. Укажем, что в повседневности коррекция ментального отображения изменяющейся социально-психологической среды и коррекция установок зачастую происходит с опорой на устойчивые словосочетания, которые, как мы полагаем, и являются структурными элементами измененной ментальности. Здесь, первую очередь, мы имеем ввиду фразеологические единицы, представленные в виде эвфемизмов.

Процесс эвфемизации тесно переплетается с процессом номинации – объекты, по этическим, культурным, психологическим и каким-либо иным причинам не называемые или называемые с трудом, нуждаются в эвфемистическом обозначении; обновление номинаций диктуется стремлением избежать коммуникативного дискомфорта, для чего в более «мягкой» по сравнению с иными способами номинации форме называется объект, действие, свойство или вуалируется существо дела. В качестве примера рассмотрим отрывок из стенограммы Пленума ЦК КП (б) 1937 г., приведенный журналистом Эд. Поляновским:

«Конторин, Архангельская обл. Враги не дремлют. Последняя работа по указанию ЦК – это показательные процессы, а затем выкорчевывание и уничтожение врагов народа. В Архангельской области много всякой сволочи. Мы вскрыли дополнительно 10 контрреволюционных организаций. Мы просим и будем просить ЦК увеличить нам

лимит по первой категории в порядке подготовки к выборам. У нас такая область, что требуется еще подавить этих гадов.

Голос с места. Везде не мешает нажать.

Конторин. Мы подсчитали: человек на 400-500 не мешало бы нам лимит получить. Это помогло бы нам лучше подготовиться к выборам в Верховный Совет» (Поляновский, 2001).

Речь в тексте идет об убийстве многих людей. Но уровень нарушения социального установления – запрета убийства человека – снижается и как бы оправдывается тем, что тех, кого собираются убить, докладчик характеризует крайне негативно, используя устойчивые словосочетания: *враги народа, всякая сволочь, эти гады*. Убийство тоже не называется убийством, а *уничтожением врагов народа* или [осуждением] *по первой категории*. Причем эвфемизм *увеличить лимит по первой категории* участниками пленума ЦК понимается однозначно: получение разрешения на убийство еще большего количества людей.

Снижение диссонанса между поведением и установкой достигается обычно тем, что в широком ряде случаев обозначение действия – «убийство» подменяется иным, более мягким и расплывчатым: *физическое устранение, высшая мера (наказания) – ВМ, отправить в штаб Духонина, поставить к стенке, пустить в расход*. Особый разряд среди этого типа эвфемистических фразеологизмов составляют те, которые обозначают военные действия государства и связанные с ними убийства людей, но истинный смысл этих действий скрывается от общественности: *воины-интернационалисты* (о советских солдатах в Афганистане в 1980–1989 гг.), *дружеская помощь* братскому афганскому народу, *ограниченный контингент войск* на территории того же Афганистана, *наведение конституционного порядка* – военные действия в Чечне. Военный захват Польши Германией и СССР в 1939 г., приведший к смерти и страданиям многих тысяч людей и положивший начало Второй мировой войне, немецкая пропаганда называла *полицейской акцией*, а в СССР советско-польская война была известна как *польский поход РККА* или *освободительный поход РККА*.

Большая группа фразеологизмов вуалирует прочие акты насилия над человеком, снижая этим психологическое напряжение при восприятии акта, чем косвенно насилие оправдывается: непосредственно избиения – *пятак начистить, дать по шее, надавать тумачков*; физическое насилие над детьми – *березовой кашей накормить, ременные капли выписать*; издевательства старослужащих над новичками в армии – *неуставные отношения*. Здесь уместно вспомнить пассаж из комедии Г. Квитки-Основьяненко «Шельменко-денщик»: «...пан Шпак як пійма, так як заїде у Харківську губернію (показывая на правую щеку), а відтиля – та у Рождественський уїзд (показывая на левую щеку), та кине́ться (схватив себя за волосы) у волосне правленіє, та (нагнувшись к земле) потягне у нижній земський суд, та нагодую буханцями (показывает как будут бить по бокам)». Подобные эвфемизмы, представленные в топонимической форме – *захал в Зубцовский уезд, в город Рыльск* и обозначающие удар по лицу, нередки, они встречаются в народных сказках и произведениях других авторов.

Нарушение заповеди «Не укради» обычно смягчается такими эвфемизированными фразеологизмами, как: *расхищение социалистической собственности, взять без отдачи, по чужим карманам лазить, грести под себя*, или – в украинском языке: *поцупити те, що погано лежить, чужих курей щитати, під подол покласти* (Мілева, 2011: 64). Подобным образом вуалируются нарушения супружеской верности: *ходить налево, гулять на стороне, рога наставить, перепутать койку, стрибати у гречку* (укр.); проституция: *ночные бабочки, сексуальные услуги, девушка по вызову*, или – в украинском языке: *перша хвойда на селі, кішка мартівська, подруга на ніч* (Мілева, 2011: 29-30).

В заключение заметим, что в связи с недостаточно сформированным правовым сознанием населения и происходящими в обществе значительными социальными изменениями процесс формирования новых фразеологических единиц, направленных на социально-психологическое оправдание или снижение значимости нарушений социального порядка, будет продолжаться.

Литература

Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – СПб: Питер Ком, 1999. – 528 с.

- Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 1998. – 684 с.
- Мілева, І. Матеріали до ефемістичного фразеологічного словника східнословобожанських і східностепових говірок / Ірина Мілева. – Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ ім. Т.Г. Шевченка», 2011. – 127 с.
- Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
- Поляновский, Э. Он восстал против сталинского террора на пленуме ЦК / Э. Поляновский // Известия, 2001. 8 февраля. – С. 9.
- Рущенко, І. П. Архетип заборони як кримінологічна гіпотеза // Соціальна психологія. 2007. №2. – С. 3-13.
- Саппа, Н. Н. Устойчивые словосочетания в структуре ментальности (на примере «темных мест» в произведениях Т. Шевченко) / Н. Н. Саппа // Фразеология, познание и культура: сб. докладов 2-й Международной научной конф. (Белгород, 7-9 сент. 2010 г.). Том 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 275-278.
- Чернова, О. Е. Прагматическое значение слова как фактор коммуникативного влияния / О. Е. Чернова // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 28. – С. 192-198.

Summary. The paper analyzes one of the functions of phraseological units, aimed at the socio-psychological justification or reduce the significance of violations of social order and social changes resulting from other causes.

Саянова Г. З.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАКУНАРНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН

Россия, г. Уфа, Уфимский государственный нефтяной технический университет
azatsayarov@yandex.ru

В данной статье делается попытка определить понятие «фразеологическая лакунарность», рассмотреть это явление с точки зрения фразеологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, переводоведения и межкультурной коммуникации.

В отечественной и зарубежной лингвистике имеются разрозненные исследования лакунарности, нет единой точки зрения на данный феномен, отсутствует устоявшаяся терминология. Некоторые ученые при рассмотрении расхождений, как в языках, так и в культурах предлагают термины «реалия», «безэквивалентный», «эндемичный» «псевдоэквивалентный». Однако большинство исследователей предпочитают термин лакуна (от лат. *lacuna* – углубление, впадина, провал, полость; от франц. *lacune* – пустота, брешь).

На сегодняшний день существуют различные типологии лакун (культурологические, кинесические, этнографические, поведенческие и собственно лингвистические). На наш взгляд, фразеологические лакуны занимают промежуточное положение между языковыми и культурологическими. Языковыми лакунами считаются такие «иноязычные слова (устойчивые словосочетания), которые выражают понятия, не закрепленные в языковой норме данного языка и для передачи которых в этом языке требуются более или менее пространственные перифразы – свободные словосочетания, создаваемые на уровне речи» (Муравьев, 1975: 23). В теории культуры этот термин фиксирует «культурную дистанцию» между культурными общностями, проявляющуюся в аксиологических, концептуальных, поведенческих, эмоциональных и др. различиях. «Лакуна» обозначает «различия», «нестыковки», «провалы», «пустоты», «противоречия», «непонимания», «темные места», непосредственно выявляемые в коммуникации. Считается, что лакунарность культурного фонда покрывает знание/незнание исторического, социокультурного, литературного наследия народа и его языка. Фразеологические единицы одновременно выполняют роль языковых и культурных знаков, так как в них наличествуют следы предшествующих культур – обычаи и традиции, элементы быта (Хроленко, 2005: 79).

Лакунарность представлена на разных уровнях языка.

Лексическая лакуна есть отсутствие слова или устойчивого словосочетания, фразеологической единицы в лексико-семантической системе языка при наличии соответствующей потенциальной семемы в условиях, имеющейся в языке лексической парадигмы и при наличии концепта (Стернин, 2007: 88). З. Д. Попова, И. А. Стернин указывают следующие сигналы лакунарности лексической единицы (слова, фразеологической единицы):

- 1) развернутая объяснительная дефиниция слова в двуязычном словаре;

- 2) объяснение слова в переводном словаре перечислением синонимического ряда;
- 3) наличие номинации за пределами литературного языка при отсутствии единицы в литературном языке.

Безэквивалентная единица – всегда показатель наличия некоторой уникальности, национального своеобразия концепта в сознании народа. Однако надо иметь в виду, что словесная невыраженность – не гарантия концептуальной безэквивалентности концепта. В другом языке концепт может быть выражен фразеологизмом, может иметь устойчивое описательное выражение. Кроме того, концепт может присутствовать в национальной концептосфере, не вербализованным (Стернин, 2007: 145).

А. О. Иванов выделяет три группы безэквивалентной лексики:

- 1) референциально-безэквивалентная лексика (термины, индивидуальные и авторские неологизмы и семантические лакуны);
- 2) прагматически-безэквивалентная лексика (иноязычные вкрапления, аббревиатуры, междометия, отклонения от общезыковой нормы);
- 3) альтернативно-безэквивалентная лексика (имена собственные, обращения, реалии, фразеологизмы).

В задачи фразеологии как лингвистической дисциплины входит всестороннее изучение фразеологического фонда того или иного языка. Объектом изучения во фразеологии, конечно же, являются устойчивые сочетания слов и устойчивые выражения, предметом – их свойства и категориальные признаки (Алефиренко, 2009: 12). Кроме этого, фразеологические единицы, являясь элементом строгой системы и выполняя определенные функции в описании реалий окружающей действительности, формируют фразеологическую картину мира.

В каждом конкретном языке фразеологические единицы называют, в отличие от лексики, лишь отдельные, актуальные для человека фрагменты мира, причем, то, что актуально для одного народа, может быть неактуальным для другого (Хайруллина, 2008: 15). При сопоставлении фразеологической картины мира с идеографическим словарем как универсальным средством описания структуры мира обнаруживается множество лакун, обусловленных спецификой фразеологии и внеязыковыми факторами. Усваивая фразеологические единицы, мы воспринимаем фразеологическую картину мира, а потом и создаем ее в процессе использования фразеологических единиц в речи.

Фразеологические единицы могут быть проанализированы с точки зрения путей формирования в их семантике фразеологического образа, немаловажную роль в мотивации которого играют как слова-концепты, так и неконцептуализированные лексемы, выступающие аналогами компонентов фразеологизма. Слова-концепты, за которыми «стоит» символическое осмысление реалии мира, могут закреплять общечеловеческое восприятие предметов и событий, тогда возникают фразеологические единицы с общим значением во многих языках. Наряду с общечеловеческими символами, у каждого народа есть национально специфические символы, отражающие особенности мировосприятия народа.

Концептосферы разных языков обнаруживают во фразеологии значительно больше сходств, чем различий. Например, фразеологические единицы со стержневым компонентом – соматизмом – являются одним из древнейших классов фразеологии и составляют наиболее употребительную часть фразеологического состава любого языка по сравнению с остальными тематическими разрядами. Использование слов рассматриваемой группы в составе фразеологизмов отражает в языке универсалии человеческого существования – общий облик человека, строения его тела одинаковы у всех людей независимо от расовых, национальных или возрастных признаков. Особое внимание лингвисты уделяют безэквивалентной фразеологии, которая в наиболее яркой форме передает национальную психологию, склад ума народа, тот «угол зрения», который определяет самобытность картины мира в языке. Неудивительно, что многие собиратели фольклора, этнографы, историки и языковеды обращаются к истории и этимологии фразеологических единиц как к ценному фактографическому источнику.

Основными приемами лингвокогнитивного описания концептов через анализ языковых данных являются: определение ключевого слова, представляющего данный концепт в языке, построение лексико-фразеологического поля ключевого слова: анализ синонимов и антонимов ключевого слова; анализ паремий и афоризмов, в которые входит как изучаемое ключевое слово и т. д. Лингвокогнитивное исследование, дополненное

приемами контрастивной лингвистики и лингвокультурологии позволяет получить наиболее достоверные сведения о смысловой структуре концепта, о его месте в национальной концептосфере и о его роли в национальном сознании.

Фразеологическим единицам принадлежит особая роль в вербальной коммуникации, они не просто передают определенную информацию, но и оказывают воздействие на чувства и воображение рецептора. Многие авторы и ораторы специально насыщают свои тексты такими средствами, чтобы создать желаемый эффект. Лакунарные фразеологические единицы – это фразеологические единицы, коррелирующие с фразеологическими лакунами сопоставляемого языка. Фразеологическая лакуна – нулевой фразеологический коррелят лакунарного фразеологизма (Байрамова, 2004: 47). Фразеологические лакуны являются ощутимым препятствием взаимопонимания как представителей разных культур, так и общающихся на родном языке.

Проблема восприятия чужих культур – одна из актуальнейших проблем современности. Важнейшей предпосылкой понимания другой культуры, как известно, является язык. С. Г. Тер-Минасова замечает, указывая на соотношение языковой и национально-культурной картин мира: «Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все» (Тер-Минасова, 2007: 48). Безэквивалентная лексика является самой яркой иллюстрацией разницы миров, отраженных разными языками. Термин «безэквивалентная лексика» и «лакуна» – две стороны одной медали, комплиментарные понятия, не существующие один без другого. Термин «безэквивалентная лексика» ориентирован на язык подлинника, а «лакуна» – на язык (и культуру) принимающего народа (Верещагин, 1980: 4).

Перевод безэквивалентной лексики С. Г. Тер-Минасова относит к очевидным культурно-языковым трудностям. Безэквивалентная лексика представляет интерес как элемент, препятствующий взаимопониманию и создающий почву для потенциальных ошибок и неточностей.

Можно выделить следующие типичные случаи ошибок при передаче безэквивалентной лексики:

- 1) значения слов-реалий остаются нераскрытыми и переводятся буквально;
- 2) не учитывается специфическое значение некоторых слов-реалий;
- 3) «маскирующее» слово переводится буквально;
- 4) неизвестные переводчикам слова реалии не переводятся, а транслитерируются.

В переводоведении выделяют следующие степени фразеологической эквивалентности: абсолютный эквивалент (фразеологическая единица переводится абсолютно равноценно во всех отношениях и лишена национальной специфики); частичный эквивалент; относительный эквивалент (фразеологическая единица переводится полноценным соответствием, но отличается изменениями синтаксической структуры); аналог (относительный эквивалент с полной или частичной заменой образа); безэквивалент (фразеологическая единица переводится при помощи лексических средств, что приводит к полной потере образности).

А. О. Иванов относит фразеологические единицы к альтернативно-безэквивалентной лексике. Поскольку, в зависимости от избранного способа перевода, фразеологические единицы могут либо расходиться с соответствующей единицей языка перевода в референциальном (понятийном) значении при совпадении прагматического значения, либо расходиться с ней в прагматическом значении при совпадении референциального значения. С точки зрения перевода более важным является вопрос о том, насколько актуальны образы, выраженные фразеологизмом, и являются ли они действительно значимыми и живыми образами, или они настолько стерты, что их уже никто не видит. Необразные фразеологизмы переводятся эквивалентами, и их перевод обычно не вызывает трудностей. Перевод образных фразеологических единиц всегда намного сложнее. При их переводе перед переводчиком встает сразу несколько вопросов, на которые не всегда легко ответить: передавать или не передавать в переводе метафору, лежащую в основе образа; обязательно ли сохранять все компоненты значения исходной единицы; чем можно пожертвовать, если окажется, что все компоненты при переводе на язык перевода несовместимы друг с другом (Иванов, 2006:173).

Существуют два способа перевода безэквивалентных фразеологических единиц:

1. Калькирование (дословный перевод)

Им пользуются в случаях, когда переводом нельзя передать в достаточно полной степени смысл и образ фразеологической единицы. Главным достоинством такого способа перевода является сохранение национальной окраски фразеологической единицы.

2. Описательный перевод

Этот способ перевода представляет собой перевод не самого фразеологизма, а его толкования. Такой перевод, к сожалению, трудно назвать полноценным, т. к. неизбежно влечет определенные потери.

Таким образом, перед учеными стоит множество вопросов, связанных с феноменом фразеологической лакунарности (в культуре и языке), методикой выявления лакун и их переводом. Ведь до сих пор не существует единого мнения о том, что можно относить к фразеологическим единицам, что можно включить в понятия «безэквивалентный» и «лакунарный». Все эти вопросы находятся на стадии бурного обсуждения и все еще ждут своего разрешения.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиялогия: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Байрамова, Л. К. Введение в контрастивную лингвистику : учеб. пособие для студентов вузов / Л. К. Байрамова. 2-е изд., доп. и перераб. – Казань, 2004. – 216 с.

Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

Иванов, А. О. Безэквивалентная лексика: Учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 192 с.

Муравьев, В. Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). – Владимир, 1975. – 96 с.

Попова, З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / И. А. Стернин, З. Д. Попова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.

Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.

Хайруллина, Р. Х. Фразеологическая картина мира: от миропонимания к миропониманию: монография. 2-е изд. / Р. Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 300 с.

Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 184 с.

Karpova, O. Lexicology and terminology: a worldwide outlook / O. Karpova, F. Kartashkova. – Cambridge Scholars, 2009. – 192 p.

Summary. The article deals with problems of defining the terms “non-equivalent lexis” (phrasological units) and “lacuna”; their translation and with linguo-cultural, cross-cultural and linguo-cognitive analyses of these phenomena.

Семененко Н. Н.

ПРОБЛЕМА ФРАЗЕОПАРЕМИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЖАНРОВОГО И ЯЗЫКОВОГО СТАТУСА РУССКИХ ПОГОВОРОК

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал Белгородского государственного
национального исследовательского университета
nsemenenko@yandex.ru

Современная когнитивная фразеология стремится к разработке теоретической базы и понятийного аппарата, которые позволили бы рассматривать единицы косвенно-производной номинации (фразеологизмы) и вторичные тексты (паремии) не только как репрезентанты этнокультуры и как порождения коллективного речетворчества, но и как сложные знаки с номинативно-когнитивной функцией – функцией порождения и закрепления знаний в процессе объективации коммуникативных интенций.

Изучение паремических жанров, их видового разнообразия в рамках когнитивно-прагматического подхода ведется с учетом существенной непропорциональности в проявлении отдельных семантических категорий в пределах вида и явное функционально-речевое своеобразие единиц каждого из паремических жанров (пословиц, поговорок, примет и загадок), а также ряд переходных и синкретичных форм общеизвестных паремических жанров.

мических жанров. Одна из причин отмеченной непропорциональности видится в сопряженности фразеологии и паремииологии как систем, следствием которой является определенный жанровый и системно-языковой синкретизм единиц фразеологических и паремических.

П а р е м и и как афоризмы фольклорного происхождения характеризуются устойчивостью, воспроизводимостью и прецедентностью, допускающими, однако, вариативность своей синкретической формы и смыслового содержания в пределах изначальной семантико-прагматической константы. При этом пословицы, приметы и загадки по всем своим категориальным признакам являются т е к с т е м а м и особого рода, поскольку представляют собой некие «модели текста», абстрактные инварианты, обладающие основными признаками текста и когнитивно-прагматическими функциями, предназначенными для выражения суждений с оценочно-прагматической интерпретацией стереотипной ситуации применительно к конкретному дискурсу. Поговорки же текстами не являются; поскольку участвуют в процессах косвенно-производной номинации в качестве прагматически ориентированных компонентов высказывания. Соответственно, п о г о в о р к а определяется как паремический жанр, являющийся средством стереотипизации образной номинации денотатов обыденного сознания.

Поговорки, несмотря на свое структурное и функционально-семантическое разнообразие, а также сближение с фраземами в их традиционном понимании, рассматриваются как целостный паремический вид, поскольку они реализуют большей частью паремические функции. Когнитивно-прагматическая сущность поговорки обусловлена, с одной стороны, ее близостью к области собственно фраземики (смыслообразующая роль концепта и репрезентация экспрессивно-образного слоя концепта), с другой стороны, паремииологическим статусом (фреймовое основание семантики). В условиях дискурса поговорка допускает более явные «приращения» смысла, чем пословица, по причине отсутствия в ее смысловой структуре целостного умозаключения. Поговорка может иметь признаки обобщенного значения пословицы и являться своеобразной когнитивной базой для формирования пословицы, но, при этом она не теряет своей особой образно-номинативной функции, отличающей ее от пословиц и примет.

Фразеопаремический синкретизм поговорки наиболее очевиден в сравнении с иными паремическими жанрами еще и в силу реализации ею в качестве ведущей **номинативно-образной функции**, что, несомненно, **сближает поговорки и фразеологизмы как средства косвенно-производной номинации**. Многие поговорки, образованные по форме фразеосочетаний и характеризующиеся частично «стертой» образностью, практически лишены паремииологических функций в том их понимании, которое предполагает для каждой паремии наличие помимо собственно языковых еще и комплексных когнитивно-прагматических функций, в общем смысле позволяющих народным афоризмам учить думать и действовать в соответствии со сложившимися в этноязыковом сознании стереотипами. Подобные поговорки, кроме этимологически «доказанного» фольклорного происхождения, уже, по сути дела, никаких специфических для фольклорно-речевых образований функций не реализуют:

Голова болит (БСпог: 136),

Бросает в краску (БСпог: 327),

Вставать на дыбы (БСпог: 218) и т. д. – данные единицы выполняют стандартную для всех фразеологизмов функцию образной номинации, разнообразят и стилистически окрашивают речь, но дидактической роли не играют и каких-либо выраженных стереотипов не формируют. Иное дело поговорки

Одних дров не ест (БСпог: 201) – ‘неприхотлив в еде’,

Не первая зима волку зимовать (БСпог: 254) – ‘бывалый’,

Ни отбелить, ни отчернить (БСпог: 468) – ‘смолчать’. Яркая образность, характеризующая форма, стереотипичность номинированного признака и выраженная оценка позволяют трактовать подобные единицы как паремии – народные изречения с дидактической функцией.

Еще одним признаком фразеологического статуса поговорок является нетипичная для общепаремического пространства выраженность дидактической функции. **Дидактичность поговорок** выражена не на уровне реализуемого умозаключения, как у пословиц, примет и загадок, а как **следствие процесса типизации**. Например,

1) *С первой ноги* (БСП: 442) – ‘с самого начала’ – в поговорке выражен подтекст, сформировавшийся по аналогии с выражением *первый попавшийся* и под влиянием ассоциации с образом *левой ноги*, которая является устойчивым символом

- неудачных дел (*Левой ногой* (БСП: 442) – ‘кое-как’),
- неправильного, неумелого, глупого действия (*Не левой ногой сморкается (за ухом чешет)* (БСП: 443) – ‘не хуже других’) или

- неудобного положения, с легкостью преодолевая которое, человек демонстрирует свое превосходство (*Указывать левой ногой* (БСП: 443) – ‘капризно повелевать’).

Таким образом, *с первой ноги* – это не просто ‘с самого начала’, но еще и ‘не как с левой’, то есть – ‘достойно’, хотя и несколько ‘поспешно’, ‘особо не раздумывая’.

2) *Голое дело* (БСП: 180) – ‘неоплачиваемая работа’ – в поговорке наблюдаются признаки подтекста, мотивированного многозначностью в экспрессивной оценке компонента *голый*, то есть, не только дело *голое* – ‘бесполезное’ (жаргонное *голяк*), но и исполнитель *голый* – ‘неимущий’.

3) *Заложить правую руку* (БСП: 583) – ‘дать обещание’ – репрезентированный в данной поговорке образ «правого» как антипода «левого» добавляет к семантике поговорки смысловой нюанс, связанный с оценкой действия как *правого* – ‘правильного’. То есть, обещание не просто дается, а еще и с дополнительной «гарантией» – человек ведь правую руку «на отсечение дает», а не левую.

В чем же проявляется дидактическая функция поговорок в отмеченных примерах? Прежде всего, в формировании устойчивых представлений об оценке образов событий и людей, в стимулировании социальной рефлексии на типичные поступки и типичные характеры, на то, что «хорошо» и «плохо» в рамках обыденного общения. Даже в отсутствии выраженности дидактической составляющей (морали) у поговорок как единиц, не выражающих умозаключения, поучение имеет место быть уже хотя бы потому, что они могут быть использованы в составе умозаключения, пусть и не воплощенного в целостную паремическую форму: *Заложить правую руку* и потому чувствовать себя обязанным выполнить поручение, то есть ‘*Заложил правую руку – отвечай*’. Если *дело голое*, то бесполезно рассчитывать на свою успешность в жизни – ‘ничем не подкрепленные дела к богатству не ведут’, а то, что *с первой ноги* решено, может и измениться, то есть ‘*Сразу сделал – не жалея*’.

Соответственно, **синкретизм поговорок выражен в том, что они создают область устойчивых номинаций, характеризующихся не только экспрессивно выраженной образностью (как фраземы), но и весьма своеобразным «подтекстом» (как паремии)**, что, на первый взгляд, недопустимо для единиц, не имеющих свойств текста.

Еще одно «жанрообразующее» свойство поговорки – **фреймовое основание семантики**, свойственное и фраземам и паремиям, но в разном качестве. Как и всякий фразеологизм, поговорка имеет фреймовое когнитивное основание, наиболее заметное, конечно же, у единиц, имеющих форму предложения:

1) *Завивать горе веревочкой* (БСпог: 153) – ситуация, когда человек пытается отвлечься от горя, заняв себя делом/работой, – фрагмент фрейма «Дело/Работа», смыслопорождающий концепт – «Горе», значение – ‘отвлекаться от горя’;

2) *Сделал дядя на свою рожу глядя* (БСпог: 221) – ситуация, когда человек плохо выполнил работу, не имея предварительных расчетов – фрагмент фрейма «Работа/Профессионализм», смыслопорождающий концепт – «Небрежность», значение – ‘некачественно/как попало’;

3) *Худым конем не увезешь* (БСпог: 309) – ситуация, когда человек не рассчитал «объема» неприятностей – фрагмент фрейма «Жизненные проблемы/Беда», смыслопорождающий концепт – «Неприятности», значение – ‘большие неприятности’;

4) *Гадать на кофейной гуще* (БСпог: 172) – ситуация, когда осуществляется действие без фактической, материальной опоры – фрагмент фрейма «Дело/Событие», смыслопорождающий концепт – «Домысел», значение – ‘выдумывать, предполагать’;

5) *Заблудиться в трех соснах* (БСпог: 635) – человек не находит выхода в простой ситуации, фрагмент фрейма – «Проблема/Решение», смыслопорождающий концепт – «Неясность», значение – ‘запутаться в простой ситуации’ и т. д.

Из приведенных примеров видно, что «предикативность» языкового значения напрямую связана с фреймом высказывания, а содержательный аспект семантики концептуально обусловлен.

Интересно, что аналогично выглядит когнитивное основание поговорок, не имеющих формы предложения: *Ходить по ниточке* (ПиПРН: 246) – репрезентирована ситуация, в которой человек ограничен в свободе по чьей-то воле, ситуация соотносима с фреймом «Управление свободой/человеком», а конкретно с его фрагментом (слотом) «Лишение свободы действий и мысли», смыслопорождающий концепт – «Зависимость от сильного», значение – ‘строго подчиняться’. Аналогичная когнитивная модель представлена у следующих поговорок:

*Вытягиваться в струнку,
Держать руки по швам,
Шаркать ногами,
Становиться на колени,
Ползать на животе, Идти на поводу,
Работать из под локтя,
Делать все под диктовку,*

Смотреть из чужих рук (ПиПРН: 246) и т. д. Кроме того, в подобном ряду наиболее отчетливо заметно единство когнитивной фреймовой основы при варьировании внутренней формы высказывания.

Как мы обнаруживаем, форма предложения или словосочетания принципиально не связана с когнитивной обусловленностью семантики поговорки. В большей степени актуальна в данном случае семантическая структура паремии и механизм реализации когнитивной метафоры, создающей ситуативно обусловленный образ. Характер же связи семантики поговорки с ее когнитивным основанием, то есть продуктом реализации языкового сознания, зависит от функционально-семантических признаков паремии.

Последнее положение подтверждается сопоставлением когнитивного основания поговорок с фразеологически связанным и с обобщенным значением (синкретичный паремический жанр, – поговорки, характеризующиеся признаками обобщенного значения, но, при этом, не выражающие умозаключений, как пословицы):

Тип паремической единицы	Поговорка с фразеологически связанным значением	Поговорка с обобщенным значением
Пример	<i>Руки у тебя коротки</i> (ПиПРН: 246)	<i>Видали мы таких красивых</i> (ПиПРН: 246)
Характеристика типовой ситуации	ситуация, в которой человек не может осуществить задуманное, так как заведомо слабее оппонента	аналогично
Фрагмент фрейма	«Действие/Воздействие на человека»	«Действие / Противодействие»
Смыслопорождающий концепт	«Бессилие»	«Бессилие» + «Независимость/Безнаказанность»
Языковое значение	‘нет достаточной власти’	‘пренебрегаем теми, у кого нет власти над нами’

Таким образом, определяя жанровую принадлежность и системно-языковой статус поговорки, следует отметить, что под *п о г о в о р к о й* понимается паремический жанр, характеризующийся устойчивостью воспроизведения, синкретизмом формы (предложение или словосочетание), реализующий преимущественно номинативно-образную и орнаментальную функции языка, отличающийся от других разновидностей паремий отсутствием выраженного умозаключения.

Поговорки с обобщенным значением по причине наличия у них таких формальных показателей обобщенного значения пословиц, как сниженная референтность денотатов, «маркирующих» ситуацию, близка к выражению заключения, практически находится «на грани» данной когнитивной функции. Ср.: *Видали мы таких красивых!*, где *видали мы* – «обезличенное» множественное; *таких* – указательное местоимение в роли наименования лица; *красивых* – субстантивированное прилагательное в форме множественного числа номинирует широкий класс подобных лиц и т. д. Но преобладание актуальности орнаментальной функции не дает ей сделать последнего «шага» – сформулировать прагматическую рекомендацию (ср. с пословицей *Силен черт, да воли нет* (ПиПРН: 246)).

Таким образом, когнитивно-прагматическая сущность и номинативно-образный потенциал поговорок связаны с рядом их важнейших функционально-категориальных особенностей, позволяющих признать поговорки синкретичным паремическим жанром. При всей стилистической близости поговорок и к пословицам, в конечном итоге, в системе паремических жанров они находятся в весьма обособленной позиции в силу своего переходного фразеопаремического статуса.

Литература

- Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008. – 590 с. (ПиПРН)
Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с. (БСП)
Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с. (БСпог)

Summary. The author considers the sayings as syncretic genre of paroemia. The article points out such features of sayings as expressive imagery (like idioms have), the presence of the didactic implications (like paroemia), frame-based semantics.

Столбовая Л. В.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

Россия, Санкт-Петербург, Смольный институт Российской Академии образования
stolbovaya39@mail.ru

Проблема изучения внутренней формы (ВФ) фразеологических единиц (ФЕ) и ее влияние на актуальное значение фразеологизмов очень сложна и многообразна. Фразеологическая картина мира – часть общенациональной языковой картины мира, в которой представлен определенный ряд явлений объективной действительности в «не зеркальном» отражении, а в способах их интерпретации.

Вся сложность исследуемых нами ФЕ заключается в том, что они передают в своих значениях абстрактные понятия: «страх», «беспокойство», «радость», «гнев» и т. п. Эти идеальные сущности стоят за материальной стороной слова, за которым в свою очередь находится также идеальная или материальная реальность. Мы считаем, что конкретное связано со способностью человека хранить в памяти некогда увиденные предметы и актуализировать их для опознания тех или иных слов, обозначающих конкретные понятия. Абстрактные понятия идентифицируются когнитивным путем либо через рассуждение, либо через ситуацию.

Внутреннюю форму фразеологизма можно считать «демиургом» фразеологического значения (Телия, 1993). Она выступает основой формирования семантики фразеологизма, ее ассоциативно-образной картинкой, которая предопределяет и значение, и функционирование структуры, и содержание всех макрокомпонентов значения. Специфика идиоматики заключается в наличии у фразеологических единиц *образности*, связанной с *внутренней формой* (Телия, 1996: 188-191). Образность является не только неотъемлемым, но и доминирующим свойством фразеологической единицы, так как именно благодаря образному восприятию происходит одновременное совмещенное видение двух картин, первой, вызванной в сознании в результате абстрагирования первичного значения исходного словосочетания, второй – в результате абстрагирования первичного значения исходного словосочетания, представленного его целостным фразеологическим значением.

Мы полагаем, что возникновение внутренней формы фразеологизма на основе свободного значения словосочетания может возникнуть не на основе всего словесного комплекса, а на базе лишь части данного комплекса или даже одного компонента (например: *кошки скребут на душе* внутренняя форма базируется на семантике слова 'скребут' – передавая состояние тревоги и беспокойства).

Образ, заложенный во ВФ фразеологизма, – это редуцированный «типизированный» слепок образа реальной или вымышленной ситуации, которую описывает прямое значение сочетания слов. Эта связь выражает общность или различие признаков ФЕ.

Важно понимать, что человеческое сознание, воспринимая объекты действительности и фиксируя их свойства, отмечает различную манифестацию того или иного признака, различную степень его выраженности, присутствия и интенсивности проявления. Выбор коллективным сознанием социума существенных признаков опорных компонентов влияет на формирование фразеологического образа. Здесь многое зависит от менталитета социума. Так, *страх* сильной и непредвиденной угрозы выработал у животных предохранительные меры подготовки к самозащите, результатом чего стало появление фразеологизмов: *встать на дыбы /stand on smb.'s legs* (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998: 95). Внутренняя форма имеет много функций: она организует значение фразеологизмов, объясняет их *мотивацию*, выступает фактором культурной коннотации и является источником верификации догадок о происхождении фразеологизмов. Во многом внутренняя форма и мотивация совпадают, но знака равенства между ними ставить нельзя. Мотивация значения гораздо шире, чем внутренняя форма.

Иными словами, с лингвистической точки зрения **внутренняя форма** – важнейший аспект содержания мотивированных ФЕ. В плане содержания это может приводить к изменению семантического представления соответствующего концепта. Так, например, понятие «страха», от которого *стынет в жилах кровь*, отличается от понятия «страха», от которого *дрожат колени*.

Благодаря разным аспектам денотативных ситуаций, обобщенному признаку внутренней формы и образным составляющим, могут получать развитие варианты фразеологизмов. Рассмотрим это на примере ФЕ с внутренней формой 'желание бурной деятельности': **кровь кипит** (*закипела, играет, бродит, горит, разыгралась*):

(I) *Когда разница в тридцать лет и в одном **кровь** молодая **играет**, а в другом едва **теплится** – какое тут может быть согласие?* В. Распутин, Прощание с Матерой.

(II) *Удаляясь от минувшего, он начал жалеть о нем. **Кровь** еще **кипела** в нем, сердце билось, душа и тело просили деятельности.* И. Гончаров, Обыкновенная история.

В приведенных примерах внутренняя форма репрезентирует 'избыток энергии и жажду активной деятельности'. Эти состояния могут быть выражены также и другими фразеологическими образами: **кровь бьет ключом, кровь бросилась в голову**.

Так, в приведенной ниже ситуации фразеологизм: **кровь закипела** передается несколько другой оттенок значения – 'состояние гнева':

(III) *Такая низость с ее стороны, разумеется, вывела меня из последних границ; **кровь закипела**, вскопчил, полетел. Прихожу к старухе... **уже вне себя**.* Ф. Достоевский, Идиот.

Если в языке существует несколько фразеологизмов, по разному выражающих одно и тот же понятие (ср. приведенные примеры 'жажда деятельности' / 'гнев'), то есть основания считать, что мы имеем дело с *разными способами* осмысления данных ситуаций. Роль исходного смысла может быть различной и зависеть от степени семантической прозрачности ФЕ. Подобных ситуативных вариантов может быть много, но внутренняя форма помогает «схватить» то общее, что позволяет объединить их в гештальт-структуру.

Таким образом, можно констатировать, что отражение ВФ в структуре значения ФЕ в конечном счете зависит от *способа описания его образного компонента*. Это могут быть разные способы описания значения. Одним из них является способ, позволяющий прямую отсылку к внутренней форме, путем введения оператора «как если бы».

Образные представления, вокруг которых группируются фразеологизмы, являются своеобразными **смысловыми центрами** микрополей, обусловленные различными направлениями метафоризации. Так, во ФЕ: *денег куры не клюют* – имплицитно присутствует, подразумевается типовой образ ВФ – 'деньги', которых так много, **как если бы** их 'клевали куры, то всех – не переклевали бы'. Здесь происходит редукция образа. Говорящий передает не свое видение кур, клюющих деньги, а общий план 'россыпи чего-то многочисленного'. Это свидетельствует в пользу того, что образное восприятие всегда редуцировано. Образная гештальт-структура актуализирует только те черты, которые являются «образом образа», лежащего в основе типового представления. О внутренней форме как *образе образа* говорил еще А. А. Потебня (1894). Мы полагаем, что для разных типов фразеологизмов целесообразно искать разные способы описания образного компонента значения. Мотивационный макрокомпонент ФЕ посредством внутренней формы непосредственно связан с денотативным макрокомпонентом значения фразеологизма и языковой картиной мира.

Значения ВФ фразеологизмов в разных языках идентичными и по многим параметрам. Это явление объясняется тем, что фразеологизмы во всех языках, связанных с его духовными традициями (Телия, 1993: 302). И наконец, внутренняя форма содержит также и прагматически ориентированные сведения. Результаты метафоризации предметов реального мира могут давать разные образные представления, формирующие фразеологизм. Рассмотрим подробнее примеры образного представления фразеологизмов, семантика которых включает:

Признаковые ассоциации, лежащие в основе внутренней формы фразеологизма, которые обусловлены различными направлениями метафоризации и являются своеобразными смысловыми центрами микрополей, к примеру:

Лексема ум – как положительное свойство человека, позволяет выделить такие семантические признаки:

а) 'сообразительность': *умный как черт (собака); иметь светлую голову, ума палата, иметь царя в голове, семи пядей во лбу, хватает на лету/ have more brains in one's little finger than one has in his whole body; be clever as paint (dog, head);*

б) 'предприимчивость': *глаз наметан, как рыба в воде/ have sth. at one's fingers' ends (finger tips); have a lot on the ball;*

г) 'опыт': *знать что-то как свои пять пальцев, быть мастером на все руки, идти в ногу/ look before and after/ learn the ropes, have an old head upon very young shoulders, have one's head screwed on the right way;*

д) 'интеллектуальные способности': *ходячая энциклопедия / a walking encyclopaedia, put that and that together; have an eye on sth.*

В современном русском языке *ум* (n) может обозначать: 1. 'инструмент мышления'; 2. 'объект – содержание недеференциального ментального состояния'; 3. 'область, где разворачиваются ментальные действия'; 4. 'совокупность ментальных действий' (Кобозева, 1993: 95-103). Рассмотрим сочетаемость лексемы *ум*: *блестящий, дерзкий ум, бесхитростный, живой ум, горе от ума, умом Россию не понять, умные мысли посещают, ум как губка*. Ум ассоциируется с движением, порой хаотичным, а также с ситуацией социального действия, лидерства, борьбы.

Фразеологический образ 'ходячая энциклопедия' связан с упорядоченностью знаний в голове субъекта, его целостностью и порядком в мыслях. Формирование образа основано на метафорических признаках компонентов ФЕ. В данном значении метафора включается в семантику ФЕ, подчеркивающих интеллектуальные свойства человека и его ум, что выражено в метафорическом значении 'энциклопедия' – 'свод сведений об универсальных областях знаний'.

Лексема глупость – как отрицательное, антонимическое свойство представлено:

а) 'умственная ограниченность': *с неба звезд не хватает, в голове одна извилина, шарик не работает, котелок не варит, олух царя небесного, мозги набекрень, дубина стоеросовая; have a head like a sieve, have a memory like a sieve; be weak in the head; wave wooden head, be weak in the head*

б) 'отсутствие интеллектуальных способностей': *глуп как пробка, ума палата, да ключ от нее потерян, не видит дальше собственного носа / long hair and short wit. be cousin Betty, dump Dora, to clever by half.*

Исходные значения лексем *ум* и *глупость* несут в себе семантические признаки, которые дают возможность формировать значения косвенно-производной номинации.

2. Признаковые ассоциации, связанные с комфортными и дискомфортными материальными состояниями человека в реальном мире.

Лексема богатство связана с семантическими признаками накопления человеком материальных средств:

а) 'путем преумножения богатств': *загрести деньги лопатой, набивать кошелек / engross the market, worship the golden calf;*

б) 'путем разумного их расходования': *дрожать над каждой копейкой, не бросать деньги на ветер, на обухе рожь молотить / button up one's pocket; button up one's purse, to pile up the rocks;*

в) 'путем использования в качестве средства обмена': *иметь длинный рубль, ты – мне, я – тебе / to have a long shilling;*

г) 'путем реализации ментальных и физических возможностей': *на Бога надейся, а сам не плошай; влиять на ход событий; подниматься по служебной лестнице; стоять у руля; работать локтями / be in the public eye, to make one's way in the world, to be on the mane, to keep the tail in the water, to pull oneself up by on own bootstraps, to bring home the bacon, to sail before the wind.*

Лексема нищета отражает отсутствие материальных средств, связанных с определенными жизненными обстоятельствами:

а) с 'разорением' – *вылететь в трубу, оказаться у разбитого корыта/sit on the Penniless Bench, go to the woods, be a nickel-nurse;*

б) с 'происхождением' – родиться в нищете / *be born in the gutter;*

в) с 'пьянством' – *пьян в стельку, пьян как сапожник, закладывать за галстук, заливать зенки, быть мертвецки пьяным / be on the drink, be blindly drunk, be drunk and incapable, be drunk as a fiddler, be drunk as a lord, be drunk as an owl, be drunk as a fish, be drunk as a piper;*

г) с 'долгами' – *быть по уши в долгах, оказаться на дне (на мелу) /to be on the armpits;*

д) с 'бездельем' – *бить баклуши, валять дурака, сидеть сложа руки, плевать в потолок, гонять собак, считать ворон /be Jack out of office, be a dead duck (pigeon, dog), flog a dead horse, to get the cheese, wash an ass's ears (head), show a goose, fish in the air, plough in the air.*

Особенность образования фразеологических единиц заключается в интерпретации признака на основе образа, куда «втягивается» субъективная и рациональная и/или эмоциональная оценка, «подпитывающаяся» ситуацией.

Факты такого рода свидетельствуют о том, что образ, лежащий в основе переосмысления, вызывает психическое напряжение. Он функционирует не отдельно, а в определенных связях, включаясь и реализуясь в некоторой более объемной единице – во фрейме, схеме, сценарии, событии и т. п. При этом рациональная оценка всегда ориентирована на «благо», на ценностные нормы, существующие в обществе. Иллюстрацией этому может служить положительная оценка, заключенная, к примеру, во ФЕ: *копейка – рубль бережет, кто рано встает, тому Бог дает / early to bed, early to rise make a man healthy, wealthy and wise* и т. п.

Отрицательная оценка, заключенная во фразеологизмах русского и английского языков, относятся к сфере осуждаемого поведения: *набивать шишу* – 'вести себя так, как если бы ты хотел доверху наполнить мешок чем-то'; *загрывать деньги лопатой* – 'вести себя так, как если бы ты хотел собрать что-то в одну кучу'; *дрожать над каждой копеечкой* – 'вести себя так, как если бы ты пытался уберечь то, что тебе очень дорого' и т. п.

В качестве сказуемого во ФЕ: *набивать шишу* выступает глагол **набивать**, передающий признак 'заталкивать что-то сверх меры, используя силу'. Во ФЕ: *загрывать (грести) лопатой* – глагол передает признак 'складирования чего-то в одну кучу, с приложением усилий'; а во ФЕ: *дрожать над каждой копеечкой* – (**дрожь** – может быть проявлением 'страха', 'холода', 'страсти'). В данном случае – это проявление страсти к предмету любви – *деньгам* и *страха* – его потерять.

Не всегда понятия, осуждаемые в российском обществе, полностью совпадают с представлениями в английском обществе. Ср. ФЕ: *engross the market*, где **engross** – 'вести себя так, как если бы ты хотел увеличить то, что имеешь'; *button up one's purse*, где **button up** – 'вести себя так, как если бы ты хотел спрятать что-то от себя и других'; *to pile up the rocks*, где **pile up** – 'вести себя так, как если бы ты хотел сложить все в одну стопку'. Хотя во всех этих примерах общей «темой» выступает осуждаемая в обоих социумах черта характера – **жадность**, накопительство в английском социуме не осуждается. При этом нельзя не заметить, что в значениях ФЕ, эталон поведения размывается за счет пересечения с признаками разных других сфер – 'деятельности и чувства', которые скрыты за образной гештальт-структурой – 'накопление', 'деньги' и оценочным отношением к ним.

Образным основанием синонимического ряда фразеологизмов: *бить баклуши, валять дурака, сидеть, сложа руки, плевать в потолок, гонять собак, считать ворон / wash an ass's ears (head), show a goose, fish in the air, plough in the air* служит стереотип – 'безделье', передающий в обоих языках семантический признак 'праздного, бесполезного

времяпровождения'. В то же время он отражает оценочное чувство неодобрительного и пренебрежительного отношения к бездельнику. Интенсивность выражения оценки состояния человека усиливается за счет присутствия в образном значении ФЕ парадоксальной ситуации. Возникающий парадокс становится стимулом отрицательных эмоций и повышает экспрессивный эффект ФЕ. Наиболее отчетливо фразеологический алогизм, по мнению ученых (Н. Ф. Алефиренко, С. А. Моисеева, И. А. Волошкина) проявляется в компаративных конструкциях. Семантическая особенность проявляется в их синтаксических структурах при наличии компаративного компонента, благодаря которому эффект уподобления денотатов сходит на нет, и остается только лишь некоторое семантическое сходство признаков. Этот факт является основным в образовании «парадоксальных» компаративных словосочетаний. Устойчивые образные сравнения обладают целостным переносным значением, являясь следствием семантической трансформации АСС, представляющего собой словесный комплексный парадокс. Коннотативные возможности значений компонентов ФЕ обусловлены наглядным, зрительно-осязаемым образом. Нами выявлены исходные словосочетания, обозначающие прототипичные ситуации реального мира, дающие основу создания неповторимых в других языках образов. В подобных ФЕ, внутренний семантический алогизм лексических компонентов усиливает свойство образности, а значит, способствует интенсивности выражения оценки черт характера. Например, *ума палата, а ключ от нее потерян* (*Палата* – 'большое богатое здание' (устар.); переносное – 'о человеке большого ума'). Негативная образная семантика второй части объекта сравнения противопоставляется положительной семантике первой части (основание сравнения), что придает ФЕ противоречивый, отрицательный смысл. В результате алогичного совмещения семантических признаков компонентов, ФЕ приобретает ироническую коннотацию в выражении свойств характера человека. Причину возникновения алогичных семантических признаков следует искать, по нашему мнению, не в структуре атомарного словосочетания, а в структуре этнических знаний об экстралингвистической действительности.

3. **Ассоциации с конкретными предметами** – эталонными носителями свойств – «нищета/ богатство» часто выступают конкретные предметы быта: *тришкин кафтан* – (**кафтан**); *пухлый кошелек* – (**кошелек**); *денежный мешок* – (**мешок**) и т. п.

Образность ВФ со временем может «тускнеть», не высвечиваться, иногда и полностью стираться. Тогда ВФ фразеологизма переходит в разряд этимологических, то есть таких единиц, формы которых надо вскрывать посредством этимологии.

В содержании ФЕ неизбежно сталкиваются два фактора: исторический и современный. Исторический отображает фрагмент бытия, некогда представлявший повседневную жизнь носителя языка, его профессиональную деятельность и коллективную память, определяющую национально-культурную специфику языка (**каша** – ФЕ: *дать березовой каши; завить кашу; соль* – ФЕ: *не солоно хлебавши* / **bread** ФЕ: *to be born and bred*). Объекты действительности вскрывают историческую мотивацию значения, изначальный образ как способ организации целостного значения ФЕ. Современная трактовка мотивации значения ФЕ включает множество мотиваций одного и того же образа. Вскрытие этимона ФЕ сопряжено с правильностью полученного выводного знания и способа экспликации семантики слов.

Литература

Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. 1998. – С. 95.

Кобозева, И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ естественного языка: ментальные действия. – М., 1993. – С. 95-103.

Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов / В. Н. Телия // Славянское языкознание. – М., 1993. – С. 302.

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 188-191.

Summary. In this article we are trying to discover the essence of the inner form of the idioms from the cognitive-semasiological point of view. We are approving the lingvo-cognitive status of the inner form and ability to create images and motivate the phraseological meaning as one of its functions.

Федюнина И. Э.

**КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ
И ПСИХОЛОГИИ**

(на материале русских, английских и немецких идиом с общим значением
«Соккрытие информации»)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
innafedyunina@yandex.ru

Тесная взаимосвязь когнитивной фразеологии и когнитивной психологии как смежных наук не вызывает сомнений. Основной задачей когнитивной психологии является изучение «психической деятельности, связанной с обработкой информации об окружении и о самом человеке» (Гейвин, 2003: 13). Когнитивная фразеология, в свою очередь, видит фразеологическое значение как двойственную сущность, содержащую «не только языковые знания, но и знания неязыковые, связанные с процессами концептуализации и категоризации» (Алефиренко, 2008: 8), и стремится к пониманию того, какие познавательные операции и коммуникативные интенции стоят за порождением и использованием ФЕ. Что же касается постулата когнитивной фразеологии о тесной связи значения и использования ФЕ с картиной мира и социокультурными устоями носителей языка, а также с ситуативными и субъективными факторами, он практически полностью согласуется с постулатом, сформулированным в работе американского психолога М. Форрестера: «Значение есть контекст и ситуация использования... Значение есть концептуальная структура... Значение есть культура» (Forrester, 1996: 42). Таким образом, исследование взаимосвязи когнитивной фразеологии и когнитивной психологии – это исследование взаимодействия ФЕ (их семантики и контекстуального употребления) с когнитивной системой носителей языка.

ФЕ русского, английского и немецкого языков (РЯ, АЯ и НЯ), ставшие материалом исследования в данной статье, изучались нами как репрезентанты фрагмента концептуального поля «Обман». Внимание будет сосредоточено на анализе образных основ, оценочного аспекта значения и контекстуального поведения ФЕ как ведущих факторов их иллюкутивного эффекта.

Неоднозначность отношения к феномену обмана определенно является межкультурной универсалией. Отметим, что специалисты (Щербатых, 2007; Eckman, 1997; Sweetser, 1987 и др.) уделяют немалое внимание когнитивно-психологическим аспектам обмана и его оценочного восприятия, влиянию нечестного поведения на познавательные процессы и состояние психики. Для нашего исследования представляется важным следующее. Во-первых, поскольку само понятие обмана принадлежит к числу т. н. сложных понятий, возрастает роль эмоционального и ситуативного факторов в его восприятии и оценке. Во-вторых, когнитивно-психологической основой неоднозначности восприятия и оценки обмана является когнитивный диссонанс, или внутренний конфликт. Суть его заключается в противоречии между невозможностью строить отношения и достигать целей, совершенно не прибегая к обману, и отнесением обмана к категории действий, совершение которых чревато общественным осуждением и негативной самооценкой. Как показывает повседневный опыт, для разрешения данного конфликта имеется два пути: либо выработать некий перечень ситуаций, в которых обман приемлем и может быть хотя бы частично оправдан, либо вовсе не квалифицировать высказывание или действие как обман, если они имеют позитивную цель. В силу этого при восприятии и оценке обмана важную роль играет оценочная категоризация – «результат интеракции двух концептуальных систем – той, что имеет происхождение из физического мира и той, что производна от человеческой системы ценностей» (Boldyrev, 2002: 5). Этой модели категоризации присуща креативность – функционируя относительно исходной «логической» модели, она может принимать разные формы «сосуществования» с ней – от полной согласованности до полного игнорирования.

Способы разрешения вышеупомянутого конфликта, безусловно, должны найти отображение во фразеологических репрезентациях концепта «Обман». Поскольку с позиций когнитивной психологии концептуальная система существует в виде взаимосвязанных и взаимопроникающих концептуальных полей, мы предположили, что в основе

категоризации сокрытия как формы обмана может лежать корреляция соответствующего фрагмента концепта «Обман» с другими концептами носителей языка, причем не все они негативны в оценочном плане. Данные корреляции могут быть выявлены посредством анализа ФЕ-репрезентантов. Согласно точке зрения П. Экмана, сокрытие есть такой же обман, как, например, дезинформация: «Сокрытие и фальсификация – две различных техники достижения одной и той же цели – сознательного введения в заблуждение» (Ekma, 1997: 334).

Анализ фактического материала показал, что важным критерием концептуализации и категоризации сокрытия в обыденном сознании (как в признаковом, так и в оценочном аспектах) является содержание утаиваемой информации. В соответствии с ним можно условно выделить три группы ФЕ.

Первая группа объединена семантическим вариантом «скрывать дурной поступок, преступление, компрометирующую информацию»: *прятать концы в воду/концов не найти, заметить следы* (РЯ), *to cover up one's tracks* (АЯ), *Dreck verscharren* (НЯ) и др. ФЕ этой группы несут фиксированную отрицательную оценку, во многом обусловленную образным компонентом значения. Например, образная основа ФЕ *заметать следы* и *cover up one's tracks* связана с доменом-источником «Охота», имплицитно дополняя признак трудности разоблачения обмана и отсылая к концептам «Опасность», «Вред». Немецкая идиома *Dreck verscharren* выражает еще более неприязненное отношение к субъекту действия и скрываемой информации (*Dreck* – грязь), а глагольный компонент имплицитно выражает идею неизбежности разоблачения (*verscharren* – «закопать неглубоко»). Иллокутивный эффект достигается взаимодействием образной основы и экстралингвистической информации, содержащейся в контексте. Характерные чувствотношения – неодобрение, недоверие, неприязнь: • Обман и подлог. Вот мерзавцы-то. Хорошо, что я проверил сразу. ...через год ...концов... было бы не найти. (Устинова, 2004: 279) • Wenn der Schuft tötet, ist er sehr gründlich ...um alle Spuren... zu entfernen (Nesbo, 2007: 113). В рамках данной группы наблюдается интересный пример межъязыкового сближения ФЕ. Идиома *скелет в шкафу*, которая является калькой с ФЕ АЯ *skeleton in the cupboard*, адаптировалась в РЯ, сохранив весь импликационал исходной ФЕ: • «А с Островским у нее хорошие отношения?» О, плакать перестала, зато занервничала. У вас, Любовь Григорьевна, тоже *скелеты в шкафах* пылятся? (Маринина, 2003: 168)

Вторую группу составляют ФЕ *напустить туману, играть втемную* (РЯ), *keep smb in the dark, keep the lid on smth* (АЯ), *etw. in Nebel hüllen* (НЯ) и др. Нетрудно заметить, что внутренняя форма большинства ФЕ данного ряда актуализирует прототипическую образную ситуацию лишения реципиента возможности видеть или насильственного удерживания его в темноте. Учитывая, что большая часть информации о мире поступает к человеку через органы зрения, такой образ осуществляет четкую ассоциацию с концептом «Опасность» и вызывает чувства протеста, раздражения и т. п. Вместе с тем в семантике ФЕ данной группы не присутствует обязательный признак неприглядности или преступности скрываемой информации; их общее значение – «утаивать информацию о некоем положении дел, проблемах или фактах своей жизни». Поэтому при сохранении общей негативной коннотации ФЕ при категоризации поведения субъекта немалое значение приобретает контекстуальная информация. • ...he was brooding about something and I want to know what it was. I was a good wife to him and I won't be kept in the dark... (Grafton, 1999: 18). В данном случае сокрытие информации вызывает неодобрение, досаду, раздражение, так как реципиент хочет (и считает себя вправе) знать истинное положение дел. Также неприязнь к подобной тактике поведения может носить характер личных предпочтений, убеждений, принципов: • Я люблю иметь дело с людьми честными, порядочными и не люблю *играть втемную* (Алексеев, 1995: 205). В контекстах РЯ часто репрезентируется мысль о недопустимости утаивания важной информации (даже неприятной) от близких людей. При этом характерна высокая степень эмоциональности восприятия: • ...ведь нельзя же так, честное слово! *Напустить туману*, ...а потом спрятаться в кусты... Такой стиль общения допустим между чужими людьми, но между близкими, родными... Это уж слишком (Маринина, 2003: 34). Здесь, как видится, иллокутивный эффект достигается противопоставлением действия, передаваемого образом-основой ФЕ и лексем *близкий, родной* (нарушение важной поведенческой границы «свой – чужой»). Такое поведение квалифицируется как бесчестное; прослеживается корреляция с концептами «Унижение», «Оскорбление», «Предательство», обуславливающая чувства возмущения, негодования.

К **третьей группе** относятся ФЕ с общим значением «утаивать свои намерения, чувства, мнение»: *ne раскрывать карты* (РЯ), *to keep one's cards close to the chest* (АЯ), *sich in die Karten nicht gucken lassen* (НЯ) и т. д. Большинство ФЕ этой группы близки к полной структурно-семантической и функционально-смысловой эквивалентности. В их основе лежит прототипический образ карточной игры. Эти ФЕ имеют флукутирующую оценку, поскольку причиной сокрытия намерений и чувств не обязательно является их бесчестность или злонамеренность – это может быть просто нежелание ими делиться. Образная основа отсылает к концепту «Игра»: в игре, тем более карточной, определенная скрытность не только допустима, но и необходима. В силу этого степень контекстуальной зависимости ФЕ данной группы выше, нежели в других. Оценка зависит от того, как говорящий относится к скрытности собеседника – считает ли себя вправе знать правду, видит ли в утаивании информации какой-либо вред и т. д.: (1) • *...er hält mit irgend etwas hinter dem Berge. Es wäre mir lieber, er würde es offen sagen* (Duden, 2002: 175). • Человека нельзя лишать права на ошибку. Ты... выкладывай, *за пазухой не держи* (Леонов, 1995: 210). В этих ситуациях негативное восприятие факта сокрытия обусловлено его очевидностью, желанием реципиента знать истинные чувства и намерения собеседника и уверенностью во вредоносных последствиях их утаивания. (2) • *«...he played things close to the chest, especially when it came to work»*. “But it was strictly professional, then why go to all the trouble...?» (Grafton, 1999: 256) Здесь скрытность субъекта мотивирована спецификой профессии, и поэтому видится говорящему вполне нормальной и оправданной. (3) • *Wir wollen uns von den Konkurrenz nicht in die Karten sehen lassen* (Duden, 2002: 398). В этом контексте поведение субъекта вообще не квалифицируется как обман, а предстает как разумная самозащита, учитывая актуализацию потенциальной опасности «противника».

Особого внимания заслуживают контексты, репрезентирующие утаивание информации как действие более предпочтительное, нежели ее разглашение: • *Es ist gut möglich, das die Tatsache, die Wahrheit im dunkeln zu halten, etwas mit Altruismus zu tun hatte – zu lügen war dabei nicht die Schlimmste...* (Duden, 2002: 842) В подобных случаях реализуется корреляция с концептами «Такт», «Милосердие», а само действие практически получает позитивную оценку. Сокрытие воспринимается как возможность избежать психологического дискомфорта и бессмысленного причинения боли другим людям, сгладить неприятную ситуацию. При этом скрываемая информация не обязательно негативна и ее утаивание может не вредить окружающим. В таком ракурсе категориальные признаки часто смещаются и действия субъекта вообще не квалифицируются как обман.

Важно заметить, что представление о ситуациях, в которых однозначно осуждается (и расценивается как предательство и бесчестное поведение) не утаивание, а, напротив, разглашение информации, практически универсально у носителей исследуемых языков. Это представление реализовано особой фразеосемантической группой с общим значением разглашения информации семейного, интимного характера (особенно негативной), а также сведений, доверенных субъекту в качестве секрета: *выносить сор из избы, стирать чье-л. грязное белье* (РЯ), *to spill the beans, to come out in the wash* (АЯ), *etw. schmutzige Wäsche waschen* (НЯ) и др. Все ФЕ данной группы несут фиксированную отрицательную оценку и характеризуются повышенной экспрессивностью. Образные ассоциации и потенциальные смыслы искажения информации и причинения вреда тесно связывают эти ФЕ с концептами «Разрушение», «Предательство». Контексты часто объективируют болезненные, разрушительные последствия разглашения информации; характерные чувства – неприязнь, гнев, отвращение, возмущение: • *«It was Elsa who insisted on spilling the beans... but she did at least want to be honest»*. “A lot of additional pain and grief is caused by honesty” (Christie A., 1984: 67). • Вы не расследование проводите, а *копаетесь в грязном белье* и ушиваетесь этим! (БФСРЯ, 2006: 594).

Результаты анализа ФЕ, репрезентирующих сокрытие информации, можно сформулировать следующим образом. Основными критериями категоризации представлений о сокрытии являются содержание утаиваемой информации и отношение реципиента. На лингвистическом уровне это выражено в наличии трех фразеосемантических групп, каждая из которых репрезентирует дифференциальные признаки содержания информации и несет соответствующую оценку. Однозначное неодобрение выражают ФЕ, посредством которых объективируется корреляция с негативными концептами «Опасность», «Предательство», «Унижение» (в содержательном аспекте им соответствуют сокрытие преступ-

лений, дурных поступков и злонамеренное утаивание). Такое сокрытие воспринимается как дезинформация, причиняющая вред. Единицы лексического уровня, составляющие контекстуальное окружение этих ФЕ, также несут исключительно негативную оценку. Но факт сокрытия может подаваться и восприниматься как действие необходимое и оправданное, а также одобряемое социальными нормами и традициями (корреляция с нейтральными или позитивными концептами «Игра», «Такт», «Милосердие», «Вежливость»). В контекстах реализации ФЕ с флуктуирующей оценкой значение имеют не столько факт утаивания и объективное содержание информации, сколько ее значимость для участников ситуации, отношения между ними, цель субъекта и т. п. Важной межкультурной универсалией является также четкая ментальная модель ситуаций, в которых резко осуждается не сокрытие, а разглашение информации. Таким образом, иллюзивный эффект ФЕ может способствовать категоризации сокрытия как: 1) формы обмана и составляющей негативных концептов; 2) формы обмана и составляющей нейтральных или позитивных концептов; 3) составляющей позитивных концептов, которая вообще не квалифицируется как обман. С другой стороны, представления о сокрытии, уже имеющиеся в концептуальной системе носителя языка, в свою очередь влияют на формирование и функционирование соответствующих ФЕ. Как представляется, дальнейшие межъязыковые исследования закономерностей взаимодействия ФЕ и процесса категоризации могут дать ценный материал для когнитивной фразеологии и когнитивной психологии как смежных областей когнитивной науки.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в свете лингвистического постмодернизма: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
- Алексеев, С. Т. Сокровища Валькирии: Роман / С. Т. Алексеев. – М.: Ковчег, 1995. – 432 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 748 с. (БФСРЯ)
- Гейвин, Х. Когнитивная психология / Х. Гейвин. – СПб.: Питер, 2003. – 272 с.
- Леонов, Н. И. Ловушка: Роман / Н. И. Леонов. – М.: ЭКСМО, 1995. – 464 с.
- Маринина, А. Б. Закон трех отрицаний: Роман / А. Б. Маринина. – М.: Эксмо, 2003. – 432 с.
- Щербатых, Ю. В. Искусство обмана / Ю. В. Щербатых. – М.: Эксмо, 2007. – 720 с.
- Boldyrev, N. N. Evaluate Categorization / N. N. Boldyrev // Abstracts (from Cognitive Linguistics East of Eden, Sept. 12th-13th 2002). – Turku, Finland, 2002. – 52 p.
- Christie, A. Five Little Pigs / A. Christie. – N.Y.: Berkley Books, 1984. – 216 p.
- Eckman, P. Lying and Deception / P. Eckman // Memory for Everyday and Emotional Events. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – P. 333-347.
- Forrester, M. Psychology of Language. A Critical Introduction / M. Forrester. – London: SAGE Publications, 1996. – 113 p.
- Grafton, S. N is for Noose / S. Grafton. – London: Pan Books, 1999. – 353 p.
- Nesbo, J. Der Fledermausmann / J. Nesbo. – Berlin: Ullstein, 2007. – 432 S.
- Redewendungen. Wörterbuch für deutschen Idiomatik / 2., neue bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim: Duden Verlag, 2002. – 955 S. (Duden)

Summary. The article focuses on Russian, English and German idioms denoting concealment of information. Cognitive studies of the idioms is aimed at revealing the ways cognitive phraseology and cognitive psychology interact. The author also discusses the key factors that determine Russian, English and German speakers' attitudes to concealment.

Раздел II

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ С ЛЕКСИКОЛОГИЕЙ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕМ

Араева Л. А.

ЖИВОЙ РОСТОК БЕСКОНЕЧНОЙ ОПРЕДЕЛИМОСТИ

Россия, г. Кемерово, Кемеровский государственный университет
araeva@list.ru

Элементы языка, «приобретая устойчивую оформленность, образуют в известном смысле мертвую массу, но масса эта несет в себе живой росток бесконечной определенности» (Гумбольдт, 1984: 82). Способы выражения мысли, выработанные языком на протяжении многовекового существования, составляют интеллектуальную основу, которая является источником развития творческой энергии людей, сросшихся с культурными ценностями через вхождение в язык с раннего детства и постоянное употребление этого языка в повседневности. Устойчивые выражения, возникшие под влиянием русских народных говоров, фольклора, художественных произведений, песен, средств массовой информации, фильмов, лозунгов советского времени, в эпоху жесткой цензуры, действительно, воспринимались как мертвая, застывшая, закавыченная в цитаты масса. Тем не менее, даже в это время пословицы, поговорки, лозунги, названия вошедших в обиходное сознание фильмов и выражений из этих фильмов варьировались, изменялись под влиянием отношения Человека к происходящим в обществе процессам.

В современной России, когда устная речь стала обычным явлением в любой сфере общественной деятельности (устная, а не озвученная, утвержденная цензурой письменная речь), прецедентное пространство ожило, заиграло, обуславливая появление новых прецедентных текстов, неразрывно связанных разными отношениями с исходными устойчивыми выражениями. Живой росток бесконечной определенности вырвался наружу. Словотворчество, исконно присущее ментальности русского народа, разноцветилось в рекламе. Узнаваемость в переименованном тексте исходного прецедентного высказывания – один из основных способов привлечения внимания. Данный прием широко используется в СМИ: *Как много в этом вкусе*. (Известия № 185. 03.10.08); *Уж сколько раз твердила мужу* (КП Москва, 4. X. 08); *Эти гимны не задушишь, не поймешь*. (КП Москва. 6.X. 08); *Пройду по Грайвороновской, сверну на Газгольдерную*. (КП Москва. 6.X. 08). *Молодым везде у нас дороге*. (РГ. Кемерово, 19.03.09); *Осенний ценопад* – телевизионная реклама; *Королевский унитаз лечит слабость – это раз ...* (Спид-Инфо, №5, 2009); *Блудный сон* (статья о храпе) – Коммерсантъ – 12.09.09 (Араева, 2009: 26).

Анализ языка через человека – отличительная черта современной лингвистики. Вместе с тем, любая классификация, по мысли Р. Барта, является изобретением человеческого разума и отражает культурный уровень развития общества. В структуре языка, как замечает Г. Гийом (Гийом, 1990), сохранены следы мыслительной деятельности человека, что на материале древнерусского языка обосновывается В. В. Колесовым (Колесов, 2002).

В языке представлено анонимное, коллективное мышление, позволяющее людям в речевом общении понимать друг друга посредством стереотипов, известных любому носителю конкретного языка. Данные стереотипы в настоящее время, как никогда в истории российского общества, модифицируются, отражая особенности современной повседневности. В настоящее время особенно остро ощущается, что язык представляет собой «непрерывный поток деривационно-мотивационных процессов» (Н. Д. Голев), в чем можно убедиться при анализе современных антипословиц, для которых характерно следующее: 1) связь с прецедентными высказываниями, устанавливающая преемственность народной мудрости, сохранение культурно значимых текстов, в которых растворился дух русской нации; 2) переименование содержательного и формального планов исходных пословиц; 3) антипословицы, порожденные новым временем, в отличие от многих устойчивых выражений, пришедших из глубин народной памяти, отличает юмор, языковая игра, соответствующая ментальности русской нации. Не случайно именно «фразеология в силу своей структурно-системной парадоксальности и экспрессивности является естественным материалом для языковой игры, а различные способы трансформации фразеологических единиц повышают потенциал языкового обыгрывания» (Мокиенко, 2012: 49).

Каждое из метаязыковых объединений, равно как и любое слово, представляет собой категорию. Язык, являя результат дискурсивной мыслительной деятельности человека, оформляя мысль, имплицитно наряду с логической естественную категоризацию мира. Последняя более свойственна обыденному сознанию и обнаруживается как в онтогенезе, так и в филогенезе: вся мифология строится на ассоциациях; ассоциативным путем познает мир ребенок, объединяя на основании одного общего признака самые разные предметы.

Категоризация помогает человеку ориентироваться в бесконечных лабиринтах языка, интерпретирующего действительность (именно интерпретирующего, а не отражающего: мир предстает в языке сквозь призму человеческого восприятия, устанавливающего свойства именованных предметов и особенности связей между ними).

Логические категории Аристотеля определялись как объединения с жесткими границами, элементы которых связаны общими дифференциальными признаками. Переворот в понимании категории связан с открытием Максвеллом и Фарадеем электромагнитных полей, построенных по принципу притяжения составляющих единиц (атомов, электронов), которые вследствие взаимодействия сами модифицируются. Несколько раньше данное явление в языке отметил Гумбольдт: «Язык связывает между собой прежде всего действительно модифицирующие друг друга понятия» (Гумбольдт, 1984: 276). Справедливо в свете сказанного утверждение Гумбольдта о том, что «закономерностям природы сродни закономерность языкового строя» (там же: 81). Таким образом, понимание категорий пошатнулось: границы категорий стали подвижными, сами категории – динамичными. Данные категории проявляют особенности обыденного мышления в интерпретации мира.

Впервые четкое научное определение естественным категориям дал Л. Витгенштейн (Лакофф, 2004) (до него данная проблема в той или иной степени поднималась в работах Платона, Гумбольдта, Потебни, Вернадского, Выготского и др.). В частности, Гумбольдт отмечает, что в некоторых языках «не всегда используется действительно родовое понятие, соответствующее конкретному объекту, но может быть употреблено обозначение некоторой вещи, связанной с данным объектом сколько-нибудь общим сходством, как, например, когда понятие протяженности и длины оказывается связанным со словами нож, меч, пика, хлеб, строка, веревка и т. п., в связи с чем самые разнородные объекты, если они имеют хоть какое-нибудь общее свойство, попадают в один и тот же класс. Таким образом, с одной стороны, такие соединения слов обнаруживают чувство логического упорядочения, все же ещё чаще в них сказывается деятельность живой силы воображения» (Гумбольдт, 1984: 294). Живая сила воображения наглядно прослеживается при анализе антипословиц, извлеченных из «Словаря антипословиц русского народа» (Вальтер, Мокиенко, 2010).

Естественные категории, имея полевою организацию, построены по принципу «фамильного сходства» составляющих элементов, проявляя особенности латерального, творческого мышления (Боно, 2005), провоцирующего размытые границы категорий. Все метаязыковые категории, в том числе и пословицы, устроены по единому принципу: в их основе находятся пропозициональные структуры (ПС) знаний, таящие в себе «бесконечный энергичный источник смыслового превращения» (Араева, 2009: 20). Высшая степень абстракции ПС, осуществляемая на бессознательном уровне, проявляется через субъектно-объектную предикацию. Рожденные в пределах ПС, закрепленные культурной традицией, смыслы являют собой лексические значения, зафиксированные в толковых словарях. Такого рода реализованная символическая функция знака составляет национальное достояние общества, его духовную память, проявляет особенности ментальности и языкового мировидения. Вместе с тем, «современные словари, фиксируя значение слова и давая ему словарное определение, исходят из уже существующих контекстов, признаваемых образцовыми. Отношение к «образцу» постоянно изменялось, так что и словари в известной мере неточно отражают современное смысловое наполнение каждого отдельного слова» (Колесов, 2002: 131). Это действительно так, но, являясь в определенной мере прецедентными, они составляют основу формирования новых смыслов в новой реальности.

Благодатным материалом когнитивного анализа являются антипословицы. В антипословицах в той или иной степени сохраняется синтаксическая структура исходной пословицы, которая является, как правило, полипропозициональной. Причинно-следственная связь пропозиций является источником образования множества пропози-

ционально связанных ассоциаций. При этом возможны самые разные замены слов, репрезентирующих исходную синтаксическую структуру, являющуюся детерминантой (в понимании Г. П. Мельникова) (Мельников, 2003) для новой поговорки.

В поговорке есть ключевое (ые) слово (а) (Мокиенко, 2010: 13), которое (ые) разнозначивается (ются) в аксеологически значимых ассоциациях, порождающих новые прецедентные тексты.

Знание – сила. Каждому русскому человеку знакомо это высказывание, отталкиваясь от которого, он создает целый ряд новых устойчивых выражений.

Водка – сила, спорт – могила. В данной антипоговорке эксплицирован обратный исходной поговорке смысл, который явно не соответствует действительности. В антипоговорке не представлено слово *знание*. Тем не менее, выражение ассоциируется с устоявшимся в быденном сознании устойчивым выражением: *Знание – сила*. Произнесенная в определенной ситуации, антипоговорка вызывает смех, снижает агрессию, лишена нравовучения. И в то же время имплицитно содержит информацию о вреде чрезмерного употребления спиртного и пользе спорта.

Знание – силос. Как домашний скот не может существовать без силоса, так человек – без знаний. Иными словами, знание – это сила.

Знание – это сила. Много знаешь – много имеешь. Мало знаешь – много тебя имеют. Антипоговорка зафиксирована в 2011 году, то есть отражает экономическую ситуацию новой России, что обусловило ее интерпретацию быденным сознанием.

Ученье – свет, а в яйцах сила. Два в одном. С одной стороны, поговорка *ученье – свет, а неученье – тьма*. А с другой – *знание – сила*. Знанию противопоставляется сила мужской потенции. Появление данной антипоговорки обусловлено сексуальной революцией в России.

Отмечаются антипоговорки, связанные с быденной интерпретацией закона. *Знание закона не освобождает от соблазнов; Знание законов не освобождает от безответственности; Незнание закона не освобождает от беременности.* В основе указанных антипоговорок находится устойчивое выражение: *Незнание закона не освобождает от ответственности*. Категории из области права характеризуются жесткими, исключительными вариативностью границами, что обусловлено необходимостью соблюдения в обществе четких поведенческих норм. Быденное сознание представило бытующие в народе варианты поведенческих особенностей русского человека, синтезировав свое отношение к законам в антипоговорке: *Юристов во власти много, а страна все равно живет не по законам, а по понятиям*.

Для того, чтобы отразить особенности изменившегося бытия в ироничной форме, достаточно произвести вербальную замену одного из актантов пропозициональной структуры, репрезентированной поговоркой:

– замена места: *Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз. Мой адрес не дом и не улица, мой адрес теперь точка RU.* Полностью сохраняется часть узнаваемого прецедентного текста. Но уже нет СССР. Однако появился виртуальный адрес, которым пользуются люди современного цивилизованного мира. Ср. также: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят. В чужое АОО со своим уставом не ходят;*

– замена объекта: *Нас утро встречает прохладой. Нас утро встречает прокладкой;*

– замена средства: *С миру по нитке...; С миру по центу...; Дай, Джим, на счастье лапу мне; Дай, Джим «на лапу» счастье мне; Сила есть – ума не надо; Крыша есть – ума не надо;*

– замена результата: *С миру по нитке – голому веревка* (веревка изготавливается из ниток); *С миру по нитке – голому иголка* (нитка вставляется в иголку); *С миру по нитке – голому петля*; *С миру по нитке – голому удавка* (удавка, петля создается с помощью ниток); *С нищего по нитке – миру на рубаху* (ничтожный результат); *С миру по нитке – мертвому припарка* (антипоговорка синонимична приведенным выше). *С миру по нитке – директору зарплата.* Данная антипоговорка антонимична антипоговоркам, в которых указывается на нерезультативность мероприятия со сбором ниток по миру для бедного человека. На результативность указанного мероприятия для бедного указывает поговорка *С миру по нитке – голому на рубаху* и антипоговорка *С миру по нитке – пожарному на костюм;*

– смена актантов: *На каждый роток не накинешь платок; На каждый ларек не накинешь платок;*

– замена субъекта и средства: *Буря мглою небо кроет; Боря матом небо кроет.*

Языковая игра может строиться на сохранении синтаксической конструкции и ключевых слов, которые составляют основу противопоставления, с уточнением каждый раз нового объекта и его предназначения.

Автомобиль не роскошь, а средство передвижения (прецедентный текст); **Автомат** не роскошь, а средство общения; **Народ** не роскошь, а средство обогащения; **Сердце** не роскошь, а средство переживания; **Склероз** не роскошь, а средство передвижения крыши; **Танки** не роскошь, а средство для установления социальной демократии; **Унитаз** не роскошь, а средство для похудения; **Длинные ноги** не роскошь, а средство передвижения; **Длинные ноги** не роскошь, а средство выживания; **Длинные ноги** – это не роскошь, а средство для продвижения по служебной лестнице; **Красота и ум женщины** не роскошь, а средство для продвижения по жизни; **Деньги** не роскошь, а средство для пропитания; **Партия** не роскошь, а средство попасть в Думу.

Конструкция, включающая отрицание признака объекта и утверждение использования данного объекта в качестве определенного средства, активно используется для создания как пословиц, так и основанных на них антипословиц. *Наглость не порок, а средство продвижения.* Ассоциативно связанными оказываются пословица *Любопытство не порок, а источник знаний* и синонимичные антипословицы: *Длинные ноги – это не роскошь, а средство для продвижения по служебной лестнице; Красота и ум женщины не роскошь, а средство для продвижения по жизни.*

Замена вербализованного субъекта либо объекта с нейтральной семантикой на именование того же самого субъекта либо объекта с негативной оценкой при сохранении всех элементов конструкции также достаточно частотна, мгновенно узнаваема, вызывает смех.

Если я заболею, к врачам обращаться не стану. *Если я заболею, к врачам обращаться не стану; Родина Мать зовет. Кузькина мать зовет. Матушка-Лень зовет; Да, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота. Да, нелегкая это работа – из болота тащить идиота; Гвозди бы делать из этих людей. Гвозди бы делать из этих божьих; Рыбак рыбака видит издалека. Левак левака видит издалека.*

Достаточно широко распространено при создании антипословиц сохранение первой части пословицы и изменение второй. При этом во второй части могут быть элементы другой пословицы.

За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. *За двумя зайцами погонишься – третьего не поймаешь. За двумя зайцами погонишься – не вытащишь и рыбку из пруда. За двумя зайцами погонишься – от обоих по морде получишь. За двумя зайцами погонишься – третьим будешь. За двумя зайцами погонишься – лесник по морде набьет. За двумя зайцами погонишься ... двух и поймаешь*

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. *Если гора не идет к Магомету, то гора идет гулять. Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет за пивом. Если гора не идет к Магомету, значит, Моисей заплатил больше. Если гора не идет к Магомету, на хрен такую гору.*

Дружба дружбой, а кошелек врозь. *Дружба дружбой, а нефть врозь.*

Частотны случаи сохранения в антипословице ритма синтаксической структуры пословицы и предиката первой части.

За двумя стульями погонишься – ни на один не сядешь. *Если муж не идет к жене, то жена идет к Магомету.*

Антипословица может создаваться только на основе сохранения ритма, свойственного исходному прецедентному высказыванию. *Спать или не спать?*

Замена предиката при сохранении остальных лексических единиц пословицы также является одним из способов создания антипословицы. **Не перевелись еще на Руси богатыри, добры молодцы.** **Не перепились еще на Руси богатыри, добры молодцы;** **Рыбак рыбака видит издалека.** **Рыбак рыбака ненавидит издалека.** В качестве уточнения: **Рыбак рыбака ненавидит наверняка.**

Замена предиката и одного из актантов: **Как упоительны в России вечера.** **Как отвратительно в России по утрам.**

Пояснение смысла пословицы как один из способов создания антипословицы: **Старый конь борозды не портит: он ляжет в нее и спит;** **Дорога к обеду ложка, а к инфаркту – неотложка;** **Никогда не бей лежачего. Ведь он может встать.**

Иронично-негативная интерпретация пословицы: *Ничто не вечно под луной – Проклятая луна. Ничто под ней не вечно;*

Ироническая интерпретация пословицы: *Если вам досталась дырка от бублика, будьте уверены, что сам бублик достался кому-то другому.*

По характеру соотношения части и целого: *Яблоко от яблони далеко не падает; Яблоня от яблока недалеко падает; Яйца от курицы недалеко падают; Сапер от лопатки недалеко падает.*

Метафорическая (в когнитивном понимании) связь вторичного текста с исходным порождает каскад пропозиционально связанных антипословиц в рамках фрейм-структуры:

С милым рай и в шалаше, если есть недвижимостъ на Канарах; С милым рай и в шалаше, если милый атташе (расширение пословицы: *рай в шалаше* при определенных условиях: если у милого есть недвижимостъ в престижном месте отдыха, если милый занимает престижную должность);

С мылом рай и в шалаше (конкретизация средства комфортной жизни);

С милым Райка в шалаше (конкретизация субъекта, которому хорошо в шалаше с милым).

С милым рай и в шалаша (был бы милый по душе). Интерпретация пословицы с уточнением комфортных условий существования с милым в шалаше.

Бог с ним, с раем, если шалаш остался... (см. также проанализированные выше фрейм-структуры с ключевыми словами «знание и «закон»).

Следует отметить характерную для антипословиц особенность: переиначенные слова близки по звуковому облику к использованным в пословице, но имеют другое, осложненное иронией в рамках контекста значение: *врач – рвач; рай – Райка, дом – DOOM / Мир дому твоему; Мир DOOM'у твоему* (DOOM – виртуальная игра, в которой игрок убивает монстров) и др.

Сохранение ритма широко известной песни: *Мир невозможно повернуть назад, и время ни на миг не остановишь. Фарш невозможно повернуть назад, и мясо из котлет не восстановишь.*

Антипословицы в рекламе, СМИ используют также графические средства модификации.

Игра шрифтом:

– написание одного из слов латиницей так, как это слово написано в оригинале: *Это есть наш последний и решительный бой. Пьянству бой, а бою – Girl. Капля никотина убивает лошадь, а капля Fairy убивает жирную лошадь;*

– использование транслитерации: *Язык мой – DRUG мой. «Виагра-лайт» – про-сто хочется целоваться. Не все то «Виндоус», что висит. Янки, гоу хоум;*

– выделение одной из букв в слове: *Бочка черной неблагодарности с МА-ленькой ложечкой меда; Признак старческого маразма – деДский лепет.*

Таким образом, представленный анализ антипословиц проявил, «какими косвенно-производными средствами представляется говорящему или слушающему человеку выражаемая фраземой когнитивная метафора» (Алефиренко, 2012: 51).

Мир антипословиц, как показывает анализ незначительной части материала, зафиксированного в Словаре, проявляет особенности мыслительной деятельности человека, интерпретирующей окружающую реальность образно, в сжатой форме, иронично-креативно. Пропозициональные структуры, репрезентированные пословицами, находятся в отношениях причины и следствия, сравнения, дополнения, части и целого и др. Внутри этих схем на уровне антипословиц происходят самые различные модификации предикатов и актантов, выраженных лексическими единицами, характеризующимися иной семантической наполненностью, что через ассоциативно-экспрессивную производность с исходными пословицами иронично характеризует действительность. В формировании смысла антипословиц принимают участие лексические и словообразовательные пропозициональные синонимы (Араева, Шумилова, 2009), антонимы, омонимы, лексико-семантические варианты многозначных слов. Применяются однокоренные слова, находящиеся между собой в отношениях пропозициональной связанности (Осадчий, 2009). Значимыми являются различные виды полимотивации (Араева, Катышев, 2006) и алло-

морфного варьирования (Антипов, 2001). Указанные языковые средства¹ при образовании антипословиц приобретают экспрессивную образность посредством актуализированных в пределах пропозициональных структур ассоциаций. То есть «за влиянием языка на человека стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным воздействием на язык – начало свободы» (Гумбольдт, 1984: 84). И если свобода, как утверждает Гумбольдт, «сама по себе неопределима и необъяснима, то, возможно, поддаются установлению по крайней мере ее границы внутри определенной сферы действия, которая только и представлена ей, и, хотя языковедение должно уметь опознавать и уважать проявления свободы, оно с не меньшим старанием должно отыскивать и ее границы» (там же: 84). В настоящей статье представлена попытка выявления наработанных языком границ, которые одновременно можно обозначить средствами, находящимися во взаимосвязи и обуславливающими творческую свободу обыденного сознания при образовании антипословиц, создающих смеховой колорит современной эпохи. Креативность повседневности вскрывает глубинные механизмы языковой динамики. В кажущемся хаосе обнаруживаются непознанные законы бытия, проникновение в которые проявляет действие деривационно-ассоциативных связей устоявшегося и нового в языковой реальности.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Признаковые формы мотивации фраземосемиозиса // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в. / под ред. д.ф.н. О. И. Блиновой. – Томск, 2012. – С. 51-56.
- Антипов, А. Г. Словообразование и фонология: словообразовательная мотивированность звуковой формы / под ред. проф. Л. А. Араевой. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – 288 с.
- Араева, Л. А. Видение мира посредством деривационной системы, обусловленной когнитивным и культурными стереотипами / Л. А. Араева // Антропотекст-1. Сборник статей, посвященный 60-летию проф. Н. Д. Голева / под ред. доц. Л. Г. Ким. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – С. 107-116.
- Араева, Л. А. Креативность повседневности / Л. А. Араева // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. К 80-летию профессора А. П. Сковородникова / под ред. доц. Г. А. Копниной. – Красноярск, 2005. – С. 19-27.
- Араева, Л. А., Катышев, П. А. Полимотивация как речемыслительная стратегия носителей русского языка / Л. А. Араева, П. А. Катышев // Вестник Кемеровского государственного университета. № 2 (26). – Кемерово, 2006. – С. 14-25.
- Араева, Л. А., Шумилова, А. А. Синонимия как проявление ассоциативного устройства внутреннего лексикона (на материале ассоциативных экспериментов) // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: Материалы XIV Всероссийских филологических чтений им. Профессора Р. Т. Гриб (1928-1995) / под ред. проф. Б. Я. Шарифуллина. – Красноярск, 2009. Вып. 9. – С. 9-20.
- Боно де Э. Латеральное мышление. Учебник творческого мышления. – Минск: ООО «Попурри», 2005. – 384 с.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1990. – 217 с.
- Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 397 с.
- Катышев, П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. / под ред. проф. Л. А. Араевой. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004.
- Колесов, В. В. Философия русского слова. – СПб: Юна, 2002. – 448 с.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- Мельников, Г. П. Системная типология языков / под ред. проф. Л. Г. Зубковой. – М.: Наука, 2003. – 395 с.
- Мокиенко, В. М. Мотивация демотивируемого: проблемы анализа внутренней формы фразеологии / В. М. Мокиенко // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в./ под ред. д.ф.н. О. И. Блиновой. – Томск, 2012. – С. 40-50.
- Мокиенко, В. М., Вальтер Х. Антипословицы русского народа. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 576 с.
- Осадчий, М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров: фреймовая структура гнезда. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 304 с.

---

¹ В работах А. Г. Антипова, Л. А. Араевой, П. А. Катышева, М. А. Осадчего, А. А. Шумиловой дается понимание словообразовательно-пропозициональной синонимии, пропозиционально-фреймовой организации гнезда однокоренных слов, явления полимотивации как речевой стратегии говорящего, когнитивного обоснования алломорфного варьирования.

Summary. This article attempts to identify the ways embodied in thought and realized in language which create the antiproverbs that make comic flavor of contemporary reality. The article analyses the propositional structure which the proverbs are represented within, reveals the changes on the verbal level of underlying judgment components when creating antiproverbs.

Балашова Е. Ю.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЕГМЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «НАДЕЖДА»
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Россия, г. Саратов, Саратовская государственная юридическая академия
balashovaelena@yandex.ru

На данном этапе развития современной науки о языке одной из её основных проблем является проблема идентификации и дифференциации типов знания, объективированных различными языковыми единицами, в том числе фразеологизмами. Таким образом, языкознание в наши дни характеризует тесная взаимосвязь его самых разнообразных отраслей. Данное исследование представляет собой определённого рода синтез фразеологии с когнитивной лингвистикой, поскольку автор моделирует фразеологические сегменты концептуальных полей, контрастивной лингвистикой, так как это построение происходит в режиме двух языков и, наконец, лингвокультурологией, в силу того, что описывается национально-культурная специфика концептуальных полей «Надежда / hope».

Концептуальное поле – это сложное когнитивное образование, обладающее разветвлённой структурой, начиная от мельчайших частиц смысла, сем, и заканчивая микроконцептами и целыми сегментами – жанровым, фразеологическим, ассоциативно-семантическим и др. Для выявления структуры фразеологического сегмента концептуального поля «Надежда» в русском и английском языках, необходимо исследовать его паремиологическую зону, структурировать входящие в неё паремии по полемому принципу с учётом частотности выражения того или иного смысла, а затем сопоставить полученные данные с англоязычным материалом.

Сборник пословиц русского народа В. Даля предлагает 2 семантических блока в паремиологической зоне исследуемого концептуального поля: судьба – терпение – надежда, терпение – надежда. Однако мы считаем необходимым выделение дополнительного блока «Бог – надежда», поскольку в семантическом блоке «Бог – вера», содержащемся в упомянутом сборнике, часть паремий отражает взаимосвязь концептуальных полей «Надежда» и «Бог» в русском языковом сознании.

Представляется целесообразным выделить когнитивные признаки концептуального поля «Надежда», объективируемые пословицами из указанных блоков:

1) надежда должна быть обращена к Богу (27)

На Бога надейся, а сам не плошай; на Бога положишься – не обложишься; тот не унывает, кто на Бога уповаает; не унывай, на Бога уповай (или: а Бога призывай); жив Бог, жива душа моя (или: жива правда, надёжа моя); дал Бог рыбу, даст и хлеба; даёт Бог и цыгану; даёт же Бог и жиду и злomu цыгану; дай-то, божe, чтоб всё было го-же!; Бог не без милости, казак не без счастья; пуцен корабль на воду, сдан Богу на руки; даст Бог счастье – и слeпомy видение дарует; дал Бог день, даст и пищу; Бог даст день, даст и пищу; дал Бог роток, даст и кусок (или: роточек – кусочек); не гневи Бога ропотом, молись ему шёпотом; не плачься – Бог лучше полюбит; молись до пупа – Бог любит доуку (т. е. кладу крест ниже); дал Бог денёчек (или: роточек), даст и кусочек; после дождика даст Бог и солнышко; грозную тучу Бог пронесёт; Бог тучу пронесёт и ведро принесёт (или: пошлёт, припасёт); кто тучу пронесёт, тот и ведро пошлёт; Бог дал живот, даст и здоровье; даст Бог здоровья, даст и счастья; авось – великое слово, авось не Бог, а полбога есть; не спрашивай урожая, а наши да молись Богу;

2) надежда предполагает ожидание благополучия (55)

После дождика солнце выгянет; после грозы – ведро, после горя – радость; худое видели, хорошее увидим; ждали пока, пождём и пота; ждёт, что пьяница сткляницу, что собака палицу; что пождём, то и поживём; будет и на нашей улице праздник; взойдёт солнце и к нам на двор (или: и на наш двор); придёт солнышко и к нашим окошечкам; взойдёт солнце и над нашими воротами; где гроза, тут и ведро; отколе гро-

за, оттоле и ведро; вечер плач, а заутрене радость; будет и то, что и нам не помешает никто; не всё ненастье, проглянет и красно солнышко; после ненастья солнышко (или: ведро); по ненастью ведро; прошлого поминаем, грядущего чаем; нагуляется Иван – достанется и нам; пора придёт, и вода пойдёт; время придёт – вдруг продерёт; придёт пора – пойдёт, что из ведра; не всё ненастье – будет и ведро; дождик вымочит, а красно солнышко высушит; кто вымочит, тот и высушит; сегодня мне, завтра тебе; по людям пойдёт (т. е. черёд), и до нас дойдёт; ничего, мы подождём, подождём, а своё возьмём; придёт время – будет и наш черёд (или: и наша пора); доведётся и нам свою песенку спеть; проведу и я свою борозду; будем молчать да станем поджидать; ждём-пождём, а что-нибудь да будет; на тучу будет и погода; не горюй по вечерошнему: жди заутрешиного; есть вошь, а будет и грош; утро вечера мудренее (т. е. подождём); подождём, так что-нибудь да выждем; зимой платье и летом платье: будет платье и на нашей братье; князья в платье, и бояре в платье: будет платье и на нашей братье; живи, ни о чём не тужи, всё проживёшь – авось ещё наживёшь;

3) надежда должна быть продолжительной во времени (5)

Век жить, век ждать; век живи, век надейся!; счастье скоро покидает, а добрая надежда – никогда; пока дышу (живу) – надеюсь (лат.); век ждать – век прождать;

4) надежда может присутствовать в неблагоприятных обстоятельствах (3)

Болящий ожидает здравия даже до смерти; колотись, бейся, а всё надейся; держись за авось, поколе не сорвалось;

5) надежда предполагает терпение (37)

Терпи, казак, атаманом будешь; оттерпимся, и мы люди будем; сиденьем (или: стояньем) города берут; терпя, горе скажется; терпенье – лучше спасенья; хорошо спасенье, а после спасенья – терпенье; Бог терпел да и нам велел; терпи горе неделю, а царствуй год; терпенье даёт уменье; терпи, голова, в кости скована; терпи горе: пей мёд; час терпеть, а век жить; лежи на боку да гляди за реку; у моря сиди да погоды жди; сиди у моря да жди погоды; на хотенье есть терпенье; терпению – спасенье; без терпенья нет спасенья; не потерпев, не спасёшься; работай – сыт будешь, молись – спасёшься, терпи – взмилуются; за терпенье даёт Бог спасенье; терпенье и труд всё перетрут; стояньем города неволят (или: берут); капля камень долбит; поживи в рабах, авось будешь и в господах; не быв звонарём, не быть и пономарём; подрастёшь – своё наживёшь; подрастёшь (или: поживёшь), даст Бог сам (или: ещё) наживёшь; ешь горькое, доберёшься и до сладкого; оттерпимся – до чего-нибудь дотерпимся; терпя, в люди выходят; лихо терпеть, а оттерпится – слюбится; тут и у святого терпенье лопнет; терпя, и камень треснет; на жару и камень лопнет;

6) надежда должна быть благоразумной (2)

На ветер надеяться – без помолу быть; наше авось не с дуба сорвалось (т. е. не бестолковое);

7) надежда побуждает к действию (7)

Надеючись, и конь копытом бьёт; надеючись, и кобыла в дровни лягает; наудачу казак на лошадь садится, наудачу его конь бьёт; авось и рыбака толкает под бока; на авось мужик и хлеб сеет; супорно жди, а дело делай; топор своего дорубится;

8) надежда связана с верой (4)

Авось задатка не даёт; авоське верь без задатка; с авоськи ни письма, ни записи, авоське в долг верят;

9) надежда может быть обманчивой (19)

Авоська вор, обманет; авоська почасту обманывает; авоська обманет, в лес уйдёт; авоська жданки съели; авоська ушёл, а небоську покинул; на авось не надейся; авось не вовсе верь; авось верь не вовсе; авось да небось – хоть вовсе брось; авось да живёт – к добру не доведёт; вывезет и авоська – да не знать куда; авоська верёвку вьёт, небоська петлю закидывает; ждали-пождали, да жданки и наждали; жди. – А там что? – Закладывай санки да поезжай в жданки; авоськи города не горожены; авоськины детки не рожены; что делали? – Ждали. – А что выждали? – Жданки; ждать сели да жданки и съели; ждать-то ждали да жданки и съели;

10) надежда должна иметь результат (6)

Не устать ждать, только бы выждать; погодить – не устать, было б потерпёжное (плата за терпение); ждать – не устать, было б чего искать; ждать воды – не беда, да пришла бы вода; терпеть не беда, было б чего ждать; тяжело ждать, как ничего не видать (или: ни зги не видать);

11) надежда может рухнуть (4)

Пропала (погибла, сгинула, сгорела, потонула) моя надежда; кем хвалился, на том и провалился; сидела (или: служила) сорок лет, высидела сорок реп, да и тех нет; долго сидели да ничего не высидели;

12) цель надежды может быть запоздалой (3)

Пока зацветут камыши, у нас не будет ни души; пока кишка по урядью пройдёт (т. е. дело по судам), нас и скрючит и распучит; и наша правда будет, да нас тогда не будет.

Необходимо ранжировать данные когнитивные признаки по яркости и определить их место в структуре фразеологического сегмента концептуального поля «**Надежда**» в русском языке. Так, самыми яркими признаками, объективируемыми наибольшим количеством паремий и устойчивых сочетаний, являются признаки *ожидание благополучия* и *связи надежды с терпением*. Именно эти признаки принадлежат ядру исследуемого концептуального поля. Зону ближней периферии составляют признаки *направленности надежды к Богу* и *обманчивости надежды*. На дальней периферии находятся признаки *продолжительности надежды во времени*, *способности надежды побуждать к действию* и *необходимости наличия результата*. Наконец к области крайней периферии мы причислили признаки *присутствия надежды в неблагоприятных обстоятельствах*, *необходимость здравого смысла в надежде*, *связь надежды с верой*, *возможность разрушения надежды*, *несвоевременность цели надежды*.

Представляется целесообразным сопоставить полученные данные с англоязычным материалом. Так, пословичный фонд по данным СУАП, ODPSQ и WDP концептуального поля «**Надежда / hope**» в английском языке позволяет выделить следующие его когнитивные признаки:

1) надежда может присутствовать даже в неблагоприятных обстоятельствах (4)

A drowning man will clutch at a straw; hope is the poor man's bread; he that wants hope is the poorest man alive; hope is grief's best music;

2) надежда может быть обманчивой (7)

Hope is as cheap as despair; too much hope deceiveth; hope deferred makes the heart sick; he that lives in hope, dances without a fiddle; he that lives in hope, dances with minstrel; hope often blinks at a fool; hope for the best and prepare for the worst;

3) надежда может ограничивать свободу действий (3)

He that lives on hope will die fasting; he who lives on hope has a slim diet; he that lives in hope dances to an ill tune;

4) надежда должна иметь результат (2)

Hope is a good breakfast but a bad supper; hope well and have well;

5) надежда должна быть продолжительной во времени (4)

Hope springs eternal in the human breast; hope of long life beguileth many a good wife; while (или: where) there's life there's hope; never say die;

6) надежда противоположна страху (3)

He that hopes not for good, fears not evil; he that hopes no good, fears no ill; where no hope is left, is left no fear;

7) надежда связана с любовью (1)

Hope is a lover's staff;

8) надежда поддерживает человека (8)

If hope were not heart would break; if it were not for hope, the heart would break (или: die); hope keeps the heart whole; hope helpeth; it is a great life if you don't weaken; life is good if you don't weaken; it is a good world if it hold; it's a poor heart that never rejoices;

9) надежда может разочаровать (1)

It is better to travel hopefully than to arrive;

10) надежда обладает большой ценностью (1)

Hope is worth any money.

Наиболее яркими когнитивными признаками исследуемого концептуального поля, принадлежащими к его ядру, являются признаки *обманчивости надежды* и её *способности поддерживать человека*. К ближней периферии мы причислили признаки *присутствия надежды даже в неблагоприятных обстоятельствах* и *продолжительности надежды во времени*. На дальней периферии находятся когнитивные признаки *способности надежды ограничивать свободу действий человека, необходимости обладания результатом* и *противоположности страху*. Крайняя периферия содержит признаки *связи надежды с любовью, способности разочаровать человека* и *обладания большой ценностью*.

Сопоставление структуры фразеологических сегментов концептуального поля «Надежда / hope» в русском и английском языках позволяет говорить о существенной разнице в области ядра и ближней периферии в том и другом случае. Так, ядро упомянутого концептуального поля в русском языке состоит из таких когнитивных признаков, как *ожидание благополучия* и *связь надежды с терпением*, тогда как в английском языке ядерными являются *признаки обманчивости надежды* и её *способности поддерживать человека*. Наиболее яркий когнитивный признак концептуального поля «Надежда» в русском языке (*ожидание благополучия*) не был зафиксирован нами при анализе англоязычного материала. Ближнюю периферию в русском языке составляют признаки *направленности надежды к Богу* и её *обманчивости*, в английском – признаки *присутствия надежды даже в неблагоприятных обстоятельствах* и её *продолжительности во времени*. Когнитивный признак *направленности надежды к Богу*, занимающий третье место по яркости в русском языковом сознании, не характерен для английского языка. Более того, наличие целого семантического блока «Бог-надежда» в русском языке, также как и блока «Бог-вера» в концептуальном поле «Вера», вновь свидетельствует о высокой степени религиозности русского языкового сознания в прошлом.

Примечательно, что часть когнитивных признаков, занимающих периферийные области концептуального поля «Надежда / hope» в русском и английском языках, совпали. К таковым можно причислить признаки *продолжительности надежды во времени, необходимости обладания результатом* и *способности рухнуть / разочаровать человека*. Однако в том и другом случае указанные признаки представлены малым количеством паремий и обладают низкой яркостью.

Тем не менее, когнитивный признак *обманчивости надежды* обладает достаточно высокой яркостью как в русском, так и в английском языках. В английском языке он занимает первое место по яркости и входит в ядро исследуемого концептуального поля, тогда как в русском языке он находится на ближней периферии и занимает четвёртое место по яркости среди остальных 11 признаков.

Таким образом, моделирование фразеологического сегмента концептуального поля «Надежда / hope» в русском и английском языках позволяет не только определить его дополнительные признаки и семантико-когнитивную структуру в частности, но и лингвокультурную специфику в целом.

Литература

- Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. Государ. изд-во худ. лит-ры. – Москва, 1957. – 991 с.
- СУАП – Словарь употребительных английских пословиц / М. В. Буковская, С. И. Вяльцева, З. И. Дубянская. – М.: Рус. яз., 1990. – 240 с.
- ODPSQ – The Oxford Dictionary of Phrase, Saying and Quotation. – Oxford University Press, 2002. – 697 p.
- WDP – The Wordsworth Dictionary of Proverbs. G.L. – Apperson. Wordsworth Editions Limited, 2006. – 656 p.

Summary. The article is dedicated to the structuring of the phraseological segment of the conceptual field **hope** in Russian and English languages. The author is conducting the cognitive comparative research of the Russian and English proverbs trying to determine the linguo-cultural specifics of the above-mentioned conceptual field.

Бобровская Г. В.
**«ВОЛНЫ КРИЗИСА» В ИНФОРМАЦИОННОМ МОРЕ:
ФРАЗЕМИКА И ДРУГИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ
КАК СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «КРИЗИС»**

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
bobrovskaja.gv@rambler.ru

Интерактивная природа коммуникационных процессов в современной массмедиа-сфере обуславливает сложность речевого взаимодействия, которое представляет собой не трансляцию информации и манифестацию намерений, а демонстрацию смыслов (Макаров, 2003: 38-39). Медиадискурс, опосредованный сложноструктурированной и динамически развивающейся системой СМИ, «нацелен» на поиск разнообразных способов реализации информационно-интерпретационной и регулятивной коммуникативных стратегий.

Выявление когнитивно-дискурсивных особенностей образных языковых средств, обладающих общей денотативно-сигнификативной основой, в этом отношении представляется одним из перспективных направлений в изучении прагматической заданности и идеологической отмеченности фраземики и языковых единиц других уровней. В качестве примера в данном докладе анализируются способы образной вербализации концепта «Кризис».

Образный и аксиологический пласты, сформировавшиеся вокруг понятийного ядра, позволяют рассматривать «Кризис» в качестве концепта, занявшего в силу социально-экономических причин доминирующее положение в медиадискурсе (Т. А. Прокофьева, В. А. Марьянчик, Н. В. Черникова и др.). Заметим, что данный концепт был актуализирован в период 2008-2009 гг. в связи с мировым финансовым кризисом; однако в настоящий период СМИ дают нам основания говорить о новой *волне кризиса*.

В современной российской газетной публицистике используются различные способы манифестации исследуемого концепта, в том числе стандартные, построенные по устойчивым метафорическим моделям. Так, один из инвариантов образного строя отечественной публицистики составляет метафора волны. Данная метафорическая модель «наследуется» медиадискурсом из советской публицистики: частотность метафоры в СМИ того периода обусловила закрепление ассоциативных рядов в массовом языковом сознании: *волна протеста* (Солганик, 2003: 261).

Кроме того, продуктивность метафорической модели привела к утрате образности, к закреплению данной метафоры в качестве стандартного элокутивного средства: **«В современной публицистике сложился целый ряд оборотов с опорными словами, которые превращаются в своего рода сигналы известной темы или определенной тональности изложения событий, фактов: волна (протестов, эмиграции)»** (Стилистика и литературное редактирование, 2004: 126). Проиллюстрируем данное положение современными примерами: *Эта вторичная протестная волна – то есть протест против реакции властей на протест<...>* (Новая газета, 2008. № 95); *Если учесть тот факт, что экономические проблемы в стране продолжаются, а вторая волна сокращений в самом разгаре, то 2009-й можно смело назвать годом семьи в кризисе* (Труд, 2009. № 71); *Источник проблемы необходимо искать в США, где зародилась та рухнувшая система. Волны этого обрушения и доходят до нас* (АиФ, 2008. № 44); *Покупатели новостроек эпохи кризиса становятся заложниками ситуации. И рискуют породить новую волну «обманутых дольщиков»* (Изв. 2008. № 221); *Как вы думаете, будет ли вторая волна экономических проблем?* (Комс. правда. 2012. № 33).

В некоторых случаях стереотипный, шаблонный характер употребления слова *волна* в переносном значении приводит к фразеологизации оборотов. Отмечая **«ключевую роль устойчивых единиц в формировании образа кризиса как в массовом, так и индивидуальном сознании»** (Макаров, 2009: 376), рассмотрим сочетание *волна кризиса*.

Обращает на себя внимание динамика, прослеживаемая в газетных материалах в так называемые кризисный и посткризисный периоды. Оперирование параметром

масштаба проблемы демонстрирует манипулятивный характер массово-коммуникативного воздействия: *Представители власти убеждают в том, что разрушающая волна кризиса дойдет до нас лишь маленьким ручейком* (АиФ. 2008. № 13) – акцентирование внимание на официальной позиции власти, не прогнозирующей поначалу масштабную вовлеченность России в мировой экономической кризис; *Волна кризиса разбилась о Россию, не причинив ее экономике существенного вреда, однако оставила много вопросов, на которые отвечать и бизнесу, и простым гражданам* (АиФ. 2008. № 39) – признание негативных последствий кризиса, но отрицание его тотального характера; *Еще пару месяцев назад и правительственные чиновники, и независимые экономисты предрекали вторую волну кризиса, которая должна случиться в октябре – ноябре* (Комс. правда. 2008. № 131); *<...> стали вкачивать деньги в экономику, залезая в долги. То есть вторая волна кризиса возникла как реакция на борьбу с первой волной* (АиФ. 2012. № 7); *<...> все ждут конца света: то ли большая волна, то ливторая волна кризиса нас скоро накроет. И мы будем жить совсем в другом мире...* (АиФ. 2012. № 22) – признание циклического характера и системности проблем; *Пока различные эксперты пугают нас новой волной кризиса в 2013 г., некоторые регионы уже сегодня стоят на пороге нищеты и безработицы* (АиФ. 2012. № 36) – нагнетание напряженности, констатация факта серьезной социально-экономической угрозы.

Ср. также развертывание образной аналогии в аналитической статье: *На мир накатываются волны кризиса. В то время как эксперты пытаются определить частоту и амплитуду грядущих пиков финансово-экономических проблем, предприниматели ищут пути спасения своего бизнеса, а население затягивает пояса и выстраивается в очереди на биржи труда. Коллапса, к счастью, не произошло, но шторм случился изрядный: это не тот случай, когда одни страны барактаются в бушующем море, а другие с комфортом качаются на тех же волнах* (Лит. газета. 2010. № 32–33) – семантическое развитие оборота, наполнение его актуальным коммуникативным смыслом, обусловленным ходом логического рассуждения автора-журналиста, позволяют трактовать данный фрагмент публицистической речи как метафору широкого контекста.

Лингвокреативный потенциал исследуемого пласта образных единиц русской речи становится очевиден и при анализе базовых когнитивных метафор: *И каждый новый лидер, возглавлявший страну, швырял наш корабль такими поворотами руля, что это отзывалось страшным эхом в каждом уголке России* (АиФ. 2007. № 50) – в данном случае образ связан с реализацией концептуальной метафоры *Государство – это корабль*. Показательны также примеры обыгрывания образной основы: *Наша великая страна – не болтающаяся в океане лодочка, которую швыряет в разные стороны* (АиФ. 2010. № 27); *Трагедия «Булгарии» еще раз подтвердила: система госконтроля проржавела и прогнила, как те самые плавучие «корыта». Пора вставать на капитальный ремонт* (АиФ. 2011. № 29).

Другим направлением творческого журналистского поиска, связанного с обращением к метафоре волны, является уподобление общества бурлящей водной стихии. Так, в свойственной ему авторской манере – с использованием приема рифмовки – описывает волны кризиса писатель и публицист Д. Быков: *Да, этот кризис как-то страшен. Тоска, под ложечкой сосет, сижу на льдине, как Папанин, и жду, куда ее снесет. Страна, к депрессии приблизясь, шумит за стенкой, как прибой, – а между тем такой ли кризис переживали мы с тобой?! Тогда, в начале девяностых, равно в столицах и глуши, страна, в ухабах и коростах, жила на медные гроши: ее с Гражданской не швыряло в такой неслыханный провал* (Новая газета. 2009. № 21).

В ряде случаев представляется возможным выявить тексто-жанровую детерминированность употребления исследуемых единиц: семантическая двуплановость фразеологизмов позволяет использовать их в качестве основного текстообразующего средства, к примеру, в жанре сатирического комментария. Ср. цитату А. Чубайса: *«Россия прошла первую волну одного из самых драматичных кризисов... Тем не менее не хочется быть Кассандрой, но будут еще тяжелые времена»* и сатирический комментарий: *«В общем, Чубайс – далеко не Айвазовский, но у этого кризиса еще будет девятый вал – к Кассандре не ходи...»* (АиФ. 2009. № 9) – контекст выстраивается вокруг устойчивых сочетаний *девятый вал* «наивысшее угрожающее проявление чего-либо» и *к гадалке не ходи* «что-либо очевидно». Модификация последнего фразеологизма за счет мифологической аллюзии (*Кассандра*) позволяет емко выразить прогностический смысл и острее обозначить социально-оценочную позицию.

Творческое начало журналистской деятельности выражается и в продуцировании оригинальных образных аналогий: *И вдруг оказалось, что при первом же ударе кризисного колокола все эти «думающие о нас» и, как нам казалось, безумно богатые и весьма успешные компании побежали к государству за помощью* (АиФ. 2008. № 44); *В нашем случае червячком, освободившим яблоню, стал кризис. Ударив по некоторым лбам, он заставил почесать многих региональных и федеральных чиновников ушибленное место и задуматься наконец о количестве подгнивших плодов на дереве* (Комс. правда. 2009. № 1). Данные примеры демонстрируют значимую семантическую роль образных ресурсов языка в экспликации коммуникативных смыслов, обусловленных широким социально оценочным контекстом публицистической речи. В этом отношении использование метафоры подчинено выполнению смыслогенерирующей и характеризующей функций. Так, негативные коннотации возникают при уподоблении проявлений экономического кризиса ударам колокола, в отечественной исторической традиции возвещающего не только о богослужениях и праздниках, но и о различных бедствиях. Используемая образная аналогия позволяет выразить оценочное отношение к описываемой денотативной ситуации. В другом примере метафоры ситуационного образа предполагает иное смысловое развитие: аналогия с яблоней, «освободившейся» от червивых плодов, подчеркивает и определенный позитивный результат произошедших в общественно-экономической жизни событий.

В газетном текстообразовании фразеологизмы и другие образные единицы играют также важную аргументативно-риторическую роль, что проявляется в выполнении ими общей персуазивной (убеждающей) функции. При этом убеждающий характер воздействия принимает различные формы экспликации – интенциональные условия «использования» образности могут варьироваться от пояснительно-иллюстративных до острополемических. Показательно, что в арсенале образных средств газетной публицистики оказываются стереотипные образные аналогии, проясняющие ход развития авторской мысли, являющиеся аргументом в процессе доказательства своего мнения. Приведем в этой связи «медицинские» образные сравнения, наглядно и эмоционально раскрывающие суть отображаемой в тексте ситуации: *Мировая экономика – в хосписе, дожидается, пока обезболивающее перестанет действовать* (АиФ. 2009. № 3); *Теперь американской экономике паразитизма наступает конец. Если бы в мире были силы, за заинтересованные в крахе системы, он бы наступил быстрее. То, что все «родственники» искренне не хотят смерти ракового больного, не гарантирует его выздоровления. А возможности длить агонию были колоссальные* (Комс. правда. 2009. № 28). Также ср.: *Потому, что нельзя накачивать экономику необеспеченными деньгами, да еще в таком немислимом количестве! Ведь именно это «накачивание» и есть единственная фундаментальная причина кризиса. Это все равно что лечить алкоголика ударной дозой спирта* (АиФ. 2009. № 3); *Но посмотрите на их антикризисные меры! Еще большее печатание денег и наращивание долгов. То есть лечат кризис, усугубляя его причины. Но нельзя лечить алкоголизм еще большими дозами спирта* (Комс. правда. 2009. № 28). Данные примеры демонстрируют характерное для современного медиадискурса уподобление состояния экономики состоянию тяжелобольного человека.

Установлено, что в нарративе «Экономический кризис» наиболее употребительными являются не только метафоры из понятийной сферы «Медицина», но и «Природа», которые также «формируют богатые когнитивные модели» (Бочарова, 2009: 30). В дополнение к метафоре волны, рассмотренной ранее, приведем характеристики экономического кризиса посредством оперирования метафорой пожара, пламени: *Невзирая на финансовую чехарду, которую мы наблюдаем последние недели, волгоградцы проявили незаурядную выдержку. <...> Некоторая нервозность возникла в минувшую среду, когда **пламя кризиса** разгорелось с особой силой* (Моск. комсомолец в Волгограде. 2008. № 39); *Деньги, от которых лопаются кошелек Кудрина, станут направляться не в **пылающую печку** американского кризиса, а на нужды русской армии и промышленности, нужды народа, которому предстоит выдержать новые испытания XXI века* (Завтра. 2008. № 36); *В ходе прямой линии с народом премьер призвал россиян быть готовым к новым тяжелым временам, а также объяснил, как власть намерена бороться с кризисом. **Пламя финансового пожара** планируется гасить с помощью как минимум национализации жизненно важных предприятий* (Моск. комсомолец. 2008. № 50). Очевидно, что ситуативно-тематическая основа публицистических текстов позво-

ляет «эксплуатировать» метафорические модели в целях вербализации одного денотата. Вторичный денотат, являясь переменной составляющей в ономаσιологическом отношении, может выступать единой базой для видовых реализаций определенных метафорических моделей.

Необходимо обратить внимание на манипулятивные предпосылки использования образных языковых средств в современном медиадискурсе. Не будет преувеличением суждение о том, что, представляя кризис как тяжелую болезнь либо стихийное бедствие, агрессивные метафоры «нагнетают катастрофизм в обществе, внушают чувство страха, безысходности» (Цонева, 2009: 547).

Обобщая изложенное выше, отметим, в своем исследовании мы выявили различные способы вербализации концепта «Кризис», связанные с межуровневым взаимодействием таких образных единиц русского языка, как фразеологизмы, сравнения и метафоры. Часть данных единиц, построенных по являющимся традиционными моделям (в частности, метафора *волны*), демонстрирует тенденции к высвечиванию исходной образной основы. Ярко образный и ценностно-смысловый компоненты исследуемого концепта проявляются в продуцировании аналогий с пламенем, пожаром; в фитоморфных и медицинских оригинальных журналистских образных аналогиях. Интенциональные предпосылки публицистического текстообразования обуславливают экспликацию образной основы фразеологизмов как один из способов познания, описания и оценки социально-экономических реалий. Информационное воздействие фраземики и смежных языковых единиц в данном аспекте связано с моделированием картины мира глобального субъекта – массового адресата.

Литература

Бочарова, Э. А. Дискурс кризиса: метафорические модели отражения концепта «экономический кризис» / Э. А. Бочарова // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и Интернет-коммуникация: матер. междунар. конф. – М., 2009. – С. 27-31.

Макаров, В. И. Фразеология кризиса / В. И. Макаров // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: Матер. междунар. науч. симпозиума. – Великий Новгород, 2009. – С. 374-376.

Макаров, М. Л. Основы теории дискурса: монография / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

Марьянчик, В. А. Кризис как медиаобраз / В. А. Марьянчик // Русская речь. 2009. № 5. – С. 83-84.

Прокофьева, Т. А. Концепт «Кризис» в современном политическом дискурсе: дис. ...канд. филол. наук / Т. А. Прокофьева. – СПб, 2010. – 332 с.

Солганик, Г. Я. О языке и стиле газеты / Г. Я. Солганик // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003.

Стилистика и литературное редактирование / под ред. В. И. Максимова. – М., 2004.

Цонева, Л. М. Метафорическое моделирование экономического кризиса / Л. М. Цонева // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и Интернет-коммуникация: матер. междунар. конф. – М., 2009. – С. 540-548.

Черникова, Н. В. Кризис в эпоху кризисов / Н. В. Черникова // Русская речь. 2010. № 4. – С. 55-61.

Summary. The article is devoted to the methods of verbalization of concept «Crisis» in the modern Russian newspaper journalism. There are analyzed the specificity of typical metaphorical models. A special attention is paid to the phrase *waves of crisis*.

Боднар И. М.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ КОНЦЕПТА СФЕРЫ «ОБРАЗОВАНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Украина, г. Львов, Львовский национальный университет имени Ивана Франко
birynka@ukr.net

Фразеология предполагает запечатление реалий, воспринимающихся человеком, в какой-то специально отделанной ассоциативной форме, иногда с примесью иронии, иногда – нравоучения. Но главное заключается в том, что в мире действительности приоритеты и реалии постоянно сменяют друг друга, что в свою очередь предусматривает ротацию вокабуляра и узуальные изменения лексических единиц, а метафорически застыв-

шие сегменты актуализации внешнего мира живут столетиями и пользуются популярностью у носителей языка.

Это и стало одной из главных причин пристального внимания не одного поколения лингвистов к изучению слоя языка именуемого фразеологические единицы (ФЕ), а в рамках когнитивной науки – также концептологического изучения роли идиоматической лексики в языковой картине того или иного народа. Многие учёные (Ч. Филмор, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Лангакер, Л. Талми, Р. М. Фрумкина, О. С. Кубрякова, О. М. Селиверстова, В. Ф. Старко, О. Баранов и др.) апеллируют к проблемам языкового сознания и определению связей между его составными, поскольку тот или иной компонент непосредственно или косвенно связан с другими элементами исходя из иерархии актуальных для носителя языка признаков. Этнокультурная специфика семантики, морфологии и синтаксиса обусловлена этнокультурной спецификой лексического состава языка. Иными словами, категориальная специфика языка в целом предопределяется менталитетом народа и находит свое выражение в детальном представлении одной категории, либо отсутствии других (Раевская, 2006: 34-35).

Апелляция языковых исследований к экстралингвальной действительности популяризируется все в большей и большей степени, так как лексическое строение языка невозможно изучить, не учитывая специфики реалий бытия его носителей. Лингвисты проследили, что в словах как номинативных единицах языка зашифрованы некоторые знания о мире действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые языковыми единицами реальные или идеальные сущности (Уфимцева, 1988: 120).

В отечественной лингвистике Р. П. Зоривчак ещё в начале 80-х гг. прошлого столетия обратила внимание на ассоциативную связь между реалиями действительности (внешним миром человека) и формами их языковой репрезентации (Зоривчак, 1983: 1989). Она вывела аксиому, что фразеология строится на национальном, а национальное всегда имеет свои специфические особенности. С. Н. Денисенко также считает фразеологию составной частью национального языка, той его областью, которая представляет аспекты национальной психологии, менталитета, культуры его носителей, – то есть те стороны внутреннего и внешнего мира людей, без понимания и проникновения в которые невозможно до конца осмыслить их национальный язык (Денисенко, 2009: 508). По сути, фразеологическая подсистема – это та область языка, где концентрируется вся его специфика. История народа, обычаи, культура, цивилизация, литература, даже погода и способ питания находят свое отражение в фразеологии.

Антропо- и этноцентризм когнитивно-ономасиологических исследований, преобладающий в современном языкознании, выдвигает основоположные постулаты для когнитивной науки (Селиванова, 2000: 39). Необходимость наличия такого принципа в лингвистике диктуется стилем современного информационно-техногенного развития цивилизации, главной гуманитарной отраслью которого является когнитивистика, занимающаяся **«информацией о мире в разных ракурсах и отношениях, изучая такие сложные феномены человеческого бытия как восприятие мира и отражение воспрятого в голове человека, как языка мозга, как память и организация когнитивных способностей человека»** (Кубрякова, 2004: 18).

Исследователи нашли такую когнитивно-семантическую категорию, как концепты наиболее приемлемой и наиболее точно актуализирующей корреляцию между внешним и внутренним миром человека. Концепты не просто осмысляются, но и переживаются; они – предмет эмоций, симпатий та антипатий. Как определил Ю. Степанов, концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека (Степанов, 1997: 41). Понятия, управляющие нашим мышлением, также управляют и нашей повседневной деятельностью, включая даже самые мелкие её детали.

Американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон указали, что субъективные понятия индивида строят реальный мир человеческого общества, влияют на способ нашего поведения и общения с себе подобными. То есть, система понятий человека – это ядро, определяющее его повседневную деятельность. И что самое главное – эта система носит преимущественно метафорический характер, а это значит, что и наше мышление, и повседневный опыт тоже в значительной степени предопределены метафорой (Лакофф, Джонсон, 2004: 25).

Конечно, между концептами как единицами мыслительной деятельности существуют определённые связи по концептуальным признакам. Они просматриваются сквозь

значения слов, через другие единицы, объективирующие концепты в языке, то есть эти связи маркированы языком, а потому представляют предмет для лингвистического анализа (Попова, Стернин, 2007: 12).

Изучая словарный фонд английского языка и выделяя из него концептуальную сферу образования, мы обнаружили, что она в свою очередь делится на категории, представляя разнообразие субъектов, объектов, процессов и понятий, объединённых общим концептуальным признаком (КП).

Каждая из категорий актуализируется, помимо чисто лексических, также и фразеологическими единицами. Это придает устойчивости и важности конкретной категории в английской языковой картине. Бесспорным является тот факт, что чем больше метафор присутствует в языковой репрезентации определённого понятия, тем востребованней оно оказывается в повседневной жизни.

Например, в многовекторном концептуальном понятии «Образование», нами были выделены такие концептуальные (понятийные) категории: «Участник процесса обучения», «Процесс обучения», «Результат обучения», «Обучение как абстрактное понятие». ФЕ представляющие данные категории, построены по разным семантическим и когнитивным признакам.

Естественно, что основными репрезентантами процесса передачи – получения информации являются понятия учить – *to teach* и учиться – *to learn*. Эти лексемы выступают опорными компонентами соответствующих ФЕ, в которых выражены упрек, или степень наказания (особенно морального): *that'll teach you something; to teach somebody a lesson; you can't teach olden dog new tricks; to teach your grandmother (to suck eggs), to learn one's lesson*.

Процесс обучения не всегда добровольный, а наоборот, часто носит оттенок насилия, принуждения, давления, подтверждением чего служат следующие лексические единицы с идиоматическим элементом: *to brainwash, to beat into, to instill, to implant* (ср. *промывать мозги, вбивать в голову*). А вот ФЕ *bluebook, chalk talk, under instruction* передают ассоциативную связь с учебным процессом (ведь мел – неотъемлемый атрибут школьного урока, а тетрадь с листками голубого цвета используется на экзаменах в университете).

Само понятие «процесс восприятия информации» актуализируется в английском языке следующими ФЕ:

1) с помощью идентифицирующего понятия *hear*, которое актуализирует данный смысл наряду с идиоматическими единицами *to get the picture of, to catch on, to belled to believe, to get wind of, to get wise to, to have on good authority, to pick up; to read one's lips;*

2) с опорным компонентом *mind: broaden the mind, cram the mind, load the mind*, – таким образом, образовательный процесс подразумевает ‘загрузку’ информации в голову обучаемого. Знания также имеют одушевлённые характеристики, они ‘схватываются’, ‘проникают’ в человека: *to grasp, soak up, to take in (knowledge, information);*

3) с опорным компонентом *read*, служащего для образования ряда фразеологических оборотов, ассоциирующиеся в той или иной степени с учебным/познавательным процессом: *to read between lines; to read someone's mind/thoughts; to take something as read; to read up on something/to read something up;*

4) с опорным компонентом *get* – ‘получить знания’: *get the hang of, get the knack of, get the picture of.*

Таким образом, физические органы восприятия информации – глаза, уши, голова (мозг) сами служат образовательными элементами ФЕ этой категории, а также выступают образными (метафорическими) прототипами идиоматических оборотов, в комплексе актуализируя с помощью языковых средств гносеологический процесс как неотъемлемую часть жизни и деятельности человека.

Концептуальный признак (КП) «Получение знаний/умений посредством практических навыков» актуализируется в английском языке именами существительным и прилагательным *practice*, при этом практически с одинаковым питомым весомданного КП. *Practice* также служит опорным компонентом для ряда идиоматических единиц, репрезентирующих обобщенный КП «ОБРАЗОВАНИЕ»: *practice makes perfect; in practice for something; to be in practice / to be out of practice; to put something into practice.*

Архисема *know* в концепте «Результат обучения» объединяет разные языковые средства актуализации понятия «воспринимать/понимать информацию». Этот КП на уровне метафор как ассоциативных средств презентации реалий действительности пред-

ставлен следующими оборотами: *tell apart, call back, call up, get hold of, get the idea, get wind of, recall knowledge of, keep up on, on top of, take in*. Как видно из примеров, у этих ФЕ нет унифицированного опорного компонента, их составными служат разные лексические единицы. Но все они объединены общим смыслом – характеризуют умения обучающегося воспроизвести в памяти уже имеющиеся сведения, различить поток новой информации, осознать недавно полученные знания, чтобы потом практически их применить.

Более того, реципиент может «всасывать» (*absorb*) или «переваривать» (*digest*) информацию. Идиоматические выражения *know the ropes, in the know*, как и *know something inside out, know something backwards (BrE) = know something backwards and forwards*, в которых ключевым понятием опорным компонентом является слово *know*, также выполняют роль средства актуализации данного КП. Утвердительная форма *Heaven/God/who/goodness knows!* служит для метафорической передачи смысла [что-то, неведомое человеку / что-то, о чём нет никакой информации].

«Обучение как абстрактное понятие» представлено на семантическом уровне словами *information, knowledge, wisdom* – терминами, обозначающими накопление знаний и умений в процессе чтения, обучения и приобретения практического опыта. *Information* касается рассказанных, прочитанных, пересказанных фактов, которые могут быть хаотически организованными, или вообще не соотноситься с темой: *to pick up useful information. Knowledge* – это организованный поток информации, или же осмысление и понимание вследствие освоения такого потока фактов: *a knowledge of chemistry*. И наоборот, отсутствие информации или недостаточное ее количество может иметь плачевные последствия для реципиента: *Little knowledge is a dangerous thing* (15). Другой фразеологизм с опорным компонентом *knowledge, to the best of one's knowledge* (18), обозначает «возможность оперировать имеющуюся информацией». В английской языковой картине присутствует понятие *a thirst for knowledge*, перекликающееся с нашими *жажда знаний, спрага до знань*. *Wisdom* репрезентирует знания о человеке, его жизни, способа поведения, через факты ассимилированные настолько тщательно, что способны продуцировать проницательные, осмысленные суждения: *to use wisdom in handling people* (16).

Лексема *lecture* актуализирует в английском языке (как и в украинском или русском) два понятия:

1) лекция образовательного/информативного плана обращенная к определённой аудитории (человека, который обучается): *a lecture on Picasso's painting*, или же акт совершения такой речи: *He was lecturing at the University of Birmingham*; 2) критиковать, отчитывать, предупреждать кого-либо в строгой форме за неправильное поведение, с помощью категорий глагола и существительного: *He lectured the child regularly but with little effect; My father gave me a lecture about the dangers of drinks*. (ср. укр. ‘прочитати лекцію’, рус. ‘прочитать лекцию’ – критиковать, ругать). Именно этот признак представлен в языке большим количеством оборотов с идиоматическим элементом: *chalk talk, chew out (AmE), dress down/dressing down, fulminate against, have words with, moral lesson, read a lesson, read a sermon, set down, set straight, skull session, tell off, tongue-lash/tongue-lashing, verbum sapienti, wig/wigging (BrE), warning piece*.

Как существительное, *lecturer* также актуализирует в языке два семантико-когнитивных признака. Первый из них – некто, читающий лекции – касается, в основном, «провозглашения речи образовательного/информативного характера, обращенной к определённой аудитории», второй указывает на ученую степень (*лектор* – это *доцент, профессор, инструктор, докладчик*). А вот *особа, читающая кому-то лекцию, т. е. – строго критикуя кого-либо*, представлена идиоматическим выражением *Dutch uncle*.

КП «Участник процесса обучения», или «Обучающийся», представлено довольно обширным количеством языковых единиц, в семантике которых присутствуют метафорические признаки, – ведь они ассоциируются с человеком, который ещё не приобрел опыта, то есть представляется ‘зелёным’, ‘свежим’, как ‘желторотый птенец’. В этой категории можно выделить следующие группы идиом, в зависимости от их опорного компонента: а) соматизмы *in embryo, tenderfoot, babe*; б) зооморфизмы *colt, fish, greenhorn, nestling bird-brained, (egregious) ass, jackass, mooncalf*; в) флоризмы *in the bud, buckwheater, greeny/greenie, hayseed*. В противовес им, существует ФЕ *old hand* для обозначения признака ‘профессионал’. Также эту концептуальную категорию представляют идиоматические выражения нейтральной окраски с смысловыми компонентами ‘сырой’, ‘детский’, то есть ещё не опытный, который будет начинать учиться: *raw recruit, rawness. in its infancy, new kid on the block*.

Понятие *illiterate*, раздвинувшее значение ‘необразованный человек, не умеющий читать и писать’, актуализирует его не только на семантическом, но и на ассоциативном уровне якого языкового сознания. Выражение известного русского поэта, ставшее крылатым ‘неученье – тьма’ подтверждается языковыми фактами и у носителей английского языка: человек, не владеющий элементарными знаниями, находится ‘в темноте’: *benighted, in the dark, unenlightened*.

Таким образом, как отмечает В. М. Русанівський (Русанівський, 1988: 71), язык как множество разнокатегориальных средств служит инструментом знаково-звуковой экспликации субъективного опыта как отдельного человека, так и человечества в целом в объективном восприятии тех или иных предметов, явлений, а также их статистических и динамических признаков. Две функции языка – познавательная и информационная – могут сопоставляться с умственной и рассудительной деятельностью человека в процессе познания мира (Русанівський, 1988: 49).

Наш эксперимент ещё раз подтвердил постулат о том, что концепты отражают как индивидуальный, так и групповой опыт человеческого мировоззрения и деятельности (Старко, 2007: 21), с помощью концептов мы проникаем внутрь определённой лингвокультуры. А фразеологические единицы, как специфические языковые образования, которым присущи образность и метафоричность, являются носителями так называемых скрытых знаний – *tacit knowledge* (по А. Вежбицкой). И именно эта неосознанная часть значения языковых единиц и есть психологически реальна, она проявляется в языке и способна влиять на языковые процессы.

Изучение культуры сквозь призму языка, а именно сквозь призму ключевых понятий и их лингвистических репрезентантов, становится перспективным направлением современной лингвистики. Изучение концептов, которое в свою очередь предусматривает тщательный лексический, семантический, фразеологический, стилистический, морфологический а также концептуальный анализ как унифицированный комплекс лингвистического исследования, позволит пролить свет на ряд проблем в разных языковых картинах, связанных с менталитетом и культурой разных народов.

Литература

- Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М., 2004. – 555 с.
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон / Пер. с англ.: Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
- Раевская, М. М. Язык в ментальном пространстве: к проблеме постижения национальной логики мышления / М. М. Раевская // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. – С. 27- 40.
- Селиванова, Е. А. Когнитивная ономазіологія / Е. А. Селиванова / Черкасс. гос. ун-т ім. Б. Хмельницького. – К.: Фитосоціоцентр, 2000. – 248 с.
- Степанов, Ю. С. Концепт // Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40-76.
- Уфимцева, А. А. Лекарственное значение (Принципы семиологического описания лексики) / А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
- Денисенко, С. Н. Відображення фразеологічної картини світу в німецьких фразеологізмах та їх дериватах з образами природи (синхронно-діахронічний аспект) / С. Н. Денисенко // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки, 2009. № 6. – С. 507- 509.
- Зорівчак, Р. П. Реалія і переклад (на матеріалі англословних перекладів української прози) / Р.П. Зорівчак. – Львів: Вид-во при Львів. Ун-ті, 1989. – 215 с.
- Зорівчак, Р. П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. – Львів, 1983. – 175 с.
- Русанівський, В. М. Структура лексичної і граматичної семантики / В. М. Русанівський. – К.: Наукова думка, 1988. – 240 с
- Старко, В. Ф. Концепт ГРА / В. Ф. Старко: Моногр. Луцьк: РВВ «Вежа». – Волинь. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. – 204 с.

Словари

- Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 1455 с.
- Англо-український фразеологічний словник / Уклад К. Т. Баранцев. – К.: Знання, 2006. – 1056 с.
- Collins English Dictionary – Complete and Unabridged 10th Edition 2009. [Електроннийресурс].–Режим доступа: www.dictionary.reference.com

Dictionary.com Unabridged – Based on the Random House Unabridged Dictionary, © Random House, Inc. 2006. – Режим доступа: www.dictionary.reference.com
Longman Dictionary of Contemporary English. – Режим доступа: www.ldoceonline.com
Oxford Dictionaries. – Режим доступа: www.oxforddictionaries.com
Roget's 21st Century Thesaurus, Third Edition. – Режим доступа: www.bartleby.com.

Summary. This article is devoted to the problem of linguistic representation of a set of concepts combined with the notion of Education. Phraseological units (PU) contribute much to setting the above concept in the right place in the language picture of the world.

Головинова В. В.
ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЯ С ФИЗИЧЕСКИМИ ТЕРМИНАМИ
В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет
golovinovavv@gmail.com

Фразеология тесно связана с лексикологией. В некоторых изданиях фразеология представляется как отрасль лексикологии. Очевидно, что эта наука покрывает большой и разнообразный по составу языковой материал. З. Д. Попова и М. М. Копыленко предлагают универсальный термин *фразеосочетаний*, покрывающий **«все виды сочетания лексем от так называемых «свободных» до идиом»** (Копыленко, 1978: 77). Предметом изучения настоящей статьи являются фразеосочетания, имеющие в своём составе физический термин. Стоит отметить, что термин рассматривается не как единица терминосистемы физической науки, а как лексема в системе языка. Данная группа фразеосочетаний неоднородна по своему составу. Соответственно, выделяются следующие подгруппы.

Сугубо терминологические фразеосочетания представляют собой составные физические термины. Они образовались в процессе развития физической науки, уточняя, детализируя уже имеющиеся на тот момент термины. Так при изучении движения был введён термин *скорость*. Позже стали говорить о *колебательной, мгновенной, средней, угловой скорости*. А ещё позже – о *скорости молекулы, наиболее вероятной скорости молекулы, и среднеквадратичной скорости молекулы*. Все эти сочетания в рамках физической науки приобрели особый, терминологический, смысл, общеизвестны в научной среде и характеризуются воспроизводимостью в готовом виде, что даёт нам право называть их фразеосочетаниями. В состав данных фразеосочетаний входят две или более лексем с терминологическим или общенаучным значением. Схемы образования подобных сочетаний также изучены в рамках терминоведения, составлены грамматические модели.

Отдельно стоит отметить терминологические фразеосочетания с общеязыковой лексемой. Прямое номинативное значение (семема Д1 по типологии З. Д. Поповой и М. М. Копыленко) такая лексема имеет в общем языке, в термине же употребляется с производным значением (семема Д2). Лексема *поле* имеет семему Д1: **«безлесная равнина. Собрать цветы в поле»** (Кузнецов, 2008: 899), а в составе термина магнитное поле употребляется с семемой Д2: **«особая форма материи – носитель физических взаимодействий»** (там же).

Силовое действие магнитов обусловлено существованием магнитного поля (Кухлинг, 1983: 334).

Лексема *плечо* в общем языке реализуется с семемой Д1: **«часть туловища от шеи до руки. Худые плечи»** (Кузнецов, 2008: 842). А в составе терминологического фразеосочетания данное слово используется с семемой К1: **«часть рычага от точки опоры до точки приложения силы»** (там же).

Самый важный из них гласит: силы, уравновешивающие рычаг, обратно пропорциональны длинам плеч рычага (Зверкина, 2008: 5).

В термине *канал связи* также реализуется семема Д2 лексемы *канал*: **«линия связи, коммуникации»** (Кузнецов, 2008: 413).

Каналом связи называется совокупность средств, обеспечивающих передачу сигнала от некоторой точки А системы до точки Б (Зюко, 1999: 14).

В общем языке лексема употребляется с семемой Д1: **«наполненное водой искусственное русло, предназначенное для судоходной связи между отдельными реками, озёра-**

ми и морями, а также для целей водоснабжения, орошения, отвода или стока воды. *Судоходный канал*» (Кузнецов, 2008: 413).

Интересно, что общеязыковая лексема заимствуется физической наукой, конкретизируется, становясь терминологическим фразеосочетанием, затем переосмысливается и употребляется в речи как метафора. Прямым номинативным значением лексемы *сила* является: «**Способность живых существ к физическим действиям, требующим значительного напряжения мышц. Мышечная сила**» (Кузнецов, 2008: 1185). Лексема с семемой Д2-1 «**величина механического взаимодействия тел, вызывающего их ускорение или деформацию**» (там же) реализует физическое терминологическое значение.

Сила полностью задана, если указаны её численное значение, направление и точка приложения (Яворский, 2006: 30).

Реализуя семему Д2-1, лексема входит в состав многих физических терминов: *сила Ампера, движущая, коэрцитивная, реактивная, света, упругая* и т. д. Среди них есть термин *центробежная сила* – «сила инерции; она противодействует изменению состояния движения и направлена от центра вращения» (Кухлинг, 1983: 93). В речи (обычно в политических выступлениях) термин *центробежные силы* используется в качестве метафоры с семемами К1К1.

*У нас были такие **центробежные силы**, которые разрывали нашу страну в первой половине девяностых годов* (Грызлов 10.09.10).

Не менее показательное разнообразное употребление лексемы *точка*. В общем языке лексема реализуется с семемой Д1: «**Метка, след от прикосновения, укола чем-л. острым (кончиком карандаша, пера, иглы и т. п.); маленькое круглое пятнышко, крапинка. Пунктир из точек**» (Кузнецов, 2008: 1336). В физико-математические науки лексема была взята в качестве удобного наименования нужного символа. Путь абстрагирования достаточно подробно описывает М. Я. Выгодский в «Справочнике по элементарной математике»: «**Линию мы лишаем толщины и ширины, а точку вовсе лишаем измерений. В природе нет точек, лишенных измерений, но есть предметы столь малых размеров, что их в некоторых условиях можно принять за геометрические точки. <...> Отвлеченная форма геометрических понятий для того и служит, чтобы эти свойства их изучить в чистом виде**» (Выгодский, 1966, с 269). Аналогичная ситуация и в физике: «**Материальной точкой называют тело, размеры которого несущественны в рассматриваемой задаче**» (Яворский, 2006: 5). Именно так лексема *точка* приобрела терминологическое значение, которое представляет собой семему Д2-1. В рамках физической науки лексема *точка* продуктивна: *точка критическая, мировая, плавления, тройная*. Термин *точка кипения* был привлечён в публичную речь с метафорическим переосмыслением значения Д2-2: «**Температурный предел, при котором наступает превращение вещества из одного агрегатного состояния в другое**» (Кузнецов, 2008: 1336) и приобретает значение «верхняя граница, предел».

*Мы доходим до критической **точки кипения**. Дальше этого кипения в мировоздании может быть только возвращение светлых сил с дубинкой* (Глоба 06.11.1996).

Кроме того, отмечена реализация лексемы с семемой Д2-3: «**момент в развитии, течении, ходе чего-либо. Точка сближения, взаимодействия**» (Кузнецов, 2008: 1336) в терминологических фразеосочетаниях *точка взаимодействия, точка невозврата, точка отсчёта*. Метафорически переосмысливаясь, некоторые из терминов употребляются в речи в составе фразеосочетаний с семемой К1.

*...Если реформа политической системы России не начнётся сегодня, то Россия может пропустить ту **точку невозврата**, которую пропустил в своё время Советский Союз, не начав вовремя реформирование страны* (Митрохин 22.01.10). *... Мне кажется, это повод для того, чтобы как раз предложить, по сути, некие новые **точки отсчётов*** (Медведев 29.04.11).

Кроме того в публичных выступлениях отмечена реализация лексемы *точка* с семемой К1, производной от семемы Д2-3 «**момент в развитии, течении, ходе чего-либо**» (Кузнецов, 2008: 1336) в составе фразеосочетания *точка необходимости*.

*Для того, чтобы у нас была выверенная «**точка необходимости**», чтобы мы точно знали, что для функционирования Единого экономического пространства нам нужен определённый массив, и этот массив покрывает какой-то предмет* (Шувалов 25.03.10).

Наибольший интерес представляют устойчивые сочетания, которые стали фразеологическими в речи. В подобных случаях термин метафорически переосмыслился носителями языка, приобрёл новое значение, новые возможности сочетаемости с другими лексемами языка и в рамках речи вошёл в состав фразеологической единицы. В физике лексема *проводник* реализуется с семемой Д1: **«Вещество или среда, обладающие проводимостью (1 зн.). Металл – проводник электричества»** (Кузнецов, 2008: 1002). Стоит отметить также употребление термина в политическом выступлении с семемой К1: **«посредник при распространении чего-либо (каких-либо идей, взглядов и т. п.). Проводник чужих идей и мнений»** (там же).

Мы хотим видеть Минрегион более эффективным проводником нужд регионов в Правительстве Российской Федерации, и, если в этом есть необходимость, мы готовы в этом помочь (Псарев 19.03.10).

Физическим термином лексема *вес* является при употреблении с семемой Д1 **«сила тяжести»** (Кузнецов, 2008: 121). В общем языке лексема реализуется в составе фразеосочетания *иметь вес*.

Миротворческая деятельность государства, о которой мы сегодня говорим на конференции, не может быть успешной, если само государство не имеет должного веса в международной системе взаимоотношений (Салмин 23.10.09).

Лексема *фокус* употребляется в значении термина с семемой Д1 **«точка, в которой после прохождения оптической системы параллельным пучком лучей последние пересекаются. Фокус линзы»** (Благодарный, 2006: 41). Отмечена реализация лексем с семемой К1 «средоточие, центр. *Попасть в фокус внимания»* в составе фразеосочетания *в фокусе внимания*

А то, что МОТ уже держит эту тематику в фокусе внимания, подтверждает Глобальный пакт о рабочих местах (Путин 15.06.11).

Составной термин *коэффициент полезного действия* ещё в физике стал фразеосочетанием, имеет строгое определение: **«отношение отдаваемой мощности к подводимой мощности»** (Кухлинг, 1983: 85).

Также было отмечено употребление термина не в прямом значении, а в образно переосмысленном, в нестандартном окружении.

Если мы хотим, всё же, чтобы был хотя бы 60-70% КПД, что это будет потом реализовано в определённых документах или решениях, то тогда мы должны сами себя взаимно экспертировать и если дополнительно нам нужен взгляд со стороны, допустим Минфина (Попов 04.04.11).

В приведённом примере термин употребляется в значении «эффективность какого-либо действия, работы».

Составная номинация *центр тяжести* представляет собой физический термин с прямым значением: **«точка приложения этой силы [силы тяжести]»** (Кухлинг, 1983: 48). В нашей выборке отмечено метафорическое употребление термина в значении «полная мера».

Здесь необходимо смещение центра тяжести ответственности на собственника, здесь необходимо смещение центра тяжести ответственности с административно-уголовной к материальной ответственности (Шаккум 19.03.10).

Лексема *мощность* в прямом номинативном значении (семема Д1) **«отношение произведенной работы и времени, в течение которого совершена работа»** (Кухлинг, 1983: 83) используется в ряде технических наук. В речи термин употребляется с семемой Д2 **«величина, характеризующая максимальные возможности промышленности, предприятия и т. п. по выпуску годовой продукции»** (Кузнецов, 2008: 561) в составе фразеосочетания *на полную мощность*.

А затем, в течение нескольких лет сюда будут поставлены оставшиеся совершенно новые гидроагрегаты, и станция заработает на полную мощность (Зарубин 16.12.09).

Термин *объём* реализует в физико-математических науках семему Д1 **«величина чего-либо в длину, высоту и ширину, измеряемая в кубических единицах. Объём геометрического тела»** (Кузнецов, 2008: 693). Лексема употребляется также с семемой К1 **«полностью, целиком, ничего не исключая»** (там же) в составе фразеосочетания *в полном объёме*.

С 1 января 2009 года Лесной кодекс вступил в действие в полном объёме» (Гиряев 28.10.09). *Мы ориентируемся на то, что нам можно будет применять в полном объёме, хотя у нас есть право вводить оговорки по этому стандарту* (Кудрин 14.06.11).

Лексема *поступательный* входит в состав физического термина *поступательное движение* «**движение, при котором прямая, соединяющая две любые точки этого тела, перемещается, оставаясь параллельной своему начальному направлению**» (Яворский, 2006: 18). В нашей выборке зафиксировано производное фразеосочетание *поступательное развитие*: «**постепенно эволюционирующий, движущийся по пути прогресса. Поступательное развитие общества**» (Кузнецов, 2008: 939).

Но важно другое, и это как раз то, что нас объединяет: понимание того, что основу национальной безопасности составляет устойчивое и **поступательное внутреннее развитие** (Лавров 01.09.10). Это значит, что пришла пора... определить те конкретные меры, которые позволят обеспечить **поступательное развитие сельского хозяйства** (Путин 22.10.10).

В данной работе рассмотрены некоторые термины физической науки в составе фразеосочетаний. Тем не менее, становится очевидно, что фразеология – открытая система. С одной стороны, лексемы общего языка пополняют её состав, образуя устойчивые составные наименования новых научных реалий. С другой стороны, терминологические фразеосочетания обогащают язык и речь, подвергаясь метафорическому переосмыслению. Таким образом, становится очевидной неразрывная связь фразеологии и лексикологии.

Источники примеров:

Гиряев 28.10.09: Стенограмма Интернет-конференции, проведённая компанией «Гарант». – Режим доступа: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?t=6028>

Глоба, П. П.: Лекция: «Зороастрийская картина мира. Четыре эпохи мироздания, их связь с зодиакальными знаками. 12-тысячелетние циклы. Космический день. Двойной Зодиак». – Режим доступа: <http://school-astrology.com/?p=1843> <http://school-astrology.com/?p=1843>

Зарубин 16.12.09: Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение». – Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/13427/>

Зверкина, Г. А. История об Архимеде, весах и алгебре / Г. А. Зверкина // Живая математика: познавательный журнал молодёжи и юношества, вып. 2, 2008. – С. 4-6

Зюко, А. Г. Теория электрической связи. – М.: Радио и связь, 1999. – 432 с.

Интервью Б. В. Грызлова корреспонденту телеканала «Россия 24» по итогам Мирового политического форума (г. Ярославль). – Режим доступа: <http://www.zsvo.ru/video/view/394/>

Кудрин 14.06.11: Стенограмма заседания Президиума Правительства РФ. – Режим доступа: <http://правительство.рф/docs/15558/>

Лавров 01.09.10: Стенограмма Выступления в МГИМО (У) МИД России. [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.mgimo.ru/files/14/01_lavrov.pdf

Медведев 29.04.11: Стенограмма Встречи Д. А. Медведева со студентами и преподавателями технических вузов (г. Москва, МЭИ). – Режим доступа: <http://neweconomics.ru/blog/meeting-with-students-2010>

Митрохин: Стенограмма заседания Государственного совета по вопросам политического развития России. – Режим доступа: <http://президент.рф/выступления/6701>

Попов 04.04.11: Стенограмма заседания экспертной группы №16 «Развитие общественных институтов». – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2011/04/11/1210510400/Stenogramma%2016%20gruppa%20ot%204042011.pdf>

Псарёв 19.03.10: Стенограмма Коллегии регионального развития. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2010/03/stens.doc>

Путин 15.06.11: Стенограмма 100 сессии конференции по охране труда. – Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/15577/>

Путин 22.10.10: Стенограмма Совещания по итогам проведения сезонно-полевых работ и развитию животноводства (г. Ростов-на-Дону). – Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/12693/>

Салмин 23.10.09: Стенограмма Конференции: «Возможности религии в созидании мира и урегулировании конфликтов» (СПбГУ, Факультет МО – Режим доступа: <http://www.nowoselie.ru/index.php/2009-11-23-15-09-28/37-publition/84--lr->

Шаккум 19.03.10: Стенограмма Коллегии регионального развития. – Режим доступа: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2010/03/stens.doc>

Шувалов 25.03.10: Стенограмма выступления на международной конференции «Техрегулирование 2012. Инструментарий формирования Единого экономического пространства». – Режим доступа: <http://правительство.рф/docs/9921/>

Яворский, Б. М. Справочник по физике для инженеров и студентов вузов / Б. М. Яворский [и др.]. – М.: ООО «Издательство «Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2006. – 1056 с.

Литература

- Благодарный, В. В. Физические термины: краткий этимологический словарь / В. В. Благодарный, В. И. Мелешко. – М.: Чистые пруды, 2006. – 48 с.
- Выгодский, М. Я. Справочник по элементарной математике / М. Я. Выгодский. – М.: Наука, 1966. – 424 с.
- Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М: Высш. шк., 1987. – 104 с.
- Головинова, В. В. Термины точных наук в составе фразеосочетаний публичной речи / В. В. Головинова, З. Д. Попова // Категории. Связи, свойства и функции номинативных единиц в языке и речи: сб. науч. ст., посвященный 85-летию д-ра филол. наук, проф. А. М. Чепасовой. – Челябинск: ЗАО «ЦИЦЕРО», 2012. – С. 112-118.
- Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка) / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 1978. – 192 с.
- Кухлинг, Х. Справочник по физике / Х. Кухлинг. – М.: Мир, 1983. – 520 с.
- Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
- Новейший большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – М.: «РИПОЛ классик», 2008. – 1536 с.

Summary. We study the question of the intimate connection of lexicology and phraseology in this paper. The materials of research are physical terms. The study showed that physical terms and phraseology enrich each other and vocabulary of a language as a whole.

Голубева Е. В.

ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА В КАЛМЫЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ¹

Россия, г. Элиста. Калмыцкий государственный университет
mushaev_vn@mail.ru

Цветовое пространство фольклора любого народа отличается универсальными и национально-специфическими чертами, проявляющимися в различном наборе значимых для культуры цветов, разным символьным наполнением каждого конкретного цвета.

Данная статья посвящена изучению цветовых концептов, репрезентирующих картину мира калмыков в фразеологизмах калмыцкого языка. При проведении анализа использовались данные современных словарей.

Актуальность исследования цветовой картины мира в калмыцком языке обусловлена отсутствием комплексного когнитивного анализа на фоне многочисленных работ, основанных на данных русского языка.

У разных народов имеются различия в цветовом видении мира, которые отражаются в языковых единицах различных уровней, что не может не вызвать интереса со стороны ученых-лингвистов, этнографов, психологов, психолингвистов, фольклористов. И это вполне естественно, ведь цветообозначение – одна из интереснейших областей языкознания, выходящая далеко за рамки непосредственно этой науки и тесно соприкасающаяся с такими областями, как психология, физика, физиология зрения, социология и философия.

Цветовая палитра калмыков не отличается разнообразием оттенков и переходных тонов, поэтому в качестве базовых для картины мира калмыков мы выделяем три цвета – белый, черный, красный. Преобладание чистых цветов объясняется, как нам кажется, простотой быта скотовода-кочевника, особенностями климатических условий, а также близостью к природе. Отсутствие искусственного освещения, обилие солнечного света в теплое время года, вероятно, также сыграли свою роль в восприятии цветовых волн человеком в древности. Нельзя не указать на глубокий субъективизм в восприятии цвета не только представителями разных наций, но и каждым человеком в отдельности, так как зрительный анализатор светового излучения находится в тесной взаимосвязи с особенностями преломления, отражения и поглощения электромагнитных волн с одной стороны и с индивидуальной работой мозга с другой. С этим связано смешивание переходных цве-

---

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-34-01256).

тов, когда один человек характеризует предмет розового оттенка, другой же описывает его как коралловый, пурпурный и т. д. Живым примером расхождения в цветовых предпочтениях разных народов является национальный костюм.

Таким образом, цветовая система тесно связана с человеком, владеющим конкретным языком и культурой. Будучи культурной доминантой, цвет широко функционирует во фразеологии и паремиологии, помогает обнаружить национальные и культурные компоненты языковой личности, особенность которых проявляется в предпочтении того или иного цвета или сочетания цветов. Изучение картины мира цвета как части языковой картины мира помогает раскрыть национальные особенности, проникнуть в глубины национального сознания и самосознания.

Цвет в культуре калмыков играет значительную роль, занимая важное место в геосимволике, в символическом выражении социального статуса человека, а также в эмоциональных и нравственных понятиях, существующих в жизни кочевого народа. Различные названия цветов очень часто встречаются в ономастике Калмыкии, быту, народном искусстве, фольклорном и литературном творчестве.

В. Н. Ткачев очень точно определил роль цвета в жизни народов-кочевников: **«Для человека, образ жизни которого сформировали дальние перекочевки и чей мир не должен быть обременен обилием вещей, цвет как физическое качество предметов и пространства стал не только информатором, но и системой чувственных данных, положивших начало социальной символике и эстетическому мировоззрению степного общества. В бескрайних степных просторах визуальная информация – самое доступное и удобное средство дистанционного общения»** (Ткачев, 1984: 107).

С помощью цвета, своеобразного индикатора, выражались эстетические, этические нормы, а также указывалось на социальные, политические и даже этнические признаки. Географические и климатические условия жизни калмыков повлияли на «характер» цветовой палитры: **«На протяжении большей части года степь – скупой источник цветовых ощущений... Скупое отмеренная цветовая пища для глаза воспитывает интерес к цвету, заставляет даже создавать «запас цвета» – яркой окраской деталей жилища... предметов быта в интерьере...»** (Ткачев, 1984: 107).

В фольклоре, обрядах и художественных традициях калмыков семантика белого как символа солнечного света, красного – жизни, а черного – смерти является неоднозначной, что свидетельствует о ее архаичности. Именно эти цвета находятся в основе восприятия человеком мира, поэтому их рассмотрение в качестве одного из начальных этапов формирования цветовой картины представляется наиболее существенным при изучении традиционной культуры.

Буддийская цветовая символика является общей для стран буддийского мира и, возможно, восходит к геосимволике населения Индии середины первого тысячелетия до н. э. Север – зеленый, юг – желтый, восток – голубой, запад – красный, центр – белый. Этот спектр используется в буддийской иконографии, особенно он важен в иконах типа мандалы, где изображается буддийская Вселенная и каждая из ее частей окрашивается в полагающийся ей по канону цвет. Эта символика цвета значительно расходится с символикой цвета в калмыцком героическом эпосе «Джангар». В эпосе существует самостоятельная символика цвета. Например, юг обозначается желтым цветом, здесь находится благословенная страна Бумба, страна благополучия и гармонии, где живет богдо Джангар. Желтый цвет также символизирует цвет буддийской, желтой религии. На севере живут все мангусы, злобные мифические существа, отсюда символ неблагополучия и черного цвета. Данный цвет обозначает чаще всего негативные явления: коварство, зло, темные, нечистые силы.

Сейчас невозможно с точностью реконструировать эволюцию картины цвета, но не вызывает сомнений, что палитра основных цветов, к которым относятся белый, черный, красный, желтый, синий, накладывается на всю национальную культуру калмыцкого этноса, является одним из элементов его традиционного мировоззрения. Таким образом, белый, черный, красный, желтый, синий цвета как знаки-символы несли семантическую нагрузку в сложившейся картине цвета калмыцкого народа.

Символика белого цвета (цахан)

Большое место в материальной и духовной культуре калмыков занимают черный и белый цвет. Именно они составляют бинарную оппозицию: белое и черное; плохое и хо-

рошее; высокое и низкое и т. д., в то время как остальные цвета таких оппозиций не составляют.

Для калмыцкого народа белый цвет символизирует благополучие, источник силы и здоровья, чистоту, безбедность, силу, отсутствие неудач, жизнь, здоровье, поминание духов предков, дружелюбие, ясность, открытость, доступность.

Цветонаименование **цаһан** белый широко используется во фразеологизмах калмыцкого языка: **Цаһа санх** – Желать добра и благополучия. **Цаһан идэн** – Молочные продукты. **Цаһан махнь өөклжэх күн** – Человек, который бесится с жиру. **Цаһан санан** – Добродушие. **Цаһан төр болх (бәрх)** – Родить ребенка. **Цаһан хаалһ** – Счастливый путь. **Цаһан хаалһта болтха!** – Будь счастлив! Счастливого пути! **Цаһан яста улс (күн)** – Аристократы.

Для калмыков белый – не только наглядно-чувственный символ, но и понятие, выражающее основные морально-этические принципы поведения. Имеет смысл говорить о регламентирующей роли белого в поведении людей как своеобразного критерия, с помощью которого люди определяли свое поведение. В этом аспекте белый цвет можно рассматривать как психологический знак – то есть средство управления человека своими психическими функциями и поведением.

Символика черного цвета (**хар**)

Вторым важнейшим цветом в жизни калмыцкого народа был черный цвет. Если белый означал свет, то черный – мрак, если белый – жизнь, то черный – смерть, белый – чистота и порядок, черный – грязь и хаос. Оптически контраст белого и черного наиболее сильный; также контрастны и символические значения этих двух цветов. Белый и черный относятся к дуальным символам. Члены дуальной пары (люди, животные, растения и т. д.) имеют противоположную окраску, что отражает противопоставление двух миров. Черный цвет символизирует зло, страдание, ночь, тьму.

Несмотря на то что все негативное в жизни человека символизировалось черным, этот цвет обладал не только отрицательными значениями, но и положительными, то есть, в отличие от белого, являлся амбивалентным символом. Диапазон употребления прилагательного цвета **хар** черный в калмыцком языке довольно широк, и значения его разнообразны, начиная с очень хорошего, заканчивая значением всего недоброго, черного, темного. Но, вероятнее всего, следует говорить о негативном отношении калмыков к черному цвету как символическому обозначению тьмы, всего плохого. Положительная оценка черного цвета встречается, но редко.

Во фразеологизмах калмыцкого языка **хар** черный встречается часто: **Хар авх** – подозревать. **Харлх; Хар болх** – лишиться духовного сана. **Хар буданд хать болшго, харһну сөөд хань болшго** – ни на что не способный человек. **Хар гертэн хан, бор гертэн богд** – у себя полновластный хозяин; и царь и бог. **Хар гөр** – сущая клевета. **Хар гөрлэ харһх** – быть оклеветанным. **Хар назрт ор!** – Да провались сквозь землю! **Хар дарх** – видеть во сне кошмары. **Хар дүң** – утренние сумерки, когда едва брезжит рассвет. **Хар кел утлх** – совершать религиозный обряд лечения. Избавлять от вреда, причиненного злыми языками. **Хар көлсэри гесэн тежэх** – зарабатывать физическим трудом. **Хар көлсн асхрх** – обливаться холодным потом. **Хар мөртэ күн** – невезучий, несчастный человек. **Хар нүднэс күмсг һаза** – (букв. брови выступают над глазами) ≈ своя рубашка ближе к телу. **Хар усн деер өрм уһнам келтэ** – (букв. красноречивый до такой степени, что и на воде появляется сметана) красноречивый. **Хар хад болсн** – словно злая ведьма. **Хар хад хамхржана** – Рушатся стены невежества. **Хар цаһан хойриг йилһх** – (букв. различать черное и белое) найти, где правда, где кривда. **Хар-цаһан ду эс һарх** – полное молчание, безмолвие. **Хар цахрад бээх** – собраться в огромном множестве. **Хар чеежлэри гүвдлдх** – мучиться, терзаться думами, чувствовать тяжесть на душе; **Хар шир болад одх** – стать худым и немощным, иметь больной вид.

Из приведенных примеров ясно видно, что цветонаименование **хар** черный встречается во фразеологии обильно, значения его разнообразны и многофункциональны. Такое частое употребление черного и белого цветов в обиходной речи и сохранение их в устном народном творчестве калмыков объясняется подчеркнутой сакрализацией данных цветов. Они символизируют все хорошее и все плохое, это есть основа всего мироздания, основа для любого общества, для любой культурной формации.

Символика красного цвета (**улан**)

Красный цвет символизирует счастье, силу, огонь, тепло. Поскольку красный цвет – цвет «сердца», то все его оттенки означают жизненную силу и вызывают глубокое уважение.

В отличие от белого и черного, красный цвет относится к хроматическим. Символические значения красного определяются «видом» крови: кровь животных, кровь убийства.

Фразеологизмы с цветонаименованием **улан** красный:

Улан *холдан эрэ торх* – еле остаться в живых. **Улан** *зандн цэ* – крепкий ароматный чай. **Улан** *махмудтан күрх* – обнищать. **Улан** *махч күүкд* – нищие дети. **Улан** *хололан сунтл хэжрх* – (букв. кричать, пока не растянется красное горло) кричать во все горло. **Улан** *хорха* – (букв. красный червь (дождевой) очень жадный человек. **Улан** *чирэһарн үзх* – фраз. встретиться лицом к лицу. **Улан** *махн болтлнь цокх* – (букв. до красного мяса избить) жестоко избивать кого-либо до полусмерти (Бардан, Пүрбэн, Муни, 1990: 94-95).

Цвет сопровождает человека повсюду, оказывая на него физиологическое воздействие и вызывая различные ощущения – тепла или холода, бодрости или уныния, радости или беспокойства, т. е. основные функции цвета – магическая, информационная и декоративная.

Названия цветов спектра пользуются повышенным вниманием лингвистов. Данные лексические единицы обладают ярко выраженной национальной спецификой, и поэтому на их примере нередко рассматривается вопрос о связи языка и культуры, доказываемая национально-культурная специфика языкового сознания.

Формирование цветообозначений, их жизнь в языке тесно связаны с жизнью общества и людей: с особенностями быта, торговли, с развитием ремесел, техники, со смелой верований, обычаями, вкуса и моды.

Для национальной культуры калмыков свойственно обостренное восприятие определенного цветового спектра, а также наделение некоторых цветов устойчивыми символическими характеристиками, которые формируют четкие семантические комплексы.

Категория цвета интересна для исследователей различных направлений тем, что проходит буквально через все уровни культуры народа в целом. Спектр основных цветов запечатлен в традиционной культуре народа, а именно в его устном народном творчестве, на основании изучения которого делаются выводы о национальной специфичности восприятия данной категории картины мира.

Таким образом, категория цвета в жизни калмыцкого народа многозначна, она вносит дополнения в понимание калмыцкой культуры, в выделение национальных черт в характере народа, в его видении мира.

Литература

Бардан, Э., Пүрбэн, Г., Муни, Б. Хальмг келнэ келц үгмүдин толь. – Элст, 1990.

Ткачев, В. Н. Цвет и пространство в монгольской архитектуре // Народы Азии и Африки, № 3. – М., 1984. – С. 107-113.

Пюрбеев, Г. Ц. Об эпической фразеологии монгольских народов (по материалам эпосов «Джангар» и «Абай Гэсэр»). – Джангар, 1980.

Summary. This article is devoted to the study of color concepts, represented the view of the world of the Kalmyks in phraseology Kalmyk language. The color palette of the Kalmyks is different variety of shades and tones of transition, so as a base for the world view of the Kalmyks we identify three colors – white, black, red.

Григорьева Е. А.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ПАРЕМИЙ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «FAILURE»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
grigorieva@bsu.edu.ru

В настоящее время в лингвистической науке повышается интерес к паремическим языковым единицам при исследовании концепта. Данная тенденция не случайна: в паремическом составе любого языка наиболее ярко проявляются неповторимость, своеобразие быта и характерные особенности жизни того или иного народа, конденсируется сложный комплекс культуры и психологии данного этноса, уникальный способ его об-

разного мышления; паремика наиболее отчетливо характеризует уклад жизни народа, его ценности и ментальность. Фразеологи справедливо утверждают, что паремии служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и ее оценки, представленной в образах-эталонах, что имеют непосредственное отношение к условиям жизни носителей языка, их культуре, поскольку **«язык фразеологизмов несет в себе отражение духовной и материальной культуры народа»** (Маслова, 1988: 120). Типичность образов, которые формируют концептуальную структуру паремий, их функционирование в составе символов, эталонов мировоззрения, – это результат коллективного внутрирефлексивного опыта этноса. Образное содержание пословиц служит ключом для культурно-национальной интерпретации, так как отражает характерные особенности этнического мировоззрения (Телия, 1996: 249).

Вопрос о статусе паремий все еще остается сложным в теории языка. Как известно, единицами паремииологии признаются пословица и поговорка.

В отечественной лингвистической традиции довольно часто обращается внимание на отличие пословицы от поговорки. Пословицы представляют собой краткие, устойчивые в речевом обиходе, ритмически организованные изречения назидательного характера (БЭС, 1998: 389). Поговорка – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении являющее собой законченное предложение (Там же: 379). Как правило, разграничение пословицы с другими близкими ей образованиями проводится по двум критериям – структурному и семантическому. У Г. Л. Пермякова определяющим фактором для разграничения пословицы и поговорки является структурный критерий. По его определению пословица – **«замкнутая, целиком клишированная структура»**, поговорка – **«незамкнутая структура, изменяемая или дополняемая в речи»** (Пермяков, 1970: 9). В. П. Жуков выбирает в качестве классифицирующего критерия семантический. Согласно его точке зрения, и пословицы, и поговорки представляют собой законченные предложения, в основе которых лежат суждения. Пословицы – **«устойчивые народные изречения, имеющие только переносный или буквальный и переносный смысл»** (It never rains but it pours; Nasty climbers have sudden falls). Поговорки – это **«краткие народные изречения, имеющие только буквальный смысл»** (We know not what is good until we have lost it; Everything comes to him who waits). (Жуков, 1991:11-12). А. И. Гаевая проводит различие между поговорками и пословицами как безобразными и образными предикативными единицами (Гаевая, 1990: 7).

В английской лингвистической литературе термины «пословица» и «поговорка» жестко не разграничиваются; им соответствуют *proverb, maxim, saying, adage*. О. Г. Дубровская указывает, что пословицы английского языка – эпиграммы, максимы, чаще литературного происхождения (Дубровская, 2000: 21). К. Янка считает, что пословицы, как правило, метафоричны, а неметафорические единицы относятся к максимам или афоризмам (Yankah, 1994: 139). По мнению Н. Барли, единицы, имеющие прямой обобщенный смысл, – максимы, а пословицы метафоричны и содержат как частные, так и общие утверждения (Барли, 1984: 129-130).

Современные зарубежные исследователи стремятся выделить определенные пословичные маркеры, которые рассматриваются как характерные признаки пословицы, но не как основа для ее разграничения с близкими паремииологическими единицами. К таким маркерам могут относиться: 1) фонетические маркеры (аллитерация, ассонанс, рифма, ритм); 2) семантические (олицетворение, гиперболы, парадокс, метафора, сравнение, ирония); 3) грамматические (отсутствие личных местоимений, параллелизм синтаксической структуры и т. п.); 4) лексические (архаизмы, историзмы) (Mieder, 1993).

В английских лингвистических словарях пословица определяется как краткое, остроумное высказывание, имеющее мораль и выражающее общепринятую, традиционную мудрость в образной форме, легкой для запоминания и передачи от поколения к поколению. Исследователи единодушно подчеркивают, что пословица – это изречение, выражающее народную мудрость, проверенную опытом предшествующих поколений, которой свойственна дидактическая функция, побуждение следовать определенным моральным нормам (Rogers, 1994: 162). Важным признаком пословицы считается также фактор традиционности, под которой понимается длительное и широкое употребление в народной устной речи (Rogers, 1994: 162; Mieder, 1993: 298).

В настоящей работе, вслед за Т. Н. Федуленковой паремии (пословицы и поговорки) рассматриваются как коммуникативные ФЕ (Федуленкова, 2000: 69), под которыми

понимаются вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы, являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями.

Следует отметить, что, несмотря на то, что в лингвистической литературе отсутствуют четкие критерии разграничения пословиц и поговорок, бесспорным, однако, признается тот факт, что и те и другие в большинстве случаев представляют собой образные выражения, в которых одновременно реализуются буквальное и переносное значения. Способ номинативности в пословицах и поговорках – особая языковая концептуализация реальной действительности, поскольку в данных текстах присутствует вторичная номинация, применяемая **«с целью образного называния денотата по его характерным признакам»** (Волоцкая, 1981: 96). Благодаря глубинным структурам человеческого мышления, вскрывающего связи прототипов и скрытых за ними смыслов и закономерностей, возникают метафорические, метонимические, парадоксальные пословицы и поговорки. **«Любая пословица и поговорка делает возможным сосуществование двух картин мира: научно-бытовой, которая представляет собой буквально проинтерпретированные единицы, иными словами, их прототипические сцены, и эмоционально-субъективной, являющейся переосмыслением первой картины мира, переносным значением единиц, лежащих в ее основе»** (Магировская, 1999: 99-100). Именно эмоционально-субъективная картина мира представляет собой национально-специфичный лингвистический образ. Например, в пословице «Too many cooks spoil the broth» первоначальный, буквальный смысл представляет собой результат наблюдения за повседневной деятельностью людей и состоит в справедливой констатации факта: если на кухне будут работать несколько поваров, то у них возникнут разногласия относительно правильного рецепта и алгоритма приготовления супа (необходимое количество соли, перца, приправ и т. д.), они начнут спорить, мешать друг другу, и в итоге будет испорчено не только блюдо, но и весь обед. Второй, скрытый, глубинный смысл данной поговорки заключен в возможности расширенного, метафорического толкования образов, заложенных в описании ситуации, которая может быть применима ко многим другим совместным предприятиям: она содержит предупреждение о том, что если слишком много людей одновременно попытаются делать одно и то же, то воцарится хаос, их деятельность не будет успешной и они не достигнут желаемой цели (ср. У семи нянек дитя без глаза).

Паремии наиболее ярко отражают особенности мировосприятия этноса благодаря таким своим свойствам, как лаконичность, содержательная емкость, структурно-семантическая завершенность. Пословицы и поговорки охватывают практически всю ненаучную (бытовую) сторону жизни той или иной лингвокультурной общности, репрезентируя тем самым так называемую «наивную» картину мира, отражаемую в их тематике (паремии о любви и дружбе, труде и лени, счастье и несчастье, успехе и неудаче и т. д.). Так, например, идея о том, что несчастье труднопреодолимо, выражается пословицей «Mischiefs come by round and go away by ounce» (ср. Беда не приходит одна). Для передачи мысли о том, что беды обрушиваются (приходят – come) на людей в большом количестве, а преодолеваются (уходят – go away) достаточно медленно, используется количественное противопоставление «by round» – «by ounce». В данном случае задействуются английские реалии материальной сферы – меры веса (фунты и унции). Выбор такой языковой формы мотивирован знанием носителя английского языка конкретных величин (фунт равен 16 унциям). Представления англичан о погодных условиях в «Туманном Альбионе» послужили основой для образного осмысления концепта «несчастье», вербализуемого пословицей «It never rains but it pours».

Пословицы и поговорки на определенную тему являются свидетельством актуальности данной сферы для ценностной картины мира народа. Они представляют собой не только своеобразный вид интерпретации понятия, но и служат средством оценки событий, действий, поведения и т. д.

Оценочность и экспрессивность являются своеобразными индикаторами национальной самобытности паремий, поскольку в процессе их переосмысления возникает дополнительное к рациональной оценке эмоциональное восприятие определенного концепта, описываемого ими.

Так, отрицательно оцениваются такие качества личности, способные стать причиной поражения, провала, неудачи, нашедшие отражение в следующих паремиях, как, например: лень, нежелание прилагать усилия для достижения цели: No rains, no gains; No

sweet without some sweat; Idle (lazy) folk (people) take the most pains; трусость: Nothing venture – nothing gained; Faint heart never won fair lady; жадность: A penny soul never came to twopence; мотовство, небрежное отношение к деньгам: He that (who) goes a-borrowing, goes a-sorrowing; Waste not, want not; Wilful waste makes woeful want; хвастовство, бахвальство: If you cannot bite, never show your teeth; The greatest talkers are the least doers; невежество, недостаток знаний, опыта в каком-либо деле: Zeal without knowledge (is a run-away horse); Jack of all trades and master of none и т. п.

“Oh, he gave up the sea many years ago. He’s been all sorts of things since then.” “Jack of all trades and master of none”, said my uncle. (Maugham, “Cakes and Ale”)

Объектами же положительной оценки являются такие нормы поведения и качества личности, знание и проявление которых позволят выбрать в определенной ситуации верную стратегию и, таким образом, помогут избежать неудачи и, следовательно, отсутствие которых может стать причиной фиаско: терпение, настойчивость, умение преодолевать препятствия: Slow and steady (slow but sure) wins the race; He that seeks finds (Nothing seek, nothing find); осторожность, предусмотрительность: Score twice before you cut once; First think, then speak; The night brings counsel; A stumble may prevent a fall; наличие позитивной мотивации к деятельности: Where there’s a will there’s a way; Nothing is impossible to a willing heart; сплоченность, единение: There is safety in numbers; United we stand, divided we fall; решительность: You never know what you can do till you try (it); Grasp the nettle and it won’t sting you; умение объективно оценивать свои возможности, способности: Put your hand (stretch your arm) no further than your sleeve will reach; Grasp all, lose all и т. п.

“There was a little excitement in going to this mysterious meeting. I wondered whether it was a trap arranged by the amiable Ercole to get me in his power and rid himself of my unpleasant person. But faint heart never won fair lady, and even if set on me with two or three others, I should be able to give a reasonable account of myself.” (Maugham, “The making of a Saint”)

Паремии, объективирующие исследуемый концепт, дают широкий спектр ситуативных проявлений оценочного отношения к неудаче; в них выражены ценностно значимые стереотипы, нормы поведения и действия в конкретных ситуациях. Пословицы и поговорки выступают, таким образом, неким сводом жизненных правил, поведенческих и деятельностных стратегий.

Возвращаясь к семантике паремий, следует отметить, что проблема значения пословиц и поговорок относится к числу наиболее сложных во фразеологии. Исследователи функционирования пословиц в речи считают, что описать значение пословицы возможно только в определенном контексте, поскольку многие метафорические пословицы допускают различные интерпретации. В отечественной лингвистике разграничивают значение и смысл пословицы. По мнению Ю. И. Левина, референциальное значение пословицы составляет ее смысл, который во многом зависит от ситуации употребления, значение же пословицы может быть передано с помощью метаязыка, без учета языковых и образных характеристик пословицы (Левин, 1984: 109-110). В. В. Гвоздев выделяет два типа значения пословицы – инвариантное и конкретно-ситуативное (Гвоздев, 1983: 4, 7).

Достаточно обоснованным представляется когнитивный анализ семантики пословиц, предложенный Е. В. Ивановой. Исследователь, опираясь на концептуальную теорию значения Р. В. Лангакера, характеризующей семантическую структуру значения как особый вид концептуальной структуры, что является основой когнитивного подхода к семантике языковой единицы, полагает, что значение пословицы должно рассматриваться как концептуальное отображение определенного «участка» мира, определенное знание о мире, свойственное социуму (Иванова, 2006: 27). По ее мнению **«основой когнитивной модели пословицы являются когнитивный уровень значения, на котором содержится накопленное социумом знание об опыте существования в мире и когнитивный уровень внутренней формы (ВФ), который отражает бытовые представления, выступает как своего рода «картинка» повседневной жизни»** (Иванова 2003: 11). Между двумя когнитивными уровнями существует три основных типа отношений: 1) Когнитивные уровни ВФ и значения совпадают (пословицы-максимы): применительно к настоящему исследованию, например: The worth of a thing is best known by the want of it. – Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Never do things by halves. – Никогда не делай дело наполовину. 2) Когнитивные уровни не совпадают (пословицы-метафоры): Every tub must (should) stand on its own bottom. – На бога надейся, а сам не плошай. There are more ways of killing a dog than (by) hanging. – Есть много способов до-

биться своего. 3) Пересечение (частичное наложение ВФ и значения) двух когнитивных уровней (в большинстве, пословицы-метафоры): *As a tree falls, so shall it lie.* – Куда дерево клонилось, туда и повалилось. *You cannot flay the same ox twice.* – С одного вола двух шкур не дерут.

Согласно Е. В. Ивановой, пословица является одновременно и фреймом и сценарием. Пословица описывает стереотипную ситуацию, а в случае переносного значения – две стереотипные ситуации, соотношенные со значением и ВФ, т. е. представляет собой своеобразный двойной фрейм (Иванова, 2006: 83). Пословица представляет собой не только фрейм, но и сценарий, в большинстве случаев имплицитную рекомендацию, как надо действовать, исходя из ситуации фрейма. Например, пословица «*Every path has a puddle*» представляет собой двойной фрейм – схему знания двух ситуаций. Во-первых, в ней представлен практический опыт, заключающийся в том, что любая дорога, тропинка не совершенна (на ней могут быть камни, ямы, лужи и т. п.); во-вторых, в схему двойного фрейма входит более обобщенное знание того факта, что жизнь – трудное испытание, на жизненном пути или на пути к достижению цели могут быть препятствия. Однако заключенное в данной пословице знание имплицитно предполагает некоторые сценарии возможных действий: если есть препятствия, надо быть внимательным, чтобы избежать столкновения с ними или действовать так, чтобы их преодолеть. Набор сценариев в пословице заложен потенциально, при ее употреблении в речи реализуется один или два. Пословичный сценарий можно рассматривать как разновидность смысла-инструкции; он как и фрейм, может быть двойным: *Don't try to fly without wings; If you cannot bite never show your teeth.*

Таким образом, будучи фреймом, пословица суммирует опыт и подводит итог прошлому, будучи сценарием, она выполняет моралистически-дидактическую функцию и тем самым обращена в будущее. Пословицы можно рассматривать как модели социального контекста, так как в них суммируются общие черты различных частных ситуаций, и формируется сценарий поведения.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что анализ паремических единиц позволяет раскрыть национальное своеобразие исследуемого концепта и делает возможным выявление дополнительных аспектов его выражения, связанных, в том числе, и с оценочными характеристиками. Пословицы и поговорки отчетливо фиксируют специфику образного языкового мышления этноса, особенности его культуры, т. е. взаимоотношения языка, мышления и действительности предстают в паремиях в сложном, многоркурсном взаимодействии.

Литература

- Барли, Н. Структурный подход к пословице и максиме / Н. Барли // Паремнологические исследования: Сб. статей, М.: Наука, 1984. – С. 127-148.
- Волоцкая, З. М. Способы номинации в загадках (к вопросу о произвольности языкового знака) // Структура текста – 81. – М.: Наука, 1981. – С. 96-99.
- Гаевая, А. И. Структурно-семантическая характеристика пословиц качественной оценки лица современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. И. Гаевая. – М., 1990. – 15 с.
- Гвоздев, В. В. Место пословиц как структурно-семантических образований в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Гвоздев. – М., 1983. – 24 с.
- Дубровская, О. Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости: дис. ... канд. филол. наук / О. Г. Дубровская. Тюмень, 2000. – 260 с.
- Жуков В. П. Предисловие : о словаре пословиц и поговорок // Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: «Рус.яз.», 1991. – С. 9-17.
- Иванова, Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Иванова. – Санкт-Петербург, 2003. – 38 с.
- Иванова, Е. В. Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие / Е. В. Иванова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.
- Левин, Ю. И. Провербиальное пространство // Паремнологические исследования: Сб. статей. – М.: Наука, 1984. – С. 108-126.
- Магировская, О. В. Особенности отражения национальной картины мира текстами пословиц и поговорок / О. В. Магировская // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. Выпуск 2. – Красноярск: РИО КГПУ, 1999. – С. 99-103.
- Маслова, В. А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) / В. А. Маслова // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 110-141.

Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – 271 с.

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Федуленкова, Т. Н. Английская фразеология: Курс лекций / Т. Н. Федуленкова. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. – 132 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева // 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил. – БЭС.

Mieder, W. Proverbs are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age. / W. Mieder. – N. Y.: Oxford University Press, 1993. – 302 p.

Rogers, T. B. Psychological approaches to proverbs. A treatise on the import of context // Wise words. Essays on the proverb / Ed. By W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 159-181.

Yankah, K. Do proverbs contradict? // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 127-142.

Summary. The article deals with some aspects of cognitive analysis of semantics of proverbs when researching into a specific concept. The paper also touches upon the question of the status of proverbs in phraseology.

Задорожная И. П., Евчук А. Н.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ МНОГОЗНАЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(на материале немецкого языка)

Украина, г. Черновцы, Черновицкий национальный университет
им. Юрия Федьковича

irazadorozhna@yahoo.de, feodosivitya@rambler.ru

Фразеологическая единица (далее ФЕ) – это соединение как минимум двух слов с полным или частичным переосмыслением компонентов, значение которых соответственно не является суммой значений этих компонентов. Тем не менее, оно зависит от их значений (Бажутина, 1983: 4), а анализ компонентов ФЕ (в том числе и количественный) помогает раскрыть природу таких сложных языковых единиц, какими являются ФЕ и в особенности многозначные ФЕ (далее МФЕ).

Таким образом, объектом нашего исследования являются многозначные немецкоязычные ФЕ (общее количество 1046 единиц), отобранные методом сплошной выборки из фразеологических словарей (материал исследования), а предметом – фразеологическая продуктивность лексических единиц, употребляемых в этих ФЕ.

Цель исследования – провести с помощью количественных методов лексико-семантический анализ компонентного состава МФЕ, а задача – выявить наиболее продуктивные лексические единицы в составе МФЕ и сравнить результаты с результатами, полученными на основе анализа всех немецкоязычных ФЕ (Задорожна, 2003)

В результате исследования выявлено, что в составе МФЕ чаще всего употребляются существительные – 574 лексемы (59, 4%) и 855 словоупотреблений (43 %). Именно существительные являются ядром ФЕ, они легче поддаются метафоризации, чаще употребляются для номинации, отличаются своими разнообразием и их больше всего в словарном составе языка.

Далее идут глаголы (292 единицы (30, 2 %) – 935 словоупотреблений (47 %) и прилагательные (101 лексема (10, 4 %) – 191 словоупотребление (10 %), что в основном соответствует данным, полученным на основе анализа всех немецкоязычных ФЕ, за исключением прилагательных которые употребляются в составе МФЕ в 1, 5 раза реже, чем в среднем во всех ФЕ.

Наиболее продуктивными существительными (или наиболее частотными, употребляемыми) в составе МФЕ являются “Hand”, “Bein”, “Auge” и “Kopf” (см. табл. 1)

**Частота употребления существительные в составе многозначных
фразеологизмов**

№	Существительное	Кол-во слово-употреб.	%	Примеры
1.	Hand	23	2,7	<i>unter der Hand, Hand bieten</i>
2.	Bein	14	1,6	<i>etw. (noch) am Bein haben</i>
3.	Auge	10	1,2	<i>kein Auge haben</i>
4.	Kopf	10	1,2	<i>j-d hat eine schweren Kopf</i>
5.	Hals	8	0,9	<i>etw. kannj-n den Hals kosten</i>
6.	Weg	8	0,9	<i>seinen Weg gehen</i>
7.	Fuß	6	0,7	<i>j-m zu Füßen liegen</i>
8.	Mann	6	0,7	<i>etw. an den Mann bringen</i>
9.	Nase	6	0,7	<i>j-meine Nase drehen</i>
10.	Dach	5	0,6	<i>eins aufs Dach bekommen</i>
11.	Finger	5	0,6	<i>sich (D) die Finger verbrennen</i>
12.	Herz	5	0,6	<i>schweren Herzens etw. tun</i>
13.	Spiel	5	0,6	<i>aufs Spiel setzen</i>
14.	Welt	5	0,6	<i>auf (ули in) die Welt setzen</i>
15.	Zahn	5	0,6	<i>einsaurerZahn</i>
16.	Zug	5	0,6	<i>im Zuge sein</i>
Остальные существительные		729	85,2	<i>Blut, Mann, Feuer, Antwort, Bad, Berg, Blick, Durst, Eisen, Feuer, Nacht, Angel, Bedrängnis и др.</i>
Всего:		855	100	

Если сравнить эти данные с результатами, полученными на основе анализа всех ФЕ, то “Hand”, “Auge”, “Kopf” считаются самыми употребительными и в составе ФЕ (Задорожна, 2003: 192). “Bein” тоже принадлежит к гиперпродуктивным в немецкой фразеологии, но значительно уступает трём названным выше соматизмам. Среди 16 наиболее употребительных в составе МФЕ только “Dach” не является частотным в составе ФЕ.

Похожие результаты получили М. А. Пеклер и А. Д. Райхштейн. Среди 17 наиболее часто употребительных существительных в составе русских ФЕ 10 существительных являются соматизмами, а среди соответствующих 17 немецких существительных – соматизмов 11. Это: *глаз, рука, голова, нога, язык, нос, ухо, сердце, кровь, плечо / Hand, Kopf, Auge, Herz, Ohr, Fuß, Hals, Mund, Bein, Nase, Finger* (Пеклер, 1967: 8; Райхштейн, 1980, 116). Чуть менее частотными являются компоненты: *Zunge, Blut, Rücken, Zahn / рот, палец, лицо, волосы, зубы*.

Эти данные совпадают с результатами исследования фразеологизмов английского языка А. Блум, согласно которым соматические фразеологизмы составляют самую многочисленную группу. Наиболее частым по употреблению соматизмом также является “hand”. Далее по частоте идут “head”, “eye”, “face”, “arse”, “foot”, “nose”, “finger”, “heart”. Остальные соматизмы (*leg, arm, back, bone, brain, ear, tooth, skin, shoulder, neck, tongue*) менее употребительны, однако их фразеобразовательная активность достаточно высока. (Пеклер, 1967: 1)

Преобладающая роль соматизмов среди существительных, которые употребляются в составе ФЕ (в том числе и МФЕ) объясняется их принадлежностью к общепотребительной и древнейшей лексике, важностью органов и частей тела для жизнедеятельности человека и легкостью их аллегорического переосмысления.

Хотя количество отдельных глаголов, как было замечено выше, в составе и ФЕ, и МФЕ уступает количеству лексем-существительных, (в словарном составе языка их тоже меньше), употребляются они чаще, что обусловлено важной синтаксической ролью глагола в структуре предложения и словосочетания (в том числе фразеологического).

Чаще всего в составе МФЕ употребляются “sein”, “haben”, “machen” (см. табл. 2). Эти же глаголы являются наиболее употребительными и в составе остальных ФЕ (Задорожна, 2003: 197). Следует заметить, что “gehen” чаще, чем “kommen” употребляется в составе МФЕ, а “kommen” – в составе ФЕ.

Таблица 2

Частота употребления глаголов в составе многозначных фразеологизмов

№	Глаголы	Кол-во слово-употреб.	%	Примеры
1	sein	106	11,3	<i>gut beieinander sein</i>
2	haben	88	9,4	<i>im Auge haben</i>
3	machen	59	6,3	<i>Bruch machen</i>
4	gehen	55	6	<i>etw. geht in die Breite</i>
5	kommen	44	5	<i>wieder auf die Beine kommen</i>
6	bringen	32	3,4	<i>etw. in Anschlag bringen</i>
7	nehmen	22	2,3	j-n, etw. <i>aufs Korn nehmen</i>
8	halten	19	2	<i>Ausschau halten nach j-m, etw.</i>
9	lassen	18	2	<i>es auf j-n, etw. ankommen lassen</i>
10	werden	14	1,5	<i>deutlich werden</i>
11	stehen	13	1,3	<i>fest auf den Beinen stehen</i>
12	tun	12	1,3	<i>in den Bann tun</i>
13	können	11	1	<i>was hast du, was kannst du</i>
14	geben	11	1	<i>etw. zum besten geben</i>
15	bekommen	10	1	<i>eins aufs Dach bekommen</i>
16	bleiben	10	1	<i>auf der Erde bleiben</i>
17	setzen	9	0,9	<i>j-n, etw. außer Funktion set zen</i>
18	schlagen	9	0,9	<i>j-mein Schnipp chen schlagen</i>
19	geraten	8	0,8	<i>aus dem Häuschen geraten</i>
20	liegen	8	0,8	<i>j-mzu Füßen liegen</i>
21	treten	8	0,8	<i>Pflaster treten</i>
22	kriegen	8	0,8	<i>das graue Elend kriegen</i>
23	legen	8	0,8	<i>jedes Wort auf die Goldwage legen</i>
24	führen	7	0,7	<i>das Oberwortführen</i>
25	fallen	7	0,7	<i>j-min die Handfallen</i>
26	rücken	7	0,7	j-m <i>auf die Kneipe rücken</i>
27	strecken	6	0,6	<i>sich recken undstrecken</i>
28	verlieren	6	0,6	<i>den Boden unter den Füßen verlieren</i>
29	werfen	6	0,6	etw. <i>vor die Hunde werfen</i>
30	brechen	5	0,5	<i>j-mdas Genick brechen</i>
31	stellen	5	0,5	<i>auf den Kopf stellen</i>
Остальные глаголы:		304	33	<i>suchen, teilen, tragen, treffen, treiben и др.</i>
Всего:		935	100	

Третью группу по количественным показателям составляют прилагательные и в словарном составе языка, и в составе ФЕ (в том числе МФЕ). Как известно, прилагательные выражают признак предмета и служат для оценки предмета говорящим и передачи его эмоционального состояния.

Наиболее продуктивными в составе МФЕ являются “gut”, “groß”, “voll” (смотри табл. 3), а в составе ФЕ “gut”, “ander” и “groß”, но “voll”, “klein” и “rein” также принадлежат к числу наиболее фразеологически употребительных в составе ФЕ (Задорожна, 2003: 200).

Таблица 3

Частота употребления прилагательных в составе многозначных фразеологизмов

№	Прилагательные	Кол-во слово-употреб.	%	Примеры
1	gut	15	7,9	<i>(auf) gut deutsch, alle guten Geister!</i>
2	groß	7	3,7	<i>große Stücke auf j-n, etw. hal ten</i>
3	voll	6	3,1	<i>voll (bisoben) sein</i> <small>разм. фам.</small>
4	klein	5	2,6	<i>daskleine Volk</i>
5	rein	5	2,6	<i>ins reine kommen</i>
Другие прилагательные		153	80	<i>frei, fremd, fett, grau, hell, lang и др.</i>
Всего:		191	100	

Таким образом, количественный сравнительный анализ МФЕ и ФЕ выявил:

1. В составе и МФЕ и ФЕ употребляются приблизительно одинаковое количество отдельных лексем существительных, глаголов и прилагательных в соотношении: 5 : 3 : 1 (ФЕ) и 6 : 3 : 1 (МФЕ).

2. Фразеологическая продуктивность среди всех ФЕ у существительных 1, 8 ФЕ, среди глаголов и прилагательных – 3 ФЕ, а среди МФЕ у существительных – 1, 5 ФЕ, у глаголов – 3 ФЕ, а у прилагательных 1, 9 ФЕ, то есть в составе МФЕ прилагательные употребляются реже, чем в среднем среди ФЕ, что тоже подтверждает второстепенную роль прилагательных во фразеологии (и метафоризации) по сравнению с существительным и глаголом.

3. Фразеологически наиболее продуктивные единицы существительное “Hand”, глагол “sein” и прилагательное “gut” чаще всего употребляются в составе МФЕ. Другие лексические единицы, которое часто входят в состав МФЕ, как правило, тоже принадлежат к продуктивным в ФЕ.

То есть, можно сделать общий вывод, что, несмотря на некоторые особенности, многозначные ФЕ по своим характеристикам мало отличаются от остальных ФЕ, то есть многозначность не связана с какими-то особенностями слов, входящих в состав МФЕ, наоборот, наиболее фразеологически продуктивные лексические единицы образуют новые ФЕ, сочетаясь с разными словами в речи, поскольку принадлежат к общепотребительной лексике, и параллельно ФЕ, в которых они употребляются, могут приобретать в новых контекстах новые значения.

Литература

Блюм, А. Семантические особенности соматической фразеологии / А. Блюм. – М.: АСТ-пресс, 2000. – С. 19.

Бажутина, Т. В. Лексико-семантические группы имен существительных в составе фразеологизмов русского языка / Т. В. Бажутина // Актуальные проблемы русской фразеологии : Межвуз. сборник науч. трудов. – Ленинград, 1983. – С. 68-76.

Задорожна, І. П. Семантичні та сполучувальні властивості компонентів фразеологізмів у німецькій мові : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Ірина Петрівна Задорожна; Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. – Л., 2003. – 267 с.

Зорівчак, Р. П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. – Львів: Вища школа, 1983. – 175 с.

Немецко-русский фразеологический словарь [состав. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н.]. – М.: Русский язык, 1975. – 656 с.

Німецько-український фразеологічний словник: В 2 т. / [уклад. В. І. Гаврись, О. П. Пророченко]. – К. : Рад. школа, 1981. – 798 с.

Пеклер, М. А. Русско-немецкая идиоматичность. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 / М. А. Пеклер. – Тбилиси, 1967. – 23 с.

Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.

Черкасова, Е. Т. О метафорическом употреблении слов (по материалам произведений Л. Леонова и М. Шолохова) / Е. Т. Черкасова // Исследования по языку советских писателей. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1959. – С. 5-89.

Summary. Phraseological productiveness of lexical components of polysemantic phraseological units (based on German language material). The study is dedicated to the peculiarities of the lexical composition of polysemantic phraseological units (PPU) in the German language, in particular, to the phraseological productivity of nouns, verbs and adjectives used in PPU.

Зыбина Н. П.

СЕМАНТИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АГНОНИМОВ РЯДОВЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА

Россия, г. Кемерово, Кемеровский государственный университет
zybina.89@mail.ru

В настоящее время, как справедливо отмечает В. Г. Костомаров, фразеологизмы вызывают у языковых личностей затруднения в восприятии, толковании и усвоении (Костомаров, 1976).

Обратимся в качестве примера, аргументирующего идею о том, что фразеологизмы не входят в активный лексический запас языковой личности, к исследованию, осуще-

ствляемому на материале фразеологизмов-агнонимов. Под агнонимом мы понимаем, вслед за учеными В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной, определенные единицы языка, знание о содержании которых отсутствует в сознании рядового носителя языка (Морковкин, Морковкина, 1997: 106).

В ходе работы в качестве первичных единиц были выбраны фразеологизмы-агнонимы, относящиеся к трем семантическим группам (Шанский, 1985) фразеологические сращения (буриданов осел, тихой сапой, сума переметная, аки тать в нощи, авредовы веки); фразеологические единства (ветрами подшит, гог и магог, улыбка авгура, слава герострата, два аякса); фразеологические сочетания (не обсевок в поле, синь порох в глазу, гайка слаба, желтая опасность, набитый мамон) (Войнова, 1978), входящие в тематическую группу «качества человека». Эксперимент проводился среди студентов КемГУ, КузГТУ.

На основе схемы реакций, представленной в книге В. В. Морковкина и А. В. Морковкиной, мы выделили положения для проверки агнонимичности фразеологизмов: 1. Совершенно не знаю, что значит выражение; 2. Имею представление о том, что может обозначать выражение; 3. Знаю, что обозначает выражение. Нами было проанализировано 178 реакций респондентов с точки зрения знания/незнания словарного значения фразеологического выражения. Результаты эксперимента показали:

– 30, 9% реакций респондентов были отрицательными (совершенно не знаю, что значит выражение): сума переметная – не знаю; смайл, выражающий недоумение;

– 62, 4% реакций, выражавших предположения о значении выражения (имею представление о том, что может обозначать выражение), являлись совершенно неверными: сума переметная (употребляется в значении: человек непостоянный (ненадежный товарищ) – ненадежная, случайное богатство, нестабильность, непостоянство, расстройство сознания и т. п.;

тихой сапой (употребляется в значении: скрытный, тихий, незаметный человек) – тихий храп, размеренно, спокойно, медленно; улыбка авгура (употребляется в значении: скрытный, хитрый человек) – удача, божественная улыбка, довольная, что-то из Древней Греции, лживая улыбка, улыбка палача, зловещий смех.

По приведенным примерам видим, что совпадений реакций респондентов и словарных дефиниций выражения не было, что свидетельствует о том, что выбранные нами фразеологизмы находятся на периферии словарного запаса рядового носителя языка.

Следующим шагом был выход в область наивной семасиологии, обыденной металингвистики; мы обращаемся к функционированию фразеологизмов в языковом сознании носителей языка: интерес вызывают «реальные» значения фразеологических единиц, опредмеченные в метатекстовых рефлексивах. Осуществляемое нами исследование формируется в рамках лингвистики в персонологическом измерении, предполагающем описание языка, текста, речевой деятельности в персонологическом аспекте, то есть в аспекте разнообразия языковых личностей. Антропоцентрическая линия развития языкознания изменила устоявшиеся представления о языке, привела учёных разных научных интересов к переосмыслению многих лингвистических проблем. Предметом изучения при таком подходе являются лингвистические категории (лексема, часть речи, тип речи и т. д.), рассматриваемые сквозь призму характеристик личности (Мельник, 2010). Материалом исследований такого рода является текст, именно в тексте реализует себя, с одной стороны, креативный потенциал языковой системы, с другой стороны, лингвокреативный потенциал языковой личности.

Наше исследование осуществлялось на материале персонотекстов (термин Н. Д. Голева), под которыми мы понимаем тексты, отражающие свойства языковой личности автора и/или адресата. Выбор фразеологизмов-агнонимов в качестве первичных единиц обусловлен тем, что для выявления индивидуальных характеристик языковой личности, стратегий семантизации фразеологизмы-агнонимы, в нашем представлении, являются наиболее показательными единицами, поскольку обладают высоким потенциалом вариационного функционирования. В данной статье мы делаем попытку выявить на основе персонотекстов стратегии семантизации, которыми пользуются рядовые носители языка при восприятии и обработке первичной единицы. Данные стратегии помогут нам в дальнейшем обосновать гипотезу, состоящую в предположении о том, что реализация семантического потенциала выбранной фразеологической единицы в значительной мере зависит от лингвоперсонологического фактора (индивидуальная интерпретация) и язы-

кового фактора (разные типы фразеологизмов трактуются в соответствии с определенным типом стратегий). Под стратегией мы понимаем, вслед за С. И. Ожеговым, планирование, прогнозирование, план действия (Ожегов, 2006: 772). То есть, применяя данное определение к лингвистике, мы считаем стратегиями семантизации тип мыслительного и речевого действия, соответствующий индивидуальным особенностям личности.

В результате анализа полученных экспериментальных данных (всего 1110 реакций) были намечены критерии типологизации персонотекстов (Мельник, 2010), выявлены типы персонотекстов, на основе которых были реконструированы стратегии семантизации первичных единиц рядовыми носителями языка: консервативная/креативная, ономаσιологическая/семасиологическая, формально-структурная/предметно-вещественная, эстетико-сенсорная/логико-информативная, механическая/рефлексивная (в персонотекстах респондентов сохраняется авторская орфография и пунктуация):

Описание стратегий семантизации фразеологизмов-агнонимов рядовыми носителями языка:

1. Консервативная/креативная:

А) При написании вторичных текстов языковая личность старается сохранить конвенциональное значение, не проявляя никаких эмоций и способностей, не нарушает этические и эстетические требования к речевому общению (в персонотекстах респондента сохранены авторская орфография и пунктуация). То есть языковая личность при написании вторичного текста пользуется консервативной стратегией, которая характеризуется следующими признаками: незначительные количественные изменения формального плана изложения, отсутствие качественного изменения исходной единицы, сохранение стилистики и элементов исходной единицы:

улыбка авгура – хитрая улыбка; красивая улыбка; прекрасная улыбка; реакции респондентов полностью подражают стилю, сохраняют основное содержание звукобуквенного комплекса первичной единицы;

Б) Для креативной личности характерно индивидуальное своеобразие речи, обусловленное модификацией постоянных, единообразных, иначе говоря – инвариантных признаков, общих для всех носителей данного языка, введение новой информации, выражение авторской позиции, отражение индивидуальности. В данном случае языковая личность использует креативную стратегию, в созданных ею персонотекстах наблюдаются изменения, касающиеся лексического и грамматического уровня. Буквальное значение исходной единицы синтезируется в более сложную структуру, то есть происходит качественная переработка материала:

ветрами подшит – непостоянство; реакция отражает синтез буквального значения слов: ветер – движение воздушных масс, подшит – соединение частей чего-либо; таким способом формируется реакция – непостоянство, которая ни по форме, ни по содержанию не повторяет первичную единицу.

2. Ономаσιологическая/ семасиологическая:

А) Во вторичных текстах актуализируется содержательная составляющая: именно содержание и его категории (концепт, пресуппозиция и т. п.) становятся объектом рефлексии, то есть языковая личность при написании вторичного текста пользуется ономаσιологической стратегией, которая характеризуется стремлением передать содержание исходной единицы без внимания к форме его выражения:

улыбка авгура – хитрость; хитрец; тайный умысел; счастливый; жизнерадостный; утрюмость. То есть респонденты, основываясь на своем опыте, трактуют улыбку как нечто отрицательное. Такая реакция актуализирует содержательный потенциал пресуппозиции первичной единицы.

Б) Рефлексия происходит по поводу формы текста, касается его стиля, элементов словообразования, манеры повествования. Таким образом, под формой понимается внешняя сторона текста как способ оформления содержания. В данном случае языковая личность использует семасиологическую стратегию, в созданных ею персонотекстах исходная единица изменяется в наименьшей степени, так как при рефлексии языковые личности идут от формы к содержанию:

улыбка авгура – выражение лица; красивая улыбка; хитрая улыбка; прекрасная улыбка;

3. Механическая /рефлексивная:

А) Вторичные тексты представляют собой копию первичной единицы, то есть можно предположить, что рефлексии при создании вторичного текста не произошло.

При создании персонотекстов данного типа языковые личности используют механическую стратегию, в созданных текстах не выявлено качественных изменений, касающихся содержания или формы первичной единицы:

улыбка авгура – хитрая улыбка; прекрасная улыбка; голливудская улыбка.

Б) Рефлексивная стратегия включает процесс, при котором реципиент, воспринимая исходную единицу, пропускает его содержание и формальные категории через себя, на выходе опредмечивается рефлексия по поводу значения первичной единицы:

улыбка авгура – тайный умысел; счастливый; жизнерадостный; угрюмость; льстец; подхалим.

4. Формально-структурная/предметно-вещественная:

А) Авторы вторичных текстов воспринимают первичный текст как носитель конвенционального смысла, при этом рефлексии не выходят за его пределы, акцентируя внимание на отдельных компонентах (лексемах):

улыбка авгура – широкая улыбка; прекрасная улыбка; голливудская улыбка; выражение лица.

В данной ситуации при создании вторичных текстов языковая личность использует формально-структурную стратегию, которая заключается в буквальном толковании значения первичной единицы, звукобуквенного комплекса, составляющего ее. Поэтому при фиксации рефлексии на исходную единицу, языковая личность не выходит за рамки внутритекстовых категорий (концепта, пресуппозиции и т. п.).

Б) Авторы вторичных текстов данного типа воспринимают текст как носитель индивидуального, метафорического значения, отходят от первичной единицы, выходя за ее пределы, воспринимают предлагаемый фразеологизм и создают свой персонотекст-толкование, облекая его в новую форму, в данной ситуации языковая личность использует предметно-вещественную стратегию:

улыбка авгура – тайный умысел; счастливый; жизнерадостный; угрюмость; льстец; подхалим.

5. Эстетико-сенсорная/логико-информативная:

А) Во вторичных текстах представлена обработка информации первичной единицы с опорой на подсознание, на сложившийся ассоциативный ряд, в котором на поверхность выходят связи слов, характеризующиеся свойством непосредственной убедительности. Чаще всего – связи, основанные на полном или частичном тождестве звуковой оболочки знака (словоформы) и значения. Таким образом, респонденты используют при создании данного типа текстов эстетико-сенсорную стратегию, которая определяется через ряд признаков: характеризуется развернутым повествованием, наличием эмоциональной окраски текста, «чувственных» ассоциаций:

сума переметная – непостоянство; интуитивный; непостоянное богатство.

Б) Логико-информативная стратегия подразумевает конкретное изложение фактов, логически выстроенные рассуждения. Персонотексты логико-информативной стратегии нацелены на фиксацию рефлексии по поводу определенного факта, в нашем случае, звукобуквенного комплекса первичной единицы. Респондент основывается на логической операции абстрагирования (мысленного выделения признаков, связей и свойств), обобщения признаков и осознания связей знака и действительности: сума переметная – что-то переходящее от одного к другому; что-то связанное с седлом; ноша, которая уходит.

Данная оппозиция объясняется тем, что рядовые личности, использующие эстетико-сенсорную стратегию, затруднялись объяснить фразеологизмы-агнонимы логически, так как никогда не встречались с таковыми и не обладают никакими профессиональными навыками, например: сума переметная – от перестановки слагаемых сумма не меняется, то есть респонденты действовали интуитивно, писали реакцию, на которую наталкивала внешняя форма исходной единицы. Во фразеологизмах-агнонимах «сочетания» респонденты в большинстве случаев вычленили знакомые сочетания, которые пытались объяснить логически, опираясь на свой опыт, например: синь порох в глазу – что-то попало в глаз. Таким образом, различия персонотекстов обусловлены выбором языковой личностью определенной стратегии семантизации.

Итак, результаты эксперимента показали, что, во-первых, на все группы фразеологизмов в качестве реакции были написаны персонотексты, имеющие креативное начало, то есть языковые личности чаще всего использовали креативную стратегию; во-вторых, выявлена оппозиция типов персонотекстов и стратегий, используемых при написании

данных вторичных текстов: в группах «сращения» и «единства» преобладают семасиологические, механические, формально-структурные, эстетико-сенсорные вторичные тексты, тогда как в группе «сочетания» преобладают ономасиологические, рефлексивные, предметно-вещественные, логико-информативные вторичные тексты. Это разделение, как мы считаем, непосредственно зависит от природы фразеологизма и от группы, к которой относится данный фразеологизм с точки зрения его семантической слитности. То есть в первых двух случаях респонденты берут за основу весь текст агнонимичного фразеологизма, в большинстве случаев написаны реакции относительно звукобуквенного комплекса первичных единиц. В данном случае языковые личности используют семасиологические, механические, формально-структурные, эстетико-сенсорные стратегии. Тогда как в группе фразеологизмов «сочетания» представлены примеры иных реакций: фразеологизмы-агнонимы, выступающие в качестве первичных единиц, в большинстве случаев расчленились на более понятные словосочетания, которые наделялись значением и объяснялись с точки зрения опыта респондентов, то есть чаще использовались ономасиологические, рефлексивные, предметно-вещественные, логико-информативные стратегии.

Таким образом, в рамках статьи мы представили теоретическое обоснование агнонимической активности фразеологического блока, стратегий семантизации первичных единиц рядовыми носителями языка, корреляцию типов персонотекстов и стратегий семантизации с типами фразеологизмов-агнонимов, то есть мы попытались раскрыть и обосновать зависимость типа персонотекста-толкования от структуры фразеологизма.

Литература

Костомаров, В. Г., Верещагин, Е. М. «Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин. – М., 1976.

Мельник, Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персонцентрический аспекты: монография / Н. В. Мельник; науч. ред. Н. Д. Голев; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2010. – 212 с.

Морковкин, В. В., Морковкина, А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – М., 1997.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 2006. – 944 с.

Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 тыс. словарных статей / Составители Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. – 543 с.

Summary. The paper presents the theoretical ground of the agnonymic phraseological units' activity. Strategies of semantization of primary units by conventional speakers are described. The dependence between the type of personotext as the explanation of idiom meaning and the idiom structure is explained.

Илюхина Н. А.

ИНТЕГРАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ НА БАЗЕ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПТА¹

Россия, г. Самара, Самарский государственный университет
ilnadeshda@rambler.ru

При всей специфичности фразеологизма как языковой единицы и продуктивности её изучения в рамках специальной науки, есть, однако, аспекты фразеологии, которые продуктивнее исследовать в рамках более широкого объекта, соединяющего фразеологию с лексикой. Такую возможность даёт лингвокогнитивный подход, в качестве основного объекта заявивший концепт. Анализ концептов на базе лишь лексических средств их репрезентации, исключая фразеологию, будет неполным, как и наоборот. В этом случае видится непродуктивным деление на «фразеосферу», «паремиосферу» и «лексическую сферу».

---

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта № 12-14-63002 РГНФ.

Анализ фразеологии в рамках средств вербализации концепта – в сопоставлении с лексическими средствами – позволяет, во-первых, полнее представить концепт как ментальную сущность в её проекции на язык, а во-вторых, выявить особую роль фразеологии в выражении ключевых смыслов концепта.

Последний аспект избран темой доклада, материалом для анализа послужил концепт «Конь – лошадь», который в качестве метафоры воспроизводится в разных типах дискурса (в художественном, публицистическом, разговорном, рекламном, отчасти даже в научном) и богато представлен в русском языке средствами вербализации, среди которых значительное место занимают фразеологизмы и поговорки.

Образ представляет собой ёмкий смысловой конструкт, отражающий реалию во всем многообразии её свойств, аспектов и связей, при метафорическом использовании демонстрирующий ярко выраженную многозначность. В подавляющем большинстве случаев образ коня-лошади воплощается в аспектах связей животного с человеком и упряжью. Многообразие признаков, составляющих семантический потенциал образа коня, может быть описано следующим набором аспектов: материально-физический, биологический, психофизиологический, психологический, функциональный и утилитарный (структура этого образа подробно описана в нашей книге (Илюхина, 2010)).

При экспликации семантического потенциала образа наблюдается прямая корреляция между лексемами, ФЕ и поговорками: наряду с собственно лексическими средствами, ФЕ и поговорки зафиксированы в составе средств выражения всех аспектов концепта (образа коня – лошади).

Во всем многообразии признаков и структуры концепта в целом обращают на себя внимание доминантные признаки – наиболее частотные при метафорическом воспроизведении образа, воплощающиеся наиболее лексически многообразно, пронизывающие все лексические пласты ассоциативно-семантического поля «конь – лошадь», к числу которых следует отнести смыслы «несвобода», «свобода», «работа», «сила» («тягловая сила»), «движение».

Образоцентрический (концептоцентрический) подход к систематизации и интерпретации фразеологизмов и поговорок на фоне и в сопоставлении с лексическими средствами экспликации образа позволяет увидеть, что весьма богатая фразеологическая часть средств экспликации образа оказывается репрезентантом ключевых – доминантных – смыслов для образа в данной культуре, в полной мере отражая характерную для структуры образа семантическую амбивалентность (свободолюбивый – покорный чужой воле; стремительный – медленный; сильный – обессиленный; и др.). В этом отношении наблюдается параллелизм между лексическими, фразеологическими и поговорочными средствами воплощения доминантных смыслов: каждый из этих смыслов получает воплощение во всех трёх указанных единицах.

В обыденной речи удобными оказываются поговорки и фразеологизмы с их фиксированным актуальным смыслом (*быть на коне, серая лошадка, Коней на переправе не меняют, То и конь, что треноги рвёт, На возжах и лошадь умна* и мн. др.). Для поэтической речи органично многообразное лексическое варьирование образа, в том числе в конструкции метафоры-сравнения (генитивной метафоры), включающей обозначения и денотата, и сигнификата и тем самым наводящей актуальный смысл (*конидней, конь рояля и под.*).

Рассмотрим несколько признаков, представляющих разные аспекты семантической структуры образа.

В рамках психофизиологического аспекта образа коня-лошади наиболее ярким является семантический признак «характер». Этот признак чаще всего реализуется в двух противоположных вариантах: «свободолюбивый, непокорный» и «смирный, покорный воле человека». ФЕ, воплощающие этот смысл – *встать на дыбы и закусить удила*; поговорки, актуализирующие этот признак: *То и конь, что треноги рвёт; Степного коня на конюшне не удержишь; Ты впрягать, а она лягать; Упрямая баба пуце ртачливой лошади*. Приведём примеры: ...*От такого приглашения местное казачество **стало на дыбы**, посчитав его буквально за издёвку* (Комс. правда); *Ну а кто станет президентом, кто вице – Черномырдин или Лужков? И тот, и другой – мужики с понятием, разберутся. Если, конечно, не **закусят удила*** (Комс. правда). Лексические средства воплощения этого смысла представляют открытый ряд. В качестве примера выражения этого смысла лексическими средствами (впрочем, лексически соотносительными с фра-

зоологическими) приведём фрагмент письма А. С. Пушкина своей жене: «Милая моя жёнка, – былинно начинает он из Михайловского, – есть у нас здесь **кобылка**, которая ходит и в упряжке, и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнёт её что на дороге, как она закусит поводья, да и несёт вёрст десять по кочкам да оврагам – и тут уж ничем её не проймёшь, пока не станет сама». Лишь после такого захода выясняется, кого имел в виду Александр Сергеевич под «**кобылкой**»: «Получил я, ангел кротости и красоты, письмо твоё, где изволишь ты, **закусив поводья, лягаться** мильми и стройными копытцами. Надеюсь, что теперь ты устала... Жду от тебя писем порядочных... а не брань, мною не заслуженную» (Комс. правда). Показателен и другой пример – стихотворение М. Цветаевой «Жизни»: *Не возьмешь моего румянца – Сильного – как разливы рек! Ты охотник, но я не дамся, Ты погоня, но я есмь бег. Не возьмешь мою душу живу! Так на полном скаку погонь – Пригибающийся – и жилу Перекусывающий конь Аравийский.* Поэтом драматически заострённо показан конфликт лирического героя, его «души живой» (данных в ассоциации с аравийским конём, не терпящим неволи) – и жизни с её неумолимыми законами, лишающими человека свободы (воплощёнными в образах охотника и аркана).

Часто фиксируется и противоположный признак – «покорный, смиренный, привыкший к работе». Этот признак зафиксирован ФЕ *идти на поводу, тянуть воз*, пословицами *Счастье не лошадь: его не запряжешь; Кто везёт, на того и накладывают* и др. Приведём примеры их употребления: *...Стрекалова наказать за то, что не подчинялся командиру, командира – за то, что пошел на поводу у бортинженера* (Комс. правда); *Тяжеленько будет тебе. ...не напрасно, видно, говорят: кто везёт, на того и накладывают* (Белянкин); [Выходя замуж за многодетного мужчину] – *Спрашиваю: Чьи это ребяташки? – «Наши», – повинился Паиль. – Ну, наши так наши... – Поплакала я да и потянула воз, богом мне определённый* (Астафьев). Соотносительно с ФЕ (представляет его воспроизводимый вариант) сочетание *везти воз*: – *Бабы дуры, они всегда берут на себя самую тяжёлую и грязную работу и везут свой воз до тех пор, пока не упадут* (Московские новости). Приведём примеры воплощения данного смысла средствами, не являющимися фразеологическими: *А внутри он, Володя Вишняков, стал другим. Он отличался от прежнего так же, как рабочая лошадь отличается от мустанга. ...То и не то. Двадцать лет сделали свое дело* (Токарева); *...Один из тех недалёных, добродушных служаек, тянувших лет двадцать пять лямку и затянувшийся без рассуждений, без повышений, в том роде, как служат старые лошади, полагая, вероятно, что так и надобно на рассвете надеть хомут и что-нибудь тащить* (Герцен). Эти смыслы наряду с ситуативным поведением характеризуют психологические типы человека и социально-возрастную динамику психологии. Образ рабочей лошади с присущим ему комплексом признаков «покорность ходу жизни», «привычка к несвободному состоянию», «привычка к рабочему образу жизни» акцентирует обречённость на продолжение образа жизни человека в немолодом возрасте, включённого в сеть многообразных социальных связей и обязанностей, освободиться от которых трудно или невозможно.

Признак «ограничение свободы» выступает в виде вариантов «управление», «подчинение», «сдерживание», «побуждение (принуждение) к действию», «регулирование». Этот смысл широко воплощается в речи различными средствами – прежде всего названиями упряжи и лексически соотносительными глаголами (*обуздать, взнуздать, обротать* и под.), фразеологизмом *бразды правления*, а также выражениями *надеть узду, держать в узде, поднять на дыбы*: *Но явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твёрдо зажмёт в своём кулаке бразды правления* (Бунин); *Можно предположить, что проигравшие [депутаты] попытаются надеть узду на ТВ, радио и прессу (АиФ)*. Ср. выражение этого смысла лексическими средствами: *В 1958 году вожжи премьерского правления взял в свои руки Никита Сергеевич* (Комс. правда); *С первых же дней он крепко прибрал вожжи к рукам* (Н. Островский); *Пока Сталин держал в железных руках, лошадка бежала, но после его смерти начала замедлять ход* (Ковельман); *Ослабив административные вожжи, о новых рыночных стимулах никто и думать не хотел* (Комсом. правда); *Инфляцию обуздаем через три года* (Явлинский); *Удила были подспущены, но не сдёрнуты с народа. Вот системы, которые держат эти удила: партия, КГБ, пресса и телевидение* (Власов); *Буйству воля была широкая, некому было то буйство взять под уздцы* (Фурманов); *В период*

перехода от планового хозяйства к рыночному... государство будет держать в своих руках **поводья** приватизации, цен... (Комсом. правда); Темира продолжала держать его на **мундштуке**. Ни одного ласкового слова не услышал он от неё в течение целой недели (Боборыкин); – Да, с этими барынями... ой-ой, нужно ухо остро держать! – Вот кабы вексель... это так! Тогда по крайней мере в узде её держать можно. **Обмундштучил**, знаете, ...пляши! (Салтыков-Щедрин). [Адвокат] зараз и **обротал** денщика, либо женись, либо на каторгу на девять годов на восемь месяцев (Серафимович). Ср. лексическую и семантическую соотносительность ФЕ и слова: Не менее пугает русскую интеллигенцию неизбывное стремление русских же ее оппонентов **надеть** на культуру ту или иную **узду** (Никитинский) – ...Порешили от лица всего клуба обратиться к губернатору и просить его немедленно ...**обуздать** вредного буяна... (Достоевский).

Противоположный признак предстаёт в виде варианта «снять ограничения»: Стоило на минуту **снять узду** с услужливой памяти, и перед глазами его вставала живая, улыбающаяся Наталья (Шолохов); Полина Петровна как-то вдруг **выпустила** из рук **бразды правления** [имением] (Салтыков-Щедрин); **Развозжжали** вы, сударь, ваших баб (Сухово-Кобылин); Садитесь, садитесь. Вот Елизавета Ивановна обрадуется! – ...Обожди, дай **рассупониться** (Малюгин); **Расшиорьте** своё восприятие (Русское радио).

Признаки функционального аспекта отражают использование коня-лошади в интересах человека – в виде смысла «тягловая сила» и его вариантов «рабочая сила», «транспортное средство», «выполнение работы»¹. Этот смысл выражает пословица *Коней на переправе не меняют*, использованная в следующем фрагменте в виде своего варианта: *И ведь были же умные среди думцев, предупреждали: «не будем **перепрягать лошадей** на переправе», менять правительство во время войны (Солженицын)*. Характерна и загадка о лошади: *Не пахарь, не столяр, Не кузнец, не плотник, а первый на селе работник*.

Приведём примеры использования образа с воплощением этих признаков лексическими средствами: *Значит, отец хочет **запрячь** его в новую работу и посадить опять в деревню года на три (Мамин-Сибиряк)*; *Трудно найти человека, который, написав так много, сколько глубокого и непреходящего, был вместе с тем в такой значительной степени не автором, а чем-то другим – **тягловой силой** духовной культуры (Литер. газета)*; *Говорят, что Горький потом и отказался от собственного взгляда на интеллигенцию как на **ломовую лошадь** истории, я остаюсь при его прежнем мнении (Крелин)*.

В большинстве случаев актуализируется признак «выполняющий работу» (часто тяжелую или в большом объёме): *Я жил среди людей, для которых труд был обязателен и неизбежен и которые работали, как **ломовые лошади** (Чехов)*; *Я работал все эти годы, писал. Я же **рабочая лошадь**, не могу просто крутиться около литературы – там выступил, тут мелькнул... (Комс. правда)*; *Он работал, как **тягловая лошадь**, и тренеры, глядя на него, стали и нас заставлять так работать (Комс. правда)*; *Мама работает на старом месте, **везет на себе** хирургическое отделение (Тендряков)*; *Военные, которые ... продолжают «**везти**» на себе груз проблем безопасности населения, свой выбор остановили на такой же добросовестной трудяге – **лошади**. Из её крови... несколько месяцев назад было получено первое в мире действенное лекарство от вируса Эбола (Комс. правда)*.

Часто образ запряжённой лошади воплощает признак «работа» в совмещении с признаком «несвобода» – через указания на воз, хомут, гуж, имеющие назначением крепление повозки и способные метонимически её замещать при ассоциативном воплощении образа. Ср., с одной стороны, пословицы *Свою шлею (хомут) да на чужую шею; С кого сняли, а на нас нахомутали*; ФЕ *тащить (тянуть) воз*: ... *Выпряги мужика, кого будет тогда понукать Система, кому **тянуть** её громадный воз, кормить армию уместившихся в нём «генералов»?* (Бороденков); с другой стороны, воплощение этого

---

¹ По данным А. В. Медведевой, в русских пословицах, поговорках, фразеологии наиболее широко отражена роль лошади в хозяйственной деятельности человека, а в английской идиоматике – сфера конного спорта и развлечений: охота, рыцарство, наездничество (Медведева, 1998: 175).

смысла лексическими средствами: *Без крайней нужды запрягаться в телегу срочной работы – это безумие...* (Белинский – Боткину); *А нынче / в упряжку / взяты частники* (Маяковский); *Он впоследствии, когда запряг себя в журналистскую упряжь, сердился на меня* (Вяземский); *Они тебя запрягли в дело, ты вывез воз на ровную дорогу, а теперь...* (Горький); *Весь день в суете: работа, садик, магазин – бегаю, как савраска* (из записей устной речи); *И, сняв / служебные гужи, // узнавши, / час который, // домой / приедет, отслужив...* (Маяковский).

В лексически разнообразном воплощении образ используется для характеристики технических транспортных средств. БАС фиксирует сочетание *стальной конь* (о тракторе), *железный, стальной конёк* (о поезде); М. Михельсон – *железный конь* (о велосипеде). В современной речи чаще используется широкий состав лексических средств, называющих автомобиль, поезд, пароход, велосипед, мотоцикл, самолет, космический корабль, НЛО и т. д.: *И очень многие горожане, зимой даже забывающие о рулевом управлении, весной запрягают своих «железных лошадок», чтобы ехать на огород или дачу* (Комс. правда); *Оцепивший зал невиданный табун «Мерседесов», «БМВ» и «Фордов» медленно редел* (Комс. правда); *...В своей группе Олег – единственный «лошадный» студент* (Комс. правда); *Такие случаи были – / он едет в автомобиле. // Узнавши, / кто / и который, – // толпа распрягла моторы! / Взамен/ лошадиной силы / сама / на руках носила!* (Маяковский); *Семеро репортеров оседлали мотоциклы и рванулись за ними* (Комс. правда); *Ровно пятнадцать лет назад на горячем космическом скакуне «Союз-39» стартовал в околоземное пространство лихой наездник со странной фамилией Гуррагча* (Комс. правда).

В состав признака «**типовые ощущения, состояния**» входят варианты «ощущение тяжести», «усталость, изнеможение», «возбуждение во время бега», «состояние боли» и другие. Проиллюстрируем воплощение двух признаков средствами пословиц и ФЕ, а с другой стороны – лексическими средствами.

«Ощущение тяжести, усталости»: *Нечего делать! – сказал наконец Базаров. – Взаясь за гуж – не говори, что не дюж!* (Тургенев) – *Студент на исходе сессии становится похож на загнанную лошадь* (Самарская газета); *...Ах: разрывающееся сердце, Слог, на котором мрут. Ах: это занавес – вдруг – разверстый. Ох: ломовой хомут* (Цветаева).

«Состояние изработанности, физической изношенности»: *А про меня можно сказать: молод был – конём слыл, стар стал – одром стал* (Кочин); *Посмотри ты на себя, такой ли ты был прежде. Что, брат, видно, укачали сивку крутые горки?* (А.Островский) – *Надо было обладать и мужеством, чтобы впрячься в такой хомут [о должности начальника ГУВД]* (Комс. правда); *Вначале активно работал Лисов, потом он свалился в больницу от переутомления (этот человек из тех рабочих лошадок, что добросовестно везут на себе неподъёмную поклажу)...* (Комс. правда).

Психологический аспект отражает комплекс типовых ощущений всадника (седока) во время езды на коне. Среди наиболее ярких вариантов этого признака – ощущения полёта, воли, азарта, душевный подъём. Этот аспект актуализируется при характеристике человека, находящегося во власти сильных чувств, испытывающего вдохновение. Выразителем этого значения является ФЕ *сесть на любимого конька*, а также слово *конёк*, различные глаголы, в том числе в сочетании со словом *конёк*: – *Ну, мы затеяли с тобой опять старый, бесконечный спор, – сказал Райский: – когда ты оседлаешь своего конька, за тобой не угонишься...* (Гончаров); *К Шмарину только приехать – и начнёт! Поплетёт и поедет – развешивай уши, до утра проговорит, коли с вечера сядет* (Фурманов); *Конечно, Кремль постарается сесть на своего старого доброго конька: начнёт пугать коммунизмом и обещать светлое завтра* (Комс. правда); *Создание подобных государственно-акционерных компаний, где, как правило, 51 процент акций в руках областной администрации, – конёк губернатора* (Комс. правда); *А у женщин целых три конька, с которых они никогда не слезают, – попрёк, намёк, упрёк* (Тургенев). В поэтических воплощениях образ коня с актуализацией данного признака обычно используется в виде тройки.

Образ является неисчерпаемым источником смыслов, отражающих реалию в разных аспектах и связях. ФЕ и пословицы оказываются выразителями всех значимых смыслов, составляющих структуру концепта, в первую очередь доминантных. Показательным примером тенденции к выражению доминантных смыслов служит употребление назва-

ний коня по масти в составе пословиц и ФЕ, где оно сопровождается нейтрализацией семы масти и актуализацией доминантных смыслов. Например, смысла «работа»: *Укатали бурку крутые горки; Укатали савраску горы да овражки; Вали на серого, серый все свезет; Люблю серка за обычай: кряхтит, да везет; – Эй, браток, кровинушка родимая! Ты ить злой был... помнишь? Крепкий был... а? ... – Был! Был твёрдым, а теперь помяли!.. Укачали сивку!..* (Шолохов); и смысла «свобода» – ФЕ *саврас без узды: Общественная самостоятельность (должна быть) в пределах. Сам либерал понимал, что иначе нельзя. Пусты-ка савраса без узды– он в один момент того накуролесит, что годами потом не поправишь* (Салтыков-Щедрин).

Доминантные смыслы втягивают в свою орбиту в качестве средств экспликации разную (потенциально – всю) лексику ассоциативно-семантического поля. Эти смыслы, следовательно, обеспечивают семантическое единство образа, единство средств его языкового воплощения. При этом большая часть лексических средств обнаруживает семантическое варьирование в широком диапазоне смыслов, в том числе и доминантных, но не только.

Что касается фразеологии и пословиц, то подавляющее их большинство связано с выражением исключительно доминантных смыслов. Выражение доминантных смыслов образа в форме ФЕ и пословиц – многократно воспроизводимых в речи и тем самым транслирующих эти смыслы во времени – способствует кристаллизации этих смыслов. Такая роль ФЕ и пословиц выявляется лишь на фоне рассмотрения всех средств воплощения образа: лексических, фразеологических и паремиологических.

Литература

Илюхина, Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации: монография / Н.А. Илюхина. – М.: Флинта – Наука, 2010. – 320 с.

Медведева, А. В. О путях развития слов конь/лошадь в разных языках / А. В. Медведева // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы XIII Тверской межвуз. конф. ученых-филологов и школьных учителей. – Тверь, 1998. – С. 174-178.

Summary. The productivity review of phrases and proverbs is substantiated in comparison with lexemes as means of embodiment a metaphorical image and also it is showed its role in the expression of key meanings of the concept-image in the article.

Карпенко Е. И.

ПОЧЕМУ БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА: РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ОДНОМ АРХЕТИПИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет
elena_karpenko@list.ru

Статья посвящена одной очевидной семантической универсалии и менее очевидным межъязыковым коррелятам, в которых она манифестируется в немецком и русском языках. Речь идет о распространенном в славянских, германских и романских языках представлении о том, что *беда / худо / несчастье* приводит за собой другое несчастье.

Не беремся утверждать, что источником такого убеждения является Библия, однако, наиболее известного библейского страдальца Иова несчастья настигли одно за другим – он лишился сначала всего своего состояния, затем слуг и детей, наконец, здоровья. Четыре гонца один за другим приносят Иову страшные вести: к этому моменту библейского повествования восходит немецкий фразеологизм *Hiobsbotschaft / Hiobspost*, т. е. дословно «весть для Иова».

По классификации библейских фразеологизмов А. В. Григорьева *Hiobsbotschaft* относится к разряду выражений, не представленных в Библии своим лексическим составом, но семантически детерминированные библейскими текстами (Григорьев, 2007: 50). На русский язык фразеологизм переводится как «печальная / роковая весть», т. е. с полной утратой библейской образности и коннотации. Исследование употреблений данного фразеологизма в дискурсе наводит, однако, на мысль о наличии в русском языке фразео-

логического аналога, пусть и не обладающего структурной общностью с рассматриваемой немецкоязычной единицей.

Во-первых, словарные дефиниции фразеологизма безразличны к тому обстоятельству, что на Иова обрушилось не одно, а несколько несчастий (пример 1):

(1) **Hiobsbotschaft, die** [nach Hiob im A.T., der Schweres zu erdulden hatte]: Unglücksbotschaft, Schreckensnachricht (Deutsches Universalwörterbuch, 1996: 721)

Дискурсивные употребления высвечивают данную количественную характеристику (примеры 2, 3), ср.:

(2) Aber der Eindruck bleibt, die Euro-Rettung sei ein Fass ohne Boden: Alle paar Monate **kommt eine neue Hiobsbotschaft**, auf die mit neuen Rettungsversuchen reagiert wird – bis zum nächsten Mal. Was läuft schief? (Braunschweiger Zeitung, 08.09.2011; Kein Euro ohne unsere Zustimmung)

(3) Mit 70 Prozent Platzauslastung und 16 Prozent selbst erwirtschafteten Einnahmen liegt es über dem Schnitt der subventionierten deutschen Theater. Doch nun **traf eine Hiobsbotschaft nach der anderen** von den Theater-Trägern **ein**. (Braunschweiger Zeitung, 05.11.2011; Ein Theater kämpft ums Überleben)

Во-вторых, в дискурсе очевидна концептуальная метафора, лежащая в основе таких сочетаний данного фразеологизма, как *eine Hiobsbotschaft kommt / trifft ein / eine folgt der anderen* etc. Die Hiobsbotschaft / «роковая весть» персонифицируется, она *приходит, наступает, догоняет* субъект; одна весть *следует* за другой и т. п. Как известно, персонификация представляет собой общую категорию, охватывающую широкий круг метафор, каждая из которых основывается на специфическом свойстве человека или на способе его восприятия, в данном случае речь идет о перенесении человеческой способности к передвижению на неживую сущность (*весть* приходит). Различные виды персонификации, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, являются расширениями онтологических метафор и позволяют осмыслять происходящее, олицетворяя его, т. е. в терминах, которые мы понимаем, исходя из собственных мотиваций, целей, действий и свойств. Очеловечивание абстрактных категорий обеспечивает такое понимание, которое самоочевидно для большинства людей (Лакофф, Джонсон, 2004: 60). По отношению к библейскому первоисточнику модификации сочетания *eine Hiobsbotschaft kommt* могут рассматриваться в качестве метонимии, т. к. к Иову *приходили* один за другим четыре гонца, которые и приносили печальную весть. Метонимические концепты столь же системны, как и метафорические, и дают возможность осмыслять некоторую сущность в рамках её связи с другими сущностями (Лакофф, Джонсон, 2004: 66).

В-третьих, семантика глаголов со значением «приходить» указывает на приближение к субъекту извне, маркирующую, на наш взгляд, вход данного фразеологизма в архетипическую оппозицию «свой – чужой». К Иову несчастья также приходили извне, с территории «чужого» пространства. Например, весь скот Иова и его слуги были уничтожены в результате двух нападений сабеев (Иов 1: 15) и халдеев (Иов 1: 17), с которыми враждовал род Иова (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Уц>).

Заметим, что количественная характеристика фразеологизма (*несколько роковых известий*) и его входение в архетипическую оппозицию «свой – чужой» восходят непосредственно к библейскому первоисточнику и высвечивает их именно дискурс, подтверждая одно из основных положений лингвокультурологии о том, что «живые культурно значимые смыслы единиц фразеологии обнаруживают себя не только и не столько в отдаленных от нас по времени текстах, сколько в живодействующих дискурсивных практиках» (Телия, 2004: 19).

Прежде чем, мы перейдем к рассмотрению русскоязычного аналога фразеологизма *Hiobsbotschaft / Hiobspost*, коротко упомянем те крылатые слова и выражения, источником которых является книга Иова. Безусловно, само имя «Иов» или «Иов Многострадальный» является языковым символом. Анализируя специализированные справочные издания по религии, мы приходим к выводу, что для религиозного сознания Иов, скорее, символизирует смиренного праведника, всецело преданного воле Божьей (Энциклопедия Библейская, 2002: 303). Похожие качества Иова акцентирует немецкий «Лексикон библейских личностей», характеризуя его при помощи прилагательных *fromm / набожный, gottes für chtig / богобоязненный* и называя его *frommer Dulder / набожный страдалец* (Lexikon der biblischen Personen, 2004: 160). В иудейской традиции считается, что в праведности Иов превосходит Авраама (Lexikon der biblischen Personen, 2004: 161). В христи-

анстве постепенно акцент смещается на страдания Иова: уже в средневековой теологии он символ христианского стоицизма (Stoffe der Weltliteratur, 2005: 394).

В обыденной картине мира, которую собственно и отражают крылатые слова, Иов Многострадальный – это, прежде всего, «человек, испытывающий множество бедствий» (Крылатые слова и выражения, 2001: 152). Ср. также английское выражение Job the Longsuffering / Иов Многострадальный – праведник, сносивший все лишения, которым подверг его Бог (Иов 1: 1) (Ермолович, 2004: 74). Помимо имени Иова во фразеологический фонд разных языков вошли такие выражения, как: (русс.) *посыпать главу пеплом* / (нем.) *das Haupt mit Asche bestreuen* в значении «глубоко скорбеть по поводу какого-нибудь бедствия, утраты чего-нибудь ценного»; поговорка, отражающая отношение праведника к испытаниям, ср.: (русс.) *Бог дал, Бог взял* / (нем.) *Der Herr hat's gegeben, der Herr hat's genommen*.

Русскоязычные словари крылатых слов и выражений утверждают, что из книги Иова происходит фраза *корень зла* (Иов 19: 28), (Крылатые слова и выражения, 2001: 174). В немецком языке ему соответствует выражение *die Wurzel des Übels*, однако в немецкоязычной Библии в [Hiob 19: 28] используются слова: *Wie wollen wir ihn verfolgen / und den Grund der Sache an ihm finden!* (Hiob 19: 28), что наводит на мысль о немецком фразеологизме *einer Sache auf den Grund gehen* / *глубоко изучать вопрос*.

Небезынтересно и то обстоятельство, что различные национальные языки могут акцентировать различные стороны характера Иова или различные моменты его истории. Например, в русском языке говорят «беден, как Иов» (Крылатые слова и выражения, 2001: 152), в итальянском и немецком подчеркивают его терпение, ср.: (ит.) *la pazienza di Giobbe* (Рылов Ю.А., 2006: 280) / (нем.) *Hiobsgeduld*. Помимо этого, в итальянском языке есть выражение *amici di Giobbe*, которое дословно означает «друзья Иова» и используется для характеристики дурных, надоедливых советчиков, напоминая о трех друзьях Иова – Елифаза, Вилдада и Софара, – которые не только не утешили его, но и несправедливо обвиняли в показной праведности, ибо Бог, по их мнению, не посылает столь страшных испытаний незаслуженно (Энциклопедия Библейская, 2002: 303).

По-видимому, немецкое выражение *Hiobsbotschaft* можно считать безэквивалентным в русском и итальянском языках. Как и русские, итальянцы переводят его *annuncîo funesta*, т. е. «роковое известие». Что же касается английского языка, то при помощи *Job's news* соответствующий немецкий фразеологизм переводится очень редко, гораздо чаще употребляются в этом случае выражения: *bad tidings, evil tidings*, т. е. «плохие, зловещие известия/новости» (<http://www.linguee.de>).

Несомненно, национальная маркировка фразеологизма *Hiobsbotschaft* объясняется не только культурологическими, но и собственно языковыми факторами, в частности, такой особенностью именно немецкого словообразования, как высокая продуктивность словосложения. Тем не менее, мы попробуем показать, что у этого фразеологизма есть образный аналог в русском языке, пусть и не обладающий библейскими коннотациями. Мы полагаем, в частности, что русская поговорка «Беда не приходит одна» основывается на той же концептуальной метафоре, и, в конечном счете, на том же архетипическом представлении, что и немецкое выражения *eine (weitere) Hiobsbotschaft kommt*.

Во-первых, поговорка «Беда не приходит одна» отражает серийный характер несчастий, которые постигают человека. Распространенность данного убеждения в русской культуре подтверждается такими поговорками, как: *пришла беда – отворяй ворота / беда бедой беду затыкает / беда идет, беду везет, третья погоняет / беда бедой помыкает / беда беду так и гонит / беда семь бед приводит (высиживает)* и др. (<http://ru.wiktionary.org/wiki/беда>).

Во-вторых, в этой поговорке, как и во фразеологизме *eine Hiobsbotschaft kommt*, беда персонифицируется. Хорошо известно, что в восточнославянской мифологии в качестве персонифицированного образа злой судьбы, горя выступает Лихо одноглазое. Название «лихо» восходит к прилагательному «лишний», т. е. тот, кого следовало избегать как носителя несчастий (Капица, 2007: 170). Важно, что оно живет в глухой лесной чаще, куда случайно попадает герой. Как отмечает Ф. С. Капица, в некоторых версиях спасение героя происходит, как в античной мифе об Одисее и Полифеме. Завернувшись в овечью шкуру, герой выбирается из избушки (в мифе – из пещеры). Связь образа Лиха с древнейшими мифологическими персонажами прослеживается и в описании Лиха как одноглазого существа.

В русских народных сказках образ Лиха связан с таким персонажем, как Горе. Это образное воплощение злой доли, антропоморфный образ, наделенный способностью превращаться в различные предметы. В большинстве сюжетов появление Гора связывается с обрушивающимися на героя несчастьями. Любые начинания заканчиваются неудачей. Чтобы избавиться от Гора, герой заманивает его в ловушку (гроб, табакерку, тележное колесо), и, поймав, закапывает в землю или выбрасывает труднодоступное место. Освободившись от Гора, герой возвращается к нормальной жизни (Капица, 2007: 137).

Кроме того, у восточных славян *злыдни* олицетворяли несчастливую судьбу, бедность, беду. Считается, что злыдни живут в доме. Нападая на человека, они вскакивают ему на плечи и «ездыт» на нем, в результате все его хозяйство приходит в упадок, сам он впадает в нищету и болезни. Избавиться от них очень трудно, но возможно: их можно переловить и куда-нибудь запереть. В быличках бедняк хитростью заставляет злыдней залезть в мешок, который он бросает в болото или в яму и заваливает камнем (Славянская мифология, 2002: 185).

В-третьих, как мы увидели, персонифицированная беда обитает в лесу. Когда от неё пытаются освободиться, её заманивают в ловушку и выбрасывают в труднодоступное место, болото, яму и т. д. Иными словами, как демоническое существо она заведомо относится к «чужим» (а не «своим») и обитает на «чужой» территории. Степень «чужести» возрастает по мере удаления от центра, в котором находится человек: человек – дом – двор – село – поле – лес (Славянская мифология, 2002: 425). Такое направление движения – с «чужой» периферии на «свою» территорию – задают и глагол «приходить» в русской поговорке, и глагол «kommen» в немецком фразеологизме. Таким образом, поговорка *Беда не приходит одна* также входит в архетипическую оппозицию «свой – чужой», со свойственным этой оппозиции восприятию «чужести» как чего-то враждебного и опасного.

Мы не думаем, что архаическое представление о беде / худе/ несчастье, которое приводит за собой другое несчастье, отражает лишь мистический страх наших предков перед случившимся и пассивное ожидание приближающихся напастей. С точки зрения социально-психологической концепции мифа возникновение мифологем необязательно жестко связано с тем или иным языком. Оно связано, как пытается показать И. М. Дьяконов, со всеобщими законами существования архаического человека и средой, его окружавшей, независимо от конкретного языка и этнического происхождения племени (Дьяконов, 2004: 110). Безусловно, общей для большинства архаических обществ задачей была охрана очага, защита «своего» пространства. Неслучайно, целый комплекс так называемых бытовых обрядов был направлен на предотвращение или борьбу с определенными ситуациями, такими как падеж скота, эпидемии, пожары и т. п. Возможно, представление о серийном характере несчастий было направлено на мобилизацию сил человека, которому предстояло сопротивляться несчастью. (Достаточно вспомнить сказки, где главный герой хитростями и уловками, т. е. напряжением умственных и физических сил, непременно освобождался от Гора.)

Наконец, чтобы показать, что поговорку *Беда не приходит одна* и фразеологизм *Hiobsbotschaft* можно рассматривать в качестве межъязыковых фразеологических коррелятов, обратимся к дискурсу, а именно к освещению в СМИ аварии на атомной электростанции Фукусима-1. Авария произошла 11 марта 2011 года в результате сильнейшего в истории Японии землетрясения и последовавшего за ним цунами. Землетрясение и цунами привели к серии катастроф, выведших из строя атомные реакторы на трех (из четырех) энергоблоках электростанции в первые дни аварии (http://ru.wikipedia.org/wiki/Авария_на_АЭС_Фукусима-12). По мере развития трагедии немецкоязычные СМИ в период с марта по ноябрь 2011 передавали все новые и новые «роковые известия» из района бедствия, например:

- **Hiobsbotschaft folgt auf Hiobsbotschaft** (<http://nachrichten.t-online.de>)

- **Neue Hiobsbotschaft aus dem Katastrophen-AKW Fukushima:** Der Betreiber Tepco meldete am Samstag ein Leck im Betonsockel des Reaktors 2, durch das radioaktiv verseuchtes Wasser ins Meer gelangt. (<http://wirtschaftsblatt.at>).

На пятый день трагедии случилось событие, казалось бы, не имеющее к ней отношение, – на юго-западе страны проснулся вулкан Синмоэ. Но и оно стало рассматриваться как звено в череде трагедий, обрушившихся на страну:

- **Neue Hiobsbotschaft in Japan: Nachbeben, Vulkanausbruch und zweite Explosion im AKW Fukushima** (<http://news.tripsbytips.de>)

15 марта 2011 года русскоязычный сайт «Обозреватель» сообщил о начавшемся извержении вулкана в заметке под заголовком **«Беда не приходит одна»**:

Вулкан Синмоэ проснулся после временного затишья на юго-западе Японии, сообщает агентство Джихан.

В воздух на высоту до 4 километров летят пепел и камни. Специалисты при- своили вулканической активности 3 из 5 баллов по шкале опасности ...

Синмоэ находится в 1, 5 тыс. км от района землетрясения... Специалисты еще не установили доподлинно, стало ли причиной извержения вулкана сильнейшее в ис- тории страны землетрясение и последовавшее за ним цунами.

Как сообщалось, японские власти уверяют, что уровень радиации в стране по- степенно снижается. Излучение повысилось на некоторое время после взрывов на атомной электростанции «Фукусима-1», передает РИА Новости. (<http://obozrevatel.com>)

Таким образом, правомерно предположить, что русская поговорка *Беда не приходи одна* и немецкий фразеологизм *eine Hiobsbotschaft kommt* etc. являются межъязыковыми аналогами¹, общность содержания которых «свидетельствует о существовании универ- сальных логико-семиотических моделей, отражающих определенные закономерности фиксации жизненно важных представлений в языковой системе» (Мелерович, Мокиенко, 2006: 28). Нет необходимости говорить о важности учета подобных данных в переводче- ской, лексикографической и лингводидактической практике.

Литература

Григорьев, А. В. К вопросу об источниках библейских фразеологизмов / А. В. Григорьев // Филологические науки. – Москва, 2007. № 1. – С. 50-59.

Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – Москва: Едито- риал УРСС, 2004. – 248 с.

Ермолович, Д. И. Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышен- ной лексики / Д. И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2004. – 264 с.

Капица, Ф. С. Тайны славянских богов / Ф. С. Капица. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2007. – 416 с.

Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. Семантизация межъязыковых фразеологических кор- релятов и языковая картина мира / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Меж- дународная научно-практическая конференция 17 – 19 марта 2006 года. – Москва–Кострома: ООО Издательство «Элпис», 2006. – С. 21-29.

Ничипорчик, Е. В. Способы характеристики художого и худа в русских и итальянских паремиях / Е. В. Ничипорчик // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17 – 19 марта 2006 года. – Москва – Кострома: ООО Издательство «Элпис», 2006. – С. 473-478.

Рылов, Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю. А. Рылов. – Москва: Гнозис, 2006. – 304 с.

Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокро- венность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фра- зеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19-30.

Крылатые слова и выражения / Сост. Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М.: РИПОЛ КЛАС- СИК, 2001. – 432 с.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Меж- дународные отношения, 2002. – 512 с.

Энциклопедия Библиейская. – М.: «Локид Пресс», 2002. – 768 с.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim: Dudenverlag, 1996. – 1816 s.

Lexikon der biblischen Personen / Von M. Bocian. – Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2004. – 539 s.

Stoffe der Weltliteratur. Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Längsschnitte / Von E. Frenzel. – Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2005. – 1144 s.

Электронные ресурсы

<http://ru.wiktionary.org/wiki/беда>

http://ru.wikipedia.org/wiki/Авария_на_АЭС_Фукусима-12

<http://ru.wikipedia.org/wiki/Уц>

---

¹ Существование аналогов не исключает наличия эквивалентов, ср.: (ит.) Unadisgrazianon- vienemaisola (Ничипорчик, 2006: 477) / (англ.) an evil chance seldom comes alone / (нем.) Ein Mißge- schick kommt nicht allein

<http://www.linguee.de/deutschenglisch?query=hiobsbotschaft&source=german>
BraunschweigerZeitung (Режим доступа на 14.12.2012: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/action.subShowLastKwic.do>)
Hiobsbotschaft folgt auf Hiobsbotschaft (Режим доступа на 14.12.2012: http://nachrichten.t-online.de/atomkatastrophe-in-japan-hiobsbotschaft-folgt-auf-hiobsbotschaft/id_45016596/index)
Neue Hiobsbotschaft aus dem Katastrophen-AKW Fukushima (Режим доступа на 14.12.2012: <http://wirtschaftsblatt.at/home/nachrichten/international/1166799/index>)
Neue Hiobsbotschaft in Japan: Nachbeben, Vulkanausbruch und zweite Explosion im AKW Fukushima (Режим доступа на 14.12.2012: <http://news.tripsbytips.de/reiseziele/asien/neue-hiobsbotschaft-in-japan-nachbeben-vulkanausbruch-und-zweite-explosion-im-akw-fukushima/>)
Беда не приходит одна (Режим доступа на 14.12.2012: <http://obozrevatel.com/abroad/beda-prihodit-ne-odna-v-yaponii-prosnulsya-vulkan-sinmoe.htm>).

Summary. The article deals with the linguocultural aspect of German biblical expression «Hiobsbotschaft» and Russian proverb «An evil chance seldom comes alone / Беда не приходит одна», which are concerned to be based on the same archetypical concept. To maintain this suggestion the author analyses the using of both phraseological units in the modern media discourse.

Касьянова Л. Ю.

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В НЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
kaslyudmila@yandex.ru

Процесс языкового развития и обновления характеризуется непрерывностью и происходит под влиянием важнейших стимулов, связанных с когнитивно-коммуникативными потребностями общества, а также с особенностями внутреннего устройства языка. Изменения затрагивают все уровни языка, однако наиболее зримо они проявляют себя в лексике и фразеологии, что совершенно закономерно, поскольку именно языковые единицы этих уровней непосредственно связаны с окружающей действительностью и испытывают постоянные импульсы изменений, которые исходят как от исторически изменяющейся среды, так и того синхронического культурно-дискурсивного пространства, в котором язык функционирует в настоящее время.

Одним из способов ментального освоения и отражения действительности является образование лексико-фразеологических инноваций и их активное функционирование в неологическом пространстве русского языка. Новые единицы интенсивно пополняют язык, свидетельствуя о динамичном характере его развития и неологизации важнейших звеньев языковой системы.

Неологизация представляет собой комплексный когнитивно-дискурсивный процесс, отражающий общее поступательное движение языка, направленный на обновление его лексико-фразеологической системы в соответствии с преобразованиями языкового сознания народа, изменениями его ценностных ориентиров в связи с возникающими когнитивно-прагматическими потребностями речемышления.

Языковые факторы неологизации связаны с внутренней мотивацией процесса вербализации продуктов познания, а также с факторами когнитивно-коммуникативного и дискурсивно-прагматического характера, которые обуславливают рождение лексико-фразеологических инноваций разными проявлениями интеллектуальной и эмоционально-оценочной активности носителей языка. Исходя из этого, лексико-фразеологические инновации рассматриваются нами как результат когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности. Такой подход позволяет изучать лексико-фразеологические инновации как материал, отображающий процессы постижения и осмысления мира современным человеком, при этом важно следовать паритетным принципам совмещенного изучения экстралингвистических и собственно лингвистических факторов появления лексико-фразеологических инноваций, поскольку их порождение происходит в процессе нового отражения, переосмысления и нестандартной интерпретации мира.

В связи с вышеизложенным необходимо, на наш взгляд, определить те доминантные зоны неологического пространства русского языка, которые получают обозначение посредством лексико-фразеологических инноваций.

Лексические и фразеологические инновации с различной степенью интенсивности пополняют ведущие сферы социума: (1) экономическую (*бизнес-климат, дискаунт, инвестклимат, кластеризация, коворкинг-центр; голубые фишки, длинные деньги, распилить бюджет, сырьевая игла, серый бизнес*), (2) социальную (*дуплекс, мультиплекс, сити-менеджер, таунхаус, флеш-моб, экодом; белая металлургия, новые сердитые, офисный планктон, социальный лифт, шаговая доступность*), (3) правовую (*наркополицейский; басманное правосудие, правовой нигилизм*), (4) IT-сферу (*блогосфера, бот-атака, инфомат, нетбук, планшетник, ридер, сетература, соцсеть; сетевая зависимость, электронное правительство, электронный кошелек*) и др.

Однако в фокусе особого внимания находятся лексические и фразеологические инновации, используемые в процессе политической коммуникации и активно пополняющие лексико-фразеологический фонд языка политики, что обусловлено, прежде всего, трансформацией социально-политической ситуации, динамикой ведущих сфер социума (*политейнмент, тандемизация, тандемократия, фронтовик* (член «Народного фронта»); *белый пиар, черный пиар, оранжевая революция, цветная революция* и др.).

Представляет интерес обращение к относительно непродолжительному, однако чрезвычайно важному в новейшей политической истории России периоду – 2011–2012 гг., когда такого рода инновации создавались особенно интенсивно. Ключевой темой в пределах отмеченного хронологического отрезка являлись избирательные кампании различного уровня: в декабре 2011 г. состоялись выборы депутатов в Государственную думу, в марте 2012 г. – выборы президента РФ. Эти два важнейших политических события во многом определили дальнейший путь развития России. Незначительный хронологический отрезок между избирательными кампаниями дает основание рассматривать их как единство, характеризующееся спецификой политической ситуации, отражающее значимый период в жизни России, который послужил мощным импульсом для активизации процесса образования новых слов и выражений, ставших своего рода лексико-фразеологическими маркерами этого периода (*веб-выборы, КОИБ (комплекс обработки избирательных бюллетеней), КЭГ (комплекс электронного голосования), внесистемная оппозиция, белая лента, креативный класс, сетевые хомячки* и др.).

Обозначая концептуальную систему отражения мира, такие единицы задают определенную систему ценностных ориентаций, регулиующую социальное поведение членов лингвокультурного сообщества, в связи с чем являются релевантными компонентами современного медиа-политического дискурса, характеризующегося высокой степенью неогенности.

Обращение к синкретичному по своей природе медиа-политическому дискурсу, являющемуся сферой активного функционирования лексических и фразеологических инноваций, обусловлено тем, что в последнее время в масс-медиа отмечается функциональная активизация неоминаций политической направленности, представляющих особое видение мира в период политической нестабильности, своеобразную политическую интерпретацию действительности на конкретном хронологическом срезе. Будучи динамичным образованием, медиа-политический дискурс, особенно восприимчивый к различным социокультурным влияниям и оперативно реагирующий на них, несёт на себе отпечаток того времени, в котором существует. Так, специфика рассматриваемого периода наиболее зримо отражена в следующем фрагменте медиатекста: «*Однако период с ноября 2011 по март 2012 года действительно можно считать **периодом политической турбулентности**, в ходе которой некоторым показалось, что на пороге чуть ли не **креативная революция***» (Независимая газета, 30.11.2012).

Появление лексико-фразеологических инноваций политической направленности, этих своеобразных «хронофактов» (З. Е. Фомина), которые неразрывно связаны с определенным этапом в жизни социума, обусловлено стремлением выделить новые признаки сущностно важных для социума объектов, привлечь к ним внимание адресата и воздействовать на его сознание. Среди всего потока такого рода инноваций встречается достаточно широкий круг единиц лексико-фразеологического уровня, характеризующихся новизной как релевантным свойством всех инноваций: однословные и неоднословные неоминации, свободные словосочетания и устойчивые единицы.

Анализ зафиксированных на указанном хронологическом отрезке инноваций позволяет весь их неоднородный массив разделить по когнитивно-ономасиологическим основаниям на две группы, отражающие (1) технологии, связанные с выборами, процедурой

голосования (*вброс, вертолет, экскурсии, карусель, карусельщик, лженаблюдатель*), (2) послевыборные выступления, накал в обществе, связанный с неприятием результатов выборов определенной частью населения (*белоленточник, нанодекабристы, болотное дело, внесистемная оппозиция, новые сердитые, протестные гуляния* и др.). В составе этих групп как единицы, появившиеся для наименования ранее не существовавших реалий и понятий (их большинство), так и единицы, созданные для названия явлений, уже имевших место в социуме, но не получивших по ряду экстралингвистических причин наименования.

Дальнейшая систематизация возможна по форме языковой единицы. С этих позиций классифицируются структурные типы инноваций – лексические, семантические, фразеологические. С точки зрения механизма образования однословных неологий выделяются (1) новые производные слова, созданные в рамках словообразовательной неологизации (*белоленточник, веб-выборы, нанодекабрист, КОИБ, КЭГ* и др.), отчетливо отражающие ход классификационно-познавательной деятельности людей, представляющие собой результат работы сознания по установлению связей и отношений между предметами и явлениями действительности с помощью языковых средств; (2) неосемантизмы, являющиеся результатом семантической неологизации (*вертолет, экскурсии, карусель*, обозначающие различные технологии выборных фальсификаций), характеризующиеся коммуникативно-прагматической эффективностью и служащие ярким, нестандартным, информационно насыщенным способом вербализации внеязыковых инноваций.

Что же касается неословных неологий, то необходимо отметить, что в этом случае мы имеем дело с разноплановыми единицами. Если сопоставить сочетания *креативная революция* и *оранжевая революция*, то последнее можно совершенно определенно считать устойчивым сочетанием по ряду признаков. Так, в инновации *оранжевая революция* зависимый компонент становится смысловым центром, что не прослеживается в свободных словосочетаниях типа *оранжевая лента*, где зависимый компонент лишь уточняет значение главного, являющегося семантическим центром. Становится очевидно, что в сочетаниях типа *оранжевая революция* «нарушается соответствие плана содержания плану выражения в результате семантических сдвигов значения компонентов или полного их переосмысления, преимущественно метафорического, благодаря чему эти сочетания выражают не отношения между понятиями, а единые целостные понятия» (Алексеев, 2002: 27). Таким образом, находясь изначально на фразеологической периферии, неологизм *оранжевая революция*, благодаря частотности своего употребления в дискурсивном пространстве, приобрела конститутивные признаки фразеологизма, к числу которых относятся «неословность, воспроизводимость, относительная устойчивость, переносно-образное значение, полифункциональность, трансформируемость» (Белоусова, 2007: 29), и в связи с этим перешла во фразеологический фонд языка, с высокой степенью частотности демонстрируя свой новый статус в современном медиаполитическом дискурсе. Например: «*Во время **оранжевой революции** на Украине как по команде большинство новостийных студий российских каналов провело ребрендинг. Они окрасились в оранжевый цвет*» (Новая газета, 27.01.2012).

В случае же с сочетанием *креативная революция*, созданным, по всей видимости, по аналогии с *оранжевой революцией*, названные выше признаки, свойственные фразеологизму, в полной мере не отмечаются. Сопоставление данных примеров приводит к необходимости установления лингвистического статуса подобных образований. Отметим, что среди исследователей нет единого мнения относительно четкого терминологического определения такого рода сочетаний, которые именуются и явлениями фразеологической периферии, и фразеологическими, и синкретическими (фразеолого-синтаксическими) инновациями (ср.: Алефиренко, 2007: 163), и особым типом аналитических номинаций (М. А. Алексеев), и неофразеологизмами (Л. К. Байрамова), и фразеологическими неологизмами (В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова), и неологическими фразеологизмами (Х. Вальтер), и устойчивыми словесными комплексами (Н. Р. Халитова), и новыми устойчивыми словосочетаниями (И. О. Наумова). Многообразие номинаций обусловлено тем, что ими покрывается весьма разнородная совокупность новых языковых единиц, которые разнообразны «и по форме, и по смысловому содержанию, что создает известные трудности в определении неологизмов, их отграничения от других всевозможных инноваций, традиционно создающих маргинальную зону фразеологической неологии» (Алефиренко, 2008: 251). Однако всё это терминологическое многообразие сводится к

наименованию новых единиц, которым свойственно такое определяющее качество, как выраженный «эффект новизны», явственно ощущаемый всеми участниками коммуникативного акта в начальный период социализации инноваций.

Наблюдения показывают, что образование сочетаний с компонентом *революция* всегда активизируется в условиях повышенного внимания к происходящим в обществе событиям. Так, в современном неологическом пространстве функционирует значительное количество сочетаний с данным компонентом, которые находят отражение в медиатекстах политической направленности. *Революция* как ключевое слово политического дискурса демонстрирует расширение сочетаемостных возможностей в начале XXI века. Благодаря частотности употребления в социально-политических контекстах постепенно формируется устойчивое сочетание *болотная революция*. Например: «**“Болотная революция”**: чему научил Россию митинг на Болотной площади?» (АиФ, 11.12.2011). Однако следует отметить, что в исследуемый период это сочетание находится на фразеологической периферии, и при его исследовании с позиций синергетики неологизации нужно подходить не как к *состоявшемуся*, а как *становящемуся* факту (Алефиренко, 2008: 259).

В анализируемый период отмечается вариативность грамматически опорного субстантивного компонента *революция*, весьма многообразно представленная в медиаполитическом дискурсе. Политические события на Болотной площади и последовавшие за ними другие протестные акции получили названия *болотная демонстрация*, *болотный бунт*, *болотные события* и др. Например: «**Майская “болотная” попытка силового противостояния провалилась**» (Независимая газета, 29.12.2012); «... **пришли они к Костомарову изымать хронику “болотных” событий**» (Независимая газета, 13.12.2012); «... **этот разрушительный процесс катализируется “болотными демонстрациями”**» (Российская газета, 21.11.2012).

Замена субстантивного компонента *революция* в социально-оценочных номинациях обусловлена экстралингвистическими факторами, в частности, несогласием значительной части общества с узконаправленной трактовкой поствыборных политических событий 2011–2012 г.г. и употреблением слова *революция* в качестве наименования происходящего в социуме, поскольку укрепившееся значение этого слова ‘коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти’ (Ожегов, 1997: 672) не отвечало сути происходящих событий. Доказательством данного тезиса служит, в частности, следующий пример: «**Я бы скорее вел речь не о “революции”, а о проблемах с обратной связью между властью и пока немногочисленным, но уже оформившимся классом раздраженных городских сообществ, или, как их еще называют, “новых сердитых”**» (АиФ, 18.12.2011).

Что же касается адъективного компонента *болотный* в значении ‘относящийся к событиям на Болотной площади’, то следует признать, что он стал социально значимым фокусом многих сочетаний. Например: «**Пресс-секретарь Владимира Путина рассказал о том, что, по его мнению, является причиной “болотных настроений” в обществе**» (Коммерсант, 9.12.2012); «**Речь прежде всего идёт о “болотном деле” и связанных с ним делах о подготовке беспорядков**» (Независимая газета, 29.11.2012). Сочетания с данным адъективным компонентом становятся неотъемлемой частью многих медиатекстов политической направленности и служат выражением всего происходящего в социуме: «**Политическая зима 2012 года выдалась бурной... Кому как, а мне о результатах зимнего бурления «рассерженных горожан» (среднего класса), названного “белой (или болотной) революцией”, лучше всего рассказала песенка, которую спела в самом начале кампании одна симпатизирующая болотным молодежная группа... Духовной вершиной болотного бунта стали пляски взбесившихся девиц в масках... Болотная оппозиция подобных нарушений почему-то не заметила**» (Литературная газета, 9.05.2012). Обращает на себя внимание неогенная плотность медиатекста, который буквально насыщен неонминациями, среди которых преобладают сочетания с адъективным компонентом *болотный*. Такого рода наименования демонстрируют способность «к участию в процессах когнитивной метафоризации и языковой метонимии, которые resultируются созданием новых квантов знаний с вербально эксплицирующими их языковыми единицами» (Привалова 2006: 25), представляющими собой оперативно порожаемый продукт когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности.

Таким образом, расширение неологического пространства за счет новых средств номинации продуктов познания позволяет наиболее полно представлять обновлённую картину национального самосознания, где наряду с традиционными чертами народной ментальности отражается вновь приобретённое.

Литература

Алексеев, М. А. Отражение актуальных процессов синхронической динамики языка в новой фразеологии / М. А. Алексеев // *Nova frazeologia w nowej Europie. Materialy VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej*. – Szczecin – Greifswald, 2002. – С. 23–33.

Алефиренко, Н. Ф. Русская идиоматика на «изломе эпох» / Н. Ф. Алефиренко // *Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе*. – Киров, 2007. – С. 163–169.

Алефиренко, Н. Ф. Неофраземика в когнитивно-ономасиологическом аспекте / Н. Ф. Алефиренко // *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazeologia*. Red. Naukowa W. Mokienko i H. Walter. Uniwersytat Greifswald – Institut für Slawistik. Uniwersytet Opolski. – Instytut Filologii Polskiej. – Opole, 2008. – С. 251–261.

Белоусова, Т. П. Деривационная история устойчивого сочетания «оранжевая революция» (по материалам еженедельника «2000») / Т. П. Белоусова // *Język. Człowiek. Dyskurs*. – Szczecin, 2007. – S. 28–40.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Привалова, И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Привалова. – М., 2006. – 51 с.

Summary. This article covers the problems of neologization of Russian language, describes lexical and phraseological innovations, that function in various spheres of society. Special attention is paid to lexical and phraseological innovations в media-political discourse.

Князь (Сотова) Т. Н.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Украина, г. Харьков, Харьковский национальный аграрный университет
имени В. В. Докучаева
sotova_tn@mail.ru

Формирование антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований сопровождается появлением таких новых направлений, как этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика, этнопсихоллингвистика, лингвокультурология, прагматическая лингвистика и др., что обосновывается связью языка и культуры, языка и сознания, с одной стороны, а также стремлением лингвистики к выявлению способов их взаимодействия, с другой. Именно поэтому разработки смежных дисциплин активно привлекаются к изучению фразеологического фонда любого языка, поскольку фразеологические единицы (ФЕ) традиционно квалифицируются (Маслова, 2001; Телия, 1996) как единицы, которые отображают национально-культурную специфику мировоззрения.

Этнолингвистика как отдельный и определенный подход к языку сквозь призму духовной культуры этноса связана с именами таких известных ученых, как А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев («Язык и культура»), Б. Д. Гринченко («Этнографические материалы»), Д. К. Зеленин («Восточнославянская этнография»), А. А. Потебня («О мифическом значении некоторых поверий и обрядов»), Э. Сепир («Язык»), М. Ф. Сумцов («Символика славянских обрядов»), Б. Уорф («Отношение норм поведения и мышления к языку») и др. Теоретические основы современных исследований фразеологии на материале русского и украинского языков в этнолингвистическом аспекте заложены в работах Е. М. Верещагина, В. В. Жайворонка, В. И. Кононенко, В. Г. Костомарова, В. М. Мокиенко, И. А. Подюкова, В. М. Телия, Н. И. Толстого, В. Д. Ужченко, А. С. Юрченко и др.

Язык выступает основным способом самовыражения этноса, одним из ведущих индикаторов культурного продвижения. Образ этноса формирует не только универсальная система знаний о нем, но и его язык как «общая духовная энергия», поскольку в нем

возникает сама действительность, воспринятая и обозначенная ее творцом с учетом его культурно-национального мировоззрения (Жайворонок, 2007: 44). Н. И. Толстой обращает внимание на то, что связь фразеологии с этнографией, с широким этнографическим контекстом никогда не отрицалась. Первый и относительно ранний интерес к фразеологии у славян был вызван стремлением увидеть в ФЕ отражение или остатки старого быта, обрядов и верований, воссоздать их контекст и ситуацию (Толстой, 1995: 373).

Необходимость этнолингвистических разработок в сфере отображения фразеологическими единицами этнокультурного, в частности религиозного, фона предопределяет актуальность предлагаемого исследования. Цель статьи – необходимость выявить мотивационную связь между этнокультурной основой фразеологизмов украинского языка, в частности стержневыми словами-компонентами **Бог, Христос, чорт, злидні**, и ее реализацией в целостном значении ФЕ. Названные слова-компоненты, с нашей точки зрения, являются смысловыми центрами фразеологических единиц, которые сигнализируют об определенном социальном статусе.

Фразеология возникает в национальных языках на основе образного представления о действительности, наиболее полно отображает материальную и духовную жизнь народа. **«Во фразеологическом составе любого языка, – подчеркивает Н. Ф. Алефиренко, – хранится многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его история, нравственные ценности, религиозные воззрения и верования»** (Алефиренко, 2009: 6). Религия не находится в закрытом пространстве сакрального – она органически вписывается в этнически маркированные пути мировосприятия. **«Исследование языка определенного народа, – подчеркивает О. Савка, – делает возможным освещение своеобразности национального мышления, определяет шкалу культурных ценностей, раскрывает пути влияния культуры народа на его язык»** (Савка, 2008: 184), а также отражает в языке традиции, обычаи, верования, пожелания и т. п. В связи с повышенной активностью использования представителями христианской культуры библейской лексики, особое внимание привлекают фразеологизмы со словом-компонентом **Бог**, которые прямо или опосредованно (через эталоны, символы, стереотипы национальной культуры) несут информацию о культуре народа, а также сигнализируют про определенный уровень состоятельности человека.

В украинском языке фиксируются фразеологизмы со стержневым словом-компонентом **Бог**, которые сигнализируют об определенном уровне состоятельности человека: *зажити як у Бога за дверима; зажити як у Христа за пазухою; Христа ради; ради [самого] Христа; на Божій харчі бути (рости)*.

Слово **Бог** имеет символическое значение во многих языках и культурах, которые связаны с христианством. В религиозных верованиях **Бог** – сверхъестественное существо, которое создало мир и руководит им и поступками людей. Как известно, **Бог** учил людей через своего сына Иисуса Христа и его апостолов языком этих людей (Бабич, 2002). В. В. Жайворонок указывает, что «бог – слово давнее, персидского происхождения и означает “богатство”, “добро”, позже “податель бога” (поэтому такое разветвленное словообразующее гнездо в нашем языке – богач, богатый, богатырь, богатство и т. п.)» и подчеркивает, что **Бог** в давнем народном мировосприятии – божество судьбы, счастья, благо, богатства и т. п.; противопоставляется бедности, обездоленности (Жайворонок, 2007: 44). В памяти украинцев – верующих и не только верующих – **Бог** вызывает ассоциацию в первую очередь с защищенностью, спокойствием. **Бог** – «воплощение доброты, всемогущества, абсолютной благости, вечности, независимости, величия, славы, истины и т. п.» (Шведова, 2004: 25). Фразеологизмы со стержневым словом-компонентом **Бог** выполняют функцию «оберега»: если с человеком **Бог**, то он чувствует себя в этом мире спокойно, защищено, беззаботно.

Во фразеологической серии со стержневым словом-компонентом **Бог** выделяем фразеологизмы, которые объединены общей семой ‘жить роскошно, состоятельно’ – б ФЕ: *як (мов, ніби і т. ін.) у Бога за дверима (за дверми), перев. з сл. жити, сидіти і т. ін.; як (мов, ніби і т. ін.) у Бога (у Христа, у батька) за пазухою, з сл. жити, сидіти і т. ін.; як у Бога за плечима; живе як у Бога за кроснами; живе як у Бога за надром; живе як у Бога під покришкою*. Противопоставляются ФЕ таким значением, как ‘счастливо жить’ *живе як у Бога за кроснами; живе як у Бога за надром; живе як у Бога під покришкою*.

Думаем, что внутренняя форма ФЕ (**як (мов, ніби і т. ін.) у Бога за дверима (за дверми), як (мов, ніби і т. ін.) у Бога (у Христа, у батька) за пазухою, з сл. жити, сидіти і т. ін.**) соотносится с пространственным кодом культуры, где **двери** являются эталоном безопасности, а пазуха является эталоном ближайшего, прилегающего к телу пространства. Как известно, за пазухой, то есть в теплом, уютном месте, носят какую-нибудь живность – котят, щенков, прячут на морозе цветы, то есть что-нибудь живое и нежное. Считаем, что пояснение С. В. Кобаковой (которая отмечает, что слово-компонент фразеологизма **за пазухой** соотносится с телесно-костюмным кодом культуры и выступает в роли эталона наиболее безопасного пространства, которое близко прилегает к телу (БФСРЯ, 2006: 317)) вполне применимо и к пониманию роли названного слова-компонента в лексическом наполнении украинских фразеологизмов. Фразеологизм основан на народно-религиозном восприятии Христа как Спасителя, ограждающего и сохраняющего верующих в Него от всяких бед. Таким образом, ФЕ выступает в роли стереотипного представления о человеке, который живет состоятельно, в богатстве и безопасности.

Слова-компоненты **надра** – глубины земли и все, что находится под земной поверхностью (СУМ, 1974, Т.5: 76); **покришка** – предмет, которым накрывается, закрывается что-нибудь сверху; крышка (СУМ, 1976, Т.7: 50); диалектное слово **кросна** – полотно, ткань (СУМ, 1973, Т.4: 366)) ассоциируются с защищенностью, безопасностью и реализуют семы 'жить безопасно', 'жить комфортно', 'жить богато'. Следовательно, ФЕ с названными словами-компонентами реализуют представление о безопасной, состоятельной, счастливой жизни.

Синонимические ФЕ **зажити як у Бога за дверима; зажити як у Христа за пазухою** реализуют значение 'добиться спокойной, обеспеченной жизни' (ФСУМ, 1984, Т.1: 196). Добавим только, что глагольные слова-компоненты совершенного вида – **зажити** – указывают на результат, достижение поставленной цели. Например: – *Підождіть, мамо: ось як візьму жінку, **заживемо** тоді, як у бога за дверима* (Панас Мирний) (ФСУМ, 1984, Т.1: 196).

Зафиксирован фразеологизм **Христа ради; ради [самого] Христа** с таким значением: «употребляется как обращение при просьбе милостыни» (СФУМ, 2008: 753). Думаем, это можно объяснить тем, что во имя кого-то (Христа) бедный человек просит милостыню (протянутая рука – символ бедности), поскольку Христос является единственной надеждой в бедной, нищей жизни. *Я старець Божий, ясновельможний князю! Прошу милостині, **Христа ради*** (І. Нечуй-Левицький); *Раз якось, простягаючи **Христа ради** од хати до хати руку, помітила Явдоха в одному дворі на вірвовці розвішані два здоровенних платки* (Панас Мирний) (СФУМ, 2008: 753).

В Словаре украинского языка (Б. Д. Гринченко) находим фразеологизм **на Божій харчі бути (рости)** – 'быть выкормленным, воспитанным в чужой семье' (СУЯ, 1909, Т.4: 388), который не называет определенного материального состояния человека. Дистрибутивное окружение **на Божій харчі** сигнализирует о том, что кто-то живет за чужой счет. Считаем, что фразеологизм характеризует ситуацию, когда человек, имея финансовую обеспеченность, воспитывает чьего-то ребенка (которого по разным причинам – нет средств, произошла какая-нибудь беда и т. п. – не могут обеспечить родные). Например: *А сотник був собі багатий, то в його, знаєте, **росло на Божій харчі**, за дитину, чиєсь байстря* (СУЯ, 1909, Т.4: 388).

Кроме того, в лексическое наполнение фразеологизмов входят названия демонических существ – **зlidні, чорт: зlidні обсіли кого, що; годувати зlidні (зlidнів); вибиватися / вибитися із зlidнів; чорт вокзальний, мол.**

В. Д. Ужченко отмечает, что **зlidни** – это домовые карлики, маленькие олицетворенные существа, которые живут обычно под печью; **зlidни** – малые, изнуренные существа, в лохмотьях, с вечным страдающим голодом на лице (ФСУМ, 1998: 63). В восточнославянской мифологии **зlidни** – это злые духи, которые приносят в дом несчастье. Они маленькие, живут в уголке за печью и постоянно голодные. Отношение к бедности, убогости, как и к самим беднякам, в украинском народе выработалось на протяжении столетий полностью негативное, подобно как и к болезням, смерти и т. п. При этом, по обыкновению, в бедности обвиняли самого нищего. «Бедный, потому что глупый, а глупый, потому что бедный», – говорили о таком, если он не был больным, стариком или калекой (над ними не смеялись, ими не пренебрегали, община им помогала, как и вдовам, сиротам – обездоленным по объективной причине) (Завадська, 2002: 195).

В сказках, легендах, анекдотах существует мысль о том, что от злыдней можно избавиться благодаря уму, жизнелюбию. Например, когда выманивали злыдней в бочку, а потом вывозили в поле и оставляли их там. И когда хозяин избавился от злыдней, только тогда хозяйствование приносило прибыль, человек становился богатым. Именно эти представления, знания переросли в крепкие ассоциативные связи и отображаются в коннотативных семах слова злыдни.

Фразеологизмы-синонимы **злидні обсіли кого, що** (ФСУМ, 1998: 63); **годувати злидні (злиднів)** (СФУМ, 2008: 154) реализуют значение 'жить в нужде, бедности' и отражают верование украинцев о нечистой силе, которая приносила в дом несчастья, бедность. – *Відколи в нас живе ця відьма, Увесь наш кут обсіли злидні* (С. Караванський) (ФСУМ, 1998: 63). [Кіндрат Антонович]: *Я цілий вік трудився..; увесь вік злиднів годував, недоїдав, недопивав...* (М. Кропивницький); *Колись отак стояв Павло із Степаном Кучером, таким же бідаком, що не схотів годувати злиднів і втік десь на Кривий Ріг* (Д. Прилюк) (СФУМ, 2008: 154).

Вибиватися / вибитися із злиднів – 'перестать бедствовать; становиться состоятельным' (СФУМ, 2008: 63). Во внутренней форме ФЕ актуализируется представление о ситуации, когда человек избавился от злыдней и стал богатым. [Роман:] *Спасибі Радянській владі, вибилися із злиднів, із наймитів – осерединились, сину, та хазайнуємо* (М. Куліш); – *Що, любиєшся?.. Неначе писанка село? – ніби одгадавши його думи, промовив Свирид Яковлевич.. – А із злиднів, дивись, чи не скоріше за нас івчанці виб'ються* (М. П. Стельмах) (СФУМ, 2008: 63).

В Словаре «Украинский жаргон» Л. Ставицкой зафиксирован фразеологизм **черт вокзальный**, мол. – 'бездомный, который живет на вокзале' (УЖ, 2005: 367). О. Таланчук отмечает, что появление демонологического персонажа в мифологическом сознании народа объясняется несколькими обстоятельствами: с принятием христианства бывшие боги-духи в мифологическом мышлении превратились в чертей – разного рода нечистую силу (лешие, домовые, водяные и др.); все, что имело негативную оценку, с точки зрения развитой при христианстве нравственности, а также непознанное, таинственное, что не шло от божественного провидения, было отнесено к темной, дьявольской силе (Завадська, 2002: 201-203). Современная молодежная языковая среда предлагает другую интерпретацию слова **черт** – 'невоспитанный, некультурный парень, преимущественно из села' (УЖ, 2005: 367). Думаем, что во внутренней форме ФЕ реализовалось представление о черте как об убогом, грязном, измученном человеке, у которого нет ни жилья, ни работы, ни денег.

Таким образом, фразеологизмы со стержневыми словами-компонентами Бог, Христос выступают в роли стереотипного представления о человеке, который живет соответственно, в богатстве и безопасности, в языке и речи выполняют функцию «оберега»: если с человеком Бог, то он чувствует себя в этом мире спокойно, беззаботно, соответственно. Фразеологизмы, в лексическое наполнение которых входят слова-компоненты названия демонических существ, отражают верование украинцев о нечистой силе, которая приносила в дом несчастье, бедность, страдание. Однако вербализация понятия «состоятельность» не ограничивается только представленными фразеологизмами, что может быть предметом последующих исследований.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М.: Флинта – Наука, 2009. – 344 с.

Бабич, Н. «Сила Божа» в народній фразеології / Н. Бабич // Урок української. – 2002. – № 2. – Режим доступа: www.kulturamovy.org.ua/KM/pdfs/Magazine48-49-25.pdf

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – [2-е изд., стер.] – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

Жайворонок, В. В. Українська етнолінгвістика: Нариси: навч. посібник [для студ. вищ. навч. закл.] / В. В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2007. – 262 с.

Завадська, В. 100 найвідоміших образів української міфології / В. Завадська, Я. Музиченко, О. Таланчук, О. Шалак. – К.: Орфей, 2002. – 448 с.

Савка, О. Етноаксіологічний аспект рецепції біблійних універсалій (на матеріалі ФО верхньолужицької мови з онімом Вавилон) / О. Савка // Проблеми слов'язознавства. 2008. Вип. 58. – С. 184-196.

Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.

Словарь украинского языка: Собранный редакцией журнала «Кіевская Старина» / [ред. Б. Д. Гринченко]: [у 4-х т.]. – К. Т.4 Р-Я. 1909. – 564 с.

Словник стійких народних порівнянь / О. С. Юрченко, А. О. Івченко. – Х.: Основа, 1993. – 176 с.

Словник української мови : [у 11 т.] – К.: Наук. думка, 1970-1980. Т.4. І-М. 1973. – 840 с.; Т.5. 1974. 840 с.; Т. 7. П. 1976. – 724 с.

Словник фразеологізмів української мови / [укл. В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук та ін.]. – К.: Наук. думка, 2008. – 1104 с.

Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. [2-е изд., испр.] – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

Український жаргон. Словник: Містить близько 4070 слів і понад 700 стійких словосполучень / [укл. Л. Ставицька]. – К.: Критика, 2005. – 496 с.

Фразеологічний словник української мови: [у 2-х т.] / [уклад. Г. М. Удовиченко]. Т.1. – К.: Вища шк., 1984. – 304 с.

Фразеологічний словник української мови: Близько 2500 виразів / [В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко]. – К.: Освіта, 1998. – 226 с.

Шведова, Н. В. Фразеологизмы с компонентами «Бог» и «Черт» в современном русском языке: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – «Русский язык» / Н. В. Шведова. – Курган, 2004. – 267 с.

Summary. Phraseological units with component “God”, “devil” which verbalize the notion of prosperity and misfortune respectively have been considered. The word “God” as the component of an idiom motivates the realization symbolic meaning of prosperity in internal form of the idiom. In addition, idioms, including components denoting evil spirits verbalize the idea of them as a phenomenon that brings misery, misfortune, suffering.

Космачева О. Ю.

ЗАГОЛОВОК КАК ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
olga_ast@list.ru

Употребление фраземы в заголовках современных печатных и электронных СМИ является беспроектным средством привлечения внимания читателя к публикации, помогает заголовку реализовать его воздействующую функцию. Заголовок является также местом, где генерируются конкретные ситуации и происходит смысловая реализация фразеологического значения. Поэтому мы можем говорить о том, что заголовки, имеющие в своем составе фразему, а особенно те, которые представляют фразему «в чистом виде», образуют свое ассоциативно-смысловое дискурсивное пространство.

Способность фразем представлять в дискурсивном пространстве заголовка «типичные денотативные ситуации и события, элементы которых находятся в активе языкового сознания» обусловлена когнитивной предпосылкой целостности семантики фразем (Золотых, 2008: 33), когнитивно-семантическая структура которой кодирует «всё то, что мы способны переживать и испытывать, включая все наши знания об объективной реальности вне и вокруг нас, а также наши мысли и желания» и базируется на жизненном опыте носителя языка (Алефиренко, 2008: 25).

Дискурсивное пространство заголовка является естественным источником знаков косвенно-производной номинации, способных «репрезентировать одновременно социальную, мировоззренческую, лингвистическую информацию, обусловленную семиологическими, ситуативными и социально-культурными факторами. Оно имеет теснейшую связь с процессами генерирования, переработки, трансформации и передачи информации, организованной как текст, взятый в событийном аспекте, в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» (Золотых, 2007: 59-60). Например, основой смысловой структуры фраземы **синяя птица** является ситуация, представленная в пьесе М. Метерлинка «Синяя птица»: дети ищут «тайну вещей и счастья»; тот, кто найдет ее, будет все знать и все видеть» (ИЭС, 2005: 579). Законы литературно-художественного и публицистического жанров обязывают и данный заголовок, как «выдвинутый элемент текста, служащий опорой для

читателя в понимании содержания» (Лазарева, 2006: 159), содержать в себе ключевые содержательно-смысловые моменты. Так, заголовок пьесы «Синяя птица» не только содержит информацию о неизменной тяге человека к осуществлению мечты, но прежде всего отражает стереотипную денотативную ситуацию, лежащую в основе фраземы **синяя птица** – ‘символ счастья; прекрасная, но недостижимая мечта’.

Тот факт, что заголовок является дискурсивным пространством, позволяет предположить, что в нем действуют те же законы и механизмы, что и при рождении фраземы: она не просто используется, но и творчески перерождается с учетом когнитивных, которые отбирает и хранит фразеологическая фасета как «аспектное представление дискурсивного смысла «когнитивного многогранника», содержащего одну из лингвокреативных интерпретаций фразеологического концепта – импликационала соответствующего фразеологического значения» (Золотых, 2007: 72). Так, несколько фасет, отражающих тот или иной признак денотативной ситуации, могут обрамлять фразеологический концепт «Мораль». Например, фасета «нравственные ценности», содержащая знания о правосознании, морали, об отношении людей к свободе и собственности, послужила интерпретантом фразеологического значения фраземы **ярмарка тщеславия** – ‘об общественной среде, основным стимулом деятельности которой является тщеславие и карьеризм’ (ИЭС, 2005: 785). Когнитивные, интерпретированные фасетой и вербализованные фраземой, относятся к нравственным ценностям, которые испокон веков определены и почитаются каждым народом (честность, верность, уважение к старшим, трудолюбие, патриотизм и т. д.), а те, кто ими обладают, пользуются уважением. Нарушение же нравственных ценностей воспринимается обществом как отрицательное явление, от которого следует избавиться, а виновного – наказать. Сатиру как инструмент борьбы с негативными процессами в обществе, высмеивая в своих произведениях нарушителей гармоничного устройства общества, используют многие писатели. Например, ситуация, описанная в сатирическом романе английского писателя У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», изображает нравы буржуазного общества, где правит бал погоня за успехом, забота о престиже, карьере.

Именно данная денотативная ситуация, лежащая в основе фраземы, а также общность культурной памяти автора статьи и ее читателей обусловили использование фраземы в заголовке публикации на сайте URA.Ru **«Ярмарка тщеславия». Сити-менеджер Верхотурья, которого люди просили отремонтировать местную баню, вместо этого заказал себе новую дорогую иномарку»** (<http://ura.ru/content/svrd/23-08-2012/news/1052146638.html?from=gr>), где речь идет о том, что глава администрации Верхотурья Сергей Лобусов «*вместо того чтобы, как его и просили, восстановить городскую баню, а лучше построить новую (старая находится в 10 километрах от Верхотурья в поселке Актай), заказал себе новый автомобиль Toyota Camry*» за 1 млн 280 тыс. рублей. Данный пример иллюстрирует интерпретацию дискурсивного смысла заголовка – фасеты «нравственные ценности», которая аккумулирует импликационал фразеологического значения в заголовке как дискурсивном пространстве.

Контекст показывает, что для формирования значения данной фраземы необходимы когнитивные, выбор которых из широкого спектра знаний картины мира обеспечила также фасета «душа народа», содержащая знания о жизненных установках народа и его ментальности, знания образа жизни народа, правил социального поведения. Хорошо известно, что и для русской, и для английской ментальности понятия тщеславия и карьеризма являются весомым нарушением функционирования моральных ценностей. Однако русская история и литература, на наш взгляд, имеет гораздо большее количество примеров отрицательного влияния на развитие общества данных человеческих пороков – это и басенное творчество И. А. Крылова, и сатирические очерки М. Е. Салтыкова-Щедрина («В среде умеренности и аккуратности» и др.), и пьеса А. С. Грибоедова «Горе от ума» (достаточно вспомнить слова Чацкого «Служить бы рад, прислуживаться тошно»), и т. д. Причем значительное количество литературных примеров присутствия тщеславия и карьеризма в русском обществе говорит не столько об активной борьбе людей с данными недостатками, сколько об их смирении и терпимости к ним, особенно в российской глубинке. Это указывает на национальную черту русского менталитета – веру в непогрешимость и вседозволенность высших чинов. Именно когнитивные, связанные с правилами социального поведения, а конкретно – с непотребствием тщеславию и карьеризму, восприятием факта их проявления как данного (возможно, данного свыше: иерархия чиновничества имеет в своем начале царя – помазанника божьего), интерпретирует фасета «душа наро-

да» при употреблении фраземы **ярмарка тщеславия** в заголовке статьи о деятельности русского чиновника в русской провинции, что подтверждается текстом: «*Действия руководства местных чиновников они (жители Верхотурья – прим. Космачевой О. Ю.) именуют не иначе как «ярмарка тщеславия». Ведь они не удосужились найти деньги на ремонт крыши здания собственной администрации, которая зияет огромной дырой*». Однако общая ситуация – негативное отношение общества к карьеризму и тщеславию – является объединяющим центром разных фасет одного концепта «Мораль». Это обусловлено сферой бессознательного, что специфически проявляется в разных лингвокультурах.

Для изучения дискурсивного пространства как речемыслительного ареала нами выявлены 83 фраземы – заголовки художественных произведений: **обыкновенная история, тришкин кафтан, коридоры власти, кошка, которая гуляет сама по себе, мастер-ломастер, машина времени, хитрая механика, синяя птица, мещанин во дворянстве, последний из могикан, между молотом и наковальней, три мушкетера, наука побеждать, остров сокровищ, крестный отец, алье паруса, переоценка ценностей, премудрый пескарь, пир во время чумы, в поисках утраченного времени, великий почин, пощечина общественному вкусу, праздник, который всегда с тобой, принцесса на горошине, вторая древнейшая профессия, потерянный рай, рыцарь на час, скупой рыцарь, сказка про белого бычка, слон и моська, слуга двух господ, собака на сене, страдания юного Вертера, страна чудес, очарованный странник, над схваткой, мещанское счастье, гамбургский счет, тайны мадридского двора, Тартарен из Тараскона, театр абсурда, живой труп, тысяча и одна ночь, укрощение строптивой, мои университеты, униженные и оскорбленные, унтер Пришибеев, гадкий утенок, демьянова уха, фабрика грез, человеческий фактор, лошадиная фамилия, хождение по мукам, хождение во власть, скандальная хроника, темное царство, аленький цветочек, цветы невинного юмора, человек в футляре, человек-зверь, без черемухи, у последней черты, чрево Парижа, школа злословия, зеленый шум, много шума из ничего, ярмарка тщеславия, тихий американец, анатомия любви, блеск и нищета [куртизанок], мнимый больной, брак по-итальянски, бремя белого человека, брызги шампанского, унесенные ветром, власть тьмы, вяленая вобла, вождь краснокожих, возмутитель спокойствия, опасный возраст, волки и овцы, вооружен и очень опасен, все или ничего.**

Сюда же можно отнести названия кинофильмов и телепередач, получивших популярность и ставших благодаря образному переосмыслению фраземами: **богатые тоже плачут, берегись автомобиля, ирония судьбы, небеса обетованные, иди и смотри, обломок империи, доживем до понедельника, путевка в жизнь, развод по-итальянски, свет в конце тоннеля, великолепная семерка, небесный тихоход, очевидное-невероятное.**

Названия живописных полотен П. Пикассо и А. А. Иванова дали жизнь соответственно фраземам **голубь мира** и **явление Христа народу**, а название скульптуры О. Родена, изображающей двух влюбленных, со временем превратилось во фразему **вечная весна**.

Конкретно из заголовков СМИ вышли такие фраземы, как **наш ответ Чемберлену, наш ответ Керзону, галопом по Европам, архитектор перестройки**.

Последняя группа фразем интересна тем, что в ней мы можем наблюдать спираль истории зарождения фразеологического значения и смысла: возникшая в дискурсивном пространстве заголовка статьи «Галопом по Европам» в «Комсомольской правде» в 1928 году (в ней поэт А. А. Жаров описывал свою поездку по Европе), благодаря «интеграции эмотивного образования, выражающего внутреннее состояние души, и предельно структурированной когниции, отражающей объект внешнего мира» (Золотых, 2007: 124), некоторая культурная информация, отфильтрованная фасетой «обычай», во временном пространстве сохраняется с помощью фраземы **галопом по Европам**, имеющей значение 'о крайне поверхностном, делаемом в спешке ознакомлении с чем-либо' (ИЭС, 2005: 131). Интересно то, что благодаря именно фасете «обычай» (а не «исторические события», которая также выделяется Л. Г. Золотых в числе прочих), во фраземе закрепились информация не о факте путешествия по Европе, а о его эмоциональном восприятии пу-

тешественником. Активность фасеты «обычай», содержащей знания традиционных правил поведения в определенных ситуациях, знания о традиционном порядке совершения каких-либо общественных действия, подчеркивает основные качества русского менталитета – важно не *где* путешествовать, а *каким образом*, т. е. на первом плане не событие, а отношение к нему. Не каждый носитель языка, употребляющий фразу **галоном по Европам**, знает, что поверхностность и краткость путешествию, например, по Чехословакии и Австрии обеспечило то, что правоохранительные органы этих стран отнеслись к А. А. Жарову и его спутникам с подозрением (в тот период в Европе к советским гражданам относились враждебно) и дали понять, чтобы поэты покинули страну, – фасета «исторические события» не сохранила данные факты. Малоизвестна также история о том, что популярным это выражение стало после того, как Максим Горький использовал его в своей статье «О пользе грамотности», напечатанной 17 марта 1928 года в газете «Читатель и писатель». Горький применил это выражение к тем авторам, которые, как правило, из-за спешки, предлагают читателям неточную информацию о заграничной жизни (<http://dslov.narod.ru/fslov/f443.htm>). Зато последующее употребление словосочетания *галоном по Европам*, уже в качестве фраземы, встречается часто и с учетом фразеологического значения. Ср. заголовки статей уже электронной версии газеты «Комсомольская правда» в 2012 г.: «**Стоит ли скакать галоном по Европам?**» (www.kp.ru/daily/22539/9047/), «**Аврора прокатилась галоном по Европам**» (www.kp.ru/online/news/1230144/), «**Галоном по Европам**» (www.kp.ru/photo/5024/278571/chel.kp.ru/.../351793/). Иными словами, фразема **галоном по Европам**, выйдя из дискурсивного пространства заголовка СМИ, способна максимально, на наш взгляд, реализовать свою смысловую значимость лишь в дискурсивном пространстве заголовка.

Еще одним примером объективирования и закрепления культурных представлений русского народа в языке является фразема **наш ответ Чемберлену**. Первоначально публикация в газете «Правда» от 2 марта 1927 года под заголовком «Привет Кантону! Вот наш ответ Чемберлену!» как раз и являлась полноценным ответом на ноту правительства Великобритании советскому правительству от 23 февраля 1927 г. за подписью министра иностранных дел Чемберлена. В ноте содержалось требование прекратить «антианглийскую пропаганду» и военную поддержку революционного гоминьдановского правительства в Китае. Отказ СССР выполнить условия ноты в итоге привёл к полному разрыву дипломатических отношений с Великобританией по инициативе британской стороны. Однако фасета «исторические события» не сохранила в значении фраземы сведения о данных фактах истории. Встречая современное употребление данной фраземы в электронных СМИ, мы можем наблюдать реализацию значения фраземы **наш ответ Чемберлену** – ‘о какой-либо решительной, суровой отповеди’ (ИЭС, 2005: 504). Когниции для формирования фразеологического значения отобраны из общей картины мира фасетой «обычай» – это знания традиционных правил поведения в определенных ситуациях, в данном случае – в ситуации, связанной с ответной реакцией русского человека, когда на него пытаются давить, заставить выполнять то, чего он делать не хочет или не считает нужным. Причем реакция русского человека на ограничение свободы волеизъявления, во-первых, непредсказуема, во-вторых, сила противодействия может превышать силу воздействия в несколько раз, что говорит о чрезмерной эмоциональности, беспощадности и уверенности в собственной исключительности как характерных чертах русского менталитета.

Так, на сайте электронного СМИ «Правда.Ру» мы встречаем статью под заголовком «**Наш „ответ Чемберлену“?**» (<http://www.pravda.ru/politics/authority/kremlin/20-11-2012/1135389-0>), текст которой содержит варианты предполагаемой реакции российского правительства на действия американских коллег, а именно: на введение санкций в отношении российских чиновников и силовиков – фигурантов «списка Магнитского». «Градус» ответной реакции варьируется от нормального («*Он будет достаточно коротким. В нем будет предусматриваться запрет на въезд на территорию России лиц, которые связаны с нарушением прав человека. К примеру, это могут быть лица, связанные с пытками в тюрьме Гуантанамо*», – *полагает депутат Вячеслав Никонов*) до критического («*Глава Роспотребнадзора Геннадий Онищенко предлагает ответить на „закон Магнитского“ составлением черного списка американцев, виновных в рассылке по почте спор сибирской язвы в 2001 году*»), а порой и зашкаливает: «*Как можно*

скорей спустить на воду еще одну стратегическую подводную лодку, — предлагает главред «Завтра» (писатель Александр Проханов — прим. Космачевой О. Ю.). — И перед тем как эту подводную лодку спустить со стапелей в воды Белого моря в Северодвинске, я бы предложил, в это момент президенту Путину приехать и мелом на черном большом прорезиненном борту этой гигантской лодки, вооруженной ракетами „Булава”, написать: „Не валяй дурака, Америка!”». В данном заголовке как дискурсивном пространстве импликационал фразеологического значения аккумулируется фасетой «обычай», которая иллюстрирует интерпретацию дискурсивного смысла заголовка.

Таким образом, в дискурсе электронных СМИ заголовки с компонентом-фраземой, и особенно те, которые представляют фразему «в чистом виде», обладают прагмалингвистическими характеристиками, позволяющими в полном объеме реализовать информативно-образный потенциал заголовка, обеспечивая его адекватность содержанию статьи. В заголовках современных электронных СМИ отдается предпочтение функции воздействия на читателя, побуждения его к чтению статьи. Данный лингвистический факт имеет культурологическую базу, поскольку любое дискурсивное пространство, включая пространство электронных СМИ, обладает совокупностью национальных характеристик речевого поведения. Максимально образные и содержательные, но при этом краткие заглавия, содержащие фраземы, являются отголоском прагматичного, с одной стороны, и эмоционально-духовного, с другой стороны, уклада жизни русского народа.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н. Ф. Алефиренко. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. — 152 с.

ИЭС: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. — М., 2005. — 926 с.

Золотых, Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография / Л. Г. Золотых. — Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. — 265 с.

Золотых, Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. Г. Золотых. — Белгород, 2008. — 45 с.

Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии / Н. А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1988. — С. 167-183.

Лазарева, Э. А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия / Э. А. Лазарева // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 40. — С. 158-166.

Summary. The article discusses the idiom in the structure of the title of electronic media as a discursive field due to the possibility of a broad phraseological interpretation of the world, as well as the release of phraseological facet as complete systems.

Кошарная С. А., Маслов А. С.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗООНИМНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Россия, г. Белгород Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kosharnaja@bsu.edu.ru
rommmantic@mail.ru

Фразеологизмы с зоонимными компонентами — одна из разновидностей фразеологических единиц. Заметим, что, вслед за В. Н. Телией и др. исследователями, мы исходим в нашей работе из широкого понимания фразеолофонда, включая в него, помимо собственно фразеологических словосочетаний, паремиологические единицы, в частности пословицы и поговорки. Отметим при этом, что наш материал представлен корпусом фразеологических словосочетаний и единичными поговорками, включающими в свой состав зоонимическую лексику. Таким образом, данные фразеологизмы мы объединяем по формальному признаку — по наличию обязательного зоонимического компонента в

структуре. Как следует из названия, этот компонент – зооним (самостоятельная лексическая единица, номинирующая представителя животного мира) или зоонимное выражение (в котором зооним является одной из составляющих фразеологических сочетаний, сращений, идиом, пословиц, поговорок и пр.). Понятие «фразеологизмы с зоонимными компонентами» мы рассматриваем в широком аспекте, включая в эту группу фраземы с зоометафорическим компонентом (результат вторичной номинации – использование наименований животных в переносном значении): *попрыгунья-стрекоза, медвежья услуга, подложить свинью и т. д.*, фразеологизмы с орнитонимами (наименованиями птиц): *мокрая курица, слепая курица, лучше синица в руках и пр.*, фразеологизмы с энтомонимами (наименованиями насекомых): *как мухи, попрыгунья-стрекоза и др.*, ихтионимами (наименованиями рыб): *премудрый пескарь, реветь белугой и пр.*, рептилонимами (наименованиями пресмыкающихся): *пригреть змею на груди, змий-искуситель и др.*

Фразеологизмы с зоонимными компонентами – одна из самых частотных групп в русской языковой картине мира в ряду прочих групп фразеологизмов. Это, прежде всего, связано с тем фактом, что изначально материальная и духовная культура человека тесно связана с окружающей природой и животным миром. При этом в контексте образного мышления народа по-разному оцениваются характеристики представителей фауны, в результате мы имеем случаи, когда зафиксированное значение фразеологизма с зоонимным компонентом не всегда точно отражает реальную действительность (*реветь белугой*), а значения некоторых фразеологизмов могут различаться даже в близкородственных языках.

Характерной чертой рассматриваемых языковых единиц (как, впрочем, и характерной чертой любых фразеологизмов) является воспроизводимость – способность извлекаться из языковой памяти в совокупности со всеми формальными и содержательными аспектами – языковыми, речевыми, прагматическими и культурными.

Если говорить о мотивации появления фразеологизмов с зоонимными компонентами, то следует отметить, что потенциально во фразеологизмах может использоваться любая номинация представителя животного мира, однако, как показывает практика, круг этих наименований в конкретной лингвокультуре сужается до более или менее обозримого их количества – главным образом тех номинантов, которые обозначают достаточно хорошо известных человеку животных. Это, прежде всего, именованные домашних животных (*козёл, коза, собака, кошка, конь, петух* и др.) и некоторых представителей дикой природы, наиболее распространённых в данных климатических зонах (*медведь, волк, лиса, кабан* и пр.) Как правило, в основе образной мотивированности лежит языковая метафора, прошедшая процесс фразеологизации. Вслед за Т. З. Черданцевой, мы понимаем под механизмами фразеологизации **«способность языковых знаков к формированию вторичных значений на основе переноса первичных значений и производства мотивированных языковых единиц»** (Черданцева, 1988: 84). Фразеологизация **«предполагает обязательно сочетание слов, ...изменение сочетаемостных возможностей словосочетания, появление определителей, указывающих на утрату связи между денотатом и его именованим, наконец, возможность словосочетания нести в себе смысл того первичного контекста, который со временем полностью утрачивается и от которого сохраняется только образ»** (Черданцева, 1988: 84).

Если говорить об употреблении фразеологизмов с зоонимными компонентами, то нужно отметить, что они используются с целью передачи более точной и в то же время лаконичной информации о картине мира, которая осознаётся всем языковым коллективом. Их формирование обусловлено лингвокреативным мышлением, что предполагает путь от конкретно-предметного к обобщённо-целостному осмыслению внутренних связей сравниваемых первичных и вторичных ситуаций. Следует отметить, что основой для фразеометафоризации становятся ситуации, характерные для определённого исторического периода в жизни языкового коллектива (о чём мы скажем ниже, при анализе фразеологических единиц).

Способ видения мира, запечатлённый в языковых образах и зафиксированный во фразеологизмах, основывается на общих для всех людей логико-психологических и лингвистических механизмах. К признакам, положенным в основу наименований и составляющим базу

образов-эталонов фразеологизмов с зоонимными компонентами, можно отнести: а) моральные качества: *волк в овечьей шкуре, буриданов осёл, брать быка за рога/взять быка за рога и др.*, б) черты характера человека (положительные или отрицательные): *белая ворона, ворона в павлиньих перьях, собаку съел и др.*; в) характеристику ситуации: *попасть как кур во щи, ехать зайцем, метать бисер перед свиньями, медвежья услуга* и др. Общие для данной этнокультуры эталоны сравнения (в данном случае входящие в состав фразеологических единиц с зоонимными компонентами) соотносятся с прототипическими образами и ситуациями, выступающими когнитивными стимулами порождения собственно фразеологических единиц.

В этой связи представляет интерес лингвокультурологический анализ семантических, этимологических, социокультурных и прагматических (в том числе – количественных (статистических)) особенностей функционирования фразеологических единиц с зоонимными компонентами в русской языковой картине мира.

Для своего исследования мы использовали выборку фразеологизмов с зоонимными компонентами из фразеологического словаря под редакцией Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых, что составило в целом 60 языковых единиц, которые могут быть объединены в несколько групп, исходя из их происхождения:

– фразеологизмы библейского происхождения: *козёл отпущения, заблудшая овца, всякой твари по паре, метать бисер перед свиньями, волк в овечьей шкуре, змий-искуситель, золотой телец* и др.;

– заимствования высказываний из латинских и древнегреческих текстов: *Авгиевы конюшни, белая ворона, гуси Рим спасли* и др.;

– фразеологизмы литературного происхождения: *буриданов осёл, премудрый пескарь, синяя птица, газетная утка*; особо отметим здесь подгруппу «заимствования из басен И. А. Крылова»: *мартышкин труд, попрыгунья-стрекоза, ворона в павлиньих перьях, пригреть змею на груди, одна ласточка весны не делает, медвежья услуга* и др. Представленные лексемы и выражения используются исключительно во фразеологии русского языка. Использование в баснях пословиц, поговорок, сказочных элементов давало возможность И. А. Крылову глубже, разностороннее показывать национальный характер русского народа, его трудолюбие, мудрость. При этом животные в баснях Крылова не просто олицетворяют людей, они являются носителями качеств определённых социальных групп: львы, медведи, лисы, волки – наделены чертами господствующих классов; пчёлы, овцы – представители трудового народа.

– фразеологизмы фольклорного происхождения: *курам на смех, лиса Патрикеевна* и др.;

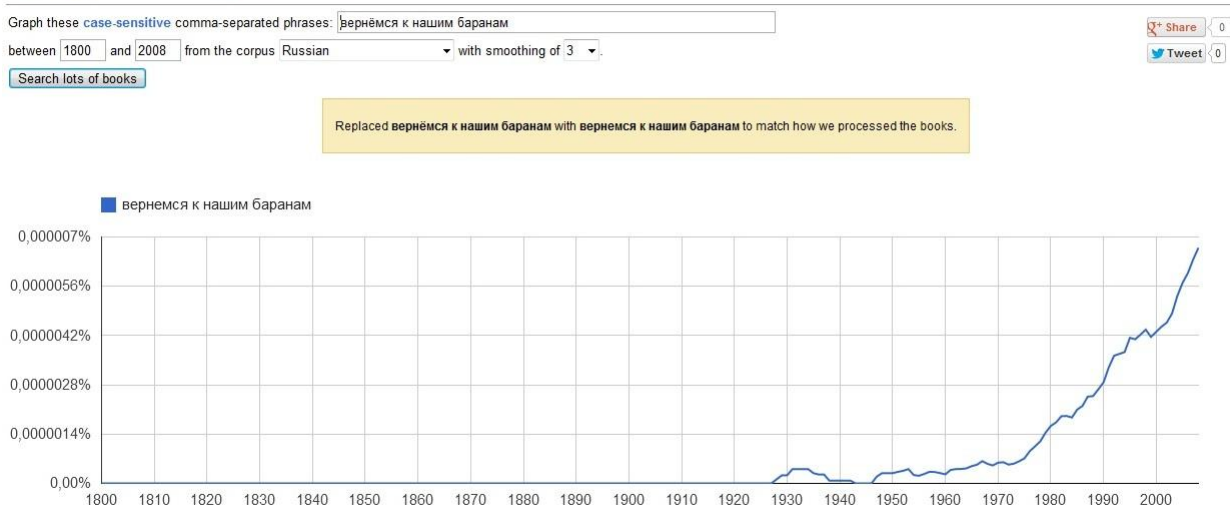
– ФЕ, фиксирующие наблюдения человека над жизнью животных: *как с гуся вода, где раки зимуют, гоняться за двумя зайцами, ехать зайцем, как корове седло, как корова языком слизала, бежать как крысы с корабля, лошадиная сила* и др.

Исследуя концептуальную природу исследуемых фразеологизмов посредством анализа словарных статей, мы пришли к заключению, что большинство указанных фразеологизмов входят в 4 тематические группы: ситуации, характеристика (качества) человека, отношение к действительности и отношение к работе. Так, в группу «Ситуации» попали ФЕ, репрезентирующие следующие концепты: «Беда» (*попасть как кур во щи*), «Плата» (*ехать зайцем*), «Исчезновение» (*как корова языком слизала*), «Напрасные усилия» (*метать бисер перед свиньями*), «Ненамеренный вред» (*медвежья услуга*), «Намеренный вред» (*подложить свинью*) и др. Большое количество концептов, вербализованных ФЕ, составляют группу «Характеристика (качества) человека»: «Исключительность» (*белая ворона*), «Легкомыслие» (*попрыгунья-стрекоза*), «Лицемерие» (*волк в овечьей шкуре*), «Напыщенность» (*ворона в павлиньих перьях*), «Нерешительность» (*буриданов осёл*), «Несправедливость» (*козёл отпущения*), «Опыт» (*собаку съел, старого воробья на мякине не проведёшь*), «Рассудительность» (*лучше синица в руках, чем журавль в небе*), «Решительность» (*брать быка за рога/взять быка за рога*). К группе «Отношение к действительности» можно отнести значительно меньшее количество концептов, представленных зоофразеологизмами: «Дезинформация» (*газетная утка*), «Заблуждение» (*заблудшая овца (овечка)*), «Необоснованность вывода» (*одна ласточка весны*

(погоды) не делает), «Слухи» (утку пустить/запустить). Также немногочисленна группа «Отношение к труду»: «Безделье» (голубей гонять), «Безразличие» (как с гуся вода), «Безрезультативная работа» (мартышкин труд), «Неопределённая цель» (гоняться/гнаться за двумя зайцами) и др.

Для исследования количественных (статистических), социокультурных и мотивационных особенностей фразеологических единиц мы привлекли материалы специализированного ресурса. Использование специализированных программ и ресурсов для анализа языковых единиц позволяет использовать математические и статистические методы при описании различных языковых явлений. Исследуя фразеологические единицы с зоонимными компонентами, мы воспользовались веб-сервисом «Ngram Viewer», который был запущен в 2010 году поисковой системой Google. Этот сервис позволяет проследить, насколько часто используются те или иные лексемы и выражения в книгах, опубликованных в период с 1800 г. по настоящее время. Поиск ведётся по 15 млн. оцифрованных книг, которые размещены в Google Books и составляют около 10% всех опубликованных книг. Несмотря на то, что сервис поддерживает китайский, английский, французский, немецкий, русский языки и иврит, мы использовали только базу русскоязычных текстов, так как нас интересовали фразеологические единицы, представляющие русскую языковую картину мира. Анализ частотности использования того или иного слова (выражения) в результате выдаётся в виде диаграммы, что позволяет наглядно представить частоту использования той или иной языковой единицы. Позволим себе привести некоторые наши результаты по итогам анализа фразеологических единиц с зоонимным компонентом с помощью данного специализированного сервиса.

Google books Ngram Viewer

Как видим, фразеологизм *вернёмся к нашим баранам* зафиксирован в текстах 1928 года, но частность его употребления неуклонно начала расти только с 60-х гг. XX века. Причём, судя по последним данным, можно говорить о том, что этот продуктивный процесс продолжится и в дальнейшем. С чем может быть связан этот факт? Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых относят этот фразеологизм к концептуальному полю «Сохранение речевого замысла», при этом чаще всего он используется в ситуациях публичного выступления: это может быть лекция в университете, представление результатов исследования на конференции, политические прения, объяснение нового материала школьникам и т. д. Так или иначе, развитие российского образования, речевой культуры публичных выступлений и использования ораторских приёмов, переход к многопартийности, обсуждениям при принятии решений и пр. исторические процессы, как нам видится, могли послужить причиной того, что фразеологизм, связанный с процессом сохранения речевого замысла, чаще стал употребляться в текстах. Можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что этот процесс имеет перспективу дальнейшего развития.

Graph these *case-sensitive* comma-separated phrases: волк в овечьей шкуре
 between 1800 and 2008 from the corpus Russian with smoothing of 3

Search in Google Books:
 1800 - 1925   1926 - 1990   1991 - 1997   1998 - 2003   2004 - 2008   волк в овечьей шкуре   Russian

Фразеологизм *волк в овечьей шкуре* впервые фиксируется в текстах 1910 гг. Затем наблюдаются скачкообразные изменения его частотности: например, в 1920-е гг. частотность достигает пика, а к середине 30-х гг. уже находится в точке спада. Процесс непрерывного роста наблюдается с 1990-х гг., когда процесс перестройки затронул многие сферы общественной жизни и стал отправной точкой для новых общественных явлений, в том числе и для появления представителей новых социальных формаций – предпринимателей, членов политических партий, звёзд эстрады и кино и т. д. Во многом, с оценкой деятельности этих новых представителей социума, по нашему мнению, и связана возросшая частота употребления оценочного фразеологизма *волк в овечьей шкуре*.

Graph these *case-sensitive* comma-separated phrases: газетная утка
 between 1800 and 2008 from the corpus Russian with smoothing of 3

Search in Google Books:
 1800 - 1868   1869 - 1895   1896 - 1901   1902 - 1998   1999 - 2008   газетная утка   Russian

В отношении фразеологизма *газетная утка* достаточно точно установлена дата его создания. Известно, что своим возникновением этот фразеологизм обязан истории одного бельгийского юмориста о том, как одна утка якобы съела 19 своих сородичей. В эту историю, появившуюся в одной из европейских газет в XIX веке, поверили многие читатели. Так и возникло современное значение фразеологизма *газетная утка*. Согласно представленной диаграмме, как раз в 50-60-х гг. XIX века зафиксированы первые случаи употребления этого фразеологизма. Советский период нашей истории (а именно 1930-1980 гг.) характеризуются снижением употребления данной ФЕ по сравнению с предыдущим периодом, что легко объясняется наличием цензуры в прессе, и, как следствие, малым количеством материалов средств массовой информации, которые можно было бы назвать *газетной уткой*. Однако с 1980-х гг. (и снова говорим о перестройке!) частота его

употребления возрастает, чему можно найти логичное объяснение: перестройка стала отправной точкой для развития большого количества СМИ самой различной направленности, в том числе и тех, которые уже традиционно называют «жёлтой прессой», где отличительной особенностью является наличие *газетных уток*.

Google books Ngram Viewer

Graph these *case-sensitive* comma-separated phrases: голубь мира
 between 1800 and 2008 from the corpus Russian with smoothing of 3
[Search lots of books](#) [Share](#) [Tweet](#)

Search in Google Books:

[1800 - 1916](#) [1917 - 1950](#) [1951 - 1952](#) [1953 - 2001](#) [2002 - 2008](#) [голубь мира](#) Russian

Представляет интерес анализ употребительности фразеологизма *голубь мира*: пика употреблений он достигает в середине 1950-х гг., то есть в период, когда активно начинает вести свою деятельность Организация Объединённых Наций. Послевоенные настроения и стали причиной повышения употребительности данной фраземы, далее наблюдается спад употребления, что связано с обострением холодной войной, в которую был вовлечен СССР.

Google books Ngram Viewer

Graph these *case-sensitive* comma-separated phrases: лошадиная сила
 between 1800 and 2008 from the corpus Russian with smoothing of 3
[Search lots of books](#) [Share](#) [Tweet](#)

Search in Google Books:

[1800 - 1818](#) [1819 - 1919](#) [1920 - 1930](#) [1931 - 1980](#) [1981 - 2008](#) [лошадиная сила](#) Russian

Из рассматриваемых нами ФЕ ранее остальных (с 1800 гг.) в печатных источниках зафиксирован фразеологизм *лошадиная сила*. Напомним, что *лошадиная сила* – единица измерения мощности (двигателя, машины и т. п.) Вторичная номинация возникает вместе с появлением автомобильного транспорта, мощность которого продолжают измерять известным способом – сравнивая с возможностями лошадей – привычного транспорта до появления «железных коней». Таким образом, вполне вероятно, что изначально этот фразеологизм употреблялся в своём прямом значении, а с появлением автомобильного транспорта у фразеологизма «открылось второе дыхание», что и обусловило рост его употребительности в текстах.

К самым «молодым» можно отнести фразеологизмы *ездить зайцем* (1930 г.), *пригреть змею* (1940 г.) и *пускать красного петуха* (1960 г.). Жизненные реалии, связанные с первым из них (появление общественного транспорта), вполне объясняют первые упоминания этого фразеологизма в 30-е гг. XX века. Фразеологизм *пускать красного петуха* («поджигать») впервые зафиксирован в эпоху хрущёвской оттепели. Заметим, при этом что здесь лексема *петух* представляет собой традиционный древний символ. Следовательно, причины возникновения фразеологизма могут быть много древнее самого результирующего речения. ФЕ *пригреть змею* представлен несколькими вариантами (*пригреть змею за пазухой, согреть змею на груди* и т. д.). Судя по полученным данным, вполне вероятно, что выражение *пригреть змею* входит в обиход только в 40-е гг. XX века.

Хотелось бы отметить также фразеологизмы, употребительность которых в определённые временные промежутки достигала наибольшего показателя. Это фразеологизмы *пуганая ворона* (1862, 1865 гг.), *гонять голубей* (1902 г.), *считать ворон* (1922, 1992 гг.) и *яйца курицу не учат* (1952 г.).

В заключение выделим фразеологизмы, которые репрезентируют актуальные языковые процессы – рост и спад (снижение) частотности на современном этапе функционирования в печатных текстах. Динамичному процессу роста частоты употребления в настоящее время подвержены такие ФЕ, как: *белая ворона, брать быка за рога, реветь белугой, метать бисер перед свиньями, ездить зайцем, считать ворон, всякой твари по паре, ворона в павлиньих перьях, собаку съел, буриданов осёл, всякой твари по паре, голубь мира* и др. К фразеологизмам, частотность которых в текстах идёт на убыль, можем отнести следующие выражения: *гоняться за двумя зайцами, гуси Рим спасли, голубей гонять, пуганая ворона, одна ласточка весны не делает, на козе не подъедешь* и др.

Таким образом, проанализировав фразеологизмы с зоонимными компонентами, мы пришли к выводу, что в целом лингвокультурологический и концептуальный подходы к исследованию данных языковых единиц являются весьма продуктивными и перспективными.

Литература

Алефиренко, Н. Ф., Золотых, Л. Г. Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М.: ООО «Издательство ЭПИС», 2008. – 472 с.

Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.

Лещинская, О. А. Отличительные особенности компаративных фразеологизмов в языке Купалы / О. А. Лещинская // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф: в 2 т. / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 1. Идиоматика и познание. – С. 147-151.

Прохорова, О. Н., Чекулай, И. В. Зоометафора как концептуальная основа формирования некоторых фразеологических единиц в русском языке // Русское слово в контексте этнокультуры XX-XXI вв.: Сборник научных трудов по итогам Международной заочной научной конференции (ноябрь 2011 г.). – Старый Оскол: Изд-во «РОСА», 2012. – С. 51-56.

Черданцева, Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 78-92.

Summary. The article contains the analysis of Russian phraseology with zoonim components. It provides semantic and etymological, sociolinguistic and quantitative (statistical) features of the functioning of phraseology with zoonim components.

Крюкова Н. А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ СО СЛОВАМИ ОКРУЖЕНИЯ

Россия, Иваново, Ивановский институт Государственной
противопожарной службы МЧС России
knf300507@mail.ru

Закономерности, определяющие возможность сочетания фразеологической единицы (ФЕ) со словами в речи, а также специфика связей и отношений между этими единицами языка, всегда интересовали фразеологов. Исследования ученых особенно в последние годы значительно расширили наши представления об этих сторонах ФЕ. Вместе с тем они позволили высветить ряд новых проблем, требующих научного осмысления.

В кругу проблем, касающихся функционирования фразеологизмов в речи, особенностей синтаксических связей ФЕ со словами в строе предложения, выделяется вопрос об отношениях и связях ФЕ со словами, включающимися в границы фразеологизма (область между первым и последним его компонентами).

Известно, что по отношению к словам в предложении ФЕ выступает как единое целое, неделимое на части. Данную особенность фразеологизмов всегда отмечали исследователи.

Вместе с тем было обращено внимание и на способность ФЕ включать в свои границы слова и связываться со словами окружения посредством отдельных компонентов, например: *Мы **попали в безысходный просак*** (С. Баруздин, Собака).

Данное явление, рассматриваемое исследователями как один из способов окказионального преобразования фразеологизмов, получило терминологическое обозначение «расширение компонентного состава ФЕ» (см. работы Г. Н. Абреимовой 2004, Е. В. Блиновой 2006, Г. Н. Большаковой 2000, А. Г. Ломова 1977, А. М. Мелерович 1979, В. М. Мокиенко 1989, О. Г. Сальниковой 1977, О. В. Тарасенковой 2000, И. Ю. Третьяковой 2000, Ц. Цэрэндорж 2005 и др.).

Явления, которые в научной литературе подводятся под понятие «расширение компонентного состава ФЕ», неоднородны. В одних случаях в составе фразеологизма появляется новый компонент (ср. ***ставить крест*** и ***ставить большой крест, ставить жирный крест, пустить корни*** и ***пустить глубокие корни, ставить точку*** и ***ставить последнюю точку***). Это, согласно определению исследователей (В. М. Мокиенко, Г. Н. Абреимова), примеры расширения компонентного состава ФЕ. В других случаях в границы фразеологизма попадает слово (ср. ***смотреть со своей мужской (военной, исторической) колокольни, мелкая газетная (придворная, уголовная) сошка, тянуть рыбацкую (крестьянскую, житейскую) лямку***). Для таких употреблений в данной статье используется термин распространение компонентного состава ФЕ.

Расширение и распространение компонентного состава ФЕ представляют собой реализации фразеологизма в речи, которые определяются спецификой ФЕ как особой единицы языка. Вследствие этого данные явления нельзя рассматривать как случаи индивидуально-авторского преобразования фразеологизма. Доказательством данного положения может служить то, что расширение и распространение компонентного состава ФЕ затрагивает единицы, разные по стилистической принадлежности, эмоционально-экспрессивной окраске, степени семантической слитности компонентов, составу компонентов, а также по семантике, форме, лексико-грамматической характеристике. Более того, одни и те же способы распространения используются в произведениях разных авторов разного времени, в текстах разных типов и жанров.

Распространение компонентного состава ФЕ подчиняется ряду условий и закономерностей.

1. Возможность распространения компонентного состава фразеологизма определяется его семантикой: чем шире и неопределеннее значение фразеологизма, тем больше вероятность включения в его границы слова-распространителя. В связи с этим по способности распространяться ФЕ делятся на три группы. Первую группу составляют единицы, которые сочетаются со словами посредством отдельного компонента свободно – глагольные (***играть роль***), глагольно-пропозиционные (***пороху не хватает у кого***), именные (***буря в стакане воды***), адъективные (***звезд с неба не хватает***) и адвербиальные (***на краю пропасти***). Например: ***играть роковую роль, не хватает художественного пороху, буря в стакане британской аристократической воды, звезд с учебного неба не хватает, на краю финансовой пропасти*** и т. п. ФЕ этих лексико-грамматических разрядов имеют широкое, обобщенное значение, которое легко конкретизировать, включив в границы фразеологизма уточняющее слово. Ко второй группе относятся фразеологизмы, в границы которых слова-распространители попадают редко – предикативно-оценочные (***не по зубам кому что***) и местоименные (***стар и млад, ни души***): ***не совсем по зубам, ни одной живой души***. Единицам данной группы не свойственны обобщенность и неполнота значения, обуславливающие необходимость использования фразеологизмов в речи вместе с уточняющими словами. Третья группа представлена фразеологизмами, которые вообще не могут распространяться – модальные (***как пить***

дать, ясное дело) и междометные (*бог ты мой, черт возьми*). Как известно, эти единицы в системе лексико-грамматических разрядов занимают особое положение.

2. Введение слова в границы ФЕ обусловлено двумя факторами: либо это реализация обязательной сочетаемости ФЕ, либо реализация авторского замысла – распространитель обязательно должен выполнять какую-либо функцию (конкретизатора, интенсификатора, актуализатора и т. п.).

Так, целый ряд ФЕ, которые мы определяем как информативно недостаточные, не могут использоваться в речи без слов-распространителей. Это единицы **выводить на дорогу** *какую*, **бросать камень в огород** *чей*, **плясать под дудку** *чью* и под. Например, функционирование фразеологизма **настраиваться на волну** ‘приводить себя в состояние наиболее благоприятное для восприятия чьих-либо чувств, мыслей, впечатлений; для возникновения определенного настроения, переживаний’ с необходимостью требует к компоненту **волну** определения *какую*: **настроенный на психологическую волну, настраиваясь на людскую волну, настроена на грустную волну, настроенный на веселую волну** и т. п.

Включение слов-распространителей в границы семантически полноценных ФЕ обусловлено другими причинами. 1. Стремление уточнить значение фразеологизма, оттенить те или иные стороны этого значения при помощи распространения соответствующего компонента. Так, обобщенное значение фразеологизма **старый волк** ‘человек, перенесший всяческие трудности, невзгоды, обладающий большим опытом’ конкретизируется применительно к какой-либо профессии, сфере деятельности человека: **старый торговый волк, старый журнальный волк, старый автомобильный волк, старый гастрольный волк, старый газетный волк**. 2. Желание усилить значение фразеологизма, то есть подчеркнуть степень проявления свойства, состояния, признака и т. п., называемого ФЕ. Ср.: **без зазрения совести – без всякого зазрения совести, подложить свинью – подложить здоровую свинью, на душе скребут кошки – на душе скребут большие, когтистые кошки** и т. п. 3. Возможность актуализировать внутреннюю форму ФЕ: **открыл давно известную Америку, изобретают деревянный велосипед, проснулась мирно спящая до сих пор совесть** и др. 4. Стремление сделать фразеологизм более ярким, образным, восстановить утраченную им экспрессию: **схожу в хладную могилу, держит в цепких руках, висела на тонком-претонком волоске** и под. 5. Желание дать оценку явлению, предмету, свойству, действию, называемому ФЕ: **мечет справедливые громы и молнии, нес какую-то должно быть довольно оскорбительную ахиною, какой счастливый ветер занес** и т. д. Возможность распространения компонентов семантически полноценных ФЕ определяется в большой степени не индивидуальным значением фразеологизма (хотя, несомненно, связана с ним), а характером текста, условиями контекста и целевыми установками автора (конкретизация, усиление значения ФЕ, актуализация внутренней формы и т. д.). Неслучайно именно такого рода фразеопотребления рассматриваются исследователями как индивидуально-авторские трансформации.

3. Слово в границах фразеологизма обычно присоединяется к субстантивному компоненту, поэтому распространение чаще всего наблюдается у тех ФЕ, в составе которых имеется субстантивный компонент. На характер распространения влияет и структурная модель ФЕ. Например, именные ФЕ, компоненты которых распространяются словами, построены по двум синтаксическим моделям: «прилагательное + существительное» (**мелкая сошка, медвежий угол, развесистая клюква** и др.), и «существительное + существительное» (**корень зла, соль земли, честь мундира** и др.). У ФЕ, построенных по модели первого типа, распространяется только главный компонент, восходящий к существительному: **первые московские ласточки, развесистая английская клюква, мелкая газетная сошка** и т. п. В этом случае ФЕ сочетается со словом не всем своим составом, а посредством одного компонента. Когда же слово присоединяется к зависимому компоненту (имени прилагательному), то реализуется сочетаемость ФЕ в целом: **глухой медвежий угол, какие-то белые вороны** и т. п.

У ФЕ, построенных по модели второго типа, распространяется грамматически зависимый компонент: **корень многих зол, соль русской земли, злоба вчерашнего дня, честь воинского мундира** и под. Слово, прикрепленное к главному компоненту ФЕ такой структуры, распространяет весь фразеологизм, а не отдельный его компонент:

черен **корень зла**, страшным **камнем преткновения**, вечные **козлы отпущения** и под.

4. Фразеологизмы вступают в связи со словами-распространителями по законам грамматической сочетаемости языка. Лексико-грамматические свойства слова, являющегося генетическим прототипом того или иного компонента ФЕ, определяют, со словами каких частей речи может сочетаться данный компонент. Соответственно, субстантивный компонент связывается с именами прилагательными, именами числительными, именами существительными, причастиями, неопределенно-количественными словами: **становится в гордую позу, взялись на мою голову, сто зубов имею, заронили первую искру, съел собаку премудрости, греет уж остывающую кровь, наломаешь столько дров, представляла мало пищи.**

Компоненты, восходящие к глаголу и глагольным формам: причастию и деепричастию, могут сочетаться с именами существительными и наречиями: **третий жизнью калач, беря рукой за сердце, взял быка прямо за рога, вышло далеко за рамки** под.

Фразеологические компоненты, прототипами которых являются наречия и имена прилагательные, распространяются словами крайне редко, но и в этих редких случаях в роли распространителя выступает наречие: **принимала чересчур близко к сердцу, завело слишком далеко, пустить слишком глубокие корни** и т. д.

Таким образом, распространять компоненты фразеологизмов могут слова практически всех знаменательных частей речи, за исключением личных форм глагола. Личная форма глагола – это основа, формирующая высказывание. В любом (непредикативном) сочетании она является грамматически главным словом. Распространитель же, попадающий в границы фразеологизма, всегда грамматически зависит от распространяемого им компонента.

Изучение расширения и распространения компонентного состава фразеологизмов, выявление закономерностей этих явлений важно не только в теоретическом плане, но и с методической точки зрения, поскольку появление распространителя в структуре ФЕ создает сложности для лингвистического анализа контекстов, содержащих подобные фразеологизмы.

Трудность возникает при определении компонентного состава фразеологизма и отграничении компонентов фразеологизма от слов контекста. В этом случае нужно установить статус распространителя: это компонент ФЕ или слово окружения.

Согласно мнению исследователей (А. И. Молотков, В. П. Жуков, А. В. Жуков, Н. А. Павлова, Т. В. Алейникова, Г. И. Михайлова и др.) слово, включенное в границы фразеологизма, можно считать компонентом ФЕ только в том случае, если оно утрачивает какие-либо признаки слова и воспроизводится в составе фразеологизма. Соответственно, например, как компоненты фразеологизма следует рассматривать единицы *большой* и *жирный*, регулярно появляющиеся в границах фразеологизма **ставить (поставить) крест**: *Что же касается людей, спешащих раз и навсегда **поставить** на дирижаблях большой, жирный **крест**, то я глубоко убежден в их неправоте* (Э. Кренкель, Мои позывные RAFM); *Жизнь исключенного из КПСС человека, как правило, шла под откос, на карьерном росте и заграникомандировках можно было **поставить** жирный **крест*** (Д. Донцова, Обед у людоеда). В составе фразеологизма данные распространители не имеют самостоятельного лексического значения, а значит, у них отсутствует один из важнейших признаков слова: ср. *большой* 'значительный по размерам, величине, силе' (МАС, Т. 1) и **поставить большой крест** 'считать конченным, более не существующим; переставать надеяться на кого-либо или что-либо'; *жирный* 'с толстыми линиями букв, знаков' (МАС, Т. 1) и **поставить жирный крест** 'считать конченным, более не существующим; переставать надеяться на кого-либо или что-либо'. Деактуализация слов *большой* и *жирный* и воспроизводимость их в составе данной ФЕ позволяют включать их в компонентный состав фразеологизма. Заметим, компоненты *большой* / *жирный* не являются обязательными и в некоторых случаях употребления ФЕ могут опускаться.

Распространитель, сохранивший какие-либо признаки слова, не входит в состав фразеологизма, а является словом контекста. Ср. с предыдущими примерами: *Однажды я получила увесистую бандероль из Лондона... Как я понимаю теперь, **поварившись** в лондонском **котле** и познакомившись с английскими принципами издательского дела,*

моей знакомой нужно было ковать железо, ибо условия складывались тогда в ее пользу – договор заключили охотно (Л. Васильева, Альбион и тайна времени); – *По-вашему, Сергей Ильич, выходит, что **повариться в рабочем котле** вредно?* – У Ричарда вся семья рабочая (Д. Гранин, Иду на грозу). Фразеологизм **вариться (повариться) в котле** с общим значением ‘постоянно находиться в какой-нибудь активно действующей среде, окружении’ образован тремя компонентами. Слова же, введенные в границы ФЕ, таковыми не являются, поскольку сохраняют лексическую самостоятельность (а это уже признак отдельного слова): **поварившись в лондонском котле** ‘долгое время прожив в Лондоне, хорошо узнав образ жизни, взгляды и т. п. жителей этого города’; **повариться в рабочем котле** ‘побыть в среде рабочих, стать рабочим, послужить на заводе’. Данные слова только однажды появляются в границах фразеологизма, в одном контексте, и в дальнейшем в структуре ФЕ не воспроизводятся. Однако есть вероятность, что состав данного фразеологизма может быть распространен и другими словами, наиболее подходящими по контексту. Таким образом, **повариться в рабочем котле, поварившись в лондонском котле** – фразеолексические сочетания, т. е. сочетания фразеологизма **вариться (повариться) в котле** со словами *рабочий, лондонский*. В этом случае *рабочий, лондонский* не что иное, как слова окружения.

Между бесспорными компонентами и бесспорными словами есть переходные случаи, когда у распространителей наблюдаются признаки и слова, и компонента. Такие распространители вводятся в границы фразеологизма для усиления значения ФЕ, то есть, чтобы подчеркнуть степень проявления свойства, признака, состояния и т. п., называемого фразеологизмом. При этом ярче, выразительнее становится образная основа ФЕ. Ср.: **подложить свинью** ‘причинить большую неприятность кому-либо’ и **подсунуть такую жирную свинью**; **ловить рыбу в мутной воде** ‘извлекать выгоду, корыстно пользуясь чьими-либо затруднениями, неурядицами, сложной неясной обстановкой’ и **ловить крупную рыбу в мутной воде**; **растопить сердце** ‘смягчить, сделать добрее, чувствительнее кого-либо’ и **растопить каменное сердце** и под. Распространители этого типа, как и компоненты ФЕ, семантически «опустошены»: их лексическое значение «растворяется» в едином, целостном значении фразеологизма. Признать их компонентами не позволяет одно обстоятельство: фразеологизм имеет постоянный, устойчивый компонентный состав, а подобные распространители не регулярно, а только один раз вводятся в границы ФЕ, то есть характеризуются функциональной одноразовостью. Однако это не исключает возможности их воспроизведения в составе данных фразеологизмов и в других контекстах.

Определение статуса распространителя позволяет верно установить компонентный состав фразеологизма, а также разграничить явления расширения и распространения компонентного состава ФЕ. Если слово, введенное в границы фразеологизма и формально привязанное к одному из его компонентов, сохраняет свое лексическое значение, можно говорить о распространении компонентного состава ФЕ. Случаи, когда слово в структуре ФЕ утрачивает лексическую самостоятельность и становится компонентом фразеологизма, следует определять как расширение компонентного состава ФЕ.

При анализе контекстов, содержащих фразеопотребления с распространением компонентного состава, возникает дополнительная трудность. Она касается определения синтаксической функции слова-распространителя. Возникает вопрос: слово, попавшее в структуру ФЕ, является самостоятельным членом предложения или выполняет одну с фразеологизмом функцию.

Проанализировав языковой материал, мы пришли к выводу, что распространители компонентов ФЕ не могут иметь статуса отдельного члена предложения: они тесно связаны с ФЕ и выступают в предложении вместе с фразеологизмом как один его член. Такая трактовка дает четкие и ясные критерии для синтаксического разбора предложений, в которых используется ФЕ, в границы которой вводятся слова окружения. Алгоритм действий при анализе таких контекстов будет следующим.

1. Решается вопрос: с ФЕ в целом или с ее отдельным компонентом формально связано слово окружения, включенное в границы фразеологизма.

2. Если слово формально сочетается с ФЕ как с целостной единицей, то здесь мы видим реализацию типовой сочетаемости ФЕ со словом. В этом случае слово окружения независимо от того, находится оно в границах фразеологизма или за его пределами,

должно рассматриваться как отдельный член предложения, грамматически связанный с фразеологизмом, ср.: Наломаеть сгоряча дров (А. Блинов, Счастья не ищут в одиночку) и Наломаеть дров сгоряча; Павел был в очень трудном положении и сел бы совершенно на мель (А. Писемский, Тюфяк) и Павел был в очень трудном положении и совершенно сел бы на мель.

3. Если слово окружения синтаксически связано с компонентом ФЕ, то независимо от того, находится это слово в границах фразеологизма или за его пределами, оно не имеет статуса самостоятельного члена предложения и может выступать как один член предложения только вместе с ФЕ: И ты очень быстро вошла в городскую колею (Л. Пантелеев, Наша Маша). Ведь истинно сам сую голову в петлю их воровскую (Достоевский, Двойник). Очевидно, под развесистой английской клюквой убеждены, что в такой варварской стране, как Россия ... не увидишь автомобиля (А. Серафимович, Под развесистой клюквой).

Итак, существует два способа связи ФЕ со словами в предложении. В одних случаях слова окружения сочетаются с фразеологизмом в целом как по смыслу, так и формально. В других случаях слова окружения по смыслу относятся ко всей ФЕ, а формально присоединяются к определенному ее компоненту.

Данное обстоятельство необходимо учитывать при лингвистическом анализе контекстов, в которых содержатся ФЕ. Определяя статус единицы, включенной в состав фразеологизма, можно верно установить компонентный состав ФЕ, синтаксическую функцию фразеологизма и сочетающихся с ним слов, а также разграничить явления расширения и распространения компонентного состава ФЕ.

Summary. The article is devoted to one of the ways of phraseological units combinations — the spreading of component composition of phraseological unit. The regularities of this process and lexical and grammar peculiarities of phraseological units which components could be spreading by words are analyzed in this article.

Куприева И. А.

ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kuprieva@yandex.ru

На протяжении многих десятилетий фразеологические фонды разных языков мира являются предметом многочисленных исследований. Причем для традиционной науки о языке основной задачей считается выявление принципиальных отличий семантики самого фразеологизма и входящих в его состав компонентов (Молотков, 1977; Степанов, 1975, Федоров, 1980), структуры содержания этого значения, а также способа организации внутренней формы фразеологизма (Мокиенко, 1973, Солодуб, 1982). Однако в свете стремительного научного роста и развития научной парадигмы модус исследований подобного рода смещается от традиционных в пользу когнитивных. Ученые указывают на необходимость системного, комплексного подхода к значению, вообще, и к значению фразеологизма, в частности. Иными словами, по свидетельству лингвистов-современников, объективное исследование фразеологического фонда и, соответственно, культурного пространства, возможно исключительно при учете интегрированного подхода с привлечением не только сугубо лингвистических знаний, но и данных смежных с лингвистикой наук. Более того, дискурсивно-когнитивный методологический базис последних исследований обращает лингвистические искания к соответствующему инструментарию и терминологии типа «концепт», «дискурс», «культура» и пр. и вскрывает перед учеными массу неразрешенных вопросов, одним из которых является специфика вербализации динамической характеристики психики фразеологизмами современного английского языка. Заявленный объект – фразеологизмы психических процессов, номинирующие процесс познания, – сложен сам по себе и с точки зрения психологии и с точки зрения лингвистики, по-

сколькx обладает некоторой разноплановостью содержания и весьма специфичен в отношении очерчивания его границ. С целью изучения данной проблемы обращаемся к данным когнитивной психологии и общественных наук, а также лексикографическим сведениям, которые позволяют выявить специфику концептуализации процессов психики с их последующей вербализацией.

Итак, само по себе познание – когниция – включает все процессы, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая в мозг, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.), чтобы удерживаться при необходимости в памяти человека (Краткий..., 1996).

Согласно положению общественных наук, познание является философской категорией, описывающей «процесс построения идеальных планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, опосредующих взаимодействие человека с миром и другими людьми в ходе синтеза различных контекстов опыта». Кроме того, понятие познания слишком распространено и для обывателя, что позволяет первому распространяться далеко за пределы научного понимания прямо в обыденное восприятие рассматриваемого термина (Энциклопедия..., 2012).

Анализ лексикографических данных современного английского языка показывает, что когниция представляет собой, как процесс получения знаний, включающий обработку информации, пришедшую по перцептивным каналам («the mental action or process of acquiring knowledge and understanding through thought, experience, and the senses» (British..., 2012) , так и само знание, хранящееся в когнитивных структурах сознания индивида («a perception, sensation, idea, or intuition resulting from the process of cognition» (British..., 2012). Однако столь детальное описание процесса и результата получения знания в обыденном сознании целенаправленно, сравнительно с узкоспециальным научным анализом, не происходит. Более того, понятие «когниция», «познание», в двух его ипостасях происходит комплексно, синкретично, как вытекающее одно из другого. Такое целостное отражение реалии познания на концептуальном уровне как нельзя лучше указывает на наличие гештальта, как ментальной структуры, отвечающей, как за синкретизм и целостное восприятие рассматриваемого понятия, вмещающего и процесс, и результат, так и за номинацию этих данностей посредством языковых единиц. Такая ментальная структура – гештальт – служит фоном для понимания того, что воспринимается нами как некоторый аспект гештальта. «Следовательно, лицо или объект может быть понято как участник гештальта, а действие – как часть гештальта» (Сергеева, 2012: 4).

Как свидетельствуют данные современной гештальт-психологии, одна такая когнитивная структура также не исключает наличие другой, та, в свою очередь, третьей, более дробной и т. д. Результатом такой структуризации сознания является богатая и разнообразная «фоновая структура, необходимая для полного понимания любой данной ситуации» (Сергеева, 2012: 4). Однако при неоспоримом наличии указанных преимуществ, большая часть такой структуры, если не полностью вся структура, не осознается. Интересным наблюдением гештальт-психологов является также положение о высвечивании части в целостной структуре гештальта. Так, процесс понимания, по их мнению, высвечивает только те компоненты ситуации, которые соответствуют гештальту, и «скрывает или преуменьшает значимость тех, которые ему не соответствуют» (Сергеева, 2012: 4).

Именно гештальт, по нашему мнению, как нельзя лучше соответствует ментальной структуре, вербализуемой фразеологическими средствами, номинирующими психические когнитивные процессы. Именно гештальт, в частности, его организация «часть-целое», динамичная структура с учетом высвечивания, а также способность к дроблению на более мелкие гештальты и объединение в богатый эмпирический фон позволяют говорить о детальном изучении выбранного объекта исследования.

Итак, для моделирования выбранной ментальной структуры требуется выявление ее концептуального содержания, которое, согласно логике когнитивного лингвистического исследования, происходит при учете языкового и неязыкового знания. Соответственно, как было заявлено ранее, когниция как реалия коррелирует с гештальт-подобной ментальной структурой «когниция» и имеет следующее концептуальное содержание: компонент «процесс получения знаний» и «результат». Первый компонент является интегративным по отношению к входящим в него частям – концептуальным коррелятам процес-

сов, соотносящихся с реальным процессам получения знаний: вниманию, перцепции, ментальной деятельности, включающей принятие решений, памяти и воображения (Википедия, 2012). Следовательно, наряду с заявленными компонентами к рассматриваемой ментальной структуре относятся компоненты «внимание», «перцепция», «ментальная деятельность», «память», «воображение».

Все вышеперечисленные компоненты являются критериями ограничения исследовательского корпуса. Отбор соответствующих фразеологических единиц (далее ФЕ) проводился (т. е. при сплошной выборке) согласно способности единицы функционально или системно обозначать ситуацию познания в синкретизме (единство процесса познания и его результата) и/или дискретности (каждый из процессов получения знания в отдельности), то есть согласно способности на системном или функциональном уровне актуализировать компоненты «процесс получения знаний» и «результат». В итоге описанной выше процедуры были отобраны разноплановые по морфологическим особенностям и семантическому содержанию ФЕ современного английского языка.

Дальнейшая работа в направлении уточнения исследовательского корпуса велась согласно следующему алгоритму: лексикографический, контекстуальный и концептуальный анализ семантики каждой единицы. Ее результаты помещались в таблицы нижеследующего вида:

ФЕ	Результат лексико-графического анализа	Результат контекстуального анализа	Результат концептуального анализа
catch old birds with chaff	Try to cheat someone mature (Collins ..., 2011)	A genuine Rembrandt! Don't talk rubbish, it's only a poor copy. Don't try to catch old birds like us with chaff (Collins ..., 2011).	внимание + перцепция + ментальная деятельность + память + воображение +

Вышепредставленная таблица отражает данные по отобранным ФЕ в наиболее сжатом и общем виде, только как результат определенных лингвистических процедур, предшествовавших ее составлению. Однако уже на основании этих данных возможно не только очертить приблизительные границы объекта исследования, но и провести первичную классификацию отобранных единиц.

Итак, выбранные ФЕ можно ранжировать исходя их компонентного состава на следующие группы:

– ФЕ с компонентом mind: bear in mind, bring/call someone/something to mind, keep something in mind etc;

– ФЕ с компонентом attention/heed: attract [sb's] attention, call attention to smb, pay attention, pay no heed etc;

– ФЕ с компонентом eye/ear: catch someone's eye, have an eye in one's head, have an eye out for smb, see eye to eye [with], with one's eyes shut, smb.'s ear etc;

– ФЕ с компонентом «часть тела»: call down the wrath of God on smb.'s head, call one's hand, catch it in the neck, have a bone, have an old head on young shoulders, have something on the brain, hide one's head, keep a firm hand on, with all one's heart, with egg on one's face etc;

– ФЕ с компонентом «конкретный объект действительности»: catch old birds with chaff, come back to earth, call a spade a spade, call to arms, do one's nut, drag a red herring across the path, draw a curtain on smth, draw a long bow, draw the line [at], drop the handkerchief, food for thought, food for reflection, have all one's buttons on, smell a rat, show one's teeth etc;

– ФЕ с компонентом «абстрактный объект»: call down curses upon smb, call it quits, catch a shadow and let go a substance, catch/take someone unawares, come a cropper, come down to bed-rock, do honour to, do justice to, do oneself justice, do smb. a bad turn, do wonders, dree one's weird, dry as dust, gain an advantage of smb, gain the wind of, food for thought, food for reflection, , without a second thought, without a shadow of a doubt etc;

– ФЕ с валентным предикативным компонентом: bear in mind, bring/call someone/something to mind, call attention to smb, catch me, catch someone on the hop, catch/take someone unawares, come back to earth, come up against, do credit to smb., do dirt to smb., do honour to, do it on one's head, do justice to, do one's bit, do one's block, do one's nut etc.

Кроме того, концептуальный анализ каждой ФЕ, отобранной в качестве эмпирического материала, позволяет также провести семантическую классификацию, основанную на критерии отсутствия актуализации какого-либо компонента гештальта. В связи с этим можно выделить следующие группы:

– ФЕ, не актуализирующие компонент «внимание»: bear in mind, bring/call someone/something to mind, call down curses upon smb., call down the wrath of God on smb's head, catch it in the neck, come down to bed-rock, [come] hell or high water etc;

– ФЕ, не актуализирующие компонент «перцепция»: bring/call someone/something to mind, call a spade a spade, call down curses upon smb., call down the wrath of God on smb.'s head, call one's hand, catch someone on the hop, come back to earth, do honour to etc;

– ФЕ, не актуализирующие компонент «ментальная деятельность»: call one's hand, call to arms, catch someone's eye, catch someone on the hop, do dirt to smb., draw blank, draw into one's shell etc;

– ФЕ, не актуализирующие компонент «память»: call attention to smb., call down curses upon smb., call down the wrath of God on smb.'s head, call it quits, call one's hand, catch me, catch/take someone unawares, [come] hell or high water etc.

– ФЕ, не актуализирующие компонент «воображение»: attract [smb's] attention, bear in mind, call a spade a spade, call attention to smb., call it quits, call one's hand, catch it in the neck, catch me etc.

Представленная выше классификация ФЕ исследовательского корпуса представляет собой первичную попытку систематизации исследовательского корпуса, не является и не может быть единственной, поскольку выбор когнитивного подхода в качестве приоритетного позволяет максимально объективно и полно рассмотреть специфику объекта исследования, что выносится на перспективу настоящего научного искания. Тем не менее, уже на основании вышеизложенного, в результате контекстуального, лексикографического и концептуального анализа возможно очерчивание границ исследовательского корпуса посредством выявления концептуальных критериев «описание процесса и результата когниции», первичная ранжировка согласно учету компонентного состава и семантических особенностей согласно критерию отсутствия актуализации компонентов.

Литература

- Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во филол. фак. МГУ, 1996.
Мокиенко, В. М. Историческая фразеология: Этнография или лингвистика? / В. М. Мокиенко // Вопросы языкознания. 1973. №2.
Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977.
Сергеева, В. М. Язык и моделирование социального взаимодействия. – Режим доступа: <http://vpkla.ru/books/sergeeva-vm-yazyk-i-modelirovanie-sotsialnoro-vzaimodeystviya-razdel-2/stranica-2>
Солодуб, Ю. П. Фразеологизмы со значением качественной оценки лица в современном русском языке // Русский язык в школе. 1982, №3.
Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания. – М., 1975.
Федоров, А. И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск: Наука, 1980.
Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – Режим доступа: http://epistemology_of_science.academic.ru/597/%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5
British & World English dictionary – Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com/definition/english/cognition>
Collins English Dictionary. Harper Collins, 2011.

Summary. The article proves the timeliness of observing English phraseology which verbalizes dynamic characteristics of psychology. The paper attempts to systematize the phraseology corpora under review.

Лантвева М. Л.
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ СТИМУЛЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА АМЕРИКИ

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
hohlina2004@yandex.ru

Существование двойственной картины мира продиктовано требованием языкового сознания познавать окружающее, объяснять и гармонизировать его, что достигается при помощи корреляционных процессов, происходящих между «Своим» и «Чужим». Круг явлений, которые отнесены к пространству «Своего» или «Чужого», очерчивается в результате того, как объекты действительности «пропускаются» сквозь призму национально-специфического восприятия и понимания и находят свое языковое выражение. Например, особенности национального сознания русских связаны с восприятием Запада и, в частности, Америки как «чужих» по морально-нравственным и духовным нормам (сравним: **поедет в Америку гонять чертей по берегу** – диал. шутл.-ирон. 'о человеке, эмигрировавшем в Америку'), но притягательных с точки зрения комфортности и обеспеченности жизни.

Безусловно, инокультурный образ Америки значим для национальной языковой картины мира носителей русского языка, что подтверждается фактом функционирования таких фразем с инокультурным компонентом *Америка, американский, американец*, как **Америка для американцев** – устар. публ. 'в дела американских континентов нельзя допускать вмешательства' (ИЭС, 2007: 23); **тихий американец** – публ. ирон. '1. Агент ЦРУ, шпион, действующий под видом дипломата, журналиста и т. п. 2. Преступник (обычно политический), скрывающийся в Америке от правосудия' (ИЭС, 2007: 23); **американский дядюшка** – шутл.-ирон. 'о неожиданной (обычно финансовой) помощи или человеку, ее оказывающем' (ИЭС, 2007: 215); **поехать в Америку гонять чертей по берегу** – диал. шутл.-ирон. 'о человеке, эмигрировавшем в Америку' (ЭСКСВ, 2005); **закрывать / закрыть Америку** – 'безвыходное положение; стечение обстоятельств, из которого трудно найти выход' (БСКС, 2000: 175); **американское золото** – 'сорт латуни, представляющий собой сплав меди с цинком'; **Америку не откроет** – разг. ирон. 'о несообразительном, ограниченном, недалеком человеке'; **заливать / залить Америку** – сиб. приамур. ирон. 'наговаривать много лишнего, привирая'.

Заметим, что некоторые из данных понятий существуют в американском («чужом») лингвокультурном пространстве достаточно давно. Так, выражение **Америка для американцев** принадлежит президенту США Дж. Монро, который в 1823 г. опубликовал основные принципы американской политики, получившие название «доктрина Монро». Суть ее заключалась в том, что США не допустят, чтобы в дела стран Южной Америки вмешивался Священный союз европейских монархов, стремившийся после победы над наполеоновской Францией насадить во всем мире покорность ему (ИЭС, 2007: 23).

Выражение **у него американский дядюшка нашелся** – 'ему неизвестно с чего повезло' – имеет дискурсивную связь с историей колонизации Америки, когда этот континент притягивал многих искателей наживы: некоторые из них действительно оказались удачливыми и, разбогатев, помогали своим терпящим нужду родственникам-европейцам (ИЭС, 2007: 215). Названные фраземы с инокультурным компонентом, образуя инокультурное дискурсивное пространство (пространство «чужого»), проявляют минимальную степень коррелирования с национальным дискурсивным пространством в силу своей чуждости этнокультурному сознанию русских. Следовательно, применительно к ним можно говорить об определенном типе корреляции «Чужого» и «Своего» – «Чужое» как «Не-Свое». Это утверждение, на наш взгляд, актуально, несмотря на факт функционирования в русском языке одноструктурной единицы со «своим» компонентным составом **Россия для русских**, которая является одним из лозунгов русских националистов, на сегодняшний день включенным в Федеральный список экстремистских материалов (п. 866, по решению Черемушкинского районного суда г. Москвы в декабре 2010 г.).

Общеизвестное выражение **американская мечта** – 'мечта о богатой жизни', – основано на представлении о материальном благополучии, полученном в результате многолетнего труда. Выражение является калькой с англ. *American Dream*. В эпилоге исторического эссе «Эпопея Америки» Джеймса Траслоу Адамса, вышедшего в 1931 г., находим:

«...**Американская мечта** о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, что он заслуживает». Частотность функционирования данной единицы стимулировала появление устойчивого сочетания **русская мечта**, содержание которого богато различными смыслами, как правило, противопоставленными «западным образцам». Например: **Русская мечта**, в отличие от американской, будет позаковыристей, посложней, т. е. тут у нас наблюдается разнობой и поляризация: если 99 % нормальных американцев мечтают одолеть путь от разносчика газет до директора корпорации, то у нас кто мечтает украсть завод, кто чаёт царствия божьего на земле, кто грезит о новом лобовом стекле для своей «шестерки», кто спит и видит себя в ореоле бессмертной славы, кому вообще ничего не надо, дай только как-нибудь пострадать (<http://fictionbook.ru>). Следовательно, антонимичность семантики оборотов **американская мечта** и **русская мечта** обусловлена противопоставлением «своих» и «чужих» ментальных установок.

До настоящего времени не получила фразеографической закреплённости и единица **американский юмор**, которую возможно, как и фразему **английский юмор**, включить в корпус инокультурных знаков косвенно-производной номинации со следующей толково-культурологической характеристикой: **американский юмор** – ирон. пренебреж. ‘юмор, не содержащий скрытого смысла, пошлый, натуралистичный, тупой’. Фразема кодирует стереотипное представление носителей русского языка о лингвокультурных особенностях американцев. Следует отметить, что когнитивное пространство, в котором зародился данный лингвокогнитивный феномен, состоит из ассоциативно-смысловых связей и отношений, возникающих в процессе межкультурной коммуникации, в частности, при просмотре американских комедий типа «Тупой и еще тупее», «Кое-что о Мэри», «Не грози южному централу...» и др.). Например: *Где-то я читала, что киносцена, где люди кидаются тортами, в каком-то году были признана самой смешной... Бывает, что действительно смешно, однако такой юмор... ну, туповат. И не забудьте признаться в самых смешных казусах в вашей жизни в стиле американского юмора* (<http://gorod.tomsk.ru/radio1232592509.php>). Продукты рефлексии относительно ценностной модели американского поведения интегрируются в смысловую структуру фраземы **американский юмор** – ‘ироничный’, ‘прямой’, ‘высмеивающий глупости’, ‘абсурдный’, ‘низменный’ и др. В когнитивной базе формирования фразеологического значения лежит противопоставление «Своего» и «Чужого». **Американский** воспринимается как «чужой», аксиологически негативно заряженный компонент, предполагающий отрицание такого типа юмора как свойственного лингвокультурному сообществу русских. Употребляясь в разговорном дискурсе, фразема приобретает коммуникативно-прагматические свойства – выражение устойчивого отрицательного эмоционально-оценочного отношения к определенному рода шуткам.

Механизм формирования семантики фраземы **английский юмор** в русском языке основывается на дискурсивном переосмыслении фразеомобразующего компонента **английский**, который утрачивает свое прямое этнонимическое значение. Актуализация потенциальных дифференциальных сем в данном случае тесно связана с мотивированным компонентом значения – образом чопорного, надменного и высокомерного англичанина, несопоставимого с образом человека, обладающего искрящимся чувством юмора. С другой стороны, чувство юмора действительно является национальной чертой любого англичанина. Однако в типичном английском анекдоте юмористический эффект создается невозмутимой серьезностью при изложении самого неправдоподобного происшествия, причем удивление вызывает не абсурдность этого события, а какая-нибудь незначительная частность, не имеющая к нему прямого отношения. Такой «тонкий» юмор не всегда адекватно воспринимается носителями «иной» культуры (в нашем случае – русской), тем более, если они не владеют при этом достаточным объемом фоновых знаний. На языковом уровне это проявляется в особом акцентированном акте номинации «чужого», а далее – с употреблением выражения за пределами инокультурной речевой ситуации, нередко в качестве скептической реакции на стимул «неудачная шутка». Например: 1) *У нас в России обычно смеются только над двумя вещами: насилием и пошлостью. Понять английский юмор нам не дано...* 2) *Мужик, как я понимаю твой тонкий английский юмор! Я тоже счастлив от обладания волгателекомом, до слез и нервного истощения!!!* (из блогов). Наблюдается процесс инкультурации и самого явления «английский юмор», и фраземы, функционирующей как результат дискурсивно-когнитивных преобразований ее компонентов в структуру фразеологического значения.

Следует заметить, что характер устойчивых оборотов приобретают выражения, обозначающие не только исторически детерминированные объекты, но и реалии настоящего времени. К таким единицам можно отнести, в частности, сравнительно недавно появившиеся в языке фраземы **кукла американская, американские горки, американский поплавок**.

Предполагаем, что оборот **кукла американская**, если и не возник, то получил актуализацию в дискурсивном пространстве кинофильма «Родня» (1981 г.): [Марья Васильевна] Ты посмотри, на кого ты похожа! **Кукла американская!** Да если тебя умыть, сама знаешь, чё получится! В представленном контексте выражение **кукла американская** используется по отношению к женщине, злоупотребляющей косметикой. В мотивационной базе такого смыслообразования роль играют оба компонента фразеологической единицы. Объективная логика происходящих семантических изменений обнаруживается в процессе взаимопроникновения некоторых смыслов лексических единиц: кукла → 'женщина' и американская, так как Америка воспринимается в качестве символа западной культуры, возводящей в культ независимое, свободное поведение. Также можно предположить, что образную основу выражения составляет американская кукла, например, популярная Барби.

Отметим, что единица **кукла американская** как знак косвенно-производной номинации в современной речевой ситуации расширяет свои функциональные возможности, о чем свидетельствует наличие фразеологических омонимов. Сравним:

КУКЛА АМЕРИКАНСКАЯ¹ – 'о женщине развязного поведения, ведущей свободный образ жизни, злоупотребляющей косметикой и т. п.'. Например: *Самый го...чий клип Каролины! Она что, совсем ослепла, ведет себя как кукла американская!* (<http://athlete.net.ua>).

КУКЛА АМЕРИКАНСКАЯ² – 'о том, кто мешает, раздражает сердит'. Например: – Видишь, что наделал! Видишь, **кукла американская**, что наделал! – шипит он к парню. – Отсохли бы тебе, анафема! (В. Винниченко. У машины – НКРЯ). Синонимичная конструкция – прост., бран. **Чертова кукла!** (ФССРЛЯ, 2004, I: 528).

КУКЛА АМЕРИКАНСКАЯ³ – в современном политическом дискурсе – 'о безвольном человеке, который подвергается влиянию и манипулированию со стороны американского правительства'. Частотность использования выражения **кукла американская** в названном значении подтверждается целым рядом примеров, в частности, с различных интернет-форумов. Например: 1) Не смешите, Саакашвили просто **кукла американская**. Он никогда и ничего не решал (<http://news.moe-online.ru>); 2) А кто тогда Саакашвили? Галстукоед и разрушитель. **Кукла американская**. Или в психушку посадят, или угарным газом, как его дружок-министр, нечаянно отравится (<http://www.echo.msk.ru>); 3) Да этот президент просто **кукла американская**, который посажен для видимости такого! Он бы лучше сначала на категорию эстонского сдал экзамен... (<http://www.gazeta.ee>). Фразеологическая семантика формируется за счет развития у компонента кукла переносного значения – 'марионетка, не принимающий самостоятельных решений, управляемый человек'. Сравним с устойчивым выражением **быть куклой в чьих-либо руках** – 'подвергаться чьему-либо влиянию'.

Приобретаемые носителями языка представления о тех или иных феноменах культуры обогащают фразеологическую семантику и пополняют фразеологический корпус русского языка в целом. Обратимся к употреблению выражения **американские горки** в следующем контексте: У нас банки тоже так можно рекламировать. Вернут депозит, не вернут депозит – сплошные **американские горки** (<http://www.adme.ru>). Фразема является метафорическим образованием, основанным на сходстве чего-либо, в нашем примере – русского банка, с популярным аттракционом, совершающим крутые повороты, катаясь на котором, человек не знает, каким будет очередное движение поезда. Фразеологическое значение языковой единицы можно сформулировать следующим образом – 'что-л. неизвестное, плохо прогнозируемое, с неожиданными моментами, непредсказуемыми последствиями'.

Интересно происхождение самого названия аттракциона «американские горки», которое также относится нами к сочетаниям фразеологического типа. Предполагается, что история «американских горок» связана с таким видом развлечения, как русские ледяные горки, представлявшие собой искусственно созданные, высокие ледяные холмы, часто встречающиеся в окрестностях Санкт-Петербурга. Однако в русском языке для обо-

значения подобного рода аттракциона используется определение американские, вероятно, по причине того, что созданием железных горок впервые занялся американец Ламаркус Адна Томпсон. В сознании русских американские горки – технически сложное сооружение, напоминающее русский прототип лишь отчасти. Степень сходства вербализована компонентом горка – ‘отлогий помост, обледенелый поливкой, большая снежная куча, или природный скат, выглаженный и политый, для катанья на салазках’ (Даль, 1989, I: 375). Сравним: Пошли в ту часть ярмарки, где развлекаются. Везде азартно играют во что-то. Сотни павильончиков с огромными куклами, на которые надо накинуть обруч и т. д. **Американские горки** всех видов и карусели всех видов, и все это крутится, шумит... (А. Эфрос. Профессия: режиссер). Тем не менее, во многих других языках для того же вида развлечения используется выражение **русские горки**.

Итак, инокультурный образ *Америки*, составляющий когнитивную базу рассмотренных фразем, при вхождении в национальный дискурс сохраняет «чужеродный» характер. Однако знаки косвенно-производной номинации, возникающие в языке в результате процесса отражения знаний о «чужом» культурном пространстве, значительно расширяют фразеологический корпус русского языка, а потому должны получить системное и полное описание, что позволило бы представить цельную картину функционирования данных фразем как лингвокультурных маркеров.

Литература

Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М.: Изд-во «Русские словари», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль / в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989. Т.1. – 699 с.

Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко; СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926 с.

Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: ruscorpora.ru (НКРЯ).

Фразеологический словарь современного русского литературного языка/ под ред. А. Н. Тихонова / в 2-х тт. – М.: Флинта: Наука, 2004. – Т. 1. – 832 с.

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. – М.: Изд-во Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

Summary. The article discusses idioms with such components as America, American (people), American (adj.). The place of these units in phraseological area of the Russian language is determined, the features of their functioning in modern discourse are identified.

Лисова Е. Ю.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный университет
lisovaeu@mail.ru

Одним из новых научных направлений в современном языкознании стала гендерная лингвистика, занимающаяся исследованием гендерных аспектов языка и речевой коммуникации. Данная исследовательская парадигма опирается на принцип антропоцентризма при изучении языковых явлений. Яркими представителями отечественной школы гендерной лингвистики являются А. В. Кирилина, И. В. Зыкова, Е. И. Горошко, В. В. Потапов, А. А. Григорян и др. Гендерный подход позволяет точнее учитывать человеческий фактор в языке, что в свою очередь способствует приращению как собственно лингвистического, так и междисциплинарного знания (Воронина, 2002: 56). Особое внимание в гендерной лингвистике уделяется отражению гендера в языке главным образом через лексику и фразеологию (Земская, Китайгородская, Розанова, 1993: 90).

Лексический и фразеологический уровни признаются наиболее характерными выразителями гендерных отношений. Как отмечают исследователи, «язык запечатлевает культурные различия и именно фразеологический состав языка хранит и воспроизводит культурные установки народа».

Функционально-семантический анализ фразеологизмов (далее ФЕ), встречающихся в речи героинь романа Е. Чижовой «Время женщин», свидетельствует о том, что в образном содержании этих языковых единиц воплощены идеалы, стереотипы, оценочные отношения, личностные характеристики, свойственные изображаемому в романе представителям «слабого пола». Наш материал показывает, что передать различные виды коннотаций помогают содержащиеся в рассматриваемых фразеологических единицах так называемые соматизмы.

Известно, что соматизмы (от греч. *soma* «тело») – это имена существительные с исходным значением частей тела человека и животного. Лингвисты не всегда однозначно трактуют термин «соматизм». Например, Ф. Вакк определяет этот термин как совокупность устойчивых словесных комплексов, имеющих в своём составе названия частей тела человека и животного, названия жидкостей в теле («кровь»), а также слова, не называющие части тела, но непосредственно связанные с организмом человека («нервы», «кость» и т. д.). Исследователь также включает в соматизмы устойчивые словосочетания, появившиеся в результате описания символических жестов и мимики (Вакк, 1964: 21). О. Назаров включает в соматические фразеологизмы лишь единицы с названиями частей тела человека (Назаров, 1973: 30). Учёный не рассматривает жестовые и мимические фразеологизмы в группе соматических единиц.

Вслед за Ф. Вакком мы считаем, что в состав соматизмов должны быть включены не только лексемы, называющие части тела, но и слова, связанные с организмом человека и животных (*кость, кожа, кровь, нервы* и т. д.), так как они обозначают жизненно важные элементы материальной субстанции, без которых живой организм не может существовать.

Интерес исследователей к этой группе лексики определяется тем, что процесс осознания себя как личности человек начал с ощущений, которые возникают непосредственно через органы чувств и части его собственного тела. «Человек эгоцентричен, – пишет В. Г. Гак в одной из своих работ, – он в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию» (Гак, 2000: 36)

Учёные признают, что проведение параллелей между реальным миром отражением его языковыми средствами через соматизмы не случайно, поскольку семантическая информация, передаваемая изучаемыми словами, является указанием на определённые объекты из окружающего нас реального мира. При помощи языка, слова человек не только отображает процессы реального мира и мира субъективной оценки, эмоций и чувств, но и сам выступает одним из звеньев этого (Беличенко, 1999: 32).

В речи героинь романа Е. Чижовой «Время женщин» встречаются фразеологизмы, включающие соматизмы, помогающие передать 1) эмоциональное состояние героини (*сердце, душа*), 2) восприятие действительности (*глаза и ухо*), 3) поведение человека (*голова, рот, язык, губы, шея*).

1. Фразеологизмы с соматизмами *сердце* и *душа* характеризуют внутренний мир женщины, ее психическую деятельность.

Образность фразеологизмов с компонентом *сердце* базируется на внутренней форме ФЕ, в которой активную роль играет значения слова *сердце*: 1) «центральный мышечный орган кровеносной системы человека», различные свойства этого органа; материал, из которого оно будто бы сделано, размер, наличие или отсутствие этого органа у человека; физиологические процессы, происходящие с этим органом; 2) сердце как символ сосредоточения чувств человека: любви, ненависти, искренности, доверия и т. п.

В таких фразеологизмах отразились представления женщин о сердце как наиболее важном органе, без которого человек не может существовать и в котором локализируются его чувства и переживания человека.

В речи героинь романа Е. Чижовой фразеологизмы с соматизмом *сердце* употребляются для передачи негативных эмоций.

Так, в высказывании «*А бывает, идёшь по улице, кругом дети чужие – разговорчивые. Сердце кровью обливается*» (Чижова, 2011: 14) ФЕ «сердце кровью обливается» употребляется в значении «испытывать острое чувство душевной боли, жалости, сострадания».

Близким по эмоциональности выступает ФЕ *сердце замирает* в значении «испытывать сильный страх и плохое предчувствие». Так, молодая женщина, героиня романа, испытывая страх за судьбу дочери, произносит: «*Всё, сердце замирает, кончается*»

(Чижова, 2011: 14). Неотзывчивого, бесчувственного, чѣрствого человека характеризует ФЕ *сердца нет*. В речи героинь встречаем следующее выражение: «Или **сердца у тебя нету**» (Чижова, 2011: 169).

Известно, что в русской языковой картине мира особой значимостью обладает душа – орган внутренней жизни человека, средоточение его внутреннего мира, самое ценное, что есть у человека. Душа – ключевой концепт для понимания русского менталитета.

В романе Е. Чижовой женщины-героини используют в своей речи фразеологизмы со словом *душа* для передачи как позитивных, так и негативных эмоций.

Так, ФЕ *душа радуется* употребляется в значении «приподнятое настроение, ощущение радости и счастья»: «**Оглянешься, душа радуется: золото горит, вспыхивает – так жаром и обольѣтся**» (Чижова, 2011: 25).

Фразеологизм *душа ангельская* выражает значение чистоты, доброты и невинности. В романе этот фразеологизм употребляется по отношению к ребенку, который ассоциируется у женщин, прежде всего, с ангелом, а значит, и с Богом: «**Это она, душа ангельская, про немоту свою понимает**» (Чижова, 2011: 24).

Негативное эмоциональное состояние героини передает ФЕ *душа чернеет*. Так, героиня романа Е. Чижовой, вспоминая своего умершего во младенчестве ребёнка, провозносит: «**Как погляжу на рубашечку, душа чернеет**» (Чижова, 2011: 19).

2. Фразеологизмы с соматическими компонентами *глаз* и *ухо* служат для обозначения восприятия действительности

Глаза и их открытость символизируют получение информации и её достоверность и являются важными выразителями эмоций и чувств. В речи героинь романа встречаются фразеологизмы, имеющие соматизм *глаза*: «**Она ж о своих надеется – увидит хоть одним глазком**» (Чижова, 2011: 169); «**Взглянуть хоть одним глазком...**» (Чижова, 2011: 171). ФЕ *увидеть хоть одним глазком* употребляется в значении «очень хочется, любопытно взглянуть, посмотреть на кого-либо, что-либо».

Ухо, как и глаз, – орган, воспринимающий информацию извне (только не зрительную). Фразеологизмы, включающие в свой состав соматизм *ухо*, обозначают способность узнавать и слушать. Уши ассоциируются с тайной, с желанием её выведать. В романе встречаем этот фразеологизм в следующем высказывании: «**А то, ишь, уши развесила**» (Чижова, 2011: 35). Здесь ФЕ *уши развесила* употреблен в значении «заслушавшись, не реагировать на что-либо важное, забывать о своём деле».

3. Фразеологизмы с соматическими компонентами, обозначающими части тела и лица (*голова, рот, губы, язык, шея*) служат для обозначения поведения человека.

Так, фразеологизмы с соматизмом *голова* обозначают рассудительность и ум или их отсутствие. Например, в высказывании «**В жизни всякое бывает, а головы не террай**» (Чижова, 2011: 61) ФЕ *потерять голову* представлена в значении «попасть в затруднительное положение, теряться, не знать, как поступить». О несообразительном, неловком, нерасторопном человеке женщины говорят «**Голова моя садовая, ничего не помнит**» (Чижова, 2011: 46)

Отрицательная оценка поведения человека заключена в значении ФЕ *пронести/ (не) пронести мимо рта*, имеющего соматизм *рот*. Например, «**Вот и я думаю: то ли я дура непонятная, то ли они шибко умные – мимо рта не пронесут...**» (Чижова, 2011: 58). ФЕ *мимо рта не пронесут* употреблен в значении «не упустить возможности получить что-либо, попользоваться чем-либо».

Фразеологизмы с соматизмом *губы* обозначают внешне выраженное недовольство человека чем-то. Например: «**А та губы дует: трубы, говорит, прокладывают**» (Чижова, 2011: 22). ФЕ *дует губы* употреблен в значении «сердиться, обижаться, делая недовольное лицо; выразить недовольствие, досаду».

Известно, что язык символизирует передачу информации. В речи героинь романа встречаем: «**У людей языки длинные, дурные**» (Чижова, 2011: 15). В данном примере ФЕ *длинный язык* употребляется в значении «болтливость, несдержанность в разговоре» и имеет отрицательную оценочную коннотацию.

Фразеологизмы с соматизмом *шея* обозначают нечто трудное, что должен делать человек. Например: «**Тут и Зоя за неё горой – повесят на шею**» (Чижова, 2011: 159). ФЕ *повесить на шею* указывает на нежелание героини обременять себя чем-либо.

Фразеологизм, имеющий в своём составе соматизм *кость*, обозначает старание человека сделать что-либо очень хорошо. Например: «**Костью лягу...**» (Чижов, 2011: 28);

«Тут старухи и явились – **костьми легли**» (Чижова, 2011: 15). ФЕ *лечь костьми* имеет значение «стараться изо всех сил сделать что-либо».

Соматические фразеологизмы являются универсальным средством номинации различных объектов и явлений реального мира, демонстрируя тем самым принцип антропоморфного мировосприятия, соизмерения окружающей действительности с образом самого человека. Таким образом, гендерная специфика соматических фразеологизмов заключается в выражении отношения «слабого пола» к окружающей действительности, и позволяет раскрыть культурную специфику стереотипов, присутствующих в любом обществе.

Литература

Алефиренко, Н. Ф., Золотых, Л. Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Эдпис, 2008. – С. 445-451.

Беличенко, Е. А. Функционально-грамматическое варьирование лексики со значением частей тела человека (на примере существительных и глаголов *back, hand, head* и *shoulder*): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1999. – С. 32.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд. стер. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА. – 784 с.

Вакк, Ф. О. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Таллин, 1964.

Воронина, О. А. Теория и методология гендерных исследований. – М., 2002.

Гак, В. Г. Русская динамическая языковая картина мира / В. Г. Гак // Русский язык сегодня. – М., Азбуковник, 2000. – С. 36-45.

Земская, Е. А., Китайгородская, М. А., Розанова, Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М., 1993.

Назаров, О. Сопоставительный анализ соматической фразеологии русского и туркменского языков : автореф. дис. . канд. филол. наук / О. Назаров ; Туркм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Ашхабад, 1973. – 30 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ. А. И. Фёдоров, 2008.

Ярцев, Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. – М.: Рус. яз., 1997. – 845 с.

Summary. The article focuses on gender-specific somatic phraseology. The author offers an analysis of phraseological resources of novel “Women’s Time” by E. Chizhova. These resources embody stereotypes, values and characteristics, inherent depicted female characters in the novel.

Маслова Ю. В.

СМЫСЛОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОЛОРАТИВОВ В ИДИОМАТИКЕ РОК-ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА*

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ziltsova@mail.ru

Возникновение фразеологических единиц (ФЕ) непосредственно связано с формированием метафорических значений их колоративных компонентов, а на появление метафорических значений прилагательных-колоративов решающее влияние оказала символика цвета. Знание кооммуникативно-прагматических свойств устойчивых словосочетаний, в состав которых входят колоративные компоненты, крайне важно для успешной межкультурной коммуникации, поскольку такие ФЕ выступают яркими маркерами этноязыкового своеобразия того или иного языка. Они несут на себе отпечаток образного восприятия мира, отражают наиболее значимые реалии культурного, социального, исторического и религиозного сознания. Однако они, по нашим наблюдениям, являются элементами прозаического дискурса, о чем свидетельствуют многочисленные исследования колоративной фраземики. Сфера рок-поэтического текста в этом отношении остаётся *terra incognita*. Как убеждают предварительные наблюдения, рок-поэтический текст, несмотря на свою

---

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2013 гг. №14.А18.21.0993.

«фразеологическую скудность», все же использует средства фразеологической номинации, поскольку они позволяют выразить экспрессивность, выразительность и интенсивность проявления чувств автора, исполнителя и слушателя. Благодаря этим языковым единицам создаётся главный категориальный эффект: наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности. В частности, экспрессия рок-поэтического текста создаётся отбором ФЕ определённых тематических групп, окказиональным введением нестандартной фразеомобразующей лексики, в рамках которой достаточно экспрессивной в рок-поэзии является цветообозначающая лексика.

Цвет и цветовая символика являются средствами субъективной интерпретации познаваемой действительности. В стремлении древних культур разобраться в мировом разнообразии, обосновать своё видение многообразного мира этнокультурные сообщества создали определенные виды цветовой символики. В язык закрепились устойчивые толкования цветовой символики: *красный* – любовь, *белый* – невинность, а *черный* – смерть. Так, у древних майя Центральной Америки с различными цветами ассоциировались стороны света: восток – с красным, север – с белым, запад – с черным, юг – с желтым, тогда как в Древнем Китае с востоком, с югом, с западом, с севером и с центром соответственно ассоциировались синий, красный, белый, черный и желтый цвета. В европейской цветовой символике красные розы означали любовь, страсть, тогда как в Древнем Египте все красное (цвета охры) считалось угрожающим и опасным (Истомина, 2003: 935). Мыслители прошлого понимали, что естественная жизнь всякой самобытной культуры заключается в постоянном создании для выражения своего духа новых символических форм, новых культурных концептов, возвращенных на почву родной культуры (Алефиренко, 2010: 9).

В классификации, разработанной в психологии, выделяются две группы цветов: первая из них включает теплые, «стимулирующие» цвета, связанные с процессами активизации и напряжения (*красный, оранжевый, желтый и белый*), а вторая группа состоит из холодных, «тормозящих» цветов, соотносимых с процессами расслабления и пассивизации (*синий, индиго, фиолетовый и черный*). *Зеленый* цвет может относиться к обеим группам, поэтому наделяется статусом переходного.

Цвет глубочайшим образом включен в этнокультурное сознание и биологически связан с психогенетическим кодом каждого человека. Это было известно издревле. День сегодняшний не только требует перевода веками накопленных знаний на язык современной науки, но и осмысления колоративной лексики в контексте создаваемой в лингвистике культурно-когнитивной парадигмы. Понятие цвета профессионально важно для медиков и художников, психологов и строителей, педагогов и рекламщиков, ученых и политиков. Объясняется это тем, что (а) цвет служит средством репрезентации душевного состояния, (б) цвет родственен психическим процессам, (в) цвет, наконец, близок самому важному, самому глубокому и сокровенному человеческой души.

Нельзя не видеть и экспрессивный потенциал фразеологических цветообозначений. Неслучайно экспрессионизм – направление в словесном искусстве, провозглашающее основой художественного изображения подчёркнутую выразительность вербального образа. Это искусство основывается на резких, тревожных красках, искусство «словесного крика». Основной предмет изображения в рок-поэтическом экспрессионизме – внутреннее переживания человека (боль, страдания, любовь, вера, надежда), выраженные предельно эмоционально, как вопль отчаяния или безудержно восторженное утверждение. Рок-поэзия уже сама по себе, по сути своей экспрессивна. Каждый уровень столь необычного вида словесного творчества, от самого простого – фонетического – до наисложнейших – синтаксического и фразеологического) работает в одном направлении. При этом фраземикой выполняется изначально четко поставленную задачу перед рок-поэзией – выражать чувства, выплескивать эмоции, обнажать проблемы, искать пути выхода. Так и колоративная фраземика, присутствуя на всех уровнях, автоматически обрастает экспрессивностью. Но именно в этом виде искусства цветообозначающая фраземика имеет особенность, отождествляющую фактор экспрессивности рок-поэзии. Функция колоративной фраземики в рок-поэзии необычна, поскольку она, как правило, заменяет собой всё дискурсивное содержание номинируемого объекта, а символика колоративной лексики, входящей в состав фраземы, зачастую не берет во внимание общепринятые, устоявшиеся веками смыслы.

Предметом нашего исследования стали смысловые изменения в символике колоратива *белый* в текстах русских рок-поэтов, принадлежащих или относящих себя к на-

правлению «Легкий рок»: Дианы Арбениной (группа «Ночные снайперы»), Александра Васильева (группа «Сплин») и Светланы Сургановой (группа «Сурганова и оркестр»).

Белый – исконно родственно др.-инд. «bhalam» «блеск», «bhati» «светит, сияет», лит. «boluoti» «отливать, белеть», а также с греч. «светлый, белый», слов. «beli», «belizna» – «белизна», чешск. «beleti» – «становиться белым», «beloba» – «становиться белым» (Черных, 2002: 84).

В толковых словарях даются следующие толкования данного цветообозначения:

1. Имеющий цвет мела (молока, снега) при естественном дневном освещении, имеющий цвет противоположный черному, светлый, бледный. *Б. облако, Б. бумага, Б. цвет. Б. флаг* (знак прекращения военных действий: перемирия, сдачи в плен). *Б. золото* (публиц.; О хлопке). Символ нравственной чистоты, невинности (обычно невесты) т. д.

2. Очень светлый, светлее, чем бывает определенным этим словом предмет. *Б. липовый мед. Б. прибрежный песок. Б. пешка* (в противоположность черной). *Б. вещество мозга* (в отличие от серого). *Б. вино* (из светлых сортов винограда). *Б. мясо* (куриная грудка или телятина). *Б. налив* (ранний сорт яблони с очень светлыми, сочными плодами; плоды такой яблони). *Б. нефть* (публиц.; О газовом конденсате). *Б. соус* (с добавлением молока, сметаны, муки и т. п.). *Б. уголь* (публиц.; О гидроэнергии). *Б. хлеб* (выпеченный из высших сортов пшеничной муки). Светло-русый, белокурый или седой. *Б., как лен, волосы славянок. Б. борода. Б., как лунь, старик.* Близкий по оттенку к молоку; матово-бледный (народно-поэтич. как воплощение народных представлений о красоте девушки; ирон., как признак барства). *Б. кожа. Б. кожа. Б. лицо, тело: Красавица румяна и бела, боится замарать свои белые ручки. Стал бел, как мел, стена, полотно* (побледнел от страха, гнева, волнения и т. п.).

3. Лишенный интенсивности, дополнительной окраски или необычайно яркий, слепящий (о свете, освещении, источнике такого света, освещения). *Б. вспышка, Б. холодный, как свет луны. Б. солнце пустыни, Б. прожектор, Б. сигнальные ракеты. В трад.-нар. ясный, светлый. Б. день. Среди бела дня* (днем, пока светло или открыто, у всех на виду).

4. Только полн. трад.-нар. чистый. *Б. горница. Б. половина* (в избе). *Б. изба, баня* (с печью – дымоход, который выведен через крышу наружу, в отличие от черной) // Связ. с добром; нравственно безупречный. *Б. магия. Рубаха черна, да совесть бела* (посл.). *Бело твое платье, а душа еще светлей!* (Тург.)

5. Принадлежащий к европеоидной расе, светлокожий (обычно в противопоставлении цветному населению). *Как белые люди* (комфортабельно, благоустроено).

6. Только полн. В первые годы советской власти: действующий или направленный против советской власти, контрреволюционный (противоп.: красный, революционный). *Б. армия, Б. террор.*

Кроме имеющихся словарных значений, еще существует ряд фразем, в состав которых входит данное прилагательное. Ср.: *Б. ворона* (о человеке, резко выделяющемся среди других, непохожем на окружающих); *Б. горячка* (тяжелое заболевание, возникающее вследствие алкоголизма и, сопровождающееся бредом, галлюцинациями); *Б. духовенство* (часть православного духовенства, не дающая обетов строго воздержания, безбрачия, в отличие от черного (монашеского) духовенства. *Б. земли* (в России в XIV-XVII вв. земли феодалов и духовенства); *Б. кость* (о человеке знатного происхождения); *Б. места, Б. пятна*: неисследованные или малоисследованные районы; о неисследованных, нуждающихся в ответе, разрешении, вопросах, проблемах и т. д.

В вост.-славянской этнокультуре белый цвет, включающий все цвета спектра, является символом чистоты, невинности (как телесной, так и душевной, духовной), совершенства, универсальной силы, Абсолюта, обладает позитивной оценкой (Василевич, 1987: 18). В восприятии же лирической героини Д. Арбениной он приобретает негативную символику, ассоциируясь, как и черный, со страхом, капитуляцией, холодностью и враждебностью. Таковым он выступает, например, в песне «Только шум на реке»: «*поплыву по воде среди белого льда // и лед будет биться о мои руки и плечи // и будет царапать мою шею и грудь...*». Образ как форма отражения воспринимаемых вещей и явлений представляет действительность в виде целостной картины, хотя не все ее детали обязательно явно выражены. Чаще всего угадываемый смысл целого заставляет воображение «дорисовывать» недостающие черты так, что человек и не подозревает об этих дополни-

тельных усилиях психики (Алефиренко, 2010: 18). С другой стороны, белый цвет, как и черный, часто символизирует абсолютный покой, пустоту, отсутствие жизни, поэтому не случайно обилие белого в ранней песне «Я раскрашивал небо», где герой, видя пугающую его первозданность и пустоту чистого белого неба (за ним видится чистота, первозданность и пустота всего мира), хочет добавить в него иные краски. Но ему мешает присутствие некой загадочной тени:

*Я раскрашивал небо, как мог,
Оно было **белым**, как **белый день**.
Я лил столько краски на небеса,
Но не мог понять, откуда там тень.
Это было в жаркий июльский день,
Когда болота горят,
Когда зажигается дом
От одного взгляда*

Являясь спутником смерти в культурах разных эпох, белый цвет и здесь проявляет свою амбивалентность. С одной стороны, это цвет траурных одежд, традиционно бесцветных и белых в Китае, Японии, в Древнем Риме и во всей Европе. В течение многих веков он означал не печаль, а посвящение в новую жизнь, ожидающую умершего (Кормильцев, 1998: 15). Такова семантика белого цвета в песне Д. Арбениной «Только ты», хотя в ней и нет речи о начале новой жизни, белый здесь просто – знак свершившейся смерти, причем текст написан в будущем времени:

*Когда ты умрешь, будет самый красивый закат,
Случатся все молнии, грозы и все дожди
Белее снега рубашкой накрою тебя,
И снов пожелаю тебе самых крепких снов*

С другой стороны, в христианской культуре это особый цвет: при преображении Христа «одежды... Его сделали белыми, как свет», это также цвет одежд Девы Марии на некоторых иконах (что символизирует чистоту и невинность), ангелов, священников для важнейших христианских праздников. У Д. Арбениной также есть упоминание о белых одеждах, которые становятся в ее интерпретации символом начала новой жизни, не обязательно жизни после смерти, а просто другой, новой (например, вдали от любимого человека): «**белые одежды** надевай // волосы по плечи расти».

Подобное значение белого цвета обнаруживается и в песне альбома «Тригонометрия-2» «Опасное лето» (2004), текст которой представляет собой размышление о пройденном жизненном пути, о дружбе, любви и предательстве и передает тоску Д. Арбениной по новой, светлой, чистой жизни, символ которой видится ей в белой рубашке:

*Ветер песни кружит, ветер песни крошит
Я меняю рубахи, а **белой** по-прежнему нет.*

Таким образом, в творчестве Д. Арбениной отчетливо прослеживается мотив «белой рубахи», проходящий от первого альбома «Детский лепет» до последнего «Тригонометрия-2» и символизирующий новую, чистую жизнь.

Александр Васильев, возможно, также и в силу названия своей группы («Сплин» – хандра, грусть, неопределенность), наделяет белый цвет отрицательной символикой.

*А здесь даже дети умеют вдыхать этот **белый**, как снег, **порошок**
И дышат на стекла и пишут, что выхода нет.*

Белый здесь соседствует с грехом – наркоманией. И грех этот совершают дети. Аналогичное явление обнаруживается и в других текстах:

*Я пил очень долго воду с парами бензина,
Я видел глаза в кислоте.
Я стал веселей после полбутылки джина
И стал на последней черте.
И волны плескались на уровне крыши,
И **белая пена** неслась.
Ты можешь кричать, но никто не услышит,
Никто не хочет, чтобы ты спаслась.
Добро пожаловать!
На этот **белый свет**, привет!*

Индивидуально-авторская идиоматизация словосочетаний с компонентом *белый*

поддерживается всем ирреалистическим контекстом. Ср.: *на последней черте* (на пределе допустимого), *белая пена* (наркотическое опьянение), *добро пожаловать* (приглашение в мир, в котором, на самом деле, нет добра), *белый свет* (мир хандры, грусти, тоски).

Светлана Сурганова как рок-автор не столь оригинальна в наделении колоративной лексики авторской символикой. В тексте «Белый ангел» звучит мотив хоть и грустной, но надежды, хоть и печали, но не глубокой:

*Ангел, ангел, **белый ангел во плоти,**
Голос твой – звучанье грусти и любви,
Озера глаз, в которых сладостно тонуть,
Глоток в жару, огонь смотрящий в темноту.
Черный день стал **белым – белым,**
Мы не виделись с весны.
Закружили вихрем нежным
Незабытые мечты.*

Фразема *ангел во плоти* в данном контексте расширяет свой компонентный состав за счёт колоратива *белый*, который расширяет смысловое содержание всей фраземы, как и повтор первого, узуального, компонента *ангел*. В результате фразема *ангел во плоти* здесь оказывается носителем диффузной семантики: 1) кроткая сердцем, 2) небесное создание и 3) просто прелестная женщина. В других контекстах фразема *ангел во плоти* выражает одно из этих значений. Ср. расхожие в Интернете стихотворные строки: *Я женщина до кончиков ресниц, // Я **ангел во плоти** – внутри и с виду. // Но не люблю фальшивость слов и лиц, // Терпеть не стану грубость и обиду*. Здесь речь идёт о вполне земном и прекрасном создании (сердце у неё не кроткое, далеко не небесное созданье).

А в «Белой песне», фразеологизированном названии рок-поэтического текста и вовсе лишь угадывается скрытая идиоматическая символика колоратива *белый*: здесь прямые значения колоратива *белый* несколько погашаются контекстом: *Белым, белым, кроет снегом // Зелень глаз твоих*. – Холодный взгляд зеленых глаз, которые словно кроют *белым-белым снегом*. Затем вновь появившееся окказиональное значение – *белый* как символ седины снова возвращает нас к нестандартному стилю поэтического мышления рок-поэзии: *Белым, белым станет корень // В волосах моих...*

Итак, цветовая картина мира в текстах рок-поэтического жанра отражает индивидуальность поэтического сознания автора, а сам «язык колоративов» отражает ментальность той этнокультуры, которая формирует концептосферу каждого рок-поэтического текста. И это закономерность: цветовая символика фразем служит носителем преломленных авторским сознанием социально значимых жизнесмыслов (Маслова, 2001: 105). Смысловое содержание фразем, как показывает анализ, может подвергаться существенным авторским модификациям, в зависимости от того колоративного символа, который кодируется его поэтическим мышлением.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Символ как антропологическая категория / Н. Ф. Алефиренко // Антропология языка: сб. статей. Вып. 1. – М.: Флинта-Наука, 2010. – С. 8-30.
- Василевич, А. П., Кузнецова, С. Н., Мищенко, С. С. Каталог названий цвета в русском языке. – М., 2002. – 160 с.
- Гриднева, Т. В. Когнитивная основа фразеологической семантики // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. (Варна, 17-23 сентября 2007 г.). – София, 2007. Т. 2. – С. 99-103.
- Кормильцев, И., Сулова, О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. – Тверь, 1998. – 287 с.
- Маслова, В. А. Лингвокультурология. – М., 2001. – 298 с.
- Рогалевич, Н. Н. Словарь символов и знаков / Автор-составитель Н. Н. Рогалевич. – М.: Харвест, 2004. – 512 с.
- Федоров, Е. В. Рок в нескольких лицах. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 248 с.
- Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка в 2 т. – М.: Русский язык, 2002. – 643 с.
- Энциклопедический словарь символов / Автор-составитель Н. А. Истомина. – М.: АСТ Астрель, 2003. – 1056 с.
- Fink, Želka. Frazeologija u prirodnom znanostima, prirodne znanosti u frazeologiji / Želka Fink//Frazeologické štúdie. IV / Milada Jankovičová, Joyef Mlacek, Jana Skladaná editori. – Bratislava: «Veda», 2005. – S. 23-31.

Spaginska-Pruszek, Agnieszka. Intelkt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwatskiej (z problemów językowego obrazu świata) / A. Spaginska-Pruszek.. – Gdansk: Wyd-wo uniwersytetu Gdanskiego, 2003. – 347 s.

Summary. The article discusses the changing of coloratives' meaning in rock poetry. The main idea of this article is to describe the difference between the conceptual meaning of coloratives in the dictionary and their interpretation on texts of such rock poets as D. Arbenina, A. Vassilev, S. Sarganova.

Пожидаев Р. А.

**ВНЕЯЗЫКОВЫЕ ЗНАНИЯ КАК СМЫСЛОВАЯ БАЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМА
И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ**

Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы
v-neu@ua.ru

Знания человечества об окружающем мире необъятны и формируются под влиянием различных факторов. Философское осмысление бытия природы и самого человека лежит в основе картины мира, выступающей ориентиром для жизнедеятельности людей. Процесс освоения универсума как их жизненной среды аккумулировался в течение культурно-исторического развития народов в научном, эмпирическом и повседневно-бытовом знании, которые передавались от поколения к поколению как опыт постижения действительности.

Различные типы знания как способа осмысления мира получили закрепление в различных формах его презентации – в научных системах, в культуре, литературе, общественных отношениях и т. д. Лингвистический аспект изучения познания мира человеком предполагает исследование так называемых внеязыковых знаний, или знаний, ставших базой для формирования языковой системы. Как отмечают Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, внеязыковые знания представляют собой национально-культурную семантику языка, или **«содержание, не имеющее реляционного, строго системного, относительного характера и в той или иной мере восходящее к особенностям экономики, географии, общественного устройства, фольклора, литературы, всех видов искусства, науки, к подробностям быта, обычаям народа – носителя соответствующего языка»** (Верещагин, Костомаров, 1982: 89).

Общим «лексическим фоном» обладают слова с фоновыми значениями, их производные, фразеологизмы, включающие эти слова в качестве компонентов, пословицы и поговорки, различные клише, крылатые выражения и т. д., что обусловлено разнообразием форм вербализации общего «банка данных» о мире и человеке.

Выражение внеязыковых знаний характерно, прежде всего, для строевых единиц языка – слов и фразеологизмов. Наиболее ярко кумулятивная функция языка проявляется в области лексики, так как именно она непосредственно связана с предметами и явлениями окружающей действительности. Лексическая система в большей мере обусловлена категориями материального мира, социальными (экстралингвистическими) факторами. Существование тех или иных лексических единиц объясняется практическими потребностями людей в разных сферах их жизнедеятельности. В то же время фразеологические единицы, формируясь из слов, тесным образом связаны с семантическим пространством лексики.

Поскольку наш исследовательский интерес вызывают внеязыковые знания, выступающие основой словопроизводства, дадим характеристику способов закрепления внеязыковых знаний о мире во фразеологизмах, выступающих, наряду со словом, производящей базой для новых слов.

Как известно, фразеологический фонд языка отображает образное осмысление народом окружающей его действительности и поэтому является ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа. Как результат специфического способа вторичного осмысления отображаемой действительности, выражаемый устойчивыми образными оборотами языка, выступает фразеологическая картина мира (ФКМ).

Как известно, фразеологизм по своей номинативной функции совпадает со словом, так как служит обозначением явлений действительности на основании определенных,

устоявшихся в данной языковой общности представлений о реалиях окружающего мира. Особенности мировосприятия влияют на формирование целостного фразеологического значения, представляющего собой сложное явление.

Вместе с тем фразеологизмы отличаются от слов по своему строению: слова являются цельнооформленными единицами, а фразеологизмы – раздельнооформленными. Как раздельнооформленные единицы фразеологизмы состоят из двух и более слов и имеют свою структуру. Данная структура характеризуется особенностями грамматического построения: слова-компоненты стоят в определенной грамматической форме, вступают в синтаксические связи друг с другом, имеют определенный порядок следования. Общее же смысловое наполнение устойчивых единиц всегда связано с семантикой его компонентов.

Е. И. Диброва, подчеркивая генетическую связь фразеологической семантики со значениями компонентов устойчивой единицы, пишет: «Привычка использовать слово в качестве строительного материала для выражения нашей мысли настолько велика, что фразеологизмы все время находятся под непрерывным лексическим давлением со стороны всей совокупности форм и значений словесной системы» (Диброва, 1979: 3). В основе образности ФО лежит, отмечает она, переосмысление «первоначального денотата», названного компонентом (или компонентами) ФО. Генетически являясь речевым произведением, фразеологизм в определенной степени сохраняет связи с его исходным «строительным материалом» – со словом, значение которого может «просвечивать» сквозь внутреннюю форму ФО или может быть восстановлено в результате диахронического анализа семантики оборота. В нашем исследовании данный тезис имеет важное значение, поскольку он указывает на теснейшую связь лексической и фразеологической семантики, формирующейся на базе единого смыслового поля. А это отражается и в процессе словообразования. Р. Х. Хайруллина в работе «О полярной структуре языковых единиц с фоновой семантикой» пишет о реализации общих внеязыковых знаний в семантике слова, его дериватов и фразеологизма, в состав которого входит данное слово (Хайруллина, 1991: 201). Рассматривая фразеологизм в качестве производящей базы, мы исследуем словообразовательный потенциал как самой фразеологической единицы, так и слов-компонентов, которые, кроме фразеобразующей роли, могут самостоятельно участвовать в процессе словопроизводства, при этом наследуя целостное фразеологическое значение оборота.

Общая онтологическая база формирования лексической и фразеологической семантики может объединить, на первый взгляд, разнородные по значению единицы. Например, значения ФО *на полную катушку*, *попасть впросак* и членов одного словообразовательного гнезда глаголов *раскрутить*, *скрутить* семантически восходят к знаниям об изготовлении ниток, веревок, канатов и др. подобных предметов из натурального сырья для соединения, связывания, крепления отдельных частей чего-либо, о ремесле изготовления этих бытовых предметов (инструментах, станках, сырье). «Полная катушка ниток» ассоциируется с большим количеством, которое обусловило формирование фразеологического образа интенсивности действия. Глагол *раскрутить* (кого-л.) в современном сленге имеет значение – «получить от кого-либо какие-то материальные блага в большом количестве» (например, раскрутить кого-то на подарки, деньги, угощение).

Большой интерес вызывает словообразовательный потенциал фразеологических единиц (далее – ФЕ), выступающих логической, смысловой, а иногда и формальной мотивирующей базой для новых слов. С одной стороны, сам фразеологизм генетически мотивируется лексическими значениями компонентов свободного словосочетания, к которому оно семантически восходит. Например, семантика компонента фразеологизма **во-льнка** как лексемы базируется на фоновых знаниях о характере ее звучания – «издает протяжные, заунывные, монотонные звуки», что послужило семантической мотивацией переносного значения. Описание техники игры на волынке – **тянуть волынку** – стало базой для образного обозначения затягивания дела и перешло в разряд устойчивых единиц. С другой стороны, фразеологическая единица, аккумулирующая культурный опыт (игра на музыкальном инструменте), в языковой практике еще более сжимается, образуя глагол **во-льнуть**, семантика которого синонимична семантике фразеологизма.

Таким образом, можно говорить о двоякой мотивации глагола – от имени существительного и от фразеологизма, в состав которого оно входит в качестве компонента.

Русские фразеологизмы достаточно часто выступают мотиваторами новых слов, и в частности глаголов, хотя от них могут образовываться слова и других частей речи.

Например: **бить челом – челобитная, руки прикладывать – рукоприкладствовать, собаку съест – насобачиться (жаргонное), тянуть канитель – канителиться, сто чертей – осточертеть, шапками закидать – шапкозакидательство** и другие.

В отдельных случаях сама мотивирующая база – фразеологическая единица – может перейти в пассивный состав языка, устареть, а его производное активно функционирует в языке. Тогда общие фоновые знания носителей языка как бы стоят за производным словом.

Так, производный глагол **опростоволоситься** в свое время был образован от словосочетания *простые волосы*, то есть волосы, не укрытые платком. До сих пор в русском языке существует слово *простоволосая*. Знания о русской традиции – замужней женщине на людях нельзя было появляться без платка, головного убора, это считалось зазорным, неприличным и расценивалось как нарушение норм домостроя – фигурирует в произведениях народного творчества, в художественной литературе (ср. М. Ю. Лермонтов. Песнь о купце Калашникове). Именно культурологическая мотивация помогает объяснить формирование значения глагола **опростоволоситься** – оказаться в неловком положении, опозориться, допустить промах, ошибку.

Словообразовательный потенциал фразеологических единиц характеризуется наличием своих словообразовательных моделей, частеречной принадлежностью производных от устойчивых единиц слов.

В отфраземном словообразовании можно выделить 2 подтипа мотивационных отношений между производящей базой – ФО и ее производным:

1. Опосредованная мотивация (**собаку съест – собака – насобачиться, гнуть горб – горб – горбатиться**), когда в роли семантической базы производного слова выступает сам ФО, а существительное-компонент фразеологизма, закрепляя его образное значение, формально становится производящим в процессе деривации. В семантике слова, например, *горб* нет значения «работать, выполнять тяжелую физическую работу», а в производном глаголе она есть.

2. Двунправленная мотивация (**тянуть волюнку – волюнка – волюнить, тянуть канитель – канитель – канителиться**). В данном случае семантика деривата может формироваться как на основе семантики формально мотивирующего новое слово существительного, так и аккумулировать переносно-образное значение ФО.

В данном случае трудно определить первичность формирования наследуемой производным словом семантики, поскольку можно говорить как о переносном значении существительного, так и о фразеологически связанном его значении внутри словосочетания. Например, у слова *канитель* есть переносное значение «делать что-либо медленно, с ненужными проволочками», которое было мотивировано фоновыми знаниями о технике изготовления серебряных и золотых нитей из проволоки. Тянуть канитель – это описание данной техники.

Производные от фразеологических единиц слова могут быть по своей словообразовательной структуре простыми и сложными.

Например: *канителиться, волюнить, горбатиться, насобачиться* – простые слова, *осточертеть, челобитная, рукоприкладствовать, опростоволоситься, горемычный* – сложные слова. В зависимости от словообразовательной структуры производных различны и способы словообразования. Простые производные обычно образуются суффиксальным, глаголы – и суффиксально-постфиксальным способами, сложные же слова чаще всего образованы сложно-суффиксальным способом, и в их состав в качестве базы входят оба компонента фразеологической единицы, мотивирующей производное слово.

Внеязыковые знания, выступающие основой фразеологической образности, отражают практический опыт людей в сфере быта, ремесел и промыслов, традиций и обычаев, методов народной медицины, семейных взаимоотношений и многих других сфер жизнедеятельности народа. Также во фразеологии получают образное осмысление конкретные актуальные, типичные житейские ситуации. Логической основой ФО становятся параметрические характеристики предметов и явлений, описание различных действий по отношению к объекту, признаки действия, количественная характеристика реалий и явлений, описание их структуры и расположения в пространстве и т. д. Это обуславливает морфо-

логическую структуру ФО – именные, глагольные, количественные и наречные словосочетания.

Деривационный потенциал фразеологических единиц зависит от компонентного состава, его морфологической структуры и актуализации внеязыкового содержания в призме национального мировидения. Как показывает наше исследование, наибольшим потенциалом обладают ФО глагольной структуры.

Литература

Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение. – М., 1982. – С. 89-98.

Диброва, Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.

Хайруллина, Р. Х. О полярной структуре языковых единиц с фоновой семантикой / Р. Х. Хайруллина // Теория поля в современном языкознании. Уфа, 1991, Ч2. – С. 201-203.

Summary. The article is devoted to the study of word-building activity of Russian phraseological units. It provides characteristics of formal and semantic relations between phraseological unit and its derivatives, describes the types of derivative words, established on the basis of all of sustainable turnover or on the basis of its individual components.

Продан Ю. П.

ТЕРМИНЫ-ФРАЗЕМЫ В СЛОВАРНОМ ОПИСАНИИ

(на материале «Толкового словаря современного украинского языка: Профессиональная лексика» под ред. В. С. Калашника, 2009)

Украина, г. Каменец-Подольский, Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко
yulia_prodan25@mail.ru

Впервые вопрос о взаимодействии «терминологизмов» и фразеологических единиц был затронут еще В. В. Виноградовым, который считал, что любые термины, выражения, попав в общелитературный язык из научной сферы функционирования, профессиональных диалектов, хранят статус фразеологических единств (Виноградов, 1977). В этой связи Т. Н. Федуленкова отмечает, что терминосистема и фразеологическая система не могут находиться в оппозиции резкого противопоставления, так как они имеют осязаемую грань пересечения: некоторые терминологические единицы приобретают статус фразеологических единиц в силу переосмысления своего компонентного состава, а некоторые фразеологические единицы подвержены терминологизации. Интенсивная семантизация многих заимствованных сочетаний слов терминологического характера и активная адаптация к новым условиям функционирования способствует регулярному расширению фразеологического фонда в области терминосистем (Федуленкова, 2009: 165).

Проблема соотношения терминологических словосочетаний и фразеологических единиц является дискуссионной в современном языкознании. Одни исследователи (Л. Г. Скрипник, Л. И. Коломиец, Л. Г. Авксентев, Я. Т. Билиця, Я. Ф. Баран, Л. Д. Малевич) не отрицают факт существования терминов с метафорическим значением компонентов, хотя и выступают против отождествления терминологических словосочетаний с фразеологизмами, отмечая при этом, что некоторые индивидуальные признаки фразеологических единиц противоречат сути термина как единице номинации. Другие (Н. М. Шанский, В. П. Жуков, О. А. Шиленко, М. В. Смирнова), наоборот, активно изучают процессы фразеологизации терминов и переход их к фразеологической системе, а также обратное явление – терминологизацию фразеологизмов. Б. О. Михайлишин, исследуя пути пересечения фразеологизмов и терминологических словосочетаний, отстаивает мнение, что промежуточным звеном между ними являются устойчивые словосочетания (Михайлишин, 1999: 49).

Терминологические словосочетания, которые приобрели новые значения и новые внешние связи, употребляются за пределами специальных областей и в этом значении функционируют в общелитературном языке, составляют довольно обширную группу в составе фразеологического словаря украинского языка. По этому поводу С. В. Дружбяк

говорит о различии общелитературных и профессиональных фразеологизмов, учитывая мнение немецкого лингвиста М. Думе о том, что профессиональные фразеологизмы обозначают состояние предметов или объектов, которые имеют терминологический характер и поэтому воспроизводятся как устойчивые структурные обороты. Терминологический характер таких оборотов выражается в том, что, по крайней мере, хотя бы один компонент словосочетания связан с профессиональными понятиями (Дружбяк, 2009: 225).

Процесс возникновения устойчивых, связанных сочетаний слов, постепенного приобретения свойств фразеологизма называется фразеологизацией (Енциклопедія, 2000: 708). **«Процесс фразеологизации очень часто теснейшим образом связан с явлением актуализации. Прежде свободные, неактуальные выражения могут стать актуальными и перейти в разряд фразеологизированных образований. Актуализация приводит к превращению свободных оборотов в несвободные (устойчивые, производящиеся в речевом акте языковые единицы)»** (Ройзензон, 1961: 113).

Фразеологизация терминологических словосочетаний как лингвистическое явление активно исследуется русскими лингвистами, в частности К. П. Сидоренком (изучает проблему статуса фразеологизмов терминологического происхождения) (Сидоренко, 1973), В. Н. Сергеевым (исследует переход устойчивых и свободных словосочетаний, составными частями которых являются термины изобразительного искусства, в число фразеологических единиц) (Сергеев, 1964), С. А. Сасиной (сопоставляет фразеологизацию терминологических устойчивых словосочетаний в современном английском и русском дискурсах) (Сасина, 2007), В. А. Киселевой (акцентирует внимание на активных процессах фразеологизации в современном спортивном (футбольном) дискурсе) (Киселева, 2009).

Целью данного исследования является описание устойчивых словосочетаний, имеющих признаки термина и фразеологизма, их классификация, определение степени терминофразеологизации. **Объектом** – являются термины-фраземы «Толкового словаря современного украинского языка: Профессиональная лексика» под редакцией В. С. Калашника (ТССУМ: ФЛ, 2009). Достижение цели предполагает выполнение следующих задач: дать определение понятия «термин-фразема», классифицировать термины-фраземы с точки зрения семантической слитности компонентов.

В современном языкознании нет общепринятого термина для обозначения лингвистической единицы, которая сочетает в себе свойства фразеологической единицы (обладающей идиоматичностью, непроницаемостью структуры, постоянством состава) и термина (имеющего номинативный характер, принадлежащего к определенной терминосистеме, соотносимого с профессиональным понятием). Например, О. А. Шиленко обозначила такие единицы «фразеотерминами» (Шиленко, 2010: 228), а С. В. Дружбяк – «терминами-фразеологизмами» (Дружбяк, 2009: 225).

Мы предлагаем понятие «термин-фразема», под которым понимаем устойчивое словосочетание, которое помимо своего номинативного значения, обладает свойством идиоматичности (имеет фразеологическое значение), принадлежит к соответствующей терминосистеме (обозначает специальное понятие) и активно употребляется в языке профессиональной коммуникации. «В них отражаются сложные с точки зрения объекты и явления профессиональной деятельности, которые не могут быть обозначены однословным наименованием» (Шестак, 2008: 10).

Наличие той или иной степени переосмысления (проявления образного компонента) в исследуемых единицах является основным критерием их разграничения по степени идиоматичности, семантической слитности составляющих их компонентов, отсюда и разграничения их типологических разновидностей.

Исследуя термины-фраземы в ТССУМ: ФЛ (2009), мы обратили внимание на то, что среди 20 000 профессиональных лексем, употребляемых в разных сферах человеческой деятельности (*бухг.* – бухгалтерия, *військ.* – военное дело, *ек.* – экономика, *мед.* – медицина, *спорт* – спортивный термин, *юр.* – юридический термин и др.), словарь фиксирует около 340 устойчивых словосочетаний, из которых 32 – термины-фраземы разной степени терминофразеологизации.

Во введении к «Толковому словарю современного украинского языка: Профессиональная лексика» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 3) написано, что лексикографический источник содержит общенаучные и общетехнические термины, а также лексику современного украинского языка разных отраслей человеческого познания. Словарная статья содержит информацию о развитии значения слова, о его грамматических характеристиках, принад-

лежності к определенній отрасли, а також о наявності синонімів і устійливих словосочетаній. Составители словаря отмечают, что помета отрасли употребления слова не ставится в тех словарных статьях, где толкование термина имеет соответствующее прямое указание.

В основу выделения нами различных типов терминов-фразем положена классификация В. В. Виноградова, разграничивающая фразеологические единицы по признаку семантической слитности компонентов.

Т. Н. Федулєнкова в соответствии с современными тенденциями развития семантики считает возможным подразделение фразеологических оборотов делового английского языка на три группы: 1) фразеологические единицы, полностью сохранившие первоначальное значение (выражения, значение которых тождественно как в разговорном обиходе, так и в языке бизнеса); 2) фразеологические единицы, частично утратившие первоначальное значение (выражения, которые в деловом языке приобретают, благодаря вторичному метафорическому переносу и частичной трансформации компонентов, иное значение); 3) фразеологические единицы, приобретшие собственно новое значение (выражения, которые при семантическом анализе в силу изменения первоначального значения и приобретения рассматриваемыми устійливыми словосочетаниями смысла, отличного от того, который дают значения их компонентов). В случае перехода фразеологических единиц из общеразговорного (литературного) языка в деловой, они либо полностью сохраняют свое первоначальное значение, либо частично утрачивают его, либо приобретают собственный новый смысл (Федулєнкова, 2009: 9).

В. М. Лейчик среди определяемых нами единиц как терминов-фразем выделяет фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания (один компонент которых имеет полное, номинативное значение, второй – переносное, чаще всего метафорическое, а конструкция в целом обладает устійливостью в рамках соответствующей совокупности терминов), и фразеологические выражения (все компоненты обладают полным номинативным значением, а их сочетание является закрепленным, воспроизводимыми целиком) (Лейчик, 2005: 31).

Т. В. Пузевич, распределяя термины-фраземы по признаку семантической слитности компонентов, использует формальный метод выявления свойства идиоматичности И. А. Мельчука (Пузевич, 2009: 122). В соответствии с данным методом термин-фразема является идиоматичным, если в его состав входит хотя бы один компонент, которому в данном обороте приписывается несловарное значение. Т. В. Пузевич выявляет следующие классы терминов-фразем: неидиоматичные термины (фразеологические выражения и фразеологические сочетания), идиоматичные термины (мотивированные фразеологические единства и немотивированные фразеологические сращения) (Пузевич, 2009: 124).

По степени слитности компонентов в исследуемом словаре мы обнаружили три группы терминов-фразем:

1) Терминофразеологические сращения, или идиомы (9 ед. ≈ 28 % от общего количества терминов-фразем, зафиксированных в словаре): *мед., заст.* **грудна жаба** «серцева хвороба, що супроводжується сильним болем у лівій грудні й задишкою» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 136), *юр., дипл.* **модус вівенді** «тимчасова угода, яку укладають зазвичай на короткий термін, якщо немає умов для укладення довготривалого договору» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 216), **розумова машина** «орган мислення в людини» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 349), *мор.* **брати риф** – «зменшувати площу вітрила» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 338);

2) терминофразеологические единства (14 ед. ≈ 44%): *хім.* **гримуча ртуть** «вибухова речовина у вигляді безбарвних кристалів або сірих кристалів» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 353), *фін.* **амортизація боргу** «поступова оплата боргу фізичною або юридичною особою через періодичні грошові внески або викуп зобов'язань» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 23), *військ.* **розсипний стрій** «розташування стрільців ланцюгом на значній відстані один від одного» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 347), *ек.* **повзуча інфляція** «інфляція, що розвивається поступово, повільними темпами» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 170), **евклідова геометрія** «теорія, в якій вивчають властивості фігур, які не змінюються при рухові» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 117);

3) терминофразеологические сочетания (9 ед. ≈ 28%): **людина розумової праці** «інтелігенція» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 349), **нотна азбука** «сукупність нотних знаків, які використовуються для зображення музичних звуків» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 15), **генний банк (банк генів)** «місце зберігання клітин людей, тварин, насіння рослин, використовуваних

для їх розмноження в разі необхідності» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 83), *спорт. важка / легка атлетика* «вид спорту, що охоплює боротьбу, бокс і піднімання тягарів / вид спорту, що включає біг, ходіння, стрибки, метання списа, молота, штовхання ядра» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 37).

По степені терминофразеологізації терміни-фраземи делим на три класи, беря за основу класифікацію Т. Н. Федуленкової:

1) терміни-фраземи, повністю сохранивши первоначне значення: *біол. євстахієва труба* «вузький канал у людини та більшості хребетних тварин, який з'єднує середнє вухо з носоглоткою» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 134), *евклідова геометрія* «теорія, в якій вивчають властивості фігур, які не змінюються при рухові» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 117);

2) терміни-фраземи, частично утративши первоначне значення (терминофразеологічні сполучення, один компонент якого употребляється в своєму первоначальному значенні, а другий має зв'язане значення): *біле / чорне духівництво* «церковнослужителі, що не мають обітниць монашества / церковнослужителі, що взяли обітницю монашества» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 116), *генна інженерія* «розділ молекулярної біології, в якому розроблено теорію й практику конструювання нових сполук генів» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 82), *розпилені ґрунти* «ґрунти, окремі частинки в яких розміром дрібніші за 0, 25 мм у діаметрі» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 343);

3) терміни-фраземи, приобретши собственно нове значення (повністю переосмысленное) (терминофразеологічні сполучення, семантично неделимі, значення компонентів яких незалежні від їх лексического складу): *техн. Δ посудина Дюара* «посудина з подвійними стінками й вакуумом між ними, в якій речовини тривалий час зберігають свою температуру, назва від прізвища винахідника» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 116), *«річ у собі»* «те, що, за визначенням Канта, існує незалежно від людської свідомості й не може бути пізнаним» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 339), *літ. Δ езопова (езопівська) мова* «замасковане висловлювання думок (від імені давньогрецького байкаря – раба Езопа)» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 118).

Основна проблема вивчення статусу терміна-фраземи в лексикографії, по словам І. В. Зиминої (Зиминова, 2009: 262), – це визначення структури й повноти словарної статті. В сучасних дослідженнях словарна стаття розглядається як організований закінчений текст, характерними рисами якого є прагматична установка, комунікативність, інформативність і зв'язок компонентів. Текст словарної статті призначений дати виснажливі відповіді на наступні питання: як організований текст, що в ньому сказано і чому він створений.

Практична фразеологія представляє терміни як матеріал мови, на основі якого здійснюються фразеологічні процеси. Теоретичні установки складових статей словників стосуються розуміння об'єкта фразеології й статусу термінологічних стійких словосполучень, що відображаються тільки в виборі матеріалу й його презентації (Коваленко, 2009: 268).

Стійкі сполучення (терміни-фраземи) в словнику позначені пометою Δ (трикутник), фразеологізми – ◇ (ромб). Складовики словника визначили тільки один фразеологізм термінологічного характеру:

ГАЗ, -у, ч. Речовина здатна поширюватися рівномірно в усьому доступному для неї просторі / Згальна назва подібних речовин для освітлення та опалення.◇**Дати газу** – прискорити рух машини.*син.* Натиснути на газ (ТССУМ: ФЛ, 2009: 77). Ми кваліфікуємо це словосполучення як професіоналізм-фразема, сформований в результаті метафорического переосмыслення. Вивчаючи проблему зв'язку термінів і професіоналізмів в складі спеціальної лексики, О. І. Павлова (Павлова, 2008: 51) виділяє особливості, які допомагають розрізняти ці одиниці: професіоналізми належать до ненормативної спеціальної лексики, а термін – до нормативної частини спеціальної лексики наукової мови; професіоналізми функціонують в усній, розмовній мові, терміни – в письмовій, фіксуються в словниках; професіоналізми виникають в умовах професіонального спілкування як вторинні форми вираження, характеризуються виразністю, експресією; професіоналізми належать до периферії відповідальної термінологічної системи, термін – до центру.

Серед термінів-фразем, засвідечуваних в ТССУМ: ФЛ (2009), зустрічаємо мовні одиниці, зафіксовані й в інших словниках української мови. Сп., наприклад: **езопівська мова** «замаскований спосіб вираження думок з недомовками й натяками» (СУМ, II, 454) – **езопівська мова** «замасковане висловлювання думок. Від імені

давньогрецького байкаря Езопа» (СІС, 1974: 232) – **езопівська мова**, *книжн.* «замаскований спосіб висловлювання з натяками і недомовками» (СФУМ, 2008: 399) – *літ.* **Δ езопова (езопівська) мова** «замасковане висловлювання думок (від імені давньогрецького байкаря – раба Езопа)» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 118) (только составители анализированного нами словаря определили это словосочетание как устойчивое, в нашем случае термин-фразаема); **Δ «річ у собі»** «за ідеалістичним вченням Канта – те, що існує незалежно від свідомості людини і не може бути пізнаним» (СУМ, VIII, 578) – **річ у собі**, *книжн.* «нерозкритий, непізнаний» (СФУМ, 2008: 600) – **«річ у собі»** «те, що, за визначенням Канта, існує незалежно від людської свідомості й не може бути пізнаним» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 339) (отличаются дефиницией и способом фиксации в лексикографических источниках); **Δ брати (взяти) риф (риффи)** «зменшувати площу вітрила» (СУМ, VIII, 545) – **«брати рифи»** «зменшувати площу вітрила при сильному вітрі» (СІС, 1974: 591) – *мор.* **брати риф** – «зменшувати площу вітрила» (ТССУМ: ФЛ, 2009: 338) (в последнем фиксируется отрасль деятельности, но наблюдаем разные способы описания словосочетаний).

При анализе словарных статей в ТССУМ: ФЛ (2009) наблюдаем разные способы подачи материала.

Если термин-фразаема или профессионализм-фразаема функционируют в одной и той же отрасли, что и заглавное слово, то помета отрасли ставится после заглавного слова, например:

ГАРЯЧКА, -и, ж., мед. Хвороба, що супроводжується високою температурою. **Δ Біла гарячка** – психічний розлад від зловживання алкоголем (ТССУМ: ФЛ, 2009: 79).

Если же указанные единицы развивают новое значение заглавного слова, функционируя в другой отрасли человеческого познания, то помета ставится сразу же после них, например:

РОЗСИПНИЙ, -а, -е. Який складається з окремих крупинок або зерен. / Розрізнений, окремих, поодинокий. **Δ Розсипний стрій**, військ. – розташування стрільців ланцюгом на значній відстані один від одного (ТССУМ: ФЛ, 2009: 347).

Есть словарные статьи, в которых не указаны пометы о сфере употребления термина-фразаемы, например:

РЕАЛІЗМ, -у, ч. 1. Творчий метод літератури й мистецтва, що полягає в правдивому відображенні об'єктивної дійсності, напрям у літературі та мистецтві, представники якого застосовують цей метод. 2. Здатність тверезо оцінювати об'єктивні умови, співвідношення сил і т. ін. **Δ Наївний реалізм** – світогляд людини на основі безпосереднього життєвого досвіду (ТССУМ: ФЛ, 2009: 325).

РИСЬ ², -сі, ж. Швидкий алюр – середнє між галопом і ступою (про коней). **Δ Брати рись** – починати бігти риссю (ТССУМ: ФЛ, 2009: 337).

Таким образом, анализ терминов-фразем (преимущественно, поскольку профессионализм-фразаем всего 1 – **дати газу**) в ТССУМ: ФЛ (2009) показал, что самым распространённым способом образования синкретической языковой единицы, которая сочетает в себе признаки и термина, и фразеологической единицы, является профессионально- либо научно-метафорическое переосмысление. Это особый вид метафорического переосмысления, органически совмещающий в себе метафоризацию (образное переосмысление по признаку сходства) и терминологизацию одновременно в одних случаях общеупотребительных слов (напр., **повзуча / галопова інфляція, розпилені ґрунти**), в других – межотраслевых (напр., **чорне / розчинне скло, генна інженерія**) терминов, либо терминов определенной отрасли знания (напр., **гримуча ртуть**), входящих в состав такой единицы. Отметим, что переосмыслению могут подвергаться оба сочетающихся слова (напр., **грудна жаба**), а также одно – либо опорное (напр., **розумова машина**), либо зависимое (напр., **наївний реалізм**). Этот процесс можно назвать терминофразеологизацией, предполагающей несколько стадий, а следовательно и типов терминов-фразем, основную массу которых по предварительным данным (на основе наблюдений над ТССУМ: ФЛ, 2009) составляют фразеологические единства. В лексикографировании таких единиц отмечаем некоторые погрешности, обобщение которых предполагает исследование лексикографических источников разного типа, что собственно и будет объектом наших дальнейших изысканий.

Литература

Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.

Дружб'як, С. В. Терміни-фразеологізми в економічній терміносистемі (на матеріалі німецької мови) / С. В. Дружб'як // *Нова філологія*. Зб. наук. праць за ред. Манакіна В. М. – Запоріжжя : ЗНУ, 2009. № 36. – С. 224-228.

Зими́на, И. В. Проблемы идеографического описания русской фразеологии / И. В. Зими́на // *Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения)* : Материалы Международного научного симпозиума. 4-6 мая 2009 г. / отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: Поморский университет, 2009. – С. 260-263.

Киселева, В. А. Процессы фразеологизации в современном спортивном (футбольном) дискурсе / В. А. Киселева // *Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения)* : Материалы Междунар. научн. симпоз., 4-6 мая 2009 г. / отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: Поморский университет, 2009. – С. 328-329.

Коваленко, Е. Б. Фразеологические единицы терминологического происхождения в словарных описаниях (на материале английского языка) / Е. Б. Коваленко // *Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения)* : Материалы Международного научного симпозиума. 4-6 мая 2009 г. / отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: Поморский университет, 2009. – С. 266-268.

Лейчик, В. М. Исследование терминологизмов в парадигматике: явление антонимии / В. М. Лейчик, Е. А. Никулина // *Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2005. №1. – С. 30-43.

Михайлишин, Б. П. Усталеність як невідмінний показник складених термінів / Б. П. Михайлишин // *Мовознавство*, 1999. №5. – С. 48-50.

Павлова, О. І. Терміни, професіоналізму і номенклатурні знаки (до проблеми класифікації спеціальної лексики) / О. І. Павлова // *Вісник: Проблеми української термінології*. Львів: Національний університет «Львівська політехніка», 2008. № 620. – С. 49-54.

Пузевич, Т. В. К вопросу о выявлении степени идиоматичности терминов-фразем / Т. В. Пузевич // *Мова і Культура (Науковий журнал)*. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. Вип.11. Т.IX. – С. 120-126.

Сасина, С. А. Фразеологические единицы терминологического происхождения в современном английском и русском дискурсах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. / Сасина Светлана Александровна. Краснодар, 2007. – 194 с.

Сергеев, В. Н. К вопросу о переходе устойчивых свободных словосочетаний во фразеологические / В. Н. Сергеев // *Проблемы фразеологии. Исследования и материалы [Сб. ст.]*. Под. ред. А. М. Бабкина. – М.; Л.; Наука, 1964. – С. 173-199.

Сидоренко, К. П. Фразеологизмы терминологического происхождения // *Русская речь*. 1973. №3. – С. 84-88.

Ройзензон, Л. И. Фразеологизация как лингвистическое явление / Л. И. Ройзензон // *Труды Самарканд. гос. ун-та им С. А. Навои*. Вып. 119. – Самарканд, 1961. – 140 с.

Українська мова: енциклопедія / редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко (співголови), М. П. Зяблюк та ін. – К.: Укр. Енциклопедія, 2000. – 752 с.: іл.

Федуленкова, Т. Н. Элементарные связи фразеологической терминологии как признак системности языка // *Фразеология и терминология: грани пересечения* : монография / Т. Н. Федуленкова, А. В. Иванов, Т. В. Куприна и др. – Архангельск : Поморский университет, 2009. – С. 8-22.

Шестак, Е. И. Профессионально маркированные фразеологические единицы в когнитивно-коммуникативном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. / Е. И. Шестак. – Челябинск, 2008. – 24 с.

Шиленко, О. А. Фразеологізація в англійській фаховій мові економіки / О. А. Шиленко // *Вісник Житомирського державного ун-ту*. 2010. Вип. 49. Сер.: Філологічні науки. – С. 228-231.

Словари

СІС – Словник іншомовних слів / За ред. чл.-коресп. АН УРСР О. С. Мельничука. – К., 1974. – 776 с.

СФУМ – Словник фразеологізмів української мови / Уклад.: В. М. Білоноженко та ін. – К.: Наук. думка, 2008. – 1104 с. (Словники України).

СУМ – Словник української мови: в 11 т. / [редкол. : І. К. Білодід (голова) та ін.]. – К.: Наук. думка, 1970. 1980. Т. 1–11.

ТССУМ: ФЛ – Тлумачний словник сучасної української мови: Фахова лексика: Близько 20000 слів / За заг. ред. проф. В. С. Калашника. – Харків : ФОРМ Співак Т. К., 2009. – 464 с.

Summary. The article is about analysis of term-phrases from the point of semantic continuousness of components and their classification on material of the «Explanatory dictionary of modern Ukrainian language: Professional vocabulary» by V. S. Kalashnyka.

Садыхова Г.Р.
О ВЗАИМОВЛИЯНИИ РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ИСТОЧНИКОВ
НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЯЗЫКА
(на материале французского и азербайджанского языков).

gulnarasadiq.70@mail.ru
Азербайджанский Университет Языков

В условиях мировой тенденции к диалогу культур возникает необходимость поиска возможных путей понимания друг друга различными народами. Следует подчеркнуть, что в диалоговом пространстве культур, особенно разных по философско-религиозному мировоззрению, между ними очень часто происходит непонимание нравственных установок. Это влияет на сферу коммуникации при решении межгосударственных вопросов, в бизнесе и в межличностных отношениях. Следовательно, поиск новых путей и средств межкультурного диалога имеет сегодня большое значение, как между конкретными народами, так и для человечества в целом. Это объясняет необходимость создания интегративных областей знаний в сфере гуманитарных наук.

Немаловажную роль в данном вопросе играет религия. Изучение связи языка и религии, как формы общественного сознания народов, необходимо для характеристики отражения в национальном языке элементов религиозной картины мира. Религиозный фактор в жизни народов настолько важен, что без учета знаний его особенностей сложно представить картину развития и становления культуры. Религиозная картина мира формирует философско-религиозное и нравственное сознание этноса, его мировоззрение, определяет национальную точку зрения на мир.

Устойчивые единицы языков отражают национальные различия культур, поэтому исследование фразеологизмов в аспекте культурных ценностей этносов чрезвычайно важно. Особую значимость приобретает раскрытие культурного компонента фразеологических единиц языка, которые имеют своим источником религиозное мировоззрение народа. Так как религия занимает важное место в жизни людей, религиозные верования, обряды, жизнь святых, религиозные заповеди нашли широкое отражение во фразеологизмах. Фразеологизмы берут свое начало из разных истоков, одним из которых являются Божественные Писания, проповеди святых и религиозные предания. Такие Божественные Писания, как Евангелие, Тора и Коран являются неиссякаемым источником не только мудрости, но и многочисленных фразеологических единиц.

То, что религия является важным фактором в жизни человечества на протяжении многих веков, неоспоримо. Но не будем отрицать, что религия являлась и, к несчастью, является также и бесконечным поводом для конфликтов и войн. Мы полагаем, что религия должна служить во благо, а не во вред человечества. С этой точки зрения мы предприняли попытку показать на примере фразеологизмов, взятых из различных религиозных источников, а в частности из Библии и Корана, как можно примерить существующие на религиозной почве разногласия хотя бы в лингвистическом аспекте.

Материалом исследования для данной статьи послужили фразеологизмы религиозного происхождения, обнаруженные нами во французском и азербайджанском языках. То, что во французском языке существует достаточное количество библейской фразеологии не удивительно, учитывая практикуемый во Франции католицизм. Об этом свидетельствуют и различные сборники, и словари библеизмов (5,6). Наличие фразеологизмов коранического происхождения в азербайджанском языке, тоже можно объяснить. Как известно, азербайджанцы практикуют ислам, и наличие в азербайджанском языке фразеологизмов коранического происхождения вполне логично. Нам показалось интересным установить и исследовать фразеологизмы библейского происхождения в азербайджанском языке, и фразеологию коранического происхождения во французском языке. Мы полагаем, что подобное исследование будет способствовать сближению и пониманию культур, а также, покажет, насколько схожи морально-этические ценности народов с различным вероисповеданием. Обратимся к примерам. Во французском языке были обнаружены, в основном, предикативные фразеологизмы и пословицы:

1. *Dieu a établi le jour pour le mouvement et nous couvre du manteau de la nuit pour le repos* (Le Coran, XXV, 49; XL, 63) (Бог установил день для движения, и покрыл нас ночным покровом для отдыха);

2. *Dieu a établi pour vous la terre comme un tapis, Afin que vous suiviez des voies a* (Le Coran, LXXI, 19-20)(Бог установил землю как ковер, чтобы вам было просторно);
3. *Dieu n'impose à chaque homme que ce qu'il peut porter* (Koran, II, 286) (Бог дает каждому человеку столько, сколько он сможет вынести);
4. *Dieu sait et vous ne savez pas* (Le Coran, II, 213) (Бог знает, а вы нет);
5. *Homme prie pour obtenir le mal, comme il prie pour le bien. L'homme est prompt de nature*(Le Coran, XVII, 12) (Человек вымаливает зло, ровно также как он молится во благо).
6. *Chacun recevra le fruit de ses œuvres* (Le Coran, IV, 36) (Каждый получит плод своих трудов);
7. *Les bonnes actions repoussent les mauvaises* (Le Coran, XI, 116) (Хорошие поступки заслоняют хорошие);
8. *Ce que vous faites de bien et de mal, vous le faites à vous-même* (Le Coran, XVII, 7) (Все хорошее и плохое, что вы свершаете, вы делаете для себя);
9. *On ne saurait tirer l'aveugle de ses ténèbres* (Le Coran, XXX, 52) (Невозможно вытащить слепца из его мрака);
10. *Tous les fruits sont arrosés par la même eau, cependant ils diffèrent en bonté* (Le Coran, XIII, 4) (Все фрукты орошаются одной водой, но они различаются по вкусу);
11. *Quiconque aura fait le mal sera rétribué par le mal* (Le Coran, IV, 122) (Кто сделает зло, получит зло). (эквив. «что посеешь, то и пожнешь»)
12. *Les liens du sang ne vous feront pas obtenir qu'un autre se charge de votre fardeau* (Le Coran, XXXV, 19) (Кровные связи не могут заставить другого тащить ваш груз);
13. *L'homme porte son destin attaché au cou* (Le Coran, XVII, 14) (Человек носит свою судьбу привязанную к шее) (эквив. «от судьбы не уйдешь»);
14. *Ceux qui n'ont pas la foi ressemblent a celui qui entend les sons de la voix sans rien comprendre* (Le Coran, II, 166) (Те, кто не имеют веры, похожи на тех, кто слышит звуки голоса, не понимая смысла);
15. *Dieu aime ceux qui persévèrent* (Le Coran, III, 140) (Бог любит настойчивых);
16. *Ne faites point violence aux hommes à cause de leur foi* (Le Coran, II, 257) (Не совершайте насилия над людьми из-за их веры) (Экв. «нет принуждения в религии»);
17. *Celui qui te prête à usure vaut moins qu'un chien* (Le Coran, II, 276) (Тот, кто дает тебе деньги под проценты, стоит меньше, чем собака);
18. *Si vous vous vengez, que la vengeance ne dépasse point l'offense* (Le Coran, XVI, 127) (Если вы решили мстить, то пусть ваша месть не будет больше нанесенной обиды).

Очень старый, бывалый человек.

3. *Alın tərī ilā, Alın tərī tökmək*

В поте лица.

Выражение восходит к книге Бытия, где рассказывается об изгнании Адама и Евы из рая: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят...» (Быт. 3:19).

4. *Yerīn dörd bucağından*

С четырех углов земли.

Оборот встречается в Ветхом Завете: «И поднимет знамя язычникам, и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовет от четырех концов земли» (Ис. 11:12).

В русском варианте Библии этот оборот представлен как «четыре конца земли», а во французской версии он представлен как «четыре угла земли: «...*il reunira les disperses de Juda des quatre coins de la terre*» (Esaie 11:12). Соответственно можно предположить, что в азербайджанский язык этот оборот попал через французский перевод Библии.

5. *Kor kora yol göstərİR*

Слепой ведет слепого.

Говорится о плохих руководителях, вождях и покорной им невежественной толпе, которые стоят друг друга.

Данный оборот восходит к Новому Завету: «Оставьте их они – слепые проводники слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мат. 15:14);

6. *Ağıl dəryası*

Бездна премудрости

О ком-либо, обладающем большими знаниями, мудростью.

Выражение восходит к посланию апостола Павла к римлянам:

«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! (Рим. 11:33).

7. *Allah verib, Allah da aparib.*

Бог дал, Бог взял.

1. Выражение безропотного смирения при большой потере.

2. Слова утешения при утрате того, что было получено без собственных усилий, дано как бы свыше, и так же, «божьем промыслом», отнято.

Это выражение восходит к одной из древнейших книг Ветхого Завета - книге Иова. Иов был известен как человек непорочный, справедливый, богобоязненный. Однако его праведность подвергается тяжкому испытанию. Благоденствующий и процветающий, он в одночасье лишается всего: уничтожены его стада, гибнут под развалинами дома его дети: «И вот большой ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков, и они умерли... Тогда Иов встал и разодрал верхнюю одежду, остриг голову, и пал на землю, и поклонился, и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно! (Иов 1:20-22).

8. *Allah ürəyincə versin!*

Да воздаст тебе Бог по сердцу твоему!

Интересно, что данный фразеологизм зарегистрирован только в азербайджанском языке. Ни в русском фразеологическом словаре, ни во французском его нет. Заимствован он из Ветхого Завета: «Да даст тебе по сердцу твоему и все намерения твои исполнит» (Пс.19:5).

9. *Ürəyin daşqını ağız söylər*

Экв. От избытка сердца говорят уста.

Пословица восходит к Новому Завету: «Как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста» (Мат.12:34).

10. *Bir göz qırpında.*

В (одно) мгновение ока.

Указание на кратчайший отрезок времени, сравниваемый с одним миганием ока, встречается в Библии неоднократно: «...Не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор.15:51-52).

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 2008.
2. В.Гак. Французско-русский фразеологический словарь. – М., 1963.
3. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М., 2010.
4. Коран. Перевод смыслов и комментарии. В. Порохова. – М., 2005.
5. Xavier Renard. Les mots de la religion chrétienne. – Belin, 2008.
6. Yves D. Papin. Trésors des expressions bibliques et mythologiques. – Belin, 1989.
7. Ə.Hüseynzadə. Atalar sözü. – Bakı, 1981.

Summary. Religion and language are closely linked. This relationship reveals the origins of human and national cultures. This is reflected not only in history but also in vocabulary and phraseology of the language. Study of the relation of language and religion as forms of social consciousness of the peoples, it is necessary to reflect the characteristics of the elements in the national language of religious paintings in the world. Appeal to the religious view of the world due to the fact that religion, being traditionally a form of ideology, gets into space today a new spiritual beginning.

Скаб М. В., Скаб М. С.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПОТЕНЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Украина, г. Черновцы, Черновицкий национальный университет
имени Юрия Федьковича
skabm1@gmail.com

Изучение деривационных потенциалов фразеологизмов берет свое начало еще от И. И. Срезневского и А. А. Потемнина. На возможность образования новых слов от фразеологизмов указывал и В. В. Виноградов, отмечавший, что фразеологические единицы –

«это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и способ и источник рождения новых слов» (Виноградов, 1938: 122).

По мнению лингвистов, «каждое слово – знак некоторой отдельности, вычлененной при его помощи в общественно-языковом мышлении, следовательно, один из инструментов интерпретации действительности» (Дорошевский, 1973: 257), а «появление нового названия в языке свидетельствует о завершении познавательного процесса» (Русанівський, 1988: 8).

Лингвисты выделяют два (выделение их из состава фразеологической единицы – при помощи аффиксации или без нее – и объединение отдельных компонентов в одну словоформу (Попов, 1976: 168; Ужченко, Авксентьев, 1990: 21; Ужченко, Ужченко, 2007: 73) или три (лексико-семантический, лексико-синтаксический и морфологический (Шанский, 1985: 129; Алефіренко, 1987: 37)) способа образования новых слов от фразеологизмов.

Самым продуктивным считают лексико-семантический способ, при помощи которого «образуются слова от самых идиоматизированных словосочетаний, что отвечает общей тенденции языка к экономии своих выразительных средств» (Алефіренко, 1987: 37). Р. Н. Попов писал: «наиболее специфичным способом образования новых слов в языке на основе фразеологизмов является вычленение из состава фразеологической единицы одного из ее компонентов, который получает затем самостоятельное употребление в языке и наделяется тем значением, которое раньше было свойственно всему фразеологизму в целом» (Попов, 1976: 160), (Виноградов, 1938: 123; Алефіренко, 1987: 37).

Потенциальные возможности для выделения из структуры устойчивого словосочетания, надо полагать, существуют у компонентов многих фразеологических единиц, однако реализуются они далеко не всегда. Р. Н. Попов выборочно взял 400 фразеологических единиц для наблюдений над вариантно-словообразовательными возможностями из всех томов большого академического словаря русского языка, оказалось, что у 50 имеются словообразовательные тенденции (Попов, 1976: 163). Автор приводит примеры библейских фразеологизмов и считает, что слово *притча* в значении ‘предмет общих разговоров, пересудов’ возникло на базе фразеологизма *притча во языцех*; слово *агнец* со значением ‘олицетворение кротости, невинности’ возникло на почве фразеологизмов *бедный агнец*, *непорочный агнец*; слово *телец* со значением ‘символ богатства, деньги’ сформировалось на основе фразеологизма *золотой (златой) телец*; особенно это четко видно в тех словах, которые в прямых значениях уже устарели (*агнец*, *телец*). Почти все исследователи как пример приводят выражение *вавилонское столпотворение*, из которого вычленился компонент со значением, свойственным всему фразеологизму: *столпотворение* – ‘сутолока, суматоха, неразбериха’ (Попов, 1976: 163-164). В. Д. Ужченко и Л. Г. Авксентьев приводят этот же пример, иллюстрируя «двонаправленное» образование слов на основе фразеологической единицы: каждый из компонентов оборота *вавілонське стовпотворіння* стал производящим для слов *стовпотворіння* и *вавілон*, которые в одинаковой мере передают значение всего выражения, напр.: *На великому шляху Львів – Ужгород ціле стовпотворіння. Весь шлях забитий машинами* (С. Чорнобривець); *Дали для ознайомлення пуд сценаріїв..., і ось ми з Сергієм забрались сюди, якнайдалі від студійного вавілону* (О. Гончар) (Ужченко, Авксентьев, 1990: 21).

Исследуя стилистическую соотнесенность фразеологической единицы и производного слова, лингвисты отмечают, что производные от фразеологизмов слова входят в лексическую систему преимущественно с той же стилистической окраской, что и базовые (фразеологические) единицы, сохраняя также и переносность значения: *агнец*, перен. ирон. (*непорочный агнец*), *наріжний*, перен. книжн. (*наріжний камінь*), однако иногда изменяют стилистические характеристики – чаще всего в сторону снижения: книжное *содом і гоморра* является подосновой для разговорных *содом*, реже *содома* (‘крайне безладя; метушня’) (Ужченко, Авксентьев, 1990: 21-22).

По мнению Н. Ф. Алефіренко, «обогащение лексической системы современного украинского языка за счет отфраземного словообразования отмечается достаточно сложными и разнообразными семантико-словообразовательными отношениями между производящими фраземами и их производными, которые обуславливаются как способом словообразования, так и семантикой производящих и деривационных компонентов» (Алефіренко, 1987: 40).

Целью нашего исследования является анализ деривационных потенциалов библейских фразеологизмов в украинском языке. Для анализа мы выбрали зафиксированные в

трех существующих ныне специальных словарях (Коваль, 2001; Колоїз, Бакум, 2002; ФБП, 2007) библейские крылатые слова и выражения с именами собственными. В целом мы насчитали более 50 таких имен, из них: в одном выражении используются *Авель, Агасфер, Андрій, Асмодей, Ирод, Иродіада, Мойсей, Німрод, Ной, Пентефрій (Потіфар), Израїль, Сім, Яфет, Лот, Суламіф (Суламита), Вероніка, Юдіф, Олоферн, Гог, Магог, Давид*; в двух – *Аред (Яред), Валаам, Веніамін (Беніамінік), Петро, Йосип, Савл, Павло, Авраам, Магдалина, Самсон, Даліла*; в трех – *Марта, Марія, Валтасар, Голяф, Іван, Йосип, Мафусаїл (Метушалах)*; в четырех – *Іов, Пилат, Каїн, Хома*; в пяти – *Хам, Лазар, Єремія*; в шести – *Соломон*, в семи – *Єва*; в десяти – *Юда*; в тринадцати – *Адам*. Наименования Матери Божьей и Иисуса Христа характеризуются наличием большого количества синонимических описательных выражений: 7 – Матери Божьей (*Богоматір, Богородиця, Діва Марія, Мадонна, Матір Божа, Пресвята Діва, Марія*); 8 – Христа (*Богочоловік, Господь, Спаситель, Спас, Син Божий, Син людський, Месія, Христос*).

Почти все имена собственные, употребляемые в библейских крылатых словах и выражениях, являются знаковыми, прецедентными, обозначающими определенную известную библейскую ситуацию. Однако не все они поданы составителями словарей как отдельные крылатые слова, что обусловлено возможностью / невозможностью обозначать определенную библейскую ситуацию в целом. Так, слово *Валаам* не может обозначать то, что выражено фразеологизмом *Валаамова ослиця заговорила*, *Валтасар* не обозначает то, что и *Валтасарів бенкет*, однако слово *Юда* можно воспринимать как сокращение фразеологизма *Юдина зрада*, *Каїн – Каїнів вчинок*, *Хам – Хамів (хамський) вчинок* и т. д., то есть последние слова можно считать результатом вычленения из состава фразеологической единицы одного из ее компонентов, который получил затем самостоятельное употребление в языке и наделен значением, раньше свойственным всему фразеологизму.

Такие производные слова в украинском языке чаще всего образуют притяжательные прилагательные (что вполне естественно, поскольку являются именами лиц): *Адамів, Іродів, Давидів* и др., и только некоторые (например, *Христос, Юда, Хам*) стали первым звеном большой словообразовательной цепочки. Думаем, анализ этой ситуации может помочь прояснить некоторые важные когнитивные аспекты отфраземного словообразования.

Слово *Христос* и образованное от него притяжательное местоимение является компонентом всего 5 крылатых слов и выражений (*Ісус Христос, явлення Христа народові, друге пришествя Христа на землю, пришествя Христове, Христова невіста*), но имеет самые большие деривационные потенциалы как имя главного героя Нового Завета (34 производных слова): *христини, христинний, христити, христитися, християнин, христьянин, християниновий, християнізація, християнізований, християнізувати, християнізуватися, християнка, християнство, християнський, христовий, христорама, христолюбець, христолюбивий, христолюбний, христопродавець, христосати, христосатися, христосування, христосуватися, христосанка, христосання, христосик, христувати, христуватися, хрищений, хрищений, хрищеник, хрищениця, хрищення*. Среди производных название учения, adeptов или врагов учения, обрядов и т. д.

Имена *Іуда (Юда), Хам, Ірод* и *Каїн* стали в украинском языке нарицательными, причем все они называют лиц с негативными качествами характера. Оказывается, названные имена являются компонентами разного количества крылатых слов и выражений: *Ірод* (1) – *Ірод*; *Каїн* (4) – *Каїн, Каїн і Авель, Каїнова печать, Каїновий знак*; *Хам* (5) – *Хам, Сім, Хам і Яфет, Хамський вчинок, Хамське кодро, Хамський рід* и *Іуда (Юда)* (10) – *Іуда, Іуда Іскаріот, Юда зрадник, Юдина зрада, Юдина служба, Юдин поцілунок, Поцілунок Іуди, Обцілувати, як Юда, Юдин срібляк, Юдине каяття*.

Слово *Ірод* толкуется в словаре как «1. Цар Іудеї, якого зображено в Біблії дуже жорстоким. 2. лайл. Дуже жорстока, люта людина; кат, недолюдок» (ВТССУМ: 506). *Ірод* имеет только одно производное *Іродів* («лайл. Поганий, лихий, проклятий. *Іродова душа*» (ВТССУМ: 506)).

Каїн – «1. За біблійною легендою – син Адама та Єви, який підступно вбив свого брата Авеля. 2. зневажл. Про братовбивця, зрадника, злочинця, тощо» (ВТССУМ: 514). Также образует одно производное *Каїнів* («Прикм. до Каїн. *Каїнова душа* – зрадник, братовбивця. *Каїнова печать* – ознака зрадника, братовбивці» (ВТССУМ: 514)).

Как видим, слова *Ірод* и *Каїн* образуют только типичные притяжательные местоимения, что свидетельствует о сильной семантической связи с библейским сюжетом,

причем притяжательное прилагательное *Кайнів* полностью наследует семантику мотивированного слова, а прилагательное *Іродів* только второе, переносное значение.

Аналогичное развитие семантики наблюдаем и в слове *Іуда* (*Юда*): «1. За біблійною легендою – учень Ісуса Христа, який зрадив свого вчителя за тридцять срібляників. 2. *зневажл., лайл.* Зрадник, запроданець» (ВТССУМ: 507). Притяжательное местоимение *Іудин* (*Юдин*) истолковано только как член фразеологических оборотов: «*Іудине* (*Юдине*) *плем'я* (*поріддя* та ін.), *лайл., зневажл.* – про зрадників; *Іудин* (*Юдин*) *поцілунок*, *зневажл.*: а) *лицемірний, нещирий поцілунок*; б) *учинок людини, яка облесливістю приховує свою зраду*» (ВТССУМ: 405). Значение слова и его производного базируется на библейской истории об Иуде Искарите, одном из учеников Иисуса Христа, предателе Господа.

Украинизированное фонетическое оформление *Юда* носители языка воспринимают как мотивирующее целое гнездо слов (12): *юдити, під'юдити, під'юджувати, під'юджений, під'юджуваний, троюдити, троюдитися, троюда, троюдження, роз-троюдити, розтроюджувати, розтроюджений*. Хотя этимологический словарь украинского языка не очень четко указывает на такую связь: «*юдити* 'підбурювати', *під'юджувати*» СУМ, ВеБ, [*юда*] 'злий дух, нечиста сила' Г. Шух; – бр. [*юдзіць*] 'хитрувати, лукавити, зводити наклепи', п. [*judzić*] 'підбурювати, спокушати; набридати', слц. [*juzic*] 'наговорювати', болг. *юдя* 'підманювати, спокушати', м. *јуда* 'міфічна істота (персоніфікація вихору, урагану)', схв. *јудати се* 'поводитися роздратовано, нервово', слн. *јудати* 'погано поводитися з кимось, знущатися з когось; лаяти'; – псл. *јудіті*; – споріднене з лит. *jáudytis* 'пустувати, буюти', *jaūda* 'душевна сила, розум, задум', дінд. *yodhati* 'воює' [...]; іє. **ioudh-* / *iouə dh-*; для п. *judzić* припускається запозичення зі східнослов'янських мов» (ЕСУМ, VI: 519). Трудно сказать, мифологическое воззрение возникло на основе библейского имени, или библейское имя со своим значением и негативной коннотацией очень удачно наложилось на мифологические представления народа (думаем, все-таки второе).

Как свидетельствует толковый словарь (*юдити* – *діал.* Під'юджувати (ВТССУМ: 1643); *під'юджувати, під'юдити* – *розм.* Те саме, що підмовляти (ВТССУМ: 971); *роз-троюджувати, розтроюдити* – *розм.* Те саме, що роз'ятрювати (ВТССУМ: 1267); *троюда* – *зах.* Забіяка, шибеник; *троюдити* – *розм.* Викликати чим-небудь подразнення, запалення та ін.; ятрити. *Троюдити рану.* // *перен.* Якимись діями, словами поновлювати, примушувати знову відчувати, переживати щось неприємне. *Троюдити серце* – посилювати чий-небудь душевний біль, завдавати комусь ще більших моральних страждань; *троюдитися* – *розм.* Зазнавати подразнення, запалення та ін.; ятритися (ВТССУМ: 1480), семантически тесную связь со словом *Юда* имеют только первые три слова (*юдити, під'юдити, під'юджувати*), семантика остальных не очень выводится из библейского переносного значения, хотя в диалектах, в частности в буковинских говорах, слово *троюдити* имеет значение 'підбурювати до сварки' (СБГ: 554), а *юда* означает 'підбурювач', *юдження* – 'підбурювання' (СБГ: 684).

В украинском языке есть еще одно гнездо слов, образованных от слова *Іуда* (*Юда*), но слова, стоящие в вершине этих гнезд, разные. Протоиерей Г. Дьяченко в «Полном церковнославянском словаре» указывает на восемь людей по имени *Іуда*, упоминающихся в Библии. Один из них – «четвертый сынъ Іакова отъ Ліи, получившій отъ Іакова благословеніе, въ которомъ содержится указаніе на воинственный духъ его потомковъ и на продолжительность могущества и власти ихъ (Быт. 35, 23, 49, 8-12); отсюда – имя колена Іудина; имя царства Іудейскаго, как составившагося изъ 2-хъ коленъ: веніаминаова и іудина; имя народа іудейскаго» (ПЦСС: 237). Отсюда производные: *іудеї, іудей, іудейка, іудейство, іудейський, іудаїзм, іудаїзація, іудаїка, іудаїстика, іудаїстичний*; украинизированный вариант имеет большее количество производных: *юдеї, юдей, юдейка, юдейство, юдейський, юдаїзм, юдаїка, юдаїстика, юдаїстський, юдофіл, юдофільство, юдофільський, юдофоб, юдофобство, юдофобський*.

И последнее слово *Хам* – «1. *заст.* Зневажлива назва людини з нижчих соціальних верств, станів (у мові панівних класів). // Грубе звертання до кріпака, слуги, наймита. 2. *розм., лайл.* Зухвала, груба, нахабна людина. 3. За Біблією – непутящий сын благочестивого Ноя, що поглумився над своїм батьком і був ним проклятий» (ВТССУМ: 1555). Словарь фиксирует большое количество производных от *хам* (17): *хамів, хамка, хамний, хамство, хамський, хамовитий, хамовито, хамовитість, хамло, хамлюга, хамрило, хамрій,*

хамула, хамулуватий, хамуватий, хамуватість, хамувато. Все они преимущественно наследуют семантику второго значения (**хамів** – *заст., розм., лайл.* Прикм. до **хам.** // *Належний хамові; хамка* – *розм., лайл.* Жін. до **хам; хамло** – *розм., лайл.* Тем саме, що **хам** і **хамка**. // *Вайлувата, незграбна людина; хамлюга* – *розм., лайл.* Збільш. до **хам** і **хамка; хамний** – *зах.* Зверхній, пихатий; **хамство** – 1. *заст.* Збірн. до **хам.** 2. *розм.* Зухвалість, грубість, нахабство; **хамовитий** – *розм.* Схильний до хамства (у 2 знач.); *зухвалий, грубий, нахабний; хамський* – 1. *заст.* Прикм. до **хам1.** 2. *розм.* Власт. хамові (у 2 знач.); **хамула** – *заст., розм., лайл.* Те саме, що **хам** і **хамка**. // *Вайлувата, незграбна людина (ВТССУМ: 1338) и т. д.* «Етимологічний словник української мови» указує на зв'язок слова *хам* (крім відомої біблійської історії) з турецьким *ham* 'грубий, невихований' (ЕСУМ, VI: 153). Крім того, в буковинських говорах *хамула* – «1. Розварена рідка страва. 2. Вайлувата, незграбна людина» (СБГ: 609), то єсть ясно видно наложення значень різних фонетично схожих слів.

Таким чином, в похідних від *Юда* і *Хам*, а вони називають негативні особливості характеру, поведінки людини, для описання яких мовлячі зазвичай використовують багато слів, ми бачимо явне наложення біблійських значень на вже існуючі міфологічні або побутові значення.

Проведене дослідження дає можливість уточнити і доповнити перелік факторів, обумовлюючих формування похідних і регулюючих реалізацію заложеної системою словообразовних потенцій (Скаб, 2009), акцентувати роль екстралингвістичних факторів в реалізації дериваційних потенцій отфраземного слова: на дериваційні потенції біблійських фразеологізмів в українській мові впливають частотність їх використання, важливість для носіїв мови означуваної ними сфери, можливість наслоєння біблійського переносного значення на вже існуючі лексичні значення.

Література

- Алефіренко, М. Ф. Теоретичні питання фразеології / М. Ф. Алефіренко. – Харків: Вища школа, 1987. – 136 с.
- Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
- Виноградов, В. В. Современный русский язык (Введение в грамматическое учение о слове). – М., 1938.
- Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики / Витольд Дорошевский ; авториз. пер. с пол. В. Ф. Конновой. – М.: Прогресс, 1973. – 286 с.
- Етимологічний словник української мови : у 7 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. – К.: Наук. думка, 1982. Т. 1. – 631 с.; 1985. Т. 2. – 570 с.; 1989. Т. 3. – 549 с.; 2004. Т. 4. – 653 с.; 2006. Т. 5. – 703 с.; 2012. Т. 6. – 566 с.
- Коваль, А. П. Спочатку було слово : Крилаті вислови біблійного походження в українській мові / А. П. Коваль. – К.: Либідь, 2001. – 312 с.
- Колоїз, Ж. В. Слово Благовісті : словник-довідник фразем біблійного походження / Ж. В. Колоїз, З. П. Бакум. – Кривий Ріг: Вид-во «І.В.І.», 2002. – 96 с.
- Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских словъ и выражений) / сост. свящ. магистръ Г. Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2001. – 1120 с.
- Попов, Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов / Р. Н. Попов. – М.: Высшая школа, 1976. – 200 с.
- Русанівський, В. М. Структура лексичної і граматичної семантики / В. М. Русанівський. – К.: Наук. думка, 1988. – 236 с.
- Скаб, М. В. Дериваційна спроможність лексико-семантичних варіантів слова *душа* як вияв когнітивних можливостей людини / М. В. Скаб // *Мови та культури у новій Європі : контакти і самобутність : зб. допов. на Міжнар. наук. читаннях, присв. 70-річчю від дня народ. чл.-кор. НАНУ, д. філол. н., проф. Н. Ф. Клименко.* – К.: Вид. дім Д. Бураго, 2009. – С. 616-622.
- Словник буковинських говірок. – Чернівці: Рута, 2005. – 688 с.
- Словник української мови : в 11 т. к.: Наук. думка, 1970-1980.
- Ужченко, В. Д. Фразеологія сучасної української мови: Навчальний посібник / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К.: Знання, 2007. – 494 с.
- Ужченко, В. Д. Українська фразеологія / В. Д. Ужченко, Л. Г. Авксентьев. – Харків: Основа, 1990. – 167 с.
- Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
- Фразеологізми біблійного походження: короткий словник-довідник / Укладачі: Л. П. Будівська, З. С. Сікорська. – Луганськ: Луганськ-Арт, 2007. – 76 с.

Summary. Derivational potencies of the Biblical phraseological units in the Ukrainian language are influenced by the frequency of their use, importance of the sphere they determine for the language speakers, layering of the Biblical figurative meaning over the already existing lexical one.

Соболева Н. П.

**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ**

(на материале русского и английского языков)

Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет
ni_pavlovna@yahoo.com

Данная статья посвящена исследованию функционирования трансформированных фразеологических единиц на материале русских и английских слоганов. С начала XXI века усилилась тенденция к рассмотрению языка как антропоцентрического феномена. Данная проблематика развивается в рамках следующих дисциплин: семантики, лексикографии, фразеологии и др. (Буянова, Коваленко, 2012: 4). Лингвисты, работающие в области теоретической фразеологии и практики фразеологических описаний, делают попытки рассмотреть ФЕ в свете когнитивной лингвистики (Добровольский, 1997, Телия, 1996), основополагающим тезисом которой является утверждение о неразрывной связи языка с когницией (Демьянков, 1994: 30).

Проблема такой неразрывной связи языка и когниции поднималась прежде. Так, в XX веке особый взгляд на язык был выработан австрийским философом Л. Витгенштейном. В рамках своей концепции ученый отождествлял язык с мышлением. В связи с этим Л. Витгенштейн указывал на многообразие способов употребления слов и выражений естественного языка. Позже он вводит понятие «языковой игры», которое стало одним из главных понятий философии позднего Л. Витгенштейна. Языковая игра – использование языка в различных сферах общения. В современной лингвистике термин «языковая игра» получил более узкое употребление; его начали рассматривать как намеренное использование фигуральных возможностей языка (Амири, 2007).

Языковая игра активно используется в рекламе, употребление которой преследует прагматические цели. Л. П. Амири дает следующее определение: «языковая игра в рекламе – «осознанное нарушение стереотипа, закономерностей функционирования языковых единиц в определенном окружении и нормы в языковом понимании социума и конкретного индивида, используемое для усиления выразительности рекламного текста с определенной материальной целью – продажей рекламируемого товара или услуги» (Амири, 2007).

Одним из самых распространенных способов языковой игры является использование фразеологических единиц и прецедентных текстов. По словам Ю. С. Бернадской, фразеологические единицы активно используются при создании рекламы, «это яркий, красочный, заведомо легко узнаваемый прием». «Узнаваемость фразеологизма повышает способность потребителя воспринимать, запоминать и воспроизводить слоган». Основные черты рекламного текста, содержащего трансформированные ФЕ: образность, экспрессивность, высокая читаемость и запоминаемость, оригинальность и выразительность, соответствие целевой аудитории и целям рекламной кампании (Бернардская, 2008). По словам Д. О. Добровольского, «варьируемость и преобразования фразеологических единиц свойственны <...> не только их контекстному употреблению, но заложены в самой природе владения ими носителем языка». Так, модификация семантики и структуры языковой единицы, одним из свойств которой является устойчивость, всегда мотивирована авторскими намерениями, а также коммуникативными и прагматическими факторами» (Копыленко, 1972: 32).

Объектом исследования в данной статье выступают фразеологические единицы, которые Л. Ю. Буянова определяет как «ментально-когнитивные знаки, формирующие фразеологическую картину мира посредством специфических мыслительных процедур – категоризации, объективации, структуризации, языковой концептуализации» (Буянова, Коваленко, 2012: 134).

Предметом рассмотрения является употребление модифицированных фразеологизмов и прецедентных текстов в рекламных слоганах в двух языках.

Языковая игра в рекламе, с использованием фразеологических единиц и прецедентных текстов, обуславливает задействование когнитивных механизмов, поэтому цель данной статьи – выявить когнитивные аспекты функционирования фразеологических единиц в рекламных слоганах.

В данной статье мы рассматриваем семантический и структурно-семантический типы трансформации фразеологизмов.

Любое окказиональное изменение значения (семантики) фразеологизмов является его преобразованием и переосмыслением. Семантический тип трансформации считается наиболее сложным способом переосмысления фразеологических единиц. Семантическая трансформация позволяет внести в уже знакомый контекст новые оттенки смысла, разрушая стереотипное и уже привычное понимание значения фразеологических единиц. Благодаря такому подчинению семантики нуждам рекламы, ее создатели заставляют потребителя по-новому взглянуть на привычный смысл фразеологической единицы. В основе конструирования текста с новой семантикой лежат фразеологические единицы, а также прецедентные тексты. При семантической трансформации структурных изменений не происходит.

Анализируя исследуемый материал, мы выделили фразеологический каламбур как один из случаев языковой игры (Арсентьева, 2003). А. Начисчионе определяет каламбур как случай игры слов, стилистический эффект которой заключается в связи между ФЕ и соответствующей ей свободной комбинации слов, используемых в буквальном значении (Naciscione, 2001). В основе игры слов лежит полная двойная актуализация (где вся ФЕ берется в прямом значении) (Безрукова, 1990).

Рассмотрим игру слов, основанную на полной двойной актуализации:

«*Не место красит человека, а человек место*» (реклама лакокрасочных изделий, на стенде изображен маляр с банкой краски и кистью в руках). В данном примере на первый план выходит буквальное значение слов, входящих в состав ФЕ: человек в буквальном смысле слова красит место краской.

В слогане страховой компании «Спасские ворота» наблюдаем «*Как за каменной стеной*», где используется фразеологическая единица «*Как за каменной стеной*», что значит «быть в безопасности, под надежной защитой». Однако копирайтеры с помощью данного слогана обыграли еще и графический символ компании – каменную арку.

«*Незапятнанная репутация*» – слоган торговой марки K2R, производителя пены для удаления пятен перед стиркой. Идиома «незапятнанная репутация имеет значение «безупречное прошлое; доброе и честное имя». С одной стороны, создатели слогана подчеркивают хорошую репутацию фирмы-производителя, а с другой – идентифицируют и указывают на некоторые характеристики товара.

«*Комар носу не подточит*» (средство от комаров «Autan»). Фразеологическая единица «комар носу не подточит» имеет значение «не к чему придраться», однако в данном случае речь идет о репелленте, поэтому единица понимается реципиентом буквально.

Интересен тот факт, что семантический тип трансформации также зафиксирован в рекламных слоганах, основанных на прецедентных текстах, которые имеют много общего с фразеологическими единицами:

В рекламе штопора использована цитата из стихотворения А. С. Пушкина «*О, сколько нам открытий чудных готовит просвещение дух*» – «*О, сколько нам открытий чудных...*». Здесь обыгрывается функция штопора.

В английском языке игра слов также активно используется для создания окказионального контекста:

«*Good things come in small packages*» («мал золотник, да дорог») – слоган американской страховой компании «Great American Insurance». В основе лежит поговорка «*good things come in small packages*» (мал золотник, да дорог). В данном примере мы наблюдаем обыгрывание буквального значения существительного «package» («пакет»): дословный перевод слогана – «Хорошее приходит в маленьких **пакетах**» – делает отсылку на словосочетание «benefit **package**» («страховой **пакет**»). Положительная коннотация рекламного текста («good things») косвенно сообщает о качестве предлагаемых услуг страхования.

Прием был также зафиксирован на материале англоязычных прецедентных текстов:

Слоган для аэропорта города Ливерпуль «Liverpool John Lennon Airport» – «*Above us only sky*» («Выше нас только небо»). «*Above us only sky*» – это строчка из заглавной песни сольного альбома Джона Леннона «*Imagine*» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA> «Представь себе»). Если в песне слова употреблялись в переносном значении, то в слогане они звучат буквально.

Проведя анализ русскоязычных и англоязычных рекламных текстов, в обоих языках нами было зафиксировано использование паремий и идиом, а также прецедентных текстов, подвергающихся семантической трансформации.

В данной статье в рамках структурно-семантического типа трансформаций мы рассматриваем субституцию, использование паронимов и расширение как наиболее часто встречающиеся типы.

1) Парономазия – использование паронимов (слов, близких по звучанию, но либо отдаленно связанных, либо вовсе не связанных по смыслу) в процессе контекстуальной трансформации. Это стилистическая фигура, которая заключается в постановке рядом слов, несколько созвучных, но не одинаковых по значению. (Надель-Червинская, 1995) В некоторых случаях этот прием близок к каламбуру, т. е. словесной игре, шутке. Слоганы с приемом парономазии хорошо запоминаются, т. к. в них часто бывает заложен юмористический подтекст, поэтому такие слоганы несут сильную эмоционально-стилистическую окраску.

«**В хорошем чае души не чаю!**» – слоган для торговой марки «Майский чай». В основе лежит идиома «*души не чаять*» (сильно любить). В данном примере мы наблюдаем использование паронима (слова, близкого по звучанию, но не связанного по смыслу) в процессе трансформации («чае» – «чаю»), а также добавление компонента в начале ФЕ. Добавление компонентов в сочетании с парономазией объединяет рекламный слоган в единое смысловое целое, делая особый акцент на товаре (в данном случае – чай).

«**Dresdner Bank, advice you can bank on**» («Банк Дрездена», рекомендации, на которые вы можете положиться») – слоган для банка Дрездена («Dresdner Bank»). В основе лежит идиома «*Bank on something*» («полагаться на кого-л. с уверенностью»). В данном примере слова «bank» (существительное) и «to bank» (глагол) принадлежат к различным частям речи и не связаны по смыслу, однако, имеют одинаковое звучание. Кроме того, мы наблюдаем добавление компонента в начале ФЕ. Используя выражение «*Bank on something*» в одном предложении со словом «Bank», создатели слогана словно проводят параллель между словами «уверенность, надежность» и «банк».

Прием был также зафиксирован на материале англоязычных прецедентных текстов:

«**iThink, therefore iMac**» («Мыслю, следовательно, выбираю iMac») – слоган для рекламы компьютеров «iMac» компании-производителя «Apple». Прототекст «*I think therefore I am*» («Cogito, ergo sum» – лат. «Мыслю, следовательно, существую») восходит к философскому утверждению Рене Декарта. В данном примере происходит замена вспомогательного глагола «to be» («I am») на название продукта. Кроме того, создатели слогана графически изменили написание «I think» («iThink»), уподобив данную конструкцию названию рекламируемого продукта – стационарного компьютера «iMac». Итак, трансформированный прецедентный текст по-прежнему узнаваем, однако в рамках данного слогана он обеспечивает запоминание торговой марки, а также мотивирует потенциального потребителя к покупке данного товара («если ты мыслишь, то должен выбрать «iMac»»).

Итак, анализ материала показал, что прием парономазии используется в русском и английском языках. Трансформации подвергаются фразеологические сращения (идиомы). Использование парономазии позволяет сделать слоганы более экспрессивными, приблизив трансформированные идиомы к нужному контексту. Парономазия помогает создать юмористический эффект, оказывая необходимое эмоциональное воздействие на потенциального потребителя.

2) Субституция – замена одного или нескольких компонентов фразеологизма на другую лексему (или несколько лексем). Замещаться могут как самостоятельные части речи, так и служебные (союзы, предлоги и пр.) (Арсентьева, 2009). Замена одного из компонентов фразеологической единицы приводит к семантическим изменениям, а замещение сразу двух и более компонентов соответственно влечет за собой еще большую степень трансформации значения. Значение подвергается изменениям, следуя нуждам рекламы,

а фразеологический оборот, заложенный в основу слогана, придает большую экспрессивность всему выражению.

При создании слогана для рекламы губной помады «**У всех на устах**» был использован фразеологизм «**Быть на устах**» («быть предметом всеобщего обсуждения»). Компонент «*быть*» заменен на элемент «*у всех*». Фразеологическая единица, заложенная в основу слогана, означает «быть предметом всеобщего обсуждения», однако в данном случае используется еще и буквальное значение слов, входящих в состав фразеологизма. Таким образом, «**Быть на устах**» означает, что многие женщины предпочитают именно эту губную помаду другим: «эта помада на губах у всех женщин». Слоган указывает на преимущества данного товара перед остальными товарами такого же типа.

Прием субституции приводит к подмене понятий. Например, «**В здоровом теле – здоровый сок!**» – слоган для сока «Чемпион», в основу которого легла поговорка «**В здоровом теле здоровый дух**», или «**Easy as Dell**» («Просто как Dell») – слоган для компании-производителя компьютеров «Dell», в основе которого – идиома «(as) easy as **breathing**» («проще простого»). В данных примерах произошла замена компонентов: «дух» – «рекламируемый продукт (сок)» или «breathing (дыхание)» – «наименование рекламируемого бренда (Dell)».

Итак, анализ материала показал, что прием субституции (замещения компонентов) используется в двух языках. Трансформации подвергаются как фразеологизмы, так и прецедентные тексты, но чаще всего модифицируются фразеологические единства (поговорки и пословицы). Благодаря замене происходят изменения в структурном и смысловом планах, следуя нуждам рекламы. Использование фразеологизмов и прецедентных текстов является инструментом создания и укрепления ассоциативной связи между товаром (услугой) и рекламной концепцией, а также придает слогану экспрессивность.

3) Расширение. «Под расширением понимают введение одного или нескольких дополнительных компонентов в состав фразеологизма» (Арсентьева, 2009: 49). Цель приема расширения компонентного состава фразеологизма – конкретизация, приближение семантики фразеологического оборота к ситуации и контексту.

«**Утри нос насморку**» – слоган для капель в нос «Отривин», в основе которого лежит фразеологизм «утереть нос» («превзойти»). Данный пример демонстрирует объединение прагматических целей создателей слогана и семантического поля фразеологической единицы.

«**Be sweet to your bones**» («будьте очаровательны во всем») – слоган для жевательных пастилок с содержанием кальция. Прототипом является идиома «**to the bone**» («насквозь, до мозга костей»). Расширение достигается посредством добавления компонентов «**Be sweet**». Кроме того, используется субституция определенного артикля «**the**» на притяжательное местоимение «**your**». Также число имени существительного меняется с единственного на множественное («**bone**» – «**bones**»). В данном примере обыгрывается буквальное значение существительного «**bone**» («кость»), которое входит в состав идиомы. Текст может восприниматься как идиоматично, так и буквально.

Итак, анализ материала показал, что прием расширения (добавления компонентов) используется в двух языках. Трансформации подвергаются как фразеологизмы, так и прецедентные тексты, но чаще всего модифицируются фразеологические сращения (идиомы).

Таким образом, языковая игра является неотъемлемой, развивающейся и наиболее подвижной частью естественного языка. Она имеет творческую направленность, создает новые формы и структуры, обогащая словарный запас.

Невероятная популярность языковой игры обуславливает широкую распространенность в современных средствах массовой информации. Для того, чтобы добиться необходимой степени воздействия на потребителя, создатели рекламы используют различные приемы, которыми часто пользуются в процессе разработки слоганов для объектов рекламы. Функционирование различных типов трансформаций фразеологизмов в рекламных слоганах решает следующие задачи: привлечение внимания потенциального потребителя (реципиента), лаконичное изложение информации, создание экспрессивного рекламного текста. Однако языковая игра преследует не только прагматические интересы (привлечь внимание, создать образ), но и развивает человеческое мышление и язык. В результате языковой игры формируется новая, трансформированная реальность. В большинстве случаев именно потребности рекламы приводят к многомерности трансформа-

ции фразеологических единиц, которая происходит не только на структурном уровне, но и на уровне смыслового восприятия или семантики.

Литература

Амири, Л. П. Языковая игра в российской и американской рекламе: Автореф. дис. канд. филол. наук / Л. П. Амири. – Ростов на Д., 2007. – С. 10.

Арсентьева, Е. Ф. Роль фразеологического каламбура в создании юмористического эффекта / Е. Ф. Арсентьева // Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: Труды и материалы: В 2 т. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. Т.1. – С. 115-116.

Арсентьева, Е. Ф. Контекстуальное использование фразеологических единиц: Коллективная монография / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Татарское республиканское издательство «Хэтэр», 2009. – 168 с.

Безрукова, Л. Г. Двойная актуализация как универсальная и идиоэтническая черта функционирования ФЕ (Опыт контрастного описания на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. канд. филол. наук / Л.Г. Безрукова. – М.: Моск. гос. ун-т, 1990. – 192 с.

Бернардская, Ю. С. Текст в рекламе / Ю. С. Бернардская. – М.: Юнити, 2008. – 288 с.

Буянова, Л. Ю., Коваленко, Е. Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. – М.: Флинта, 2012. – 183 с.

Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. 1994. № 4. – С. 17-33.

Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. – С. 37-48.

Копыленко, М. М., Попова, З. Д. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова // Воронеж, 1972. – 141 с.

Надель-Червинская, М. А. Большой толковый словарь иностранных слов / М. А. Надель-Червинская. – Ростов-на-Дону, 1995. – 526 с.

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Nacisone A. Phraseological units in discourse: Towards applied stylistics // Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. – 239 s.

Summary. The article deals with the cognitive factors of functioning transformed phraseological units in advertising slogans of Russian and English. The use of transformed phraseological units is one of the manifestations of the language game. The author distinguishes the mechanisms of language game associated with the formation of advertising slogans.

Соколова Т. С.

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В САКРАЛЬНОМ И ПРОФАННОМ АСПЕКТАХ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный университет

Sokolova@bsu.edu.ru

В отечественной лингвистике давно сложилась традиция многопланового изучения фразеологии русского языка. Исследуются фразеологизмы, функционирующие в современном русском языке, в диалектах, в различных языковых субкультурах, но пока отсутствуют обобщающие труды по исторической фразеологии. До сих пор системно не проанализирована вся совокупность фразеологических единиц с соматическими компонентами в языковом прошлом. Данные устойчивые обороты являются наиболее древним пластом в русском фразеологическом фонде, о чем свидетельствует их фиксация в древнерусских и старорусских памятниках письменности, отраженная в уникальном лексикографическом источнике – в Словаре русского языка XI-XVII вв. (В 27 т. – М., 1975-2007).

Выявленный пласт фразеологии наиболее целесообразным считаем наблюдать в соотношении таких понятий, как язык и культура, понимая под термином культура жизненный опыт этноса, выстроенный на ценностно значимых ориентирах в во внешнем и внутреннем мировосприятии. Фразеологизмы – это наиболее самобытная часть в культурно-языковом плане всего номинативного запаса, что предполагает, по мнению В. Н. Телия, «выявление во фразеологизмах различных типов экстралингвистических предпосылок, соотносимых с предметной областью культуры, которая является «второй природой» для человека, – с одной стороны, а с другой – выявление тех внутриязыковых

средств и способов, которые придают фразеологизмам способность к культурной референции и тем самым – к отображению в их знаковой форме черт культуры, характерных для того или иного языкового сообщества» (Телия, 1999: 13). Для русского языкового сознания характерно использование названий частей человеческого тела в качестве языковых маркеров различных явлений действительности. Соматизмы издревле, ещё с эпохи язычества, в своей семантике отражают познавательные, интеллектуальные, эмоциональные установки русского человека. Не вызывает сомнения тот факт, что фразеологизмы в плане аксиологии «нагружены мнением и отношением говорящего, которые сразу нивелируются, если перейти на нейтральный код» (Телия, 1996: 89). Соматический компонент в составе фразем – это языковое отражение восприятия человеком самого себя, своего тела, его частей, внутренних органов сквозь призму этнокультурной отмеченности. В исследованиях по семантике фразеологизмов это процесс называется языковым окультуриванием тела. Этнограф прошлого века И.М. Снегирев писал в книге «Русские в своих пословицах» о том, что человеку свойственно ...изображать себя в своем языке, «измеряя членами тела своего действия своего разума и движение сердца». В связи с этим в русском паремийном фонде зафиксированы «сравнения и подобию, заимствованные от благородных частей тела, особенно от головы, языка, глаз, ушей, рук и пр., коими выражаются отвлеченные понятия посредством метафоры» (Цит. по: Гвоздарев, 1988: 117). Иначе образную семантику соматизмов называют «вещными коннотациями» (Успенский, 1979; Перцова Н., 1990), «мифологическими представлениями», господствующими внутри данной культурно-языковой общности.

Обратимся к части нашего иллюстративного материала для интерпретации причины присутствия во фраземах соматизма **сердце** как семантически многопланового ключевого компонента в этнокультурном аспекте.

Судя по данным словаря, фразеологизмы с компонентом **сердце** достаточно активны в памятниках письменности XI-XVII вв. Одной из этнокультурных причин наличия в языке прошлого немалого количества данных фразем является влияние текстов Библии, где лексема **сердце** употребляется более 150 раз. В каноническом тексте главная функция слова **сердце** – обозначение им центра внутреннего мира человека-христианина. В христианской традиции поначалу человек осознает себя сквозь призму сакральной установки **азь есмь душа**, попирая тело (иначе языческое – **азь есмь тЕло**)* и считая, что разум – это нечто буйственное. Признавалось знанием лишь то, что душе полезно, сосредоточенной в сердце. Такое ценностное осознание центра своего мира человеком эпохи Средневековья со временем, к XVI-XVII вв., пополняется осмыслением, что христианин не только заботится о душе, но и о разуме, а также познает естество человека как природное проявление. Безусловно, подобная динамика восприятия христианского мира и человека в нем нашла своеобразное отражение в языке, в частности во фразеологизмах с соматическим компонентом **сердце**.

В лексикографическом источнике лексема **сердце** активна во фраземах, обозначающих метафизический центр Вселенной человека – душу (1), интеллектуальное (ум), рассудочное (разум) поведение человека как христианина (2), а также эмоциональную сферу (видимо, еще с эпохи язычества) (3).

1. В христианском сознании сердце, наряду с восприятием впоследствии его в качестве мыслительного органа, воспринималось прежде как средоточие души. В связи с этим слово **сердце**, обозначая центр внутреннего мира человека, функционирует, наряду со словом **душа**, во фраземе **болЕти душею, сердцемъ**, которой нет толкования в Словаре. **Болети душею, сердцемъ** – ‘беспокоится, заботиться’: Жена ж<е> велми смятишся и **боляци сердцемъ**, едва возможе раздЕлити избыток пшеницы в пищу всему домови. ВМЧ, Дек.: 1-5, 24. XVI в. (1, 281). Лексема **сердце** и ее этнокультурный синоним **душа**, полагаем, настолько семантически тождественны, что о качествах души говорят, используя соматизм **сердце** или однокоренные образования в пределах устойчивых сочетаний: см. **вссердечные очи** – ‘о духовной зоркости’; **отъ глубока сердца** – ‘от всего сердца’; **литие сердца** – ‘великодушие’.

---

* Здесь и далее графическим значком «Е» обозначаем букву «ять».

2. Слово **сердце** - образное «вместилище» мысли - функционирует в составе фраземы **вкладати въ сердце** (см. синонимичное соответствие – **вкладати въ мысль**) в значении – ‘внушать’: **Вклад<а>(вклады) въ сердце** чи стая словеса. Изб. Св. 1076 г., 195 (2, 197); Приходя бо к нему [скупому богачу] нечисты и бЕсь и **вкладеть в мысль** ему, яко состаритис<я> имаши и болЕти начнеши. Изм., 199. XIV-XV вв. (2, 197).

Сердце как орган, воспринимающий мысль, обозначен соматизмом и во фраземах **влЕзти на сердце** – ‘прийти на ум’, **наполнити сердце** – ‘внушить кому-либо, сделать что-либо’. Образную нагруженность соматизма **сердце** как одновременного «вместилища» мыслей, эмоций отмечаем в вариантных фраземах **возложити на сердце (въ сердце), возложити на умъ (на разумъ)** – ‘внушить кому-либо какие-либо мысли, чувства’: По сем же **возложи** бѣ князю **въ сердце**, постави его (Илариона) митрополитомъ стЕи Софѣи. Ипат. лет. 144. (2, 293).

Положительные интеллектуальные намерения с благими чувствами – таково образное содержание слов **сердце** и **мысль** в эпистолярной этикетной формуле **ближнею мыслью, ближнимъ сердцемъ**, выражающей дружелюбие в письменной форме: Из далнова мЕста **ближнимъ сердцемъ** ... кнзьям и дьяку от Араслан-бека мурзы многое, многое челобитье. Астрах. а., № 2338. 1654 г.(1, 239).

3. Эмоциональное состояние человека как важная сфера его внутреннего мира также детально отражено посредством фразем именно с ключевым компонентом **сердце**. Сердце – место порождения всего спектра эмоций, степени их проявления. Палитра эмоций - радость, гнев, тревога, печаль – со всеми нюансами проявлений вербально материализовалась в большом количестве фразем. Приведем соответствующие иллюстрации.

Вознестися сердцемъ – ‘обрадоваться’: И яко сказаща Стополку яко створихъ повеленое тобою, и се слышавъ **вознесеса срдцмъ** (Сказ. Бор. Глеб.) Сильв. сб., 59. XIV в. (2, 300).

Лихо сердце держати – ‘сердиться, гневаться, затаить гнев, обиду’: А на нас **лихо срдца не держи**. Лавр. лет. 379 (8, 249).

Врежати сердце – ‘беспокоить, берeditь сердце’ (о состоянии тревоги): Пословъ же самодержцовыхъ отбиша отъ града зѣ безчестиемъ, лаявше жестокими словесы, и гордостию и величаниемъ возносящихся, **врежающе** и раздражающе **сердце** его. Каз. Лет. , 122. XVII в. (3, 106).

Надрывати свое сердце – ‘сильно огорчаться, расстраиваться’: Кабы знала немилость к себе друга милова, не тужила бѣ я по миломъ друге, **не надрывала бѣ своего ретива сердца**’ Песни Квашен., 929. XVII в. (10, 78).

В современном языке традиция функционирования фразеологизмов с соматизмом **сердце** с семантикой, сложившейся в языковом прошлом сохраняется и пополняется новыми фразеологическими реалиями. В народе о родителях, усыновивших ребенка, говорят: «**Родившие сердцем**», «Личность разрушается, если не противостоят общему потоку. ...Надо **думать сердцем**. Это способность к счастью» (Г. С. Померанц). Иначе быть не может, поскольку человек осознает свою целостность, пока бьется сердце, эмоционально поддерживая наши мысли, воплощенные в слове.

В заключении отметим, что соматизм **сердце** на основе метафорического переноса (с позиции синхронного восприятия) организует смысловое ядро фразем, в котором своеобразно сфокусировано сакральное и профанное мировидение человека как представителя восточнославянского этноса.

Литература

1. Источник материала. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975-1983.- В.1-10. После примеров в скобках первая цифра обозначает номер выпуска, вторая – страницу.
2. Гвоздарев, Ю. А. Рассказы о русской фразеологии / Ю. А. Гвоздарев. – М., 1988.
3. Перцова, Н. Н. К понятию вещной коннотации / Н. Н. Перцова // Вопр. кибернетики. Язык логики и логика языка. – М., 1990.
4. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в аспекте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
5. Успенский, В.А. О вещной коннотации абстрактных существительных / В. А. Успенский // Семантика и информатика. – М., 1979.

Summary. In this article “Dictionary of Russian language of XI-XVII cc.” is source of language material. In the monument of writing language the phraseologisms with key word **heart** designate the characteristics of a man in religios and secular pictures of world.

Степанова Л. И.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ
(на материале русского и чешского языков)

Чешская Республика, г. Оломоуц, Университет им. Палацкого в Оломоуце
ludmila.stepanova@seznam.cz

Язык развивается в тесном взаимодействии всех составляющих элементов своей системы. Изменения, произошедшие в морфологии и лексике, оказывают подчас незаметное, однако, тем не менее, постоянное воздействие и на другие уровни языковой системы, в частности, на фразеологию. Под влиянием динамических процессов в языке изменяется и фразеология – как фразеологический фонд в целом, так и отдельные фразеологические единицы. Воздействие языковой системы на фразеологический фонд в целом проявляется прежде всего в архаизации некоторых фразеологических единиц и их уходе на периферию и в появлении фразеологических неологизмов. Воздействие на форму и семантику отдельных ФЕ проявляется в количественных и качественных изменениях фразеологизмов: увеличении и уменьшении количества компонентов, замене компонентов, изменении их формы, синтаксической структуры, в развитии семантики ФЕ и т. д.

С другой стороны, фразеологизмы тоже оказывают воздействие на лексическую систему языка, хотя это влияние не так явно и еще недостаточно изучено. Самым заметным результатом воздействия фразеологии на лексический состав языка является появление новых лексических единиц, образованных на основе фразеологизмов. Количество таких единиц довольно велико, ср. русск. сложные слова: *зубоскал; сумасброд; ротозей; дармоед; очковтирательство; сумасшедший*; чешск. *okamžik, okamžení, pídimužik, odezdikezdismus, hrdloulež* и слова, возникшие на основе ФЕ: *баклушничать* (бить баклуши), *канителиться* (тянуть канитель), *сачковать* (бить сачка), *волынить* (тянуть волынку); чешск. *lelkovat (chytat lelky)* и др.

Некоторые слова приобрели новое значение, впитав в себя семантику устойчивых оборотов, компонентами которых они являлись, ср., напр.: *острить > острить зубы, рехнуться > с ума рехнуться, спятить > спятить с ума, дойти > до ручки дойти, здорово > здорово живешь, болтать > болтать языком* и т.д. (Мокиенко, 1980: 98).

Подобные явления наблюдаются и в чешском языке. Так, как показал И. Немец, древнечешское выражение *vytýkati oči komu čím* 'упрекать кого-л. в чем-л.' возникло на основе конкретного образа выкалывания глаз врагу. В современном чешском языке на основе данного оборота возникло переносное значение глагола *vytýkati komu co*, вобравшее в себя семантику породившего его фразеологизма. Подобно тому глагол *scházet*, который в современном чешском языке имеет конкретное значение глагола движения 'сходить с чего-л. вниз, спускаться', а также переносное значение 'ветшать, умирать', приобрел второе значение под влиянием фразеологизма *scházeti (sníti, sejíti) s světa*, сейчас это выражение живо в книжном выражении *sejíti se světa násilnou smrtí*. Поскольку приставка *s-* показывает на движение сверху вниз, то компоненты *s[e] světa* легко могли отпасть (Němec, 1968: 132-133).

Немало экспрессивных негативно оценочных лексем и фразеологизмов первоначально отражало реально существовавшие в древности действия и обычаи. Так, напр., и в русском, и в чешском языках известно много ФЕ, происхождение которых связано с древними методами наказания и пыток. Особенно внушительно количество таких оборотов в русском языке, ср. *узнать всю подноготную; подлинная правда, подноготная правда, пройти сквозь огонь и воду, вывести на чистую воду кого, согнуть в три погибели; в ногах правды нет; привести к Иисусу, правда у Петра и Павла, ставить на правед, ремешки кроить из чужой спины; запятнанная репутация; выставить на позор; пригвоздить к позорному столбу; зеленая улица; прогнать через зеленую улицу; заживо хоронить; на цугундер притянуть* и др.

Например, происхождение оборота *отъявленный негодяй* М. Михельсон связывает с лишением провинившегося голоса на сходе с последующим изгнанием его из общины, деревни (Михельсон, М. И., 1902, I: 775). Слова, отражающие изгнание, преследование, существуют и в чешском языке. Это, напр.: *švaný, švanec, prohnaný, prohnaný člověk, lotr prohnaný*. Сейчас это уже семантически немотивированные слова, которые служат обозначением хитрецов, мошенников, пройдох и т.п. (Němec, 1968).

Фразеологизм *prožžený neгодяй* отражает обычай проверять правдивость слов обвиняемого на так наз. «божьем суде», когда он должен был держать руку на огне или брать в руку раскаленное железо. Фразеологизмы, связанные с «божьим судом», найдем и в современном чешском языке, напр.: *pálený hoch*, *pálený ptáček* 'хитрец, плут, пройдоха', а также *poctivého perálí*.

Выражения *vypráskaný*, *fikaný*, *flákaný*, *mazaný* и др., которые являются сейчас немотивированными, также связаны с наказанием побоями. Так, в современном чешском языке слово *mazaný* уже воспринимается не в первоначальном смысле «битый», а в значении «мазанный». Благодаря такому переосмыслению появилась новая ФЕ *všemi mastmi mazaný* (букв. всеми мазями смазанный) «хитрец, пройдоха», где новые компоненты актуализируют не первоначальное, а именно переосмысленное значение. Конкретизация прилагательного *mazaný* другими компонентами ФЕ, объясняющая (хотя и этимологически неверно) его мотивировку, перемещает его от периферии ближе к центру словарного запаса языка и делает возможным его использование и вне фразеологии, уже в новом значении.

Экспрессивные прилагательные, связанные с наказаниями и пытками, ныне немотивированные, могут контаминироваться с экспрессивными выражениями другого происхождения. Покажем это на примере оборотов с существительным *lisa* – *liška*. Как русское *лиса*, *лисица*, так и чешское *liška* приобрело переносное значение «хитрый человек, плут, пройдоха», подобный метафорический перенос известен во многих европейских языках. Метафора стремится к повышению своей экспрессивности с помощью раскрытия образа, поэтому в некоторых языках возникают фразеологизмы-дериваты слова *lisa* в переносном значении, ср. *Lisa Patrukeevna*, *být liškou podšitý*. Русский оборот (известный с XIV-XV вв.) имеет форму женского имени и отчества, что повышает мнимую конкретность образа. Отчество, по мнению некоторых исследователей, восходит к имени литовского князя Патрикея Паримонтовича (XIV в.), который, как утверждали современники, коварно поссорив новгородцев между собой, использовал их вражду в своих целях (БМС 2005: 386).

Чешский фразеологизм *být liškou podšitý* (букв. быть лисой подшит), с одной стороны, опирается на переносное значение существительного *liška*, а с другой стороны, создает конкретное представление о пальто на лисьем меху. Напряжение между конкретным представлением, образом и переносным смыслом и создает ту экспрессию, которой отличаются фразеологические единицы. Позднее оборот *liškou podšitý* трансформируется в субстантивный фразеологизм *liška podšitá*, ср.:

Starý (sedlák) byl liška podšitá, vypálená, mazaná všemi mastmi. I. Herrmann (PS 4/1: 479).

На следующем этапе прилагательное *podšitý*, впитав в себя семантику оборота, приобретает самостоятельность и начинает употребляться в новом для себя значении 'хитрый, плутоватый', ср.:

A ten Smrž, je to podšitý horák, zchytralý, hrabavý. K.V.Rais (PS 4/1: 479).

A konečně se dostávám k tomu Zemanovi, který jest liškou chytrou, podšitou, všemi mastmi mazanou. Takovou Liškou Bystroušskou, posílenou jitřnicemi zalitými dobrým pivem a ostatním dobrým, vysokoprocením mokem. <http://jirihermanek.blog.idnes.cz>

От прилагательного *podšitý* затем образуется новое существительное *podšívka*, ставшее омонимом слова *podšívka* в прямом значении – 'подкладка', ср.:

Lokšův Pšenka vyrostl v šedovlasého podšívku všemi mastmi mazaného. Lidové noviny (PS 4/1: 479).

Старая метафора стремится к обновлению, иногда и с помощью сближения с другим выражением, в нашем случае, напр., с ФЕ *liška pálená*:

Liška se užuž chtěla zastavit a zavolat na sedláčka, ale rozmyslila si to a běžela dál. Ale stařenčin soused pořád za ní: „Dáš sem toho kohouta, kmotro pálená! pohadky-sveta.wz.cz

На первый взгляд, это удвоение символа хитрости, ведь прилагательное *pálená* также имеет значение «хитрый». Однако здесь мы имеем дело с более сложной игрой слов. Дело в том, что в чешском языке известен биологический термин *liška pálená*, который обозначает особый вид красно-коричневых, с подпалинами, лисиц. Таким образом создается обманчивое впечатление конкретной предметности выражения. Следует, конечно, отметить, что последнее замечание касается лишь специалистов, т.к. данный термин известен лишь немногим чехам, для большинства из носителей чешского языка выражение *liška pálená* является синонимом хитреца.

Таким образом, лексема благодаря употреблению во фразеологических контекстах приобрела новое значение, развила дериваты, которые стали употребляться и вне фразеологии. Это пример сложного воздействия фразеологии на лексический запас языка.

Описанные виды взаимодействия лексики и фразеологии весьма интересны, но они лежат более или менее на поверхности. Далее мы хотели бы остановиться на том виде взаимоотношения лексики и фразеологии, которому до сих пор уделяется мало внимания. Общеизвестно, что ФЕ удерживают в своем составе многие элементы прежних состояний языка, которые уже не известны в свободном употреблении. Количество архаизмов разных видов во фразеологии, особенно во фразеологии русского языка (что объясняется ролью церковнославянского языка в становлении русского литературного языка), довольно велико.

Устаревание лексической единицы, входящей в состав фразеологизма, также оказывает влияние на его жизнь. Часто происходит «семантическое обесценивание» такого компонента. Так, напр., ФЕ *дубина стоеросовая* содержит прилагательное, немотивированное для носителей современного русского языка, хотя, как показывает Л. Кругликова, первоначально выражение имело вполне конкретное значение. Слово *дубина* означало дерево вообще, а прилагательное *стоеросовая* служило характеристикой высокого, растущего вверх, а не раскидистого многолетнего дерева (Кругликова, Л., 2001: 104-110). В современном языке прилагательное *стоеросовая* уже воспринимается только как интенсификатор, призванный усилить выразительность данного выражения.

Особого внимания заслуживают семантические архаизмы в составе ФЕ. При тождестве формы и парадигматики такие фразеологизмы имели в прошлом совершенно иные денотативные отношения, чем в современном языке. Они остаются мотивированными, но их внутренняя форма претерпела изменения, и иногда весьма значительные. Такие изменения лексем Л. С. Ковтун называла неявными лексическими изменениями (Ковтун, 1971).

Поясним сказанное на некоторых примерах. Так, слово *животный* в ФЕ *животный страх* МАС определяет следующим образом: «присущий животному, такой, как у животного; только физиологический, не контролируемый сознанием, разумом», т.е. трактует его как дериват существительного *животное*. Однако П. Я. Черных убедительно доказывает, что прилагательное *животный* в данном выражении – это производное существительного *живот* в его архаичном ныне значении «жизнь» (Черных, 1956: 165). Таким образом, первоначально выражение *животный страх* означало «страх за свою жизнь».

Подобный процесс произошел и с ФЕ *страх божий*. Первоначальный смысл выражения – «страх быть наказанным Богом (за речи и т.п.)». Именно это значение приводит Словарь Моления Даниила Заточника, иллюстрируя его следующей цитатой из Моления:

Окушахся глаголати, имѣя уста ненаказана, ни обуздан язык страхом божиим (СлДанЗат, 194).

Библейский оборот *страх божий* (Пс 35, 2) сохранял свое первоначальное значение и в классической русской литературе XIX в., ср.:

А я, осмелюсь вам доложить, хоть на медные деньги обучен, но старших уважаю и долг почтения не забываю, для того что воспитан в страхе Божиим. П.Мельников-Печерский. *Непременный*.

Со временем семантическая нагрузка компонентов изменилась – главный смысл оборота взял на себя компонент *страх* в переносном адвербиальном значении «очень, сильно (о том, что удивляет своими размерами, количеством и т. п.)», а прилагательное *божий* стало восприниматься лишь как факультативное дополнение, усиливающее экспрессивность оборота. Ср.:

Эх, сколько я за свою жизнь кляузников повидал. Страх божий. В.Еременко. *Провалы памяти*.

С неверным в историческом плане восприятием компонента встречаемся и в речении *быльём поросло что* «о том, что давно забылось, стерлось в памяти». Сейчас слово *былье* употребляется только во фразеологии, где оно воспринимается как окказиональный дериват глагола *быть* в прошедшем времени – *было*. Эту

интерпретацию поддерживают и пословицы: *Мало ли что было, да былём поросло; Было да прошло, да былём поросло*. Однако этимологические словари показывают, что *былье* – это исчезнувшее собирательное существительное, образованное от глагола *быти* в его древнем значении «расти, вырастать», которое служило обозначением трав и другой растительности (ср. *былинка*). То есть первоначально выражение имело прозрачную внутреннюю форму – это былём поросло, т.е. это уже заросло травой, как тропинка, по которой давно не ходят (БМС 2005: 75-76).

И, наконец, последний вид взаимоотношений между лексикой и фразеологией, на котором я хотела бы остановиться, – это поддержка лексикой (и, разумеется, также другими уровнями языковой системы) ФЕ с архаизмами. Многие фразеологизмы, содержащие «затемненные элементы», не исчезают из языка потому, что, несмотря на архаичность некоторых своих компонентов, они не перестают быть для носителей языка единицами с понятной внутренней формой (подчеркнем, что семантика этих фразеологизмов носителям языка известна). Напр., ФЕ *погибоша аки обры* «о ком-, чем-л. погибшем, исчезнувшем без следа» – казалось бы, ни один компонент не имеет современной формы, однако основа компонента *погибоша* все-таки ясна, что позволяет структурировать внутреннюю форму; *темна вода во облацех* «о чем-л. непонятном, мудреном, неясном» – значение поддерживается прилагательным *темна*, в сознании русских хранится связь *темный – непонятный; ни зги не видно* «очень темно, абсолютно ничего не видно» – основную нагрузку берут на себя слова *не видно*, свою роль играет и структура; *разверзлись хляби небесные* «о проливном дожде», глагол ясен из-за префикса, значение слова *хляби* поддерживается прилагательным *небесные*.

Несмотря на «консервацию» устаревших компонентов во фразеологии, эти слова продолжают соотноситься со своей исходной формой, претерпевающей развитие, если же она уходит из языка, возможно возникновение ошибочной ассоциации с другими единицами. Перефразируя слова Ю. С. Сорокина, можно сказать: «История отдельного фразеологизма – только эпизод в общем движении словарного состава».

Итак, по нашему мнению, сохранению ФЕ с архаичными элементами способствуют именно ассоциации с другими лексическими и синтаксическими единицами языка и закономерности фонетической системы языка. Архаичные компоненты изменяют внутреннюю форму ФЕ, что приводит к иному восприятию фразеологизма носителями языка. Если сравнить внутренние формы одних и тех же фразеологизмов в разные периоды, они могут оказаться разными.

Таким образом, фразеология тесно связана с лексикой и всей системой языка в целом и развивается в тесном единстве с ней. На основе ФЕ могут появляться новые лексические единицы или возникать новые значения существующих слов. С другой стороны, лексическая и грамматическая система языка оказывает постоянное воздействие на фразеологию во всех ее составляющих – на форму и семантику фразеологизмов, на их внутреннюю форму. Внутренняя форма может быть затемнена (в разной степени) или переосмыслена в соответствии с новой языковой ситуацией и экстралингвистическими условиями. Одни немотивированные ФЕ оказываются на периферии фразеологического фонда и постепенно уходят из языка. Другие же фразеологизмы с затемненной мотивировкой продолжают функционировать в языке благодаря ассоциациям с другими единицами языка. И именно в этом мы видим самое верное доказательство взаимосвязи фразеологического уровня с другими звеньями языковой системы.

Литература

- Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005.
- Ковтун, Л. С. О неявных семантических изменениях // Вопросы языкознания. 1971. № 5. – .81-90.
- Кругликова Л. Е. Дубина стоеросовая // Русская речь. № 5. 2001. – С. 104-110.
- Словарь русского языка. В 4 т. – М., 1985.
- Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Т. 1. СПб., 1902.
- Мокиенко, В. М. Славянская фразеология. М., 1980.
- Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. – Л., 1981
- Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е годы XIX в. – М.; Л., 1965.

Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 1999.

Němec, I. Vývojové postupy české slovní zásoby. Praha, 1968.

Příruční slovník jazyka českého. D. I–8. Praha, 1935–1957.

Summary. Author of the article analyses the interaction of the different levels of the language system, especially of lexical and idiomatic level of language. System of the language affects phraseology in general and also affects particular idioms. Changes of phraseology in general have as result disappearance of some idioms and appearance of idiomatic neologisms. There are also described quantitative and qualitative changes of idioms.

Ткаченко Е. В.

**ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ УКРАИНЦЕВ В СВЕТЕ УКРАИНСКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ**

(на материале словаря «Українські прислів'я та приказки»

М. С. Мишанича и М. М. Пазяка)

Украина, г. Харьков, Харьковский национальный педагогический университет
имени Г. С. Сковороды
helenti-172@mail.ru

В процессе воспитания человек получает те качества, на которые его ориентируют не только семья, но и общество. Важное место здесь занимают принципы этнопедагогики, которая базируется на ценностях народа. Рождение ребенка рассматривалось как появление в семье нового работника, поэтому важную роль в семейной и народной педагогике уделяли именно трудовому воспитанию. «Устоявшиеся столетиями традиции выработали определенные принципы воспитания, которые заключались в привитии ребенку и постепенному наращиванию определенных трудовых навыков. Подготовка детей к трудовой деятельности основывалась на прямой передаче опыта от отца – сыну, от матери – дочери» (Макаrchuk, 1994: 154). Приобщение подрастающего поколения к труду является предметом исследования многих ученых-педагогов (И. А. Арабов, Б. М. Борлакова, Г. Н. Волков, С. Я. Карасова, К. Б. Семенов, И. А. Шорови и др.).

Важные для народа жизненные этапы отображаются в его языке. Так объектом нашего мини-исследования стало воспитание украинцев в свете украинской фразеологии, а предметом выступают фразеологизмы, которые отражают принципы и особенности трудового воспитания (на материале словаря «Українські прислів'я та приказки» М. С. Мишанича и М. М. Пазяка). В соответствии с объектом и предметом можно определить цель исследования – проследить основные тенденции трудового воспитания украинцев, заложенные в фразеологии (на материале словаря «Українські прислів'я та приказки» М. С. Мишанича и М. М. Пазяка).

Поскольку фразеологические обороты отличаются от слов и словосочетаний не только относительной устойчивостью компонентов, но и определенной целостностью фразеологического значения, то изучение этих единиц заслуживает отдельного внимания. Так вопросами фразеологии занимались Н. Ф. Алефиренко, В. Л. Архангельский, Я. А. Баран, В. В. Виноградов, Т. А. Дьякова, Т. А. Евтушина, А. А. Калякина, Б. А. Ларин, Ю. М. Лебеденко, С. В. Олейник, В. А. Папишь, А. Ю. Понамаренко, А. А. Потебня, О. И. Сушко, Н. М. Шанский, Н. В. Щербакова и др.

Сторонники «широкого» понимания фразеологии – А. И. Ефимов, В. И. Коваль, В. В. Коптилов, А. В. Кунин, Ф. П. Медведев, Л. Г. Скрипник и др. в составе фразеологии рассматривают не только идиомы и единицы фразеологического типа, а и пословицы, поговорки, крылатые выражения, присказки, устойчивые формулы этикета и под.

Именно во фразеологии языка запечатлена жизнь народа, его интересы и жизненные принципы, а «пословицы и поговорки характеризуют самые важные для человека стороны жизни, причем характеризуют не беспристрастно, а эмоционально выражают множество оттенков отношения к базовым ценностям» (Alefirenko, 2009: 245).

Заложенные во фразеологии знания народа отображают именно те моменты, которые являются актуальными и характеризующими, т. е. указывают на жизненные прин-

ципы, что передаются из поколения в поколение. Это и дает нам возможность проанализировать позицию украинцев по отношению к трудовому воспитанию.

В украинском языке трудовое воспитание затрагивает смежные понятия «труд» и «праця». Академический толковый словарь украинского языка дает такие определения понятия «труд»: «1. Упорная, усердная работа человека <...>. 2. Работа, которая требует высоких затрат физической и умственной энергии <...>. 3. Результат деятельности, работы, производство <...>» (Slovník ukraínskojji movy). Эти толкования напрямую связаны с понятием «праця»: «1. Деятельность человека; совокупность целенаправленных действий, которые требуют физической или умственной деятельности и предназначены для создания материальных и духовных ценностей; работа. <...>. 2. Трудовой процесс определенного специалиста <...>. 3. Определенный вид оплачиваемой трудовой деятельности, работа по найму как способ существования, источник дохода <...>. 4. Усилия, напряжение <...>. 5. Материализованный результат какой-либо работы, деятельности <...>» (Slovník ukraínskojji movy).

Таким образом, обратившись к основным понятиям можно заметить, что понятие «труда» включает в себя как умственные, так и физические действия, указывает на необходимость определенных усилий для получения результата от трудовой деятельности.

В педагогике понятие «труд» рассматривается как ценность, которая занимает особенное место в человеческой жизни. В этой науке нет деления на умственный и физический труд. Эти понятия едины и дают в результате истинное счастье для человека. В. И. Лозова и А. В. Троцко указывают, что «сам факт, работает человек или является обычным потребителем, определяют смысл его жизни, понятия счастья и добра» (Lozova, 2002: 63).

Проанализировав эту информацию, можем сформулировать понятие «труд», которое связано с процессом воспитания: физические и умственные усилия, направленные на получение результата и определяющие жизненную позицию человека и дающие материальное и моральное удовлетворение.

Реализацию этого положения мы рассматриваем на примере пословиц и поговорок, представленных в словаре «Українські прислів'я та приказки» М. С. Мишанича и М. М. Пазяка, в котором широко представлены единицы, раскрывающие значение труда в жизни украинцев и которые носят дидактический характер.

Так для украинцев работа определяется как один из основных видов деятельности (без праці не проживеш; без праці жити – тільки небо коптити; вперта праця все переможе; без роботи день роком став; без роботи не чекай доброти; не поможе гризота, лиш поможе робота; добрий чоловік без роботи, що бджола без меду; при роботі швидко час минає; птиця створена для польоту, а чоловік – для роботи; робота – не напасть; не хвалися язиком, а хвалися ділом; людину сушити не робота, а турбота; не будь лінивий – будеш щасливий; посій труд, а щастя вродить; хай твердо кожен знає: людину праця величає; треба жити не розказом, а працею та показом; праця робить чоловіка розумним; уперта праця все переможе). Таким образом, важность трудовой деятельности подчеркивается фразеологическим составом украинского языка. Эти пословицы и поговорки имеют положительную окраску, а оппозиционными к этой группе выступают единицы, в которых осуждается лень и нежелание работать (коли праця вийде дверима, то біда вікном лізе в хату; ледащо – не варте не на що; добра то річ – попоїв та й на піч; лінивому щодень свято; лінивому все тяжко; лінивій кобилі і хвіст заважає; і сокира лежачи ржавіє; під лежачий камінь вода не біжить; сон – смерті брат; хоч спить на славу, а не заробить і на траву; до роботи – в Гриця порвані чоботи; ні до печі, ні до речі; день свят, а діла сплять; ледар літо спав, восени облизня спіймав; робиш поволі – мало матимеш у долоні). Украинские пословицы и поговорки, которые осуждают лень, носят иронический характер, высмеивают бездействие и подчеркивают отсутствие результата. Хотя в единицах этой группы нет четкого деления на умственную и физическую работу, но можем проследить, что в единицах этой тематической группы прослеживается объективация именно физической работы (без труда неловиши і рибки із пруда; слова – полова, а праця – диво; гарно наша Танка жито жне, що і серпанка в руки не бере; хто багато говорить, той мало творить и под.) Эта тенденция прослеживается в пословицах и поговорках тематических групп, которые мы рассматриваем в этом мини-исследовании.

Воспитательный характер пословиц и поговорок еще более широко актуализируется в единицах, которые в своем составе уже реализуют противопоставление трудолюбия и лени (*стидайся красти, а не робити; краще добре робити, ніж гарно говорити; де працюють, там густо, а де гайнують, там пусто; маленька праця краща за велике безділля; роби добро – не кайся, роби зло – зла сподівайся; хто роботу робить, а хто ворон ловить; люди за діло, а ми за безділля; не мели язиком, а роби діло; з праці радість, з безділля смуток; якщо добре працювати, скрізь успіхи будеш мати*).

Качественно сделанное дело воспевается в пословицах и поговорках (*на дерево дивись, як родить, а на людину – як робить; горить йому робота в руках; дерево шанують, як добре родить, а чоловіка, як добре робить; кожна робота легка, коли охоче її робиш; нинішньої роботи на завтра не відкладай; не кінчай роботу язиком, а ділом; не робить з розгоном, але з розумом; не силою роби, а розумом, не серцем, а обичаєм; очам страшно, а руки зроблять; по роботі пізнати майстра*), а плохо сделанная работа осуждается и высмеивается (*він багато робить, щоб нічого не робити; він так робить, як піп через ріку паски святить; він би й робив, та в нього рукави болять; у нього й робота: не бий лежачого; де ліниво працюється, там пожитку не чується; коли ти робив, як пристало, то не плач, коли не удалось; на язык гарячий, до роботи ледачий; працює гірш теляти; робить так, аби збутися; роботи – як води, а користі мало; так робить, як не собі, швидка робота – як нагла смерть; чужа праця боком вилізе*).

Украинская фразеология также осуждает желание получать удовольствие от жизни, не прикладывая никаких усилий, попытки избежать работы, а пользоваться только ее результатами (*до роботи плачучи, а до танців скачучи; убирало б ся красно, їло б ся смачно, тільки робити страшно; жилося б пишно, їлося б смачно, та робити лячно; до роботи мама, а до танцю сама; до їжі рачки лізе, а до роботи й києм не загнати; доки був голоден, робити був не годен, а як ся наїв, то лиш би сидів; до роботи сама, а до миски – з двома; не кожен працює, хто їсть*).

Пословицы и поговорки учат стойко принимать сложности рабочего процесса и указывают на получение хорошего результата, вознаграждения (*гірка праця – солодкий спочинок; гірко зароблене солодко їється; добре роби, добре й буде; з ним і на камені доробишся хліба; корінь праці гіркий, але овоч солодкий; на чужу роботу дивитися – ситому не бути; по гіркім труді солодкий обід; праця чорна, паляниця біла; роби на дворі, буде і в коморі; як будеш чесно працювати, то прийде сама доля до хати; у працюватім колективі всі заможні і щасливі; щоби вволю всього мати, треба чесно працювати; чесно робити – весь вік багатіти*). Необходимость платы за работу и зависимость ее результата от оплаты также образует отдельную группу фразеологических единиц соответствующего содержания (*без плати нема роботи; гей, воли, коло плота, яка плата, така й робота; у роботі «ох», а їсть за трьох; зароблена копійка краще краденого карбованця; там ліниво працюється, де пожитку не чується; почин дорожче грошей; яка харч, така й робота; як пан платить, так слуга і служить*).

Украинская фразеология в своем составе оставила и отпечаток исторических эпох своего развития, так в словаре «Українські прислів'я та приказки» М. С. Мишанича и М. М. Пазяка часто встречаются единицы, которые создают оппозицию работник-исполнитель – человек, который использует наемный труд и указывают на получение высокой материальной выгоды от усилий обычных людей, которые работают физически, т. е. подчеркивают место социального статуса и имеющихся материальных благ в увеличении личного благосостояния (*тяжко сіяти, коли нічого орати; одним волом хліб не доробишся; не буде з швачки багачки, а з ткача – багача; робити то є що, а заробити ніде; від тяжкої праці скоріше будеш горбатий, ніж багатий; служба – не дружба; до багатого ідуть гривні, а до бідного – злидні; у багатого живіт росте, а у бідного – горб від роботи; пан не сіє і не косить, але вино п'є і великий живіт носить; панські руки чужу працю люблять; білі руки чужу працю люблять; не сіють пани й не жнуть, а хліб чужий жують; від трудів праведних не наживеш палат камінних; тепер радісно нам жити: не панам – собі робити*). Таким образом, пословицы и поговорки отображают невозможность обогащения людей, занимающихся физическим трудом, и указывают на безвыходность положения людей, которые не имеют высокого материального благосостояния.

Ряд представленных в словаре пословиц и поговорок несут отпечаток советской эпохи. Представленные в этой группе единицы подчеркивают важность именно физической работы (*всі трудівники – світла майбутнього будівники; не по дружбі, а по службі пізнавай людину; як ударно робить стали, симулянтів розігнали; у ледаря закон простий: працюй годину, півзміни стій; бракороб і нероба – одна хвороба; трудовдень хлібом красний; де кадри хороші, там і врожаї високі; хороший бригадир із степу останній іде і под.*). Стоит обратить внимание, что в пословицах и поговорках этого периода в истории страны указывается важность научного подхода и технического оснащения для качества физической трудовой деятельности (*вчений без практики, як бджоли без меду; навчання і труд поруч ідуть; без наук як без рук; добре орати як трактор поганяти; яка про машину турбота – така з неї і робота; «Відпочинь, сбшко, – сказав дід Тимошко. – Тепер не твій час, є трактор у нас»; автомати встановили – ручну працю замінили і под.*)

Отдельную группу в объективации трудового воспитания занимают пословицы и поговорки, которые описывают ремесла. Так народ высказывается о важности профессионализма в исполнении работы (*який ремісник, така й робота; майстра по роботі пізнати; добре тому ковалеві, що на обидві руки кує; хороший плотник: і до коліна кіл застриже; добра пряжа і на скіпці напряде; треба прясти, щоб руб'ям не трясти; кравче, добре край або сукно віддай; який пастух, така й череда*). Оппозиционной выступает группа, в которой находятся единицы, осуждающие некачественное выполнение работы (*злий пастух вовка годує; добрий з тебе пастух: дає корові виспатись; коли язиком дрова колеш, то і в печі не горить; не вмієш шити, так і не пори; кравче, пильнуй свого кравецтва, а в шевство не мішайся; один кує, дурний псує; як не коваль, то і кліщів не погань*).

В то же время в пословицах и поговорках широко представлены единицы, которые иронично указывают на невысокие заработки представителей определенных ремесел, отображая реалии жизни украинцев (*тесля завжди без воріт, а швець – без чобіт; колісник по шию в трісках, по коліна в боргах; у нашої пряжи дочки ні одяжі, ні сорочки; не буде з швачки багачки, а з ткача багача; голка всіх одягає, а сама гола; голка – гіркий заробок; має нитку, має голку, шие все життя без толку; мельник ніколи не миється, а все білий; ніхто не бачив з рибака багача; рибак і музика – то худе ремесло; хто рибу вудить, господарем не буде; у мисливця дим густий, та живіт пустий*).

В пословицах и поговорках отображается опыт и знания украинцев, их менталитет. Проанализировав представленные в словаре «Українські прислів'я та приказки» М. С. Мишанича и М. М. Пазяка единицы можно сделать вывод, что для украинского народа важна трудовая физическая деятельность, а бездействие и отлынивание от работы осуждается. Несмотря на сложности с получением достойной оплаты и взаимосвязь благосостояния от социального статуса, украинцы с радостью принимали полученный результат. Рассмотренные в нашем мини-исследовании пословицы и поговорки имеют высокий дидактический потенциал и передают знание украинской нации о труде. Перспективой нашего исследования служит анализ фразеологических единиц других типов и определение их дидактического потенциала в трудовом воспитании украинского народа.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – Москва, Флинта–Наука, 2009. – 344 с.

Лозова, В. І. Теоретичні основи виховання і навчання: навчальний посібник / В. І. Лозова, Г. В. Троцько. – Харків, ОВС, 2002. – 400 с.

Мишанич, С. В. Українські прислів'я та приказки / С. В. Мишанич, М. М. Пазяк. – Київ, Дніпро, 1984. – 394 с.

Макарчук, С. А. Етнографія України / за ред. С. А. Макарчук. – Львів: Світ, 1994. – 518 с.

Словник української мови. Академічний тлумачний словник 1970-1980. – Режим доступа: <http://sum.in.ua/>

Summary. The article discusses the didactic function of phraseological units, proverbs and sayings of the Ukrainian language, reflecting features of labor education. It is concluded that the work is recorded as an important value in the perception of Ukrainians, and shirking the work is condemned.

Фэнин Юй
АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ КРУГЛЫЕ ГЛАЗА
 (на фоне китайского языка)

Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический
 университет имени Герцена
 fengying168888@mail.ru

Сравнения экспрессивны, наглядны, образно характеризуют человека, явления природы, повседневные ситуации. В русском языке устойчивые сравнения дают богатые материалы для выявления лингвокультурологического сопоставления и отражения языковой картины мира. Вместе с тем, в русском языке они носят, как правило, разговорный характер, а в китайском языке — эти единицы книжные по происхождению и употреблению. Установление межъязыковых фразеологических эквивалентов разных типов служило и служит потребностям перевода и обучения иностранным языкам.

Для выявления лингвокультурологического потенциала фразеологических антропоморфных сравнений был проведен направленный ассоциативный эксперимент. Информанты являлись носителями русского и китайского языка с достаточным уровнем образования. Общее количество информантов — 50 русских и 50 китайских студентов. В результате нами было обнаружено, что в русском языке используется 12 единиц, характеризующих круглые глаза человека: *как у барана, как бельма, как бусы (круглые, неподвижные), как горошины, как у коршуна, как у птицы, как пуговицы (круглые, маленькие), как у рыбы (округло-глупые), как у рыси, как у совы, как у сокола, как у филина, как у ястреба*; в китайском языке — 6 единиц: *как у золотой рыбы, как абрикос, как у котёнка, как у ребёнка, как у дракона, как у лягушки*.

В русском языке представлены следующие тематические группы эталонов КФЕ: зоонимы (*как у барана, как у коршуна, как у птицы, как у рыбы, как у рыси, как у совы, как у сокола, как у филина, как у ястреба*); фитонимы (*как горошины*); хозяйственно-бытовые реалии (*как бусы, как пуговицы*); название болезни глаз (*как бельма: бельма (лейкома) — ‘стойкое помутнение роговой оболочки глаза’*). В китайском языке — зоонимы (*как у золотой рыбы, как у котёнка, как у дракона, как у лягушки*); фитонимы (*как абрикос*); глаза у другого человека (*как у ребёнка*).

Анкетирование носителей русского языка позволило уточнить данные словаря. Так единица *глаза как бельма* была отмечена информантами как устаревшая, которую все знают, но не употребляют. Более знакомой оказалась единица *как бельмо на глазу* со значением «о том, что раздражает, мешает кому-л». Эта единица (*глаза как бельма*) не была включена в список анализируемых единиц. При анкетировании носителями языка были отмечены как неупотребительные единицы, такие как: *как у аспиды, как пятки, как салазки*. Единица *как у панды* была отмечена не всеми информантами, однако она обладает частотностью употребления на блогах и в форумах, поэтому включена в список анализируемых единиц.

Обратимся, собственно, к анализу русских компаративных фразеологических сравнений (далее КФЕ) со значением *круглые глаза* человека. Анализ этих единиц можно проводить с учетом следующих параметров: 1) варианты компонентного состава КФЕ (по данным словарей и анкетирования носителей языка); 2) субъект сравнения КФЕ; 3) основание сравнения характерные для КФЕ; 4) употребительность носителями русского языка. КФЕ анализируются в алфавитном порядке стержневого слова.

КФЕ как у барана. Баран — это домашнее животное, которое у носителей русского языка прочно ассоциируется с глупостью и упрямством. Словари сравнений дают следующее определение данной единицы:

Лебедева Л. А.	Огольцев В. М.	Мокиенко В. М.
Единица не включена в словарь	С полным непониманием, недоумением или безразличием.	О чьих-л. круглых, выпуклых, ничего не выражающих глазах.

Толкования, данные в словарях сравнений, не совпадают, В. М. Огольцев вообще не отмечает сему «круглые», В. М. Мокиенко выделяет эту сему, уточняет, что это не про-

сто круглые, но и выпуклые, ничего не выражающие глаза. Для В. М. Огольцева важным оказывается не форма глаз, а выражение непонимания, недоумения и безразличия.

В анкетах встретились следующие варианты расширения компонентного состава КФЕ как у барана: как у тупого (у прямого) барана. Для КФЕ как у барана характерны следующие основания сравнения: *круглые, бессмысленные, неподвижные, тупые, глупые*. По мнению анкетированных, данная единица используется для характеристики глаз людей разного возраста и пола. Большинству анкетированных знакома эта единица, она употребляется для характеристики круглых и выпуклых глаз, а также для описания бессмысленных неподвижных и глупых глаз. По мнению информантов, данная единица обладает отрицательной оценкой.

КФЕ как бусы. Бусы – или ожерелье – украшение предмет роскоши. Нанизанные на нить камешки, жемчуг, *небольшие округлые* предметы – бусины. Бусы обычно надевают на шею, однако бывают бусы для рук и для ног. Также бусы иногда используют как ёлочные украшения. Википедия. Данная единица зафиксирована только в словаре В. М. Мокиенко. Она зафиксирована с пометой *неодобрительное* и значением ‘о чьих-либо круглых, неподвижных, маловыразительных глазах’. Варианты расширенного компонентного состава не встретились. Для КФЕ как бусы характерны следующие основания сравнения: *чёрные, блестящие*. По мнению анкетированных, данная единица используется для характеристики глаз людей разного возраста (кроме детей) и пола. Для описания детских глаз используется КФЕ как бусинки, она обозначает маленькие, блестящие и, чаще, чёрные глаза и обладает положительной оценкой. По мнению информантов, единица как бусы обладает отрицательной оценкой.

Таким образом, КФЕ как бусы используется для характеристики круглых, чёрных и блестящих, неподвижных, маловыразительных глаз и имеет отрицательную оценку.

КФЕ как горошины. Горошина – горох посевной – самый известный и распространённый. Семена его (горошины) *шаровидные* или слегка сжатые, но не угловатые, цветки почти всегда белые, хотя бывают розовые. Данная единица зафиксирована только в словаре В. М. Мокиенко, без пометы, со значением ‘О чьих-либо больших круглых, глупых и невыразительных глазах’. Варианты расширенного компонентного состава не встретились.

Для КФЕ как горошины характерны следующие основания сравнения: *зелёные, круглые, маленькие*. По мнению большинства анкетированных, данная единица используется редко, применима к характеристике глаз людей любого возраста и пола и обладает отрицательной оценкой. В результате сравнения данных словаря и ответов информантов, выяснилось несоответствие: в словаре говорится о *больших* и круглых глазах, испытуемые дали вариант *круглые* и *маленькие* глаза.

В КФЕ как у коршуна коршун, ястреб и некоторые другие виды семейства ястребиных (орёл, канюк, лунь, скопа) и отчасти соколиных (кобчик, чеглок) образуют единый образ крупной хищной птицы, наделяемой символической нечистоты и смерти, а так же демоническими и отвращающими свойствами.

Словари сравнений дают следующее определение данной единицы:

Лебедева Л. А.	Огольцев В. М.	Мокиенко В. М.
Одобр. О зорких округлых глазах мужчины.	Зоркие хищные дерзкие глаза.	О чьих-л. зорких округлых глазах О чьих-л. хищно выискивающих, пронзительно дерзких глазах.

Только в словаре Л. А. Лебедевой мы встречаем положительную оценку глаз, когда речь идёт о *зорких* и *округлых* глазах мужчины, в определении В. М. Огольцева рядом с прилагательным *зоркий* стоят определения *хищный* и *дерзкий*, в семантике этих определений содержится отрицательная оценка глаз, характеризующихся единицей как у коршуна. В. М. Мокиенко отмечает, что это *зоркие* и *округлые* глаза, но это еще и ‘хищно выискивающие, пронзительно дерзкие глаза’. Главными при описании глаз посредством единицы как у коршуна, являются семы *зоркий* и *хищный*, *дерзкий*, а сема *круглый* дает формальную характеристику глаз. Для КФЕ как у коршуна характерны следующие основания сравнения: *небольшие, круглые, зоркие, неподвижные, холодные*.

Большинство информантов объединили единицы как у коршуна, как у сокола, как у ястреба и отметили, что данные единицы им знакомы, часто используются для характеристики глаз мужчин старшего возраста или для описания глаз мужчин (или юношей) с хорошим зрением. К этим единицам можно присоединить сравнение – как у птицы. С

помощью данной единицы описываются глаза *большие и круглые*, она используется для характеристики глаз людей любого возраста и пола.

КФЕ как пуговики. Пуговка. Простейшая пуговица представляет собой *диск* с двумя сквозными отверстиями в середине. Однако, встречаются пуговицы других видов и форм (например, квадратные, треугольные, цилиндрические или шарообразные) (МАС. Режим доступа: <http://mas-dict.narod.ru>). Данная единица встречается только в словаре В. М. Мокиенко, без пометы, со значением 'О маленьких круглых невыразительных или глуповатых глазах'. В анкетах и в иллюстративном материале словарей встретились следующие варианты расширения компонентного состава единицы, *как пуговики*: как *круглые, большие, блестящие* пуговики. Для КФЕ *как пуговики* характерны следующие основания сравнения: *круглые, маленькие*. Большинство анкетированных отметило, что данная единица используется для характеристики глаз людей любого возраста и пола и имеет отрицательную оценку.

КФЕ как у рыбы. Данная единица фиксируется только одним словарём (Мокиенко В. М.) с пометой *неодобрительное*, и со значением 'О чьих-либо невыразительных бесцветных и округло-глупых глазах'. В анкетных и словарных материалах встретились следующие варианты расширения компонентного состава КФЕ: как у *дохлой, мёртвой* рыбы.

Для КФЕ *как у рыбы* характерны следующие основания сравнения: *круглые, бесцветные, пустые*. Данная единица используется для характеристики глаз людей любого возраста и пола и имеет отрицательную оценку.

КФЕ как у рыси. Рысь: *Отряд – хищные, семейство – кошачьи*. При обилии пищи рысь живёт оседло, при недостатке — кочует. В сутки она способна проходить до 30 километров. Основу ее рациона составляют зайцы. Постоянно охотится также на тетеревиных птиц, мелких грызунов, реже — на небольших копытных, вроде косули, кабарги, пятнистого и северного оленей, изредка нападает на домашних кошек и собак, а в лесу — на лисиц и енотовидных собак и других некрупных зверей. Лисиц уничтожает особенно решительно и злобно, даже когда в этом нет особой необходимости. (МАС. Режим доступа: <http://mas-dict.narod.ru>)

Единица *как у рыси* используется в художественном тексте: «Например, глаза *как у рыси*, почти без белков, одна темная радужка и уголки утянуты вверх». Марина Вишневецкая. Вот такой гобелен (1999). «Упёрся Пётр Кирилыч против себя и в темноте скоро разглядел муравейник, а возле муравейника мохнатую кочку, из кочки этой идут по земле большие усы, на манер травы белоуса, над усами шапка, а под шапкой то ли зайчики от луны играют, то ли горят на Петра Кирилыча в самый упор большие да зелёные такие глаза, *как у рыси*, когда она на человека с ёлки засмотрится ...» С. А. Клычков. Чертухинский балакирь (1926).

В данных примерах встречаются следующие основания сравнения: *большие, зелёные*.

КФЕ как у совы. Сова — хищная птица семейства совиных, ведущая ночной образ жизни. Главную пищу её составляют мелкие грызуны, преимущественно мыши и полёвки, также насекомые, во время гнездования — и птицы. (МАС. Режим доступа: <http://mas-dict.narod.ru>)

Словари сравнений дают следующее определение данной единицы:

Лебедева Л. А.	Огольцев В. М.	Мокиенко В. М.
О чьих-л. больших округлых глазах.	О глазах человека в темноте	О чьих-л. расширенных, больших и округлых глазах.

КФЕ как у филина. Филин — хищная птица отряда совообразных. Викисловарь

Словари сравнений дают следующее определение данной единицы:

Лебедева Л. А.	Огольцев В. М.	Мокиенко В. М.
О больших округлых глазах мужчины	Видеть в темноте (неодобр.)	О чьём-либо неприветливом, угрюмом, враждебном или обиженном взгляде

Сова и филин относятся к одному виду птиц-хищников, ведущих ночной образ жизни, в составе сравнений *как у совы, как у филина* отразились основные особенности глаз птиц: *круглые, большие, видящие в темноте, зоркие, хищные*.

Для КФЕ *как у совы, как у филина* характерны следующие основания сравнения: *большие, круглые, светлые*. Но сравнение *как у совы* характеризует глаза человека любого возраста и пола, а сравнение *как у филина* имеют отношение только к мужским глазам.

По данным анкетирования, оба сравнения имеют отрицательную оценку.

Литература

Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь русского языка. – Краснодар, 2003.

Мокиенко, В. М. Словарь сравнений русского языка. – СПб, 2003.

Маленький академический словарь. МАС. – Режим доступа: <http://mas-dict.narod.ru>

Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>

Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. – М., 2001.

Summary. The article deals with analysis of sustainable comparisons in Russian language characterizing round eyes (against Chinese). Experimentation allows us to identify specific national data comparisons in the Chinese and Russian language Katrina world.

Хабарова Н. А., Зирка В. В.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ

Украина, г. Днепрпетровск, Днепрпетровский университет

имени Альфреда Нобеля

verazirka@ukr.net

natikshkil@mail.ru

Текстам массовой информации в рамках рекламно-информационного дискурса по оси институциональности, как известно, присущи такие характеристики, как ясность, чёткость, прозрачность изложения, что достигается отправителями сообщения с помощью особых стилистических рекламных средств, к которым мы относим фразеологизмы. Их употребление основано на когнитивном переносе с целью привлечения внимания адресата, воздействия на его сознание и, соответственно, управления его поведением.

Цель данной статьи заключается в выявлении когнитивной модели восприятия информации, закодированной внутри текста посредством фразеологических феноменов для возбуждения интереса у потребителя и привлечения его внимания. Поскольку когнитивная теория отражает метафоризацию человеческого мышления, вербализированного во фразеологических выражениях и базирующегося на концептуальной метафоре, *актуальность* нашего исследования объясняется тем фактом, что метафорическая концептуализация объективируется на уровне фразеологизмов в рекламных интеллектуальных текстах аннотаций к художественным произведениям, которые и взяты для нашего исследования.

Для выявления концептуальных метафор, которые обладают огромной силой воздействия и узнаваемостью, нами выбрано именно рекламное пространство. Анализ собранного материала проводился в определении концепта-цели и концепта-источника, а также в определении концептуальной метафоры, на которой основываются фразеологизмы.

Отечественные лингвисты определяют фразеологизмы как «более или менее устойчивые группы слов, функционирующие в дискурсе, как номинальные единицы, характеризующиеся общей или частичной семантической трансформацией его элементов» (Назарян, 1987: 288). В таком значении этого термина мы присоединяемся к точке зрения исследователя и воспринимаем понятие «фразеология» (от гр.*phrâsis, phrâseos* и *logos*) как *выражение, речь, дискурс, доктрина*.

Исследование фразеологических феноменов объединяет разнообразные лингвистические теории отечественных и зарубежных лингвистов, а именно: российских (Н. Ф. Алефиренко, 2009; В. Виноградов, 1984; Ю. Н. Караулов, 1987; В. М. Мокиенко, 2005; И. Цибова, 2011), которые объяснили разницу между фразеологическими оборотами, пословицами, исключив их из области фразеологии; немецких (Hausmann, 1997); испанских (Casares, Coseriu, 1967); английских (Дж. Лакофф, М. Джонсон, 2004; А. Cowie, 1998); французских (Ш. Балли, 1980, Rey Gonzalez, 2002; А. Greimas, 1966; М. Mortchev-Bouveret, 2004), применивших описательный принцип, основанный на разработке типологий фразеологизмов.

Фразеология представляет обширную область лингвистических исследований и определена французскими учёными Alain Rey et Sophie Chantreau в словаре «Dictionnaire des expressions et locutions» как «система экспрессивных особенностей, связанных с соци-

альными условиями, в которых язык актуализирован, то есть функционирует» (Rey et Chantreau, 1989: 9). Другие исследователи, такие как А. J. Greimas, P. Guiraud, Ш. Балли, посвятили детальное изучение вопросу, применяя описательный и исторический подход. Согласно концепции Ш. Балли, было выделено три вида фразеологических оборотов: «свободные сочетания, узуальные сочетания и фразеологические единства» (Балли, 1955: 68). Они различаются степенью связности: свободным сочетаниям присущ неустойчивый характер, случайные ассоциативные связи, сформированные в дискурсе (*наилучший роман, привлекательный персонаж, очаровательное содержание, увлекательная история*). Фразеологические единства определены устойчивостью, неделимостью составляющих его компонентов, семантическое значение которых выявляется в совокупности фразы (*заключительный аккорд романа приводит к гедонистическому началу читателей; главный персонаж романа обладает не дюжей силой: может скрутить в бараний рог всех своих противников; биография писателя представляет белое пятно в современной литературе*). Отдельной группой выделены пословицы, поговорки, крылатые выражения, поскольку они заменяют не слово, а целое выражение: *нигде не бывает лучше как дома, один гвоздь другого выбивает*.

Описательный подход изучения фразеологических феноменов достаточно обширно исследован лингвистами в синхронии и охватывает формальные, семантические, прагматические и когнитивные аспекты. Они основываются на продуктивных приёмах образования фразеологизмов, сопровождаются семантическими трансформациями и проявляются в метафорическом, метонимическом переносе, ослаблениях, гиперболах, эллипсисах.

В рамках когнитивной теории концептуальная метафора определяется как результат установления аналогии между понятийными полями, не обладающими формально-логической соотнесённостью в процессе структурирования речевых актов; концептуальную метафору выделяют на тех же уровнях, она возникает благодаря взаимодействию между различными структурами знаний (фреймами или сценариями концептов) (Лаккофф, Джонсон, 2004).

Нами зафиксированы следующие примеры фразеологизмов в рекламных аннотациях: *выпить море с рыбой*, то есть очень хотеть пить; *быть приземистым*, то есть мыслить исключительно материально. Указанные способы фразеологизмов отнесены к фразеологическим единствам и находят свой источник образования в когнитивных принципах, которые позволяют охватить понимание одного явления, понятия через призму другого путем отнесения к антропологии либо к социальным стереотипам (Grossmann et Tutin, 2003: 14).

Многочисленными, по нашим наблюдениям, являются примеры сочетаний, построенных по принципу неясности, неопределённости: *золотое время, золотая свадьба, золотая душа, золотая молодёжь, золотая середина, золотое дно, золотой дождь, золотой, мешок, золотой телец, золотой фонд, золотые горы, золотые руки и т. д.* Поясним, например, фразеологизм *золотая душа*, который является метафорическим выражением отзывчивого, доброго человека.

Ко второму типу относят фразеологические сочетания, образные устойчивые выражения, которые характеризуются непредсказуемым значением, но содержат явную метафору или метонимию: например, *белые воротнички* – метафорически обобщенное выражение людей, служащих. Вид одежды является, в свою очередь, метафорой, принятой в западной социологии для обозначения различных категорий лиц наемного труда, а именно: служащие, работники умственного труда, конторские служащие, чиновники, работники аппарата управления, менеджеры, инженерно-технический персонал.

В нашей статье мы относим метафору к концептуальному плану и характеризуем её в аспекте установления отношений между концептом-источником (то есть значение фразеологической единицы) и концептом-целью (её буквальное значение). Мы определяем суть концептуальной метафоры в соответствии с пониманием и переживанием сущности одного вида в терминах сущности другого вида.

Таким образом, концептуальная метафора является источником пополнения лексического и фразеологического инвентаря. Фразеологические единства и сочетания, с помощью которых адресант характеризует персонажей произведения, само произведение, представляют нестандартные решения, основанные на непривычной форме подачи привычной информации с целью воздействия на адресата.

Пример концептуальной метафоры *сгустить краски* (разговорный стиль: чрезмерно преувеличивать или усиливать что-либо) в контексте рекламной аннотации к французскому роману Франсуазы Саган «Смутная улыбка»: *Главная героиня романа провела каникулы со своим другом. Слухи сгустили краски по этому поводу...* В данном примере структурирован способ, которым информация концептуализирована в нашем сознании. Концептуальная метафора *сгустить краски* позволяет проецировать представление концепта-источника *краски* на концепт-цель *слухи* таким образом, что поведение главной героини вызывает порицание общественности, её друг – злодей, а каникулы – преступление. Таким образом, прямая характеристики книги выглядит следующим образом: *главная героиня провела каникулы со своим другом, о чём слухи чрезмерно преувеличены.*

Наше исследование подтверждает тот факт, что фразеологизмы в рекламных текстах представляют способ скрытой концептуализации, а точнее метафорической концептуализации, то есть происходит концептуализация одной из сфер жизни терминами другой сферы: человеческой деятельности, описания эмоций и чувств, человеческих отношений, понятий, суждений, совпадений, сравнений. Проекция одного концепта на другой является частичной. Характерным в этом плане, на наш взгляд, является пример аннотации к детективному роману: *Во время бархатного сезона в гостинице отдыхали состоятельные постояльцы, которые не любили летнюю суету...* Фразеологизм *бархатный сезон* означает осенние месяцы. Он возник на основе метафоризации свободного сочетания слов: «*бархатный*» – мягкий, тёплый сезон. Качественные характеристики тканевой основы *бархат* (концепт-источник) перенесены на *время года* (концепт-цель).

Современная когнитивная лингвистика изучает метафору с позиции оформленной мысли в метафорическую модель как способ знания и объяснения действительности. Анализ работ по когнитивной лингвистике позволяет утверждать, что в соответствии с наиболее распространённым подходом, основной целью когнитивного направления является установление и описание *моделей концептуализации объективной реальности* в зависимости от особенностей мироощущения и мировосприятия, как отдельного индивида, так и культурного сообщества в целом.

В основе теории концептуальной метафоры находится метафорическое понятие как феномен языка, отображающий процесс познания мира. Метафорические модели вписываются в понятийные системы индивидуумов, так называемые схемы, в соответствии с которыми личность мыслит и действует. Когнитивная часть парадигмы представляет человеческую мысль с помощью фразеологических оборотов и основывается на структурной метафоре.

Примером структурной метафоры (когда понятие структурировано метафорично и выражено терминами другого понятия) может быть фразеологическое выражение «*тяжёлый стиль*»: *Роман написан тяжёлым стилем, свойственным писателю-современнику, с подробными описаниями сюжетных линий. С одной стороны повествование перенасыщено деталями, перипетиями, интригами; а с другой – соблазняет любителей фантастики опасными приключениями главных героев и невероятной игрой слов...*

С целью определения понятий, явлений, реалий адресаты рекламных текстов используют различные источники, свойственные языку. Рекламная деятельность относится к области сознания и подсознания, поэтому концептуальная (структурная) метафора представляет важный «аттрактивный» (attractive) механизм рекламы, с помощью которого передача информации от адресанта к адресату происходит лаконичным и соблазнительным методом. Обращение к лексическим языковым единицам, навеянным эпохой прошлого, объясняет когнитивный подход в изучении языка рекламы (Зирка, 2010). Метафора в этом случае выступает важным механизмом, при помощи которого мы осмысливаем понятия, информацию и передаём её читателю. Иными словами, с целью передачи сущности информации, закодированной в тексте рекламы, адресант использует языковые единицы, в которых закреплён уже существующий опыт.

Выявляя метафорическую составляющую фразеологической семантики рекламных текстов, определим наши позиции. Итак, концептуальная метафора – это способ думать об одной области действительности через призму другой области, в терминах которых структурировался опыт, относящийся к концепту-источнику. Концепт-источник – это та основа, признаки и значимые характеристики которой переносятся на другую область описания (концепт-цель) с целью привлечения внимания и манипулирования поведением адресата.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 416 с.
- Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
- Виноградов, В. В. Стилистический аспект русского словообразования / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1984. – 389 с.
- Зирка, В. В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект / В. В. Зирка. [2-е изд., исп.]. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 256 с.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
- Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём Дж. Лакофф, М. Джонсон: пер. с англ. [под ред. и с предисл. А.Н. Баранова]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Авалон. Азбука Классика, 2005. – 256 с.
- Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
- Cowie, A. P. Phraseology: Theory, Analysis and Applications / A. P. Cowie. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 258 с.
- Cruse, D. A. Lexical Semantics / D. A. Cruse. – Cambridge: University Press, 1986.
- Galatanu, O. La sémantique argumentative intégrée et ses enjeux pour l'analyse linguistique du discours / O. Galatanu // Les actes du Congrès International d'Etudes Françaises: La Rioja, Croisée des Chemins; Vol. 2, M.J. Salinero Cascante et Ignacio Inarrea Las Veras, 2004. – P. 213 – 225.
- Gonzalez, R. I. La phraséologie du français / Rey Gonzalez. – Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2001. – 224 с.
- Greimas A. Sémantique structurale / A. Greimas. – P.: Larousse, 1966. – 262 p.
- Grossmann, F. et Tutin, A. Quelques pistes pour le traitement des collocations / F. Grossman, A. Tutin // Les collocations: analyse et traitement. Travaux et recherches en linguistique appliquée. – Amsterdam: Werelt, 2003. – P. 5–21.
- Mortchev-Bouveret, M. Etude comparative de la phraséologie dans six dictionnaires de langue française / M. Mortchev-Bouveret. A. Buhofer and H. Burger: Verlag, 2004. – P. 289 – 298.
- Rey, A. et Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions / Alain Rey et Sophie Chantreau. Le Robert, collections usuels, 1989. – 342 p.
- Tsybova I. Lexicologie française / I. Tsybova. – М.: KD LIBROCOM , 2011. – 224 p.

Summary. The article deals with the idea of the conceptual metaphor expressed by the phraseological phenomena in the advertising and informative discourse. The linguistic effect of the phraseological phenomena and their structure are defined. The metaphorical model of the phraseological phenomena is studied from the view point of manipulation and effect. The problem is researched on the base of advertising texts of annotations.

Харченко В. К.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ¹
(по материалам 2012 г.)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kharchenko@bsu.edu.ru

Исследование состава и особенностей фразеологизмов проводилось на фрагменте-2012 авторской электронной базы высказываний «Мозаика современной речи» (1983-2012 гг.). Последовательной фиксации и квантитативной раскладке по 48 позициям подвергся материал трёх месяцев наблюдения: с мая по июль включительно. Таким способом можно было пронаблюдать прежде всего долю и дозу фразеологизмов в живой речи носителей языка на фоне таких «других» характеристик, как метафоры и эпитеты, вокативы и диминутивы, гиперболы и перифразы, литоты и словотворчество, профессионализмы и диалектизмы, синонимы и гендиадис, биномы и повторы, аграмматизмы и жаргонизмы,

---

¹ Проект выполнен в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2013 г. (проект 6.8195.2013).

дисфемизмы и этикетные формулы, звукоподражание и градация, метонимия и междометия, неологизмы и оксюмороны (перечислена всего лишь половина аспектов фиксации!). Выбор летних месяцев определялся большей свободой перемещения и наблюдения, поскольку в условиях такого естественного эксперимента, или мониторинга, нами записывалось всё то и лишь то, что «долетало до слуха». Гендер, возраст, род занятий, ситуация общения – всё это необходимо фиксировалось, и, хотя мы стремились к торжеству, максимуму возможного разнообразия, центры сгущения материала (по тому же роду занятий или возрасту!) неминуемо давали о себе знать. Разговорную реплику крановщика, большей частью пребывающего на высоте, или восьмидесятипятилетней женщины, большей частью пребывающей у себя дома, зафиксировать весьма не просто. И, тем не менее, собранный материал позволяет делать некоторые выводы.

Начнём с внутреннего самоопровержения, то есть не подтверждения одной из гипотез. Приступая к сбору материала и руководствуясь предварительными интуитивными срезами разговорного дискурса, первоначально мы полагали, что фразеологизмов... мало, во всяком случае, меньше ожидаемого – как по абсолютному количеству, так и по частотности. (Пословицы анализировались отдельно от «чистых» фразеологизмов, о них пойдёт речь в конце статьи). Приведём сам материал, то есть факты трёх типов: использование обычных фразеологизмов, использование их трансформов (вм. *от фонаря – от лампы*) и попытки создания собственных, авторских фразеологизмов.

В ожидании парада на площади женщина, лет 60, знакомой: *Нервы ни к чёрту! Ни к чёрту! Успокоительные надо пить. Она говорит: вместе будем жить. Когда поругаемся, когда помиримся – вместе! «Ему жи-ить было негде!» Чего ты ЛАЗАРЯ ПО-ЁШЬ? Это в садике поверят, а взрослые не поверят. На чужом несчастье своё счастье не строят!* (09.05.12).

Беседа с индивидуальным предпринимателем, г. Днепропетровск, 31 г.: *Жириновский ИГРАЕТ НА ПУБЛИКУ. Когда публики нет, когда камер нет, когда надо вопросы решать, то всё очень чётко, очень профессионально! Он же бывший подполковник военной разведки на Кавказе. А как увидит в дверях журналиста, тут же меняется: «Уберите журналогу!»* (10.05.12).

Профессор 66 л. о беседе на кафедре с потенциальным докторантом: *Ну, КРЫЛЬЯ мы ей НЕ ПОДРЕЗАЛИ! Наоборот, укрепили!* (10.05.12).

На собрании председатель президиума обращается к стоящим вдали: *Проходите! Что вы стоите, КАК СИРОТЫ КАЗАНСКИЕ? Места есть! И нам уютнее будет, комфортнее...* (14.05.12).

По телефону: *Говорят, она рвётся к власти. – Да, она вокруг него КРУГИ НАРЕЗАЕТ...* (05.06.12).

Работник канцелярии вспоминает, как нострифицировала диплом: *Там БОЛЬШЕ ГЕМОРРОЯ! Столько бумаг надо было собрать!* (12.05.12).

Доцент по телефону, 55 л.: *Помните, я вам говорила: Хочешь насмешишь Бога, говори о своих планах? Но хоть не будет этих ТАЙН МАДРИДСКОГО ДВОРА!* (20.05.12).

По дороге на пляж молодой человек девушке: *НЕ УСПЕЛ Я ГЛАЗОМ МОРГНУТЬ – а ты уже в воде!* (22.05.12).

По телефону доцент, 54 г., знакомой: *А теперь у меня (будет) пенсия! А теперь я КУМ КОРОЛЮ, СВАТ МИНИСТРУ!* (29.05.12).

Профессор, 71 г., по телефону вспоминает: *Никто тогда не помогал. И только все завидовали и СТАВИЛИ ПАЛКИ В КОЛЁСА. И эти палки надо было высовывать. Я защищалась в Днепропетровске...* (23.06.12).

Профессор из Азербайджана, 65 лет, женщина в автобусе по дороге на конференцию: *Он из Москвы, он любит, чтоб всё ЧИН ЧИНАРЁМ!* (29.06.12).

Профессор из Азербайджана, 65 лет, женщина, за обедом: *В Узбекистане ПЫШНЫМ ЦВЕТОМ РАСЦВЕЛО востоковедение. Даже в советское время!* (20.06.12).

Медработник, женщина, лет 50, знакомому водителю о получении социального жилья: *Эти чиновники сидят – КАРМАН НАБИТЬ, столько справок!* (01.07.12).

По телефону: *В кооперативном прошла проверка на соответствие диплому. Экономист – так читай экономику! А оказалось, что читают кто что! Ну, просто ОТ ЛАМПАДЫ!* (ср.: «от фонаря») (06.07.12).

Три девушки лет 17, одна вдруг убегает: *Мама! СКАТЕРТЬЮ ДОРОЖКА!* (смеются). Девушка возвращается, смеясь) (21.07.12).

Женщина 57 л.: *Так всё трещит, что не знаю, что делать! <...> То всё! То уже НАКРЫЛОСЬ МЕДНЫМ ТАЗОМ!* (26.07.12).

Паспортистка 63 г. о внучке 2, 5 лет: *Мама ей говорит что-то – она не слышит! Она НА СВОЕЙ ВОЛНЕ! Таня ей: «Я другую дочку возьму!» – «А я дугую (sic!) маму найду!» Какова?!*

На лавочке в сквере студентка лет 18 знакомой по поезду лет 75: *Жара, понимаю, что надо в себя что-то забить, хоть раз в день горячее. – Я тебе скажу, где (объясняет). Ты там купи слойку с капустой, очень вкусная, слойку с ветчиной. – Ой, СЛЮНЬКИ ПОТЕКЛИ...* (31.07.12).

Студентка лет 18 о поезде в жару: *ДУМАЛА, С УМА СОЙДУ! Хорошо, у меня верхняя полка была. Тянуло в окно. А в Пензе нас перецепили – уже полегче. А в Воронеже опять перецепили. А спуститься вниз покушать – СЕМЬ ПОТОВ с тебя СОЙДЁТ!* (31.07.12).

Заявленные выше аспекты были сгруппированы по четырём рубрикам: используемые весьма часто, часто, редко, весьма редко.

Исследование показало, что фразеологизмы попадают во вторую группу. Пики «интересного» составили: метафора – 95, повтор 62, диминутив 59, дисфемизм 50, эпитет 49, предложение 44, вокатив 42, сравнение, междометие по 41. На этом чаще всего «играют» говорящие. Вторую группу с несколько меньшей частотностью составили: аграмматизм, словотворчество, приставка, юмор – по 34, интенсификация 31, фразеологизмы, этикет по 30. На эти две группы наиболее частотных расцветок речи приходится 710 реплик (высказываний), что составляет 62, 4 % от общего числа фиксаций. Здесь просматривается «золотое сечение» материала по разговорному дискурсу. На 16 рубрик приходится 62, 4% высказываний, на «оставшиеся» 32 рубрики – 37, 6% реплик.

Спрашивается: откуда взялось 30 единиц, если в вышеприведённом списке всего 19 фразеологизмов? Объясняется это принятым в книге рабочим принципом повторения реплик (в материалах электронной базы фиксировалось до трёх параметров в одном и том же высказывании). Так, фразеологизм мог входить в реплику, где более ярко звучала метафора или обнаруживался факт словотворчества, так что подсчет реальной фразеологии шёл по всем высказываниям трёхмесячной фиксации.

Спрашивается, откуда возникает гипотеза о будто бы малом количестве фразеологизмов в живой спонтанной речи. Вывод возможен только один: фразеологизм столь пластично вписывается в реплику, что его подчас не замечаешь. Другое дело, если просчитываешь всё и вся. Заметным фразеологизм делает его игровая трансформация.

Итак, пластика ввода – первая, но не единственная особенность разговорной фраземики.

Вторая особенность фразеологизмов разговорного дискурса – явное преобладание фразеологизмов с компонентом-соматизмом. Кстати, аналогичный «соматический синдром» мы фиксировали ранее при изучении состава фразеологизмов в родословном дискурсе. Чем ещё интересны фразеологизмы родословного дискурса? «Среди них немало фразеологизмов с центральным компонентом названием части тела, соматизмом: *сердце, рука*, то есть фраземика родословного дискурса тяготеет к позитивной символической. Из фразеологических единств в родословном дискурсе лидируют «мастер на все руки», «золотое сердце» и т. п.: *...Она всегда посочувствует чужому горю, не пройдёт мимо беды, всегда протянет руку помощи* (Ш. А. С.). *У них была многодетная семья. Григорий Николаевич был зажиточным крестьянином. Они много, не покладая рук работали, было большое хозяйство, пчёлки, большой сад. <...> Бабушка не боялась никакой работы. У неё золотые руки* (К. Е.). *И всю жизнь дед Иван и баба Галя работали там не покладая рук. Он хлеборобом, а она в животноводстве. Они жила честно, хоть и не богато, но не держали «камень за пазухой» ни на власть, ни на людей* (Б. Т.). Заведомый позитив жанра семейного родословия оборачивается тем, что, например, такой распространенный фразеологизм, как «*мастер на все руки*», в тексте начинает играть всеми красками, сенсорикой восприятия, подробностями, доказательствами, что это действительно так. *Дедушка был мастер на все руки – сам делал мебель, сам крыл крышу, мог сшить тапочки и приготовить вкуснейший обед, любил читать, составлял красивые букеты и очень любил полевые цветы* (Я. Л. В.). Соответствие соматики фразеологизмов разговорного и родословного дискурсов отнюдь не случайно: в родословии отфильтровывается то, что многократно повторялось в живой, в том числе внутренней речи (*золотые руки, мастер на все руки*).

Получается, что и в разговорном, и в родословном дискурсах фразеологизмы «обслуживают» тело. Однако в разговорном дискурсе в отличие от «стыдливого» родословного фразеологизм обслуживает ещё и негатив души, когда надо снять эмоциональное перенапряжение, см. выше: *вставляя палки в колёса, с ума сойду, карман набить*. Говорящий получает готовые формулы для экспликации отрицательных эмоций, необходимых человеку, но с дефицитом их языковой презентации. Материалы фиксируют появление относительно новых фразеологизмов: *я в шоке! больше геморроя!*

Третья особенность разговорной фразеологии образца 2012 года – творческое отношение к фразеологизмам, что проявляется, во-первых (что проще!), в трансформации фразеологизма, (*от лампы* вм. *от фонаря*) и, во-вторых, в игровом изменении коннотации (см. выше: *скатертью дорожка*), а также (что на порядок сложнее), в-третьих, в попытках сотворения собственного фразеологизма.

До сих пор мы вели речь только о фразеологизмах в чистом виде. Что касается употребления пословиц, то по данным за три месяца 2012 г. они попадают даже не в третью группу, а в четвёртую как используемые весьма редко. Примеры пословиц:

Профессор, г. Тула: *Потом она вернулась туда стричь купоны. Миллион в месяц... В общем, (живу) по пословице: ЖАЛУЕТ ЦАРЬ, ДА НЕ ЖАЛУЕТ ПСАРЬ!* (23.05.12).

На совещании зав. кафедрой ректору: *Ни Управление образованием не за интересовано, ни школа. Мы КАК ОДИН В ПОЛЕ ВОИН бегаем по школам, агитируем за набор...* (07.06.12).

Зав. кафедрой о создании Центра психологической помощи: *И мы зависли! «ДО БОГА ВЫСОКО, ДО ЦАРЯ ДАЛЕКО!»* (07.06.12).

На рынке продавщица яиц, лет 55: *Ира! НА ЛОВЦА И ЗВЕРЬ БЕЖИТ! Почему выложили, ничего не сказали? Тридцать штук не хватает!* (25.06.12).

По телефону доцент 55 лет: *...И я решила, что я этот диван выброшу! Это вообще какой-то кошмар! БЕДНОМУ ЖЕНИТЬСЯ – И НОЧЬ КОРОТКА!* (04.07.12).

Когда исследователь паремий стремится иллюстрировать теоретические постулаты не самыми известными пословицами, это вызывает ощущение открытия, эвристики, как, например, при чтении монографии Н. Н. Семененко (Семененко, 2011).

Предельно малый удельный вес пословиц и прискорбно малый уровень их разнообразия может быть обусловлен и объяснён, во-первых, физическим отсутствием референтов пословиц. Пожилые члены семьи, как правило, живут сейчас отдельно от молодых, тогда как тонкое отношение через эвристику пословицы к будто бы банальной бытовой ситуации может продемонстрировать именно старый, многоопытный, «поживший» человек. Во-вторых, пословичную недостатку может объяснить мощный процесс унификации речи под воздействием СМИ, повлиявший на языковую личность самих потенциальных передатчиков пословиц. Не употребление пословиц говорящими объясняется... элементарным незнанием богатейшего пословичного фонда языка.

Если в художественном и публицистическом дискурсах чаще используются пословицы-трансформы, то в разговорной речи трансформы пословиц, по нашим исчислениям, занимают более скромное место. См. выше: *мы, как один в поле воин, ... и Один в поле не воин*.

Обратимся ещё раз к коннотации фразеологизмов и пословиц. Из пяти приведённых пословиц четыре с негативным, пессимистическим звучанием. Из 19 (20, поскольку в последнем высказывании два фразеологизма) реплик диалогов в 11 проступает пейоративная коннотация используемого фразеологизма. Всё это свидетельствует о дефиците языковых средств выражения отрицательных эмоций, весьма необходимых языковой личности, на что указывают психологи, психотерапевты и даже профессиональные педагоги (Гордон, 2010). Фразеологический, в том числе пословичный фонд языка привычно поставляет материал для образной презентации переживаемого.

Литература

Семененко, Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. – Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011. – 355 с.

Гордон, Томас. Как воспитать в детях чувство ответственности. Курс эффективного родительства. Пер. с англ. – М.: Ломоносовъ, 2010. – 510 с.

Харченко, В. К. Фраземика родословного дискурса / В. К. Харченко // Фразеология, познание и культура: сб. докладов 2-й международн. научн. конф.: в 2 тт. Т.2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 331-335.

Харченко, В. К. Мозаика современной речи: материалы для исследования. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2012620966 от 19 сентября 2012 г. (свыше 3, 6 тыс. лично собранных высказываний разговорного дискурса); Харченко В. К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М.Горького, 2013. – 192 с.

Summary. The article describes the role of idioms among other means and techniques of expressiveness in colloquial speech based on the recorded spontaneous speech during a 3-month period. The author investigates the following peculiarities of phraseological units in colloquial speech: plasticity of idioms introduction, abundance of phraseological units with somatisms as constituents, the word creativity.

Цветаева Е. Н.

**ЧТО НАШЕ ВРЕМЯ — ДНИ И ГОДЫ: МИФОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
«ТЕМПОРАЛЬНОЙ» ФРАЗЕОЛОГИИ**

Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет
elenatsvetaeva@yandex.ru

Выдающийся русский филолог и палеограф, академик Измаил Иванович Срезневский, еще в позапрошлом веке в одном из своих сочинений заметил: **«Темно, неопределенно, безотчетно выражает язык жизнь и мысль народа, столь же темную, неопределенную, безотчетную. Одно и то же слово есть вместе название и предмета, и действия его, и качества, и впечатления, ими производимого в уме, точно так же, как и в уме народа все это остается неотделенным»** (Срезневский, 1849). Эта мысль заставляет нас обратиться к семантическим глубинам лексических единиц и задуматься о синкретичности, присущей мифологическому сознанию. А если мы обратимся к темпоральным категориям, то «погружаясь» в них, мы придем к неизбежному рассмотрению наиболее древних представлений человека о времени.

Время, как и пространство, относятся к базовым категориям традиционной картины мира. Различают время мифологическое, циклическое, бесконечное, и время историческое, линейное, дискретное. **«Символом первого можно считать круг, второго — прямую. Эти два типа не исключают друг друга...»** (Толстая, 2011: 184). Нас будет интересовать время именно мифологическое.

«Язык — главный, но не единственный источник наших знаний о том, как человек представляет себе время, как он его категоризирует, структурирует, оценивает и как он им пользуется (приспосабливается к нему, воздействует на него). Кроме языка, мы можем получить эти знания из различных форм и видов культуры... Но первое место, безусловно, принадлежит языку. Это, прежде всего, лексика и фразеология...» (Толстая, 201: 152-153).

«Темпоральная» фразеология любого языка обширна, ее роль в концептуализации мира и вербализации ментальных категорий трудно переоценить. Предлагаемый лингвистический этюд затрагивает лишь две лексемы немецкого языка, *Jahr* (год) и *Tag* (день), являющиеся компонентом большого количества фразеологизмов (и не только в немецком языке). За каждым из этих слов (впрочем, как и за любым другим словом любого языка) стоит не только их собственная история, но и история человеческого мировоззрения. Причем последнее во всех своих ипостасях присутствует в языке постоянно, никуда не уходит, но в разные эпохи и в разных ситуациях проявляется с разной интенсивностью.

Речь пойдет о том, как *миф* проявляется в лексической семантике, влияя на парадигматические и синтагматические отношения слов. Причем миф, трактуемый современным гуманитарным знанием неоднозначно, понимается нами вслед за Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским исключительно как феномен сознания. *Мифологическое* описание предметов, событий и явлений окружающего мира связано с *узнаванием, отождествлением* (Лотман, Успенский, 2010: 526). Именно сообразуясь с этим *узнаванием* и *отождествлением*, мы можем попытаться выделить в семантической структуре слова некий элемент (назовем его *мифосемой*), скрытый от поверхностного взгляда, но реализующийся во взаимодействии с другими лексемами, позволяющий обнаружить себя

при этимологическом и историческом семантическом анализе. Фразеология в этом случае — идеальный материал.

Для полноты картины рассматривается не только материал немецкого языка, но и других (не только германских) языков. Ведь речь идет и о мифопоэтической модели мира, которой присущи универсальные категории, обнаруживаемые в разных культурах, а время — одна из базовых категориальных мифологем.

Обе лексемы находятся в определенных парадигматических отношениях с *мифо-семантической* точки зрения. Дело не только в их принадлежности к лексико-семантическому полю *время*. В синтагматике этих лексических единиц реализуется весь спектр их семантической структуры, не в последнюю очередь связанный с мифопоэтическими корнями.

Рассматривая *время* как когнитивно-вербальное понятие, следует учитывать то обстоятельство, что на ранних этапах развития человечества представление о времени носило циклический характер, что было вызвано исключительной важностью для существования человека циклических процессов.

Например, А. Я. Гуревич вводит понятие *аграрного времени* (Гуревич, 2006: 28): термины, обозначающие время у скандинавов и восходящие к глубокой древности, почти все указывают на цикличность его восприятия либо на связь течения времени с человеческой жизнью, например, в норв. *ar* — *год; урожай, плодородие*; *tid* — *время; сезон* (ср. англ. *tide* — *прилив*; тже. нем. *Gezeiten* 'прилив и отлив', свн. *gezeit* = (*festgesetzte*) *Zeit* «(точно) определенное, положенное время»).

В этой связи целесообразно обратиться к мифологическим текстам, продуцируемым мифологическим сознанием. В нордической мифологии «темпоральная» концептуализация мира представляется следующим образом: Три сына Бора, Один, Вили и Ве, «...назначили свое место в небе молнии и огненным метеорам, а другим дали волю под небом и назначили пути и тем и другим. Отсюда... взялось разделение *по годам и дням*<...> Но ни солнце, ни луна, ни звезды не знали своего места... Тогда посоветовавшись, *назначили каждому свету его место*», назвали утро и полдень, и предполуденное время, и вечер, чтобы «*дети человеческие, дети времени, могли считать годы*» (Торп, 2008) (курсив наш — Е. Ц.). Итак, с одной стороны, деление по годам и дням, а с другой — люди есть дети времени. Именно этот мотив мы находим в современной немецкой лексеме *Welt* (мир). Лишь этимология предоставит нам сведения о том, что изначально это композит, состоящий из компонентов *wer* (человек) и *alt* (однокоренное с соврем. нем. *Alter* «возраст»): свн. *we (r)lt*, двн. *Weralt* = *Menschenalter*, *-zeit* (век человеческий, время человеческое), в эти исторические периоды композит еще имеет значение *Zeitalter* (эпоха, век, земная жизнь); также и в англ. *World*; ср. с норв. *öld* — обозначает как *время, век*, так и *род людской, народ*.

Этимологически нем. *Tag* = (Tages)zeit, wo die Sonne brennt, 'helle, heiße Tageszeit' (время (дня), когдасветитсолнце, т. е. светлое, теплое время дня). Ср.: рус. *день* восходит к индоевр. **di-* со значением 'излучать свет', 'сиять', 'блестеть', а нем. лексема *Jahr* служила изначально для обозначения «оборота солнца» и наряду с этим значила и весну, и вообще времена года (см. тж. выше значения норв. *ar*). Ср.: нем. *Jahr* «год» восходит к герм. корню со значением 'весна', тж. и в индоевр., напр., древнерусск. *ярый* 'весенний' (ср. нем. *Frühjahr* «весна», где первый компонент имеет значение «ранний»); соврем. нем. поэт. *Lenz* «весна» восходит этимологически к прилагательному *lang* «длинный, долгий», т. е. связывается с представлениями об увеличивающемся весной световом дне. И день, и год — сопоставимые категории, этими единицами в равной мере можно считать время, так как они определяются единой мифосемой, релевантной для квантификации времени — считается количество промежутков светлого, теплового времени (в то время как *зимы* и *ночи* утратили эту функциональную способность, когда-то им свойственную, сохранились лишь фрагментарно, напр., в рус. *сколько зим, сколько лет*, в англ. *sennight*, из: *seven night* рел. «*седмица, семь ночей*», устар. «*неделя*»; *fortnight*, из: *fourteen night* «*две недели*»; в двн. *hiu nahtu*, что соответствует в совр. нем. диал. *heint*, что также значит *heute* «*сегодня*», но скрывается за ним собств. *этой ночью*).

Исконная функциональная необходимость считать *время*, например, *днями* и *годами*, привела в последствии к тому, что обе лексемы становятся, прежде всего, когипонимами, подчиненными гиперониму *время*, представляя собой синонимическую пару, являясь, в то же время, и синонимом лексемы *Zeit* (время). Именно этот семантический

аспект реализуется во фразеологии. Рассмотрим буквальное значение фразеологизмов с компонентом *Tag*, где он соответствует лексеме *Zeit*:

in guten und bösen Tagen zusammenhalten «держаться вместе в хорошие и в плохие дни (времена)»;

in den nächsten Tagen «в ближайшие, следующие дни», употр. в значении «в ближайшее время»;

jmdm. den Tag (*die Zeit*) stehlen «украсть у кого-л. день (время)»;

morgen ist auch noch ein Tag (*es hat noch Zeit, hat keine Eile*) «и завтра есть день» (*время еще есть, торопиться необязательно*);

свн. *nimmer tac* (никогда, ни в какие времена) (средневековый эпос «Кудрун», 1311, 4).

С компонентом *Jahr* фразеологизмов чисто количественно значительно меньше. Они частотны преимущественно, когда речь идет об экспрессивном описании цикличности, повторяемости (что само по себе является проявлением мифологичности): *Jahr für Jahr* «год за годом», *von Jahr zu Jahr* «из года в год», а выражение *jahraus, jahrein*, в котором в состав сложных слов входят предложно-наречные элементы со значением *из* и *в* означает собств. «от конца одного, текущего года и далее от начала следующего», «продолжительное время, всегда».

Оба компонента достаточно частотны в составе парных выражений (*Jahr und Tag*). Эти лингво-ментальные феномены становятся – с одной стороны – противопоставленными друг другу понятиями, фактически антонимами (срок предполагает не только год, но и день, вернее дни), с другой – они являются частью одного целого, т. е. определенного срока (выражения эти довольно многочисленны в современном немецком языке, содержащаяся в них пара лексем практически всегда означает «продолжительное время»): *nach Jahr und Tag* “nach einem längeren Zeitraum, in vielen Jahren”, *seit Jahr und Tag* “seit längerer Zeit, seit vielen Jahren”, *vor Jahr und Tag* “vor längerer Zeit, vor vielen Jahren” (за ними скрывается указание на истечение продолжительного времени, многих лет). Все они восходят к древней правовой формуле, которая представляла собой четко определенный срок – один год, шесть недель и три дня. Это было связано с вступлением в права безраздельного владения чем-либо не раньше строго определенного времени. В течение этого времени предыдущий правообладатель, если он не обжаловал решение суда, утрачивал свои права. Дело в том, что *тинг* созывался каждые шесть недель и продолжался в течение трех дней (Röhrich, 1976). То есть должно пройти не просто много времени, а прежде всего *достаточное* количество времени, *пре-достаточное* для того, чтобы человек мог считаться полноправным и безусловным владельцем какой-либо собственности и т. п.

С течением времени семантический акцент фразеологизмов с парой *Jahr und Tag* сместился в сторону исключительной продолжительности, причем неопределенной. Своего рода гиперболизацию этой идеи мы находим у Т. Манна, в романе “Der Zauberberg”: “Ich bin *seit langer Zeit* hier oben... *seit Jahren und Tagen*, – *genau weiß ich es nicht, wie lange*, aber es sind *Lebensjahre*...” (букв. ...давно..., *годы и дни*, – точно я не знаю, как долго, ...*годы жизни*). Причем, это отразилось и на грамматической структуре – оба существительных употребляются здесь в форме множественного числа.

Оба слова претерпевают и своеобразный метонимический сдвиг: считая время, они считают заодно и возраст человека, соотносимый с ним (со временем): *auf meine, deine usw. alten Tage* (это в мой-то и т. д. годы); *in die Jahre kommen* (эвф. *становиться старше*); *in den besten Jahren* (*в лучшие – собств. “молодые” – годы*).

Во фразеологии современного немецкого языка мы «прочитываем» лишь отголоски этого значения лексемы *Tag*. Очевидно, что она синонимична годам, летам, которые считает время. Средневековый эпос демонстрирует регулярное употребление “своих дней”:

...er ist *der tage sîn*

kûme in zweinzic jâren gewahsen ze einem manne

(«Кудрун», 1113, 2-3)

(он за двадцать лет *своей жизни*, вырос, возмужал, стал мужчиной)

In *sînen besten zîten*, bî *sînen jungen tagen* («Песнь о Нибелунгах», 22, 1)

(в свои лучшие времена, в свои молодые годы)

Таким образом, в свн. выражение *junge Tage* имело значение «юные годы, молодость»

Продолжая исторический экскурс, обратимся к евангелическим текстам, например, к двн. памятнику Tatian. В известном сюжете Захария возражает ангелу, предвещая

щающему скорое появление у немолодых супругов ребенка (Иоанна Крестителя), говоря о преклонном возрасте своей супруги: *min quena fram ist gigangan in ira tagun* (букв. далеко ушла в днях своих).

Обязательность счета в обыденной жизни, в том числе и в правовой сфере, не только годами, но и днями свидетельствует об исключительной важности и, возможно примарности дня по отношению к другим временным отрезкам для мифологического сознания. День обозрим для человека, он более понятен и доступен для восприятия. Солнце взошло – село, было темно и холодно, стало тепло и светло, это обозримо и легко исчисляемо. Это, так сказать, малый цикл (в отличие от года), необходимый человеку в повседневной жизни.

О давней конкуренции в употреблении *Jahr* и *Tag* свидетельствует и история фразеологизма, существующего сегодня в вариантах *zu seinen Jahren kommen/in die Jahre kommen*. В современном немецком языке значение этой идиомы – ‘стареть’. Изначально оно являлось одной из правовых формул, упоминаемой еще в *Саксонском зеркале*, речь шла о *достижении совершеннолетия*. Однако любопытным представляется то обстоятельство, что в языке древнегерманского права (в отличие от языка поэтического) выражение *ze sinen jaren komen* существенно отличалось от похожего *ze sinen tagen komen*: первое касалось неполного совершеннолетия, а второе, с компонентом *tag*, – полного совершеннолетия.

Обе лексемы, конечно же, не могут быть конкурентами во всем. В том, что касается мотива ясности и четкости (связанном со светом и солнцем), используется только *Tag*. Например, *bei Tag[e]* (*bei Tageslicht*) *sieht der Stoff ganz anders aus* (днем, при дневном освещении ткань выглядит совершенно иначе); *bei Tage besehen* (рассмотрев внимательней); *etw. an den Tag legen* (проявить, показать, продемонстрировать); *etw. an den Tag bringen/ziehen* (вскрыть, разоблачить); *an den Tag kommen* (проявиться, стать очевидным). А следующие два выражения *jetzt wird's Tag!* и *Nun wird's aber Tag!* можно рассматривать как своеобразные фразеологические «ложные синонимы» при идентичности синтаксической структуры и одинаковой лексической наполненности (касательно знаменательных компонентов), значение их не имеет ничего общего, мотивировка этих фразеологизмов – в разных ипостасях дня: *jetzt wird's Tag!* (рус. Теперь понимаю! Прозрел! Дошло!, букв. *теперь наступает день*), связано с переносом представления о дне как светлом времени суток на представление о ясности разума, ср. и в русском, и в немецком *светлая голова*, *helles Köpfchen*, а также в английском *it (has) dawned on me!* (Дошло!), где *dawn* – рассвет, утренняя заря. Второе выражение *Nun wird's aber Tag!* (*Теперь довольно! С меня достаточно/хватит!* Букв. *Ну а теперь наступает день*) следует трактовать как «*время вышло (предыдущий день и ночь закончились, наступил новый день)*».

Итак, «чтобы дети человеческие, дети времени, могли считать годы» (см. выше), им, прежде всего, нужны дни. Подобный мотив находит свое выражение и в других языках индоевропейского мира. Так, например, в сербском для квантификации временных промежутков используется устойчивое употребление существительного со значением *день* в родительном падеже множественного числа в качестве атрибута соответствующего временного периода *godina dana* – год, *pre mesec dana* – месяц тому назад, *za nedelju dana* – через неделю, т. е. букв. *год дней, месяц дней, через неделю дней*.

Подводя итоги краткому исследованию, мы можем констатировать, что лексема *Tag* в немецкой фразеологической системе универсальнее, чем лексема *Jahr*. Это объясняется его большей мифосемантической релевантностью, что подтверждается, в частности, и относительно большей продуктивностью во фразеобразовании. В обеих лексемах реализуются мифосемы «время, пора», «время человека», связанные с мотивом светлого, теплого, безопасного промежутка времени, однако *Tag* обозримей, легче удерживается в сознании. Именно поэтому его синтагматические и парадигматические связи обширней, а синкретическая сущность проявляется в большей степени.

Литература

Гуревич, А. Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 368 с.

Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. Миф – имя – культура / Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство-СПБ.» 2010. – С. 525-543.

Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка. СПбГУ, 1849 / И. И. Срезневский // Архив петербургской русистики. Кафедра русского языка филологического факультета СПбГУ. Ре-

жим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm> (дата обращения 10 января 2012 г.).

Толстая, С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.

Торп, Бенджамин. Нордическая мифология. – М.: Вече, 2008. – С. 32-33.

Röhrich, Lutz. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Freiburg, 1973. – 1255 S.

Summary. The paper proposes a myth-semantic description of temporal phraseology. The author analyzes the category of time in the phraseological representation. The research is based on German and other European languages.

Шарманова Н. Н.
ПАРЕМИОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ: ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КЛИШЕ

Украина, г. Кривой Рог, Криворожский национальный университет
nmsharm@mail.ru

Глобализационные процессы, общественные и поликультурные тенденции объясняют использование дефиниции «клише» в описании различных социокультурных явлений (политики, экономики, искусства, медиа-коммуникации, спорта, образования), например: «реалия-клише», «жанровое клише массовой литературы», «жанровое клише киноиндустрии». Это доказывает тот факт, что в современной науке просматривается определенный интерес к проблематике клишированных выражений. Клише как психологический феномен вместе со стереотипами, предубеждениями и интересами определяет образ тех или иных составляющих (фрагментов) мира.

В лингвистике вопросы о сущности понятия клише и функционирования их в речи стали предметом рассмотрения в работах Н. Ф. Баландиной, В. В. Бурунского, А. В. Власовой, В. В. Гвоздева, Д. О. Добровольского, С. Я. Ермоленко, Т. М. Дридзе, М. А. Жовтобрюха, В. В. Красных, Г. А. Копниной, Е. С. Кубряковой, Л. Маккензена, Д. Г. Мальцевой, Г. Л. Пермякова, М. М. Пещак, Ю. Е. Прохорова, М. К. Сабанеевой, Е. Н. Саввиной, Н. Н. Сологуб, Ю. А. Сорокина, В. В. Стрибижева, Р. Ратмайр, Т. П. Третьяковой, С. Ф. Фоминой и др. В последние десятилетия внимание лингвистов уделялось вопросам функционирования готовых речевых комплексов как средства речемышления в русском, чешском, английском, немецком, французском и других языках.

В контексте теории клише, которая дает обоснование семиотической природе многоаспектных языковых единиц, интересным становится взаимодействие двух корпусов любого языка – паремиологического и фразеологического. Паремиялогия и фразеология как феномены духовной культуры раскрывают общечеловеческие каноны и систему важных для каждого этноса стереотипов мышления, общественного и личностного поведения, выступают репрезентантами концептосферы языка.

Цель нашего исследования состоит в раскрытии векторов взаимодействия паремиялогии и фразеологии через призму общей теории клише. Для реализации цели поставлены следующие задания: 1) рассмотреть становление научной проблемы в диахронии; 2) определить соотношение понятий «клише», «фразеологизм», «паремия»; 3) раскрыть когнитивные механизмы этноментального мышления в клишированных выражениях.

В процессе исследования семиотической сущности и логико-семиотического моделирования языковых единиц М. А. Черкасский утверждает, что для всех устойчивых воспроизводимых комплексов характерны признаки клишированности. Под **клишированностью** лингвист понимает способность языковой единицы восприниматься глобально, как имеющееся конструктивное и семантическое целое, которое воспроизводится без значительных изменений в определенных коммуникативных ситуациях (Черкасский, 1978: 37).

Основные подходы к сущности клише, представленные в современной лингвистике, не дают однозначного ответа на ряд теоретических вопросов. Остается нерешенной проблема языковой природы клише: это знаки, совокупность разноуровневых единиц, стилистические средства или фигуры речи? Кроме того, объем самого понятия, соотносе-

ния с терминами-дуплетами «шаблон», «речевой стереотип», «речевая формула» до сих пор не получили в научной литературе своего объяснения. Под клише понимают и фразеологизмы, и просто частотные сочетания, а также более сложные семантические комплексы: стандартные реплики, лозунги, популярные цитаты и многое другое (Кронгауз, 2007: 57).

Раскрывая семиотические, системные и функциональные сходства клишированных единиц, Г. Л. Пермяков отмечает: 1) всем «названным» клише (слову, фраземе, поговорке – Н. Ш.) свойственны функциональное сходство, они могут выступать в речи в одинаковой или близкой роли»; 2) «все три типа клише ... имеют ту или иную **парадигму**» (Пермяков, 1975: 250).

Рассматриваем **клише** как стандартную воспроизводимую речевую формулу, соотношенную с определенной сферой и ситуацией коммуникации: *Все буде добре!* – 1) прагматическое клише (формула пожелания; 2) выражение из романа В. М. Шкляра «Ностальгия»; 3) лозунг Ялтинской Европейской Стратегии (25.09.2009); *Будь ласка* – 1) этикетное клише; 2) номен для обозначения марки украинского производителя бумажных салфеток (реклама на украинском телеканале К-1). Пресуппозиция использования клишированных выражений состоит в установлении смысловой связи между эксплицитно выраженным значением словесной формулы и имплицитно присущим языковому сознанию лингвокультурным опытом коммуникантов.

Проблема разграничения речевых клише и фразеологизмов не является чем-то новым в лингвистике. Но до сих пор нет четкой дифференциации фразеологических и нефразеологических словесных комплексов в рамках какого-либо из функциональных стилей, что вызывает неоднозначное и проблематичное их толкование. Основным критерием разграничения подобных явлений, как считают теоретики фразеологии (Я. В. Баран, В. М. Мокиенко), выступает наличие эмоциональности. Не все устойчивые сочетания являются фразеологизмами, не каждое клише зачислимо к ним: *конъюнктурная пресса*.

Релевантными особенностями клише являются постоянный лексический состав, узуальность, четкое номинативное (денотативное) значение, соответствие ментальному стереотипу, воспроизводимость в готовом виде, прагматический характер (ситуативная предопределенность в конкретных конситуациях), частотность и регулярность актуализации, автосемантия как дискурсивное свойство, основная функция – функция готовых элементов стиля.

Выразительной особенностью современной фразеологии является переориентация научных векторов на углубленность лингвистического познания в аспекте неоднозначного, а нередко и противоречивого понимания «взаимоотношения фраземики с такими основополагающими категориями, как “язык”, “сознание”, “мышление”, “когнитивистика”, “когнитивная структура” (концепт, фрейм), “культура”, “лингвокультурема” и “прагмема”. В связи с этим оказываются размытыми объект, предмет, цели и задачи новых фразеологических дисциплин, а сама их суть растворяется в универсальных онтологических свойствах языка, связанных с его отнесенностью к действительности» (Алефиренко, 2008: 5).

Фразеологический состав любого языка, будучи совершенно особой системой, которая отражает национально-культурную специфику языка, своеобразие его эволюции, системой, в которой совокупность компонентов и правил их функционирования, содержит различного вида мыслительные категории. Фразеологический уровень языковой структуры включает универсалии различного типа: 1) понятийные (или когнитивные) и собственно языковые; 2) формальные (видоизменения касаются лишь одного компонента фраземы) и смысловые, затрагивающие образный строй всей языковой единицы; 3) абсолютные (характерны для всех или многих языков) и статистические (выявлены в значительном количестве языков). Наличие таких явлений обусловлено причинами и факторами внутри и внеязыкового характера, что соответствует природе самого языка. К общим экстралингвистическим факторам относят универсальность концептуальных сфер, репрезентированных фразеологизмами; глубинный антропоцентризм, при котором и основные сферы деятельности, и образы-символы ориентированы на человека; языковые контакты. Частотность использования языковых единиц *без границ* будет способствовать вхождению их во фразеологическую систему языка («Президенты *без границ*» (программа «Время новостей», телеканал СТБ), международные акции «Журналисты *без границ*», «Врачи *без границ*»).

А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко в монографии «Современная русская фразеология (семантика – структура – текст)» делают акцент на том, что под углом зрения детального исследования внутренней формы и значения фразеологической единицы «важно выявить, как посредством определения критериев фразеологичности осуществляется характеристика содержания и формы ФЕ в основных фразеологических концепциях» (Мелерович, 2011: 7).

Анализируя разные подходы к пониманию объекта и предмета фразеологии, ее исследовательских границ, Г. Л. Пермяков признает, что лингвисты так и не смогли построить последовательную систему фразеологии, которая включает в себя поговорки. Он акцентирует внимание на том, что чуть ли не для каждого правила, относящегося к фразеологическому обороту, находятся множественные исключения, касающиеся поговорок разных структурных и смысловых типов (Пермяков, 1973: 252).

Устойчивость и воспроизводимость сближает поговорки и фраземы, о чем неоднократно говорилось многими лингвистами: «И те, и другие представляют собой клише, сходные в плане реалий» (Ефремова, 2009: 130). Под поговорками понимают выражения со структурой предложения (короткой цепью предложений), которые являются клише, используются в роли знаков языка и имеют три структурные планы – лингвальной и логико-семиотической структур, план реалий (Українська, 2000: 424-425).

В литературе, посвященной проблемам фразеологии, наряду с терминами «поговорка», «клише», используются также названия «коммуникативная фразеологическая единица», «предикативная фразеологическая единица», «устойчивая фраза» (Бондаренко, 2011: 6). К таким клишированным предикативным структурам относят поговорки (*Дорога ложка к обеду, <a там хоть подлавку>*; укр. *Дорога ложка до обіду, <a по обіді – то й під лавку>*), поговорки (*Хрен редьки не слаще*; укр. *Хрін від редьки не солодший*), крылатые выражения (*Любви все возрасты покорны*; укр. *Коханню всякий вік підвладний*), калькированные изречения (*Вот где собака зарыта*), стационарные формулы диалогической речи (*С легким паром*; укр. *Доброго здоров'я, помившись*) и т. п.

Лингвистическая идентификация единиц поговоркиологии связана с наличием разных подходов к определению границ фразеологии. Взгляды представителей широкого понимания предмета и объекта фразеологии (В. Л. Архангельский, А. В. Кунин, А. Д. Райхштейн, Л. Г. Скрыпник, В. Д. Ужченко, И. И. Чернышова и др.) сходятся на том, что она включает все воспроизводимые комплексы. Они вводят поговоркиологию в состав фразеологии, опираясь на общепризнанные признаки устойчивости, клишированности, культурной окраски поговорок, которые свойственны и фразеологическим единицам.

Сторонники узкого понимания специфики фразеологических единиц (Л. Г. Авксентьев, Н. Н. Амосова, В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, С. И. Ожегов, В. Н. Телия и др.) признают целесообразным рассматривать выражения нефразеологического типа, которые соотносятся с предикативными конструкциями, за пределами фразеологии. Поговорки – семиотические феномены языка, имеют двойную направленность: это знаки системы языка, которые раскрывают парадигматические особенности и имеют определенную синтаксическую природу; это микротексты (малые фольклорные жанры).

Н. Барли, осуществляя структурный подход к англосаксонским поговоркам – пословицам и афоризмам, указывает на то, что собственно пословицы нельзя рассматривать изолированно от всего комплекса сродных с ними структур. Такие выражения он называет «потенциальными пословицами». Ученый определяет поговоркиологический статус пословиц и максим на оси «генерализация – конкретизация» и говорит, что разница между пословицей и максимой не есть разницей между разными типами выражений, а скорее разницей уровней выражения (Барли, 1984: 130). Максимумы раскрывают общее утверждение, собственно пословица является метафорической и имеет частичное утверждение, трансформирующееся в общее. Исследователь рассматривает поговорки как традиционные «стандартные выражения в отношении моральных и категориальных императивов», «трафареты», «переносные, портативные парадигмы» (Барли, 1984: 133).

Единицы поговоркиологии, по мнению М. А. Черкасского, представляют малые литературные формы – собственно пословицы с образной мотивировкой значения и авторские афоризмы с прямой мотивировкой значения. Они объединены родовым термином «поговорка» с признаками клишированности, афористичности и сентенциозности (Черкасский, 1978: 36).

Паремии как единицы паремиологии дифференцируются на две основные группы универсальных высказываний, содержащих обобщенный вывод о реалиях окружающего мира (В. И. Шмарина). Они связаны генетическими, структурными, функциональными признаками: 1) собственно паремии – абсолютные знаки языка (пословицы, пословично-поговорочные фразы, поговорки) и крылатые выражения как общеупотребимые словесные комплексы; 2) литературные (индивидуальные афоризмы) – знаки языка, которые реализуют материализованные потенциальные смыслы.

И собственно паремия, и афоризм выступают фиксированной словесной формулой, соотносимой с клише языка (лингвистическим феноменом) и клише сознания (психологическим феноменом), за которыми стоит целый комплекс поверхностных и глубоких значений. Для каждого из этих типов универсальных высказываний характерны свойственные только им средства обобщения семантики. Смысл пословичных суждений основан на универсализации, которая осуществляется иначе, чем генерализация семантики литературных афоризмов. Н. И. Ефремова отмечает: «В качестве основного механизма обобщения в пословицах и поговорках выступает образный перенос, в результате которого паремия приобретает предельно широкое значение. ... Основным средством универсализации значения литературных афоризмов является абстрактная лексика» (Ефремова, 2009: 134). Объединяя единицы языка общей дефиницией «афоризм», она добавляет, что между литературными и народными афоризмами не существует четких границ.

В. П. Фелицина и Ю. Е. Прохоров признают, что «национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях языка: и в морфологии, и в синтаксисе, не исключая фонетики. Однако наиболее ярко она проявляется в так называемых с т р о е в ы х е д и н и ц а х я з ы к а, т. е. в тех единицах, которые непосредственно и прямо отражают внеязыковую действительность, называют предметы и явления окружающего нас мира» (Фелицина, 1988: 4). К числу таких единиц лингвисты причисляют слова, фразеологизмы и паремии.

Наиболее этноцентрическими, по нашему мнению, для украинской культуры являются концепты, которые выражают национально-культурные смыслы. Самый выразительный из них – концепт «Украина». Это отражено в паремийных выражениях, релевантные свойства которых способствуют созданию речевой интеллектуализации, связанной с интерактивной моделью дискурса и определяющей в равной степени индивидуальную когнитивную картину мира и фоновые знания коммуниканта на уровне этносознания: *Україно! Ти для мене диво, ти моя молитва, ти моя розпука вікова; Україно! Доки жити буду, доти відкриватиму тебе* (В. А. Симоненко); *Калино моя – Україно! В твоїм куці – я кетяг багрянй!* (И. Жиленко).

Этноконцепт «Украина» соизмерим со всей концептуально-языковой картиной мира, с макроконцептом «Универсум» как обобщенным мирозданием в целом: *Сонце і пісня вгорі – це моя Україна* (В. Н. Сосюра); *Других Україн не шукає мій зір* (Н. С. Винграновский); *Архіпелаг послулих хуторів – це Україна* (Е. Ф. Маланюк). Концепт опирается на этнонимы, раскрывающие национальные ментефакты: *Для України вічним заборолом постане гордо Запорізька Січ* (В. С. Ткаченко); *Я люблю тебе, Україно, степом, Дніпром і Тарасом* (Н. С. Винграновский); *Київ – невмируще серце України* (П. Г. Тычина); *Українці – бунтівний народ. Еволюційно не змінився з часів Київської Русі* (О. Ф. Черногуз).

Вербальной оболочкой национального макроконцепта являются и другие клише – фраземы, слоганы, прецедентные тексты, включающие интерференцию культурных кодов как своеобразный межкультурный диалог: *Прийдуть з України верби і тополі* (В. А. Симоненко); *Вітер з України* (С. В. Руданский); *Моя країна – Україна* (научно-популярное издание); *Родом з України* (передача на телерадиоканале УТ-1). Вербализация этноконцепта «Украина» проходит четыре этапа: во-первых, соотношение концепта с этимологом соответствующего слова; во-вторых, формирование внутренней формы – смыслового центра концепта-образа; в-третьих, символизация значения; наконец, мифологизация концепта как действие символа в парадигме культуры (Н. Ф. Алефиренко).

Таким образом, паремиология и фразеология в аспекте теории клише раскрывают своеобразные научные векторы взаимодействия этих областей лингвистического познания, их семиотической и лингвальной природы. В этом контексте строевые единицы языка выступают специфическими формами отображения действительности, свободными от

догматизма и абстрактно-универсальных истин. Понятийное поле единиц паремиологии составляют универсальные суждения, наполненные определенным мировоззренческим содержанием (значением и смыслом).

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : [монография] / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
- Баландіна, Н. Ф. Функції і значення чеських прагматичних кліше в комунікативному контексті / Н. Ф. Баландіна / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – Київ: «АСМІ», 2002. – 332 с.
- Барли, Н. Структурный подход к пословице и максиме / Н. Барли // Паремиологические исследования : сб. статей; под ред. Г. Л. Пермякова. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. – С. 126-148.
- Бондаренко, В. Т. Устойчивые фразы в русской речи : [монография] / В. Т. Бондаренко. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. – 153 с.
- Великий тлумачний словник сучасної української мови / Відп. ред. В. Т. Бусел. – Київ, Ірпінь: ВТФ: «Перун», 2007. – 1736 с.
- Ефремова, Н. И. О месте паремий в кругу других языковых клише (на материале немецкого и русского языков) // Фразеология германских, романских и славянских языков : сб. научн. статей; ред. Е. Е. Иванов. – Могилёв: Могилёвский гос. ун-тим. А. А. Кулешова, 2009. Т. 1. – С. 130-136.
- Кронгауз, М. А. Семантика : [учеб. для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений] / М. А. Кронгауз. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИЦ «Академия», 2007. – 208 с.
- Мелерович, А. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст) : [монография] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.
- Пермяков, Г. Л. К вопросу о паремиологическом уровне языка / Г. Л. Пермяков // Сб. статей. – Тарту, 1973. – С. 26-33.
- Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору; сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. – М.: Наука, 1975. – С. 247-274.
- Українська мова : Енциклопедія / Упорядн. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. – Київ: Українська енциклопедія, 2000. – 750 с.
- Фелицына, В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров; под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1988. – 272 с.
- Черкасский, М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М. А. Черкасский // Паремиологический сборник : Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). – М., 1978. – С. 35-52.

Summary. The thesis deals with the units of paremiology and phraseology as regular standardized stereotype linguistic units of the approach of cliché theory. The specific character ethnic concepts of language cliché in Ukrainian are substantiated; the ties between their cognitive structure are investigated.

Шевченко Е. М.

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ПУТЕШЕСТВИЕ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
elana5shevchenko@mail.ru

Исследование фразеологической единицы (ФЕ) в ее «естественной дискурсивной среде» стало объектом внимания когнитивной фразеологии, которая рассматривает взаимоотношения «когнитивного субстрата» данного языкового знака с другими элементами данного когнитивного контекста: блоками знания, ментальными пространствами, фреймами. Фразеологическое значение формируется в рамках дискурсивного поля. Концепт является конституирующим смыслообразующим центром данного поля, которое представляет собой «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическим, социокультурным, психологическим и другими» (Алефиренко, 2008: 95). С одной стороны, дискурс порождает значение языковых знаков, а с другой воспроизводит их, в связи с чем актуализацию ФЭ важно рассматривать с позиций когни-

тивно-дискурсивного подхода, что предполагает изучение ФЕ в ее «естественной дискурсивной среде обитания». Данной средой является **фразеологический контекст**, представляющий собой фрагмент текста, монологического или диалогического, в котором ФЕ выступает в определенной конструктивной связи с другими элементами речи, при этом происходит адекватное восприятие и интерпретация актуального значения ФЕ инициаторами высказывания и реципиентами (Амосова, 1963: 195). Вопросом анализа семантических и структурных свойств ФЕ в контексте занимались такие ученые как Н. Н. Амосова, А. В. Кунин, Н. Ф. Алефиренко и многие другие ученые. В лингвистике различают: вербальный и невербальный, микро- и макроконтэксты, эксплицитный и имплицитный контексты и другие.

Во фразеологическом контексте с помощью вербальных контекстуальных маркеров происходит объективизация различных когнитивных структур, которые являются «ментальной упаковкой» (Бабушкин, 1996) для концепта и структурируются в виде картин, схемы, фрейма, сценария.

Мы выделяем **нулевой** и **«говорящие»** контексты. В случае отсутствия контекста как такового говорят о **нулевом** контексте. А. П. Бабушкин различает «нейтральный» контекст, подразумевая факультативное существование контекста и ФЕ, при этом осознание контекстуальной структуры ФЕ происходит на основе интуиции или дефиниций.

Так, например, значение ФЕ «показывать достопримечательности» в нулевом контексте происходит в результате словарного толкования: Come up here... I'll... **show you the lions**. (Th. Hughes) – Идите сюда, я покажу Вам достопримечательности.

Концепт-сценарий, формирующий ФЗ синонимичной ФЕ **see the elephant** – «осматривать достопримечательности», детерминирован самим характером денотативной ситуации, реализуемой в следующем «нулевом» контексте: He makes his rounds every evening, while you and I **see the elephant** once a week. (O. Henry) – Этот денди каждый вечер идет на прогулку, мы же ходим смотреть достопримечательности раз в неделю.

Аналогичным образом происходит объективизация концепта-картинки, фиксирующего яркие образные представления об объектах окружающей действительности, в нулевом контексте: I always **get itchy feet** at this time of year, in the spring. Дословно данный пример переводится как: У меня постоянно зудят ноги в это время года, весной. Только лишь обращение к словарным дефинициям и интуитивное сравнение с русским языком, в котором зудящие ноги также могут означать стремление куда-то поехать, позволяют нам перевести данный контекст как: Мне всё время хочется поехать куда-нибудь в это время года, весной.

К «говорящим» контекстам мы относим «**наводящий**» и «**эксплицирующий**» контексты. «**Наводящий**» контекст подразделяется на вербализуемый посредством **контекстуальных маркеров или триггеров (от английского слова trigger - спусковой курок) и развернутых словосочетаний, а также постпозиционных маркеров**. Как подчеркивает А. П. Бабушкин, в случае говорящего контекста само словарное окружение «подсказывает» тип контекста, вербализуя в нем смысл с помощью контекстуального и постпозиционного маркеров.

Примером **наводящего** контекста с помощью **развернутого словосочетания** служит актуализация одного из смыслов ФЕ **show the elephant** 'знакомить с достопримечательностями'. Развернутые словосочетания holidays, take him around town подводят к экспликации значения: When your friend comes for the holidays, take him around town and **show him the elephant** (CCDI). — Когда ваш друг приедет на каникулы, покажите ему город и его достопримечательности.

Другим примером «наводящего» контекста является следующее предложение, в котором объективируется концепт-сценарий: He... has been in London too, and **seeing all the lions** under my escort. (БРАФС) — Он... также побывал в Лондоне, и я показал ему все достопримечательности. Данный контекст подводит к экспликации значения рассматриваемой ФЕ.

Вербальные **контекстуальные маркеры** на основании ассоциативной связи между лексическими и фразеологическими единицами ведут к объективизации различных когнитивных структур, репрезентирующих смысл ФЕ. Так, план содержания ФЕ **see the world** – «посмотреть мир, много путешествовать» соотносим с концептом-сценарием, и получает объективацию в значении 'открытие чего-то нового' в следующем примере: People have always travelled to **see the world** and to find out how other people live

(BNC). В наводящем контексте посредством триггера *travelled* устанавливается ассоциативная связь с ФЕ – сценарием, предполагающим путешествие по миру для приобретения нового опыта.

Контекст, представленный фрагментом текста, подводит к объективизации концепта-фрейма, структурирующего ФЕ *on the wallaby / (on the wallaby track)*, во ВФ которой закодирован образ кенгуру-валлаби, который отличается своей непоседливостью и, таким образом, ФЕ обретает значение ‘отправляться в путь’: We knocked around Sydney for ten days and conceived the bright idea of walking to Melbourne, a distance of several hundred miles. Putting our ‘swags’ (bundles) upon our backs, we started off “*on the wallaby*” (on the tramp) (W. Foster) — Мы околачивались в Сиднее десять дней, как вдруг нам в голову пришла блестящая идея: идти пешком в Мельбурн, от которого нас отделяли несколько сот миль. Взвалив котомки с пожитками на спину, мы пустились в путь.

Наводящий контекст, находясь в препозиции по отношению к ФЕ *a visiting fireman* – «турист (не останавливающийся перед расходами)», посредством развернутого описания свободными словосочетаниями, конкретизируют смысл ФЕ, объективированной мыслительной картинкой:

Girls... will show your visitors what most visiting firemen want to see. (WD) — Девушки... покажут вашим гостям все, что так хотят видеть заезжие туристы, швыряющие деньги налево и направо.

В следующем примере происходит уточнение и раскрытие смысла ФЕ *a backpacker* – ‘пеший турист’ за счет словосочетаний «Weighing in at only 4lb 13oz»:

Weighing in at only 4lb 13oz, the two person Phreeranger EB (extended bell) is ideal for *backpackers* who like to travel light (BNC).

В другом контексте присутствует триггер – вербальный контекстуальный маркер *travelling*, который позволяет провести ассоциативную связь с содержанием ФЕ *live out of a suitcase*: Sarah`s new job involves so much travelling that she *lives out of a suitcase* most of time (CCDI). ФЕ *live out of a suitcase* означает «много путешествовать», человек, который много путешествует, живет по-походному, переезжает с места на место, постоянно пребывает в «чемоданном» настроении. Идея «жизни на чемоданах» мотивирует семантику многочисленных путешествий, представленных в актуальном значении ФЕ, а триггер подводит к реализации концепта-сценария.

ФЕ *leave places* и *kick the earth off smb’s shoes* в значении «отправляться в путешествие / пускаться в путь» представлены в «наводящем» контексте развернутыми словосочетаниями, в основе которых лежит концепт-сценарий:

She could not help looking at him in disbelief. A certain slope...Not only would she never see «certain slope», she would see Burgundy; she would not even see France. When she said this, he pretended astonishment, a great of his eyebrows. Why not? She was solvent, wasn't she? She had her inheritance, hadn't she? But she couldn't *leave places* so readily as he, *kick the earth off her shoes*, as it were (BNC).

Другая ФЕ *tourist traps* наводит на мысль об определенных трудностях, которые могут возникнуть у путешественников, поскольку переводиться как «ловушка для туристов»: I want to spend my holidays somewhere far away from civilization. Popular *tourist traps* do not attract me at all. – Я хочу провести свои каникулы где-нибудь вдали от цивилизации. Популярные среди туристов места совсем не привлекают меня. Однако триггер *popular* подводит к тому, что речь идет о популярных среди туристов местах отдыха и достопримечательностях, а не опасной для жизни западни.

Актуализация различных смыслов ФЕ в «эксплицирующих» контекстах возможна с помощью **постпозиционного маркера** и **развернутых словосочетаний**.

Постпозиционный маркер раскрывает смысл ФЕ, переводя его в денотативное значение. Так, в эксплицирующем контексте постпозиционный маркер *trip* объективизирует концепт-сценарий, лежащий в основе актуального значения ФЕ *get one’s duck in a row*, которая в шуточной форме представляет сборы в дорогу в американском варианте английского языка: Mr. Brown *got his ducks in a row* for his trip (БАРФС).

Развернутые контексты разъясняющего характера конкретизируют смысл ФЕ, эксплицируя семантику ФЕ свободными сочетаниями слов. Так, например, ФЕ *a package tour* – реализует свое значение «путешествие в праздничное и каникулярное время» (его маршрут составляет бюро путешествий за определенную плату, туристическая поездка) посредством развернутого словосочетания *Moscow and Leningrad primarily for the White*

Nights Festival of the Arts in June: I had taken **a package tour** to Moscow and Leningrad primarily for the White Nights Festival of the Arts in June; an annual event of Soviet cultural life when the sun hardly sets for a fortnight and old men sit in the public gardens for half the night playing speed-chess (BNC). В **развернутом контексте разъясняющего** характера актуализируется концепт-фрейм, лежащий в основе данной ФЕ.

В эксплицирующем контексте с помощью развернутых словосочетаний происходит актуализация значения ФЕ **travel light**, которая дословно переводится как «путешествовать легким»: I prefer **travelling light**. I don't want to be anxious about loss of my belongings. – Я предпочитаю путешествовать налегке. Я не хочу беспокоиться о потере своих вещей.

Аналогичным образом развернутые словосочетания the main European cities объективируют смысл ФЕ **a whistle-stop tour** – «галопом по Европам» в нижеследующем контексте: Coach leads of tourists come for **a whistle-stop tour** of the main European cities (BNC).

В основе ФЕ **a rolling stone** лежит мыслительная картинка, поскольку в семантике самой ФЕ зафиксировано яркое образное представление о «катящемся камне». Значение ФЕ **a rolling stone** «перекати-поле (о человеке)» выявляется в результате контекстуального анализа поговорки: a rolling stone gathers no moss.

And now he proceeded to explain that Clyde had ever been **a rolling stone** – one who, by reason of some quirk of temperament, perhaps, preferred to wander here and there. (Th. Dreiser). В рассматриваемом контексте лексема to wander, являясь постпозиционным контекстуальным маркером, эксплицирует содержание анализируемой ФЕ. Данная ФЕ дифференцируется отсутствием цели перемещения, в отличие от другой **a wandering albatross** – «заядлый путешественник», образную основу, которой составляет альбатрос, обладающий природной тягой к путешествиям и перемещениям. В другой ФЕ **an arm-chair traveller** имплицитно заложен ленивый характер «путешественников в кресле». Когнитивный сектор «Субъект путешествия» обладает интегральным признаком «одушевлённость» и «цель», имея при этом дополнительные когнитивные признаки, которые могут быть эксплицированы в контекстах.

Образная составляющая ФЕ **cover the ground** представлена номинацией «земной поверхности». Заядлые английские путешественники любят подчеркнуть, как много земли они успели «накрыть». Этим выражением англоговорящие любители поездок хотят сказать, что преодолевали большие расстояния в своей жизни и успели побывать в дальних странах: We **covered a lot of ground** before we reached “The Northern Capital” of Russia. – Мы проделали огромное расстояние, прежде чем добрались до «Северной Столицы» России. Постпозиционный маркер reach эксплицирует ФЗ рассматриваемой ФЕ.

Значение ФЕ **go to grass** в различных контекстах полисемично, как и у многих других ФЕ, однако нас интересует ФЗ, относящееся непосредственно к сфере нашего исследования. Так, например, в эксплицирующем контексте постпозиционный маркер holidays декодирует, раскрывая актуальное значение ФЕ «ехать на отдых»: In three weeks we shall **go to grass**. We are taking our holidays early this year. (БАРФС) — Мы едем отдыхать через три недели. Отпуск у нас в этом году начинается рано.

Метафорическую основу большого числа ФЕ составляют элементы морских реалий, что, по-видимому, обусловлено высокой степенью актуальности данной сферы жизни в английском социуме. К примеру, He... **set sail** in a big ship for a far country... (CCDI) — На большом судне он... отправился в дальнюю страну... Образная основа данного концепта-сценария декодируется посредством развернутого контекста in a big ship for a far country.

Контекст во многом определяет реализацию признаков и смысла ФЕ, репрезентирующих концепт «Путешествие», в основе которых лежат такие когнитивные структуры как концепт-картинка, фрейм и сценарий. Контекстуальный анализ позволяет выявить дополнительные когнитивные признаки концепта, вербализуемого ФЕ английского языка, такие как цель, направление, скорость, атрибуты путешественника и многие другие. Упомянутые когнитивные признаки могут быть заложены в семантике самих ФЕ, либо реализованы контекстуально. Кроме того, контекстуальный анализ позволил выделить наиболее рекуррентный фразеологический контекст, объективирующий концепт «Путешествие» в современном английском языке, каким является наводящий контекст с вербальным контекстуальным маркером и развернутыми словосочетаниями. Таким образом, опираясь на различные когнитивные структуры, обусловленные дискурсом, возможно моделирование национально-культурной специфики отдельно взятого этноса.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 271 с.

Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова ; под ред. Л. А. Карповой. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 208 с.

Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.

Summary. This article spotlights on the problem of phraseological contexts. The author of the article views cognitive structures in the light of the cognitive discursive approach. The actualizing of phraseological meaning is going on in its natural discourse that is a phraseological context; different types of context are distinguished.

Юрина Е. А.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ*

Россия, г. Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет
yourina2007@yandex.ru

Идея о тесной связи лексической и фразеологической подсистем языка не нова и, в определенном смысле, очевидна. Исследователи неоднократно подчеркивали общие функциональные и структурно-семантические свойства лексических и фразеологических единиц, такие как номинативность, способность выразить целостное понятие, воспроизводимость (Телия, 1996: 60). При этом такие качества фразеологических единиц, как раздельнооформленность и идиоматичность (невозможность сведения смысла фразеологизма к значениям его лексических компонентов) явно противопоставляют эти две номинативные подсистемы языка по линиям формы и значения соответственно. Однако свойство идиоматичности присуще не только собственно идиомам. Оно охватывает более широкий круг языковых явлений, включающий образные лексические единицы и «сочетания, частично идиоматичные по тому или иному признаку – лексико-семантическому, синтаксическому, морфологическому или всем вместе» (Телия, 1996: 63), – образные выражения, составляющие периферию фразеологической номинативной подсистемы. Следовательно, между данными подсистемами нет жёстких границ, существует «зона лексико-фразеологической переходности», на которую указывалось также в работах А. В. Жукова, Ю. П. Солодуба, В. Н. Телия и др.

В теории образного строя языка (Юрина, 2005) постулируется единство образной лексики и фразеологии как единого класса образных языковых единиц, обладающих общими структурно-семантическими и когнитивно-дискурсивными свойствами. Образные слова и выражения характеризуются осознаваемой носителями языка семантической двуплановостью, метафорическим характером мотивированности и метафорической внутренней формой языковой единицы. Также к числу функционально-семантических свойств образных средств языка относятся наличие чувственно воспринимаемого (перцептивного) компонента семантики, её пропозициональный характер, ассоциативно-образный способ обозначения референта, имеющий антропоцентрическую и культурологическую обусловленность, реализация в значении образной языковой единицы базовых метафорических моделей.

Проиллюстрируем этот тезис единицами мотивационно-образной парадигмы с вершиной **блин** ‘тонкая круглая лепёшка из жидкого теста, поджаренная с двух сторон на смазанной маслом или жиром сковородке’: **блин** ‘металлический груз в форме диска на спортивной штанге’, **блин** ‘плоский и округлый пласт какого-л. вещества (снега, глины и под.)’; образные лексемы **блинчатый** ‘плоский, расплющенный, напоминающий по

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан, грант по теме: «Национально-культурные доминанты казахского этноса в аспекте межъязыкового и межкультурного взаимодействия» (2012-2014 гг.), договор № 1662 от 25. 09. 2012 года.

форме блин»; **блинообразный** 'плоский, округлой формы, напоминающий блин'; устойчивые образные сравнения **как блин** 'о лице человека', 'о круглых и плоских предметах', 'о солнце и луне' и др.; творительный сравнения **блином, блинчиком** 'о форме головных уборов', 'о расплюснутых предметах' и др.; компаративные идиомы **сиять как блин [масленный, с маслом]** 'выражать своим видом удовлетворение, радость (о человеке)'; **печь как блины** 'производить в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности)'; идиомы **первый блин [вышел / получился / стал] комом (не комом)** 'первый опыт деятельности был неудачным (удачным)' во множестве речевых модификаций, усеченный вариант идиомы **первый блин** 'первый опыт создания чего-л.'; поговорка **к тёще на блины** и восходящий к ней фразеологизм **не к тёще на блины (идти, ехать)** 'направляться в место, пребывание в котором опасно, связано с трудностями' и др.

Основной принцип подобной систематизации языкового материала – единство образного снования серии номинаций, обусловленное присущими русской лингвокультуре типовыми образными представлениями, которые базируются на сформированных в культуре и сознании личности гештальтах, метафорических и метонимических моделях. Слова и выражения парадигмы обладают **образным значением**, под которым понимается двуплановая содержательная структура языковой единицы, в которой взаимодействием предметно-понятийного и ассоциативно-образного планов содержания передается стереотипное конкретно-чувственное представление о называемом явлении посредством метафорического (символического, аллегорического) воплощения признаков этого явления.

В задачи данной статьи входит освещение когнитивных механизмов, обеспечивающих смысловое и концептуальное единство общеязыковой образной системы (Лаккофф, Джонсон, 1980; Баранов, Караулов, 1991; Илюхина, 2010; Резанова, 2010; Чудинов, 2001 и др.), а также разработка лексикографических способов их презентации в лексико-фразеологическом словаре лингвокультурологического типа на примере «Словаря русской кулинарной метафоры» (Юрина, 2011).

Во-первых, в числе таких механизмов назовем единство исходного базового образа, спроецированного по принципу аналогии на различные явления окружающего мира в процессе познавательной деятельности. Концептуальная структура исходного образа представлена монолитным образом-гештальтом, в котором слиты визуальное, тактильное, температурное, вкусовое, гравитационное и т. п. впечатления о познаваемом объекте. К числу таких образов относятся прототипические представления о блюдах и продуктах питания. Например, исходный образ блина (эмпирическая, перцептивная составляющая концепта «Блин») интегрирует признаки его внешнего вида: формы и размеров (круглый, плоский, тонкий), цвета и блеска (от светло-желтого до коричневатого с характерным маслянистым блеском), структуры (эластичный, пористый, мягкий), температуры (горячий, теплый), характерного вкуса и запаха.

Во-вторых, образ-гештальт оказывается тесно встроенным в ряд прототипических ситуаций, связанных с функционированием познаваемого объекта в социальной среде, которые описываются в современной когнитивистике посредством терминов «фрейм» (базовая ситуация), «слот» (фрагмент или аспект базовой ситуации), «сценарий» (динамическая последовательность сменяющих друг друга фреймов). Фреймовая организация концепта «Блин» представлена макросценарием «Жизненный цикл продукта», включающим два типовых сценария: «Приготовление блинов» и «Поглощение блинов». Так, первый сценарий включает фреймы «Приготовление теста»: слоты «Кладем ингредиенты», «Разводим жидкое тесто», фреймы «Приготовление сковороды»: слоты «Разогреваем сковороду», «Смазываем сковороду маслом», фрейм «Выпечка блина»: слоты «Наливаем тесто половником», «Жарим одну сторону», «Переворачиваем блин», «Жарим вторую сторону», «Снимаем блин», «Смазываем блин маслом», «Складываем в стопку». При этом в структуре слотов исходный образ-гештальт взаимодействует со смежными предметными образами: тесто, сковорода, стопка блинов, масло, сметана, начинка.

В-третьих, образ-гештальт включен в культурно-символический контекст бытования познаваемого феномена, формируемый верованиями и обычаями традиционной культуры. В этой связи познаваемый феномен концептуализируется в сознании субъекта не только в виде образа-гештальта, но и в его единстве с культурно-символическим и ценностно значимым содержанием. Если такие смыслы обнаруживаются, исходный образ-гештальт переходит в категорию культурных концептов (В. В. Красных,

Ю. С. Степанов, Г. В. Токарев и др.). Прототипические ситуации, связанные с ритуальным и обрядовым функционированием концепта «Блин / Блины» представлены сценарием «Ритуальное употребление блинов», включающим фреймы «Блины на Масленицу», «Блины на Святки», «Блины в поминальном обряде», «Блины в свадебном обряде», «Кормление блинами роженицы».

Три вышеперечисленных аспекта концептуализации первичного образа «Блина / Блинов», значимых для его вторичного метафорического функционирования в системе языка и дискурсе, находят свою лексикографическую форму презентации в толковании исходной мотивирующей лексемы, являющейся вершиной образной лексико-фразеологической парадигмы, представленной в «Словаре русской кулинарной метафоры» по гнездовому принципу. Представим первую часть словарной статьи гнезда:

БЛИН, -а, м.

I. Исходное мотивирующее значение.

Тонкая круглая лепёшка из жидкого теста, поджаренная с двух сторон на смазанной маслом или жиром сковороде.

Характерное для современной русской кухни кушанье. Выпекаются блины обычно в большом количестве и складываются друг на друга стопкой. – *Я пыталась всё сгладить тем, что после концерта пригласила их домой, напекла гору блинов (С. Спивакова).* Если сковорода недостаточно прогрета, первый блин может прилипнуть. – *Что делать, если уже далеко не первый, а десятый блин продолжает прилипать к сковородке и выходит натуральным комом? Возможно, тебе не повезло с маслом: оно попало низкого качества. А бывает, что ты просто поторопилась и плохо прогрела сковороду, ведь блины следует выпекать только на горячем жире (Советы хозяйке).* Перед подачей и употреблением блины без начинки сворачиваются конусом или трубочкой. Блины с начинкой (творогом, мясом, грибами, сыром и пр.) складываются конвертиками. Блины едят со сметаной, маслом, вареньем, икрой.

Одно из самых древних русских блюд. Были ритуальным блюдом еще у языческих славянских народов, являлись символом Солнца, имели магическое значение. Символизировали плодородие, богатство, благополучие. Обязательное ритуальное блюдо на праздниках (Масленица, Святки), поминках и свадьбах. – *И неспроста на масленицу все пекут блины – круглые, золотистые и горячие, как весеннее солнце! (Т. Креветко. До чего же славной бывает масленица!); Стряпали блины, отчего второй свадебный день назывался «блинным», и молодой, прокусив в середине первого блина дырку, отвозил его родителям молодой. Дырными блинами угощали всех родственников новобрачной (Свадьба тюменских старожил).*

Система вторичных метафорических образов представлена во второй части словарной статьи, которая включает толкования значений и иллюстрации речевых употреблений образных единиц лексико-фразеологического гнезда. В качестве примера представим фрагмент толкования образных дериватов (СО – собственно образное слово) и идиом (ФЕ – фразеологическая единица):

II. Образные значения.

БЛИНООБРАЗНЫЙ. СО. Плоский, округлой формы, напоминающий блин (о предметах, головных уборах, частях тела). – *На ее продавленной койке сидела уже другая женщина, с жидкой блинообразной грудью и тугим огромным животом, и ела из железной миски водянистую кашу (О. Славникова).*

БЛИНЧАТЫЙ. СО. 1. Плоский, расплющенный, напоминающий по форме блин. – *Он... только приподнялся на локте, отхлебнул из стакана, откинулся на мятую блинчатую подушку и опять стал ждать (Ф. Кнорре).*

2. Многослойный, состоящий из нескольких, расположенных друг над другом складок (о предметах, частях тела человека) – *Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками красных крупных бус» (В. Дудинцев).*

ПЕЧЬ КАК БЛИНЫ. ФЕ. Производить в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности). *Экспр.* – *Процесс изготовления идей имеет свою технологию и свои санитарные нормы, попытка печь их как блины в условиях телестудий и газетных редакций небезобидна ни для производителей, ни для потребителей» (А. Зорин).*

ПЕРВЫЙ БЛИН. ФЕ. Первый неудачный опыт в каком-л. деле. – *Не огорчайтесь, Олексин, – сказал Отвиновский. – Первый блин, что же поделаешь. – Говорите так, будто у вас он не первый (Б. Васильев).*

ВТОРОЙ БЛИН. ФЕ. Второй опыт в каком-л. деле, более удачный, чем первый. – *Готовится новый тендер по «Связьинвесту». Второй блин будут печь без первого вице-преьера. Отставка Анатолия Чубайса вновь привлекла внимание к судьбе АО «Связьинвест» (А. Малютин).*

ПЕРВЫЙ БЛИН [(НЕ) ВЫШЕЛ / ПОЛУЧИЛСЯ / СТАЛ] КОМОМ. Погов. Первый опыт деятельности был неудачным (удачным). – *Куда ни кинься, трудно на Руси обойтись без кувалды. Первый блин комом. Сколько неудачников на этом и заканчивали свою карьеру (Ф. Чуев).*

ПУСКАТЬ БЛИНЧИКИ. ФЕ. Бросать плоский камень на поверхность воды в водоёме под острым углом так резко, чтобы он смог несколько раз оттолкнуться от поверхности во время движения. – *Купаются вдалеке мальчишки, худые и загорелые, пускают блинчики по сверкающей поверхности моря (В. Панова).*

СДЕЛАТЬ БЛИН из кого, чего. ФЕ. 1. Побить, покалечить. Экспр. – *Хотите, я ему блин из рожки сделаю? (А. Приставкин).*

2. Победить противника в споре, политической борьбе. – *Вы, надеюсь, понимаете, какой блин я из него сделал. Представитель из Москвы подтвердил, что ничего я сам не придумал, инструкцию дала Москва. Мастера высмеяли Броневского за то, что он не знает терминологии. Каменева сразу сориентировалась и объявила, что не позволит коммерсантам из Варшавы порочить советских специалистов (А. Рыбаков).*

СИЯТЬ КАК БЛИН [МАСЛЕНЬИЙ / С МАСЛОМ]. ФЕ. Выражать своим видом удовлетворение, радость (о человеке). Экспр. – *Вот что, – сказал Вайнгартен, переставши сиять как масленый блин (А. Стругацкий, Б. Стругацкий).*

НЕ К ТЁЩЕ НА БЛИНЫ (ИДТИ, ЕХАТЬ). ФЕ. Направляться в место, пребывание в котором опасно, связано с трудностями. – *Не к теще на блины явился в отряд этот Мечик, а под японские пули, накануне разгрома (Г. Фукс).*

Основным когнитивным механизмом, обеспечивающим формирование устойчивых для определенной лингвокультуры вторичных метафорических образов, – типовых образных представлений, – являются метафорические и (в меньшей степени) метонимические модели в том их понимании, которое представлено в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, Н. А. Илюхиной, З. И. Резановой, А. П. Чудинова и др. Под **базовой когнитивной метафорической (метонимической) моделью** понимается устойчивая аналогия, основанная на сходстве (смежности – для метонимии), между нетождественными явлениями различных концептуальных сфер, обеспечивающая осмысление познаваемого феномена из сферы-мишени в «терминах» прототипического феномена из сферы-источника. Рассматриваемое лексико-фразеологическое гнездо представляет базовую модель «Нечто – это Блин / Блины». Посредством кулинарных образов блина, стопки блинов, блинного теста, процедур изготовления блинов именуется и характеризуются следующие концептуальные области: «Человек», «Артефакты», «Животное», «Натурфакты», «Пространство», «Социальная деятельность человека», «Абстрактные категории». Ядро данной микросистемы составляют образные представления предметно-отождествляющего типа, основанные на проекции исходной гештальт-структуры «Блин» в область таких сфер референции, как «Человек» и «Артефакты». Денотатами здесь выступают соответственно лицо человека (включая представления о качестве кожи лица и мимике, выражающей эмоции), предметы круглой и плоской формы, расплюснутые в результате деформации предметы. Интеракция осуществляется на основании признаков формы и цвета.

Околоядерное подмножество составляют проекции исходной гештальт-структуры «Блин» в область сфер «Натурфакты» (солнце, луна) и «Пространство» (рельеф местности) на основании признаков формы, цвета, качества поверхности. Кроме того, околоядерное подмножество представлено образными представлениями пропозиционального предикативно-характеризующего типа, основанными на проекции фреймов исходного сценария «Приготовление блинов» в область «Социальная деятельность человека» для оценочной характеристики производственной и творческой деятельности, а также её результатов. Основанием уподобления ситуаций здесь выступают такие качественные характеристики процессов, как 'трудоемкость в достижении первого положительного результата при изготовлении продукта', 'возможность изготовить продукт легко, быстро и в большом количестве при наличии навыка'.

На периферии находятся проекции исходной гештальт-структуры «Блин» в область сферы «Животное»; проекции гештальт-структуры «Блин» в область ядерных сфер, но на основании неактуальных признаков (температура, текстура); проекции фреймов исходного сценария «Приготовление блинов» в область «Абстрактные категории»; а также различные проекции исходного сценария «Поглощение блинов». Дальняя периферия представлена вариативными дискурсивными реализациями нетипичных индивидуально-авторских образных выражений или малочастотными употреблениями общеязыковых образных средств.

Аксиологический (прагматический) потенциал рассматриваемой образной парадигмы направлен, прежде всего, на сенсорную достоверность и пластическую выразительность при характеристике объекта или ситуации, находящихся в фокусе образной референции. Общая оценка (хорошо-плохо) и эмоциональная оценка (одобрение, неодобрение, осуждение и т. п.), как правило, коммуникативно обусловлены, а экспрессивный потенциал (усиленное выражение личностного эмоционально-оценочного отношения к называемому) невысок.

Литература

- Баранов, А. Н., Караулов, Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М.: Ин-т рус. яз., 1991. – 193 с.
- Илюхина, Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 320 с.
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория Метафоры. – М., 1990. – С. 387-415.
- Резанова, З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 1 (9). – С. 26–43.
- Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 287 с.
- Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Пермь, 2001. – 238 с.
- Юрина, Е. А. Образный строй языка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 158 с.
- Юрина, Е. А. «Словарь русской кулинарной метафоры»: принципы отбора материала и структура словарной статьи / Е. А. Юрина // Вестник ТГУ. Филология. № 3 (15). 2011. – С. 70-78.

Summary. The objective of the article includes the description of cognitive ways providing semantic and cognitive unity of common language figurative system and also the development of lexicographical methods how to present them in lexico-phraseological vocabulary of cultural linguistics' type «Russian alimentary tradition in the mirror of language images».

Раздел III

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ГРАММАТИКИ

Авдеева О. И.
СИНТАГМАТИКА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Россия, г. Майкоп, Адыгейский государственный университет
ol_avd@rambler.ru

Уникальность фразеологического материала продуцирует непосредственное изучение его в различных аспектах и, как следствие, изучение места фразеологии в ряду других наук. Соотношение фразеологии и синтагматики является недостаточно изученным и вследствие этого представляет собой определённый научный интерес.

В современной лингвистике понятия «синтагматика», «синтагматические отношения» не соотносятся тесно с понятием синтагмы и понимаются как «1) один из двух аспектов изучения системы языка, анализ особых – синтагматических отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами; этот аспект изучения языка противопоставляется парадигматике; 2) синоним выражения «синтагматический план речи или текста»; 3) учение о синтагматических типах отношений как отношениях между единицами языка «по горизонтали» (в отличие от парадигматики, изучающей отношения «по вертикали»)» (Кубрякова, 2002: 447).

Цель данного исследования – выявить особенности проявления синтагматических отношений во фразеологии в семантическом, грамматическом и структурном аспектах.

Под «фраземой» в данном исследовании понимается языковой знак, сочетающий в себе аналитичность формы с семантической целостностью и синтаксической неделимостью, который «своим возникновением и функционированием обязан комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов своего свободно-синтаксического генотипа» (Алефиренко, 2004: 14).

Системность фразеологического материала языка предполагает исследование системных отношений на всех уровнях в двух аспектах: 1) в аспекте внутренней парадигматики и синтагматики, когда анализируются взаимоотношения составляющих элементов внутри единицы, и 2) в аспекте внешней парадигматики и синтагматики, когда анализируются взаимоотношения между единицами. Необходимость взаимосвязанного изучения внутреннего и внешнего аспектов функционирования фраземы отмечается Ю. А. Гвоздаревым, считающим их тесно связанными между собой и в равной мере необходимыми, «поскольку эти стороны находятся в причинно-следственной связи...» (Гвоздарев, 1977: 8).

Современная теория информации определяет понятие системы через понятие среды: «множество образует систему, если связи определенного вида между элементами этого множества (внутренние связи) преобладают над аналогичного вида связями между элементами этого множества и окружающей средой (внешние связи)» (Арнольд, 1991: 119). В соответствии с данным определением фразема представляет собой систему, выступая в качестве единого целого по отношению к окружающему её контексту, являющемуся для неё средой.

Фразема, являясь двусторонней единицей языка, т. е. имеющей собственное значение, предопределяет рассмотрение синтагматики в таких аспектах, как семантический, грамматический и структурный. Неоднородность в структурном и семантическом плане исследуемых фразеологических единиц порождает различия и в их синтагматике.

Семантический аспект синтагматического анализа фразем основывается на семном строении семем фразеологических единиц. Как внутренняя, так и внешняя синтагматика подчиняются закону семантического согласования (Апресян, 1974), или семантического сочетания слов (и фразеологизмов), который по мнению В. Г. Гака, заключается в следующем: «для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему» (Гак, 1998: 279), которую Б. Потье и А. Греймас называют классемой (Pottier, 1965; Greimas, 1966). Классемы итеративны, т. е. в данном высказыва-

нии повторяются не менее двух раз, чем и обеспечивают связь слов (и фразеологизмов) в высказывании. В случаях, когда в качестве общей семы выступает не категориальная сема, а более частная, конкретная, классификационная функция такой семы отходит на второй план, главной ее функцией становится связующая, что позволяет В. Г. Гаку называть данные семы не классемами, а «связующим семантическим компонентом» – синтагмемами (Гак, 1998: 280). Например, фразема *мышинная возня* [суета] имеет значение «мелочные, суетные хлопоты, заботы, занятия и т. п.; видимость работы. Пренебрежительная, презрительная оценка таких забот, занятий» (РФ, 1997: 142). Компонент *мышинная* произведён от слова *мышь*, в значении которого есть сема «небольшой, маленький, мелкий». Однако одним из значений слов *маленький, мелкий* является «незначительный, ничтожный, низменный» (СРЯО, 1987: 296, 288). Компоненты *возня* и *мышинная* содержат две общих синтагмемами: «незначительный» и «низменный», которые обеспечивают семантическое согласование этих компонентов.

В. Г. Гак выделяет три вида отношений компонентов синтагмы на основании функционирования семы (а) в качестве синтагмемы в синтагме, состоящей из двух компонентов M_1 и M_2 : 1) семантическое согласование; 2) семантическое несогласование; 3) семантическое рассогласование (Гак, 1998: 284 – 285).

Семантическое согласование возникает при наличии одной и той же семы в двух членах синтагмы. Оно может быть выражено структурной формулой: $M_1(a) + M_2(a)$. Таково сочетание лексем *птица летит, змея ползет*, где у обоих членов синтагмы есть общая синтагмема (в первом случае – *полет*, во втором – *ползание*). Подобную схему имеет внутренняя синтагматика фраземы **мелкая сошка**, где у обоих компонентов есть общая синтагмема «незначительный», играющая важную роль в формировании общего значения данной фраземы: «человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение; невлиятельный, неавторитетный человек» (ФСРЯ, 1986: 447).

При анализе внешней синтагматики данной фраземы обнаруживается конфигурация «подлежащее + сказуемое», которая является предикативной синтагмой, например: «Гости вели себя чинно, хозяин держал себя с достоинством; **мелкие сошки**, вроде советника Яковлева и госпожи Тележниковой, молчали или говорили вполголоса с соседями. (Ф. М. Решетников. Свой хлеб). Компоненты выделенной синтагмы **мелкие сошки молчали или говорили вполголоса с соседями** семантически также соединены синтагмемой «незначительный, уничижительный», т.к. она имеется не только в семеме фразеологизма, но и в семной структуре глагола *молчали* и словосочетания *говорили вполголоса с соседями*. Подобные отношения компонентов характерны для фразеологизмов **детский лепет, бабы сказки** и т. д.

Второй вид отношений компонентов синтагмы – семантическое несогласование – характеризуется опущением общего компонента в одном из слагаемых и может быть обозначен следующей структурной формулой: $M_1(a) + M_2$. Он реализуется сочетанием лексем *птица приближается к гнезду* (вместо *птица летит*), *змея приближается к норе* (вместо *змея ползет*) (Гак, 1998: 284).

На наш взгляд, термин «семантическое несогласование» не вполне точно отражает взаимоотношение компонентов, т. к. в данном случае отсутствует согласование по конкретной семе «способ передвижения», но присутствует согласование по абстрактной семе «передвижение». Поэтому, по нашему мнению, второй вид правомернее рассматривать в качестве частного случая первого: точнее было бы говорить о неполном семантическом согласовании компонентов синтагмы. Среди фразеологических единиц не отмечено случаев с подобным видом отношений между компонентами, что вполне объяснимо экспрессивной образной природой фразем, для значения которых не характерно лишение конкретизирующих компонентов, усиление абстрактности, что допустимо только для компонентов синтагм в свободном употреблении.

Третий вид отношений компонентов синтагмы – рассогласование – возникает при соединении в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений (Гак, 1998: 285). Синтагма имеет следующую структурную формулу: $M_1(a) + M_2(\bar{a})$. В отличие от первых двух видов, когда повтор семы (согласование) или ее отсутствие (несогласование) не оказывают влияния на значения сочетающихся слов, при третьем виде отношений компонентов – рассогласовании – комбинация несовместимых: противоположных или ненужных компонентов – приводит к тому, что либо у слова M_2 возникает сема (а), либо у слова M_1 угасает сема (а). И в том, и в другом случае появляется семантическая совместимость

компонентов, т. е. рассогласование переходит или в полное согласование, или в неполное (в несогласование).

Данный вид отношений является достаточно продуктивным для фразеологического корпуса языка. Анализ внутренней синтагматики фразем, основанных на рассогласовании компонентов, привёл к выделению двух подгрупп данных фразем: 1) фраземы, образованные путем соединения компонентов, имеющих в своих семемах противоположные, взаимоисключающие семы, т. е. фраземы оксиморонного характера; 2) фраземы, образованные путем соединения компонентов, не имеющих в своих семемах общих сем.

Первую подгруппу образуют фраземы типа *мертвые души, белая ворона, бесструнная балалайка, обькновенное чудо* и т. д. Например, соединение компонентов фраземы *мертвые души* стало возможным только в результате десемантизации компонента *мертвые*, который утратил своё основное значение «умерший, лишённый жизни» и стал употребляться в переносном значении «бездуховный, морально опустошенный».

Соединение несоединимых сем на уровне внутренней синтагматики оказывает влияние и на внешнюю синтагматику данной единицы, которая при образовании конфигураций синтаксически выступает в качестве единого члена предложения, формируя как предикативные, так и непередикативные синтагмы.

Ко второй подгруппе – фраземам, образованным путем соединения компонентов, не имеющих в своей семной структуре общих сем, относятся такие единицы, как *язык без костей, орлиное племя, часовые любви, злоба дня* и т. д.

В свободном употреблении невозможно соединение слов *часовые* и *любви*, т.к. в реальной действительности у любви не бывает часовых. Однако при соединении данных компонентов во фраземе *часовые любви* со значением ‘влюблённые’ происходит трансформация их значений: семантическое рассогласование переходит в семантическое согласование путем активизации у компонента *часовые* семы ‘находящийся на посту, ответственный’, ‘верный, преданный’, ‘постоянный’, которые также изначально имеются у компонента *любовь*.

Внешняя синтагматика данной языковой единицы основывается на анализе образованной ею в тексте конфигурации: «*Часовые любви на Смоленской стоят. Часовые любви у Никитских не спят, Часовые любви по Петровке идут неизменно, Часовым полагается смена...*» (Песня Б. Ш. Окуджавы «Часовые любви») (СКВОИ, 2003: 346). Компоненты предикативных синтагм *часовые любви* и *стоят, не спят, идут неизменно* соединены итеративными семами ‘ответственный’, ‘постоянный’, занимающими в значениях обоих компонентов конфигурации ведущее место, что позволяет определить данные семы в качестве синтагмемы. В свою очередь, внешняя синтагматика данной единицы способствует более тесному семантическому слиянию компонентов, что свидетельствует об обратном воздействии внешней синтагматики на внутреннюю.

Таким образом, взаимодействие внутренней и внешней синтагматики во фразеологии на семантическом уровне выражается в том, что внутренняя синтагматика во многом предопределяет внешнюю, а внешняя – оказывает обратное воздействие на внутреннюю структуру фраземы. В этом заключаются особенности взаимодействия семантической синтагматики и фразеологии.

Грамматический аспект синтагматики во фразеологии предполагает как анализ внутренней структуры фраземы, так и анализ образуемой фразеологизмом и ближайшим контекстом конфигурации. Анализ фразеологической синтагматики в грамматическом аспекте осуществляется в двух направлениях: 1) с точки зрения морфологической структуры фраземы, 2) с точки зрения синтаксической роли фраземы. Анализ морфологической структуры фраземы представляет собой воплощение семасиологического подхода к изучению фраземы, т. е. от формы к содержанию, и во многих случаях позволяет предопределить категориальное значение фраземы. Однако во фразеологии достаточно часто категориальное значение фраземы не соответствует её морфологической структуре. Например: *на ходу подмётки рвёт* – «очень ловок, дерзок, смел, нагл» (РФ: 348). Глагольная по форме фразема имеет адъективное категориальное значение и, как следствие, адъективную синтагматику. С точки зрения соотносительности с частями речи В. П. Жуков делит все фраземы на две группы: 1) категориальные свойства которых определяются сравнительно свободно, 2) «совмещающие категориальные признаки нескольких частей речи и обладающие ... на этой основе размытостью категориальных границ» (Жуков, 1986: 204). Определение категориального значения посредством «однословного или чаще распространительного толкования» (Жуков, 1986: 209) представляет собой воплощение ономасиологического подхода к изучению фраземы, т. е. от содержания к форме, что

более всего соответствует природе фразеологического материала. Данный подход является основной синтаксической синтагматики во фразеологии.

В процессе образования фразем всё богатство синтаксической семантики свободных сочетаний – прототипов фразем претерпевает трансформации, в результате которых образуется единое синтаксическое значение.

О. В. Шавкунова, на наш взгляд, наиболее удачно раскрывает механизм взаимообусловленности внутреннего и внешнего аспектов функционирования фразем на семантическом и синтаксическом уровнях: по её мнению, внутренняя структура фраземы определяет её первичные внешние связи; несоответствие семантического и грамматического аспектов в этой структуре является причиной становления вторичных внешних связей, которые, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на её внутреннюю структуру: «усиливается смысловая и грамматическая спайка компонентов, внутренние фразеологические связи функционально изменяются, утрачивая синтаксический характер...» (Шавкунова, 1964: 14).

Для структурного аспекта синтагматики во фразеологии характерен как анализ дистрибутивных возможностей компонентов фразеологического знака (на уровне внутренней синтагматики), так и анализ образуемых фраземой конфигураций (на уровне внешней синтагматики).

Исследование внутренней синтагматики в структурном аспекте позволяет выделить фраземы с одним, двумя и более зависимыми компонентами.

Большинство фразем имеют структуру с одним зависимым компонентом: **коломенская верста** – «большой (рост)», **здоровая дубина** – «большой (вес)», **стреляный воробей** – «опытный».

Довольно обширную группу составляют фраземы с двумя зависимыми компонентами: **от горшка два вершка** – «малый (рост)», **седьмая вода на киселе** – «чужой, неродной», **одного поля ягоды** – «одинаковые».

Три и более зависимых компонента характерны для фразем со структурой двусоставного предложения (**в чём душа держится** – «слабый, больной») и со структурой односоставного предложения (**хоть кол на голове теши** – «упрямый»).

Анализ внешней синтагматики в структурном аспекте предполагает анализ конфигураций. Под конфигурацией, вслед за М. Т. Тагиевым и А. В. Куниным, понимается совокупность фраземы и её ближайшего окружения. Причем конфигурацию образует не любое окружение фраземы, а лишь необходимое и достаточное для её семантической и грамматической реализации. Анализ конфигураций, включающих ядро (фразему) и окружение (сопутствующий элемент) осуществляется методом окружения (Тагиев, 1967: 5-6), который позволяет четко отграничить фразеологические единицы от смежного языкового материала. Для фразеологических единиц характерно собственное окружение, не вытекающее из валентных отношений их компонентов; для свободных сочетаний слов, наоборот, характерно распространение на основе валентных отношений слов – их компонентов.

Фраземам чаще всего присуще одноместное, двухместное и трехместное окружение. Одноместное окружение характерно для фразем, образующих конфигурацию с одним словом: (ему) **хоть трава не расти**, (он) **стреляный воробей**, (они) **одного поля ягоды**, (такому) **пальца в рот не клади**. Двухместное окружение присуще фраземам, которые при образовании конфигураций сочетаются с двумя словами (она) **принимает (всё) близко к сердцу**, (она) **поставила (детей) на ноги**, (у него) **молоко на губах (ещё) не обсохло**. Трехместное окружение наблюдается у фразем, которым для создания конфигураций необходимо сочетание с тремя словами: (я) **дал (ему) слово (вернуться)**, (отец) **поставил (ему) на вид (шалости)**, (он) **забил голову (детям) (небылицами)**. Многместное (четырёхместное и более) окружение встречается во фразеологии значительно реже.

Таким образом, синтагматика во фразеологии имеет свою специфику, проявляющуюся в семантическом, грамматическом и структурном аспектах, в каждом из которых наблюдается разграничение внутренней и внешней синтагматики. Внутренняя синтагматика продуцирует переход количественных изменений в качественные, т. е. происходит образование качественно новой единицы – фраземы. Поэтому внутреннюю синтагматику как процесс следует отнести к фактам языка, причем – к области диахронии.

Внешняя синтагматика является результатом взаимодействия фраземы с окружающим контекстом. В результате происходят количественные изменения: образуются различные конфигурации. Качественных изменений не происходит. Так как образуется

не новая языковая единица, а последовательность языковых единиц в речи – конфигурация в форме синтагмы, внешнюю синтагматику следует рассматривать как речевой факт и отнести её к синхроническим явлениям. Однако, несмотря на разнородность своей природы, внутренняя и внешняя синтагматика фразем взаимосвязаны и взаимообусловлены, что, в свою очередь, объясняет специфику соотношения синтагматики и фразеологии.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц) / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – 296 с.

Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. Изд. 2-е, испр., с указателями. – М.: Школа «Языки русской культуры». – 480 с.

Арнольд, И. В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. 1991. № 3. – С. 118-126.

Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 272-297.

Гвоздарев, Ю. А. Основы русского фразообразования / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. – 184 с.

Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М.: Высш. шк., 1986. – 310 с.

Кубрякова, Е. С. Синтагматика / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 447 – 448.

Тагиев, А. Т. Глагольная фразеология современного русского языка (проблемы окружения и распространения фразеологических единиц): автореф. дис.... д-ра филол. наук / А.Т. Тагиев. – Баку, 1967. – 53 с.

Шавкунова, О. В. Особенности структуры и функционирования незамкнутых предикативных фразеологических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Шавкунова. – М., 1964. – 17 с.

Greimas, A.-J. *Semantique structurale* / A.-J. Greimas. – Paris, 1966.

Pottier, V. *La definition semantique dans les dictionnaires* // *Travaux de linguistique et de litterature* / V. Pottier III. – Strasburg, 1965.

Словари

Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / С. И. Ожегов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. язык, 1987. – 797 с. – СРЯО.

Фразеологический словарь русского языка (свыше 4000 единиц) / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Рус. язык, 1986. – 543 с. – ФСРЯ.

Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: Более 1000 крылатых выражений. – М.: «Азбуковник», изд-во «Русские словари», 2003. – 430 с. – СКВОИ.

Яранцев, Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. язык, 2001. – 845 с. – РФ.

Summary. This article deals with the problems of phraseology and syntagmatics relations in semantic, grammatical and structural aspects.

Бурцев В. А.

СВЯЗОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ КАК ФРАЗОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Россия, г. Елец, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
ivburcev@yandex.ru

Фразеология церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка и, в частности, проповеди как ведущего жанра этого стиля, пока еще не описана достаточным образом. Имеются лишь отдельные наблюдения, которые касаются состава, семантики и стилистической роли фразеологизмов. Если говорить о составе фразеологизмов и основных критериях, по которым он устанавливается применительно к религиозному стилю в целом или отдельному жанру, то большинство исследователей опирается здесь на критерий воспроизводимости: в качестве фразеологизмов описываются воспро-

изводимые в готовом виде сочетания слов. Преимущественно это библеизмы и религиозная терминология.

Однако если выделять фразеологизмы в качестве не просто готовых единиц, но единиц, обладающих идиоматическим значением, то в русских православных проповедях обнаруживается еще один тип фразеологизированных сочетаний слов. Генетически это предложения, они не воспроизводятся, а возникают в речи, но смысловая связь между элементами предложения является здесь «некомпозиционной», обусловленной отклонением от аддитивных правил сложения смыслов. Такие предложения мы предлагаем называть **фразовыми выражениями**. В качестве фразовых выражений в проповедях употребляются, в частности **связочные** (Арутюнова, 2002: 140) предложения: (1) *Источник мудрости – Дух Святой* (Менетров, свящ. 1905: 63). Цель данной работы – показать, что идиоматизация связочных предложений в проповеди получает адекватное объяснение при обращении к понятию дискурса, а также предложить способ описания этого явления в рамках подхода к изучению дискурса французской школы анализа дискурса (Серио, 1999 (а)).

1. Связочные предложения как интериоризованные синтаксические структуры. Принципиальная особенность **интериоризованных** синтаксических структур (Бурцев, 2010: 30) заключается в том, что предикативное отношение между подлежащим и сказуемым представляется как внутреннее отношение, т. е. как бы построенное самим говорящим в текущем высказывании, хотя на самом деле оно является готовым к моменту его утверждения говорящим, строится до момента произнесения высказывания, до акта речи.

Рассмотрим как пример следующее связочное предложение: (2) *Смирение и кротость – добродетели Христовы* (Менетров, свящ. 1905: 34). Если интерпретировать его буквально, то оно имеет значение – «признак принадлежит субъекту в настоящем времени» (Русская грамматика, 1980: 278). Дополнительно оно также может иметь следующие значения: (а) «признак принадлежит субъекту в прошедшем и будущем времени», и (б) «субъекту предписана роль обладать признаком». Ср. (2а): *Смирение и кротость – (были, будут, пусть будут) добродетели Христовы*. В совокупности это все те значения, которые являются **контекстно-свободными** (Кифер, 1985: 334), так как зависят только от свойств, присущих этому предложению как таковому. Если высказывается одна из форм (2), то в зависимости от ситуации, соотношенной с настоящим, прошедшим или будущим временем или соотношенной с выражением воли говорящего, выражается истинная пропозиция. Например, (2б) *Смирение и кротость были (но сейчас не являются) добродетелями Христовыми*.

Вместе с тем из примера (2б) следует, что и в случае этого конкретного предложения, и в случае связочных предложений вообще, если они употребляются в религиозной сфере общения, им не может быть дана контекстно-свободная интерпретация, поскольку она приводит к неприемлемым в данном социокультурном контексте высказываниям. Единственным случаем приемлемого использования связочных предложений в религиозном контексте, является их употребление со значением «вневременности»: «вневременного тождества» того предмета, который обозначен именительным подлежащего (Пешковский, 1956: 234). Поскольку значение вневременности связано со специфическим контекстом (в данном случае с религиозным, в других – с научным), то оно является **контекстно-зависимым**. Контекстно-зависимое значение шире контекстно-свободного – оно не определяется свойствами предложения как такового, поэтому можно говорить об идиоматизации значения предложения.

Кроме того, и этому предложению, и другим связочным из проповедей может быть дана только **объективная эпистемическая** интерпретация (Лайонз, 2003: 346-347), являющаяся следствием того, что в момент акта высказывания, говорящий не способен приписать субъекту тот предикативный признак, который в обычных ситуациях употребления таких предложений обозначает собственное мнение говорящего по поводу того или иного положения вещей.

Рассмотрим теперь предложение (3): *Знание – сила* (Бэкон). В работах по фразеологии оно приводится как пример фразеологизма, соответствующего по структуре предложению (Шанский, 1985: 73). Однако и это предложение, и ряд подобных ему – *Равнодушие – враг воспитания; Прокурор – страж закона* (Русская грамматика, 1980: 277) могут употребляться с любым контекстно-свободным значением, выражая истинные

пропозиции в соответствующих ситуациях. Ср. (за): *Знание было (будет, пусть будет) силой; Прокурор был (будет, пусть будет) стражем закона.* Следовательно, таким предложениям может быть дана **субъективная эпистемическая** интерпретация: говорящий выражает свое собственное мнение по поводу того или иного положения вещей (Лайонз, 2003; 347). «Асинтаксический характер», отмеченный А. М. Пешковским для именительного предикатива (Пешковский, 1956: 234), здесь не проявляется. Таким образом, если исходить из критериев контекстной зависимости и модальности, это не фразовые выражения, а свободные предложения.

II. Фразовые выражения VS синтаксические фраземы.

В предельных случаях под фразовые выражения подпадают все предложения с контекстно-зависимыми значениями. И некоторые исследователи считают, что контекстно-зависимый вариант употребления предложения следует рассматривать как идиоматизированный вариант, представляющий собой особый тип фразеологизированных единиц – **синтаксические фраземы**. Например, предложение (4) *Ты у меня прочитаешь эту книгу* следует характеризовать как синтаксическую фразему в случае, если этим предложением высказывается не приказ на выполнение действия: (4а) *Именно у меня ты прочитаешь эту книгу*, а, наоборот, запрет на чтение книги: (4б) *Только попробуй прочитать эту книгу* (Мельчук, 1995: 338; Копотев, 2008: 9). Запретительное значение не выводится ни из одного элемента конструкции.

Наше разграничение между фразовыми выражениями и тем, что относится к синтаксическим фраземам и фразеологизмам, структурно подобным предложению, опирается на понятие **дискурсного значения**. Фразовыми выражениями считаются только те предложения, для которых данное контекстно-зависимое значение является дискурсным. В отношении **дискурса** – понятия в лингвистике неоднозначного – мы придерживаемся следующих утверждений, в рамках которых определяем субстанцию дискурса: **дискурс** – это тексты, а также высказывания, из которых тексты состоят (Демьянков, 2003), являющиеся продуктом (Серио, 1999(а)) использования общенародного языка для выражения особой ментальности и особой идеологии (Степанов, 1995). Следовательно, **дискурсное значение** – это информация, говорящая о том, что именно это значение языковой единицы связано с выражением особой ментальности и идеологии. Очевидно, что фразовые выражения, определяемые по соответствию грамматического значения дискурсному, отличаются от синтаксических фразем, которые определяются по соответствию грамматического значения прагматическому (конкретно-ситуативному).

III. Парафразирование и дискурсные парафразы. Использованный выше технический прием (2а-2б) определения значения, выражаемого данной конструкцией, и специфических изменений, которым она подвергается, основан на парафразировании. Парафразы позволяют снимать многозначность, когда в базовом предложении нет релевантных грамматических элементов, позволяющих специфицировать высказывание (Серио, 1999(б): 354). Под **дискурсными парафразами** понимаются такие предложения системы языка, которые сопоставляются исходному предложению и противопоставляются другим как семантические варианты исходного предложения. Если речь идет о дискурсе, продукте языковой деятельности, неразрывно связанном с контекстом (идеологией и ментальностью), то дискурсные парафразы – наиболее мощное средство, для того чтобы однозначно связать высказывание с контекстом, в отношении которого приемлемо только одно высказывание из круга тех, которые допускаются множественностью пропозиционального содержания предложения. Уточним, что при дискурсном парафразировании термин **контекст** переопределяется так, что под ним понимается не прагматический контекст ситуации, а ряд пропозиций, относительно которых устанавливается приемлемость текущего высказывания.

Рассмотрим предложения, которые в классе связочных предложений служат наилучшим материалом, чтобы объяснить, почему в религиозном дискурсе именительный предикатива носит асинтаксический характер. Это предложения с местоимением *это*, служащим в поверхностной форме маркером пропозитивного статуса субъекта предложения (Арутюнова, 2002: 140): (5) *Нравственная смерть – это греховное состояние.* Формальная характеристика значения таких предложений эксплицируется парафразами с глаголом *означает* (Арутюнова, 2002: 140). Глагол *означает* в значении, свойственном

ему как синониму *это*, описывает ситуацию «означаемое – означающее», в которой мы, произнося предложение, не выражаем никакого **ассерторического отношения**, «т. е. отношения между говорящим и процессом его говорения» (Ломтев, 1976: 237). Следуя данной терминологии, этот глагол можно назвать **неассерторическим**.

Возможность заменить местоимение неассерторическим глаголом отражает тот факт, что предложения с точки зрения своей семантики характеризуются логической (причинно-следственной или условной) связью частей (Арутюнова, 2002: 141): (5а) *Нравственная смерть означает греховное состояние*. (6) *Прокурор – страж закона*; (6а) *Прокурор – это страж закона*; (6б) *Прокурор означает стража закона*.

Однако понятие «логическая связь частей» применительно к связочным предложениям следует уточнить. Дело в том, что, во-первых, логическую связь между субъектом и предикатом можно представить как связь между предикативными единицами. В этом случае получим условную конструкцию. (7) *Если кто-то находится в греховном состоянии, то такое состояние приводит к нравственной смерти*. (8) *Если ты прокурор, то ты страж закона*. Во-вторых, логическую связь можно представить только как связь между именами, выраженную неассерторическим глаголом. Первое решение предполагает неопределяемость истинностного значения связочного предложения. Для предложений тождества, какими являются связочные предложения в проповеди и функция которых – констатация факта, оно неприемлемо. Между тем оно приемлемо для связочных предложений за рамками религиозного употребления языка, например, в контексте должного (**Объявляю: Прокурор – страж закона**). Следовательно, логическая связь в семантической структуре связочных предложений в проповеди – это связь не между суждениями, а между предметными именами, свидетельствующая о том, что между ними **нулевые ассертивные отношения** (Серио, 1999(б): 362). Сказать, что между подлежащим и сказуемым нулевые ассертивные отношения, – значит сказать, что акт производства высказывания, т. е. установление предикативной связи между субъектом и предикатом осуществляется раньше акта речи.

Таким образом, в связочных предложениях между актом производства высказывания и актом речи отсутствует синхрония отношений, чего нельзя сказать о подобных предложениях за пределами их религиозного употребления. Если сделать иной вывод, то есть предположить, что, допустим, в высказываниях типа (9) *Молитва Иисусова – твердая пища для нашего ума* (Владимир (Иким), митр. 2009: 74) предикативное отношение утверждается по требованию говорящего в момент акта речи, то языку проповеди следует приписать черты поэтического языка, среди которых окажется тропеичность, а в связи с ней – и неопределенность.

IV. Речевая деятельность говорящего в дискурсе. Поскольку анализ показал, что отношение между подлежащим и сказуемым в акте высказывания является воспроизведенным, а не произведенным, то в акте общения любое связочное предложение оказывается объектом, предшествующим акту речи говорящего. Иными словами, как высказывание оно принадлежит не говорящему, а кому-то другому, и высказывание другого лишь повторяется в акте произнесения предложения. Как объяснить тогда факт речевой деятельности говорящего? Для решения этого парадокса требуется разграничивать между собой акт производства высказывания и акт речи. Акт производства высказывания – это стыковка того, о чем говорится, с тем, что говорится о данном предмете речи. Акт речи – это осуществление действия посредством языка. Акты речи эксплицируются иллокутивными глаголами. Оказывается, что для фразовых выражений в качестве способа выражения иллокутивного акта приемлем только глагол *сообщаю* и неприемлемы глаголы типа *утверждаю, заявляю*, т. е. те, которые имеют в своем значении компонент *я считаю* (Вежбицкая, 1985: 272). Высказыванием (10) ***Утверждаю: Молитва Иисусова – твердая пища для нашего ума** утверждается, что предикативное отношение между подлежащим и сказуемым установлено в момент акта речи. Следовательно, (10) неприемлемо. Приемлемым является (11), в котором субъект «отделяется» от того, что утверждается предикатом предложения в отношении субъекта: (11) **Сообщаю: Молитва Иисусова – твердая пища для нашего ума**.

Заключение. В последнее время все чаще высказывается мнение о том, что изучение семантической структуры языкового знака должно получать объяснение в рамках

когнитивной науки (Алефиренко, 2009; Ченки, 2006). В данной работе с опорой на одну из базовых (Алефиренко, 2009: 9-10) категорий когнитивной лингвистики – дискурс – приводятся еще несколько аргументов в пользу этой точки зрения. Было показано, что в русской православной проповеди речевые высказывания на грамматической базе связочных предложений строятся как идиоматизированные единицы, что проявляется в дискурсной модификации грамматического значения предложений. Для объяснения влияния на означаемое оказалось необходимым использовать парафразирование как способ однозначной связи высказывания с контекстом.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
- Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н. Д. Арутюнова. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2002/ – 384 с.
- Бурцев, В. А. Интериоризованные синтаксические структуры и их дискурсная теория / В. А. Бурцев // Языкознание – 2010: Язык. Культура. Современность: материалы международной заочной лингвистической конференции: сб. науч. ст. – Челябинск: Юж.-Уральское кн. изд-во, 2010. Вып. I. – С. 26-37. (Март).
- Вежбицкая, Анна. Речевые акты / Анна Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: «Прогресс», 1985. – С. 251-275.
- Владимир (Иким), митрополит. Врата покаяния: Слова, произнесенные в разные годы в период пения Триоди постной / Владимир (Иким), митрополит Ташкентский и Среднеазиатский. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – 925 с.
- Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116-133. – URL: <http://www.infolex.ru/SMI1.htm>
- Менетров, М., священник. Пастырские наставления. Праздничные поучения / М. Менетров, священник: Репринтное издание. – М.: Издание журнала «Воскресный день», 1905. – 184 с.
- Кифер, Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании / Ф. Кифер // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: «Прогресс», 1985. – С. 333-348.
- Копотев, М. В. Принципы синтаксической идиоматизации: дисс. ...доктора философии. – Хельсинки: Изд-во Хельсинкского ун-та. 2008. – 52 с. – URL: <http://www.helsinki.fi>
- Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
- Ломтев, Т. П. Общее и русское языкознание. Избранные работы / Т. П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
- Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл-Текст» / И. А. Мельчук. – Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1995. – 682 с.
- Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Издание седьмое / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
- Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 840 с.
- Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999 (а). – С. 12-53.
- Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999 (б). – С. 337-383.
- Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 34-72.
- Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – С. 340-369.
- Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.

Summary. In the Russian Orthodox sermon speech expressions are built as idiomatized units as regard of the grammar basis of connecting sentences, which manifests itself in discursive modification of the grammatical meaning of sentences.

Галло Я.
ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ
В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

Словакия, г. Нитра, Университет Константина Философа в Нитре
jgallo@ukf.sk

Введение

В синтаксисе, как и на лексическом уровне языка, имеется немало единиц, которые отличаются от основного их пласта тем, что проявляют значительную структурную и семантическую слитность образующих их компонентов. Напр. в русском языке *А то как же!; Как бы не так!; Как так?; А ещё товарищ!; А то он сам не знает!; Была не была!*, в словацком языке *ako je, tak je; dať/nedať pozor; chlap do chlapa, trvalo to roky a roky; hodina čo hodina; deň čo deň; noc čo noc; dieťa ako dieťa* и др. «В составе современного русского языка находятся такие ряды близких по строению фразеологизмов, которые являются результатом не преобразований какого-то определённого фразеологического словосочетания, а скорее результатом своеобразной лексикализации отдельных синтаксических конструкций, имеющих (именно как конструкции, а не сочетания каких-то конкретных слов) фразеологический характер» (Шмелёв, 1977: 327). Это согласуется и с мнением А. И. Смирницкого, который утверждал, что в составе различных, вероятно, даже всех языков имеется некоторое число языковых единиц, являющихся непосредственным выражением чувств, волевых побуждений, реакций на высказывание собеседника, на его какое-либо явление, в частности предложение или вопрос (ср.: Смирницкий, 1955: 89).

Такие построения свойственны преимущественно разговорной речи, которая чаще всего прибегает к клишированным, иногда усечённым сокращениям и деграмматикализованным формам, которые всплывают в языковом сознании как готовые реакции на типовые ситуации (ср.: Горелов, Седов, 1998: 71). Такого рода сочетания рассматриваются и нами уже в свете механизмов синтаксической фразеологии в словацкой и русской грамматических системах.

Определение понятий

П. А. Лекант говорит не только о лексической, но и о синтаксической фразеологии как подразделе синтаксиса и, соответственно, о синтаксических фразеологизированных единицах (СФЕ), синтаксических фразеологизмах (СФ) и фразеологизированных предложениях (ФП) (Лекант, 1974: 151). Русская грамматика (1980: 383) использует последние два термина. Однако в современной лингвистической науке пока отсутствуют фундаментальные работы, посвященные изучению синтаксической фразеологии как раздела теории общей фразеологии. Результатом этого является фрагментарное описание синтаксических фразеологизмов в грамматиках и учебниках, которое дается лишь в связи с рассмотрением различных структурно-семантических типов членимых синтаксических конструкций. Отсюда синтаксические фразеологизмы, к примеру, в вышеупомянутой *Русской грамматике* (1980) даются в разделе не только «Простое предложение», но и в разделе «Субъективно-модальные значения». Называются они в этих разделах также по-разному: «предложения фразеологизированной структуры» и «синтаксические фразеологизмы» соответственно. При этом отсутствует дифференциация синтаксических фразеологизмов по степени структурно-семантической слитности компонентов (ведущий критерий), а также по характеру синтаксической структуры предложения (сложная или простая). Таким образом, подсистеме синтаксической фразеологии (или подуровню синтаксиса) ещё предстоит пережить свое рождение.

Вопреки этому, в России была издана одна работа, посвященная описанию синтаксических фразеологизмов как особых нестандартных структур, предназначенных для выражения субъективно-модальных значений. Речь идёт об учебном пособии А. В. Величко «Синтаксическая фразеология» (1996), где в первой части дано описание всех синтаксических фразеологизмов: структуры, значения и употребления, а во второй части содержатся практические задания и упражнения.

Лексико-синтаксическая фразеологизация
как лингвистическая проблема

Одним из нерешенных вопросов фразеологической теории является разделение фразеологии на так называемую лексическую и синтаксическую и, главным образом, вы-

деление синтаксической фразеологии (ср.: Lewicki, 1976; Dokulil, 1953; Ničeva, 1973; Mlasek, 1976, 1982, 1984; Magalová, 2008). В современной научной литературе (кроме вышеуказанного пособия А. В. Величко) отсутствует системное описание синтаксической фразеологии, а синтаксические фразеологизмы не учитывает ни одна из предлагаемых классификаций фразеологизмов.

С синтаксической точки зрения данные сочетания называют фразеологизированными или просто устойчивыми конструкциями (*ustálené vetné konštrukcie*) или схемами предложений (*vetné schémy*) или типами предложений (*vetné typu*). С точки зрения фразеологии, лексикологии или даже лексикографии говорят о синтаксической фразеологии. Оба наименования имеют одинаковую деловую базу, и, таким образом, при некоторых (понятийных) отличиях между ними их применение в научной литературе можно анализировать совместно.

Распределение на лексическую и синтаксическую фразеологии исходит из того, будет ли основой, базой для возникновения фразеологизма конкретное словосочетание, соединение конкретных слов (независимо от того, видим ли основание для фразеологизации в его отдельном компоненте или в целом словосочетании), или сама конструкция словосочетания. В первом случае речь идёт о лексических фразеологизмах, и во втором, о так называемых синтаксических фразеологизмах. Иногда во втором случае говорят о фразеологизированных конструкциях. Чтобы эта разница казалась более очевидной, приведем примеры.

Например, фразеологизированность таких единиц, как *do útoru (do vyčerpania) – до утраты; streliť sapa – попасть пальцем в небо; trafila (padla) kosa na kameň – нашла коса на камень; kúpiť mačku vo vreci – купить коту в мешке; mať zajačie úmysly – навострить лыжи; ako zmoknuté kura (ako zmoknutá sliedka) – как в воду опущенный; vešať nos/hlavu – вешать нос; piate koleso (na voze) – последняя спица в колеснице; strácať hlavu – терять голову; akoby sa zem zľahla (nie je ani stopu) – как камень в воду; Nemá hudobný sluch – медведь на ухо наступил; медвежья услуга – viac škody ako osohu (medvedia služba) и т. п. заключается, согласно Й. Млацеку, «прежде всего в их полностью устойчивом или только частично переменном, вариабельном лексическом составе/строении. Хотя важную роль здесь имеет и синтаксическая устойчивость целых оборотов (строение этих оборотов невозможно произвольно менять), даже и морфологическая устойчивость (как актуализированная и, в сущности, уже не совсем фразеологизированная, напр., форма *trafia kosy na kamene, kúpia mačku vo vreci, strácajú hlavu* и т. п.), но выходом и решающим фактором является, прежде всего, то, что каждое из этих словосочетаний состоит именно из этих слов, лексем, из этих словарных форм. Из устойчивости строения лексем здесь присутствует и семантическая устойчивость. Поэтому эту часть фразеологии (это решающее большинство) называют лексической фразеологией» (Mlasek, 1984: 95).*

Вслед за Й. Млацеком, Г. Магалова утверждает, что «хотя лексические фразеологизмы имеют свой синтаксический компонент (элемент), он является непризнаковым, т. е. фразеологизм имеет простое и ничем не отмеченное строение предложения или словосочетания» (Magalová, 2008: 48). Например: *kam ho sem čerti nesú? – за каким чёртом его сюда принесло? или какого чёрта ему здесь надо?; kameň zo srdca spadol – камень с души свалился; ísť s bubnom na zajace – ходить с барабаном ловить зайцев; trafiť do živého – попасть не в бровь, а в глаз; mútiť vodu – мутить воду; byť na nože s niekým – быть на ножках; hádzať polená pod nohu – вставлять палки в колёса и т. п. Согласно Г. Магаловой, «невозможно также утверждать, чтобы лексические фразеологизмы не имели свою синтаксическую форму, которая была бы обязательна, и, таким образом, характерна для них. Дело в том, что изменение синтаксической формы фразеологизма означает введение инородного элемента при его восприятии и приводит к неточности в понимании. Поэтому, строение таких конструкций невозможно произвольно менять. Ср.: *chodí spať so sliedkami – chodí spať so sliedkou; trafila kosa na kameň – trafili kosy na kamene*. Таким образом, сущность лексического фразеологизма состоит в лексических свойствах отдельных компонентов» (Magalová, 2008: 49).*

На другом принципе основывается фразеологизированность конструкции, т. е. сущности синтаксической фразеологической единицы. Снова рассмотрим примеры, которые приводит Й. Млацек (Млацек, 1984: 96): *Ako pchá, tak pchá do seba šúľky – z hliny (Zechenter-Laskomerský); Iba pod verandou na lavičke sedí starec, v ruke kravský roh, a čo*

pidlikuje po ňom pilníčkom, to pidlikuje (Móric); Pán brat sem, pán brat tam, kdeže som ja s vami húsence pásol? (Kalinčiak).

Такие обороты как *ako pchá, tak pchá; čo pidlikuje, to pidlikuje; pán brat sem, pán brat tam* являются устойчивыми не в рамках своего лексического строения, но, прежде всего, по своей конструкции. Например, в конструкции с коррелятивной парой *ako – tak* может встречаться и любой другой глагол. Таким образом, может быть, напр.: *ako sedí, tak sedí; ako pozerá, tak pozerá; ako číta, tak číta* и т. д. Во всяком случае, будет подразумеваться, что некоторое действие (выражено повторяющимся глаголом) длится дольше или повторяется. «Импульсом» для устойчивости и фразеологизированности в этих примерах является не их лексическое содержание, но их синтаксическое строение. Поэтому в этих случаях говорят о синтаксической фразеологии.

Разумеется, что не все случаи фразеологизированных конструкций являются, таким образом, свободно лексически переменными, как приведённые примеры. В некоторых случаях есть более специфические ограничения. Речь идёт о фразеологизированных конструкциях с тавтологией. Результатом исследования типов фразеологизированных конструкций с тавтологией неустойчивого компонента является, согласно Й. Млацеку, определение девяти типов этих конструкций. К первому типу Й. Млацек относит конструкции типа *chlap ako chlap; Čert aby sa vyznal v tých menách. Mesto ako mesto*. К второму типу он относит конструкции *chlap ako chlap, (ale...); Deti ako deti, akôr nezodpovedný prístup ich rodičov je na príčine*. Третий тип: *nie je chlap ako chlap*; Четвёртый тип: *chlap je chlap* (с вариантом *chlap je len chlap*); Пятый тип: *chlap do chlapa; noša do noše*; Шестой тип: *dom na dome; kniha na knihe*; Седьмой тип: *chlap sem, chlap tam*. Напр.: *Zub sem, zub tam, nech si vraj hneď ľahne do d'ateliny (Bednár)*; Восьмой тип: *ako číta, tak číta* и девятый тип: *Čo chlap, to chlap!; Museli sa zamyslieť nad tým, prečo v ich kraji rok čo rok nastáva taká veľká migrácia*. Приведённые конструкции, выражающие большое количество названных вещей, являются при своём лексическом значении гораздо более ограниченными, чем предыдущие типы (ср.: Mlasek, 1976: 141-142). Анализируя приведённую группу фразеологизированных конструкций, Й. Млацек приходит к выводу, что «при такой внутренней дифференциации, при широкой лексической сменяемости, и тем самым и большой частотности некоторых типов, синтаксическая фразеология, действительно, представляет собой относительно широкую и важную область явлений, заслуживающих внимания» (Mlasek, 1976: 143).

Выводы

В заключение всех наших размышлений можно констатировать, что основные свойства фразеологизмов характерны и для сферы синтаксической фразеологии. Однако оказывается, что при их функционировании нет полного согласования с их действием в лексической фразеологии; здесь обнаруживаются аналогии, иногда и некоторые отличия. Устойчивые синтаксические конструкции нужно считать особой, однако, органичной составной частью фразеологии. Границы между лексической и синтаксической фразеологией являются, вопреки отличиям между центральными явлениями из обеих этих частей фразеологии, относительно тонкими.

Исследование синтаксической фразеологии, с одной стороны, помогает далее составить перечень всех явлений, которые можно включить во фразеологию, с другой стороны, представить более гибко и дифференцировано всю сферу конструкций, сферу синтаксиса. В этом смысле продолжение исследования синтаксической фразеологии является важной и актуальной задачей.

Литература

- Величко, А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев / А. В. Величко. – М.: «Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова». 1996. – 96 с.
- Горелов, И. Н., Седов, К. Ф. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М.: «Бизнес и компьютер», 1998. – С. 71.
- Дубровин, М. И. – Коштыл, А. Русские фразеологизмы в картинках / М. И. Дубровин, А. Коштыл. – М.: «Русский язык», 1980. – 341 с.
- Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П. А. Лекант. – М.: «Высшая школа», 1974. – С. 151.
- Сафонова, С. С. Синтаксическая фразеология (на материале местоименно-союзных предложений) / С. С. Сафонова // Фразеология, познание и культура: св. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 г.): в 2 т. / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: БелГУ, 2010. – С. 130-134.

- Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т.2. – М.: «Наука», 1980. – С. 383.
- Смирницкий, А. И. Значение слова / А. И. Смирницкий // Вопросы языкознания. 1955. №2. – С. 89.
- Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелёв. – М.: Просвещение, 1977. – С. 327.
- Dokulil, M. (Diskusný príspevok) / Miloš Dokulil // Lexikografický zborník / Š. Peciar. – Bratislava: «SAV», 1953. – S. 53.
- Lewicki, A. M. Wprowadzenie do frazeologii syntaktycznej. Teoria zwrotu frazeologicznego / A. M. Lewicki. – Katowice: «Uniwersytet Śląski», 1976. – 120 s.
- Magalová, Gabriela. Frazeológia (nielen) pre žurnalistov / Gabriela Magalová. – Nitra: «UKF», 2008. – 88 s.
- Mlacek, Jozef. Syntaktická frazeológia / Jozef Mlacek // Jazykovedný časopis / Ján Horecký, roč. 27, č. 2, 1976. – S. 134-145.
- Mlacek, Jozef. Syntax a frazeológia / Jozef Mlacek // Syntax a jej vyučovanie / Ján Oravec. – Nitra: «Pedagogická fakulta», 1982. – S. 47-66.
- Mlacek, Jozef. Slovenská frazeológia / Jozef Mlacek. – Bratislava: «SPN», 1984. – S. 95-96.
- Mokienko, Valerij – Wurm, Alfréd. Česko-ruský frazeologický slovník / Valerij Mokienko, Alfréd Wurm. – Olomouc: «Univerzita Palackého v Olomouci», 2002. – 659 s.
- Ničeva, K. Sintaktična frazeologija balgarskija ezik sapostavitelno s drugite slavianski ezisi. Tézy / Keti Ničeva // VII. Międzynarodowy kongres slavistów. Streszczenia referatów i komunikatów / W. Doroszewski. – Warszawa: «Polska Akademia Nauk», 1973. – S. 252-253.
- Stěpanova, Ludmila. Rusko-český frazeologický slovník / Ludmila Stěpanova. – Olomouc: «Univerzita Palackého v Olomouci», 2007. – 878 s.

Summary. The article deals with the problem of lexical and syntactical phraseology both in Russian and Slovak. There are some fundamental concepts represented by several opinions. Two points of view connected with the analyzed issue are presented together with the discussion on the group of phraseological collocations with tautology. In order to confirm the discussed problems the illustrative examples are shown as well.

Григораш А. М.
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ – ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ
НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЯХ
(на материале русскоязычной прессы Украины)

Украина, Киев, Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова
 lyuda789@rambler.ru

В современной концептологии одним из наиболее актуальных направлений является всестороннее исследование концептов культуры. Каждая этническая культура имеет в своем проявлении собственные приоритеты, так как «именно через культуру народ осознает себя, самоутверждается в своей деятельности и формировании своей самобытности» (Шкуратова, 2010: 193). Именно такими культурными знаками являются устойчивые сочетания – названия художественных произведений, представляющие собой своеобразные прецедентные тексты, многоплановость семантики и широкие ассоциативные связи которых, актуализируясь в процессе восприятия, позволяют рассматриваемым феноменам выступать эффективным и экономным средством презентации в русскоязычной прессе Украины индивидуально-авторской специфики восприятия событий, самобытности ментальности и культуры.

Под прецедентным текстом понимается единица, имеющая статус текста, являющаяся лингвокультурным феноменом, который формируется во время включения информации о тексте в целостную картину мира отдельного лингвокультурного сообщества (Слышкин, 2004: 5, 6) и удовлетворяет следующим критериям: а) является значимым для той или другой личности в познавательном и эмоциональном отношениях; б) имеет сверхличностный характер, то есть хорошо известен окружению этой личности, включая ее предшественников и современников; в) неоднократно вспоминается в дискурсе данной языковой личности (Караулов, 1987: 216). Указанные условия предусматривают, что для приобретения текстом прецедентности он должен получить общественный резонанс и

приобрести значимость для данного лингвокультурного сообщества, – развить свою ценностную (валоративную) составляющую, которая является решающей для определения любого лингвокультурного феномена (Приходько, 2006: 21).

Таким образом, мы рассматриваем различные случаи индивидуально-авторской интерпретации устойчивых сочетаний – прецедентных текстов на словообразовательном и морфологическом уровнях. Уникальность подобных новообразований заключается еще и в том, что они являются газетными заголовками, то есть первым сигналом, побуждающим читателей либо внимательно прочесть ту или иную газетную статью, либо отложить ее в сторону и никогда больше к ней не возвращаться. Предваряя газетный текст, заголовок несет определенную информацию о содержании публикации: «Это один из видов компрессированной речи, корреспонденция в миниатюре. Газетный заголовок служит одновременно и именем текста, и индивидуально-авторским высказыванием о нем» (Никабадзе, 1995: 177).

Среди словообразовательных приемов окказионального преобразования устойчивых сочетаний – названий художественных произведений выделяется осложнение компонентов фразеологизмов суффиксами субъективной оценки, что приводит к возникновению различной дополнительной эмоционально-экспрессивной окраски фразеологической единицы, в данном случае – шутливо-ласкательной: «*Детки подземелья. Щенята – мальчик и девочка – были довольны, развились и наращивали мускулы*» («Комсомольская правда в Украине» № 159 (213/22622), 1.09.01, с. 19; ср.: В. Г. Короленко, «Дети под земелья»). Подобные стилистические оттенки возможны в связи с тем, что газетный контекст напоминает только о месте действия произведения В. Г. Короленко, но никак не связано с трагическим содержанием повести. Однако с помощью таких же уменьшительно-ласкательных суффиксов субъективной оценки журналист может достигать и высокой трагедийности повествования: «*Судьба человечка. Слабенького, но живого новорожденного отцу вынесли в грязном полиэтиленовом пакете и предложили похоронить*» («Известия в Украине. Украинский выпуск», № 211/454/27498, 22.11.07, с. 9; ср.: М.А. Шолохов, «Судьба человека»).

Ярким воплощением индивидуально-авторской интерпретации устойчивых сочетаний-газетных заголовков является создание журналистами неологизмов на базе уже существующих названий литературных произведений: «*Пеппи-Чулоксеточкой. Не верьте, когда вам в очередной раз начнут рассказывать, что люди перестали читать. Книжная индустрия работает, как зверь. Потребитель не успевает проглатывать все то, что вываливают на него издатели. И уж во всяком случае неизменно востребованною остается детская книга*» («Зеркало недели», № 48 (655), 15-21.12.07, с. 19). В газетном материале приводятся слова всемирно знаменитой детской писательницы Астрид Линдгрэн, которую журналист называет *Пеппи-Чулоксеточкой* по аналогии с названием одной из самых популярных книг вышеупомянутого автора «*Пеппи-Длинныйчулок*».

Морфологические приемы часто связаны с употреблением экспрессивного множественного числа вместо единственного: «*Трамвай желаний. На улицах Харькова появились энергосберегающие трамваи. Они не только расходуют на треть меньше электричества, но и «возвращают» энергию вагону, идущему следом. Таковыми стали старые машины, прошедшие модернизацию на Харьковском вагоноремонтном заводе*» («Рабочая газета», № 136 (15213), 4.08.12, с. 2); «*Трамвай иностранных желаний. Трамвай – туристический центр пристроили за табличкой, гласящей, что парк является памятником садово-паркового искусства. В рекламных проспектах (на английском языке) в изобилии разложенных на столиках внутри салона, говорится, что центр организует бесплатные пешие туры по Киеву. Подобную информацию о времени, месте начала прогулки и экскурсоводах желающие могут узнать на сайте компании, тоже, кстати, исключительно англоязычном*» («2000: Уикенд», № 49 (633), 6.12.12, с. 12; ср.: Т. Уильямс, «Трамвай «Желание»»). В первом случае устойчивое сочетание – название одной из лучших пьес XX века предваряет газетный материал, посвященный пусть маленькой, но все же экономической победе в отдельно взятом городе Харькове, – отсюда и употребление множественного числа второго именного компонента устойчивого сочетания. Во втором случае морфологический прием индивидуально-авторской интерпретации фразеологической единицы органично соединяется с синтаксическим приемом расширения фразеологизмов: с одной стороны, в газетном контексте явно при-

сутствует элемент рекламы, с другой – столь же явно и сожаление автора по поводу недоступности «исполнения желаний» для не знающих английского языка (отсюда и прилагательное-расширитель *иностранных*). И, наконец, достаточно частое появление именно этого устойчивого сочетания в качестве газетного заголовка в разных газетах свидетельствует как о популярности автора и его произведения, так и об уровне культуры самих журналистов.

Значительно чаще во множественном числе при индивидуально-авторской интерпретации фразеологизмов на морфологическом уровне употребляются опорные компоненты устойчивых сочетаний: *«Герои нашего времени. Присваивать звание Герой Украины начали в 1998 году по случаю седьмой годовщины независимости страны. С тех пор обладателем самой почетной награды стали уже 265 украинцев, из них 11 удостоились звания в этом году»* («Известия в Украине», № 159/1376/28420), 31.08.11, с. 4; ср.: М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»); *«Последние из могикан. Маневр удался – и отныне почти все работники французских государственных учреждений до выхода на пенсию должны отработать по 40 лет. Остались «последние из могикан» – представители спецрежимов, и прежде всего – транспортники, которые и подняли бузу этой осенью. Как нам сказали в одном из бастовавших профсоюзов, это была последняя «гайка», открутив которую, Николя Саркози перейдет к атаке и на все остальные завоевания трудящихся»* («Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск», № 277 (2807/24202), 18.12.07, с. 12; ср.: Ф. Купер, «Последний из могикан»). Обращает на себя внимание в последнем контексте реализация повтора как индивидуально-авторского приема интерпретации фразеологизмов: устойчивое сочетание *последние из могикан* повторяется дважды – в заголовке газетного материала и в самом газетном материале. Подобный тип повтора – самый распространенный в фразеологическом контексте, он строится на отгалкивании от устойчивого выражения, т. е. сначала употребляется фразеологическая единица, а затем следует повтор либо всего фразеологизма, либо его отдельных компонентов. Повтор всего устойчивого сочетания выполняет в данном случае усилительно-выделительную функцию (Шмелев, 1977: 327). При этом изменение единственного числа на множественное может быть свойственно обоим компонентам устойчивого сочетания: *«Царские охоты. На самом деле, на всех объектах, которые были раньше и которые мы приняли в этом году – идеальный порядок. Порядок в силу того, что туда приезжает президент, в силу особого внимания и дисциплины. А попробуйте пройти чуть дальше от любого из наших угодий – вы не увидите там ни зверей, ни чистого леса»* («Зеркало недели», № 39 (567), 8.10.05, с. 4; ср.: Л. Зорин, «Царская охота»).

Возможен и обратный процесс – замещение множественного числа единственным, причем наиболее простой случай реализации этого процесса – соответствующее изменение числа обоих компонентов, как опорного, так и зависимого: *«Маленькая трагедия. У меня маленький ребенок. С его отцом в браке не состояла, но отцовство он признал, и ребенок записан на него. Сейчас я замужем и хочу лишить биологического отца прав на ребенка без суда и переписать ребенка на своего мужа»* («Петровна», № 29 (764), 21.07.09, с. 2; ср.: А. С. Пушкин, «Маленькие трагедии»). В более сложных случаях по воле авторов изменяется число двух независимых опорных компонентов, к тому же выступающих в синтаксических ролях подлежащего и сказуемого: *«Он сражался за Родину. Лучшее, что осталось после Шукшина в кино, исполнено им полностью, от замысла до выхода на экраны: написано, поставлено, сыграно. Здесь великая любовь к делу и от нее – ревность, которая не допускает «разделения труда»* («Известия в Украине. Украинский выпуск», №132/861/27903, 24-26.07.09, с. 11); *«Он сражался за Родину. Василию Федотовичу Волошину 89 лет, но он бодр и полон жизненной энергии. Хотя в годы минувшей войны не раз был на волоске от смерти»* (Рабочая газета», № 84 (15161), 17.05.12, с. 2; ср.: М. А. Шолохов, «Они сражались за Родину»). Следует отметить изменение числа обоих базовых компонентов – как личного местоимения, так и глагола.

Наконец, возможно изменение числа только одного из базовых компонентов устойчивого выражения: *«Отец и дети. Книга рекордов Гиннеса пополнилась новым рекордом. У самого пожилого отца планеты – индийского фермера Рамджита Рагхава и его 52-летней жены родился второй сын. Сегодня Рамджиту почти 96 лет, но это лишь по документам – он уверяет, что давно разменял вторую сотню. Около двух лет назад эта индийская семья отпраздновала появление первенца. Тогда мужчину признали самым пожилым «молодым отцом»* («Известия в Украине»,

№ 199/1661/28705, 22.10.12, с. 8). В другом газетном контексте, помимо изменения числа одного из базовых компонентов фразеологизма (с множественного на единственное), наблюдается также инверсия его компонентов: *«Дети и отец. В некоторых организациях существует своеобразная «дедовщина»: на недавно пришедших коллег сваливают самые неприятные дела. Если вы чувствуете, что вами помыкают сослуживцы, – выполняйте только поручения шефа. Всем остальным говорите вежливое «Нет, не могу!» или «Я занят своим делом!»* («Известия – Украина», № 129 (26446), 23.07.03, с. 12; ср.: И. С. Тургенев, «Отцы и дети»).

Другим распространенным воплощением окказионального преобразования устойчивых сочетаний является изменение рода одного из компонентов устойчивого сочетания – названия литературного произведения: *«Укрощение строптивого. Сейчас Уоррен Битти, главный голливудский донжуан, – образцовый муж и отец, сидит с детьми, когда его жена Аннет Беннинг в разъездах»* («Комсомольская правда в Украине», № 3 (2040/23437), 12.01.05, с. 10; ср.: В. Шекспир, «Укрощение строптивой»). Встречаются газетные контексты, в которых подобный прием сочетается с синтаксическим приемом распространения устойчивых сочетаний: *«Укрощение строптивого: как найти общий язык с ребенком. Он возвращается из школы чернее тучи, в ответ на вопрос «Как дела?» бурчит что-то невразумительное, а попытку продолжить разговор категорически пресекает. Захлопнув дверь в свою комнату... Мы переживаем проблемы ребенка порой острее, чем свои собственные, но как же ему помочь, если он не желает даже разговаривать?»* («Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск», № 114 (4108/25503), 29.05.12, с. 1). При этом именно компоненты-«расширители» сообщают читателю исчерпывающую информацию о тематической направленности газетного материала.

Достаточно часто журналисты заменяют единственное число личного местоимения множественным для определенного рода обобщений, в том числе и общественно-политических, и философских: *«Праздник, который всегда с нами. Мемуары – это репетиция эпитафий. Постсоветская болезнь подведения итогов страны – это подсознательная опаска – воспоминание, что страна может так скоростижно скончаться, что даже соврать о ней будет нечего»* («Зеркало недели. Украина», № 29 (77), 23-31.08.12, с. 15; ср.: Э. Хемингуэй, «Праздник, который всегда с тобой»).

Этот прием индивидуально-авторской интерпретации устойчивых сочетаний тесно связан с лексическим способом окказионального преобразования фразеологизмов – замещением одного из компонентов устойчивого сочетания лексемой другого логико-предметного или тематического плана (Абрамович, 1964: 215): *«Не головой единой. Члены Центральной избирательной комиссии никак не могут собрать кворум для решения вопроса о сдаче депутатских мандатов оппозиционерами. С точки зрения работников ЦИК, избранных по квоте коалиции, во всем виноват ее глава Владимир Шаповал»* («Жизнь такая она есть», № 90 (897), 15.06.07, с. 2; ср.: В. А. Дудинцев, «Не хлебом единым»). Интерпретируется известное библейское выражение, являющееся в данном случае названием известной книги. Замена одного из компонентов фразеологизма естественным образом влечет за собой и грамматическое изменение рода обоих опорных компонентов.

В более сложных случаях органично переплетаются несколько индивидуально-авторских приемов преобразования устойчивых сочетаний: *«Хождение по трупам. Малый театр – не мавзолей, в трупы мы никого не превращаем. Каждый вечер два зала Малого театра забиты. А это 1700 зрительских мест. Почему к нам идут люди? Почему они идут в Эрмитаж или Третьяковскую галерею смотреть, почему смотрят картины Рембрандта, который писал упитанных женщин, когда сейчас мода на худобу? То есть мода меняется, а традиция остается»* («Известия в Украине», № 185/1648/28692, 5.10.12, с. 1; ср.: А. Н. Толстой, «Хождение по мукам»). Как и в предыдущем случае, компонент устойчивого сочетания-названия известного художественного произведения замещается лексемой другого тематического плана, однако замещение сопровождается изменением числа компонента (с множественного – на единственное) и в связи с этим – появлением у рассматриваемого имени существительного женского рода.

Индивидуально-авторская интерпретация устойчивых сочетаний – названий художественных произведений на морфологическом уровне проявляется также в различных изменениях времени опорного глагольного компонента: *«В списках не значатся. На Западе до сих пор ходят слухи, что еще до 12 апреля 1961 года в космосе побывали не-*

сколько советских космонавтов. Но все они погибли» («Комсомольская правда. Украина. Киевский выпуск», № 125 (2163/23559), 14.07.05, с. 17; ср.: Б. Л. Васильев, «В списках не значился»). Прошедшее время глагола (*не значился*) изменяется на настоящее (*не значатся*). Подобное изменение времени опорного глагольного компонента также достаточно часто связано с заменой опорного компонента глаголом другого тематического плана: «Так раздувается сталь. Операторы рынка хотят повысить стоимость железа еще на 20%» («Киевские ведомости», 25.11.04, с. 13; ср.: Н.А. Островский, «Как закалялась сталь»).

В редких случаях словообразовательные и морфологические приемы функционируют одновременно, дополняя друг друга: «Принесенная ветром. Если зачастила простуда и опять лучшим другом стал носовой платок, но усиливается на природе и утихает в четырех стенах – впору задуматься: а был ли вирус? Возможно, беда ваша – не ОРЗ, которое пройдет за неделю, а долгоиграющая аллергия на пыльцу, она же – аллергический ринит, сенная лихорадка, или поллиноз. Не стоит лишний раз выходить из дому, когда ветрено и влажно. Лучше всего гулять в сырую погоду, пыльца дождем прибита к земле» («Коммунист», № 69 (1207), 14.08.09, с. 6); ср.: М. Митчелл, «Унесенные ветром»). Префиксальный способ образования порождает определения-антонимы (*унесенные* – *принесенная*), и, поскольку речь идет об источнике болезни (*пыльца*), множественное число становится единственным, к тому же у определения органично появляется женский род. Ср. аналогичный газетный заголовок, индивидуально-авторская интерпретация которого касается только сферы словообразования: «Принесенные ветром. Актеры Харьковского академического театра имени Шевченко сыграли в столице спектакль о Лесе Курбасе – «Ветры «Березиля». Вечер памяти легендарного режиссера приурочили к 125-летию со дня его рождения» («Известия в Украине», № 231/1694/28738, 6.12.12, с. 10).

Таким образом, одной из отличительных черт конкретных концептов определенного типа является сфера его возможных актуализаций. Подтверждением тому является индивидуально-авторская интерпретация устойчивых сочетаний-названий классических и современных литературных произведений на словообразовательном и морфологическом уровнях. Одной из наиболее важных форм массовой коммуникации является газетно-журнальная коммуникация. «Большинство литературных языков во всем мире сложилось и развивается под непосредственным влиянием текстов массовой коммуникации. Многие процессы, характерные для современного языкового развития, нередко начинаются в недрах «языка газет и журналов» (Дорофеева, 2010: 307). Действенность газетно-публицистических выступлений зависит не только от злободневности поставленных проблем, но и от целого ряда их языковых характеристик: коммуникативной общезначимости и социально-оценочной окрашенности используемых средств, выраженности авторского «я», обязательного чередования стандартных и экспрессивных форм выражения. Современные исследования показывают, что способность концепта актуализироваться в различных типах дискурса является еще одним показателем глубины его проникновения в лингвокультуру.

Литература

Абрамович, И. М. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря / И. М. Абрамович // Проблемы фразеологии: Исследования и материалы. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 213-218.

Дорофеева, Е. Н. Экспрессивные средства речевого воздействия в современных СМИ / Е. Н. Дорофеева // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе. 2011: Сб. науч. тр. – К., 2011. – С. 307-311.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

Никабадзе, Л. У. О некоторых новых типах газетных заголовков (на материале 80-90-х годов) / Л. У. Никабадзе // Stylistyka: Tekst i styl. – IV. – 1995. – С. 177-184.

Приходько, А. Н. Концепт как трехмерное ментальное образование / А. Н. Приходько // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна : Серія «Романо-германська філологія». – 2006. – № 726. – С. 20-25.

Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

Шкуратова, Т. А. Шотландская национальная сказка: лингвокультурологический аспект / Т. А. Шкуратова // Язык как система и деятельность-2: Материалы Международной научной конференции. – Ростов н/Д: Изд-во НМЦ «ЛОГОС», 2010. – С. 193-196.

Шмелев, Д. Н. Современный русский язык: лексика / Д. Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – С. 288-333.

Summary. The article is devoted to the individual-author's interpretation of the steady units- precedent texts on the levels of word-building and morphology in Russian language newspapers of Ukraine. In their turn, the phraseological units are viewed as a essential parts of precedent texts, because they represent cultural background of any society, give the clear view of the customs and habits of any nation and cause some cultural associations.

Дидковская В. Г.
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Россия, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
Pobeda.49@yandex.ru

Предложение представляет собой многоплановую семантическую структуру, поэтому одним из методов анализа синтаксического значения является членение его на отдельные компоненты: субъект и предикат, пропозицию и модальную рамку, пресуппозицию и ассерцию и т. д. (Алефиренко, 1999: 190-208; Кронгауз, 2001: 232-246). Ключевым понятием семантики предложения является *пропозиция*, которую понимаем как интеллектуальную модель события. Пропозиция, таким образом, – это не само событие, а его языковая интерпретация, «языковое воплощение некоего положения дел в действительности ...» (Шмелева, 1994: 8).

Одна и та же пропозиция получает выражение в разных предложениях-высказываниях, в связи с чем в семантическом синтаксисе было предложено понятие базовой структуры (номинативного стандарта – Т. В. Шмелева). Базовой структурой называются предложения, обладающие следующими показателями: 1) прямой номинацией, то есть однозначным соответствием элементов плана содержания и плана выражения; 2) использованием номинативных средств (в первую очередь относящихся к семантическим субъекту и предикату) в первичных значениях; 3) «простым» обозначением процесса (без побочных непропозитивных значений и коннотаций). На фоне номинативного стандарта все другие соотносимые с ним структуры оцениваются как вариативные, конверсивные (Т. П. Ломтев).

Пропозиция выражается прежде всего предикатом, типизированной грамматической формой которого в русском языке служит глагол. Именно его валентности образуют «глагольный узел» – актантную рамку, отражающую состав участников ситуации и распределение «ролей» между ними. Это означает, что тип номинируемой ситуации диктует выбор такой единицы на замещение позиции предиката, которая количеством и содержанием своих валентностей могла бы обеспечить структуру предложения, соответствующую структуре информации о реальном событии. Но с другой стороны, и сам выбор способа манифестации предиката оказывается информативным, поскольку предопределяется тем, как воспринимает ситуацию говорящий и *что* он хочет сообщить о ней. Поэтому для анализа семантики предложения значимым является не только анализ ядерных конструкций с типизированным выражением их компонентов, но и структур, представляющих разные возможности варьирования номинативного стандарта.

Их отличия от ядерных предложений много- и разнообразны, однако одно из них является постоянным и обязательно упоминается во всех работах, связанных с рассматриваемой проблематикой. Это изменение формы выражения сказуемого, которое называют развертыванием предиката (Гак В. Г.), изменением ранга пропозиции (Арутюнова Н. Д., Шмелева Т. В.), описательным способом выражения предиката (Золотова Г. А.), аналитизацией предиката (Адмони В. Г.). Все перечисленные обозначения относятся к одному и тому же виду модификации формы представления информации о событии – к замещению позиции предиката глагольным фразеологическим сочетанием (ФС). Предложения, включающие такого рода предикаты, рассматриваются как косвенные, нестандартные репрезентации пропозиции; их отличие от номинативного стандарта видится в отсутствии изоморфности между структурой ситуации и структурой представления ситуа-

ции. Причиной же этой неизоморфности является избыточность языковых средств, возникающая вследствие присутствия в составе предложения компонентов, которые оказываются содержательно не нагруженными. Естественно, что таким «лишним» компонентом всегда признается глагольный компонент ФС с фразеологически связанным значением, не соотносимый ни с одним из элементов пропозиции (см. традиционные примеры типа (1) Завод *выплавляет* сталь – (2) Завод **производит** выплавку стали). При этом эталонные номинации (1) и предложения второго типа уравниваются в содержательном плане, а различия между ними в способе представления информации объясняются чисто количественно: одно или два слова в предикате.

Семантический синтаксис, разграничивающий структуру информации и структуру ее языкового воплощения в предложении (глубинный и поверхностный уровень организации содержания предложения), казалось бы, позволяет вписать ФС в коммуникативные структуры, не «подгоняя» их под готовые синтаксические образцы и схемы. В частности, снимается вопрос о типе сказуемого – ФС (Дидковская, 1998: 78-83), так как образующие его имя и глагол включаются в предикативный компонент предложения, состоящий из имени отношения и предикатного имени: *дать – обещание, оказать – помощь, принять – участие* и т. д. (Ломтев, 1976: 201-202). Однако структурные мотивы в интерпретации ФС присутствуют и на глубинном уровне анализа предложения; их влияние обнаруживается, например, в уподоблении сочетаний аналитическим формам *будет читать, самый большой* и т. п. Следует заметить, что в качестве доказательных иллюстраций аналитичности ФС всегда приводятся единицы с компонентами *делать, производить, принимать*, характеризующиеся особыми семантическими отношениями между именем отношения и предикатным именем: в них глагол действительно имеет значение действия «вообще», выражая его в соответствующих грамматических значениях и формах, а имя сообщает ему содержательную наполненность. В целом же ФС отличаются не только от *будет читать*, но и от сочетаний типа *сделался поэтом, подвергся нападению, характеризуется влагонепроницаемостью* и др. Причины этих различий заключаются в том, что глагольный компонент в составе большинства ФС обозначает не только отношения, как реляционные глаголы или глаголы компликативного значения, и не только фазисно-модальные оттенки, как глаголы-модификаторы, но и неграмматическую информацию.

Понятие «информация» возвращает нас к номинативному аспекту предложения, который позволяет найти ключ ко многим проблемам, связанным с номинативно-коммуникативной спецификой ФС. Интересные перспективы в этом плане открывает применение понятия «ранг пропозиции», который понимается как семантический параметр ситуации, влияющий на ее номинативную репрезентацию (Шмелева, 1983: 45). Как полагает Т. В. Шмелева, предложения, включающие образования, подобные ФС, являются отклонениями от номинативного стандарта, так как ранг предиката и объектного актанта не совпадает: ранг пропозиции определяется рангом имени, ранг же самого глагола в подобных случаях не поддается определению, вследствие чего подобные номинации подчиняются «закону приписывания ранга».

Представляется, что ранг пропозиции, в предикат которой выражается ФС, задается принципиально иначе, чем в других синтаксических номинациях. Дело в том, что глагол в составе ФС не называет отношения между участниками ситуации, так как именной компонент не является объектным распространителем глагола (вторым актантами): действие, по замечанию Г. А. Золотовой, не может распространяться действием (*оказать помощь, поддержку, услугу* и др.). Роль подобных глаголов состоит в том, что они **указывают** на общую процессуальность пропозиции, а ее тип определяется именным компонентом ФС, который в полной мере реализует свою роль предикатного предмета.

Постоянно присутствующий в характеристике и оценке предиката-ФС элемент сопоставления с глаголом создает известную формализацию отношений между предложениями, которые служат обозначением одной и той же ситуации и являются двумя репрезентациями одной пропозиции. Интерпретация конструкций с аналитическим предикатом в качестве, конверсивных, вторичных опирается на такую трактовку феноменов «информация – структура информации – языковая структура информации», которая предполагает полную аналогию между внеязыковым и языковым, а это в свою очередь есть результат элиминации такого важнейшего элемента языковой коммуникации, как коммуникативная стратегия говорящего, когда человек мыслящий и говорящий не принимается во внимание как главное действующее лицо коммуникативного процесса, осознанно

выбирающее способ представления информации. А между тем предложения с глагольным предикатом и предикатом-ФС отражают разную установку говорящего на создание содержания сообщения. Как представляется, предложения второго типа связаны со «стилем, отражающим мысль» (В. Матезиус), поскольку информация, заключенная в них, содержит сведения не только о «маленькой драме», сюжет которой составляет ситуация в реальной действительности, но и об акте познания, послужившем основой для номинативной деятельности говорящего (пишущего). Именно такие синтаксические номинации в полной мере соответствуют определению А. Греймаса, писавшего, что предложение «не что иное, как спектакль, который дает самому себе homo loquens». При этом глагольный компонент в составе предиката-ФС отнюдь не может считаться лишним, избыточным относительно структуры пропозиции, он является самостоятельным и значимым элементом, лингвистически раскрывающим «режиссерский» замысел подобного «спектакля», т. е. участвующим в создании модусных смыслов.

Нельзя не заметить, что описание предложений, предикат которых выражен ФС, обязательно сопровождается указанием на их смысловую осложненность, на добавочные компоненты содержания по сравнению с номинативным стандартом. Как показывают наблюдения, носителем всех смысловых приращений оказываются именно ФС: они последовательно представляют сведения об отношении субъекта к процессу в рамках номинируемой ситуации в том ракурсе, в котором она осмысливается говорящим. В них эксплицируется образ ситуации, который создается (задумывается) последним с целью акцентировать автономность субъекта от самого процесса. Для этого в интеллектуальную модель ситуации вводится дополнительное опосредующее звено: Он участвует... – Он *принимает* участие...; Мы обещаем... – Мы *даем* обещание... Роль подобного звена не только в том, что вербализующий его глагол «сопрягает» действие (отношение или состояние) с первым актантом, но и в указании на способ участия последнего в ситуации: включение его в процесс (действие, отношение, состояние) мыслиться и представляется говорящим как уподобление перемещению (*вводить, вести, вносить, вступать, впадать, входить, выходить, нагонять, нести, поднимать, приводить, приходить, ставить* и др.), приобретению-присвоению (*брать, давать, держать, принимать, хранить, устраивать*), физическому действию (*возводить, делать, завязывать, класть, обращать, отдавать, производить, подавать* и др.). Собственно же процесс, обозначенный как предикатный предмет, занимает при подобных глаголах позицию, например, квазиобъекта (*производить впечатление, хранить молчание, нести наказание, выносить резолюцию, давать слово* и др.) или квазидиректива (*приходить в восторг, к выводу, приводить в отчаяние, в ярость, выводить из равновесия, из терпения* и др.).

Указанная мнимость ролей обусловлена неизосемичностью значения субстантивной синтаксемы регулярной для данной позиции актантной семантике, поскольку существительные с пропозитивным значением обычно занимают позицию ментального или сенсорного объекта, что и наблюдается в «правильных» конструкциях типа *чувствует страх, испытывает ярость, обдумываю выводы, объявляют решение, назначают наказание* и т. п. Показательно, что чем предметнее значение субстантива, тем более он пригоден для роли объектного актанта. Именно поэтому для доказательства и демонстрации синтаксической содержательности связей и отношений между компонентами ФС в составе предложения всегда используются сочетания, обозначающие производственную деятельность типа *производить выплавку, производить лов, делать опыты*, в которых глагольные компоненты действительно могут быть рассмотрены как носители значения 'созидательная деятельность', а зависимой форме приписана роль фактива.

С теми же целями привлекаются и такие сочетания, как *кинуть взгляд, обратить взор, поднять глаза, кипеть гневом, погрузиться в задумчивость* (Примова, Шмелева, 1988), в которых объектность имени не вызывает сомнения, более того, именно она изменяет ранг предиката, который становится участником обозначения более высокой пропозиции. Если предикат-ФС свидетельствует об особом осмыслении организующего ситуацию процесса, затрагивающем интеллектуальную модель события, то приведенные сочетания связаны с переосмыслением процесса в рамках закрепленных в языке аналогий между событиями, следствием которого является изменение представления о самой движущейся субстанции (Арутюнова, 1976: 91). В них и глагол, и субстантив используются не в прямых номинативных значениях, а метафорически, и это переносит обозначаемую ситуацию по воле говорящего из мира наблюдаемого в мир воссоздаваемый, где реально

невозможные отношения между физическим действием и охваченной им нематериальной субстанцией оказываются существенными и отраженными в поверхностной структуре предложения.

С подобными сочетаниями в некотором смысле могут быть сближены ФС *возлагать ответственность, завязать знакомство, терять терпение, хранить молчание* и др., в целом же для ФС ни «реалистичность», ни метафоричность как способ отображения и названия действительности не свойственны, поскольку предельная обобщенность значения глагольного компонента делает возможным лишь указание на тип обозначаемой ситуации, а его так называемая метафоричность есть закрепленная в нем информация о способе познания действий, состояний, отношений в нематериальном мире. Такой глагол не нуждается в расширяющих актантах – он требует выяснения самого типа ситуации.

Для выявления своеобразия конструкций с глагольно-именными ФС эффективным является применение понятия *функционально-синтаксическая позиция*, соотносимого как со структурной схемой предложения, так и со структурой высказывания как речевой реализацией виртуального знака: в ней происходит соединение семантической функции (субъекта, предиката, объекта и др.) с материальными средствами ее выражения (Норман, 1994: 155). Совмещение ФС с позиционной моделью предложения позволяет решить вопрос не только об их номинативной роли, но и о синтаксическом «поведении» в структуре предложения, которое определяется тем, что в позиции предиката находится не глагол из состава ФС, а все сочетание, так как только в полном составе подобная единица соответствует семантической функции предиката; сам по себе глагол не называет процесс, а лишь указывает на присутствие «идеи процессуальности» в коммуникативном замысле говорящего. Такого рода случаи следует квалифицировать как неоднословное замещение функционально-синтаксической позиции: ср., например, участие глагола *делать* в конструкциях *Он **сделал заявление** о незаконных мерах, которые применялись к нему во время предварительного ареста* и *Такой человек **не делает различия** между своим и чужим*: в обоих случаях он указывает на процессуальность ситуации и намечает место предиката, но в первом предложении участвует в выражении предиката действия, а во втором – предиката отношения.

Итак, внимание к средствам и способам выражения предиката в исследованиях, посвященных семантике синтаксических единиц, объясняется особой значимостью названного компонента как на поверхностном, так и на глубинном уровнях предложения. В структуре пропозиции он соответствует важнейшему элементу референтной ситуации – координации между включенными в нее субстанциями – и несет информацию о типе пропозиции. Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что изучение предложений с предикатами-ФС, может служить инструментом, позволяющим выявить их специфику как вторичных, нестандартных пропозитивных номинаций.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – Волгоград: Перемена, 1999. – 274 с.
- Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
- Дидковская, В. Г. Фразеологические сочетания в систем средств выражения сказуемого в русском языке / В. Г. Дидковская // Вестник Новгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки», № 9, 1998. – С. 78-83.
- Кронгауз, М. А. Семантика. – М., 2001. – 399 с.
- Ломтев, Т. П. Конституенты предложений с глаголами речи / Т. П. Ломтев // Общее и русское языкознание. Избранные работы. – М.: Наука, 1976. – С. 218-239.
- Норманн, Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. – 228 с.
- Примова, М. Б., Шмелева, Т. В. Закон повышения ранга / М. Б. Примова, Т. В. Шмелева // Синтаксические структуры русского языка. Строение, содержание и функции: Сборник научных трудов. – Иркутск, 1988. – С. 27-34.
- Шмелева, Т. В. Предложение и ситуация в синтагматической концепции Т. П. Ломтева / Т. В. Шмелева // Филологические науки, №3, 1983. – С. 42-48.
- Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. 2-е изд. – Красноярск, 1994. – 46 с.

Summary. A question of the sentences with the predicate expressed by verb-nominal phraseological combinations is considered; the asistemic character of the mentioned units that breaks strict opposition of syntax categories is also substantiated.

Льчук М. И.
ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ:
АНАЛОГИЯ И ПОЛЯРНОСТЬ

Украина, г. Киев, Национальная академия руководящих кадров
культуры и искусств
mariya_lychuk@mail.ru

В последние десятилетия фразеологическая система украинского языка поднялась на качественно новый уровень, представляя разнообразие фразеологических единиц. Расширение горизонтов научного поиска в сфере фразеологии позволило рассматривать, кроме лексических фразеологизмов в традиционном понимании, и синтаксические фразеологические единицы.

Образование фразеологических единиц на лексическом и синтаксическом уровнях свидетельствует об изменении природы фразеологизации как языкового явления. В связи с этим для лингвистов остаются дискуссионными такие вопросы: 1) определение параметров процесса фразеологизации; 2) описание его механизмов, 3) выделение степеней фразеологизации.

Цель нашей статьи – раскрытие сущности фразеологизации как активного языкового явления, определение его роли в общем процессе изменений и развития украинского языка. Достижение цели связано с решением таких задач: 1) определить общие и различные признаки между лексической и синтаксической фразеологизацией; 2) проанализировать изменения, которые происходят в структуре, семантике нефразеологических конструкций; 3) определить степени фразеологизации синтаксических единиц.

Новые направления лингвистических исследований, объектом которых являются фразеологизмы, предлагают широкий диапазон терминов на обозначение фразеологических единиц разных типов: от фразеологизмов, идиом до дистантных фразеологизмов, фразеологических единств на расстоянии, фразеосхем, предложений фразеологизированной структуры и т. д.

А. Шахматов был одним из первых, кто исследовал фразеологическую проблему с синтаксической точки зрения. Лингвист указал на необходимость разграничения устойчивых словосочетаний и устойчивых предложений. А. Шахматов отмечал, что «... неразложимые словосочетания могут быть законченными и незаконченными» (Шахматов, 2001: 278).

Процесс фразеологизации применительно к образованию фразеологических единиц разных типов исследовали такие ученые, как Л. Ройзензон, В. Кодухов, В. Телия, В. Мокиенко, Н. Алефиренко, В. Ужченко, Л. Скрыпник, А. Пономарив, А. Загнитко, М. Демский, Н. Скъба и др.

Ю. Авалиани и Л. Ройзензон определили причины возникновения фразеологизации: постоянное стремление «... обновлять и расширять выразительные ресурсы речи, с одной стороны, и сохранять в ней результаты наиболее удачных и нужных словесных соединений как результат стихийного и целенаправленного отбора и стабилизации фразеологических единиц – с другой» (Авалиани, 1972: 3). Результат фразеологизации – образование фразеологических единиц, которые отличаются устойчивостью, стабильностью компонентов структуры, идиоматическим значением, легко воспроизводятся в устной речи.

Ментальность украинского народа, специфика его мышления особенно выразительно проявляют себя во фразеологической системе языка. Фразеологические единицы способны ярко передавать национально-культурные ценности отдельной этнокультуры, в частности украинской, как единицы образные, эмоциональные и экспрессивные. Возникновение фразем определено основными факторами: конкретизация предметов, явлений, их признаков, уже названных словами; уточнение объема того, что обозначается; образно-эмоциональная оценка того, что называется (Демський, 1994: 7).

На процесс фразеологизации влияет языковая рефлексия – выражение результатов осмысления этнокультурной деятельности народа, самопознания специфики собственного внутреннего мира с помощью языковых средств. Интенсивность этого процесса градуирует в зависимости от особенностей метафорического мышления народа.

Лексическая и синтаксическая фразеология находятся за пределами иерархических отношений в языковой системе, а это, в свою очередь, связано с невозможностью их

членения на единицы низшего уровня или образование единиц высшего уровня. С точки зрения В. Архангельского, «... над фразеологическим уровнем и его единицами нет других уровней и единиц, по отношению к которым как единицам высшего порядка инварианты единиц фразеологического уровня были бы единицами низшего порядка» (Архангельский, 1964: 98-99).

Исследования В. Архангельского, Л. Ройзензона, В. Белошапковой создали основу для теории, согласно которой процесс фразеологизации синтаксических единиц понимают как процесс, типологически похожий на лексическую фразеологизацию: это результат стабилизации и закрепления в речевой практике определенного языкового коллектива устойчивых языковых комплексов (Ройзензон, 1961 : 114). Лексические фразеологизмы: *Даруся не могла пити гіркі настої – ні світ ні зоря сама тягнула маму до ріки – і вони тихенько дріботіли уздовж берега...* (М. Матіос); *Майя Гаврилівна раптом запрагла хоча б одним оком глянути, а що там у цьому пакеті – вона тепер добре пригадала, хто саме його колись приніс* (Є. Кононенко); фразеологизированные предложения: *І, гостро звівши свої стрілчасті брови, Ганна Адамівна махнула рукою з виглядом готової на все відчайдушниці: – Дивитись так дивитись!* (О. Гончар); *Прийшла весна. Сухоти є сухоти. Все гіршає і гіршає мені* (Л. Костенко).

Фразеологизация на лексическом и синтаксическом уровнях имеет общие признаки: соотношение компонентов – со свободными лексическими единицами и синтаксическими моделями; утрата семантической, парадигматической и синтагматической полноты; деформация в семантико-синтаксическом плане; между компонентами возникают особые отношения, которые имеют связанный характер.

Дифференциальными признаками фразеологизации языковых единиц на лексическом и синтаксическом уровнях являются:

– лексическая фразема – это номинативная единица; соотносится с лексической единицей: выражает целостное значение, может занимать ту же синтаксическую позицию, что и лексическая единица;

– фразеологизированные структуры соотносятся с моделями словосочетаний и предложений: фразеологизированная синтаксическая модель, как и свободная, выступает языковым средством, которое передает любую новую мысль (Кодухов, 1967: 127). Результатом фразеологизации на синтаксическом уровне есть образование новых синтаксических моделей, которым свойственно вторичное синтаксическое значение;

– с точки зрения И. Кайгородовой, «... во фразеологических единицах фразеологизация идет от содержания к форме ...»; по отношению к фразеологизированным структурам направление фразеологизации меняется: от формы к содержанию; «... схема постоянно соотносится с определенным значением» (Кайгородова, 1996: 67);

– фразеологизированные синтаксические единицы – это предикативные единицы, которые выражают суждение, или непредикативные единицы, которые непосредственно либо опосредствованно связаны с экстралингвистическими ситуациями, выражают эмоции, чувства и волеизъявления участника общения.

Лингвистическая палитра прозаических произведений современной украинской литературы пестрит фраземами, в частности окказионализмами. Тексты художественной литературы способны во всем разнообразии отобразить структурно-семантические особенности, стилистические функции индивидуально-авторских фразеологических единиц. Окказиональные фразеологизмы – это яркие изобразительно-выразительные и характерологические средства. Выразительные качества устойчивых словосочетаний зависят, в первую очередь, от творческой манеры автора, его умения по-особому видеть, чувствовать и воспринимать окружающий мир и выражать с помощью разнообразия языковых средств.

Раскрытие человеческого характера, сокровенных тайн героев, эксклюзивных манер их поведения и др. представляют яркие индивидуально-авторские фраземы: *хакер женской психології* – «тот, кто умеет проникать в особенности женской психологии и обретает власть над женщиной»: *Іншим разом він нашіптував, перебираючи губами моє волосся: – Ти ж знаєш: я – хакер жіночої психології. Я спочатку шукаю помилки у програмі, потім обдумую шляхи проникнення в неї, а далі – перепрограмовую жінку на свій лад* (М. Матіос); *апокаліптичний испуг* – «чувство большего страха, ужаса»: *Він (Тоні – М. Л.) неохоче підводиться, визирає у вікно, бачить, хто там унизу стукає, і на його обличчі апокаліптичний переляк* (Є. Кононенко); *шутка бабочки-однодневки* – «что-то очень приятное, хорошее, но такое, что быстро проходит»: *Кожна зустріч з тобою була, мов жарт метелика-одноденки, мов грайливий парадиз* (С. Майданська).

Начальным этапом фразеологизации есть актуализация как процесс превращения свободных оборотов в устойчивые словосочетания, как основа семантических и грамматических изменений в них.

Мы считаем, что актуализация детерминирует формальные, смысловые, функциональные и стилистические изменения в синтаксической единице, а это, в свою очередь, усложняет ее значение. Актуализация создает основу для появления стойкой, стабильной синтаксической единицы.

Синтаксическая фразеологизация – это «... процесс, сущность которого состоит в асимметрическом соединении слов, когда план выражения ... не отвечает семантической целостности плана содержания» (Кайгородова, 1999: 30).

Д. Шмелев отмечал особенность связи специфической структуры синтаксической конструкции с ее специфическим содержанием (Шмелев, 1965: 7). Категория модальности не связана со значением отдельных слов, со значением форм, а закрепляется за структурной схемой. Модальность фразеологизированных предложений фиксирует характер отношений предметов и признаков в реальной действительности и отношение субъекта высказывания к этим отношениям. – *Ну і затіяли ви розмову, Фійоно! – спробувала її підбадьорити вчителька. – Розмову як розмову, – гідно й спокійно заперечила Фійона* (Є. Гуцало); общее значение модели – утверждение обычности, типичности названного предмета, факта; – *Припустимо, в мене документ. І треба розписатися. – Треба, то й треба, – не став заперечувати Гриша* (П. Загребельний); значение модели – внутреннее согласие, принятие действия.

Фразеологизация представляет собой последовательность изменений: утрата семантической, парадигматической, синтагматической полноценности нефразеологических синтаксических конструкций, которые поддаются деформации, преобразование их во вторичные языковые единицы.

Степени фразеологизации зависят от двух признаков: синтаксической связанности (способов сочетаемости грамматических форм в синтаксической конструкции) и роли постоянного компонента структурной схемы. Различают три степени фразеологизации: высокая, частичная и низкая, которые и предопределяют три типа фразеологизированных предложений (Личук, 2001: 19-21). Высокая степень фразеологизации свойственна фразеологизированным предложениям закрытого типа, которые образованы с помощью постоянного компонента и лексически тождественной словоформы. *Може, таки визнають і його за трудовий аліменти?.. Хіба ж ні? Із трудових трудовий!* (О. Гончар); *От весело, так весело!* (Є. Гуцало). Частичная степень – свойство полуфразеологизированных предложений: один постоянный компонент открывает обязательную позицию компонентам, которые имеют переменный характер. *Нема, щоб батька послухати* (М. Стельмах); *Йому не до зустрічі. Тривога не покидала Євгена* (А. Дімаров). Низкая степень фразеологизации определяет фразеологизированные предложения смешанного типа. Модель такого предложения включает постоянный компонент, который открывает обязательную зависимую позицию. Структурной особенностью этой позиции есть то, что ее заполняет не компонент-слово, а синтаксически членимая единица. Между постоянным и зависимым компонентом возникают допустительно-противительные отношения, средствами выражения которых есть противительные союзы. *Війна війною, а все-таки не забувай, хто ти* (О. Гончар); *Чуй не чуй, бач не бач, а мовчи* (Укр. нар. прислів'я і приказки).

Синтаксическая фразеологизация создает синтаксические конструкции фразеологизированного типа – языковые единицы с противоречивой сущностью. Синтаксическая фразеологизация отображает систему последовательных изменений во фразеологических предложениях: а) наличие постоянных и переменных обязательных компонентов, которые имеют четкое размещение в моделях; лишённые категориальных морфологических признаков; в моделях выступают лексикализированными единицами; б) семантика закреплена за стойкой структурной схемой; в) выделение ступеней фразеологизации, которым свойственна градуальность; г) специфическое функциональное назначение как полноценной коммуникативной единицы.

Таким образом, лексическая и синтаксическая фразеологизация – два процесса, не связанные иерархическими отношениями в языковой системе. Начальным этапом фразеологизации на лексическом и синтаксическом уровнях выступает актуализация. Важным объединяющим признаком является генетическая природа этих процессов: потреб-

ность в функционировании фразеологических словосочетаний и фразеологизированных предложений связана с метафорическим мышлением коммуникантов. Языковая рефлексия влияет на фразеологизацию лексических и синтаксических единиц. Аналогичными есть механизмы этих процессов. Лексической и синтаксической фразеологизации свойственны дифференциальные признаки. Фразеологизация лексических и синтаксических единиц создает целостную теорию общей фразеологии.

Литература

Авалиани, Ю. Ю., Ройзензон, Л. И. К семантическим основам фразеологии специальных сфер / Авалиани Ю. Ю., Ройзензон Л. И. // Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков. – Новгород, 1972. – С. 3-6.

Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основные теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.

Демський, М. Українські фраземи й особливості їх творення / М. Демський. – Львів – Краків – Париж: Просвіта, 1994. – 62 с.

Кайгородова, И. Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка) / И. Н. Кайгородова. – Астрахань: Изд-во АГУ, 1999. – 94 с.

Кайгородова, И. Н. Фразеосхема как генетическая основа синтаксического фразеологизма / И. Н. Кайгородова // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания: материалы Межвуз. науч. конференции. Саратов, 1996. Ч. 2: Языкознание. – 127 с.

Кодухов, В. И. Синтаксическая фразеология / В. И. Кодухов // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967. – С. 123-137.

Личук, М. І. Шинкарук, В. Д. Ступені фразеологізації речень // М. І. Личук, В. Д. Шинкарук. – Чернівці: Рута, 2001. – 136 с.

Ройзензон, Л. И. Фразеологизация как лингвистическое явление / Л. И. Ройзензон // Труды Самарканд. гос. ун-та им. А. Навои. Кафедра иностр. языков. – Самарканд, 1961. Вып. 113. – С. 101-114.

Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 624 с.

Шмелев, Д. Н. О синтаксической членимости предложения / Д. Н. Шмелев // Русский язык в школе. 1965. № 2. – С. 6-12.

Summary. In this article the essence of the process of phraseologization and its peculiarities at lexical and syntactical levels is defined. The gradualness of syntactical phraseologization, the change in the formal structure and the semantics of phraseological units is described. The degree of the phraseologization of syntactical units is determined.

Пушнина Е. В.

ФРАЗЕООБРАЗУЮЩАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ ЛОКАТИВОВ

Россия, Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
pushnina@bsu.edu.ru

Локативы являются репрезентантами концептуальной сферы пространства. Их представленность в любом языке характеризуется разноуровневостью и многообразием. Многие исследователи принимают точку зрения о фундаментальности пространственных отношений и провозглашают последние основой для толкования различных языковых явлений. Так, в теории концептуальной метафоры утверждается, что пространственные концепты обеспечивают богатую основу для метафорического осмысления и структурирования других концептов. Вероятно, объяснение этому простое: пространство является основным атрибутом материи, основной формой бытия. Оно дано человеку в физическом восприятии разных модальностей. Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком.

В данной статье масштаб охвата объекта исследования ограничивается группой локативных деноминативных глаголов и существительных, от которых они образованы. Данная группа слов достаточно репрезентативна в английском языке. Она включает 75 существительных и, соответственно, такое же количество образованных от них по конверсии глаголов.

По классификации Б. Левина, данные глаголы относятся к классу «*pocket verbs*». Их значение выражается фразой «*put (sth.) on / in X*», где X является существительным, от которого образован глагол (Levin B., 1993). Их включение в указанный класс объясняется тем, что они образованы от существительных со значением места, в большинстве случаев, контейнера, например: *bag* (сумка, мешок) – *to bag* (класть в мешок), *barrel* (бочка) – *to barrel* (разливать по бочонкам), *bottle* (бутылка) – *to bottle* (разливать по бутылкам), *cage* (клетка) – *to cage* (сажать в клетку), *jail* (тюрьма) – *to jail* (заключать в тюрьму), *land* (земля, берег) – *to land* (высаживаться на берег, приземляться), *pocket* (карман) – *to pocket* (класть в карман), *table* (стол) – *to table* (класть на стол), *shelf* (полка) – *to shelve* (ставить на полку) и др.

Исследование данных (The Oxford Dictionary of Idioms, 2004) показывает, что из 75 существительных в качестве компонентов фразеологических единиц употребляются 40. Среди глаголов – 2 единицы: *to place*, *to land*, а также причастие *forked*.

Можно сделать несколько предположений относительно полученных результатов. Рассмотрим ряд взаимосвязанных факторов, которые могут обуславливать фразеобразующую непродуктивность локативных деноминативных глаголов и относительно невысокую продуктивность локативных существительных.

Одним из факторов может быть в целом частотность употребления существительных / глаголов. Частотность употребления языковой единицы является важным показателем значимости выражаемых ею смыслов в коммуникации носителей языка. Обычно частотными являются те единицы, которые связаны с легко представимым, хорошо известным среднему носителю языка содержанием, поэтому показатель частотности может свидетельствовать об автоматизме извлечения слова из памяти, укорененности (*entrenchment*) выражаемых им смыслов. В связи с этим можно предположить, что вероятность появления единицы в качестве компонента фразеологизма прямо пропорциональна частотности употребления этой единицы в целом в языке.

Для проверки данного предположения мы провели корпусное исследование локативов. Для этого использовался Британский национальный корпус (British National Corpus), интерфейс, разработанный в американском университете Brigham Young University (Davies M., 2004). Он содержит 100 млн. слов текстов разных функциональных стилей и жанров современного английского языка (1980-1993 гг.).

Результаты анализа полученных данных выявляют существенные расхождения между существительными и глаголами. Первые значительно превосходят последние по частотности употребления. Например, *barrel* в качестве существительного встречается 1395 раз, а в качестве глагола – 16 раз, существительное *shelter* – 1497, глагол *shelter* – 510, существительное *stable* – 748, глагол *stable* – 71 и т. д. Эта тенденция не распространяется на несколько единиц. Количественные характеристики их встречаемости в корпусе следующие:

	существительное	глагол
<i>cap</i>	1891	228485
<i>coop</i>	0	67
<i>pillory</i>	10	52
<i>reel</i>	317	402
<i>sheathe</i>	0	81
<i>spit</i>	275	962
<i>trap</i>	1649	1948

Однако это несоответствие общей закономерности является следствием разметки корпуса. В то время как морфологическая информация легко подвергается автоматической обработке, различение значений в корпусе не проводится. Так, практически во всех словоупотреблениях *cap* является модальным глаголом «мочь, уметь», а не интересующим нас деноминативным глаголом со значением «консервировать». В отличных от локативных значениях встречаются также *reel* «шататься, кружиться», *sheathe* «вязать в снопы», *spit* «плевать». Что касается *trap*, расхождение между частотностью существительного и глагола не столь существенно, если учесть их высокую употребительность в языке. Незначительна также разница между глаголами и существительными *coop*, *pillory*.

На основании полученных данных мы разделили рассматриваемые языковые единицы на несколько групп:

1. Единицы с высоким показателем частотности.

2. Единицы со средним показателем частотности.
3. Единицы с низким показателем частотности.
4. Единицы, отсутствующие в корпусе.

Такое деление производилось отдельно для существительных и для глаголов с учетом данных для каждой части речи.

Дальнейший сравнительный анализ данных групп по частеречной принадлежности выявил следующую закономерность: и существительное, и соответствующий деноминатив входят в одну и ту же группу. Например, высокочастотными являются существительные *house* (57234), *place* (51007), *land* (21347). Образованные от них глаголы также входят в группу с высоким показателем частотности: *to place* (14643), *to house* (4942), *to land* (3628). Далее по мере убывания данного показателя для существительных, он падает и в отношении глаголов.

Исследование зависимости количества вхождений рассматриваемых единиц в состав фразеологизмов от показателя частотности для данных единиц показывает, что такая зависимость прослеживается не в качестве строгой закономерности, но в качестве тенденции. Среди существительных, входящих в группу с высоким показателем частотности, количество фразеологизмов, компонентом которых является то или иное существительное, колеблется в пределах 7-21. Для существительных из второй группы этот диапазон составляет 0-11, из третьей группы – 0, редко 1, из четвертой – 0.

Таким образом, фактор частотности может служить объяснением фразеологической непродуктивности деноминативных глаголов. Они сами по себе не являются частотными по сравнению с существительными, от которых они образованы. Кроме того, выявляется тенденция снижения количества вхождений существительных в состав фразеологизмов в зависимости от снижения частотности их употребления.

Выявленный фактор является недостаточным для объяснения исследуемой проблемы. Фразеологическая активность локативов обусловлена не только чисто языковыми и количественными, но и концептуальными и качественными показателями. **«Фразеологизмы являются не только чисто языковым, но и когнитивным феноменом в том смысле, что образная составляющая фразеологизма, даже если она не влияет непосредственно на актуальное значение, является частью плана содержания»** (Баранов, Добровольский, 2008: 21). Можно предположить, что локализация как концептуальный домен может определять употребление локативов в качестве компонентов фразеологических единиц. Это предположение основывается на следующих теоретических положениях.

В соответствии с когнитивным подходом семантика фразеологизмов может рассматриваться с точки зрения отражения в ней образа мира, представленного в языковом сознании. Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, **«порождение и восприятие фразем связано с возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации, содержащейся во фразеомообразующей базе, и ее преобразованием в смысловую структуру фраземы. Такими предзнаковыми формами форматирования знания служат внутренняя форма фраземы, образ и гештальт как на этапе порождения, так и на этапе его восприятия»** (Алефиренко, 2008: 49).

Образная мотивация фразеологизмов обеспечивается знаниями и оперированием знаниями. По мнению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, **«... в языковой интуиции за каждой мотивированной идиомой закреплено некое знание, выводимое из исходной концептуальной структуры и, как правило, не регистрируемое сознанием»** (Баранов, Добровольский, 2008: 112). Являясь частью плана содержания фразеологизма, это знание актуализируется и определяет его семантический, прагматический, когнитивный потенциал.

Влияя на функционирование фразеологизмов, концептуальный домен локализации, однако, не является фактором ограничения на вхождение локативов в состав фразеологизмов. Образная мотивация фразеологических единиц возникает благодаря интерпретации одних сущностей в терминах других. Продуктивность пространственных концептов, в том числе и локативных, в этом отношении бесспорна. Принцип концептуализации явлений в терминах пространства проявляется в фразеологических единицах с компонентами-локативами. Приведем несколько примеров: *in the bag* (гарантированный успех, дело в шляпе), *in the wrong box* (в неловком положении, не в своей тарелке), *out of the box* (особенный, нестандартный, оригинальный), *in the can* (завершенный, готовый),

in the groove (на высоте, в ударе, хорошо исполненный), *be on firm ground* (чувствовать себя уверенно, чувствовать твердую почву под ногами), *on ice* (отложенный до поры до времени) и др.

Таким образом, концептуальный домен локализации является распространенной основой переосмысления сущностей и явлений. Ограничителем на вхождение локативов в состав фразеологизмов является способ репрезентации концептуального содержания. Глагольный способ репрезентации ограничивает участие исследуемых единиц в компонентном составе ФЕ в связи с некоторыми особенностями, характеризующими сами деноминативы.

Эти глаголы связаны с идеей движения, характеризуются наличием признака каузативности, в них лексикализации подвергается концепт «Место / Путь». По мнению Л. Талми, глагольная лексикализация Фона, а значит и Места, – редкое явление в языках мира. Более того, ученый отмечает, что глаголы, инкорпорирующие информацию о Пути / Месте не являются характерными для английского языка. К такому выводу он приходит в связи с разделением языков на *verb-framed* (глагольно-ориентированные) и *satellite-framed* (сателлитно-ориентированные) на основе того, как в них выражается концепт Пути. К первому типу относятся те языки, в которых в значении глагола кодируется информация о Движении и Пути, ко второму – языки, в которых глагол в модели лексикализации совмещает Движение и Способ / Причину, а Путь выражается сателлитом – любой приглагольной единицей, кроме именного дополнения. Английский язык представляет собой второй тип (Talmy L., 2000).

Если следовать данной теории, то локативные деноминативы должны быть непродуктивны в целом в языке, в том числе и в фразеологии, они будут стремиться выйти из категории локативов и встроиться в сателлитно-ориентированную систему английского языка. Первая из данных характеристик – невысокая продуктивность – была выявлена при рассмотрении частотности. Для проверки двух других обратимся к исследованию семантики деноминативных глаголов.

Как показывают результаты исследования, развитие семантики деноминативов локализации прослеживается в трех видах употреблений: прототипическом, пространственном и непространственном.

Прототипическими для рассматриваемого класса глаголов являются те случаи, в которых речь идет о действии помещения / расположения предмета в месте, называемом исходным существительным. Так, для *to land* таковым является «земля», для *to bottle* – «бутылка», для *to ditch* – «ров, канава» и т. д. Наличие лексикализованной информации о конкретном месте локализации объекта определяет отсутствие ее поверхностной реализации в предложении. Эта информация всегда подразумевается, хотя и присутствует в свернутом, скрытом виде. В следующих предложениях очевидна неприемлемость употребления существительного со значением места: *Coach Mike Shanahan benched Donovan McNabb *on the bench. After a lovely dinner of steaks and salad, we bedded down the kids *into the bed. Gen. Burnside landed about 7,500 men *on the land. The train would stop and a solitary man would disembark, shoulder his packs *on shoulders, and disappear into the spruce trees and creek valleys. Эта информация может быть выражена только при определенных условиях, например, если речь идет о конкретном виде или части объекта-места. Об этом можно судить по следующим предложениям: *After a lovely dinner of steaks and salad, we bedded down the kids – Diego in the pull-out sofa, Eli in the over-cab bed between his parents. Gen. Burnside landed about 7,500 men on the southwestern side of Roanoke Island. В этих моделях значение глагола отражает знание об объекте, от имени которого образован глагол, а именно: об участии и функции объекта в определенной, предназначенной ему по природе деятельности.**

Второй вид представлен теми моделями употребления глаголов, в которых связь с прототипическим объектом-местом прослеживается косвенно: по признаку внешней или функциональной схожести. Такие модели практически всегда включают поверхностно выраженную информацию об объекте-месте. Приведем примеры: ... *any insect landing on Elvis's head would dissolve in the petrochemical ooze... I prepare a lamb shank casserole for dinner: shanks seared in olive oil, bedded on garlic, celery and root vegetables, splashed with red wine. He saw a black man running past who ditched something in that culvert. Здесь можно выделить глаголы, которые демонстрируют особое разнообразие объектов-мест. Например, *to land* обнаружен в сочетании с *on the edge of one of the stairs, on her cheeks**

and eyelids, on her lashes, on my toe, on my chest, on his hands and knees, on the soft grass, on the roof, on the floor, on the pavement, on bargain-basement shelves, on my doorstep, on courthouse desks, on a pillow и др. Приведенный список показывает различную степень схожести с прототипическим объектом-местом. Во втором типе моделей употребления глаголов деноминативы утрачивают связь со значением существительного-источника.

Третья группа – непространственные употребления – включает примеры метафорического расширения значений глаголов. Например, в область Обладания: ... *her guy had what it takes to win this contest, and net the two of them a free trip to St. Croix! Most importantly, bagging the Pulitzer would have gotten John Redmond off Strider's back. So much of it is simply pocketed by corrupt officials.* Во всех этих случаях глаголы реализуют знание о Способе движения к цели: *to net* – талантом, способностями, *to bag* – хитростью, применением правильной стратегии, *to pocket* – нечестно, незаконно. Также представлена эмоциональная сфера: *Feelings of hurt and anger that had been bottled up all those years took over.* И в следующих примерах проявляется Способ действия – собирать разрозненные, дискретные объекты вместе: *Erin chases it, smacking at it repeatedly, missing it every time... But Erin keeps after it, corralling all her frustrations into killing that one bug. In other experiments, physicists have corralled electrons within regions of two-dimensional electron gases, called quantum dots. ...competing sounds that need to be corralled into a symphony.* Подобных примеров, когда глагол локализации становится глаголом Способа / Образа действия, – подавляющее большинство, что свидетельствует о продуктивности такого перехода. Важным следствием этого является появление глагольных сателлитов: *bottle up, bed out, box in / out / up, string out* и др. Это свидетельствует о вымещении концепта Места / Пути из структуры глагола в сферу сателлита. Таким образом, происходит встраивание деноминативных глаголов в сателлитно-ориентированную модель английского языка.

Наличие у глагола описанных моделей употребления свидетельствует о степени сложности стоящей за ним концептуальной структуры. Не все рассматриваемые глаголы имеют одинаково сложную структуру. Так, для *to billet, to bin, to cellar, to front-page, to hangar, to pasture* характерна только прототипическая модель. На другой стороне полюса находятся *to bottle, to shelve, to land, to ditch, to ground* и др. со сложной сетью значений. Наличие сложной концептуальной структуры коррелирует с частотностью употребления глагола. Компонентами фразеологизмов являются два деноминатива, имеющих высокий показатель по двум этим характеристикам, – *place a premium* (придавать большое значение), *land on your feet* (выкрутиться).

Исследование фразеологизмов, компонентами которых являются локативы, показало большую продуктивность существительных по сравнению с образованными от них глаголами. Поиск возможных причин выявил ряд взаимосвязанных факторов формального и концептуального характера, среди которых: частотность употребления локативов в языке в целом, влияние концептуального домена локализации, свойства деноминативов в целом, обусловленные транспозицией из класса существительных и нетипичным для английского языка глагольным способом лексикализации концепта «Место», развитие сети значений деноминативных глаголов.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
- Davies, Mark. (2004-) BYU-BNC. (Based on the British National Corpus from Oxford University Press) / M. Davies. Available online at <http://corpus.byu.edu/bnc/>.
- Levin, B. English Verb Classes and Alternations. A Preliminary Investigation / B. Levin. – Chicago : University of Chicago Press, 1993. – 348 p.
- The Oxford Dictionary of Idioms. Second edition / Ed. by Judith Siefring. – NY: Oxford University Press, 2004. – 340 p.
- Talmy, L. Vol. 2.: Typology and Process in Concept Structuring / Talmy L // Toward a Cognitive Semantics: in 2 Vol. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2000. – 495 p.

Summary. The article presents the study of denominal location verbs and nouns they are formed from in the context of their phraseological productivity. It reveals several interrelated factors of their use as components of phraseological units.

Ракова К. И.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ
ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
rakova@bsu.edu.ru

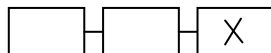
В настоящее время фокус внимания лингвистов перемещается с изучения единиц определенного языкового уровня на исследование специфики межуровневых отношений. Данное направление, призванное всесторонне описать соотношение плана выражения и плана содержания, дает возможность более глубоко вникнуть в сущность единиц разных уровней. Цель настоящей статьи – проследить характер связи между различными типами полипредикативного предложения и функционирующими в их рамках фразеологическими единицами на материале художественных произведений современной англо-американской литературы.

Основу исследования сложных предложений разного порядка заложили труды таких отечественных лингвистов, как В. А. Белошапкова, Я. Г. Биренбаум, И. А. Василенко, Е. В. Гулыга, Г. А. Золотова, Л. Л. Иофик, Г. Ф. Калашникова, О. А. Крылова, Ю. А. Левицкий, О. И. Москальская. Современные концепции по фразеологии исходят из положений теорий Н. Н. Амосовой, Ш. Балли, В. В. Виноградова, А. В. Кунина, И. И. Чернышёвой, Ю. А. Гвоздарёва, В. Н. Телия, Н. М. Шанского и др. В изучении механизма взаимодействия синтаксических конструкций и фразеологических единиц мы применяем «функциональный подход, интегрирующий исследование разноуровневых языковых средств на базе общности их функций» (Бондарко, 2003).

Анализ конструкций с паратакисом, с гипотакисом и предложений, сочетающих паратакис и гипотакис, показал, что наиболее оптимальные условия для реализации фразеологизмов создают конструкции, основанные на сочетании паратактических и гипотактических связей, составляющие почти 60% (59,7%) от всего корпуса примеров. На конструкции с гипотактическими отношениями падает 35,4%, на предложения с паратактическими отношениями – 4,9%. Такое неравномерное распределение фразеологизмов по типам полипредикативных предложений объясняется различной информационной структурой исследуемых конструкций (Рядинская, 2011:189).

С точки зрения актуального членения, полипредикативные паратактические предложения представляют собой несколько тема-рематических линий, каждая из которых характеризуется в основном простой структурой: /T¹ – R¹/ /T² – R²/ /T³ – R³/. “It’s Uncle Peter!” <...> On his wide black face, accustomed dignity strove with delight at seeing old friends, with the result that his brow was furrowed in a frown... <...>... Uncle Peter was breathing hard and sitting up very straight as he stared steadily at the horse’s ears. <...>

Peter sucked in his breath and his wrinkled brow showed deep furrows but he **kept his eyes** straight ahead (Mitchel, 1964: 672).

В данном примере между инициальным и интерпозитивным блоками реализуются отношения одновременности (*Питер втянул в себя воздух и морщины на его лбу обозначились резче*). Интерпозитивный и финитный блоки выражают отношения сопоставления (*но вместе с тем он продолжал пристально смотреть вперёд*). Следует отметить, что в более чем 95% случаев полипредикативные паратактические предложения, в которых зафиксированы фразеологизмы, строятся по трёхчастной модели, и соответственно в этих конструкциях сочетаются два типа связи. Функциональную перспективу анализируемого предложения можно представить следующей формулой:

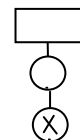
/T¹ + R¹/ – /T² + R²/ – /T³ + R³/. Первая тема-рематическая линия выражена темой *Peter* (*Peter*), доказательством чего является предшествующий контекст (*Uncle Peter*), рема строится из оставшейся части первого блока *sucked in his breath*. Второй информационный сегмент состоит из простой темы *his wrinkled brow*, что обусловлено макроконтекстом этого предложения (*wide black face...*, *his brow...*), и простой ремы, состоящей из оставшейся части второго информационного сегмента *showed deep furrows*. Простая тема третьей тема-рематической линии, представленная личным местоимением 3 л. ед.ч. *he*,

опирается на контекст первых двух информационных сегментов (Peter, his wrinkled brow). Рема заключительного блока образована оставшимся фрагментом тема-рематической линии *kept his eyes straight ahead*. Таким образом, глагольная фразеологическая единица проанализированного предложения **kept his eyes** попадает в рематическую зону функциональной перспективы третьего сегмента.

Гипотактическая конструкция предполагает единое тема-рематическое пространство, в котором наиболее продуктивным типом является конструкция с простой темой и сложной ремой: T – R (R¹ + R²):

1. *I went below – meditating and a little downhearted.*

I thought, if **five cooks can spoil a broth**, what may not five captains do with a pleasure excursion (Twain, 1990: 22)?

В данном примере, построенном посредством последовательного подчинения, фразеологическая единица (с полной предикацией **five cooks can spoil a broth**), реализуется в придаточной части. Большая часть гипотактических предложений относится к информативному типу с рематическим расширением, которые составляют 60% от общего количества всех примеров и включают конструкции информативного типа с тематическим и рематическим расширением, предложения с тематическим расширением и структуры информативного типа с отдельными линиями тема-рематических отношений. Следовательно, и многочастные сложноподчинённые предложения используются в тексте в основном для формирования и развития рематической линии (Ракова, 2003: 143-144).

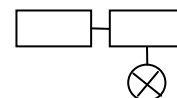
Информационная структура анализируемого предложения представляет собой сочетание простой темы и сложной ремы: T – R (R¹ + R²). Тема анализируемого предложения представлена главной частью *I thought*, что подтверждается предшествующим контекстом (*I went below—meditating and a little downhearted*). Рема охватывает информацию, которая заключена в двух последующих придаточных (R¹ + R²). Тема-рематическое и синтаксическое деление полипредикативного предложения совпадает. В текстовом фрагменте, конститuentом которого является данное предложение, речь идёт о путешествии через Атлантику на корабле. Знакомясь с новыми людьми, Марк Твен узнаёт, что на судне находятся пять капитанов. Автор в присущей ему юмористической манере размышляет о необходимости такого количества организаторов на борту корабля. Именно здесь он употребляет поговорку **five cooks can spoil a broth** (too many cooks spoil the broth – у семи нянек дитя без глазу), которая и подчёркивает нелепость ситуации, вызывая у читателя улыбку (Рядинская, 2011: 86).

Полипредикативные предложения с паратаксисом и гипотаксисом представлены несколькими тема-рематическими линиями. Наиболее частотным типом является сочетание двух тема-рематических линий, одна из которых обычно имеет простую, а вторая сложную структуру:

I could not meet his eyes. <...>‘Don’t let anything change you back, Susannah. Please stay as you are.’

I just sat there looking at him and I knew then that I

was in love with Malcolm Mateland (Holt, 1982: 308).

Информационная структура исследуемого полипредикативного предложения предполагает сочетание двух параллельных тема-рематических линий как паратактического, так и гипотактического комплексов:

/T¹ + R¹/ – /T² + R² (R^a + R^b). Тема информационного сегмента гипотактического

комплекса представлена личным местоимением 1 л. ед. ч. *I*, что подтверждается предшествующим контекстом (в данном случае контекстом паратактического комплекса). Мы имеем дело со сквозной темой, которая передаётся местоимением *I* (*I just sat ...*). Главная героиня, от лица которой ведётся повествование, вспоминает, как в тот момент, когда Малком попросил её оставаться такой, какая она есть, и не меняться, девушка осознала, что влюблена в него. Сложная рема строится из части главного предложения, выраженного глаголом простого прошедшего времени *knew*, обстоятельством времени *then* и придаточным, в состав которого входит глагольный фразеологизм **was in love with**.

Существует тенденция реализации фразеологических единиц в области рематического расширения полипредикативных предложений. Сложная рема в подавляющем количестве примеров следует за темой, занимая конечное положение в конструкции, что характерно для исследуемых предложений с объективным порядком следования компонентов информативной перспективы. В полипредикативных гипотактических конструк-

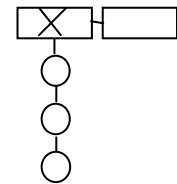
циях и предложениях, основанных на сочетании паратаксиста и гипотаксиста, фразеологизмы попадают в зону действия рематической области, чаще всего расширенной, которая и вводит дополнительную или ранее неизвестную информацию о действующих лицах, событиях и ситуациях. Назначение фразеологизмов именно в этой зоне предложения – увеличить их функциональную нагрузку в конструкции и привлечь внимание читателей к этим аспектам информации.

В полипредикативных предложениях с паратаксистом, которые представляют собой сочетание нескольких более-менее автономных тема-рематических линий, расширение рематических зон является достаточно редким явлением. Следовательно, причиной низкой частотности фразеологизмов в полипредикативных паратактических предложениях может служить отсутствие оптимальной среды для их реализации, поскольку рематическое расширение нетипично для такого рода конструкций.

Фразеологические единицы, функционирующие в полипредикативном предложении, имеют сложную семантическую структуру, характеризующуюся широким диапазоном эмоциональных, оценочных и экспрессивных оттенков. Особенностью семантики ФЕ в рамках полипредикативного предложения является то, что в основном они подчёркивают меру и степень интенсивности действий либо придают эмоционально-экспрессивную окраску глаголам, выражающим чувства и ментальные процессы.

Увеличение объема полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом, в котором функционируют фразеологизмы, влечет за собой структурную симплификацию гипотактического комплекса, выраженную в минимальном наборе конститuentов и доминировании одной синтаксической связи, главным образом последовательного подчинения:

The two men who had run after him when he passed through the ante-room, through the enormous counting house where her clerks worked, **were hot on his heels** but he threw them off with a flick of his wrists, his strength, it seemed, as powerful and indefatigable as his rage (Howard 1990: 331).

Данное предложение состоит из инициального расширенного гипотактического комплекса, основанного на последовательном подчинении, в котором актуализировалась глагольная ФЕ **were hot on his heels**, и минимального паратактического комплекса. Гипотактический комплекс может быть образован на основе одной, двух, трёх, четырёх и более синтаксических связей. Структурной особенностью рассматриваемых предложений является то, что фразеологизмы обнаруживают себя в полипредикативных конструкциях, в которых гипотактический комплекс образован посредством одной синтаксической связи в более чем 80% случаев от всех примеров.

Существует определенная зависимость между локализацией фразеологической единицы и числом и типом синтаксической связи в полипредикативной паратактической конструкции. Если предложение образовано посредством одного типа связи, то фразеологизмы могут реализоваться в любом из паратактических блоков. В предложениях, построенных на основе двух типов связи в наиболее продуктивной трехчастной модели, фразеологизмы располагаются в паратактическом блоке, который находится в интерпозиции или занимает конечное положение. Комбинация паратактических связей, в которую входит отношение следования, предполагает реализацию фразеологической единицы в паратактическом блоке финитной позиции. Локализация фразеологических единиц в интерпозитивных (30,7%) и финитных паратактических блоках (53,9%) связана с повышением экспрессивности коммуникативно-значимой информации в центральных и конечных частях предложения в целом (Ракова, Рядинская, 2011: 50-60).

Появление фразеологизмов в придаточных частях полипредикативного предложения, основанного на гипотаксисе, также вызвано распределением информации в предложении, поскольку фразеологические единицы в основном попадают в область действия рематической зоны. Исследование показало, что частотность их локализации в придаточных частях повышается при увеличении числа синтаксических связей, образующих конструкцию.

Существует четкая зависимость между синтаксической связью в полипредикативном предложении и уровнем фразеологической насыщенности. В предложениях с гипотаксистом и конструкциях, образованных на основе сочетания паратаксиста и гипотаксиста, при увеличении числа типов синтаксической связи фразеологическая насыщенность уве-

личивается. Достаточно объемные синтаксические конструкции, способные передать обширную информацию, допускают появление нескольких фразеологизмов, которые насыщают образностью и экспрессией отдельные части полипредикативного предложения. Однако максимальное расширение конструкций (предложения с расширенным паратактическим и расширенным гипотактическим комплексами) не допускает использование нескольких фразеологизмов, что объясняется информативной избыточностью данных полипредикативных предложений (Ракова, Рядинская, 2011: 165-172).

Таким образом, в процессе анализа фразеологизмов, функционирующих в разных типах полипредикативного предложения, была выявлена избирательность ФЕ как способность актуализироваться в определённой синтаксической среде (чаще всего в предложениях с паратаксисом и гипотаксисом), ограничивать синтаксическое развёртывание структуры полипредикативного предложения, а также усиливать эмоционально-экспрессивные оттенки компонентов рематической зоны функциональной перспективы полипредикативного предложения.

Литература

Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – 3-е изд., стер. – М. : УРСС, 2003. – 208 с.

Ракова К. И., Рядинская О. П. Полипредикативное предложение с фразеологизмами в современном английском языке: моногр. – Белгород, 2011. – 220 с.

Ракова, К. И. Полипредикативное предложение: гипотактические конструкции. – М., 2003. – 159 с.

Рядинская, О. П. Фразеологические единицы в структуре полипредикативного предложения (на материале современного английского языка): Дис. ...канд.филол.наук. . – Белгород, 2011. – 221 с.

Holt, V. The Mask of the Enchantress – Geneva : Edito-Service, 1982. – 346 p.

Howard, A. The Mallow Years – London : Coronet books, 1990. – 581 p.

Mitchel, M. Gone with the Wind – New York : Macmillan, 1964. – 1037 p.

Summary. In the article the interrelation of idioms and syntactic constructions represented by Multiple Compound, Complex and Compound-Complex units is considered with regard to the correlation of the structural and communicative aspects of syntax. The author focuses on a syntactic environment where idioms occur and proves that this phenomenon is due to the different communicative functions of each type of composite sentence.

Рядинская О. П.

ФРАЗЕОЛОГИЯ И СИНТАКСИС: ПАРЕМИИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (на материале современного английского языка)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
oryadinskaya@bsu.edu.ru

Современные лингвистические направления строятся на концепции стратификационной модели языка, постулирующей наличие уровней с определенным набором языковых единиц и системы связей между этими уровнями. В настоящее время изучаются проблемы, касающиеся связей и взаимосвязей уровней языковой системы, так как назрела необходимость шире вести исследования в русле межуровневых языковых отношений, чтобы яснее понимать формальную и информативную сущность языковых единиц.

Выявление особенностей функционирования фразеологических единиц в полипредикативных предложениях предполагает исследование специфики формальной и семантической организации полипредикативных предложений с паратаксисом, гипотаксисом, а также конструкций, сочетающих паратактические и гипотактические связи, что обусловлено необходимостью исследования межуровневых связей языка.

Вопросы, возникавшие в связи с выявлением сущности и функций синтаксических конструкций, неизбежно приводили к необходимости анализа их лексического состава, что в свою очередь вызывало интерес к исследованию особых единиц – устойчивых сочетаний, известных в лингвистике под терминами: идиомы, фразеологические единицы, фразеологизмы, фраземы. Областью изучения фразеологизмов традиционно становились

простые и сложные предложения, однако применительно к многочастным предложениям на материале современного английского языка проблема структурной и содержательной роли фразеологизма не ставилась.

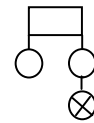
В данной статье рассматривается механизм взаимодействия паремий и разных типов полипредикативных предложений современного английского языка.

Исследование материала англо-американской художественной прозы показало, что количество ФЕ с полной предикацией, представленные в основном пословицами и поговорками, насчитывают 5,6% от всех примеров полипредикативных предложений. Наибольшее число пословиц реализуется в полипредикативных гипотактических конструкциях (6,2%), в предложениях с паратаксом и гипотаксом они составляют 5,1%, тогда как в паратактических конструкциях ФЕ с полной предикацией выявлены не были.

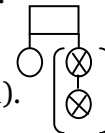
Являясь средством выражения экспрессивно-эмоциональной насыщенности, чаще всего пословицы реализуют функционально-стилевые параметры текста. В рамках полипредикативного предложения пословицы принимают форму одной или двух предикативных единиц, формируя либо часть, либо весь минимальный гипотактический комплекс.

В полипредикативных гипотактических конструкциях фразеологизмы с полной предикацией представлены пословицами, которые в основном принимают форму одного или двух придаточных.

1. And when you see Mr. Charles Whitmore Dail, you might tell him that Perry Mason asked you to remind him that **chickens have a habit of coming home to roost** (Gardner, 1982: 76).

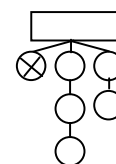
2. Does that apply only to men? If you insist I'll admit that **what is sauce for the gander is sauce for the goose** (Maugham W., 1999: 161).

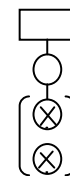
Данные примеры имеют одинаковую синтаксическую организацию: они образованы посредством двух типов связей: неоднородного соподчинения и последовательного подчинения, однако в первом случае пословица **chickens have a habit of coming home to roost** (цыплята всегда приходят домой на насест, то есть какие-либо неприятности имеют обыкновение возвращаться) принимает форму финитного придаточного, а во втором – пословица **what is sauce for the gander is sauce for the goose** (что дозволено одному, то дозволено и другому) реализуется в двух придаточных, образуя подчинительную конструкцию.

Исследование полипредикативных гипотактических построений с ФЕ выявило наличие обратнопропорциональной зависимости между структурой полипредикативной конструкции и синтаксической организацией используемой пословицы: чем проще структура полипредикативного предложения с гипотаксом, тем сложнее по синтаксической организации и объёмнее по размеру пословица.

1. Her eyes announced that **she had lived and learnt**, that she knew more about life than any one whom she was likely to meet, and that having pre-eminently succeeded in life, she had tremendous confidence in herself (Bennett, 1995: 59).

2. Gradually, Scarlet drew courage from the brave faces of her Friends and from the merciful adjustment which nature makes when **what cannot be cured must be endured** (Mitchell, 1964: 330).

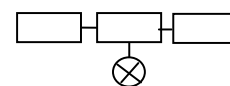
Первый пример представляет собой предложение, сформированное при помощи четырёх синтаксических связей (О-П-О-П). В объёмной семичастной конструкции пословица **live and learn** (век живи, век учись), принимает форму лишь одного придаточного, занимающего инициальную позицию.

Второе предложение имеет гораздо более простую структуру, чем первое, поскольку оно основано лишь на одной синтаксической связи – последовательного подчинения. Подчинительный комплекс, представленный пословицей **what cannot be cured must be endured** (чего нельзя вылечить, то нужно вытерпеть), функционирует в рамках цепи последовательно подчинённых придаточных частей.

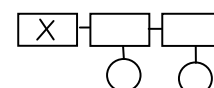
Теперь рассмотрим функционирование фразеологизмов с полной предикацией в рамках полипредикативного предложения, сочетающего паратаксист и гипотаксист.

1. They had been in London, and many other

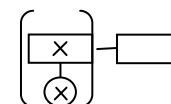
grand towns; but they always said **there was no place like home** and then they were so agreeable with each other – never fell out nor "threaped" (Bronte E., 2007: 97).

2. **None but the brave deserve the fair**, and while youth Lasts we are all of us, whether fair or unfair, prone to fall down and worship courage, and if Captain Luttrell had given her some cause for personal dissatisfaction with him, none the less was he a hero of the loftiest order (Norris, 1985: 123).

3. **It is an ill wind that blows nobody good**, and Mrs. Briggs had profited by the excuse afforded by Mr. Delany's acuter phase of illness to make her visits to Grey Ladies daily ones' (Broughton, 1991: 164).

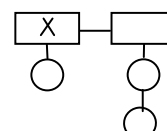
В первом предложении с расширенным паратактическим и минимальным гипотактическим комплексами пословица **there was no place like home** (нет места лучше, чем свой собственный дом) реализуется в придаточной части минимального гипотактического комплекса, занимающего в анализируемой конструкции интерпозитивное положение.

Второе предложение представляет собой сложную конструкцию, включающую два минимальных гипотактических комплекса и минимальный паратактический комплекс, форму которого принимает пословица **none but the brave deserve the fair** (смелые люди преуспевают в том, за что берутся).

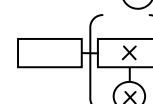
Третье предложение образовано из минимального гипотактического и минимального паратактического комплексов. В основе пословицы **it is an ill wind that blows nobody good** (плох тот ветер, который не приносит никому добра) – подчинительная связь, поэтому она принимает форму всего минимального гипотактического комплекса.

Выявленная обратнопропорциональная зависимость между структурой полипредикативного предложения и синтаксической организацией пословицы, которая наблюдается в полипредикативных гипотактических конструкциях, имеет место и в полипредикативных предложениях с паратаксисом и гипотаксисом: симплификация структуры полипредикативного предложения предполагает усложнение синтаксической конструкции пословицы и, соответственно, усложнение структуры полипредикативного предложения вызывает необходимость употребления более простых по синтаксической структуре пословиц.

1. Even if he were to relax his efforts, **money made money**, and he felt that he would have a hundred and fifty thousand before he knew where he was (Galsworthy, 1992: 146).

2. I'm frightfully sick at having to part with her, but **needs must when the devil drives** (Galsworthy, 1996: 435).

Первый пример представляет собой сложное предложение, образованное из двух гипотактических комплексов: минимального и расширенного. В пятичастной конструкции пословица **money made money** (деньги делают деньги) реализуется в главной части инициального минимального гипотактического комплекса.

Второе предложение имеет простую структуру и является ядерным, поскольку оно состоит из минимальных конституентов (минимального паратактического и минимального гипотактического комплексов). В данном предложении пословица **needs must when the devil drives** (нужда заставляет действовать) образуется посредством подчинительной связи и принимает форму всего минимального гипотактического комплекса.

Таким образом, фразеологические единицы актуализируются во всех типах полипредикативного предложения с паратаксисом и гипотаксисом в современном английском языке. Исследование материала англо-американской художественной прозы выявило ранее не отмеченные свойства фразеологических единиц, которые проявились в процессе их функционирования в разных типах полипредикативного предложения: способность фразеологизмов с полной предикацией проявлять структурообразующую функцию в рамках полипредикативного предложения.

Литература

- Bennett, A. The old wives' tale. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 644p.
Bronte, E. Wuthering Heights. – London : Penguin Books, [2007]. – 279 p.
Galsworthy, J. The Forsyte Saga. – London ; New York : Penguin Books, 1996. – 906 p.
Mitchel, M. Gone with the Wind. – New York : Macmillan, 1964. – 1037 p.
Norris, C. Hideaway. – New York : Dell, 1985. – 188 p.

Summary. This article discusses the mechanism of the interaction of proverbs and different types of Multiple Compound sentences in Modern English. The author studies new properties of phraseological units: the ability of proverbs be a structure-forming function in Multiple Compound sentences.

Сафонова А. А.

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В РАЗВИТИИ НАРРАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ*

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
safonova@bsu.edu.ru

В последние годы исследование значимости фразеологизмов в развитии синтаксических структур заметно активизировалось. В исследовании О. П. Рядинской проводится мысль о том, что введение фразеологизма в сложное предложение с паратаксисом и гипотаксисом накладывает ограничение на дальнейшее развертывание структуры предложения. «Использование фразеологизмов накладывает определённые синтаксические и семантические ограничения на развёртывание структуры полипредикативных предложений, а именно: а) количество предикативных единиц минимизируется в основном до трёх-четырёх предикативных единиц, б) типы отношений между ними ограничиваются доминантными...» (Рядинская, 2011: 5). Другими словами, фразеологизм становится своего рода тормозом увеличения предикативных частей многокомпонентного сложного предложения.

Наша гипотеза касается несколько иных аспектов взаимосвязи фразеологизма и текста. Для анализа фразеологизмов в структуре жанра были взяты фрагменты семейных родословных из Словаря богатств русского языка (Харченко, 2003). Охарактеризуем результаты проведённого исследования.

Использование фразеологизмов в корпусе семейных родословных своеобразно и продиктовано условиями языка и жанра. Во-первых, это, за редким исключением, фразеологизмы с позитивной коннотацией: «чудом остаться в живых», «цветы жизни» (о детях), «спутник жизни», «отрабатывать свой хлеб», «жить душа в душу» и т. п. *Чудом остался в живых, самый главный цветок жизни, встретить спутника жизни, кошка свой хлеб отрабатывала честно, жили душа в душу.* Во-вторых, включение фразеологизма в семейное родословие нередко открывает возможность создания микронарратива, небольшого рассказа, миниповествования о родственнике. Когда фразеологизм оказывается в завершающем фрагменте текста, то он, наоборот, итожит представленное небольшое повествование. *Мой дедушка Франц Андреевич за свою короткую жизнь сменил множество профессий. Был он и весовщиком, и объездчиком, и парторгом, и заведующим почтой, и заместителем председателя колхоза, директором кирпичного завода. Когда мы спрашивали у него, какая же работа больше всего ему была по душе, то дедушка отвечал: «Всякое ремесло честно, кроме воровства».* В данном случае фразеологический оборот расположен в конце микронарратива и итожит сказанное ранее, выступая завершающим звеном повествования. В следующем фрагменте фразеологизм «жили душа в душу», наоборот, служит своего рода тезисом, требующим аргументации, то есть нарратива. *Рискуя жизнью, Иван уважил просьбу любимой жены и вынес сундук из горящего дома. Федора рано осталась вдовой с тремя детьми, но скоро к ней свататься пришел молодой парень Иван. Жили душа в душу. У них родились еще дети. Но однажды*

---

* Проект выполнен в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2013 г. (проект 6.8195.2013).

в доме случился пожар, и когда тушили, бабушка Федора просила вынести самое дорогое – сундук с сукном. Дедушка Иван один пошел в чулан вынес сундук на голове, тогда как до этого два человека пытались поднять его за ручки и ручки отвалились, такой он был тяжелый. Этот пожар не прошел даром для Ивана: через некоторое время у бабушки образовалась в мозгу опухоль, и он умер (ИМС, Т. П. Дьячкова) [Здесь и далее «ИМС» – история моей семьи. – А. С.].

Общая схема рассмотрения взаимосвязи языка и жанра на материале семейного родословия такова: констатация, что у родственника «золотые руки» подталкивает создателя родословной к какой-либо запомнившейся истории; и, наоборот, изложение характерной истории завершается метафорическим штрихом, фразеологизмом. *Хоть и не богато, но жили, трудились, не покладая рук, благо они были золотыми: и плотничать мог, и столярному делу был обучен. (ИМС, Е. П. Пашетных).*

Доминантные фразеологические конструкции семантически связаны с предшествующими и последующими текстовыми фрагментами, которые в совокупности способствуют обобщению общего смысла микронарратива.

Чтобы сладить с крысами и мышами, вестовой принес откуда-то кошку. Кошка свой хлеб отработывала честно, грызунов ловила исправно и всегда приносила их хозяину. Кошка ждала похвалы. Просто погладить ее было недостаточно. Она орала до тех пор, пока не вставали ночью и при свете спички не осматривали ее трофей. После этого она успокаивалась (ИМС, Е. А. Климчук).

Как было уже отмечено, в текстах семейных родословных преобладают позитивные фразеологизмы, которые в разговорной речи встречаются реже. В определённом смысле жанр семейных родословных сохраняет позитивную палитру, позитивный потенциал фразеологии русского языка. Мелиоративная коннотация фразеологизма в общем тексте семейной родословной подчас делает этот фразеологизм не сразу заметным. При «сплошном» чтении на первый взгляд складывается впечатление, будто фразеологизмов в этих текстах не так много, но это впечатление обманчиво. Дело в том, что в жанре семейного родословия фразеологизмы сами по себе весьма пластичны, они так естественно вплетаются в канву общего повествования, что по общему семантическому строю они, скорее, метафоричны, нежели фразеологичны в чистом виде. *Вскоре они поженились, устроились в домике в «рабочем городке» города. Совместными усилиями превратили домик в огромный дом, с летней кухней, баней, прекрасными клумбами роз, пионов, астр перед домом. Домашние дела совмещали с рабочими буднями, и все казалось ладно в этой небольшой и дружной семье. Жизнь шла своим чередом, не хватало появления самого главного цветка жизни, ради которого живут все молодые пары, – ребенка (ИМС, В. И. Коршунова). Мамуля у нас не голова, а очень крепкая шея, и куда она захочет, туда и повернет и нас, и папу (ИМС, Ю. С. Таранникова).*

Пластика использования фразеологизма в семейном родословии касается и большого числа застывших грамматических форм, также претендующих на статус фразеологизированных единиц: *умный не по годам, работал на совесть. А Иван остался один. Умный да дельный рос не по годам. Устроился в Короче к одному помещику работником. Работы не гнушался. Всё выполнял на совесть. Крепко помещик Ивана полюбил, всё ему разрешал, от всего дома ключи доверял, потом управляющим сделал (ИМС, О. Шляхова). Особенность единиц фразеологического корпуса, как известно, заключается в размытости границ фразеологических единиц. Далеко не каждое устойчивое выражение можно с уверенностью приписать к фразеологизмам, как, например, «уходила от разговора». Я помню, как моя мама на мои просьбы рассказать более подробно о возвращении из плена, ее жизни после этого и жизни ее родителей, как-то угловато уходила от разговора. Корю себя, что не был настойчив (ИМС, В. А. Паньков).*

Когда она умерла, мне было пять лет, но помню ее, милую, теплую, добрую бабулю или «бабуш», как я ее звала, всегда приберегающую для меня что-нибудь сладенькое. Но что пришлось перенести этой хрупкой, маленькой женщине! Первая мировая война, революция, Вторая мировая война. В 1942 ее с детьми чуть было не повесили немцы как жену председателя колхоза и коммуниста. В 1943 году с фронта вернулся чуть живой, весь израненный старший сын, в 1944 году коммунисты репрессировали мужа. Говорят, характер у бабушки был как сталь, жизнь учила ее быть сильной (ИМС, Л. Н. Науменко). Метафора «стальной характер», устойчивое сравнение «характер у бабушки как сталь» нельзя интерпретировать как фразеологизмы, однако в

нарративах они выполняют те же функции характеристики члена семьи, требующей доказательств, а значит развития повествования, создания «биографемы», микронарратива.

Выпишем микронарративы с фразеологическими оборотами.

По окончании школы отец поступил Харьковское авиационное училище летчиков (ХВАУЛ). Окончив училище, отец женился на моей маме. За 20 лет службы отца в вооруженных силах наша семья много переезжала, сменяя один гарнизон на другой. Мой отец принимал участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, горел в самолете и чудом остался в живых (ИМС, Е. А. Пархомов).

Как видим, фразеологизмы с положительной коннотацией, как правило, расположены в конце повествования, являя собой своеобразный «happy end»: *Именно в те часы исканий ее дух восстал: нет, она не сдастся, не склонит голову перед ударами судьбы, как не склонила перед немцем! Так чего же бояться теперь, когда война закончена?! Мир не без добрых людей!* (ИМС, Е. В. Тукач). Благодаря фразеологическому обороту фрагмент родословной, наполненный скорбью и печалью, завершился утверждением добра на земле. *У дедушки с бабушкой пять внучек, четыре внука, три правнучки и два правнука. Вообще линия со стороны папы очень большая. Когда мы все вместе собираемся, места не хватает. А делаем это мы на праздники. К сожалению, все заняты, но внимание «нашим старшеньким» уделять стараются на все сто процентов* (ИМС, Е. А. Половнева). *Трудно и дорого в те годы было достать не только хорошую одежду, но даже и ткань. По ее словам, на материал тогда можно было выменять все, что угодно и это живет в ней до сих пор: множество отрезков самого разнообразного качества и расцветки дожидаются своего часа, хранясь в одном из комодов* (ИМС, Л. И. Зайцева). *Знаете, как она боролась! Мне кажется, она не позволяла себе умирать, пока, по ее мнению, я не буду хоть как-то защищена в этой жизни. Пока не закончу институт. Так и вышло. Диплом я получала уже без нее. Как сильна материнская любовь! Даже прикованная к постели, беспомощная, сплошной сгусток боли, мама хранила меня...* (ИМС, Е. В. Сергеева).

Помимо фразеологизмов с положительной коннотацией в микросюжетах родословных встречаются фразеологизмы с пейоративной коннотацией. *Под Новый год свора перепившихся фашистов решила поразвлечься. Они пришли к виселице, стянули с трюпов одежду. Затем кинжалами искромсали замерзшие тела. И только после этого, заметая следы своего черного дела, фашисты ночью зарыли трупы за селом, около школы. Спилили виселицы и убрали их* (ИМС, В. В. Мишурова). Фразеологизм «заметать следы» в данном контексте расположен в центре микронарратива, неся в себе отрицательный смысл и негативную оценку происходящему. То же можно сказать и о фразеологизме «мрут как мухи» из следующего примера: *Когда началась Великая Отечественная война, его забрали в трудармию. В городе Воткинске, в Удмуртии, он строил военные заводы. Люди там умирали, как мухи. Корм выдавали только на лошадей, а так как он был извозчиком, то лишь благодаря им и выжил* (ИМС, Т. А. Пожитная). *Боевое крещение получает под Смоленском у Ельни. Он подвозчик снарядов на лошадях. Его задача – доставить снаряды на передовую, а назад – раненых. Дорога, по которой пролегал его маршрут, была немцами пристреляна. И его лошадей все время убивало осколками снарядов. Дедушка чудом оставался жив. А когда лошадей убило в третий раз, и он явился пешком в свою часть, то командир грозился отдать его под трибунал, обвиняя в трусости. Скрепя сердце командир разрешил отправиться ему с новыми лошадьми за ранеными, оставленными на дороге. И лишь свидетельства раненых, которых он привез, спасли солдата от сурового военного суда* (ИМС, Н. А. Чуприна). *Наверное, заметно, что я почти не писала о том, кто и где работал или работает. Думаю, место работы моих родственников не имело судьбоносного значения в истории моей семьи* (ИМС, И. Ю. Наймушина).

Таким образом, в жанре семейных родословных немало свидетельств «переходной ступени» между метафорами и фразеологизмами, причём такие устойчивые сравнения и несколько стёртые метафоры получают в исследуемом жанре второе дыхание. *И лишь спустя много лет я узнала правду о любви бабушки и дедушки. После войны полгода дед жил в Ленинграде с той медсестрой (которая вытщила его, израненного, с поля боя под Курском), но почему-то вернулся домой. <...> Наверное, в этой жизни самое главное – понять и простить того, кого любишь. Найти в себе силы спрятать повыше и подальше случайную боль любовного треугольника* (ИМС, В. А. Алексеева). В этом

примере использован фразеологизм «любовный треугольник», но сколько образности он приобретает в формулировке «случайная боль любовного треугольника»! Это уже не сухая констатация фактов, это метафора несчастной любви.

В качестве общего вывода можно сказать следующее. В текстах семейных родовых достаточного часто встречаются фразеологические обороты, выступающие и в качестве итогового обобщения, и в качестве зачина микронарратива. Зачастую фразеологизмы с положительной коннотацией выступают в качестве заключительной части, а с пейоративной коннотацией находятся в середине микронарратива, в качестве некоего остатка, на котором держится повествование.

Литература

Рядинская, О. П. Фразеологические единицы в структуре полипредикативного предложения (на материале современного английского языка). Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – Белгород, 2011. – 23 с.

Фокина, М. А. Фразеологические единицы в коммуникативном пространстве художественного текста / М. А. Фокина // Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы Международной научной конференции (Кострома, КГУ, март 2004 г.). – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – С. 124-130.

Харченко, В. К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы: В 2-х тт. Т.1. А – М. – Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2003. – 305 с.; Т.2. Н – Я. – Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2003. – 312 с.

Summary. This paper represents the analysis of phraseological units within the corpus of family stories considered in terms of the narrative theory. The author examines the position, structure and functions of phraseological units.

Сафонова С. С.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОМОДЕЛИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ РЕЛЯЦИОННЫЕ И КАУЗАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Россия, г. Казань, Казанский федеральный университет
sekretstar16@rambler.ru

Национальное мирозерцание и мировосприятие того или иного этноса закрепляется в семантике языковых единиц разных уровней, однако наиболее отчетливо в его строевых элементах, в число которых входят лексические фразеологизмы и синтаксические фразеомодели, поскольку они отражают образную интерпретацию реалий окружающего мира, а также связи и отношения между ними. Фразеологический фонд языка является ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, поэтому необходимо ясно понимать и осознавать семантику этих единиц. В связи с этим представляется актуальным исследование фразеомоделей, отличающихся синкретизмом семантики и структуры, которые не получили однозначных трактовок, в силу чего не сходят с повестки дня, требуя автономного рассмотрения. К числу подобных синтаксических единиц относятся фразеомодели, которые обычно формируются на базе конкретных лексем, составляющих каркас предложения, предусматривающий свободное лексическое наполнение. На уровне гипотаксиса в современном русском языке активно функционируют фразеомодели с интенсивно-следственными (*так...что, такой...чтобы*), квантитативно-целевыми (*слишком...чтобы*), модусно-каузальными (*надо...чтобы, нужно...чтобы*) и другими отношениями. Прежде чем приступить к анализу данных фразеологизированных структур, необходимо указать их отличительные признаки по сравнению со свободными синтаксическими единицами. Во-первых, это устойчивость модели в целом или одной из ее частей, а также стабильность синтаксической позиции компонентов; во-вторых, воспроизводимость модели при наличии творческого начала на уровне лексического наполнения; в-третьих, фразеологизация за счет структурно-смысловой основы (синтаксико-фразеологическая связь и семантическая целостность); в-четвертых, экспрессивная окрашенность (образность, оценочность и эмоциональность). Являясь приметой функциональных стилей с сильной разговорной струей, эти фразеомодели используются преимущественно в диалогическом текстовом пространстве: *И спасение мира мне по плечу,*

потому что люблю, потому что хочу столь страстно, столь неистово жить, что всякая мысль о гибели кого бы то ни было для меня просто неприемлема! (В. Тендряков); *Моя жена слишком умна, чтобы ревновать меня к работе* (ЭГ, июль 2001 г.). Каузальная семантика данных фразеомоделей осложняется, а иногда и вытесняется модусными и экспрессивными смыслами, и прежде всего значением интенсивности.

Категория интенсивности, поставленная в один ряд с такими категориями, как эмоциональность, оценочность и образность, является приметой экспрессивной речи. Ее семантические компоненты 'в высокой степени', 'в высшей степени' имеют характер отступления от нормы, необычности традиционных представлений о количественных параметрах тех или иных признаков, создавая порой парадоксальную ситуацию вследствие совершения действия, не ожидаемого от его производителя: *Наконец он остановился, обернулся к своему спутнику и пришел в истинное неистовство – замахал руками, а раскричался так, что даже мне через стекло было слышно. Никогда раньше не выдывал, чтобы английские лорды вели себя подобным образом* (Б. Акунин). Конструкции, отличающиеся семантической неоднозначностью и слитностью информативных и коннотативных смыслов, получили больший или меньший статус типизированных за счет частотных лексических компонентов или фразеологических единиц (далее – ФЕ): *Посередине, попирая ногами расстеленную тигровую шкуру, стояла хозяйка, наряженная испанкой, в алом платье с корсажем и с пунцовой камелией в волосах. Хороша была так, что у Эраста Петровича перехватило дух* (Б. Акунин).

Содержательная структура исследуемых фразеомоделей складывается из значения интенсивности признака или действия, которое реализуется за счет контактного словосочетания препозитивной части и реляционной семантики, которая стимулируется соотносительностью содержания обеих частей и маркируется подчинительными союзами *что* (*чтобы*): *И тут растяжение времени закончилось, время сжалось пружиной и, распрямившись, обжигающе ударило Эраста Петровича в правый бок, да так сильно, что он упал навзничь и больно ударился затылком о край крылечного парапета* (Б. Акунин).

Рассматривая фразеомодели, построенные по схеме *так...что*, следует отметить, что в ряде случаев постпозитивная часть служит для выражения собственно эмоционально-экспрессивных реакций на высокую степень проявления признака и фактически не имеет событийно-следственного значения, приобретая модусную семантику, например: *Дядька Зот Ларионыч прямо с порога так звезданул, что искры из глаз...* (Б. Акунин). Если постпозитивная часть не представляет пропозитивной номинации, то, по нашим наблюдениям, она может выражать модусную семантику оценочного, эмотивного, метатекстового характера, что обусловлено принадлежностью автора определенному менталитету, культуре, социуму, его обращенностью к национальному паремиологическому и фразеологическому фонду. Метатекстовая модусная семантика возникает в таком коммуникативном акте, когда говорящий затрудняется иными способами описать значение интенсивности признака, действия или состояния: *Николай Басков пел так великолепно, что и слов не подобрать!* (ЭГ, июнь 2001 г.); *...а скука такая, что и сказать нельзя...* (А. П. Чехов). Оценочная модусная семантика характеризует значение интенсивности по линии возможности/невозможности, нормативности/ненормативности, например: *Видимо, моя личность настолько нестандартна, что не умещается ни в какое прокрустово ложе...* (КП, 30.01.2002 г.); *...но почему-то всякий раз оттуда присылают к нам таких людей, что не глядел бы* (А. П. Чехов.). Эмотивная модусная семантика связана с различными эмоционально-психологическими состояниями субъекта, которые вызывает интенсивность статического или динамического признака, например: *Он с собой-то справиться не может: глоток свободы и такого накуролесит, что святых выносит* (КП, 05.10.2000 г.); *Мальчишка тщеславный, заносчивый! Напелл таких несообразностей, что дух захватывает* (Н. Соротокина).

Данное явление связано с процессом фразеологизации сложных предложений, который осуществляется тремя путями: 1) за счет воспроизводимых компонентов – наиболее частотных лексем, занимающих позицию стержневого слова; 2) за счет «строевой лексемы» (Л. В. Щерба), в качестве которой выступает глагол *дойти*, сохраняющий значение крайнего предела действия; 3) за счет наличия в препозиции и/или постпозиции ФЕ: *Поразительно сильной бывает привязанность разных видов животных, настолько сильная, что, потеряв друг друга, животное заболевает и гибнет* (КП, 23.11.2001 г.). С

одной стороны, фразеологизация модели способствует усилению семантики интенсивности и отрицательной оценке происходящего: *Хотел я им уже устроить явление Христа народу, разогнать всю эту шатию-братию, потребовать Амалию к ответу, но вдруг дверца кареты распахнулась, и я увидел такое, что не приведи Создатель* (Б. Акунин), и наоборот, отрицательная оценка высокой степени признака воспринимается как нечто позитивное, со знаком 'плюс': *Инстинктивная боязнь навлечь подозрение на друзей была столь сильна, что он даже обрадовался отсутствию Александра* (Н. Соротокина). С другой – если семантика интенсивности в главной части выражена имплицитно, то при наличии ФЕ в придаточной части, она может быть эксплицирована: *Пожалуй, он сейчас был жалок, этот героический господин. Во всяком случае, по сравнению с ее высочеством, готовой бросить ради чувства все, а в данном случае слово «все» обозначало столь многое, что дух захватывало* (Б. Акунин).

Интересно, что А. Вежицка подмечает близость суперлативных форм и градационно-следственных предложений и указывает, что «они кажутся близкими той сфере языковых фактов, которые обычно связывают с понятием гиперболы» (Вежицка, 1990: 141). Гиперболичность осознается и за счет лексического наполнения постпозитивной части, когда следствие приобретает статус ирреальности, фантастичности или абсурдности: *До брака у отца была такая бурная жизнь, что дрожали весь Питер, Москва и даже зарубежье* (Телесемь, 25.11.2001 г.); ... *«Я такой большой, что не помещаюсь на сцене «Ковент-Гардена»* (КВ, 30.10.2001 г.). Однако в большей мере семантика интенсивности способствует возникновению гиперболизации в фразеомоделях, построенных по схеме *так...будто*, где за счет союзов недостоверного сравнения передается воображаемая парадоксальная ситуация: *Люди кричат у стойки так, как будто наступил конец света* (КП, 17.08.2001 г.); –...*Когда я, уже ночью, пылая жаждой мщения, вновь явился к Диане, она уставилась на меня так, будто я восстал из ада* (Б. Акунин).

Среди фразеомоделей, выражающих каузальные отношения, выделяются модели со значением необходимого, достаточного и избыточного основания, построенные по схемам *нужно...чтобы*, *достаточно...чтобы*, *слишком...чтобы*, в той или иной степени осложненные семантикой интенсивности. В качестве основания-минимума в фразеомоделях типа *достаточно...чтобы* выступает не вся ситуация препозитивной части, а только ее фрагмент: интенсивность действия, признака, качества или мера количества, являясь фундаментом для осуществления реального, ирреального или желательного действия, обозначенного в постпозитивной части: *Тебе здесь скучно и делать нечего, и надо быть большим эгоистом, чтобы удерживать тебя* (А. П. Чехов).

Следует отметить, что экспрессивность фразеомоделей с семантикой обусловленности поддерживается их нахождением в определенном образно-эмоциональном микроконтексте, где они стимулируются другими экспрессивными элементами и конструкциями: – *Оставь его, – сказал Белов на ухо Никите, но достаточно громко, чтоб писарь его услышал. – Он трусит. Если человек так трусит, то толку от него не жди* (Н. Соротокина).

Наряду с фразеомоделями, выражающими интенсивно-реляционную семантику, в современном русском языке активно функционируют фразеосхемы, представляющие значение недостаточной степени качества или меры количества для реализации следствия: *«Как и Пуаро, я люблю порядок и симметрию... Но я не настолько фанатичен, чтобы требовать к завтраку два совершенно одинаковых яйца. Я считаю, это уже болезнь»* (Телесемь, 25.03.2002 г.), в которых следствие субъективно отвергается или становится объективно невозможным. Более того, в данных фразеомоделях качество, приписываемое субъекту, не достигает той степени, чтобы действие придаточной части осуществилось: *Я не настолько самоуверен, чтобы вообразить, будто она влюбилась в меня с первого взгляда* (Б. Акунин). Эти фразеомодели возможно соотнести с предложениями фразеосхемы *недостаточно...чтобы*, коммуникативная функция которых заключается в обозначении ситуации, когда препозитивная часть указывает на основание, препятствующее осуществлению действия постпозиции, в результате чего оно мыслится как невозможное, хотя и желательное: *Он был молчалив, недостаточно красив, чтобы бесплатно нравиться девушкам* (Л. Лагин).

Данные фразеомодели, нередко используемые в целях отрицания самого признака, семантически близки оценочным фразеосхемам *не + N...чтобы*, в которых утверждается отсутствие у субъекта определенного качества, в силу чего невозможно осуществ-

ление действия постпозиции: *Люди не боги, чтобы требовать совершенства от них или их дел* (Н. Г. Чернышевский). В этом типе фразеомоделей устанавливается нереальность связи между двумя явлениями, которая характеризуется субъективно-оценочной модальностью: *Жизнь, она ведь вообще не азбука, чтобы сразу все одним словом объяснить* (А. Иванов).

Фразеосхемам с модусно-каузальной семантикой, как и моделям, выражающим квантитативно-релятивные отношения, присущи интенсивность, градуальность и гиперболичность высказывания за счет лексического наполнения постпозитивной части: – *Музыка должна быть такой, чтобы шкура от костей отставала и дрожь по всему телу проходила* (КП, 27.10.2000 г.). В то же время семантика интенсивности может осложняться и эмоционально-оценочной модальностью, при этом малая степень признака или мера количества воспринимается субъектами коммуникации положительно: *Сколько людей ведет нищенское существование, тогда как нужно так мало, чтобы изменить все это, чтобы они могли познать счастье, богатство и удачу* (КП, 1.02.2002 г.).

Фразеомодели избыточного основания *слишком...чтобы* сближаются с фразеомоделями *так...что* семантически, но структурно разнятся: *Коломбина – существо слишком легкомысленное и бесшабашное, чтобы чего-то пугаться* (Б. Акунин); *Но люди слишком маленькие муравьи на этой планете, чтобы воспользоваться этим богатством* (КП, 30.01.2002 г.). Чрезмерность признака, указанная в главной части, становится препятствием для осуществления действия постпозитивной части и одновременно основанием для выполнения противоположного действия: *Времени слишком мало, чтобы вдаваться в причины* (КП, 21.11.2001 г.). Любопытно, что в этих фразеомоделях, как и в усилительно-следственных, выражается интенсивность не только большого, но и малого признака.

Экспрессивному восприятию текстов художественного и публицистического стиля способствуют модификации и трансформации фразеосхем, как средства осложнения или упрощения модели. В нашем материале представлены такие средства усиления эмоциональности и выразительности исследуемых фразеомоделей, как повтор, парцелляция, усечение и эллипсис. Повтор, как экспрессивное средство, заключающее в себе яркий, усилительно-градационный эффект, в исследуемых нами моделях носит лексико-синтаксический характер, поскольку он акцентирует внимание на представленности семантики интенсивности действия или признака, например: *Я люблю тебя, люблю так сильно, что это причиняет мне боль* (КВ, 10.01.2002 г.). Лексико-синтаксический повтор способствует процессу расчлененной подачи высказывания, то есть парцелляции: *Гонконгская «Пионовая беседка» – кино по-китайски красивое и загадочное. Загадочное настолько, что пересказать сюжет затруднительно* (КП, 03.07.2001 г.). Парцелляция содействует большей экспрессивности фразеомодели, градуированности в передаче высокой степени признака и создает эффект естественности речевого процесса: *Игла сказала неожиданное. Такое, что Грин вздрогнул* (Б. Акунин).

В жанрах диалогического характера нередко используются усеченные конструкции, так называемые «фигуры умолчания», которые отличает интонационная незавершенность и структурная нестабилизированность. Этот способ экспрессивации речи используется, с одной стороны, как усилительное средство, характеризующее психологическое состояние или эмоциональные переживания субъекта: *Я, конечно, безумно нервничал, настолько, что...* (КП, 31.10.2000 г.); а с другой – как средство создания эмоциональной непосредственности речи с целью «интимизации повествования» и, вероятно, рассчитаны на домысливание адресатом: *Фэнтези – это фэнтези. Здесь компьютер таких чудес наворотил, что...* (Телесемь, 10.02.2002 г.)

Напряженность, стремительность и динамизм повествования создается и за счет эллипсиса исходных фразеомоделей в результате опущения союза, что придает эмоционально-экспрессивную окрашенность высказыванию и в большей степени свойственно разговорной речи персонажей: *Господь создал этот мир, создал людей и предоставил их самим себе. Но люди так слабы и так слепы, они превратили божий мир в ад* (Б. Акунин).

Итак, в сфере гипотаксиса весьма активно функционируют фразеомодели, в которых лексикон предопределяет их содержательную структуру и находится в отношениях семантического согласования или совместности с каузальным комплексом значений. Семантико-синтаксические отношения, базирующиеся на качественной лексике, осложня-

ются различными эмоционально-оценочными и модальными значениями, коррелирующими с ними. Экспрессивность фразеомоделей, в той или иной мере осложненных семантикой интенсивности, поддерживается их вхождением в определенный экспрессивный микроконтекст, где они стимулируются другими экспрессивными элементами, хотя и сами заключают в себе экспрессивный заряд. Функциональные варианты фразеомоделей – это не только способ экспрессивного выделения, «фиксации внимания», но, прежде всего, способ акцентирования количественной семантики. В экспрессивно-стилистических модификациях семантика интенсивности не только включает высокую степень признака, но и предполагает ее градуированность, вплоть до преувеличения и гиперболизации. Субъективная гиперболизация, не соответствующая объективному положению вещей, соединение несоединимого, совмещение реального и ирреального и т. п., то есть семантика контрастности, необычности, неожиданности способствует возникновению комического эффекта или парадоксальной ситуации. Семантическая многоликость фразеомоделей, выражающих реляционные и каузальные отношения, сочетание стабильных и вариативных компонентов, слитность информативных и коннотативных смыслов стимулирует их использование в художественной литературе и публицистике.

Литература

Андромонова, Н. А. Экспрессивные синтаксические конструкции (на материале произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2003. – С. 6-11.

Вежбицка, А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133-152.

Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции в современном русском литературном языке. – Томск, 1981. – 261с.

Summary. The article is devoted to investigation of the functional-semantic features of the phraseological models, expressing intensive-consequential and causative meanings. The author makes an attempt to classify these phraseological models as expressive phrases, which excel semantic plurality, connection of the factual and connotative meanings, combination and intersection of the real and potential parts.

Раздел IV
ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНЫЕ ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ФРАЗЕОЛОГИИ И ЛИНГВОПОЭТИКИ

Абрамец И. В.

МЕСТО И ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИКЕ А.БЛОКА

Украина, г. Луганск, Восточноукраинский национальный университет
им. В. Даля
ida-abramec@rambler.ru

1. В текстах трех томов лирики Александра Блока фразеологизмов много. Это позволяет говорить о **фразеологичности** как черте идиостиля А. Блока. Насыщенность текстов фразеологизмами характерна уже для первого мистического тома, посвященного Прекрасной Даме:

Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза.
На листах холодеющей книги

Золотая девичья коса (Блок, 1960, т.1: 236 – далее указывается только том и страница).

И король, нахмуривший брови,
Проходил без пажей и слуг.
И в каждом брошенном слове
Ловили смертный недуг (1: 263).

Я шел – и вслед за мною шли
Какие-то неистовые люди.
Их волосы вставали под луной,
И в ужасе, с растерзанной душой
Зубами скрежетали, били в груди,
И разносился скрежет их вдали (1: 155).

Во втором и третьем томах лирики фразеологичность значительно усиливается.

Ср.:

Из второго тома:
Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса,
Мой факел был и глаз совиный,
И утра божия роса.

За мной! За мной! Ты молишь взглядом,
Ты веришь брошенным словам,
Как будто дважды чашу с ядом
Я поднесу к твоим губам!

О нет! Я сжег свои приметы,
Испепелил свои следы!
Все, что забыто, недопето,
Не возвратится до звезды –

До той звезды, которой близость
Познав, – сторицей отплачу
За все величие и низость,
Которых тяжкий груз влачу! (2: 136).

В 16 строках этого небольшого стихотворения более десятка общеупотребительных (или восходящих к ним) ФЕ, т. е. почти в каждой строке. Эта глобальная фразеологичность втягивает в свою орбиту, подчиняет себе и словосочетания, не являющиеся ФЕ в общем употреблении. Общая афористичность стиля и ритмической организации стиха

заставляет в каждой строке искать ФЕ – так в их число попадают единицы текста *смотреть в иные небеса, глаз совиный, возвратиться до звезды*.

Из других стихов, насыщенных фразеологизмами, следует отметить в первую очередь следующие: «**Русь**» – *из края в край, из дола в дол, водить хороводы, зарево горящих сел (пожара), распевать песни, протоптать тропу, верить в бога, преданья старины, точить лезвие (нож), страна родимая, первоначальная (первозданная) чистота, касаться одежды* (2: 106 –107); «**Сказка о петухе и старушке**» – *золотой гребешок, узорное крылечко, золотой день, ветер гуляет, таращить глаза, упустить петуха, у страха глаза велики, долго ль до греха, стоять напоказ* (2: 89); «**Мать и сын**» – *осенить крестом, отчий дом, стая легких облаков, ночная туманная мгла, утренняя заря, небесная синева, бросать меч, сыпать стрелами, рог трубит, взор совиный, петухи поют, не забыл родную мать* (2: 108).

Фразеологическое богатство третьего тома складывается из фразеологизмов, употребленных в стихах, а главным образом – из фразеологии поэм «Соловьиный сад», «Возмездие», «Двенадцать». Наибольшим фразеологическим богатством отличается поэма «Возмездие»:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в *мрак ночной*, беззвездный
Беспечный брошен человек!
...Век *расшибанья лбов* о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов.

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком *равенства и братства*
Здесь зрели *темные дела*...(3: 304).

2. Испытание фразеологии в качестве одного из параметров поэтического метода символистов показало, что используемая А. Блоком фразеология вписывается в общий тон его поэзии, что фразеология, несомненно, есть примета, элемент, наряду с лексикой, **поэтики символизма**. Это четко проявилось в том, что в текстах ранних циклов совершенно отсутствуют фразеологические единицы, принадлежащие к образному народно-разговорному ядру фразеологического состава русского языка, т. е. отсутствует национальная русская идиоматика. Такого рода устойчивым словосочетаниям нет места в поэтической системе, о которой идет речь, она их не приемлет, не допускает. Фразеологический состав ранней лирики А. Блока определяется тем колоритом высокой книжности, значительности, которые характерны для этой поэзии «туманов и намеков». Поэтому здесь больше семантически членимых ФЕ: *Спустилась мгла, туманами чревата* (1: 31); *Только остались у берега сонного Утлые в лодке мечты* (1: 353); *Разбился лед; последний камень Упал – и сердце занялось* (1: 143). Идиоматика представлена ФЕ традиционно-поэтическими, общекнижными и церковно-книжными: *пасть на колени, искать свою звезду, черный жребий, земные владыки; отдать жизнь, уйти на покой, приносить жертву, перейти черту; дух божий, царица небесная, святой мученик, господний дом* и т. п.

Но лирика поэта представляет собой развивающуюся систему. Об этом красноречиво свидетельствует **эволюция принципов отбора** фразеологических единиц. Эволюция шла однонаправленно: от высокого, книжного, религиозно-мистического стиля, обслуживающего культ Прекрасной Дамы в первом томе, к стилистическим контрастам второго тома:

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почиешь, Русь (2: 106).

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожи,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: «Судьба» (2: 66).

Обнаруженные на фразеологическом материале стилистические контрасты второго тома лирики Блока соответствуют его переходному, двойственному, противоречивому характеру, отражают основную тенденцию творческого пути поэта – поворот от «запредельного» к реальной действительности. В 1910 г., пытаясь осмыслить пройденный путь, Блок так определил место второго тома: «Это – самый сложный момент перехода от тезы к антитезе... Вся картина переживаний изменяется существенно, начинается «антитеза», «изменение облика»... (5: 428). Вот и новый элемент поэтики – изменение стилистической окраски текстов и единиц словаря в сторону называния вещей своими именами, т. е. в сторону разговорности, просторечности и даже грубоватости, в сторону явного снижения стиля, обусловленного противоборством «мистицизма» (поэтизация, эстетизация действительности) и «повседневности» (реальные картины быта, труда, борьбы»).

Резкий стилистический диссонанс звучит уже в молитвенном «Вступлении»:

О, исторгни ржавую душу!

Со святыми меня упокой... (2: 7).

Являющийся по своему глубинному содержанию отражением противопоставления лирических героев ТЫ и Я, этот диссонанс на уровне внешнего выражения предстает как стилистическое различие ФЕ-характеристик: *ржавая душа* относится к Я; *со святыми упокой* – из области деяний ТЫ.

Цикл «Пузыри земли» широко раскрыл двери народно-разговорной лексике и фразеологии: *тише вод и ниже трав, диву даваться, раскрывать рот, задом наперед, темная сила, черная ряска, божия старушка, дурачки, дурацкий, чертенятки, захудалый попик, бесноватый, лапти*.

Общий лингвистический колорит цикла «Пузыри земли» формируется контрастами другого типа, в которых причудливо переплетаются мистицизм и повседневность:

Я, как ты, дитя дубрав,

Лик мой тоже стерт.

Тише вод и ниже трав –

Захудалый черт (2: 10).

И жалкие крылья мои –

Крылья вороньего пугала –

Пламенеют, как солнечный шлем,

Отблеском вечера..

Отблеском счастья...(2: 9).

Подобные стилистические контрасты сохраняются и в третьем томе лирики поэта.

3. Для лирики А. Блока оказывается значимой, помимо стилистической, и структурно-семантическая характеристика привлекаемых им фразеологических единиц. Эта значимость проявляется, во-первых, в том, что в ранней лирике Блока отсутствуют фразеологические **сращения** как единицы немотивированные (необразные), наиболее сильно отмеченные национальным колоритом и в силу этих своих свойств с трудом поддающиеся магии текста, силе его лирического и эстетического воздействия. Поэтому сращения в первых томах лирики Блока воистину *единичны*: одно в первом томе – *не виделось ни зги*; одно во втором – *отплатить сторицей*.

Там не было конца свободной дали,

Но здесь, в тени *не виделось ни зги...* (1: 157).

Все, что забыто, недопето,

Не возвратится до Звезды –

До той звезды, которой близость

Познав, *сторицей оплачу...*(2: 36).

Книжный характер фразеологического сращения *отплатить сторицей* вполне согласуется с высоким книжно-символическим настроением стихотворения. А разговорность сращения *не видеть ни зги* снята мистической магией текста. Значимость структурно-семантической дифференциации ФЕ для лирики Блока, во-вторых, состоит в том, что большое место в ее фразеологическом составе занимают фразеологические **сочетания**: *лущить семечки, слушать толки, оглашать криками, стоять на рейде, зеркальная гладь, оконная рама, дорожная пыль, корабельная сирена, золотой день, сладкий сон, седая старина* и т. п.

4. Рассмотрение фразеологических сочетаний в поэзии А. Блока имеет смысл не только потому, что именно данный структурно-семантический тип ФЕ характерен для

словаря поэта. Главное заключается в том, что фразеологические сочетания оказались вовлеченными в орбиту основной, всепоглощающей языковой особенности лирики Блока – **необычности словоупотребления**. Необычность блоковского словоупотребления была отмечена уже в первой серьезной статье о символистах, написанной В. М. Жирмунским, который особенно подчеркивал значение «словесных завоеваний символизма», «новой техники словосочетания» (Жирмунский, 1916: 28-41).

Естественно, что необычность словоупотребления в стихах Блока создается не только за счет окказионального употребления слов с фразеологически связанным значением. Необычность словоупотребления – глобальная и основополагающая черта языка рассматриваемой лирической системы, в нее втянуты и лексические, и фразеологические единицы ее словаря. Ср. некоторые примеры необщепотребительной сочетаемости лексических единиц:

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла (1: 74).

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней *младые были*
Пришли *доверчиво* из тьмы (1: 75).

Но в значительной степени необычность словоупотребления создается в ранней лирике Блока и за счет изменения, расширения сочетаемости слов с фразеологически связанным значением:

Чудо, я сплю, *я устал непробудно...*
Чудо, ложись в снеговые бугры (1: 312).

Довольно мне нестись душою
К ее небесным высотам,
Где *счастье брезжит* нам порою,
Но предназначено не нам (1: 10).

Спустилась мгла, *туманами чревата*. (1: 31).

Такому преобразованию подвергаются чаще всего традиционно-поэтические устойчивые словосочетания. Так, традиционно-поэтический штамп *голубая даль* Блок преобразует в *голубую дорогу* и в *голубую мглу*. Ср.:

Я искал *голубую дорогу*
И кричал, оглушенный людьми,
Подходя к золотому порогу,
Затихал пред Твоими дверьми (1: 254).
Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой,
Остальное – бездонная твердь
Схоронила во *мгле голубой* (1: 323).

5. Фразеологические сочетания участвуют в создании еще одной яркой, бросающейся в глаза языковой особенности лирики Блока – ее **контрастности** (Тимофеев, 1961: 98-107; Кондаков, 1971: 13-18). Изменяя сочетаемость слов с фразеологически связанным значением, Блок доводит ее до соединения слов, называющих логически несовместимые или контрастирующие понятия. Так рождается **оксюморон**, изобразительно-выразительное средство, в котором пересекаются, сливаются обе указанные особенности языка Блока – необычность словоупотребления и контрастность. Контрастность словаря, оксюморонный характер многих словосочетаний – одно из возможных следствий необычности словоупотребления. Приводимые ниже примеры показывают нарастание степени логической несовместимости компонентов словосочетаний, доведение их семантических отношений до прямой контрастности:

Растут невнятно *розовые тени*,
Высок и внятен колокольный зов...(1: 156).

Тебя не вижу я, и долго бога нет.
Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет *сумрак алый*...(1: 109).

Я видел *мрак дневной* и *свет ночной*.
Я видел ужас вечного сомненья (1: 56).

Исходные устойчивые словосочетания: *свет дневной, мрак ночной, тени вечерние, сумрак синий, вечерний*.

Доведение сочетаемостных возможностей слова до предела не означает абсурдности создаваемых сочетаний. Даже неглубокий контекстуальный анализ, учитывающий символическую функцию некоторых единиц во всей системе лирики Блока или в одном цикле (мрак, алый, тень и др.), позволит без особого труда мотивировать большую часть подобных словосочетаний: так Она, Заря, взойдешь, озарен – мотивируют и «розовость» тени, и «алость» сумрака.

Степень, мера контрастности поэтического языка Блока очень высока. Она создается не только посредством расширения лексико-семантических связей компонентов устойчивых аналитических словосочетаний. Приемы и средства создания контрастности разнообразны:

1) Использование общеупотребительных лексических антонимов:

Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять
Поверить в мнимый конский топот (1: 215).

И пред ним распростерты долу
Замираем на тонкой черте:
Не понять *золотого* глагола
Изнуренной *железом* мечте (1: 225).

2) Использование общеупотребительных антонимов в составе ФЕ:

И *черной ночью* *белый* призрак ждет
Других теней безмолвно и уныло (1: 52).

Когда же *первый* вспыхнул *пламень*
И слово к небу понеслось, –
Разбился *лед*, *последний* камень
Упал – и *сердце* занялось (1: 143).

В этом четверостишии, лексика которого «пронизана ощущением контрастности», три пары общеупотребительных антонимов: *пламень – лед, сердце – камень, первый – последний*. Первые два даются в составе устойчивых словосочетаний – *вспыхнул пламень, разбился лед*; ФЕ *сердце – не камень* присутствует имплицитно. Окаzionale антонимия представлена рядом *понеслось к небу – упал*. К сказанному хочется добавить, что типичность данного текста для раннего творчества Блока подтверждается и окаzionale сочетаемостью глагола с фразеологически связанным значением – *сердце занялось* (общеупотребительная сочетаемость – *костер занялся, заря занялась*).

3) Создание окаzionale пар с противопоставленными компонентами:

Днем *вершу* я *дела суеты*,
Зажигаю *огни* ввечеру.
Безысходно туманная – ты
Предо мной затеваешь *игру* (1: 186).

Контрастность этих строк, в первую очередь создаваемая общеупотребительными антонимами *днем – ввечеру*, доводится до предела окаzionale противопоставленными действиями: *вершить дела суеты – зажигать огни*. Противопоставленность обусловлена различным отношением лирического героя к дневным делам как к будничной необходимости, к зажиганию огня – как к священнодействию, символизирующему появление ее – Зари, Звезды, Величавой Вечной Жены. Окаzionale антонимия еще резче подчеркивает противопоставленность антонимов *днем – ввечеру*, обнаруживая их символическое значение: день – ненужное, неистинное, канун, ожидание; вечер – время, когда появляется Она, а это есть истинное, настоящее, важное.

Наряду с этой всепоглощающей контрастностью у Блока можно отметить прием стилиевой **нейтрализации** ФЕ. Вот пример:

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще *слетает с языка*...(2: 282).

Разговорный фразеологизм *слетать (сорваться) с языка*, в этих проникновенных строках любви и грусти утрачивает свою стилистическую отмеченность и в руках мастера-гения (Орлов, 1978: 707) становится инструментом высокого лиризма.

6. Кроме большого числа общеупотребительных фразеологизмов в стихах Блока функционируют окказиональные словосочетания, устойчивые лишь в пределах данной поэтической системы: *Прекрасная Дама, Снежная Дева, Ночная Фиалка, алый сумрак, голубая даль*.

Фразеологический статус словосочетания *Прекрасная Дама*, думается, нет нужды доказывать: оно устойчиво в структуре и компонентном составе; воспроизводимо в готовом виде; переосмыслено даже в общем употреблении на правах крылатого выражения; у Блока приобретает много новых символических сем (принадлежность ко «второй действительности», воплощение Вечной Женственности, Красоты) и, как все символы, становится неоднозначным, хотя и не порывает связи с традицией благодаря сохранению семы 'возлюбленная'. Немалую роль в символизации ФЕ-образа *Прекрасная Дама* играет вынесенность в заголовок, в название главного цикла первого тома.

В лирических поэмах А. Блока «Ночная фиалка» и «Соловьиный сад» формируется значение фразеологических единиц *Ночная Фиалка* и *Соловьиный сад*, которые в данной поэтической системе регулярны, воспроизводимы в готовом виде и устойчивы в структуре, составе и значении. Вынесенность в заголовок облегчает процесс их фразеологизации.

Словосочетание *Ночная фиалка* следует квалифицировать как окказиональный фразеологизм-символ в силу его повторяемости, «заглавности» и неоднозначной семантико-символической нагруженности: *безмятежный, чистый, светлый – лилово-зеленый, дышит болотами, одурманивает сладким сном*.

Окказиональный блоковский фразеологизм *Соловьиный сад* называет замечательный по богатству денотативных сем и коннотаций образ, релевантный не только для поэмы с таким названием, но и для всей лирики Блока. *Соловьиный сад* – символ личного счастья, отрывающего человека от общества и его проблем, от работы.

Итак, фразеология в лирике Блока отмечена и как черта идиостиля, и как элемент лингвопоэтики, проявившийся в отборе ФЕ, их использовании и создании окказиональных ФЕ-образов (Липгарт, 2007: 64-74).

Литература

- Блок, А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / А. А. Блок. – М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960-1963.
- Жирмунский, В. М. Преодолевшие символизм / В. М. Жирмунский // Русская мысль. – 1916. – № 12. – С. 25-56.
- Кондаков, Г. В. Гармония контраста / Г. В. Кондаков // Русская речь. – 1971. – № 1. – С. 13-18.
- Липгарт, А. А. Основы лингвопоэтики: Учебное пособие. Изд. 3. // А. А. Липгарт. – М.: КомКнига, 2007. – 168 с.
- Орлов, В. Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока / В. Н. Орлов. – Л.: Советский писатель, 1978. – 711 с.
- Тимофеев, Л. Поэтика контраста в поэзии Ал. Блока / Л. Тимофеев // Русская литература. – 1961. – № 2. – С. 98-107.

Summary. The article asserts the idioms to be one of the several elements of A. Block's poetic on level with singularity of the word usage and contrast flair. Phraseological capacity is begotten by texts richness of words in general usage and occasional words.

Батурина Е. Н.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ НА ПОКОЙ В КОНТЕКСТЕ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Россия, Биробиджан, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
murzilka240163@mail.ru

В тексте романа «Преступление и наказание» несколько раз выделено курсивом выражение «на покой». Дважды – в речи следователя Порфирия Петровича, который употребляет его в сцене обвинения Раскольникова в убийстве. Один раз – в речи самого Раскольникова. На этот факт обращает внимание в своем «Комментарии» к роману С. В.

Белов, ссылаясь, в свою очередь, на точку зрения Я. О. Зунделевича: «Смысл курсивного выделения, и так уже наполненного экспрессивностью повтора «на покой», конечно, совершенно ясен: Достоевский дополнительно подчеркивает курсивом всю язвительность этих слов следователя, которые для него – для автора – вовсе не исчерпываются этой язвительностью, ибо не издевается он над преступником (как следователь), а судит его, утверждая, что никогда и нигде не найдет себе преступник покоя, пока не смирится и не покается в христианском смысле этого слова. Курсивом как бы старается автор «вбить» эту мысль в читателя...» (Цит по: Белов, 2010: 208).

Позволим себе не вполне согласиться с этим в целом уже общепризнанным мнением уважаемых исследователей в том, что в словах Порфирия Петровича звучат лишь язвительность и издевка и что его позиция по отношению к Раскольникову не совпадает с авторской позицией. Для этого более детально рассмотрим семантику фразеологизма *на покой*, а значит и лексемы *покой* в контекстах романа.

Следователь сам приходит к Раскольникову домой.

«– <...> зачем вы пришли? – раздражительно спросил Раскольников. – Я вам прежний вопрос задаю: если вы меня виновным считаете, зачем не берете вы меня в острог?»

– Ну, вот это вопрос! По пунктам вам и ответу: во-первых, взять вас так прямо под арест мне невыгодно.

– Как невыгодно! Коли вы убеждены, так вы должны...

– Эх, что ж, что я убежден? Ведь все это покамест мои мечты-с. Да и что я вас *на покой-то* туда посажу?» (Достоевский, 1983: 225).

Исходя из содержания вопроса Порфирия Петровича, можно предположить, что он сомневается в том, что Раскольников признается сам себе в несостоятельности своей идеи и теории, что быстро раскается и, уже будучи на каторге, обретет душевный покой. Иначе говоря, следователь иронизирует над Раскольниковым. В то же время он уверен, что Раскольников все равно рано или поздно не выдержит душевных мук, будет искать выход и сам придет с повинной.

Выражение «на покой» звучит и в словах Раскольникова, обращенных к Порфирию Петровичу: «Ну будь я даже виновен (чего я вовсе не говорю), ну с какой стати мне к вам являться с повинною, когда сами вы уж говорите, что я сяду к вам туда *на покой*?» (Достоевский, 1983: 225). Следователь отвечает ему на это: «Эх, Родион Романыч, не совсем словам верьте; может, и не совсем будет *на покой*! Ведь это только теория, да еще моя-с, а я вам что за авторитет?» (Достоевский, 1983: 225).

По нашему мнению, выражение «на покой» в контексте речи Порфирия Петровича приобретает значение 'раскаяние в совершенном преступлении, освобождение от мук совести', т. е. 'обретение душевного покоя'. В речи Раскольникова это же выражение приобретает зловещий смысл: «сесть на покой» означает для него неизбежность каторги, острога, как самого тяжелого наказания, последствием которого может стать даже смерть.

Рассмотрим значение выражения «на покой» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (ТСЖВРЯ), в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (ТСРЯ) и во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (ФСРЯ). У В. И. Даля данное выражение рассматривается в рамках словарной статьи лексемы «покой»: «**ПОКОЙ**. состоянье бездѣйствія, въ веществен. и духовн. значн., коснѣнье, недвижимость; отдыхъ, роздыхъ; мир и тишина, безмятежное состоянье; отсутствие возмущенья, тревоги» (Даль, 1995: 242). И далее: «*жить на покое* – не въ должности, ни у дел, въ отставкѣ. *Отойти на покой, на вѣчный покой* – умереть, скончаться <...>» (Даль, 1995: 242).

В ТСРЯ видим: «Покой – 1. <...>. 2. состояние тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствие беспокойства <...>. *Вечный покой* (перен. смерть устар.). *Удалиться на п. или жить на покое* (к старости перестать служить, работать, устар.)» (Ожегов, Шведова, 2002: 550).

Во ФСРЯ значение фразеологизма «на покой» рассматривается следующим образом: «**НА ПОКОЙ**. 1. отдыхать, на отдых (удаляться, уходить и т. п., оставляя работу, службу, дело, в следствие преклонного возраста) <...>. 2. умирать (пора, надо и т. п.)» (Фразеологический словарь русского языка, 1985: 336).

Можно заметить, что ближе всего к контекстуальному значению «покой», «на покой» толкование в словаре В. И. Даля: 'мир и тишина, безмятежное состояние, отсутствие возмущенья и тревоги', поскольку в контексте речь идет о душевном спокойствии и умиротворенности. В контексте диалога Порфирия Петровича и Раскольникова выражение

«на покой» может быть истолковано как ‘освобождение от мук совести, от душевных страданий’. И выражение это выделено в речи Порфирия Петровича не случайно: у следователя есть свое собственное его понимание, своя теория. Для Порфирия Петровича, как и для автора, «посадить Раскольников на покой» значит удалить его от прежней жизни, от обстоятельств преступления, чтобы дать возможность осознать случившееся, раскаяться и нравственно возродиться к новой жизни. Подтверждением этого предположения, по-нашему мнению, являются такие слова следователя, обращенные к Раскольникову: «А вы – другая статья; вам Бог жизнь приготовил <...>. Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» (Достоевский, 1983: 225).

В то же время в выражении «на покой» есть и другой, скрытый, почти символический смысл, дающий Раскольникову право выбора. «Сесть *на покой*» буквально для него может значить ‘умереть, то есть погибнуть духовно и физически’. В этом случае реализуется второе значение фразеологизма.

В эпилоге романа мы видим, что, «сев на покой», т. е. попав на каторгу, Раскольников все-таки обретает, хотя далеко и не сразу, освобождение от терзаний и душевных мук, а потом и раскаение: «Но теперь, уже в остроге, *на свободе*, он вновь обсудил и обдумал все прежние свои поступки <...>» (Достоевский, 1983: 225). Автор выделяет курсивом выражение «на свободе» не случайно. Он подчеркивает, что герой теперь свободен от прошлого, от мучительных страданий и имеет возможность наконец обрести душевный покой.

Таким образом, контекстуальные значения выражений «на покой» и «на свободе» перекликаются друг с другом. Они характеризуют не только состояние души Раскольникова, но и выступают как символические обозначения важнейшего в сюжетном плане события, по сути, являющегося развязкой романа. Что касается фразеологизма «на покой», трижды выделенного в тексте курсивом, то он может быть рассмотрен как своего рода текстовый концепт, вмещающий в своей семантике отраженные в словарях узуальные значения и различные контекстуальные оттенки смысла, передающие позиции героев и автора.

Литература

Белов, С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий / Под ред. Д. С. Лихачева. / С.В. Белов. – М.: КомКнига, 2010. – 240 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т 3: П. / В .И. Даль. – М.: Терра, 1995. – 560 с.

Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание: Бедные люди: Романы; Дядюшкин сон: Повесть. / Ф. М. Достоевский. – М.: Худож. лит., 1983. – 400 с.

Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. / РАН. Ин-т. русс. яз. им. В.В. Виноградова. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник. 2002. – 944 с.

Фразеологический словарь русского языка / Под. ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

Summary. In the article an effort to analyze the contexts having the idiom «на покой» in Fyodor Dostoyevsky’s novel “Crime and Punishment” has been made.

Бондарь А. В.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
bondar_alexander_v@mail.ru

Фразеологические единицы как своеобразные микромиры (Ф. И. Буслаев), как зеркало национального самосознания (В. Н. Телия) являются неотъемлемым фрагментом языковой картины мира, а также частью лингвокультурной парадигмы, под которой в современной лингвистике понимается «совокупность языковых форм, отражающих этнически, социально, исторически, научно и т. д. детерминированные категории мировоззрения» (Маслова, 2001: 49). Именно в контексте актуальных лингвокультурных исследований в настоящей работе рассматривается функциональный потенциал, содержательная насыщенность и специфика семантической валентности фразеологической единицы в

дискурсивно-когнитивном пространстве поэтических текстов Б. Л. Пастернака, при этом выявляются лингвокультурологические и эмотиологические аспекты ее семантической структуры.

Очевидно, что данный подход к рассмотрению фразеологизмов в поэтическом идиолекте предполагает обращение к современному пониманию фразеологической единицы, которое можно сформулировать в нескольких тезисах:

1. ФЕ – это сложная языковая сущность, являющаяся источником культурной информации, средством её хранения, кумуляции и трансляции, средством и объектом познания.

2. ФЕ, наряду с другими единицами языка, является формой вербализации смыслового пространства культуры и человеческого сознания, которые, по утверждению А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, «задаются границами выразительных возможностей её знаковых систем» (цит. по Алефиренко, 2011: 38).

3. Определение этих «возможностей» (функционально-семантического потенциала) и есть важнейшая задача при описании этнокультурной языковой картины мира.

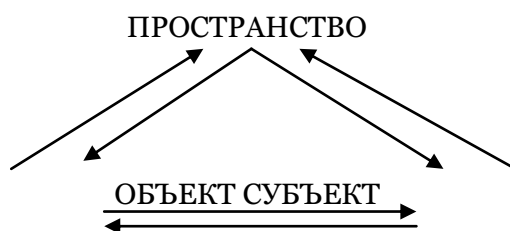
4. ФЕ как компонент этнокультурного пространства обладает относительной устойчивостью структурной организации и ограниченным набором смыслов, реализация которых воспринимается каждым носителем данного языка (языкового сознания) как словесно закодированная, ментально обусловленная и концептуально осознанная информация, знание о реальной действительности.

Следует заметить, что, понимая сущность ФЕ таким образом, мы подразумеваем ее узусное функционирование. Поэтический же дискурс, о котором идет речь в настоящей работе, всегда обусловлен сознанием автора и его эмоциональной сферой, направленной на постижение и отражение в языковом знаке окружающей действительности. Так как в индивидуально-авторской картине мира автора сосуществуют три составляющие – универсальное, национальное и индивидуально-авторское, то очевидно, что поэтический дискурс – это *сконструированный, вербально закодированный* «оттиск» реальности. Соответственно, окказионально функционируя в данном типе дискурса, ФЕ индивидуально осознаны, интерпретированы и являются средством манифестации концептуальных значений языкового сознания личности. В связи с этим решения требуют два вопроса: 1) каков характер соотнесённости окказионального функционирования ФЕ в эмотивно-когнитивном дискурсе с узусным функционально-семантическим интенционалом этой же единицы, 2) какую роль в формировании индивидуально-авторского стиля играет использование ФЕ.

Проанализировав поэтический дискурс Б. Л. Пастернака, мы очертили круг наиболее употребительных концептуально осознанных ФЕ, являющихся частью национальной языковой картины мира и отражающих авторское мироощущение.

Одним из наиболее частотных оказался фразеологизм *ни зги не видать*. В соответствии с данными фразеологического словаря *не зги не видно* – ‘совсем ничего не видно’ (ФСРЯ, 1987: 172). Обратим внимание, что в значении данного фразеологизма сочетаются две денотативные семы: 1) непроглядная темнота, крошечная тьма (*совсем не видно*); 2) отсутствие возможности видеть даже самую малую частицу (*ничего не видно*). Эти же семы в семантической структуре фразеологизма выделяет Г. И. Магнер, исследуя этимологию фразеологизма *ни зги не видать*: ‘ничего не видно’, ‘непроглядна тьма’, ‘так темно, что ничего вообще не различить’, ‘ничего нельзя разглядеть’ (Магнер, 2003: 22-27). Таким образом, это фразеологизм с общим значением зрительного восприятия. При этом в семантической структуре ФЕ заключается и информация о субъекте, воспринимающем данное пространство как нечто абсолютно тёмное, в котором не видна даже самая мельчайшая частица (указывает на субъект познания глагол *видеть*). При этом данный фразеологизм является эмотивным, поскольку выражает крайнюю (превосходную) степень проявления признака, и в его семантике присутствует коннотативная сема, служащая «для выражения эмоционального отношения говорящего к называемому в логико-предметном компоненте значения объекту отражения» (Шаховский, 2008: 76). Таким образом, под эмотивностью в данном случае мы понимаем конструктивное семемное образование денотативно-коннотативного ядра языкового знака, отражающее эмоциональное отношение говорящего к описываемому.

Внутренняя форма фразеологизма прозрачна и имеет следующую структуру: ***пространство (как тьмы) – невидимый объект, находящийся в пространстве – субъект восприятия.***

В поэтических текстах значение фразеологизмов осложняется – под влиянием контекста один из элементов структуры может видоизменяться, утрачиваться или осложняться для создания определенного образа, что и создает дополнительную эмоциональность.

1. *Я выходил в такое время, / Когда на улице ни зги* («На ранних поездах») – под влиянием синтаксической структуры предложения во фразеологизме конкретизируется пространственное значение (*на улице*) и актуализируется темпоральное значение ‘рано’;

2. *Ни зги не видать, а ведь этот посад / Может быть в городе* («Метель») – во фразеологизме сохраняется, но трансформируется пространственное значение – тьма, вероятно, скрывает определенный объект (*посад*);

3. *Не видно ни зги, но затем в отдалены / Движень: лакей со свечой в колпаке* («Баллада») – использование фразеологизма способствует созданию динамичного зрительного образа – ФЕ служит как описание фона, на котором возникает силуэт объекта;

4. *И окунуться в неизвестность, И прятать в ней свои шаги, Как прячется в тумане местность, Когда в ней не видать ни зги* («Быть знаменитым некрасиво») – фразеологизм сохраняет свою структуру и семантику, но выступает как элемент развернутого метафорического сравнения, где описываемое пространство представлено как жизнь человека, скрытая от чужого глаза.

Использование фразеологизма, имеющего подобную структуру, для поэзии Пастернака кажется закономерным – в его творчестве пространство нередко описывается как *мгла, мрак, тьма*. Например: *Теперь он стих и чёрной вилкой / Торчал по черенок во мгле* («Венеция»); *Его роман / Вставал из мглы* («Подражательная»); *Посередине мрак лиловый* («Подражательная»); *В лесу клубится кафедральный мрак* («В лесу»); *То шевелились тихой тьмы / Засыпанные снегом уши* («Высокая болезнь»). Этот образ (пространство – тьма) представлен и синонимичными фразеологизмами, несомненно, повышающими эмотивность поэтического текста: *Одних это ослепляло. Другим – / Той тьмою казалось, что глаз хоть выколи* («Марбург»). В следующих примерах пространство-мгла воспринимается зрительно, причем в описаниях используются ФЕ с имплицитными коннотативно-эмотивными семами, что, несомненно, делает текст более эмоциональным.: *Заманчивость мглы непролазной* (ср. ФЕ *непролазная грязь*) («Пространство»); *По рельсам плыли, прорезая мглу, / Столбы сигналов, ударяя в тучи, / И резали глаза* («Белые стихи»); *Весь лагерь мрака на виду. / Мрак глазами пожирая* («Июльская гроза»).

Однако специфической чертой идиостиля Бориса Пастернака является не частое использование ФЕ, значительная часть которых, безусловно, эмотивна, а окказиональное функционирование фразеологизированных единиц.

Семантическая структура ФЕ представляется как сложное объединение сем денотативного, сигнификативного и коннотативного характера. При этом, признавая вторичность смысловой номинации ФЕ, необходимо признавать и обязательность эмотивного и образного компонентов в структуре семантики ФЕ. Также частью семантики ФЕ могут являться культурные семы как некие «семантические признаки» и культурные коннотации.

Метафорическая сущность ФЕ наталкивает на мысль о возможности контаминации и манифестации неограниченного количества смыслов (значений). Безусловно, что их реализация возможна в определённых условиях функционирования ФЕ.

Вероятно, реализация потенциальных (имплицитных) метафорических (ассоциативно-образных) смыслов (значений) ФЕ наиболее продуктивна в соответствующем сущности ФЕ дискурсе, коим является когнитивно-эмотивный дискурс поэтического текста.

При функционировании в рамках поэтического дискурса в семантике ФЕ могут актуализироваться потенциальные семы за счёт ассоциативной связи с окказиональными концептуальными понятиями.

Приведём пример, описанный А. Жолковским (Жолковский, 2011: 35 – 46): *Лодка колотится в сонной груди, / Ивы нависли, целуют в ключицы, / В локти, в уключины*.

В подобном речевом обороте исследователь усматривает проявление излюбленной пастернаковской темы «контакта». Сущность этого контакта заключается в единстве//наложении «малого человеческого» на «макромир» посредством метафоры. И учёный утверждает, что «контакт и единство человека и природы лежат в основе знаменитой пастернаковской метафорики» (Жолковский, 2011: 34).

В данном примере учёный выделяет три метафоры, а следовательно – три образно-ассоциативных связи: *лодка – сердце, водная поверхность – грудь, уключины – ключицы*, две из которых «подкреплены фонетическими подобиями: лодка = колотится, уключины = ключицы» (Жолковский, 2011: 35). А, как известно, «звуковая символизация широко используется для эмоционального воздействия на читателя» (Шаховский, 2008: 109).

Также Жолковский отмечает ещё одну особенность языка (мышления) Пастернака – «своего рода полная поэтическая синонимия двух отрывков из разных стихотворений» (Жолковский, 2011: 42):

У окуня ли ёкнут плавники – Лодка колотится в сонной груди.

«В обоих примерах поэт говорит фактически одно и то же – тема контакта выражена 1) метафорически, 2) фонетическим приравнением, 3) тема контакта совмещена с темой высшей фазы» (Жолковский, 2011: 42).

Оттолкнувшись от лингвопоэтической трактовки данных примеров, обратимся к ним с позиций лингвокогнитивных, лингвокультурных и позиции лингвистической теории эмоций. В обоих случаях автором используются фразеологизированные компоненты, – *колотиться и ёкать* – энциклопедически реализуемые в ФЕ: *сердце колотится (в груди) – ёкает в груди (сердце)*. Как показывают примеры, оба этих компонента ассоциативно связаны (что кодифицировано в узусном употреблении) с одним и тем же понятием – «сердце». Наличие этого общего концептуального понятия и позволяет А. Жолковскому заявлять, что в двух различных отрывках автор говорит об одном и том же: это обусловлено прагматикой и когнитивными структурами самих единиц.

Отметим, что сочетаясь со словами *лодка* и *плавники* фразеологически связанные в узуальном (и, вероятно, этнокультурном) отношении глаголы *колотиться* и *ёкать* с понятием *сердце* расширяют метафорической ассоциативностью семантику привычных ФЕ: *сердце колотится (в груди) – ёкает в груди (сердце)*. А значит, поэтический дискурс, являющийся пространством реализации эмотивно-когнитивных потенциалов автора и обусловленный его коммуникативно-прагматическими установками, есть средство и обязательное условие расширения семантики ФЕ. Причём, эта семантика (значение) ФЕ будет соотноситься с узусным значением, но в большей степени отражать авторский поэтический мир, «образовывать поэтическую мифологию» (Жолковский, 2011: 66).

Этот поэтический мир конструируется из повторяющихся образов, единиц, приёмов и т. д., то есть – инвариантов, объединённых («венчаемых») «центральной инвариантной темой» (Жолковский, 2011: 66). В нашем случае возможным считаем в качестве инвариантной темы обозначить следующее: 1) образ зрительно воспринимаемого через мельчайшие составляющие пространства и выражение эмоционального отношения к нему посредством актуализации темы превосходной степени проявления признака/качества/состояния, или «темы высшей фазы» (в терминологии А. К. Жолковского); 2) восприятие и конструирование (отражение) пространства за счёт ФЕ, семантическая и эмотивная валентность компонентов которых расширяется благодаря потенциальным и возникающим в конкретной речевой ситуации образным оценочно-эмотивным связям.

Например: *И гром отмыкает кусты* («Сирень»). В данном примере лексема *отмыкает* является фразеологизированно связанной, поскольку является компонентом не-свободного сочетания *отмыкать (отпереть) дверь/ворота/замок (т. е., нечто, ведущее, являющееся входом, в новое пространство)*. Но в поэтическом дискурсе Пастернака данный компонент соотносится с понятием *кусты*, в связи с чем возникает ассоциативная (метафорическая в своей сущности) связь: *дверь – кусты; отмыкать дверь/замок – отмыкать кусты*. Следовательно, кусты – это некая граница, отделяющая два пространства. Сравним: *Я знаю, старый друг, / Как ты дошёл до этого. Я знаю, / Каким ключом ты отпер эту дверь, / Как ты взломал, как глядывал сквозь эту / И подсмотрел всё то, что увидал* («Белые стихи»). Заметим, что в денотативно-коннотативном ядре ни слова *отмыкать*, ни слова *кусты* нет имплицитных эмотивных сем. Но за счёт возникающей ассоциативной связи с ФЕ, в семантике сочетания *отмыкать кусты* актуализируются потенциальные эмотивные смыслы, ибо *отмыкать кусты* – это производить

действие, сродни отмыканию некоей преграды для вхождения в новое неизведанное пространство.

Приведем другой пример: *Я вместе с далью падал на пол / И с нею вязывался в грех* («Двадцать строф с предисловием»). В отличие от первого примера, здесь в качестве фразеологизированного компонента функционирует эмотив *вязываться*. Он имеет в своей семантике имплицитные эмотивные коннотации: *вязываться* – от глагола *вязать*, значение которого даётся с пометой “разговорное”, “неодобрительное”: ‘вовлечь, заставить принять участие’ (Ожегов, 2006: 86); следовательно, *вязываться* – ‘попадать, вступать, быть втянутым (как правило, не по собственной воле) во что-либо, порочащее тебя’, а значит, оцениваемое негативно. Данное значение эмотива проявляется во фразеологизме *вязаться в какое-либо дело*. В пастернаковском обороте, дополненном потенциально эмотивным словом *падать*, эмотив *вязываться* сочетается с лексемой *грех*, который также имеет в своей структуре имплицитные эмотивные коннотации. В итоге, оборот *вязываться в грех* приобретает ярко выраженную эмотивную сущность, отражающую негативное отношение субъекта.

Обратимся к практике подобного использования фразеологизированных знаков и приведём несколько примеров: *Как крылья, отрастали беды / И отделяли от земли* («Я рос. Меня, как Ганимеда...»); *К ней-то и прикладывается памятник Пушкину* («Возможность»); *Когда на Петровы глаза наворачнулись, / Слезя их, заливы в осоке* («Петербург»); *Тучи, как волосы, встали дыбом* («Петербург»); *О, – в камне стиха, даже если ты канула* («Душа»); *Столкнуть в воспалённую полночь* («Раскованный голос»); *Там детство рождественской елью топорищится* («Метель»); *И было волною обглодано дно / У лодки. И грызлися птицы у локтя* («Импровизация»); *Бывает, курьером на борзом / Расскачется сердце* («Баллада»); *Загадки в гласности снуют* («Дрозды»); *К испугу сомкнутых окон* («Бабочка-буря»); *Сбившись с перспективы* («Бабочка-буря»); *И пять бульваров мечутся в кольце, / Зализывая рельсы за прицепом* («Двадцать строф с предисловием»).

Весьма широкий спектр примеров свидетельствует о том, что механизм семантического смещения/замещения, основанный на метафорической ассоциации, расширяет эмотивную и семантическую валентность ФЕ и является одним из инвариантных приёмов поэтической мифологии Б. Л. Пастернака. Подобное окказиональное функционирование компонентов ФЕ расширяет содержание культурной (ментальной, национальной) единицы, но остаётся признаком индивидуальной языковой картины мира. Хотя, вероятно, подобное окказиональное использование единиц было бы невозможным (или, по крайней мере, неоправданным), если бы в структуре языкового знака не содержались потенциальные перспективы подобного использования. Следовательно, языковой знак в узусном употреблении и как знак национальной культуры и менталитета реализует далеко не полный набор смыслов, но эксплицитно содержит потенциальные семы, позволяющие в индивидуальном прагматически обусловленном дискурсе породить всё новые смыслы.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурная природа ментальности / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Словесность. Культура. – М., 2011, №1. – С. 23–43.
- Войнова, Л. А., Жуков, В. П., Молотков, А. И., Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского языка (ФСРЯ) / Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1987. – С. 172–173.
- Жолковский, А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты / А. К. Жолковский. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 608 с.
- Магнер, Г. И. Этимология фразеологизма ‘ни зги не видно’ / Г. И. Магнер // Этимологические исследования. Вып. 8. – Екатеринбург, 2003. – С. 22–32.
- Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / С. И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 1200 с.
- Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Summary. This paper considers functional capacity, content richness and semantic valence specificity of phraseological units in the discursive space of cognitive poetic texts by B. L. Pasternak. Functioning in a poetic discourse, idiom semantics is expanded by association with the occurrence of occasional conceptual concepts and semantic shifts that make emotive meanings updated.

Габитова У. У.
ПРИЕМЫ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале повести Л. Улицкой «Сквозная линия»)

Россия, г. Челябинск, Челябинский государственный педагогический университет
ulia347983@mail.ru

Структурно-семантические преобразования в современной прозе являются пристальным объектом изучения современных исследователей, что связано с необходимостью исследования специфических особенностей функционирующих фразеологических единиц, присущих индивидуальному стилю современного автора.

Творчество Людмилы Улицкой – явление в современной русской литературе заметное, но явно неоднозначное. Несмотря на полученное ею признание, её творчество, за исключением «Сонечки», «Медеи и её детей» и «Казуса Кукоцкого», которым посвящено немало литературоведческих работ, остаётся недостаточно исследованным с лингвистической точки зрения.

Центром внимания языковедческого изучения современной прозы является лингвистика текста, базовые понятие которой – «текст – дискурс» в настоящее время не имеют единого определения. Основным компонентом содержания процесса формирования лингвосоциокультурной компетенции является текстовый материал. В связи с теоретическими исследованиями проблем дискурса в когнитивной лингвистике (В. Г. Борботько, А. Г. Гурочкина, В. И. Карасик, Н. А. Кобрина, М. Л. Макаров и др.) существуют многообразные точки зрения на данный феномен и анализ его характеристик.

И. Р. Гальперин в своем определении текста выделяет несколько сущностных характеристик этого явления. Он предлагает рассматривать текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин, 1981: 18).

Опираясь на данное определение мы обозначим механизмы формирования культурно-речевых образцов в современной прозе на материале повести Л. Улицкой «Сквозная линия».

Повесть «Сквозная линия» Людмилы Улицкой представляет собой собрание историй о героинях самых разных возрастов, которым в жизни явно чего-то не хватает и которые, чтобы поддерживать чувство собственной значимости, постоянно лгут.

Разбираясь в психологических перипетиях своих героев, писательница строит текст на том, что никогда не переносит слова из словаря напрямую в повествование или в диалог. Все слова Л. Улицкая подвергает какой-то оригинальной обработке, именно поэтому нам интересен состав фразеологических единиц, используемых данным автором.

Взаимодействие языковых единиц в процессе коммуникации всегда привлекало внимание исследователей, с точки зрения функциональных характеристик фразеологических единиц, их коммуникативной роли в общении.

Одной из актуальных проблем современной фразеологии остаётся изучение фразеологических единиц в действии. Коммуникативно-деятельностный подход к фразеологическому материалу предполагает функциональный принцип анализа фразеологической семантики, позволяющий описать фразеологизм как сложную семантическую структуру, каждый из параметров которой содержит определённый квант информации (Телия, 1987: 99).

Под функционированием мы понимаем роль языковой единицы в тексте, речи.

Писатели обращаются к фразеологическим богатствам родного языка как к неисчерпаемому источнику речевой экспрессии. В художественном тексте фразеологизмы часто употребляются в их обычной речевой форме с присущим им значением.

- *Проезжая мимо «Партийного гастронома», знаешь, что я сделала? – строго спросила рыжая. Женя туповато молчала, ничего остроумного ей в голову не приходило* (Улицкая, 2007: 13). «Возникать, появляться в сознании кого-либо» [6].

Введение в текст фразеологизмов обусловлено стремлением автора усилить экспрессивную окраску речи. С этой целью порой писатели преобразуют фразеологические единицы, которые имеют высокую степень устойчивости компонентного состава.

*Она у нас **чистый ангел**, но абсолютно без мозгов* (Улицкая, 2007: 14). «Кроткий, чуткий, непорочный человек. Ср.: “ангел во плоти”» [6]. Замена компонента для придания оттенка значения интенсивности. Прилагательное «чистый» употребляется в переносном значении ‘абсолютно безгрешный’, что способствует интенсификации фразеологического значения.

Новые фразеологизмы чаще всего возникают по образцу, по модели уже имеющих фразеологических моделей. При этом изменённые фразеологизмы сохраняют художественные особенности общенародных – образность, афористичность, ритмико-мелодическую упорядоченность.

Далее мы остановим своё внимание на тех приёмах фразеологического новаторства, которые встречаются в произведении Л. Улицкой «Сквозная линия».

Характерной чертой авторского стиля Л. Улицкой является нанизывание фразеологизмов, теснота их употребления вплоть до соединения в рамках отдельного предложения:

Я, честно говоря, понятия не имел, что вы общаетесь (Улицкая, 2007: 106).

В стилистическом плане Л. Улицкая использует не только фразеологические обороты, но и другие фразеологические средства, к которым принадлежат пословицы, поговорки, «крылатые» слова и выражения.

*Это «**Дорога на эшафот**», старинный французский пасьянс, чаще раза в год он не получается* (Улицкая, 2007: 40). «Путь к смерти».

Трансформация фразеологических единиц как языковое явление представляет собой совокупность приёмов, основанных на целенаправленном видоизменении стабильной структуры и традиционной семантики фразеологизмов. Трансформация фразеологических единиц основывается на таких свойствах, как раздельнооформленность и семантическая двуплановость.

Цель преобразований фразеологических единиц не нова – освежить образ фразеологизма, наделить его экспрессией, обыграть и т. д., посему Л. Улицкая оставляет свой заметный след в развитии фразеологической системы языка.

На наш взгляд, фразеологическое новаторство Л. Улицкой на материале повести «Сквозная линия» состоит в следующем:

1. В изменении количества компонентов фразеологизма. Л. Улицкая придаёт необычные формы фразеологизмам с целью их актуализации. Видоизменения могут выражаться в следующем:

— Редукция, или сращение состава фразеологизма (импликация). Обычно связана с его переосмыслением.

*А так, **может**, она хоть бабушкой стала бы, коляску бы катала...* (Улицкая, 2007: 28). «Вероятно, возможно» (отсечение компонента «быть») [5]. Эти автор подчёркивает стремление придать разговорный стиль речи героев.

— Расширение состава фразеологизма (экспликация).

*Жене повезло необыкновенно – руководителем диплома у неё была преклонных годов профессорша, которая в этой самой русской литературе распорядилась **как у себя на кухне*** (Улицкая Л., 2007: 26). = «у себя. В своей комнате, квартире, в своём доме» [4]. Неожиданная лексическая сочетаемость, введение компонента «на кухне» подчёркивает интенсивность значения. В этом сочетании присутствует сема ‘по-хозяйски, запросто’, поскольку, как правило, традиционно женщина свободно ориентируется в домашних делах, в том числе на кухне.

Изменение состава фразеологизма может стать средством усиления экспрессивной окраски речи.

*На второй неделе в обеденное время возле дома остановилось такси, и из него вывалилась целая прорва народу: сначала шофер, доставший из багажника странное железное приспособление неизвестного назначения, потом большая красивая женщина с **львиной гривой рыжих волос**, потом кособокая старушка, которую немедленно воткнули в снаряд, образовавшийся из плоского приспособления, потом мальчик постарше Сашки и, наконец, сама хозяйка дома Дора Суреновна, нарядно накрашенная и суетливая более, чем обычно* (Улицкая, 2007: 10). «Густые рыжие волосы, напоминающие гриву льва». Автор подчёркивает отличительную черту героини. Создаётся не только яркий, зрительный цвет, но и внутренний, духовный облик героини.

Имплицитное и эксплицитное фразеологические единицы являются разнонаправленными лексико-структурными приёмами индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов в художественном тексте.

2. В преобразовании состава фразеологизмов. Л. Улицкая часто изменяет компонентный состав фразеологизмов для придания им большей образности. Типы преобразований могут самыми разнообразными. Л. Улицкая прибегает к замене кодифицированных, словарных компонентов.

*Ты характера моего не знаешь: если мне чего надо, я **из-под земли вырою*** (Улицкая, 2007: 29). «Любыми средствами, любым способом, где угодно, как угодно (= доставать из-под земли)» [6]. Автор усиливает интенсивность значения, подчёркивает серьёзное отношение героя к происходящему. Сема 'вы' указывает на завершённость деятельности и достижение цели. Сам компонент 'вырою' носит разговорный характер.

*Я же тебе говорю, за первого попавшегося **замуж выскочила*** (Улицкая, 2007: 29). «Вступать в брак (о девушке, женщине)» [5]. Заменяя нейтральный компонент «выходить» на разговорный «выскочить», автор показывает негативное отношение героини к своим действиям и маловажность для неё данного события. Подчёркивается быстрота, мгновенность действия и предполагается недолговечность брака. Компонент «выскочила» носит разговорный характер.

Но в свой час вспомнила... (Улицкая, 2007: 24). «= в своё время; своевременно, когда требуется» [5]. Л. Улицкая заменой компонента конкретизирует момент действия.

*Он не скандалил, не **закатывал истерику**, пожалуй, его можно было бы даже назвать послушным, если бы Женя имела точное представление о том, что вообще означает «послушание»* (Улицкая Л., 2007: 9). «= устроить истерику; учинять скандал кому-либо, выражая своё недовольство чем-либо, своё раздражение и т. п.» [6]. Неожиданная лексическая сочетаемость усиливает интенсивность значения.

*Живот рос **со страшной силой**, а Гоша ночами лежал на моём животе и слушал* (Улицкая, 2007: 44). «= изо всей силы; с предельным напряжением» [4]. Подчёркивается интенсивность качества. Эмотивная сема обозначает «боязнь, страх», что придаёт фразеологизму большую выразительность.

*Либо коммунисты, либо оставшиеся в России по каким-то причинам технари, чуть не **с нэповских времён*** (Улицкая, 2007: 24). «Издавна, с давних пор (ср.: со времён царя гороха)» [5]. Неожиданная лексическая сочетаемость подчёркивает качество действия. Наличие прилагательного «нэповский» ограничивает определённый промежуток времени, важнейший в истории нашей страны. В это же время подчёркивается несколько негативное отношение героини к этому периоду.

Большая часть фразеологизмов относится к разговорной речи: *может, из-под земли вырыть, замуж выскочить, закатывать истерику, друг друга, всё равно, больше всего на свете, сойти с ума, валиться с ног* и др.

*Мы были страшно счастливы – и **валились с ног** от усталости* (Улицкая, 2007: 46). «Приходить в полное изнеможение, не держаться на ногах» [6].

*Потеряла ребёнка и **сошла с ума*** (Улицкая, 2007: 37). «Становиться сумасшедшим» [6].

Область применения таких фразеологизмов – бытовое общение, устная форма диалогической речи персонажей данного произведения.

Среди разговорных фразеологизмов выделяются просторечные: *мудило огородное, ну его к чёрту, твою мать*. Они употребляются преимущественно в обиходно-бытовой речи и имеют грубовато-сниженный стилистический оттенок и негативную оценочность.

*И совсем сверху, как с облака, она вдруг поняла, что уже второй день, с самого приезда рыжей Айрин, не вспомнила ни разу о гнусной гадости жизни, которую можно ещё назвать катастрофой – такой корявый чёрно-коричневый краб, который сосёт её изнутри... да **ну его к чёрту**, не так уж и интересна вся эта любовь-морковь...* (Улицкая, 2007: 19). «Неудовольствие; прочь, долой, вон (гнать, прогонять и т. п.); выражение злобы, пренебрежения к кому-либо, желания отделаться, избавиться и т. п. от кого-либо или чего-либо» [6].

Трансформация как осмысленный целенаправленный процесс, по авторской мысли, обеспечивающий более глубокое раскрытие черт описываемых явлений, свидетельствует о потенциале фразеологических единиц в современном художественном тексте, в его образной системе, весьма значителен и всегда зависит от мастерства и таланта писателя:

1. Творческая обработка фразеологизмов Л. Улицкой придаёт им новую экспрессивную окраску, ещё больше увеличивая их выразительную силу.

2. Автор чаще всего прибегает к замене словарных компонентов, нежели к другим средствам неофразеологизации. Это обусловлено основной задачей Л. Улицкой: придать тексту разговорную окрашенность, чтобы сделать повествование более реальным и близким для восприятия читателя, более непринуждённым и естественным.

3. Основные приёмы, используемые писателем: использование интертекстуальных единиц, изменение количества компонентов и структурно-семантическое преобразование фразеологизмов.

4. Наблюдаются такие явления, как импликация, экспликация, использование уточняющих определений с целью индивидуализации образа, использование имён прилагательных и глаголов с эмотивными семами, выражающими эмоциональную характеристику объекта или субъекта.

Анализ фразеологизмов с точки зрения трансформации фразеологического состава номинаций является неотъемлемой частью языковедческого изучения современной прозы, что связано с достижением художественной выразительности в описании героев, в выражении авторского отношения к тому или иному персонажу повести.

Таким образом, использование фразеологизмов в повести Л. Улицкой «Сквозная линия» отражает общие тенденции динамизации русского языка, в первую очередь, такие, как тенденция к неологизации, тенденция к экспрессивности и ориентация на устность. В них же в свою очередь проявляется следование моде, языковому вкусу эпохи (Костомаров), в основе которого лежит общее стремление к свободе выражения, к обновлению культурно-речевых образцов.

Литература

Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981.

Телия, В. Н. Семантическая структура фразеологизмов-идиом и принципы их фразеографической разработки / В. Н. Телия // Фразеологизм и его фразеографическая разработка. – Минск, 1987.

Улицкая, Л. Сквозная линия: Повесть. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.

Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987. – 543 с.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т.1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т.2. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

Summary. The article notes the peculiarities of the use of phraseological units in the light of literary discourse and individual author's style. The author considers the methods of structural and semantic transformation of phraseological units in the novel by L. Ulitskaya "The continuous line".

Голованева М. А.

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АФОРИЗМА В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ДРАМЫ КОНЦА XX ВЕКА

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
yarrow@inbox.ru

Дискурс драмы – это речемыслительный континуум, фокусирующий в себе когнитивно значимые кванты знания, формируемые «на пересечении когниции и коммуникации» (Е. С. Кубрякова), где преломляются в диалогической речи авторское и читательское художественное восприятие репрезентируемой картины мира. Русская драма конца XX века (его последних двадцати лет) есть порождение специфического дискурса, продуцируемого общественно-исторической эпохой социального слома. Специфический страт драмы данного периода – политическая драма, характеризующаяся вниманием к особым

языковым средствам. Именно они делают слово драмы «живым», обладающим способностью «отражать помыслы, намерения и мотивы говорящих», когда слово «из “опресневшей” единицы с и с т е м ы языка превращается в “живое” слово», и оно «воскрешается из мёртвых, законсервированных, отречённых от реальных предметов, утративших референтную отнесённость знаков» (Алефиренко, 2009: 18-19).

В числе таких средств – афоризм, которому принадлежит роль усилителя коммуникативно-когнитивного потенциала авторского сознания. Весьма актуальной для исследования когнитивных аспектов афоризма является дефиниция Е. Е. Иванова: «Афоризмы (афористические единицы языка и / или речи) – это высказывания, синтаксически эквивалентные предложению, выражающие вневременную и нелокализованную связь между единичными реалиями и являющиеся содержательно самодостаточными» (Иванов, 2009: 88).

В текстовом пространстве драмы конца XX века находим примеры различных *непрецедентных* афоризмов: максим, парадоксов, сентенций; а также *прецедентных* паремий, цитат-анамнезисов, цитат-коммеморат, цитат-гипсалагов, библеизмов, лозунгов, девизов.

Наиболее интересными представляются речевые фрагменты персонажей *непрецедентного* плана, демонстрирующие способность авторского сознания «идти по следам» лингвокреативного пути народа и осуществлять конструирование образцов «по схеме», следовать основополагающим принципам порождения афоризма. Так, среди афоризмов персонажей находим: Сталин. **Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов**; Ленин. **Всё можно потерять, но только не доверие народа. Доверие народа – это, если хотите, основной капитал нашей партии**; Крупская. «Новую жизнь» видел? Огромная редакционная статья: **большевизм – это угроза культуре. За статьёй Алексей Максимович стоит**; Ленин: **...Война сейчас – это полный разрыв с крестьянством. ...**; Крупская. Он (Ленин) сказал мне: **«Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги»**; Дзержинский. **...А политика – это не алгебра, всё в формулы не уляжется, иногда надо и рисковать**; Ленин. **...Не хочу, чтобы про нас когда-нибудь сказали горько и страшно: революционная фраза о революционной войне погубила русскую революцию!**; Ленин. **...Учитесь у тяжёлых, но полезных уроков революции, товарищи... учитесь, чтобы победить**; Бухарин. **Поспорили философ и банкир. Философ говорит: «Жизнь есть долг». А банкир поправляет: «Жизнь есть долги...»** (М. Шатров «Брестский мир»). Ермаков. **Если человек говорит, что он хочет, но не может, это чаще всего означает, что он может, но не хочет**; Косторезов. **Острый материал? Враньё тоже бывает острым...**; Потанин. **Слово ведущего редактора – это закон. ...**; Кременцов. **...Предела точности не знает никто...** (К. Щербаков «Перемена»).

Значительная часть афористических высказываний является единицами *прецедентными*. Когнитивные основания такого явления базируются на том, что любой художественный текст, «будучи линейным образованием, нелинейно, одновременно сопряжён с несколькими системами, образуя с ними некое синергетическое пространство: существует в тесной связи с действительностью; имплицитно и эксплицитно связан с другими текстами, образуя так называемую интертекстуальность; взаимодействует с воспринимающим сознанием читателя, которое не только осуществляет понимание его смыслового содержания, но и создаёт свой собственный воображаемый объект; в нашем сознании существует на своеобразном интерпретационном фоне, где не только разъясняются завуалированные фрагменты его содержания, но и выявляются неявные, скрытые смыслы...» (Алефиренко, 2012: 7). Именно интертекстуальные связи драматургического дискурса демонстрируют сложнейшие процессы концептуализации знания как продуцентом драматургического произведения, так и его реципиентом. Приведём текстовые примеры: Ленин. **...Нас уже сорок лет назад предупредили, что русская революция даст людям только одно право – право на бесчестье. Согласимся? Умоемся? Большевик без чести...**(цитирование романа Ф. М. Достоевского «Бесы» издания 1873 г. – СПб.) (М. Шатров «Дальше... Дальше... Дальше...»); Кудреватых (дрогнувшим голосом.) **Спасибо...Как там у Пушкина? «Не пропадёт ваш скорбный труд и дум высокое стремление...»**; Кудреватых. ... В его карманном талмудике значилась вот эта запись. (Открывает блокнот, читает.) **«Всё то..., что я говорил о дикой грубости,**

о жестокости большевиков, восходящей до садизма... – всё это и многое другое, сказанное мною о «большевизме», остаётся в полной силе» (Закрывает блокнот, смотрит в зал)...(Н. Мирошниченко «Фанатик»); **Мадо́на**. Как сказал Эйнштейн, **говорю одно, думаю другое, а делаю третье**. **Кахиани** (не стерпел. Как бы про себя.). Это, видимо, всё же сказал не Эйзен... а Эйнштейн.

Мадо́на. Как сказал великий поэт: **«Не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин в море голубом...»** (А. Чхеидзе «Морской прилив»); **Лаврентий**. **«Ужасный век, ужасные сердца!»**; **Попугай**. ...**Надеешься. Откроют дом-музей // И обнажённых девочек твоих // Развесят по стенам, чтобы навеки // Не заросла народная тропа?..**; **Попугай**. **Укололся? Покажи. Как в сказке: «А жизнь его – в конце иголки»...**; **Лаврентий**. ...**Дурачьё! // Они себе не верят! – Credo, quia// Absurdumest! – И нечего меня расстреливать глазами!...**(В. Коркия «Попугай»).

Дискурсивный потенциал паремийного фонда драматургических произведений отмеченного периода и направления также высок. Причиной, на наш взгляд, можно считать наличие у паремий событийного плана, который находится «на меже» реальной жизни лингвокультурной жизни паремии. «Событийный план как когнитивный фон и ситуация (её когнитивно-денотативное воплощение) как пропозитивная основа паремической семантики являются собой пример сложного взаимодействия, в результате которого паремии и реализуют максимум смысла посредством минимума языкового материала» (Семененко, 2011: 89). Являясь «когнитивным стимулом» (там же: 90), для осмысления дискурсивных событий, паремия становится коммуникативно-когнитивным инструментом автора в работе по формированию актуальных концептуальных образований в сознании читателя. Так, пословицы и поговорки, функционирующие в тексте политической драмы конца XX века, оптимизируют процессы смыслопорождения с обеих сторон драматургической коммуникации. В приведённых текстовых фрагментах закономерно функционируют наиболее известные паремии: **Сталин**. ...**если в доме нет собаки, надо заставить лаять кошку**. **Арманд**. ...**Владимир Ильич, вы сегодня не тот, что до Октября. Там революционер: горячка, натиск, «ввяжемся, а потом видно будет»**. **А что теперь?** (М. Шатров «Брестский мир»); **Семен**. **Лучше синицу в руках, чем журавля даже в созвездии Тельца** (В. Губарев «Чёрный шар»); **Калерия**. **Влез в хомут – умей ходить в упряжке!**; **Сирый**. **Правильно говорят грузины: «Мужчина-то голова, да только женщина – шея!»**; **Голощاپов**. **Ну, как говорят... «Гостей баснями не кормят!»...**; **Выборнов**. ...**Как ты говорила: «После бани хоть укради – да выпей?!»** (А. Мишарин «Серебряная свадьба»).

Таким образом, высокий когнитивный потенциал афоризмов различной природы в драматургическом дискурсе обусловлен их способностью собирать в себе, как в капле воды, житейскую и философскую мудрость народа и проецировать её на конкретную сюжетную ситуацию художественного произведения, порождая, посредством мыслительных параллелей, актуальные и ожидаемые концептуальные образования. Возможность автора драмы оперировать также и непрецедентным афоризмом, организованным по структурной схеме прецедентного, – это дополнительный когнитивный операциональный резерв участника драматургической коммуникации.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. «Живое слово»: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Алефиренко, Н. Ф. Текст и дискурс: учеб. пос. для магистрантов / Н. Ф. Алефиренко, М. А. Голованева, Е. Г. Озерова, И. И. Чумак-Жунь. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 232 с.

Семененко, Н. Н. Событийный план и ситуативная основа загадок и пословиц в аспекте когнитивно-прагматического описания паремической семантики // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: юбилейный сб. науч. тр. к 65-летию докт. филол. наук, проф., Заслуж. деятеля науки РФ Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 88-94.

Иванов, Е. Е. Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания / Е. Е. Иванов // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск. – 2009. – № 2 (24). – С. 88-91.

Summary. The article deals with cognitive capacity of aphorisms in the discourse of Russian drama of the 20th century. Aphorism is regarded as an amplifier of cognitive-communicative potential of the author's consciousness. Precedent and non-precedent aphoristic utterances are discussed.

Жуманбекова Н. З.
ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ
В НЕМЕЦКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Кокшетауский государственный университет
им. Ш. Уалиханова г. Кокшетау
nurkesh2009@mail.ru

В лингвистике довольно активно ведутся исследования категории образности. При этом рассматриваются различные ее аспекты: философский, психологический, антропологический, эстетический (Schemann, 2000: 11), исследования ведутся в семасиологическом (Склярская, 1993: 151) и когнитивном (Баранов, Караулов, 1991: 60-64) направлениях.

В германистике образность исследуется как лингвостилистическая, общезыковая, психолингвистическая и литературная категория. Представителем лингвостилистического направления в исследовании образности является Э. Ризель. В языковом образе она различает наглядность и образность. Образные средства (Mittel der Bildkraft и Bildlichkeit) в стилистике немецкого языка относятся к стилистическим элементам. К средствам образности, согласно Э. Ризель, относятся, в свою очередь, тропы и сравнения (Riesel, 1991: 460). Тропы включают метафору, метонимию, синекдоху, парафразу, шифр, персонификацию, синестезию, аллегория, символы, параболы, литоты, гиперболы, которые реализуются в лексических и фразеологических единицах. Выразительные возможности сравнений и тропов Э. Ризель демонстрирует на примере текстов из различных функциональных стилей.

К образным единицам немецкого языка относятся фразеологические единицы, которые составляют периферию образной идиоматики. Это «сочетания, частично идиоматичные по тому или иному признаку – лексико-семантическому, синтаксическому, морфологическому или всем вместе» (Баранов, Караулов, 1991: 63).

Предметом исследования немецких лингвистов являются образные слова и выражения, их семантика, функционирование в различных типах текста. Так, по мнению Б. Совински, образность является важнейшим стилистическим средством. В различных типах текстов она может выполнять разные функции. В деловой корреспонденции она служит уточнению существа дела и используется редко, в то время как в художественных произведениях она играет важную роль, создавая фиктивную реальность. По содержанию и форме он различает прямые и опосредованные (unmittelbare (direkte) und mittelbare) образы (Sowinski, 1999: 125-127).

Под прямыми языковыми образами Б. Совински понимает такие языковые выражения, которые представляют реально существующие или пережитые, всплывающие в памяти или выдуманные фиктивные данные и характеризует их на основе принятых наименований, например,

„An den anderen Seiten des Tales, nämlich von Mitternacht, Morgen und Abend her, sind die Berge langgestreckt und niederer, manche Felder und Wiesen steigen ziemlich hoch hinauf, und oberhalb ihrer sieht man verschiedene Waldblößen, Alpenhütten und dergleichen, bis sie an ihrem Rande mit feingezacktem Walde am Himmel hingehen...“

Опосредованные (indirekte) образы по Б. Совински – это те, которые выступают в форме семантических фигур или тропов и выражают при помощи образа другой смысл. Смысл ассоциируется или символизируется с помощью выбранного образа полностью или частично. При этом языковые выражения не прямо указывают на референта и на образный смысл, они указывают на полагаемое.

При сопоставлении определений образности можно судить о сходстве понимания данной категории. Наглядность Bildhaftigkeit Э. Ризель соответствует прямым непосредственным образам (direkte unmittelbare Bilder) Б. Совински, средства образности Mittel der Bildlichkeit Э. Ризель соответствуют опосредованным образам (mittelbare Bilder) Б. Совински.

Несмотря на то, что некоторые лингвисты видят противоречия в трактовке понятия образа во всей традиции исследования данной категории (Burger, 2003: 95), в целом доминирует единство о том, что образность выражается с помощью слов, словосочетаний, предложений и целых текстов. Образные средства языка воплощаются в лексике и фразеологии.

Образный строй языка это системно-языковое явление. Согласно структурно-семантической классификации образные средства делятся по критерию цельно- и раздельнооформленности на лексические и фразеологические. Раздельнооформленные образные выражения характеризуются мотивированностью, наличием семантической двуплановости в структуре ее значения, наличием метафорической внутренней формы. Носителями языка осознается образное значение единицы, узуальность образного представления. При этом образное значение определяется и в контексте.

Теоретическими источниками для анализа образных средств явились, кроме названных выше, работы по теории фразеологии Д. Добровольского и Э. Пирайнен (Dobrovolskij, Piirainen, 2009: 11-12), лингвофилософская интерпретация образа и образности в работе Х. Шеманн (Schemann, 2000: 207), исследование образного строя русского языка Е. А. Юриной (Юрина, 2005: 156).

Исследование категории образности, анализ образных средств языка представляет определенную общность в выводах и направлении научного поиска, что проявляется в признании системного характера образного строя языка, в изучении соотношения инвариантного и вариативного при реализации метафорических моделей в разных типах дискурса.

Объектом исследования Е. А. Юриной выступает «образный строй русского языка, понимаемый как закрепленная в узусе национально и культурно-исторически обусловленная система образов, метафорически реализованную в семантике лексических и фразеологических единиц и формирующую языковую картину мира носителей языка» (Юрина, 2005: 6).

В центре внимания Д. Добровольского и Э. Пирайнен при исследовании когнитивных и культурных аспектов фразеологии находятся идиомы. Составляющими признаками идиом являются многословность (Polylexikalitat), устойчивость (Stabilitat) и идиоматичность (Idiomatizitat) (Dobrovolskij, 2009: 6). Идиомы могут интерпретироваться на двух концептуальных уровнях: в их прямом прочтении (Lesart), в буквальном значении, которая лежит в основе их внутренней формы и на уровне лексического значения (figurative Bedeutung, lexikalisierte Bedeutung). Роль семантического «мостика» между двумя уровнями выполняет так называемый образный компонент значения (bildliche Bedeutungskomponente (image component).

“das geeignetste sprachliche Material, dessen Auswertung zu einer (Teil)-Antwort auf die Frage nach dem Verhältnis von „Bild“ und „Bedeutung“ beitragen kann, ist die Idiomatik... die lexikalisierte Metapher bzw. der Bestand an lexikalisierten metaphorischen Ausdrücken“ (Sowinski, 1999: 11).

Кроме названных выше трех признаков идиом, выделяются еще два признака, влияющих на определение степени эквивалентности фразеологизмов: их образность и экспрессивность.

Предметом исследования лингвистов являются как элементарные (образные слова и выражения), комплексные (образные поля и парадигмы) единицы образного строя языка, так и идиомы, составляющие ядро фразеологии. В данной статье образность, образная составляющая изучается на материале компаративных фразеологизмов. Также как и идиомы, устойчивые сравнения являются подходящим материалом для исследования отношений образа и значения.

Компаративные фразеологизмы (КФ) – это сочетания слов, обладающие устойчивостью, воспроизводимостью, частичной идиоматичностью. В основе семантики КФ лежит логическая формула сравнения aRb , где a – познаваемый объект (предмет сравнения), b – познанный объект (объект сравнения), R – основание сравнения (tertium comparationis) (Божеева, 2003: 117). В современном казахском языке структурно-семантическая природа сравнения такова: КФ «жан уясын көзінің қарашығындай сақтау» (буквально: свою семью как зеницу ока беречь) содержит элемент **В** [comparatum] образ сравнения «көзінің қарашығы», элемент **А** «сақтау» – [tertium comparationis] предмет сравнения, **С** [comparandum] «жан уясын» – основание сравнения. Аффикс –дей [comparator] вводит элементы **А** и **В** в компаративные отношения в качестве четвертого элемента и выполняет функцию показателя сравнения, иначе **m**. Способы оформления компаративных отношений между элементами устойчивого сравнения в казахском языке также разнообразны: аффиксы –дай/-дей, –тай/-тей, --ша/-ше, послелоги сияқты, секілді. Например, барыстай атылды, қазанша қайнады, қара бұлт

сияқты, арыстан секілді ақырды. Среди КФ казахского языка наиболее распространены трехкомпонентные структуры, не менее активны и четырехкомпонентные структуры. В своем смысловом развитии КФ движутся от конкретно-образного представления действительности, передаваемого буквальным их значением, к значению обобщенному (Огольцев, 1974: 20).

Предмет, эталон и основание сравнения представляют обобщённую схему обязательных компонентов структуры сравнения, без которой нет этой формы мышления человека и сравнения как особой единицы языка. В таком формализованном и структурированном виде: предмет сравнения – основание сравнения – эталон сравнения или aRb – эта форма мышления или тип языкового знака, языковой единицы существует во всех языках, образуя и в мыслительном, и в логическом, и в языковом отношении универсалию.

В качестве основания сравнения в двух языках выступают чаще всего глаголы, прилагательные и наречия, менее – существительные. Регулярными семантическими сферами основания сравнения в языках, выраженных глаголами, являются физические движения (*fliegen, ұшу*), статичное состояние (*sitzen, отыру*), речевая деятельность (*schreien, шыңғыру*), физическое состояние (*frieren, шаршайу*), зрительное восприятие (*glotzen, қарау*), эмоциональное состояние (*sich freuen, қуану*), процесс (*arbeiten*). Регулярными семантическими сферами основания сравнения, выраженные прилагательными и наречиями, являются признаки величины, объема, высоты, т. е. внешних данных человека (*lang, жуан*), далее признаки цвета (*schwarz, қара*), черт характера (*sanft, жуас*), физического состояния (*hungrig, ау*) физических свойств объекта (*kalt, ыстық*), умственных способностей (*dumm, ақылды*) и социальной характеристики (*arm*). Основания сравнения, выраженные именами существительными, укладываются в три семантические группы, в основном это части тела, абстрактные существительные для обозначения физических данных и для обозначения понятий из сферы мыслительной деятельности.

Эталон сравнения – это структурно необходимый компонент, элемент сравнительной конструкции и он характеризуется тем, что обладает как универсальными, так и национально-специфическими своеобразными чертами. Источниками эталонов сравнения КФ для немцев или казахов служат одинаковые или различные сферы природы и общественно-социальной, культурной жизни, разные или одинаковые системы артефактов в жизни каждого народа.

КФ характеризуют в своей сравнительной природе главным образом человека. По предмету и эталону сравнения КФ немецкого и казахского языков делятся на две категории: антропоцентрические и неантропоцентрические КФ, причём первые полностью превалируют над вторыми. Первые связаны с сравнением разных сторон и сущностей человека в аспекте его качеств, действий, состояний с разными эталонами сравнения. Так, например, умственные, мыслительные, интеллектуальные признаки присущи только человеку и поэтому предметом, темой сравнения может быть только человек, ср.: нем: *dumm wie Bohnenstroh* – Er ist in der Schule zwar *dumm wie Bohnenstroh*, aber Autofahren, das kann er gut.; *Аплатондай ақылды* – Біздің Данияр *Аплатондай ақылды*.

КФ, предметом сравнительной оценки которых является не человек, а какие-либо другие явления действительности в сопоставляемых языках также немало, ср.: нем. *wie Pilze aus der Erde/aus dem Boden/Erdboden schießen/wachsen*. – Um die Jahrhundertwende *schossen die Fabriken wie Pilze aus der Erde*.

Каз. *айдай ақиқат* (буквально: ясно как луна) – Бұл күрделі, қиын заман белгісі екені күмән тудырмайды. Бұл *айдай ақиқат*.

Внутренняя форма и языковая мотивировка фразеологического значения КФ представляют собой важные аспекты семасиологической связи фразеологического значения с внутренней формой фразеологизма.

Исследование когнитивных основ КФ осуществляется с учетом прямого буквально-го значения, лежащего в основе мотивированной внутренней формы фразеологизма. План содержания КФ состоит из двух макрокомпонентов: фигурального (лексически выраженного) значения и ментального образа. Между ними существует некая концептуальная связь, поскольку в лексическом значении закреплены определенные следы ментальных образов. Именно эти следы образов в значении КФ характеризуются как образное основание или внутренняя форма фразеологизмов. Более того образное основание или внутренняя форма фразеологизмов ведут к понятию картины мира – концепту, который может выполнять функцию «организующей идеи». Внутренняя форма может осознавать-

ся «как способ организации значения в его связи с языковой картиной мира, характерной для данного народа, и ее образами» (Телия, 1996: 24).

Примером реализации одинаковых образов служат КФ *etwas wie seinen Augapfel hüten* и *козінің қарашығындай сақтау*. Между образным основанием и содержащимся во внутренней форме КФ концептуальной мотивацией существует сходство. В обеих КФ реализуется концепт ГЛАЗА – ЭТО ЦЕННОСТЬ, при сравнении мы абстрагируемся от прямого значения и говорим о том, что ценно *беречь как зеницу ока*. В газете «Егемен Қазақстан» данная КФ используется по отношению к бережному отношению к таким ценностям как язык, культура, духовность, ср. Азат елдің азаматы өзінің тілін, этномәдениетінін, отбасылық және діни құндылықтарын *козінің қарашығындай сақтауға талпынса құба-құп*.

– Wenn die Bürger ihre Sprache, ihre Kultur, ihre Familie und ihre Seele *wie ihren Augapfel zu hüten* versuchen, ist es nur positiv einzuschätzen.

Концептуальные структуры, представляющие КФ, культурнозначимы и национально специфичны. При восприятии образного основания КФ в речи мы принимаем и дополнительную информацию, определенный концептуальный фрагмент в тексте, включающий культурно-маркированную коннотацию. Например, для обозначения внешне похожих объектов в немецком и казахском языках используются КФ:

нем. *aus einer Mücke einen Elefanten machen* (букв. из мухи делать слона);

каз. *түймедейді түйедей қылу* (букв. будто что-либо как пуговица превращать в верблюда).

При сопоставительном анализе для объективного представления значения образной КФ учитываются все названные характеристики и признаки КФ. Во-первых, это тип мотивации. Для данных примеров существенна метафорическая мотивация, суть которой состоит в существовании сходства между фигуральным значением и концептом, лежащем в основе внутренней формы КФ (Добровольский, 2009: 41). Примеры в обеих языках имеют метафорическое переосмысление прямого значения: в немецком языке соотношение мухи со слонем переносится на такое же соотношение вещей или суждений; в казахском языке переосмыслению подвергается соотношение пуговицы и верблюда. При переходе на концептуальный анализ мы наблюдаем следующее. Абстрагирование от прямого и образного значения КФ представляет нам сходные концепты КФ: МАЛЕНЬКОЕ И БОЛЬШОЕ. КФ казахского языка эквивалентно немецкому выражению. Дальнейший анализ позволяет нам раскрыть национальное своеобразие в образной составляющей данных КФ. Важным признаком символической мотивации КФ является то, что она помогает объяснить концептуально-семантические отношения между формой и значением с помощью культурно-значимых структур знаний. Тогда символом преувеличения чего-либо несущественного для немцев становится сравнение мухи со слонем, а для казахов пуговицы с верблюдом. КФ немецкого характеризуется ярко выраженной внутренней формой, образным основанием сравнения, наглядным представлением того, что кто-либо действительно превращает муху в слона. Внутренняя форма казахского КФ представляет иной образ сравнения: кто-либо превращает маленькую пуговицу в верблюда. При несовпадении образов, фразеологические значения оказываются одинаковыми, что говорит о различной концептуализации одних и тех же явлений, процессов, об отражении культурно-специфичных сфер восприятия и познания соответствующего языкового сообщества.

Литература

Баранов, А. Н., Караулов, Ю. Н. Метафора общественного диалога: война или согласие // Знание – сила. – 1991. – №10. – С. 60-64.

Божеева, З. А. О сущности сравнения: Логико-философский и лингвистический аспекты (на материале фразеологических единиц предикативного типа с семантикой сравнения в немецком языке). – Алматы: КазУМОиМЯ, 2003. – 117 с.

Огольцев, В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: Автореф. дис. докт. филол. – Ленинград, 1974.

Склярская, Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб: Наука, 1993. – 151 с.

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Юрина, Е. А. Образный строй языка. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2005. – 156 с.

Burger, Harald. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 2., überarbeitete Auflage. Erich Schmidt Verlag. 2003. – S. 95.

Dobrovolskij, Dmitrij, Piirainen, Elisabeth. Zur Theorie der Phraseologie. Kognitive und kulturelle Aspekte. – Stauffenburg Verlag, 2009. – S. 204.

Riesel, E., Schendels, E. Deutsche Stilistik. – Moskau, 1985. – 460 S.

Schemann, Hans. Idiomatik und Anthropologie. „Bild“ und „Bedeutung“ in linguistischer, sprachgenetischer und philosophischer Perspektive. Georg Olms Verlag. Hildesheim. Zurich. New York. 2000. – Band 4. – 207 S.

Sowinski, B. Stilistik: Stiltheorien und Stilanalysen. – Stuttgart: Metzler, 1999. – 280 S.

Summary. The problem of studying figurative means of the language is one of the actual problems for the modern linguistic science. The figurative style is one of the essential signs and simile. The article deals with the function of the figurative component of comparative idioms in the German and Kazakh languages.

Коренева Ю. В.

ЛИНГВОКОНЦЕПТ «СВЯТОЙ» В АГИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
И СЛОВО *СВЯТОЙ* В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет
yukor74@mail.ru

Богатейшая русская духовная культура, эксплицируясь в разнообразной духовной литературе, в трудах отцов Церкви, просиявших разными подвигами, проявляет себя и в житийном жанре. В центре житийной языковой картины мира стоит лексема «святой» как репрезентант концепта «Святой» и как базовая характеристика человека: агиография – буквально, описание святости, в отличие от агиологии, сосредоточивающей свое внимание на самом святом. «В принципе, житие святого – это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, типа его святости» (Живов, 1994: 10). Лексическое своеобразие житийного жанра обусловлено включенностью его в сферу православного религиозного сознания. «Язык есть материальное воплощение религиозного сознания, непосредственная реализация религиозного мышления в устных и письменных текстах на разных языковых уровнях» (Бугаева, 2008: 205).

Святость имеет три вектора концептуализации: святость Бога, святость человека и освященность предметов:

Святость Бога и Божественных сил

* «... а возвращаешься оттуда с обновленным духом, готовая смирить себя под всемогущую десницу Всевышнего и нести крест свой, пока угодно будет **Его святой воле**» (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 193 /прп. Иларион/).

* Погребен был преподобный отец наш Макарий с правой стороны от Введенской церкви ... предстоят они в лике преподобных отец и старцев Оптинских **пред Престолом Святой Троицы**, не оставляя обитель и нас, грешных, своими богоприятными молитвами (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 80 /прп. Макарий/).

* Старец убедил его, что нет греха, который бы не прощало человеколюбие Божие, если в нем каются, – и он на исповеди принес в нем покаяние и, получив разрешение, удостоен был причастия **Святых Таин** (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 200 /прп. Иларион/).

Освященность/святость предметов, процессов, явлений (это могут быть книги, постройки, обряды, предметы быта), данный тип святости может иметь источником как Господа, так и святого человека:

* ...его назначили начальником **«святая святых»** Оптиной – ее Скита (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 141 /прп. Антоний/).

* “Почти ежегодно посещала я **святую обитель...**” (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 193 /прп. Иларион/).

* Сей святой муж, дивный светильник земли Русской, родился в 1768 году в городе Карачеве Орловской губернии и **во святом крещении** был наречен Львом (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 35 /прп. Лев/).

* Тяготясь молвою, столь приятною для самолюбия и столь же противною смиренномудрию, старцы в 1811 году переселились в пустынный **Всехсвятский скит** [скит

во имя дня всех святых, первое воскресенье после Троицы] Валаамского монастыря (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 39 /прп. Лев/).

* Мудрость Батюшки была велика: хотя говорил он очень мало, но *слова его имели благодатную святую силу*, а потому, получив от него наставление, человек чувствовал в себе искреннее желание исполнить его (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 195 /прп. Иларион/).

* Затем Старец выпивал одну-две чашки чаю и принимался за письма или чтение **святоотеческих книг** (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 70 /прп. Макарий/).

Концепт «Святой» в агиографической концептосфере имеет статус макроконцепта и включает в свое смысловое поле различные концепты, находящиеся между собой в определенных семантических отношениях. Антропоцентрический взгляд на агиографический текст через призму когнитивистики и лингвокультурологии позволяет говорить о концептуальном поле макроконцепта агиографии «Святой» в отношении к макроконцепту «Человек». Функциональность греческих лексем, обозначающих святость, по наблюдениям митрополита Ювеналия, различна: «наиболее важной представляется группа, концентрирующаяся вокруг *ágios* и действительно эквивалентная *кодеш*. *Иерós* относится скорее к внешним проявлениям святости, а слово *óσιos* (когда речь идет о человеке) – к внутреннему благочестию» (Ювеналий, 1999: 22). Таким образом, можно говорить о функционально-семантической направленности разных греческих слов, обозначающих святость: «а) Термин «святой» в Новом Завете усваивается непосредственно Богу <...> и очень часто употребляется по отношению к Духу Божию; б) Это слово усваивается Христу <...>; в) Очень часто оно относится к христианам <...> означает «выделенный на служение и славословие Богу»; <...> производные от слова *ágios*, как-то: *ágiótis*, *ágiosíni*, *ágiasmós*, обозначают соответственно, а) качество святости, б) состояние святости и в) процесс или результат святости» (Ювеналий, 1999: 23). Можно сказать, что рассуждение иерарха РПЦ дает нам в рамках богословской науки концептуальное описание святости. Для святости в Ветхом Завете вычлняются признаки: а) *черта Бога*: «святость есть отличительная черта Бога, уже самое имя Его свято (Пс. 32, 21). Это утверждение отражается в самом языке Библии, в котором нет прилагательного «божественный», оно заменяется в качестве синонимов именами Ягве и Святой (Пс. 70, 22; Ис. 5, 24; Авв. 3, 3)» (Ювеналий, 1999: 25); б) *освященность ритуала*: «однако в книгах Ветхого Завета наблюдается различие в понимании святости в Законе и у пророков. Наибольший акцент в Законе ставится на святости ритуала, на внешнем исполнении предписаний» (Ювеналий, 1999: 26), отсюда и человек освящается через соблюдение ритуала и закона. Для Нового Завета святость мыслится иначе: а) *святость Христа*: «святость Христа иной природы, чем святость людей Ветхого Завета. Святость Христа тождественна со святостью Бога, Его Святого Отца» (Ювеналий, 1999: 27); б) *любовь как путь к святости*: «святость и любовь во Христе тождественны <...> «И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истинною» (Ин. 17,19). Вот то обетование, которое вошло в христианство как основание святости» (Ювеналий, 1999: 27); в) *святость Церкви и освящение во Христе*: «Ибо в отличие от жертвы и культа Ветхого Завета, очищающих внешне <...>, жертва Христова освящает Церковь верующих «истинною» (Ин. 17,19), подлинно освящая через «помазание от Святого» (1 Ин. 2, 20) <...> В Новом Завете, в крещении умирая и воскресая со Христом, христианин получает наследие – «семя» нового человека, которое, возрастая, призывает человека жить по Христу, а не по стихиям мира сего. Освящение во Христе происходит через восприятие в Церкви Жертвы Христовой и усвоение свойств Нового Человека, т. е. следование Христовым крестным путем – любви и смирения. <...> именуется апостол всех христиан святыми, каковым именованьем подчеркивается открывшаяся возможность для всех верующих стать реально новым творением (Галл. 6, 15)» (Ювеналий, 1999: 28). Таким образом, святость человека в новозаветной традиции есть святость идущего по пути любви и смирения. С этой позиции агиографические произведения повествуют нам о любви и смирении в жизни подвижника, рассказывают о стяжании Духа Святого, о том, как личность человека приближается на пути спасения своей души к Личности Бога. Христоцентричный антропологизм, агиоцентричность житийной концептосферы соединяет три типа святости: Бога, человека и предмета.

Святой человек в житийном произведении описывается, во-первых, с хронологических позиций:

а) до приобретения статуса святого,

б) в статусе святого до факта земной смерти, а также
в) после земной смерти – преставления – в описании чудес по молитвам к святому; во-вторых, с функциональных позиций:
а) описание физических действий подвижника (пост, молитва, послушание) и
б) внутреннее состояние (терпение, воздержание, смирение, страх Божий);
в-третьих, с позиций восприятия (перцепции) в своих глазах – всегда грешный и недостойный, а в чужом восприятии – святой старец, преподобный отец, через интерпретацию автора жития.

В нашем языковом материале (14 текстов житий преподобных Оптинских старцев) лингвоконцепт «Святой» частотен именно в антропоцентрической функциональности:

* Старец Макарий, следуя примеру **святых отцов** и древних подвижников, признавал особую важность телесного труда в деле монашеского воспитания (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 186 /прп. Иларион/)/

* Но Господь не оставил верных рабов Своих, и произведенное расследование явило всем **святость старцев** и **духовную мудрость** их. **Святые мужи** были оправданы, а диавол посрамлен (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 39 /прп. Лев/).

* Очень уж близко было его сердцу и больно горе народа. Верный он был раб Христов, свято хранил Его заповеди. И уж такой-то **святой** он был в эту минуту! (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 112 /прп. Моисей/).

* Самому же старцу Антонию было также видение, подтверждающее **святость отца** Моисея (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 123 /прп. Моисей/).

* Так Господь через нетленность мощей Своего угодника приоткрыл **сокровенный подвиг святости** его жизни (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 125 /прп. Моисей/).

Как показывает языковой материал, лингвоконцепт «Святой» наиболее устойчив в сочетаниях *святой муж*, *святой отец*, где он проявляет себя через прилагательное, в качестве субстантивата «Святой» не имеет частотной репрезентации через одноименную лексему, чаще всего проявляет себя через другие единицы (*преподобный*, *блаженный*, *старец* (в том числе с прописной буквы), *угодник Божий* и др.), которые мы расцениваем как согипонимы в ряду с гиперонимом *святой*: «**Преподобный старец** Макарий, в миру Михаил Николаевич Иванов, родился 20 ноября 1788 года...» (Преподобные Оптинские старцы, 2004: 63 /прп. Макарий/).

Сочетания *святой муж*, *святой отец*, *блаженный старец*, *преподобный старец* и пр. в структуре преподобнического жития выступают не только как устойчивые конструкции на лексико-семантическом и морфологическом уровнях, но и на уровне текста действуют как скрепы житийного повествования, развивая синонимические отношения с именем собственным. Такие конструкции лишь внешне сходны с фразеологическими единицами русского языка, включающими в свой состав лексему *святой*.

В русской фразеологии данная лексема фиксируется в небольшом количестве фразеологических единиц, среди которых *святая истина*, *святая простота!*, *святая Русь!*, *святая святых*, *свят муж: только пеленой обетереть да в рай пустить*, *свято место пусто не будет*, *святые денежки умолят*, *святим духом знать* (Михельсон, 1903: URL); + *святая братия*, *святая вода*, *святая душа*, *святая душа на костылях*, *святая искра*, *святое дело*, *святое место*, *святых вон уноси*, *святой отец* (Академик: URL); + *как Бог свят*, *святые слова*, *нет ничего святого*, *до святости* (Фразеология: URL); + *ради всего святого* (Фразеологический словарь, 1995: 479). Большинство ФЕ построены по схеме согласования с атрибутивными отношениями компонентов, причем сама лексема *святой* используется как прилагательное, функционирование лексемы *святой* как субстантивата в перечисленных ФЕ ограничено двумя примерами – *хоть святых выноси/святых вон уноси, ради всего святого*.

Семантика большинства представленных ФЕ лишь в некоторой степени сохраняет религиозную ориентацию (*святое/святые место/места*, *святой отец*), в большинстве своем мы имеем дело с утраченной религиозной семантикой (*до святости* – чрезвычайно, очень), но с сохранением высокой стилистической окраски (*святая святых*, *нет ничего святого*).

Концептуальное наполнение святости в агиографии связано с такими понятиями, которые, с одной стороны, могут быть идентифицированы как житийная лексика (жанровая, или дискурсивная, терминология), и это сфера филологического анализа, с другой

стороны, учитывая внелингвистические факторы, могут расцениваться как обозначения духовного пути и духовного делания в воспитании и спасении человеческой души, и это сфера богословского анализа. Русская фразеологическая система в этой связи демонстрирует трансформацию значения лингвоконцепта «Святой» с лингвистической точки зрения путём сужения и конкретизации значения и с точки зрения богословской и лингвокультурной обозначает путь обмирщения, утраты религиозной составляющей в концепте. Тем самым рассмотренные фразеологизмы в сопоставлении с агиографическим контекстуальным употреблением показывают не столько семантическую разницу лексем, сколько разницу в концептуализации слов и понятий, относящихся к разным сферам языкового сознания.

Литература

Бугаева, И. В. Язык православных верующих в конце XX – начале XXI века: Монография. – М.: Изд-во РГАУ – МСХА имени К. А. Тимирязева, 2008. – 240 с.

Живов, В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М.: «Гнозис», 1994. – 112 с.

Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 26.11.2012)

Портал «Фразеология». – URL: <http://www.frazeologiya.ru/fraza/svyatoy.htm> (дата обращения 26.11.2012)

Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. Изд.2-е, испр. и доп. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2004. – 512 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв./ Под ред. А. И. Федорова. – М.: Топиал, 1995. – 608 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка. «Академик» – URL: <http://phraseology.academic.ru> (дата обращения 26.11.2012)

Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский. О канонизации святых в Русской Православной Церкви. Доклад на освященном Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра 6-9 июня 1988 года // Канонизация святых в XX веке// Комиссия Священного Синода Русской Православной Церкви по канонизации святых. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1999. – С. 21-73.

Summary. This article talks about the concept “Sacred” and its lexical realization in structure of the hagiographic text. We compare semantics of a concept and semantics of phraseological units to reveal a religious component of value.

Озерова Е. Г.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СИСТЕМЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ РУССКОГО ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА*

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
ozeroval@bsu.edu.ru

Фразеологические единицы в системе интертекстуальных средств русского лирикопрозаического текста имеют сложную систему вербально-визуальных духовных и культурных связей и отношений. Такого рода интертекстуальную систему фразеологических единиц русской лирической прозы можно представить в виде кластерной модели (англ. *cluster* – скопление, группа), её познавательная-исследовательская ценность состоит в том, что она позволяет создавать с помощью выявления и интерпретации прецедентных и индивидуально-авторских концептов когнитивную по сути лингвокультурологическую модель сознания этнопа. Кластерная конфигурация интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста сфокусирована главным образом этнопом и является достоянием «собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» (Телия, 1996: 222). Такими прецедентными феноменами русской лингвокультуры в лирикопрозаических текстах обычно служат прецедентные именованные религиозных праздников и связанных с

---

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2013 гг. №14.А18.21.0993.

ними персоналий типа **Святая Троица, Великомученица Екатерина, Пророк Илья, Николай-Чудотворец**: Ср.: *Поедем мы с тобою во Мценск – Николе угоднику усердно помолимся; съездим к Николе, чтобы душу свою исцелить* (Н. С. Лесков, «Грабёж»).

Кластерная интертекстуальность фразеологических единиц в лирикопрозаическом тексте представляет собой достаточно рельефную в лингвокультурологическом плане систему, где «различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» (Лотман, 2000: 66) и репрезентируется в ценностно-смысловых регистрах религиозно-прецедентной мотивированности. Тексты русской лирической прозы насыщены интертекстуальными фразеологическими связями, отображающими тесную взаимосвязь культуры и текста и формирующими ценностно-смысловое пространство лирикопрозаического дискурса. Ср.:

Как же не возблагодарить Господа за эти светлые минуты: льётся жизнетворная вода, возносится наша молитва, наполняет нас радостной силой, духом светлым. Какое-то счастливое, отрешённое забвение, никогда не испытанное, охватывает меня. Сердце бьётся сильно и часто. Смысл великих слов доходит до меня: «Радостно друг друга обьемем». Радостно! Разгибаюсь и сквозь слёзы гляжу на тех, с кем иду на Великую! Стесняюсь слёз и наклоняюсь к источнику. Боже, как я люблю этих милых, несгибаемых старух, дай им, Господи, сил молиться за веру православную, за страну нашу российскую, дай мне, Господь, счастья снова видеть их и идти с ними, снова учиться у них мудрости и терпению.

*Но и на всяком месте, во всякое время, из глубин сердец наших возносится благодарность Господу за то, что дал нам такого заступника и молитвенника. Слава тебе, Господи! Слава тебе, **отче наш Николай!*** (В. Н. Крупин, «Великое на Великой»).

Кластерность интертекстуальных связей фразеологических единиц русской лирической прозы создаётся функционированием религиозного имени в совокупности словесных репрезентантов базовых культурно-православных концептов, как «Житие», «Молитва», «Песнопение» (акафист, кондак, тропарь), «Праздник», «Икона», «Церковь». Кластерная модель интертекстуальности фразеологических единиц лирикопрозаического текста идентифицируется прецедентным именем, образующим ядро кластера и свойственно каждому культурному концепту кластера: **Николай-Чудотворец**.

Для автора и, соответственно, для читателя кластерная модель интертекстуальности фразеологических единиц лирикопрозаического текста является средством интерпретации прецедентных образов. Она представляет собой фреймовую структуру дискурсивного поля, ядром которого выступает прецедентное имя, вокруг которого сконцентрированы соответствующие кластеры. Целью кластерного моделирования интертекстуальности фразеологических единиц лирикопрозаического текста является считывание с соответствующего текста той ценностно-смысловой информации, которая имеет общий компонент (имя собственное или имя конкретного культурно-исторического события) и характеризуется высокой степенью корреляции православных концептов внутри каждого кластера.

Базовый компонент кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста связан с культурным концептом «Житие», повествующим о жизни святого. Такой концепт содержит прецедентную ситуацию, которая, собственно, и порождает «житийный» кластер. Ср.: **Святитель Николай** родился в городе Патаре в Малой Азии и был единственным сыном.

Родители его Феофан и Нонна были из благородного рода и весьма зажиточны, что не мешало им быть благочестивыми христианами, милосердными к бедным и усердными к Богу. С детских лет он преуспевал в чтении Божественного Писания и молитве, став впоследствии священником, а затем – и епископом города Мир Ликийских.

Опыт православного благочестия свидетельствует о том, что и поныне святитель Николай предстательством своим совершает множество чудес в помощь молящимся ему, поэтому он любимейший святой русского народа.

Празднование святителю Николаю совершается 22 мая (в память перенесения его мощей из Мир Ликийских в Бар) и 19 декабря.

Интертекстуальные связи фразеологических единиц русской лирической прозы с житийными текстами объясняются тем, что, по словам патриарха Алексия II (Ридигера), на Руси жития святых всегда были излюбленным чтением, полагались в основу образова-

ния и воспитания: *...я вступил ещё в один новый для меня и дивный мир: стал жадно, без конца читать **жития святых** и мучеников...* (И. А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).

Второй компонент кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста – **Молитва** – представляет канонический словесный текст. Кластер **Молитва** является тем стимулом, который эксплицирует коммуникативно-прагматические интенции эготопа и порождает интертекстуальное высказывание. Молитва в дискурсе русского лирикопрозаического текста мотивирована речевой активностью адресанта с целью выразить какую-либо просьбу. Рассматривая коммуникативные стратегии и тактики русской речи, О. С. Иссерс приходит к выводу, что «коммуникация – это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных речевых ресурсов. Передача сообщений в процессе коммуникации может быть рассмотрена как серия решений говорящего» (Иссерс, 2003: 10). Обращённость в такой коммуникативной ситуации к святому эксплицируется соответствующим прецедентным именем в форме характерного для церковно-славянского языка звательного падежа. Ср.: *О, **всесвятый Николае**, угодниче презрядный Господень, теплый наш заступниче, и везде в скорбех скорый помощниче! Помози мне грешному и унылому в настоящем сем житии, умоли Господа Бога даровати ми оставление всех моих грехов, елико согреших от юности моя...*

Молитва в дискурсе русского лирикопрозаического текста порождает такую форму коммуникации, при которой модальный фон и эмоциональные переживания задаются как однонаправленный процесс адресантом в его вербальной коммуникативной деятельности. Коммуникативный эффект общения эксплицируется через эготоп, стоящий за текстом, отражает модально-эмоциональное состояние, ценностные ориентиры субъекта речевого общения и раскрывает смысловую и ассоциативную деятельность. Ср.: *На Троицу... **молитвы** такие особенные читаются. Чудесные **молитвы**, чувствительные; кажется, всегда бы их слушал* (Н. С. Лесков, «Очарованный странник»).

*...состояние **намоленности**, накопленное за столетия, не исчезло, не растворилось во времени и пространстве, а осталось здесь, окружает эти места, подобно **ангелу-хранителю**, поставленному от Господа при освящении престола в церкви.*

*Сколько **молитв** тут вознесено в это северное небо!* (В. Н. Крупин, «Великое на Великой»).

Третий компонент кластерной модели интертекстуальности русского лирикопрозаического текста – **Акафист** – представляет род хвалебного церковного песнопения. Важной когнитивной информацией является знание о том, что акафист исполняется молящимися стоя. Акафист состоит из одного кондака, который поётся, и из 12 кондаков и икосов (поровну), которые читаются. Таким образом, акафисты состоят из 25 отдельных песнопений – 13 кондаков и 12 икосов. Из них первый кондак и все икосы оканчиваются восклицанием «радуйся»..., а 12 кондаков припевом «аллилуия»: *Предходят сему лицу ангельстии со всяким началом и властью... лице закрывающе и вопиюще песнь **аллилуйя**...* (И.А. Бунин, «На чужой стороне»). *Высоким громким голосом она первая заводила **акафист** преподобному **Николаю Чудотворцу**. И тянулся **акафист** над размытыми дорогами, разъезженными колеями, под дождливым небом. И не бывало, и не будет у нас распевней и согласнее хора. И перепойт этот хор любые наши песни и гимны. Шёл этот крестный ход, как ходил уже свыше шести столетий* (В. Н. Крупин, «Великорецкая купель»). Характерной особенностью кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста является стремление к расширению номинативной цепочки кластера: **Кондак** – краткая песнь в похвалу святого или праздника → **Икос** – церковное песнопение, содержащее прославление святого или празднуемого события. Для понимания места и роли этих кластеров важно подчеркнуть, что икос и кондак сходны по содержанию и одинаковы по изложению. Разница между ними состоит не только в том, что кондак короче, а икос пространнее. В дискурсе лирикопрозаического текста кондак задает тему, а икос служит её развитию (см.: Полный церковно-славянский словарь, 2005). Ср.: *И когда после «великого славословия», после ектенны, **запоют кондак Успению**, одного хочется: дождаться б, когда и на будущий год за всенощной запоют Успению ...* (А. М. Ремизов, «Взвихренная Русь»).

Чередование музыкального и прозаического восприятия фразеологических единиц позволяет сформировать архитектуру повествования и обогатить лирикопрозаические тексты коннотативными регистрами.

Четвёртый компонент кластерной модели интертекстуальности русского лирико-прозаического текста – **Тропарь** – содержит церковную песнь в честь какого-нибудь праздника или святого. *Наши паломники на Святой земле почти единственные, кто одухотворяет её. <...> Но наши паломники, мы были в Галилее на Светлой седмице, всюду воспевали пасхальные молитвы. Мало того, одна из наших монахинь, матушка Иоанна, знающая, кажется, все языки планеты, пела пасхальный тропарь и на английском, и на французском* (В. Н. Крупин, «Незакатный свет»).

По типу речевого воздействия лирикопрозаического повествования тропарь содержит мажорную модальность, отражая положительные эмоции и оптимистический настрой. Ср.: *Сидя на нижней ступеньке лестницы, строгал он какую-то палочку и вполголоса напевал тропарь наступавшему празднику Казанской Богородицы* (П. И. Мельников-Печерский, «На горах»).

Пятый компонент кластерной модели интертекстуальности русского лирикопрозаического текста – **Икона** – содержит живописное изображение Бога и святых. *И всё-таки!.. Всё-таки Господь милостив: всё успеваешь – и приложиться к святым иконам, и образочки купить, и маслицем помазаться. И, выйдя из храма, отойти подалее и лечь на сухую, горячую, благоухающую цветами и травами землю. И вот эти мгновения переключают все огорчения и невзгоды* (В. Н. Крупин, «Незакатный свет»). Являясь предметом особого почитания у христиан, этот компонент кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц позволяет автору соотносить «не некоторый фрагмент живописного произведения с соответствующим объектом реальности, но целый мир изображения с реальным миром» (Успенский, 1995: 252). В дискурсе лирикопрозаического текста культурный концепт «Икона», помимо когнитивной информации, выполняет и родовую функцию, так как иконой в семейной традиции благословляли русского человека перед главными событиями в жизни. 1) *Дети здесь... благослови их... Образ коснулся моей головы, и так остался...* (И. С. Шмелёв, «Лето Господне»). 2) *Он не забыл её и после смерти – молился о ней и всегда свято хранил оставленный ему покойницею в благословение образ Николы, с которым не расставался по вере, что эта икона полна для него благодатных токов материнского благословения* (Н. С. Лесков, «Захудалый род»). 3) *Слава на это село упала с небес. Здесь, на высоком берегу Великой, явилась чудотворная икона святителя Николая. Она приносила исцеления от болезней: слепые прозревали, разбитые параличом вставали на ноги, бесплодные рожали... Быстро понеслась молва об иконе по всей Русской земле* (В. Н. Крупин, «Великое на Великой»). 4) *И все, старики и старухи, сколько их было, с пенем «Символа Веры» двинулись вброд и вплавь через реку Великую. Пошли, чтобы поклониться месту величайшего чуда – обретения иконы Святителя Николая, любимого русского святого.* (В. Н. Крупин, «Великорецкая купель»).

Шестой компонент кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста – **Церковь**. *Когда мы стоим на Красной площади в Москве и смотрим с радостью и замиранием сердца на собор Василия Блаженного, то вспоминаем, что среди его церквей есть церковь, освящённая именно во славу пресвятителя Николая* (В. Н. Крупин, «Великое на Великой»).

В лирикопрозаических текстах зафиксировано около 3 000 номинаций фразеологических единиц этого кластера, связанных с прецедентным именем Николая. Это прежде всего (а) канонические номинации – Николая-Чудотворца, Во имя святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца; (б) обиходные номинации – Никольская, Николы, Николаевская, Николы Угодника, Свято-Никольская: ... церкви **Николы на Берсеновке, триста годов ей** (И. С. Шмелёв, «Лето Господне»).

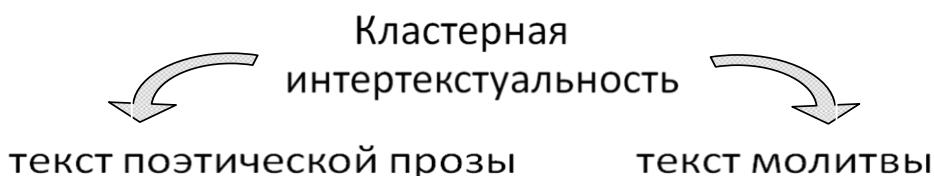
1. *Ему отзывались другие колокольни: сипло, точно простуженный архиерейский бас, вякал надтреснутый колокол у Никиты Мученика; глухим, коротким, беззвучным рыданием отвечали с Николы на Выселках, а в женском монастыре за речкой знаменитый «серебряный» колокол стонал и плакался высокой, чистой, певучей нотой* (И. А. Кушнин, «Мирное житие»). 2. *У Спаса бьют, у Николы звонят, у старого Егорья часы говорят* (Н. С. Лесков, «Зимний день»).

Седьмой компонент кластерной модели интертекстуальности русского лирикопрозаического текста – **Праздник** – в религиозном обиходе обозначающий день (или несколько дней подряд) памяти какого-нибудь религиозного события или святого: *Не успеешь и оглянуться – Николин День, только бы укатать снежком, под морозы залить*

поспеть (И. С. Шмелёв, «Лето Господне»). В деревне у него на **Николе** престольный **праздник**... Система восприятия этого культурного концепта содержит когнитивную информацию, раскрывающуюся в синтетической (от части к целому) перспективе, так как концепт-интегратив «Праздник» косвенно указывает на такие концепты, как «Житие», «Молитва», «Канон», «Песнопение», «Икона». Кластерная модель интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста характеризуется, таким образом, интегративным восприятием религиозно-культурных концептов, способствующих читательскому когнитивно-коннотативному раскодированию соответствующего кластера. Функционирование кластерной интертекстуальности фразеологических единиц создаёт жанровую уникальность русских лирикопрозаических произведений, которая показывает интегративную сущность русской лингвокультуры и эготопа через индивидуально-авторскую конфигурацию языковых единиц, обуславливающих коннотацию смыслового восприятия лирикопрозаического текста. Кластерная интертекстуальность фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста создаёт особую религиозно-синергетическую архитектуру лирикопоэтического повествования, в которой стираются грани между поэтическими и прозаическими средствами словесной живописи.

Следовательно, особенность словесно-художественного наполнения кластерной модели интертекстуального пространства фразеологических единиц лирикопрозаического текста заключается в создании такой дискурсивной ситуации, где «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом поведении – высказывании, дискурсе» (Формановская, 2000: 42), репрезентирует когнитивное и коммуникативно-прагматическое единство автора и читателя через призму религиозной мотивированности. Кластерная интертекстуальность в лирикопрозаических текстах имеет, таким образом, коннотативную природу и эксплицируется в прецедентной религиозной коммуникации.

Как видим, когнитивно-герменевтический анализ лирикопрозаического дискурса позволяет раскрыть культурно-религиозный смысл нарратива. Доминирующую роль при этом играет когнитивно-дискурсивная интерпретация, поскольку является параллельно с интертекстуальностью функционирующей категорией лирикопрозаического дискурса. В частности, такой подход выявляет способы приращения ценностно-смысловой информации. Он становится фактом понимания кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста, поскольку такая интерпретация текстов лирической прозы является ещё и средством декодирования читателем когнитивных и коммуникативно-прагматических интенций автора.

Модель кластерной интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста является открытой когнитивно-дискурсивной структурой, которая посредством приращения прецедентной цепочки тяготеет к расширению кластерной номинации: *Не заметил он, как чрез **Никольские ворота** вступили они в Кремль...* (Н. С. Лесков, «Некуда»).

Таким образом, экстралингвистическая и когнитивная информация кластерной интертекстуальности фразеологических единиц создаёт религиозно-культурное пространство текстов русской лирической прозы и является системным когнитивно-коннотативным феноменом, поскольку она:

- 1) мотивирована прецедентностью религиозного сознания;
- 2) репрезентируется культовым прецедентным именем;
- 3) эксплицирует жанровую уникальность русских лирикопрозаических текстов;
- 4) функционирует параллельно с категорией когнитивно-герменевтической интерпретации;
- 5) может быть декодирована путём актуализации в сознании автора и читателя тех лингвокультурных стереотипов, из которых формируется концептосфера соответствующего лирикопрозаического произведения.

Литература

- Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 288 с.
- Полный церковно-славянский словарь: 30000 слов / Сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. – М.: «Отчий дом», 2005. – 1120 с.
- Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
- Успенский, Б. А. Семиотика иконы // Семиотика искусства. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 252
- Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2000. – 216 с.

Summary. The article considers clustered intertextuality of the Russian poetic prose which is a system cognitive connotative phenomenon due to the several facts: it is motivated by Christian names. The nucleus of clustered intertextuality is religious name, which works in parallel with language cultural religious concepts. It is also interrelated with cognitive precedent phenomena. The meaning of cultural religious narration in poetic prose is explicated through cognitive-hermeneutic analysis.

Осадчая М. Н.

ДИСКУРСИВНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ В РЕФЛЕКСИВНЫХ КОНТЕКСТАХ (на материале творчества О. Мандельштама)

Россия, г. Старый Оскол, Центральная библиотека им. А. С. Пушкина
o_miroslava@bk.ru

Индивидуальность авторской картины мира, воплощённой в лирических текстах, позволяет выявить специфику реализации внутренней формы фразеологических единиц (ФЕ) в пространстве художественного дискурса. Особо продуктивны для подобного анализа контексты, в которых в основе референции лежит авторская рефлексия. Под рефлексией понимается не только «мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя» (БПС, 2009: 569), но и дискурсивное «отражение ситуации самоисследования» (Фрумкина, 2007: 10). Исследование художественного текста как средства образного осмысления поэтом своего места в мире показывает, что специфика дискурсивных «приращений» в значениях использованных лексических единиц и заключается «в той особой их субъективности, которая выражается в приобретаемой ими пристрастности» (Леонтьев, 2000: 103). Фразеологизмы репрезентируют коннотативные аспекты дискурсивного содержания, следовательно, объектом фразеологической номинации выступает значимый для авторской самооценки фрагмент реальности.

Лежащее в основе фразеологического значения типовое представление «присваивается конкретным носителем языка, употребляющим фразеологизм в речи и, преломляясь через систему его ценностей, через его мировоззрение, приобретает тот или иной личностный смысл» (Ковшова, 2012: 81). Соответственно, фразеологические тексты привносят в тексты лирические оценочность, опосредованную русской лингвокультурой.

Одной из ведущих семантических характеристик фразеологического текста является типизированная оценочность, авторские же модификации денотативной структуры фразеологического значения как основы выраженной коннотации раскрывают тот элемент денотативной ситуации, который актуален для реализации авторского замысла. Так в ранней поэзии внимание Мандельштама сфокусировано на мотивах одиночества. Интересна фразеологическая основа номинации собственного одиночества в стихотворении 1911 года: «Лёгкий **крест** одиноких прогулок / Я покорно опять **понесу**» (I: 66). Расширение компонентного состава фразеологизма *нести крест* определением *лёгкий* уточняет представления двадцатилетнего поэта о своём одиночестве как испытании не столь тяжком. К.Н. Дубровиной отмечено, что в библейском тексте оборот *нести крест* имеет прямое значение, поэтому она относит выражение к «постбиблейским фразеологизмам», которые «приобретают метафорическое значение за пределами Библии» (Дубровина, 2012: 44-45). Тогда уже первичный денотат ФЕ включает компонент *крест* в символическом значении, а в авторском переосмыслении фразеологизма смысл 'страдание' вытесняется

‘предопределенностью’ испытания. При этом, если в качестве прототипа фразеологического значения выступает библейский текст как общеизвестное дискурсивное событие, то в дискурсивном пространстве репрезентируется весь фрейм.

При авторских трансформациях одним из обязательных моментов является сохранение коннотативных смыслов исходной основы, поскольку образная основа фразеологического значения производна от фразеологических компонентов. Так рефлексивное осмысление собственного образа в тексте раннего стихотворения Мандельштама приобретает оценочность именно благодаря семантической конденсации фразеологического смысла:

«От легкой жизни мы сошли с ума:

С утра вино, а вечером похмелье.

*Как удержать **напрасное веселье,***

*Румянец твой, о нежная **чума?**» (I: 96).*

Если фразеологизм *сходить с ума* с амбивалентной оценочностью – и ‘совершать неразумные поступки’, и ‘сильно увлекаться’ (БФС, 2012: 653) – использован как стереотип, то аллюзивная отсылка к фразеологизму *пир во время чумы* становится основой для развертывания стихотворного текста. Трансформация фразеологического значения ‘бездумное времяпровождение во время общественного бедствия’ (Федорова, 2011: 368) выявляет значимость авторской оценки периода дружбы Мандельштама с поэтом Георгием Ивановым. Спустя десять лет у Мандельштама об этом же периоде «*юношеского стихописания*» появятся ироничные строки в прозе: «*маменькины сынки охотно рядились в поэтов со всеми аксессуарами этой профессии: табачным дымом, красным вином, поздними возвращениями, рассеянной жизнью*» (II: 336). При сопоставлении этих текстов выявляется роль фразеологии в оценке богемной «деятельности»: поэтический текст обладает внутренним драматизмом именно благодаря прочитываемому фразеологизму, семантика которого репрезентирует предвещание трагедии и объясняет смысл последующей строки «*мы **смерти** ждём, как сказочно-го волка*» (I: 96). Преобразование стереотипных выражений сигнализирует о важности для автора личностного смысла: фразеологическая же номинация «*маменькины сынки*» не переосмыслена и как клишированная насмешка не индуцирует дополнительных смыслов в подтексте.

Использование ФЕ как экспрессивно-оценочного средства углубляет конкретное представление о номинируемой ситуации. В стихотворении 1914 года Мандельштам переосмысливает свою роль в поэтической жизни столицы, подчёркивая внешние детали своего облика:

В подняты головы крылатый

Намёк – но мешковат сюртук;

В закрыты глаз, в покое рук –

*Тайник движений **непочатый**» (I: 98).*

Буквальный смысл ‘нетронутого’, пока ещё не реализованного таланта присутствует в основном лексическом значении слова *непочатый*, а положительная коннотация ‘изобильности’ актуализируется именно фразеологической номинацией: в семантике ФЕ, как правило, преобладает коннотативное содержание. Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, если «лексическое значение слова отражает отдельный объект денотативной ситуации, то значение фраземы – всю денотативную ситуацию» (Алефиренко, 2008: 107). Как раз значение фразеологизма *непочатый край* (чего-либо) – ‘изобильно, нетронутые запасы’ (БФС, 2012: 419) и добавляет в данном контексте самоуверенную оценку автором собственного поэтического потенциала, создавая качественно и количественно положительную коннотацию.

Хотя «представление личностного смысла в конвенциональных языковых единицах составляет суть художественного текста» (Пищальникова, 1992: 42), необходимо учитывать, что художественный дискурс ориентирован на определённую эстетизацию изображаемой реальности. И тогда появление «библейских» фразеологизмов в тексте может быть обусловлено их стилистической окраской. Например, в тексте программной статьи «Слово и культура» (1921) встречается контаминация двух фразеологизмов, изначально связанных между собой единым евангельским сюжетом. «*Не требуйте от поэзии сугубой вещности, конкретности, материальности. Это тот же революционный голод. Сомнение **Фомы**. К чему обязательно **осязать перстами?**» (I: 215). Библейского происхождения оборот *вложить персты в язвы* представляет собой слова, которые ‘принадлежат Фоме не верящему’ (Розенталь, 1997: 47). Мандельштам реализует аллюзию на тот же фразеологизм в стихотворении «Грифельная ода» (через полтора года), где осмысливается роль поэзии в общекультурном контексте:*

*«И я хочу вложить персты
В кремнистый путь из старой песни,
Как в язву, заключая в стык*

Кремень с водой, с подковой перстень» (II: 47). Ядром исходного фразеологического значения выступает концепт «Недоверие». Смысловая противоположность контекстов не меняет значений ФЕ: в приведённых текстах фразеологические аллюзии репрезентируют ту же фреймовую структуру – «Желание развеять сомнения». Референтная ситуация включает рефлексивное представление о себе как Поэте. Вообще, свойственное русскому лирическому дискурсу «положительное аксиологическое восприятие поэзии» обусловило ту особенность, что многие характеристики «Поэзии» «перенесены в поэтический дискурс из дискурса религиозного» (Чумак-Жунь, 2009: 128). И в дискурс Мандельштама фразеологическая стилистика привносит некоторую сакрализацию поэтической деятельности.

Интересные примеры имплицитной авторской рефлексии встречаются в тех текстах, где внутренняя диалогичность просматривается на ином текстовом уровне – на столкновении в одном контексте авторского смысла, личностно обусловленного, с культурно-обусловленными образами исходного фразеологического текста. Так, примечательно одно из самых хвалебных в адрес властей стихотворений, где лирический герой, открыто прославляющий имена Ленина и Сталина, *«разбудив вражеской тьмы угол»*, описывает свое будущее:

*«И в легион братских очей сжатый,
Я упаду тяжестью всей жатвы,*

Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы» (III: 118). Одним из фразеологических символов множественности является выражение *имя им легион* библейского происхождения, аллюзивная отсылка к которому присутствует в тексте этого стихотворения. Однако, обобщенно-множественное значение в евангельской притче «первоначально относилось именно к нечистой силе» (Мокиенко, 2007: 254), тем самым в поэтическом тексте проявляется и зафиксированное во фразеологизме указание на исключительную множественность нечистой силы. В данном контексте перспективная форма рефлексии имплицитно оценивает авторское «Я» как жертву именно благодаря фразеологической символической структуре. При этом смысловой диссонанс создается сочетанием с лексемой *братский*: контрастность смысловых позиций создаёт внутренний диалог. А. В. Россохин в исследовании рефлексии опирается на анализ участков текста с актуализирующимся внутренним диалогом, одним из индикаторов которого считает «наличие противоположных смысловых позиций» в рефлексивном контексте (Россохин, 2009: 19). Эту противоположность и позволяет вскрыть значение лексемы *легион*, обретаемое ею в составе фразеологизма.

В пространстве художественных текстов наблюдаются «дискурсивно обусловленные видоизменения содержания и формы ФЕ, отражающие динамику коррелирующих с ними когнитивных структур» ЯЧЧ (Мелерович, 2012: 41). Субъективно выделяемые аспекты значения ФЕ преломляются, если соотносятся с жизненной ситуацией, что обеспечивает представление в дискурсе личностно обусловленного авторского рефлексивного осмысления. У Мандельштама в отклонённом варианте набросков к прозе «Возвращение в Армению» трансформирован известный фразеологизм: *«В январе мне стукнуло 40 лет. Я вступил в возраст **ребра и беса**»* (III: 378). Интересно, что компонент *седина* исходного выражения *седина в бороду (в голову), а бес (черт) в ребро* (Федорова, 2011: 463) не использован, хотя *седина* традиционно ассоциируется с возрастом и мудростью. Примечательно отсутствие этого же компонента и в другом произведении Мандельштама, созданном в течение того же 1931 года:

И Фауста бес, сухой и моложавый –

Вновь старику кидается в ребро (III: 60). Смыслообразующей основой исходного текста является объяснение поведения человека вмешательством нечистой силы, поскольку «главная задача бесов – завладеть душой честного человека, подчинить его своей воле и заставить совершать нечестные поступки» (Бирих А., 2007: 49). В поэтическом фрагменте злой дух обретает «прецедентное» имя – *«Фауста бес»*, тем самым Мандельштам несколько «окультуривает» нечистую силу, дистанцируясь от общенародной фразеологической основы, «приближая» денотативную основу к литературно обработанным образам. Тем самым авторская оценка собственного образа приобретает уникальные смыслы, вариации которых базируются на фразеологическом тексте.

Выявленное соотношение узуального и окказионального в прочтении автором лирического текста исходного фразеологического смысла, обусловлено тем, что индивидуальность структур представления знаний отдельного человека заключается «не столько в их исключительности и неповторимости, сколько в индивидуальном характере количественного и содержательного показателей уровня усвоения коллективного знания, плюс его индивидуальная оценка и интерпретация» (Болдырев, 2006: 9). Субъективная же оценка при этом реализуется в авторской номинативной избирательности, в модификации компонентного состава ФЕ. Таким образом, использование в художественном дискурсе фразеологических номинаций обусловлено в числе прочих факторов и представлением объектов в ценностно-оценочном ракурсе, способствующем ретрансляции субъективной значимости репрезентируемых смыслов.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
- Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // ВКЛ 2006. № 2. – С. 5–22.
- Дубровина, К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре / К. Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 264 с.
- Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии / М. Л. Ковшова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
- Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. А. Соколовой. – М.: «Смысл», 2000. 511 с.
- Мелерович, А. М. О динамике когнитивных структур, вербализуемых индивидуально-авторскими употреблением фразеологических единиц // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Материалы научно-практической конференции / Под ред. А. М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова. – С. 39–42.
- Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 464 с.
- Пищальникова, В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1992. – 31 с.
- Росохин, А. В. Психология рефлексии изменённых состояний сознания: автореф. дис. ... докт. псих. наук: 19.00.01 / А. В. Росохин. – М., 2009. – 41 с.
- Фрумкина, Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 320 с.
- Чумак-Жунь, И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков / И. И. Чумак-Жунь. – Белгород: Издательство БелГУ, 2009. – 244 с.

Список источников и их условные сокращения

- Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений в 4 томах / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – Т.1. – 386 с. (I)
- Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений в 4 томах / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – Т.2. – 704 с. (II)
- Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений в 4 томах / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. – Т.3. – 528 с. (III)

Список словарей и их условные сокращения

- Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. – М.: Астрель: Хранитель, 2007. – 926 с.
- Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 811 с. (БПС)
- Большой фразеологический словарь русского языка / Сост. Л. В. Антонова. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2012. – 928 с. (БФС)
- Розенталь, Д. Э. Фразеологический словарь русского языка / Д. Э. Розенталь, В. В. Краснянский. – М.: ООО «Изд-во Оникс», 2008. – 416 с.
- Федорова, Т. Л. Фразеологический словарь русского языка / Т. Л. Федорова. – М.: «Лад-Ком», 2011. – 608 с.

Summary. A discursive approach of studying of phraseological units allows to describe author's transformations of phraseological semantics as one of the way to represent cognitive structure. Individual semantic additions demonstrate discursive potential of phraseological units for reflexive evaluations.

Плотникова Л. И., Киреева Ю. Н.
СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕМ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ В. ТОКАРЕВОЙ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
plotnikova@bsu.edu.ru

Фразеологические единицы (ФЕ), закрепленные в народной памяти, украшают речь, создают необычные образы и ситуации. В художественных произведениях ФЕ являются ценным источником сведений о культуре и менталитете народа. Писатели в поисках оригинальных средств выражения своих мыслей стремятся расширить экспрессивные возможности фразеологизмов, поэтому они все чаще предлагают читателю видоизмененные варианты ФЕ. Творческая обработка ФЕ придает тексту индивидуальность и новизну. Целенаправленное изменение ФЕ указывает на наличие у писателя не только накопленного языкового опыта, но и на желание использовать этот опыт в своих произведениях. В отличие от варьирования, в результате трансформации образуется фразеологизм, значение которого было уточнено, дополнено, расширено, противопоставлено языковому. Как отмечает Н. М. Шанский, «в стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» (Шанский, 1985: 149).

Объектом исследования данной статьи являются видоизмененные ФЕ, зафиксированные в рассказах и повестях В. Токаревой. В результате анализа трансформированных ФЕ, полученных методом сплошной выборки из художественных текстов, можно сделать следующие выводы.

ФЕ начинает испытывать влияние уже в момент своего помещения в контекст. В зависимости от окружения, компоненты, входящие в состав фраземы, могут приобретать разные смыслы. В текстовом пространстве В. Токаревой демонстрируются возможности ФЕ вступать в отношения синонимии и антонимии, например: *Андрей знал, что Светлану невозможно обмануть, **объехать на хромо́й козе, обвести вокруг пальца**. < > Умеет отличить друга от врага. Умеет **принять удар на себя, держать удар** (Птица счастья), *Они замерли и напряглись, как рыбаки, **поймавшие на крючок большую рыбу***. < > *Стас и Марк переглянулись. Рыба могла **уйти с крючка*** (Одна из многих). Остановимся на особенностях употребления тех фразем, которые специально подвергались каким-либо видоизменениям со стороны автора.*

Для усиления функционально-стилистической значимости чаще всего видоизменения претерпевают фразеологические единства, выражения и сочетания, так как именно эти типы оборотов семантически менее спаяны, нежели фразеологические сращения. Анализ трансформированных ФЕ показал высокую активность данных единиц и разнообразие способов их преобразования. Можно говорить о том, что большинство видоизмененных фразеологических оборотов стилистически снижены, они имеют разговорную окраску.

При видоизменении фразеологизмов автор может затрагивать как план выражения, так и план их содержания ФЕ. Учитывая данное положение, основные способы трансформации условно можно разделить на семантические и структурно-семантические. К семантическим видоизменениям относим те, которые не затрагивают традиционную, зафиксированную в словарях форму ФЕ, но благодаря наличию определенного контекста вносят дополнительные смыслы (актуализация лексического и фразеологического значений, использование одного из компонентов ФЕ в прямом значении). К структурно-семантическим трансформациям относим те, которые влияют не только на значение фразеологизма, но и на его структуру наряду со смысловыми преобразованиями (расширение компонентного состава ФЕ, замена компонента (-ов), контаминация).

Самым распространенным приемом видоизменения ФЕ в текстах В. Токаревой является семантическая трансформация, основанная на языковой игре с лексическим и фразеологическим значениями. Как утверждает В. М. Мокиенко, «актуальность противопоставления прямого и переносного планов во фразеологии служит одним из самых мощных источников экспрессивности» (Мокиенко, 1980: 26). Данный прием рассчитан на образованного читателя, который способен оценить предлагаемую автором языковую игру, например: *Иначе я **плюнула бы себе в душу**, что **неудобно физически*** (Казино). Во многих случаях автор прибегает к распространению, уточнению именно лексического

значения определенного компонента ФЕ. В речи героев В. Токаревой отмечается данный способ трансформации фразеологизмов, ср. *Тогда там удивляются и спрашивают: «А куда же ты смотрела?»*. Героиня, научный сотрудник лаборатории отвечает буквально на поставленный вопрос: *Известно куда. В микроскоп* (Звезда в тумане). Структурных изменений в устойчивых выражениях в данном случае не происходит, ФЕ обновляются только на уровне семантики.

При двойной актуализации фразеологический оборот может быть употреблен и как фразеологическое, и как свободное сочетание слов, например: *Траншею зарыли. По ней много воды утекло. Сейчас – другая жизнь* (Банкетный зал); *Ее руки – холодные, потому что в связи с внутренним кровотечением у нее нарушилось давление, и она в прямом смысле отдавала концы, холодея именно с концов – рук и ног* (Ничего особенного). В последнем примере автор намеренно отмечает буквальное употребление ФЕ (в прямом смысле), указывает на признак, послуживший основой для такого употребления (холодные руки, холодея).

При семантических трансформациях В. Токарева использует возможности полисемии глаголов, например: *Да, она найдет время и сделает все, чтобы поставить себя на ноги. Она умеет ходить и умеет дойти до конца* (Перелом). Употребление измененных выражений должно основываться на чувстве языка, речевом вкусе.

Среди структурно-семантических трансформаций в качестве основного способа видоизменения ФЕ в текстах необходимо выделить расширение компонентного состава, что помогает автору приспособить ФЕ к речевой ситуации, например: *соломенная вдова на пенсии* (На черта нам чужие); *В один из дней Алена решила – не идти больше на поводу у двенадцатилетних людей, а взять их в ежовые рукавицы. Взять и держать.* (Тайна земли); *Трофимов шел в ногу со временем, иногда спорил со временем, а иногда забегал вперед, что является приметой гения* (Не сотвори).

При структурном изменении происходит и семантическое расширение ФЕ (уточнение признака предмета, действия, образ действия и т. д.), конкретизация значения ФЕ в соответствии с содержанием произведения, усиление экспрессии. Возможно включение имени собственного вместо обобщенного субъекта действия или обладателя чего-либо, например: *Он вытащил счастливый билет. Билет назывался Катя* (Стрелец); *Еще пятки не успели остыть, имея в виду пятки Валика* (Между небом и землей). В выражении *без вины виноватые* отсутствует указание на количество субъектов, но в рассказе «Ехал Грека» непростая ситуация в жизни героя и его маленького сына передается с численной (два) и качественной (большой и маленький) конкретизацией: *два без вины виноватых мужика – большой и маленький*. Иногда последующее распространение приводит к гиперболизации, ср.: *Она должна быть уверена, что так будет и завтра, и через год. До гробовой доски и после гроба* (Старая собака).

Представляется интересным тот факт, что одна и та же фразема может распространяться различными однородными членами, ср.: *Казалось, им нравится такая жизнь: ни кола, ни двора, ни прошлого. Одно настоящее* (Система собак); *Ни кола ни двора, ни денег, ни любви* (Дерево на крыше). В. Токарева насыщает контекст ФЕ с общими значениями («отсутствие чего-либо»), ср.: *А Лобода – из Харькова, ни прописки, ни кола ни двора, ни кожи ни рожки, один гонор* (Террор любовью). При насыщении фразеологического контекста также усиливается экспрессивный компонент значения ФЕ.

В результате анализа установлено, что в отдельных случаях может происходить замена компонентов ФЕ, например, *Клин вышибают клином. Любовь вышибают другой любовью* (Перелом); *Она вернулась обратно. Ее муж Гарик остался дома со своей мамой. Все разошлись по своим мамам.* (Террор любовью). В данном случае замена одного из компонентов происходит без созвучия с компонентом в исходной структуре.

В некоторых случаях В. Токарева использует ФЕ для образца при создании аналогичных фразеологизмов по структурно-семантической модели. Происходит замена компонентов-соматизмов. Так, ФЕ *плечо к плечу* в тексте предшествует свободное словосочетание *локоть к локтю* (ср.: наличие ФЕ *нос к носу, лицом к лицу*): *Он и Другая сидят сейчас в кино, в том же самом кинотеатре, локоть к локтю. Плечо к плечу* (Тайна земли).

Крайне редко В. Токарева прибегает к искажениям ФЕ, обусловленным ограниченностью знаний героя произведения, например: *Дура, по самые пятки. Дюк не разобрал: дура по пятки или влюбилась по пятки* (Ни сыну, ни жене, не брату). В данном случае происходит непреднамеренная контаминация двух фразем.

Формально-грамматические изменения не выходят за рамки языковой нормы, т. е. являются узуальными, их наличие объясняется стремлением автора актуализировать внутреннюю форму фразеологизма и повысить его экспрессивный потенциал. К ним относятся грамматические изменения всего фразеологизма или отдельных его компонентов. Употребляя ФЕ в конкретных ситуациях, автор заменяет устоявшиеся грамматические формы, например: *Очень красивый. Глаз не оторвать. Романова и не отрывала* (Сентиментальное путешествие). В. Токарева объясняет читателю значение ФЕ в контексте (*очень красивый*), после чего использует глагол с изменением вида и формы.

Значительно реже в текстах В. Токаревой встречается экспликация формы ФЕ, то есть раскрытие в контексте исходного образного представления, ситуации, явившихся базой образования ФЕ: *И вот тогда-то Миша не сможет укунить свой локоть, который тем не менее будет очень близок* (Где ничто не положено); *Маргарита Полуднева стояла как кость в горле. Ни проглотить, ни выплюнуть. Он вдруг понял, что задохнется, если не увидит ее* (Ничего особенного).

Еще одним способом окказиональной фразеологической деривации является образование ФЕ по аналогии. Такие фразеологизмы более ярко и выразительно называют то, что когда-то в языке уже получило свое наименование применительно к данной ситуации или событию. При образовании ФЕ В. Токарева использует словообразовательные средства языка. Так, по существующей модели *трудиться как пчелка* В. Токарева создает ФЕ с глаголами *жуужжать* и *жалить*, лексему *пчелка* заменяет непроизводным словом *пчела*, см.: *Тетя Тося трудилась как пчелка и жуужжала и жалила как пчела* (Террор любовью). Контраст в данном случае возникает по той причине, что В. Токарева, используя однокоренные слова и сходную структуру, дает персонажу как положительную, так и отрицательную характеристику.

Проведённый анализ позволяет заключить, что В.Токарева активно преобразует фразеологические обороты в целях обновления образности и воплощения художественного замысла. Автор стремится дать более точную оценку новым ситуациям, внести добавочные значения. Трансформированная ФЕ становится средством выражения авторской индивидуальности, вносит разнообразие в художественный текст, позволяет представить, как картина мира пропущена через индивидуальное сознание автора. Благодаря семантическим и структурно-семантическим видоизменениям ФЕ реализуется творческий потенциал писателя, усиливается языковое воздействие на читателя.

Литература

Мокиенко, В. М. Многозначность слова и этимология фразеологизмов // Проблемы фразеологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Тула, 1980.

Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

Summary. The article describes the ways how the phraseological units are transformed in the literary discourse of V. Tokareva. The idea that transformed phraseological units are means of author's individuality of the writer is explicated.

Плужникова Д. М.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ЛИРИКЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ¹

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
dageeva24@rambler.ru

В последние годы усилился исследовательский интерес к фразеологизмам, содержащим в своём составе имена существительные с исходным значением наименований частей тела человека или животного (Бердникова, 2000; Занковец, 2007; Смирнова, 2011;

---

¹ Проект выполнен в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2013 г. (проект 6.8195.2013).

Чой Юн Хи, 2001 и др.), что связано с давним и устойчивым интересом к этой группе лексики. Рассматривая фразеологизмы эстонского языка, имеющие в составе слова – названия частей человеческого тела, обозначенные автором как соматические, Ф. Вакк делает вывод, что они являются одним из древнейших пластов фразеологического состава эстонского языка. Понятие «соматический фразеологизм» применительно к материалу русского языка употребляет, в частности, Э. М. Мордкович в своей статье «Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов». Не вызывает сомнений, что причиной постоянного внимания исследователей к соматизмам является мысль о том, что «процесс осознания себя среди окружающей действительности и определение себя как личности человек начал из ощущений, возникающих непосредственно через органы чувств и части собственного тела» (Смирнова, 2011: 204).

Поэтизация соматизмов – излюбленный художественный приём Беллы Ахмадулиной. Способы их включения в текст различны: оригинальные метафоры, изысканные перифразы, диминутивные формы, архаизмы, партонимы и др. Соматическим фразеологизмам (именно фразеологизмам!) уделено сравнительно небольшое место в общем строе «соматической лексики» поэтессы, однако приёмы их использования в лирике Б. Ахмадулиной достаточно разнообразны и интересны. Заметим, что термин «фразеологизм» вслед за известными учеными мы понимаем достаточно широко, включая в этот пласт собственно идиомы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, тем более что всё, что «больше слова» создает для поэта особые трудности включения в поэтический текст, и исследовать, как эти трудности преодолеваются и какой выигрыш в экспрессии приносит поэтическая фразеология, в том числе паремиология, весьма заманчиво.

Поэтесса с уважением относится к фразеологическому фонду языка и многие формы использует в их узуальном значении, т. е. включение фразеологизма в поэтический текст отнюдь не означает обязательную его трансформацию. Приведём соответствующие примеры: *Мой врач ещё меня не уличил, / но зря ему я голову морочу, ведь всё, что он лелеял и лечил, / я разом обожгу иль обморозу* («Озноб»); *Смотрите, глаз не отрывая! / Трамвай – по лугу? Вздор какой! / Наверно, слышит звон трамвая / художник, спящий в мастерской?* («Зеленый луг»). Однако уникальное словесное окружение соматического фразеологизма насыщает его новыми красками. *Его жильцов разнообразных, / которым не было числа, / подвыпивших, поскольку праздник, / я близко к сердцу приняла* («Дом»); *Сведенные враждой, плечом к плечу / стояли мы.* («Приключение в антикварном магазине»).

Вместе с тем Белла Ахмадулина талантливо использует разнообразные приёмы трансформации. Обратимся к примерам. Фразеологизм *в мгновение ока* во всех случаях встречается с усечением предлога *в*. При этом семантика словосочетания сохраняется: *Мгновенье ока – вдохновенье губ – / в сей миг проник наш недалёкий гений* («Свет и туман»); *Глаз дня прикрыт – мгновенье ока: тьма – / и снова зряч* («Грядя камней»).

Помимо редукции компонентов фразеологизма в поэтических текстах О. И. Ревуцкий и С. Б. Кураш отмечают различные способы соединения двух и более разных фразеологизмов в едином контексте (Ревуцкий, 2001: 276). *Мгновенье сомкнутого ока / мою зеницу бережет* («Я – лишь горы моей подножье...»). В этих строках угадывается контаминация фразеологизмов *в мгновение ока* и *бережь (хранить) как зеницу ока*. Основанием для их объединения служит созвучие и общность опорного компонента – ОКО.

Весьма распространённый приём трансформации фразеологизма – одновременная реализация в словосочетании его фразеологического и нефразеологического значения, т. е. его семантики как свободного словосочетания. «При этом свободное значение получает соответствующую контекстуальную поддержку» (Ревуцкий, 2001: 277): *бурелома добытчица рубит сплеча* («Постоялец вникает в реестр проявлений...»). Значение фразеологизма (1. 'действовать, поступать прямолинейно, необдуманно'; 2. 'быть резким в суждениях, говорить прямо, не считаясь ни с кем и ни с чем') меняется в контексте со словосочетанием *добытчица бурелома*. В результате фразеологизм получает новое, подчас ироническое переосмысление: *Под гильотину ледяной струи / с плеч голова покорно полетела. / О умывальник, как люты твои / чудовища – вода и полотенце* («Воскресный день»).

Поэтессой используется также приём заимствования формы фразеологизма при наполнении её иным, нефразеологическим содержанием. *Здесь поворот – но здесь не разглядеть / от Паршина к Тарусе поворота. / Стоит в глазах и простоят весь день /*

все-белизны сплошная поволока («Ревность пространства. 9 марта»). Значение 'мысленно представляться буквальным' переходит из разряда воображаемого в реально существующее, конкретное, ощущаемое, в результате чего фразеологизм получает новое, неожиданное осмысление при сохранении основной направленности образных ассоциаций.

Фразеологизмам с соматическим компонентом ЛОБ отводится особое место (примерно 20% от общего числа соматических фразеологизмов). В большинстве зафиксированных случаев ЛОБ сочетается с именем существительным ПЯДЬ, старинной мерой длины. Узнаваемая поговорка *семи пядей во лбу* в текстах Б. Ахмадулиной реализуется различными способами. Например, значение фразеологизма 'об очень умном, мудром человеке' усиливается приставкой *над-* со значением превосходства (сверх чего-нибудь): *Строй горла ярко наг и выдан пульсом пеня / и высоко над ним – лба над-седьмая пядь* («Ларец и ключ»). Гиперболизирует экспрессию графическое выделение приставки дефисом и конкретизация локальности *высоко над ним*, которую можно трактовать двояко: и как «место расположения» лба по отношению к горлу, и как интеллектуальное превосходство.

Значение преобладания может достигаться путем замены компонентов фразеологизма: имени числительного *семь* на *девять*. Число *семь* является знаковым, сакральным для русской культуры, что находит подтверждение в большом количестве устойчивых выражений: *семеро по лавкам, на семи ветрах, семь смертных грехов, ругаться в семь этажей, седьмая вода на киселе, до седьмого пота, на седьмом небе, семимильными шагами, семь потов сошло, семь пятниц на неделе, за семью замками, книга за семью печатями* и др. У Б. Ахмадулиной читаем: *Лбом в девять пядей помнить девять дэвов!* («Памяти Симона Чиковани»). Семь пядей – образ интеллектуального могущества – заменяется числом девять – символом полноты и совершенства.

В творчестве поэтессы в ряде случаев можно отметить дистантное расположение частей фразеологизма, сопряжённое с инверсией: *Заблудший недоученик, / я, самодельно и вслепую, / во лбу желала учинить / пядь сведумную седьмую* («19 октября 1996 года»).

Интересным представляется пример трансформации фразеологизма *мороз по коже*. Лексема КОЖА заменяется соматизмами ЛОБ и ЛОПАТКИ: *Какой мороз во лбу! Какой в лопатках ужас!* («Взойти на сцену»). Значение страха, испуга вербализуется именем существительным *ужас*. Любопытно, что в отличие от исходной формы фразеологизма, это воздействие (*мороз*) не внешнее – *по коже*, а внутреннее – *во лбу, в лопатках*, «что подчёркивает степень проявления чувства» (Бердникова, 2000: 32).

Независимо от авторских преобразований фразеологизма, в поэзии Б. Ахмадулиной ЛОБ становится образом-символом ума, мудрости и интеллектуального превосходства: *Меж нами сходство есть, соитье розных родин. / Лишь глянет кто-нибудь, желая угодить, / в какой из них рождён наш многосуций ордер, – / разгадке не нужна во лбу седьмая пядь* («Портрет, пейзаж и интерьер»).

Можно заключить, что фразеологизмы с компонентом-соматизмом обладают яркой экспрессивностью и образностью. Структурные и семантические способы их трансформации в контексте лирического произведения подчиняются авторскому замыслу, расширяя привычное значение, способствуя увеличению информативной ёмкости образного контекста, углубляя ассоциативную мощь слова. Это подтверждается богатыми приёмами индивидуально-авторского преобразования фразеологизмов в поэтическом творчестве Беллы Ахмадулиной.

Литература

Ахмадулина, Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе / Б. А. Ахмадулина. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. – 856 с.

Бердникова, Т. А. О структуре и семантике фразеологических единиц с компонентом-соматизмом (на материале архангельских говоров) / Т. А. Бердникова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 28-34.

Занковец, А. А. Влияние различных лингвистических факторов на фразеологическую активность соматизмов русского и белорусского языков / А. А. Занковец // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика. – Минск: Изд-во БГУ, 2007. – № 2. – С. 70-75.

Ревуцкий, О. И. Индивидуально-авторское преобразование фразеологизмов в современной русской поэзии как способ формирования образного контекста / О. И. Ревуцкий, С. Б. Кураш //

Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Матер. Междунар. науч. конф. – Гомель: Изд-во ГГУ, 2001. – С. 276-280.

Смирнова, Т. А. Фразеологическая картина мира русского и украинского языков (на материале соматических фразеологизмов) / Т. А. Смирнова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – Симферополь: Изд-во ТНУ, 2011. – Том 24 (63). – № 2. – Часть 1. – С. 203-208.

Чой, Юн Хи Проблемы сопоставления внутренней формы фразеологизмов (на примере соматических фразеологических единиц, образованных на основе слова «глаз» в русском и корейском языках) / Чой Юн Хи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 16. – С. 37-49.

Summary. The article deals with the basic techniques of author's individual conversion of idioms which include somatism as a component in the poetry of Bella Akhmadulina.

Стручалина Г. В., Чумак-Жунь И. И.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ¹

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
chumak@bsu.edu.ru

Фразеологизмы в современной лингвистике рассматриваются как с позиций традиционной лингвистической парадигмы, так и с актуальных сегодня когнитивных позиций, на которые мы ориентируемся в работе.

Зарождаясь и развиваясь, человеческий язык служил целям передачи максимально полной информации об окружающей действительности от одного индивида другому. При этом трансляция информации должна была удовлетворять таким требованиям, как краткость, емкость и доступность. Емко передать словами бесконечно сложную и многомерную действительность (т. е. осуществить компрессию и декомпрессию информации) позволил древнейший механизм сравнения, выражения неизвестного через известное, механизм метафоры (когнитивной в первую очередь, по цели своего применения).

Замещающие какую-либо ситуацию лексические единицы осознаются собеседниками как «точные» или «неточные» эквиваленты предмета или явления. В первом случае в лингвистике говорят о внутренней форме (обычно имея в виду сферу номинации), во втором – о поэтической метафоре (и более широко – о тропах, образной речи). Это разделение представляется нам весьма условным и служащим, в первую очередь, определённым задачам структурирования. Так как любые жёсткие границы, даже проведённые с самыми благими целями упорядочения, в определённый момент начинают ограничивать познание, мы (в экспериментальном режиме и кратковременно) снимем противопоставление «обычной» и «поэтической» речи.

Передать ситуацию можно и одним словом (в момент опасности, например), но очевидно, что сфера применения таких лексических единиц ограничена. Невозможно и постоянно производить новые слова для всех возможных коммуникативных ситуаций. Экономно обходиться с языковыми ресурсами позволяет удачное в коммуникативном плане сочетание, которое повторяется и закрепляется в коллективном сознании до такой степени автоматизма, что употребляется бессознательно как единственный уместный вариант лексической сочетаемости. Обрастая культурными ассоциациями, это сочетание нескольких слов на определённом этапе срастается настолько, что может быть использовано как номинация для другой ситуации, другого явления, т. е. как фразеологизм. Поясним нашу мысль на примере.

Колокол – древнее слово, имеющее по оценкам лингвистов-этимологов несколько вариантов происхождения. Можно предположить, что все эти варианты сосуществуют в этимологических словарях до сих пор, так как каждый из них содержит убедительную мотивацию внутренней формы. В соответствии со словарем М. Р. Фасмера: «кóлоколукр. кóлокіл, род.п. кóлоколу, цслав. клаколь, полаб. kluoküöl – то же. Праслав. *kolkolъ, веро-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

ятно, родственно лит. *kaĩkalas* (из *kalkalas), далее др.-инд. *kalakalas* "беспорядочные крики, шум", греч. *καλέω* 'зову', лат. *calāre* 'созывать, восклицать', греч. *κέλαδος* 'шум', д.-в.-н. *hellan* 'звучать'; см. Бернекер 1, 547; Сольмсен, РВВ 27, 364 и сл.; Эндзелин, СБЭ 196; Мейе–Эрну 156 и сл. С другой стороны, носовой согласный лит. слова соответствует др.-инд. *kaĩkaṇas*, -am 'обруч, кольцообразное украшение', *kaĩkaṇī* – то же, а также лит. *kaĩklys*, *kaĩkle's* 'гусли', *kaĩklaĩ*; см. Гуйер, LF 35, 220 и сл.; Мейе, Ёт. 229. Русск. *колокол* 'головной убор странника' (в былинах), возм., сблизилось с этим словом только в результате народн. этимологии и продолжает ср.-греч. *κουκούλλι(ov)*; ср. Фасмер, Сб. Потанину 45 и сл. Ср. также шляпка земли греческой» (М. Фасмер).

Очевидно, что слово возникло в древнюю эпоху (древнейшим найденным колоколам несколько тысяч лет) и заимствовалось, фонетически изменялось в каждой местности, где приживался этот сигнальный инструмент. Возможно, что заимствованное название в каждой местности переживало этап адаптации, перехода в «народную этимологию», объяснявшую происхождение звукоподражанием или метафорической номинацией по одному из признаков (звучание, призыв, круглая форма и т. д.).

В русской культуре колокол имеет сакральное значение, находящееся на границе христианского и языческого миропредставлений. Части колокола имеют номинацию, тождественную номинации органов живых существ, в том числе и человека: *плечи, уши, язык*.

Колокола издавна проходили обряд инициации – освящения и наречения именем («Сысой», «Красный», «Лебедь», «Медведь» и др.). В средние века на Руси колокол мог подвергнуться наказанию, применяемому к преступникам: публичной порке, вырыванию языка, отрубанию уха, ссылке. Именно так поступил с колоколом Углича, возвестившим о смерти царевича Димитрия, Борис Годунов. Возвратить колокол из тобольской ссылки жителям города удалось лишь в конце XIX века.

Традиционно для обозначения действий, объектом которых становятся колокола, используются глаголы *звонить*, *бить* и *лить* (мы не рассматриваем глаголы типа *купить*, *продать*, *услышать*, *увидеть* и т. п., поскольку они не содержат в себе косвенной информации о предмете, а лишь указывают на действие, связанное с ним). *Лить* отражает центральный этап многоступенчатого процесса изготовления колоколов: перемещение раскалённого до жидкого состояния сплава в готовую форму.

Звонить по своему происхождению относится к звукоподражательным глаголам, и в прямом своём значении ('производить ясный звук') сочетается с ограниченным рядом существительных. *Звонить* и *звенеть* могут предметы из металла, керамики, стекла, но не дерева или, например, пластика. Заметим, что первый глагол в качестве смысловой доминанты имеет значение 'использовать определённый сигнал для коммуникации', а второй глагол (*звенеть*) сообщает о признаке ряда предметов, изделий из металла, фарфора, глины, стекла, хрусталя, которые потенциально могут издавать характерный звук, и этот их признак проявляется в конкретной ситуации, описываемой говорящим (ср. *прозвенел звонок; от подземных толчков в домах звенели посуда, люстры, стёкла в окнах; но: он позвонил мне*). Глагол *звонить* подразумевает присутствие в тексте или контексте субъекта, сообщающего новость или, обобщая, некую информацию. Глагол *звенеть* подразумевает наличие объекта, издающего звон. Обобщая наши наблюдения, можно сказать, что глаголы, имеющие древний корень, разошлись в более поздний период своего существования и стали обозначать разные жизненные ситуации, благодаря сочетанию с разными частями речи и семантическими группами слов. Такая устойчивая сочетаемость, не всегда осознаваемая носителями языка, тем не менее, содержит латентный уровень информации о материале, из которого создан тот или иной предмет, а в случае с колоколом – о материале в его родовом значении, как единственно пригодном для изготовления таких инструментов, а также о субъектно-объектных отношениях, которые могут быть классифицированы как типовые модели отношений. И здесь, нам думается, можно говорить не о языковой картине мира конкретно русского народа, а о панязыковой картине мира, в которой существует множество вариантов отражения в языке некоторого количества отношений и связей между предметами и явлениями, и это количество ограничивается мышлением современного человека.

Глагол *бить*, т. е. 'наносить сильные и резкие удары', обладает отрицательной коннотацией и сочетается со словом *колокол* в случае, если говорящий подчёркивает, что приходилось прикладывать усилия для извлечения звука из колокола, но чаще в переносном значении: 'сообщать о тревожной ситуации' (войне, пожаре, стихийном бедствии,

беспорядках и т. п.). Бой в колокола, в отличие от праздничного *трезвона* или похоронного *перебора*, на Руси применялся в моменты опасности; нередко на колокольню забирался не профессиональный звонарь, владевший мастерством и символикой звонов, а простой горожанин или селянин, оказавшийся в критическую минуту поблизости.

Ограниченный ряд глаголов, сочетающихся со словом *колокол*, сформировал устойчивые выражения, которые стали употребляться в переносном значении: *(раз)звонить во все колокола* – разглашать, широко уведомлять общественность, повсюду обсуждать какую-либо новость; *бить во все колокола* – обращать всеобщее внимание на какую-либо опасность, поднимать тревогу.

Заметим, что местоимение *все* определяет в данных выражениях их переносное значение и служит грамматическим признаком «сросшейся» конструкции, выражения *бить в колокола* и *звонить в колокола*, в строгом смысле, не являются фразеологизмами и могут использоваться в роли таковых лишь в том случае, когда говорящий сознательно *сокращает* выражение, приводит его не полностью. Косвенным показателем неделимой структуры и переносного значения является также и множественная форма имени существительного (ср.: *звонить во все колокола* – *звонить в колокол* – по ком *звонит колокол*). С точки зрения стилистики, местоимение *все* здесь является инструментом гиперболизации образа.

Фразеологизм *(раз)звонить во все колокола* соотносится с понятием *новости*, фразеологизм *бить во все колокола* – с понятием *опасности*. Определяющим дифференциацию в данном случае является глагол, адресующий нас к определённой исторической ситуации, связанной с колоколом (см. выше). Для человека, не знакомого с историей, не обладающего запасом ассоциаций в этой области, например, для маленького ребёнка, фразеологизмы различимы через ряд ассоциаций, связанных с глаголами: *звонить* – дверной звонок сообщает о госте, звонок телефона – о новостях; в любом случае, это что-то новое, интересное, явление, к которому привлекается внимание. Слово *бить* связано с причинением боли, насилия, ощущением страха, тревоги, это слово с негативной окраской.

Таким образом, мы наблюдаем формы существования когнитивной метафоры, которая способствует переходу одних языковых единиц в другие: фонемы группируются в звукоподражательные лексемы (лексемы-корни, как например, в современных изолирующих языках); лексемы-корни на определённом этапе и при определённых условиях, заложенных в строе языка, могут трансформироваться в лексемы с развитой структурой (суффиксами, префиксами, флексиями, в изолирующих языках – в лексемы со служебными словами и устойчивые сочетания лексем). Частотные сочетания лексем порождают в некоторых случаях появления фразеологизмов, переносящих всю накопленную семантическую информацию прежних уровней, и уже ощущаемую носителями языка как латентную, а не явную, в новый контекст, в новую ситуацию. В этой ситуации фразеологизм также может в семантическом отношении функционировать как лексема, средство номинации определённой ситуации (а не конкретного предмета, действия, признака, состояния). Следовательно, когнитивная метафора является не только способом познания мира и передачи информации о нём, инструментом словообразования, но и «вечным двигателем» языковых процессов и эволюции.

Литература

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I – XV – 896 с.

Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Виктория плюс». 2004 Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/колокол/правописание/>

Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387-415. Режим доступа: <http://www.irs.ru/~alshev/lakoff.htm>

Фасмер, М. Р. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964–1973. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/колокол/правописание/>

Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ, 2008. Режим доступа: <http://phraseology.academic.ru>

Summary. The article is dedicated to the problem of conceptual metaphor (cognitive metaphor) and demonstrates its role in the process of evolution of the word: from the onomatopoeia to the idiom.

Чумак-Жунь И. И., Попкова Д. А.
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. С. ВЫСОЦКОГО¹

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
dashuni444ka@mail.ru
Chumak@bsu.edu.ru

Учеными не раз отмечалось, что язык в поэтическом пространстве – это не просто уровневая структура, не просто «оболочка содержания». Как писал М. М. Бахтин в работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», «поэзия технически использует лингвистический язык совершенно особым образом: язык нужен поэзии весь, всесторонне и во всех своих моментах, ни к одному нюансу лингвистического слова не остается равнодушной поэзия» (Бахтин, 1986: 45). По мнению Бахтина, в рамках поэтического текста лингвистическое слово наделяется особым эстетическим содержанием и становится словом поэтическим. Таким образом, чтобы понять механизм функционирования и влияния поэтического слова на читателя, невозможно анализировать его только в рамках «чистой лингвистики». Междисциплинарное изучение слова в XX-XXI веках приобрело заслуженное признание, что позволяет воспользоваться данными таких наук, как культурология, социология, история и выйти на более широкий круг исследовательского материала. Поэтический текст, обладая всеми перечисленными выше характеристиками, также может рассматриваться нами более широко – в нашей работе мы обращаемся к исследованию поэтического дискурса. В понимании дискурса мы следуем за Н. Д. Арутюновой, которая определяет это многокомпонентное понятие как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (Арутюнова, 1990: 136). Другими словами, дискурс – это языковая единица высшего уровня, обладающая структурной, функциональной спецификой, и это, как отметил Ю. С. Степанов, «новая черта в облике Языка, каким он предстал перед нами к концу XX века» (Степанов, 1996: 71).

Мы обратились к анализу особенностей функционирования поэтического дискурса В. С. Высоцкого, в большой степени сформированного определенными социополитическими условиями 1960-1970х годов. Творчество этого поэта (при всей его популярности) не было признано официально, что создавало большие помехи для осуществления успешной поэтической коммуникации. Официальный канал связи с читателем – издание сборников, публикации в СМИ – был для В. С. Высоцкого под запретом. Однако произведения поэта всё же доходили для современного ему читателя через магнитофонные записи (так называемый *магнитиздат*). В. С. Высоцкий стремился выразить свою мысль, но тотально охраняющая идеологию цензура не пропускала её, облеченную в поэтическую форму, к публикации, столь важной для любого поэта. Так поэтический дискурс В. С. Высоцкого становится оппозиционным дискурсу власти. Эта оппозиционность заставляет поэта идти на некоторые хитрости, прятать идею в поэтическом тексте за слоем тонких намеков. Как отмечает биограф поэта В. И. Новиков, «сложности с «прохождением» песен Высоцкого были обусловлены прежде всего остротой социального подтекста. Если даже «егеря» не могли этот подтекст расшифровать, все равно на всякий случай огораживали Высоцкого от читателя красными флажками. Дескать, черт его знает, у него невиннейшие вещи приобретают какой-то сомнительный смысл: будь то утренняя гимнастика, или прыжки в длину, или все эти жирафы и мангусты... И верно, что подтекст не только социальный, но и философский» (Новиков, 2010: 229).

Одной из черт творчества В. С. Высоцкого является разработка игровой поэтики, определяющим свойством которой является установление «целенаправленных игровых взаимоотношений с читателем» (Рахимкулова, 333). Игровая стилистика, которая являет-

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

ся важной частью игровой поэтики, по мнению Л. Ф. Рахимкуловой, направлена на активизацию читателя как участника коммуникативного процесса: «языковая игра в игровом тексте призвана вовлечь читателя в его творческое изучение» (Рахимкулова, 2001: 334). С другой стороны, игровая стилистика нередко отвлекает внимание дискурса власти от затронутых автором проблем.

Мы остановимся на особенностях употребления фразеологизмов, которые являются частым объектом языковой игры в поэзии В. С. Высоцкого.

Во-первых, фразеологизм может играть различную роль в развитии внутритекстовой ситуации произведения:

1. Фразеологизм играет текстообразующую роль: всё произведение разворачивается из одного фразеологизма и является, в каком-то смысле, его иллюстрацией. (Мосты сгорели, углубились броды; Неужто здесь сошелся клином свет; Отпустите мне грехи, и другие).

2. Фразеологизм выполняет вспомогательную функцию – тонко раскрывает проблему или иллюстрирует пример (Баллада о любви: *Они уже согласны **заплатить**: // Любой ценой – и жизнью бы рискнули, – //Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить // Волшебную невидимую нить, Которую меж ними протянули. Банька по-белому: Протопи ты мне баньку по-белому, // Я от белого свету отвык, // Угорю я – и мне, угорелому, // Пар горячий **развяжет язык**.*)

Стоит заметить, что узуальные фразеологизмы в целом активно эксплуатируются в поэтической речи В. С. Высоцкого. Самый простой случай употребления идиомы в поэтическом тексте, так же, как и в разговорной речи, – случай, когда фразеологизм выступает в прямом значении, то есть в фиксированном соотношении семантической структуры и лексико-семантического состава. В подобных случаях его использование нередко определяется спецификой идиостиля писателя и особенностью внутритекстовой ситуации. Библейский фразеологизм *спасти душу (свою)*, который в Кратком словаре библейских фразеологизмов Л. Г. Кочедыкова, Л. В. Жильцовой определяется как «*спастись (духовно)*» (КСБФ, электронный ресурс) существует в русском (и не только в русском) языке в свободном профессиональном варианте *Спасите наши души (морской призыв о помощи)*, и его использование типично для поэзии В. Высоцкого: **Спасите наши души!** Мы бредим от душья. **Спасите наши души**, Спешите к нам! *Услышьте нас на суше – Наши SOS все глуше, глуше, И ужас режет души напополам!*

Кроме того, фразеологизмы в текстах могут подвергаться структурно-семантическим преобразованиям. Мы выделяем несколько механизмов такого преобразования, которые, в свою очередь, нередко сочетаются в пространстве одного произведения.

1. Фразеологическое сочетание трансформируется за счет замены, усечения или добавления компонентов, что, с одной стороны, придает произведению иронический или юмористический оттенок, а, с другой стороны, позволяет завуалировать социально-политический подтекст.

2. Автор актуализирует внутреннюю форму фразеологизма, используя каждый компонент сочетания в его прямом лексическом значении.

Нередко в текстах В. С. Высоцкого сочетаются все эти случаи. Рассмотрим два стихотворения разной стилистики, написанные в разное время, в которых фразеологизмы играют текстообразующую роль. Это стихотворения «Я был душой дурного общества...» (1962) и «Дурацкий сон» (1971).

Замечательным примером, когда в одном стихотворении сочетаются все эти случаи, является раннее стихотворение В. С. Высоцкого «Я был душой дурного общества...».

1. Фразеологизм, на основе которого построено все стихотворение – *быть душой общества*:

Я был душой дурного общества,
*И я могу сказать тебе,
Мою фамилию, имя, отчество
Прекрасно знали в КГБ.*

Фразеологическое сочетание синтаксически осложнено определением *дурного*, смысл которого раскрывается в тексте через использование грубо-просторечной и жаргонной лексики: *гражданин начальник, скокари* (жарг.) – квартирные грабители, *щипачи* (жарг.) – воры-карманники, *сгореть* (жарг.) – быть арестованным. То есть контекстуальное значение прилагательного *дурной* в данном случае – блатной, воровской. Следует

особенно отметить, что конфликт лирического героя с властью эксплицитно выражается фразой *Мою фамилию-имя-отчество Прекрасно знали в КГБ* (напомним, что по отношению к жителям советского государства деятельность КГБ заключалась в борьбе с инакомыслием и антисоветской деятельностью). Весь сюжет стихотворения иллюстрирует читателю опасности и перипетии жизни героя, который был душой дурного общества:

*Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел,-
Но кто-то там однажды скурвился, ссучился -
Шепнул, навел – и я сгорел.*

Быть душой общества, согласно фразеологическим словарям, значит «быть главным собеседником в обществе, уметь занять и оживить его», но через прием добавления описанного выше компонента значение трансформируется, и фразеологизм становится характеристикой «неблагонадежного элемента», каким выступает в тексте лирический герой. Финал стихотворения, что традиционно для творчества В. С. Высоцкого, имеет социально-психологический подтекст:

*С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект,-
**Зачем же быть душой общества,
Когда души в нем вовсе нет!***

Здесь автор использует прием актуализации внутреннего значения лексем, входящих в состав фразеологизмов. Существительное *общество* употребляется уже в прямом значении – по мнению В. С. Высоцкого, общество потеряло самые важные для своего развития и гармоничного существования качества – сострадание, честность, доброту.

В стихотворении используются еще несколько фразеологизмов, которые также ярко характеризуют личность лирического героя и его отношение к описываемым событиям и к собеседникам из МУРа: **«Не брал я на душу покойников // И не испытывал судьбу, // И я, начальник, спал покойненько, // И весь ваш МУР видал в гробу!»**. Фразеологическое сочетание *брат на душу грех* (Поступать неправильно, совершать предосудительный поступок) трансформируется за счет замены компонента *грех* на соответствующее «криминальной окраске» произведения существительное *покойники*. Такое изменение структуры оправдано общей стилистикой текста, ведь лексема *покойники* вписывается в лексико-семантический ряд слов, имеющих отношение к юридической сфере: *адвокат, дело, прокурор, приговор* и другие. Презрение и ненависть героя к «прокурорской среде» ярко выражено через фразеологизм *видал в гробу*. Грубо-просторечная окраска этого фразеологизма в контексте предложения противопоставляется наречию с уменьшительно-ласкательным суффиксом *покойненько*, которое характеризует героя. Такая лексическая оппозиция вносит иронический оттенок и в то же время косвенно выражает осуждение дискурса власти в целом через негативное отношение к правоохранительной среде.

Таким образом, в одном рассмотренном тексте сочетаются несколько приемов обыгрывания фразеологических единиц. В поэтическом дискурсе В. С. Высоцкого они выполняют разнообразные функции – задают тон повествования, подчеркивают социальную проблематику, характеризуют личность лирического героя. Дискурс власти, в осуждении которого советское общество выступало как самое благоприятное для личности, самое заботливое к гражданам, самое гармоничное (вспомним лозунги *Советское – значит отличное, Жить стало лучше, жить стало веселее и др.*), не мог положительно оценить выдвинутое В. С. Высоцким обвинение в бездушии. Отсюда упомянутая во вступлении к нашей статье оппозиция дискурсов.

Совсем по-другому, без малейшей примеси уголовной романтики, звучит стихотворение «Дурацкий сон», написанное через 10 лет после стихотворения «Я был душой дурного общества». На первый взгляд, между ними нет ничего общего: «Дурацкий сон» – философское размышление поэта о чести и предательстве. Трансформированный фразеологизм ***сон в руку***, представленный в виде вопросительного предложения с частицей ***ли*** (***Сон в руку ли?***) задает импульс этим размышлениям, при этом во фразеологизме актуализируется его внутренняя форма: *сон* (как некая материальная субстанция) оказывается *в руке* у лирического героя:

*И сон повис на потолке
И распластался.*

Сон в руку ли? И вот в руке

Вопрос остался.

Я вымыл руки – он в спине

Холодной дрожью.

Что было правдою во сне,

Что было ложью?

Фразеологизм **сон в руку** имеет значение вещего, правдивого сна, который обязательно сбудется. Ответ на вопрос-фразеологизм герой мучительно ищет в своей душе – если **сон**, в котором он совершает подлость и предательство, **в руку**, то он способен и на подлость, и на предательство. Этот ответ сформулирован в последней строфе, и расшифровкой к нему служит другой фразеологизм – **петь в унисон** (действовать, делать что-нибудь с кем – согласованно, согласно). Самым страшным – тем, что приравнивается к предательству и к трусости, герой считает способность **петь в унисон**, то есть согласованно с другими, «согласными».

Но скажут мне: «**Пой в унисон!**

Жми что есть духу!»

И я пойму: **вот это сон,**

Который в руку.

Наглядным подтверждением именно этого понимания фразеологизма служат черновые варианты, в которых прямо выражается отношение к **пению в унисон**: 1. *Когда пою я в унисон, Не зол, не грустен, Бывает стыдно, как за сон, В котором струсил. (Черновик)* 2. *Когда спою я в унисон, Бодр и не грустен, Мне будет стыдно... (Поздняя рук.)* 3. *И пели бодро, в унисон, И было стыдно, как за сон, В котором струсил (Ковтун, Электронный ресурс).*

Оказывается, что в проанализированных стихотворениях, несмотря на сюжетные и стилистические различия, доминирует одна общая мысль – лирический герой **не хочет быть душой** современного ему **общества, не поет с ним в унисон**, так как ему ненавистны ложь, лицемерие и предательство, которые в нем (в обществе) доминируют. Таким образом, фразеологизмы, как и практически любое лингвистическое средство в поэзии В. С. Высоцкого, прямо или косвенно выражают главный конфликт творчества – конфликт дискурса власти и дискурса поэзии.

Литература

Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 688 с.

Бахтин, М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 26-90.

Новиков, В. И. Высоцкий. Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1248. – 6-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 512 с.

Ковтун, В. «Дурацкий сон» В. С. Высоцкий. – Режим доступа: <http://otblesk.com/vysotsky/durats.htm>

Краткий словарь библейских фразеологизмов Л. Г. Кочедыкова, Л. В. Жильцовой. – Режим доступа: <http://www.bible-center.ru/dict/phrases>

Рахимкулова, Г. Ф. Структурная организация набоковского метатекста в свете теории игровой поэтики // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докладов международной научной конференции (Москва, 4–7 апреля 2001) / Российская академия наук. Ин-т рус. яз.им. В.В. Виноградова; Ред.-сост.: В. П. Григорьев, Н. А. Фадеева. – М.: «Азбуковник», 2001. – 608 с.

Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М.: РАН, 1996. – 432 с.

Summary. The special attention in the article is paid to the use of phraseological units which are frequent object of language game in V. S. Vysotsky's poetry. The role of phraseological units in development of an intra text situation of the poetic text, and also their structural-semantic changes which directly or indirectly express the main conflict of creativity – the conflict of a discourse of the power and a poetry discourse is considered.

Хриптулова Т. Н.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Н.И. ТРЯПКИНА

Россия, г. Смоленск, Тверской государственный университет
khriptulovatat@rambler.ru

Фразеологические единицы в системе языка занимают особое место, так как играют важную роль в трансляции национально-культурного самосознания народа. С народными выражениями связаны различные сведения, характеризующие культуру, традиции, особенности мировоззрения носителей языка, поскольку фразеологические единицы прежде всего фиксируют коллективный опыт людей.

Семантика фразеологизма, как и слова, не сводится к одной лишь понятийной части, а содержит непонятный остаток, в который входят в том числе значения слов, его составляющих, что влечет за собой целый комплекс информации. Поэтому можно утверждать, что фразеологические единицы обладают богатым ассоциативно-культурным фоном, под которым понимается вся сопутствующая информация, не входящая в непосредственное содержание языковой единицы (Максимчук, 2002).

В русской литературе использование фразеологизмов в поэтических и прозаических текстах имеет сложившуюся традицию: в прозаических текстах чаще всего используются как образное средство раскрытия внутреннего облика персонажа, характеристики его речевой манеры (А. Пушкина, А. Чехов, Н. Гоголь, М. Горький), в поэтических – привлекаются для усиления выразительности, заостренности мысли, отражения культурно-национального мировидения поэта, его миропонимания, осознаваемого в контексте культурных традиций (А. Кольцов, Н. Клюев, С. Есенин, М. Исаковский, А. Твардовский). И в этом смысле творчество Н.И. Тряпкина, поэта второй половины XX века не было исключением. Было проанализировано около 450 стихотворений, написанных поэтом в 40-80 гг. годы. В текстах выявлено порядка 60 фразеологических единиц, различных по своему происхождению: греческие (1), библейские (4), фразеологические обороты исконно русского характера (пословицы, поговорки, крылатые слова - 56).

Проанализировав первые две группы можно заметить, что поэт, обновляя семантику фразеологизмов, обращается к первоначальному значению входящих в них слов. Автор как бы возвращается к свободному употреблению слов, образовавших устойчивое сочетание, и обыгрывает их обычное лексическое значение. В результате происходит двуплановое осмысление фразеологизма. В стихотворении «Послание старому приятелю» опубликованном в 1976 году, есть такие строки:

*Парнасские высоты
Забросил ты, мой друг,
И стал не санюлотом,
А доктором наук.*

В данном случае сочетание «парнасские высоты» тесно перекликается с выражением «парнасские музы, Парнас как совокупность поэтов» (Ашукин, 1996: 302): поэт обращается к «старому приятелю», который выбрал вместо лиры педагогическую деятельность.

В стихотворении «И снова лед очистил воды...» (1957) поэт рассуждает о земле, о любви, о человеке:

*Пребуди в дарах весны и мира,
Живи и славься, человек,
И не создай себе кумира
И ни теперь и ни вовек!*

Обращение к одной из заповедей Моисея (Исход, 20, 4) подчеркивает глубокий философский смысл стихотворения.

Первая строка стихотворения «Лукавый змий! И ты вкушаешь сдобники...» отсылает к выражению «змий-искуситель», библейскому мифу об Адаме и Еве (Бытие, 3) (Ашукин, 1996: 151). Поэтические строки «Заблудшего сына верните опять» (стихотворение «Мелодия высотных пустынь», 1961) и «Родитель блудный возвращается» (стихотворение «Завивалась пыль из-под крыла...», 1968) восходят к евангельской притче

о блудном сыне (Лука, 15, 11-32), к выражению «блудный сын», обозначающему человека нравственно нестойкого, но раскаявшегося в своих заблуждениях (Ашукин, 1996: 35). В стихотворении «Завивалась пыль из-под крыла...» Тряпкин, используя прием разрушения образного значения фразеологизма (возвращения не блудного сына, а родителя), затрагивает лексико-грамматическую структуру исходного текста, его внешняя форма сохраняется, но смысл трактуется по-новому:

*Ах, давно все было...Так давно!
Даже сердцу трудно вспоминается...
И не к сыну ль прямо на гумно
Днесь родитель блудный возвращается?*

Ярким отражением быта русского народа, его системы ценностей являются фразеологические единицы – пословицы и поговорки, относящиеся к разряду фразеологических выражений – устойчивых в своем составе и употреблении фразеологических оборотов, «которые являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободным значением» (Шанский, 1986: 62).

Образность и экспрессивность, лаконизм и “нагая простота”, богатейший, глубинный смысл пословиц и поговорок издавна привлекали Н.И. Тряпкина. Он превосходно знал и любил этот жанр народного творчества. В 1977 году он написал стихотворение, которое посвятил крупнейшему знатоку русского фольклора, собирателю и исследователю русских пословиц и поговорок В.И. Далю.

*Где-то там, в полночном свеченье,
Над Землей, промерцавшей на миг,
Поднимается древним виденьем
Необъятный, как небо, старик.*

*И над грохотом рек многоводных
Исполнская держит рука
Хатулице понятий народных
И державный кошель языка.*

Сам поэт так писал о своем восприятии народного творчества: «Никаким фольклором я специально не занимался. Распевный склад моих стихотворений является результатом моего крестьянского происхождения» (Тряпкин, 1983: 8) (лирический герой Тряпкина – от земли, от сохи, от крестьянского корня).

В разные периоды творчества пословицы и поговорки использовались Тряпкиным по-разному: от включения фольклорных реминисценций, отражающих повседневную сложность жизни крестьянства, до создания стихотворений по типу русских пословиц и поговорок. Найти примеры изречений, оставленных Тряпкиным без изменения, не просто, многие в той или иной мере трансформировались, подверглись индивидуально-авторской переделке и переосмыслению.

Пословицы и поговорки встречаются на протяжении всего творчества Тряпкина, целиком вырастающем на почве той действительности, которую он наблюдал с детских лет. Природа, жизнь колхозной деревни, ее будни и заботы, простые и веселые сельские праздники, мечты крестьянских девушек и парней – все находило в стихотворениях поэта прямое и незамысловатое выражение. И в этой связи поэт осваивает широкий круг народных выражений с целью передачи общепринятых понятий в жизни и быту людей (любовь, покорность, жадность и др.), трансформация которых разнородна. Здесь могут быть выделены следующие типы:

1. Введение в текст пословицы/поговорки без изменения: «выть волком» – «Волком взвоят!» («Из древней книги»), «дыму без огня не бывает» – «Дыма нету без огня...» («Песня»), «обдирать как липку» – «Как липку обдерут» (« А на земле мазурики...»)

2. Образно-семантическое расширение или переосмысление фольклорного первоисточника: «согнуть в бараний рог» – «В бараний рог уже свело!..» («У тебя глаза – как в небе сокол...»), «звезд с неба не хватать» – «Звезд они с неба вовек не срывали» («Песню пою...»), «лезть на рожон» – «К черту на рожон! («Черная печорская тайга...»), «сводить в могилу» – «Мужей в могилу загнала...» («У тебя глаза – как в небе сокол...», «сидеть, сложа руки» – «Сложа лапки не сидят» (« Вяжут свежие метелки...»)

3. Художественная детализация содержания текста: «Бить челом» – «В пояс бью челом (« Все лужки, да ямки родничковые...»», «семь пятниц на неделе» – «Десять пятниц на неделе» («Стихи о наших детках»).

4. Перевод пословицы или поговорки в иной семантический план при замене одного из ее компонентов: «Из мухи делать слона» – «Из мухи выдуть слона» («Результаты»).

Отмеченные особенности, характерные для ряда текстов, могут совмещаться, как бы накладываться друг на друга.

В 1968 году Тряпкин создает стихотворение «*Доброе дело крепко...*» по типу русских пословиц и поговорок. Выбор жанра раскрывает желание автора в решении вечных вопросов человеческого бытия опираться на единство духовной культуры нации с житейской народной мудростью, крестьянской философией.

*Доброе дело крепко,
Доброе дело – навек.
Добрым горбом не кайся,
Доброй стезей не кори.*

*Доброе все переможет,
Доброе все перетрет...
Добрый урок народа
Не забывай, мой сын.*

В стихотворениях 70-80 гг. встречаются и непосредственно введенные в текст без изменения известные народные афоризмы («лясы точить» («Бабка», 1982), «ни слухом, ни духом» («Не искал ты, Никита, муравскую землю...», 1982), и переработанные поэтом. Если в 40-60 годы доминировала установка на семантическое переосмысление фольклорного первоисточника, то в лирике 70-80-х гг., наряду с семантическим преобразованием народных выражений, их трансформация усложняется и проявляется в плане структурно-типологических преобразований (изменение грамматических форм, пропуск или наращивание компонентов, их замена или подмена): «куда Макар телят не гонял» – «Где Макар гулял – /Да телят растерял» («Речитатив»), «Федот, да не тот» – «Припомнится Федот – Да не тот» («Процветает человек...») и др.

Итак, фразеологизмы исконно русского характера (пословицы, поговорки, крылатые слова), преобладающие в лирике Н.И. Тряпкина, создают не просто особый стиль. Поэт модифицирует их, видоизменяет, создает новые тексты по имеющимся формулам и моделям. Эстетически значимый жанр для писателя – пословицы и поговорки. Поэт берет за основу многих произведений идейный стержень народных афоризмов. В умении Тряпкина заключать свои мысли в афоризмы, облекать их в отточенную образную форму сказалась близость его художественного мышления к народному.

Литература

Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения. – М.: Современник, 1996.

Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. – В 2 ч. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002.

Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.Аникина. – М.: Художественная литература, 1988.

Тряпкин, Н.И. Гуси-лебеди. Стихи. – М.: «Московский рабочий», 1971.

Тряпкин, Н.И. Заповедь. Стихи. – М.: Современник, 1976.

Тряпкин, Н.И. Златоуст. – М., «Художественная литература», 1971.

Тряпкин, Н.И. Стихотворения (1940-1982): Стихи. – М.: Современник, 1983.

Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1986.

Summary. N. Tryapkin's poetic works are regarded as a complete system in a developing artistic context of Russian poetry of the second half of the XX century, which reveals the artistic originality and creative individuality of the poet in relation to folklore, the traditions of literature. Structural and semantic peculiarities of the use of phraseologisms in poetic texts.

Шевченко Н. М.
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Киргизстан, г. Бишкек, Кыргызско-Российский Славянский университет
Shefa15@rambler.ru

Время является базовым или универсальным понятием для любой культуры. Благодаря категории времени человек воспринимает мир, познаёт и переживает его, он пытается управлять им. Время принадлежит не только внешнему, но и внутреннему миру человека. Оно вплетено во все сферы бытия от рождения до смерти, а определенное истолкование времени входит во все области духовной культуры. Время для М. Цветаевой – это измеряемое понятие: плавный переход рассвета в день и заката в ночь, смена суток, времен года, исторических событий и эпох, представленных в картине мира мыслителя. Она уверена, что в творчестве, в каждом его мгновении время останавливается – навсегда и становится чем-то вечным.

На основе квантитативных данных необходимо подчеркнуть, что в текстах Цветаевой выявлено более 150 концептуальных образов, вербализованных различным количеством языковых единиц. Наибольшее количество языковых единиц для своей фиксации использует концептуальный образ **время**. Языковым материалом, фиксирующим время в текстах поэта, являются изобразительно-выразительные средства всех уровней языка, способных к сохранению реалий культуры и истории:

слова с конкретным значением времени (*будущее, в дальнейшем, век, вечер, вечно, впрод, всегда, вчера, год, день, завтра, заря, мгновение, месяц, миг, минувший, минута, навек, настоящее, неделя, обед, отлив, отродясь, пасха, позавчера, поздно, полдень, пора, послезавтра, пост, прилив, прошедшее; рано, рассвет, рождество, сегодня, сейчас, секунда, сутки, утро, ужин, час*);¹

фразеологизмы (*без году неделя (IV, 535), в данный час (VI, 547,562), в один прекрасный день (V, 104), в одну великодушную минуту (VII, 389), в одну сотую долю секунды (IV, 438), в лучший час дерева, на перегибе вашей и нашей Пасхи (VI, 367), в любой час дня и ночи (IV, 495), в любой час (VI, 619), во мгновение и на мгновение ока (IV, 50), в мгновение ока (IV, 190), во имя этого часа (VI, 437), волошинский час (VI, 159), время не терпит (VII, 525), время от времени (VII, 171, 579), время отшумело (VII, 102), а время сделает свое (VII, 529), время шло (V, 63), выкрасть минутку (VI, 21), далекие дни молодости (VII, 138), денно и ночью (VI, 214), день в день (IV, 352, VI, 224, 415), день в день, час в час (IV, 181), день за днем (IV, 128, VI, 295), день за днем час за часом (VI, 162, 583), день и ночь (VII, 601), день ото дня (VI, 357), до полного забвения сроков (V, 114), гнать дни (VI, 162), днесь и впрод (VII, 207), на всю жизнь (IV, 363), до петухов (IV, 441), до поры до часу (IV, 419), жить нынешним днем (VI, 474), и днесь и впрод (VI, 350), лето зимы мудренее (VI, 478), время идет и пройдет (VI, 478), мой час (V, 470, VI, 606, 610), на заре своих дней (IV, 265), на самых днях (VII, 298), на старости лет (V, 163), наш час (VI, 610), не по дням, а по часам (VI, 48, VII, 271), ни свет ни заря (VII, 207), ни завтра, ни вчера (VI, 47), от времени до времени (IV, 164, VI, 160, 166, VII, 573, 597), первая минута (VI, 702), под старость лет (VI, 449), по сей день (V, 86, 377), по сей час (VI, 621), до гроба и после гроба (VI, 41), последний час (IV, 402, V, 475), по гроб жизни (VII, 293), последняя минута (V, 199), с первого момента до последнего (VI, 125), с первого взгляда (V, 475), с первой минуты (IV, 216, 283), с первыми лучами солнца (IV, 495), с утра до вечера (IV, 248, VI, 61, 523, VII, 534), с утра до вечера и с вечера до утра (VII, 575), с утра до ночи (IV, 153, 227, 338), свой день (VII, 237), седьмой сон (V, 70), служить сто лет (VII, 136), со дня на день (VII, 117), среди бела дня (IV, 234, 248, VI, 22), среди света вечера (IV, 489), среди белого дня (VI, 222), послать веку (VI, 583), так мало времени (VI, 200), точно ветром отнесло (IV, 366), трата времени (V, 175), Фавьерский день (VII, 292), цветущих лет (IV, 152), час Вашей жизни (V, 479), (V, 467), час Коктебеля (IV, 159), свой час суток и природы (IV, 159), час не был их (IV, 18), их был – час! (IV, 18), часу не теряя (VI, 458), часы отлива (V, 401), чем свет (IV, 439), чуть свет (VI, 589));*

---

¹ Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994. (Далее ссылки в тексте с указанием тома и страницы).

авторские формулы (Брак поэта с временем – насильственный брак. Брак, которого, как всякого претерпеваемого насилия, он стыдится и из которого рвется – прошлые поэты в прошлое, настоящие в будущее – точно время оттого меньше время, что оно не мое! (V, 343);

Будущего боюсь не своего, а «ихнего», когда меня уже не будет, – бескорыстно боюсь (VII, 253);

Будущее есть область предания о нас, точно так же как прошлое – есть область гадания о нас (V, 398);

В каждом письме – стихе – время останавливается – навсегда, то есть становится чем-то вечным (VII, 423).

Век ведь – поправка на мир (VI, 251);

Время существует для человека, а не человек для времени (V, 435);

Вся советская поэзия – ставка на будущее (V, 343).

Глупо у поэта спрашивать время. Без-дарно (IV, 306);

Данный час – итог всех предшествующих и исток всех будущих (V, 277);

Для ребенка будущего нет, есть только сейчас (которое для него всегда) (V, 19);

Есть вещи, которые должно если делать, то по меньшей мере постичь вовремя (VII, 564);

Есть рядом с нашей подлой жизнью – другая жизнь: торжественная, нерушимая, непреложная: жизнь Церкви. Те же слова, те же движения, – все, как столетия назад. Вне времени, то есть вне измены (IV, 540);

Есть факты – наши современники. Есть – наши предшественники, факты до нас (IV, 79);

Живя *не*-временем, времени не боюсь. *Время – не в счет* (VI, 83);

За бывшим не угнаться (IV, 67);

И лучше всего послужит поэт своему времени, когда даст ему через себя сказать, сказаться. Лучше всего послужит поэт своему времени. Когда о нем вовсе забудет (о нем вовсе забудут) (V, 340);

Крик моего времени – моими устами, контр-крик его самому себе (V, 333);

Любить свой век больше предыдущего не могу, но творить иной век, чем свой, тоже не могу: сотворенного не творят и творят только вперед (IV, 330);

Отстаивать у времени то, что в нем вечного, либо увековечивать то, что в нем временного, – как ни повернуть: времени – веку мира сего – противопоставляется век тот (V, 433);

Полдень из всех часов суток – самый телесный, вещественный, с телами без теней и с телами, спящими без снов, а если их и видящими – то один сплошной сон земли (IV, 160);

Прошлое всегда в прошлом, а это прошлое (война, революция) было абсолютно прошлым, никогда не существовавшим (VII, 419);

Революция создает некий «разрыв» между прошлым и будущим (V, 372);

Своего времени я не люблю, не признаю его своим (IV, 320);

Служение времени так таковому есть служение смене – измене – смерти. Не уго니шься – не послужишь (V, 343);

Служение поэта времени – оно есть! – есть служение мимовольное, то есть роковое: не могу не. Моя вина перед Богом, – пусть заслуга перед веком! (V, 343);

Служение своему времени есть заказ с отчаяния. Только данная минута века, только эта мера веса у атеиста и есть обратный и родной лик «лови момента», ибо дальше крышка. Царство земное с отчаяния в Царстве небесном (V, 434);

Я не понимаю времени, я понимаю только пространство (VI, 239).

Стремясь дать индивидуальное толкование времени, Цветаева, кроме слов с конкретным значением времени, употребляет большой класс фразеологических единиц, обладающих содержательной категорией времени многих культур.

Марина Ивановна индивидуальна во всем. Ее восприятие времени являет сложный подход к творчеству, разграничивает представления и понятия личности во времени. Творчество во времени для Цветаевой является той формой окружающего мира, через которую воспринимается все сущее, доступное её пониманию, а стихи – это ключ к пониманию всего окружающего. И только пропустив свои наблюдения и познания через призму личного мировоззрения, она заявляет:

«Надпись на одном из пограничных столбов современности: В будущем не будет границ – в искусстве уже сбывалась, отродясь сбывалась. Мировая вещь та, которая в переводе на русский язык и на другой век – в переводе на язык другого века – меньше всего – ничего не утрачивает. Все дав своему веку и краю, еще раз все дает всем краям и векам. Предельно явив свой край и век – беспредельно являет все, что не-край и не-век: навек» (V, 331).

Цветаева, расчистив совесть от всяких недомолвок, взяв труднейшую на себя задачу, констатирования факта времени, признав свою зависимость от времени, свою связанность с ним, признав время своим рабочим материалом, своим орудием производства, спрашивает:

«Кто такое мое время, чтоб я еще ему и вольно служила? Что такое вообще время, чтобы ему служить? Мое время завтра пройдет, как вчера – его, как послезавтра – твое, как всегда всякое, пока не пройдет само время» (V, 342).

К осознанию времени она подходит философски, считая, что часов в сутках все столько же, а каждому нужен свой, поэтому наиболее частотным в ее временной парадигме является фразеологизм **свой час**:

«Одиннадцатого августа – в Коктебеле – **в двенадцать часов пополудни** – скончался Максимилиан Волошин. Первое, что почувствовала, прочтя эти строки, было, после естественного удара смерти – удовлетворенность: **в полдень: в свой час** <...> Поэту всегда пора и всегда рано умирать... Но, во всяком случае, **в свой час суток и природы**. В полдень, когда солнце в самом зените, то есть на самом темени, в час, когда тень побеждена телом, а тело растворено в теле мира – **в свой час, в волошинский час** <...> И достоверно – **в свой любимый час природы**, ибо 11 августа (по-новому, то есть по-старому конец июля), – явно **полдень года**, самое **сердце лета** <...> И достоверно – в самый **свой час Коктебеля**, из всех своих бесчисленных обликов запечатлевающегося в нас в облике того солнца, которое как Бог глядит на тебя неустанно и на которое глядеть нельзя (IV, 159). <...> И так **в свой час – в двенадцать часов пополудни**, кстати, слово, которое он бы с удовольствием отметил, ибо любил архаику и весомость слов, **в свой час суток, природы и Коктебеля**. Остается четвертое и главное: **в свой час сущности**. Ибо сущность Волошина – **полдневная**, а **полдень из всех часов суток – самый телесный, вещественный**, с телами без теней и с телами, спящими без снов, а если их и видящими – то **один сплошной сон земли** (IV, 160).

Удивительно то, что Цветаева не говорит о настоящем времени, зная, что из истории не выскочишь:

«Настоящее. Да есть ли оно? Служение периодической дроби. Думаю, что *еще* служу настоящему, а уже прошлому, а уже будущему» (V, 343).

Для нее важно только современное, будущее и вечное. Н. Д. Арутюнова по этому поводу писала: «У человека нет специального органа для восприятия времени, но именно время организует его психический склад» (Арутюнова, 1998: 688). Цветаева прекрасный психолог и осознание этого позволяет ей ориентироваться в настоящем времени окружающего мира с позиций личного ощущения и познания его полезности:

«Время существует для человека, а не человек для времени» (V, 435).

Это дает ей возможность сформировать представление собственного времени, то есть времени как орудия труда. Собственное время Цветаева называет *современностью*. Она уверенно заявляет, что не современного (не являющего своего времени) искусства нет, что современность поэта есть его обреченность на время. Для Цветаевой современность – это творчество во времени:

«Всякая современность в настоящем – сосуществование времен, концы и начало, живой узел – который только разрубить» (V, 332).

Эта формула Марины Цветаевой подтверждает другую формулу:

«Современность не есть мое время, но так же и вся современность не есть одно из ее явлений. Эпоха Гете одновременно и эпоха Наполеона и эпоха Бетховена. Современность есть совокупность всего лучшего» (V, 341).

Фактор современности играет важную роль в сознании Цветаевой. Современность для неё не провозглашение своего времени лучшим, она уверена, что поэт уже сам событие времени, что современность поэта не слова, а дела:

«Быть современником значит не отражать своё время, а творить его» (V, 342);

«Истинно современное есть то, что во времени – вечного, посему, кроме показательности для данного времени, своевременно – всегда, современно – всему» (V, 341);

«Ни одного крупного русского поэта современности, у которого после Революции не дрогнул и не вырос голос – нет; Тема Революции – заказ времени; Тема прославления Революции – заказ партии» (V, 380);

«Общепризнанность поэта может быть и посмертной. Но современность (воздействие на качество своего времени) всегда прижизненная, ибо в вещах творчества только качество и в счет» (V, 337);

«Признак современности поэта отнюдь не в современности его общепризнанности, следовательно, не в количественности, а в качественности этого признания» (V, 337);

«Современно не то, что перекрикивает, а иногда и то, что перемалчивает» (V, 340);

«Современность в искусстве есть воздействие лучших на лучших, то есть обратное злободневности: воздействию худших на худших» (V, 341);

«Современность не есть мое время, но так же и вся современность не есть одно из ее явлений. Эпоха Гете одновременно и эпоха Наполеона и эпоха Бетховена. Современность есть совокупность всего лучшего» (V, 341);

«Современность: все-временность. Кто из нас окажется нашим современником? Вещь, устанавливаемая только будущим и достоверная только в прошлом. Современник: всегда меньшинство» (V, 341);

«У каждой современности два хвоста: хвост реставраторский и хвост новаторский, и один хуже другого» (V, 330).

Для Цветаевой главное чтобы сто лет назад видеть, как сегодня, и сегодня – как сто лет назад, она мастерски стирает конкретность временных отношений и создает своё индивидуальное пространство времени, в которые вносит элемент авторского сознания, она живёт и действует в рамках личного представления времени:

«Пишу Вам **среди трезвого белого дня, переборов соблазн ночного часа и первого разбега**» (VI, 222).

Индивидуальность языковой личности требует и индивидуального подхода к описанию семантического содержания времени Марины Ивановны. Еще предстоит выяснить, какой предметно-чувственный образ лежит в основе этого значения времени, с какой денотативной ситуацией связан, с какой коннотативной реалией ассоциирует. И это не единичный случай в словотворчестве поэта.

Любимыми единицами времени для Цветаевой являются **рассвет и заря**:

«Как хорошо, что есть два слова: aube и aurore (рассвет и заря) и как я этим счастлива, и насколько aube лучше aurore, которая (и вещь, и звук) тоже чудесна, и как обе – сразу, для слуха уже, звучат женскими именами и пишутся (слышатся) с большой буквы!» (IV, 613).

Временное пространство рассвета и зари М. Цветаева передает необычными метафорически-образными сочетаниями:

«Осенью мы долго, долго, **до ранних черных вечеров и поздних темных утр** заживались в Тарусе, на своей одинокой – в двух верстах от всякого жилья – даче, в единственном соседстве (нам – минуту сбежать, тем – минуту взойти) реки – Оки («Рыбы мало ли в реке!»)»...

Она не принимает стихотворений, написанных за 10 минут или без черновиков, таким поэтам она присваивает имя – легион и назначает цену – грош.

Цветаева всегда знала цену своему таланту и, как многие ее современники, служила своему времени. В пространстве современности она смогла найти свое место благодаря пониманию того, что каждое время имеет свое неповторимое содержание, по которому его будут судить: не заказ времени, а показ. Она уверена, что быть современником значит творить свое время, а не отражать его, а если и отражать, то только как щит.

Анализируя способы вербализации временного пространства, мы выявили определенную закономерность в использовании автором языковых средств в ментальной структуре картины мира Цветаевой. На этом основании можно сделать вывод, что логическое завершение концепта в структуре языковой личности ведет к взаимопроникновению средств разных языковых уровней, которые дополняют друг друга в выражении конкретного назначения и значения. Концепт *время* на лексическом и фразеологическом уровнях в текстах М. Цветаевой является относительно стандартным для многих культур и принято русским сознанием. На синтаксическом же уровне образ времени наполняется конкретным содержанием и закрепляется только в предметном коде мышления языковой личности М. Цветаевой на уровне авторских формул.

Литература

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994.

Summary. The article is devoted to research of the concept “Time” in M. Tsvetaeva's prosaic creativity. Lexicological, phraseological and grammatical features of verbalization of this concept in language picture of the world of M. Tsvetaeva are analyzed.

Яроцук И. А.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕМ (на материале художественной прозы писателей Черноземья)¹

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
inna_lad@mail.ru

Взаимодействие аспектов и факторов вторичного семиозиса определяет идейное и категориальное пересечение дисциплин, занимающихся изучением языковых знаков косвенно-производной номинации. Когнитивно-прагматический подход к исследованию знаков не прямой номинации, в частности фразеологических единиц, в современной науке приобретает всё более устойчивые позиции, что связано с функциональным взаимодействием идей лингвопрагматики и лингвокогнитивистики.

В ходе эволюции лингвистических учений возникла когнитивная лингвистика, которая имеет достаточно глубокую содержательную базу, истоки которой следует искать в трудах ученых XIX века – В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Г. Гийома, К. Бюлера, Н. В. Крушевского, И. И. Мещанинова и др. Современная методология отечественной когнитивно-семантической теории создавалась в трудах Е. С. Кубряковой (ономасиологическая теория), Ю. Д. Апресяна (семасиологическая концепция), Ю. С. Степанова (семиологическая концепция языка), Н. Д. Арутюновой (логико-лингвистическое направление), С. Д. Кацнельсона (постулаты относительно речемыслительной деятельности), А. В. Бондарко (концепция функционально-семантических полей). Большую конструктивную роль в становлении лингвокогнитивистики как науки сыграли исследования В. С. Виноградова, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева, А. А. Залевской и др. Когнитивная лингвистика стала самостоятельным научным направлением в 1989 году, когда исследователи лингвокогнитивных явлений учредили Международную ассоциацию когнитивной лингвистики (International Cognitive Linguistics Association – ICLA) и журнал *Cognitive Linguistics* (Когнитивная лингвистика), первый номер которого вышел в 1990 году. В 2003 году были созданы Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (РАЛК) и журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» (Алефиренко, 2008: 5).

Прагматика как раздел семиотики, изучающий соотношение языковых знаков и их пользователей в конкретной коммуникативной ситуации, впервые был описан Чарлзом Сандерсем Пирсом в XIX в. Основные параметры прагматики применительно к философии прагматизма сформулировал в 1920-е гг. Чарлз Моррис. Однако прагматический подход к исследованию языковых явлений утвердился лишь к 60-м гг. XX века (Линч, 1983: 56).

Особенно большим прагматическим спектром отличаются знаки не прямой номинации, среди которых важное место занимают фраземы. Исследование закономерностей их использования в художественной речи открывает новые горизонты в понимании когнитивно-дискурсивных механизмов формирования имплицитного уровня содержания художественного текста, поскольку по своей природе фраземы – знаки косвенно-производной номинации – глубоко дискурсивны и прагматичны.

---

¹ Работа выполнена по гранту (Соглашение от 07 сентября 2012 г. №14.А18.21.0993).

Лингвопрагматическое изучение фразем в художественной прозе писателей Черноземья опирается на отечественные и зарубежные исследования, посвящённые функционированию языковых знаков в процессах коммуникации (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Дж. Сёрль, Дж. Остин, П. Грайс, Ч. Стивенсон, Р. Хэар, Л. Витгенштейн, В. Гумбольдт, Д. Дэвидсон, Дж. Лич, Г. В. Колшанский, В. А. Звегинцев, Н. Д. Арутюнова, Е. Ф. Тарасов, Р. Конрад, В. Дресслер, Б. Н. Головина, В. З. Демьянков, Н. Ф. Алефиренко, Т. М. Николаева, Р. С. Столнейкер и др.). С одной стороны, в современной лингвопрагматике речевое произведение противопоставляется окружающей действительности, так как представляет собой её знаковую модель, а с другой стороны, – понимается в качестве однородного с ней явления (Алефиренко, 2008: 115).

Лингвокогнитивистика и лингвопрагматика не являются автономными научными дисциплинами: существуют такие области, в которых они органически пересекаются. Так, объектом лингвопрагматики являются коммуникативно-стилистические свойства метафоры, служащие средством воздействия, убеждения и побуждения говорящих в процессе общения. Методологической базой лингвокогнитивистики является синергетический подход к пониманию и описанию знаков косвенно-производной номинации как основного средства объективации. Прежде всего, точкой пересечения лингвопрагматики и лингвокогнитивистики является дискурсивное пространство деятельности человека, то есть некая логическая среда, в которую погружён данный человек и которая включает в себя все когда-либо произведённые им дискурсы.

Связующим звеном когнитивной лингвистики и лингвопрагматики является антропоцентрическая направленность изучения фразеологических единиц. В основе когнитивно-прагматического подхода исследования образных конструкций постулируется не только взаимосвязь и единство языковых форм и субстанций, но и трихотомическое единство: *язык – речевое общение – человек*. В центре внимания оказываются языковые ситуации, участником которых является человек в качестве субъекта живой речи, объекта речемышления, персонажа художественного произведения (Алефиренко, 2011: 17). Деятельностное истолкование языка является основной идеей когнитивно-прагматического исследования, язык онтологически включен в человеческую деятельность.

Важнейшими категориями когнитивно-прагматического подхода к исследованию фраземы в художественной прозе писателей Черноземья является *концептуализация* жизненного опыта, то есть выделение минимальных структур знания, на объединение которых в крупные разряды – категории – направлен процесс *категоризации*. Указанные лингвокогнитивные процессы участвуют в возникновении и формировании фразеологических концептов, что определяет их выход к лингвопрагматическому исследованию. Направленность на осмысление познаваемой автором художественного произведения действительности, мысленную организацию объектов приводит к формированию, с одной стороны, субъективных, авторских, а с другой стороны, этнокультурнозначимых образных представлений об окружающем мире в виде фраземы. Фразема в исследуемых художественных текстах писателей Черноземья выступает в качестве репрезентанта как индивидуально-авторских систем мнений относительно описываемой ими объекта действительности, так и в качестве образного слова, обладающего этнокультурной коннотацией. В свете когнитивно-прагматического подхода актуальной оказывается проблема репрезентации знаний писателя о мире посредством образного слова, что обеспечивает эффективное воздействие на реципиента художественного произведения. Адекватное восприятие читателем текста обеспечивается благодаря гармоничным моделям знаний в виде фраземы.

Смысловые интерпретации познаваемых объектов, предметов действительности являются порождающей основой идей, которые порождают фразеологическое значение. Ср.: *Ух, как я летел! Но старшина, теперь уже ротный, велел обождать: каптенармус, видите ли, еще не привез из прачечной парадно-выходные байковые портянки. Выходит, опять **вставил палки в колесо фортуны?*** (Аршанский, 1987: 10). Фразема *вставлять палки в колесо фортуны* имеет шутливо-ироническую стилистическую окраску и представляет собой контаминацию двух фразем: *вставлять палки в колеса* и *колесо фортуны*, которые различаются стилистическими характеристиками. Фразема *вставлять палки в колесо фортуны* ('намеренно мешать кому-либо в каком-либо деле, в осуществлении чего-либо') – разговорная, употребляется в живой, непринужденной, преимущественно устной речи. Фразема *колесо фортуны* – книжная, употребляется преимущественно в письменной, публицистической речи. Известно, что Фортуна – это боги-

ня судьбы и удачи у римлян, изображалась с повязкой на глазах, стоящая на колесе. Такое подножие символизировало переменчивость и ненадежность, то есть фразеологизм *колесо фортуны* имеет значение 'слепой судьбы, превратностей, непостоянства человеческого счастья'. Так, в концепте «Фортуна» по существу отсутствуют смыслы «намеренное вмешательство в судьбу», «препятствие человеческому счастью», но они весьма актуальны для фраземы *вставлять палки в колесо фортуны*. Следовательно, фразеологическое значение формируется на основе выделения конкретной ситуации, которая имеет контекстуальную оформленность. Таким образом, для формирования фразеологического смысла важным является не только системное значение фраземы, но и характер субъектно-объектных отношений, отраженных в контексте предложения-высказывания. При этом фразеологическое значение представляет собой не просто узкий набор признаков, необходимых для конкретизации ситуации, изображенной автором, но и широкий спектр как эксплицитной, так и имплицитной информации и знаний.

Отличительной особенностью фразеологического концепта является наличие понятийного и прагматического компонентов. Однако понятие лишено предметной образности, как и смысл, и прагматической составляющей, а смысл не обладает понятийной определенностью (Алефиренко, 2012: 159). В процессе фразеомообразования смысл является более широким конструктом, чем понятие, поскольку раскрывает многообразные связи обозначаемого данной фраземой денотата с различными предметами и объектами фразеомообразующего концепта. Следовательно, содержание фразеомообразующего концепта шире и богаче понятийной составляющей содержания. Ср.: *Я теперь – корабль в чужом порту, грезящий о своей пристани. Уже и груз погрузили, и надо плыть, а днище пробито. Пусть внутри, остались одни инстинкты. Голова идет кругом, но жить нужно.* (Сухарев, 2004: 102). Понятийная составляющая фразеомообразующего концепта «Корабль» – 'крупное морское судно' лишена предметной образности, для фраземы *корабль в чужом порту* актуальными являются отсутствующие в концепте смыслы 'одиночество', 'чужая сторона', 'внутренняя растерянность', которые раскрывают многообразные связи фраземы с последующим контекстом. Фразеомообразующий концепт «Корабль» выступает в качестве побудительной силы для возникновения фразеологического дискурса, восстанавливает скрытые причинно-следственные связи, авторские интенции, определяющие употребление данной фраземы. Герой рассказа В. В. Сухарева «Туман» вспоминает прошлое, жалеет о прежних временах, потому что в настоящем чувствует себя одиноким, неприкаянным, сейчас он, словно *корабль в чужом порту*.

Значение фраземы представляет собой контаминацию смысловых вариаций фразеомообразующих компонентов и фразеомообразующего концепта. Термин *фразеологическое значение* можно трактовать широко и узко. В узком смысле фразеологическим значением является отражение в сознании человека фразеомообразующего концепта. Ср.: *После Мамаева побоища, которое произошло несколько часов раньше в управлении комбината, возвращаться к большому вопросу и переливать из пустого в порожнее не хотелось* (Балашов, 1987: 111). Так, в узком контекстуальном смысле значением фраземы *Мамаево побоище* является концепт «Крупная ссора». Однако с точки зрения широкого подхода фразеологическое значение представляется в качестве набора различных смыслов, которые добавляют уточняющие характеристики, являясь при этом значением. Та же фразема *Мамаево побоище* в каком-либо другом контексте может являться носителем более широкой информации, сопряженной с концептом «Крупная ссора», например, (а) беспорядок; (б) полный разгром; (в) тяжкое поражение; (г) кровопролитная баталия.

Интерпретация воспринимаемой читателем фраземы основывается на ее когнитивно-прагматической связи с художественным пространством текста, в котором образная конструкция функционирует. Необходимый для конкретной речемыслительной ситуации элемент лексико-фразеологической системы определяется и актуализовывается посредством лингвокреативного мышления писателя, то есть конкретная денотативная ситуация, отражаясь в сознании автора художественного произведения, вербализуется с помощью знаков косвенно-производной номинации. Структура отраженной в сознании писателя денотативной ситуации, вербализованной посредством фраземы, можно представить в виде фрейма – единицы знания, организованной вокруг концепта и включающую значительную информацию относительно данного концепта в пределах конкретной культуры (Т. А. Ван Дейк). Существенным для нашего исследования являются и другие интерпретации фрейма. М. Минский, например, говорит о фрейме как о структуре дан-

ных для представления стереотипной ситуации. Ученый рассматривает два вида фреймов, которые сейчас принято называть статическими (или просто фреймами) и динамическими (сценариями). Фрейм любого вида – это та минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов (Минский, 1979: 5). Дж. Тейлор рассматривает фрейм в качестве структуры знаний, объединяющей объекты косвенно-производной номинации (Taylor, 1995). Важный акцент делает В. В. Красных, определяя фрейм-структуру сознания как когнитивный компонент, который образуется штампами и клише языкового сознания и представляет «пучок предсказуемых валентных связей (слотов) и векторов направленных ассоциаций» (Красных, 2003: 289). Следовательно, фразеобразующий **фрейм** – это когнитивная структура, организованная вокруг фразеобразующего концепта и репрезентирующая обусловленные данной лингвокультурой смыслы.

Для исследования семантики фраземы, выявленной в художественной прозе писателей Черноземья, важно использовать понятие фрейма в качестве иерархически выстроенной системы знаний, репрезентирующей в семантической структуре образного слова информацию относительно определенной денотативной ситуации. Ср.: *О кормах пусть у дирекции голова болит, – парировал Самсонов. – Она у меня о руде должна болеть. Руда – хлеб промышленности* (Балашов, 1987: 116). В семантике метафоры *хлеб промышленности* содержится концептуальная информация интенционального характера: 'отрасль, определяющая развитие промышленности в целом'. Вариативная же информация определяется привязанностью к изображенной автором коммуникативно-прагматической ситуации – 'необходимое средство для существования чего-либо, кого-либо'.

Фреймы, лежащие в основе фраземы, отражают стереотипные знания писателя об участниках определенных ситуаций, имеющих вневременное значение. Посредством **фрейма-сценария** данная ситуация структурируется, то есть в виде логической последовательности репрезентируются традиционно воспроизводимые знания относительно типовой ситуации или участника данной ситуации. Ср.: *Добрыней Никитичем Таусия Филипповна с издевкой называла мужа за то, что он, где бы он не подрабатывал, уступал свой заработок голоштаным приятелям* (Тарасов, 2006: 16). Фразеологическое значение формируется фразеобразующим дискурсом: знаниями стереотипной денотативной ситуации, обстоятельств и ее участников соответствующих событий. В приведенном выше контексте обычный человек назван *Добрыней Никитичем* не случайно. Добрыня Никитич – богатырь русского народного эпоса. Его отличало повышенное чувство сострадания к другим людям. Будучи служилым при князе Владимире, он всегда оставался учтивым, дипломатичным и щедрым; не стремился к обогащению и все заработанное с легкостью раздавал нуждающимся.

Принцип статичности является характеризующим критерием фрейма-схемы (или статического фрейма), организующего знания о стереотипной ситуации, состоянии, связанных единым дискурсивным контекстом, заданным во времени и пространстве. Так, человека-простака, простофилю обычно называют *Олухом царя небесного*. Ср.: *Ты хоть бы подумал, олух царя небесного, пристало ли мне, женщине, улаживать дела с мужчинами* (Тарасов, 2006: 15). Фразема *олух царя небесного* является продуктом народного творчества, имеет значение 'простофиля, простак, разиня, придурок'. Образное выражение указывает на приближенность наивных людей к Богу, на то, что они могут рассчитывать на его помощь. Известно, что юродивые, шуты, нищие и блаженные пользовались особой милостью Бога (небесного царя). *Олух царя небесного*, следовательно, один из таких бездельников, который ждет от Бога милости. По мнению А. И. Соболевского, слово *олух* произошло от «волух», то есть «пастухов валов» – так называли крайне простых, бесхитростных людей. В древности на Руси было в ходу имя Олух. Постепенно этот оним исчез, стало именем нарицательным, а все устойчивое сочетание сначала приобрело значение 'блаженный, нищий', затем – 'простофиля, простак, разиня, придурок'.

Вслед за М. Крессуэлом (новозеландский ученый, ему принадлежат исследования в области философии, логики, когнитивной лингвистики, семантики) отметим, что фразеологическое значение с точки зрения прагматики образуется следующим образом: интерпретатор сначала имеет дело с прямым значением лексемы, выявляет его глубинные связи и структуры, а затем просматривает различные ближайшие пропозиции, которые можно было бы считать переносным, фразеологическим значением при имеющейся прямой, буквальная семантике (Cresswell, 1973: 239). Ср. *Они бы тебя под орех разделили,*

если бы не Раипиль... Помнишь он приходил, когда мы тот вагон брали? (Косневич, 1988: 206). Известно, что фразеологизм *разделить под орех* родился в профессиональной речи столяров и краснодеревщиков. Изготовление мебели под ореховое дерево из других сортов древесины требовало большого труда и хорошего знания дела. Данная фразема имеет значение 'делать мастерски, хорошо, безупречно'. Однако в представленном контексте она приобретает значение 'нанести существенные физические травмы человеку'. Таким образом, значение фраземы с точки зрения прагматики является отражением в сознании автора существенных свойств, характеристик представленной денотативной ситуацией, а также выражение авторского отношения к ней посредством употребления определенной образной конструкции.

Особенно ярко прагматический аспект фраземы в исследуемых текстах проявляется тогда, когда коммуникация анализируется не только как средство достижения «адекватного информирования» (Демьянков, 1984: 212), но и как цель, когда используется именно данная фразеологическую единицу, а не другое. В данном случае коммуникация в текстах произведений писателей Черноземья достигается, во-первых, посредством образных коммуникативных средств. Ср. *Ведь я что делал на своём веку? Пожар в душах людей тушил. Злобу их против друг друга усмирял. А сколько её было, злобы-то? Вот что надо сделать на всей земле. Не было бы тогда пожаров. И малых, и мировых...* (Белов, 1999: 119). Герой произведения, Парфентьич, пожарник на пенсии, давая интервью журналисту, рассуждает на вечные темы, используя профессиональные термины пожарников. Говорящий стремится к тому, чтобы адресат правильно расценил смысл его высказывания. Так, герой произведения занимался тушением не только пожаров, то есть неконтролируемого горения, причиняющего материальный ущерб, вред жизни и здоровью людей, но и *пожара в душах людей*, то есть *злобы*. В данном случае речь идёт о прямой подаче замысла с помощью фразеологизированной метафоры, которая оказывается вполне понятной, благодаря последующему контексту.

Таким образом, на примере художественной прозы писателей Черноземья мы показали, что осознание основополагающей роли когнитивно-прагматического подхода в исследовании генезиса образного слова и фразеологического значения позволяет определять языковые знаки косвенно-производной номинации в качестве когнитивно-прагматических образований, способных репрезентировать как абстрактные когнитивные сущности, так и конкретные денотативные ситуации.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО Издательство «ЭЛПИС», 2008. – 271 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Проблема выражения идиоматического смысла в художественном тексте / Н. Ф. Алефиренко // Русское слово в контексте этнокультуры XX-XXI вв.: Сборник научных трудов по итогам Международной заочной научной конференции (ноябрь, 2011 г.). – Старый Оскол: Изд-во «РОСА», 2012. – С. 157-164.
- Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке / Н. Ф. Алефиренко // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов. – М: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 16-28.
- Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Демьянков, В. З. О формализации прагматических свойств языка / В. З. Демьянков // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1984. – С. 197–222.
- Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
- Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
- Cresswell, M. J. Logics and languages / M. J. Cresswell. – London: Methuen, 1973. – 273 p.
- Fillmore, Ch. J. Toward a Frame-Based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors // Frames, Filds, and Contrasts. – Hillsdale, N.-Y.: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992. – P. 75-102.
- Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London, New York, 1983. – 250 p.
- Taylor, J. R. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory (second edition) / J. R. Taylor. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 270 p.

Источники

Аршанский, В. С. Плацдарм / В. С. Аршанский // Молодая проза Черноземья. Повести. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – С. 3-65.

Балашов, А. Д. Нормальная аномалия / А. Д. Балашов // Молодая проза Черноземья. Повести. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – С. 65-136.

Белов, В. И. Ночные кувшинки. Повести и рассказы. – Белгород, «Крестьянское дело», 1999. – 560 с.

Косневич, А. Ненужное зачеркнуть / А. Косневич // Молодая проза Черноземья. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. – С. 160-210.

Сухарев, В. В. Осень лист сорвёт непременно...: Новеллы / В. В. Сухарев. – Белгород: «Везелица», 2004. – 116 с.

Тарасов, С. Л. Воскресение и смерть Коли Коржикова: рассказы, портреты / С. Л. Трасов. – Белгород: Изд-во «Константа», 2006. – 144 с.

Summary. The article says that the cognitive-pragmatic approach to the study of signs of indirect nomination in modern science has become more stable position. Cognitive-pragmatic approach in the study of the Genesis of figurative speech and phraseological values allows to define an idiom as cognitive and pragmatic forming, capable to represent abstract cognitive nature, as well as the specific situation.

Раздел V КОГНИТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЛИНГВОПРАГМАТИКА

Аглева З. Р.
КОММУНИКЕМЫ КАК ПРАГМЕМЫ

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
z.agleeva@yandex.ru

В выражении оценочного значения в пределах разговорного дискурса принимают участие фразеологизированные конструкции (ФК). Независимо от разновидности ФК эти единицы объединяет прагматическая функция. В последние годы актуализировался термин **прагмемы**, под которыми понимаются «слово, грамматическая форма, реже – синтаксическая конструкция с ярко выраженным (системным) прагматическим компонентом содержания» (Брусенская и др. 2005). В состав прагмем входит несколько групп нечленимых предложений с непонятной семантикой. Остановимся на характеристике одной из этих групп – коммуникемах, представленных синонимическими рядами в разноструктурных языках. Коммуникемы характеризуются как «коммуникативная непредикативная единица синтаксиса, ... грамматически нечленимая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчлененно выражающая определенное непонятное смысловое содержание..., не воспроизводящая структурных схем предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, лексически непроницаемая и нераспространяемая, по особым правилам сочетающаяся с другими высказываниями в тексте и выполняющая в тексте реактивную, волонтерную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» (Меликян, 2001: 31-32). Основанием для выделения нечленимых предложений с непонятной семантикой, не выражающей суждения, является то, что эти обороты выражают чувство или волеизъявление и функционируют как самостоятельные высказывания.

Такого рода нечленимые ФК не одно десятилетие интересуют лингвистов. Достаточно привести лишь некоторые термины, номинирующие эти конструкции в трудах языковедов: грамматически не оформленные высказывания (Г. В. Дагуров), квазипредложения («Русская грамматика»), коммуникативные фрагменты (И. П. Гаспаров); коммуникативы (В. Ф. Киприянов, И. А. Шаронов), коммуникемы (В. Ю. Меликян и его школа), междометные фразеологизмы или междометные предложения (Н. Ю. Шведова), метакоммуникативные сигналы слушающего (Т. Д. Чхетиани), непредложенческие высказывания, некодифицируемые высказывания, фразоиды (Л. Теньер), нечленимые предложения («Русская грамматика»), непредложенческие коммуникаты (О. Б. Сиротина), предложения-формулы (О. Есперсен), релятивы (Г. В. Валимова, О. Б. Сиротина, Д. И. Квеселевич, В. П. Сасина), сентенсоиды (И. И. Прибыток), слова-предложения («Грамматика русского языка», «Русская грамматика», «Краткая грамматика русского языка»; В. В. Бабайцева), стандартные, или стереотипные, высказывания (Н. В. Черемисина), стационарные высказывания (Л. Б. Матевосян), стационарные предложения (А. М. Пешковский), структурно-неоформленные (синтаксически нерасчлененные) предложения (И. О. Степанян), устойчивые формулы общения (Н. И. Формановская), шаблонные фразы (Л. П. Якубинский) и др. Вызывают интерес и дефиниции этих единиц. Остановимся на некоторых из них.

Под *коммуникативами* В. Ф. Киприянов предлагает понимать «лексико-грамматический класс слов, категориальная совокупность признаков которых явно отграничивает их от всех других лексико-грамматических классов слов (частей речи) и в то же время ставит их в один ряд с ними в рамках единой системы частей речи» (Киприянов, 1983, 88). Им выделяются слова-коммуникативы (типа *Беда!*, *Бросьте! Довольно; Тотто!*) и фразеологизмы, соотносимые с коммуникативами: фразеологизмы-коммуникативы на базе частицы *нет*; фразеологизмы на основе слова *так* и т. д. Коммуникемы обладают номинативной функцией, ничего не обозначают, а лишь выражают эмоции при поддержке интонации, мимики, жестов.

И. А. Шаронов характеризует коммуникемы как «единицы особого рода – короткие аграмматичные стереотипные реплики диалога, или коммуникативы». Им предлагаются принципы анализа единиц класса коммуникативов, в результате которого выявляются их категориальные характеристики (синтаксическая независимость – главным обра-

зом, это ответные реплики диалога; интенциональное значение, которое слабо и неочевидным образом связано с семантикой составляющих коммуникативных компонентов, поскольку такие единицы состоят из служебных и (частично) десемантизированных слов и их сочетаний; относительная фиксированность формы; устойчивый интонационный контур). И. А. Шаронов объединяет коммуникативы по интенциональному значению, передаваемому ими (единицы, выражающие подтверждение, согласие, возражение, отказ, благодарность, клятву, угрозу и т. п. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский представляют эти единицы как «группы интенционально маркированных фразеологических единиц (речевых формул)».

Коммуникемы, о которых идёт речь, определяют и как единицы, «обслуживающие сферу **субъективно-модальных** отношений» (Бондаренко, 1995), которые подразделяются на модальные и междометные (аффективные). Междометные (аффективные) фразеологизированные (идиоматизированные) конструкции выражают эмоциональные и эмоционально-оценочные смыслы. «Их дескриптивное содержание стёрто и затушёвано, будучи поглощённым общим экспрессивно-эмоциональным значением, или в очень значительной степени ослаблено, как бы отходя на задний план» (Бондаренко, 1995).

Семантические группы коммуникем достаточно многолики, если учитывать их часто повторяющиеся значения: они могут выражать как положительные (радость, согласие, расположенность к собеседнику), так и негативные оценки (отчаяние, недовольство, раздражение, возмущение, упрёк, насмешку и т. д.). В коммуникемах наблюдается потеря внутреннего содержания синтаксических отношений между её компонентами, которые как бы объединяются лишь внешней формой связи. Лексико-семантическая слитность опустошает содержание синтаксических отношений, способствует потере внутренней формы этих отношений (Гепнер, 1964: 61–63), что указывает на наличие определённого рода значения и функции подобных построений.

Коммуникемы нередко выполняют в дискурсе заместительную функцию: отличаясь такими чертами, как лаконичность и эмоциональность, а часто и клишированность, они используются в различных этнокультурных сообществах. Коммуникемы могут замещать не только отдельные объёмные высказывания, но и небольшие контексты, отличаясь от них экспрессивностью.

Использование коммуникем обусловлено прежде всего когнитивно-прагматической установкой ситуации. Н. Ф. Алефиренко, характеризуя аспект исследования когнитивно-прагматической фразеологии, замечает, что она «изучает то, что не вмещается в рамки денотативной информации фраземного знака, представляющей преимущественно результаты когнитивной деятельности человека. Когнитивно-прагматическая фразеология, таким образом, рассматривает фраземный знак в двух его ипостасях: языковой и дискурсивной, исследуя, с одной стороны, языковые средства выражения ПФЗ (прагматический компонент значения фраземы); а с другой – речевые способы реализации ПФЗ относительно интенциональности коммуникативно-прагматического акта» (Алефиренко, 2008: 116–117).

В различных прагматических ситуациях частотны модальные ФК с семантикой 'эмоциональное отношение'. Остановимся на характеристике коммуникемы **С какой стати?!** и её синонимов в разноструктурных языках. Коммуникемы, входящие в синонимический ряд, дифференцируются не только по структурным или вариативным признакам, но и по возможности выражения разных эмоций, степени интенсивности проявления эмоций и т. п. Входя в различные тематические группы, отдельные модальные ФК приобретают возможность использоваться в одной типовой коммуникативно-прагматической ситуации, что и подтверждают приводимые ниже контексты.

Историко-этимологический словарь «Русская фразеология» отмечает: «**С КАКОЙ СТАТИ?** В какой связи, по какой причине? Фразеологизм собственно русский. Образован на основе устойчивого словосочетания *С какой стати*. Ср.: кстати» (Бирих, 2005: 665). Содержание данной словарной статьи позволяет говорить о взаимодействии различных языковых уровней и подуровней при формировании языковых единиц. Небольшая по объёму статья даёт материал для размышлений: в каких контекстах указанная единица является (а) фразеологизмом (по определению авторов словаря), в каких – (б) устойчивым словосочетанием, а в каких – (в) коммуникемой. Ответы на эти вопросы возможны лишь при комплексном анализе этих омонимичных [(а), (б), (в)] языковых единиц различных уровней в каждом конкретном случае с учетом дифференциальных признаков. При рас-

смотрении контекстуальных синонимов единицы **С какой стати**?! (например, **с какого боку**) возникает проблема разграничения и свободных словосочетаний (синтаксический уровень), где все лексемы выступают в прямом значении (ср.: *В зависимости от того, с какого боку смотреть...*). Приведем контексты, в которых устойчиво воспроизводимый словесный комплекс является фраземой: *Пусть сидит здесь – за то, что такой несообразный, хотя, признаться по совести, я бы с удовольствием избавилась от него и от этого несносного Пиллюлькина, который неизвестно с какой стати считает себя врачом и постоянно пытается доказать мне, что у меня неправильные методы лечения* (Н. Носов); – *Это Хуч, – сердито сообщила Зайка, – смею напомнить, он давно живет в нашем доме, вполне благовоспитанный мопс, ни в чем преступном не замечен, ну, может спереть в столовой печенье. С какой стати ты пугаешь Хучика?* – Он опять принес мышшь! (Д. Донцова); – **С какой стати** вы со мной разговариваете так, словно поймали с чужим кошельком в руках? (Д. Донцова); *Ну будь я даже виновен (чего я вовсе не говорю), ну с какой стати мне к вам являться с повинною, когда сами вы уж говорите, что я сяду к вам туда на покой?* (Ф. Достоевский); *Да и не поверит вам никто, ну с какой стати девушка пошла одна к одинокому человеку на квартиру?* (Ф. Достоевский). Во всех приведенных случаях мы имеем дело именно с фраземами, так как интересующие нас языковые единицы имеют значение, отмеченное фразеологическими словарями: 'в какой связи, по какой причине?'. Они не отличаются особой интонацией.

В следующих контекстах вычленяются коммуникемы, основной целью которых является не выяснение причины действия, а выражение отношения к происходящему или услышанному: *Но всю жизнь свою в жертву приносить, перенести всё своё «я» в другого человека, в жену ли, в ребёнка... Да с какой стати? ... За что?* (М. Арцыбашев); *Очень интересно нашему театру, чтобы рядом поставили новую пьесу, да которая, по-видимому, может иметь успех! С какой стати! Да ведь вы же написали в договоре, что не отдадите пьесу в другой театр?* (М. Булгаков); – *Потом доспорите, – нервно воскликнул Кеша, – вам придется подождать, я умоюсь раньше всех. – С какой стати?* – рассердилась Ольга (Д. Донцова); – *Думается, тебе надо сменить доктора. – С какой стати?* – Только идиот мог посоветовать шесть раз в сутки скоблить искусственные челюсти! (Д. Донцова). Особую эмоциональность высказыванию придаёт и восклицательная интонация, отмечаемая в отдельных контекстах.

Обладает тождественными значениями и функционирует в тождественных ситуациях синонимичная данной языковая единица **С какой радости**: – *Нет, я уволюсь, зачем мне это, с какой радости!* (Т. Набатникова); – **С какой радости**, дурья голова, ты в него стрелял? (Ю. Бондарев); *Из-за чего подралась? С какой радости?* Она могла бы, конечно, и не ехать с ребятами, не в том дело, а только обидно: почему всегда по его и никогда по ее? (Ю. Трифонов); – **С какой радости** я себя на смерть бы обрекал? (М. Шолохов); – *Что это у тебя за перья на шапке? С какой радости нацепил?* – Это, – отвечает Илья, – бабкино наследство (П. Бажов). Как видим, в отдельных случаях авторы «дублируют» значение, усиливая его, употребляя рядом свободные синтаксические единицы и устойчивый комплекс: **зачем мне это, с какой радости**.

Синонимии устойчивых комплексов подтверждает и тот факт, что при переводе конструкций на разные языки в различных контекстах используются синонимические единицы: *А среди них иные в открытую смеются: а зачем это надо было – такие муки брать на себя, зачем было гробить себя, с какой стати!* (Ч. Айтматов) – *А каторья і проста смяюцца: а навошта гэта трэба было, такія пакуты браць на сябе, навошта было знясьльваць сябе – з якой нагоды?*; *Снова в Голодную степь – далеко слишком, да и с какой стати, не стоило тогда уезжать оттуда* (Ч. Айтматов) – *Зноў у Галодны стэп – далёка надта, ды і навошта тады было вяртацца адтуль?* (в белорусском переводе **с какой стати** = **з якой нагоды, навошта**. Первый член синонимического ряда отличается эмоциональностью).

Наблюдается и обратное явление: при переводе на русский язык синонимические члены представляются одной единицей (*Та й з якої б речі він нас зустрівач?* (Ю. Мушкетик) – *Да и с какой стати он нас встречал бы? Та й – світку: оце б Роговий клопотався за сина подруги двоюрідної сестри!* (Ю. Мушкетик) – *Да и с какой стати этот Роговой стал бы хлопотать за сына подруги двоюродной сестры!;* *Жінка його часто одвідує... Любляться вони... нащо йому ся пісня?.. Ну, хіба пісня конче мусить «приходитись»?* (Л. Українка) – *Жена его часто навещает... Любят они*

друг друга... **С какой стати** поет он эту песню?.. Но разве песня должна именно «иметь отношение»? (в переводе с украинского языка **з якої б речі, світку, нащо йому = с какой стати**. Конечно, может присутствовать и элемент субъективности, зависящий от целей или компетентности переводчика).

Нередко переводчики используют экспрессивные единицы вместо прямых вопросов (ср.: нем. **почему? для чего?** и рус. **с какой стати** «*Warum sollt ich denn gerade hier rauchen*» (Т. Mann. Der Zauberberg) – **С какой стати** я бы начал курить здесь?; **Wozu** in aller Welt ich ihr das Manuskript denn zugeschickt habe? (F. Dürrenmatt) – **Тогда с какой стати** я переслал ей рукопись?). Таким образом, русский перевод отличается большей эмоциональностью, в оригинале языковые единицы использованы в прямом значении.

Омонимичны, а потому требуют особого внимания при определении коммуникемы языковые единицы, являющиеся их непосредственной производящей базой, и в разноструктурных языках. Так, сложности возникают при определении статуса языковой единицы *Ни пычагым житми?* (букв. *какого ножа не хватает?*), перевод которой представлен в словаре как *какого чёрта достаёт? Какого рожна ещё надо?* Разумеется, разграничение фраземы и коммуникемы также возможно лишь при функционировании в дискурсе, когда и будет раскрыто значение, фразеологическое или присущее коммуникативной единице.

Итак, устойчиво воспроизводимый словесный комплекс **с какой стати** и его синоним **с какой радости**, являясь то стереотипной коммуникемой, то фразеологической единицей, параллельно служит (а) средством выражения эмоций, отношения человека, (б) косвенно-производным знакообозначением обстоятельств, сопровождающих ситуацию. Следует заметить, что контекстуальными синонимами названных языковых единиц могут быть и устаревшая единица *с какого права*, и функционирующие ныне разностилевые **с какого перепугу (-а)**, **с какого переполоха**, **с какого рожна**, **с какого льда**, **с какого боку**, **по какому праву** и т. д. Все они могут также употребляться в качестве фразем и коммуникем. Сопоставление функционирования фразем и прагмем в различных когнитивных системах позволяет выявить универсальные и этноспецифические черты, что важно и в плане межкультурной коммуникации.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ЭЛПИС, 2008.

Бондаренко, В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учеб. пос. по спецкурсу / В.Т. Бондаренко. – Тула: Изд-во Тульск. ун-та, 1995. – 151 с.

Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под. ред. В. М. Мокиенко; СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

Меликян, В. Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 240 с.

Summary. The article discusses the concept and features of the functioning sentences, which cannot be divided into parts and have no conceptual semantics, as units with a strong pragmatic content. These units reflect a variety of axiological meanings. From this perspective, author analyzes the expression «с какой стати» (“for what reason”) in different languages.

Артеменко Г. С.

ЛОГИЧНОЕ / АЛОГИЧНОЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ

Украина, г. Черновцы, Черновицкий национальный университет
имени Юрия Федьковича
galart.ukr@gmail.com

Тайна формирования знаний в сознании человека остается для исследователей одной из самых интересных и интригующих проблем. Не случайно все более популярными становятся исследования на стыке разных отраслей наук, которые пытаются установить, как построен мозг человека, какие операции он выполняет, воспринимая новую и

уже известную информацию. Одним из направлений такого исследования в языкознании стали изыскания, задачей которых является анализ лингвистического материала через логику, т. е. изучение специфики взаимовлияния языковых и познавательных процессов.

Раскрыть особенности взаимозависимости языковых и мыслительных структур можно, по нашему мнению, через анализ логических схем, которые являются основой и причиной образования фразеологизмов, поскольку именно фразеологические единицы являются нестандартным языковым воплощением стандартной мыслительной операции. Цель нашей работы – проанализировать фразеологизмы украинского языка как устойчивые алогичные структуры, которые являются выразителями логических схем протекания познавательных процессов. Актуальность такого исследования обусловлена вниманием исследователей фразеологических единиц к проблемам познания человеком окружающего мира, процессов накопления, хранения, кодирования и выражения знаний языковыми средствами. В работах по фразеологии ученые часто привлекают к описанию, характеристике или классификации фразеологических единиц понятие алогичности, которое, однако, еще не получило четкого однозначного толкования.

Необходимость изучения логического / алогического во фразеологии отмечают, в частности, С. Моисеева и А. Волошкина, утверждая, что исследования фразеологизмов, в структуре которых наличествует семантический алогизм компонентов, дает возможность проследить вербализацию этнокультурной картины мира. Среди алогичных фразеологизмов ученые выделяют: 1) оксюморон – устойчивые сочетания слов, построенные на внутреннем контрасте некоторых сем, входящих в состав лексических значений компонентов словесного комплекса, 2) парадоксы – сочетание слов, противоречащих жизненной практике, однако лишены внутреннего семантического контраста (Моисеева, 2010: 104-105). Ученые указывают на различие между фразеологизмами с контрастным противопоставлением компонентов и единицами, компоненты которых просто логически несовместимы.

Такая классификация требует различать алогизм преднамеренный, который представлен оксюморонами, антиномиями, каламбурами, и алогизм как «неправильность» сочетания компонентов фразеологизма, их несоответствие принятым нормам соединения слов. Алогизм как признак фразеологизма включает и выражения, обозначенные Е. Селивановой термином «парадокс», который не является преднамеренной игрой слов, а когнитивной и психической способностью человека «создавать знаковые средства, смысловые связи между частями которых не соответствуют имеющейся картине мира и демонстрируют противоречивость буквального и фигурального способов обозначения» (Селиванова, 2004: 187). Описывая парадоксы, исследовательница постоянно обращается к логическим законам, формулам, терминам и выделяет следующие их типы: 1) синтагматический (референциальная неистинность высказывания, логический абсурд, семантическая абракадабра: *на вербі груші; хоч вовк траву їж; як виросте трава на помості; як вовк овець* (захистив)); 2) парадигматические (обусловленные антонимией, омонимией, синонимией, конверсивными, патронимическими отношениями: *переливати з пустого в порожне; не бачити за деревами лісу; пропадати пропадом*), 3) эпидигматический (использование знаков одной концептуальной сферы для обозначения другой: концептосфера РАСТЕНИЕ донорская для фразеологизмов *світ зів'яв; серце в'яне; волос в'яне; око в'яне*) 4) аксиологический (связанный с оценкой действительности: *така хороша, що не варт і гроша; таке добре, що й собаки не їдять*), 5) прагматический парадокс (коммуникант не понимает значение фразеологизма или умышленно трактует его неправильно) (Селиванова, 2004: 186-199).

Классификацию фразеологизмов на основе логичности / алогичности находим у А. Аксамитова, который, анализируя процессы образования фразеологизмов, выделяет единицы, образованные на логико-семиологической (*язык без костей, язык не поворачивается*) и алогичной основе (*груши на вербе, с руками оторвать*), утверждая, что кроме алогичных существуют также выражения, которые не нарушают логики, однако не имеют эквивалентного свободного словосочетания (*волк в овечьей шкуре, стреляный воробей, бабье лето*) (Аksamitov, 1978: 17). Основным для автора критерием занесения фразеологизмов в разряд логичных или алогичных является наличие/отсутствие эквивалентного свободного словосочетания и прозрачность/непрозрачность мотивационных процессов.

Алогизмом обобщенно называют способ формирования внешней формы фразеологизма на основе сочетания несочетаемых лексем, контраста и т. д. Л. Буянова и

А. Коваленко утверждают, что «полное переосмысление, сопровождающее образования идиом, основывается на каком-либо из видов тропа, на алогизме или хорошо известном в этой культуре выражении» (Буянова, 2012: 12), однако не расшифровывают понятие алогизма, а к тропам, которые являются мотивационной базой фразеологизмов, относят метафору, метонимию, сравнение, гиперболу, литоту, перифраз, оксюморон. Таким образом, алогизм противопоставлен тропам как такое явление в процессе образования фразеологизмов, которое не имеет мотивационной базы или в котором ее установить невозможно.

Наиболее убедительным считаем уместным именно термин «алогичный фразеологизм», поскольку в логике различают понятия алогизма, софизма, паралогизма, апории, парадокса, антиномии, поскольку алогизм – это обозначение любой логической ошибки, нелогичной мысли или образа мышления, нарушения логических правил и законов. В литературоведении алогизм рассматривают среди тропов и определяют как сознательное нарушение логических связей с целью достижения определенного стилистического или смыслового эффекта. «Словарь украинского языка» в 11 томах фиксирует оба эти значения: алогизм – «что-нибудь бессмысленное, то, что противоречит логике. Литературный прием, который заключается в преднамеренном нарушении (разрыве) логической связи с целью создания комизма, иронии и т. п.», алогичный – «противоречащий логике, бессмысленный» (СУМ, т. 1, 1970: 35). Алогизмы как логические ошибки делятся на паралогизмы и софизмы, дифференциальным признаком которых является сознательное / бессознательное нарушение законов и правил логики. Таким образом, не совсем точным является сведение алогизма только к преднамеренному стилистическому приему.

В лингвистике термином «парадокс» обозначают «фигуру речи, утверждение, включающее на первый взгляд, внутреннее противоречие, логическую несочитаемость, т. е. одна часть предложения будто отрицает другую, и вообще суждение, которое намеренно резко расходится с общепринятыми представлениями» (Тараненко, 2004: 458–459), отождествляя таким образом понятие парадокса с алогизмом как литературным приемом и оставляя без внимания бессознательные логические ошибки.

Если по логике алогизм – это любая нелогичность, нарушение логики, то парадокс – это высказывание или мысль с реальным смыслом, но не имеющее логического объяснения. Парадокс в логике дополнен понятием «апории»: это вымышленная, однако логически правильная ситуация, которой не может быть в действительности. Фразеологизмы можно назвать парадоксами, так как их семантика указывает на реальный объект, признак, событие, а внешняя форма при этом не отвечает прямо названному денотату. Однако при анализе следует учитывать следующие уровни отношений во фразеологизме:

1) внешняя форма выражения – семантика фразеологизма (логичность / алогичность целостного фразеологизма – на таком уровне большинство, но далеко не все фразеологизмы являются парадоксами, поскольку буквальное значение внешней формы фразеологизма и его семантика не совпадают; денотат реальный, а его обозначение логически не оправдано; однако компаративные фразеологизмы больше тяготеют к апориям, поскольку сочитание слов-компонентов фразеологизма логически правильное, но объект сравнения и его фразеологическая номинация реально не соотносятся);

2) семантика компонента – семантика фразеологизма (логичность / алогичность отбора компонентов для выражения целостной семантики: каждый компонент фразеологизма в некоторой степени интегрирует элементы своего значения в целостную семантику выражения). Фразеологизмы можно рассматривать как умышленные алогизмы, то есть софизмы (значение компонента обыграно для создания комического эффекта, выражения грубого обращения или чрезмерного увлечения, преувеличения и т. д.): *як рак свисне* (СФУМ, 2003: 592), *шкандибати на голову* (СФУМ, 2003: 776), *хай земля буде пухом (пером)* (СФУМ, 2003: 263), *живий труп* (СФУМ, 2003: 725), *без тижня день* (СФУМ, 2003: 190), *і сліпий побачить, перевернути [увесь] світ* (СФУМ, 2003: 490), *заступити світ* (СФУМ, 2003: 252), *море по коліна* (СФУМ, 2003: 405), *дихнути ніколи* (СФУМ, 2003: 201), *самому чорту брат* (СФУМ, 2003: 37), *з вареної крашанки курча висидить* (СФУМ, 2003: 84);

3) компонент 1 – компонент 2 – компонент N (логичность / алогичность сочетания компонентов в одном фразеологизме). При таком подходе парадоксами будут фразеологизмы: *думка крутиться в голові* (СФУМ, 2003: 221), *доїхати кінця* (СФУМ, 2003: 213), *ходячий довідник* (СФУМ, 2003: 211), *ділити шкуру невбитого ведмедя*

(СФУМ, 2003: 203), а высказывания типа *гріти зуби на сонці* (СФУМ, 2003: 170), *не давати собі по носі грати* (СФУМ, 2003: 184), *не давати і пиліні (порошині, порошок, пилінці і т. ін.) впасти* (СФУМ, 2003: 183), *дбати тільки про свою шкіру* (СФУМ, 2003: 189), *держати розум в голові* (СФУМ, 2003: 192), *дивитися в корінь* (СФУМ, 2003: 197), буквально описывающие теоретически возможное действие, которое, однако, не соотносится с действительностью, являются апориями. С другой стороны, компоненты выражений *дивитися крізь пальці* (СФУМ, 2003: 198), *давати рецепти* (СФУМ, 2003: 181), *докинути хмизу в жар* (СФУМ, 2003: 213), *дороги розходяться* (СФУМ, 2003: 216) сочетаются логически оправданно, согласно семантике слов-компонентов, поэтому о парадоксальности сочетания компонентов здесь речь не идет.

Таким образом, парадокс является лишь одним из логических ошибок, поэтому для анализа фразеологизмов наиболее целесообразным считаем термин «логический / алогический фразеологизм» как соответствие или несоответствие фразеологизма правилам логики, законам и закономерностям – выразителям структур и схем мыслительных операций. Считаем, что логичность / алогичность фразеологизма – это не наличие / отсутствие свободного эквивалента, не только оксюморон или языковая игра как принцип образования фразеологического выражения – это способ сочетания компонентов единицы согласно со структурой знаний, носителем которых является эта единица, в сознании человека и нации в целом.

Итогом и обобщением упомянутых классификаций фразеологизмов на основе их логичности / алогичности могла бы стать, по нашему мнению, такая классификация:

1. Логичные фразеологизмы, в которых сочетание компонентов соответствует логическому существованию названных ими реалий (фразеологизмы, образованные на логико-семиологичной основе – за А. Аксамитовым): *ні вашим, ні нашим* (СФУМ, 2003: 428), *і горя нема* (СФУМ, 2003: 429), *далі й нікуди* (СФУМ, 2003: 436), *нога людська не ступала* (СФУМ, 2003: 437), *ні перед очима, ні за плечима* (СФУМ, 2003: 472).

2. Фразеологизмы алогичные (такой термин для обозначения классификационного признака зафиксирован у А. Аксамитова, у Е. Селивановой это парадоксы, большинство исследователей пользуется обоими терминами без четкого различения):

2.1. Умышленно алогичные фразеологизмы (фразеологизмы с контрастным противопоставлением компонентов, оксюмороны – у С. Моисеевой и А. Волошкиной; парадигматические и синтагматические парадоксы – у Е. Селивановой; фразеологизмы, основанные на алогизме, – у Л. Буяновой и А. Коваленко; софизмы, парадоксы – в логике.) Чаще всего это:

– оксюморон: *і сліпому видно* (СФУМ, 2003: 663), *ходячий (живий) мрець* (СФУМ, 2003: 410), *вовк у овечій шкурі* (СФУМ, 2003: 119);

– сравнение: *як баран в аптеці* (СФУМ, 2003: 23), *як вовк на зорях* (СФУМ, 2003: 754), *як у карася вовни* (СФУМ, 2003: 119);

– гипербола: *гори покотити* (СФУМ, 2003: 563), *прихилити неба* (СФУМ, 2003: 568);

– фразеологизмы со значением согласия / несогласия, утверждения / отрицания, усиления сказанного, проклятия, пожелания и т. п. Целостная семантика выражения формируется как фиксация умышленно алогичного сочетание компонентов: *як виросте гарбуз на вербі* (СФУМ, 2003: 147), *хоч землю їж* (СФУМ, 2003: 281), *на вербі груші* (СФУМ, 2003: 172), *хоч живим до Бога лизь* (СФУМ, 2003: 343), *хоч на хвіст собаці вилий* (СФУМ, 2003: 334).

2.2. Мотивированно алогичные фразеологизмы (парадоксы – у С. Моисеевой и А. Волошкиной; фразеологизмы, компоненты которых логически не совместимы, однако не противопоставленные; не нарушают логики, однако не имеют эквивалентного свободного словосочетания – у А. Аксамитова; паралогизмы, аперии – в логике):

– фразеологизмы, сочетание компонентов которых не противоречит логике взаимосвязей предметов и явлений действительности, но семантика фразеологизма только частично мотивирована значением компонентов: *набирати в рот води* (СФУМ, 2003: 415), *накрити мокрим рядом* (СФУМ, 2003: 421), *нести своє ярмо* (СФУМ, 2003: 433);

– фразеологизмы, алогичный компонентный состав которых можно логизировать и объяснить отражёнными в них механизмами переосмысления действительности: *плакали гроші* (СФУМ, 2003: 172), *висіти на язика* (СФУМ, 2003: 84), *обпікати очима*

(СФУМ, 2003: 455), *пасти пташок* (СФУМ, 2003: 486), *обертатися в слух* (СФУМ, 2003: 447), *сором їсть очі* (СФУМ, 2003: 677), *стриміти цв'яхом у мозку* (СФУМ, 2003: 698).

Перспективу углубленного изучения логического / алогического в процессах и результатах фразеологизации видим в конструировании логико-когнитивных моделей и схем с целью логизировать способы слияния компонентов фразеологизма в одну целостную единицу.

Литература

Аксамітаў, А. С. Беларуская фразеалогія / А. С. Аксамітаў. – Минск: «Вышэйшая школа», 1978. – 224 с.

Буянова, Л. Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 184 с.

Моисеева, С. А. Семантический алогизм компонентов фразеологических единиц / С. А. Моисеева, И. А. Волошкина // Фразеология и когнитивистика : сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. : в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. – С. 102–107.

Селіванова, О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти) : монографія / Олена Селіванова. – К. – Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.

Словник української мови: в 11 т. – К.: Наукова думка, 1970–1980.

Словник фразеологізмів української мови. – К.: Наук. думка, 2003. – 1104 с.

Тофтул, М. Г. Логіка. – К.: Академія, 2002. – 368 с. <http://readbookz.com/books/184.html>

Тараненко, О. О. Парадокс / О. О. Тараненко // Українська мова: Енциклопедія. 2-ге вид., випр. і доп. – К.: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2004. – С. 458-459.

Summary. The article is devoted to the problem of correlation between linguistic and logical processes. The author approve the term *illogical idiom* and explain it in of linguiscit and logic aspects. Idioms are demonstrated as a logical or illogical units according to the specific of mental processes they are based on.

Артемова О. А.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Республика Беларусь, Белорусский государственный университет
artimosh2008@rambler.ru

Пространство как первый аспект бытия, который воспринимается и дифференцируется человеком, не раз становилось объектом лингвистического описания. Особую значимость среди подобных исследований приобретает сопоставительное изучение фразеонд разносистемных языков, где идентифицируются и манифестируются национальное самосознание, культурно-исторические традиции, эмпирический и духовный опыт различных этносов.

Современная лингвистика характеризуется значительным количеством работ, посвященных анализу отдельных групп фразеологизмов с пространственной семантикой в славянских, немецких и романских языках. Однако белорусские фразеологические средства пространственной номинации в сопоставлении с фразеологизмами других языков остаются неисследованной отраслью белорусского языкознания. В связи с этим актуальность приобретает установление системной организации категории пространства в белорусском и английском фразеондах с выявлением её универсальных характеристик и идиоэтнических особенностей, определение соотношения общего и национально-специфического во фразеологической репрезентации этой категории в белорусском и английском языках. Материалом для исследования послужили: 588 белорусских и 787 английских фразеологизмов, выбранных из словарей белорусского (Аксамітаў, 1993; Лепешаў, 2004, 2008; Пашкевіч, 2006, Санько, 1991; Янкоўскі, 1968, 1973) и английского языков (Кунин, 2005; Мюллер, 1995; Cowie, 2000; Daphne, 2001, Freeman, 1982; Kirkpatrick, 1983; Long, 1987; Sinclair, 1995, 2002; Spears, 2011; Wood, 1979), а также 1375 контекстов из произведений художественной литературы XIX, XX и XXI веков на белорусском и английском языках.

В ходе исследования установлено, что белорусские и английские фразеологические единицы (ФЕ) формируют фразеосемантические пространственные поля (ФСПП), которые имеют одинаковую полицентрическую структуру и состоят из микрополей перемещения, местонахождения, метрики и топологии.

Микрополя перемещения включают следующие семантические параметры: «фазовость», «направление», «субъект», «среда», «средство», «характер» и «скорость» передвижения.

«Фазовость» манифестируется фразеосемантическими подгруппами *начало перемещения, конец перемещения, приход / приезд / появление, отход / отъезд / исчезновение*. По сравнению с *началом* (6 белорусских и 9 английских ФЕ) параметр *конец* перемещения характеризуется значительной репрезентативностью (49 белорусских и 55 английских ФЕ). Конец перемещения воспринимается негативно и может быть обусловлен: сильными эмоциями, стрессом (*як прычараваны, as though entranced* 'неподвижно'); падением (*з капытоў далоў, be swept off one's feet* 'повалиться, упасть'); ограниченностью ресурсов организма (*на ногах не держатся, be ready to drop* 'не мочь ходить, двигаться от усталости, слабости, болезни'); невозможностью перемещения из-за неблагоприятных внешних обстоятельств (*ні туды ні сюды, stick fast* 'без движения, без изменений, не продвигаясь вперед'); опасностью перемещения для субъекта (*ні кроку, not move / budge / give / yield an inch* 'быть в том же самом положении, не двигаться'); устройством на постоянное место жительства (*кідаць якар, cast / come to / drop an anchor* 'останавливаться, устраиваться где-нибудь на постоянное жительство').

Анализ белорусских и английских ФЕ фразеосемантической подгруппы *приход / приезд / появление* показал, что *приход, приезд, появление* субъекта без предупреждения в белорусской и английской лингвокультурах нежелателен. Об этом свидетельствуют лексемы с семантикой отрицательных мифологических феноменов *бура / вецер / вятры, злыдні, нялёгая / нячыстая сіла, халера* в структуре белорусских ФЕ (*чорт нясе / прынёс каго*) и христианские антиподы Бога *hell, dickens, devil, heck* в структуре английских ФЕ (*what the hell / devil / deuce / dickens / blazes brings / has brought someone here?*).

Отход и отъезд субъекта связан с инстинктом самосохранения (*падмазваць пяткі / пяты, take to one's heels* 'убежать, смыться'), а исчезновение – с невозможностью наблюдать объект зрением (*знікаць з вачэй / воч, get out of sight* 'переставать быть видимым'), его разрушением или уничтожением (*ісіці / пайсці з дымам, go up in smoke* 'терпеть крах, окончательно разрушаться, гибнуть').

Установлено, что «направление» перемещения в белорусской и английской фразеосистемах бывает трех типов: *откуда* (*з усіх бакоў, from all sides* 'отовсюду'), *куда* (*за вачыма бегчы, follow one's nose* 'идти, куда вздумается') и *откуда / куда* (*то туды то сюды, hither and thither* 'в разные стороны, в разных направлениях; то в одну сторону, то в другую'). Исходный пункт *откуда* и конечный пункт *куда* – это места, характеризующиеся отдаленностью и неопределенностью, куда субъект попадает не по собственной воле (*к чорту на роги, to the middle of nowhere* 'очень далеко, в очень отдаленные или труднодоступные места'). Выявленная количественная асимметрия исходного (9 белорусских и 8 английских ФЕ) и конечных пунктов (48 белорусских и 48 английских ФЕ) обусловлена направленностью органов восприятия человека вперед и большей коммуникативной значимостью конечного пункта как цели перемещения.

Перемещение *откуда / куда* может осуществляться в пределах открытого, континуального (*і туды і сюды и hither and thither* 'туда и сюда'), так и ограниченного, закрытого пространства в горизонтальной (*з краю ў край, from end to end*) или горизонтально-вертикальной плоскости (*уздоўж и nonерак, the length and breadth of something*).

Вместе с семантикой 'направление движения' в белорусских и английских ФЕ репрезентируются: а) табуированные сферы жизни человека – физиологические процессы организма (*куды і каралі пешыу ходзяць, take a leak* 'в туалет идти, бегать'), тюремное заключение (*за краты, get behind bars* 'в тюрьму'), б) пути социализации человека в обществе (*павылятаць з гнязда и fly / leave the nest* 'покинуть родительский дом и стать самостоятельным в жизни').

Белорусская и английская пространственные фразеосистемы характеризуются антропоцентричностью, поскольку основным «субъектом» движения выступает человек, который перемещается в пригодной для него «среде» – земной поверхности – при помощи «средства» передвижения – пешком (*біць ногі и beat the hoof* 'ходить куда-нибудь долгое время').

«Характер» перемещения – это такое движение, при котором остается впечатление о лёгкости или грузности, грациозности или неуклюжести, силе или расслабленности, свободе или скованности. В белорусской и английской фразеосистемах манифестируется передвижение на пальцах ног (*на дыбачках, on one's tiptoe*), на руках и ногах одновременно (*пайці на карачках* и *on all fours* ‘одновременно на обеих руках и ногах’), в состоянии алкогольного опьянения (*іці на вушах* и *under the influence* ‘в состоянии сильного опьянения’), неуклюже (*як мядзведзь* и *like a bull in a china shop* ‘неуклюже двигаться’). Неуклюжесть движения образно связана с повадками животных и птиц: в белорусском языке – это *слон* и *медведь*, в английском – *бык*.

Объекты перемещаются в пространстве с определенной скоростью. Установлено, что «скорость» – самая важная кинетическая характеристика для белорусов и англичан, о чем свидетельствует количественная наполняемость этой фразеосемантической группы: 102 белорусских (17,7%) и 120 английских ФЕ (15,2%). Объекты могут перемещаться «быстро», «медленно» или, если их два или более, «с одинаковой скоростью».

«Быстрое» перемещение имеет общую положительную коннотацию и образно связано: а) с автономными движениями частей тела человека (*як вокам згледзець, in the twinkling / wink of an eye*) б) с максимальными физическими возможностями (*што ёсць сілы, with all one's might*), в) с афектным психическим состоянием (*як апантаны, like a man / woman possessed*); с силами и явлениями природы (*як з перуна, like a streak of lightning*); г) с транспортными средствами (*на ўсіх парусах, under full sail*); д) с мифологическими явлениями и отрицательными христианскими феноменами (*без душы бегчы, run like hell / dickens / hell / the devil*); е) очень короткими отрезками времени, которые не фиксируются сознанием человека (*у адзін момант, in <just> a moment*).

«Медленное» перемещение, наоборот, оценивается негативно, поскольку вызвано а) усталостью, слабостью, болезнью (*ледзь ногі цягнуць, scarcely drag one foot after the other*), б) ленью, нежеланием, незаинтересованностью говорящего в передвижении (*нага за нагу іці / пайці / плесціся, hardly put one foot in front of the other*), в) отсутствием причин для спешки (*не на пажар, where is the fire?*).

Нерепрезентативность фразеосемантической подгруппы *с одинаковой скоростью* (*крок у крок, in step with someone*) свидетельствует об отражении в белорусской и английской фразеосистемах максимальной или минимальной скорости передвижения.

Белорусской фразеосистеме присуще определение направления движения зрением в горизонтальной плоскости (*куды вочы нясуць*) и мифологизация кинетических пространственных характеристик, что связано с использованием в качестве образной основы белорусских фольклорных феноменов (*халера нясе / прынесла каго*).

Английская идеотническая специфика фразеологической репрезентации перемещения детерминирована: наличием направления движения для максимального быстрого преодоления расстояние до объекта (*across lots* ‘прямо’); репрезентацией большой скорости механических транспортных средств (*burn rubber* ‘очень быстро ехать; про машину’); активным использованием морской терминологии (*give someone or something a wide berth* ‘обходить кого-нибудь или что-нибудь’, буквально ‘дать кому-нибудь широкие якорные места или место у причала’); определением направления перемещения объекта по запаху (*follow one's nose* ‘идти в направлении запаха’); экспликацией различных типов перемещения: вертикально (*up and down the country* ‘в разных направлениях’), в воде и воздухе (*tread water* ‘плыть стоя’, *hit the silk* ‘прыгать с парашютом’), по причине невыполнения денежных обязательств (*do a moonlight flit* ‘съехать из квартиры без оплаты’), с определёнными трудностями (*worm one's way* ‘пробирается ползком’).

Микрополя местонахождения объединяют белорусские и английские фразеологизмы, которые репрезентируют ориентационные пространственные характеристики «с указанием расстояния» (*близко / далеко, далеко, высоко*) и «без указания расстояния» (*нахождение в одном месте, нахождение в разных местах, нахождение нигде*).

Локализация объекта «с указанием расстояния» до него описывается трехкомпонентной горизонтальной пространственной моделью *близко – недалеко – далеко*. Значительное количество белорусских и английских ФЕ с семантикой ‘близко’, их использование с актуальными предикатами типа *высіцца, чарнець*, наличие в их структуре соматизмов *вока, рука, нога* (*над рукой* и *near at hand, вока ў вока* и *eyeball to eyeball, над нагамі* и *under foot*), образная связь с предметами и явлениями жизни человека (*плот у плот* и *right next door to something*) свидетельствуют о сомато-антропоцентрическом характере близкого к говорящему пространства.

ФЕ со значением 'недалеко' эксплицируют местоположение объекта за пределами тактильного пространства наблюдателя, но не исключают возможность этот объект увидеть или дойти до него за небольшой промежуток времени (*у трох / некалькіх кроках* и *within two / a few steps away / away from / from to*).

Фразеологизмы с семантикой 'далеко', связанные с образами края, границы (*на краю света / зямлі* и *at the end of the earth*), обозначают локализацию объекта за пределами перцептивных возможностей наблюдателя, о чем свидетельствуют отсутствие соматизмов в структуре ФЕ этой подгруппы и их употребление с неактуальными предикатами *быць, жыць, знаходзіцца*: *Ну што ж, пойдзем па хатах. Я ў чорта на кулічках жыву. Праводзіць мяне не трэба* (А. Асіпенка); *He lives in some tiny, remote village in the back of beyond* 'Он живет в маленькой отдаленной деревеньке у черта на куличках' (Cambridge Idioms Dictionary).

Как показало исследование, белорусам присуще использование девятично-десятичной системы исчисления (*за трыдзець зямель, за дзясятай гарой*) и зрительного анализатора при определении расстояния до объекта (*за вачыма* 'очень далеко'). Носители английского языка определяют отдалённую локализацию объекта наряду со зрением при помощи слуха (*out of earshot* 'за пределами слышимости'). Яркие образы белорусской мифологии и фольклора *ворон, комар, черт* в ФЕ *воран касцей не занясе, дзе камар козы пасе, у чорта ў зубах, у чорта на рагах* детерминируют их экспрессивность, отрицательную коннотацию и показывают мифологизированное восприятие белорусами местонахождения объекта на значительном расстоянии.

Английские ФЕ со значением 'далеко' образно связаны с задней частью объекта (*the back of beyond* – буквально 'сзади за'), лишены коннотации, являются нейтральными и репрезентируют культурно-маркированную структуру личного пространства человека (*keep someone at arm's length* 'держат кого-либо на расстоянии вытянутой руки').

Установлено, что местонахождение «без указания расстояния» включает следующие фразеосемантические подгруппы: *нахождение в одном месте, нахождение в разных местах, нахождение нигде*.

Нахождение в одном месте реализуется в белорусской и английской фразеосистемах через трёхкомпонентную вертикальную пространственную модель *доброе, родное, известное место / конкретное местонахождение / плохое, чужое, неизвестное место*. Белорусские и английские ФЕ фразеосемантической подгруппы *доброе / родное / известное место*, ассоциативно связанные с постмифологическими феноменами *Бог, небесное царство*, имеют одобрительную коннотацию и свидетельствуют об осмыслении освоенного, известного и безопасного пространства в христианской культурной традиции (*царства нябеснае, the kingdom of heaven* 'рай, загробную жизнь в раю').

Конституенты фразеосемантической подгруппы *конкретное местонахождение* репрезентируют координатно-ориентированную локализацию объекта в поле зрения (*на <самым> відавоку* и *in full view of everybody*), на открытом пространстве (*над голым небам* и *in the open air*), справа (*на правую руку* и *at the right hand side*) или слева (*на левую руку* и *at the left hand side*). Они являются нейтральными и характеризуются отсутствием в их структуре лексем-топонимов. Вместе с тем английские фразеологизмы содержат культурно-историческую информацию о социальной структуре англоязычного общества. Так, во ФЕ *sit above the salt* 'сидеть за верхнем концом стола' и *sit below the salt* 'сидеть за нижним концом стола' отражена давняя английская традиция размещения людей во время приема пищи: знатных гостей сажали ближе к солонке 'над солью' (*above the salt*), а безродных гостей, бедных родственников и слуг – подальше от солонки 'под солью' (*below the salt*).

Белорусские и английские ФЕ подгруппы *плохое / чужое / неизвестное место* обозначают локализацию объекта на границе или за пределами зрительного, слухового или обонятельного восприятия на максимальном расстоянии от наблюдателя. Образная связь белорусских ФЕ этой подгруппы с дохристианскими феноменами *агонь, вятры, гром, каланіца, немач, нечыстая сіла, халера* обуславливает их негативную коннотацию, принадлежность к просторечному регистру и свидетельствует о мифологическом осмыслении белорусами неизвестной локализации: *Дзе гэта цябе нялёгкая носіць? Усё гулі табе!* (С. Грахоўскі).

Английским ФЕ со значением 'неизвестное, чужое, плохое место' не свойственно подобное разнообразие фольклорных феноменов. Здесь образной основой выступают

цельные пространственные локусы, находящиеся внизу по вертикали (*the lower world* – буквально ‘нижний мир’ – ‘ад’) или на противоположной стороне по горизонтали (*on / from the wrong side of the tracks* – буквально ‘по ту сторону дороги’ – ‘из непрестижной части города’). Они характеризуются нейтральностью в плане эмоций.

Вместе с мифологическими персонажами в белорусских ФЕ и цельными локусами в английских ФЕ со значением ‘плохое, чужое, незнакомое место’ присутствуют феномены постмифологических концепций мира – христианства и мусульманства (*Бог, Алах, чорт, God, devil: Бог ведае дзе, God knows where*).

Постмифологические феномены и фольклорные существа есть наивысшие напад-ресаты, поэтому белорусские и английские ФЕ этой подгруппы можно считать эвиденциальными средствами с эксплицитным указанием на источник сообщения: *Насця не паглядзела, што Иван не маладзён. І яе ўласная маладосць Бог ведае дзе засталася ззаду* (А. Васілевіч). *God knows where she'd been last night* (М. Ripley) ‘Бог знает, дзе она была прошлой ночью’.

Белорусские и английские ФЕ фразеосемантической подгруппы *местонахождение в разных местах* репрезентируют локализацию, ограниченную возможностями зрительной перцепции наблюдателя. Она может быть постоянной (*i там i тут, here and there*), периодической (*то там то сям, now here now there*) и осуществляется горизонтально. Семантика локализации такого типа в белорусских и английских ФЕ эксплицируется действительными местоимениями *тут, там* и *here* ‘здесь’, *there* ‘там’ и лексемами-интенсификаторами *кожны, every* ‘каждый’. Кроме того, английские ФЕ этой подгруппы нередко включают лексемы-топонимы типа *China* ‘Китай’ и делимитативные предлоги *from* ‘от’ *i to* ‘к’ (*from China to Peru* ‘от Китая до Перу’).

Пространственная локализация в разных местах, обозначенная белорусскими фразеологизмами, детерминируется преимущественно полем зрения наблюдателя в горизонтальной плоскости: *куды ні кінеш вокам* ‘езде, сквозь, вокруг’. В английской фразеосистеме нахождение объекта в разных местах может быть не только горизонтальным, но и вертикальным: *high and low* ‘езде’.

Нерепрезентативность локализации *нигде* (*ні тут ні там, neither here nor there*) эксплицирует вещественную, заполненную модель пространства в белорусской и английской фразеосистемах.

Микрополя метрики объединяют белорусские и английские ФЕ, указывающие на метрические пространственные свойства, представленные следующими фразеосемантическими группами и подгруппами: размер (*большой, маленький, одинакового размера*), длина (*короткий*), глубина, (*неглубокий*) и континуальность (*континуальность, ограниченность*).

Как показал анализ белорусского и английского фактографического материала, объекты могут быть *большими, маленькими*, а также *одинакового размера*. Большим бывает человек (*вярста коломенская, a long / big drink of water* ‘человек очень высокого роста’), деревья и растения (*гамоніць з небам, be high as the sky* ‘очень высокий; про лес, деревья, растения’). Вместе с семой ‘величина’ актуализируются дополнительные семы ‘сильный’ (*хоць у плуг запрагай, built like a tank* ‘могучего сложения, сильный’) и ‘гордый’ (*не бачыць ног за пузам* ‘о толстом, гордом человеке’, *a fat cat* ‘толстопузый, гордый’).

Значение ‘маленький’ формируется зооморфной метафорой на основе сравнения с птицами, земноводными, млекопитающими маленького размера. Для белорусов – это воробей (*з вераб’іны нос*), жаба (*жабе па калена*), ворона (*варона в дзюбе панесці можа*), для носителей английского языка – это *duck* ‘утка’ (*knee-high to a duck*), *grasshopper* ‘кузнечик’ (*knee-high to a grasshopper*), *jackrabbit* ‘кролик’ (*knee-high to a jackrabbit*).

Нерепрезентативность белорусских и английских ФЕ подгруппы *одинакового размера* (5 белорусских и 1 английская ФЕ) (*адзін над адзін* и *two / three etc of a kind*) свидетельствует про отражение в белорусской и английской фразеосистемах асимметричных, неэталонных характеристик объектов, которые воспринимаются белорусами и англичанами как отклонения от нормативных показателей и сопровождаются неодобрительной или иронической коннотацией.

Характеристики *короткий* и *неглубокий* представлены 2 белорусскими ФЕ и 2 английскими ФЕ: *на жабін скок* и *no distance at all* со значением ‘короткий’, *жабе па калена* и *up to one's knees* со значением ‘неглубокий’.

Установлено, что белорусские и английские ФЕ с метрической семантикой отражают гендерные стереотипы. Эталонном женственности в белорусской и английской лин-

гвокультурах выступае стройнасць: *Хоць дзяўчаты былі, як гаворыцца, у цэле, але ж добрых дзесяць дзён... яны не бачылі ў вочы мяса* (Г. Марчук); *Stephanie had always been on the heavy side for her 5 ft 4 ins (1.6 m) frame* 'Стефани всегда была в теле при росте 5 футов 4 дюйма или 1,6 метра' (The British National Corpus). Эталоны мужественности – это широкие плечи, высокий рост: *Марыя Міхайлаўна ўважліва аглядзела рослага правадніка. Касы сажань у плячах. Волат* (У. Мяжэвіч); *I should imagine he's pretty strong – he's built like a tank* 'Я представляю, что он довольно сильный – **косая сажень** в плечах'. Высмеиваются большой живот, широкие бедра, лишний вес: *Сам ён тоўсценькі як кадзь, І нізкі, і кругленькі* (Я. Колас); *He ate till he was as big around as a molasses barrel* [DAIPV] 'Он ел, пока не стал толстым, **как бочка**'.

Национально-специфические черты репрезентации параметрических характеристик проявляются в несовпадении: а) объектов для измерения: *нос* в белорусской фразеосистеме (*Бог семярым нес ды аднаму дастаўся* 'очень большой; про нос') и *ягодицы* в английской (*broad in the beam* 'толстозадый', б) стержневых компонентов, связанных с национально-культурными реалиями (*як плаха* 'большой по размерам', где *плаха* – кусок расколотого вдоль бревна; *as fat as an alderman* 'толстый, полный, с брюшком', где *alderman* 'член совета района'), в) метрических прототипов (*варона, верабей, жаба, сабака* и *duck* 'утка', *grasshopper* 'кузнечик', *jackrabbit* 'кролик', *cat* 'кот').

Континуальность пространства в белорусской и английской фразеосистемах определяется перцептивными возможностями наблюдателя охватить границы удлиненного объекта зрительным анализатором: *наколькі хапае вока, as far as the eye could see*. Континуальность ассоциируется со свободой и получает положительную коннотацию. В свою очередь, пространственная ограниченность связана в белорусской фразеосистеме с нехваткой земельных ресурсов для ведения хозяйства: *як старой бабе сесці* 'очень мало; обычно о земле'. В английском фразефонде она детерминирована границами личного пространства наблюдателя, нарушение которого воспринимается негативно и получает отрицательную оценку: *sit bodkin* 'сидеть зажатый между двумя пассажирами'.

Топология реализуется через *форму*. Английские фразеологизмы репрезентируют параметры 'круглый' (*as round as a ball* 'круглый как шар'), 'плоский' (*flat as a board* 'плоский, ровный'), 'прямой' (*be as straight as a ramrod* 'очень прямой'), а также характеризуют объекты неопределенной формы (*like a sack of potatoes* 'бесформенный'). В белорусской фразеосистеме была обнаружена 1 ФЕ со значением 'форма': *пад гаршчок* 'равной линией вокруг головы'. Значительное количественное превышение белорусских и английских ФЕ с метрической семантикой над ФЕ со значением 'форма' свидетельствует о концептуализации объекта в белорусском и английском фразефондах преимущественно метрическим способом.

По соотношению с частями речи среди белорусских и английских пространственных ФЕ количественно преобладают глагольные и наречные единицы, что свидетельствует о процессуально-обстоятельственном характере пространственной модели в белорусской и английской фразеосистемах. Эта модель отражает связь пространства, времени и движения.

Таким образом, белорусские и английские пространственные ФЕ реализуют универсальные характеристики категории пространства, базирующиеся на общих для носителей этих языков закономерностях мыслительных процессов: *антропоцентричность, неразрывность со временем, обстоятельно-процессуальный характер*. Вместе с тем белорусская и английская национально-специфическая маркированность фразеологической репрезентации категории пространства проявляется в *лингвокультурном, аксиологическом, социокультурном* и *перцептивном* аспектах. *Лингвокультурные* различия определяются мифологизацией пространства в белорусском языке и осмыслением пространственных характеристик в христианской культурной традиции носителями английского языка. *Аксиологическая* идиотичность манифестируется эмотивностью категории пространства для белорусов и её нейтральностью в плане эмоций для носителей английского языка. *Социокультурная* специфика проявляется в точной структуризации личного пространства говорящего для англичан и допущения меньшего расстояния между участниками коммуникации для белорусов. *Перцептивные* различия репрезентируются через преимущественно зрительное восприятие пространственных характеристик носителями белорусского языка и возможность их слуховой перцепции в английской лингвокультуре.

Літэратура

- Аксамітаў, А. С. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / А. С. Аксамітаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
- Кунін, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Рус. яз., 2005. – 1224 с.
- Лепешаў, І. Я. З народнай фразеалогіі / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Выш. шк., 1991. – 109 с.
- Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Бел. энцыкл., 2004. – 443 с.
- Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Бел. Энцыкл., 2008.
- Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер [и др.]. М.: Рус. яз., 1995. – 880 с.
- Пашкевіч, В. Ангельска-беларускі слоўнік / В. Пашкевіч; пад рэд. С. Шупы. – Мінск: Зміцер Колас, 2006. – 1028 с.
- Санько, З. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 224 с.
- Янкоўскі, Ф. М. Беларуская фразеалогія / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск: Выш. шк., 1968. – 448 с.
- Янкоўскі, Ф. М. Фразеалагічны слоўнік / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск: Нар. асвета, 1973. – 352 с.
- Янкоўскі, Ф. М. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 494 с.
- Cambridge Idioms Dictionary. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com>. Date of access: 12.04.2010.
- Cowie, A. P. Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – 685 p.
- Daphne, M. G. The Penguin Dictionary of English Idioms / M. G. Daphne, D. Hinds-Howell. – London: Penguin Books, 2001. – 378 p.
- Freeman, W. A. Concise Dictionary of English Idioms / W. Freeman. – London: Hodder a. Stoughton, 1982. – 215 p.
- Kirkpatrick, E. M. Chambers Idioms / E. M. Kirkpatrick, C. M. Schwarz. – Singapore: Federal Publ., 1983. – 432 p.
- Long, Th. H. Longman Dictionary of English Idioms / Th. H. Long. – London: Longman, 1987. – 387 p.
- Sinclair, J. Cobuild Dictionary of Idioms / J. Sinclair. – London: Collins Publishers, 1995. – 493 p.
- Sinclair, J. Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners / J. M. Sinclair. – Glasgow: Collins Cobuild, Klett, 2002. – 1824 p.
- Spears, R. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs / R. Spears. – 2011. – Mode of access: <http://www.idioms.thefreedictionary.com>. – Date of access: 03.03.2010.
- The British National Corpus. Oxford, 2010–2012. Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. Date of access: 14.05.2010.
- Wood, F. T. Dictionary of English Colloquial Idioms / F. T. Wood, R. Hill. – London: Macmillan press, 1979. – 354 p.

Summary. The article deals with the comparative study of the spacial Belarussian and English phraseological units and represents universal characteristics and national peculiarities of the category of space in the phraseosystems of these languages.

Бабушкіна О. Н.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ ФРАЗЕОЛОГИИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ

Россия, г. Челябинск, Челябинский государственный университет
babushkina_on@mail.ru

Оценочная картина мира представляет собой совокупность ценностных культурно-мировоззренческих установок, отражаемых в особом взаимодействии различных средств языкового выражения. Для ее наиболее полного и целостного воссоздания необходимо рассматривать оценочные единицы разных языковых подсистем.

В ходе проведенного лингвокогнитивного исследования оценочных фразеологизмов, используемых для характеристики профессиональной деятельности, установлено, что оценочные знания о профессиональной деятельности человека структурируются в категориальный фрейм, который содержит существенные, типичные сведения о профессиональной деятельности в соответствии с 11 критериями – оценочными категориями:

Радение (ответственность) работника, Наличие квалификации работника, Результативность труда, Качество труда; Сложность труда, Общественная польза труда, Временные затраты на осуществление деятельности, Творческий подход к труду, Финансовое вознаграждение за выполненную работу, Созидательный характер труда, Отношение к физическому труду.

Первые четыре оценочные категории относятся к базовому уровню оценочной категоризации и являются наиболее значимыми при оценке профессиональной деятельности. Субъект оценки, представленной в данных фразеологических единицах, оперирует преимущественно обыденным знанием в процессе номинации. Остальные категории относятся к субординатному уровню оценочной категоризации, являясь частными оценочными категориями. Субординатный уровень оценочной категоризации предполагает использование субъектом оценки не только обыденного знания в процессе косвенно-производной номинации, но также специального, узкопрофессионального знания. Присутствие этих двух типов знания обнаруживается во фразеологизмах, возникших непосредственно в речи представителей тех или иных профессий. Суперординатный уровень оценочной категоризации, языковые единицы которого отражают самое общее знание о хорошем или плохом выполнении работы, не репрезентируется фразеологизмами, поскольку фокусируют внимание на определенном признаке или аспекте профессиональной деятельности согласно критериям оценки профессиональной деятельности человека.

Стоит отметить, что выявленные особенности оценочной категоризации профессиональной деятельности, ее уровневый и аспектный характер, реализуются не только при косвенно-производной номинации. Средства прямой номинации также являются способом языковой концептуализации знаний о мире и оценки отдельных его сторон (в данном случае – профессиональной деятельности).

Рассмотрим лексико-фразеологическую оценочную картину мира носителя русского языка на примере анализа сходств и различий в механизмах оценочной категоризации профессиональной деятельности средствами фразеологии и лексикологии.

В каждой оценочной категории или субфрейме рассматриваемого фрейма группируются оценочные языковые средства, вербализирующие ту или иную стереотипную ситуацию. Обязательный компонент (А) субфрейма конкретизируется в каждой языковой единице факультативными (Б) признаками.

Рассмотрим две категории базового уровня оценочной категоризации (1, 2) и две категории субординатного уровня оценочной категоризации (3, 4).

1. Радение (ответственность) работника

А. «усердно / ответственно работать» и «безответственно работать»

Таблица 1

Факультативные признаки субфрейма «Радение (ответственность) работника»

Б. Факультативный признак	Единицы прямой номинации	Единицы косвенно-производной номинации
Б.1 (+) работать усердно, старательно, энергично, с инициативой, трудолюбием; (–) работать без усердия, безответственно, по принуждению (не по своей воле), без желания, недобросовестно	(+) <i>фанат, фанатик, энтузиаст, паладин, маньяк, зверь, работага, служака, службист, трудоголик, трудяга, труженик, охотник;</i> (–) <i>барин, барич, бездельник, захребетник, ленивец, лентяй, лоб, лоботряс, лодырь, охламон, повеса, сачок, филон, шалопай, шалопут, чиновник</i>	(+) <i>биться изо всех сил, брать быка за рога, брать / взять в свои руки, засучив рукава, лезть / вылезать) из кожи / шкуры (вон), лечь костями, приложить руки, расправлять / расправить крылья, трудолюбив как пчела, тянуться / вытягиваться в нитку (в ниточку) / в струнку, тянуться из жил / тянуть из себя / рвать / тянуть жилы;</i> (–) <i>бить баклуши, валять ваныку / дурака, ворон / галок / мух считать / ловить, груши околачивать, делать с кондачка, играть в бирюльки, из-под палки (делать что-либо), лежать на боку / печи, лежащий камень / под лежащий камень (вода не течет), лодырем ходить / лодыря гонять, плевать в потолок, руки опускаются, си-</i>

		<i>деть сложа руки, спустя рукава, тяп (да) ляп, хоть трава не расти, шаляй-валяй</i>
Б.2 (+) работать с большим усердием, напряжением, прикладывать все силы, значительные усилия; (-) не совершить ни малейшего усилия	(+) <i>ишак, кобылка</i>	(+) <i>в поте лица (своего) трудиться / работать, выбиваться (выбиться) из сил, потом и кровью добывать (добыть) / доставаться (достаться), (работать) как (бурый) вол (волк), расшибиться в лепешку (-) палец (пальцем, пальца) о палец не ударить, пальцем не шевельнуть (не пошевелить)</i>
Б.3 (+) работать быстро и много, непрерывно; (-) проявлять нерешительность, нерасторопность / работать наспех, выполнять сразу несколько дел / затягивать выполнение дела	(+) <i>трудоголик</i>	(+) <i>вертеться / крутиться волчком / колесом, (делать что-либо, работать) как заведенный, не разгибая спины, нести трудовую вахту / трудовая вахта, от зари до зари, работать / трудиться не покладая рук, стоять на вахте / встать на вахту; (-) ни мычит ни телится кто / печь как блины, разрываться на части / тянуть / разводить вольнку, тянуть / разводить канитель, тянуть ляжку, тянуть резину, черепашиным шагом</i>
Б.4 (+) отдаваться работе всем существом, целиком, полностью; (-) пассивно, бездельно	(+) <i>трудоголик</i>	(+) <i>до мозга костей / до конца (до кончика, до кончиков) ногтей, окунуться / уйти / погрузиться с головой во что-либо; (-) лежащий камень / под лежащий камень (вода не течет)</i>
Б.5 (+) работать интенсивно, на полную мощность		(+) <i>жать / нажимать на все педали / всю / полную железку / пускать в ход (все) пружины, на всю / полную катушку, нести трудовую вахту / трудовая вахта</i>
Б.6 (+) работать честно, преданно	(+) <i>патриот, фанат, фанатик, энтузиаст, паладин, маньяк, слуга, служитель</i>	(+) <i>служить / послужить верой и правдой (верой-правдой)</i>
Б.7 (+) помогать тому, кто отстает в каком-л. деле, содействовать продвижению дела (иногда бескорыстно); (-) сознательно не противодействовать чему-то плохому / опекаль нерадивого работника / оказывать покровительственную помощь	(-) <i>попуститель / нянька / рука</i>	(+) <i>брать / взять на буксир, внести свою лепту</i>

Как следует из приведенной выше таблицы, почти все факультативные признаки рассматриваемого субфрейма номинированы и лексическими, и фразеологическими единицами, что свидетельствует об универсальности оценочной категории «Радение (ответственность) работника». Однако значительное разнообразие средств фразеологического фонда русского языка, используемых для выражения данных оценочных смыслов, вероятно, обусловлено тем, что именно использование средств косвенно-производной номинации нацелено на создание ассоциативно-образной связи с целью вызвать у адре-

сата соответствующую эмоциональную реакцию и повлиять на его отношение к профессиональной деятельности, позволяет субъекту оценки ярко выразить свое отношение к работнику как объекту оценки, точно его не идентифицируя.

2. Наличие квалификации работника

А. «иметь квалификацию» и «не иметь квалификацию»

Таблица 2

Факультативные признаки субфрейма «Наличие квалификации работника»

Б. Факультативный признак	Единицы прямой номинации	Единицы косвенно-производной номинации
Б.1 (+) быть компетентным, искусным, умелым, отвечать требованиям, обладать мастерством; (-) быть некомпетентным, выполнять работу без понимания дела, несерьезно	(+) волшебник, гений / гигант / титан, исполин, колосс, кудесник, чародей, артист, ас, виртуоз, дока, знаток, зубр, искусник, мастак, мастер, профессионал, работник, собака, спец, специалист, умелец, универсал, художник, черт, столп, жрец, многостаночник, скоростник, стахановец; (-) верхогляд, дилетант, зубрила, невежа, невежда, неумейка, неумеха, профан, пуганик, самоучка, чайник	(+) высокой (высшей) пробы, золотые руки, и швец и жнец и на дуде игрец, (мастер) большой / первой руки, мастер на все руки, не лыком шит, по всем правилам искусства, превзойти самого себя, собаку съест на / в чем-либо, филигранная работа; (-) делать с кондачка, как свинья в апельсинах, мастер / профессор кислых щей, мастер-ломастер, (мастер) средней руки, не ахти какой (-ая, -ое, -ие), не под силу кому-либо, ни в дудочку ни в сопелочку, ни в зуб (ногой) не знать / не понимать / не смыслить, пороху не хватает (не хватит, не хватало, не хватило), садиться не в свои сани, через пень-колоду валить
Б.2 (+) иметь опыт; (-) не иметь достаточного опыта	(+) зубр, практик, старик, ветеран, патриарх, старейшина; (-) дебютант, новик, новичок, чайник, девчонка, желторотик, мальчишка, митрофанушка, молокосос, недоросль, салага, сопляк, сосун, щенок	(+) воздушный волк, зубы съел (проел) на чем-либо, набивать / набить руку (глаз) в чем-либо / рука набита у кого-либо, пройти (сквозь) огонь (и) воду (и медные трубы), собаку съест на / в чем-либо, стреляный / старый воробей / (травленный) волк / стреляная / обстрелянная птица, тертый калач; (-) из молодых (да) ранний / молодой да ранний, не нюхать / не понюхать пороха / пороху
Б.3 (+) быть умным, сообразительным, сведущим; (-) быть не очень умным, средних способностей	(+) башка, голова, талант, энциклопедист, эрудит; (-) бездарность, бездарь, посредственность, примитив, середняк, невежа, невежда, недоучка, незнайка, неуч, полужнайка, темнота, чайник	(+) голова / котелок варит у кого-либо; (-)звезд (с неба) не хватает, (мастер) средней руки, не ахти какой (-ая, -ое, -ие), ни в зуб (ногой) не знать / не понимать / не смыслить
Б.4 (+) быть образцом, пользоваться общественным признанием, уважением, обладать значимостью, влиянием; (-) быть несолидным, не вызывать доверие / не обладать влиянием	(+) авторитет, кит, королева, король, столп, туз, шишка, величина, ветеран, классик, корифей, муж, мэтр, патриарх, светило, старейшина; (-) / винтик, никто, ноль, пешка, статист, фигурант, шестерка	(+) задавать тон; (-) шарашкина контора / мелкая сошка, пустое место
Б.5 (+) превосходить других в своей профессиональной сфере	(+) гений / гигант / титан, исполин, колосс, феномен, чудотворец	(+) затыкать / заткнуть за пояс кого-либо / дать сто (десять, пять) очков (вперед) / дать фору / дать пить
Б.6 (+) иметь славу в своей профессиональной сфере	(+) авторитет, звезда, светило	(+) звезда первой величины

Критерий оценки «Наличие квалификации» можно выделить в обеих системах языка, лексической и фразеологической, факультативные признаки также оказываются универсальными, кроме того количественно они вербализованы примерно одинаково. Можно предположить, что это связано с тем, что квалификацию работника можно проверить, измерить, оценить по более или менее конкретным требованиям, принятым в той или иной профессиональной области, в отличие от критерия «Радение» (ответственность) работник, где высказанное оценочное отношение носит более субъективный характер. Кроме того, стоит отметить, что некоторые языковые единицы могут содержать оценочные смыслы по нескольким факультативным признакам.

3. Временные затраты на выполнение работы

А. «укладываться в норму времени при выполнении работы» и «не укладываться в норму времени при выполнении работы»

Таблица 3

Факультативные признаки субфрейма «Временные затраты на выполнение работы»

<i>Б. Факультативный признак</i>	<i>Единицы прямой номинации</i>	<i>Единицы косвенно-производной номинации</i>
Б.1 (–) опережать норму времени при выполнении работы		(–) на живую / скорую руку, печь как блины
Б.2 (–) недобросовестно затягивать дело	(–) волокитчик, волынщик, канительщик	(–) тянуть / разводить канитель, тянуть ляжку, тянуть резину, черепашным шагом
Б.3 (–) быть медлительным при выполнении работы	(–) копун, копуша	(–) ни мычит ни телится кто, через час по чайной ложке

Оценочная категория Временные затраты на выполнение работы представлена только отрицательно оценочными единицы прямой и косвенно-производной номинации. Это доказывает тот факт, что положительная оценка в сознании людей обычно совпадает с нормой, а именно выполнение работы за отведенный для этого период времени. Кроме того, по признаку Б.2 мы наблюдаем использование субъектом оценки профессионального знания ювелирного дела при формировании оценочного смысла (канительщик, тянуть / разводить канитель).

4. Финансовое вознаграждение за выполненную работу

А. «получать финансовое вознаграждение за выполненную работу» и «не получать финансовое вознаграждение за выполненную работу»

Таблица 4

Факультативные признаки субфрейма «Финансовое вознаграждение за выполненную работу»

<i>Б. Факультативный признак</i>	<i>Единицы прямой номинации</i>	<i>Единицы косвенно-производной номинации</i>
Б.1 (–) нечестно нажиться, работать с целью наживы	(–) воротила, делец	(–) греть / нагреть руки, длинный рубль, набивать / набить (свой) карман рубль
Б.2 (–) получить большой, часто легкий заработок		(–) длинный рубль, набивать / набить (свой) карман рубль

Нами были обнаружены языковые средства, содержащие отрицательную оценку профессиональной деятельности относительно ее финансовой стороны. Причем приведенные в таблице факультативные признаки относятся к стереотипной ситуации «получать финансовое вознаграждение за выполненную работу». Сознание русского человека

хранит знание о том, что работник-профессионал зачастую выполняет нелегкую работу и работает не только ради получения вознаграждения, что является значимым итогом труда, но также с целью достижения морального удовлетворения, признания в профессиональном сообществе и пр. Следовательно, легкий заработок или работа с целью наживы оценивается обществом отрицательно.

Таким образом, на материале взаимодействия фразеологизмов с лексическими единицами обнаруживаются синергетические механизмы формирования целостной языковой картины мира и этноязыкового сознания.

Выявленные на материале оценочных фразеологизмов русского языка уровневый и параметрический характер оценочной категоризации профессиональной деятельности, фреймовая структура оценочного знания о профессиональной деятельности применимы при рассмотрении лексических средств, содержащих оценку профессиональной деятельности. Общими для лексической и фразеологической систем являются «упаковка» оценочного знания, а именно категориальный фрейм с определенными оценочными категориями, и механизм формирования оценочного смысла, при котором структуры обыденного и профессионального знания вступают в тесные, глубокие, регулярные взаимно-обратные или «челночные» отношения. Различие между прямой и косвенно-производной номинациями проявляется в факультативных признаках, оттенках оценочного смысла, детерминирующих выбор той или иной языковой формы при оценочно-смысловой интерпретации профессиональной деятельности.

Литература

Алефиренко, Н. Ф., Золотых, Л. Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко. – М. : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.

Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих // СПбГУ; Межкаф. словарный кааб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., исправл. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

Жуков, А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка : ок. 1500 фразеологических единиц / А. В. Жуков. – М. : Астрель: АСТ, 2007. – 603 с.

Жуков, В. П., Сидоренко, М. И., Шкляр, В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / Под ред. В. П. Жукова. – М. : Рус. яз., 1987. – 448 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том I / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – 800 с.

Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.

Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

Summary. The article views the peculiarities of evaluative categorization of professional activity by means of phraseology and lexicology. Revealed are the common and different features of direct and secondary nomination of professional activity according to certain criteria of evaluation.

Волошкина И. А.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Россия, г. Белгород, Белгородский университет кооперации,
экономики и права
ivoloshkina@yandex.ru

Закономерности взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами – одно из приоритетных и актуальных направлений изучения языков мира на данном этапе развития лингвистики, «...укрепление когнитивистских позиций в современных гуманитарных исследованиях открывает неизвестные страницы <...>, ставит новые проблемы, которые нуждаются в комплексном междисциплинарном решении. Говоря о междисциплинарном подходе, мы имеем в виду не только интеграцию таких наук, как философия,

психология, логика, когнитология и лингвистика, но и привлечение внутрипредметных взаимосвязей. В языкознании естественные и поэтому наиболее продуктивные взаимосвязи обнаруживают лингвокультурология, психолингвистика, прагмалингвистика и когнитивная лингвистика» (Алефиренко, 2010: 251). Исследование синергии средств фразеологии и языковых средств других уровней рассматривается как попытка описания фразеологических объектов междисциплинарными методами, поскольку «синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации и эволюции сложных систем ценностно-познавательного характера» (Там же).

Изучение синергии когнитивного и прагматического аспектов является приоритетным направлением в области фразеологии, поскольку когнитивный аспект анализа фразеологических единиц: (1) связан с динамическим моделированием когнитивных структур знаний, представляющих собой схемы репрезентаций предметно-чувственного опыта в их смысловом содержании, (2) предполагает наличие общей базы знаний, мобильность концептуальной организации знаний о действительности, (3) помогает раскрыть роль когнитивных структур в процессе порождения, переработки информации и хранения её в языковом сознании в виде смыслового содержания фразеологизмов. Фразеологические единицы рассматриваются как языковые информативные знаки, как единицы ментального лексикона, хранящиеся в памяти национального сообщества и извлекающиеся в виде устойчивых неделимых наименований, отражающих не только культурное пространство языка, но и когнитивное видение мира носителем данного языка. Информация, полученная этносом в процессе предметно-практического постижения разными способами внеязыковой действительности и затем осмысленная им, фиксируется в структурно-семантической модели фразеологического знака. Сформированные в национальном сознании в результате освоения мира ментальные структуры, содержащие установившиеся лингвистические и психические связи внутри языкового знака и вне его, находят свое выражение как в значении языковой единицы, так и в смысловой организации пропозиции при её участии. Прагматический аспект исследования фраземики с точки зрения автора предполагает изучение способов подачи информации и их воздействия на адресата в зависимости от тех или иных целей. Прагмалингвистический подход позволяет уточнить некоторые семантические закономерности, связанные с выражением оценочности и функциональной направленностью. Поэтому понять сущность когнитивного и прагматического взаимодействия «значит получить доступ к скрытым механизмам концептуальной организации знаний в процессах понимания» (Алефиренко, 2009: 46), построения фразеовыражений и передачи этих знаний с целью воздействия на окружающих.

В центре нашего внимания находятся вопросы обусловленности работы механизмов моделирования когнитивной структуры фразеологических единиц и выражаемого фраземами прагматического смысла. Автор исходит из предположения, что концептуализация, категориальность и функциональная направленность единиц, составляющих фразеологическую картину мира, может быть определена и обусловлена их когнитивно-прагматической природой, инициирующей хранение накопленного этнического опыта, лингвокреативную функцию сознания, ретрансляцию сформированного ценностного знания в конкретной этнолингвокультуре. Изучение фразеологической картины мира, которая является компонентом мировидения этноса, даёт возможность прийти к пониманию совокупности общенациональных знаний о мире.

Полученные знания есть сумма постигнутого разными национальными социумами, расставляющими свои ценностные акценты на тех реалиях, которые становятся ближе и понятнее для каждого народа в процессе мироощущения, и тех коннотациях, которые приобретают этническую самобытность.

Специфику изображения представлений неблизкородственных русского и французского языковых сообществ об устройстве мира со свойственными ему формами существования в пространстве и времени возможно раскрыть на примере фразеологических единиц (ФЕ) (включая в их состав идиомы, сравнения и поговорки), актуализирующих черты характера человека, которые в дальнейшем мы будем называть характерологическими фразеоединицами (ХФЕ). Данное исследование поможет определить, возможно ли отражение пространственных и временных категорий в когнитивной структуре фразеологизмов, как, с помощью чего, в каком соотношении они вербализуются в характерологических фразеосочетаниях и каковы смысловые интенции их использования.

Естественно, что человек осознает себя в реальном мире, видит себя неотъемлемой его частью и не приемлет мысль о существовании действительности вне своей взаимосвязи с ней, понимает реальный мир как динамичное, мобильное, развивающееся явление, характеристиками которого являются протяженность в пространстве и продолжительность во времени, непременным атрибутом которых выступает процессуальность, движение. Таким образом, мир понимается человеком как подвижное, изменяющееся во времени определенное пространство, что непосредственно отражается в языковых формах: *fr. il y a temps et lieu; en temps et lieu*; рус. *всему свое место и время; знать своё место и время; в свое время и в надлежащем месте*.

Безусловно, в языковых средствах, образующих языковую картину мира, воплощены различные когнитивные категории, лежащие в основе человеческого мышления. Так, универсальному человеческому сознанию присуще воспринимать мир различных сущностей в *пространстве* и во *времени*, которые выражают определенные способы координации материальных объектов и их состояний. В соответствии с принятыми в современной науке определениями, пространство и время обладает такими общими свойствами, как объективность и независимость от сознания человека; абсолютность как атрибутов материи; неразрывная связь друг с другом и с движением материи; зависимость от структурных отношений и процессов развития в материальных системах; единство прерывного и непрерывного в их структуре; количественная и качественная бесконечность. Различают метрические и топологические (например, связность, симметрия пространства и непрерывность, одномерность, необратимость времени) свойства пространства и времени (ФЭС, 1983: 94). Наличие у пространства и времени единого содержания – движущейся материи – указывает на взаимосвязь между ними, на невозможность их существования абсолютно независимо друг от друга.

Вместе с тем они различаются, поскольку основными отличительными характеристиками понятия времени выступают последовательность и необратимость, в то время как основная характеристика понятия пространства – упорядоченность. К свойствам *пространства* относятся *протяженность, неоднородность, изотропность, трехмерность*. *Время* обычно характеризуется такими свойствами, как *длительность, одномерность, необратимость, однородность* (курсив – И. В.) (Алексеев, Панин, 2003: 319). Как отмечает Г. В. Колшанский, «пространственно-временное ориентирование человека есть практически физический закон существования любого объекта, и естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и пространственное существование предметов и фактов» (Колшанский, 1977: 90).

В данной работе автором высказывается презумпция зависимости значения ФЕ от тематической отнесённости фразеолекс, от их функционально-категориальных признаков, которые определяют отбор лексем, **«характеризующих денотаты исходной ситуации»** (Алефиренко, Семененко, 2010: 169) и их композицию с целью трансляции определенного концептуализированного смысла. Несомненно, среди критериев возникновения прагматического смысла фраземы одно из важных мест отводится важности задействованности в этом процессе внутренних форм лексем, «сливающихся» в единый поток внутренней формы фразеологического высказывания и формирующих смысловую модель.

В работе «Вещь и имя» А. Ф. Лосев указывал на то, что «смысл имени <...> есть смысловая энергия вещи <...> Когда имя находит свое выражение, оно становится вторичным словом, которое именуется вещь, выходящую из своего внутреннего пребывания в себе в свой внешний и явленный образ» (Лосев, 1993: 808-839). В его понимании слово есть инобытие смысла вещи, скрывающее в себе смысловую энергию вещи. Слово способно оказывать воздействие благодаря передаче семантической/смысловой энергии через образ. При этом сам процесс передачи – это и есть энергия, поскольку «передача информации – это всегда передача структурированной материи или энергии» (Быкова, 2003: 278).

Первым этапом в попытке определения когнитивно-прагматической сущности фразеологической семантики может стать выявление категориально значимых и функционально определяющих признаков значения потенциальных фразеолекс (Алефиренко, Семененко, 2010: 169). При этом необходимо учитывать тот факт, что, несмотря на универсальность видения мира представителями разных культур, в то же время он своеобразно понимается каждым народом, что детерминировано специфичными формами восприятия, обусловленными «культурной моделью, существующей в национальной традиции и её языковой проекции» (Алефиренко, 2009: 113).

В экстенционал понятия *пространство* с точки зрения русского языкового сознания включается (1) объективная реальность, форма существования материи, характеризующаяся *протяженностью и объемом*; (2) *промежуток* между чем-н., *место*, где что-н. *вмещается*; (3) *поверхность*, <земельная> *площадь*; понятие *время* как (1) объективная *форма существования* бесконечно развивающейся материи; (2) *продолжительность, длительность* чего-н., измеряемая *секундами, минутами, часами*; (3) *промежуток* той или иной *длительности*, в который совершается, совершилось или совершится что-н., *последовательная смена часов, дней, лет, веков*; (4) *определенный момент*, в который произошло, произойдет или происходит что-н.; (5) *период, эпоха*; (6) *пора дня, года*; (7) *подходящая, удобная, благоприятная для чего-н. пора*. (8) *досуг*, свободное от работы время (выдел. – И. В.) (Ожегов, 2010: 96, 504).

Во французском языковом сознании экстенционал понятия *espace, m* объединяет: I. *Lieu, plus ou moins bien délimité (où peut se situer qqch.)*. 1. a) *mesure de ce qui sépare deux points, deux lignes, deux objets; cet écart lui-même (distance, écart, écartement, intervalle)*; b) *espace entre deux objets rapprochés (interstice, vide)*; c) *espace qui sépare les lignes (interligne), les mots (blanc), le texte du bord des pages (marge)*; d) *espace parcouru. (chemin, course, distance, route, trajet)*; d) *espace (publicitaire): portion de surface ou de temps destinée à recevoir de la publicité dans les différents médias*. 2. *Surface déterminée (étendue, lieu, place, superficie, surface)*; a) *espace découvert dans un bois (clairière)*; b) *appartement qui occupe un grand espace (spacieux)*. 3. *Volume déterminé. Volume libre, non occupé. Espace vide dans un corps (interstice, lacune, vide)*. 4. a) *Étendue des airs de l'atmosphère*; b) *l'espace qui nous environne (atmosphère, ciel)*. II. *Milieu idéal, caractérisé par l'extériorité de ses parties, dans lequel sont localisées nos perceptions, et qui contient par conséquent toutes les étendues finies*» Понятие *durée, f*: I. *Espace de temps qui s'écoule par rapport à un phénomène, entre deux limites observées (début et fin) (temps, espace, période)*. 1. a) *durée de la vie. (âge, cours)*; b) *longue durée (longueur, pérennité; c) courte, brève durée (instant, moment)*. II. *Temps vécu; caractère des états psychiques qui se succèdent en se fondant les uns dans les autres (opposé au temps objectif, réel, mesurable)* (PR 1989).

Анализ фактического фонда показывает, что исследуемые пространственно-временные отношения могут репрезентироваться в семантике фразем: 1) эксплицитно – посредством наличия в компонентном составе идентифицирующих пространственно-временную принадлежность фразеолекс; 2) имплицитно – посредством содержащимся поствербальным смыслом в когнитивном импликационале фраземы.

Во фразеологических оборотах, несущих эксплицитно выраженную информацию, смыслообразующим идентификатором категорий пространства и времени являются фразеолексы: а) с прозрачной внутренней формой – fr. *il y a temps et lieu; en temps et lieu* – рус. *всему свое место и время* 'знать когда и где можно сказать/ сделать что-л.' (= *мудрость*); fr. *tener une vie de chateau* 'вести праздный образ жизни; жить в роскоши' (= *леность*); б) внутренняя форма одного из компонентов затемнена: рус. *искать вчерашний день* 'заниматься заведомо бесплодной деятельностью, пытаюсь вернуть то, что безвозвратно минуло, чего уже нет' (= *глупость*); fr. *tuer/ casser le temps* – рус. *провождать/ убивать/ убить время* 'проводить время, отвлекаясь чем-л. от скуки, тратить время бесполезно и бесцельно' (= *леность*); fr. *prendre/ se donner du bon temps* 'весело проводить время, развлекаться' (= *гедонизм, легкомысленность*); рус. *в будни изнанкой, а в праздник лицом* 'о подхалиме' (= *лицемерность*); *отложить в долгий ящик* 'оттягивать выполнение какого-л. дела на неопределённое время' (= *леность; хитрость*).

Как видно из приведенных примеров, количественный состав фразеосочетаний первой группы приблизительно одинаков в обоих языках – по 1% в каждом, существенно отличается в анализируемых лингвокультурах количество задействованной когнитивной модели «Время-Пространство» во второй группе: в русском языке – 24 %, во французском – 20 %, причем в обоих языках отмечается идентичность внешней формы выражения: фразеолекса, относящаяся к категории *время*, употреблена в своем денотативном значении и определяет направление развития процесса, тогда как референтная отнесенность фразеолексы *пространственной* категории неявная и актуализирует область определенных действий, органичная взаимообусловленность фразеоконпонентов, конструирующих пространственно-временные отношения, позволяет получить информацию о характере процесса формирования ситуации в конкретный момент времени, что может стать импульсом к сохранению устойчивой когнитивной модели характерологических фразеоло-

гизмов. Набор функционально-категориальных признаков, свойств времени как когнитивной модели взаимодействуют с пространственными характеристиками, определяющими его местонахождение, статичность или динамику, таким образом, происходит когнитивное структурирование пространственно-временных отношений, влияющих на формирование значения, актуализирующего пересечение их семантических признаков, и смысловую ориентированность, позволяющую приращение дополнительных признаков. Например, в семантической структуре ФЕ *не скоро запрягает, да скоро едет* признак 'в короткий срок, в малое время' временной фразеолексы *скоро*, признак 'в длительный срок' антонимичной фразеолексы *не скоро*, указывая на направленность и скорость процесса, переплетаясь с пространственной характеристикой компонентов *запрягает* (с признаком точечности) и *едет* (с признаком векторности), передают информацию о человеке, который долго не приступает к делу, но затем делает всё четко и быстро, приобретая приращенный смысл *непунктуальность*.

Прозрачность или затемненность внутренней формы фразеолекс не влияет на референтную обусловленность фразеологического значения, наоборот, происходит процесс частичной либо полной утраты референции – соотнесённости номинированных в речи объектов и/или явлений с объектами действительности. Именно этот процесс провоцирует обретение языковой единицей вновь созданной когнитивной модели той или иной этнокультуры.

Следует отметить, что несовпадения процентного содержания обусловлены, прежде всего, грамматическими нормами обоих языков, а также межъязыковыми лакунами (они распределены приблизительно одинаково в обеих языковых картинах мира), что объясняется разным членением действительности, различием этнического восприятия мира. Доминирующим в когнитивных моделях фразеологических единиц первой групп выступает фрейм «Время», играющий первоочередную роль в вербальной актуализации значения той или иной черты характера человека, наделяя весь фразеологизм квалификативной функцией, придавая пейоративную или мелиоративную оценочность.

Имплицитно выраженные пространственно-временные отношения обнаруживаются во фразеологических единицах, внутренняя форма которых основана на метафоре, кодирующей информацию, заложенную в когнитивной структуре фраземы. Метафора является одной из форм когнитивной деятельности сознания, формирующей и помогающей выразить новые понятия, без которой невозможно получение нового знания. Она обусловлена физическим и духовным опытом человека и существует в человеческом сознании, прежде всего, в виде метафорического «сгустка» информации. Декодирование метафорической информации позволяет вскрыть имплицитный смысл фразем. Метафорическое мышление способно распознать смысл логически несовместимых объектов или явлений, чтобы найти в них общее и совместить в одну смысловую модель, имеющую единую цель – посредством активизации определенных знаний высказать мнение, определить степень ценности обсуждаемого предмета, явления.

К фразеологическим единицам второй группы относятся: рус. *работа не волк – в лес не убежит*, fr. *tenez un âne à la Mecque, vous n'en ramènerez jamais qu'un âne* – рус. *осла хоть в Мекку своди, все ослом останется*; рус. *горбатого могила исправит*. В когнитивной модели таких фразеологизмов с доминирующим фреймом «Пространство» обнаруживается приращение поствербального когнитивного смысла – слота «Время».

Итак, исследование языковой манифестации пространственно-временных отношений в сфере фразеологической семантики с когнитивно-прагматической точки зрения показало взаимодействие и взаимообусловленность категорий «Пространство» и «Время» в когнитивной и семантической структуре фразеологизмов, выявило формирование когнитивных моделей фразем в соответствии с накопленным этнокультурным знанием и опытом пространственного и временного восприятия реального мира, обнаружило соотношения их вербализации в семантике характерологических фразеоединиц русского и французского языков.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Издательство: Флинта; Наука, 2010. – 284 с.
Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.

Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М., 2009. – 344 с.

Алефиренко, Н. Ф., Семенов, Н. Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов // Известия Уральского государственного университета. 2010. – № 6(85). – С. 169-180.

Быкова, А. А. Невербальная коммуникация и биолокация // Этика и наука будущего. Материалы третьей междисциплинарной научной конференции. – М: Благотворительный фонд «Дельфис», 2003. – С. 272-276.

Колшанский, Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации / Г. В. Колшанский // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 99-146.

Лосев, А. Ф. Вещь и имя / А. Ф. Лосев // Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 802-880.

Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

Summary. This article deals with the investigation of the verbal manifestation of spatio-temporal relations in the sphere of phraseological semantics in the cognitive-pragmatic aspect. This research is concentrated upon the revelation of their representational ways in the cognitive structure and the transformation of their pragmatic sense of Russian and French characterological phrasemes.

Демидкина Е. А.

ОТРАЖЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ЖИЗНИ»

Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет
demmidkina@yandex.ru

«Взаимодействие языка и культуры – одна из тем, которые выходят на авансцену базовых методологических проблем лингвистики всякий раз, когда она обращается к способности языковых знаков и дискурсов различных типов и различных эпох и направлений хранить в себе память о «порядке культуры» (по Р. Барту), о его культурных кодах» (Телия, 2004: 674). Исследование взаимодействия языка и культуры, сформулированное в лингвокультурологических исследованиях как исследование национально-культурной специфики языковых единиц, заключается в выявлении взаимосвязи языкового знака и концептов, стереотипов, эталонов, символов и мифологем той или иной культуры. Экспликация национально-культурной значимости языковых единиц достигается на основе рефлексивного бессознательного или осознанного соотнесения этого живого значения с кодами культуры, которые известны говорящему и свидетельствует о характерологических чертах менталитета этноса.

В свою очередь, паремии выступают отражением духа народа, его мировоззрения, быта и т. п. Они представляют собой *нравоучения, сентенции*, сформулированные народом на основе их практического жизненного опыта и являются одним из актуальных материалов для подобного изучения. В настоящей работе рассматриваются паремии с компонентом «Leben» (в дальнейшем *vita*-паремии или паремии «жизни») как средство вербализации концепта «Leben». В результате исследования предполагается показать, каким образом феномен «жизнь» как знак «языка культуры», инкорпорированный в языковые знаки (паремии), – отражается в языковом сознании немецкого этноса с точки зрения формирования в нём семиотических, этнопсихологических и культурно-маркированных референций.

В ходе исследования была выявлена семантическая типология *vita*-паремий, что в свою очередь позволило представить когнитивно-стратификационную структуру феномена «жизнь». Так были выявлены:

«квалитативные» – *Bevor wir recht wissen, was Leben heißt, ist es schon halb vorbei;*

«акциональные» – *Wer von seinem Leben noch einen Zoll üppig hat, der hat noch Tausend Geschäfte;*

«реляционные» – *Verachte dein eigenes Leben, und du bist ein Herr über das Leben anderer;*

«идиосинкратические» – *Wer nicht heiratet, genießt sein Leben nur halb* и

«контрастивные» *vita*-паремии – *es geht um Leben und Streben.*

Данная типология позволяет заключить, что паремическая модель жизни в немецкой концептосфере отражает в языковом сознании немецкого этноса когнитивно-гносеологическую корреляцию человеческого бытия прежде всего с такими глобальными категориями, как: «Качество» («Признак»), «Действие», «Отношение», «Антиномия: «Начало – Конец»». Среди качественных конститuentов *жизни* особое место занимает категория ВРЕМЕНИ. Это объясняется тем, что именно «Время» выступает одним из основных детерминантов и ограничителей жизненного цикла.

Ср.: „Die Welt ist ein gigantischer Prozess des *Entstehens* und *Vergehens*, und in diesen hineingestellt ist auch der Mensch“ (L. FRITZE).

Как показал анализ темпоральных *vita*-паремий, жизнь выступает как *трехмерная сущность*:

1) *темпорально-линейная* (жизнь – это «линия») (Das Leben ist gut, wenn es lange währt und auch ein Leben ist);

2) *темпорально-циклическая* (жизнь – это «цикл») (Des Lebens Mai blüht einmal und nie wieder);

3) *темпорально-стратифицированная* (жизнь – это [определенный] «страт») (neues Leben blüht aus den Ruinen) (Vergangenheit – Gegenwart -Zukunft; alt – neu; Diachronie – Synchronie).

В определённом смысле архетипический концепт «Жизнь» может рассматриваться как *геометрический объект*, так как одной из основополагающих форм существования жизни является *ЛИНИЯ*. В то же время следует учитывать, что «ЛИНИЯ» как геометрическая категория может принимать разнообразные формы. Линия, в том числе *линия жизни*, может существовать, в частности, в виде *зигзага, кривой, узла* и т. п. Важно заметить, однако, что в любом случае линия будет иметь исходную и конечную точку. И при этом речь будет идти о постоянно развивающемся движении.

Ср.: *Alles altert, alles endet. Und was entsteht und strebt zu sein, je mehr das wächst, um zu sein, so mehr eilt es, nicht zu sein.* – Es ist wie mit der Sprache und den Worten: es wäre nie die ganze Sprache, wenn nicht Wort um Wort, wie es ertönt, verklänge und machte anderem Platz (AUGUSTINUS).

Ядерную зону паремической *vita*-модели составляет обширный и гетерогенный спектр концептуальных признаков, онтологически связанных с различными категориями материального и духовного мира, особое место среди которых занимает категория *времени*, рефлектирующая, соответственно, *философские* признаки жизни, гносеологически сопряженные с «основными законами философии». Например, «Das Leben *hat seine festgelegte Begrenzung*, warum also fürchtest du?» Философские признаки жизни свидетельствуют о том, что жизнь осознается в немецкой лингвокультуре как явление *неподвластное человеческой воле*, жизнь определяет ход событий. Изменить существующее положение дел невозможно, и поэтому следует примириться с ним. Неподвластность жизни дополняется ещё одним её признаком *непобедимостью*: жизнь подобно фениксу возрождается из пепла (Neues Leben blüht aus den Ruinen).

Несмотря на некоторую обусловленность жизни качествами и поступками человека, роль человека в построении собственной жизни изначально ограничена. Ср.: Man muss das Leben aus dem Holze schnitzen, *das man hat*.

В корпусе других знаковых классификаторов, вербализуемых в качественных паремиях, и участвующих в когнитивном моделировании паремической модели жизни, важную роль играют такие категории, как:

• «*Оценка*» (квалификативные признаки жизни) – «es gibt kein *besseres* Leben als ein *gutes* Leben»;

• «*Мораль/Нравственность*» (морально-нравственные признаки жизни) – «Das Leben *schenkt*, wer es nicht nimmt»;

• «*Эмоция*» (эмотивно-психологические особенности жизни) – «Goldliebe macht das Leben *trübe*»;

• «*Социум*» (социальные признаки жизни) – «Das Leben *besteht aus Leid und Not*, der Tod aus Frieden und Freude»;

• «*Физическая субстанция*» (физические признаки жизни) – «sein Leben *hing nur noch an einem Faden*»;

• «*Перцепция*» (перцептивные признаки жизни) – «Das Leben lehrt, aber des Lebens Belehrung ist *bitter-bitter*» и др.

Жизнь не всегда позитивно оценивается человеком. Человеку предстоит разного рода трудности социальные, эмоционально-психологические и т. п. Жизнь выступает как источник негативных условий для любого человека. Ср.: *Das Leben tut den Schatten gleichen, – Wann's am besten ist, so tut's weichen.*

Полученные данные позволяют обнаружить философское отношение немецкого этноса к жизни. Жизнь не получает «высоких оценок». Это связано, с одной стороны, с природой человека. Наилучшая жизнь является недостижимой для людей из-за их возрастающих потребностей. В то же время жизнь не может быть лучше, поскольку она и есть само по себе высшее благо человека. С другой стороны, отмечается, что жизнь является для человека негативным явлением.

В *vita*-паремиях актуализируются, главным образом, негативные эмоционально-психологические признаки жизни («жалкая», «печальная» и др.). Указание любых эмоционально-психологических признаков жизни сопровождается пояснением причины возникновения того или иного состояния. Например, спокойная жизнь возможна для человека в случае анализа прошлого, зрелости принимаемых решений в будущем и «благоговеющего», бережного отношения к жизни в настоящем. Ср.: *Vergangenes beträchtlich erachten, – Das Zukünftige wohl und reif betrachten, -Das Gegenwärtige wohl ordinieren, – So kann man ein ruhiges Leben führen.*

Соотнесение жизни с категорией «*Действие*» проявляется в репрезентации человека как *агенса* (субъекта) *действия* по отношению к жизни. При этом деятельность человека по отношению к жизни чаще всего имеет негативную направленность. Сам феномен «Жизнь» выступая в двух ипостасях (в качестве субъекта и объекта действия), в большей степени предопределяется деятельностью человека. Носителями действия могут выступать также такие понятия, как: «счастье», «час», «прилежание», «сон», «смерть», которые маркируют национально-культурную специфику.

В исследуемых *vita*-паремиях негативные действия человека соотносятся с *эмоционально-психологической сферой*: *печалить* (*Goldliebe macht das Leben trübe*); *ненавидеть* (*Das Leben dessen, auf dessen Tod sogar die Freunde hoffen, hassen alle Bürger*); *презирать* (*Wer das Leben verachtet, fürchtet den Tod nicht*).

Также негативные действия человека по отношению к жизни направлены на *причинение ей вреда*: *оборвать* (*Der Tod setzte seinem Leben ein Ziel*), *ухудшать* (*Wer den Tod fürchtet, verleidet sich das Leben*), *убивать* (*Nimm dir die Zeit und nicht das Leben*); *достигать конца* (*Wenn das Leben vollendet ist, gehen wir mit leeren Händen fort*).

В ходе исследования немецких *vita*-паремий нами были выявлены **метафорические образы** жизни. Когнитивными основаниями паремиологических когнитивных метафорических моделей жизни являются реалии, коррелирующие с такими сферами действительности, как: натуроморфная, абстрактно-философская, артефактная, морально-этическая, антропоморфная, сакральная, интеллектуально-образовательная, медицинская, физиологическая, аграрная, культурологическая.

Когнитивные механизмы структурирования метафорических образов жизни в паремиях дифференцируются по следующим критериям: а) по количеству *слов* в сферах-источниках; б) *метафорическому базису*; в) *актуализируемым признакам* и др. Одной из многословных является модель «Жизнь – абстрактная сущность», в которой в качестве *макрослов* выступают ментально-психологические, пространственные, темпоральные, процессуально-акциональные константы и др. В свою очередь, они конституируются *микрословами*, актуализирующими те или иные *признаки* жизни. Так, например, «Жизнь – искусство» (сложная, прекрасная, многоаспектная, целостная, источник творчества); «Жизнь – не детская игра» (жизнь требует ответственности); «Жизнь – званый вечер» (шумная, короткая, веселая); «Жизнь – парусник» (опасная); «Жизнь – школьные дороги» (невозможность изменения жизни в зрелом возрасте).

Ср.: *Wer sich auf dem Schulwege verirrt, findet sich durchs ganze Leben nicht zurecht.*

Как следует из проведенного исследования, в паремическом корпусе немецких *vita*-паремий отмечаются преимущественно следующие когнитивные структуры метафорических моделей жизни:

- 1) *универсумная vita-модель* [*Leben ist Wasser, Feuer, Erde*],
- 2) *артефактная vita-модель* [*Leben ist ein Gegenstand*],
- 3) *фитоморфная vita-модель* [*Leben ist Flora*],
- 4) *сакральная vita-модель* [*Leben ist Tod*],

- 5) *антропоморфная vita-модель* [Leben ist Mensch],
- 6) *пространственная vita-модель* [Leben ist Raum],
- 7) *темпоральная vita-модель* [Leben ist Zeit],
- 8) *абстрактная vita-модель* [Leben ist ein Abstraktum].

Установлено, что такие сущностно важные категории как «*Движение*», «*Локус*», «*Действие*» не являются релевантными для метафорических гешталтов жизни. Весьма редко отмечаются ассоциативные связи *жизни* с миром животных, а также с таким элементом универсума как «воздух» («Luft»).

Отличительной особенностью паремических когнитивных моделей жизни является превалирование *натуроморфных* паремических метафор «жизни». Так, например, жизнь соотносится с «миром», как всеобъемлющая, целостная категория, с «блуждающим светом», как обманчивая, легко исчезающая. Ср.: Das Leben ist ein *Irrlicht*, ein *Windstoss* der Tod.

В метафорической модели «*Жизнь – абстрактно-философская сущность*» прослеживается отражение жизни, как априори сложного жизненного процесса, состоящего не из наслаждений и удовольствий («не слизывание сахара»). Ср.: Das Leben ist kein *Zuckerlecken*.

В *артефактных* метафорах «жизни» бытие человека отождествляется с явлениями художественной литературы, как творимого человеком процессом, составляющими которого являются только позитивные признаки. Ср.: Das Leben des Menschen ist ein *Tagebuch*, in welches er nur gute Tage eintragen sollte.

В контексте сказанного важно также подчеркнуть, что с помощью паремических *vita-метафор* предпринимается попытка не охарактеризовать феномен «Жизнь», а дать ему *определение*, т. е. принципиален вопрос не «*Какова жизнь?*», а «*Что такое жизнь?*».

С помощью паремий немецкий этнос как коллективная языковая личность стремится сформулировать не только точное и филигранное толкование сути жизненного бытия, но и представить дефиницию жизни в виде **точной математической формулы**, что в известной степени служит отражением этнокультурных особенностей немецкого менталитета. Примерами могут служить паремии, концептуальную основу которых составляют следующие типы **определяющих** моделей жизни:

- 1) *эмпирическая vita-модель* [Leben ist ein X (...)];
- 2) *нигилистическая vita-модель* [Leben ist kein/keine (X), ohne (X)] (kein Kinderspiel, kein Vergnügen etc.);
- 3) *компаративная vita-модель*:
  - a) [Leben ist "wie + X"] (Leben ist wie des Morgenstau);
  - b) [Leben "gleich + X"] (Leben gleicht einer Handvoll Schnee);
  - c) [Leben ist "weniger als + X"] (Leben ist weniger als...);
- 4) *контрастивная vita-модель*:

[besser (X) ohne (Leben) als [...]] (besser Ehre ohne Leben, als Leben ohne Ehre);

[X ist besser als] (Ein Tag Freude ist besser als zehn Jahre Leben);
- 5) *локальная vita-модель* [где есть (X) ....] (Wo Freude ist, da ist das Leben] etc.

Приведенные модели свидетельствуют о том, что доминируют *эмпирические* и *нигилистические* модели. Данный факт не является случайным, так как каждый человек имеет свой собственный жизненный опыт и пытается его обобщить, сформулировать и воплотить в том или ином речевом высказывании, причем нередко руководствуясь при этом философским (нигилистическим) законом *отрицания отрицания*. С другой стороны, любое эмпирически сформулированное высказывание представляет собой, как правило, *сравнение*, которое аксиоматично используется как критерий истины, как способ познания мира. Обращение к разного рода сравнениям, в свою очередь, доказывает когнитивно-гносеологическую сложность, неоднозначность и противоречивость в достижении понимания и определения онтологической сущности жизни.

Жизнь представляется в человеческом сознании как некий феномен, который выходит за пределы человеческого знания, человеческого опыта, как феномен, который не охватывается в полной мере ни разумом, ни чувствами и из-за своей диффузности, расплывчатости постоянно ускользает из поля человеческого *понимания и осмысления*. В то же время на протяжении веков существования цивилизованного человечества человек постоянно стремится облечь свое понимание жизни в *слова*, используя при этом различные *когнитивно-гносеологические стратегии*. Как свидетельствуют результаты исследова-

дования, в создании немецкой языковой модели жизни широко используются следующие ментально-когнитивные принципы: *ассоциации, сравнения, противопоставления, закон отрицания отрицания, квантификаторные идентификаторы меры* (weniger, mehr), *оценочные индикаторы* (gut, schlecht), *стратегии поляризации* (Leben-Tod, Wärme – Kälte), *перекрестные отсылки* (хиазмы) (Leben ist Tod und Tod ist Leben), *преференциальные структуры* (wenn ...so) и др.

Таким образом, исследование немецкой паремиологической модели «жизни» позволяет, рассматривая категорию экзистенции в каждой конкретной картине мира и изучая способы её моделирования в языковом сознании какого-либо конкретного этноса, сделать вывод о том, что в разных картинах мира человеческое бытие структурируется особым образом, по-разному осмысливается, отличается семиотической и национально-культурной маркированностью.

Уже сами по себе дефиниции человеческого бытия в немецкой языковой картине мира отличаются национальным своеобразием, что подтверждается наличием разнообразных, так называемых типично немецких, т. е. математически точных структурных моделей жизни, спецификой их когнитивно-семантического содержания и способов вербальной рефлексии. Немецкая языковая модель жизни отражает особенности представления коллективной (немецкой) языковой личности о мире, жизни, этнокультурную специфику мировоззренческих установок, нравственно-этических и эстетических ориентаций и приоритетов, которые, в свою очередь, обусловлены историческими, социальными, культурными, психологическими установками, нормами, предпочтениями и канонами, сложившимися в языковом сознании немецкого этноса.

В то же время, основываясь на единстве явлений природы, наличии общих свойств и закономерностей в филогенетическом и онтогенетическом становлении и развитии человеческого бытия, человеческий разум в каждом конкретном явлении раскрывает элементы *общего* (всеобщего). Паремии с ключевой константой «Leben», отражая основополагающие и наиболее типичные для немецкого феномена «Жизнь» максимы, эксплицируют вместе с тем один из важнейших философских принципов – принцип *единства в многообразии*. Единство и многообразие жизни познаются через всеобщее и абсолютное в свойствах и законах человеческого бытия.

Литература

Телия, В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков – микротекстов / В. Н. Телия // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. – М., 2004. – С. 674-684.

Telija, W. N. Faktor kultury i wisproiywodimost`fraseologismow – znakow mikrotekstow / W. N. Telija // Sokrowennyje smysly. Slowo. Tekst. Kultura. – М. 2004. S. 674-684.

Summary. The author examines how the German mentality is reflected in proverbs which represent the concept “Life”. The article deals with the typology of German vita-proverbs. The study reveals metaphorical models of life.

Денисенко С. Н., Тараба И. О., Хант Г. О. **ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ** **КАК АККУМУЛЯТОР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Украина, г. Львов, Львовский национальный университет имени Ивана Франко
kf_inmovpr@franko.lviv.ua

Фразеологические концепты формируются в процессе познавательной деятельности и собственного опыта в сознании человека и фиксируют и сохраняют его знания и представления о мире в форме фразеологических единиц (ФЕ). В языке эти концепты объективируются в разные типы фразеологических значений, грамматических форм и синтаксических структур ФЕ. Окружающий мир познаётся человеком с точки зрения его потребностей, поэтому для когниции важны не все сенсорные свойства объекта, а только те из них, которые являются наиболее значимыми и соответствуют определенному понятию (Почепцов, 1960: 111). Это подтверждается исследованиями в области фразеологии: роль мышления в процессе фразеообразования состоит в том, чтобы из множества свойств сравниваемых денотатов, которые воспринимаются чувствами, отобрать свойства, самые важ-

ные и самые значимые в определённом языковом социуме, в соответствии с общелюдскими и национально-культурными ценностными стереотипами. Именно это обуславливает наличие в языковой картине мира большое количество единиц, в том числе и фразеологических, выступающих в ней своеобразными этнокультурными маркерами.

Аксиоматическим стало положение о том, что фразеологический фонд языка определяет универсальность и характерные особенности любой конкретной национальной картины мира, что в его неисчерпаемых недрах мы можем узнать о быте того или иного народа, о его традициях и обычаях, об этикете поведения, моральных установках и др. (Телия, 1996: 215). Фразеологизмы – это «своеобразные микромиры, которые содержат в себе и моральный закон, и здравый смысл, выраженные в коротком высказывании, которые завещали предки последующим поколениям» (Буслаев, 1954: 37).

Исследования в области семантики ФЕ охватывают в современной лингвистической науке целый ряд проблем, главной из которых на сегодня остаётся изучение национально-культурной специфики фразеологизмов (Гак, 1994: 67, 70, 86), поскольку является отображением способа жизни и характера народа, его истории, духовной жизни, традиций, обычаев и этнического быта в специальном отборе лексических компонентов того или иного фразеологизма. ФЕ имеют многомерную структуру, включающую кроме понятийной основы социо-психо-культурную составляющую, которая мыслится и переживается носителем языка и включает оценки, национальные образы, характерные для данной культуры (Голубовська, 2002: 36). ФЕ становится такое сочетание слов, выстраивающихся согласно определённой структурной модели, которое проверено временем в данном социуме на стойкость, культурную значимость. Такими являются фразеологизмы, которые отображают реалии определённого общества, объединённого территориальными, культурными и языковыми связями.

В связи с тем, что содержание термина «фразеологизм» («фразеологический оборот», «фразеологическая единица», «фразаема») чрезмерно неоднозначно трактуется в современной теории фразеологии, мы отбираем для анализа ФЕ – устойчивые комплексы слов, целостное значение которых не соответствует сумме значений лексических компонентов, входящих в их состав, но может (факультативное свойство) образно мотивироваться на основе этих значений.

Наиболее продуктивным языковым механизмом первичного фразообразования является переосмысление слов и синтаксических конструкций через установление новых видов логико-семантических отношений между ними, в результате чего индивидуальные семы переходят в основные. Базой для переосмысления выступает культурная информация и коннотация, которые, претерпев со стороны общества эмотивную оценку, закрепляются в семантической структуре ФЕ в виде индивидуальных сем. Ментальный образ исходного словосочетания играет роль основы. Новая (актуальная) ситуация сравнивается с той, которая называется исходным словосочетанием. Похожесть обеих ситуаций и приводит к тому, что новая получает номинацию базовой. Этот механизм является универсальным как при метафоризации, так и при фразеологизации (Телия, 1996: 215-216).

Генетическая связь процесса новой номинации, обусловленная разными ракурсами восприятия окружающей среды, характерными для её представителей, порождает национальное маркирование ФЕ. Маркирование национальной специфики фразеологического образа часто создаётся, например, отбором достаточно специфической для определённого народа лексики:

– это обозначение определённых реалий, известных только носителям данного языка или нескольким нациям, связанным общностью культуры и религии (напр.: *den Amtsschimmel reiten* – разводит бюрократизм; *jmdm. Blunzen sein / werden* – быть / стать абсолютно безразличным к кому-либо; *Otto Normalverbraucher* – среднестатистический гражданин),

– своеобразные топонимы (напр.: *ein Nürnberger Trichter* – методика обучения, когда ученик не прикладывая усилий, не напрягаясь, усваивает учебный материал как бы механически, автоматически; *Herr und Frau Österreicher* – среднестатистические австрийцы; *einen Charlottenburger machen* – сморкнуть в руку),

– антропонимы (напр.: *rangehen wie Blücher* – действовать решительно; *die Kraniche des Ibykus* – символ кары и отщепенца; *Frau Holle schüttelt ihre Betten aus* – идём снег),

– гидронимы (напр.: *das Wasser in den Rhein tragen* – делать что-то ненужное; *ein Ritt über den Bodensee* – очень смелое, ничем не подкреплённое начинание; *mit*

Spreewasser getauft sein – быть истинным берлинцем), характерны для определённой страны, определённого государства.

Несомненным есть то, что фразеологический образ, составляющими которого есть специфические для определённой нации реалии, специфические топонимы, воспринимается как национально-специфический легко и сразу: лингвистические маркеры его национальной ограниченности лежат «на поверхности», выделяются без особых усилий. Однако национально уникальным, неповторимым может быть и само значение фразеологизма как результат семантических изменений. Так, например, исходное значение фразеологизма *j-m einen Brandbrief schicken* – выдавать потерпевшим от пожара документ (*Brandbrief*), где указывалось, при каких обстоятельствах утрачено имущество. Позднее *Brandbrief* стало означать письмо с угрозой поджечь дом и другое имущество. В современном немецком языке этот фразеологизм имеет значение *посылать кому-либо срочное письмо (чаще всего с просьбой о денежной помощи)*. Или, например, немецкая ФЕ *Hinz und Kunz* – всякий сброд принадлежит к разговорной фамильярной речи и берёт свое начало ещё от средних веков, когда *Hinz* (от *Heinrich*) и *Kunz* (от *Konrad*) были очень распространёнными немецкими именами. Однако уже в XV столетии парное словосочетание *Hinz und Kunz* употребляется с оттенком насмешки, издёвки, в значении «каждый встречный». Со временем эта ФЕ стала деривационной базой для многих поговорок, напр.: *Will Heinz nicht, so muss Kunz; Hinz hat angestellt, Kurz muss es ausbaden*.

Традиционно фразеологизмы рассматриваются в семиотическом аспекте как знаки вторичной непрямой номинации. В современной лексикологии чётко прослеживается наличие трёх типов классификации ФЕ как лингвистических объектов: логико-семантический, морфолого-синтаксический и когнитивный (Бабушкин, 1996: 79). Первые два типа являются традиционными для лингвистики. С позиции логико-семантического анализа главное внимание уделяется семантике, природе ФЕ, механизму порождения, формальным признакам употребления ФЕ в тексте. Составляющие такой классификации формально равноценные, соответствуют формальным принципам, фиксируют свойства ФЕ, которые позволяют отличать их друг от друга (Маслова, 2001: 65). В морфолого-синтаксических классификациях, наряду с семантической, основное внимание уделяется структуре ФЕ, их функциональной характеристике, возможности частеречной идентификации. Классификация третьего типа, в русле которого и проводится данное исследование, можно охарактеризовать как прагматично ориентированные (когнитивные) классификации. В их основе лежит коммуникативно-прагматическая весомость или значимость каждой конкретной ФЕ в сознании носителей языка. Таким образом, когнитивная классификация ФЕ отображает феномен их употребления в обществе, их социальную значимость для членов общества.

Фразеологическая репрезентация форм бытия основана на когнитивных способностях представителей этноса, их познавательно-оценочной деятельности, понимании и представлении, категоризации мира. Результатом когнитивной деятельности является формирование признаков, отображённых в языковом сознании. Значение знаков опосредствованно-производной номинации есть результатом ментальной интерпретации объективной действительности. Своеобразие фразеологической семантики детерминирована интеграцией когнитивных и этнолингвистических факторов, взаимодействием языка, сознания и культуры. Информация, включённая в значение фразеологизма, представляет собой «свёрнутый» текст, который разворачивается благодаря когнитивным процедурам, осуществляемым при воспроизведении и восприятии ФЕ. Когнитивно-интерпретационный анализ фразеологизмов позволил по-новому описать их знаковую функцию. Все информационные блоки ФЕ (денотативный, оценочный, образно-мотивационный, эмотивный) интерпретируются в пространстве культурного знания, которым владеет носитель языка (Денисенко, 2008). Источниками культурно значимой интерпретации фразеологических национально-маркированных концептов есть выраженные в языке эталоны, или реалии-символы, проскрипции и установки культуры, зафиксированные в фольклоре и других типах дискурсов.

Мы трактуем фразеологический концепт как оперативную единицу мышления, которая является сложно-структурированным динамичным абстрактным образованием, фрагментом этнокультурного знания об окружающем мире, формируется в индивидуальном и коллективном сознании на основе осуществления разных видов деятельности и вербально воплощается в ФЕ. Национально-культурную специфику ФЕ отражают ком-

плексно, то есть своим идиоматическим значением, всеми компонентами сразу, что представляет содержание любой ФЕ. Именно носитель языка, опираясь на знания своей национальной культуры, может правильно дешифровать представления, находящиеся в основе фразеологизма. Причём именно во фразеологии органично объединяются как опыт отдельной личности, так и опыт многих поколений данной нации со своими, только для неё характерными чертами.

Литература

- Бабушкин, А. М. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. М. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 237 с.
- Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки / Ф. И. Буслаев. – М., 1954.
- Гак, В. Г. Язык как форма самовыражения народа / В. Г. Гак // Язык. Культура. Этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 59–68.
- Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск: Тетра-Системс, 2004.
- Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания, 1960. № 6. – С. 110–122.
- Солодуб, Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как лингвистического исследования / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. № 6. – С. 55–56.
- Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 228 с.
- Голубовська, І. О. Національно-мовна картина світу в її лексичній іпостасі / І. О. Голубовська // Мовні і концептуальні картини світу. – К.: Пройм. М., 2002. – С. 92–98.
- Денисенко, С. Н. Генетичні джерела ідіоматики як один із засобів втілення її національно-культурної специфіки (на матеріалі фразеологічної деривації на основі існуючої фразеології німецької мови) / С. Н. Денисенко // Проблеми загального, германського та слов'янського мовознавства. – Чернівці: Книги, 2008. – С. 281–283.

Summary. Phraseological concepts are formed in the process of gnosiological activity and own experience in person's conscience. They accumulate and preserve one's knowledge and awareness about the world in the form of phraseological units.

Дьяченко Т. Д.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КЛЮЧЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ «ДЫХАНИЕ»

Россия, Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
TDyachenko@bsu.edu.ru

Фразеологические единицы, образованные на основе одного из витальных концептов, отражающих функции, обеспечивающие выживание человеческого организма, представляют большой интерес с точки зрения лингвокогнитивного анализа, поскольку в них с наибольшей очевидностью проявляется универсальность базовых общечеловеческих концептов. И если споры по поводу универсальности базовых человеческих эмоций, таких как «грусть» и «гнев», еще продолжаются и будут продолжаться в течение долгого времени (Plutchik, 1994, Вежбицкая, 1999), то общность механизмов концептуализации «дыхания», на наш взгляд, очевидна, и в наибольшей степени она проявляется именно в единицах фразеологического характера, передающих образно-экспрессивную характеристику психофизического состояния субъекта.

Дыхательный рефлекс относится к витальным безусловным рефлексам, которые обеспечивают индивидуальное и видовое сохранение организма. Критериями рефлексов витальной группы являются следующие: неудовлетворение соответствующей потребности ведет к физической гибели особи и реализация безусловного рефлекса не требует участия другой особи того же вида (Симонов, 1984: 38). Дыхание – это совокупность процессов, обеспечивающих поступление в организм кислорода и удаление углекислого газа, а также использование кислорода клетками и тканями для окисления органических веществ с освобождением энергии, необходимой для их жизнедеятельности.

С целью получения наиболее полной картины отражения рассматриваемого действия (дыхания) на когнитивном уровне, т. е. в сознании человека, необходимо отразить двусторонний (двунаправленный) характер действия: вдох и выдох.

Среди ядерных лексических единиц, репрезентирующих рассматриваемый концепт, можно выделить группу существительных:

breath, breeze, exhalation, inhalation, inspiration, respiration, suspiration, scent, sniff, wheeze, wind,

а также группу глаголов:

breathe, blow, exhale, exude, gasp, inhale, inspire, pant, sigh, suspire, sniff, wheeze, scent.

Ключевыми единицами, являющимися идентификаторами данного концепта, можно, на наш взгляд, считать существительное *breath* и глагол *breathe*. Эти лексемы охватывает максимальный понятийный объем значения дыхания, что подтверждается данными словарей.

Breath – the air inhaled and exhaled in breathing (Webster's dictionary of English Usage).

Breath – 1) air taken into and sent out of the lungs

2) single act of taking in and sending out air (Oxford Dictionary of Current English).

Анализ контекстуальных значений существительного *breath* выявляет сущность человеческих представлений о данном физиологическом процессе. Так как «в норме» все люди способны дышать, и дышат, то на языковом уровне, как правило, отражается некоторое отклонение от нормы, т. е. задержка дыхания, трудности с дыханием вследствие каких-либо причин и т. д.

В данной статье мы рассмотрим английские фразеологические единицы, имеющие в своем составе лексему-идентификатор концепта «Дыхание».

Среди английских фразеологических единиц, образованных на основе концепта «Дыхание», выделяются следующие семантические группы:

1. Говорение

To breathe out – произнести, выдохнуть.

Below (beneath, under) one's breath – вполголоса, тихо.

Keep (spare, save) one's breath to cool one's porridge – помалкивать, держать язык за зубами.

Spend (waste) breath – напрасно, попусту тратить красноречие, бросать слова на ветер.

Концептуальные основания данной группы заключаются в осмыслении физического действия говорения как совершающегося на «выдохе», т. е. дыхание является как физической, так и концептуальной основой говорения. Как видно, в русских вариантах данное основание практически отсутствует, за исключением единицы *to breathe out* – произнести, выдохнуть.

"I'm fine..." – he breathed out (Raymond).

«Я в порядке...» – выдохнул он.

Фразеологическая единица *keep one's breath to cool one's porridge* чаще встречается в усеченном варианте *keep one's breath*, который можно считать относительно самостоятельным фраземным образованием (см. об этом подробнее в Федуленкова, 2007).

2. Физическое и психоэмоциональное состояние

To be out of (short of) breath, loose one's breath – запыхаться, задыхаться, сбить дыхание.

Catch (fetch, get, gather) one's breath – перевести дух, дыхание, отдышаться, затаить дыхание (*bate, hold one's breath*).

with bated breath – затаив дыхание.

Take (away) smb's breath (take smb's breath away) – удивить, поразить, отсюда *breath-taking* – удивительный, поразительный.

Breathe freely – вздохнуть свободно.

Breathing space (spell, time) – передышка.

Second breath (wind) – второе дыхание.

In one breath, in the same breath – не переводя дыхания, одним духом (залпом).

В данной группе единиц мы видим лишь одну, которой соответствует русский вариант без ключевого компонента «дыхание» в словарных статьях: *take smb's breath away*. Но и для этого фразеологизма нами отмечены случаи перевода с опорой на ключевой компонент:

The scene positively took his breath away (Browning).

От этой сцены у него перехватило дыхание.

3. Жизненный цикл

1. Начало жизни, рождение

Draw one's first breath – родиться.

From the first breath – с первого вздоха, с самого начала жизни.

2. Конец жизни, смерть

Draw one's last breath – испустить дух, умереть.

To one's last breath (to the last breath) – до конца своих дней, до последнего вздоха.

Метафорический перенос может осуществляться и на неодушевленные существительные:

The Archon's speech could be the last breath of civilization and order (Penswick).

Возможно, речь Аркона ознаменовала собой конец цивилизации и порядка.

3. Жизненная необходимость, потребность

A breath of (one's) life – смысл жизни.

A breath of (fresh) air – глоток (свежего) воздуха.

Указанные группы фразеологических единиц характеризуются лексической вариантно-стью компонентного состава. Как указывает Н. Ф. Алефиренко, «вариантность как форма выражения взаимодействия лексического и фразеологического уровней становится возможной благодаря асимметрическому дуализму фраземных знаков, противоречивому и неравномерному развитию их плана содержания и плана выражения» (Алефиренко, 2008: 6).

Как и любые другие фразеологические единицы, фразеологизмы с компонентом «дыхание» должны передаваться в переводе либо фразеологизмом – фразеологический перевод, либо иными средствами – нефразеологический перевод (Влахов, Флорин, 1980: 183). Однако фактический материал свидетельствует о том, что в процентном отношении первый тип перевода значительно преобладает, что служит еще одним подтверждением универсальности рассматриваемого концепта, поскольку компонент «дыхание» в английском и русском языках является практически в равной степени продуктивным в плане образования фразеологических единиц.

Тем не менее, полные эквиваленты в данной группе фразеологизмов встречаются довольно редко, например:

Second breath – второе дыхание.

She had reached that stage in her enterprise when the first fine careless rapture had evaporated and yet no real success had appeared to give her a further boost and a second breath (Raymond).

Её предприятие достигло той стадии развития, когда уже иссякла энергия первых стремительных шагов, а настоящий успех, который мог бы дать ей второе дыхание, все еще не приходил.

Следует отметить, что вариант second breath является значительно менее рекуррентным по сравнению с сочетанием second wind.

В данной группе отмечаются также единицы с частичным лексическим или грамматическим расхождением, к примеру:

Breathe freely – вздохнуть свободно.

She was as sure as she could be that she hadn't been followed, but she knew she wouldn't breathe freely again until she was in Middletown (Browning).

Она была абсолютно уверена, что за ней не было «хвоста», но она также знала, что вздохнуть свободно сможет только после того, как вернется в Мидлтаун.

При этом менее часто встречающийся вариант «дышать свободно» является полным эквивалентом рассматриваемого английского фразеологизма.

Как справедливо отмечают С. Влахов и С. Флорин, необходимо помнить, что при выборе переводной единицы учитываются все показатели исходной фразеологической единицы, а также её стиль и колорит. К примеру, предложение He couldn't catch his breath может быть переведено следующим образом: Он не мог отдышаться. У него перехватило (сперло, заняло, занялось) дыхание. Он еле дышал.

Как видно, степень фразеологизации возможных соответствий в русском языке различна. Выбор в данном случае будет во многом определяться контекстуальными условиями, к примеру, информацией о том, идет ли речь о физическом или о психическом и эмоциональном состоянии, какова причина данного состояния и др.

Для переводчика вся трудность заключается в том, что ему необходимо из такого обилия и разнообразия синонимов выбрать именно тот, который смог бы передать полноценный смысл исходной единицы. В абсолютном большинстве случаев при переводе в русском языке сохраняется ключевой компонент «дыхание». Однако в вариантах возможно появление на месте ключевого компонента существительных «дух» и «душа»: испустил дух, и душа вон.

Этимологическая близость русских существительных «дыхание», «дух», «душа» во многом объясняют указанные варианты перевода английских фразеологизмов. Эти слова принадлежат к семье слов от и.-е. корня *dheus-//dhus – «разлетаться, рассеиваться (об искрах, пыли, дыме), а также о дыхании. В ст.-сл. имеется еще **дѣхъ** «дыхание, запах» (Pokorny, 1969: 37). Соотношение понятий «дыхание», «дух», «душа» подробно анализируется в исследовании О.Н. Кондратьевой на материале древнерусских текстов: «Стремление спасти жизнь другого человека также предстает как желание вдохнуть в него свою душу, поделиться этой особой воздушной субстанцией, отвечающей за жизненные силы человека: такоже и патриархъ и вси велможи и врачеви, утѣшающе его, хотяху бо, аще бы мощно было, душа своа вдунути в него (Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году)» (цит. по Кондратьева, 2011: 21). Гибель человека, соответственно, мыслилась как выход души из тела, который осуществлялся с последним вздохом: И как положили Евангелие на грудех, и вид Шигона духъ его отшедшь, аки дымець мал (Повесть о болезни и смерти Василия III). Уподобление души воздуху является наиболее древним, поскольку заложено в этимологии слова, и актуализирует такие свойства души, как её скрытость от взгляда, связь с жизнью, динамичность и изменчивость, независимость от человека, способность к перемещению в пространстве, связь с дыханием (цит. по Кондратьева, 2011: 22).

Таким образом, универсальность базового витального концепта «Дыхание» и его высокая фразеологическая продуктивность обеспечивают переводчику с английского языка на русский богатый выбор фразеологических единиц с указанным ключевым компонентом.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Асиметризм и вариантность как источники развития идиоматики / Н. Ф. Алефиренко // Фразеология и фразеодидактика: Актуальные проблемы: вып.1: сборник научных трудов. – Архангельск: Поморский университет, 2008. – С. 6-12.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.

Влахов, С. В. Флорин, С. С. Непереводимое в переводе / С. В. Влахов, С. С. Флорин. – М., 1980. – 344 с.

Кондратьева, О. Н. Метафора «Душа – это стихия» в древнерусской культуре и её мифологические истоки / О. Н. Кондратьева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета, 2011. № 1. – С. 55-62.

Симонов, П. В. Предыстория души / П. В. Симонов // «Наука и Жизнь», 1984. № 2. – С. 112-123.

Федуленкова, Т. Н. Апокопа в коммуникативной фразеологии / Т. Н. Федуленкова // Непрерывное образование в свете модернизации высшей школы: Актуальные проблемы и перспективы: мат-лы междунар. Науч-практ. конф. – СПб.: Невский институт языка и культуры, 2007. – С. 216-219.

Plutchik, R. The Psychology and Biology of Emotion / R. Plutchik, Harper & Collins, 1994. – 367 с.

Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Worterbuch / J. Pokorny. – Bern: Francke, 1969. – 691 p.

Webster's dictionary of English Usage. – Merriam Webster, 1989. – 870 p.

Oxford Dictionary of Current English. – Oxford University Press, 2006. – 1104 p.

Источники фактического материала

Raymond, M. The divided house / M. Raymond. – F A Thorpe Publishing Ltd, 1985. – 345 p.

Browning, A. The stolen heart / A. Browning. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1992. – 290 p.

Penswick, N. The pit / N. Penswick. – London: Virgin, 1993. – 243 p.

Summary. The article deals with the analysis of the phraseological units based on the concept of “breathing” from the point of view of their translation into Russian. Different translating strategies are considered as means of achieving equivalence. The phraseological representation of the key component of the concept is analyzed in the article.

Евсеева И. В., Ростова М. Л.
ЖЕСТОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЭМОЦИЙ ЧЕЛОВЕКА

Россия, г. Лесосибирск, Лесосибирский педагогический институт –
филиал Сибирского федерального университета
ivevseeva@yandex.ru
rosovaml@rambler.ru

В последние годы интерес к языку тела в нашей стране исключительно возрос, поскольку стало очевидным, что без учета особенностей невербального поведения людей и его взаимодействия с вербальным, невозможно полностью понять природу и механизмы коммуникации, основная задача которой – достижение общих для партнеров коммуникативных целей.

Ученые сегодня рассматривают теоретические и практические аспекты взаимодействия вербальных и невербальных знаков в процессе общения на материале разных языков и с разных позиций – лексикологической, грамматической. Описываются лексико-семантические и функциональные аспекты невербальных единиц. Кроме того, изучаются способы отображения невербального поведения человека в художественной литературе, кинофильмах и телепередачах.

На наш взгляд, отдельного внимания заслуживают работы Г. Е. Крейдлина, который отмечает важность анализа особенностей внутриязыкового перевода, превращение тела как физической, природной материи в тело как носитель атрибутов определенной национальной культуры. Этот семиотический процесс исследователь предлагает называть окультуриванием тела. Г. Е. Крейдлин в совместной работе с А. Д. Козеренко (Козеренко, Крейдлин, 1999: 270) отмечает, что концептуализация жестовых движений человека и действий его тела находит отражение, прежде всего, во фразеологии, а именно – в идиомах.

В указанной работе введено понятие и термин «жестовый фразеологизм». Под жестовыми фразеологическими единицами понимаются устойчивые выражения, построенные на базе жестов. Это означает, что они в той или иной мере сохраняют с жестами семантическую и этимологическую связь. Семантические связи между жестом и соответствующим ему жестовым фразеологизмом достаточно устойчивы и многоплановы. Они могут отражаться в общих нетривиальных семантических компонентах их толкований, в частности, смысл невербальных компонентов коммуникации может совпадать со смыслом фразеологизма. Иногда такие компоненты сразу не обнаруживаются. В этом случае установить семантическую связь помогут когнитивные операции. Например, такой когнитивной операцией может служить операция обобщения. Ср.: *махнуть рукой на кого-либо* и *махнуть рукой на все*. Здесь меняются компоненты фразеологической единицы *махнуть рукой на все*, а смысловая связь сохраняется. Это исключительный случай. Чаще наблюдается иное, когда при изменении формы меняется смысл.

Чтобы разобраться в разных случаях вышеупомянутых связей, обратимся к понятию жеста. В современном русском языке слово жест означает демонстративное выразительное движение человеческого тела или некоторого органа, сигнализирующее о чем-то. В «Новом словаре иностранных слов» дается следующая трактовка этого термина: «жест – движение рукой или другое телодвижение, что-либо выражающее или сопровождающее речь» (Захаренко, 2003: 221). Более полным, на наш взгляд, является понимание жестов, предложенное Г. Е. Крейдлиным. Мы, вслед за ним, под жестами в широком смысле слова будем считать знаковые движения рук, ног, головы, мимику, или выражения лица, позы и знаковые телодвижения – движения корпуса (Крейдлин, 2004: 10). Как видим, основной критерий отделения жестов от физиологических движений человеческого тела – это его знаковый характер.

На основании того, что жесты выполняют различные функции в человеческой коммуникации, выделяют три основных семиотических класса жестов: 1) эмблематические, или эмблемы; 2) иллюстративные жесты, или иллюстраторы; 3) регулятивные жесты, или регуляторы. Эмблемы, в свою очередь, можно подразделить на коммуникативные, к которым «относятся кинемы, несущие информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передает адресату», и симптоматические, означаемым которых является эмоция (Крейдлин, 2004).

Как отмечалось выше, жестовые фразеологизмы являются семантическими дериватами жестов, соединяя в себе прямое значение жеста и переносное значение выражения. Подобные фразеологические единицы обозначают уже не само физическое движение, а стоящие за ним эмоции, душевные состояния, оценки.

Целью нашей работы является анализ жестовых фразеологических единиц, которые являются внешними репрезентантами внутреннего психологического состояния жестикулирующего или его отношения к партнеру по коммуникации, т. е. обозначают эмоциональную сферу жизнедеятельности человека.

Проявление эмоций имеет две основные формы: во-первых, неконтролируемые физиологические реакции тела на причину, вызывающую эмоцию, и, во-вторых, контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию, или на интеллектуальную оценку. Рассмотрим эти формы на конкретных примерах. Текстовые примеры заимствованы нами из Национального корпуса русского языка.

(1) Неконтролируемые физиологические реакции тела на причину, вызывающую эмоцию, например, проявляются в таких случаях, как:

– расширение глаз в момент удивления – *делать большие глаза*: «...сестры – близнецы Зоя и Фаина Клубовы и остальные, без счета и регистрации, вместо внятных рассказов о том, что же с ними случилось, стали делать большие глаза, вертеть шеями, потрясенно разводить руками, изображая что-то необъяснимое, непомерное и особенное, от чего и пошла расти узловская легенда (В. Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове);

– блеск глаз в случае сильного желанья чего-л. – *глаза разгорелись*: «Пока Фухе все это рассказывал, у него распушились усы и бакенбарды, а глаза разгорелись, как у охотящегося кота (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

(2) Контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию, или на интеллектуальную оценку характеризуют:

– движения из стороны в сторону головой (а также носом как выделяемой частью головы) в случае несогласия, неодобрения – *качать головой*: «Вот сейчас, сегодня, я могу сердиться вместе с тобой, возмущаться, качать головой, обвинять всех и вся» (С. Соловейчик. Ватага «Семь ветров»); *крутить носом*: «И он поймёт, что вам это не нравится, и сразу перестанет крутить носом и задирает нос» (Носария // «Трамвай», 1990), «И вот, когда все подается мне буквально на тарелочке с золотой каемочкой, я начинаю крутить носом» (М. Милованов. Естественный отбор). Укажем на один важный момент – в примерах второй группы может проявляться дополнительное значение фразеологизмов «пренебрежение к чему-либо, отказ от чего-либо».

Далее в нашей работе будет предпринята попытка классифицировать жестовые фразеологические единицы (далее – ФЕ) по типу выражаемых эмоций. На этом основании мы выделяем:

1. Жестовые ФЕ, обозначающие эмоцию «гнев/ярость» как чувство сильного возмущения, негодования, злости. Например, *указывать на дверь*: «Это значит, что мы американским инспекторам сможем отныне вежливо указывать на дверь» (М. Владимир. Арсенал партнерства // Труд-7, 2002.01.10); *бросать перчатку*: «...слабо пискнула какая-то маленькая часть души Антона Петровича, та часть его души, которая заставила его бросить перчатку, хлопнуть дверью, назвать Берга подлецом» (В. Набоков. Подлец); *скрежетать зубами*: «Что можно было сделать? Скрежетать зубами, бушевать, стрелять? Еще хуже, еще глупее» (А. Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина).

2. Жестовые ФЕ, обозначающие эмоцию «страх» как чувство боязни. Например, *схватиться за голову*: «Есть от чего схватиться за голову, но в отчаяние впадать не следует» (Н. Боярко. Геноцид набирает обороты// Советская Россия, 2003.06.15), «Это-то я заметил. – Люсину впору было схватиться за голову. Только теперь он начинал постигать, какую непосильную ношу самонадеянно взвалил на свои плечи» (Е. Парнов. Александрийская гемма); *коленки дрожат*: «Он вручает вам ноту протеста, а коленки дрожат, и ладони потеют» (В. Некрасов. Взгляд и Нечто), «Это было то, что называют: «коленки дрожат» (Н. Никулин. Воспоминания о войне).

3. Жестовые ФЕ, обозначающие эмоцию «радость/счастье», в которой заключены чувство веселья, удовлетворения, энтузиазма. Например, *всплеснуть руками*: «Видимо, здесь я должен был всплеснуть руками, восхититься сюжетом и т. д.» (Э. Радзинский. Наш Декамерон); *подпрыгивать до потолка* (высшая степень радости): «Возвращаясь из университета, повстречал Бориса Подлипкина (студент-химик, мы с ним учились в одной

гимназии) и по дороге к дому говорил ему, что нынче у меня удачный день, а если исполнится еще одно заветное желание – получить твое письмо, – буду прыгать до потолка! (А. Морозов. Пржежные слова // «Знамя», 2002).

4. Жестовые ФЕ, обозначающие эмоцию «горе/печаль». Например, *ломать руки*: «Интересно, в каком самочувствии должен находиться исполнитель, чтобы это играть – чеховское страдание (или сострадательность?). Биться в истерике, ломать руки? Нельзя сыграть» (С. Васильева. Пустячок, идиома // «Октябрь», 2002), еще примеры – «Тренев шел за нею, горько упрекая себя, что не скрыл своих чувств, и ему хотелось не то ломать руки, не то рвать волосы, не то ударить ее изо всех сил» (М. Арцыбашев. У последней черты), «Она начала ломать руки и забегала по комнате, как только что пойманный зверь в клетке» (А. Осипович. Тетушка); *заливаться (плакать) горькими слезами*: «Вот тогда и посмотрим, кто будет смеяться, а кто плакать горькими слезами» (В. Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина); *всплеснуть руками* (ср. с группой 3 жестовых ФЕ): «Вид памятника Александру заставил меня горестно всплеснуть руками, с невыразимой печалью смотрела я на высокую колонну и ангела с крестом» (Н. Дурова. Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения).

5. Жестовые ФЕ, обозначающие эмоцию «удивление/изумление», когда человек находится под впечатлением от чего-либо странного, неожиданного, непонятного. Например: *глаза на лоб лезут*: «Глаза на лоб лезут от подобных утверждений и открытий» (В. Сердюченко. Чужие среди своих // «Лебедь» (Бостон), 2004.01.04), «В самих бумагах было такое количество ляпов, что глаза на лоб лезут» (А. Макаркин. Воцерковление Иосифа // «Совершенно секретно», 2003.08.09), «Да потому, что он, сам не сидючи ни разу, это самое сидение пишет так, что глаза на лоб лезут от восторга и удивления» (Ю. Даниэль. Письма из заключения); *всплеснуть руками*: «Подойдя ближе к Тане, девочка остановилась и замерла, потом хотела всплеснуть руками и едва не выронила посудину на панель» (И. Новиков. Гарахвена).

6. Жестовые ФЕ, обозначающие эмоцию «неодобрение». Например, *покачать головой* – «Возможно ли сказать родственнику в лицо: “Подлец”, или плюнуть в сторону его дома, или хотя бы осуждающе покачать головой?» (Кроме нас на свете много других // «Известия», 2002.12.06), «...сказал он приличествующим молитвенному настроению голосом, позволив себе, однако, покачать головой в знак христианской укоризны, – ну что еще такое у вас там? (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

7. Жестовые ФЕ, обозначающие эмоцию «отвращение/презрение». Например, *вытирать ноги*: «Если Россия оскудеет изобретениями, оборонная мощь очень скоро рухнет, и о нас начнут просто вытирать ноги» (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // «Октябрь», 2002), «Вытирать ноги о Президента, пренебрегая при этом элементарными приличиями, стало у нас еще со времен Горбачева модой политиков, а также некоторых придурочных девочек и высокомерных мальчиков, не знающих жизни (и не желающих ее знать), опустошенных этически, а под удобной сенью свободы признающих милосердие только к самим себе – непомернолюбимым» (А. Яковлев. Омут памяти, Т. 2); *глядеть сверху в низ*: «Нет, я таких любить не могу, на которых мне приходится глядеть сверху вниз» (И. Тургенев. Первая любовь).

8. Жестовые ФЕ, обозначающие эмоцию «интерес/любопытство». Например, *уткнуть нос во что-либо*: «Петровский весьма настаивал на этих лекциях, как увлеченный, убежденный химик, собирающийся на всю жизнь уткнуть нос в физико-химические науки; что он химик с нюхом, с рукою, с глазомером и с сообразительностью, он доказал в начале второго курса, с молниеносной быстротою пройдя все 40 задач качественного анализа и к концу полугодия очутившись в сотрудиниках профессора» (А. Белый. На рубеже двух столетий); *не отнимать глаз*: «Ребята, жена и Пётр последовали за Демьяном и не отнимали от него глаз» (Д. Григорович. Четыре времени года).

Подведем итог. В данной работе были рассмотрены только жестовые фразеологические единицы, которые обозначают эмоциональную сферу жизнедеятельности человека. Жестовые фразеологизмы, описывая мимику, жесты или телодвижения, отражают внешние проявления эмоций или душевные ненаблюдаемые состояния и процессы. В основе их семантики лежат привычные нормы указания на душевное состояние человека путём проекции его чувств, намерений, переживаний на их внешние проявления. При этом разные эмоции психологического возбуждения или одна и та же эмоция, но разной

силы могут вызывать движение разных частей тела или самого тела, т. е. выражаться в форме жестов.

Следовательно, как показывают приведенные примеры, одно и то же эмоциональное состояние может быть передано разными фразеологическими единицами. И наоборот, одна и та же фразеологическая единица может обозначать разные эмоциональные состояния.

Литература

Захаренко, Е. Н. Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – М.: «Азбуковник», 2003. – 784 с.

Козеренко, А. Д. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) / А. Д. Козеренко, Г. Е. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 269–277.

Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.

Summary. The paper considers the gesture phraseological units that are external representant-sof internal psychological condition of the gesturing person or his attitude to the partner in communicative situation.

Евсеева И. В., Пономарева Е. А.

КОНЦЕПТЫ «HEART» И «СЕРДЦЕ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРИЗНАКОВОГО ПОДХОДА

Россия, г. Лесосибирск, Лесосибирский педагогический институт –
филиал Сибирского федерального университета
ivevseeva@yandex.ru
kolokolnikova88@mail.ru

1. Постановка задач. В настоящее время большое внимание уделяется изучению концептуализации и категоризации явлений окружающей действительности. Именно поэтому в конце XX – начале XXI вв. очень актуальным стало изучение концептосфер разных языков и отдельных концептов.

Несмотря на существующую в современной науке неоднозначность трактовки термина «концепт», лингвисты сходятся в понимании концепта как структурированного знания. С позиций лингвокультурологического подхода (именно его мы придерживаемся в данной работе) структура концепта представлена тремя компонентами: понятийным, образным и ценностным (Воркачев, 2003). Ценностный компонент концепта отражен в семантике лексических единиц и фразеологизмов, выступающих в качестве формы его языковой экспликации.

Изучение концептов, выявление их этнокультурных, этноязыковых особенностей не возможно без анализа языковых и неязыковых фактов в тесной связи с сознанием и мышлением человека, т. е. с точки зрения антропоцентризма. Особое внимание при этом уделяется анализу лексики, обозначающей объекты человеческого тела, т. е. соматической лексики. Интерес к названиям частей тела далеко не случаен. Изучение соматизмов и образованных от них языковых единиц дает нам представление о восприятии носителями языка себя в окружающем мире.

В данной работе мы рассматриваем фразеологические единицы английского языка со словом *heart* (сердце) и фразеологизмы русского языка со словом *сердце*, как неотъемлемую часть концептов *heart* и *сердце*. Мы считаем, что анализ данного аспекта поможет нам расширить знание о концептах *heart* и *сердце* в английском и русском языках, а также провести сравнительный анализ представления этого концепта во фразеологизмах двух языков. Задача работы – выявление основных признаков концептов *heart* и *сердце*, используемых при построении фразеологических единиц. Фиксация этих признаков осуществляется нами путем применения признакового подхода, обоснованного группой исследователей Института лингвистики РГГУ под руководством Г. Е. Крейдлина. Он был разработан в противопоставление лексикографическому подходу, который не вполне пригоден для описания телесных объектов. Выбор данного подхода исследователи объяс-

няют следующими обстоятельствами: во-первых, описание тела и его частей не представлено в толковых (объяснительных) словарях единообразным образом (например, в пределах одного и того же словаря для одной части тела даются сведения только о возможных её формах, для другой части тела – только о функциях и т. д.); во-вторых, признаковый подход позволяет единообразно сопоставлять вербальные и невербальные знаковые коды, то есть решать основную исследовательскую задачу, и, в-третьих, он даёт возможность решить такую важную задачу, как провести сопоставительный анализ семиотических концептуализаций тела и его частей для разных этносов и культур (Крейдлин, Перверзева, 2008).

Все признаки соматических объектов ученые объединяют в следующие классы: 1) структурные признаки (признаки, связанные со структурой, строением тела и каждого соматического объекта в частности; подразделяются на членимость, месторасположение и ориентацию, направленность); 2) физические признаки (различного рода характеристики соматического объекта, например форма, размер, цвет и др.); 3) функциональные признаки (все функции и действия, которые может выполнять соматический объект, либо действия, производимые над ним).

2. Представленность концепта *heart* во фразеологии английского языка и его анализ с точки зрения признакового подхода. Остановимся подробнее на характеристике вокабулы *heart*. В английском языке вокабула *heart* по данным Оксфордского словаря (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 1995), англо-русского словаря В. К. Мюллера (Мюллер, 1969) имеет 12 лексем (здесь мы, используя термины «вокабула» и «лексема», понимаем их вслед за представителями московской семантической школы, возглавляемой Ю. Д. Апресяном: вокабула – многозначное слово, лексема – слово, взятое ровно в одном из его значений и признаваемое вполне самостоятельной двусторонней единицей языка): 1. Полный орган в груди, который разгоняет кровь по телу; 2. Часть тела, где расположен этот орган; 3. Центр человеческих мыслей и эмоций, в особенности любви; способность испытывать эмоции; 4. Милый, милая – *dear heart*; 5. Энтузиазм, воодушевление; 6. Мужество, смелость, отвага; 7. Центральная или наиболее значимая часть чего-либо; 8. тех. Сердечник; 9. Внутренние листья, часть капусты; 10. Что-либо в форме сердца, особенно красного цвета, призванное изображать сердце как символ любви; 11. Масть карт, помеченная символом сердца; карты этой масти. 12. Плодородие.

Проанализировав найденный нами языковой материал, мы выяснили, что не каждая лексема вокабулы *heart* дает почву для образования фразеологических единиц. Кроме того, количество образованных от отдельных лексем соматических фразеологизмов неодинаково. В случаях, где это представляется возможным, с целью сопоставления мы подбираем к английским фразеологизмам русские аналоги.

Первая лексема вокабулы *heart* 'полный орган в груди, который разгоняет кровь по телу' явилась базой образования всего лишь двух фразеологизмов: 1) *I cross my heart and hope to die* – досл. «Я рассекаю свое сердце с надеждой умереть». Этот фразеологизм употребляется носителями языка как клятва в правдивости слов. Словом *сердце*, в этом случае, обозначается жизненно важный орган, рассечение которого непременно приведет человека к смерти (ср. в русской разговорной речи: *Чтоб мне сдохнуть!*); 2) *one's heart misses a beat / One's heart skips a beat* – досл. «сердце пропустило удар». Данный фразеологизм носители английского языка употребляют в тех случаях, когда хотят выразить сильное удивление чем-либо. В этот момент, как говорит нам английский язык, сердце словно замирает (ср. в русском языке: *сердце замерло*), пропуская сердечные толчки.

Самой продуктивной с точки зрения образования фразеологизмов является в английском языке лексема 'центр человеческих мыслей и эмоций, в особенности любви; способность испытывать эмоции', и это неслучайно. Вокабула *сердце*, по данным языка, оказывается наиболее освоенной и значимой для носителей английского языка именно как место сосредоточения человеческих чувств и эмоций. Об этом говорит также наличие наибольшего количества производных слов в английском языке (как и в русском), образованных от слова *сердце* в значении «орган эмоций». См. об этом (Евсеева, Пономарева, 2012). Приведем несколько примеров фразеологизмов со словом *heart* в значении 'орган эмоций': 1) *to learn by heart* – досл. «изучить сердцем». Этот фразеологизм используется в значении «выучить наизусть». Можно предположить, что данный фразеологизм образовался на основании ощущений. Пытаясь выучить какой либо материал, мы пропускаем

его через себя, через свои эмоции, мысли, стараемся его прочувствовать; 2) *cry your heart out* – досл. «выплакать сердце». Данный фразеологизм имеет значение «очень много плакать». То есть плакать от сильных чувственных либо эмоциональных переживаний, и до той поры, пока они не притупятся или не пройдут. Этому фразеологизму в русском языке есть аналог (ср. в русском языке: *выплакать глаза*).

Лексема *heart* 'энтузиазм, воодушевление' явилась основой образования одного, найденного нами, фразеологизма: *be of good heart* – досл. «быть в хорошем сердечном состоянии», что означает взбодриться, воодушевиться, развеселиться, то есть испытать такие эмоции, которые введут нас в состояние приподнятости духа.

Также по одному фразеологизму нами было обнаружено в связи с лексемой *heart* 'мужество, смелость, отвага' (*take heart* – досл. «принять мужество», мужаться) и лексемой *heart* 'центральная или наиболее значимая часть чего-либо' (*get at the heart of the matter* – досл. «перейти к сердцу дела», что означает обсуждать основную цель, наиболее важную часть. То есть «сердцем дела» в данном случае является сама суть какого-либо вопроса, то, что наиболее важно для говорящего. Эта аналогия неслучайна – сердце является центральным и одним из самых значимых органов человеческого тела. В русском языке мы также находим фразеологическую единицу с подобным значением (ср. в русском языке: *перейти к сути дела*). От остальных лексем вокабулы *heart* фразеологизмов в английском языке нами обнаружено не было.

Продемонстрируем применение признакового подхода к анализу собранного нами материала.

Структурные признаки актуализуются в следующих фразеологизмах: 1) *from the bottom of my heart* – досл. «со дна моего сердца», что означает говорить искренне о чем-либо. Этот языковой пример говорит о членимости соматического объекта – о выделении дна у сердца. В русском языке мы можем проследить аналог данной фразеологической единицы (ср. в русском языке: *из глубины души*), с той разницей, что соматический объект *сердце* заменяется на наивный орган *душа*; 2) *with your heart in your mouth* – досл. «с сердцем во рту». Этот фразеологизм используется в ситуациях, когда необходимо сказать, что кто-то очень нервничает из-за чего-либо до такой степени, что сердце подкапывает к горлу и перекрывает доступ воздуха (ср. в русском языке: *перехватило дыхание*). В данном случае целесообразно говорить о местоположении соматического объекта в конкретной ситуации – ситуации волнения, переживания.

Физические признаки отражают такие соматические фразеологические единицы, как 1) *warm-hearted* – досл. «с теплым сердцем», обозначает человека с внутренней красотой, доброго и заботливого. Данный пример демонстрирует нам физический признак температуры соматического объекта, а именно теплоту сердца, который имеет положительную оценку; 2) *have a heart of gold* – досл. «иметь сердце из золота», то есть быть очень надежным и смышленным. В данном случае можно говорить о материале как о физическом признаке, причем с положительной оценкой, так как золото – это общепризнанная ценность. В русском языке мы имеем практически полный аналог этой фразеологической единицы (ср. в русском языке: *золотое сердце*).

Функциональные признаки актуализованы в таких фразеологических единицах, как: 1) *eat your heart out* – досл. «выесть свое сердце», что значит ревновать, завидовать кому-либо очень сильно, и этой завистью уничтожать в себе положительные эмоции и чувства. В данном случае мы можем говорить о действиях, направленных на соматический объект. По смысловому значению мы считаем возможным подобрать аналог в русском языке (ср. с русским языком: *лопнуть от зависти*); 2) *heart goes out to someone* – досл. «сердце гаснет из-за кого-либо», что означает, что человек сожалеет о чем-то, жалеет кого-либо, то есть сердце как эмоциональный орган выполняет некие действия – гаснет, страдает, сожалеет (ср. с русским языком: *сердце ноет, сердце стонет*).

3. Представленность концепта *сердце* во фразеологии русского языка и его анализ с точки зрения признакового подхода. Рассмотрим подобным образом лексемы вокабулы *сердце* в русском языке. Данная вокабула имеет следующие лексико-семантические варианты: 1. Центральный орган кровеносной системы (у человека в левой стороне грудной полости), заключенный в околосердечной сумке. 2. перен. Эмоциональное начало в человеке, средоточие в нем чувств, переживаний, личных отношений к кому-нибудь. 3. перен. Важнейшее место, средоточие чего-л. 4. Символическое изображение средоточия чувств в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного (Толковый словарь русского языка, 2007).

Приведем примеры фразеологизмов, образованных от первой лексемы вокабулы *сердце* 'центральный орган кровеносной системы (у человека в левой стороне грудной полости), заключенный в околосердечной сумке': 1) *с замиранием сердца*. Этот фразеологизм используется, когда мы описываем тревожное ожидание чего-либо, или, наоборот, радостное предвкушение. То есть, когда мы ждем чего-либо, нам кажется, что наше сердце, перестает пульсировать; 2) *сердце заходится*. Данный фразеологизм описывает состояние, когда сердце начинает биться очень быстро, часто от волнения, стресса и переживаний. Этому есть медицинское объяснение: от сильного эмоционального потрясения в организме человека вырабатывается адреналин, от которого ускоряется сердечный ритм.

Практически все фразеологизмы русского языка, имеющие в своем составе слово *сердце*, образованы от второй лексемы этой вокабулы, имеющей значение эмоционального начала в человеке, его чувств и переживаний, что, как уже упоминалось выше, сходно с ситуацией в английском языке. Приведем несколько примеров: 1) *сердце обросло мхом*. Фразеологизм используется, когда мы говорим о том, что кто-либо не способен испытывать никаких чувств и эмоциональных переживаний, то есть орган эмоций, как бы, бездействует за ненадобностью. 2) *сердце радуется*. Этот фразеологизм описывает состояние счастья, радости, воодушевления, приподнятости духа. Орган эмоций, в данном случае, отождествляется с человеком, который испытывает эти эмоции. Фразеологизмов, образованных от остальных лексем вокабулы *сердце* нами обнаружено не было.

Найденные фразеологические единицы также были проанализированы с точки зрения признакового подхода.

Структурные признаки мы можем проследить в таких фразеологизмах, как: 1) *запасть в сердце*, то есть вызвать очень сильные чувства и эмоции, которые невозможно быстро забыть. В данном случае мы можем говорить о структуре, так как сердце предстает нам неким полым органом, в который можно что – либо поместить; 2) *сердце в пятки ушло*, что означает испугаться чего-либо очень сильно. В данном случае мы можем говорить о необычном, нестандартном месторасположении органа как о структурном признаке. Кроме того, для этого фразеологизма характерен также и функциональный признак, так как сам орган тоже выполняет определенные функции («уходит»).

Физические признаки отражают такие соматические фразеологизмы, как: 1) *с легким сердцем*, что означает не иметь забот, переживаний, и от этого испытывать чувство радости. Этот пример демонстрирует нам физический признак веса; 2) *сердце закипело*, в значении того, что орган эмоций производит некие сильные чувства, эмоции, влияющие на поведение человека, такие как любовь, гнев, радость. В данном случае мы можем говорить о физических признаках температуры (сердце закипело, то есть сердце стало «горячим», переполнилось эмоциями) и консистенции (кипеть может только жидкость).

Функциональные признаки прослеживаются в следующих фразеологических единицах: 1) *кошки на сердце скребут*. Этот фразеологизм означает тревогу, волнение, то есть чувство тревоги сравнивается с кошачьими царапинами. Данный пример иллюстрирует функциональный признак, так как действие совершается над органом чувств; 2) *сердце растаяло*, означает, что человек вновь начал испытывать чувства, эмоции после какой-то душевной раны, либо «сменил гнев на милость». То есть орган эмоций здесь имеет не только функциональный признак (совершает действие – тает), но и физический – материал (таять может снег, лед, масло и под.). Таким образом, можно сказать, что орган эмоций здесь сопоставляется с чем-то замороженным, то есть с тем, чьи функции как бы приостановлены, соответственно неспособным производить эмоции и чувства.

Кроме того мы выделяем так называемые **психо-эмоциональные признаки**. Они описывают психическое состояние человека, его характер, личностные качества, важные черты поведения и т. д.

Данный признак составил основу следующих фразеологизмов: 1) *доброе сердце*. Фразеологизм используется для того, чтобы подчеркнуть в характере человека такое качество, как доброта; 2) *с чистым сердцем*, то есть искренне, не ожидая подвоха, не замышляя ничего дурного. Фразеологическая единица основывается на признаке человеческого состояния, отношения к окружающей действительности.

4. Подведение итогов. Признаковый подход, взятый нами за основу для анализа фразеологических единиц с базовым компонентом *heart* и *сердце*, позволил выявить некоторые закономерности. Большинство фразеологизмов английского языка отражают структурные и функциональные признаки. Среди структурных признаков наиболее зна-

чимым для носителей английского языка оказался признак ориентации части тела. Меньшим количеством представлены фразеологические единицы, характеризующие физические признаки. Фразеологизмы, относящиеся к этой группе, как правило, указывают на температуру, материал, консистенцию, и во всех них данные признаки выполняют роль оценки человеческих качеств.

Если говорить о фразеологизмах русского языка со словом *сердце*, то нужно отметить, что подавляющее большинство из них характеризуют функциональные признаки. Также в русском языке наблюдается совмещение признаков, когда один и тот же фразеологизм отражает, например, и функциональные, и структурные, либо физические признаки.

Анализ фразеологизмов позволил выделить такую группу признаков, как психо-эмоциональные. Примеры, характеризующие данный тип, мы обнаружили только в русском языке. Они указывают на психическое состояние человека, его характер, личностные качества, важные черты поведения и под. В английском языке эти особенности человека, как правило, описываются при помощи фразеологизмов с главным компонентом *душа*.

Литература

Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003 – С. 5–12.

Евсеева И. В., Пономарева Е. А. Когнитивное моделирование лексико-словообразовательных гнезд (на материале гнезд с вершинами *сердце* и *heart*) // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012, № 10 (в печати).

Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Ориентация тела и его частей: коммуникативные ситуации и стратегии поведения // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 589–602.

Мюллер В. К. Англо-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1969.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2007. – 1175 с.

About.com. English as Second language. URL: <http://esl.about.com/od/glossary/a/Heart-Idioms-And-Expressions.htm>

Е. Cobham Brewer 1810–1897. Dictionary of Phrase and Fable. 1898. URL: <http://www.bartleby.com/81/8072.html>

Phrases.net URL: <http://www.phrases.net/psearch/heart/3>

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 1995.

Summary. In this article the phraseological units contained the word *heart* and *serdce* are examined. In our opinion, it can help to expand the impression of the *heart* and *serdce* concepts in English and Russian languages. The detection of the main attributes actualized in phraseological units with the basic words *heart* and *serdce* is realized with the help of attributive approach.

Калёнова Н. А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕМИКИ С ДРУГИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
архитектурно-строительный университет
nakalyon2011@gmail.com

Коммуникативный антропоцентризм своей многоканальной синергетикой (Алефиренко, 2011) охватывает «**не только язык в неразрывном сопряжении его формы и субстанции, но и более высокое единство – деятельностное единство языка, речевого общения и человека**» (Алефиренко, 2011: 27). В особенностях проявления этого деятельностного единства обнаруживается языковая личность автора частного письма, рассматриваемого в когнитивно-дискурсивных изысканиях как дискурс. Эпистолярный дискурс (ЭД) – сложное и в процессе формирования, и в процессе своего функционирования явление. В связи с этим исследование его особенностей наиболее эффективно в русле такой теории, которая смогла бы учесть все элементы эпистолярного дискурса и их взаимосвязь, а именно лингвосинергетики.

Эпистолярный дискурс (ЭД), во-первых, реализует потребность в общении, так как коммуниканты разделены расстоянием, испытывают личностную мотивацию, во-вторых, создаётся в условиях неподготовленной коммуникации, если брать во внимание именно типичное частное письмо (см. Фесенко, 2008), исключая черновики частных писем великих художников слова как образец скорее эпистолярной литературы. Рассмотрим фрагмент письма С. А. Парнок Е. К. Герцык: «Дорогой мой, прекрасный друг! Знаю, что пропустила все сроки. Я не писала тебе катастрофически долго, но, **видит Бог**, не из небрежности, или от забвения. Каждый день помнила и знала, что поступаю непростительно, почти каждый день бралась за письмо, – и не могла. Вот уже 2 1/2 месяца как и физически и духовно – я **вне себя**. Физически – все время хвораю, даже уходила со службы (не служила весь Ноябрь и Декабрь, а теперь опять **тяну ляжку**). Духовное же состояние не могу лучше определить, как тютчевской строкой «Пройдет ли обморок духовный». Мне кажется, что он никогда не пройдет. Я ничего не вижу, не слышу (даже музыка не доходит до меня) – со дня твоего отъезда не написала ни одной строчки стихов» (26 января 1923 г., Москва). ЭД представляет собой триединство 1) текста письма в его лингвостилистическом аспекте; 2) экстралингвистических факторов, которые связаны с этим письмом как актом коммуникации и адресантом и адресатом как участниками этой эпистолярной коммуникации; а также 3) коммуникативно-прагматических установок адресанта (см. подробнее Калёнова, 2011). Элементы ЭД разнородны, например, языковые единицы текста и коммуникативная цель эпистолярной коммуникации имеют разную природу, но являются элементами эпистолярного дискурса. Фразеологические единицы (ФЕ) как средство осуществления интериоризации связаны со всеми другими элементами ЭД и выполняют в её сложной системе особую роль.

Текст письма – наиболее изученный элемент ЭД в большей степени литературоведами (У. М. Тодд, С. В. Тесцов, В. А. Сметанин, П. Е. Бухаркин, Н. В. Логунова, Е. Е. Дмитриева и др.) и в последнее время всё больше привлекающий внимание лингвистов (Н. А. Ковалёва, О. П. Фесенко, Н. Ю. Бусоргина, О. Ю. Филимонова, Л. В. Нижникова, А. В. Бояркина, Э. М. Ножкина, Ф. Рушчак, О. Н. Седова и др.) (Подробнее (Калёнова, 2012). Языковые единицы, составляющие ткань текста, взаимосвязаны на семантическом и когнитивном уровне. ФЕ **видит Бог** ‘прост. 1. совершенно ясно, вне всякого сомнения; 2. божба, клятвенное заверение в чём-либо’, **вне себя** ‘очень сердиться, приходиться в состояние крайнего раздражения, негодования, возбуждения от чьего-либо поведения, поступка и т. д.; терять самообладание, хладнокровие’, **тянуть ляжку** ‘разг. экспрес. заниматься тяжёлым, однообразным, надоедающим делом’ обладают мощным энергетическим потенциалом, реализуемым в ЭД. Объективируя своё эмоциональное состояние, адресант подбирает те языковые единицы, которые, на его взгляд, наиболее адекватно передают весь спектр чувств, оценок и эмоций. Денотативная сема ФЕ **тянуть ляжку** ‘работать’ (в данном случае ‘служить’) соотносима со значениями единиц **уходила со службы** и **не служила**, в которых данный семантический признак отрицается.

Эмотивно-оценочные смыслы ФЕ **тянуть ляжку** актуализируются двунаправлено. С одной стороны, генетический дискурс ФЕ продуцирует эмотивно-оценочные потенциальные семы (в словаре не зафиксированные за ФЕ). Так, В. В. Виноградов (1999) связывает происхождение единицы с бытом бурлаков и с военной службой. И в том, и в другом случае за основу берутся тяготы исполняемой работы. Негативные эмотивно-оценочные смыслы заложены, таким образом, генетическим дискурсом как потенциальные. Например, контексты *С удовольствием тяну ляжку** или *Рад ляжку тянуть** и подобные демонстрируют противоречие в семантической сочетаемости компонентов значений единиц.

С другой стороны, контекстуальная эмотивность формируется наведением сем значений ФЕ **вне себя**, где эмотивно-оценочные семы составляют ядро семантической структуры, лексемы **хворать** ‘болеть’, ассоциативно-образный компонент смысловой структуры которой также имеет негативную окраску. Для объективации эмоционального состояния адресанта в тексте письма использована также строчка стихотворения Ф.И. Тютчева (1851 г.):

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была –
Ты, ты, мое земное провиденье!..

Включение в эпистолярный дискурс прецедентного текста, представляющего собой отдельную когнитивно-дискурсивную структуру, «нагружает» информационную составляющую огромным объёмом знания. В данном случае речь идёт не только о стихотворении и его эмотивном наполнении, к которому апеллирует адресант, но и о другом «информационном фоне», который нам, может быть, не известен и не объективирован в других источниках. А у адресанта и адресата этот объём информации является общим, однако его интерпретация у участников коммуникации может и различаться, что невозможно проанализировать за отсутствием объективных данных.

Таким образом, взаимодействие ФЕ с другими языковыми единицами и текстом в целом организовано общими коммуникативно-прагматическими установками адресанта эпистолярной коммуникации. Объективируя информацию в ЭД, адресант «рисует» картину своих представлений красочно и эмоционально, ФЕ, взаимодействуя внутри текста с другими единицами, являются эффективным средством репрезентации внешнего и внутреннего мира человека.

Картина мира в лингвокогнитивных исследованиях (Ю. Д. Апресян, А. А. Залевская, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, Б. А. Серебренников, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. Н. Постовалова, В. Н. Телия, Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Кириллова, Л. Г. Золотых, Р. Х. Хайрулина, Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко и др.) выражает субъективное взаимоотношение человека с миром как важнейшее условие его существования в этом мире. Различая языковую картину мира как «**представление о действительности, отражённое в языковых знаках и их значениях**» и концептуальную картину мира, то есть «**те понятия и стереотипы, что в восприятии и понимании мира нашим сознанием задаются культурой**» (Попова, 2001: 68), лингвокогнитология исследует их взаимосвязь. Недоступная прямому наблюдению концептуальная картина мира моделируется по данным языковой репрезентации внешнего и внутреннего мира человека, в данном случае индивидуальная картина мира автора письма.

ФЕ в силу их коннотативной сущности используются как средства объективации субъективной информации. Например, «*Милый Шура! Извини, голубчик, что так редко тебе пишу, дела, дорогой мой, ненужные и бесполезные дела съели меня с головы до ног. Рад вырваться хоть к чёрту на кулички от них и не могу*» (С. А. Есенин А. В. Ширяевцу, 26 июня 1920 г., Москва). В контекстуальном употреблении ФЕ **к чёрту на кулички** ‘очень далеко, в самую глушь, в глухие места (уезжать, отправляться)’ актуализируется смысловая структура единицы ‘хоть куда-нибудь’, отражающая общее настроение поэта, мотив странничества (Сафронов А.).

Отсутствие ФЕ также показательно: «*Проснувшись в 9ом часу сегодня и отправившись на гору, я увидел следующую картину: к<а>к вчера луна, т<а>к сегодня солнце ярко освещало обширное поле битвы, окаймленное со всех сторон по горизонту громадами гор, покрытых ослепительным снегом, усеянным, точно разноцветными искрами под влиянием солнечных лучей; вся громадная цитадель (крепость) из белого камня вчера была облита белым светом луны, – сегодня она еще резче выдавалась на черном фоне скал, но в бинокль ясно можно видеть как страшно она разрушена нашими снарядами; город представлял собой дымящиеся после ночного пожара развалины: к<а>к вчера перед штурмом была полная тишина, т<а>к и сегодня тишина была еще полнее кругом, но это была уже тишина не злоецающая, не нарушаемая мерными выстрелами орудия, а тишина, показывающая полный отдых и покой (для многих вечный)*» (Н. И. Сперанский Н. К. Сперанской, 6 ноября 1877 г., 4 часа дня, Лагерь при Главной квартире). Адресант описывает увиденное, стараясь передать адресату больше информации о деталях картины. Обратившись к экстралингвистическим данным, зафиксированным в биографической литературе и комментариях, поясним, что адресант находится в гуще военных событий, однако избегает подробных описаний военных будней. Его жена, Н. К. Сперанская, ждала ребёнка. Эмотивные ФЕ вербализуют эмоциональное состояние адресанта, которое он испытывает в динамике, как реакцию на произошедшее, но какие-то события или реалии внешнего мира. Отсутствие ФЕ сигнализирует о ровном эмоциональном фоне сообщения. Н. И. Сперанский кодирует информацию без использования

эмотивных ФЕ, что может быть обусловлено либо соответствующим его эмоциональным состоянием, либо коммуникативной целью скрыть истинное эмоциональное состояние.

Итак, ФЕ в процессе реализации фразеологического значения тесно связана с такими элементами ЭД как адресант и адресат: адресант выбирает ФЕ как средство кодирования информации, как средство воздействия на адресата. Выбранная ФЕ является единицей лексикона человека, частью его языковой личности. Адресат декодирует сообщение успешно в том случае, если ключ к коду у адресанта и адресата совпадают.

Эпистолярный дискурс на ментальном уровне является пересечением концептуальных структур объективируемого знания. **«Поскольку пространственно-образным когнициям свойственны целостное восприятие и холистическая стратегия обработки поступающей информации, то в результате сохранения возникающих на разных уровнях обработки информации многоаспектных контекстуальных связей между различными смыслами образа и даже между целыми образами-гештальтами возникает концепт, представляющий в нашем сознании образ того фрагмента действительности, который объективируется знаком вторичной номинации»** (Золотых, 2007: 140). Концепт, который объективируется ФЕ, входит в эпистолярный дискурс, составляя часть его ментального поля.

Фразеология как фонд косвенно-производной номинации отражает особенности лингвокреативной деятельности человека при изучении не только кодифицированного значения, но в большей степени его смысловой реализации, особенностей использования ФЕ как эффективных речевых инструментов в акте коммуникации. Взаимодействуя с другими элементами ЭД, фразеологические единицы участвуют в формировании эпистолярного дискурса, функционируют, вплетаясь в ткань текста письма как его неотъемлемая часть, участвуют в реализации коммуникативно-прагматических установок адресанта. Исследование ФЕ как элемента эпистолярного дискурса во взаимодействии с другими элементами его сложной структуры выявляет когнитивно-дискурсивные функции единиц фразеологического фонда.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке / Н. Ф. Алефиренко // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. тр. / сост. И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 16-27.

Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1999. – 1138 с.

Золотых, Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография / Л. Г. Золотых. – Астрахань: ИД «Астраханский университет, 2007. – 265 с.

Калёнова, Н. А. Эпистолярный дискурс как источник когнитивно-коммуникативных исследований русской фраземики / Н. А. Калёнова // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. тр. / сост. И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 250-255.

Калёнова, Н. А. Текстология частного письма / Н. А. Калёнова // Текст как единица филологической интерпретации: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (20 апреля 2012 г., Куйбышев) / отв. ред. А. А. Куруленок. – Новосибирск: Изд-во «Немо Пресс», 2012. – С. 96-101.

Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике: монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001. – 192 с.

Сафронов, А. Художественная концепция русского странничества в творчестве С. А. Есенина и С. В. Максимова. Режим доступа: <http://www.esenins.ru/c34.html> (Дата обращения 12.09.2012).

Фесенко, О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2008. № 23 (124). Вып. 24. – С. 132-143.

Summary. In the article the basic directions of interaction of phraseological units with other elements of written discourse are explored. Phraseological units are efficient means in the representation of the external and internal world of the man.

Украина, г. Харьков, Национальный фармацевтический университет
krysjanja@mail.ru; sukhanova72@mail.ru

Фразеологизмы (далее ФЕ) играют важную роль в выявлении национально-культурных особенностей. ФЕ отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают культурные установки и стереотипы.

Среди национально-специфических составляющих культуры главная роль принадлежит языку как средству общения в межкультурной коммуникации. ФЕ чрезвычайно богаты теми своеобразными элементами национальной культуры, которые входят в понятие «культурный компонент» слова или словосочетания, а потому изучение фразеологического состава языка представляет для исследователя широкую картину специфики национальной цивилизации.

Одним из наиболее ярких проявлений человека, эксплицируемых в языке, являются эмоции. Человек является и создателем, и носителем языка, вступает в различные отношения с другими людьми, предметами и явлениями окружающей действительности. При этом он может испытывать различные эмоции. Психологи насчитывают более пяти-сот различных эмоций человека.

Человек и его эмоции, с одной стороны, являются частью самой объективной действительности, а с другой – участвуют в формировании языковой картины мира: человек как активный отражающий субъект, язык как средство отражения; эмоции человека как одна из форм отражаемой действительности. Специфика эмоций человека проявляется в том, что они являются и субъектом отражения в языке, и способом выражения самих себя и отношения к действительности в процессе познания и деятельности человека в этом мире.

Эмоциональная сфера жизнедеятельности человека реализовалась в качестве объекта исследования ряда наук: физиологии, психологии, философии, психолингвистики и др. Каждая из этих отраслей знания пытается создать фундаментальную теорию эмоций. Особое место занимает лингвистика, которая предполагает выделение экстралингвистического, паралингвистического и собственно лингвистического аспекта. Последний аспект является центральным. Проблемы эмоциональной семантики занимают значительное место в исследованиях последних десятилетий. Однако недостаточно изученной в сопоставительном аспекте является фразеосемантическая группа (далее ФСГ) «Эмоции человека» в русском и украинском языках. В нашей статье предпринята попытка сопоставить русские и украинские ФЕ со значением эмоций.

Актуальной проблемой для создания двуязычных словарей является перевод ФЕ, сохраняющих, по определению Е. Селивановой, «в устойчивой форме представления этноса о мире, культурную, историческую и мифологическую интериоризацию действительности и внутреннего опыта народа» (Селиванова, 2004: 11). Теоретическое осмысление русско-украинских фразеологических параллелей необходимо ещё и потому, что носители этих близкородственных языков на территории Украины преимущественно двуязычны и легко допускают в речи различного рода нарушения в структурной и семантической организации ФЕ.

ФЕ могут отражать общечеловеческие представления о мире и являются универсальными для языковых систем нескольких социумов, передавая ту же культурную информацию одинаковыми символами. Цель работы – показать универсальное и специфическое в ФСГ «Эмоции человека» в русском и украинском языках.

Сопоставительному анализу ФЕ славянских языков посвящены работы В. М. Мокиенко, Л. В. Бублейник, Л. А. Лисиченко, Г. В. Павловской, Н. Д. Бабич, О. Черемской и др. Вопросами перевода русских фразеологических единиц на украинский язык занимались многие учёные, среди них Ж. В. Кулиш, О. П. Левченко, А. М. Григораш, Р. П. Зоривчак, Н. Е. Канка, Л. П. Кофанова и др., доказавшие, что фразеологический состав русского и украинского языков непрерывно пополняется новыми единицами, их изучение не должно прерываться. Кроме того, существует большое количество двуязычных словарей: О. Изюмов «Практичний російсько-український словник. Правила правопису та фразеологія» (переиздание 1926 года, Киев, 1992), Д. И. Ганич, И. С. Олейник «Русско-украинский и украинско-русский словарь» (Киев, 1971), «Приказки. Практичний російсько-український словник» (Харьков, 1996), М. П. Кочерган «Слов-

ник російсько-українських міжмовних омонімів («фальшиві друзі перекладача») (Київ, 1997), И. А. Вырган, М. М. Пилинская «Русско-украинский словарь устойчивых выражений» (Харьков, 2000).

В ходе исследования авторами использовался метод фразеологического анализа в двух его разновидностях: фразеологической идентификации и фразеологического описания, сравнительно-сопоставительный и метод компонентного анализа. При сопоставлении можно выделить два основных типа ФЕ: неперебиваемые и перебиваемые (эквивалентные). При этом неперебиваемость фразеологизмов на другие языки сильно преувеличена: существуют также частично эквивалентные фразеологизмы (относительно эквивалентные). Чем ближе языки по родству, тем выше процент полных эквивалентов. Например, в русском и украинском – 65%, русском и болгарском – 45 % полных совпадений, в русском и испанском, французском, английском – 23-25 %.

По степени семантических соответствий в межъязыковых отношениях выделяют фразеологические эквиваленты (полные эквиваленты), частичные эквиваленты (фразеологические аналоги) и безэквивалентные ФЕ. Эквиваленты семантически тождественны, но могут иметь некоторые структурные расхождения, вполне объяснимые различиями грамматических структур языков. Сравнительно-сопоставительный анализ позволил выделить полные эквиваленты исследуемых ФЕ в русском и украинском языках.

Полные эквиваленты: рус. *притягивать/притянуть к себе сердце* – укр. *притягати/притягнути до себе серце*; рус. *искры в глазах засверкали у кого* – укр. *іскорки в очах замиготіли у кого, чий*; рус. *глаза загорелись у кого* – укр. *аж очі загорілися в кого, чий*; рус. *быть на седьмом небе (от счастья)* – укр. *бути на сьомому (десятому) небі (від щастя)*; рус. *душа (сердце) поёт (играет) у кого* – укр. *душа (серце) співає у кого*; рус. *быть (прійтись) по вкусу* – укр. *бути до вподоби, припасти до смаку*; рус. *с тяжёлым сердцем* – укр. *з важким серцем*.

Частичные эквиваленты (аналоги) – главный показатель – внутренняя форма (образ, положенный в основу выражения): ФЕ с одинаковым смыслом, но с различным мотивирующим образом: рус. *обрадовать душу* // укр. *порадувати серце*; рус. *от всей души* – укр. *від щирого серця*; рус. *душа лежит* // укр. *прикипіти до серця*; рус. *тоска, грусть сдает кого* – укр. *туга, журба (сум, смуток) сушить кого; сохне з туги (журби) хто*; рус. *держат хвост пистолетом* – укр. *держати хвіст бубликом*; рус. *любит, как собака палку* – укр. *любить, як собака редьку*.

Анализ фразеологии со значением эмоций позволяет утверждать, что в русских и украинских ФЕ используется компонент «Душа» (Ср. рус. *душа уходит (ушла) в пятки, камень с души свалился, отлегло на душе, открыть душу, душа не на месте* и укр. *камінь скотився з душі, зняти камінь з душі, відкривати душу, аж душа радіє, аж душа взору росте, душа ятриться* и др). Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв относят «Душу» к понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания (Булыгина, Шмелёв, 1997: 487). «Душа» понимается как средоточие внутренней жизни человека, как самая важная часть человеческого существа, «несуществующий аналог сердца» (там же: 287), в котором, по представлению русского языкового сознания, локализируются чувства и эмоциональные переживания человека. Мы считаем, что в украинском языковом сознании этот компонент также занимает важное место.

Другие различия в структуре ФЕ обычно связаны с употреблением предлогов, падежных форм, с несовпадением форм синтаксического управления. Лексические различия отражают исторические изменения в словарном составе каждого из языков, особенности семантических и словообразовательных процессов.

Большинству ФЕ присуща образность, что определяет их экспрессивно-стилистические качества. В этом плане русский и украинский языки имеют много общего. И все же именно в образном строе фразеологии ярко проявляется особенность русского и украинского языков, их индивидуальность. Так, незначительные на первый взгляд лексические различия вносят иные представления, ассоциации и экспрессивные краски.

Проведённый нами сопоставительный анализ ФСГ «Эмоции человека» позволяет выявить некоторые отличия, связанные с названиями животных. Так, активность названий одних и тех же животных во фразеобразовании различна. Украинский язык, например, предпочитает *кота – кошке, жабу – мышке*: рус. *кошке игрушки, а мышке слёзы* // укр. *котові жарти, а мишиці плач*; рус. *кошки скребут на душе* // укр. *коти шкребуть на душі*; рус. *надуться как мышь на крупу* // укр. *надутися як жаба на купині*.

Различия также обнаруживаются в выражениях с компонентами-соматизмами: рус. *Вершатъ / повесить нос (голову)* соответствует укр. *опустити ніс*, а рус. *опуститъ руки* – укр. *опустити крила, опустити вуха*.

Безэквивалентные фразеологизмы – ФЕ, не имеющие эквивалента в другом языке. Они могут переводиться следующим образом: 1) полным или частичным эквивалентом; 2) словом или свободным словосочетанием; 3) контекстом (на примере); 4) использованием лингвострановедческого комментария. (Крысенко, Суханова, 2007: 127). Например: рус. *обрадоваться как Христову дню* в переводных словарях передаётся объяснением «дуже зрадіти» – «очень обрадоваться»; укр. *бити лихом об землю* «зберігати почуття оптимізму» – «сохранять чувство оптимизма»; укр. *хоч вовк траву їж* – «не переживать ни о чём, быть равнодушным к чему-либо».

Проведённое исследование показало, что русские и украинские ФЕ со значением эмоций можно разделить на две семантические подгруппы: ФЕ со значением эмоционального состояния и переживания лица и ФЕ со значением эмоционального действия. К первой подгруппе мы относим такие ФЕ: рус. *падать / упасть духом* – укр. *занепасти духом*; рус. *от сердца отлегло* – укр. *відлягло/відійшло від серця*; рус. *чувствовать себя на вершине блаженства, быть на седьмом небе* – укр. *бути на сьомому небі*, рус. *горе овладело, печаль (тоска) овладела кем-либо* – укр. *горе посіло, журба (туга) поїняла (обняла) кого*. Например: *Им овладело отчаяние – Його охопив (поїняв, узяв) розпач (відчай); його охопила (поїняла, узяла) розпука*. Вторая подгруппа включает такие единицы: рус. *доводит до белого каления, играть на нервах, действовать на нервы*; укр. *доводити до сказу, виводити з рівноваги, давати спокій, підіймати/ підняти хвоста, триматися гоголем, піджимати хвоста*.

Особенности выявления общих и специфических черт ФЕ двух языков тесно связаны с общностью и специфичностью их семантической мотивации, внутренней формы и образной основы. В результате исторической и культурной близости русского и украинского народов сопоставленные ФЕ этих двух языков являются в большей степени подобными и имеют много полноэквивалентных единиц. Следует отметить, что во фразеологии практически невозможно избавиться от влияния близкородственного языка, которое проявляется как в калькировании, так и в нарушениях структуры ФЕ (замена компонентов ФЕ, перефразирование ФЕ, замена грамматической формы одного из компонентов ФЕ и др.) (Закирьянов, 1984: 59; Черемская, 2004: 327-328 и др.).

Результаты сопоставительного анализа ФЕ свидетельствуют о том, что каждый из двух восточнославянских языков является национально-уникальным, что этнолингвистическому сознанию народов-носителей языков свойственна своя специфика, данный факт следует обязательно учитывать при переводе. Дальнейшее сопоставительное изучение ФЕ на материале русского и украинского языков является перспективным.

Литература

- Білоноженко, В. М. Фразеологічний словник української мови / В. М. Білоноженко. – Київ: Наукова думка, 1993. – 984 с.
- Булыгина, Т. В., Шмелёв, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
- Вырган, И. А., Пилинская, М. М. Русско-украинский словарь устойчивых выражений / И. А. Вырган, М. М. Пилинская. – Харьков: Прапор, 2000. – 864 с.
- Закирьянов, К. З. Двуязычие и интерференция: Учебное пособие / К. З. Закирьянов. – Уфа, 1984. – 81 с.
- Ізюмов, О. Практичний російсько-український словник. Правила правопису та фразеологія (перевидання 1926 року) / О. Ізюмов. – Київ: Товариство «Знання» України, 1992. – 176 с.
- Калашник, В. С., Колоїз, Ж. В. Словник фразеологічних антонімів української мови / В. С. Калашник, Ж. В. Колоїз. – Київ: Довіра, 2004. – 284 с.
- Капка, Н. Е., Кофанова, Л. П. Фразеологическое соответствие как отражение культурологической общности украинского и русского народов / Н. Е. Капка, Л. П. Кофанова // Донбасс и Приазовье. Проблемы. – Мариуполь, 1993. – С. 193-195.
- Кочерган, М. П. Словник російсько-українських міжмовних омонімів («фальшиві друзі перекладача») / М. П. Кочерган. – Київ: Видавничий центр «Академія», 1997. – 400 с.
- Крысенко, Т. В., Суханова, Т. Е. Изучение фразеологии в иностранной аудитории на примере фразеосемантической группы «Эмоции и чувства человека» / Т. В. Крысенко, Т. Е. Суханова // Русская филология. Украинский вестник, 2007. № 2-3 (33). С. 126-129.
- Лисиченко, Л. А., Павловская, Г. В. Сравнительно-сопоставительное изучение фразеологических единиц русского и украинского языков в условиях двуязычия / Л. А. Лисиченко, Г. В. Павловская

// Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русского языка в условиях близкородственного билингвизма: Материалы конференции. – Минск, 1975. – С. 141-154.

Литвин, И. Н. Фразеологизмы с экзотическим компонентом и проблема их перевода (на материале русской и украинской фразеологии) / И. Н. Литвин // Вісник Черкаського університету. Вип. 193. Серія «Філологічні науки», 2010. – С. 146-152.

Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. – Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.

Сучасний фразеологічний словник української мови / А. П. Ярошенко, В. І. Бездітко, О. В. Козир, Н. Г. Немировська. – Харків: ТОРСІНГ ПЛЮС, 2010. – 640 с.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

Черемська, О. Інтерференційні зміни фразеологізмів унаслідок російськомовного впливу (на матеріалі преси Харківщини 50-80-х років ХХ ст.) / О. Черемська // Вісник Львівського університету. Серія філологія, 2004. Вип. 34, Ч.1. – С. 327-332.

Summary. The article deals with the analysis of universal and specific features of phraseological group expressing emotions and feelings of Russian and Ukrainian languages. The idioms are compared and their equivalents, analogs and idioms having no equivalents are stated.

Lanno M. A.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СОЦИАЛЬНОГО ВЕСА»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет
lappo2000@mail.ru

Цель данной статьи – описать основные когнитивно-культурологические модели ФЕ с семантикой «социального веса», социального престижа во фразеологической системе русского языка, иными словами, соотнести указанные фразеологизмы с соответствующими *культурными кодами* – «теми реалиями, которые человек уже наградил культурным смыслом и которые поэтому служат исходным материалом для культурного же осмысления образа фразеологизма» (Телия, 2006: 13). Кроме этого, ставится задача соотнесения научной и наивной картин мира в области социальной идентичности личности. Было проанализировано около 150 фразеологических единиц и паремий, представленных в следующих источниках: «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В. Н. Телия (2006), «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского (2007), «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина (2008).

Сложное отношение между языком и мышлением, наивным и научным сознанием в лингвистике описывается как отношение между двумя картинами мира – языковой (наивной) и научной (концептуальной). Языковая картина мира отражает знаками соответствующие участки концептуальной картины мира, концептуальная картина мира априори богаче языковой, так как в её создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные (Серебренников, Кубрякова, 1988: 6-9).

По мнению Ю. Н. Караулова, важное отличие языковой картины мира от научной заключается в её антропоцентричности и лакунарности, непоследовательности: «...центром языковой картины мира, точкой отсчета и мерилем для всех её составляющих служит человек, тогда как в научной картине мира человек занимает ничем не выделяющееся место где-то между, с одной стороны, элементарными частицами, а с другой – общей структурой мироздания. Кроме того, если научная картина мира претендует на полное, без разрывов и пробелов, отражение реальности, то языковая картина мира всегда остается лакунарной и непоследовательной» (Караулов, 2001: 128). В то же время «если научная картина мира стремится к полноте, то наивная – к её целостности» (Касевич, 1996: 77). Фразеологический участок языковой картины мира, без сомнения, наиболее целостно и ярко отражает действительность, человека и его переживания в мире других людей.

В психологии, социологии, культурологии рассматриваются половая, сексуальная, гендерная, этническая, национальная, религиозная, возрастная, профессиональная, социокультурная, гражданская, социальная, культурная и ряд других идентичностей. Одни

учёные полностью сводят идентичность к социокультурной сфере, другие выделяют социальную идентичность в ряду других модальностей. Например: «Идентичность – в разной степени артикулированное, остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к «своему» миру: самоотождествление с определённой социокультурной средой, её нормами и ценностями; весьма высокая потребность в одобрении своих действий самой личности (группы) со стороны такой среды и её авторитетов; чувство неотъемлемой принадлежности к генетическим, историко-культурным, духовным корням этой среды; ощущение и осознание неразрывной связи своего собственного будущего с перспективами этой среды» (Косолапов, 2003: 102).

И. С. Кон, выделяя три основные модальности идентичности – психофизиологическую, социальную и личностную, указывает, что «социальная идентичность» обозначает систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определённого общества или группы, и предполагает разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным ими социальным нормам» (Кон, 1984: 28-29).

В. С. Агеев (Агеев, 2003: 349-350) называет важнейшие постулаты теории социальной идентичности¹:

– «социальная идентичность складывается из тех аспектов образа «Я», которые вытекают из восприятия индивидом себя как члена определённых социальных групп»;

– «индивиды стремятся к сохранению или повышению своей самооценки, то есть стремятся к положительному образу себя»;

– «социальные группы (или категории) и членство в них связаны с сопутствующей им положительной или отрицательной оценкой, существующей в обществе, следовательно, социальная идентичность может быть положительной или отрицательной. Например, на протяжении столетий принадлежность к мужскому полу ценилась выше, чем к женскому, аристократические слои общества – выше плебейских и т. д.»;

– «оценка собственной группы индивидом определяется взаимоотношениями с некоторыми другими группами через социальное сравнение ценностно значимых качеств и характеристик. Сравнение, результатом которого становится положительное отличие своей группы от чужой, порождает высокий престиж, отрицательное – низкий».

Фразеологический слой русского языка в полной мере закрепляет названные компоненты социальной идентичности:

– позитивная самооценка, положительный образ себя как представителей определённых социальных групп (*и мы не лыком шиты; и мы не лаптем щи хлебаем; и я не последняя спица в колеснице; (мы) (и) сами с усами*);

– принцип социального сравнения (*не нашего поля ягода; нам не пара, не нам чета; далеко лягушке до вола; не нашего сукна епанча; ты и в подмётки ему не годишься*);

– традиционность положительных и отрицательных оценок разных социальных категорий (*кухаркины дети, играть первую скрипку; люди с улицы; мелкая сошка*);

– стремление к сохранению своего или чужого статуса (*всяк сверчок знай свой шесток; знать своё место; сохранить своё лицо; не по Сеньке шапка; сесть не в свои сани; не лезь на рожон*).

Однако для русского человека также характерно самоуничижение: *мы чужие на этом празднике жизни; (я) рылом не вышел; простой смертный; за человека (меня) не считают*.

Языковое сознание носителей русского языка допускает существование высокого статуса лица, которое негативно оценивается другими: это обусловлено как типичным негативным отношением к представителям власти (*хозяева жизни; власть предержащие; слуги народа*), так и неожиданным повышением статуса и связанных с ним возможностей (*из грязи (да) в князи; далеко пойти*). Хотя заслуженное продвижение ценой серьёзных усилий оценивается позитивно (*выбиться в большие люди; пойти в гору*).

Идея большего социального веса, отражённого в ФЕ, дифференцирована существенно лучше, чем идея непостыжности, поскольку в ней можно выделить:

---

¹ Основоположниками этой теории принято считать британских психологов А. Тэшвела (H. Tajfel) и Дж. Тернера (J. Turner).

1) собственно зону престижности (высокого статуса), который в большинстве случаев имеет позитивные коннотации, часто с оттенком зависти (как в лучших домах Лондона/Парижа); 2) зону нейтрального, то есть воспринимаемого либо как нормальные, средние показатели статусной линейки (всё как у людей), либо как нормальные со знаком «плюс» вследствие сходства, близости (птицы одного полёта; закадычные друзья); 3) зону выравнивания, к которой относятся ФЕ, соответствующие определённым речевым актам, а именно самоопределениям-напоминаниям типа *и я не в поле обсевок* и директивам (*не лезь поперёд батьки в пекло; попал в воронью стаю, по-вороньи и каркай; не будь овцой, а то волки съедят; не ступай, собака, на волчий след: оглянется – съест*).

Идея непрестижного статуса включает в себя как явные негативные оценки других после операции сравнения или даже инструкции (*не нашего поля ягода; не нашего огорода капуста; не нашего сукна епанча; сорную траву с поля долой*), так и попытки самоуничтожения, а также негативные оценки маргинальных личностей, не вписывающихся в социальные группы и не соответствующих определённым социальным ожиданиям (*белая ворона; ни пава, ни ворона; и от ворон отстала, и к воронам не пристала*).

Нельзя не учитывать и аспект эмоционально-оценочной лабильности ФЕ, на который указывала В. Н. Телия в связи с «Я-Ты-Он-грамматиками» (Телия, 1996: 212). Так, ФЕ *два сапога – пара* в «Я-грамматике» будет иметь позитивные коннотации ‘сходства’, ‘близости’, ‘родства душ’, а в «Он-грамматике» довольна распространена негативная оценка, ср.:

1. *А если серьезно – я понимаю мужа. Мы с ним оба наивные люди, два сапога – пара. Мы верим в «Сказку...» и в её успех, но если что – тоже не пропадем* (И. Фомина. Ирина Безрукова: «Мы с Сережей «проросли» друг в друга»; опубликовано: www.7days.ru);

2. *А то – не надо оркестра, я его всё равно не слышу». Скажи уж: денег жалко. Чего рассусоливать-то? Я же вас знаю, что ты, что Кланька твоя – два сапога пара. Снегу зимой не выпросишь. Рассказчик помолчал на это... Игрнул скулами* (В. Шукшин. Хозяин бани и огорода; пример НКРЯ).

Когнитивно-культурологические модели ФЕ со значением «социального веса» относятся к двум областям действительности – сфере родства и сфере деятельности. В первой выделяются подсферы «Родство (человека)», «Мир животных» и «Мир растений» (см. табл. 1). Подсферы первой группы связаны идеями родства, генетической близости и признаками поведения, передающимися по наследству. Внимание русского языка было обращено в первую очередь на устройство сообществ человека и животных, а затем – фрагментарно – на особенности растений. Социальное превосходство определяется, во-первых, связью с категорией «родное» (то есть заведомо хорошее), во-вторых, символическим приписыванием позитивных качеств верху (*высоко летать; важная птица; на коне*) и тотему (*мохнатая лапа; священная корова*).

Таблица 1

1. Сфера родства (человека)			
Зона престижности	Нейтральная зона	Зона выравнивания	Зона непрестижности
Белая кость/косточка Голубая кровь, голубых кровей Для белых (людей), как белый человек Старший брат Отцы города Кум королю Отец родной	Свой брат, ваш брат, наш брат, ваша сестра, наша сестра Свой свояка видит издалека	Не лезь поперёд батьки в пекло И мы не пальцем деланы	Черная кость/косточка (Как) бедный родственник, Без роду, без племени Кухаркины дети Он нам не пара/ не нам чета В семье не без урода
2. Мир животных			
Зона престижности	Нейтральная зона	Зона выравнивания	Зона непрестижности
Высоко летать Важная птица Птица высокого полета Священная корова Мохнатая лапа На коне	Каждая птица летит в свою стаю Ворон ворону глаз не выклюет Как рыба в воде Птицы одного полёта	Попал в воронью стаю, по-вороньи и каркай С волками жить – по волчьим выть Не будь овцой, а то	Белая ворона И от ворон отстала, и к павам не пристала Ни пава, ни ворона Ворона в павлиньих перьях

		волки съедят Не ступай, собака, на волчий след: ог- лянется – съест Побывать в чьей- либо шкуре Всяк сверчок знай свой шесток	Далеко лягушке до вола Заблудшая овца Паршивую овцу из стада вон Мелко плавать Мелочь пузатая Мелкая рыбёшка Серая мышь/мышка Паршивая овца На птичьих правах Невелика птица Рылом не вышел Разношерстная масса Ни рыба ни мясо Гусь свинье не това- рищ
3. Мир растений			
Зона престижности	Нейтральная зона	Зона выравнивания	Зона непрестижности
	Одного поля ягода Одного дуба желуди		Не нашего поля ягода Не нашего огорода ка- пуста Сорную траву с поля долой От осины не уродятся апельсины

В сфере деятельности наиболее отчетливо выделяется подсфера «Профессиональная (трудовая) деятельность», к ней примыкают подсфера всех других действий и признаков человека и подсфера артефактов как атрибутов деятельности (см. табл. 2). Определение некоторых ФЕ к той или иной подсфере носит условный характер, например, фразеологизмы *одного сукна епанча* или *не нашего сукна епанча* можно отнести как к профессиональной деятельности (портных), так и к артефактам (виды и ценность такого материала, как сукно). Оценочный компонент фразеологизма *одного сукна епанча* носит амбивалентный характер, поэтому отнесение его к нейтральной зоне опирается на нейтральный характер внутренней формы.

Таблица 2

1. Профессиональная (трудовая) деятельность			
Зона престижности	Нейтральная зона	Зона выравнивания	Зона непрестижности
Играть первую скрипку Слуги народа Находиться у кормила власти Серый кардинал Тяжелая артиллерия Власть имущие Командовать парадом	Рыбак рыбака ви- дит издалика Одного сукна епан- ча Одной глины горшки На одну колодку сработаны Из одного теста за- мешены Все они одним ми- ром мазаны	Не руби выше голо- вы – глаза щепой за- порошишь Не лезь на рожон Из дуги оглоблю не сделаешь Не боги горшки обжи- гают И мы не лыком шиты И я не в поле обсевок	Не нашего сукна епан- ча Сбоку припёка Кухаркины дети От сохи Второго/третьего сор- та Абсолютный ноль Ходить по струн- ке/струночке
2. Сфера других действий и признаков человека			
Зона престижности	Нейтральная зона	Зона выравнивания	Зона непрестижности
Хозяева жизни Большой человек Человек с большой бу- квы В гору пойти Из грязи в князи, из грязи да в князи	Закадычные друзья Свои в доску Быть на од- ной/короткой/равн ой ноге Товарищ по несча- стью	Знать себе цену Не ударить в грязь ли- цом Сохранить свое лицо Я себя не на помойке нашел Что я, рыжий/лысый?	Ты еще мелко плава- ешь Ты и мизинца его не стоишь На голову выше Он выше тебя на две головы

Выбиться в большие люди Далеко пойти Сильные мира сего Помазанник божий Родиться под счастливой звездой Такие погоду делают Большая шишка	(Всё) как у людей	И мы не лаптем щи хлебаем Знать свое место По одежке протягивать ножки	Он тебя одним ногтем пришибёт Он тебя на обе лопатки положит Он тебя за пояс заткнёт Он любому нос утрёт Он любому даст прикурить Мы чужие на этом празднике жизни В упор не видеть Маленький человек За человека не считать Ни в грош не ставить Низко пасть Лизать пятки/сапоги Вася Пупкин Люди с улицы Мальчик для битья С суконным/свиным рылом в калашный ряд Звёзд с неба не хватает Шишка на ровном месте
3. Сфера артефактов			
<i>Зона престижности</i>	<i>Нейтральная зона</i>	<i>Зона выравнивания</i>	<i>Зона непрестижности</i>
Как в лучших домах (Лондона/Парижа)	Два сапога пара Поставить на одну доску	И наша копеечка не щербата И я не последняя спица в колеснице	И в медный грош не ставить Ломаного гроша не стоит Не по Сеньке шапка Пустое место Ноль без палочки Мелкая сошка Сесть не в свои сани Ты и в подметки ему не годишься Мыльный пузырь Битый козырь

Подведем итоги. Анализируемые участки фразеологической системы русского языка нацелены на отражение и закрепление ценностей «своего» мира, своей социальной среды, на утверждение принадлежности говорящего к определенному миру и самоутверждению себя в нем. Говорящий испытывает потребность в оценивании и сравнении своего и чужого «социального веса», мерой которого преимущественно служат категории родства и деятельности человека с присущими ей артефактами. Языковая картина мира не только соответствует научной картине мира в описании этих аспектов социальной идентичности, но и углубляет её, даёт богатый материал для изучения приоритетов личности в социуме.

Литература

- Агеев, В. С. Социальная идентичность личности / В. С. Агеев // Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – М: Аспект Пресс, 2003. – С. 349-355.
- Зимин, В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 736 с.
- Караулов, Ю. Н. Языковое сознание как процесс (теоретические предпосылки одного эксперимента) / Ю. Н. Караулов // Слово: Юбилейный сборник, посвященный на 70-годушнината на проф. Ирина Червенкова / Състав. Н. Делева, А. Липовска. – София: Унив. изд. Св. Климент Охридски, 2001. – С. 128-129.
- Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 275 с.
- Кон, И.С. В поисках себя. Личность и её самосознание / И.С. Кон. М.: Политиздат, 1984. 336 с.

Косолапов, Н. А. Идентичность / Н. А. Косолапов // Глоссарий по политической психологии. – М.: РУДН, 2003. – С. 102.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева и др. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

Телия, В. Н. Предисловие / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 6-14.

Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.

Tajfel, H., Turner, J. An Intergrative Theory of Intergroup Conflict / H. Tajfel, J. Turner // The Social Psychology of Intergroup Relations / Ed. by W.G. Austin and S. Worchel. – Monterey, Books Publishing Company, 1979. – P. 33-49.

Summary. In article the main cognitive and culturological models of phraseological units with semantics “social weight”, social prestige in Russian language are described, the phraseological unit as a whole or its separate components are correlated to cultural codes and psychological research of social identity.

Лызлов А. И.

ОБ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКЕ КОНЦЕПТОВ «ДРУГ» И «ВРАГ» В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Смоленск, Смоленский государственный университет
aleksej-lyzlov@yandex

Семантика паремий многоаспектна. В. Н. Телия отмечает прагматическую ценность связных сочетаний (Телия, 1981: 21). Пословицы и поговорки являются частью языковых явлений, которые носят название малых речевых жанров или паремий. Данный термин происходит от древнегреческого слова *paroimia*, который переводится как «поговорка, пословица, изречение, притча» и появился в средние века. Изначально термин «паремия» связывался с чтением притч из святого писания во времена вечернего богослужения в церкви накануне праздников. Книги, содержащие эти притчи, назывались паремиониками. Будучи рождённым в рамках религиозной сферы, данный термин позднее находит своё применение и в фольклористике (Аникин, 2001: 26). В. Г. Пермяков отмечает, что рассматриваемые единицы в яркой и чеканной форме отражают факты живой действительности (Пермяков, 1970: 8).

Паремии способны выражать отношение говорящего посредством тех или иных языковых единиц к окружающему миру, они отображают стремление говорящего воздействовать на слушающего. Данные виды устного народного творчества объективно накладывают отпечаток на предмет оценочных суждений. Предметом оценки является объект или объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются (Ивин, 1972: 4).

Многие концептуальные единицы в рамках конкретных паремических высказываний могут объективировать оценочную семантику. В. В. Красных, рассматривая понятие концепта, отмечает сложный характер этого понятия, которое, с одной стороны, представляет собой максимально абстрагированный ментальный конструкт, а с другой – обладает способностью репрезентироваться в языковом сознании в виде конкретных структур (Красных, 2003: 96). Н. Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие: когнитивной, эмотивно-оценочной и языковой сфер. Каждая из этих сфер находит особое преломление в содержании концепта, делая его многоярусным образованием, выполняющим роль речемыслительного посредника между языковым знаком и мыслительными корреляциями этого знака – образами, представлениями и понятиями (Алефиренко, 2009: 80). В основе образной оценки находится когнитивный оценочный признак. Под когнитивно-оценочным признаком мы понимаем элемент плана содержания оценочного высказывания, репрезентирующий знания аксиологического характера.

Анализ концепта «Друг», объективированного в русских поговорках, находим в трудах В. А. Масловой. Она отмечает, что дружба является одной из наиболее важных ценностей. Данный концепт отражает сложное переплетение социальных, нравственных и психологических аспектов сознания человека (Маслова, 2008: 186). Как известно, крайности сходятся: **extremes meet** (BR). Противоположные явления сосуществуют, взаимодействуют друг с другом, иной раз переходят одно в другое. Многие исследователи отмечают, что противопоставление по признаку «свой – чужой» издавна свойственно человеческому коллективу (Jackendoff, 1994: 212; Иванова, 2003: 77).

Рассмотрим поговорки, реализующие концепты «Друг» и «Враг», которые выражают оценку, основываясь на том или ином когнитивно-оценочном признаке, в рамках паремических высказываний. Рассмотрим реализацию концепта «Друг» в английских поговорках.

Дружба как ценность. Чем дольше длится дружба, тем большую ценность она представляет, что подтверждает образ старого вина, сопоставляемого с лучшим другом, в поговорке: **old friends and old wine are the best** (CAM) (букв.: «нет ничего лучше старого вина и старых друзей»). Ценность дружбы вообще и значимость старых друзей в частности раскрывает паремическая единица с семантикой оценки: **the best mirror is an old friend** (CAM) (букв.: «лучшее зеркало – это старый друг»). В поговорках утверждается приоритет дружбы над деньгами, богатством: **a friend in court is better than a penny in purse** (ERPD) (букв.: «друг при дворе лучше пени в кошельке»), особенно если речь идет о серьезных делах, таких как судебное разбирательство. Помощь друга ценится особенно высоко, когда нет возможности получить помощь от родственников: **a friend nearby is better than a brother far off** (WDP) (букв.: «лучше друг рядом, чем брат далеко»). Данная единица раскрывает пространственную семантику, классификаторы «далеко» и «близко» приобретают в ней соответственно положительную и отрицательную оценку. Прагматика предпочтения в поговорке: **a friend's frown is better than a foe's smile** (BR) (букв.: «хмурое лицо друга лучше, чем улыбка врага») говорит о том, что нужно прислушаться к критике друга, нежели к лести врага. Положительная и отрицательная оценка в данной единице реализуется посредством мимической образности: улыбки и хмурого выражения лица. Ценность дружбы подчёркивает английская паремическая единица: **friendship is not to be bought at a fair** (CAM) (букв.: «дружба на рынке не продаётся»). Ситуация торговли, образ рынка подчёркивают невозможность применения меркантильных способов обретения такого блага как дружба. Это явление совсем иного, морального плана.

Предпочтительность в сохранении дружбы. Дружба является одной из наивысших ценностей. Сохранение дружбы – одна из первоочередных прагматических задач. Данную идею описывают поговорки, реализующие сравнительно-оценочную семантику: **better lose a jest than a friend** (EPSRE) (букв.: «лучше упустить возможность пошутить, чем потерять друга»); **better a lean peace than a fat victory** (BR) (букв.: «худой мир лучше доброй ссоры»). Последняя из указанных единиц строится на основе соматической образности, в ней задействуются понятия «худой» и «толстый».

Неискренность в дружбе. В поговорках осуждается поверхностная, ненастоящая дружба, дружба без разбора. Прагматика осуждения и злоупотребления расположением других представлена в поговорке: **a friend to all is a friend to none** (EPRD) (букв.: «тот, кто дружит со всеми, не дружит ни с кем»). Экспрессивность данной единицы достигается путём использования приёма анафорического повтора, а также сопоставления понятий «все» и «никто». В английской паремии порицается нахлебничество, стремление часто бывать в гостях: **a constant guest is never welcome** (ERPD) (букв.: «частого гостя радушно не встречают») в ней отрицание сопровождает оценку как экспрессивный фактор. Прагматика единицы: **false friends are worse than bitter enemies** (ERPD) (букв.: «лучше явный враг, чем неискренний друг») направлена на оценку тайных недоброжелателей как наиболее опасных людей и осуждение неискренности дружеских чувств. Данная единица имеет вариант: **better an open enemy than a false friend** (CAM) (букв.: «лучше открытый враг, чем неискренний друг»). Сопоставление двух единиц показывает, что обе они строятся на основании сравнительной модели, однако в первой используется компаратив «лучше», во втором его антоним – «хуже», смена объектов сравнения при этом не меняет семантики данных единиц. Дружба – взаимное чувство, она не существует, если есть искреннее стремление с одной стороны, и холодный расчет с другой:

friendship cannot stand always on one side (ODP) (букв.: «односторонняя дружба не сможет длиться вечно»). Чтобы избежать разочарования в неверном друге, народная мудрость учит нас не спешить с выбором друга, внимательно изучить того, кто может им стать. Данную мысль объективирует поговорка: **before you choose a friend eat a bushel of salt with him** (CAM) (букв.: «прежде, чем выбрать друга, съешь с ним бушель соли»), которая задействует образы продуктов питания, в данном случае – соли.

Осмотрительность по отношению к врагам. Английская поговорка: **there is no little enemy** (EPSRE) (букв.: «маленьких врагов не бывает») предостерегает человека от пренебрежительного отношения к тем недоброжелателям, которые кажутся неопасными. Иной раз даже незначительный человек может причинить серьезные неприятности. Семантика поговороческих высказываний: **he laughs best who laughs last** (CAM) (букв.: «хорошо смеётся тот, кто смеётся последним»); **he laughs best who laughs longest** (WDP) (букв.: «лучше всех смеётся тот, кто смеётся дольше всех») предостерегает человека от того, чтобы заранее праздновать победу над врагом. В приведённых выше поговорках победа объективируется с помощью ситуации торжествующего смеха. Сходной семантикой характеризуется высказывание: **don't boast until you see your enemy dead** (ODP) (букв.: «не хвастайся, пока не увидишь своего врага мёртвым»). Она не только предостерегает человека от происков врагов, но и учит сдержанности, порицает хвастовство.

Английская поговорка: **take heed of reconciled enemies** (CAM) (букв.: «опасайся раскаявшихся врагов») советует не доверять тем из недоброжелателей, кто выказывает стремление к дружбе. В английском поговороческом тексте: **never tell your enemy that your foot aches** (EPSRE) (букв.: «не следует говорить своему врагу, что у тебя болит нога») порицаются люди, выказывающие слабость перед неприятелем. В данной единице соматическая семантика олицетворяет проблемы, о которых не нужно говорить врагам. С давних времен известна мудрость о том, что наихудшим из врагов для человека является он сам. Об этом повествует английская поговорка: **a man is nobody's worst enemy but his own** (CAM) (букв.: «для человека нет худшего врага, чем он сам»), экспрессивность оценки в данной поговорке достигается путём совмещения отрицания и превосходной степени сравнения.

Милосердие к врагам. Семантика английской поговорки: **a foe vanquished is a foe no more** (ODP) (букв.: «поверженный враг – больше не враг») выражает амбивалентный характер отношения к врагам и советует быть с ними милосердным.

Подводя итоги, отметим, что образная составляющая концептов «Друг» и «Враг» весьма разнообразна. В английской поговороческой семантике данные концепты обладают значительным оценочным потенциалом. Многие английские поговорки содержат оба описываемых концепта, отражая представления людей о взаимосвязи, взаимовлиянии противоположных ментальных образований.

Поговороческие высказывания, в плане содержания которых задействованы описываемые образы, выражают как положительно, так и отрицательно-оценочные признаковые значения, иными словами, они амбивалентны. Данные образы выражают такие положительные когнитивно-оценочные признаки как предпочтительность в сохранении дружбы, в них дружба описывается как величайшая ценность. В поговорках порицаются неискренность в дружбе. Английские поговорки призывают нас проявлять милосердие к врагам. Поговороческие высказывания английского языка предостерегают нас от вражеских козней, они учат человека проявлять осмотрительность по отношению к врагам.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – М.: Высшая школа, 2001. – 239 с.

Иванова, Е. В. Антропоцентризм в пословице / Е. В. Иванова // Антропоцентризм в языке и речи: межвуз. сб. ст. / отв. ред. Л. П. Чахоян. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. – С. 162-168.

Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М.: Наука, 1972. – 237 с.

Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. 3-е изд., переработанное и дополненное. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки об общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – 240 с.
Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связное значение слова в языке / В. Н. Телия; отв. ред. А. В. Уфимцева. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
Jackendoff, R. Patterns in the mind / R. Jackendoff. – N.Y., Random House, 1994. – 300 p.

Используемые словари

BR: Васильева, Л. Краткость – душа остроумия. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения / Л. Васильева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 350 с.
CAM: Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, Cambridge, 1998. – 590 p.
ERPД: Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
EPSRE: Модестов, В. С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия / В. С. Модестов. – М.: Рус. яз. Медиа, 2003. – 467 с.
ODP: The Oxford dictionary of proverbs, ed. by Jennifer Speakes 5th edition. – Oxford University press. NY, 2008. – 388 p.
WDP: The Wordsworth dictionary of proverbs / G. L. Apperson [et al.], Wordsworth editions Ltd. – Hertford-London, 2006. – 656 p.

Summary. The given article is devoted to the analysis of cognitive evaluative features, expressed in the concepts “friend” and “enemy”, which are expressed in English proverbs and sayings. The described mental units possess an important place in the system of concepts, they reflect a complex interaction of social, moral and emotional aspects in human cognition.

Ничипорчик Е.В.

ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В ПАРЕМИКЕ

Беларусь, Гомель, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины
evnich@gmail.com

Стремление сохранить для последующих поколений всё, что является ценным для человека, своеобразно проявилось при формировании паремиипространств. Культурно значимые концепты ценностного плана, как отмечает Л.Б. Савенкова, оказываются теми центрами, вокруг которых и образуются подсистемы пословиц и поговорок (Савенкова, 2002: 38).

Положение о том, что фрагмент провербиального пространства, формируемый на основании осмысления того или иного ценностного концепта, непременно включает в себя структуры знаний и о ценностном антиподе, в настоящее время следует считать уже аксиомой. К примеру, достоинства человека противопоставлены недостаткам: смелость – трусости, щедрость – жадности, великодушные – жестокости и т.д. Факт превалирования в количественном отношении паремий о недостатках над паремиями о достоинствах отнюдь не отрицает ценностно-ориентирующей функции паремий, напротив, чем больше отрицательных рефлексов на тот или иной негатив, тем значимее для человека ценностная категория, являющаяся основанием для вынесения оценки. Реагируя на проявление того или иного недостатка, человек стремится корректировать картину мира тех людей, в поведении которых проявляются осуждаемые в социуме качества характера и свойства личности, равно как и рассуждая о достоинстве, человек закрепляет в сознании адресата речи представление о том, каким должен быть идеальный мир. Именно по этой причине пословицы ныне трактуются как особые информационные единицы, содержащие специфические (ценностно-ориентированные) знания о мире (Малкова, 2011: 13).

Таким образом, обращаясь к характеристике когнитивных структур, положенных в основу создания провербиальных единиц, мы должны иметь в виду, что категоризация действительности, которая нашла отражение в содержательных аспектах паремий, представляет собой, прежде всего, оценочную категоризацию. На материале разноязычных паремий о высокомерии, спеси и хвастовстве выясним, какие когнитивные признаки, отражённые в метафорических сценариях, позволяют представить внутренний

мир человека через внешний и как схематические модели образов способствуют установлению общего и различного в аксиологической интерпретации мира.

Схематическими моделями образов Дж. Лакофф называет специфические схематические представления образов в виде траекторий, очертаний, вместилищ и т.п. (Лакофф, 1988: 31-32), то есть такие представления, которые позволяют различные образы подвести под одну категорию на основании общего признака. Этот признак является классифицирующим когнитивным признаком, и установление такого признака свидетельствует о существовании стереотипа в восприятии и интерпретации мира.

Оценочное отношение к носителю того или иного недостатка / достоинства выражается в поговорках, как правило, косвенно: через описание поведения человека в типичных ситуациях, путём изображения (зачастую карикатурного) внешности человека, отражающей черты его характера. Визуализация внутреннего мира человека через конструирование внешнего образа-символа является типичным приёмом в паремийотворчестве. Этот внешний образ-символ выступает как своеобразная оценочная категория, так как смысл его использования заключается не только в визуализации скрытого, но и в выражении оценочного отношения к последнему.

Как в славянских, так и в неславянских паремийологических единицах внешними (визуально воспринимаемыми) признаками гордецов, спесивых и хвастунов выступают «устремлённость вверх» и «надутость». Обнаруживается общность когнитивного признака, отражающего аудиальное восприятие хвастунов, зазнаек, – это «шум». Данные признаки как устойчивые элементы смысла находят воплощение в метафорических когнитивных моделях (когнитивных уровнях внутренней формы – в терминологии Е.В. Ивановой (Иванова, 2006:101)) и участвуют в формировании пословичных биномов (термин Е.И. Селиверстовой (Селиверстова, 2010: 34)).

1. Когнитивный признак «устремлённость вверх» в русских, белорусских и украинских поговорках находит воплощение, прежде всего, в метафорических сценариях, отражающих контрастность характеристик: рус.: *Спесивый высоко мостится, да низко ложится; Высоко летаешь, да низко садишься*; бел.: *Высока падляцеў, ды нізка сеў; Хто высока заглядае, той нізка сядзе; Хто высока сядзе, той мацней упадзе; Высока сарока лятае, ды дома не начуе*; укр.: *Хто високо літає, той низько сідає; Хто високо няється, той низько падає; Хто вище злізе, дужче пада; Хто носа надтовисокозадирає, той під собою опору втрачає*. Гордость, которая обычно переполняет человека, выливается в ощущение подъёма (см. рус.: *вознёсся до небес, ног под собой не чуёт*); человек душой стремится вверх, так как именно «верх» в мифопоэтическом сознании ассоциируется с исключительностью, богоизбранностью. Отсюда устойчивость позитивной оценочной категоризации верха. У гордецов, спесивых и похваляющихся людей, действительно, завышенная положительная самооценка. Это их внутренние ощущения передаются в когнитивных «гордый высоко летает», «гордый высоко сидит» и т.п. С другой стороны, это отражение и внешнего восприятия возгордившегося человека сторонними людьми – *некто «высоко летает»*, правда, с иным оценочным отношением к данному факту. Для выражения этого оценочного отношения и используется пословичный бином «высоко – низко» с развитием метафорического сценария в направлении падения.

Когнитивная «гордый возносится и падает» представлена в провербиальных единицах многих народов. Как свидетельствует словарь Дж. Пацолая, поговорки с данным смыслом встречаются в 42 европейских языках (Paczolay, 2002: 236). Например, итал.: *Chimontarìù in altochenondevè, caderìù in bassochenoncrede* (Кто поднимается выше, чем нужно, опускается ниже, чем можно предположить); *Chitroppoin alto sai, cadesoventeprecipitevolissimevolmente* (Кто слишком рьяно вверх стремится, рискует с треском провалиться); *Chivatropoin alto, cascainfosso* (Кто слишком возносится, валится в яму); нем.: *Werhochsteigt, fällttief* (Кто высоко поднимается, низко опускается); *Hohesteigerfallentief* (Вознёсшиеся высоко опускаются глубоко); *Der Stolzeerhebt sich, undstotieferzufallen* (Гордость возвышается, чтобы ниже упасть); *Hochmuthkommt (geht) vordem Fall* (Гордость идёт впереди падения).

Метафорический сценарий вознесения и последующего падения возгордившегося человека находим и в Библии: *Не возноси себя, чтобы не упасть и не навлечь бесчестия на душу твою* (Книга Премудрости, 1-30); *Погибели предшествует гордость, и падению – надменность* (Книга Притч, 16-18). Возможно, библейское учение и повлияло на столь

широкое распространение соответствующей структуры знания. Однако очевидно и другое: пословичный сценарий вознесения и падения гордеца отражает стереотипы обыденного сознания, опирающиеся на символизацию верха и низа, то есть на универсальные «суперклассифицирующие когнитивные признаки» (Попова, 2007: 130). Это подтверждается и множеством вариантов вербализации данного сценария в различных языках, и, кроме того, наличием паремий с аналогичным смыслом у народов, исповедующих иные религии, в частности, арабов, китайцев, японцев (Raszolay, 2002: 240).

Каждый из суперклассифицирующих когнитивных признаков проявляет себя во множестве пословичных метафорических сценариев, отражающих движение вверх или движение вниз. И здесь мы сталкиваемся как с многочисленными фактами сходства образных основ, так и с проявлением своеобразия в метафорической категоризации соответствующего «участка мира».

Общей для паремий анализируемых нами языков оказалась когнитивная тема «пустой колос поднимает голову выше других»: рус.: *Пустой колос выше голову держит*; бел.: *Пусты колас угару тырчыць; Пусты колас зайсе́ды нос кверху дзярэць; Колас, што зярнят не мае, угару лоб задзірае; Пустыя каласы высока трымаюцца*; укр.: *Колос повний гнецця до землі, а пустий догори стирчить*; итал.: *Laspigavuotahalatestapiù alta*; нем.: *Leere Ährenstehenaufrecht*. Есть и во французском языке пословица с аналогичным содержанием *Les épisvidesportentlatetehaute*. Не исключено, что данная когнитивная тема отражена в паремиях и других европейских языков, так как корни её, по-видимому, тянутся к латинскому выражению *Vacuuaristasuperplenaseminet*.

В паремиях всех пяти анализируемых нами языков встречается образ птицы с высоким хохолком, большим хвостом либо длинным клювом, символизирующий бахвальство, спесь, высокомерие: рус. *Важничает, как петух на навозной куче; Распустил хвост, как у павлина*; бел.: *Хто б дзятла ведаў, каб не яго доўгі нос!*; укр.: *Ходить, як индик Переяслівський*; итал.: *Chipiù vuotahalatesta, più degliatrialzalacresta* (У кого пустая голова, тот выше других поднимает гребень); нем.: *Kein Wiedehopfohne Federbuschundkein Dummkopfohne Dünkel* (Нет удода без хохла, дурня без спеси); *Wiegernsäh' manjedenstolziren, könnt' erdas Pfauenradvollführen* (Возгордился, как павлин, раскрывший хвост).

Символизирует спесь во многих языках и задранный нос. В славянских паремиях, например, этот образ, как правило, отмечается в связи с представлением когнитивного признака «недосягаемость задранного носа чем-либо»: рус.: *Задрал нос, что и не доплюнешь; Пустой человек нос кверху дерёт*; бел.: *Здаецца, што палкаю носа не дастанеш; Фарсун, што тычкай носа не дастанеш; Качаргой носа не дастанеш; Крукам носа не дастаць; У яго кукішам носа не дастанеш*; укр.: *Підняв морду так, що й кочергою носу не дастанеш*. Недосягаемый атрибут гордеца вариативен, это может быть также голова, шапка и сам гордец, вознёсшийся непомерно: рус.: *До него с земли шестом не достигнешь*; бел.: *Шостам галавы не дастаць; Кіем (калом) галавы не дастанеш; Калом шапкі не дастанеш*.

Вариативно в различных языках также и то, что вообще может «задрать» возгордившийся человек или символизирующее его существо: рус.: *Нос задралкверху; Хвост задрал*; бел.: *Яму гавары, а ён бровы дагары; Есць салому, а хвост дугой трымае*; укр.: *Дере голову, як попова кобила*; нем.: *Hochmuthwirft die Naseauf* (Высокомерие задирает нос); *Wenn die Lausinden Grindkommt, sohebitsieden Hinternindie Höheundwirdstolz* (Когда вошь находит коросту, задирает зад и гордится). Образ возгордившейся воши есть и в славянских паремиях, например, рус.: *Зазнался, что вошь в коросте; Идет, как вошь на чело ползет*; укр.: *Величаєця, як чумацька воша; Надуєся, як вош на мороз*.

Своеобразие пословичных когнитивных уровней внутренней формы, в которых используются суперклассифицирующие признаки «верх» и «низ» для оценки гордецов, спесивцев и бахвалов, проявляется эпизодичнее. Так, например, в русских паремиях участниками «печально» развивающихся ситуаций, связанных с «движением вниз», являются чиж, горох, верша, стоерос: *Чиж пел, пел, да на мель сел; Не чванься, горох, перед бобами, будешь сам под ногами; Глумилась верша над болотом, да сама туда же пошла (оглянулась, и сама там); Из стоероса лежни кладут*; в итальянских паремиях – наездник, осёл: *Lasuperbiaandò acavalloetornò apiedi* (Гордость едет на коне, а возвращается пешком); *L'asinochesivanta, auguragliunacaduta* (Бахвалящийся осёл

предвосхищает своё падение). Только в немецком языке высокомерие и спесь ассоциируется с образом идущего на ходулях: *Dünkelgehtauf Stelzen* (Спесь ходит на ходулях).

Нельзя не отметить и отдельные переключки образов. К примеру, образ рогов как символ гордыни встречается во всех восточнославянских поговорках: рус.: *Были роги, да посломали боги*; *Мужик богатый что бык рогатый*; бел.: *Кожны жук хоча паказаць свае рогі*; укр.: *Гордим Бог позбива (та збива) рог*, в итальянском языке данный образ находит своё неявное выражение в сценарии с ослом, представляющим себя оленем: *Chi è asinoecervosicrede, alsaltardellafossasen'avvede* (Кто осёл и мнит себя оленем, свалится в яму). Когнитивная тема «гордость едет на коне» находит отражение не только в итальянских, но и в немецких поговорках: *Eristein Bettelmannzu Pferde* (смысл данного выражения в словаре комментируется следующим образом: самолюбие поднимает человека с земли, и потому такого человека называют «попрошайка на коне»); *Esistbesser demütiggegangen, alshochgefahren* (Лучше смиренно идти, чем высоко ехать).

2. Когнитивный признак «надутость» в схематической модели образа спесивого, высокомерного человека тоже представляет собой одну из ментальных универсалий, связанных с выражением оценочного отношения к носителю соответствующего поведенческого стереотипа. В славянских языках данный когнитивный признак (наряду с такими признаками, как «выпяченность», «округлость») проявляется в ряде метафорических моделей: рус.: *Вздуря, как тесто на опаре*; *Загордился, как пузырь на болоте*; *Как ни дуёся лягушка, а до вола ей далеко*; *Руки в боки, глаза в потолок*; *Руки фертотом в боки, ноги прописным азом*; *Ходит ребром, глядит козырем*; бел.: *Раздуўся, як кавальскі мех*; *Дзьмецца, як не парвецца*; *Жаба дулася, дулася – ды лопнула*; укр.: *Дмецца, як пух на воді*; *Дмецца, як жаба на лопуху*; *Дмись не дмись, волом не будеш*; *Надувсь, як лопух на огні*; *Дмецца, як шкурат на огні*; *Дуецся як легке в горшку*; *Взявся під боки, та й думає, що пан*; *Хвертом пойд боки взявся*.

В итальянских и немецких поговорках когнитивный признак «надутость» проявляется в основном в метафорических сценариях с лягушкой / жабой: итал.: *Quantopiù laranagonfia, più prestocrepa* (Чем больше лягушка надувается, тем быстрее лопнет); нем.: *Der Froschblästseinen Kropfoftgrösseralsder Kopf* (Лягушка раздувает свой зоб чаще больше головы); *Ersträubtsich, wieder Froschinder Teertonne* (Он топорщится, как лягушка в бочке со смолой); *Wennsichder Froschzum Ochsenbläst, somusserplatzen* (Если лягушка раздуется с вола, то непременно лопнет). Заметим, что некоторые немецкие поговорки содержат эксплицитно выраженную отсылку к басне, которая, как известно, и явилась источником соответствующего мотива: *Ermöchtevor Hochmuthplatzenwie der Froschinder Fabel* (Высокомерие может лопнуть, как лягушка в басне); *Ermöchtevor Hochmuthplatzenwie der Froschinder Fabel* (Он хочет лопнуть от гордости, как лягушка в басне).

3. Когнитивный признак «шум» (как вариант «звон»), нашедший отражение в метафорическом сценарии с пустыми сосудами, которые шумят громче полных, тоже может быть отнесён к категории универсальных когнитивных признаков, формирующих оценочные структуры с негативной аксиологической маркированностью. Когнитивная тема «пустой сосуд создаёт больше шума» представлена в поговорочных единицах 45 европейских языков, соответствующие мотивы находят отражение и в поговорках других языков: персидском, китайском, санскрите и др. (Paczolay, 2002: 146, 149). Признак «шум» / «звон» в данной когнитивной модели объединяется с признаком «пустота» и служит основой для формирования пословичного бинама, проявляющего в ряде вариантов обозначений: рус.: *В пустой бочке и звону много*; *Пустая бочка пуще гремит*; *В пустой бочке грому больше*; бел.: *Парожня бочка моцна грывіць*; *Пустую бочку, як вязуць, здалёку чуваць*; *Поўны чайнік маўчыць, а напалавіну пусты шуміць*; укр.: *Порожня бочка гучить, а повна мовчить*; *Порожні горнец дзвенить, а повна мовчить*; *Повна бочка мовчить, а порожня кричить*; итал.: *Vasovuotosuonameglio* (Пустой горшок звенит лучше); *Lebottivuotesuonapopiù diquellapiene* (Пустые бочки звенят лучше, чем полные); *Sonolezucchevuotechefanopiù baccano* (Пустые тыквы шумят больше); нем.: *Leere Fässerklingshohl* (Пустые бочки звенят глухо); *Volle Fässerklingshohl, leeredestomehr* (Полные бочки не звенят, пустые – звенят значительно лучше); *Leere Tonnengeben grossen Schall* (Пустые бадьи сильно звенят).

Рассмотренные нами когнитивные признаки: «устремленность вверх» как символ зазнайства, «падение» как символ позора и стыда, «надутость» как символ внутренней пустоты и эгоцентризма, «шум», ассоциируемый с пустословием и глупостью, – представляют лишь часть универсальных классификационных когнитивных признаков, которые являются строительным материалом проverbsиальных метафорических моделей, используемых для «визуализации» внутреннего мира человека и, соответственно, оценочной категоризации человеческих пороков. Осуждение гордыни, спеси и хвастовства – это ещё и целый мир зооморфных проverbsиальных метафор, которые могут составить материал для отдельного исследования.

Литература

- Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.
- Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / скл. Ф. Янкоўскі. – Мн.: Беларуская навука, 2004. 494 с.
- Вечные слова. Aeternadicta. Восьмиязычный словарь фразеологических эквивалентов / под ред. Н. А. Гончаровой. – Мн.: Белорусская ассоциация «Конкурс», 2012. 271 с.
- Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – М.: «Сюита», 1996. 544 с.
- Иванова, Е. В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие / Е. В. Иванова. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 280 с.
- Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988. – С.12-51.
- Малкова А. С. Разработка представления семантики ценностно-ориентированных текстов в базе знаний (на материале русских пословиц): автореф. дис. ... канд. техн. наук: 05.13.17 / А. С. Малкова. – М., 2011. – 25 с.
- Номис, М. Українські приказки, прислів'я і такеінше / уклад М. Номис / упоряд., приміт. та вступна ст. М. М. Пазяка. – К.: Либідь, 1993. – 768 с.
- Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
- Прыказкі і прымаўкі / скл. М. Я. Грынблат; рэд. А. С. Фядосік: ў 2 кн. – Мн.: Навука і техника, 1976.
- Савенкова, Л. Б. Русские паремии как функционирующая система: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 46 с.
- Селиверстова, Е. И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01. / Е. И. Селиверстова. – СПб, 2010. – 48 с.
- Boggione, V. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbio. – Torino: UTET, 2007. – 654 p.
- Paczolay, G. European proverbs in 55 languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / G. Paczolay. Hobart, Tasmania: De Proverbio. com, 2002. – 527 p.
- Wander, K. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Vol.1-5. / K.F.W. Wander. F.A. Brockhaus, Leipzig, 1867-1880.

Summary. The author describes the classification cognitive signs, which are the building material of the proverbial metaphoric models used to "visualization" the inner world of human and evaluating categorization of such human frailties, like pride, arrogance, boasting.

Огнева Е. А.

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» КАК АТТРАКТОР ПОЗИТИВА В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Ogneva@bsu.edu.ru

Многовекторность современных исследований когнитивно-дискурсивного пространства, способствуя комплексному анализу этого лингвокогнитивного феномена, ставит новые цели и задачи, в ракурсе которых находится, в том числе, и детальное изучение этноспектра пространства с последующим когнитивно-графическим моделированием его

структуры. Проводимые многочисленные исследования подтверждают тот факт, что дискурс, имея «мыслекоммуникативную природу <...> относится к типу объектов, которые могут быть адекватно интерпретированы лишь в свете нелинейной парадигмы» (Шевченко, Морозова, 2005: 33), репрезентируемой основными положениями современной концепции нелинейных динамик, в свете которой «дискурсивность может быть интерпретирована как имманентная способность неравновесной среды к самоорганизации» (Усманова, 2001: 237).

Нелинейность когнитивно-дискурсивного пространства, в котором языковая личность представляет собой лингвокреативный энергокомпонент, провоцирует неизбежность синергетики всех составляющих этого пространства. Вслед за Н. Ф. Алефиренко «под синергетикой дискурса мы понимаем взаимодействие всех порождающих его факторов, <...> слияние и со-действие энергий, направленных на онтологическую и функциональную самоорганизацию дискурсивного пространства» (Алефиренко, 2008: 9).

Результаты проведённых исследований подтверждают тезис о том, что когнитивно-дискурсивное пространство как синергетический феномен закономерно представлено двумя полюсами: полюс «добро» и полюс «зло». Соотношение энергий двух полюсов динамично в диахронии когнитивно-дискурсивного пространства этноса. Не вызывает сомнения тот факт, что современное когнитивно-дискурсивное пространство как совокупность различных типов дискурса дрейфует в направлении полюса «зло». Следовательно, возрастает актуальность исследований энергомаяков полюса «добро» как аттракторов (компактных подмножеств) позитива в когнитивно-дискурсивном пространстве современного общества, чтобы удержать его от перехода нравственно-эстетического Рубикона. Одним из таких аттракторов является номинативное поле концепта «Счастье», поскольку «отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» (Воркачѳв, 2004: 43).

Следует подчеркнуть, что номинативное поле концепта «Счастье» имеет как статичную, так и динамичную составляющие в пространственно-временном континууме, соотношение которых различно в одноименных разноуровневых концептах: национальном, индивидуально-авторском и художественном, так как, вне сомнений «счастье» – понятие крайне гибридное, «химеричное», оно отправляет к предметным областям «состояние дел» и «состояние духа», соединяя «внутренний» и «внешний миры» человека, микрокосм и макрокосм» (Воркачѳв, 2004: 44). Так, например, установлено, что индивидуально-авторский концепт «счастье» великого писателя современности Д. А. Гранина репрезентирован во многих его произведениях, образуя тем самым обширное номинативное поле одноимѳнного художественного концепта, ярким компонентом которого является номинант: «Какое счастье было работать, ни на что не отвлекаясь. Работать с утра до ночи – ничего слаще быть не могло!» (Гранин, 1987: 37), тогда как одним из ярких компонентов номинативного поля художественного концепта «Счастье», репрезентирующего одноимѳнный индивидуально-авторский концепт великого русского писателя XIX века Ф. М. Достоевского, является номинант: «Горе узришь великое и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе завет: в горе счастья ищи» (Достоевский, 1989: 57), репрезентирующий, тем самым, синергию двух состояний русской души: счастье и горе.

Когнитивно-герменевтический анализ произведений отдельно взятого писателя, символа эпохи, с целью выявления аттракторов позитива в концептосфере его творчества способствует, по нашему мнению, получению обоснованных данных для формирования шкалы энергомаяков полюса «добро», воздействующих на когнитивно-дискурсивное пространство читателей того или иного исторического периода в жизни страны. Комплексный сопоставительный анализ аттракторов позитива в концептосферах нескольких великих писателей разных эпох репрезентирует динамику энергомаяков полюса «добро» в когнитивно-дискурсивном пространстве социума. Знание параметров этой динамики актуально и востребовано в культурно-эстетическом прогнозировании и не только.

Рассмотрение, наряду с индивидуально-авторским и художественным концептами «Счастье», одноимѳнного национального концепта предоставляет обширные данные о его репрезентациях в концептосфере современных носителей русского языка. Так, было установлено, что концепт «счастье» представляет собой совокупность субконцептов: «Семья», «Любовь», «Успех/Удача», «Здоровье», «Дружба/Друзья», «Ум», «Талант», «Труд», «Рассудительность», «Благополучие», «Свобода», «Мировосприятие».

Данная шкала субконцептов от более значимого к менее значимому составлена на основе анкетирования, проведенного среди представителей различных возрастных, гендерных, профессиональных групп, и представляет собой совокупный результат анкетирования, тогда как в отдельно взятых респондентных группах градация субконцептов по их значимости в составе концепта «счастье» была иная, что обусловлено тем, что «концептуальные модели счастья отличаются друг от друга не столько своим количественным составом, сколько принципом иерархической организации семантических признаков <...> как в калейдоскопе, т. е. «семантический узор» меняется с изменением точки зрения при неизменном количественном составе мозаичных фрагментов» (Воркачѳв, 2004: 48-49).

Проведѳнные исследования номинативных полей вышеперечисленных субконцептов выявили наличие большого количества паремий как компонентов фразеологической картины мира, которая «создаѳтся посредством использования «живой» дискурсивной идиоматики» (Алефиренко, 2010: 25), реализуемой в дискурсивном пространстве как синергетическом коммуникативно-когнитивном явлении, взаимосвязанном с фразеологической моделью мира, построенной по идиоматическим репрезентациям модели мира. По мнению Н. Ф. Алефиренко, «в основе когнитивно-семиологической репрезентации фразеологическими средствами глобального образа мира лежит тройственная связь между «предметом», «концептом» и «фраземой», <...> исходной точкой здесь оказывается не «концепт», а «фразема», связывающая в единой дискурсивной конфигурации денотативную ситуацию и еѳ отражение в нашем сознании» (Алефиренко, 2010: 21), где под фраземой (фразеологизмом, фразеологическим оборотом) понимается устойчивое по составу и структуре, целостное по значению словосочетание/предложение, а именно: 1) фразеологическое сращение (идиома) как семантически неделимый оборот, значение которого не выводимо из значений составляющих его компонентов; 2) фразеологическое единство как устойчивый оборот, в котором каждое слово используется в прямом/переносном значении; 3) фразеологическое сочетание как устойчивый оборот, в состав которого входят слова со свободным или фразеологически связанным значением; 4) фразеологическое выражение (напр. паремия) как устойчивый в своѳ составе и употреблении фразеологический оборот с постоянным лексическим составом и определенной семантикой. Паремии, по мнению Т. Н. Федуленковой и И. В. Антоновой, рассматриваются «как коммуникативные фразеологические единицы, которые занимают особое место в языковой картине мира» (Федуленкова, Антонова, 2010: 396).

Семантика паремиологических единиц русского языка, репрезентируя праксеологические аспекты счастья, по мнению С. Г. Воркачѳва, «указывает на оптимальные пути достижения счастья: чтобы стать счастливым, нужно: (1) трудиться: «Там счастье не диво, где трудятся нелениво», «Счастье у каждого под мозолями лежит», (2) не терять присутствия духа в трудные минуты: «Кто в горе руки опускает, тот счастья никогда не узнает» (см. подробнее: Воркачѳв, 2004: 80). Примечательно, что в словаре В. Даля собрано около 100 паремий, репрезентирующих «счастье» как «удачу и благополучие» (Даль, 1999), что соответствует деонтологическому подходу, в соответствии с которым «Счастье» трактуется как производное от добродетели, а следование долгу – это первостепенная этическая ценность, тогда как с точки зрения эвдемонизма основой поведения человека должно быть его стремление к достижению счастья.

Приведѳм примеры паремиологической репрезентации вышеперечисленных субконцептов, составляющий национальный концепт «счастье»: 1) субконцепт «Семья»: «дети – наше богатство», «вся семья вместе, так и душа на месте», «на что и клад, коли дети идут в лад»; 2) субконцепт «Любовь»: «с милым рай в шалаше», «для любви нет преград», «к милому семь вѳрст не околица»; 3) субконцепт «Успех/Удача»: «придѳт солнышко и к нашим окошечкам», «родиться в рубашке», «смелым сопутствует удача»; 4) субконцепт «Здоровье»: «в здоровом теле – здоровый дух»; «здоровье всего дороже»; «здоровье дороже всякого богатства»; 5) субконцепт «Дружба»: «берись дружно, не будет грузно»; 6) субконцепт «Ум»: «умный понимает с полуслова», «умный слов на ветер не бросает», «с самого начала думай о конце», «сбережѳшь, что найдѳшь», «слово – серебро, молчание – золото»; 7) субконцепт «Талант»: «дело мастера боится»; 8) субконцепт «Труд»: «обещай мало – делай много», «прилежание основа успеха», «сделанное своевременно экономит много времени и труда», «счастье в воздухе не вѳется, а руками достается»; 9) субконцепт «Рассудительность»: «доброе начало – половина дела», «синица в руках лучше соловья в лесу», «прежде соберись, а потом дерись», «сегодняшней работы на завтра не откладывай»; 10) субконцепт «Благополучие»: «в добром житѳе и кудри вьются»;

11) субконцепт «Свобода»: «сам человек строитель участи своей»; 12) субконцепт «Мироощущение»: «довольство – лучшее богатство», «счастлив тот, кто считает, что он счастлив», «Рождество раз в год бывает, но с ним счастье прибывает» (Митина, 2003) и др.

Таким образом, комплексный анализ номинативных полей разноуровневых (национальный → индивидуально-авторский → художественный) концептов «счастье» открывает перспективы глубинного исследования одного из базовых аттракторов полюса «добро» когнитивно-дискурсивного пространства социума.

Второй этап проводимых исследований по установлению роли концепта «Счастье» в когнитивно-дискурсивном пространстве выявляет посредством когнитивно-сопоставительного анализа степень соответствия/несоответствия репрезентантов этого концепта в разноструктурных языках. В рамках данной статьи приведём в качестве иллюстрации только два примера.

Пример 1. Адаптация одного из номинантов художественного концепта «счастье», реализованного в произведениях Ф. Достоевского: «Горе узришь великое и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе завет: в горе счастья ищи» → «You will see great sorrow, and in that sorrow you will be happy. This is my last message to you: in sorrow seek happiness» (Dostoevsky, 2001: 122). Номинант переведён симметрично к восприятию англоговорящих читателей, тогда как на французский язык: «Tu érouveras une grande douleur et en même temps tu seras heureux. Telle est ta vocation: chercher le bonheur dans ta douleur (Dostoïevski, 2005: 122) номинант переведён асимметрично.

Пример 2. Паремнологическая репрезентация номинативного поля национально-го концепта «Счастье» в разноструктурных языках. Установлено, что не только семантический состав, но и ядро структуры эквивалентов вышеперечисленных паремий в английском и французском языках отличается от русских аналогов. Проиллюстрируем на примерах: 1) субконцепт: «Семья»: «дети – наше богатство» → «children are poor men's riches»; «вся семья вместе, так и душа на месте» → «family that prays together stays together»; «на что и клад, коли дети идут в лад» → «happy is he that is happy in his children»; 2) субконцепт «Любовь»: «с милым рай в шалаше» → «love in a cottage»; «для любви нет преград» → «love will creep where it can not go» → «amour et mort, rien n'est plus fort»; «к милому семь вёрст не околица» → «l'amour rapproche la distance»; 3) субконцепт «Успех/Удача»: «придёт солнышко и к нашим окошечкам» → «every dog has his day»; «родиться в рубашке» → «to be born with a silver spoon in one's mouth»; «смелым сопутствует удача» → «fortune favours the brave»; 4) субконцепт «Здоровье»: «в здоровом теле – здоровый дух» → «a sound mind in a sound body» → «une âme saine dans un corps sain»; «здоровье всего дороже» → «good health is above wealth»; «здоровье дороже всякого богатства» → «good health is above wealth» → «santé passé richesse»; 5) субконцепт «Дружба»: «берись дружно, не будет грузно» → «many hands make light work»; 6) субконцепт «Ум»: «умный понимает с полуслова» → «a word is enough to the wise»; «умный слов на ветер не бросает» → «he knows much who knows how to hold his tongue»; «с самого начала думай о конце» → «in every beginning think of the end»; «сбережёшь, что найдёшь» → «a penny saved is a penny gained»; «слово – серебро, молчание – золото» → «speech is silver but silence is gold»; 7) субконцепт: «Талант»: «дело мастера боится» → «he works best who knows his trade»; 8) субконцепт «Труд»: «обещай мало – делай много» → «promise little, but do much»; «прилежание основа успеха» → «diligence is the mother of success»; «сделанное своевременно экономит много времени и труда» → «a stitch in time saves nine»; «счастье в воздухе не вьётся, а руками достается» → «every man is the architect of his own fortunes»; 9) субконцепт «Рассудительность»: «синица в руках лучше соловья в лесу» → «a bird in the hand is worth two in the bush» → «il vaut mieux tenir que courir»; «доброе начало – половина дела» → «a good beginning is half the battle» → «qui bien commence, bien avance»; «сегодняшней работы на завтра не откладывай» → «never put off tomorrow what you can do today»; «прежде соберись, а потом дерись» → «draw not your bow till your arrow is fixed»; 10) субконцепт «Благополучие»: «в добром житье и кудри вьются» → «he lives long that lives well»; 11) субконцепт «Свобода»: «сам человек строитель участи своей» → «every man is the architect of his own fortunes»; 12) субконцепт «Мироощущение»: «довольство – лучшее богатство» → «he is not poor that little, but he that desires much»; «счастлив тот, кто считает, что он счастлив» → «He is happy that thinks himself»; «Рождество раз в год бывает, но с ним счастье прибывает» → «Christmas comes but once a year, but when it comes it brings good cheer» (Митина, 2003; Иванченко, 2004) и т. д..

Таким образом, концепт «Счастье» в его национальном, индивидуально-авторском и художественном спектрах реализации, являясь мощным аттрактором позитива в нелинейном и динамичном когнитивно-дискурсивном пространстве социума, репрезентирован многообразием номинантов, в том числе, и паремиологическими единицами как этнокомпонентами фразеологической картины мира. Комплексный анализ этого синергетического феномена, включающий и когнитивно-сопоставительный аспект изучения его природы, предоставляет достоверные данные о: (1) его поэтапной эволюции, (2) степени соответствия/несоответствия глубинных и поверхностных параметров номинативных полей рассматриваемого концепта в разноструктурных языках, (3) специфике трансформации его роли в когнитивно-дискурсивном пространстве общества.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Этноязыковая синергетика культурного концепта / Н. Ф. Алефиренко // Гуманитарные проблемы современности: язык, общество, культура. Записки Горного института; т. 175. – СПб.: СПГИ(ТУ), 2008. – С. 9-10 с.

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и культура: поиск категориально-понятийных оснований / Н. Ф. Алефиренко // Фразеология, познание и культура: сб. док. 2-й Междунар. науч. конф. в 2 т. / Отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т.1. Фразеология и познание. – С. 21-26.

Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русской и английской паремиологии / С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. – СПб., 2002. – С. 145-48.

Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.

Федуленкова, Т. Н. Вариантность отпословичных фразеологических единиц / Т. Н. Федуленкова, И. В. Антонова // Фразеология, познание и культура: сб. док. 2-й Междунар. науч. конф. в 2 т. / Отв. ред., Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: БелГУ, 2010. – Т.1. Фразеология и познание. – С. 396-399.

Шевченко, И. С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И. С. Шевченко, Е. И. Морозова // Вісник Харків. нац. ун-ту. – 2003. – № 586. – С. 33-38.

Усманова, А. Р. Дискурсия / А. Р. Усманова // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис, 2001. – С. 240.

Список словарей

Даль, В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка в 4-х т. / В. И. Даль. – М.: Изд-во «Русский язык», 1999. – 2716 с.

Иванченко, А. И. Французские пословицы и их русские аналоги / А. И. Иванченко. – СПб.: КАРО, 2004. – 128 с.

Митина, И. Е. Английские пословицы и их русские аналоги / И. Е. Митина. – СПб.: КАРО, 2003. – 336с.

Список источников примеров

Гранин, Д. А. Зубр / Д. А. Гранин. – Л.: Советский писатель, 1987. – 147с.

Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – М.: Художественная литература, 1989. – 572 с.

Dostoevsky, F. The Brothers Karamazov / F. Dostoevsky // Tr. by C. Garnett. – London: Wordsworth Editions, 2001. – 912 p.

Dostoïevski, F. Les frères Karamazov / F. Dostoïevski // Tr. du russe par Henri Mongault, 2005; режим доступа: <http://fr.groups.yahoo.com/group/ebooksgratuits>

Summary. The article deals with the problems of cognitive-discursive researches of the concept «happiness» as the positive attractor in the space of social discourse, as the important component in the ethnospectrum of world view.

Печеникова Л. Н.

УКРАИНСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Украина, Луганск, ГУ Луганский государственный медицинский университет
pechenikova.larisa@yandex.ua

В недостаточно исследованной части фразеологического массива украинского языка особый интерес представляют фразеологизмы о здоровье человека. Их особенность обусловлена исторической давностью и тесной связью с народной жизнью. Так, В. Н. Телия, рассматривая культуру, определяет её как «своеобразную историческую па-

мать народа. И язык, благодаря его коммуникативной функции, хранит её, обеспечивая диалог поколений» (Телия, 1996: 226).

Исследование фразеологических единиц (ФЕ) о здоровье человека позволяет изучить развитие народных представлений об анатомии и физиологии человека, народное трактование болезней, методы лечения болезней, классификацию методов лечения и т. д. Именно такие фразеологизмы представлены значительным количеством в украинских фразеологических словарях, например:

- фразеологизмы, обозначающие физическое состояние человека: *як зелена травка, горбата в одну сторону, як сто гайок перекрутити, їжака народити, чухати хребет через живіт, глушняк обняв, ні жрець, ні мрець* и т. п.;

- фразеологизмы, обозначающие психическое состояние человека: *з важким серцем, кров холоде (крижаніє, застигає) у жилах, : кров ударила в голову, клубок застряв у горлі* и т. п.;

- фразеологизмы, обозначающие социальное положение человека как важную составляющую здоровья населения: *не остання спиця в колесі, лицар без догани і страху, іскаріотський Іуда, заблудив віця* и т. п.

Основой в разработке заявленной проблемы послужил структурно-семантический анализ фразеосемантического поля (ФСП) «Здоровье» на материале украинских фразеографических источников. Итак, цель статьи – структурно-семантический анализ фразеосемантической группы (ФСГ) «Душевное здоровье». В этой работе используем понятия «здоровье», «психическое состояние», «духовность», «душевность» и «душевное состояние».

Понятие «здоровье» является комплексным и многомерным, оно характеризует общее функциональное состояние человека, и мы рассматриваем его как «правильную, нормальную деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» (Короткий, 1988: 98). С учётом этого выделяем понятие «психическое состояние человека» как «психологическую категорию, в состав которой входят разные виды интегрированного отображения человеком как внутренних, так и внешних влияний» (Щербатих, 2008: 526).

Психическое состояние человека тесно связано с душевным состоянием личности, потому что основу человеческой психики составляют чувственные и эмоциональные формы отображения действительности. Учёные склоняются к мысли, что понятие «духовный» и «душевный» имеют различное толкование и характер. Академический толковый словарь украинского языка в 11 томах даёт следующее определение понятия «душевный»: «связанный с внутренним психическим миром человека, его настроением, переживанием и чувством» (Словник, 1970: 445). Например: «*В Ганни були свої душевні турботи*» (Степан Чорнобривець); «*По статистиці так виходить, що між одруженими людьми менше буває нервових і душевних хвороб*» (Леся Українка). А вот понятие «духовный» словарь определяет как «связанный с внутренней психической жизнью человека, моральным миром, принадлежностью к религии, церкви». Например: «*За духовним хлібом нам нічого їздити в Європу! – обізвалась одна лиса голова*» (Нечуй-Левицький) (Словник, 1970: 445-447). Таким образом, понятие «душевный» рассматриваем как некое эмоциональное состояние, которое сигнализирует о благополучном или неблагополучном состоянии организма и психики человека, а «духовный» в широком понимании отображает религиозные стремления, чувства и ценности человека, его внутренний мир.

Фразеологическая система украинского языка отличается разнообразием и большим количеством ФЕ, обозначающих душевные переживания и эмоциональные состояния, которые свидетельствуют о сконцентрированности внимания человека на внутренне-индивидуальном мире и в тоже время о разноплановости языковых средств и вариантности ассоциативно-образного мышления. В авторской картотеке насчитывается свыше 60 ФЕ (30 % от общего количества), обозначающих душевное здоровье человека.

В украинском языке ФЕ о душевном здоровье человека обозначают такие эмоциональные состояния и переживания, как страдание, волнение, гнев, страх, раздражение, грусть, облегчение, успокоение, радость и т. д. Большая часть ФЕ этого типа употребляется с компонентами *душа* и *серце*, на структурном уровне обычно они построены по модели N+V (Кушнір, 2008: 205), что объясняется восприятием души и сердца как активных составляющих эмоционального действия, характер которого обусловлен семантикой глагола.

Рассматривая фразеосемантическую группу (ФСГ) «Душевное состояние человека», выделяем такие фразеосемантические подгруппы (ФСПГ):

ФСПГ 1, обозначающая положительные чувства. Эта группа ФЕ характеризует отношение личности к жизни, деятельности, другим людям, событиям; выражает такие чувства, как удовлетворение, радость, любовь и т. д. В этой ФСПГ 1 мы выделяем фразеосемантические микрогруппы (ФСМГ):

ФСМГ 1, обозначающая чувство радости, например: *душа тішиться, загра-ло серце, душа радіє / серце радіє, на душі гарно / на серці гарно, душа співає / серце співає, легко на душі / легко на серці, розквітати душею / розквітати серцем* и т. п. Приведём примеры из художественных произведений: «*Батько Дніпро тече собі спокійно, і лиси на горах стоять, як на картині художника, – просто душа співає од такої краси*» (Ю. Яновський); «*Ваня ставав навіть чемним, коли на душі в нього було гарно*» (О. Гончар).

ФСМГ 2, обозначающая чувства, связанные с любовью, например: *всім серцем (всією душею), не чути серденька, віддати (покласти) душу, покорити серце, прикипіти до серця; гаряче серце; запалилося серце, серце в'яне* и т. п. Покажем на примерах: «*Долон не винен. Винні сії очі, Не вмів їх погляд мовити – кохаю, Хоч від кохання серце розривалось*» (Леся Українка); «*В'яне серце мое од щасливих очей, що горять в тумані наді мною*» (В. Сосюра).

ФСМГ 3, обозначающая чувство облегчения и успокоения, например: *як камінь з душі звалився, відлягло від серця, відійшло від душі, посвітліло на душі, серце угамувалося, відтанути душею, відійти серцем* тощо. Обратимся к текстам: «*Дівчинка... зашарілася, спалахнула вдячним поглядом і в цю хвилину була така щаслива, що Христі знову розгоднилось на серці*» (Панас Мирний); «*Одним душевним тільки рухом примуси їх підвестись духом, змістовним стати у житті*» (П. Тичина); «*Ломницький... згадав, що зараз побачиться з Марусею і його серце заграло*» (І. Нечуй-Левицький); «*От тільки переболів душею за тебе, голубочко моя*» (М. Коцюбинський).

ФСПГ 2, обозначающая отрицательные чувства. Эта группа ФЕ характеризует такие чувства, как страдание, недовольство, печаль, гнев, волнение и т. д. В этой ФСПГ 2 мы выделяем следующие ФСМГ:

ФСМГ 1, обозначающая эмоциональные страдания и мучения. Семантическое значение ФЕ «мучиться, страдать» актуализирует сему «моральная боль» и выражает интенсивное волнение, например: *скніти душею, тліти серцем / душею, серце сохне, душа / серце каменем лежить* и т. п. Приведем текстовый пример: «*Кажуть – смерть усіх рівняє; кажуть – на тім світі усе навпаки: тут ти скнів душею, там рідитимеш серцем*» (Панас Мирний). В украинском языке ФЕ для обозначения страдания и мучения аналогизируются:

- с чувством физической боли, однако различаются их частотой и продолжительностью (*душа болить / серце болить, душа ниє / серце ниє, серце щемить, душа ятриться, скніти душею*), например: «*Здушили сльози – не виходь на люди. Болить душа – не виявляй на вид*» (Л. Костенко);

- с ощущением потери чувствительности (*серце / душа терпне, німіє, мліє, сохне*), например: «*Я прислухавсь. Найменший шелест або стук і мое серце падає і завмирає*» (М. Коцюбинський); «*Вночі не спить Катря, дитя доглядає, вдень серцем за його мліє, коли робота одірве від його на яку хвилину*» (Панас Мирний);

- с чувством разрушения или деления на части (*серце рветься на шматки (на куски), серце розривається, душа крається, розкрається серце*), например: «*Вона [Пріська] чує голос Пилипів; вона бачить його безпомічного, як він ховає одубілу голову в сніг... серце її рветься надвоє*» (Панас Мирний); «*От краще помиріться з Олександром та живіть, як люди, у згоді! Не крайте мого серця на старість*» (М. Коцюбинський).

ФСМГ 2, обозначающая состояние волнения. Эта группа ФЕ отличается переносом ориентации в пространстве на уровне психики, поэтому лексемы *душа / серце* используются как локомотивы эмоций и переживаний, например: *кидати (кинути) то в жар, то в холод, сколихнути душу (серце), коти шкребуть у серці* и т. п. В этой ФСМГ мы выделяем следующие ассоциативные предикаты:

- ФЕ для обозначения ощущения физической боли (*серце болить, душа ятриться*), например: «*Різні клопоти є. Від одних розцвіта, а від інших ятриться*

душа ніби рана» (І. Нечуй – Левицький); *«Чому ж воно [серце] кров'ю усе облилось І стогне, і плаче, і туже?»* (Олександр Олесь);

- ФЕ для означення тривоги (*душа тривожиться*), наприклад: *«Як він тривожив душу після стількох років розлуки!»* (О. Гончар); *«Брюховецький сам не знав, чого злякався; так уже грішна душа його тривожилась»* (П. Куліш);

- ФЕ с глаголами, семантика которых отображает движение вниз (*серце впало, серце обірвалося*), наприклад: *«Я прислухавсь. Найменший шелест або стук і моє серце падає і завмирає»* (М. Коцюбинський);

- ФЕ с глаголами, которые определяют частоту биения сердца (*серце б'ється, серце загуло, серце тенькає, серце тьохкає*), наприклад: *«– Боюсь, Насте, – косяє очима на двері [Свирид]. – І чого вам боятися? – радісний здогад тенькає в серці молодиці. – А як наскочить Ларіон? Що він подумає?»* (М. Стельмах);

- ФЕ для означення конкретизации действия, возникающего внутри (*перевертається в душі, щемить на душі, гадюка ссе коло серця, на серці миші шкребуть*), наприклад: *«Хведір став навпроти неї, прикро подивився своїми засмученими очима... У Христі серце перевернулося, сльози затремтіли на очах»* (Панас Мирний); *«В голові в мене забриніло вже, а на серці заскребли такі миші, що, здається, зроду ще так не скребли»* (Марко Вовчок); *«Хоч як щемить на душі, та все ж намагаємось не показувати цього один перед одним»* (О. Гончар).

ФСМГ 3, обозначающая чувство страха. Эти ФЕ, с точки зрения семантики, могут выражать:

- Неспособность сердца какое-то время работать (*серце завмирає, серце мре, перестало битися серце*), наприклад: *«Сам собі ходжу я по кімнаті, згадую товаришів, співаю або граю на скрипці, а серце щось помаленьку тисне»* (С. Васильченко);

- изменение состояния (*серце холоне, серце стигне, захолинуло серце*), наприклад: *«– Навіть самі слова – прокурор, тюрма, слідчий – все життя викликали в усьому моему естві дріж і страх. А тепер у мене якась холодна жаба сидить під серцем»* (М. Собко); *«Холоне серце, як згадаю, Що не в Україні поховують, Що не в Україні буду жить»* (Т. Шевченко).

ФСМГ 4, обозначающая чувство гнева и раздражения. Эта группа ФЕ характеризуется специфическим поглощающим действием сердца, наприклад: *серце взяло, серце бере, серце набігає, серце нападає, серце находить* и т. д. Проиллюстрируем текстовым примером: *«Правда, Меланія стрималася, але червоні лапчасті плями на шії свідчили про те, що всередині у неї все кипить»* (І. Вільде).

ФСМГ 5, обозначающая ощущение подавленности. ФЕ этой группы ассоциируются с душевной тяжестью, угнетающим и болезненным чувством, наприклад: *тягар ліг (упав) на серце, тяжко на душі, з важким серцем*. Проиллюстрируем: *«– Мовчить, не говоріть про старе! – урвав його мову Кравцов. – І так наче хто камінь на душу навернув»* (Ю. Бедзик); *«Надвечір Дмитрик помічає, що йому чогось мультко на серці»* (М. Коцюбинський); *«Ніби все правда і все правильно, а десь на серці коти шкребуть»* (М. Собко).

ФСМГ 6, обозначающая недовольство, наприклад: *на серці кипить, в душі закипати / закипіти, шкребе (шкрябає) / зашкребло (зашкрябало) на душі (на серці, за душу, за серце), вогнем (пеклом, полум'ям, чортом, бісом, гаспидом) дихати*. Приведём примеры из художественной литературы: *«– Я умію більше мовчати, у собі гнітити, ніж розказувати перед людьми. Що їм до того, – що на моїм серці кипить?»* (Панас Мирний); *«Терентій, закипаючи в душі, прислухається ще якусь хвилю до музики, яку видобувають з інструмента темні циганські руки»* (М. Стельмах).

Таким образом, вербализация ФЕ, обозначающих душевное состояние человека, зависит от ассоциативно-образного мышления и арсенала традиционных средств языка народа. Лексемы «серце» и «душа» выступают как активные субстанции, выполняющие определенное действие, поэтому семантика ФЕ детерминирована первичным значением глагола – компонента ФЕ.

Анализ показал, что в ФСПГ «Душевное здоровье» входят следующие фразеосемантические микрогруппы: «Положительны душевные чувства» (40 % ФЕ), «Отрицательные душевные чувства» (60 % ФЕ). Исследование этих ФЕ позволяет утверждать, что эти ФЕ являются довольно ярким средством экспликации внутреннего мира человека, придавая речи образность и выразительность.

Перспективу исследования видим в разновекторном анализе ФСП «Здоровье», охватывающего физическое, психическое, душевное состояние, а также социальное положение человека.

Литература

Кушнір, І. Загальне і національно-специфічне у фразеології емоцій / І. Кушнір // Теорія і практика викладання української мови як іноземної. 2008. № 3. – С. 203-210.

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – 288 с.

Удовиченко, Г. М. Словник українських ідіом / Г. М. Удовиченко. – К.: Радянський письменник, 1968. – 461 с.

Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови / Г. М. Удовиченко. – К.: Вища школа, 1984. – 303 с.

Щербатых, Ю. В., Мосина, А. Н. Дифференцировка психических состояний и других психологических феноменов / Ю. В. Щербатых, А. Н. Мосина. – Казань, 2008. – С. 526-528.

Короткий тлумачний словник української мови / [За ред. Д. Г. Гринчишина]. – К.: Радянська школа, 1988. 526 с.

Словник української мови: в 11 т. / Редкол. І. К. Білодід (голова) та ін. – К.: Наук. думка, 1970.

Summary. The article examines phraseological units about person's emotions in the Ukrainian phraseology.

Селиверстова Е. И., Цэн Кунь-цзяо
РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С ЗООСЕМИЧЕСКИМ
КОМПОНЕНТОМ
(в аспекте межъязыковых соответствий)

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет; Тайвань,
г. Тайбей, Университет китайской культуры
Selena754@inbox.ru

Пословицы справедливо занимают особое место в культуре народа. Они представляют собой важный объект исследования, так как в них ярко выражается народная самобытность языка, жизнь людей, их видение мира сквозь призму жизненного опыта, их отношения в обществе и т. д. Они способны прикоснуться к тайнам народной символики, суеверий, традиций и т. д.

Сравнительно-сопоставительное изучение устойчивых единиц двух языков и в их числе – пословиц – имеет достаточно долгую традицию. В частности, она представлена в работах С. Г. Воркачева (1995), К. Григаса (1997), Л. В. Гриченко (2006), Е. Гурбиша (1982), Е. В. Ивановой (2002), М. Ю. Котовой (2003), И. В. Кузнецовой (2002), Тянь Цзюнь (2001) и многих других. Это объясняется перспективой увидеть благодаря сопоставительному подходу на фоне одного языка особенности другого и почувствовать степень их близости/удаленности, получить представление о национально-культурной специфике образного мироощущения народа, об этнических стереотипах. Неродственность языков отнюдь не является помехой для сравнения образного материала, поскольку отнюдь не вся идиоматика наделена национально-специфическими чертами и, следовательно, можно обнаружить общее и в типологически удаленных друг от друга языках, что особенно интересно в плане выявления универсалий. С другой стороны, абсолютная эквивалентность встречается в двух любых языках крайне редко по причине несовпадения техники вторичной номинации и обретения одним и тем же денотатом различного исторического ореола в разных культурах. Хотя и в принципиально разных языках всегда найдется немало способов образной передачи, пусть иными средствами, того или иного смысла.

Обратимся к пословицам двух языков, содержащим зоокомпонент – наименование дикого или домашнего животного. Распространённость зоосемантических стержней в языках многих народов нередко приводит к параллелизму сверхсловных языковых единиц, который может охватить несколько сторон языкового знака.

Опираясь на классификацию межъязыковых соответствий С. Влахова и С. Флорина (1980), ныне традиционную для многих лингвистических исследований и выделяющую на основании сравнения значения, ситуативной характеристики, образной составляющей, лексического состава и грамматической структуры (в учёт могут приниматься также сти-

листическая окраска и коннотативные особенности паремий) ПЕ двух языков три типа соответствий. Назовем последовательно основные виды совпадений и несовпадений в паремиях с зоосемическим компонентом.

1. ПЕ, связанные отношениями полной и частичной эквивалентности. Отношения полной эквивалентности, т. е. совпадение разноязычных изречений по смысловому содержанию, стилистической принадлежности, эмоционально-экспрессивной окраске, образности, компонентному составу и структуре, встречаются, как известно из практики перевода сопоставительных исследований, весьма редко. Нами выявлено всего 3 пары полных эквивалентов. Переносное значение русской *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* и китайской ПЕ¹ букв. *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* мотивировано образом человека, пытающегося догнать двух зайцев сразу, что практически бесполезно. Паремии совпадают не только семантически – ‘если возьмешься сразу за несколько дел, не добьешься результатов ни в одном’, но употребляются в одинаковой ситуации и служат советом не увлекаться, делая дело, и не отвлекаться, а также способны резюмировать неудачный исход попытки сделать несколько дел сразу.

Полными эквивалентами в китайском языке располагает русская ПЕ *Конь о четырех ногах, да (и тот) спотыкается* со значением ‘каждый может ошибиться, оказаться в затруднительном положении’ и типичной интенцией оправдания чьей-л. ошибки, оплошности и паремия *Согласного стада и волк не берет*, нашедшая в китайском изречении совпадение по всем параметрам.

Намного больше параллелей в виде относительных (частичных) эквивалентов, допускающих между собой расхождения в компонентном составе, незначительные изменения формы компонента или структуры устойчивого выражения. Например, количественные расхождения (отсутствие компонентов, указывающих на частоту линьки волка) обнаруживаются при сопоставлении русской ПЕ *Волк и каждый год линяет, да обычая не меняет* и китайской *Волк линяет, да обычая (привычки) не меняет*.

Паремия *Конь узнается при горе, а друг при беде* является аналогом китайской *Конь узнается в бою, а друг в беде*: в обеих ПЕ проводится сравнение важности и верности коня в трудных условиях и друга – в случае нужды, беды, т. е. при обстоятельствах, требующих проявления особых качеств. При сходстве семантики и ситуации употребления ПЕ образный стержень, а следовательно, и лексический состав, немного различаются: надежность коня видится китайцам в его способности проявить смелость, а у русских ценится его выносливость, сила, скорость.

Совпадение логико-семиотической структуры ПЕ обнаруживается и в ПЕ *Конь тощей – хозяин скупой* и китайской *Собака тощая – хозяину будет стыдно*, хотя в одном случае укоризна в адрес скупого хозяина высказывается прямо, а в другом косвенно – зато с введением морально-этической оценки прорицаемого поведения хозяина (*должно быть стыдно*).

При разного рода расхождениях в деталях образной картины можно констатировать отношения частичной эквивалентности и для ПЕ: *У доброй лисы по три отнорка – кит. У хитрого зайца по три отнорка; С одного вола две шкуры не дерут – кит. Взяли две шкуры от одной коровы* и др.

Смысл русской пословицы *Черного кобеля не отмоешь добела* в китайской ПЕ *Черной собаке не стать белой, врагу не стать другом*, состоящей из двух частей, дублируется – передается в прямой и в образной форме: ‘плохое, то, что уже сформировалось, закрепилось, нельзя сделать хорошим, как ни старайся’, что нередко наблюдается в китайской паремике.

При общности мотива, логической структуры и образной картины в целом расхождение в стержневом зоокомпоненте имеют ПЕ *Гусь свинье не товарищ* и кит. букв. *Овца собаке не товарищ*. Подобные пары пословиц уже сближаются с аналогами, однако различие между этими двумя типами соответствий в том, что аналоги допускают полное отсутствие сходства во внутренней форме двух ПЕ, важно лишь соответствие значения, а относительные эквиваленты сохраняют общность в образной структуре пословиц.

---

¹ Китайские паремии приводятся в буквальном переводе исключительно во избежание трудностей шрифтового оформления материала.

2. Семантически идентичные пословицы, обнаруживающие различия в компонентном составе и грамматической форме, образной структуре, состоят в отношениях **аналогии**: *Два медведя в одной берлоге не уживутся* и кит. *На одной горе живет и один тигр*; рус. *Старый волк знает толк* и кит. *Старый конь может знать (знает) дорогу*.

Совпадает смысл и ситуативная характеристика ПЕ *Волков бояться – в лес не ходить* и кит. *Волков и тигров бояться – на горе не жить*: ‘если страшиться предстоящих трудностей, опасностей, то нечего и браться за дело’. Пословицы в отношении компонентного состава совпадают лишь отчасти: различно указание на место проживания опасного животного (*лес* и *гора*). Кроме того, в китайской ПЕ использованы 2 зоокомпонента – *волк* и *тигр*.

Аналогичны и паремии *Старый конь борозды не испортит* и кит. *Старый конь не потеряется*, в которых переносный смысл формируется на основе разных образных представлений, связанных семантикой безошибочности поведения – правильно проведенной борозды и легко найденной дороги.

Специфика китайских пословиц иногда проявляется в том, что при сходстве семантики и характеризующих ситуаций они более пространны по сравнению с русскими, например: *Волка ноги кормят* – кит. *Зайцу важны ноги, волку – зубы. У каждого свой способ (средство) жить*. Китайская ПЕ состоит из трех частей, причем две первые содержат наблюдения за разными животными, имеющие буквальный смысл, а третья представляет собой своего рода философское заключение, выводимое из предыдущего.

Интересно китайское речение букв. *Как только вышли из водоёма дракона, так попали в пещеру тигра*, включающее зоокомпоненты, отсутствующие в пословицах русского языка. В качестве аналога ей соответствует поговорка *От волка бежал, да на медведя попал* со значением ‘едва избежал одной опасности, как встретился с другой’. Разные зоосемические стержни и лексический состав формируют, тем не менее, сходную логическую структуру и семантику.

Пословицы *Лиса и во сне кур считает* и кит. *Лиса пасет кур, и куры постепенно теряются* относятся к периферии аналоговых соответствий, поскольку и образ, и значение двух ПЕ несколько отличается. Важным, однако, является логическое противопоставление «хищник – жертва» (*лиса – куры*) и мотив опасности *лисы* для домашней птицы – *кур, уток, гусей*. Близким в нем является и другое речение: *Заговелась лиса – загоняй гусей*.

Обращают на себя внимание пары паремий, соотносимых в некоторой степени по образности, но различающихся по значению, например: *Отольются кошке мышканы слезки; Отольются волку овечьи слезки* и кит. *Овца (козел) не состоит в родстве с волком; мышка не состоит в родстве с кошкой*, объединившая в своём составе обе пары животных. В семантическом отношении русские ПЕ со значением ‘обидчик будет наказан’ удалены от китайской, в которой по-иному, но тоже акцентируется противопоставление опасного хищника беззащитной жертве: ‘между ними нет и не может быть ничего общего’. Пословицы отражают и разные ситуации: в русской выражается надежда на справедливость; китайская пословица лишь констатирует существующие отношения между обидчиками и обижаемыми.

Таким образом, аналоговые соответствия могут быть отнесены к центру или к периферии в зависимости от степени близости или удаленности ПЕ двух языков друг от друга.

Для ряда китайских или русских пословиц могут быть приведены аналоговые соответствия другого языка, не имеющие в своем составе зоокомпонентов. Например, китайской ПЕ *Он по отношению к тебе родной брат; как узнаешь, не станет ли он волком* приблизительно соответствует русская *Не верь своему брату родному, а верь своему глазу кривому*, советующая не доверять никому, кроме самого себя.

Аналогом ПЕ букв. *Змея кусает тебя однажды, а десять лет еще боишься веревочки* могут служить русские выражения *Пуганая ворона куста боится* и *Обжегшись на молоке, дуешь и на воду*, где какие бы то ни было зоосемизмы отсутствуют. Ср. также: *Конь о четырех ногах да спотыкается*, располагающая китайским эквивалентом (см. выше) и аналогом: *Хотя обезьяна хорошо лазает по деревьям, она тоже иногда падает с дерева*.

3. Третью группу составляют ПЕ, присутствующие только в одном из языков, т. е. **безэквивалентные пословицы**. Назовем лишь некоторые ПЕ русского и китайского языков, демонстрирующие яркие в культурно-страноведческом отношении паремии с разными зоокомпонентами.

Так, во всем блоке китайских ПЕ с зоокомпонентами нет семантического – а это наш главный критерий при сопоставлении пословиц – соответствия для русских речений *Бодливой корове бог не дает рогов, Ласковое теля двух маток сосет; Не дай бог свинье рог, а мужику барства; Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела; Доброе слово и кошке приятно; Любовь зла – полюбишь и козла; Одна паршивая овца все стадо портит* и многие другие.

В свою очередь отсутствуют паремиологические параллели для китайских ПЕ букв. *Лучше спасти сто овец, чем одного волка, Три года ездил верхом и наконец узнал, какой характер у лошади, Чтобы бить собаку, нужна сабля для тигра.*

Конечно, об отсутствии пословичных соответствий можно говорить в данном случае лишь с известной долей условности, поскольку в качестве параллели можно, вероятно, найти ПЕ другого языка, не содержащую зоокомпонентов. Ср. характеристику лицемера, даваемую пословицами – китайской *В лицо человек смеется, а в сердце у него нора змеи* и русской *По бороде Авраам, а по делам хам.*

Следует отметить и тот факт, что в отличие от всех прочих «пословичных» животных, представленных, хотя и в разной степени, в ПЕ обоих языков, отмеченными национальным своеобразием можно считать *тигра* и традиционного для китайцев *дракона*, поскольку в русских пословицах они не представлены совсем: это свидетельствует о нетипичности этих «животных» и отсутствии у русских наблюдений за их жизнью, повадками и проч.

Второй аспект, привлёкший наше внимание при сопоставлении ПЕ двух языков, – это учёт антропоцентричности пословиц, т. е. их направленности на характеристику человека и его свойств, оценку его способностей. ПЕ русского и китайского языков не составляют в этом смысле исключения: как образные единицы они ориентированы в целом не на показ особенностей животного мира, а предназначены преимущественно для квалификации достоинств, а чаще – недостатков человека.

Попытка выявить в анализируемых ПЕ определённые семантические акценты позволила выстроить некоторую классификацию свойств и качеств человека. Причём почти все черты, характеризующие в одном языке, присутствуют в другом. Ср., например, некоторые положительные качества:

	Рус. ПЕ	Кит. ПЕ
Добрый	<i>Хоть шуба овечья, да душа человекья.</i>	
Осторожный, предусмотрительный	<i>У доброй лисы по три отнорка. Лиса своего хвоста не замарает.</i>	<i>Змея кусает тебя однажды, а десять лет еще боишься веревочки.</i>
Опытный	<i>Старый конь борозды не испортит. Не первая зима волку зимовать. Старый волк знает толк</i>	<i>Старая лошадь вспомнила дорогу домой; а старый человек узнал житейскую мудрость.</i>
Ласковый	<i>Ласковый теленок двух маток сосет.</i>	
Постоянство	<i>Волк линяет да обычая не меняет. Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит.</i>	<i>Хотя заяц бежит всюду по горам, в конце прибежит домой.</i>

Более широко представлены в пословицах отрицательные черты. Приведем некоторые ПЕ, характеризующие негативные качества:

Хитрый	<i>Заговелась лиса – загоняй гусей; ср.: волк в овечьей шкуре</i>	<i>Овчина не может скрыть волчье сердце Хитрый как девятихвостая лиса; ядовитый как двухголовая змея.</i>
Трусливый	<i>Молодец против овец, а против молодца и сам овца</i>	<i>Крепкий как бык; а трусливый как мышь.</i>

Глупый	<i>Осел на осла, дурак на дурака. Ср.: метать бисер перед свиньями</i>	<i>Читаешь библию перед быком.</i>
Скупой, жадный	<i>Конь тощей – хозяин скупой. Взял корову, просит и подоинок Две шкуры с одного вола не дерут</i>	<i>Получил дорогого жеребца, еще хочешь получить его маму Человек с жадным сердцем как змея, заглатывающая слона</i>
Скрытный	<i>Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит да хвостом виляет</i>	<i>Кусачая собака не показывает свои зубы.</i>
Опасный	<i>Человек человеку волк. Бодливой корове бог рог не дает. Лиса и во сне кур считает. От чёрта крестом, от свиньи пестом, а от человека ничем.</i>	<i>Если хочешь пощупать зад тигра, надо прежде понять его нрав Сопроводить короля как сопроводить тигра</i>
Прожорливый	<i>И одна корова, да жрать здорова</i>	<i>Ест как корова, работает как черепаха</i>
Плохой, ущербный	<i>Одна паршивая овца все стадо портит</i>	<i>Одно зёрнышко кала кошки испортит целую кашу (суп).</i>
Ленивый	<i>Кляча воду возит, козел бородой потряхивает.</i>	<i>... (Свинья только спит, и будет жирной, а человеку придется квартиру продать.)</i>
Неблагодарность	<i>Выкорми змейку на свою шейку</i>	<i>Спаси утопающую собаку, и она укусит тебя позже.</i>

Большинство приведенных ПЕ воспринимается как яркие образные выражения, характеризующие разнообразные свойства человека. При этом одна и та же ПЕ может обладать не одним, а несколькими семантическими акцентами. Например, ПЕ *Как волка ни корми, он все в лес смотрит* может характеризовать постоянство, приверженность определённым принципам или привычкам, но она также отрицательно оценивает человеческую неблагодарность и ту истинную сущность человека, которая обязательно должна проявиться.

Пословицы зоосемантического типа достаточно критичны в отношении человека и часто выражают неодобрение. Нечто положительное отмечается с их помощью сравнительно редко.

Итак, проведенный нами анализ во многом подтверждает выводы, сделанные относительно общих закономерностей в степени сходства и различия в паремиологии неродственных языков. Наличие некоторого количества пословичных соответствий (77 пар эквивалентов и аналогов – из проанализированных 479 русских и 520 китайских пословиц) подтверждает возможность совпадения фрагментов языковой картины мира даже у народов, никак генетически не связанных.

Среди всех видов паремиологических соответствий преобладают параллели в виде аналогов. Наибольшую же группу составляют безэквивалентные ПЕ. Утверждая это, мы исходим из невозможности полного охвата всего паремиоматериала и, следовательно, допускаем возможность некоторого искажения реального положения вещей. Наличие в паремике многих интернациональных мотивов, реализуемых в самых разных языках (ср. «невозможность ужиться вместе двум схожим в чем-либо животным»), позволяет рассчитывать на то, что этот мотив найдет своё выражение и в китайских (или в русских) пословицах. Вместе с тем отсутствие пословичных соответствий в одном из языков может свидетельствовать об актуальности или неактуальности выражаемых в ПЕ смыслов, об исторически сложившемся восприятии носителями языка окружающего мира. Следует, однако, помнить и о неравноценности русских и китайских лексикографических источников.

Литература

Воркачев, С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии / С. Г. Воркачев // Филологические науки. 1995. №3. – С. 56-67.

Григас, К. Литовские пословицы. Сравнительное исследование / К. Григас // АН ЛитССР, Ин-т лит.яз. и лит. – Вильнюс: Vaga, 1997. – 331 с.

Гриченко, Л. В. Русские и английские пословицы побудительной семантики: Автореф. дисс. канд. филол. наук / Л. В. Гриченко. – Ростов на/Д, 2006. – 24 с.

Гурбиш, Е. Сопоставительный анализ анималистической фразеологии русского и польского языков: дисс. ...канд. филол. наук / Е. Гурбиш. – Л., 1982. – 193 с.

Иванова, Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц) / Е. В. Иванова. – СПб.: Филол. фак-т Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2002. – 160 с.

Котова, М. Ю. Очерки по славянской паремиологии / М. Ю. Котова. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. – 230 с.

Кузнецова, И. В. Славянские устойчивые сравнения, связанные с постами / И. В. Кузнецова // Слово. Фраза. Текст. Сб. научн. ст. к 60-летию проф. М. А. Алексеенко. – М., 2002. – С. 233-242.

Тянь Дзюнь. Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дзюнь Тянь. – Волгоград, 2001.

Summary. In the article parallels between the Russian and Chinese proverbs including components, being names of animals are defined. It allows to find similarity and distinctions in a paremiological picture of the world of two very various ethnoses and symbolical character of images of certain animals.

Сизова Ю. О.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Р. Л. СТИВЕНСОНА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
julsiz@yandex.ru

Активное развитие плодотворного взаимодействия фразеологии и когнитивной лингвистики подтверждается результатами ряда современных исследований, указывающими, во-первых, на возможность применения накопленных фразеологами знаний в целях концептуального анализа, а во-вторых, на решаемость некоторых вопросов, связанных с изучением фразеологизмов, при опоре на опыт лингвистов-когнитологов (Адонина, 2007; Сумбатова, 2009).

Фразеологическая репрезентация художественных концептов рассматривается нами во взаимосвязи уровней, подуровней, видов и способов передачи концептуального содержания. На наш взгляд, фразеологическая репрезентация происходит следующим образом: содержание концептов контекстуально или лейтмотивно передаётся в одном или нескольких художественных текстах эксплицитным или имплицитным образом с помощью определённых типов фразеологизмов, используемых автором в их базовом или периферийном значении.

Изучая передачу содержания художественных концептов фразеологическими единицами на материале нескольких произведений Р. Л. Стивенсона, мы считаем целесообразным выделение однокстового и межтекстового уровней репрезентации, при этом на каждом из указанных уровней следует дополнительно выделить подуровень контекстуальной репрезентации и подуровень лейтмотивной репрезентации.

В процессе исследования **однокстового** уровня фразеологической репрезентации художественных концептов в отдельно взятых произведениях Р. Л. Стивенсона были обнаружены, в частности, следующие особенности: 1) в рассказе «Markheim» репрезентация концептов фразеологизмами характеризуется малой частотностью; 2) фразеологические единицы, репрезентирующие художественные концепты в повести «The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde», содержат в своей семантике, в основном, негативную коннотацию, что усиливает мрачное настроение произведения; 3) «равномерная» репрезентация концептов фразеологическими оборотами в репликах каждого из главных действующих лиц романа «The Master of Ballantrae» наводит на мысль об одинаково высоком уровне образованности персонажей и о принадлежности их одному классу общества, хотя на самом деле члены семейства Дьюри – аристократы, а Маккеллар – их слуга, умело парирующий словесные выпады своих хозяев; 4) в романе «Treasure Island», в котором повествование ведётся, главным образом, от лица юного Джима Хокинса, концепты вербализуются фразеологическими единицами так, что в случае отсутствия у исследователя информации о возрасте этого персонажа анализ репрезентации вполне может привести его к ошибочным выводам о принадлежности соответствующей фразеологической концептосферы сознанию взрослого человека.

Репрезентация концепта «Предусмотрительность» фразеологизмом «*against a rainy day*» реализуется на контекстуальном подуровне однотекстового уровня, так как данный фразеологизм встречается только в одном контексте (диалог Маккеллара и Баллантраэ) и всего в одном из нескольких проанализированных произведений, а именно, в романе «The Master of Ballantrae». Репрезентация концепта «Внимание» фразеологическим выражением «*to set eyes on smb.*» характеризуется лейтмотивностью на однотекстовом уровне, поскольку указанное устойчивое выражение употребляется несколько раз, но только в одном художественном тексте – в повести «The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde».

Межтекстовый уровень репрезентации содержит фрагменты произведений или целые произведения, которые рассматриваются во взаимосвязи их концептосфер. Так, в текстах трёх проанализированных романов Р. Л. Стивенсона на лейтмотивном подуровне осуществляется репрезентация концепта «Цвет лица» фразеологической единицей «*(as) white as a sheet / snow / paper*». В текстах романов «The Master of Ballantrae» и «Treasure Island» наблюдается межтекстовая контекстуальная репрезентация концепта фразеологическим оборотом «*the flower of the flock*». Первый контекст связан с проявлением любви Элисон Грэм к Джеймсу Дьюри, а во втором контексте раскрывается уважительное отношение одного из охотников за сокровищами к знаменитому пирату Флинту.

Исследование межтекстового уровня фразеологической репрезентации на материале проанализированных произведений Р. Л. Стивенсона позволило выявить наличие трансформаций фразеологических единиц, трудности при попытке номинации некоторых концептов, преобладание идиоматических оборотов, репрезентацию концептов фразеологическими единицами, в основном, через реплики персонажей и частотность репрезентации концептов с помощью фразеологических единиц разговорного стиля.

Выделение видов фразеологической репрезентации художественных концептов связано с учётом авторского замысла (эксплицитная и имплицитная репрезентация) и значения фразеологических единиц (базовая и периферийная репрезентация).

Нужно сказать, что **эксплицитно** в произведениях Р. Л. Стивенсона репрезентируется большинство фразеологических концептов. Такова, например, репрезентация концепта «Преступление» фразеологической единицей «*to have somebody's blood upon one's hands*» в одном из эпизодов романа «The Black Arrow», где автор вкладывает укор в слова Дика Шелтона, набравшегося, в конце концов, смелости открыто обвинить сэра Дэниела в убийстве своего отца. Эксплицитная фразеологическая репрезентация концептов нередко прослеживается в тех эпизодах, в которых передаются искренность, смелость, бесцеремонность, неосторожность персонажей (монологи или диалоги действующих лиц), раскрывается желание писателя назвать вещи своими именами или поставить читателя перед сюжетным фактом (слова автора).

В качестве примера **имплицитной** фразеологической репрезентации можно привести репрезентацию концепта «Тактичность» фразеологизмом «*Queer Street*» в повести «The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde». Изначально эта идиома вербализует концепт «Трудности», однако в повести Р. Л. Стивенсона она также определяет границы вмешательства персонажа в чужие дела: когда последние принимают неприятный оборот, мистер Энфилд предпочитает оставаться в стороне от них и не задавать лишних вопросов.

Имплицитная фразеологическая репрезентация художественных концептов встречается в анализируемых текстах не столь часто, как эксплицитная. Данный вид репрезентации обычно реализуется при передаче в тексте таких моральных качеств персонажей, как остроумие или неискренность, либо при наличии авторской иронии / «игры» с читателем.

Одним из примеров **базовой** репрезентации может служить репрезентация концепта с помощью фразеологического оборота «*to put up the shutters*» в рассказе «Markheim». Первое значение этого устойчивого выражения – «приостанавливать деловую активность в конце рабочего дня», а второе – «прекращать ведение бизнеса». Первое значение фразеологизма более всего важно для нас в контексте одного из первых эпизодов данного рассказа: употребляя выражение «*to put up the shutters*», владелец антикварной лавки планирует приостановить продажу редких ценных вещей на время празднования Рождества, хотя в итоге его торговля не возобновляется, потому что Маркхейм убивает его.

Периферийной фразеологической репрезентацией художественных концептов мы называем передачу концептуального содержания фразеологическими единицами в их втором (третьем, и т. д.) значении. По сравнению с базовой репрезентацией этот вид репрезентации встречается в анализируемых произведениях крайне редко. Примером пе-

риферийной репрезентации является вербализация концепта «Деньги» фразеологизмом «*blood money*» в романе «The Master of Ballantrae». У этого устойчивого выражения есть несколько закрепленных за ним значений («плата наёмному убийце», «деньги, выплачиваемые при кровной мести следующему в роду после убитого», «выплата за боевое ранение» и др.), однако нас интересует, главным образом, смысл, вкладываемый в данный фразеологизм Р. Л. Стивенсоном, – «деньги, предназначенные любовнице якобы убитого Джеймса Дьюри».

Рассмотрим далее способы фразеологической репрезентации художественных концептов.

Репрезентация концептов фразеологическими единицами, содержащимися в словах автора и в репликах персонажей. Обнаружено, что фразеологическая репрезентация концептов происходит с разной частотностью в словах автора и в речи действующих лиц. Это объясняется, во-первых, меньшей «разговорчивостью» Стивенсона по сравнению с его персонажами, а во-вторых, немногочисленностью фразеологизмов в авторских словах и их избытком в словах героев анализируемых произведений. Фразеологическая репрезентация концептов в репликах персонажей в большей степени связана с их оценкой (часто негативной) окружающей действительности и друг друга, нежели аналогичная репрезентация в словах автора. К тому же она нередко сопряжена с раскрытием содержания важных элементов концептосферы произведений, в то время как фразеологическая репрезентация в словах автора имеет второстепенное значение.

Отметим, что разделение художественного текста на слова автора и реплики персонажей условно, поскольку авторство всего текста принадлежит писателю; кроме того, затрагивая концептосферу персонажей, мы в действительности имеем дело с авторской концептосферой.

Репрезентация концептов фразеологизмами, разными по количественному и качественному составу. Содержание концептов, вербализуемых фразеологическими оборотами с минимальным количеством слов в составе, активизируется в сознании читателя подчас быстрее, чем в случае его отражения фразеологизмами с большим количеством слов. Также мы приходим к выводу о том, что субстантивные (например, «*the flower of the flock*») и адъективные (например, «*blood money*») фразеологические единицы часто репрезентируют концепты, содержание которых связано с одушевленным / неодушевленным объектом и его характеристикой. Глагольные фразеологизмы (например, «*to know smb to the soul*») вербализуют, в основном, концепты, связанные с поведением и взаимоотношениями персонажей или с развитием событий. Наречные устойчивые выражения (например, «*to be badly used*») нередко передают концепт «Образ действия». Наконец, междометные фразеологические единицы (например, «*Shiver my timbers!*»), как правило, репрезентируют концепт «Эмоции».

Репрезентация концептов разными классификационными типами фразеологических единиц. Проводя данное исследование, мы ориентируемся, в первую очередь, на классификацию фразеологических единиц, предложенную А. В. Куниным (Кунин, 1984: 7). Следовательно, к интересующим нас типам фразеологизмов относятся составляющие двух групп, в первую из которых входят идиомы, фразеоматизмы и идиофразеоматизмы, а во вторую – оценочные, функционально-стилистические и не имеющие общелитературного употребления фразеологические обороты.

Концепты, репрезентируемые оценочными фразеологизмами, объективируются единицами, в которых содержится положительная («*to please the eye*», «*safe and sound*», «*the flower of the flock*», «*to play fair*») или отрицательная («*blood money*», «*a partner in mischief*», «*an old fox*», «*a false idol*») оценка. В процессе анализа произведений Р. Л. Стивенсона обнаружено, что через оценочность фразеологизмов содержание концептов с подобной репрезентацией связано, в основном, с описанием внешности, характера и взаимоотношений персонажей. При этом в описании отмечено преобладание негативной оценки. Данная концептуальная группа является наиболее многочисленной, так как компонент оценочности присутствует в семантике большинства из найденных фразеологических единиц.

Концепты, репрезентируемые функционально-стилистическими фразеологическими единицами, вербализуются фразеологизмами разговорного («*to sneak into heaven*», «*to hold one's tongue*», «*a nut to crack*», «*to save one's neck*») и книжного («*the hand of Providence*», «*the day of judgment*», «*to break bread*», «*a gentleman of fortune*»)

стилей. Заметим, что концептов, репрезентируемых фразеологическими единицами разговорного стиля, в авторской концептосфере намного больше, чем концептов, средствами репрезентации которых служат фразеологизмы книжного стиля. Содержание концептов данной группы связано и с характеристикой персонажей, и с передачей сюжетных событий в рассматриваемых текстах.

Концепты, репрезентируемые не имеющими общелитературного употребления фразеологизмами, объективируются в анализируемой литературе сленговыми устойчивыми выражениями («*to be dog-tired*», «*to take smb. for a fool*», «*a hang-dog look*», «*an ugly devil*»). Нужно сказать, что указанные фразеологические единицы связывают содержание концептов, чаще всего, с изображением недоброжелательного отношения персонажей к другим персонажам и окружающей их действительности. Отмечается наименьшая встречаемость этой группы концептов по сравнению с ранее рассмотренными группами.

Концепты, репрезентируемые идиомами («*to let smth. sleep*», «*to show face*», «*to have the upper hand*», «*for old sake's sake*», «*to be a weight off one's mind*», «*to get milk from a whinstone*»), составляют в концептосфере произведений Р.Л. Стивенсона наиболее многочисленную концептуальную группу по сравнению с двумя другими группами, рассматриваемыми далее. Концепты, репрезентируемые фразеоматизмами («*to balance books*», «*to hazard a guess*», «*to give an account of smth*», «*a deathbed repentance*», «*to know smb to the soul*», «*to welcome smb. with both hands*», «*to have a thirst of pleasure*») – вторая по степени репрезентированности концептуальная группа. Менее всего представлены в концептосфере анализируемых произведений концепты, содержание которых передается идиофразеоматизмами («*put up the shutters*», «*to pull one's ears*», «*to be red in the face*», «*to pay the piper*»).

В заключение отметим, что из всех концептов, содержание которых связано с описанием внешности, морального облика и поступков персонажей, меньше всего в рассматриваемых произведениях Р.Л. Стивенсона представлена концептуальная подгруппа «Внешность». Немного более репрезентированы концепты, в содержании которых раскрываются моральные качества персонажей. Наконец, наибольшее распространение получили концепты, связанные с описанием поступков действующих лиц, их взаимоотношений. Обстановка, в которой происходит развитие сюжетных событий, очень редко передается в произведениях Р.Л. Стивенсона с помощью фразеологических единиц.

Литература

Адолина, Л. В. Фразеология как предмет когнитивного анализа / Л.В. Адолина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2007. №1. – С. 5-8.

Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.

Сумбатова, А. О. Современная фразеология в когнитивном аспекте / А. О. Сумбатова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. Т. 2. №7. – С. 73-75.

Stevenson, R. L. Markheim / R. L. Stevenson. Режим доступа: <http://www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/Mark.shtml>.

Stevenson, R. L. The Black Arrow / R. L. Stevenson. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/848/848-h/848-h.htm>.

Stevenson, R. L. The Master of Ballantrae / R. L. Stevenson. Режим доступа: <http://gutenberg.org/dirs/etext97/blntr10.txt>.

Stevenson, R. L. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde / R. L. Stevenson. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/43/43-h/43-h.htm>.

Stevenson, R. L. Treasure Island / R. L. Stevenson. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/120/120-h/120-h.htm>.

Summary. The article touches upon some features of phraseological representation of concepts in works by R. L. Stevenson. These features include two representation levels and two sublevels as well as several types and ways of representation. The article also dwells on the specific character of the concepts under consideration.

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kejt9@mail.ru

Становление фразеологической науки прошло несколько этапов, каждый из которых отражает лингвистические тенденции XX века. Так, преодолевая догматы системно-структурного направления, господствующего в начале XX века, фразеологическая наука постепенно развивает прагматический аспект изучения фразеологических единиц (ФЕ). Внимание учёных всё больше сосредоточено на проблемах формирования и развития личности и общества, что обусловило кардинальные изменения, произошедшие в лингвистике во 2-й половине XX века. На первый план выдвигается лингвистическая прагматика, рассматривающая отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют отправитель (адресант) и получатель (адресат) текста. Прагматика, таким образом, отражает функциональный подход к языку, базирующийся на положении о том, что язык, прежде всего, средство общения, поэтому в нём органически сочетаются коммуникативный и познавательный аспекты. Интерес к изучению прагматических свойств ФЕ не угасает и в наше время. Об этом свидетельствуют труды Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых, В. П. Жукова, А. В. Кунина, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко и др. «Действительно, вся жизнь человека, осмысленная в категориях общественного сознания, фиксируется, интерпретируется и обобщается в категориях языкового сознания, которые вербализуются системой лексико-фразеологических средств, единицами прямой, не прямой и косвенно-производной номинации. Такие языковые единицы не только именуют, но и выражают в структуре соответствующего коммуникативного акта целую гамму отношений к именуемому эмотивного, экспрессивного и оценочного характера» (Алефиренко, 2005: 30). Это положение указывает на актуальность исследований прагматического потенциала ФЕ в рамках художественных текстов, в которых на первый план выдвигается стремление автора эмоционально воздействовать на адресата (читателя) с помощью наиболее яркой образно-стилистической конфигурации произведения, чему, собственно, и способствуют фразеоцентрические высказывания. Являясь единицами вторичного знакообозначения, фразеологические единицы способны порождать новые ассоциативно-образные смыслы и создавать яркий прагматический эффект всилу своей экспрессивности. Это в свою очередь позволяет рельефнее выразить авторскую позицию и успешно интерпретировать смысл высказывания в конкретном речевом акте. Однако в условиях дискурсивной ситуации, продуктом которой является фразеоцентрическое высказывание, не всегда «камертоны» дискурсивного сознания общающихся настроены на коммуникативно релевантное восприятие сообщения. В итоге в результате когнитивно-дискурсивных преобразований не всегда достигается речемыслительная гармония. Адресат в зависимости от условий дискурсивной ситуации, в которой происходит вербализация смысловой полифонии фразеологических единиц, ищет адекватный своей целеустановке «путь» обратной связи: определенные семы во фразеологическом значении, эксплицитно и имплицитно выраженные коннотации, образы, ассоциации. Ср.: *«Однажды, когда в библиотеке никого не было, я осмелился заговорить с Таней. Точнее, она, утомленная моими восхищенными взглядами, иронично заметила: – Товарищ воин, глазами нужно есть командиров, а не их жен! – Это смотря по какому уставу! – неожиданно для себя схамил я»* (Поляков, 2008). В данном микроконтексте репрезентирован побудительный речевой акт, который относится к такому побудительному действию, как угроза. Отличительной чертой речевого акта угрозы является стремление «обязать, склонить адресата – предполагаемого исполнителя – к своей точке зрения», а также то, что «адресат-исполнитель изначально не разделяет точки зрения адресанта, занимает нейтральную или противоположную позицию, что предполагает возможность сомнения, неподдержки» (Маслова, 2008: 78). В данной дискурсивной ситуации представлены коммуникативная роль инициатора общения, лидера, «начальника» (*жена командира*) и коммуникативная роль «подчиненного» (*военнослужащего*). Такими коммуникативными отношениями мотивирован выбор коммуникативно релевантной иллюкутивной интен-

ции – эмоциональное воздействие на собеседника посредством имплицитно выраженного совета-предостережения **глазами** *нужно есть командиров, а не их жен*. Персонаж выражает свое волеизъявление персонажу-собеседнику и предлагает ему оптимальный с его точки зрения вариант действий. Коммуникативная конструкция **совета** представлена фраземой **есть глазами** кого-либо – ‘пристально смотреть на кого-либо’ и модальной частицей **нужно**, коммуникативная конструкция **предостережения** представлена второй частью высказывания *а не их жен*, подчеркнутой употреблением восклицательного знака и противительным союзом: адресант (персонаж) прогнозирует негативные последствия для адресата (персонажа-собеседника) в случае неисполнения его волеизъявления (пресуппозитивный фон высказывания составляет оппозиция «военнослужащий-командир» и модель ситуации между участниками этой оппозиции – «подчинение военнослужащего командиру, невозможность вхождения в личное пространство командира»). Однако ответная реплика фраземовоспринимающего субъекта разрушает данную модель посредством дерзко выраженной интенции несогласия: *Это смотря по какому уставу! – неожиданно для себя схамил я*. Сложившаяся дискурсивная ситуация предопределяет коммуникативное поведение участников коммуникации: есть некая Таня – жена командира, вероятно, молодая женщина (номинация *Таня* предположительно указывает на возраст), которая вызывает симпатию со стороны военнослужащего (ср. *утомленная моими восхищенными взглядами, осмелился заговорить*). Ироничное замечание героини подчеркивает ее статус и тем самым ущемляет чувства влюбленного героя, который *неожиданно для себя* решил схамить в ответ. Поэтому ответ героя предопределяется условиями дискурсивной ситуации неравного общения. Но, кроме того, в данном высказывании выявлена коммуникативная интенция неодобрительной оценки поведения героя: восхищенные взгляды утомляют героиню. Восстанавливается пресуппозитивный фон высказывания – «не полагается военнослужащему пристально смотреть на жену командира». Отсюда вытекает прагматическое значение превентива (предостережения) – «иначе могут возникнуть негативные последствия».

Итак, особая роль фразем в организации когнитивно-коммуникативного пространства текста обусловлена особенностями их семантической структуры. Прагматическую силу фразеомоцентрическому высказыванию придаёт закодированная в семантической структуре фраземы концептуально-значимая информация. Именно эта информация в художественном тексте предстает как коммуникативно-прагматическая доминанта той дискурсивной ситуации, в условиях которой порождается и раскрывается дискурсивно-обусловленный смысл фразем. Дискурсивная ситуация, в когнитивно-прагматических условиях которой порождаются фразеомоцентрические высказывания, формирует содержание ассоциативно-образного концепта, репрезентаторами которого выступают прежде всего фраземы. Однако осуществление речемыслительного акта становится возможным только тогда, когда фразема превращается в коммуникативно значимый знак, эксплицирующий как общенациональные, так и субъективно-интерпретативные концепты. Ср.: « – Великая Китайская стенка? – с упором на слово «стенка» презрительно спросил Колян Ковалёв, который, верно, почерпнул еще недостаточно знаний от Пелисье и Афанасьева, с чем и **сел в лужу** тотчас же: – Да ну, сказали тоже! Китайская стенка! У меня один знакомый братан купил себе антикварную мебель французскую, и стенку тоже, и кресла... а потом эта стенка ему на башку упала! Оказалось – китайский левак, бодяженный под старину!» (Краснов, 79). В данном примере автор, согласовывая семантику фраземы **сесть в лужу** – ‘оказаться в глупом положении, потерпеть неудачу’ – и когнитивно-прагматическое содержание дискурсивной ситуации «глупое положение» формирует высказывание в интенционально оптимальной субъективно-интерпретативной форме. Тем самым в данной дискурсивной ситуации эксплицируются смысловые кластеры концептов «Глупость» (демонстрация невежества, отсутствие элементарных знаний у героя: *Да ну, сказали тоже! Китайская стенка! У меня один знакомый братан купил себе антикварную мебель французскую*), «Неудача» (герою не удалось показать свою эрудированность: герой почерпнул недостаточно знаний, поэтому **сел в лужу**), «Презрение» (негативное отношение к китайской продукцией: *Оказалось – китайский левак, бодяженный под старину*), «Хвастовство» (стремление показать свою осведомленность в этом вопросе: *Великая Китайская стенка? – с упором на слово «стенка» презрительно спросил Колян Ковалёв. (...) – Да ну, сказали тоже! Китайская стенка!*).

Говоря о прагматической значимости фразем, отметим, что «центральной фигурой вторичного семиозиса выступает языковая личность, текст создается и воспринимается субъектами дискурса» (Алефиренко, 2009: 248), поэтому самой главной целью автора является выбор того образно-стилистического фона произведения, которые доступны читателю для понимания, поскольку «говорящий может только тогда успешно осуществить намеченный речевой акт, когда он уверен, что прагматический контекст удовлетворяет условиям этого речевого акта» (ван Дейк, 1989: 26). Таким образом, репрезентация фразем в художественном тексте мотивирована *коммуникативными интенциями* автора, предопределяемыми не только обобщённо-образным представлением о дискурсивной ситуации, но и «образом» получателя, т.е. читателя (для внешней коммуникации) или персонажа (для внутренней коммуникации). Ср.: «Предвкушая плотный ужин, я отправился к ближайшему пункту покупки и продажи акций АО ДДД и обнаружил там гигантскую толпу, скандирующую: «Свободу Диме!» (...) Поговорив с людьми, я выяснил некоторые обстоятельства, возникшие в период моих суицидальных исканий и потому мне неизвестные. Тем более что мой телевизор тихо угас два месяца назад, а денег на ремонт не было. Газет же я не покупал, экономя **на пельмень насыщенный**» (Поляков, 426). Автор, опираясь на возникший в сознании образ дискурсивной ситуации и собственные коммуникативные интенции, выбирает оптимальную для когнитивно-прагматического содержания данной дискурсивной ситуации структурно-семантическую конфигурацию фраземы – **пельмень насыщенный**. Таким образом, описывая дискурсивную ситуацию «затруднительное положение», автор трансформирует фразему **хлеб насыщенный** – ‘необходимые средства для жизни, для существования’, чтобы подчеркнуть не только затруднительное положение героя, но и указать на способ существования человека в определенную культурно-историческую эпоху. Поэтому, восстанавливая пресуппозитивный фон высказывания, становятся очевидными а) затруднительное положение героя (*экономя на пельмень насыщенный*); б) особенности культурно-исторической эпохи (распространение в XXI в. таких продуктов питания, как полуфабрикаты, среди которых *пельмени* пользуются особой популярностью) в) холостяцкое существование героя (женатый человек, скорее всего, только в исключительных случаях питался бы полуфабрикатами).

Таким образом, ФЕ обеспечивают всему высказыванию, тексту яркий прагматический эффект за счёт своей семантической организации, экспрессивности. Фраземы по своей сути прагматически ориентированы, поскольку их репрезентация в художественном тексте мотивирована «образом» получателя (читателя), направлена на достижение коммуникативного взаимодействия между всеми участниками речевого общения. Прагматическая сила фразем раскрывается в условиях определённой дискурсивной ситуации, в которой превращается в коммуникативно значимый знак, эксплицирующий авторские интенции, общенациональные и субъективно-интерпретативные смыслы.

Литература

- Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
- Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
- Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / ван Т.А. Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Маслова, А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие / А.Ю. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 152 с.
- Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков. Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

Источники

- Краснов, А. Апокалипсис для шутников: Фантастический роман. – М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2004. – 390 с.
- Поляков, Ю.М. Россия в откате: Пьесы, публицистика / Ю.М. Поляков. – М.: ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2004. – 478 с.

Summary. In the given article the communicative pragmatic properties of the phraseologies and their function in the literary text are viewed. The capability of the phraseologies to produce bright pragmatic effect and to express the communicative intention of the author is described.

Скокова Т. Н.
ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЛЯТИВНОСТЬ И ИДИОМЫ
КАК СРЕДСТВО ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ¹

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
skokova@bsu.edu.ru

Средства интериоризации и семиотизации познаваемого мира в процессе «опредмечивания» концептуальной картины мира (его денотативно-сигнификативного образа) в семантическое пространство естественного языка выявляет **система реляций**. Основные перцептивные категории (физические и психические данности) детализируются и уточняются в слоях концепта в зависимости от образа мира. Образ мира понимается нами, вслед за Н. Ф. Алефиренко, как «основа субъективного миропонимания, результат системной духовной активности человека по освоению всей своей предметно-практической деятельности. Такого рода субъективный образ объективной действительности, оставаясь образом реального мира, непременно подвергается семиотизации, объективируется разными подсистемами языковых знаков, которые, не будучи зеркальным отражением реальности, творчески ее интерпретируют и после такой герменевтической обработки вводят в уже сложившуюся систему мировосприятия» (Алефиренко, 2010: 102). **Категоризация** рассматривается как осуществляющаяся базовой бинарной **оппозицией: имена, объективирующие физические данности**, имеющие категориальные семантические признаки: конкретность, неодушевленность, нелицо, исчисляемость, качественная определенность, объективная форма существования материи, параметрические признаки (Семенова, 2000), наличие, открытость, закрытость границ (см. Лебедева, 1997; Филиппенко, 2000), стабильность во времени и др. (Кубрякова, 2004), формирование семантики которых в основном осуществляется с опорой на зрительно воспринимаемые признаки, **имена, относящиеся к вербализации психических данностей**, категориальными признаками которых являются обтекаемость, растяжимость; не субстанция, а **отношение** явлений, а также определённая закономерность опыта. Конфигурация знаний субъектом понятийного осмысления «предполагает их концептуализацию и категоризацию в рамках абстрактных концептуально-категориальных характеристик» (Магировская, 2012: 123). Когда «элементы» опыта выступают для нас в объективной, общезначимой закономерности, комплексы этих элементов называются «физическими телами», когда закономерность иная, необъективная, необщезначимая (именно ассоциативная), комплексы называются «психическими» (Богданов, 2003: 53).

Попытаемся путём анализа идиом, образующих фразеологическую периферию, выделить слои концепта «Жизненное пространство личности», являющегося субъективно-объективным восприятием мира. И. П. Шкуратова пишет: «Жизненное пространство личности определяется не столько теми материальными благами, которыми она владеет, сколько знаниями о мире, и возможностью влияния на процессы, в нем происходящие. Так, например, физическое пространство жизни человека могут составлять десятки квадратных метров, но его жизненное пространство может распространяться до космических пределов. Широта жизненного пространства всегда связана с масштабом мировоззрения данной личности» (Шкуратова, 2007: 171). Познавательный опыт во фразеологическом концепте (термин: Алефиренко, 2010: 25) представлен тремя группами образов. «Образы – это субъективные феномены, возникающие в результате предметно-практической, сенсорно-перцептивной и мыслительной деятельности.... Это целостное, интегральное отражение действительности, в котором одновременно представлены основные перцептивные категории (пространство, время, движение, цвет, форма, фактура и т. д.) (Запорожец, 1986: 152).

(1) **Отражение в сознании законов внешнего мира в процессе взаимодействия с ним индивида.** Это образы, которые позволяют ощущать себя определяемым чем-то внешним, природным, тем, что вне нас («под «вне нас» я имею в виду «внешние нашим сознаниям» (Дж. Э. Мур). Одним из аспектов языковой категоризации

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

является выделение отдельных единиц человеческого опыта, вербализованных именами с *пространственным* значением. Категориальное пространство этого уровня фразеологического концепта имеет в первую очередь признаки, объективируемые лексемой *мир*. Между категориальными пространствами устанавливается **отношение противопоставления**: «планета земля – человечество, индивид»: *во всем мире, крещеный мир, православный мир, всем миром*; «этот мир – другой мир, стоящий выше этого мира»: *растительный, животный, органический мир, жить в миру, мир праху (душе), мир ему (умершему) и т. п., пусть мирно покоится, сильные мира сего, не от мира сего*. Это отношение выражает невозможность дать ответ на вечные вопросы, волновавшие ум человека: есть ли мир совокупностью эмпирических явлений или положительной полнотой бытия, что есть вечное в мире и что есть тленное в нём, о его ценностях, о вневременном содержании и пр. Категориальными пространствами выступают также «природа как основополагающая форма существования материи, которая не зависит от человеческого сознания» и «природа человека», между которыми устанавливается отношение **принадлежности**: *на лоне природы, от природы, природа вещей, человеческая природа*. Отношение **принадлежности** транслирует следующие смыслы: деятельность человека, его мозга, относясь к предметному миру, системе процессов в этом мире, должна совпадать с содержанием активной преобразовательной энергии самого предметного мира, чтобы не уничтожить первичные данности, то, что значимо для двух сторон выявленного отношения (ср. *игра природы, голос природы, дети природы* и др.).

Еще одно категориальное пространство – «бытовой фон, на котором непосредственно совершаются различные события», о котором Дж. Гибсон писал в своей работе «Восприятие как функция стимуляции» и «Бытовой фон суть жизневосприятие человека». Следует заметить, что топонимы формируют общую смысловую зону: совокупность элементов, удалённых в пространстве, которые находятся между собой в тесных отношениях, в особенности это касается таких признаков категориального пространства концепта, как 'географическая область', 'местность', 'район', 'деревня', 'город', а также других, выражаемых пространственными номинациями: *на деревню дедушке, ни к селу ни к городу, вечный город, старый город, вольный город*.

«Человек выровнял землю, вымостил её, покрыл крышами и заключил в стены, проявляя при этом большую склонность к прямым краям, ровным и плоским поверхностям, прямым углам. Такая цивилизованная среда отличается во многих отношениях, но не в принципе от естественной среды, в которой развивался его биологический вид» (Гибсон). Пространственные зоны – это внутренняя жизнь индивидов, то есть через топонимы как один из древнейших пластов лексики осуществляется прикосновение к самому для персонажей заветному, сокровенному: их событийному индивидуальному жизненному пространству (*привязывать/привязать к дому, мир дому сему, отчий дом* и др.). В данном случае объективируется отношение между двумя уровнями познавательного опыта, которое можно назвать **отношением структурного сопоставления**, а порождаемый смысл состоит в том, что эти пространственные зоны являются отражением мироощущения, кругозора индивидуума: *дом, построенный на песке, отбиться, отойти от дома*.

К категориальным признаковым пространствам концепта «Жизненное пространство личности» относятся также: максимально сложная пространственная структура, полнота пространств и событий, протянутая в бесконечность ('протяженность', 'расстояние', 'простор'), а именно: «природное пространство» и «беспредельность, между которыми существует **причинно-следственная связь**. К когнитивной характеристике базовой онтологической категории как сложнейшего многоярусного образования принадлежит перцептивная «насыщенность» (термин И. Н. Ивашкевича), что является причиной рождения «беспредельной мысли», то есть целой системы представлений: *давать (предоставлять, открывать и т. п.) простор (мысли, действиям)*.

(2) Рассмотрим те реляции, которые устанавливаются между физическими и психическими данностями в процессе приобретения познавательного опыта при влиянии картины мира, являющиеся базисом возникновения образов, в которых преобладает проявление нашей собственной природы, а также образы, благодаря которым индивид чувствует, что его Я определяемо чем-то более глубоким, чем природа и психика. Это – духовный опыт, который Вильям Джеймс, один из основоположников научной психологии, определяет как субъективный жизненный опыт встреч с высшей реальностью, чувство

присутствия безграничной тайны в жизни человека, зависимость от невидимого порядка вещей (У. Джеймс). Специфическая особенность психической проекции характеризуется психологами феноменом вынесения, заключающимся в том, что психический образ изображает объект находящимся вне носителя изображения, чего нет при физическом изображении. Юнг считает, что психическая энергия часто проявляется в форме человеческих ценностей (иногда осознанных, иногда неосознаваемых), указывая на тонкую и изменчивую природу психического: целое, но фрагментированное; нефизическое, но временами инстинктивное; субъективно переживаемое и тем не менее объективно реальное, выходящее за границы человеческого субъекта (Юнг, 1995). Назовем ряд перцептивных признаков, которые составляют когнитивную основу для перехода в область переживаний, то есть, как они с помощью реляций объективируются в восприятии. Так, концепт «Жизненное пространство личности» содержит также признаковый уровень, который характеризует предметы и явления со стороны **времени**. Категориальные пространства рассматриваемого слоя фразеомобразующего концепта «длительность, последовательность, включающие совокупность секунд, минут, часов, дней, недель, лет» и «связанность содержательного наполнения жизненного пространства с настоящим, прошлым и будущим»: *древнейшие, далёкие и т. п. поколения, первое, второе, третье и т. п. поколение, из поколения в поколение, от поколения к поколению, из рода в род* и др. С помощью идиом эксплицируются признаки категориального пространства «промежуток времени в истории, в жизни» и «жизнь с её наполненностью событиями». Ведь чаще всего события являются в жизненном пространстве средствами измерения времени: *без времени состариться, поседеть, в одно прекрасное время* и др. В рамках характеристики категории времени необходимо рассмотрение такого **отношения**, как «**раньше, чем**» – «**позже, чем**». В физическом смысле время имеет следующие свойства: направленность, одномерность, относительность и др.: *время длится, измеряется, проходит; ход времени, течение времени*. Применительно к психологическому времени метафора «течь» (*время словно вода, сквозь пальцы сочится время, время как песок, с течением времени, годы текут, время истекло* и др.) значит: «от более раннего к настоящему, то есть «текущее» метафорически выражает отношение «от раннего к позднему». Языковые средства эксплицируют признаки категориальных пространств «динамичность времени» и «модификация жизненных ориентиров». Между динамическими временными процессами и наступлением эволюционных событий в процессе получения познавательного опыта устанавливается **отношение последовательности**, которое нарушаться не может подобно тому, как и по причине невозможности поменять местами прошлое и будущее: *в свое время, время мне не повернуть* и др. Порождаемый смысл: индивидуум активно взаимодействует со своим окружением (*время зажечь костры*), оценивает это взаимодействие, формирует ориентиры и следует им в этих условиях (*время жить, время думать*), определяет свои возможности в достижении поставленных целей, выбирает доступные средства и приводит в действие одно из них, оценивает эффективность и последствия своих действий, подтверждает, пересматривает или отказывается от своих целей и средств: *в скором времени, со временем, сквозь время, новое время* и др.

С. Л. Рубинштейн открыл в отношении связи сознания и деятельности принцип специфичности времени жизни людей: особенность в том, как конструируется «время – пространство» жизни сознанием. Здесь показывается имманентная личности темпоральная организация и «Я-переживания (мышление, чувствование, волнение) или психические переживания, а также в качестве способностей или *Habitus* (Гуссерль 2005: 310). Опыт даёт психическое как некий несамостоятельный слой бытия людей, которые в основном слое своего бытия представляют собой, по его же словам, физические реальности. См. такие примеры, как: *время к нам неумолимо, время города и горы стирает в труху, всему своё время, время не щадит, время безжалостно, время не ждёт* и др.

Психологи и философы утверждают (см., например, работы А. Грюнбаума), что переживание В может быть психологически позже, чем переживание А. В момент речи обладание фактически большим количеством воспоминаний или большим количеством информации позволяет воспринимать эту информацию как истинную, то есть это тот момент времени, который является психологически более поздним. Это, на наш взгляд, касается обобщений, основанных на анализе событий, переживаемых ранее: *время решает всё, до поры до времени, время лечит, время покажет (свое)* и др. В примерах: *время работает на кого-л., время романтиков, ещё не прошло наше время, дух времени, знаме-*

ние времени и др. выражено **инклюзивное отношение**, которое порождает следующий смысл: жизненные цели человека влияют на его мировосприятие, он, осваивая жизненные ситуации, приобретает опыт, применяет его затем, включаясь в социальную реальность. В рассматриваемых идиомах вербализованы также признаки категориальных пространств «необратимость физического времени» и «обратимость психологического», и это **отношение «обратимость – необратимость»** суть возникновение у человека иллюзии, что существует возможность обратить ход времени так же, как посредством обратной операции, по Ж. Пиаже, мысль может вернуться к начальному (исходному) моменту рассуждений (*время мудро, время рассудит*). Здесь объективируется также **отношение противопоставления бесконечного и конечного**: *тянуть время, убивать (убить) время, время остановить, время терпит, время не терпит, время торопит, остановилось, до времени, (разг.), раньше времени, в своё время, с незапамятных времён, во все времена* и др.

Важно, на наш взгляд, исследовать также совокупности образов, которые формируют континуумы, в которых предметы и явления характеризуются со стороны таких категорий, как **форма и цвет**. Категориальные пространства рассматриваемого концепта «форма как организация и структура внешнего образа вещей и явлений объективной действительности, свойства структурности, правильности» и «стремление дополнить контур до целого» образуют стороны **отношения замкнутости**: *приобретать, принимать какую-л. форму, форму чего-л.; придавать какую-л. форму, форму чего-л., терять (свою) форму, (свои) формы, формы жизни, облечь в какую-л. форму, делать что-л. по всей форме (во всей форме), по всей форме, быть в хорошей, отличной, плохой и т. д. форме, приходиться, входить в форму*. Чтобы получить полный образ необходимо замкнуть структуру, достроить незаконченный образ, дополнить до целого, получить четкую форму (прегнантность, по Вертгеймеру). Как познавательную активность особого рода следует понимать при этом предположения, интуицию (фантазии, убеждения, веру).

Язык, являясь системой репрезентации знаний и подвергая категоризации то, как организован мир и человек, выполняет гносеологическую функцию. Одним из средств познания является цвет. Для понимания собственно психологических теорий цвета представляют интерес работы «Учение о цвете» И. В. Гёте; «Мои незначительные мысли о цвете» Дидро; «Философия искусства» В. Шеллинга, «О зрении и цветах» А. Шопенгауэра, «О духовном в искусстве» В. Кандинского и др. У Гёте каждый цвет – это ступок эмоциональной сущности, цвет для Гегеля – символ определенных идей, категорий, вечных начал. Основными реляциями между образами в двух категориальных пространствах: «качество цвета, выраженное в ощущении того или иного цвета» (по Бергсону) и «цвет как восприятие (психическое), цвет, отличающийся от белого и чёрного, символ силы, выразительности, жизни, иерархия гармонических взаимосвязей, продукт, вызывающий эмоции» являются **реляции сходства**. В исследованиях гештальтпсихологов было показано, что в реальной жизни воспринимается, как правило, не чистый цвет, но соотношение цветов. Сходство определяется не по количественным признакам, а по качеству, внешнее восприятие проходит через рациональную рефлексию. *Зелёный возраст, зелёная юность* – цвет жизни, которая наполнена животворящей силой. Зеленый цвет П.Флоренский называет первоцветом, считая, что есть всего три первоцвета, через которые София предстает людям и которые символизируют три её ипостаси: сине-фиолетовая София – мировая душа, духовная суть мира, красно-розовая – образ Божий для твари, явление Бога на земле, зелено-золотистая – ни к Богу, ни от Бога, а вокруг него. Бодрость и жизненность выражают яркие тона. Ср.: *белый свет, довести до белого каления, тоска зеленая, напиться до синего дыму, видеть всё в чёрном цвете, кровь с молоком* и множество других. Воспринимающий субъект видит мир и получает опыт, в том числе и духовный, не как набор неопределённых образований, а как систему, состоящую из четких образов, что объясняется структурированностью восприятия, цвет при этом играет немаловажную роль, например, зависть ассоциируется с чёрным цветом (*чёрная зависть*), красный связывается с особенностью поведения быка (*красная тряпка для быка*) и выражает степень гнева людей; двойственное значение красного цвета для европейцев – это и опасность, угроза и одновременно праздник (*красная чума, красный день календаря*) и др.

(3) Для создания своего актуального жизненного пространства (см. работы К. Левина, С. А. Стрекалова и др.) человек должен иметь представление о мире в целом, о картине мира. Еще один тип познавательного опыта – опыт, включающий нормы (на-

пример, в сфере морали, этики), приобретаемые в течение жизни отдельного индивида или всего человечества. Рассмотрим слой фразеобразующего концепта «Жизненное пространство личности», который представляет собой совокупность образов, связанных с категорией **движения**. Основными категориальными пространствами являются «изменение местоположения» и «изменение информационного и энергетического континуумов». За основу при анализе последнего можно принять положение В. А. Ганзена о том, что язык информационной системы человека – это мысли, образы, представления, внутренний диалог, вспышки интуиции, а язык энергетической системы – эмоции, чувства и желания. Представления способны пробудить в нас чувство реальности того, во что мы верим вопреки здравому смыслу, даже в том случае, если это вспышки интуиции и они настолько смутны, что не могут стать образами нашего воображения: *голова закружится от успеха, закружились мысли* и др. Опыт становится базисом идентификации или универсализации, а **отношения расширения и сужения** являются основой того, что отдельные образы жизненных ситуаций связываются воедино, образуя обобщённое представление о жизненном пространстве, то есть, выявляя типичное. Типичное – это замкнутое в схему (см. например, толкование идиом: *лезть без мыла в душу, лезть в бутылку, лезть из кожи вон, лезть на глаза, лезть на рожон*). В итоге исследования лексического значения можно сказать, что наиболее характерными результатами семантического развития является **отношение смещения значения** (в его подтипе **обобщения**, когда процесс семантического развития идёт от обозначения конкретного понятия к передаче значений более обобщённого характера, то есть, расширение – это своего рода направленное движение от узкого к широкому (ср.: *летучий голландец* (о моряке, поклявшемся в сильную бурю обогнуть мыс, преграждавший ему путь, хотя бы ему на это потребовалась вечность. За свою гордыню он был обречен вечно носиться на корабле по бушующему морю, никогда не приставая к берегу; в настоящее время так называют потерпевшее судно, плавающее вблизи от поверхности воды и представляющее опасность для судов) и **сужение значения** как обратный процесс, то есть, сужение – это направленное движение от широкого к узкому: *ветер* (движение, течение, поток воздуха; по силе своей ветер бывает: ураган, бора: шторм в соединении с бурей) и *ветер, ветром подбитый, ветер в поле* (о легкомысленном, пустом человеке). Расширение и сужение отдельных образов жизненных ситуаций и значений слов могут быть следствием различных причин, например, психологических или социальных. Более обычным фактом в языке лингвисты считают сужение значения (M. Breal, Z. Bloomfield, J. Vendryes и др.).

Итак, построение концептуальной модели «Жизненное пространство личности» осуществляется на основе выявления системы реляций, а также соответствующего их выражения в языке между образами, возникающими в процессе приобретения физического и психического познавательного опыта, что является основанием для выявления смысла. Реконструкция отношений и порождаемых смыслов показывает, что в зависимости от конкретных ситуаций сознательной деятельности человека один образ может оказывать интегративное воздействие на другой. Это своего рода взаимодействие компонентов по типу взаимной «насыщаемости» друг другом. Факты «насыщенности» образов физического опыта элементами психического, например, эмоциями, чувствами, свидетельствуют, что в познавательном опыте осуществляется системное взаимодействие всех компонентов. Такой эффект «нагруженности», определяемый с помощью вербализованных признаков единиц категориальных континуумов, необходим для процесса познания и сознательной деятельности человека. Основопологающим принципом категоризации является принцип бинарности, который находит своё отражение в языке не только в процессе социальной, межличностной, но и культурной идентификации. Реляции порождают целую сеть смыслов. Смысловая сеть – это пересечение различных образов реального мира и образов, связанных с уровнями познавательного опыта через реляции как переходами смысловой рефлексии и как основаниями возникновения новой реальности, нового смыслового уровня рефлексии, что позволяет конфигурировать её и делает смысловую сеть сложнее.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта. Наука, 2010. – 285 с.
Бергсон, А. Опыт о непосредственных данных сознания: Материя и память. / А. Бергсон. – М.: Московский Клуб, 1992. – 327 с.

- Богданов, А. А. Эмпириомонизм: Статьи по философии / А. А. Богданов. – М.: Республика, 2003. – 400 с.
- Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
- Ганзен, В. А. Системные описания в психологии. / В. А. Ганзен. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.
- Гибсон, Дж. Восприятие как функция стимуляции / Дж. Гибсон. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1382.html>
- Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. – М.: ИД «Территория будущего», 2005. – 464 с.
- Запорожец, А. В., Венгер, Л. А., Зинченко, В. П., Рузская, А. Т. Восприятие и действие. / А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, В. П. Зинченко А. Т. Рузская. – М.: Просвещение, 1967. – 321 с.
- Ивашкевич, И. Н. Лексическая категоризация / И. Н. Ивашкевич // Когнитивные исследования языка. Выпуск X. Категоризация мира в языке. – Москва-Тамбов, 2012. – С. 174-200.
- Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 2010. – 160 с.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб.: Речь, 2000. – 368 с.
- Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Наука, 1975. – 267 с.
- Магировская, О. В. Категориальная конфигурация знаний / О. В. Магировская // Когнитивные исследования языка. Выпуск X. Категоризация мира в языке. – Москва-Тамбов, 2012. – С. 121-151.
- Мур, Дж. Э. Природа моральной философии / Дж. Э. Мур. URL: <http://www.gazum.ru/naukaobraz/psihfilosofiya/176096-mur-dzh-e-priroda-moralnoy-filosofii.html>
- Тюхтин, В. С. Отражение, системы, кибернетика / В. С. Тюхтин. – М.: Наука, 1972. – 256 с.
- Рассел, Б. Словарь разума, материи, морали / Б. Рассел. – Киев: Port-Royal, 1996. – 365 с.
- Философский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1983. – 837 с.
- Фреге, Г. Логика и логическая семантика: сб. тр. / Г.Фреге. Пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
- Шкуратова, И. П. Личность и ее жизненное пространство / И. П. Шкуратова // Психология личности. Уч. пос под ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 167-184.
- Юнг, К. Психологические типы / К. Юнг. Пер. с нем. под ред. В. Зеленского. – СПб, М.: Ювента, Прогресс-Универс, 1995. – 721 с.

Summary. The article dwells upon ontological relation as a correlation of cognitive and sensuous experience which appears to be the ground for broadening our cognition which is based on the relations acting as mediators abstracted from the original function and characterizing the interdependence of the elements of the conceptual system. It is the source of the generation of the meaning.

Стебунова К. К.

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ*

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
stebunova@bsu.edu.ru

Взаимодействие языка, сознания и мышления, соотношение значения и смысла представляют неугасаемый исследовательский интерес для лингвокогнитивного осмысления механизмов межкультурной коммуникации, особенно когда речь заходит о сохранении в тексте перевода когнитивно-прагматической ауры вокруг создаваемой фразеологизмами художественной картины мира. Совокупность знаний о мире и способы накопления, хранения и представления этих знаний обуславливают специфику языковой личности. «Будучи неотъемлемым компонентом сознания, язык является его инструментом, выступая как посредник между человеком и концептуальной картиной мира, отображае-

---

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2013 гг. №14.А18.21.0993.

мой им в языковых формах» (Телия, 1986: 103). Элементы концептосферы автора художественного произведения закономерным образом фрагментарно реализуются с помощью фразеологических единиц (ФЕ). Задачей любого переводчика при этом становится определение этих ключевых моментов текста и адекватная передача их на другой язык.

Среди основных вопросов возникшей в 50-60-х годах XX века лингвистической теории перевода важное место занимает проблема установления межъязыковых соответствий, вытекающая из понимания перевода как деятельности, нахождение общих способов выражения значений в языковых единицах ИЯ и ПЯ и поиск того, как преодолеть различные способы выражения (Сдобников, 2009: 21). Самое прямое отношение это имеет к переводу ФЕ, процесс перевода которых не сводим к простому перекодированию. Согласно современной коммуникативно-функциональной теории перевода (Швейцер, 1988), «переводчик выявляет на основе функциональных доминант исходного текста лежащую в его основе коммуникативную интенцию и, создавая конечный текст, стремится получить соответствующий этой интенции коммуникативный эффект» (Сдобников, 2009: 23).

Что касается читательского восприятия ФЕ в художественном переводе, то оно несколько затруднено так называемым лингвоэтническим барьером. Любой реципиент в процессе осваивания смысла фраземосодержащего текста, как правило, пользуется определённым набором правил. Для каждого языка этот набор особый (в частности, для русского и английского языков, которые, будучи неблизкородственными, значительно разошлись в грамматике и фраземике), присущий только данной этнокультуре. Другие правила, реализуемые в некотором тексте, воспринимаются им как ошибочные. Всё, что кажется ему странным, непонятным, является сигналом присутствия в тексте языковых феноменов, соотнесённых с неидентичными реципиенту психологическими типами и понятийными структурами (Сорокин, 1977: 166). В отличие от классической художественной прозы, «массовая «художественная» проза универсальна и всё более легко переводится с любого языка на любой», что, по мнению специалистов, является издержками так называемой глобализации (Елистратов, 2009: 181).

Обязательным условием научного анализа перевода ФЕ является их соотнесение, сравнение, сопоставление и противопоставление, поскольку операция сравнения универсальна для человеческого восприятия (Серебренников, 1988: 85). Интерлингвистические связи во фразеологии европейских языков объясняются общностью культурных традиций, берущих свое начало в античности и христианстве – это касается общеязыковой фразеологии. Отсюда следует, что механизмы фразеомообразования в сопоставляемых языках в некоторой степени будут иметь черты принципиального сходства. Межъязыковые фразеологические эквиваленты имеют общие для обоих языков структурные модели: как правило, это сравнительные обороты со сравнительным союзом, глаголы с разными типами управления. Их можно принять за пословный перевод ФЕ, но в отличие от калькирования как способа перевода, эквивалентность отличается тем, что во фразеологическом фонде переводного также существует аналогичная ФЕ. Полная межъязыковая эквивалентность отличает небольшое число ФЕ. Так, например, фразеологические эквиваленты совпадают и в обозначаемом понятии, и в смысловом содержании, и в языковой форме, и в стилистической окраске (ср. **дрожать как лист – to tremble like a leaf; не верить <своим> глазам – not to believe smb's eyes; с ног до головы – from head to foot**).

В связи с этим при анализе переводного текста встаёт вопрос о соотношении переводческих трансформаций и наличии межъязыковых фразеологических соответствий. Различия во фразеологическом составе сопоставляемых текстов обусловлены, прежде всего, особенностями структурно-грамматического и синтаксического строя русского и английского языков. Однако эта сложность преодолима многолетней практикой перевода. Межъязыковые фразеологические аналоги носят больше дифференциальных черт, однако продолжают сохранять отдалённое структурное сходство; появляются более существенные различия в семном составе, в возможной сфере употребления. Так, наряду с фразеологическими аналогами в языке перевода происходит огромное количество трансформаций, причём трансформационный перевод не связан в данных случаях с культурными реалиями русского языка (Ср. фразеологический аналог: *Теперешний псарь Микола, что сидит третьим за мною, и в подмётки ему не годится.* – *The dog boy we've got now, Mikola, who's sitting next but two from me, isn't worth the sole of his shoe.* Трансформационный перевод: *Чартков принялся за дело, усадил оригинал, сообразил*

несколько всё это **в голове**. – *Chartkov set to work, seated his model, and composed a mental picture of the scene*. – Меня так **свыше и вразумило**. – *It suddenly dawned on me* и др.).

Так как ФЕ генетически восходит к понятию (Алефиренко, Золотых, 2004: 113), способы реализации языкового значения во ФЕ являют собой особенности понятийных структур того или иного этносознания. Включение в качестве компонента реалий русской культуры снимает возможность эквивалентности ФЕ (**во всю ивановскую, бить челом, ни знать ни аза, заткнуть за пояс**). В художественном переводе на месте соответствия возникает либо описательный оборот (**double quick time, beg your noble favour, fail to learn a single letter of their alphabet**), либо лексема (**outshine**), либо ФЕ опускается вообще. Таким образом, образная основа многих ФЕ, традиционно трактуемых как этнокультурно окрашенные, в контексте перевода имеет в языке перевода особую форму выражения.

Помимо структурных, а также этноязыковых особенностей бытования ФЕ (связанных с участием в косвенно-производной номинации компонента-культуронима), нельзя не обратить внимание на их функционирование в художественном дискурсе. В тексте ФЕ моделируется с учётом своего инварианта, зафиксированного в словаре, и художественных особенностей языка писателя. Так, у Н. В. Гоголя зачастую встречается обратный порядок слов; для его языка характерна развитая синонимика (ср. *смотреть <прямо> в глаза – глядеть в очи*), употребление ФЕ в значении, отличающемся от общеязыкового. Писатель зачастую вводит в художественную речь не общеязыковую, а модифицированную ФЕ, где вновь появившийся компонент устанавливает необычные, хотя вполне допустимые, ассоциативные связи и рождает новый образ: (**«заварилась дурь почище сна» – заварилась каша; «не пришло в мысль» – приходит в голову; «чист на своей совести» – чист на руку, с чистой совестью** и др.). Представляется очевидным, что такие особенности стиля передать практически невозможно, однако стилистические коннотации восполняются за счёт добавления нефразеологических компонентов, выражающих их периферийную коннотативную семантику.

Несмотря на это, мы наблюдали контексты, в которых переводчик посчитал своим долгом распределить внутреннюю образность фраземы, ср.: **заехать к Сопикову и Храповицкому, означающая всякие мертвецкие сны на боку, на спине и во всех иных положениях...** – ... *as the phrase: 'paying a call on Sopikov – old Wheezer – or Khrapovitsky – the Snorer'; which signifies any sort of log-like sleep on the back, the side and in every other imaginable position*. Переводчик воспользовался приёмом калькирования для того, чтобы раскрыть речевой смысл фраземы Тем не менее, в английском языке существует идиома *up the wooden hill to Bedfordshire* 'отправляться наверх, спать' с тем же самым значением. Фразеомобразование в данном случае происходит по схожему принципу, поскольку лексемы, вербализующие внутреннюю форму русской и английской идиом, ассоциативно связаны с состоянием сна: русские фамилии *Сопиков* и *Храповицкий* образованы от глаголов *спать* и *храпеть* соответственно, а название реально существующего графства Бедфордшир отсылает к слову *bed* – 'кровать'. Почему же автор перевода не использовал здесь приём функциональной замены? Ведь такая замена была бы более понятна и близка англоязычному читателю. Однако надо сказать, что любой переводчик должен критически к подобного рода «совпадениям». Внутренняя форма англоязычной фраземы включает чёткий этнокультурно окрашенный маркер, топоним, и ни к эпохе, описываемой в поэме «Мёртвые души», ни к географическому месту действия, ни к культурной принадлежности автора и его персонажей, отношения не имеет.

Понятие художественного концепта, трактуемого нами как единицу ментальной сферы языковой личности, которая в художественном тексте реализуется комплексом особых смыслов, служащих для воплощения авторских интенций и принципиально лично важных идей, по нашему мнению, позволяет расширить пространство для изучения сферы авторского в оригинальном и переводном художественном тексте. Так, например, рассмотрим художественный концепт «Манилов» и знаменитый фразеологический контекст, описывающий его ядерные смыслы: *Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан ни в селе Селифан. ... а в третью скажешь: «Чёрт знает что такое!» – и отойдешь подальше.* – *There's a certain type of person who is neither one thing nor the other, not fish nor fowl, neither town mouse nor country mouse, as the proverb has it*. Как мы видим, как Гоголь, так и пере-

водчик успешно используют приём градации, однако при этом второй далеко ушёл от оригинала и не стал распределительным ФЕ с компонентами-именами собственными, используя в своей работе аналоговые ФЕ. По языковому материалу оригинального текста довольно ясно узнаётся и эпоха Гоголя, и его индивидуально-авторский стиль (ФЕ с компонентами *бог* и *чёрт* широко используются в гоголевском дискурсе и включены в речевую характеристику персонажей разных произведений). Во многих фразеологических словарях по поводу ФЕ *ни в городе Богдан ни в селе Селифан* даётся отсылка именно к гоголевскому тексту. Тем не менее, задача переводчика по осмыслению, выделению и вербализации ядерных смыслов художественного концепта решена.

В безэквивалентных ФЕ наиболее ярко отражается национальная специфика, отражающая бытовую, этикетную, культурологическую стороны жизни, поэтому для передачи этнокультурно окрашенного содержания необходимо либо заменить национально окрашенный компонент другим, маркированным собственной культурой, либо использовать приём калькирования, либо нивелировать этнокультурные особенности, ограничившись передачей общего смысла высказывания. Как мы объясняли ранее, переводчик был абсолютно прав, пойдя по второму либо третьему пути. Таким образом, необходимо констатировать, что культурные коннотации являются камнем преткновения в процессе перевода этнокультурно окрашенных текстов, коими без преувеличения являются произведения Н. В. Гоголя. Однако стоит заметить, что при переводе фразеологизмов утрачивается лишь денотативная основа ФЕ (ситуация, образовавшая её внутреннюю форму, актуализировав по большей части произвольные её характеристики), а проблема ретрансляции смысла решается за счёт иных лексических средств.

Переводчик Н. В. Гоголя Кристофер Инглиш отмечает, что ему известны как минимум 11 переводов одних только «Мёртвых душ» на английский язык. Существуют также такие переводы, как «Мертвые души» Д. Хогарта, переводы Г. Толстого и И. Хапгуд из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», несколько вариантов переводов комедии «Ревизор», работы М. Бересфорда (1998 г.). Произведения русского писателя переводятся также на немецкий, французский, итальянский языки. Наконец, нужно отметить, что сам Н. В. Гоголь – не только замечательный писатель с неповторимым стилем, но и переводчик. В свете выделенных нами проблем и особенностей перевода согласимся с ним в том, что допустимо «отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе» (Гоголь, 1940: 311).

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): Монография. 2-е изд., испр. и доп. / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2004. – 296 с.

Гоголь Н. В. М. А. Максимовичу, 20 апреля 1834 г. / Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений: В 14 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 10. – С. 310–312.

Елистратов, В. Язык как зеркало эпохи / В. Елистратов // Дружба народов, 2009. – №10. – С. 179–192.

Сдобников, В. В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводе / В. В. Сдобников // Вестник Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. – №2. – С. 19–30.

Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

Сорокин, Ю. А. Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода / Ю. А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – С. 166–174.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

Швейцер, А. Д. Языковые и внеязыковые аспекты перевода / А. Д. Швейцер // Методы сопоставительного изучения языков: Сб. ст. – М.: Наука, 1988. – С. 59–65.

Summary. The article deals with the problem of idiomatic matches between original and translation discourses in the course of analysis of N. Gogol's phraseology. Some ways of idiomatic representation in both contexts are noted.

Тищенко О. В.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОВЕСТИ В КРУГУ СОЦИО-ОЦЕНОЧНЫХ КОНЦЕПТОВ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

(на материале паремий русского, польского, украинского и английского языков)

Польша, г. Люблин, Католический Люблинский университет
Иоанна Павла II
tovris@mail.rv.ua

Реконструкция системы ценностей этноса и способов их представления в языке осуществляется с позиций лингвокультурологии и когнитивной семантики. Этому аспекту посвящён ряд исследований представителей разных школ в России, известных под именем лингвоконцептологии, далеко выходящих за рамки языкознания (уходящих в сферу философии языка, лингвоаксиологии, этики, этнопсихологии и герменевтики).

В центре такого подхода пребывает описание «системы ценностей как одной из составляющих этнических и культурных традиций» (Вендина, 1999: 39). С другой стороны, анализируются семантические и прагматические средства выражения ценностей в польском языковом сознании, а также предпринимаются попытки их систематизации, типологии (Я. Пузынина), а также лексикографического описания в языке народной культуры (Bartmiński, 2007: 214) и в составе фразеологизмов (Байрамова, 2011). Стоит обратить внимание и на обстоятельные исследования на эту тему в украинском языкознании, осуществленные в контрастивной перспективе на материале пословиц и поговорок (Кощуба, 2010), уместно вспомнить и об аксиологизации понятий *времени, греха, кривого, сухого* в языке традиционной народной культуры (С.М. Толстая, Е.Л. Березович и др.). В рамках целостного исследования языковых ценностей польская исследовательница Я. Пузынина предлагает своеобразную модель-матрицу описания этических смыслов в польском языке, которая включает: во-первых, этимологию и развитие семантики слова в целой группе родственных и неродственных языков, во-вторых, словообразовательные и иные системные связи (синонимические, антонимические) единиц, в-третьих, данные, касающиеся ментальности, философии, а также разнообразные тексты, где эта лексема функционирует, в-четвертых, современные знания и контексты, связанные с изменением и развитием оценочной семантики соответствующей лексемы (Puzyrniņa, 1997: 338).

Сопоставление философских и эпистемологических истоков СОВЕСТИ в рамках христианской антропологии и этики (оценочно-идеологические, библейские мотивы и смыслы, художественный дискурс, валентность предикатов, главным образом в сфере вторичного означивания) (Арутюнова, 2000) ещё раз убедительно показывает ее связь с такими концептами, как «Вина», «Грех», «Суд», «Наказание», («Покаяние», «Раскаяние»), «Закон», «Свидетель», «Воля», «Сердце» («Душа»), «Позор», «Честь», существенные для концептуализации нравственно-оценочных, этических, этикетных и др. представлений и стереотипов (формирования Эго) в русской языковой картине мира. Понятие «стыда» и «совести» выражают внутреннюю способность Эго реагировать на оценку своих действий Другим. В рамках мифологии Древней Греции различали культуру стыда и культуру вины (*shame-culture* и *guilt-culture*). Христианское учение перенесло акцент с внешнего (социального) закона на внутренний (закон веры); поэтому применительно к христианскому миру предпочитают говорить не о культуре вины, а о культуре совести (Арутюнова, 2000: 57).

Разграничивая эти понятия в античной философии и повседневно-обыденном употреблении, Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что «чувство стыда предполагает взгляд извне, возникающего в условиях «наружного наблюдения» – реального или воображаемого. В отличие от совести, которая не является ни чувством ни состоянием; это автономный компонент внутреннего мира человека; хотя есть и другие суждения, предупреждающие нас о том, что совесть – это внутренний голос; стыд формирует социального человека, совесть – нравственную личность, стыд учит человека поведению, совесть – поступкам» (Арутюнова, 2000: 58).

Обратимся к отдельным аспектам категоризации социо-оценочных понятий в русских и польских паремиях. В «Русском семантическом словаре» лексема *совесть* рассматривается в кругу смежных этических концептов («Правда», «Справедливость», «Целомудрие», «Честь», «Достоинство») как нравственная ответственность за свое поведение

перед самим собой, перед окружающими людьми: *люди с чистой совестью, со спокойной совестью делать что-н., угрызения совести, поступить по совести, этот поступок лежит (остается) на его совести, совести хватило, на совесть (сделать), для очистки совести* и т. д. (РСС: 235). Рассматривая валентностные связи лексемы *совесть* в составе устойчивых единиц и метафор русского языка, Н. Д. Арутюнова предлагает следующие семантические модели этого концепта: «совесть – нравственная норма», «совесть – контрагент Эго (Другой)», «совесть – судья», «совесть – «судебный исполнитель», «совесть – «орган» (компонента внутреннего мира человека) (Арутюнова, 2000: 75).

По замечанию А. Зализняк, представление о том, что совесть – это «маленький грызун», восстанавливаемое на основании сочетаний с глаголами *грызть, кусать, царапать, вонзять зубы; угрызения совести* (идея «маленький», по-видимому возникает из-за того, что совесть в этих контекстах мыслится как находящаяся внутри человека), отражает свойство совести доставлять определенного рода неприятные ощущения, быть нравственным судьей человека: *Своя совесть нуще мучит* (БСРП: 847). Отсюда и комбинаторные связи этой лексемы с *сердцем, душой* и др. внутренними локусами и телесными метафорами (*Co oko ciała, to sumienie duszy, Kto ma sumienie w duszy, ten cudzego nie ruszy*), истоки которых засвидетельствованы ещё в античной философии.

В когнитивных исследованиях аксиомой стал тезис о том, что универсальная метафора («телесная метафора души») эмоционального и психического состояния человека (сомнения, тоски, беспокойства, хлопот под.), а также некоторых идеологических и юридических категорий выражается через идею **маленького грызуна** или **другого роющего или вертящего пресмыкающегося** (червя, *robaka*), живущего в теле человека – *в ребре, сердце, душе*: *robak sumienia w sercu moim gryzie/wierci/ ryje/toczy, (tęsknota stała się robakiem, który pożerał, robak wierci się pod żebrem, jakiś robak toczy i dręczy, dręczy robak niepokoi, robak zgryzoty toczył wewnątrz jego duszy, robak zgryzoty toczy mu sumienie, robak serce gryzie* (НКРР III: 44), *Zgryzota sumienia – pierwsza rata długu* (НКРР III: 354), *Sumienie gryzie, gdy na spocie brudno* (WKPP: 515), ср. русское *червь сомнения, Совесть без зубов, а гложет/грызет* (БСРП: 847);

колющего – *Kogo sumienie nie kole, ten się prześpi i w stodole* или же **тяжелого предмета** (*Leży tu na sumieniu jak kamień*). Кстати, подобные параллели обнаруживаем в связи с иными идеологическими, правовыми, эмоциональными понятиями – *sprawiedliwość, prawda, zazdrość*, ср. *Zazdrość w oczy kole*); **идея твёрдости, прочности** также соотносится с положительным признаком: *Mur żelazny – dobre sumienie, Sumienie dobre za twierdzą stanie* (ср. латинское *Magnum est praesidium consciesta*) (НКРР III: 352), *счастья* – *Sumienie dobre – najlepsze szczęście*. В польском языковом сознании на уровне наивных, бытовых представлений абстрактное понятие *sumienia* представляется в виде физического воздействия на предмет, о чём свидетельствуют такие устойчивые контексты *wyrzuty sumienia (Chodzi za nim jak wyrzut sumienia)*, или, наоборот, *sumienie* выступает в роли агенса, воздействующего на посторонний субъект или предмет (*кого или что-то*): *Złe sumienie tłoczy* или реже – пациенса: *mieć kogoś (coś) na sumieniu, Lepiej dziesięćoro na ramieniu niż jednego na sumieniu* (НКРР III: 351).

Философы утверждают, что с именем апостола Павла связано становление этического признака совести как части внутреннего мира человека – способности соотносить свои действия с этическими нормами, чувством вины и раскаяния в случае их нарушения. Синтагматические связи актуализируют пространственную идею движения, выраженную соответствующими глаголами: *sumienie ruszyło/go rusza* и прилагательными (дырявое – *dziurawe sumienie*), соотносимыми с предметными локусами по оппозиции *открытый-закрытый*: *Sumienie przestronne jak wrota wjezdne*, особенно в оценочных сравнениях (*Ma sumienie jak rękaw u mnicha/jak żebracza torba*) при номинации *sumienia* и смежных понятий: *Zazdrość jest gdyby rów: kto w nią wpadł, bywaj zdrów* (в этой пословице прослеживается своеобразная антропоморфизация понятий зависти и совести: в них человек падает, ср. укр. *впадати за кимось* «о сильном чувстве любви»), где имеется тот же когнитивный принцип контейнера.

Совесть, с одной стороны, – это моральный закон, заложенный в самой природе человека, а с другой – психический орган (составляющая внутреннего мира человека), реагирующая на нарушение моральных норм и являющаяся своеобразным вместилищем грехов или достоинств, что, собственно, обуславливает употребление лексемы *совесть* с оценочными предикатами *чистоты*. Моральные свойства нечистой совести реализуются

через метафорические признаки нечистоты, грязи, пятна: укр. *Якби сам був білий, то б не чорнив другого; Хто обкидає болотом других, у того руки брудні*.

Аксиологические прилагательные (во вторичном метафорическом означивании) маркируют ассоциативно-оценочные признаки обозначенного концепта через – *нечистоту, грязь, фальшь, клевету*, а также посредством связи с некоторыми религиозно-этическими представлениями при противопоставлении добра и зла, своего и чужого: *Чужая совесть – могила* (БСРП: 847), *Co po тіeniu, gdy czarno w sumieniu, Mieć czyste sumienie, Czyste sumienie nie obawia się złego, Przy czystym sumieniu zaśniesz smacznie i na kamieniu*. Явно метафорический признак совести представлен и в русских поговорках: *Черной совести и кочерга вислицей кажется, Спокоен тот, у кого совесть чиста, У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги виселица* (БСРП: 846-847). Подобные контексты, – пишет А. Зализняк, – основаны на образе, представляющем свойство совести направлять поступки человека в сторону от зла (репрезентируемого образом чего-то нечистого). Представление о том, что *чистая совесть* защищает человека в разных жизненных ситуациях свойственно украинской и английской лингвокультуре: *Чиста совість – запорука спокійного життя; Clear conscience is a coat of mail, где* совесть метафорически связывается с *кольчугой, защитой*. Сходная ассоциация в английском языке – *A good conscience is a soft pillow* – спокойный сон связывает с чистой совестью посредством метафорически переосмысленного образа «a soft pillow».

Исходным прототипом некоторых английских единиц выступает игра в карты: наличие такой карты в карточной игре является залогом успеха, победы: *Clear conscience is a sure card*. Человеку с чистой совестью не страшны сплетни: *A clear conscience laughs at false accusations*. В некоторых польских контекстах оценочный полюс этой этической категории приравнивается к положительным эмоциям в предикациях (*Sumienie dobre – wielka uciecha*, атрибутах – *Sumienie dobre niczego się nie boi/ nie lęka*), к молитве и духовному наставнику, другому положительному началу, святости, чести (*Sumienie jest stróż pilny poczciwości*) (*cnoty*), *За совесть да за честь хоть голову снести* (БСРП: 846). Показательной представляется также идея правого как правильного, духовного начала (*To grunt wesela prawego, kiedy człowiek sumienia całego*) : *Czyste sumienie stoi za modlitwą, Czystemu sumieniu wszystko czyste, duchowny przewodnik – sumienie, Kto dobrego sumienia, gardzi obmowiskiem, Na śmiertelnej pościeli czyste sumienie: ostatni uśmiech świata, Sumienie zawsze tam radzi, gdzie cnota, przyrodzenie z nią zawsze ciągnie kota, Совесть позарила, не допустила до греха* вместе с другими стереотипами поведения, отражающими нарушение определённых норм (малый проступок влечет наказание) (*Grzech*): *Kto sumienia uchyli na jeden grzech mały, i wielkie się tą dziurą będą napierały* (НКРР III: 351), *Najsroźsi to są dwaj z miotłą bakalarze, kogo sumienie z świętą cnotą karze*. Ср. пословицы иного тематического круга: *Gdyby nie było zazdrości, nie byłoby piekła, Zawsze zazdrość przy cnocie na smyczy, Zazdrość z światłości ciemność robi* (последняя пословица связана с архетипическим противопоставлением света и тьмы). Божественное начало рассматриваемого концепта, (идея обращения к Богу в ситуации тревоги, когда человеку тяжело) представлена следующими контекстами: *Sumienie prawie jest to wójt od Boga, aby rowściągał, kiedy we łbie trwoga* – наоборот дьявол стоит по другую сторону совести, когда человек не вполне отдаёт себе отчёт в своих поступках: *W rozprawach z samym sobą oskarżycielem sumienie, a obrońcą diabeł; Добрая совесть – глаз Божий, добрая совесть надобна нам для Бога, добрая слава – для людей* (БСРП: 846); чистая совесть чужда подкупу, богатству, фальши, обману, утрата совести не всегда восполнима, что собственно объективировано в поговорках: *Sumienia nie da się przekupić* (НКРР III: 352), *Добрая совесть не боится лжи, Добрая совесть не боится клевет, Богатый совести не купит, а свою погубляет, Бедный от богатого невинно погибает, а богатый совесть из людей мешками выгоняет, Совесть потеряешь – другой не купишь* (БСРП: 847).

Отдельные пословицы этого круга связывают *sumienie* с идеей присяги, правды, честных поступков или наказания за их нарушение, свидетельства в чем-либо: *Sumienie stoi za tysiąc świadków, Najpewniejsze świadectwo jest sumienie własne, Sumienie świadek nieomylny, Ujdiesz sędziego karania, nie sumnienia katowania* (НКРР III: 354), сходные представления находим и в русской ЯКМ: *Совесть паче тысячи свидетелей* (БСРП: 846). Упомянутая идея вины отчетливо прослеживается в польских контекстах, связанных с завистью: *Kto zazdrościw, sam sobie krzyw* (НКРР III: 834), *Zazdrość prosto nie patrzy* (НКРР III: 836). Интересно, что прилагательное *krивой* в польском песенном фольклоре

(в песнях любовного содержания, «Pieśni ludu polskiego» О. Kolberga) связывается с исходным образом вины и наказания за проступки и другими фольклорными образами и мотивами, в частности утратой девственности, невинности (*cnoty*), беременностью вне брака и под.:

‘подозрение, недоверие, обман’: («*Tylko na mnie krzywo nie patrz, bo mnie serce boli*», «*Mój Jasiu krzywo na mnie patrzysz*»);

‘вина’ (*Cóż ci krzywy ten mój wianek, wywrócisz mi z mlekiem dzbanek*; «*O, mój miły boże, co ja temu krzywa, za podarunek ukrad mi wianeczek...*», «*O mój miły boże, co ja temu krzywa, że janek z wieczorkiem w naszym domu bywa*»);

‘сплетни, наговоры’: *moje gieblowianki co ja wam to krzywa, co o mnie gadata caluteńkie żniwa/caluteńkie żniwa, caluteńkie lato./moje gieblowianki bóg wam zapłać za to... oj a mój mocny boże co ja ludziom krzywa./oj co o mnie gadają caluteńkie żniwa./oj caluteńkie żniwa, caluteńkie lato -/oj a mój mocny boże cóż odpowiem na to...* Иная символика *кривизны* обнаруживается в номинативно-характеризующих сложных дериватах, главным образом, в шутливо-иронических контекстах – в свадебных перебранках (*Moje starościny, same ta se krzywy, nie umiecie śpiewać bież – ta na pokrzywy, Da i poduski z pokrzyw, cóż ja temu, Kasiu krzyw... Nie ja krzywa – pokrzywa, co mnie w nogi sparzyła, Dziewosłobie krzywożebie, krzywe nogi masz, obiecałeś gorzałeczki, gdzież ją teraz masz*), а также в некоторых экспрессивных сюжетах, связанных с идеей измены, расплаты за содеянное, отомщения за причиненную боль и страдания, в проклятиях: *Napłaces się tedy dosyć, kiedy będziesz nosić./nie będę nosiła, będę kołysała./a na ciebie, psie, hultaju, będę narzekała./nie narzekaj na mnie, boś ty sama krzywa./nie zastępuj chłopcom droge, kiedy idziesz z piwa./käs – kat- cie zastępował, bodaj cie ćwiertował...*

Следующим этапом исследования языка этики и соответствующих языковых концептов («Срам», «Стыд», «Честь», «Измена», «Расплата», «Правда», «Грех» и под.), могут быть фольклорные и обрядовые тексты, например, свадебного обряда. Ср. функционирование этих этнокультурных смыслов в любовном фольклоре, символике отдельных предметов и реалий (*калина, явор, chmiel, rutka*), их аксиологизацию и прагматику в рамках определенных свадебных актов и «ритуальных ситуаций» (оценочные смыслы в украинских т.н. «сороміцьких» песнях, эротический фольклор и под.), проклятиях, пожеланиях, запретах, рекомендациях, предостережениях, вербальных формулах-оберегах, заговорах и др. элементах традиционной народной культуры.

Литература

Арутюнова, Н. Д. О стыде и совести / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 54-78.

Байрамова, Л. К. Аксиологический фразеологический словарь. Слоты. /Л. К. Байрамова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 92 с.

БСРП: Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., Николаева, Е. К. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.: ЗАО, 2010.

Вендина, Т. И. Этнолингвистика, аксиология, словообразование / Т. И. Вендина // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. – М.: Индрик, 1998. Т.1. – С. 39-49.

Коцюба, З. Рефлексія побутової свідомості в різномовному проverbsьальному просторі (від універсального до національного): Монографія / З. Коцюба. – Львів: Укрпол, 2010. – 472 с.

Пименова, М. В. Совесть как составная часть внутреннего мира человека / М. В. Пименова // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира. – Кемерово: Кузбассвузиздат Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – С. 62-69.

РСС: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-тут рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. Т.III. – 502 с.

Bartmiński, J. Projekt i założenia ogólne słownika aksjologicznego / J. Bartmiński // Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne. – Lublin: UMCS 2007. – S. 214-225.

NKPP: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Т.1-4. Red. J. Krzyżanowski, S. Swirko. – Warszawa 1969-1978.

Puzynina, J. Tolerancja / J. Puzynina // Słowo-wartość-kultura. – Lublin: Tow. Nauk. KUL, 1997. – S. 338-348.

Puzynina, J. Wyrażenia i pojęcia podstawowe dla semantyki i pragmatyki wartości / J. Puzynina // Język wartości Warszawa: PWN, 1992. – S. 50-148.

WKPP: Masłowsky D. W. Wielka księga przysłów polskich. – Warszawa: Sp.z.o.o., 2008. – 675 s.

Summary. The article focuses on the principles of semantic categorization of the concept of CONSCIENCE in the scope of other socio-evaluative and emotive notions in paremiological units of the Russian, Polish and other languages. A typological analysis of motivational features and compatibility, the distribution by the positive and negative poles of axiological scale of concepts names is carried out. Ethic, religious (biblical) senses and connotations are reconstructed as well as the ways of conceptualization in folklore, ritual and other texts are outlined.

Феттер С. А.
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА “LONELINESS”
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
svetaper@yandex.ru

Употребление фразеологических единиц с компонентом «одиночество» широко распространено в Великобритании, США и других англоязычных странах. Это связано с тем, что постоянно изменяющийся окружающий мир стимулирует сознание человека активно отражать объекты действительности, которые, трансформируясь, вызывают у него те или иные эмоциональные переживания. Эмоциональная сфера человеческой деятельности остается, несмотря на множество исследований психологов и лингвистов, недостаточно изученной. На сегодняшний день не существует общепризнанной, единой теории эмоций.

Нередко термины «чувство» и «эмоция» употребляются в качестве синонимов. Однако по своей сути эти понятия отличны друг от друга. Чувства выражаются в эмоциях. Чувства носят предметный характер, связываются с представлением о некотором объекте. Они совершенствуются и, развиваясь, образуют ряд уровней, начиная от непосредственных чувств и заканчивая высшими чувствами, относящимися к духовным ценностям и идеалам. Чувства выполняют в жизни человека, его общении с окружающими мотивирующую роль. Все чувства, в частности одиночество, носят исторический характер. Одиночество в той или иной форме характерно для всех типов исторических сообществ, но его наибольшее распространение и наиболее ярко выраженное негативное воздействие отмечается представителями различных наук именно в современном обществе (Подзолкова, 2005).

Широкое распространение в современном английском языке фразеологизмов с компонентом «одиночество» делает изучение этого пласта фразеологии чрезвычайно важным.

Фразеологизмы современного английского языка с компонентом «одиночество» можно разделить на несколько пластов, и именно это представляет основную трудность при определении их объёма.

Такие фразеологизмы условно можно разделить на четыре подгруппы:

1) ФЕ, именующие действия, приводящие к одиночеству субъекта действия.

to keep to yourself – оставаться в одиночестве, сознательно отказываться от общения (чаще временно).

to bury oneself alive – хоронить себя заживо, добровольно самоизолироваться.

2) ФЕ, именующие действия, приводящие к одиночеству объекта действия.

to leave smb in the lurch – покинуть кого-либо в беде, оставить в одиночестве в тяжелом положении.

to give someone the bag to hold – оставить кого-либо в одиночестве в беде, улизнуть.

3) ФЕ, описывающие состояние одинокого человека.

holding the bag – оставленный в одиночестве для завершения какого-либо дела, несущий ответственность в одиночку.

having no soul in the world – один как перст, одинокий, не имеющий друзей и близких.

4) ФЕ, номинирующие одинокого человека.

a lone wolf – человек-одиночка, предпочитающий выполнять какие-либо действия самостоятельно, не нуждающийся в чьей-либо помощи и поддержке.

an old maid – одинокая незамужняя немолодая женщина, старая дева.

Существует несколько точек зрения относительно объёма фразеологии. Это обусловлено сложностью объекта исследования и существованием в языке ряда переходных случаев, находящихся между классическими фразеологическими единицами и свободными сочетаниями слов.

В настоящее время преобладает широкое понимание объёма фразеологии. А. В. Кунин исходил из широкого понимания объёма фразеологии, объектом которой являются все устойчивые сочетания слов с осложнённым значением (Кунин, 2005).

По мнению А. В. Кунина, нижняя граница фразеологизма – двусложное образование. При этом один из компонентов может быть служебным словом. Верхняя граница – сложное предложение. Фразеологизмами со структурой сложного предложения могут быть только пословицы. Образования, выходящие за пределы сложного предложения, единицами языка не являются и поэтому не могут быть фразеологизмами.

Этой же концепции мы придерживались при исследовании особенностей переосмысления фразеологических единиц с компонентом «одиночество».

Согласно классификации А. В. Кунина, фразеология состоит из трёх разделов: идиоматика, идиофразеоматика (*semi – idioms*) и фразеоматика (Кунин, 2005).

К идиоматике причисляются фразеологические единицы, т. е. устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением, при условии высокого удельного веса коннотативного аспекта, т. е. его экспрессивно-оценочных, эмотивных, образных и других компонентов. В выборке доля идиоматических единиц составила 20% от общего числа, что обусловлено довольно высокой образностью ФЕ с компонентом «одиночество».

Примеры:

to bury oneself alive – хоронить себя заживо, добровольно самоизолироваться.

to draw into one's shell – прятаться в свою скорлупу, отказываться от общения с другими людьми.

К идиофразеоматике причисляются идиофразеоматические единицы, т. е. устойчивые словосочетания, у первых фразеоматических вариантов которых компоненты имеют буквальное, но осложнённое значение, а у вторых, идиоматических вариантов – полностью переосмысленные.

В выборке доля идиофразеоматических единиц с компонентом *loneliness* составила 70% от общего числа фразеологических единиц.

give someone or something a wide berth – благоразумно избегать кого-либо, держаться на расстоянии во избежание опасностей или неприятностей.

a parting of the ways – этап жизни, когда людям приходится расстаться и идти каждому своей дорогой.

К фразеоматике причисляются фразеоматические единицы, или единицы неидиоматического характера. Их доля в выборке составила 5% от общего числа. В них не присутствует переосмысленное значение, а лишь имеется необразное его преобразование.

Примеры фразеоматических единиц:

keep one's distance from someone – держаться на расстоянии от кого-либо, остерегаться кого-либо.

split people up – разлучать двух или более людей.

Во многих работах по фразеологии отмечается важная роль внутренней формы в семантической структуре фразеологизмов. В применении к слову внутренняя форма обычно понимается как его исходно – этимологическое значение или как образные элементы в его значении. Подобного мнения придерживался А. А. Потехина: «этимологическое значение ... тоже есть форма, только внутренняя» (Потехина, 1993: 54).

Подобная трактовка внутренней формы с теми или иными модификациями или без них встречается во многих последующих определениях.

По мнению В. Г. Варинной, «внутренняя форма в качестве компонента семантической структуры слова не всегда нейтральна и по отношению к этой структуре в целом. Будучи динамическим компонентом значения, внутренняя форма в некоторых случаях выдвигается на первый план и обуславливает семантику слова» (Кунин, 2005: 60).

Все фразеологические единицы восходят к потенциальным фразеологизмам, которые обозначают познанные человеком объекты вне языковой действительности. Но это не означает, что все фразеологические единицы проходят один и тот же путь развития, так как в их основе лежат разные прототипы.

По мнению А. В. Кунина, существует четыре прототипа фразеологических единиц: речевые, языковые, внеязыковые и смешанные (Кунин, 2005).

Для фразеологизмов с компонентом «одиночество» характерно наличие речевых и языковых прототипов. К речевым прототипам фразеологизмов относятся обороты с прозрачной внутренней формой. К языковым прототипам фразеологизмов относятся обороты, у которых прототипом второго, фразеосемантического варианта является первый, компоненты которого имеют буквальное, но осложнённое значение.

Доля речевых прототипов фразеологических единиц в выборке составила 70% от общего числа и доля языковых прототипов – 30%.

Пример речевого прототипа:

parting of the ways – развилка дороги; этап жизни, когда людям приходится расстаться и идти каждому своей дорогой.

Примеры языковых прототипов:

wash one's hands of someone – 1) умывать руки, отказываться нести ответственность 2) прекратить общение с кем-либо во избежание проблем.

to be (left) holding the bag/the baby 1) самостоятельно справляться с непривычным, трудным делом 2) быть оставленным в одиночестве, одному нести ответственность за коллективные действия.

Буквальные значения компонентов фразеологической единицы не всегда совпадают со значением её прототипа, и это характерно так же и для фразеологических единиц с компонентом «одиночество».

Рассмотрим особенности экспрессивности и обуславливающих её категорий интензивности, образности и эмотивности фразеологических единиц с компонентом «одиночество». Многими исследователями отмечается высокий удельный вес коннотации в значении фразеологических единиц. Однако понимание коннотации в языкознании отнюдь не однозначно.

По мнению А. В. Кунина, коннотация не накладывается на основное содержание слова или фразеологизма, а находится в сложном единстве с ним, так как существует не только рациональное, но и тесно с ним связанное чувственное познание действительности (Кунин, 2005).

По мнению В. Н. Телия, «коннотация – семантическая сущность, узואльно или окказиально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно – оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» (Телия, 1986: 45). Следовательно, коннотативной является информация, заложенная в языковых и речевых единицах, помимо их предметно – логического содержания.

Обычно в коннотацию включают эмотивный, экспрессивный и оценочный компоненты. И. В. Арнольд включила в состав коннотации и стилистический компонент (Арнольд, 1981).

Все четыре компонента коннотации могут выступать вместе в разных комбинациях или отсутствовать. Пятым компонентом большинство исследователей считают образность.

По мнению А. В. Кунина, эмоции являются одной из форм отражения действительности и её познания. Эмоции – всегда сопровождаются оценкой. «Эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, то есть чувственная оценка объекта, выраженные языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» (Кунин, 2005).

Поскольку эмоции делятся на два класса – положительные и отрицательные, то их обозначения в языке могут быть сведены к положительно эмотивным и отрицательно эмотивным.

a lone hand – человек, успешно справляющийся с любым видом деятельности без посторонней помощи (выражает положительные эмоции).

to leave smb in the lurch – покинуть кого-либо в беде, оставить в одиночестве в тяжелом положении;

to give someone the bag to hold – оставить кого-либо в одиночестве в беде, улизнуть (выражают отрицательные эмоции).

Экспрессивность – функциональная категория воздействия, обеспечивающая интензивность восприятия информации. Обуславливающие экспрессивность категории ин-

тенсивности, образности и эмотивности являются ономазиологическими категориями, называющими степень признака. Интенсивность – свойство слова или фразеологизма усиливать признаки обозначаемых ими объектов (Кунин, 2005).

Во ФЕ с компонентом «одиночество» образность, интенсивность и эмотивность порождают экспрессивность в различных комбинациях.

Большинство фразеологических единиц (95%) выборки имеют экспрессивную окраску.

Большинство фразеологических единиц выборки (85%) обладают категорией образности, причём все они сочетают в себе категории образности и эмотивности:

to leave smb to stew in smb's own juice – оставить кого-либо наедине с самим собой, позволяя сожалеть о совершенных ошибках или переживать из-за каких-либо неурядиц в одиночестве.

to break smb's heart – вызвать в ком-либо чувство грусти и одиночества, предавать кого-либо.

Около 15% единиц сочетают в себе три категории: образности, эмотивности и интенсивности:

high and dry abandoned – покинутый, абсолютно беспомощный, оставленный безо всякой поддержки.

avoid someone or something like the plague – полностью избегать кого-либо.

По мнению А. В. Кунина, в той мере, в какой оценка детерминирована свойствами объекта внеязыковой действительности, отражёнными в сознании человека и фиксированными в значении языкового знака, она носит объективный характер, что находит своё выражение в функционировании оценочного наименования, в словарном определении, в словарном комментарии или словарных оценочных пометах.

Объективная оценка представляет собой отражение в языковой единице результатов квалификативно-познавательной деятельности человека, которая основана на совокупности общественного опыта языкового коллектива и признанной в нём нормы. В то же время оценка носит и субъективный характер, так как зависит от субъекта оценки. Одни и те же явления объективной действительности могут по-разному оцениваться разными субъектами или одним и тем же субъектом в разные периоды его жизни. Объективная и субъективная оценки социально детерминированы (Кунин, 2005).

Оценка выражена эксплицитно, если хотя бы один компонент фразеологической единицы является оценочным или её внутренняя форма носит оценочный характер (Кунин, 2005).

В выборке доля эксплицитных фразеологических единиц составила 70% от общего числа. Эксплицитная оценка может быть интеллектуальной (35% от числа эксплицитных фразеологических единиц в выборке) или коннотативной (65% от числа эксплицитных фразеологических единиц в выборке). При этом необходимо отметить, что доля эксплицитных фразеологических единиц с интеллектуальной положительной оценкой составила 10% от числа эксплицитных интеллектуальных фразеологических единиц, а что доля эксплицитных фразеологических единиц с интеллектуальной отрицательной оценкой составила 85%.

a lone wolf – человек-одиночка, предпочитающий выполнять какие-либо действия самостоятельно, не нуждающийся в чьей-либо помощи и поддержке;

a lone hand – человек, успешно справляющийся с любым видом деятельности без посторонней помощи (интеллектуально положительная оценка).

to break smb's heart – вызвать в ком-либо чувство грусти и «одиночество», предавать кого-либо;

having no soul in the world – один как перст, одинокий, не имеющий друзей и близких (интеллектуально отрицательная оценка).

Но оценка зависит от аксиологической ориентации говорящего субъекта. Для значений нескольких идиом, выражающих концепт «Одиночество», характерна флуктуирующая оценка. Если одиночество, уединение осуждаются говорящим, то ФЕ имеет отрицательную оценку: *I was almost desperate for help trying to go it alone with no one to support; I was left holding the bag as always when professor came in and saw what happened* (форум). Если же одиночество рассматривается как благо, как осознанный выбор человека, не нуждающегося в обществе, то его оценка становится положительной: *Honda has chosen to go it alone rather than set up a joint venture with an American partner; I felt happy left holding the bag – finally I was able to finish my essay* (форум).

По наблюдению В.Д. Девкина, число фразеологических единиц языка с отрицательной оценкой значительно больше, чем число фразеологических единиц языка с положительной: «Явное преобладание слов с отрицательной оценочностью связано, по видимому, с тем, что положительность подразумевается как нечто само собой разумеющееся. Человеку постоянно приходится сталкиваться с преодолением недостатков, ошибок, плохого. Потому-то это для него столь значительно и так стойко отражено в языке» (Девкин, 1965: 271).

Согласно проведённому исследованию, вышеприведенный постулат может быть применён для ФЕ с компонентом «одиночество». Соотношение фразеологических единиц выборки с отрицательной и положительной оценочностью составило 85% к 15%.

Литература

- Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования / И. В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1981. – 295 с.
- Девкин, В. Д. Особенности немецкой разговорной речи / В. Д. Девкин. – М.: Наука, 1965. – 376 с.
- Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Живой язык, 2005. – 944 с.
- Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна: Феникс +, 2005. – 488 с.
- Подзолкова, Н. В. Концепт «Одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. В. Подзолкова. – Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2005. – 223 с.
- Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев: Синто, 1993. – 192 с.
- Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 174 с.

Summary. Loneliness is widely reflected in semantics of a language, as an important social, cultural and psychological phenomenon. But still, the means of representation of this concept in English haven't been researched accurately. We have analyzed English idioms which include semantic component "loneliness". The study of idioms is proved to be efficient in general study of concepts because their figurative basis is a quintessence of cultural connotation connected to the world outlook of native speakers.

Чекулай И. В., Прохорова О. Н.

ЛЕКСЕМА «ОГОНЬ» В КОГНИТИВНО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
prokhorova@bsu.edu.ru

Одним из наиболее известных и весьма популярных на настоящем этапе развития философской и лингвистической концептологии является солидный труд Дж. Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи». Наше внимание в этом названии привлекло слово «огонь». И если подойти к делу беспристрастно и объективно, то можно обнаружить, что структура знаний, которую семиотически можно выразить как «огонь», не менее интересна, чем указанная выше структура знаний, имеющая явно гендерную онтологию.

Оттолкнёмся, прежде всего, от названия монографии Дж. Лакоффа. Итак, огонь – вещь опасная, равно как и женщина, и если верить наблюдениям Э. Рош, как и акула, копьё и многие другие вещи, о которые (точнее говоря, при взаимодействии с которыми) можно причинить себе вред (по крайней мере, с точки зрения меланезийского племени дирбал). Но при этом следует иметь в виду, что в жизни существует много вещей, которые являются и опасными, и в то же время не просто полезными, но необходимыми или труднозаменимыми для жизни. Например, мобильный телефон вреден для здоровья из-за излучений, но, даже зная это и понимая, что в принципе без мобильного и даже без телефона полноценная жизнь вполне возможна, мы не выбрасываем его в мусоропровод, потому что привыкли жить так, что, если ты забыл мобильник дома с утра, день пропал. Многие люди не могут пользоваться общественным транспортом, поскольку иного средства передвижения, как собственный автомобиль, они не мыслят. Тем более необходим

огонь. Потребность в тепле, равно как и в пище, питье и отдыхе является жизненно необходимой не только для любого человека, но и многих иных биологических видов. Непосредственно для человека основным источником тепла является огонь. Объективно огонь Солнца является основным источником энергии, получаемой и используемой на Земле, и тем самым огонь становится универсальным условием существования планеты Земля, природы и живых видов на ней.

Мы не случайно употребили вместо привычного в таких случаях термина «концепт» словосочетание «структура знаний». Ассоциации носителей различных европейских языков, связанные с тем, что в русском языке обозначено словом «огонь», можно разделить на две основные группы – «огонь как особого рода материя (плазма)» и «огонь как ассоциативно-психологическая данность». Несомненно, в основе такой дифференциации лежит метафора, где первый ассоциативный комплекс лежит в области-источнике, а второй комплекс – в области-цели. Оба ассоциативных комплекса далеко неоднозначны, и поэтому с таких позиций их условно можно определять как два различных концепта. Но насколько они различны? Не являются ли эти структуры знания одним и тем же концептом, или же анализ двух указанных ассоциативных комплексов может выявить и другие, более частные, структуры знаний, которые также можно определить как «концепты»?

Для этого необходим комплексный анализ того, как люди используют в эксплицитной речи и тем самым в ассоциативно-образном мышлении лексемы *огонь*, *вогонь*, *агонь*, *оheй*, *fire*, *Feuer*, *feu*, *fuego*, *fuoco*, *tuli*, 火 и другие репрезентанты определённых структур знаний об основном источнике энергии.

Несомненно, начальным значением подобных лексических единиц является «совокупность раскалённых газов и плазмы, выделяющихся в результате: произвольного/непроизвольного нагревания горючего материала до определённой точки; химической реакции; соприкосновения тока высокого напряжения с горючим материалом. Огонь является основной фазой процесса горения и имеет свойство к самораспространению по затронутым им другим горючим материалам» (ru.wikipedia.org/wiki/Огонь). Как можно видеть, такое описание соответствует первому словозначению из приведённых выше, но, на наш взгляд, за таким сугубо техническим описанием стоит более живая картина. Прототипическое представление об огне для большинства людей связано с моментально извивающимися вверх и так же мгновенно исчезающими языками плазмы яркого оранжево-жёлтого цвета с синеватыми прожилками, например, в костре или в топке печи. В то же время для большинства современных городских жителей огонь – это также равномерные синие язычки газовой горелки, для работников, занятых в сфере доменного или сталелитейного производства, это длинные языки пламени соломенно-жёлтого цвета. Все эти агрегатные состояния огня, которые можно назвать ещё *пламя*, характеризуются также достаточно высокой (не ниже 300°C) температурой, определённым продуктом сгорания (видимым или невидимым дымом), наличием материала, дающего сгорание и т. п.

В переносном значении концепт «Огонь» связывается в первую очередь с действиями, которые человек производит по собственному желанию, в русле своих взглядов, убеждений, верований, жизненных презумпций, причём делает это от души, от всего сердца, руководствуясь в первую очередь собственным «Я». Как и в деятельности человека по поддержанию огня в костре, печи, к такой деятельности могут быть различные подходы. Согревать огнём можно методично, рационально, или же, напротив, сжечь всё сразу. В этом плане примечательны следующие строки из песни «Костёр», исполняемой группой «Машина времени»:

*Ты был не прав
И всё спалил за час,
И через час большой костёр угас.
Но в этот час стало всем теплей.*

Наряду с «Огонём», в текстах такой содержательной парадигмы реализуется и другая структура знания – «Тепло». Как известно, тепло – это своего рода результат действия огня. Существует даже физическая характеристика горючих природных и искусственных материалов, называемая теплотворностью. В переносном значении *тепло* – это всегда некоторый комфорт, неважно, физического или морального плана, который произносящий это слово испытывает непосредственно, или же солидарен с неким вторым или

третьим лицом/лицами, который/-ые испытывают такие комфортные физические, ментальные, эмоциональные и другие ощущения.

Именно в данном, переносном значении чаще всего реализуются конкретные смыслы, выражаемые в форме устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок. Рассмотрим основные реализации данного концепта в некоторых европейских языках. Но предварительно хотелось бы сделать несколько замечаний общего плана, эмпирически вытекающих из исследования массива заявленных единиц в различных европейских языках. Это, прежде всего, высокая степень вариативности фразеологических единиц, в которых концепт «Огонь» служит областью-источником общего значения фразеологической единицы, а также тех устойчивых словосочетаний, в состав которых входят такие слова русского языка и соответствующие им лексические единицы других языков, как *огонь, пламя, гореть, жечь, пылать* и другие.

Слова *огонь* или *огонёк/огоньки*, применимые к внешней экспликации или внутреннему переживанию чувств и эмоций, часто свидетельствуют не только о сильной степени того или иного чувства или эмоции, но и о том, что в данном случае речь идёт непосредственно о том, что в психологии называется «сильными эмоциями». Языковая вариативность в таких случаях связана, прежде всего, с проявлением различных сильных эмоций или чувств. Начнём с их внешних проявлений. Как известно, в основном о душевном состоянии человека судят по выражению лица, и особенно глаз. Именно этим объясняется тот факт, что наиболее рекуррентной моделью фразеологизации концепта «Огонь» являются единицы, компоненты которых передают как семантику глаз (самых глаз, зрачков, выражения глаз, особенностей взгляда), так и эмоционально-чувственную семантику практически во всех рассматриваемых языках, в частности:

– Пики к бою, шашки вон, баклановцы!.. – Тут голос его внезапно крепчает, мерклые **зрачки** блестят и **загораются** белым, загашенным старостью **огнем** (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

Прохор задыхался от слов, от мыслей, от бурных ударов сердца, его **глаза горели страшным огнем** внутренней силы и раскрывавшегося в душе ужаса (В. Шишков. Угрюм-река).

При цих словах Дарини Найда поблід і замовк, неспроможний погамувати шалене биття серця: груди його високо підіймалися, **очі загорілись вогнем** (М. Старицький. Останні орли).

The yawning, shaking, peevish figure of the mother, with her eyes raised to confront the proud erect form of the daughter, whose **glance of fire** was bent downward upon her, had a conscious air upon it, that no levity or temper could conceal (Ch. Dickens. Dombey and Son).

Следует отметить, что диапазон выражаемых глазами эмоций и чувств не сводится к каким-либо предпочтениям аксиологического плана. Они могут носить как эмпатический характер, так и сводиться к выражению ненависти, гнева, например:

Победа была, должно быть, действительно очень крупная, потому что Ревизанов был заметно возбужден, и **в синих глазах** его еще **не угасли огоньки**, зажженные удовольствием *борьбы* и *злорадством успеха* (А. В. Амфитеатров. Отравленная совесть).

Григорий в упор поглядел Аксины в **глаза**, увидел, как **вспыхнули** они **балованным отчаянным огоньком** (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

– Ти можеш катувати мене, бо я тепер у твоїй владі, а ганьбити не смій, – відповів Гонта похмуро, і **в очах** його **блиснув недобрый вогник** (М. Старицький. Останні орли).

Голос Залізняка зазвучав глухо й грізно, а **очі** його, в червоному відблиску, що наповнив хату, **спалахнули лиховісним вогнем** (Ibid.).

Как нетрудно заметить, в вышеуказанных примерах представлены эмоции, ассоциируемые как противоположные или несовместимые, что выражается такими лексемами и словосочетаниями, как *борьба, злорадство успеха, балованный и отчаянный, недобрый, лиховісний*. Кроме того, возможны и такие случаи, когда конкретные характеристики эмоционального взгляда снимаются полностью, в частности:

Иван Алексеевич, покуривая, глядел на Митьку, а у того **в** торчевых кошачьих **зрачках** толпились **огоньки**, и *нельзя было понять – смеются зелёные его глаза или дымятся несытой злобой* (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

На наш взгляд, в данных случаях фразеологические единицы выполняют не столько собственно оценочную, сколько общеаксиологическую функцию. Хотелось бы пояснить данное положение. Согласно основным положениям философской аксиологии,

оценка – это лишь выражение ценности, которое приобретает положительный или отрицательный оценочный знак, и отсюда мы говорим либо о положительной, либо об отрицательной оценке, выраженной данной единицей речи. Однако в практике речевой коммуникации достаточно часты случаи, когда однозначная постановка оценочного знака затрудняется прежде всего за счёт особой прагматики высказывания, когда говорящий (а чаще, пишущий автор художественного или публицистического произведения) намеренно представляет оценочную сторону высказывания скрытой в расчёте на творческую интерпретацию своего высказывания адресатом сообщения. Поэтому с данных позиций «Огонь» следует рассматривать не столько как оценочный, сколько ценностный концепт (Чекулай, 2006).

Интересны также и другие компоненты рассматриваемых фразеологических единиц, в частности, действия, производимые «огнём глаз». Рассмотрим следующие примеры и сопоставим их с приведёнными выше:

Управившись, Григорий приходил в людскую. Сотник **гасил в глазах** недавние **огни**, угощал его папиромой, уходил (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

Крикливый голос притихли, **огонь в глазах угас**, народу вновь предстояло покориться своей прежней доле, изменить которую не в силах оказалась и пролитая кровь (В. М. Шишков. Угрюм-река).

Ипполит Матвеевич преобразился. Грудь его выгнулась, как Дворцовый мост в Ленинграде, **глаза метнули огонь**, и из ноздрей, как показалось Остапу, повалил густой дым. Усы медленно стали приподниматься (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

She was small and slight in person; pale, sandy-haired, and with **eyes** habitually cast down: when they looked up they were very large, odd, and attractive; so attractive that the Reverend Mr. Crisp, fresh from Oxford, and curate to the Vicar of Chiswick, the Reverend Mr. Flowerdew, fell in love with Miss Sharp; being shot dead by a **glance of her eyes** which was **fired all the way** across Chiswick Church from the school-pew to the reading-desk (W. M. Thackeray. Vanity Fair).

Как можно видеть, в глазах огонь может «таиться», просто «гореть», «угасать», огонь глаз может «преследовать», «жечь», «томить», «очаровывать», глаза могут «метать огонь», «блестеть», «вспыхивать» огнём и т. п. Несмотря на столь обширный перечень таких действий, мы склонны считать, что они представляют варианты одной и той же фразеологической модели, так как данные вариативные формы фразеологических единиц фактически реализуют один концепт, который можно передать расширенным словосочетанием «выраженная глазами передача сильных эмоций», а в переложении на проявления конкретных эмоций число таких вариантов увеличивается многократно. Именно по этой причине фактически невозможно «схватить»¹ их многообразие в относительно ограниченной словарной статье в словаре фразеологических единиц.

Согласно известной поговорке русского языка, «глаза – это зеркало души». В случае с фразеологизацией концепта «Огонь» данная максима срабатывает, если так можно сказать, «на все 100 процентов». Огонь глаз – это отражение огня сердца, огня души, тех сильных чувств и эмоций, которые переполняют человека. Поэтому в список вариантов общей метафорической фразеологической модели «сильные чувства и эмоции → огонь» можно с полным основанием внести и те устойчивые выражения, компоненты которых напрямую с семантикой взгляда, выражения глаз и т. п. не связаны и описывают такие чувства и эмоции на основании субъективных ощущений определённого человека, о котором идёт речь. Несомненно, «глаза» с «душой, мыслями, внутренним содержанием» находятся в метонимических отношениях, а точнее говоря, это синекдоха. Случаи таких фразеологических переосмыслений встречаются в каждом из исследуемых языков, в частности:

Наталья, услышав от Дуняшки о смерти Григория, выбежала на баз. «Руки наложу! Все теперь мне! Скорей!» – гнала её, **огнём хлестала мысль** (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

Хотя он, и не знал, что не за горами время, когда весь мир встряхнется от грома пушек и это великое побоище родит его родине свободу, но **в глубине его сердца** горел

---

¹ В данном случае имеет место аллюзия на известную лингвокогнитивную максиму Е. С. Кубряковой «Значение – это концепт, схваченный знаком» (Кубрякова 1997: 92).

неугасимый **огонь** ожидания этой свободы, этого преображения всей жизни русской, когда не будет ни Прохоров Громовых, ни жандармских ротмистров, ни удалых шаек, поднимающих бунт против не правды, ни этих трогательно жалких старцев-пустынников, бежавших к лесным зверям от людей-рабов, людей-гонителей (В. М. Шишков. Угрюм-река).

Не хоче батько твого пташиного молока. Не приймає душа. Тільки **вогнем образи** вибурхує вона (О. Гончар. Собор).

«Що примусило його відмовитися від славного подвигу? Хто вирвав з його серця любов до батьківщини? Хто **погасив полум'я**, яке палахкотіло в ньому?» – ці питання давно мучили дівчину, а тепер з новою непереборною впертістю точили їй душу (М. Старицький. Останні орли).

Tief verneigte sich Govinda, Tränen liefen, von welchen er nichts wusste, über sein altes Gesicht, **wie ein Feuer brannte das Gefühl der** innigsten **Liebe**, der demütigsten Verehrung in seinem Herzen (Hermann Hesse. Siddhartha).

Параллельно следует отметить, что в английском языке есть устойчивое словосочетание *fire and brimstone*, которое является многозначным. В своём «первичном» фразеологическом значении оно является эквивалентом адского пламени, но очень часто употребляемо и в положительно-оценочной коннотации, где передаётся живой, активный характер человека, в частности:

The minister gave out his text and droned along monotonously through an argument that was so prosy that many a head by and by began to nod-and yet it was an argument that dealt in limitless **fire and brimstone** and thinned the predestined elect down to a company so small as to be hardly worth the saving (М. Twain. The Adventures of Tom Sawyer), но:

But Papa was a man of **brimstone and hot fire**, in his mind and in his fists, and was known all over that section of the state as the champion of all the fist fighters (Guthrie, Woody. Bound for glory).

Теперь представляется вполне логичным обратиться к семантическим соответствиям фразеологических единиц с лексическим компонентом «огонь», «пламя», «гореть» и т. п. в различных европейских языках. Анализ фразеологических единиц в этих языках в целом показывает определённую гомогенность формально-семантических признаков данных устойчивых словосочетаний при той же высокой степени вариативности данных единиц. Но сразу же следует отметить, что такое явление характерно, прежде всего, для языков, относящихся к определённой языковой группе. Так, словосочетание русского языка *огнём и мечом* встречается практически во всех исследованных славянских языках:

Тут бы, казалось, самое время вскричать: «**Огнем и мечом!**» – однако же нет. Оказывается, нам всем надлежит всего-навсего использовать все меры воспитательного, идеологического и политического воздействия, основанные на рекомендациях наших педагогов и социологов (А. И Б. Стругацкие. Отягощённые злом, или сорок лет спустя).

... ці дарунки примножувалися власними надбаннями, і монастирі могли б користуватися великими прибутками, коли б неспокійний час, нестримна сваволя шляхти й цілковите беззаконня не позбавляли їх прав і не розоряли раз у раз **вогнем і мечем** (М. Старицький. Останні орли).

Nežli podřízli staří Fěničané krk nějakému zajatci, sloužili stejně slavné bohoslužby jako o několik tisíc let později nové generace, než táhly na vojnu a hubily své nepřátele **ohněm i mečem** (J. Hašek. Osudy dobřego vojaka Švejka za svetove valky).

Достаточно частотным устойчивым словосочетанием в славянских языках является также готовность пойти на какое-то опасное предприятие ради идейных соображений, из любви и т. п., где область-цель метафорического переноса при фразеологизации также представлена семантикой огня, например:

Ротмистр посмотрит, щелкнет хлыстиком по голенищу, скажет: «Сла-авно!» Вася даже грудь выпячивает от горделивой радости. С ротмистром Соломиным **хоть в огонь**. Вся молодежь от него без ума. Храбрый офицер (Б. Ясенский. Я жгу Париж).

«Přeji si, abyste mluvil vždy pravdu a vykonával bez reptání všechny mé rozkazy. Jestli řeknu: **Skočte do ohně**, tak do toho ohně musíte skočit, i kdyby se vám nechtělo (J. Hašek. Osudy dobřego vojaka Švejka za svetove valky»).

Впрочем, подобные случаи фиксируются и в романских языках, в частности, во французском. Например:

«... et Dieu sait si je suis prêt à me **jeter dans le feu pour vous**»

– ... а видит бог, я готов **броситься за вас в огонь...** (А. Дюма-отец. Три мушкетёра).

В то же время ряд фразеологизмов из данной парадигмы встречается если не в определённом языке, то, по крайней мере, в пределах определённой подгруппы, в частности, восточно-славянской. Рассмотрим следующие русскоязычные примеры:

После этого разговоры приутихли. Долго баюкалась в красных вагонах дремотная тишина.

– **Из огня да в полымя!** – высказал долговязый Борщев общую для большинства мысль (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

В принципе, в украинском языке встречается его эквивалент *з вогню та в полум'я*, однако в текстах других исследуемых языков данное устойчивое словосочетание найдено не было. То же следует сказать и о следующих фразеологических единицах:

– Умеете ли вы стрелять из ружья?

– Обороны бог-с... **Как огня боюсь...** Когда Прохор Петрович производит выстрелы на охоте, я затыкаю уши. Например, вчера... (В. М. Шишков. Угрюм-река):

– Плевал я на толпу, – запальчиво сказал Прохор, и мутные от бессонницы глаза его засверкали.

– Нет-с, Прохор Петрович, **с огнем шутить опасно** (Ibid.).

– Челобитчики Иван, сын Кадлин, да Михаиле, сын Оленов, оставьте присутствие, а так как не проходит недели, дабы на заводчика Никиту Демидова не приносили жалоб, то мысляю я: **нет дыма без огня** (Е. Федоров. Каменный Пояс. Кн. 1. Наследники).

Особо следует отметить фразеологические единицы с лексическими компонентами, репрезентирующими концепт «Огонь» в языке, которые носят характер аллюзии. Это своего рода общечеловеческий вертикальный содержательный контекст, основанный на определённых фактах, легендах, высказываниях известных личностей и т. п. Так, практически во всех исследуемых языках можно встретить устойчивые словосочетания, которые восходят к известному факту, когда античный философ Диоген *днём искал человека с огнём*. Например:

– Их, шелужинов-то, на базу **днём с огнём не сыщешь**, – со вздохом сказала Ильинична (М. А. Шолохов. Тихий Дон);

– Галоўнае, яны імчалі амаль бязгучна. Коні, ведаеце, такой старажытнай пароды, якую зараз **з агнем не знойдзеш**: сапраўдныя палескія дрыкганты з падрэзанымі жыламі ля хвастоў (У. Караткевіч. Дзікае палявання караля Стаха).

Таким образом, семантика «Огонь» весьма обширно представлена во фразеологических единицах различных европейских языков. Это объясняется высоким ценностным потенциалом огня как полезного, необходимого для жизни и в то же время весьма опасного при неосторожном использовании материального феномена. Это подтверждается результатами нашего исследования, в котором, с упором на фразеологические единицы русского языка, были рассмотрены аналогичные или семантически сходные единицы таких европейских языков, как украинский, белорусский, чешский, немецкий, английский, французский. Тем самым можно сделать предварительный, нуждающийся в проверке на материале языков других групп и семей, вывод об универсальном характере фразеологических моделей, в основе которых лежит концепт «Огонь», или же лексические единицы, передающие семантику данного феномена, являются компонентами таких устойчивых словосочетаний.

Литература

Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 1997. – 245 с.

Чекулай, И. В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке: Монография / И. В. Чекулай. Федеральное агентство по образованию; Белгородский государственный университет. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 236 с.

Summary. The article deals with the lexical token “fire” in cognitive and phraseological space of modern European languages. The meanings explicated by that lexical token are described.

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Shipitsina@bsu.edu.ru

Традиционная лингвистика понимала процесс образования фразеологизмов как диахронический и длительный. Однако в последние годы взгляд на соотношение синхронии и диахронии в образовании фразем изменился. Как отмечает В. М. Мокиенко, фразеологизм, с одной стороны, – единица ретроспективная, кумулятивная, поглотившая культурологическую и языковую информацию прошлого, поэтому многие поиски его когнитивного ядра диахроничны. «С другой же стороны, фразеологизм – единица синхронная, обладающая компликативной семантикой, относительно независимой и от значения ее компонентов, и от понятий того прошлого, которые ее породили» (Мокиенко, 2006: 18). Фразеологизация свободных словосочетаний сейчас происходит довольно быстро, во всяком случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык «мобилизовал» свои ресурсы для оперативного решения возникших проблем особой номинации и предикации, шадящей воспитанную десятилетиями советскую ментальность так называемого простого человека. По мнению Н. Ф. Алефиренко, неологизация фразеологического корпуса языка – это результат лингвокреативной деятельности синергетически перестраивающегося языкового сознания, «его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономазиологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства (Алефиренко, 2008: 208).

В процессе фразеологизации свободных словосочетаний проявляется относительная взаимосвязь их формально-языковых свойств с этнокультурными особенностями носителей языка.

Покажем этот процесс на примере актуализировавшегося на рубеже XX–XXI веков устойчивого сочетания *отмывание грязных денег*, образовавшегося в свою очередь от устойчивого сочетания *грязные деньги* в значении «полученные незаконным путем, связанные с криминалом, преступлением» (ТСРЯ XX в.). В мотивирующем фразеологизме негативная оценка денег манифестирована словом *грязные*, употребленном в переносном значении «вызывающий моральное отвращение, гнусный» (по МАС-2) или «нечестный, незаконный, мошеннический» (по ТСРЯ к. XX в.), которое и выражает прагматику осуждения, общественного неприятия способов получения таких денег, продекларированную в толковых словарях в качестве официально правильной точки зрения. Негативные прагматические смыслы двухкомпонентного фразеологизма стимулировали появление трехкомпонентного сочетания *отмывание грязных денег*, который средствами денотативного уровня поверхностной части своей смысловой структуры вроде бы устраняет негативные оценки в прагматике фраземы *грязные деньги*, поскольку прямыми лексическими значениями компонентов своего состава передает семантику очищения денег, тем самым словно бы изменяет оценочный ореол этой сущности с негативного на позитивный.

Удлинение структуры фраземы явилось следствием «реагирования» языка на жесткую прагматику двучленной фраземы. Картинно-образная внутренняя форма фразеологизма *грязные деньги* представляет номинируемое явление в виде всем понятного, бытового образа испачканных грязью денежных купюр, тем самым позволяет «предложить» и выход по спасению испачканных денег – отмыть, очищая их от грязи. Образ, лежащий в основе этой метафоры, ориентирован на массовое сознание, на людей, не имеющих экономического образования, далеких от проблем отмывания грязных денег. Это во многом объясняет, почему столь важные в социально-культурном и коммуникативном планах концепты в современном литературном языке выражаются не прямо лексическим способом (например, не *отмывание*, а *легализация денег*, не *грязных*, а *преступных*), а с помощью образных метафорических фразеологизмов в расчете на то, что нужные люди декодируют нужный им смысл.

При создании трехкомпонентного фразеологического сочетания *отмывание грязных денег* проявился и момент языковой игры, поскольку в нем отразилось несоответствие оценочных пресуппозиций позитивного плана итоговой коннотации всего трехком-

понентного фразеологизма: в слове *отмывание*. Его основное лексическое значение мотивировано глаголом *отмывать / отмыть* («мытьем очищать от грязи, делать чистым» (МАС-2), оно нацелено на исправление возникшей ситуации – очищение денег от грязи. В сочетании же с фразеологизмом *грязные деньги* не только не реанимируется основное значение у слова *грязные* («покрытые грязью»), но и само стержневое слово трехкомпонентного сочетания *отмывание*, утрачивая свое основное лексическое значение, приобретает совершенно новый смысл – «легализация (незаконно полученных финансовых средств)». Новое лексическое значение у слова *отмывание* («легализация денег») появилось нестандартным путем. Оно возникло не столько на базе внутренней формы в процессе внутрисловной деривации, сколько под влиянием мощных прагматических сем слова *грязные* из фраземы *грязные деньги* по принципу синтагматического согласования и взаимовлияния смыслов соседствующих в синтагме слов (при этом свою роль сыграла и закрытость, цельность этой синтагмы, реализующей совместный смысл). Внутрисловная деривация для слова *отмывание* обеспечила ему звуковую оболочку, тем самым сохранила формальную связь с семемой прототипом – основным значением слова, но не более того. Семантика денотативных сем (образ мытья для очистки от грязи) ослабла, ушла в тень, ее заслонили собой яркие и сильные семы центральной зоны (сигнификативной и денотативной части) смысловой структуры новой семемы, идущие от компонентов *грязные деньги* (особенность «грязи» требует и особенностей отмывания ее). Семы периферийной зоны и интерпретационный ореол фраземы *грязные деньги* окончательно отрывают новую семему *отмывание* от ее мотивирующей семемы – основного значения слова и закрепляют в ней такую же негативную оценочность. Это вполне соответствует основной тенденции семантического развития языковых единиц: оно начинается с движения именно в периферийной зоне смысловой структуры этой единицы (и в слове, и во фразеологизме). Именно таким образом трехкомпонентная фразема *отмывание грязных денег* в итоге приобрела функцию номинации двойного преступления и передачи удвоенной негативной оценки этих преступлений.

Данный пример показывает, что оценочные коннотации при воспроизводстве неофраземы утрачивают свою зависимость от внутренней формы ядерного центра в структуре неофраземы – глагола. Она выполнила свою важнейшую миссию на этапе создания языковой единицы, однако при функционировании нового оборота в живой речи свою лидирующую роль внутренняя форма утратила, поскольку оказалась неспособной повлиять на дальнейшее наполнение неофраземного семантического и прагматического объема. Приобретение метафорического значения (по сути дела – оценочного оппозиита по отношению к основной семеме слова *отмывание*) связан с переключением положительной оценочной ориентации интерпретационного ореола семантики слова на отрицательную. Это вполне соответствует тенденции завуалированного обозначения негативных явлений современной России с помощью эвфемических словосочетаний, уменьшающих иллюкативную силу сообщений (*либерализация цен, свободный рынок, нейтрализовать охрану, страховой случай*).

В коммуникативной практике между отправителями и получателями подобных выражений единообразное понимание их смысла достигается за счет общности культурного и речевого опыта носителей языка, у них есть общие представления о том, что бывает и чего не может быть. Неявная когниция, отраженная в семантике оборота, расшифровывается уже на интуитивном уровне, поскольку очевидная невозможность сообщенной информации в ее прямом, буквальном смысле заставляет получателей сообщения искать в ней другие, скрытые смыслы под успокаивающими сознание словами. Контекст обычно раскрывает денотативную ситуацию, подсказывая получателю сообщения в местах эвфемизации, что в них закодирован скрытый смысл, то есть то, что хотел сообщить отправитель информации. Например, прочтя фразу *Одной из задач Комитета по финансовому мониторингу является отслеживание тех, кто занимается отмыванием грязных денег*, читатель хорошо понимает, что для отслеживания лиц, отмывающих водой испачканные денежные купюры, государство не будет создавать специальный комитет. Следовательно, отмывание грязных денег – это нечто совсем иное, это – очень серьезное экономическое зло для страны и оно стало довольно распространенным, поскольку понадобилось создание специального комитета для борьбы с ним.

Отдаленность создателей фразеологизирующихся высказываний от массового носителя языка всегда относительна. Условием реализации закадрового смысла у фразеоло-

гизировавшегося выражения как раз и является общность основной суммы фоновых знаний у создателя фразы и тиражирующих ее лиц.

Итак, мы объясняем фразеологизацию анализируемого словосочетания *отмывание грязных денег* тем, что его семантика, структура, лингвокультурный и прагматический потенциал оказались удобными для репрезентации ценностных доминант культуры и выражения актуальных смыслов эпохи с учетом особенностей языкового сознания современных россиян. Закрепление высказыванием метафорического значения достигается многократным повторением его нового смысла в различных дискурсах современной коммуникации. Развитие подобных процессов при фразеомообразовании представляет собой типичный когнитивный процесс.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: «Элпис», 2008. – 271 с.

Мокиенко, В. М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии / В. М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. Т.1. – Белгород: изд-во БелГУ, 2008. – С. 13–26.

Словари:

(МАС-2) – Словарь русского языка: в 4-х томах / АН СССР. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981/ – 1984;

(ТСРЯ к. XX в.) – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / Под ред Г. Н. Складьевской. РАН, Инст. лингв. исслед. – СПб.: изд-во «Фолио-Пресс». 1998;

(ТСРЯ XXI в.) – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складьевской. – М.: Эксмо, 2000.

Summary. The paper deals with phraseology mechanisms underlying the collocation *Отмывание грязных денег* (*dirty money laundering*). The lingual process is conditioned by the fact that linguistic, cultural, and pragmatic potentials of the collocation are convenient for implicit expression of actual sense patterns considering modern Russian lingual mentality.

Раздел VI
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ
В СВЕТЕ КОГНИТИВИСТИКИ

Корнейко Е. А., Новикова Т. Ф.

ТОПОКОНЦЕПТЫ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРИФРАЗЫ КАК ЕДИНИЦЫ
РЕГИОЛЕКТА И ИХ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
helen.korneiko@yandex.ru; TNovikova@bsu.edu.ru

В современной лингвистике всё более отчетливо проявляется интерес к функционированию языка в различных социокультурных условиях и, в частности, к вопросам регионального варьирования русского языка. Термины «региональный язык», «язык региона», «региолект» предполагают определённую функционирующую лингвистическую структуру; и действительно, есть все основания говорить о региональных говорах (региолектах) как о «самостоятельных лингвистических единствах» (Бородина, 1982: 29-30). Выделение региолектов постулирует факт наличия особых языковых состояний, которые являются наиболее распространённой, а иногда единственной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определённой территории.

Понятие региолекта активно использует в своих работах А. С. Герд. «Региолекты – ареал ряда смежных диалектов, включая города и поселки городского типа и, тем самым, весьма значительные группы того или иного этноса» (Герд, 1995: 13). Региолект, по определению А. С. Герда, «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности; это норма, с одной стороны, не достигшая статуса стандартного литературного языка, а с другой стороны, в силу наличия множества ареально варьируемых черт, не совпадающая с городским просторечием» (Там же).

«Язык региона», «региональный язык», «региолект» – в терминологическом обозначении данного языкового явления традиции пока не сложилось, но безусловно, что это понятие «неоднородное»: здесь присутствуют нормированный литературный язык, говоры и диалекты, распространённые на данной территории, жаргоны и социолекты, городское и сельское просторечие, явления смешения и контаминации родственных или контактирующих языков и др. Одни составляющие языка региона изучены и описаны лучше (литературный язык, диалекты и жаргоны), другие – гораздо в меньшей степени (социолекты, городское просторечие, микротопонимика). В наименьшей степени изучено (если не сказать больше – вообще не изучено) такое явление, как особые, специфические, только в данном регионе понятные и употребляемые слова и выражения – регионимы и регионализмы...» (Новикова, 2010: 7). Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова, занимающиеся составлением глоссария пермских локализмов, называют в качестве актуальной для словаря региона лексику трёх сфер: диалектные элементы, характерные для местной речи; городские по происхождению элементы – урбанизмы; единицы, которые квалифицируются словарями современного языка как просторечные или устаревшие литературные, но имеют подчеркнуто широкое использование в речи жителей данного региона, в отличие от других областей (Ерофеева, 1985: 6-7). Думается, названные здесь и выше лексические единицы могут быть в перспективе объединены в комплексном «Словаре региона». Вполне очевидно, что значительное место в подобном словаре будут составлять топонимы и оттопонимические образования.

Топонимия – часть культурной среды народа, запечатлевшая его миропонимание и «мироконструирование»; топонимы – неотъемлемая часть фоновых знаний носителей данного языка и культуры: в них, как в зеркале, отражается история заселения и освоения данной территории. Поэтому эта часть лексики издавна привлекает внимание филологов, историков, этнографов, географов. Для филолога важно, что именно топонимы вбирают в себя наиболее существенные пласты лексики, отражающей материальные и духовные понятия народа, в т.ч. – населения определённого региона.

Топонимический материал представляет безусловный интерес для изучения языка регионов. Впервые научный анализ топонимии Белгородчины был дан в работе И. И. Жиленковой (Жиленкова, 2001), в которой автором была представлена классифи-

кация ойконимов по семантике образующих основ и по способам их образования. Не утратившие по сей день своей актуальности наблюдения по белгородской топонимике имеются также в работах И. Г. Добродомова, В. А. Прохорова, Б. И. Осыкова, В. П. Кичигина, А. И. Крупенкова и других исследователей.

Мы предполагаем в данной статье обратиться к рассмотрению топонимических единиц, достаточно редко становящихся объектом внимания лингвистов и краеведов. Среди этих «обойденных вниманием» топонимов назовём такие группы: а) особо значимые для региона топонимы, так называемые **топоконцепты**: *Белгород, Прохоровка, Старый Оскол* и др.; б) **топонимические перифразы**: *город Первого салюта, Белый город* (Белгород), *Город горняков* (Старый Оскол, Губкин), *Город химиков* (Шебекино) и др. По нашему мнению, данные языковые объединения, находящиеся на периферии научного поиска, представляют определённый интерес для исследователей в области лингвистической когнитивистики и фразеологии, к тому же располагают не вполне востребованным в практике преподавания дидактическим потенциалом.

К сожалению, в научной литературе пока нет точного определения термина «топоконцепт», поэтому мы сошлёмся на понимание Л. М. Дмитриевой топонимического концепта как «ментального образования, аккумулирующего знание субъекта о пространственном измерении, пучок смыслов, отражение ценностной ориентации субъекта» (Дмитриева, 2002: 68). В качестве главной характеристической черты топоконцепта мы видим его способность ярко отражать культурно-ценностные представления (общие для всего народа или населения определённого региона) о конкретном географическом объекте, способность вызывать мгновенные ассоциации при упоминании данных топонимических номинаций. Согласимся, что вполне определённые устойчивые представления возникают в нашем сознании, когда мы слышим (видим, читаем) названия *Москва, Одесса, Санкт-Петербург, Севастополь*. Это не просто названия городов, за этими названиями – наша история, литературная традиция; эти номинации, имея давнюю лингвокультурную традицию, достаточно определённо декодируются всеми носителями языка. Очевидно, подобные «больше, чем названия» и могут быть квалифицированы как топоконцепты.

Белгород, Старый Оскол, Северский Донец. У жителей Центрального Черноземья эти номинации тоже вызывают свой спектр представлений. Созданные на их основе топонимические номинации являются своеобразными «культурными маркерами» нашего края.

Особо следует сказать о топониме *Белгород*, который, по нашему мнению, может быть в первую очередь отнесен к топоконцептам. Основным средством языковой объективации топоконцепта «Белгород» выступает как сам топоним, так и прецедентные имена, большая часть которых является микротопонимами и эргонимами, находящимися в гипонимических отношениях с основным топонимом: аэропорт «*Белгород*», универмаг «*Белгород*», гостиница «*Белгород*», *Белгородский университет, Белгородский академический драматический театр им. М. С. Щепкина, Белгородский проспект* и др.

Как известно, одной из особенностей белгородской топонимии является широкое функционирование корня **-бел-**: он встречается в более чем десяти названиях населенных пунктов Белгородской области. За длительный период существования слова корнем **-бел-** развили в русском языке ряд переносных значений, образовали обширное словообразовательное гнездо. Основное значение общерусского слова *белый* – имеющий цвет снега, молока, мела. Распространенность данного корня в топонимии Белгородской области обусловлена большими залежами мела, которые, в первую очередь, и дали название областному центру. Белгородский краевед Б. И. Осыков так объясняет происхождение названия города в популярном издании «Города Белогорья»:

– *А почему наш город так называется – Белгород?*

– *Потому, ребята, что люди построили его на Белой горе, самой большой и самой высокой в округе* (Осыков, 2008: 3)

Однако не всё так просто и однозначно в происхождении данного названия. В. П. Кичигин в статье «Гуманитарно-филологическое предисловие к геокультурному и историческому пространству Белгорода и его окрестностей» рассматривает и другие версии происхождения топонима (Кичигин, 2000). К моменту написания «Истории государства Российского» уже активно шёл спор о том, почему городу дано имя Белгород: оттого ли, что стоял он «на горе меловой» («белой»), или были тому другие причины? Историки чаще всего связывают название города с местом расположения – у меловой горы. Но почему тогда, если от Белой горы пошло название, город не стал называться Белогорск? По-

чему в имени города нет слова «гора»? К тому же в местных говорах мел зачастую назывался «глиной»... (Кичигин, 2000: 65-66).

Наиболее распространена версия В. А. Никонова о том, что Белгород получил название по белому цвету зданий, побеленных мелом (Никонов, 1966: 34).

Однако слово *белый* на Руси всегда имело особый смысл и связывалось не только с обозначением цвета, что подтверждается исторически: Русское государство территориально делилось на Великую, Малую и Белую Русь. В славянской мифологии Белбог – бог света, жизни, противостоящий Чернобогу – богу тьмы, мрака, смерти, холода. Лексема *белый* раньше имела ряд значений, ныне современным языком утраченных: во-первых, свободный от податей, по-современному говоря, от налогов (город); во-вторых, полный, «дебелый» крупный, большой (человек); в-третьих, *белый* обозначал чистоту, невинность, святость (как в словосочетании «белый лебедь»). В фольклорном названии «Беловодье» *белый* обозначал благодатную землю, незамутненную воду, воплощённый символ плодородия и чистоты, «рай на земле».

Вобравшее два древних, глубоких по содержанию слова: *белый* и *город*, имя *Белгород* всегда несло и теперь несёт смысл света, чистоты, справедливости. Белгород XVI века встал на границе нового государства – Московской Руси, а затем России как граница светлого, «устроенного» мира. Он стал центром Засечной черты, прикрывшей Московскую Русь, а затем Россию от мира иного, не совпадающего в представлении предков с понятием «белый». Идея исторической светоносности города стала доминантной для города в XX веке. Город прибавил к своему имени ещё один признак света, огня, ярких красок – «город Первого салюта». Белгород стал городом-символом, символом, возвещающим о победе сил света над силами тьмы в годы Великой Отечественной войны.

К топонимам, которые также могут быть названы «сугубо белгородскими» и отнесены к топоконцептам, очевидно, следует отнести имя *Прохоровка*. Ойконим *Прохоровка* достаточно широко распространён в русской топонимике (например, село Прохоровка в Ростовской области и др.), однако когда говорят: «Там, под Прохоровкой...» или «Никогда не забыть нам Прохоровки...», все понимают, что речь идёт о посёлке Прохоровка Белгородской области. Белгородская Прохоровка получила своё название по имени первого владельца – Прохора Ильинского. Под Прохоровкой 12 июля 1943 года произошло беспрецедентное в истории войн встречное танковое сражение, одно из величайших сражений Великой Отечественной войны. Посёлок Прохоровка до этого сражения был мало кому известен. Теперь о нём знают не только у нас в стране, но и за рубежом, а легендарное Прохоровское поле по праву поставлено историей в один ряд с полями Куликовым и Бородинским. Топоним «Прохоровка» мы относим к топоконцептам, поскольку это не только топоним, но и хроним, идеоним: в данном случае именем географического объекта называются значительные исторические события, произошедшие на данной территории.

Помимо того, что обращение к анализу топоконцептов актуально для лингвокогнитивистики, не менее важно обращение к подобным языковым примерам в лингводидактическом аспекте. Например, учитель, предложив для морфемного и словообразовательного анализа местные топонимы (*Белгород*, *Прохоровка*, *Холки* и др.), может попутно дать к данным именам краткий или развернутый лингвокультурный комментарий, формируя тем самым культуроведческую и регионоведческую компетенцию своих учеников. Ещё в большей степени обладают развивающим культуроведческим потенциалом образные поэтические названия местных топонимов – топонимические перифразы. Стилистическое понятие «перифраза» изучается в настоящее время в 9-11 классах средней школы, поэтому введение в лексикон старшеклассников термина «топонимическая перифраза» не вызовет затруднений.

Перифразы «репрезентируют целое по его когнитивным компонентам», «подчеркивают какие-либо его признаки», «обладают образностью, иносказательностью» (Гукова, Фомина, 2004: 258); топонимические перифразы закрепляют в виде устойчивых номинаций стереотипное осмысление концептов, вербализованных топонимами: Воронеж называют *столицей Черноземья*, *колыбелью русского флота*, Санкт-Петербург – *культурной столицей России*, Иваново – *Городом невест*, Урюпинск – *столицей пуховых платков*, *столицей русской провинции* и др. Подобные номинации Белгорода, построенные по стандартным структурным моделям, следующие: *город Первого салюта* (5 августа 1943 года в Москве был дан первый салют Великой Отечественной войны – в честь освобождения Белгорода и Орла), *Белый город*, *Город воинской славы* (звание, присвоенное

городу за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками этих городов в борьбе за свободу и независимость Отечества, указом президента от 27.04. 2007 г.), *столица Святого Белогорья* (используется в СМИ) и др. Данные перифрастические наименования прочно вошли в употребление: например, в неофициальном гимне города он называется *Белый город* («Белый, белый, белый, белый город...»), в текстах белгородских поэтов часто используются наименования Белгорода, которые мотивируют внутреннюю форму данного онома: *Что за белым тем холмом? / Горы меловые, / Или Белый город – дом, / Или клад России?* (И. Чернухин).

Отголоски перифрастических номинаций города звучат в названиях белгородских эргонимов: стадион «*Салют*», ресторан «*Белый город*» и др., обыгрываются в рекламе: на остановочном комплексе на ул. Мичурина можно прочесть: «Лучшие салюты для города Первого салюта!»

Некоторые топонимические перифразы могут одновременно относиться к разным населенным пунктам: например, *Городом горняков* на Белгородчине называют и Губкин, и Старый Оскол. Это объясняется сходством их экономической деятельности: в Губкине расположен Лебединский горно-обогатительный комбинат, комбинат «КМАруда», в Старом Осколе – Стойленский горно-обогатительный комбинат; предприятия обоих городов входят в число крупнейших в мире предприятий по добыче железной руды

Одна из важнейших функций перифразы является возможность не только называть предметы или явления, но и описывать их. Топонимические перифразы в полной мере реализуют эту возможность, концентрированно передавая сущность называемого объекта, основываясь, например, на его географическом положении (Алексеевка – *город на Тихой Сосне*), участии в исторически значимых событиях (Белгород – *город Первого салюта*), ведущей экономической деятельности (Старый Оскол – *Город горняков*, Шебекино – *Город химиков*), природных и географических особенностях (Ракитное – *Зеленая столица Белогорья*, Короча – *второй Крым*) и др.

Список топонимических перифраз постоянно пополняется. Появились новые перифрастические наименования Белгорода: *Мясомолочная столица России* – в связи с достижениями в области АПК; *Столица волейбола* – в связи с тем, что 4 игрока волейбольной команды «Локомотив-Белогорье» стали чемпионами в составе сборной России на XXX летних Олимпийских играх в Лондоне и др.

Обращение в работе с учащимися к топонимическим перифразам позволяет развивать не только их языковедческую и культуроведческую компетенцию, но и совершенствовать ортологические умения, в частности, умение правильно оформлять собственные наименования. Разнобой в современном употреблении прописной и строчной букв стал уже притчей во языцех. Определяя орфографический облик топонимических перифраз, следует руководствоваться правилом, что в неофициальных устойчивых, в т. ч. образных названиях государств и городов, с прописной буквы пишется первое или ключевое слово, а также (если они есть) собственные имена, например: Страна восходящего солнца (о Японии), Поднебесная империя или Поднебесная (об императорском Китае), Страна тюльпанов (о Голландии), Вечный город (о Риме) и др. (См. Правила..., 2006: 361). К сожалению, этой информацией зачастую не в полной мере владеют и сами преподаватели. Поэтому обращение в практике преподавания родного языка к подобному неординарному языковому материалу актуально как в лингвокультурном, так и в лингвопрагматическом аспекте.

Литература

Бородина, М. А. Диалекты или региональные языки? / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1982. – № 5. – С. 29-38.

Герд, А. С. Введение в этнолингвистику: учеб. пособие / А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – 92 с.

Гукова, Л. Н., Фомина, Л. Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина. Словарь // Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина: пособие для учителя. – Одесса: Дом, 2004. – 192 с.

Дмитриева, Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимики Алтая) / Л. М. Дмитриева: монография. – Барнаул, 2002. – 254 с.

Ерофеева, Т. И. Проект словаря локальных элементов, бытующих в литературной речи Пермской области / Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь: Изд. Пермского ун-та, 1985. – С. 5-10.

Жиленкова, И. И. Региональная топонимика (ойконимия Белгородской области) / И. И. Жиленкова: Учебное пособие к спецкурсу. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – 112 с.

Кичигин, В. П. Гуманитарно-филологическое предисловие к геокультурному и историческому пространству Белгорода и его окрестностей / В. П. Кичигин // Белогорье. Краеведческий альманах. №2. – Белгород: Изд. БелГУ, 2000. – С.65-66.

Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М.: Энциклопедия, 1966. – 509 с.

Новикова, Т. Ф. Лингворегионоведение: ч.1. / Т. Ф. Новикова: программа и программно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.

Осыков, Б. И. Города Белогорья / Осыков Б. И.: краеведческие очерки, историческая хроника, стихи о городах Белгородской области. – Белгород: КОНСТАНТА, 2008. – 84 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.

Summary. The paper attempts to review and describe topokontsepts and toponymic periphrasis of the Belgorod region in terms for inclusion in the regional dictionary and use in teaching of Russian language.

Озерова Е. Г., Шевелева М. Ю.
ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
ozeroval@bsu.edu.ru
mauua91@mail.ru

Фразеологизмы старославянского языка служат важнейшим средством репрезентации тех духовных концептов, которые проецируют когнитивно-прагматическую сущность художественного текста. Однако их роль в формировании ценностно-смыслового пространства русской прозы все еще остается на периферии лингвистического поиска. Национально-культурная специфика фразеологизмов старославянского языка обуславливается тем, что их функционирование предопределяется специфической народной философией жизнесмыслов, которая служит своего рода камертоном православного мировосприятия, порождающим особый стиль художественного мышления. В связи с этим, объектом нашего исследования являются фразеологизмы старославянского языка и работа над ними в школе. Предмет исследования – употребление фразеологизмов старославянского языка в художественных текстах школьной программы. Материалом исследования является проза В.Н. Крупина, так как его произведения а) легко читаются и понимаются школьниками, б) вызывают интерес в связи с современностью и близостью писателя к читателю, в) включают в себя большой свод фразеологизмов старославянского языка, в основном библейских.

Отметим, что работа над фразеологизмами в школе предполагает изучение их исходного и вариативного, обусловленного контекстом значения, таким образом, историко-этимологический анализ является бинарным и направлен: 1) на выяснение истории и этимологии фразеологизма, 2) на выяснение современного значения фразеологизма и правильного использования его в речи. Большинство устойчивых словесных комплексов и идиом старославянского языка, употребляемых в текстах В.Н. Крупина, имеют ветхозаветные корни и являются фразеологизмами библейского происхождения. Согласно классификации Я.С. Зайцевой, можно выделить три типа фразеологизмов:

1. «Выражения, отличающиеся уже в Библии целостностью значения, экспрессивной выразительностью и практически сформировавшиеся в качестве фразеологических единиц» (Зайцева, 2010: 20). «...людей же поминаешь. Чего это такое: такой-то и **иже с ним**. Чего это за имя – «**иже с ним**»? У тебя-то небось имя полное – отец Михаил, и они, грешные, не «иже с ним». Ничего себе имечко. Вот тебя бы так обозвали. Мученики не скопом за Христа мучились, каждый отдельно за Господа страдал» (Крупин В.Н. «Марусины платки»). Во фразеологическом словаре старославянского языка дается следующая дефиниция:

(И) иже (ѣѡхъ) съ нимъ, съ ними

И те (были) с ним; и те, кто (были) с ним. О людях, близких кому-либо по положению. Взглядам; о единомышленниках, сподвижниках.

• В обороте (**И**) *ниже съ нимъ* грамматическим центром является местоимение *ниже*. Как свидетельствуют старославянские памятники, вероятно, в X – XI вв. это местоимение могло сохранять еще свое прежнее указательное значение 'тот', 'те', на которое уже накладывалось новое относительное значение 'который', и тогда оно играло роль подлежащего во второй части сложносочиненного предложения, присоединявшегося с помощью сочинительного союза «и» и имевшего в своем составе сказуемое (обычно имперфект нетематического глагола *быти – бѣахъ*) (Шулежкова, 2011: 200-201).

2. «Фразеологизмы, образованные на базе свободных сочетаний Библии, но получившие во фразеологии новое, фразеологическое значение» (Зайцева, 2010: 20). «У меня огромная радость – бабушка благословляет **нести крест**» (Крупин В. Н. «Крестный ход»). Исходная цитата из Библии: «И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа. Там распяли Его и с Ним двух других по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса» – фразеологизировалась и приобрела значение «терпеливо переносить страдания, испытания, выпавшие на чью-либо долю» (Мокиенко, 2010: 277). Однако в индивидуально-авторском контексте она получает новое коннотативное значение, происходит перенос на прямое значение церковного креста, нести который в праздник для мальчика честь и радость.

3. Фразеологизмы, «не представленные данным лексическим составом в Библии, но семантически детерминированные библейскими текстами» (Зайцева, 2010: 21). «Бабушка, отец Антоний, нацепляет мешок на плечи поверх рясы, облачается в темную фелонь, кажется горбатым. Выносят **неугасимый фонарь**. В нем разноцветные стеклышки. Внутри горят восковые свечи» (Крупин В. Н. «Крестный ход»). Образ-символ фонаря, неугасимой лампы восходит к ветхозаветной цитате «...И вели сынам Израилевым, чтобы они приносили тебе елей чистый, выбитый из маслин, для освещения, чтобы горел светильник во всякое время», где сам предмет не назван, однако появившийся впоследствии фразеологизм детерминирован библейским текстом.

Методика работы над данными фразеологизмами обусловлена учебной программой (например, в пятом классе учащиеся начинают знакомиться на занятиях с основами православной и других религиозных культур). Следует сказать и о возрастных особенностях учащихся, так как изучение художественных произведений В.Н. Крупина осуществляется в пятом классе, когда учащиеся находятся на промежуточном этапе: образное мышление сочетается с формирующимся логическим восприятием. Вследствие этого наиболее удачным решением для педагога-филолога является подбор ситуативных фразеологизмов.

• **Тьма египетская.**

В толковом словаре библейских выражений и слов находим:

ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ, ЕГИПЕТСКАЯ ТЬМА. *Книжн.* Полная, непроглядная темнота.

Восходит к ветхозаветному повествованию о **казнях египетских**.

📖 Ср. исх. 10, 21 – 23: И сказал Господь Моисею: простри руку твою к небу, и будет тьма на земле Египетской, осязаемая тьма. Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня. Не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня (Мокиенко 2010, 481).

В художественных текстах В. Н. Крупина встречаем: «**Тьма египетская**» – это из прочтенного мамой рассказа Булгакова, а стала она применять выражение к отцу, когда он выпил аптечный пузырек с лекарством. А Булгаков, в свою очередь, взял тьму египетскую из Библии, эта тьма укрыла святое семейство от царя Ирода по пути в Каир (Крупин В. Н. «Сороковой день»). Отметим, что в данном контексте осуществляется процесс дивергенции, отклонения значения от исходного и приобретения нового коннотативного значения: у Булгакова М. А. «тьма египетская в глазах» у мельника, занимавшегося самолечением и принявшего слишком большую дозу лекарства, становится символом невежества, темноты крестьян. Таким образом, в тексте В. Н. Крупина проявляется омонимия форм, противопоставление исходного и конечного значений, фразеологизм расширяет смысловое пространство и приобретает два значения: 1) 'непроглядная темнота', 2) 'непроглядное невежество, незнание'.

- **Тело и Кровь Христова.**

Причащаются дядя Вася и Тамара истово, с благоговением. Впервые в жизни причащаются. Читаю благодарственные молитвы по Святом Причащении. Тамара старается дать батюшке приготовленные деньги. Он твердо отстраняет руку. – **Тело Христова и Кровь** не продаются. Если хотите помочь храму, положите, сколько можете, в ящик в храме (Крупин В. Н. «Тают снега. Весенний дневник»). В рассматриваемом контексте актуализируется исходное значение выражения, в Евангелии от Матфея сказано, что во время трапезы апостолов и Христа в Великий четверг, «Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ешьте: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов». Таким образом, слова священника приобретают дополнительные коннотативные смыслы: Тело и Кровь Христовы – это 'символ веры, церкви и православия, истинного пути к Богу'.

«Причащается раб божий Сергей...» – а в это время хор пел: «**Тело Христово** примите, источника бессмертного вкусите». Сережа причастился, поцеловал чашу со скрещенными руками, подошел к столику, где ласковая старушка подала ему крохотный серебряный ковшик со сладкой водичкой и мягкую просфору (Крупин В. Н. «Первая исповедь»). Выражение **Тело Христово** приобретает индивидуально-авторскую коннотацию: Тело Христово и бессмертный источник для героя рассказа – 'ковшик со сладкой водичкой и мягкая просфора'. Коннотативный фон художественного текста создается дискурсивно обусловленной смысловой и экспрессивной энергетикой фразеологизма. Своеобразие коннотации как языковой универсалии заключается в специфике значимых единиц фразеологизма и их комбинаторики в организации текста.

В толковом словаре библейских выражений и слов читаем:

ТЕЛО ХРИСТОВО. *Книжн., высок.* Святой хлеб, которым причащают верующих в христианской церкви.

📖 Ср. 1. Кор. 10. 16 – 17. Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба (Мокиенко, 2010: 475).

- Сodom и Гоморра.

При введении на уроке этого фразеологизма учителю следует проявлять особую тщательность в подборе материала для объяснения семантики и этимологии выражения. Во фразеологическом словаре старославянского языка говорится о содомском грехе:

СОДОМЬСКЪ И ГОМОРЬСКЪ

Греховный, развратный, распутный, беззаконный (Шулежкова, 2011: 317).

Во фразеологическом словаре русского литературного языка закреплены несколько значений фразеологизма:

СОДОМ И ГОМОРРА. *Книжн.* Древние города вблизи Мертвого моря, которые были до основания разрушены Богом за грехи и беззакония их жителей. В живых был оставлен один праведник Лот с семейством (Мокиенко, 2010: 442).

В доме отца Виктора как в «**саду Могоморы**». Это выражение матушки Зои. Детей у них уже перевалило за десяток. Все тут есть: и Ваня, и Маша, и Гриша, и Владимир, и Екатерина, и Надежда, и Василий, и Нина... всех не упомнишь. Шум, крик, стычки (Крупин В. Н. «Прошли времена, остались сроки»). Отметим, что в данном контексте наблюдается искажение фразеологизма, возникает его окказиональная номинация. Образование таких контаминированных конструкций является рекуррентным для детской речи, когда неизвестные реалии структурируются в сочетании понятных говорящему обозначений и приобретают новое семантическое пространство: «сад Могоморы» – 'беспорядок, шум, гам'. Такие фразеологизмы эксплицируют субъективные смысловые оттенки, наполняя образные сочетания окказиональными коннотативами, которые активизируют семантическое восприятие художественного текста. Отметим, что при работе над фразеологизмами старославянского языка не следует усложнять их толкование, методически оправданным, на наш взгляд, обратить внимание учащихся на объяснение исторической ситуации, в результате которой возник фразеологизм.

Дидактические аспекты изучения фразеологизмов старославянского языка репрезентируют ценностно-культурные ориентиры, раскрывают смысловой тезаурус

художественного текста, восприятие которого обусловлено тем комплексом глубинных смыслов, которые эксплицируют авторский замысел.

Литература

Зайцева, Я.С. Структурно-семантические и стилистические особенности фразеологизмов библейского происхождения в современном русском языке / Дисс. – Саранск, 2010. – 291 с.

Мокиенко, В.М. толковый словарь библейских выражений и слов / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина – М.: АСТ, 2010.

Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколлегии: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 424 с.

Summary. The article deals with didactic aspects of studying phraseology of Old Church Slavonic, which represent values and cultural landmarks, open semantic thesaurus of literary text.

Самосенкова Т. В.

КРУГОВОРОТ «ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЭТНОСОВ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
samosenkova@bsu.edu.ru

Язык и культура постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. В языке фиксируются объекты и события, представляющие культурную значимость. Современные работы многих учёных нацелены на поиск и описание универсалий в языке (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. Е. Кибрик, Б. А. Успенский, Б. М. Гаспаров, В. А. Звягинцев и др.) К таким универсальным (концептуальным и языковым) категориям относятся и время.

В пословицах и поговорках, выражающих народное представление о временных категориях, в частности, о начале и конце, не только раскрывается значение цикличности всего происходящего и сакрализуется начало, не просто отражается религиозный смысл этих понятий или ритуальность, в них заключённая, на первый план выступает философский характер размышлений о времени, так называемая народная житейская мудрость, которая формировалась веками, и морально-нравственная оценка, составляющие содержательную и жанровую основу этого вида народного творчества. В своем значении паремия как набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в обществе носителей языка, опирается на концепт, понимаемый как невербальное образование, которое осмысливается, переживается и получает название по слову, через которое оно вербализуется.

Мифология времени, пишет С. М. Толстая, включает идею начала и конца мира, память о смене поколений, сознание линейности человеческой жизни от рождения до смерти. Однако, по мнению ученого, цикличность мифологического времени это не просто следование природным, солнечным, лунным, вегетативным циклам (времена года, фазы луны, суточное время, периода роста и созревания растений), линейное время (историческое, жизненное) в традиционной культуре постоянно преобразуется в циклическое и вовлекается в круговорот «вечного возвращения». Это находит непосредственное отражение в произведениях народного творчества.

Каждый дифференцированный промежуток времени в любом обряде связан с действием и органичен определённым началом и концом этого действия. «Начало» и «конец» часто находят для себя конкретное обозначение в языковых традициях, сопровождаются религиозным и бытовым ритуалом. Различные словесные выражения, обозначающие начало и конец промежутка времени, различного рода обычаи, связанные с началом и концом, играют определённую роль в процессе восприятия времени, сообщают ему значительную дифференцированность.

Начало и конец тесно связаны в сознании русского человека: «Где не было начала, не будет и конца». Началу придается особое значение, оно получает качественную оценку – положительную или отрицательную: «Доброе начало – половина дела», «Плохое нача-

ло, и дело стало». Однако любое дело оценивается по его результату, концу: «Не смотри начала, смотри конца. Не верь началу, а верь концу».

В Китае даосисты утверждали, что «...состояние Вселенной неуловимо, а её изменения бесконечны». Чжуан-цзы чётко изложил даосистские взгляды о круговороте в природе: «От единого начала происходят вещи, которые сменяют друг друга в самых различных формах. Их начало и конец вертятся как колесо, и нельзя установить, где они находятся». В книге «Дао-дэ цзина» написано: «Начало и конец друг за другом следуют». Китайские пословицы и поговорки отражают этот взгляд: «Весна – решающее время года, а утро решающее время суток».

Применительно к жизни человека понятия начала и конца связаны с характеристикой такого процесса, закономерный ход которого ведёт к его самоотрицанию, к переходу в его противоположность, поэтому главными координатами на жизненной оси являются жизнь и смерть. Народные представления о времени образуют определённую, строго организованную систему понятий, ценностных ориентиров, и в основе её лежит кардинальная оппозиция «жизнь – смерть»: представление о временной протяжённости, изменчивости, движении жизни и о безвременье, неизменности, неподвижности, смерти.

Время – категория, свойственная этому, здешнему миру, миру живых, в потустороннем мире времени нет: он неподвижен и неизменен.

Пословицы о жизни и смерти тем более не ограничиваются констатацией количественных параметров протяженности, движения и неподвижности, свойственных названным онтологическим понятиям. С одной стороны, по-новому освещается их оппозиционность – как двух качественных сторон человеческого существования. Категория жизни и смерти, находясь в одном ряду, конечно, противопоставлены друг другу и представляют собой характеристику единого процесса, хотя ценность все-таки придается жизни: «Живой смерти не ищет», «Живой в могилу не ляжет». С другой стороны, между ними есть определенное сходство. Во-первых, наблюдается близость дистанционная: «Промеж жизни и смерти и блошка не проскочит», «Седни жив, а завтра – жил». Самая тесная связь и абсолютная близость двух оппозитивов нашла выражение в лексическом соседстве внутри устойчивого оборота «по гроб жизни». Однако, за всем этим стоит все-таки не близость реального расстояния, а складывающееся с годами представление о краткости жизни. Во-вторых, это сходство имеет и качественную, скорее отрицательную характеристику: «Жить плохо, да ведь и умереть не находка», «Жить грустно, а умирать тошно». В целом тональность высказываний далека от оптимистической при характеристике отведённого человеку срока жизни. Пословицы и поговорки с концептами «Жизнь» – «Смерть» в русском языке представляют довольно многочисленную группу. При этом преобладают поговорки с концептом «Жизнь» (Пржилинский приводит соотношение в русских пословицах и поговорках с концептом «Жизнь» 31:88, а с концептом «Смерть» 15:61).

Концепт «Жизнь» в русских пословицах и поговорках в большинстве случаев выражается глаголами, что, видимо, связано с тем, что жизнь – это процесс. Концепт «смерть» чаще выражается существительными, что объясняется тем, что смерть в русской наивной картине мира – явление статичное.

В русском языке «жизнь» имеет значение – «бытие», «продолжение земной жизни от рождения до смерти», «род и образ жизни», «быт, деяния, поступки, хождения и пр.», «существование отдельной личности. Жить – значит «существовать, находиться в процессе жизни», «проводить жизнь в каком-либо месте, среди кого-либо, «поддерживать своё существование чем-либо», «вести какой-нибудь образ жизни». Живой имеет значение – тот, который живёт, обладает жизнью», «деятельный, полный жизненной энергией». В русском языке концепт «Жизнь» имеет положительную коннотацию, а в паремиологической системе русского языка концепт «Жизнь» реализует не только положительную, но также нейтральную и отрицательную коннотацию. Отрицательная коннотация концепта «Жизнь» проявляется, когда жизнь человека сложна и трудна или человек живёт ненадлежащим образом.

В Китае представление о жизни и смерти выглядит как «Мир рождений и смертей». Смерть в данном смысле значима не как грозное, экстраординарное событие, прерывающее уникальность, неповторимость жизни, а как своего рода сигнал к новому витку перерождений. Иначе говоря, смерть понимается не только как конец жизни, но и как её начало. В китайском языке существует выражение «Встретимся в третьей жизни», т. е.

люди верят, что существует жизнь прошлая, настоящая и будущая, поэтому смерть воспринимается как начало новой жизни.

В китайском буддизме цепь причинно-зависимого происхождения состоит из двенадцати звеньев (нидан), и, в принципе, безразлично, с какой ниданы начинать изложение, поскольку наличие любой из них обуславливает и все остальные. Однако логика изложения требует, тем не менее, определённого порядка, который будет соблюден и здесь:

1. Прошлая жизнь (точнее, промежуток между смертью и новым рождением, антарабхава). Авидья (неведение). Неведение (в смысле непонимания и непрочувствования) четырёх Благородных Истин, заблуждение относительно собственной природы и природы существования как такового обуславливает наличие – самскар (формирующие факторы, мотивации, базовые подсознательные влечения и импульсы), влекущих умершего к новому переживанию бытия, новому рождению. Промежуточное существование заканчивается, и происходит зачатие новой жизни.

2. Данная жизнь. Наличие самскар обуславливает появление сознания (виджняна), неоформленного и аморфного. Наличие сознания обуславливает формирование имени и формы (нама-рупа), то есть психофизических характеристик человеческого существа. На основе этих психофизических структур формируются – шесть баз (шад аятана), то есть шесть органов, или способностей (индрия), чувственного восприятия. Шестой индрией является манас (ум), также считающийся органом восприятия умопостигаемого. В момент рождения шесть органов восприятия приходят в соприкосновение (спарша) с объектами чувственного восприятия, в результате чего возникает чувство (ведана) приятного, неприятного или нейтрального. Чувство приятного и желание вновь испытать его, приводят к появлению – влечения, страсти (тришна), тогда как чувство неприятного формирует отвращение. Влечение и отвращение как две стороны одного состояния образуют – упадану (схватывание, привязанность). Влечения и привязанности составляют сущность – жизни, сансарического бытия (бхава). Но эта жизнь непременно должна привести к – следующей жизни.

3. Следующая жизнь. Новому рождению (джати), которое в свою очередь непременно закончится – старостью и смертью (джала-марана). Вот краткое перечисление звеньев цепи причинно-зависимого продолжения жизни, т. е. «начала» и «конца».

Паремии с концептами «Жизнь» и «Смерть» в китайском языке немногочисленны. Среди отобранного лингвистического материала значительно преобладают поговорки (с концептом «Жизнь» соотношение 13:20, а с концептом «Смерть» – 6:16). Концепт «Жизнь» при этом в большинстве случаев выражается глаголом, т.к. жизнь носителями китайского языка воспринимается как процесс, движение, деятельность, а концепт «Смерть» представлен преимущественно существительными, потому что смерть в сознании китайца – состояние, а не процесс. Жизнь динамична, смерть же – статична. В китайской языковой картине мира концепт «Жизнь» амбивалентен, помимо положительного отношения проявляется и отрицательное и оценка жизни. Положительная и отрицательная коннотации реализуются практически в равной мере. Отрицательная коннотация появляется, когда жизнь человека бесцельна, не имеет смысла и содержания. В китайском языке смерть имеет следующие значения: «прекращение жизни», «конец земной жизни», «кончина», «переход к вечной духовной жизни», «гибель и распад организма», «кончина». Умереть – значит «перестать жить», «подвергнуться смерти, защищая кого-нибудь».

Названные концепты отражают особенности мировосприятия русских и китайцев, формировавшиеся в течение столетий. Они вербализованы большим количеством лексических и фразеологических единиц, пословично-поговорочных выражений, отражающих представления о начале и конце промежуточного времени, в основе которых лежат общечеловеческие образы, а также образы, свойственные русскому и китайскому этносу.

Summary. The author analyzes the proverbs of the Russian and Chinese languages which verbalize the idea of time: the beginning and the end, cycling, life and death, and which update the relevant concepts.

Стеванович Р. И.
ОТРАЖЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОДИРОВАНИЯ ОПЫТА
И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ЭВРИСТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(на материале русского и английского языков)

Украина, г. Николаев, Черноморский государственный университет имени Петра Могилы
stevanovich@inbox.ru

В настоящее время широкий всплеск получила когнитивная наука и её отрасль – когнитивная лингвистика, которая исследует мышление, работу мозга на основе языкового материала. Н. Н. Болдырев отмечает, что «когнитивная наука – одно из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами» (Болдырев, 2000: 31). Когнитивная наука, по определению Е. С. Кубряковой, – междисциплинарна и представляет собой «зонтиковый» термин для целого ряда наук – философии, психологии, логики, биологии, лингвистики (Кубрякова, 2004: 42). Наряду с развитием когнитивной науки и её отрасли – когнитивной лингвистики – большой интерес привлекает эвристика – наука о творческом мышлении. Эвристика и когнитивная наука имеют много общего. Обе науки – междисциплинарны, они родились на перекрёстке психологии, физиологии, логики, математики, философии, кибернетики. Общим фундаментом как для эвристики, так и для когнитивной науки является психология. Обе науки – антропоцентричны. Современная антропоцентрическая парадигма основывается на том, что человек познаёт мир через свою практическую и теоретическую деятельность в нём. В языке отражены знания о человеке. «Человек – это тот центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» (Попова, 2002: 69). В центре эвристики как науки стоит человек – производитель нового знания – творческая личность. Эвристика изучает познавательный потенциал творческой личности, её психологические параметры. В целом, можно сказать, что эвристика – это наука о науке, а стержнем когнитивной лингвистики является получение знания о знании (Кубрякова, 2004: 41).

Одним из достоинств когнитивной лингвистики является своеобразное видение организации языка и его элементов, облегчающих их классификацию и категоризацию. Группы языковых единиц базируются на системе концептов, отображающих представления людей о той или иной сфере деятельности и дающих возможность с большей точностью определить принадлежность каждого элемента к той или иной группе.

Внутренняя организация концептов описывается характерной концептуальной схемой. Концептуальные структуры возникают на основе образ-схем, являющихся результатом нашего взаимодействия с внешним миром. Методом лингвистического исследования выступает концептуальный анализ, который предполагает реконструкцию интеллектуальной сферы человека на основе данных языка, как углубленного семантического и функционального исследования представлений и понятий, сформировавшихся в языке и языком, и «который к началу 20 в. стал магистральным. Он позволяет связать сущность языка с жизнью, личностью, народом, его ментальной культурой, национальными особенностями» (Рябцева, 2005: 56-58).

Смысл концептуального анализа – реконструкция знаний о мире, складывающаяся в языковую картину мира. Для языковой картины мира характерна выразительность, эмоциональность, импрессивность, образность, меткость и в целом – антропоцентричность, т.к. связана с отражением мира субъектом. «Языковая картина мира – совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» (Пименова, 2011: 15). Языковая картина мира составляет часть практической картины мира. «Практическая картина мира складывается в процессе жизненной деятельности и накопления практического опыта и на основе зрительного восприятия – «бокового зрения» – lateral thinking и на основе «краевого сознания» – fringe consciousness. Она запечатлена в обыденном языке» (Рябцева, 2005: 58). Язык воплощает в себе здравый смысл своих носителей, их практический опыт.

Главный принцип языкового освоения мира – восприятие и представление «неочевидного» через физический воспринимаемый мир, как бы «опредмечивание» абстрактного через метафоризацию.

Достижением здравого смысла в освоении непредметных сущностей Н. К. Рябцева называет «принципом наглядности в языке». В целом, «принцип наглядности» заключается в «опредмечивании» непредметных сущностей, в описании их по образу и подобию (восприятию) окружающего мира. Соответствующие языковые средства превращаются в устойчивые обороты и сочетания, фразеологизмы и идиомы. Механизм опредмечивания непредметных сущностей и превращение их описания во фразеологические единицы характерен для здравого смысла на любом языке, т.к. он «здрав», рационален, понятен, нагляден и выразителен. «Фразеологическое представление опыта и практических знаний проходит через метафоризацию и символизацию здравого смысла, позволяющие его «опредмечивать» и представлять в наглядном виде» (Рябцева, 2005: 135).

В этом проявляется «естественность» естественного языка, его простота, доступность, общепонятность и «ощущаемость» его выразительных средств и в то же время отражается связь с культурой, национальным менталитетом. Целью данного исследования является изучение того, как и в какой мере языковые единицы (в данном случае фразеологизмы) отражают наши знания о такой сфере человеческой деятельности, как мыслительная деятельность, в частности эвристическая мыслительная деятельность, связанная с решением творческих задач.

Язык воплощает в себе практический опыт своих носителей, отражает национальную специфику их представлений о мире. Фразеология как особый пласт языка обладает целым рядом принципиальных средств, делающих устойчивые обороты разных языков схожими и одинаково целостными. Это – меткость, краткость, выразительность, образность, остроумие. Они отражают творческое отношение говорящего к языку. «Фразеологический состав языка наиболее отчетливо показывает специфику языкового мышления народа» (Кубрякова, 2004: 9).

Отношение к языку национально специфично. Фразеологизмы иностранного языка требуют объяснения, привлечения глобального контекста; поражают своей необычностью, заставляют недоумевать и часто их трудно переводить. «Фразеологические единицы изучаются в условиях их реально речевого употребления в речи» (Кунин, 1970: 38). Например, выражение *take counsel of your pillow* переводится как «посоветуйся с подушкой», что означает определенный творческий «отдых», связанный с «инкубацией» – стадией творческого процесса, когда учёный сознательно отвлекается от решения проблемы. Данная мысль эксплицируется в следующем контексте: *There are certain moments in which it is better to leave the problem alone for a while. "Take counsel of your pillow" is an old piece of advice* (Wallas S. G., 1967: 91). – «Существуют определенные моменты, когда на короткое время нужно оставить решение проблемы. «Отдохни – посоветуйся с подушкой» – старый добрый совет». Другая фразеологическая единица *mad as a hatter* – «совсем безумный» часто встречается в мыслительной деятельности как выражение особой похвалы генератора идей. Приводимый ниже контекст иллюстрирует содержание данного фразеологизма: *"Mad as a hatter" is a term of high praise when applied to a person of marked intellectual endowment. But the "divine madness" that the Greeks considered a gift of the Gods* (Barron F., 1969: 73). – «Сумасшедший» – это термин высокой похвалы человека с исключительным умственным дарованием. Греки считали, «божественное сумасшествие» – дар Богов». Фразеологизм английского языка *out of the blue* можно понять только с привлечением контекста. *Creative ideas and images seem to spring "out of the blue" which may accurately be characterized as out of the right hemisphere* (Barron, 1969: 16), что в данном контексте означает «появление творческих идей можно объяснить функцией правого полушария человеческого мозга». Другой пример, по ассоциации с *blue* – «голубой» – *till all is blue* переводится как «до скончания века» (до посинения). Идиома *double-ditch* переводится как «китайская грамота». Фразеологические сращения (идиомы) образуют такие неделимые единства, семантика которых в целом не зависит от лексического значения его составляющих.

Н. К. Рябцева пишет: «С рациональной точки зрения фразеологизмы избыточны, «громоздки», передаваемый ими смысл можно выразить одним словом: «работать спустя рукава» – «плохо», но с психологических, когнитивных и коммуникативных аспектов они необыкновенно прагматичны, семантически насыщены, удобны, эффективны. Это объясняется их образностью, особой внутренней формой» (Рябцева, 2005: 517).

Во фразеологии национальный стиль мышления и национальный язык находятся в гармонии.

Сравнение русской и английской фразеологии, связанной с мыслительной деятельностью, показывает, что в русском языке фразеологические обороты – более разговорны, эмоциональны. Русскому человеку свойственно активно переживать происходящее: «Побойся Бога!», «Лиха беда – начало». В русском языке используются особые экспрессивные модели – «спорить до бесконечности», «до упоминания».

Английская фразеология динамична, адаптируется к окружающей жизни, даёт оценку происходящему. Она нацелена не на эмоциональность, а на поиск выхода из создавшейся ситуации: *Take it easy* – «Не принимай близко к сердцу», *It doesn't matter* – «Не обращай внимания», *Look for the way out* – «Ищи выход». Сознание в английском языке ассоциируется с реальностью и выражается идиомой *Being-in-the-World*, что отражает следующий контекст: *Consciousness understands as Being-in-the-World* (Smith, 1992: 388). – «Сознание ассоциируется с нахождением в мире реальности». В русском языке используются различные грамматические средства: словообразование, словосложение: «с бухты-барахты», «ни бум-бум», «всего-навсего».

Английская фразеология связана с мировой и национальной культурой и литературой. Писатель Хорас Уолпол написал рассказ «Три принца из Серендипа», которые любили путешествовать и во время путешествий приходили к различным открытиям. Писатель применяет термин *serendipity*, обозначив им способность не проходить мимо случайных явлений и видеть в них ключ к разгадке тайн природы. Термин *serendipity* стал означать – «открытие по воле случая». Образованное от него прилагательное *serendipitous* послужило основой для словосочетания *serendipitous discovery*. Исследователь научного творчества Ротенберг, анализируя процесс прихода к открытию, вводит понятие так называемого «янусианского мышления», сочетающее в себе две противоположные точки зрения. Согласно словарной дефиниции *Janus – in Roman mythology, god of doorways. He is represented as having two faces, one looking forward and one back* (Webster's New World Encyclopedia, 1993: 357).

В данной дефиниции Римский бог Янус представлен как имеющий два лица, одно – смотрит вперед, а другое – назад. Данная дефиниция и легла в основу «янусианского мышления», которое широко используется в научном творчестве.

В любой фразеологии распространены бытовые, исторические и практические ситуации, с помощью которых выделяется и символизируется определённая реалья.

Например, «голова» – семиотический знак ума. *Two heads are better than one.* – «Одна голова – хорошо, а две – лучше».

«Дыра» символизирует пустоту: «дырявая голова», «человек с плохой памятью».

У англичан эта же реалья отражается фразеологизмом – *to fall in a groove* – «попасть в дыру (попасть впросак, ошибиться)». В русском языке часто встречаются архаизмы: аршин, золотник: «мал золотник, да дорог».

В русском языке используется лексика, связанная с крестьянским бытом, трудом: «Без труда не вытянешь и рыбку из пруда», «Терпение и труд все перетрут». Англичане – нация мореходов, поэтому в английском языке распространена лексика, относящаяся к морскому делу. Это находит отражение и в мыслительной деятельности. *It is safe riding at two anchors.* – «Безопасно, когда есть два якоря», а в творческой мыслительной деятельности это означает – «два доказательства лучше, чем одно».

В ментальной сфере фигурируют фразеологические обороты со словом *mind* – «ум»: *the decisive idea presents itself to the mind* – «решение проблемы приходит на ум», *wild ranging of the mind* – «невероятная способность ума», *sharp mind* – «острый ум», *butterfly mind* – «поверхностный ум».

Сфера рационального осмысливается в языке как ментальное пространство (Рябцева, 2005: 33). Составляющие этого пространства – явления метафорические, ирреальные. Явления ментального пространства выражаются в языке через признаки мира внешнего. Описывая свою ментальную сферу, носитель языка соотносит явления ментального мира, которые представляют собой абстрактные понятия, с явлениями мира физического на основе уподобления, сравнения. Характеристика, на которой основывается такое уподобление (аналогия), позволяет установить сходство между известным и неизвестным. «Аналогия даёт возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знания и опыт, приобретенные в одной области для решения проблем в другой области» (Минский, 1988: 29). Так возникает уподобление ментальных понятий явлениям живой и неживой природы. Живая природа

представлена признаками растений и живых существ (Бога, человека, животных, насекомых). Неживая природа представлена признаками стихий, предметов. На основе такого уподобления рождаются многочисленные фразеологические единства. Например, *ant-theory of discovery* – «муравьиная теория открытия», *spider-theory of discovery* – «пауковая теория открытия», *fertile source of discovery* – «плодотворный источник открытия», *fruits of unconsciousness* – «плоды бессознательного».

В ментальной сфере большое количество психологизируется, описывается как нечетное и опредмечивается в природных явлениях: *sea of words* – «море слов», *population of solutions* – «население решений», *throng of ideas* – «толпа идей». Человек пытается их упорядочить и даёт им свои имена: *handful of ideas* – «горстка идей», *bundle of ideas* – «пучок идей», *collection of solutions* – «коллекция решений».

Минимальные размеры в ментальной сфере опредмечиваются как *grain* – «зерно», *bit* – «кусочек», *drop* – «капля». Например, *grain of discovery* – «зёрнышко открытия», *a bit of solution* – «кусочек решения», *a drop of idea* – «капля идеи».

Неожиданный приход к решению задачи, над которой учёный долго и упорно работал, несёт в себе много таинственного, мистического, необъяснимого и зачастую такой творческий подъём ассоциируется с высшей силой, с Богом, что находит отражение в следующих фразеологических единицах: *a gift of the God* – «дар Бога», *the laws that God created* – «законы, созданные Богом».

Для английской фразеологии также характерна игра слов, как один из приёмов экспрессивного выражения интенций говорящего. *Ideas come when they want to come, not when we want them to come.* – «Идеи приходят тогда, когда они сами этого желают, а не тогда, когда мы хотим, чтобы они пришли». Слово *light* – «свет» символизирует в творческом процессе «озарение», «проблеск в решении проблемы»: *to light a problem* – «осветить проблему», *to shed light on the problem* – «пролить свет на решение проблемы», *to see the light* – «подсознательно видеть решение проблемы».

Высшим достижением человеческого разума в осмыслении взаимодействия внешнего и внутреннего мира выступает словесное словотворчество. Словесное творчество – неотъемлемая часть культуры народа. Формами его воплощения выступают пословицы, поговорки, предания. Все виды словесного творчества в высшей степени субъективны. «Пословицы – это особое явление национальной словесно-художественной культуры. Они отличаются совершенством и отточенностью форм и неотразимыми в своем изяществе фигурами ораторского искусства» (Тарланов, 1999: 37). В пословицах наблюдается единство образа, жанра и словесных средств выражения. Пословицы строятся на образе конкретной жизненной ситуации, несут в себе обобщающую функцию. Обобщающий смысл пословиц подчеркивает известный исследователь фольклора З. К. Тарланов: «Пословица – это результат сгущения мысли. Обобщающая функция для пословиц является главной. Обобщая, она бессмысленное наделяет смыслом, обыденное возводит в ранг поэтического шедевра» (Тарланов, 1999: 167-176). Пословицы концентрируют народную мудрость, практический и исторический опыт, они, фактически, выражают истину, являются составной частью национального культурного фонда носителя языка.

В науке эвристике различают так называемые эвристики – набор правил, представляющих собой «определённые приемы, которые позволяют сократить количество возможных вариантов решения задачи. Но эвристики, сокращая количество проб и ошибок, не дают большой гарантии решения» (Пушкин, 1967: 348).

«Научные эвристики устроены, можно сказать, по образцу пословиц» (Шрейдер, 1970: 4). Исследователям фольклора хорошо известно, что практически для каждой пословицы можно подыскать парную рекомендацию поступать ровно наоборот. Польский писатель Станислав Ежи Лец заметил: «Пословицы противоречат друг другу, в этом, собственно, и состоит народная мудрость» (Шрейдер, 1970: 4). Мудрость (или «истина») заключается даже не в разумном компромиссе, но в умении понять смысл и «сферы применимости» полярно противоположных установок.

Процесс решения эвристических задач американский математик Д. Поля формулирует в форме пословиц, которые представляют собой противопоставление ума и глупости (Polya, 1957: 194-195).

Следующие пословицы иллюстрируют процесс решения проблемы, отдельные стадии творческого процесса: *A fool looks at the beginning, a wise man regards the end.* – «Началом считается глупец, о конце думает мудрец». Данная пословица отражает подго-

товительную стадию творческого процесса, способность анализировать проблему и прогнозировать конечный результат. Аналогичный смысл выражается и в приводимой ниже поговорке: *A wise man begins in the end, a fool ends in the beginning*. – «Умный начинает с конца, а глупый заканчивает решение уже вначале». Смысл данной поговорки отражается в следующем английском контексте: *To start in the end instead of at the beginning is a well-known problem-solving technique. It often works because starting at the end gives one a fresh entry point into the problem* (Polya G., 1957: 20), что означает «Начать с конца вместо того, чтобы начать сначала – известный метод решения проблем. Он ценен тем, что начинать решать проблему с конца даёт свежий взгляд на понятие сущности проблемы». Следующие поговорки также основаны на противопоставлении: *What a fool does at last, a wise man does at first*. – «Если не получается с начала, надо искать другие пути решения проблемы»; *What a fool does at last, a wise man does at first*. – «То, что глупый делает в конце, умный делает в начале». Некоторые поговорки, характеризующие мыслительную сферу, отличаются яркой метафоричностью: *Try all the keys in the bunch*. – «Попробуй все ключи из связки ключей», что означает: «Пробуй все варианты возможного решения проблемы».

В процессе решения задач необходимо искать пути возможного решения проблемы адаптироваться к сложившейся ситуации. *As the wind blows, sail your sails*. – «Когда дует ветер, подними паруса».

При описании мыслительной деятельности наблюдается игра слов, что связано с эмоциональной выразительностью творческого процесса: *Breakthrough must break through*. – «Открытия должны пробивать всё насквозь». «Игра слов основывается на изменении семантического значения слов» (Минский, 1988: 127).

Таким образом, можно сделать вывод, что фразеология в каждом национальном языке отражает условия жизни носителей языка, их обыденные и исторические ценности, практические знания и опыт, национальный характер и стиль мышления. Способы отражения действительности в каждом национальном языке специфичны, отражают менталитет своего народа, его культуру. Сравнение фразеологизмов в русском и английском языках показывает, что отражение ментальных, непредметных сущностей производится обычным языком «физического» восприятия мира.

Фразеология демонстрирует ассоциативно-образное мышление носителей языка и в целом выполняет культурологическую функцию, т.к. благодаря словесному творчеству и его отражению в фразеологии мы получаем информацию о национальной культуре народа на определённом этапе её развития.

Литература

- Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2000. – 123 с.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянских культур, 2004. – 555 с.
- Кунин, А. В. Английская фразеология / А. В. Кунин. – М.: Наука, 1970. – 241 с.
- Минский, М. Остроумие и логика коллективного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 231-303.
- Пименова, М. В. Языковая картина мира / М. В. Пименова. Вып. 7. – Кемерово, 2011. – 106 с.
- Попова, Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е. А. Попова // Филологические науки: №3. 2002. – С. 69-77.
- Пушкин, В. Н. Эвристика и современные науки / В. Н. Пушкин. Природа. № 7. 1967. – С. 32-42.
- Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М.: Академия, 2005. – 630 с.
- Тарланов, З. К. Русские поговорки: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: Гос. университет, 1999. – 214 с.
- Шрейдер, Ю. А. Эвристика или 44 способа познать мир / Ю. А. Шрейдер. Химия и жизнь. – М., 1970. №1. – С. 2-7.
- Barron, F. Creative person and creative process / F. Barron. – N.-Y., 1969. – 212 p.
- Polya, G. How to solve it / G. Polya. № 9, 1957. – 253 p.
- Smith, F. To think (In language, learning and education) / F. Smith. – London, 1992. – 161 p.
- Wallas, S. G. The art of thought / S. G. Wallas // Creativity. Ed. By P. E. Vernon. – N.-Y., 1967. – P. 91-97.
- Webster's New World Encyclopedia . Prentice Hall. – N.-Y., 1993. – 1156 p.

Summary. The given article describes how practical knowledge and experience are reflected in the heuristic mental activity in the form of phraseology. English and Russian phraseology is investigated and compared herewith.

Шетэля (Szetela) В. М.
ПОЛЬСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В КУРСЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА
(ПРОФИЛЬ: ПОЛОНИСТИКА) МОСКОВСКОГО ВУЗА

Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет
zsetela@mail.ru

Польский язык, являясь языком близкородственным по отношению к русскому языку, также как и русский язык, подвергался сходным процессам и влияниям, в результате которых в его фразеологической системе образовались единицы во многом тождественные единицам русского языка.

Таковыми же как по форме, так по смыслу будут, например, единицы: *alfa i omega* – **альфа и омега** в знач. ‘начало и конец; самое главное’, *Amerykę odkryć* – **открывать Америку** – ‘провозглашать всем известные истины’, *pięta Achillesa* – **Ахиллесова пята** ‘наиболее уязвимое, слабое место’, *w głębi duszy* – **в глубине души** – ‘втайне’, *w mgnienie oka* – **в мгновение ока** – ‘очень быстро, мгновенно, моментально’, *w ogień i wodę* – **в огонь и воду** – ‘на любые самоотверженные поступки, на все, жертвуя всем, не раздумывая’, *na cały głos* – **во весь голос** ‘громко оповещать о чем-либо’, *wodząc za nos* – **водить за нос** ‘обманывать’, *wszyscy jak jeden* – **все как один** ‘дружно’, *całym sercem* – **всем сердцем** ‘искренне’, *wstać z lewej nogi* – **встать с левой ноги** ‘быть в плохом настроении’, *sena grosz* – **грош цена** ‘не имеет никакой цены’, *robić z muchy słonia* – **делать из мухи слона** ‘сильно, необоснованно преувеличивать что-либо, придавать большое значение чему-либо незначительному’ и многие другие. Заметно, что чаще всего при сравнении тождественности фразеологических единиц польского и русского языков не наблюдается в них полной формальной идентичности всех его компонентов. Полное совпадение заметно во фразеологизмах **альфа и омега**, **грош цена**, **в мгновение ока**, а в других случаях некоторые из компонентов все же «переводятся», напр.: **делать из мухи слова** в польском языке слово *delat* «переводится» на *robić*.

Кроме того поляки *nie wstawiają paliki w koła*, а *wstawiają ich w szpice* (*wstawiać pałkę w szprychy*); *piszą nie wилами на воде*, а *prutykiem* (*patykiem na wodzie pisane*), что должно обозначать ‘действие сомнительное, маловажное’. Они «ловят мухи», когда хотят сказать, что «бездельничают». Данное выражение соответствует русскому **бить баклуши**.

Во многих случаях тождество (схожесть) фразеологических единиц польского и русского языков обусловлено генетикой этих единиц. Заимствованными в польском и русском языках являются, напр.: *jabłko Adama* – **Адамово яблоко** в знач. ‘кадык’, *wziąć kurs* – **взять курс** – ‘намечать определенную цель’ (все из немецкого языка); *apetyt przychodzi w czasie jedzenia* – **аппетит приходит во время еды** ‘о том, что во время какого-то дела приходит заинтересованность, увлеченность’; *wieża z kości słoniowej* – **башня из слоновой кости** ‘о предмете мечтаний, оторванных от жизни’ (из французского); *być albo nie być* – **быть или не быть** ‘выражение колебания при принятии какого-либо решения’ (из английского); *miasto wieczyste* – **вечный город** ‘о Риме’ (из латинского языка).

Некоторые схожие по форме и семантике фразеологические единицы польского и русского языков могут иметь разный источник заимствования. Так, например, фразеологические библеизмы польского и русского языков, распространенные священными книгами, источник имеют или в греческом или латинском языках. См., например, единиц как: **беречь как зеницу ока**, **имя им легион** имеют соответствие *strzec jak oka w głowie*, *takich jak oni jest legion*. Если сравнивать фразеологизмы **имя им легион** и *takich jak oni jest legion*, то отметим определенную семантико-стилистическую разность между ними. Дословно польский фразеологизм переводится: «таких как они есть легион» и не обладает, на наш взгляд, той более высокой стилистической нагрузкой, что поэтизированное выражение русского языка.

В польском языке существует большая группа единиц, которые можно сопоставить с русскими только в плане семантики. Напр., для фразеологизма **вгонять в краску** в том же значении ‘приводить в смущение, заставлять краснеть кого-либо’ в польском языке имеется оборот: *spieć gała* (дословно: «свариться до красноты, до которой варят раков»), а для единицы **взяться (братся) за ум** – ‘становиться благоразумнее’ – име-

ются в польском два синонимические обороты: 1) *rójsć po rozum do głowy* (дословно: «пойти в голову за разумом»); 2) *przubyło oleju w głowie* (дословно: «прибавилось в голове подсолнечного масла»). Г. Сенкевич в своей «Трилогии» обыграл это выражение. Его персонаж пан Заглоба для прибавления ума шутовски советовал шляхтичу грызть семечки подсолнуха и запивать их вином, объясняя, что вино ударяет в голову, а масло, как известно, всегда на поверхности и, таким образом, ума в голове прибавляется.

Многие единицы польского языка имеют смысловые эквиваленты в русском языке, хотя и построены с помощью неодинаковых слов, напр.: *brać na swoje barki* (дословно: «брать на свои плечи») – **брать в свои руки**; *co do joty* – **буква в букву** («с учетом каждой «йоты», «йота» – буква польского алфавита); *I tyle jego widzieli* («и только его видели») – **был таков**; *w różowych okularach* («в розовых очках») – **в розовом свете**; *widzieć setno sprawy* («видеть суть дела») – **видеть насквозь**; *czyżby o to chodziło* («разве в этом дело») – **вот оно что**; *dwie sroki za ogon* («хватать две сороки за хвост») – **знаться за двумя зайцами**; *nawarzyć piwa* («наварить пива») – **заварить кашу**; *jak spod rury* («как из водосточной трубы») – **как из ведра**; *jak śnieg za kołnierz* («как снег за шиворот») – **как снег на голову**; *o wilku mowa* («о волке речь, а он тут») – **легко на помине**; *słoń na ucho nastąpił* («слон на ухо наступил») – **медведь на ухо наступил**; *widzieć jak ucho u śledzia* («увидеть ухо у селедки») – **не видеть как своих ушей**; *połamania nóg* («шутливое пожелание сломать ногу») – **ни пуха ни пера**; *ni rak ni ryba* («ни рак ни рыба») – **ни рыба ни мясо**; *kto sieje wiatr* («кто сеет ветер») – **ни с того ни сего**; *jak wiatr w polu* («как ветер в поле») – **отбиваться от рук**; *palcem w butcie nie poruszyć* («пальцем в ботинке не пошевелить») – **палец о палец не ударит**; *odpłacać tą samą monetą, płacić pięknym za nadobne* («платить прелестным за прекрасное») – **платить той же монетой**; *znać jak swoje pięć palców* («знать как своих пять пальцев») – **собаку съел** и др.

Можно признать, что выражение **знаться за двумя зайцами** весьма колоритно, особенно это обнаруживается при сопоставлении его с польским аналогом «хватать две сороки за хвост».

В отличие от перечисленных, если сравнивать фразеологические обороты польского и русского языка, то обнаружим там и единицы, похожие по своему строению, но различные по своей семантике. Напр., исконное русское **знаться по пятам** «преследовать кого-л., не отставая» имеет омонимичную пару в польском языке *gonić w piętkę* «быть уставшим», что, вероятно, из польской охотничьей терминологии в знач. «думать нелогично, ошибаться», потому что, если собака «бежит в пятку» – то бежит в обратную сторону следа, удаляется от преследуемого зайца. Межъязыковым омонимом будет также выражение: *rać nie przykładając* (дословно: «ничего не делая») и **не покладая рук** («работать усердно, без усталости, непрерывно»).

В польском языке находим и фразеологические единицы, не имеющие аналогов в других языках. Спецификой польской фразеологической системы являются, например, единицы: *władca absolutny* (дословно: «полный властелин»); *udzielić absolutorium* («одобрить деятельность уходящему правлению»); *robić komu afront* («быть невежливым по отношению к кому-то»); *głodny kawał* («плохо придуманная некрасивая история») и других.

При рассмотрении этих специфических «общих» фразеологических единиц польского и русского языков можно отметить, что ряд единиц можно сгруппировать тематически.

Прежде всего важен отбор единиц, смыслы которых выражали бы одну тему. Для сопоставительного обучения важен отбор единицы польского и родного языка студента. Возможно, что для такой темы, как: «душевное состояние человека» подходят следующие фразеологизмы. Напр., **бить баклуши** в знач. «бездельничать», которое-то физическое состояние в определенных условиях можно оценить как результат душевной усталости. В переводе на польский язык наиболее уместно здесь выражение *łowić muchy*, который соответствует русскому выражению **ловить мух**. Польский и второй русский вариант не имеют отношения к данной фразеологической семантической группе. Особенно это заметно в высказывании: *Zamiast pracować to łowił muchy*.

Фразеологизм **валиться с ног** – *paść z nóg*, если исходить из предыдущей установки, скорее всего, выражает крайнюю степень и душевной и физической усталости человека.

Другими выражениями, где прямо указана данная семантика «душевное состояние человека» будут единицы типа **вгонять в краску** – «застыдить». В польском языке соответ-

ствуется ему образное выражение *spieć raka* – значение можно передать описательно: ‘вогнать в ту краску, в какой оказался сваренный рак’.

Фразеологизм **каша в голове** – прямо выражает душевное состояние человека «кто-л. путано мыслит, не может разобраться в чем-л.» (Шанский, Зимин, Филиппов, Опыт, 66). В таком случае поляки говорят: *plewy w głowie* (*plewa* – мякина) – «мякина в голове». Подобного рода выражениями, где прямо представлено состояние человека, будут: **ветер в голове** – *wiatr w głowie*; **взяться за ум** – *rójść po rozum do głowy*; **голова на плечах** – *baśka pracuje* (в польск. дословно: «голова работает», *baśka* синоним *głowa*, – от тюрк. баш – «голова»); **кошки на сердце скребут** – *ciężko na duszy (na sercu)* – это скорее словосочетание со знач. «тяжело в душе (сердце)»; **владеть собой** – *sprawić się z sobą* и др.

В трактовке двух последних единиц можно заметить, что глубокий смысл **владеть собой** заключается, в отличие от польской пары, в том, что человек «пересилил себя» за счет «внутренних собственных сил», в то время, когда польский вариант в большей мере указывает на внешнее вмешательство каких-то сил в данном процессе.

В итоге можно отметить, что всегда необходим тщательный анализ каждой в отдельности взятой единицы и пары единиц. А также подобного рода сопоставления в области фразеологии близкородственных языков, во-первых, возможны, а во-вторых, полезны для описания сущности языка, как средства выражения мысли и коммуникации.

Здесь фразеологизм рассматривается в **бинарном** аспекте как лингвистическая единица с точки зрения ее семантической слитности (сращение, единство, сочетание, выражение) и с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств. Безусловно, для полноты картины важно рассмотреть фразеологический оборот современного польского языка с этимологической точки зрения.

Данный языковой материал должен соответствовать курсу «Фразеология польского языка в сопоставлении с фразеологией родного языка», который нацелен на повышение уровня практического владения современным польским литературным языком в разных сферах функционирования польского языка, в письменной и устной его разновидностях. Овладение новыми навыками и знаниями в этой области, а также совершенствование их, неотделимо от постоянного углубления понимания основных характерных свойств польского языка как средства общения.

Важной задачей обучения фразеологии следует признать формирование у обучающегося *коммуникативной компетенции*: способности организовать свое речевое и неречевое поведение адекватно задачам общения (уместность употребления того или другого фразеологизма). В ходе изучения курса студенты должны укрепить знания в области специфических средств выражения польского языка, научиться практически применять их для построения текстов, продуктивно участвовать в процессе общения. Это подразумевает:

- расширение круга языковых средств и принципов их употребления;
- систематизацию этих фразеологических средств в соответствии с тем, в какой ситуации, в каком функциональном стиле или жанре речи они используются (лингвистическая и дискурсивная компетенция); – способность осуществлять разные виды речемыслительной деятельности и выбирать лингвистические средства (фразеологические обороты) в соответствии с местом, временем, сферой общения.

Вместе с тем, формирование у обучающегося «картины мира», свойственной носителю языка как представителю определенного социума. Фразеологический оборот в данном случае является элементом, словесно отражающим «картину мира» и представления о нем.

Курс «Фразеология польского языка в сопоставлении с фразеологией родного языка» формирует у студентов, обучающихся на факультете польской филологии, комплекс языковых, культурных и социальных компетенций, необходимых для выпускника бакалавриата в области польской филологии.

Литература

Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. – Т. 1 – 2. – СПб., 1902 – 1904.

Шанский, Н. М., Зимин, В. И., Филиппов, А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Рус.яз., 1987. – 240 с.

Шанский, Н. М., Быстрова, Е. А., Зимин, В. И. Фразеологические обороты русского языка. – М.: Рус.яз., 1988. – 389 с.

Шетэля, В. М. (рец.) Шанский, Н. М., Зимин, В. И., Филиппов, А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Рус.яз., 1987. – 240 с. // Przegląd Ruscystyczny. – № 1. – Warszawa, 1989. – S. 141-144.

Шетэля, В. М. (рец.) Шанский, Н. М., Быстрова, Е. А., Зимин, В. И. Фразеологические обороты русского языка. – М.: Рус.яз., 1988. – 389 с. // Język Rosyjski. – № 1. – Warszawa, 1990. – S.61-62.

Skorupka, S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – t. 1. – Warszawa, 1974. – 787 s.

Summary. This article is devoted to the phraseology of the Polish language classes at the Moscow University. This material does not look symmetrical, causing considerable difficulties for non-native speakers. Formal and semantic matchings in Russian and Polish phraseology are considered.

Шинделаржова Я.

КАРТИНА МИРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ С ЛИНГВОДИДАКТИКОЙ

Чехия, г. Усти над Лабой, Университет Яна Евангелисты Пуркине
jaromira.sindelarova@gmail.com

Лингвистическая концепция «картины мира» или шире – когнитивизма в ретроспективе всегда соответствовала духу эпохи и исходила из неё. Истоком этой концепции обычно считают учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка как выражении индивидуального мирозерцания или национальной специфичности народа. Сам термин «картина мира» восходит к более старой дидактической системе «учителя народов» Яна Амоса Коменского и к его книге, изданной уже в 1658 г. под названием «Svět v obrazech» («Мир в картинах»), которая до сих пор играет важную роль в рамках дидактического процесса, т. е. при обучении и усвоении иностранных языков, поскольку она позволяет заглянуть в культурологический контекст другого народа, обнаружить различные подходы к языку с позиций его пользователей. Не случайно знаменитые педагогические идеи Я. А. Коменского, изложенные в его новаторском труде, стали стимулом развития педагогики и образовательной системы в Европе, поскольку погружение в язык другого народа позволяет чётче увидеть разные аспекты культуры последнего (Мокиенко, 2007).

Идея демонстрации национально специфического в зеркале языка была в Европе востребована уже во время национальных Возрождений в конце XVII. и в начале XIX. вв.

Позднее (в 70-80-е гг.) многие лингвисты, и особенно лингво-методисты, вновь обратились от универсально-лингвистической концепции «Слова и вещи» к идее «языковой картины мира». Много собственно теоретических исследований русистов было вначале нацелено на системное воссоздание «языковой картины мира» в русле лингвострановедения (на основе трудов Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова и их последователей), постепенно (с середины 80-х годов) эта тема появилась в академической среде. Московские исследователи в особенности начали разрабатывать различные модели «наивной» и «научной» картин мира и прояснять факторы взаимодействия языка и культуры как фрагменты языковой картины мира, предлагая разные подходы к их интерпретации. В прагматическом плане большое количество таких исследований направлено на поиски национальной специфики языка как культурологического феномена (см. Мокиенко, 2007).

Именно стремление выявить национальную специфику современных европейских языков и культур привело некоторых польских и русских лингвистов к концепции «языковой картины мира». Особенно способствовала актуализации этой древней идеи А. Вежбицкая и её последователи, к которым относится и устроитель III-й Международной конференции по фразеологической конференции Н. Ф. Алефиренко. Его теоретические труды охватывают различные кардинальные аспекты когнитологии во фразеологическом ракурсе (Алефиренко, 2002; 2005; 2005а; 2006; 2008; 2012). Некоторые когнитологи, правда, многие языковые факты интерпретируют иногда излишне прямолинейно, что ведёт нередко к субъективизации, т. е. переоценке национальной специфичности конкретных языков (см. Мокиенко, 2008). Доказательством того, что истинная, реальная языковая картина мира является чаще всего отражением более широких и общих тенденций и факторов (генетических, типологических, ареальных и др.), чем узко национальных, является появление целого ряда близких, эквивалентных языковых единиц (вклю-

чая и фразеологические) в разных европейских языках и культурах, хотя они могут иметь и различное формальное выражение (см. Мокиенко, 2008).

Конкретные языковые стереотипы, с которыми встречается и педагог при обучении фразеологии, могут быть верно объяснены лишь вескими аргументами на фоне общих закономерностей и фактов. Межъязыковое же сопоставление обеспечивает интерпретацию и оценку одного языка (или нескольких языков) посредством другого. Поскольку такое сопоставление исходит не только из языкового материала конкретного национального языка либо диалекта и интердиалекта и т. п. (см. подробнее: Dudášová-Křiššáková, 2008: 128-170, Мокиенко, 2008, Шинделаржова, 2011), то оно может иметь и характер межуровневого языкового сопоставления.

При обучении фразеологии родного и неродного языка необходимо концептуально исходить из дидактики их специализированного языкового обучения – именно как дидактики профессиональной¹ – и ориентироваться на систему четырёх основных и взаимосвязанных составных частей, которая, с одной стороны, создаёт процесс обучения и процесс учения, а с другой – учитывает язык и контекст, в которых оба процесса осуществляются. Поскольку, однако, эти элементы являются объектом исследования и других научных дисциплин, то дидактика функционирует как связующий элемент между практикой языкового обучения и обучения другим основным дисциплинам – прежде всего лингвистикой (как общей, так и ориентированной на конкретный язык) и общей педагогикой (см. Šebesta, 2005: 17-18), откуда также исходят и её обозначения такими терминами, как педагогическая лингвистика, лингводидактика, педолингвистика (см. напр.: Šechová, 1988) и т. п. При создании и развитии фразеологической компетенции как составной части языковой компетенции и языковой картины мира необходимо подходить к ней не только с позиции теоретического изучения процесса языкового обучения, но и использовать практическую направленность дисциплины и её классический термин «методика» для обучения родному и иностранному языкам.

При создании и развитии языковой² и коммуникативной компетенции особенно у учеников младшего школьного возраста необходимо учитывать реакцию, соответствующую их онтогенетическому речевому развитию и поэтому следует не упускать из виду теоретические труды, посвящённые как созреванию детского организма, так и влияния на него внешней среды.

Вместо традиционного понятия, которое подчёркивает значение процесса обучения как приятия стимулов внешней среды в духе бихевиоризма, мы отдаём предпочтение концепции, основанной на отношении человеческого организма к условиям его созревания. При обучении фразеологии у школьников младшего и старшего возраста мы отходим от натавистической концепции и склоняемся к теории, исходящей из взаимодействия детского организма и внешней среды, т. е. из понятия конструктивизма, всё ещё актуального и сейчас, а также из теории культурного контекста (см. подробнее: Šebesta, 2005: 27–42).

Более открытое взаимодействие, как представляется, позволяет обнаружить в воспитательно-образовательном процессе социальные и культурные предпосылки развития учеников или студентов определённого возраста, ведёт от языковой компетенции в узком смысле слова к созданию и дальнейшему развитию компетенции коммуникативной, которая связана с социальным взаимодействием, с владением языком в среде и ситуации, где представлены носители языка, где ученик или студент наряду с овладением языковых явлений/средств учится использовать родной или неродной язык в данном контексте социально приемлемым образом. При создании коммуникативной компетенции в широком смысле слова у ученика или студента наблюдаются более заметные качественные изменения, чем при освоении³ лишь одной языковой компетенции (см. подробнее: Šindelářová, 2008).

---

¹ Педагогика как наука завязывает в своих целях контакты со всеми научными дисциплинами, создающими содержание всеобщего и специального образования – так называемыми специальными дидактиками отдельных предметов (см. подробнее: Vališová – Kasíková, 2007, s. 66).

² Под *языковой компетенцией* мы понимаем определённый набор знаний о языке и его функционировании, а также способность употреблять их. Этому набору следует во время обучения достигать таким образом, чтобы ученик-иностранец был способен к соответствующему языковому акту (в области “parole”) и мог успешно решать коммуникативные ситуации на целевом языке.

³ При освоении понятий «учение/обучение языку» и освоении самого языка мы исходим лишь частично из понятия, приведённого в «Основах общеевропейского языкового обучения» (Common European

С развитием общества картина мира и концепция обучения и изучаемого предмета (родного или неродного языка) сравнительно быстро меняется, поэтому можно наблюдать различия в дидактических принципах, т. е. содержании, способах и т. п., включая уровень и условия школ в наши дни по сравнению с прошлым временем в конкретных странах.

При создании и развитии коммуникативной компетенции на иностранном языке необходимо в особенности исходить из спонтанного языкового сознания ученика или студента, которые подвержены влиянию естественной внешней среды. Наш собственный опыт убеждает нас в том, что при освоении фразеологической компетенции в иной социокультурной среде в процессе обучения целесообразно исходить из когнитивно-коммуникативной концепции обучения иностранному языку школьников и студентов разного возраста, с особым акцентом на коммуникативно-прагматический аспект и стадию речевого развития.

С развитием коммуникативной компетенции школьника-иностранца и его мышления постепенно в неродном языке создаются и его метаязыковые способности. Ученик-иностранец начинает постепенно осваивать некоторые понятия, в определённой степени способен о них и рассуждать, а также принимать некоторые принципы и закономерности функционирования языка определённой социокультурной среды. Развитие этих компетенций позволит ему переходить из одного онтогенетического этапа в другой,¹ из более низкой стадии знания языка в высшую.²

Необходимо однако осознать, что для учеников младшего школьного возраста в особенности очень затруднительно представлять структуру и функционирование языка путём языковой и метаязыковой интерпретации действительности. Такая способность соответствует, по мнению Пьяже, лишь возрасту с двенадцати лет.

Создание коммуникативной компетенции и понятийно-креативного процесса на неродном языке у школьников-иностранцев первоначально осуществляется чаще всего лишь при обучении в специфической, школьной среде, ибо вне школы (в семье и среди родственников и знакомых) они используют при общении в основном лишь свой родной язык, на котором, собственно, изначально и «думают».

В отличие от остальных соклассников, которые хорошо владеют языком обучения на уровне, соответствующем их возрасту, ученики-иностранцы отстают от своих сверстников, ибо именно языковой барьер, т. е. недостаточная языковая и коммуникативная компетенция в осваиваемом языке, препятствует им в бытовом общении³. В младшем школьном возрасте, например, это отражается на способности обобщать и создавать абстрактные понятия, а также так называемые псевдопонятия (ср. Liptáková, 2010: 169). На высшей стадии обучения это связано с их предполагаемой базой (см. Nebeská, 1989), которая включает динамику не только речевых, но и рациональных и аффективных предпосылок ученика-иностранца. Успешность коммуникации (различия «урождённый пользователь», «неурождённый пользователь») развиваются от функционального проникновения предпосылочных основ воспроизводящего язык и воспринимающего его. Создание коммуникативной компетенции в смысле расширения её направленности, целеустрем-

---

Framework – ниже SERR). *Обучение языку* можно использовать как общий термин, либо лишь как процесс, посредством которого языковая компетенция приобретается путём организованного обучения в институционализированной среде (SERR, 2001, гл. 6), с чем мы можем согласиться.

Соответственно и второй термин *освоение языка/ осваивать язык* можно использовать по SERR как в общем, так и в более узком значении. В узком смысле его можно употреблять для интерпретации языка носителей неродных языков в смысле универсальной грамматики (напр., установления параметров), что, однако, для педагогов на практике востребовано лишь минимально, поскольку грамматика считается чем-то таким, что осознаётся с трудом.

Словом компетенция можно обозначать компетенции, полученные на неродном или родном языках, но отнюдь не в школе, а либо путём прямого воздействия текста, либо прямым участием в коммуникативных актах (SERR, 2001, гл. 6).

Поскольку, однако, более общий термин как к понятию «обучение», так и к термину «освоение языка» не существует, то мы будем в тексте использовать в наших целях термин *освоение языка* как более общее обозначение, а термин *обучение* – как процесс.

¹ Например, из стадии спонтанного языкового сознания к стадии поучительной.

² Например, по мнению Пьяже, членение когнитивного развития ребёнка из дооперационной стадии к конкретным операциям, а от них – к формам.

³ Такая компетенция связана как с пониманием, так и с воспроизведением речи.

лѐнности и управляемости должно исходить из первичного набора предпосылок речевой деятельности (см. Šindelářová, 2008) у учеников в школьном мультикультурном классе.

Развитие общества и школьных концепций, с 80-х лет внедряемых в учебный процесс как в Чехии, так и в некоторых других европейских странах, подтвердило, что переход от дескриптивного и системно-структурного принципа в языковом обучении к концепции, более ориентированной на коммуникативную и когнитивную деятельность (также и в отношении к фразеологии), означал положительные изменения.

Включение фразеологии в системные объяснения при обучении языкам является в настоящее время необходимой предпосылкой языкового образования на всех уровнях школ, т. е. от начальных школ до вузовского этапа обучения.

Наиболее пристальное внимание динамическому процессу в развитии чешской фразеологии уделяла М. Чехова (Čechová, 1986: 178-186), а следом за нею и Я. Шинделаржова (Шинделаржова, 2011: 173-185). Они доказывают, что изменение чешской образовательной системы на границе XX-го и XXI-го веков привело прежде всего на уроках по обучению языку к усилению фразеологического аспекта во всех типах школ.

Издаваемые в настоящее время серии учебных пособий, предназначенных для первого уровня основных школ (ср. напр., учебники издательств «Nová škola» или «Alter») уже содержат основные фразеологические обороты, сравнения и некоторые пословицы, целью чего является ознакомление учеников с картиной мира. Подобным образом построены и учебники чешского языка для второго уровня основных школ (ср. широко распространѐнную в современных чешских школах серию В. Стыблика и соавторов «Český jazyk pro 6.–9. ročník základních škol», 2003-2005). И в новейшей серии учебников для средней школы (Čechová M. a kol., 2000-2003) в учебнике для 3-го года обучения в части под названием «Komunikace a jazyk» (Коммуникация и язык) содержится самостоятельный тематический раздел «Frazeologie a její užití» (Фразеология и её употребление), в котором особое внимание уделено свойствам фразем при их использовании, изменениям в их употреблении, их классификации, отношениям между фраземами, а также культурологически (литературно) значимым фраземам (см. подробнее: Čechová, 2002: 40-57).

Педагоги разнообразят уроки чешского языка также и интересными сюжетами из практически ориентированной книги «Jazykové hry a hříčky» (Языковые игры и игрушки) Э. Шнайдеровой (E. Schneiderová – Praha: Portál 2010), которая содержит много развлекательных и творческих заданий и языковых игр, целью которых является активизация словарного запаса и углублѐнное изучение своего родного языка. Ученики могут исправлять специально искажѐнные поговорки и сравнения, дополнять пословицы, смеяться над весѐлыми перестановками слов в словосочетаниях и т. п. В некоторых средних школах (а особенно – в вузах) используется публикация Л. Степановой «Historie a etymologie českých rčení» (История и этимология чешских поговорок – Stěpanova, 1998).

На основе нашего двадцатилетнего педагогического опыта в средней школе и десятилетней работы на кафедре богемистики и славистики философского факультета университета им. Я. Е. Пуркине в Усти над Лабой мы продолжили исследования М. Чеховой и осуществили несколько штудий, направленных на обучение фразеологии в начальных и средних школах в Чешской республике, что позволило выявить большие индивидуальные различия у учеников того же возраста в знании и понимании ФЕ. На основе анкет и результатов всех опросов, которые нам в начале 2007 года предоставила М. Чехова (Čechová, 2007: 327), мы провели в 2008-2010 годах собственное исследование у 450 учеников основных и средних школ в различных областях Чешской республики. Трижды повторенный опрос, проведенный на том же материале и подобным образом у респондентов одного возраста, после пятилетнего обследования М. Чеховой принѐс нам в определённой степени близкие результаты, как и её прежние опросы, но в то же время очертил и определённые изменения и сдвиги в знании и понимании значения ФЕ у учеников и молодѐжи средней школы (см. подробнее: Шинделаржова, 2011: 173-185).

Результаты нашего исследования и выводы М. Чеховой в основных и средних школах показали, что хотя некоторые фраземы уходят, другие, новые, образуются и активизируются – причѐм чаще всего путѐм варьирования уже существующих фразем, что свидетельствует о динамических процессах во фразеологии. Важным динамизирующим фактором являются и актуализации фразем, которые вызывают развитие фразеологии во многих и разнообразных направлениях, хотя не каждый неологизм или не каждая актуа-

лизация в новой форме в определённой языковой среде закрепляется и сохраняется (ср. результаты наших опросов с результатами обследования М. Чеховой 2007 года).

Огромным вкладом в наше школьное и вузовское образование мы считаем издание фундаментального фразеологического словаря под редакцией Фр. Чермака и его соавторов («Slovník české frazeologie a idiomatiky» в четырёх частях, новейшее издание 2009 года).

Для вузовской подготовки будущих богемистов мы вместе с коллегами философского факультета университета им. Я. Е. Пуркине в Усти над Лабой пытаемся раскрыть картину мира подключением фразеологии к процессу обучения, а именно – либо как самостоятельной лингвистической дисциплины, её включением в дидактику родного языка либо посредством фразеологического семинара как обязательного или факультативного курса. Мы убеждены, что педагог в своей учительской практике не может обойтись без фразеологии, что подтверждается и рядом наших обследований прошлых лет.

Последнее из них мы осуществили в 2009-2012 годах, опросив 200 педагогов-богемистов на практике в рамках проекта под региональным кодом CZ.1.07/1.2.00/08.0104 с названием «Социокультурная компетенция для работников школ и школьных заведений» (при финансовой поддержке фонда ESF). Исходом проекта стал так называемый «e-learning» курс. Одну главу под названием «Frazeologie ve škole» (Фразеология в школе) мы в нём отвели фразеологии, где сосредоточили внимание на методике работы с ФЕ и самых целесообразных способах презентации ФЕ ученикам основных и средних школ. В дискуссионных ответах на тему «Мой опыт с включением фразеологии в процесс обучения родного языка» респонденты пришли к констатации, что самым эффективным и наиболее частотным средством во фразеологии, обеспечивающим активизацию и оживление обучения в рамках освоения родного языка в основных и средних школах в Чешской республике является языковая игра.

Уже древние римляне знали, что процесс обучения можно осуществлять и в форме развлечения, т. е. путём игры, поскольку посредством её повышается мотивация, непринуждённость и шутливость, способность и желание учиться, ибо игровая деятельность означает смену обстановки и релаксацию, пробуждает любопытство и интерес.

Нельзя не отметить значение работ Л. Виттгенштейна, который ввёл термин языковая игра, и его «Философские исследования» 1953 года, где он показывает, что значение слов заключается в их употреблении (а отнюдь не в поисках их денотатов), что такое языковое употребление не регулируется раз и навсегда заданными правилами (вопреки утверждениям в духе логического позитивизма), но что любая игра создаёт свои собственные правила и необходимо их соблюдать, чтобы понять её смысл (ср. также критику языковых игр в духе Виттгенштейна, доступную на сайте: <http://scienceworld.cz/lingvistika/kritika-wittgensteinovych-jazykovych-her-1150>, либо со статьёй М. Драпела (M. Drápel) «Jazykové hry» (Языковые игры), доступной на сайте <http://philologica.net/studia/20040621121345.htm>).

Отметим особо и вклад в эту проблему Й. Сова, который пытается проникнуть в смысл слов как строительных «кирпичиков» языковых игр Виттгенштейна (ср., например, его описание лексических и концептуальных структур с помощью концептуальных граф или выявление подвижности в статической семантике лексем).

Не может быть сомнений в том, что концептуальный подход открыл семантике не только новые возможности, но и новые практические проблемы реализации (см. подробнее статью: Vondříček, P.: «Jazykové hry s lexikálními a konceptuálními strukturami», доступную на сайте http://wanthalf.saga.cz/library/jazykove_hry.pdf).

В языковой игре в школьной среде осуществляется ряд социальных активностей, при которых ученики ещё больше сближаются, вступают в ещё более тесный контакт (напр., и телесный), создают группы, узнают друг друга, присматриваются к друг другу и преодолевают комплексы, обращают на себя внимание соучеников и оцениваются ими и т. п.

В значительно большей мере акцент ставится на коммуникационно направленные активности, причём как устные, так и письменные. Ученики взаимно обмениваются информацией и сопоставляют её, общаются друг с другом, удовлетворяют своё любопытство, рассказывают и придумывают что-либо, говорят о себе, спрашивают и отвечают, слушают, читают вслух, выражают сомнения, ведут записи и дискуссии, иногда и ссорятся и т. п.

Хотя некоторые ученики, родители и педагоги и считают, что на уроках игре нет места, поскольку школьники ничему не научатся, ибо она является развлечением, такие утверждения можно опровергнуть не только научно, но и положительным опытом учите-

лей и их учеников. Ряд педагогических теорий и результаты некоторых исследований (например, нога и памяти) доказывают, что эмоции, являющиеся составной частью игр, играют в процессе обучения значительную роль. Не менее важной составной частью такого воздействия на учеников является и социальный контакт, ибо игра во многих случаях осуществляется во взаимодействии двух или нескольких участников или групп. Мы убеждены в том, что социально опосредованные правила в рамках фразеологической игры более эффективны, чем правила, опосредованные лишь абстрактно, что действительно и для ФЕ.

Значение фразеологической игры заключается прежде всего в том, что она развивает мышление учеников, которых педагог ведёт к тому, чтобы они сами (resp. лишь при сопроводительной помощи педагога) открыли для себя правила такой игры. Активная деятельность при обучении языку на уроках тем самым ведёт к развитию фразеологического словарного запаса, к пониманию ФЕ, к развитию грамотности у читателя. Роль учителя заключается в том, что он ведёт учеников к достижению цели, к открытию правил фразеологических игр. Педагог выполняет в этом процессе руководящую функцию, контролирует учеников во время их активностей, подтверждает правильность их утверждений, опровергает неверные высказывания и т. п.

Таким образом, концепция фразеологической игры может пониматься как способ, которым ученики овладевают речью (языком). При этом обучение заключается не в наименовании предметов с помощью отдельных языковых выражений, но как в практическом овладении правилами использования ФЕ, так и в качестве результата такого овладения. Наконец, оно может служить средством объяснительной функции и сущности языка в связи с правильным употреблением ФЕ.

В заключение можно констатировать, что фразеология составляет неотъемлемую часть выразительных средств языковой системы и овладение ею во многих случаях является предпосылкой понимания смысла передаваемого сообщения в повседневных коммуникативных ситуациях. Уже поэтому необходимо знакомить с нею учеников как можно более подходящим образом с первых шагов их поступления в школу.

В своей статье мы попытались доказать, что фразеологические игры имеют в современном процессе обучения родному языку неопределимое методико-дидактическое значение, ибо положительно влияют на динамику учебной группы, обеспечивают целостность обучения, создают естественные коммуникативные ситуации и делают возможной комбинацию различных умений и навыков, позволяющих комплексно создавать необходимую фразеологическую компетенцию с целью понимания языковой картины мира в учебном процессе у всех возрастных категорий учащихся.

Национальную специфику славянских языков и их культур, включая и их фразеологическую составляющую, надо рассматривать в широком общеевропейском контексте, не выдавая интернациональное за национальное. Лингвистическое исследование проблемы «языковой картины мира» во фразеологическом ракурсе кажется весьма полезным и продуктивным и может многое дать как славистике, так и лингводидактике.

Европейская фразеология, в том числе и чешская, стоит перед необходимостью восполнить многие лакуны, порождённые глобально фольклористическим и этнографическим подходами к её анализу. К ним относится, например, необходимость экспериментального статистического сбора данных о реальном употреблении и функционировании ФЕ в современных литературных языках и живой речи; детализированная фиксация их вариантности в диахронической иерархии; обоснованная стилистическая квалификация ФЕ разных типов и многое другое. В числе таких проблем актуально и определение места и значимости фразеологии в дидактическом процессе и лингводидактике. Именно эти аспекты мы и постарались осветить в своей статье.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: «Academia», 2002. – 394 с.

Алефиренко, Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н. Ф. Алефиренко // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: «Издательство ЭЛПИС», 2005. – С. 21-27.

Алефиренко, Н. Ф. Антропоцентрическая фразеология: парадоксы и реалии / Н. Ф. Алефиренко // Słowo. Text. Czas VIII. Человек во фразеологии и лексике славянских языков. Szczecin, 2005a. – С. 66-71.

Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивно-когнитивная синергетика языковых знаков вторичной номинации / Н. Ф. Алефиренко // Служитель фразеологічної музи. Збірник наукових статей к 70-річному юбілею проф. В. Д. Ужченка. 2006. – С. 14-30.

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Белгородский гос. университет, 2008. – 150 с.

Алефиренко, Н. Ф. Предзнаковые формы мотивации фраземосемииозиса / Н. Ф. Алефиренко // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 95-летию Томской школы русистики / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. университета, 2012. – С. 51-56.

Мокиенко, В. М. Современная славянская фразеология в синхронии и диахронии / В. М. Мокиенко // XIV Меѓународен конгрес на слависти. Охрид, 10-16 септември 2008. Зборник на резимеа. II том. Книжевност, култура, фолклор, историја на славистика. Тематски блокови. Скопје: Меѓународен славистички комитет, Македонски славистички комитет, 2008. – С. 313-314.

Мокиенко, В. М. Языковая картина мира в зеркале фразеологии / В. М. Мокиенко // Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków. Redakcja naukowa Wojciech Chlebda. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. – С. 49-66.

Шинделаржова, Я. Фразеология при обучении чешскому языку как родному и иностранному / Фразеология и языковая динамика // Материалы XXXIX Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 15–19 марта 2010 г.). Грайфсвальд – Санкт-Петербург, 2011. – С. 173-185.

Čechová, M. Dynamika frazeologie / Naše řeč, 1986, roč. 69, č. 4. – S. 178-186.

Čechová, M. K vztahu tzv. lingvodidaktiky a lingvistiky / Funkční lingvistika a dialektika // Linguistica XVII / 1. – Praha: Ústav pro jazyk český, 1988. – S. 181-189.

Čechová, M. a kol. Český jazyk pro 1.-4. ročník středních odborných škol. – Praha: SPN, 2000-2003.

Čechová, M. Frazeologie a její užití / Český jazyk pro 3. ročník středních odborných škol. – Praha: SPN, 2002. – S. 40-56.

Čechová, M. Znalost a chápání frazémů u české mládeže a u cizinců / Frazeologické štúdie V. – Ružomberok: FF KU, 2007. – S. 319-328.

Čermák, F. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky. (4 díly). – Praha: Leda, 2009.

Dudášová-Křiššáková, J. Kapitoly zo slavistiky II / J. Dudášová-Křiššáková. – Prešov: FF, 2008. – 309 s.

Liptáková, E. Poznámky k jazykovej a k metajazykovej interpretácii skutočnosti dieťatom mladšieho školského veku / E. Liptáková // Prekoncepce a miskoncepce v oborových didaktikách. Ústí nad Labem: Acta Universitatis Purkynianae, 2010. – S. 166-185.

Nebeská, I. K charakteru předpokladové báze / I. Nebeská // Slovo a slovesnost, roč. 50, 1989, S. – 270-277.

Sowa, J. Lexical Structures and Conceptual Structures / Pustejovsky, J. (ed.) // Semantics and the Lexicon. – Kluwer Academic Publishers, Netherlands, 1993. – S. 223-262.

Společný evropský referenční rámec. Jak se učíme jazykům, jak je vyučujeme a jak v jazycích hodnotíme. – Olomouc: Univerzita Palackého, 2002. – 267 s.

Stěpanova, L. Historie a etymologie českých rčení / L. Stěpanova. – Praha: UK, 1998. – 132 s.

Styblík, V. a kol. Český jazyk pro 6.–9. ročník základních škol / V. Styblík. – Praha: 2003-2005.

Šebesta, K. Od jazyka ke komunikaci / K. Šebesta. Praha: UK 1999 (2. revidované vydání). – Praha: Karolinum, 2005. – 166 s.

Šindelářová, J. Zásady začleňování žáků-cizinců mladšího školního věku do výuky na 1. st. ZŠ / J. Šindelářová // Slovo o slove, roč. 14. – Prešov, 2008. – S. 105-113.

Vališová, A. – Kasíková, H. a kol. Pedagogika pro učitele / A. Vališová, H. Kasíková. – Praha: Grada, 2007. – 404 s.

Wittgenstein, L. Filozofická zkoumání (Překlad: Jiří Pechar) / L. Wittgenstein. – Praha: Filozofický ústav AV ČR 1993.

Summary. The text aims to bring a “world view” on the basis of the interaction of the phraseology language with the teaching methodology, and emphasize that in modern didactic concepts can not ignore the importance of J. A. Comenius and his “World in Pictures” for its “world view” that still occupies an important place in the teaching and learning foreign languages.

Анна Пеянович
БОГ И ЧЕРТ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
(на материале русского и сербского языков)

Черногорский университет

Аннотация: В настоящей статье обсуждаются ФЕ, содержащие в своем составе компоненты *Бог и черт*. Основным материалом для исследования послужил роман «Подросток» Ф. М. Достоевского и его перевод «Дечко» на сербский язык. Помимо одноязычных толковых и фразеологических словарей русского и сербского языков в анализе были использованы и переводные словари. Целью анализа является определение степени совпадений и расхождений двух близкородственных славянских языков на фразеологическом уровне, конкретно, в употреблении ФЕ с упомянутыми компонентами.

Ключевые слова: фразеологическая единица, структурно-семантическая модель, русский язык, сербский язык, лексические варианты, морфологические варианты, фразеологические синонимы.

0.1. Вероятно нет языка, в котором бы не было номинаций для богов и их антиподов. Теонимы и демонимы широко засвидетельствованы и во фразеологических единицах многих языков. Фразеологизмы с компонентом *Бог и черт* отличаются высокой частотностью во всех славянских языках. По вышеупомянутой причине фразеологические единицы с компонентом теонимом и демонимом можно считать фразеологической универсалией. О частом упоминании *Бога и черта* в русском языке косвенно свидетельствует и глаголы *божиться чертыхаться*. Сама семантика глаголов *божиться* 'клясться именем Бога в подтверждение правильности своих слов; говорить «ей-богу»'[БТС2004: 88] и *чертыхаться* 'ругаться чертом, поминая черта'[БТС: 1476] раскрывает их прагматическое содержание и функцию, проясняет происхождение и употребление данных языковых единиц. Глаголы с тем же значением имеются и в сербском языке *богарати (се), богмати (се)*, правда, они уже устарели и не используются в современном языке.

1. Во фразеологическом фонде и русского и сербского языков частотны фразеологизмы из жанра присловий, клятв и заклинаний [подробнее о теории фразеологических жанров в Пејановић 2010], содержащие лексему *Бог* в своем компонентном составе. Анализ данных фразеологических единиц способствует реконструкции представления о *Боге* как воплощении Добра, как всемогущего, всеведущего, праведного, милосердного, того, кто дает, того, кто прощает, поэтому и представляет собой высшую ценность. Такая концептуальная картина отражается во фразеологии обоих сопоставляемых языков. Для всех фразеологизмов, содержащих теоним *Бог*, общим является тот факт, что они по своему происхождению представляют собой речевые акты: а) *обращения* к самому божеству с целью просьбы, выражения благодарности и надежды, ожидания положительного результата в исходе событий. Большинство упомянутых фразеологических единиц модального характера [подробнее в Пејановић 2010]. А это значит, что они лишены понятийного содержания и денотативного значения, но зато им присущ яркий экспрессивный и эмоциональный компонент значения, выражающий целый диапазон различных эмоций и чувств – удивления, радости, восторга, негодования, разочарования, досады б) это могут быть исконные *заклинания*, обращены к адресату либо с целью убедить его в справедливости своих слов, либо воздействовать на адресата, чтобы он совершил какое-либо действие.

1.1. В оригинале романа зафиксировано большое количество единиц с двухкомпонентной структурой. Структурно-семантическая модель данных русских ФЕ состоит из согласованного определения, выраженного притяжательным местоимением *мой* и старославянской формы звательного падежа теонима *Бог*, превратившейся в современном русском языке в междометие:

1. – *Боже мой* – ведь он и вправду. Как же он смел!..
- Что ты? Да ты, кажется, совсем в негодовании, полно [Подросток: 132].
1. – О, *Боже мой* – узвикнух – заиста је тако! Како се онда усудио!
- Шта ти је, ти си изгледа сасвим огорчен, мани [Дечко I: 254]!

Русская ФЕ *Боже мой*, используется в различных ситуациях. На сербский язык была переведена абсолютным эквивалентом *Боже мой*. Анализ употребления ФЕ

подтверждает, что данная ФЕ используется в ситуациях, в которых выражается негодование, возмущение, удивление, либо страх и опасение, разочарование, досада. Но фразеологизм не выражает только негативные эмоции и реакции, как это выявлено в нашем материале. Данная ФЕ используется и в контекстах, в которых преобладают положительные чувства и эмоции – удивление, радость, восторг, и т.п. [ср. Меликян 2001: 55; Яранцев 1981: 27]. Как и в русском, так и в сербском языке, существует данная структурно-семантическая модель ФЕ. В сербском языке имеются и лексические варианты компонента ФЕ. Помимо определения *мој* встречаются ФЕ с компонентами вариантами: *драги (Боже), један (Боже), мили (Боже)*. В русском же языке тоже варьируется определение в составе ФЕ: *(Боже) праведный, (Боже) правый, (Боже) милостивый* [Федоров 1997 I: 38]. Все названные вариантные определения и в русском и в сербском языках на самом деле являются постоянными эпитетами христианского Бога, в то время как компонент определение *мой*, входящий в состав ФЕ *Боже мой*, по мнению В. М. Мокиенко, отражает языческие представления о богах [подробнее об этом в Мокиенко 1999: 205].

1.2. Фразеологизмы, отражающие концепт Бога как того, кто дает, того, кто прощает, кто милосердный зафиксированы в обоих языках. В основном это ФЕ модального характера, употребляющиеся как реплики при диалоге и придающие эмоциональную оценку предыдущему высказыванию. Все анализируемые фразеологизмы имеют структуру предложения и восходят к речевым актам первоначальным обращениям к божеству, которые выражали добрые пожелания. Среди приведенных примеров, только во первом зафиксирована идиома *бог не дал* со значением ‘отсутствие чего-либо’:

1. Вы смеетесь, Катерина Николаевна, вероятно, над моей фигурой; да, *бог не дал* мне фигуры, как у ваших адъютантов [Подросток: 100].

1. Ви се, Катерина Николајевна, вероватно, смејете мом физичком изгледу; јесте, *бог ми није дао* физички изглед као вашим ађутантима [Дечко I: 193].

2. – *Дай ему бог!* – перекрестилась она [Подросток: 369].

2. *Нека му Бог да сваку срећу* – прекрсти се она! [Дечко II: 205].

3. – *Да услышит же тебя бог, мой милый.* Я знаю, что ты всех нас любишь [Подросток: 70].

3. – *Па нека те Бог чује, мили мој.* Знам да нас све волиш [Дечко I: 135].

4. Ну, а если от веселия духовного жизнь возлюбил, то, полагаю, и *бог простит*, хоша бы и старцу [Подросток: 230].

4. А ако је због духовне радости заволео живот, и *Бог ће* му, мислим, *опростити!* [Дечко II: 84].

1.3. Структурно-семантические модели сербских фразеологизмов из жанра заклинаний и клятв разнообразнее, чем русские. Самыми употребительными и частотными являются: *кунем се Богом, тако ми Бога, Бога ми*. В отличие от сербского языка, в русском преобладают две конструкции: *клянусь Богом* и *ей-богу*. Заклинания и клятвы значимы в аксиологическом аспекте, так как раскрытие их семантического содержания способствует реконструкции этических и моральных принципов и ценностей этнокультурного сообщества. В обоих сопоставляемых языках зафиксированы заклинания с теонимом *Бог*, свидетельствующие о том, что Бог представляет собой высшую ценность. Приведем примеры бывшего клятвенного заверения *ей-богу*, которое в современном русском языке, согласно данным словарей [БТС 2004: 88], является междометием и вводным словом. Мы видим, что, используя в диалоге данную ФЕ *ей-богу* говорящий подчеркивает правдивость своих слов. Только во втором примере наша ФЕ на сербский язык была переведена фразеологизмом *тако ми бога*, который отражает ее исконную семантику и функцию клятвы. Первый же пример употребления ФЕ в обоих языках – явная клятва:

1. *О, свидетельствуюсь богом*, что главного не подозревал [Подросток: 140]!

1. *О, Бог нека ми буде сведок*, да оно најважније нисам ни слутио [Дечко I: 269]!

2. – *Ей-богу*, забыл, мой друг, и от души виноват [Подросток: 70].

2. – *Тако ми бога*, заборавио сам, драги мој, и од свег срца се извињавам [Дечко I:136].

3. – Если б у меня был револьвер, я бы прятал его куда-нибудь под замок. Знаете, *ей-богу*, соблазнительно [Подросток: 45]!

3. Знате, *богами*, може човек да падне у искушење [Дечко I: 89]!

Переводный аналог приведенного русского фразеологизма *ей-богу* в остальных контекстах была лексема *богами*. Частица *богами*, а также частица *забога* являются исконными клятвами именем Бога. Данные частицы еще одно косвенное доказательство высокой частотности фразеологических единиц с теонимом *Бог*, их неосознанного и спонтанного употребления в сербском языке. Упомянутые языковые единицы *Бога ми* и *за Бога* в процессе длительного употребления с помощью лексико-синтаксического способа словообразования т.е. сращения были лексикализованы и превратились в модальные частицы с функцией интенсификации [об этом подробнее в Пејановић 2012]. Такого же происхождения и русская формула этикета *спасибо*, которая появилась в результате сращения 3. л. повелительного наклонения *спаси* и теонима *Бог*, с последующей потерей конечного согласного *г*.

1.4. ФЕ, выражающие усиленную просьбу, мольбу, отражают ситуацию, в которую попадает тот, кому приходится просить, добиваться чего-либо. Как мы видим, в нижеприведенных примерах в обоих языках используются фразеологизмы с компонентом теонимом:

1. – Ах да! Я и забыл! – сказал он вдруг совсем не тем голосом, с недоумением смотря на меня, – я вас зазвал по делу и между тем... *Ради бога*, извините [Подросток: 40].

1. *Тако вам бога*, опростите [Дечко I: 79].

2. Но садись, *ради бога*, я тебе кое-что пришел сообщить; благодарю, вот так [Подросток: 79].

2. Али седи, *бога ти*, дошао сам да ти понешто кажем [Дечко I: 153].

3. – О, *ради бога*, не надо, не нужно, не рассказывайте ничего, – протянула она вдруг руку, чтобы остановить меня, и даже с каким-то страданием в лице, но я уже вскочил с места и стал перед нею... [Подросток: 297].

3. – О, *забога*, немојте, не треба, ништа немојте причати.. [Дечко II: 206].

В сербском языке переводчиком были использованы адекватные переводные фразеологические аналоги русского фразеологизма *ради Бога*: *тако ти бога* и *бога ти*. В одном примере имеем и адекватный перевод лексемой *забога*, о происхождении которой мы уже говорили. Выражение *ради Бога* в сербском языке устарело и в современном языке не употребляется. Еще раз подчеркнем, что в современном русском и сербском языках эти ФЕ, которые без сомнения появились в речевых актах клятв, сегодня имеют статус модальных языковых единиц.

1.5. В сопоставляемых языках имя Бога часто упоминается в ситуациях, когда говорящий выражает чувство облегчения, удовлетворения. Очень частотное русское выражение *слава Богу* в сербском языке имеет абсолютный эквивалент *хвала Богу*:

1. – Так оно уничтожено, *слава богу!* – проговорила она медленно, вздохнув, и перекрестилась [Подросток: 164].

1. – Значи уништено је, *хвала Богу!* – рече она полако, уздохну и прекрсти се [Дечко I: 310].

2. Во обоим сопоставляемых языках частотны и ФЕ, содержащие лексему *черт/ђаво*, которая в свою очередь вступает в антонимическую пару в системе лексической парадигматики по отношению к теониму *Бог*. Образ черта как антипода Бога, олицетворение Зла, во фразеологии представлен различными в структурном и семантическом плане единицами. Анализ их употребления выявляет тот факт, что фразеологизмы с компонентом демонимом бывают преимущественно модального характера, а значит выражают отношение говорящего к обстановке или к участникам коммуникативного акта. ФЕ с компонентом демонимом чаще всего выражают отрицательные эмоции (негодование, разочарование, возмущение, гнев, раздражение, досаду) и негативные реакции в межличностных отношениях и в общении. По этому признаку ФЕ отличаются от фразеологизмов с компонентом *Бог*, которые обладают положительной коннотацией.

2.1. Для ФЕ с компонентом демонимом характерна яркая эмоционально-экспрессивная окраска, они используются в ситуациях с подчеркнутым негодованием и агрессивностью. Предельно отрицательное отношение говорящего отражается в ругательствах. Ниже приводим фразеологизмы, структурно-семантическая модель которых встречается в обоих языках. Первый компонент выражен формой повелительного наклонения глагола семантического поля глаголов движения: это может быть как

нейтральный глагол *идти*, так и его экспрессивные варианты *убираться*, *отправляться*, *полететь*, а другой компонент представлен предложно-падежной формой, в функции обстоятельства места и цели.

1. – *Убирайся к черту – рассердился* я [Подросток: 37].

1. – *Иди до ђавола, – наљутих се* [Дечко I: 61].

2. – Я бы, на вашем месте, когда у самого такая Россия в голове, всех бы к черту отправлял [Подросток: 56]!

2. – Да сам на вашем месту, кад већ тако мислите о Русији, све бих послао до ђавола [Дечко I: 89]!

3. Некоторое время спустя (очень малое) все обанкротилось, все лопнуло, вся идея полетела к черту, и акции потеряли всякую цену [Подросток: 67].

3. – После извесног (врло кратког) времена, сви банкротираше, све пропаде, читава идеја оде до ђавола [Дечко I: 105].

2.2. В. М. Мокиенко отмечает: „одним из самых активных видов деятельности дьявола является ‘похищение людей или сбивание их с истинного пути’ в прямом или переносном смысле [...]. Память о унесении чертом или сбивании им с пути истинного отразилась во многих русских выражениях. Еще более выразительно эта идея сохраняется в ругательствах типа *Иди ты к черту! Черт возьми (побери, дерь, подери)! Черт тебя возьми! Черт тебя задави! Черт с ним!*“ [Мокиенко 1999: 273–274]. Такое мифологическое представление о черте находим в тех ФЕ со структурно-семантической моделью: им. сущ. *черт* + *возьми*. Эта модель имеет и морфологический вариант: *черт* + *бы взял*:

1. – Вот деньги! – крикнул я, показывая на свою золотую кучу, – сколько надо?

– *Черт возьми!* – крикнул Дарзан, весь покраснев, – я, кажется, не просил у вас денег [Подросток: 231].

1. – *До ђавола!* – викну Дарзан, поцрвеневши до ушију – ја вам нисам, чини ми се, тражио новац [Дечко I: 351]!

2. – А я-то, я-то нахально разваливался у него на диванах и лез, как ровня, к его знакомым, *черт бы их взял* [Подросток: 237]!

2. – А ја, ја сам безочно лешкарио на његовом отоману и гурао се међу његове познанике као да сам им раван, *ђаво да их носи* [Дечко II: 8]!

2.3. В русском языке фразеологизм с компонентом *черт* имеет лексические варианты демони́ма: *дьявол, леший, нечистый, бес, шши, шут, враг, лукавый*. Кроме варьирования именного компонента в русском обороте имеются и лексические варианты глагольного компонента: *попутал, дернул*.

Черт меня дернул разгорячиться перед ним до того, что я, кончая речь, вошел вдруг в такой жар [Подросток: 396].

Ђаво ме надарио да се пред њим толико ражестим и да, на крају, са уживањем наглашавајући сваку реч наједном паднем толико у ватру [Дечко II: 250].

О происхождении и варьировании данной ФЕ в русском языке пишет В. М. Мокиенко. Ученый справедливо отмечает, что многоликость дьявола, которая отражается в русской фразеологии происходит из языческой веры, в которой существовала иерархия демонов, имеющих каждый свои функции и область деятельности [Мокиенко 1999: 266–284]. О том, что происхождение сербской ФЕ можно аналогично трактовать, подтверждает мнение В. Чайкановича: „ђаволова личност је сложена. Ни један други демон није имао тако разнолику историју; ни један други није преоптерећен толиким наследством из старе вере. [...]. На ђавола су, наиме, пренесене функције и митови који су се раније везивали за нашег старинског врховног бога, за ову трансакцију постојали су, доиста, сви услови“ [Чайкановић 1994 V 288–289].

3. Несмотря на тот факт, что *Бог* и *черт* в религиозных и мифологических представлениях являются антиподами, а теоним и демоним в лексической парадигматике — антонимами, во фразеологии имеются случаи, когда ФЕ с компонентами *Бог* и *черт* являются синонимами. Как мы уже заметили, причиной такой „аномалии“ стали мифологические представления народа, согласно которым с принятием христианства функции древних языческих славянских богов были перенесены на демонов. Глобальное значение данных ФЕ тождественно но, несмотря на тот факт, что и русские и сербские лексикографические источники упомянутые языковые единицы считают фразеологическими синонимами, (некоторые даже вариантами) надо иметь в виду, что

внутренняя форма фразеологизмов, в силу ярких компонентов *Бог* и *черт* все еще прозрачна и влияет на различную образность идиом, таким образом их нельзя считать абсолютными синонимами. А в этом легко убедиться контекстуальной заменой. По причине различной коннотации и экспрессивности, ФЕ с компонентами *Бог* и *черт* не могут всегда заменить друг друга:

1. Приехал он тогда в деревню "*бог знает зачем*", по крайней мере сам мне так впоследствии выразился [Подросток: 2].

1. Он је тада дошао у село "*бог те пита због чега*", барем ми је сам касније тако рекао [Дечко I: 9].

2. В мелочах же, в каких-нибудь светских приемах, со мной *бог знает что* можно сделать, и я всегда проклиная в себе эту черту [Подросток: 17].

2. А у ситницама, помоћу смицалица убичајених у високом друштву, *бог зна шта* се са мношвом може урадити, и увек проклињем ту своју особину [Дечко I: 35].

3. – И совсем не придет?

– А *бог их ведает* [Подросток: 319].

3. – И никакo неће доћи?

– А *бог би га знао* [Дечко II: 248].

1. – Cher, cher enfant! – восклицал он, целуя меня и обнимая (признаюсь, я сам было заплакал *черт знает с чего*, хоть мигом воздержался, и даже теперь, как пишу, у меня краска в лице), – милый друг, ты мне теперь как родной [Подросток: 21].

1. – Cher, cher enfant! – клицао је он љубећи ме и грлећи (признајем и сам сам хтео да заплачем, *ђаво ће га знати због чега*, мада сам се одмах уздржавао [Дечко I: 45].

2. Я уже догнал их, но остановился на секунду перед швейцаром и сунул ему в руку три полуимпериаля, *черт знает зачем* [Подросток: 187].

2. Скоро сам их био стигао, али стадох на тренутак са вратаром и тутнух му у руку три полуимпериаља, *ђаво би га знао зашто* [Дечко I: 353].

3. – И *черт знает, что* вам вздумалось отдавать? – повернулся он вдруг ко мне с страшным вызовом в лице [Подросток: 188].

3. – И *ђаво ће знати што* вам је пало на памет да ми враћате новац? – окрену с наједном према мени са страшном изазовним изразом на лицу [Дечко I: 355].

3.1. Из приведенных примеров мы видим, что сербские ФЕ с компонентами *ђаво/враг* являются относительными синонимами ФЕ с компонентом *Бог*, в то время как ФЕ, в которых глагольный компонент выражения – 3. л. ед.ч. презенса глагола *знати* варьируется с формами сослагательного наклонения *би знао* или будущего времени *ће знати* надо считать морфологическими вариантами. Любопытно, что морфологические варианты чаще всего характерны для ФЕ с компонентом *ђаво/враг*, (хотя в словарях фиксируются и ФЕ с компонентом *Бог* и формами сослагательного наклонения *би га знао*).

3.2. Сопоставительный контекстуальный анализ примеров функционирования ФЕ данной структурно-семантической модели приводит к выводу, что исходной формой, послужившей для образования остальных ФЕ, в русском языке является идиома *Бог весть, Бог знает* т.е. *бог зна* в сербском языке. На основании варьирования данной ФЕ в сербском языке возникли лексические варианты с согласованными определениями *сами (Бог), један (Бог), свети (Бог)*. В русском языке варьируется и компонент *Бог* – *Господь (знает)* и *Аллах (знает)*, в то время как в сербском нет таких замен именного компонента. Для упомянутых ФЕ общим является высокая степень экспрессивности и эмоциональности. Почти все фразеологизмы используются в разговорном языке. Судя по всему, выражение появилось в диалоге как ответ на вопрос, на который участник коммуникативного акта не знает ответа. Такую трактовку нам подсказывает семантическая интерпретация выражения, приведенная В. И. Далем в его словаре: *Бог весть, Бог знает* – я не знаю [Даль 1994: 257]. По нашему мнению, процесс фразеологизации происходил таким образом: я не знаю → *кто* знает → *никто* не знает → (один) *бог* знает. В сербском языке оборот получил инновации с вариантами *бога питај* → *бог те пита*. Интересно, что у структурно-семантической модели ФЕ с демонимом нет вариантов глагольного компонента ни в русском, ни в сербском языке **черт весть/ведает*, **ђавола/врага питај*, **ђаво/враг те пита*. Это может быть еще одним косвенным доказательством его позднего возникновения.

Литература и источники

Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. *Словарь русской фразеологии*. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998.

- БТС 2004: *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2004.
- Даль 1994 I: В. И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. – М., 1994.
- Меликян 2001: В. Ю. Меликян. *Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты речи*. Москва, 2001.
- Matešić 1982: Josip Matešić. *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb, 1982.
- Menac 1979: Antica Menac. *Rusko hrvatski ili srpski frazeološki rječnik*. U redakciji A. Menac. Zagreb, 1979.
- Мокиенко 1999. В. М. Мокиенко. *Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии*. Санкт-Петербург, 1999.
- Жуков 2003: А. В. Жуков. *Лексико-фразеологический словарь русского языка: Более 1400 фразеологизмов*. Москва, 2003.
- Пејановић 2010: Ана Пејановић. *Фразеологија Горског вијенца: фразеолошки жанрови, културни концепти, руски преводи*. Подгорица, 2010.
- Пејановић 2012: Ана Пејановић. *Фразеолошке јединице као мотиватор у творбеном процесу*. Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд, 2012, с. 689–700.
- Тихонов 2004: *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*. Под ред. проф. А. Н. Тихонова. Сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание. Москва, 2004.
- Чајкановић 1994 V: Веселин Чајкановић. *Стара српска религија и митологија*. Рукопис приредио Војислав Ђурић. Београд, 1994. (Сабрана дела из српске религије и митологије Књ. пет).
- Федоров 1997 I–II: *Фразеологический словарь русского литературного языка: В двух томах*. Составитель А. И. Федоров. Москва, 1997.
- Яранцев 1981: Р. И. Яранцев. *Словарь-справочник по русской фразеологии: Ок. 800 фразеологизмов*. Москва, 1981.

Научное издание

**КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ФРАЗЕОЛОГИИ СО СМЕЖНЫМИ ДИСЦИПЛИНАМИ**

Сборник научных трудов
по итогам 3-й Международной научной конференции
(Белгород, 19-21 марта 2013 года)

Компьютерная верстка *Н.А. Гапоненко*
Обложка *П.Ю. Куриленко*

Подписано в печать 11.03.2013. Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia. Усл. п.л. 60,45. Тираж 120 экз. Заказ 94
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85